Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XXVII

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XXVII

Симферополь
Simferopol
2022

УДК 908(477.75)
ББК 28.89(2Рос-6Кры)
М 34

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 5 от 12.10.2022 г.)

Редакция:
Айбабин А. И., ответственный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Вып. XXVII. — Симферополь: Соло-Рич, 2022. — 752 с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2022
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2022
© Авторы, текст, 2022

ISSN 2413-189X

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал
Основан в 1990 году
Выходит один раз в год
Сайт журнала: http://maiet.cfuv.ru

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография (исторические науки).

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А.Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В.Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Степаненко В.П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И.В., член-корреспондент РАН, д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э.А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical
Publishes from 1990
One volume a year
English version of Website: http://maiet.cfuv.ru/en/
Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.
The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:
Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)
Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)
Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)
Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)
Khrapunov Igor', DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)
Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)
Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).
Tunkina Irina, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).
Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).
Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.5-25

ГАЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ТЕРРАС ГОРЫ ЭЧКИДАГ В КРЫМУ: ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Николай Николаевич Блага
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
sasha_w@list.ru
Михаил Геннадиевич Жилин
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
mizhilin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3891-2959
Владимир Леонидович Руев
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
vl.ruev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5394-6973

Аннотация. Начиная с середины 70-х гг. XX в. на территории южного берега Крыма был обнаружен ряд местонахождений с галечными орудиями архаичного облика. Главная особенность всех местонахождений – отсутствие культурного слоя. На основании датировок древних морских террас и использования сравнительно-типологического метода, исследователи датировали находки галечных орудий в пределах олдувана – нижнего ашеля. В результате проведенных комплексных археологических и геоморфологических исследований в 2019 г. на южных склонах горы Эчкидаг было установлено, что верхняя часть толщи делювиальных шлейфов террас и их поверхность имеет более молодой возраст, вплоть до современного, а археологический материал, находящийся на поверхности, не может быть датирован исходя только из его положения на том или ином высотном уровне эчкидагских террас. Кроме того, были обнаружены культурные слои на стоянке Эчкидаг 6 с галечными и кремневыми орудиями, а также лепной керамикой. Было установлено, что галечные орудия использовались в пределах неолита – бронзового века.

Ключевые слова: Крым, Эчкидаг, галечные орудия, олдован, ашель, неолит, бронзовый век, морские террасы

PEBBLE TOOLS FROM THE TERRACES OF ECHKIDAG MOUNTAIN IN THE CRIMEA: THE GEOMORPHOLOGICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXTS

Nikolai N. Blaga
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
sasha_w@list.ru

© Блага Н.Н., Жилин М.Г., Руев В.Л., 2022

Mikhail G. Zhilin
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mizhilin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3891-2959
Vladimir L. Ruev
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
vl.ruev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5394-6973

Abstract. From the mid-1970s on, several findspots supplying archaic pebble tools were discovered in the southern coast of the Crimea. The main feature of all the sites is the absence of cultural layer. According to the dating of ancient sea terraces and the results of comparative typological method, the researchers have dated the said finds of pebble tools from the Oldowan and the Lower Acheulean Periods. The 2019 comprehensive archaeological and geomorphological researches in the southern slopes of Echkidag mountain uncovered that the upper part of the diluvial aprons of the terraces and their surface were younger, with some dating to the modernity, and therefore surface finds cannot be dated according to the positions on this or that level of Echkidag terraces. Moreover, the finds include cultural layers at the site Echkidag 6 containing pebble and flint tools, and hand-made ware. It has been discovered that the pebble tools date from the Neolithic and Bronze Age.

Keywords: Crimea, Echkidag, pebble tools, Oldowan, Acheulean, Neolithic, Bronze Age, sea terraces

Введение. На южном склоне горы Эчкидаг на территории городских округов Феодосия и Судак Республики Крым в 1976–1984 гг. археологом А. А. Щепинским и геоморфологом А. А. Клюкиным было открыто несколько пунктов с находками каменного века. Часть местонахождений датирована ими ранним палеолитом и отнесена к особой «эчкидагской галечной культуре»[1] [13, с. 253–261; 20, с. 104–107]. Отметим, что все сделанные исследователями находки галечных орудий (чопперы, чоппинги, проторубила, протоскребла, острия) на Эчкидаге находились на поверхности второй, третьей и четвертой террас и представляли собой подъемный материал. *«Большинство местонахождений и наиболее выразительные из них находятся на поверхности четвертой (манджильской) ранне- или среднеплейстоценовой террасы приморского склона Эчкидага. На каждом из трех еще не распаханных участков обнаружено несколько пунктов с каменным инвентарем. В пролювиальных отложениях он не найден, несмотря на тщательные поиски, а в почвенном покрове не образует культурного слоя»*, – отмечали А. А. Щепинский и А. А. Клюкин [20, с. 104–105]. Датировку орудий авторы осуществили на основании аналогий находок и хронологии так называемых континентальных (в том числе и эчкидагских) террас, разработанной Н. И. Андрусовым, М. В. Муратовым и др.: *«О значительной древности эчкидагских памятников свидетельствуют следующие факты: в инвентаре стоянок доминируют галечные орудия (99%) и стоянки приурочены к достаточно древним элементам рельефа. Более определенно датировать стоянки с помощью традиционных методов пока невозможно»* [20, с. 106]. При этом А. А. Щепинский

[1] После смерти А. А. Щепинского в 1997 г. большая часть его коллекции, хранившейся в Народном музее археологии Крыма (г. Симферополь, ул. Гавена, 101), оказалась утраченной.

и А. А. Клюкин отмечали, что *«чопперы и чоппинги известны на археологических стоянках большого хронологического диапазона: от раннего палеолита до мезолита включительно».* Тем не менее, на представленных выше основаниях авторами была выделена «эчкидагская галечная культура», которая не только прочно закрепилась в общем понимании контекста археологии и истории Крыма, но и давала возможность для рассуждений о миграциях древнейших предков человека через территорию Крыма [17, с. 155; 18, с. 19].

Обнаружение в 1993 г. С. М. Жуком Артекского местонахождения галечных орудий в районе п. Гурзуф и с. Краснокаменка (Ялта) усилило тезис о пребывании в Крыму древнейших предков человека. Сразу отметим, что и в этом месте культурный слой отсутствовал. Далее археолог пошел по отработанному пути: поиск морских террас и аналогий для датировки полученного материала. *«В рельефе этого участка местности как будто прослеживаются остатки древней морской террасы. Археологический материал, судя по его распространению на современной дневной поверхности, переотложен. Однако его совместное нахождение со значительным количеством морской гальки может свидетельствовать о его первоначальном залегании в галечниках или в самых низах континентальных отложений высокой террасы. Судя по высоте над современным уровнем моря, эта терраса предположительно может быть связана с чаудинской (гюнц-миндель?) трансгрессией Черного моря. Очевидно, возраст памятника несколько моложе времени образования террасы… С технико-типологической точки зрения находки предварительно могут быть отнесены к позднему олдуваю»*, – отмечал С. М. Жук [9, с. 102–103]. В следующей публикации автор отмечал, что находки галечных орудий приурочены к древним морским террасам предположительно раннеплейстоценового времени [10, с. 100–101]. Подобные находки были обнаружены С. М. Жуком и на Гаспринском местонахождении (п. Гаспра, Ялта). Высказанные гипотезы и предположения исследователя со временем стали еще одним «доказательством» непреложной истины древнейшего заселения будущего Крымского полуострова. В. Н. Степанчук включил местонахождение в Гаспре в число пяти наиболее древних памятников на территории Украины. Он отмечал, что с технико-типологической точки зрения, материалы Гаспры следует отнести к развитым олдувайским традициям. Комплекс находок из Гаспры находит аналогии в местонахождениях Артек, Ай-Петри, Эчкидаг [14, с. 83].

Таким образом, к началу XXI столетия сложилась концепция галечной культуры Крыма олдованского времени, основанная на датировке морских террас и авторских интерпретациях переотложенного подъемного материала. Культурный слой с галечными орудиями так и не был найден.

С 2014 г. начался новый этап изучения галечных орудий Эчкидага. В этом году изделия из галек были собраны на Эчкидаге А. Л. Чепалыгой [18, с. 5–22] в пределах останца, имеющего местное название «Сковорода», «Стол» или «Черепаха», где ранее подобные изделия собирали А. А. Щепинский и А. А. Клюкин [4].

А. Л. Чепалыга назвал этот пункт новой многослойной олдованской стоянкой Эчки-1 [18, с. 6]. К сожалению, в публикации отсутствуют чертежи, фотографии и описание этого разреза, указаны только координаты и отмечено, что «общая мощность террасовых отложений – 17 м. Первый культуросодержащий слой (КС-1) залегает на глубине 0,5–3,0 м» [18, с. 18]. Приведено описание и рисунки нескольких изделий из галек [18, с. 16], которые, судя по рисункам, можно датировать в очень широких хронологических рамках. О других культуросодержащих слоях этой стоянки, как и об остальных пунктах на Эчкидаге в данной статье сведений нет. В последующей публикации было отмечено, что *«в стенах береговых обрывов, бортах оврагов и в осыпях под ними артефакты не обнаружены»* [2, с. 34].

Н. К. Анисюткин и С. А. Кулаков отмечали, что стратифицированные комплексы раннего палеолита, открытые и частично изученные в Крыму российскими исследователями в 2014–2017 гг., имеют эоплейстоценовый и, как полагает С. А. Кулаков, раннеплейстоценовый возраст. По мнению археологов, это заключение основано, прежде всего, на данных геоморфологии террас [2, с. 66].

Учитывая наработки исследователей предшествующих лет, в 2019 г. в рамках междисциплинарной экспедиции Института археологии РАН и Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского новые научные исследования были посвящены детальному изучению геоморфологических процессов на южных приморских террасах горы Эчкидаг и выявлению культурных слоев с галечными орудиями[2].

Террасы Эчкидага: геоморфологический аспект

Горный массив Эчкидаг является составной частью Главной гряды Крымских гор и находится в юго-восточной части полуострова. Главная гряда в данном районе представляет собой несколько почти параллельных цепей коротких хребтов, к наиболее южной из которых относится и Эчкидаг. Массив сложен известняками и песчано-глинистой толщей верхней и средней юры, имеет сложное тектоническое строение и длительную историю развития рельефа.

На его приморском склоне ярусно сменяются разные генетические типы форм рельефа. Привершинные участки по направлению к морю переходят в стенки срыва обвалов и камнепадов, под которыми, в свою очередь, залегают коррелятные им мощные крупнообломочные гравитационные скопления. Часть этого материала ранее подвергалась оползневому смещению, а в настоящее время образует полосу стабильных оползней. В рельефе они отчетливо выделяются по характерным стенкам отрыва, субгоризонтальным площадкам оползневых террас и их уступам.

Ниже по склону сформировались наклонные террасовидные поверхности, сложенные толщей щебнистых суглинков и расчлененные сетью оврагов и промоин. Эти «террасы» широко распространены между Судаком и Феодосией и имеют более

[2] Экспедиции 2019 г. на южных склонах горы Эчкидаг предшествовала археологическая разведка, проведенная сотрудниками Института археологии РАН в 2018 г. В результате исследований М. Г. Жилина и К. Н. Гаврилова, на южном склоне Эчкидага удалось выявить и точно привязать 7 местонахождений орудий каменного века.

чем столетнюю историю изучения. Впервые они были исследованы Н. И. Андрусовым в окрестностях г. Судак [1]. По ряду признаков (состав отложений, распределение преобладающих уклонов и т.д.) автор однозначно указывал на их континентальное происхождение. Он связывал образование щебнистых суглинков террас с эпохами сухого климата, когда редкие, но сильные ливни размывали грубообломочные продукты механического выветривания и накапливали их в виде *«конусов и склонов намывания»*. Многие принципиальные положения, выдвинутые Н. И. Андрусовым, легли в основу последующих работ и являются актуальными до настоящего времени.

Признавая делювиально-пролювиальный генезис отложений континентальных террас, В. И. Бабак и М. В. Муратов связывали их с широкими ложбинами или долинами стока [6]. Н. С. Благоволин считал, что подгорные террасы Восточного Крыма по ряду признаков напоминают педименты[3] и созданы в процессе отступания склонов [5].

Длительное время изучал плоские наклонные уровни в районе Эчкидага и Карадага А. А. Клюкин [11; 12; 19]. Он считал их пролювиальными террасами, которые образовались между регрессивными фазами[4] в периоды отложения наносов в днищах и конусах выноса балок.

В 2014–2016 годах А. П. Чепалыгой проведена ревизия террасовой системы Судака. Была разработана новая концепция, в рамках которой автором выделен длинный ряд террас из 12 уровней, имеющих морское происхождение [16].

На всех этапах исследований проводилась тесная корреляция континентальных террас с морскими и речными. Первую террасу обычно датируют голоценом, вторую и третью (судакскую) – второй и первой половиной позднечетвертичной эпохи соответственно, четвертую (манджильскую) – среднечетвертичным временем, пятую (булганакскую) – раннечетвертичным временем.

В пределах горного массива Эчкидаг наиболее высоким денудационным уровнем[5] является четвертый манджильский. Выше по приморскому склону локально выражены небольшие субгоризонтальные и пологонаклонные поверхности, имеющие совершенно иной генезис и являющиеся площадками древних оползневых террас. Манджильский уровень наиболее выдержанный по простиранию, разделен отдельными флювиальными формами[6], а на участках разветвленных овражных систем, как правило, наклонен, понижен или полностью срезан. Третий «террасовый»

[3] Педимент – слабонаклонная поверхность, формирующаяся у подножия гор и возвышенностей в результате боковой денудации и отступания их склонов параллельно самим себе.

[4] Регрессирующие верховья оврагов – верхние участки форм, которые в процессе их эрозионной деятельности имеют тенденцию продвигаться своими вершинами вглубь водораздельных пространств.

[5] Денудация – совокупность процессов разрушения горных пород и переноса продуктов их разрушения экзогенными процессами в пониженные участки земной поверхности, где происходит их накопление. Термин «денудационный уровень» употребляется как синоним термина «поверхность выравнивания».

[6] Флювиальные формы – формы рельефа, созданные текучими водами.

уровень сохранился в виде отдельных небольших останцов. Педименты второго денудационного уровня распространены в основном в той части, где высокие террасы переработаны эрозионной сетью.

Участок второго «террасового» уровня, который являлся ключевым объектом исследования, примыкает к левому склону оврага Ветвистый в его нижнем течении. С северо-востока терраса ограничена коротким оврагом, одно из боковых верховий которого отделяет ее также от остальной части приморского склона. Глубина овражной седловины составляет 5–6 м, ширина – около 70 м. Поверхность террасы наклонена в сторону моря (2–6º), где обрывается уступом крутизной 25–28º, возвышающимся над уровнем первой морской террасы на 12–13 м.

С нагорной стороны уклон составляет 4–6º, а в средней части происходит заметное выполаживание продольного профиля до 2,5–3,0º. В нижней части данный показатель возрастает до 4–5º, а вблизи бровки на протяжении последних 55–65 м поверхность становится более пологой – 3–4º.

Поперечный профиль верхней части слабо (2º) наклонен на северо-восток, средней – субгоризонтальный (0–1º), нижней – пологовогнутый (0–1º). Подобное распределение преобладающих уклонов отражает формирование на поверхности второй «террасы» слабозаметного в рельефе понижения в виде широкой и очень пологой ложбины стока. Наибольший размыв континентальных отложений и снижение поверхности произошло, при этом, в средней части.

Расчлененность педимента оврагами с сохранившимися в рельефе пролювиальными террасами позволяет провести их возрастную корреляцию. С юго-запада в пределах оврага Ветвистый выражена пойма, а на высоте около 4 м над тальвегом сформировалась широкая первая пролювиальная терраса. Поверхность выравнивания[7] находится на высоте 15 м, занимает водораздельное пространство и является вторым террасовидным денудационным уровнем.

Первая пролювиальная терраса отчетливо выражена и с северо-восточной стороны в коротком овраге. Ее превышение над тальвегом также составляет около 4 м, ширина колеблется от 4 до 6 м. Площадка террасы является пологонаклонной, преимущественно двусторонней и прослеживается на всем протяжении флювиальной формы.

Педимент находится на высоте 9–12 м над днищем оврага и образует второй террасовидный уровень. На противоположном склоне оврага примерно на такой же высоте находится площадка второй пролювиальной террасы. Вторым гипсометрическим уровнем межовражное пространство является и по отношению к первой морской террасе бухты Лисья. Образовалась вторая терраса, по данным А. А. Клюкина [13], в позднечетвертичную эпоху и связана с сурожской трансгрессией, которая наступила после первой стадии валдайского оледенения.

Первоначальным условием для развития педиментов Восточного Крыма, по мнению Н. С. Благоволина [2], было образование достаточно высоких и крутых

[7] Поверхность выравнивания – термин употребляется как синоним термина «педимент».

склонов при быстром углублении речных долин в эпохи регрессий Черного моря. Очевидно, что зарождение педиментов синхронно формированию террас, однако их выработка не ограничена периодом трансгрессий и покрывающие их отложения могут иметь различный возраст вплоть до современного. Накопление делювия прекращается обычно лишь при близком расположении соседних врезанных оврагов и отчленении педимента от склона их регрессирующими верховьями.

В подобных случаях нарушается целостность типичного для делювиальных шлейфов распределения преобладающих уклонов. Верхние участки с постепенно снижающейся крутизной 15–10º оказываются полностью или частично выработанными флювиальными формами, а нижние с наклонами менее 10º сохраняются в виде останцовых массивов. Для них как раз и характерно «делювиальное» распределение уклонов продольного профиля. У протяженных делювиальных шлейфов нижняя пологая часть, как правило, обладает относительно малым градиентом снижения крутизны, что придает обособленным наклонным поверхностям столообразный вид. В нашем случае, в пределах второй «террасы» происходит постепенное уменьшение уклонов с 6º до 3º, на которое наложились изменения, связанные с формированием седловины и ложбины стока.

Регрессивная эрозия отделяет педимент постепенно и на определенном этапе склоновый сток осуществляется только по узкому перешейку. Отложения накапливаются преимущественно с одной стороны или фациально замещаются осадками ответвляющихся мелких потоков. В первом случае возникает перекос поперечного профиля, во втором – более грубозернистый состав зоны, примыкающей к перешейку.

Отложения, покрывающие педименты, представлены континентальной слоистой толщей чередующихся суглинков (щебнисто-дресвяных или с небольшим количеством щебня и дресвы) и суглинистых щебнисто-дресвяных горизонтов. Они состоят из обломков местных пород – средне- и верхнеюрских известняков, песчаников, реже конгломератов.

В любом из разрезов обломки известняка угловаты, у песчаника угловатость несколько сглажена и создается ложное впечатление их слабой окатанности и пролювиального генезиса. Песчаники более податливые и, кроме того, изначально разрушаются по гладким поверхностям напластования, а «пролювиальный» облик многие из них имеют еще в области сноса.

На доступных для наблюдения участках протяженностью от нескольких метров до нескольких десятков метров слои выдержаны по простиранию, а линзовидность не характерна или выражена слабо.

В пределах исследуемого участка второй террасы шурфами и зачистками вскрыты верхние слои рыхлых отложений. Подстилающим является крупнощебнисто-дресвяный слой с суглинками. Нередко отмечается сравнительно компактное сложение крупного плитчатого щебня. Осадки накопились или под действием сильного делювиального смыва, или, вероятнее всего, при усилении процессов массового медленного смещения обломочного чехла.

Переход к вышележащему слою почти чистых суглинков отражает коренное изменение условий осадконакопления от влажных или холодно-влажных к засушливым. Данный слой вскрыт во всех шурфах и зачистках, где отчетливо идентифицируется по более светлой окраске, тонкозернистому составу, комковатой структуре, плотному сложению и карбонатным новообразованиям. Он прослеживается по всей длине педимента, что свидетельствует о его накоплении на поздних этапах выработки поверхности выравнивания.

Содержащиеся в отложениях массивные и тяжелые каменные орудия из вулканитов не могли быть смыты и отлагаться в гидродинамических условиях накопления суглинистого слоя. Кроме того, керамический материал, раковины моллюсков и угольки залегают, как правило, компактно, а не рассредоточено, как при переотложении. К тому же, при переотложении такие хрупкие материалы не сохраняются.

Щебнисто-дресвяные суглинки верхнего слоя являются типичными отложениями делювиальных потоков. Они неоднородны по составу и мощности, что связано с особенностями развития системы «склон–педимент». При эрозионном отчленении поверхности выравнивания обломочный материал поступал все меньше, а на этапе неполного отделения он отлагался лишь локально в зоне, примыкающей к перешейку. «Островок» этих наиболее поздних осадков увеличил крутизну продольного профиля и создал перекос поперечного.

В последующем, поверхность покрывающего педимент делювиального шлейфа подверглась размыву. Его более высокая нагорная часть служила водосбором, а наибольший размыв при этом произошел в средней части, где возникла пологая депрессия. Нижняя приморская полоса смыта слабо из-за низких уклонов.

Соответственно, у седловины мощность щебнисто-дресвяных суглинков верхнего слоя составляет 1,2 м, в области понижения они в основном выработаны (5–7 см), а в приморской полосе сохранились на 0,25–0,45 м.

Механический состав верхнего слоя указывает на возможность переотложения и вмещающего археологического материала, в том числе и находящегося на его поверхности.

Полученный нами фактический материал показывает, что возникновение ярусной системы наклонных террасовидных уровней на приморском склоне массива Эчкидаг происходило следующим образом. В конце регрессивных фаз уровень развития оврагов стабилизировался и становился, тем самым, новым местным базисом денудации. Там, где эрозионная сеть, разветвляясь, выработала и подрезала нижнюю часть высокой поверхности выравнивания, в ней с подгорной стороны образовались склоны. Под действием экзогенных процессов склоны отступали, постепенно срезая боковые поверхности высокой террасы и сокращая ее по площади.

Так заложился новый цикл выработки более низкой и молодой поверхности выравнивания. Безусловно, ее зарождение синхронно началу формирования морских и речных террас соответствующего возраста. На этом сходство и ограничивается, поскольку склоново-денудационная система развивается по своим законам. Она динамична, пока существует склон с преобладанием процессов сноса над аккумуляцией,

в то время как накопление отложений террас прекращается после очередной смены трансгрессивной фазы на регрессивную.

Проведенные геоморфологические исследования «террас» Эчкидага приводят к следующим выводам:

1. В настоящее время нельзя согласиться с позицией А. А. Клюкина и А. А. Щепинского, что ярусные наклонные поверхности Эчкидага соответствуют четвертой, третьей и второй террасам. Высокие уровни обладают более широким по возрасту разрезом отложений, чем низкие, но верхние слои всех террас синхронны.

2. Датируемой системе морских и речных террас по возрасту соответствуют ярусные педименты (поверхности выравнивания) Эчкидага и определенная часть нижней толщи покрывающих их делювиальных отложений.

3. Верхняя часть толщи делювиальных шлейфов и их поверхность имеет более молодой возраст, вплоть до современного.

4. Археологический материал, находящийся на поверхности, не может быть датирован исходя только из его положения на том или ином высотном уровне эчкидагских террас.

Археологический контекст находок галечных орудий на террасах Эчкидага

В рамках археологической части междисциплинарных исследований в районе местонахождений каменных изделий на южном склоне хребта Эчкидаг, расположенных на четвертой по А. А. Клюкину террасе или VIII Манджильской 100-метровой террасе по А. Л. Чепалыге, были тщательно осмотрены имеющиеся многочисленные обрывы и обнажения. Стратиграфия во всех обследованных пунктах сходная: 1) современный дёрн мощностью 2–5 см; 2) серовато-коричневый щебнистый суглинок мощностью 30–40 см; 3) желто-бурые щебнистые суглинки с большим или меньшим количеством крупных остроугольных обломков известняка (четвертичные отложения) – мощность 5 м и более; 4) юрские глины до современного уровня моря и ниже.

На поверхности и в слое 2 встречены отщепы из галек вулканических пород, не встречающихся в отложениях южного склона Эчкидага. Они, наиболее вероятно, были подобраны человеком на пляже, куда они были принесены морскими течениями с Карадага. С поверхности нами были также собраны отщепы и единичные орудия из кремня, ближайшие выходы которого находятся от данных местонахождений на расстоянии около 20 км по прямой. На поверхности обследованных местонахождений встречаются как галечные изделия архаичного облика, так и более поздние предметы от мезолита до эпохи бронзы, вплоть до современных. А. А. Щепинский и А. А. Клюкин подчеркивали, что несмотря на тщательный осмотр всех обнажений и целенаправленный поиск палеолитических слоев в течение 1976–1984 гг., обнаружить эти слои на Эчкидаге не удалось [20, с. 104–105]. Наши наблюдения подтвердили отсутствие палеолитических культурных слоев на обследованных высоких террасах южного склона Эчкидага.

С целью поиска культурных слоев каменного века, нами были тщательно обследованы более низкие террасы, где в 2018 г. были выявлены стоянки Эчкидаг 1 и 6 [5; 6]. Стоянка Эчкидаг 6 находится в 2,3 км к западу-юго-западу от юго-западной окраины пос. Курортное (Феодосия). Располагается на юго-восточном мысу останца второй террасы правого берега безымянной балки между оврагами Ветвистый и Чалкинский, прямо над пляжем и грунтовой дорогой. Высота 13–25 м над уровнем моря. Поверхность частично задернована, частично выбита скотом, нарушена тропой и грунтовой дорогой. Подъемный материал собран на площади 180х100 м на площадке мыса и на склонах террасы. С поверхности стоянки собрано значительное количество отщепов вулканитов, меньше отщепов кремня, два обломка кремневых пластин, долотовидное орудие на отщепе кремня, два чоппера из галек вулканитов, пикообразное орудие из гальки вулканита, скребок из расколотой гальки и две расколотые гальки с ретушью. Коллекцию дополняет массивная заготовка рубящего орудия из гальки вулканита, оббитая по краям, обушок затуплен ударной ретушью, лезвие не обработано. Эта заготовка залегала в верхней части слоя 2, и только небольшая её часть была видна на поверхности.

Четыре зачистки в южной части останца дали сходную стратиграфию. Наиболее показательна зачистка № 4 в верховьях овражка, прорезающего центральную часть стоянки, на его левом крае в месте находок в осыпи отщепов кремня без патины, раковин мидий и устриц и фрагментов лепной керамики эпохи бронзы. Стратиграфия зачистки: 1) дерн мощностью 3 см; 2) суглинок серо-коричневый щебнистый мощностью 18 см; 3) суглинок светло-коричневый карбонатный, мощностью 45 см, в 30 см от его верха тонкая (5 см) прослойка щебня; 4) суглинок светло-серый карбонатный комковатый мощностью 14 см, на его кровле тонкая (1 см) золистая прослойка с мелкими угольками – горизонт пожара, в средней части слоя 4 на глубине 80 см от дерна тонкая (1–3 см) прослойка щебня; 5) суглинок плотный, темно-коричневый, комковатый, гумусированный, карбонатный мощностью 28 см; 6) щебень – более 30 см.

В слое 3, на верхней прослойке щебня встречены фрагменты раковин мидий. В слое 5, преимущественно в его верхней половине найдены угольки, мелкие фрагменты лепной керамики плохого обжига, двуслойные черно-красные в изломе (рис. 6,*2-1*), мелкие обломки костей, два отщепа кремня, обломки раковин мидий и две раковины мелких сухопутных моллюсков типа катушек. В нижней части слоя 5 найден двусторонний чоппер из гальки вулканита. Слои 1–3 представлены и в остальных зачистках.

В нижней части слоя 2 зачистки 1 найден отщеп, сколотый с гальки вулканита. В 10 см ниже верха слоя 3 горизонтально в 2 яруса лежала часть развала лепного сосуда без орнамента, вероятно, эпохи бронзы. В нижней части слоя 3 встречались мелкие угольки.

В нижней части слоя 2 зачистки 2 найдена расколотая галька вулканита. В 10 см ниже верха слоя 3 встречена расколотая галька вулканита, оббитая по периметру, её нижняя часть покрыта известковой коркой. В нижней части слоя 3 встречались мелкие угольки.

Сразу под дёрном в верхней части слоя 2 зачистки 3 найдено 8 отщепов, сколотых с галек вулканитов; в слое 2 отщеп кремня и два мелких фрагмента лепной керамики. В верхней части слоя 3 выше прослойки щебня отщеп кремня, галька вулканита и мелкий фрагмент лепной керамики. В слое 4 угольки, мелкие фрагменты лепной керамики и отщеп вулканита. Этот слой соответствует слою 5 зачистки 4.

Исходя из стратиграфии зачисток, можно констатировать наличие на стоянке, по крайней мере, двух культурных слоев. Нижний культурный слой залегает в тёмно-коричневом суглинке на щебне в основании зачисток, который, наиболее вероятно, является погребённой почвой. Наиболее чётко этот слой выражен в зачистке 4. От верхнего культурного слоя он отделяется стерильной прослойкой суглинка (в двух случаях с тонкой прослойкой щебня) мощностью 20–30 см. Фрагменты керамики из этого слоя, судя по цвету, фактуре и обжигу, вероятно, относятся к неолиту. Верхний культурный слой залегает в верхней части слоя 2, но не в самом его верху. Керамика из зачистки 1 позволяет относить его к эпохе бронзы. Эти культурные слои и вмещающие их отложения залегают *in situ* и отражают два этапа заселения стоянки Эчкидаг 6. Примечательно, что в обоих культурных слоях вместе с керамикой встречены галечные изделия нижнепалеолитического облика, указывающие на существование архаичной галечной индустрии в неолите и бронзовом веке.

Работы были также проведены на местонахождении Эчкидаг 1, расположенном в 100 м к северо-северо-востоку от стоянки Эчкидаг 6, в северной части того же останца второй террасы, высота 26–30 м над уровнем моря. Поверхность частично задернована, частично выбита скотом. Площадь 120х30–40 м. Шурф размером 1х2 м заложен в центральной части скопления подъёмного материала. Стратиграфия его сходна со стратиграфией зачисток на Эчкидаге 6: 1) дерн мощностью 2 см; 2) суглинок серо-коричневый щебнистый мощностью 15–20 см; 3) суглинок светло-коричневый карбонатный, мощностью 50 см, в 30 см от его верха тонкая (5 см) прослойка щебня; 4) суглинок плотный, темно-коричневый, комковатый, гумусированный, карбонатный мощностью 20 см; 5) щебень – более 50 см.

В слое 2 найден отщеп кремня, дорсальная поверхность патинирована. В 10 см от верха слоя 3 встречен мелкий фрагмент лепной керамики. В слое 4 попадались мелкие угольки.

На северном конце останца, в 140 м к северо-северо-востоку от шурфа сделана зачистка обрыва левого края оврага в наиболее высокой точке останца близ подошвы склона высокой террасы. Здесь в подъёмном материале встречены отщепы кремня без патины, мелкие фрагменты лепной керамики, аналогичной найденной в верхнем культурном слое Эчкидага 6, и фрагменты раковин мидий и Helix. Стратиграфия сходна со стратиграфией описанного шурфа и зачисток на Эчкидаге 6: 1) дерн мощностью 10 см; 2) суглинок серо-коричневый щебнистый мощностью 80 см; 3) суглинок светло-серый, мощностью 30 см; 4) суглинок темно-коричневый, комковатый, гумусированный, карбонатный мощностью 12 см; 5) щебень

– более 20 см,ниже прослойки щебнистого суглинка и щебня с обломками известняка, мощность более 5 м; 6) юрская глина.

В слое 4 найдено большое количество раковин Helix и мелкий сегмент из кремневой пластины (рис. 6,*4*).

Здесь также можно выделить два культурных слоя, залегающих в тех же литологических слоях. Нижний слой залегает в слое 4 зачистки и шурфа, лучше выражен в зачистке. Находка мелкого сегмента и большого количества раковин Helix позволяет датировать его поздним мезолитом – неолитом. Верхний культурный слой представлен в шурфе в верхней части слоя 3, к нему, вероятно, относится керамика и отщепы, найденные в районе зачистки. Этот слой, вероятно, относится к эпохе бронзы. В слое 2 в шурфе встречен отщеп. В месте, где слой 2 обнажен в результате выпаса скота, на поверхности найдены отщепы кремня и вулканитов, пластина неправильной огранки и два долотовидных орудия из кремня. В 2018 г. здесь же была найдена заготовка наконечника со сплошной бифациальной обработкой, нуклеусы и отщепы кремня и вулканитов [5; 6].

Проведенные археологические исследования на южном склоне Эчкидага позволяют сделать следующие выводы.

1. Изделия из галек архаичного облика (т.н. «галечной культуры») местонахождений Эчкидаг 2–5, расположенных на четвертой по А. А. Клюкину террасе или VIII Манджильской 100-метровой террасе по А. Л. Чепалыге, лежат на поверхности и в современной почве вместе с изделиями поздних эпох. Время формирования вмещающих артефакты отложений не известно. Геологических или археологических оснований для их датировки нет.

2. В культурных слоях стоянок Эчкидаг 1 и 6, расположенных на 2-й террасе, изделия из галек архаичного облика (т.н. «галечной культуры») залегают *in situ* в четко выраженных культурных слоях и сопровождаются на стоянке Эчкидаг 6 керамикой и кремневыми орудиями эпохи неолита или бронзового века. Типологически и технологически они сходны с галечными орудиями и отщепами нижнего палеолита.

3. Галечная индустрия на изученном участке не является культурным или хронологическим показателем, а отражает адаптацию древнего населения к имеющейся сырьевой базе. Отсутствие кремня и наличие большого количества гальки, пригодной для изготовления простых орудий ударного, режущего и скоблящего действия, определило длительное существование галечной индустрии архаичного облика на обследованном участке.

4. На сегодняшний момент нет оснований для выделения в Крыму памятников нижнего палеолита, сопоставимых с олдованом. Заселение Крыма в столь ранее время исключать нельзя, но для подтверждения этого необходимы поиски и раскопки памятников с культурными слоями, надёжно датированными методами естественных наук.

Заключение. Представленные в публикации выводы о датировке галечных орудий Эчкидага в пределах неолита – бронзового века имеют аналогии на других южнобережных памятниках Крыма. В первую очередь, речь идет о стоянке Ардич-бу-

рун (Ставра) на побережье Черного моря в районе с. Приветное (Алушта) в 41 км к юго-западу от эчкидагских памятников. Исследовавший этот памятник в 2006 г. С. А. Телиженко отмечал, что его специфической чертой является наличие во всех трех культурных слоях орудий из морской гальки (14 единиц) со следами расщепления, часть из которых использовалась в качестве отбойников или скребел [15, с. 299]. Все три слоя данной стоянки относятся к энеолиту. Радиоуглеродный анализ древесного угля из кострища в нижнем слое (слое В) позволил установить его возраст – 5830±60 радиоуглеродных лет назад (Vs-1740) [15, с. 308]. Его календарный возраст, рассчитанный в программе OxCal 4.4, кривая калибровки IntCal 20 (https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html), укладывается в интервал 4836–4541 лет до н.э. с вероятностью 95,4%. Аналогии сделанным находкам орудий из каменных галек С. А. Телиженко усматривал в находках с Артекского местонахождения, которое его первооткрыватель С. М. Жук считал раннепалеолитическим [15, с. 306].

В 2019 г. М. Г. Жилин в районе с. Миндальное (Судак) на морском побережье обнаружил поселение Миндальное 1, расположенное в 13 км к юго-западу от эчкидагских памятников. В обрыве обнажается культурный слой, в осыпи много расколотых костей крупного и мелкого рогатого скота, отщепов кремня, кварцита и вулканитов, фрагментов керамики с расчесами с внешней и внутренней стороны позднего бронзового века. Найдено два фрагмента многоваликовой керамики. Особый интерес представляют находки галечных орудий: двух односторонних чопперов, пиковидного орудия и расколотой гальки с ретушированной выемкой. Эти изделия архаичного облика аналогичны описанным выше находкам с Эчкидага 6. Во 2-м слое встречены расколотые кости, отщепы кремня, кварцита и вулканитов, единичная галька и фрагменты керамики позднего бронзового века. Детальный осмотр склонов и обрывов показал отсутствие находок в 3-м слое, весь обильный подъёмный материал происходит из 2-го слоя и относится к позднему бронзовому веку [6].

Стратифицированные находки галечных орудий в слоях энеолита – эпохи бронзы на других памятниках Южного берега Крыма лишь подтверждают сделанные выводы об их позднем использовании на эчкидагских памятниках. Комплексное геоморфолого-археологическое изучение контекста галечных орудий Эчкидага позволяет обоснованно не согласиться с раннепалеолитической версией их происхождения, что, в свою очередь, делает не состоятельной концепцию о заселении Крыма в олдоване – раннем ашеле [19, с. 153, 157]. На сегодняшний день достоверные памятники столь раннего времени в Крыму не известны, но возможность их существования отрицать нельзя. Поиск и достоверное датирование памятников раннего палеолита остаются основной задачей исследования первоначального заселения Крыма.

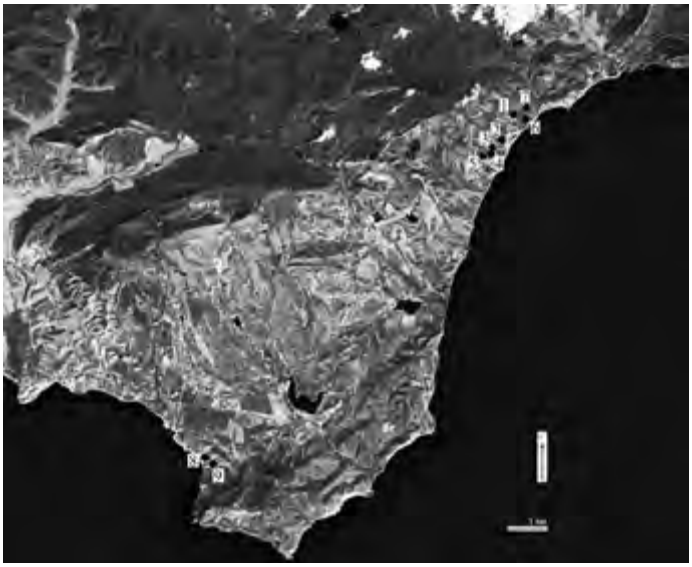


Рис. 1. Космоснимок района мыса Меганом и обследованные памятники: *1–7* – Эчкидаг 1–7; *8–9* – Миндальное 1 и 2. Основа из https://www.bing.com/maps. Памятники нанесены М. Г. Жилиным
Fig. 1. Satellite image of the area of Cape Meganom showing the sites under study: *1–7* – Echkidag 1–7; *8–9* – Mindal'noe 1 & 2. Based on: https://www.bing.com/maps. Sites mapped by M. G. Zhilin

Рис. 2. Космоснимок района работ на Эчкидаге со стоянками Эчкидаг 1, 2 и 6. Основа из https://www.bing.com/maps. Памятники нанесены М. Г. Жилиным
Fig. 2. Satellite image of the survey area at Echkidag with the sites Echkidag 1, 2, and 6. Based on: https://www.bing.com/maps. Sites mapped by M. G. Zhilin

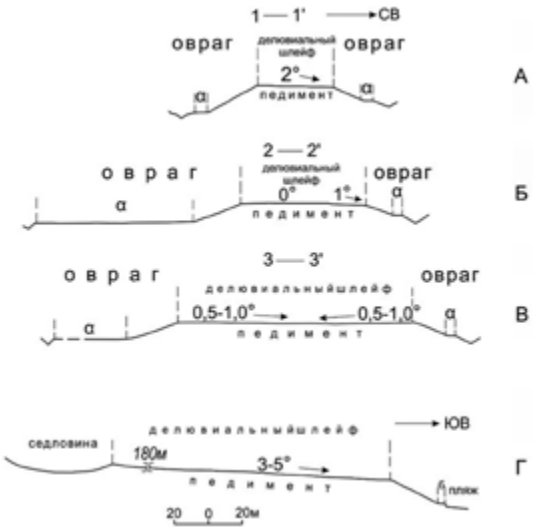


Рис. 3. Поперечные (А, Б, В) и продольный (Г) профили второй «террасы».
Условные обозначения: 2°→ значение и направление уклона поверхности; α ¬– пролювиальные террасы; δ – морская терраса

Fig. 3. Transverse (А, Б, В) and longitudinal (Г) profiles of the second “terrace”.
Symbols: 1 - 2°→ meaning and direction of the surface slope; α ¬– proluvial terraces; δ – marine terrace

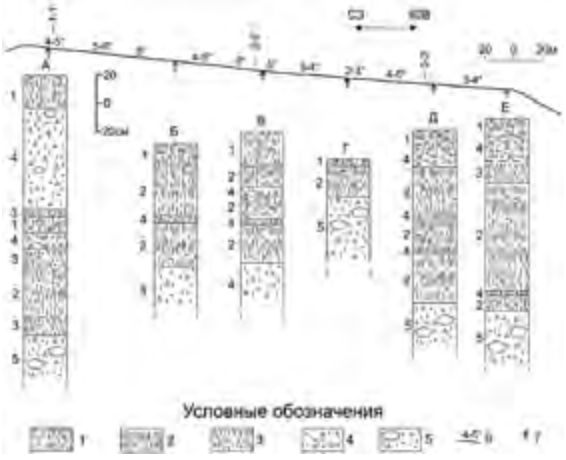


Рис. 4. Продольный профиль и разрезы верхней части отложений второй «террасы».
Условные обозначения: *1* – щебнистый суглинок, в верхнем слое гумусированный с дерном; *2* – суглинок; *3* – суглинок с щебнем и дресвой; *4* – суглинистый щебень и дресва; *5* – суглинистый крупный щебень и дресва, иногда с мелкими глыбами; *6* – продольный профиль второй «террасы» с указанием крутизны поверхности; *7* – участки заложения разрезов

Fig. 4. Longitudinal profile and cross-sections of the upper part of deposits of the second “terrace”.
Symbols: *1* – crushed stone loam, in the upper part with modern soil; *2* – loam; *3* – loam with crushed stone and dress; *4* – loamy crushed stone and dress; *5* – loamy large crushed stone and dress, sometimes with small blocks; *6* – longitudinal profile of the second terrace with indication of the surface steepness; *7* – places of soundings

Рис. 5. *1* **–** Стоянки Эчкидаг 1 и 6, вид с севера. *2* – Стоянка Эчкидаг 6, место зачистки № 4, вид с юга
Fig. 5. *1* – Sites Echkidag 1 and 6, viewed from the north; *2* – Site Echkidag 6, cleaning site no. 4, viewed from the south

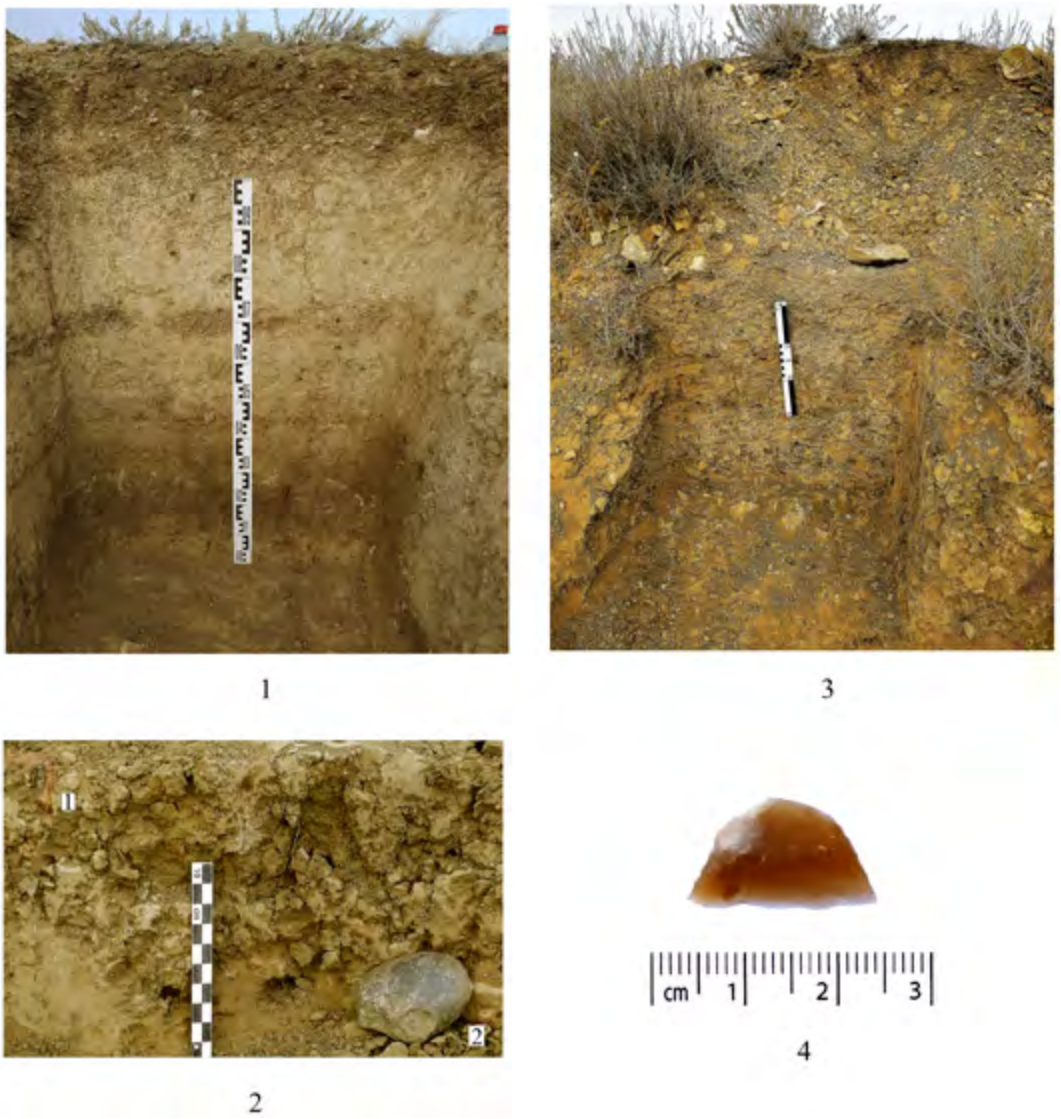


Рис. 6. Эчкидаг 6: *1* – профиль зачистки № 4; *2* – нижний культурный слой зачистки № 4: *1* – фрагмент керамики, *2* – чоппер.
Эчкидаг 1: *3* – профиль зачистки, *4* – сегмент из слоя 4 зачистки
Fig. 6. Echkidag 6: *1* – profile of cleaning no. 4; *2* – lowermost cultural layer of the cleaning site no. 4: *1* – pottery fragment, *2* – chopper.
Echkidag 1: *3* – profile of the cleaning site, *4* – segment from layer 4 of the cleaning site

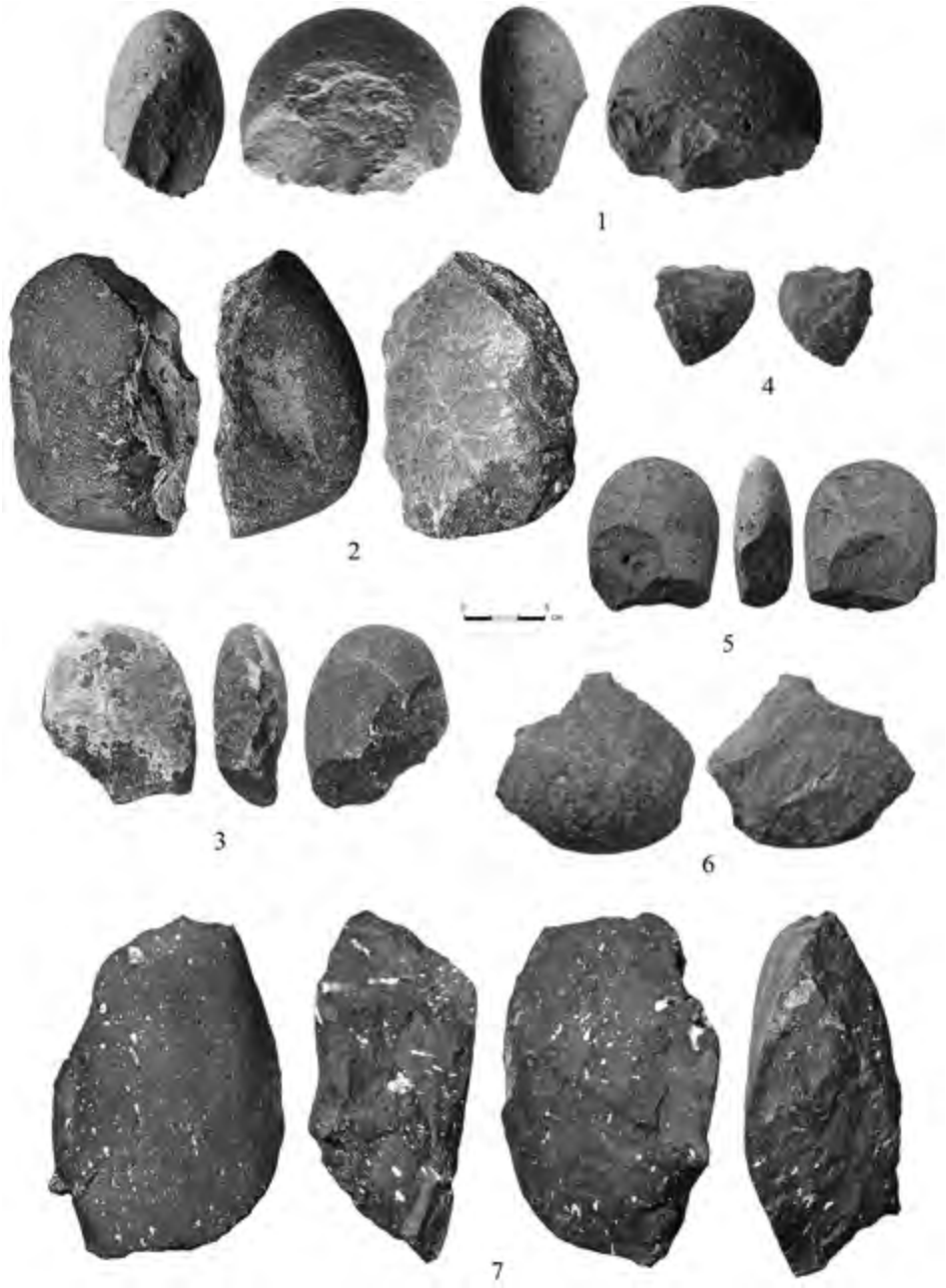


Рис. 7. Стоянка Эчкидаг 6, галечные орудия: *1, 3, 5* – чопперы; *2, 7* – оббитые заготовки; *4* – обломок скребла; *6* – пиковидное орудие. 1 – зачистка 2, слой 2; 2 – зачистка 2, слой 3; 3 – зачистка 4, слой 4; 4–7 – подъёмный материал

Fig. 7. Site Echkidag 6, pebble tools: *1, 3, 5* – choppers; *2, 7* – preforms; *4* – scraper fragment; *6* – pick-like tool. 1 – cleaning site 2, layer 2; 2 – cleaning site 2, layer 3; 3 – cleaning site 4, layer 4; 4–7 – surface finds

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрусов Н.И. Террасы окрестностей Судака // Записки Киевского общества естествоиспытелей. 1912. Т. 22. Вып. 2. С. 1–88.
2. Анисюткин Н.К., Кулаков С.А. Новые данные о раннем палеолите Крыма // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии): коллективная монография / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, С.А. Васильев, К.Н. Степанова. СПб., 2019. С. 56–68.
3. Анисюткин Н.К., Кулаков С.А., Чепалыга А.Л. Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г. // Археологические вести. СПб., 2018. № 24. С. 33–41.
4. Архив Института археологии Крыма РАН. Личный фонд А. А. Щепинского. Инв. № 47. Папка 50.
5. Благоволин Н.С. Горные страны Европейской части СССР и Кавказ. М., 1974. 360 с.
6. Геология СССР. Т. 8. Крым. Ч. 1. Геологическое описание. М., 1969. 576 с.
7. Жилин М.Г. Исследования палеолитических местонахождений на Эчкидаге в 2018 г. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 100–105.
8. Жилин М.Г., Руев В.Л. Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму в районе гор Эчкидаг и Меганом в 2019 г. // Русь – Европа – Причерноморье – Византия. Материалы Первого Всероссийского историко-археологического форума. Судак, 2021. С. 85–92.
9. Жук С.М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 102–111.
10. Жук С.М. Разведки и охранные раскопки на Южном берегу Крыма // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 100–101.
11. Клюкин А.А. Экзогеодинамика Крыма. Симферополь, 2007. 320 с.
12. Клюкин А.А., Корженевский В.В., Щепинский А.А. Эчки-Даг: Путеводитель. Симферополь, 1990. 128 с.
13. Природа Карадага. Киев, 1989. 286 с.
14. Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006. 463 с.
15. Теліженко С.А. Матеріали ранньоенеолітичної стоянки Ардич-Бурун (Ставра) південного узбережжя Криму // Археологический альманах. 2009. № 20. С. 297–308.
16. Чепалыга А.Л. Разработка новой концепции черноморских террас Юго-Восточного Крыма: геоморфология, стратиграфия, палеогеография // Геоморфологи: К юбилейному 35 Пленуму Геоморфологической комиссии РАН в Симферополе. Симферополь, 2016. Вып. 7. С. 85–100.
17. Чепалыга А.Л. Уникальная система черноморских террас Крыма: история Черного моря, древнейшие олдованские миграции и первичное заселение Европы // Добродеевские чтения–2017: I Международная научно-практическая конференция (12–13 октября 2017 г., г. Москва). М., 2017. С. 152–155.
18. Чепалыга А.Л., Анисюткин Н.К., Садчикова Т.А. Первые многослойные стоянки олдованской культуры в Крыму: геология, археология, палеоэкология // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2015. № 74. С. 5–22.
19. Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А., Анисюткин Н.К. Особенности строения и формирование эоплейстоценовой Манджильской террасы района Судака в Крыму со следами обитания древнего человека // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2019. № 77. С. 141–159.
20. Щепинский А.А., Клюкин А.А. Раннепалеолитическая «галечная культура» Крыма // КСИА. 1992. № 206. С. 104–107.

REFERENCES

1. Andrusov N.I. Terraces of the environs of Sudak. *Zapiski Kievskogo obshchestva estestvoispytelei* [Notes of the Kyiv Society of Naturalists], 1912, T. 22, vol. 2, pp. 1–88.

2. Anisiutkin N.K., Kulakov S.A. New data on the early Paleolithic of the Crimea. *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysiacheletii (k 100-letiiu sozdaniia rossiiskoi akademicheskoi arkheologii)* [The past of humankind as seen by the Petersburg archaeologists at the dawn of the millennium (to the centennial of the Russian academic archaeology)], St Petersburg, 2019, pp. 56–68.
3. Anisiutkin N.K., Kulakov S.A., Chepalyga A.L. Studies of Early Paleolithic sites on the high marine terraces of the Southern Crimea in 2016. *Arkheologicheskie vesti* [Archeological News], St Petersburg, 2018, vol. 24, pp. 33–41.
4. *Archive of the Institute of Archeology of Crimea RAS.* Lichnyi fond A.A. Shchepinskogo. Inv. No. 47. Papka 50.
5. Blagovolin N.S. *Gornye strany Evropeiskoi chasti SSSR i Kavkaz* [Mountain countries of the European part of the USSR and the Caucasus]. Moscow, 1974, 360 p.
6. Geologiia SSSR. T. 8. Krym. Ch. 1. *Geologicheskoe opisanie* [Geology of the USSR. T. 8. Crimea. Part 1. Geological description]. Moscow, 1969, 576 p.
7. Zhilin M.G. Survey of paleolithic findplaces at Echkidag in 2018. *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma: Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of protection and use of the cultural heritage of the Crimea: Materials of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference], Simferopol, 2019, pp. 100–105.
8. Zhilin M.G., Ruev V.L. Archaeological surveys in the South-Eastern Crimea in the area of Echkidag and Meganom mountains in 2019. *Rus' – Evropa – Prichernomor'e – Vizantiia. Materialy Pervogo Vserossiiskogo istoriko-arkheologicheskogo foruma* [Russia – Europe – Black Sea region – Byzantium. Materials of the First All-Russian Historical and Archaeological Forum], Sudak, 2021, pp. 85–92.
9. Zhuk S.M. Archaeological exploration and security excavations in the vicinity of Yalta. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1993 god* [Archaeological research in the Crimea. 1993], Simferopol, 1994, pp. 102–111.
10. Zhuk S.M. Exploration and excavations on the southern coast of Crimea. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god* [Archaeological research in the Crimea. 1994], Simferopol, 1997, pp. 100–101.
11. Kliukin A.A. *Ekzogeodinamika Kryma* [Exogeodynamics of the Crimea]. Simferopol, 2007, 320 p.
12. Kliukin A.A., Korzhenevskii V.V., Shchepinskii A.A. *Echki-Dag: Putevoditel'* [Echki-Dag: Guide]. Simferopol, 1990, 128 p.
13. *Priroda Karadaga* [The nature of Karadag]. Kiev, 1989, 286 p.
14. Stepanchuk V.N. *Nizhnii i srednii paleolit Ukrainy* [Lower and Middle Paleolithic of Ukraine]. Chernovtsy, 2006, 463 p.
15. Telizhenko S.A. Materials of the early Neolithic site Ardich-Burun (Stavra) of the southern coast of the Crimea. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanac], 2009, vol. 20, pp. 297–308.
16. Chepalyga A.L. Development of a new concept of the Black Sea terraces of the South-Eastern Crimea: geomorphology, stratigraphy, paleogeography. *Geomorfologi: K iubileinomu 35 Plenumu Geomorfologicheskoi komissii RAN v Simferopole* [Geomorphologists: to the 35th Anniversary Plenum of the Geomorphological Commission of the Russian Academy of Sciences in Simferopol], Simferopol, 2016, vol. 7, pp. 85–100.
17. Chepalyga A.L. A Unique system of Black Sea terraces of the Crimea: history of the Black Sea, the ancient oldovan migration and initial colonization of Europe. *Dobrodeevskie chteniia–2017: I Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia* [Dobrodeev Reading–2017. 1st International Scientific and Practical Conference], Moscow, 2017, pp. 152–155.
18. Chepalyga A.L., Anisiutkin N.K., Sadchikova T.A. First multi-layer Oldowan sites of the Crimea: geology, archaeology, paleoecology. *Biulleten' komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary], 2015, vol. 74, pp. 5–22.
19. Chepalyga A.L., Sadchikova T.A., Anisiutkin N.K. Formation of lower Pleistocene Mandjil terrace of Sudak standart terrace profile (Crimea) and environment of ancient humaine. *Biulleten' komissii po*

izucheniiu chetvertichnogo perioda [Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary], 2019, vol. 77, pp. 141–159.

21. Shchepinskii A.A., Kliukin A.A. Early Paleolithic "Pebble Culture" of Crimea. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1992, vol. 206, pp. 104–107.

Информация об авторах

Блага Н. Н. – кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Жилин М. Г. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии РАН, Researcher ID: J-2346-2018.

Руев В. Л. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Authors information

Blaga N. N. – Candidate of Science (Geography), Docent of the Department of Physical and Socio-Economic Geography, Landscape Science and Geomorphology of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Zhilin M. G. – Doctor of Science (History), Leading Researcher of the Department of Stone Age Archaeology of the Institute of Archaeology RAS.

Ruev V. L. – Candidate of Science (History), Docent of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.26-45

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОРТОВОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Андрей Алексеевич Букатов
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
bukat@list.ru

Владимир Васильевич Глазунов
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
vvglazounov@mail.ru

Наталья Николаевна Ефимова
Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского, Санкт-Петербург, Россия
natafima@mail.ru

Вадим Владимирович Панченко
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
vad_panchenko@mail.ru

Аннотация. При изучении археологических памятников в прибрежной зоне наилучшие результаты дает комплексный междисциплинарный подход с привлечением методов современной геофизики. Анализ археологического материала, полученного при раскопках «ромбовидной башни» в акватории у Портового района Херсонеса, позволяет отнести начальный период строительства этого сооружения к IX–X вв. Результаты исследований на этом участке показали, что за период с IX–X вв. до конца XI – первой половины XIII в. уровень моря в Карантинной бухте поднялся на величину около 1 метра. На основе данных, полученных методом непрерывного сейсмоакустического профилирования, для участка акватории у Портового района Херсонеса выделены последовательные изменения береговой линии, ставшие результатом процессов трансгрессии и аккумуляции донных наносов. Анализ построенных сейсмогеологических разрезов и карты изобат позволил выявить 3 террасы и связанные с ними морфологические элементы, указывающие местоположение древних береговых линий в различные исторические эпохи. Установлена пространственная связь между археологическими объектами, обнаруженными на дне, и положением подводных террас. На основании археологических данных предложена реконструкция береговой линии IX–X вв. Расположение «ромбовидной башни» и выявленных в 2019 г. строительных остатков на одной террасе позволяет предполагать относительную синхронность существования этих сооружений. Электроразведочные исследования методом донной электротомографии проведены с целью изучения строения отложений морских террас на глубину до 10 м. По результатам этих исследований выделяются донные аномалии, соответствующие различным этапам застройки побережья Карантинной бухты. Протяженная линейная аномалия, находящаяся в 40–50 м от современного берега и скрытая слоем донного грунта мощностью до 3 м, вероятнее всего, соответствует раннему периоду жизни города. Глубина моря на этом участке составляет около 2–3 м.

© Букатов А.А., Глазунов В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В., 2022

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Карантинная бухта, порт, строительные остатки, геофизические методы, метод донной электротомографии, реконструкция береговой линии

Благодарности: Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5).

INTEGRATED ARCHAEOLOGICAL AND GEOPHYSICAL RESEARCHES IN THE PORT AREA OF TAURIC CHERSONESE

Andrei A. Bukatov
State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese; Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
bukat@list.ru

Vladimir V. Glazunov
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
vvglazounov@mail.ru

Natal'ia N. Efimova
A. P. Karpinsky Russian Geological Research Institute, St. Petersburg, Russia
natafima@mail.ru

Vadim V. Panchenko
State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese; Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
vad_panchenko@mail.ru

Abstract. The best results of researching archaeological sites in the coastal zone come from integrated interdisciplinary approach involving modern geophysical methods. The analysis of the archaeological material obtained during excavations of the "diamond-shaped tower" in the water area near the port quarters of Chersonese suggests that the structure was constructed in the ninth and tenth centuries AD. The results of research on this site show that from the ninth and tenth to the period from the late eleventh to the first half of the thirteenth centuries the sea level in Karantinnaia Bay rose by ca 1 meter. The data obtained by continuous seismoacoustic profiling were used to identify continuous changes of the coastline in result of transgression and accumulation of the bottom sediments in the section of the water area near the port district of Chersonese. The analysis of the built-up seismogeological sections and isobath map enabled the research group to identify 3 terraces and associated morphological elements indicating the location of ancient coastlines in different historical periods. A spatial relationship has been established between the archaeological objects found at the sea bottom and the position of the underwater terraces. A reconstruction of the ninth- and tenth-century coastline has been suggested according to the archaeological data. The location of the "diamond-shaped tower" and the construction remains discovered in 2019 on the same terrace suggests that the structures existed approximately at the same time. Electrical prospecting research using bottom electrotomography explored the sediment structure of marine terraces to a depth of 10 m. The research results have determined bottom anomalies corresponding to various stages of development of the coast of Karantinnaia Bay. An extended linear anomaly, located 40–50 m from the modern coast and hidden by a layer of bottom soil up to 3 m thick, most likely corresponds to the early period of the ancient city. The sea in this area is ca 2–3 m deep.

Keywords: Tauric Chersonese, Karantinnaia Bay, port, construction remains, geophysical methods, sea-bottom electrotomography method, coastline reconstruction

Acknowledgements: The work was made within the program "Prioritet-2030" of the Sevastopol State University (strategic project no. 5).

Очертания берегов Херсонеса претерпевали значительные изменения еще в период жизни древнего города, на протяжении около 2000 лет. К настоящему времени часть территории Портового района находится на дне Карантинной бухты, включая участок приморской оборонительной линии.

Основание города пришлось на период так называемой Фанагорийской регрессии. Проблема изменения уровня Черного моря в позднем голоцене до сих пор является одной из самых дискуссионных. Само понятие фанагорийской регрессии появилось в середине 1950-х годов [14; 20]. Разными авторами делались оценки уровня моря в этот период от величин в 2 м [20] до 12 м [8] ниже современного. На основании археологического материала из затопленной части Фанагории В. Д. Блаватский оценивал подъем уровня моря античного времени к современному положению величиной в 3–4 м [9]. Этих же значений придерживался и А. Н. Щеглов при реконструкции затопленных участков херсонесской хоры в Круглой бухте и для всего побережья Гераклейского полуострова [21]. Для района Северо-Западной Таврики в середине I тыс. до н.э. [17, с. 18] на основании археологических данных дается величина уровня Черного моря на 2–3 м ниже современного, которая является результатом процессов трансгрессии и тектонического движения суши.

Как показано в работе [1], невозможно создать общую кривую уровня в голоцене для всего Черного моря из-за значительных различий в местной и региональной тектонике. Этот важный фактор изменяется как во времени, так и в пространстве [2, p. 10].

При реконструкции затопленной территории Херсонеса необходимо принимать во внимание не только транс- и регрессионные циклы изменения уровня моря за период в 2500 лет. Для прибрежной акватории Карантинной бухты необходимо учитывать процесс аккумуляции наносов, изменявший очертания берега и глубину. Этот процесс, в свою очередь, зависит от изменений уровня моря, климатических и антропогенных факторов. Причальные сооружения херсонесского порта и подтапливаемые наступающим морем оборонительные стены города должны были способствовать накоплению песка и ила в прибрежной зоне. Кроме того, проводившиеся, по крайней мере, в современное время дноуглубительные работы стали причиной перераспределения отложений по всей бухте.

В 1964–1965 гг. В. И. Кадеев [16, с. 109] в Карантинной бухте обследовал затопленные XXVI и XXVII башни оборонительной линии. На этом участке в воде были обнаружены фрагменты мраморных колонн, использованные в качестве строительных деталей, деревянные плахи и сваи. Под фундаментами сооружений был выявлен культурный слой. Присутствие культурного слоя и наличие цемянкового раствора в кладке позволили предполагать, что строения были возведены на суше, а на дне бухты оказались значительно позднее. Эти башни и т.н. «морские ворота» города были датированы И. А. Антоновой IX–X вв. [7, с. 128].

Для Портового района Херсонеса И. А. Антонова [7, с. 102, рис. 1] предложила реконструкцию древнего берега, следуя направлению участков приморских оборонительных стен, соответственно для V в. до н.э., III–IX вв. и IX–X вв. Берег, по

ее мнению, сдвигался к востоку, по мере намыва песка. Ближе к урезу воды передвигалась и линия обороны города. Отметим, что значительная часть затопленных строительных остатков не учитывалась при реконструкции береговой линии из-за отсутствия информации о их датировке и интерпретации.

М. И. Золотарев [15] восстанавливал «древний берег» на отметках глубины 3,5–4 м, по кромке одной из подводных террас.

Таким образом, до сих пор неясным остается точное место расположения причальных сооружений городского порта. Требует уточнения оценка изменения уровня моря и динамика наступления моря на берега Херсонеса. При определении изменения глубины моря не учитывалась толщина сформировавшихся к настоящему времени донных наносов. Непонятно назначение находящихся на дне Карантинной бухты затопленных строительных остатков, не вписывающихся в конфигурацию известных городских стен.

В настоящее время появились новые неразрушающие дистанционные методы исследования, расширяющие наши возможности при изучении археологических памятников в прибрежной зоне. Среди них – гидроакустические методы и методы донной электротомографии. Оценка изменения уровня моря и положения береговой линии в акватории Карантинной бухты может быть получена только в результате комплексных геофизических и археологических исследований.

Целями нескольких сезонов полевых археологических исследований, проводимых экспедицией Музея-заповедника «Херсонес Таврический» в акватории у западного берега Карантинной бухты, были как уже ранее известные, так и выявленные в процессе разведок новые остатки строительных сооружений. Здесь, на месте предполагаемого порта Херсонеса, в 2019–2021 гг. были заложены три шурфа и начаты раскопки в районе «ромбовидной башни», обнаруженной экспедицией В. И. Кадеева в 1966 г.

Один из хорошо сохранившихся подводных археологических объектов в Карантинной бухте – т.н. «ромбовидная башня», находится на удалении около 20–30 м от современного берега (рис. 1) [12]. Шурф 2 (рис. 2; 3; 9,*5*) был заложен в 10 м западнее «ромбовидной башни», недалеко от уреза воды. Целью шурфовки был поиск возможных стен, подходящих к этому сооружению. Попытка определить их в грунте с помощью щупа успеха не принесла из-за большого количества в песке гальки, препятствовавшей проникновению зонда. При шурфовке здесь были выявлены обработанные камни. Возможно, это остатки разрушенной стены. Камни залегают в песке на всю глубину раскопа, до 0,7 м. Небольшие размеры шурфа (9 м^2) не позволяют получить целостную картину. Археологический материал сильно окатан морем, представлен фрагментами средневековой керамики IX–XIII вв., с небольшой примесью керамических фрагментов античного периода.

Шурф 1 (рис. 4, 5; 9,*2*) был заложен в 2020 г. на месте выступавших над поверхностью дна каменных блоков. На площади 18 м^2 (4х4,5 м), под слоем заиленного песка мощностью более 50 см, содержавшего фрагменты окатанной керамики и со-

временный мусор, залегает более плотный слой светлого песка и гальки. В процессе работ выявлено несколько обработанных каменных блоков. Отдельные выступавшие из песка камни прослеживались и за границей раскопа, в сторону берега. Четких остатков кладки не фиксируется. Согласно геологическим данным, слой песчаных отложений здесь составляет несколько метров, поэтому раскопки глубже не осуществлялись.

В 2020 г. для оценки современного состояния «ромбовидной башни», определения сохранившейся высоты сооружения, толщины и структуры слоя покрывающих ее донных отложений была проведена шурфовка у ее северо-восточного угла, наиболее выдвинутого в сторону моря (рис. 1; 6; 9,*1*).

Расчищенный в шурфе слой грунта состоит из галечно-валунного материала размером в поперечнике до 17 см с песчано-гравийным заполнителем (10%). Толща грунта насыщена фрагментированным керамическим материалом и костями животных. Выборка костного материала в основной массе представляет собой кухонные остатки.

Среди грубообломочного материала около 30% составляют не окатанные и угловато-окатанные обломки, состоящие преимущественно из известняков и сланцев. Окатанный валунно-галечный материал состоит преимущественно (на 60%) из вулканических пород различного состава от диоритов до андезито-базальтов. Такой состав грунта является инородным для района Карантинной бухты и Гераклейского полуострова в целом [13].

Северо-восточная часть сооружения, сложенная из массивных каменных блоков, находилась наиболее близко к урезу воды. Размеры шурфа составили 2,0х0,75 м вдоль северного фасада сооружения, глубина раскопа 1,09 м. Строение, расположенное примерно в 30 метрах от берега, сохранилось в высоту на три ряда кладки (1,38 м), два из которых были погребены под плотным слоем донных осадков мощностью более метра (1,09 м).

По результатам работ 2020–2021 гг. были получены данные, позволяющие оценить подъем уровня моря с момента постройки «ромбовидной башни». Основание северо-восточной части сооружения находится на высотной отметке -3,23 м (внутренняя часть, 2021 г.) – -3,24 м (наружная часть, 2020 г.) по Балтийской системе высот (БС). Верхние плоскости крупных камней цоколя, приблизительно соответствующие начальному уровню пола, находятся на отметке около -2,79 м по БС. Цоколь сооружения стоит на слое песка и гальки, содержащем большое количество окатанной керамики. Видимо, «ромбовидная башня» возводилась в прибрежной зоне, на пляжевых отложениях, уже содержавших окатанную керамику. Среди находок из подстилающего слоя – сильно окатанные фрагменты амфор VI–VII вв. Здесь же были найдены и фрагменты керамид IX–X вв., не подвергшиеся волновому воздействию осколки столовых кувшинов VIII–IX вв., а также хорошо сохранившиеся фрагменты древесины, скорлупа грецких орехов и фундука, фруктовые косточки. Все эти находки, очевидно, связаны с начальным этапом функционирования «баш-

ни». На уровне камней цоколя была обнаружена монета с монограммой «В», относящаяся к херсонским выпускам Василия I (867–886 гг.) [6, с. 159–161, №№ 360–383]. Подобные монеты, судя по составу монетных кладов [3; 4], характерны для монетного обращения Херсона второй половины IX – конца X в.

На камнях цоколя остались налепы известкового раствора с органическими включениями и створками раковин (рис. 8). Пятна раствора другого состава, с включением мелкой гальки, прослеживаются на каменных блоках стен до отметки 73 см выше цоколя, маркируя уровень слоя забутовки из скрепленных раствором камней. По всей вероятности, реконструкция потребовалась из-за угрозы подтопления пола на уровне верха цоколя «ромбовидной башни». При разборе забутовки в ней были обнаружены несколько попавших в раствор фрагментов шамотированных керамид IX–X вв. Здесь же была найдена монета с монограммой «ро» [6, с. 165–166, №№ 457–462], которые В. А. Анохин относил ко времени правления императора Романа IV (1067–1071). Надо отметить, что вопрос об окончательной датировке этих монет все еще остается открытым. Ряд исследователей относят часть выпусков монет с монограммой «ро» к более позднему периоду, уже после смерти императора [19]. По мнению И. В. Соколовой [18, с. 56–57], хронологическими рамками выпуска являются конец XI – начало XIII в. В любом случае, по археологическим данным, эти монеты принимали активное участие в денежном обращении Херсона и в первой половине XIII в. [5].

Таким образом, на основании археологического материала строительство «ромбовидной башни» можно датировать IX–X вв. Этому периоду соответствовал уровень моря, приблизительно на 2,86 м ниже современного на момент съемки (-3,24 м по БС). Первоначальный уровень пола, примерно соответствовавший верхней плоскости камней цоколя, находится сейчас на глубине около 2,41 м на момент съемки (-2,79 м по БС). К концу XI – первой половине XIII в. пол был поднят примерно на 0,73 м, что соответствует высотной отметке -2,06 м по БС (примерно 1,68 м современной глубины моря на момент съемки). В результате сооружения забутовки пол в «башне» оказался выше уровня воды. Таким образом, подъем уровня моря за промежуток времени с IX–X вв. до конца XI – первой половины XIII в. может быть оценен величиной около метра (до 1,17 м). Раскопки «ромбовидной башни» пока затронули только небольшую часть сооружения. Продолжение исследований позволит уточнить временные рамки этих событий. Назначение затопленных сооружений также представляет нерешенную проблему. «Ромбовидная башня» могла являться частью оборонительной линии или быть функционально связанной с причальными сооружениями херсонесского порта.

Геофизические исследования прибрежной части Карантинной бухты проводились для картирования подводных морских террас и обнаружения остатков застройки порта Херсонеса, скрытых в грунтовом массиве поддонных отложений. Комплекс методов исследований включал следующие виды морских геофизических работ:

1. Съемка поверхности дна с помощью сонара.

2. Батиметрия с применением гидроакустического профилографа.

3. Электротомографические исследования грунтового массива морских террас.

В пределах площади прибрежной акватории бухты съемка каждого вида работ выполнялась по своей системе профилей. Сеть геофизических наблюдений охватывала площадь акватории, включавшую все известные археологические объекты в прибрежной части Карантинной бухты. Параметры сети геофизических съемок обеспечивали высокую плотность и детальность наблюдений. Топографические привязки сети наблюдений осуществлялись с помощью GPS+ГЛОНАС+BeiDou.

Съемка с помощью сонара (модель H5se7 «Гидра») обеспечила высококачественное изображение дна с фотографическим качеством. Съемка проводилась галсами вдоль берега, с учетом безопасных для судна глубин (до 1 м). В результате обработки данных съемки, полученные сонограммы были объединены в виде акустической карты-мозаики дна (рис. 9).

На карте проявились акустические эффекты от всех известных археологических объектов, к которым относятся: 1 – «ромбовидная башня»; 2 – шурф 1 (2020 г.); 3 – «объект 2019 г.»; 4 – развал камней восточнее «ромбовидной башни»; 5 – шурф 2 (2019 г.).

Наблюдения с гидроакустическим профилографом обеспечили получение сейсмоакустических профилей. На профилях в рельефе дна отчетливо проявился прибрежный мелководный шельф, характеризующийся незначительным уклоном, в пределах которого выделяются морские аккумулятивные террасы. Границы шельфа ограничены современной береговой линией и бровкой, где начинается резкое увеличение глубины (рис. 10).

На сеймоакустических профилях выделены 3 морские террасы, обозначенные индексами *I, II* и *III* (рис. 11). Нумерация террас отражает последовательность их формирования, которая обусловлена последовательными циклами трансгрессии и регрессии моря, происходившими в течение исторических эпох.

Геоморфологические элементы выявленных террас включают: 1 – уступ; 2 – бровку; 3 – поверхность террасы, 4 – тыловой шов.

Наиболее ярко проявилась терраса *I*, бровка которой является границей прибрежного шельфа со стороны моря. Высота этой террасы достигает 3,7 м, а все её морфологические элементы проявляются наиболее отчетливо.

Терраса *II* имеет небольшую высоту 0,5–0,7 м. Ее профиль и элементы хорошо проявляются на кратном отражении от дна. На поверхности террасы *II* встречаются камни, видимо, связанные со строительными остатками сооружений, что позволяет предположить ее искусственное происхождение.

Высота террасы *III* также невелика. На этой террасе расположена «ромбовидная башня». Поэтому можно предположить, что возникновение этой террасы может быть также связано со строительными работами.

Выявленные морфорлогические элементы террас характеризуют расположение древних береговых линий, датировка которых возможна на основании данных археологических исследований.

Данные съемки с гидроакустическим профилографом обеспечили построение детальной карты изобат обследованной части Карантинной бухты. На карте рельефа дна отчетливо проявился прибрежный мелководный шельф, осложненный малоамплитудными морскими террасами.

На карте изобат показаны линии бровок террас *I, II, III* и *IV*, обозначенные индексами *1, 2, 3* и *4*, соответственно (рис. 11).

На карту изобат (рис. 11) вынесены обнаруженные и частично обследованные раскопками археологические объекты. Местоположение «ромбовидной башни» (1) четко выделяется на карте в виде двух локальных зон, связанных с остатками стен, выступающих над поверхностью дна. Шурф (2) и строительные остатки (3) находятся на краю зоны обследования. Участок дна, соответствующий развалу строительных блоков и каменного материала, приурочен к малоамплитудному локальному возвышению дна (4).

Необходимо отметить, что «ромбовидная башня», строительство которой по результатам раскопок относится к IX–X вв., находится на поверхности террасы *III*, а участок со строительными блоками (4) расположен на террасе *II*, сформировавшейся в более раннее время. Приуроченность обнаруженных остатков построек к различным террасам является геоморфологическим признаком, указывающим на разновременность их застройки.

Совместное отображение данных НСП и ГЛБО подтверждает наличие связи геоморфологии морских террас с обнаруженными на дне обследованной части Карантинной бухты Херсонеса археологическими объектами.

Электроразведочные исследования методом донной электротомографии позволили получить геофизическую информацию о строении грунтов, слагающих морские террасы, и наличии локальных неоднородностей, которые могут быть связаны с остатками застройки берега Карантинной бухты в различные исторические эпохи.

Электротомографические наблюдения выполнялись с комплектом аппаратуры «Скала – 48К12» и 48-ми канальной многожильной косы. Результаты съемки оформляются в виде геоэлектрических разрезов и карт, которые характеризуют пространственное распределение удельных электрических сопротивлений (УЭС), характеризующие строение грунтов и наличие скоплений каменного материала в поддонных отложениях террас.

На геоэлектрических разрезах проявились 3 геоэлектрические аномалии повышенных значений УЭС (рис. 12).

Наиболее яркая аномалия *1* характеризует положение высокоомной линзы значительных размеров, которая располагается на глубине около 2–3 м под поверхностью террасы *II*. Увеличение УЭС грунтов в геологических условиях Карантинной бухты можно связать с наличием значительного объема крупнообломочного материала и галечника.

Аномалия *2* отмечается в прибрежной области разреза на глубине 0,5–1 м. Проявился только край аномальной зоны, основная часть которой находится ближе к бе-

регу. Аномалия *2*, видимо, сформирована грубообломочным каменным материалом, аккумулированным в прибойной зоне бухты.

Аномалия *3* располагается в левом углу разреза, на глубине 7–8 м. Аномалия проявилась лишь частично. Большая ее часть располагается ближе к берегу, за пределами геоэлектрического разреза. Форма и глубина расположения аномалии *3* указывают на геологическую природу этого геоэлектрического эффекта. Она может быть связана с наличием клифа, сложенного известняками, абразионной террасы, которая, видимо, окаймляла древнюю бухту в доисторическую эпоху.

На геоэлектрических картах-срезах, характеризующих строение поддонных отложений на глубинах 3 и 5 м от уровня моря, аномалии *1* и *2* проявляются в виде зон повышенных значений УЭС, которые вытянуты вдоль берега бухты (рис. 13).

Наиболее яркая аномалия *1* на карте-срезе 3 м обозначена индексом *1/3*, а на карте 5 м – индексом *1/5*. Аномалия *1/3* локальна и близка по форме к эллипсу, который примыкает к «ромбовидной башне» и размещается под поверхностью террасы *III* на глубине около 1 м. Более интенсивная и линейно-вытянутая вдоль берега бухты аномалия *1/5* находится на глубине 2–3 м под поверхностью террасы *II*.

Увеличение УЭС морских отложений и формирование линзы в условиях Карантинной бухты можно связать с наличием крупнообломочного материала в грунтовом массиве, слагающем террасу *II*.

Аномалия *2* отмечается в прибрежной области разреза на глубине 0,5–1 м и, видимо, сформирована каменным материалом, аккумулированным в прибойной зоне бухты. Необходимо отметить, что величина УЭС зависит от размеров и объема каменного материала в поддонных отложениях и возрастает при увеличении объема этого материала в пределах линзы, являющейся источниками геоэлектрических аномалий.

Анализ карт показал, что с увеличением глубины изменяются размеры, амплитуда, форма и расположение аномалий *1/3* и *1/5*. Характеристики аномалии *2* изменяются незначительно.

Размеры и амплитуда аномалии *1* на карте-срезе 3 м минимальны, а на срезе 5 м – максимальны (рис. 13). Эти карты содержат наиболее представительный объем информации об источниках геоэлектрических аномалий, и потому являются основой для археологической и геоморфологической интерпретации данных донной электротомографии.

Геоэлектрические аномалии представляют интерес для решения археологических задач, так как могут быть связаны с остатками застройки подтопленной части побережья в различные исторические эпохи.

Основой археологической интерпретации материалов подводных исследований в Карантинной бухте является совместный анализ информации, полученной различными методами геофизики. Для удобства комплексного анализа материалов синтезирована сводная карта, на которой совмещены интерпретационные схемы, построенные по данным всех видов геофизических исследований и подводных археологических работ (рис. 14).

Контуры геоэлектрических аномалий *1/3* и *1/5*, соответствующие глубинам 3 и 5 от поверхности моря, выделены на сводной карте различной штриховкой (рис. 14).

Сопоставление контуров аномалий с положением линий бровок террас, выявленных по данным батиметрии, показывает, что, аномалии, расположенные на разных глубинах, приурочены к различным террасам. На глубине 3 м аномалия *1/3* локализуется под поверхностью более молодой террасы *III*, а – на глубине 5 аномалия *1/5* смещается под террасу *II*.

Оси геоэлектрических аномалий *1/3* и *1/5* на разных глубинах не совпадают. На глубине 3 м ось находится на расстоянии примерно 30–35 м от береговой линии, а на глубине 5 м она смещена в среднем на 10 м в сторону моря.

Учитывая, что террасы сформировались в результате различных временных циклов трансгрессии моря, а повышение УЭС вероятно обусловлено наличием каменного материала и частично разрушенных построек, можно предположить, что аномалии *1/3* и *1/5* отражают различные эпохи застройки побережья Карантинной бухты.

На основании этих данных можно предположить, что аномалия *1/5* связана с остатками ранней застройки древнего берега бухты, а аномалия *1/3* – с более поздними строительными работами, относящимися к времени постройки «ромбовидной башни». «Ромбовидная башня», судя по археологическим данным, была построена в IX–X вв. вблизи уреза воды на террасе *III*, бровка *3* которой примерно соответствует очертанию берега в тот период.

Аномалия *2*, относящаяся к террасе *IV*, видимо, сформировалась в связи с наличием каменного материала, аккумулированного в современной прибойной зоне, что подтверждают каменные фрагменты, обнаруженные при раскопках шурфа 2 (2019 г.)

Положение границы террасы *IV* отражает линию берега, сформировавшуюся после подтопления «ромбовидной башни».

В пределах террасы *II* обнаружены наиболее яркие и обширные геоэлектрические аномалии на глубине 2–3 м от её поверхности. Можно предположить, что эта терраса соответствовала наиболее раннему периоду жизни города и была застроена, когда уровень моря на 3–4 м был ниже современного.

Для проверки гипотезы о связи геоэлектрических аномалии *1/3* и *1/5* с постройками предполагаемого морского порта Херсонеса в Карантинной бухте необходимо провести дополнительные более детальные работы методом донной электротомографии и, конечно, раскопки.

Практическая ценность полученных геофизических карт и разрезов связана с тем, что с их помощью можно обосновать и оптимизировать выбор мест и объем последующих дорогостоящих подводных раскопок в Карантинной бухте.

Рис. 1. Строительные остатки у западного берега Карантинной бухты (GoogleEarthPro 7.3.3.7686, дата съемки 29.12.2020 г.). Показаны «ромбовидная башня» и выявленные в 2019 г. строительные остатки
Fig. 1. Building remains off the west coast of Karantinnaia Bay (GoogleEarthPro 7.3.3.7686, surveyed 12/29/2020). The "diamond-shaped tower" and the building remains identified in 2019 are indicated

Рис. 2. Место шурфа 2 (2019 г.). Показаны координатные точки «ромбовидной башни» (27, 29, 32, 34) и шурфа (17, 18, 19, 20). Вид с БПЛА
Fig. 2. Location of the prospect hole 2 (2019). The coordinates of the "diamond-shaped tower" (27, 29, 32, and 34) and the prospect hole (17, 18, 19, and 20) are shown. Viewed from UAV

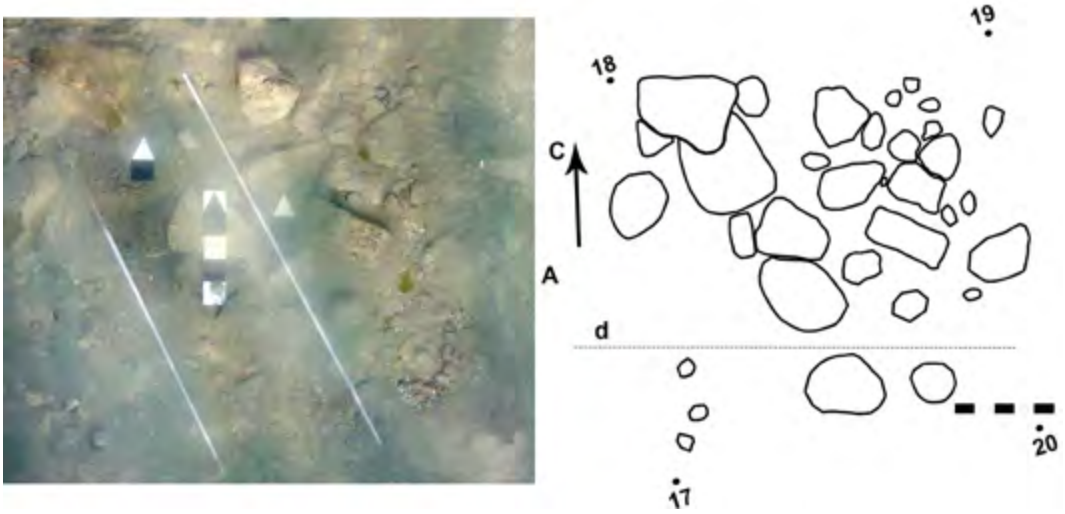


Рис. 3. Шурф 5. Ортофотоплан участка в процессе работ и план шурфа 2
Fig. 3. Pit 5. The orthophotomap of the site during the work and the ground-plan of prospect hole

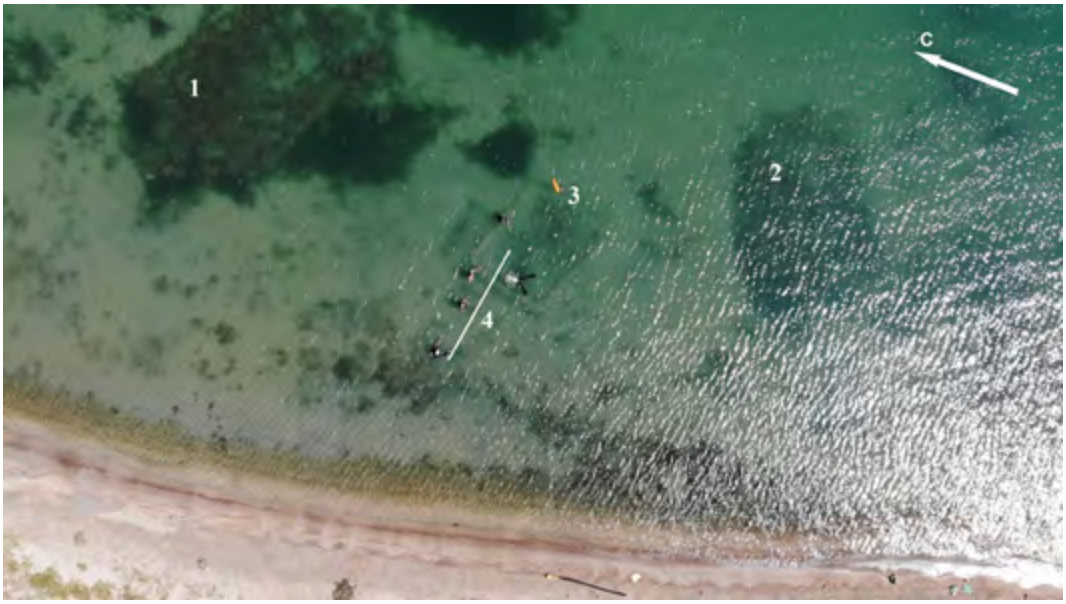


Рис. 4. Шурф 2. *1* – «ромбовидная башня»; *2* – шурф 1; *3* – «объект 2019». Линией показана трассировка выступающих над уровнем дна камней
Fig. 4. Pit 2. *1* – The "diamond-shaped tower"; *2* – prospect hole 1; *3* – "2019 site". The line shows the trace of stones protruding above the bottom level

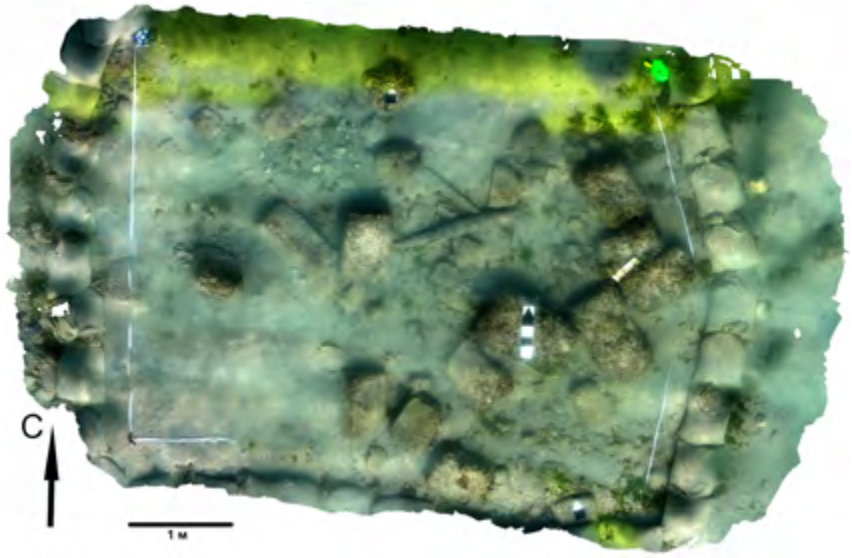


Рис. 5. Ортофотоплан шурфа 1
Fig. 5. Orthophotomap of the pit 1

Рис. 6. План «ромбовидной башни», выполненный на основе фотограмметрической съемки. Показано место шурфовки у северо-восточного угла и место раскопок 2021 г.
Fig. 6. Ground-plan of the "diamond-shaped tower" based on a photogrammetric survey. The prospect hole near the north-east corner and the 2021 excavation are shown

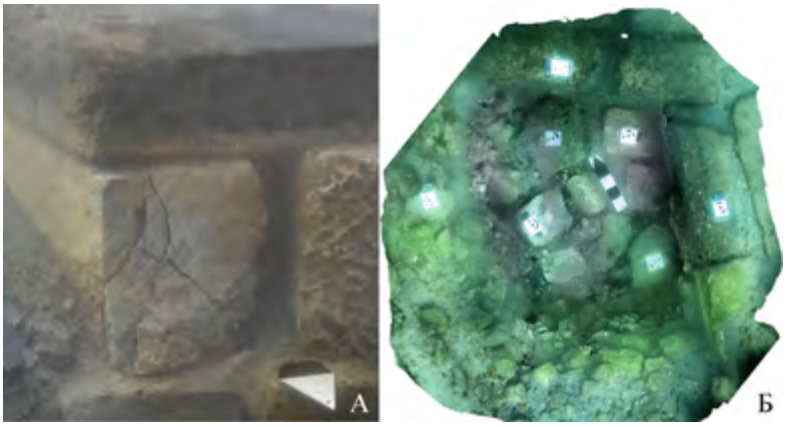


Рис. 7. Ортофотопланы северо-западного угла «ромбовидной башни» (а) и раскопа 2021 г., внутренняя часть сооружения (б)
Fig. 7. Orthophotomaps of the north-western corner of the “diamond-shaped tower” (a) and the 2021 excavation trench, with the interior of the structure (b)

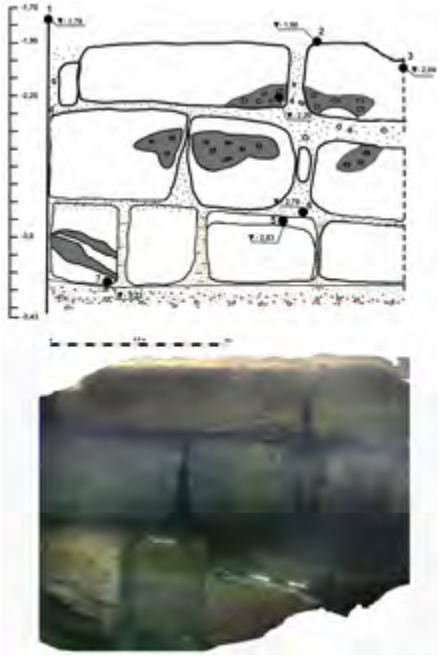


Рис. 8. Внутренняя часть «ромбовидной башни». Участок восточной стены в раскопе 2021 г. На плане показаны пятна известкового раствора на камнях кладки. На ортофотоплане видны выступающие блоки цоколя
Fig. 8. The interior of the “diamond-shaped tower”. Apart of the eastern wall in the 2021 excavation trench. The plan shows lime mortar spots on the stones of the masonry. Protruding socle blocks appear on the orthophotomap

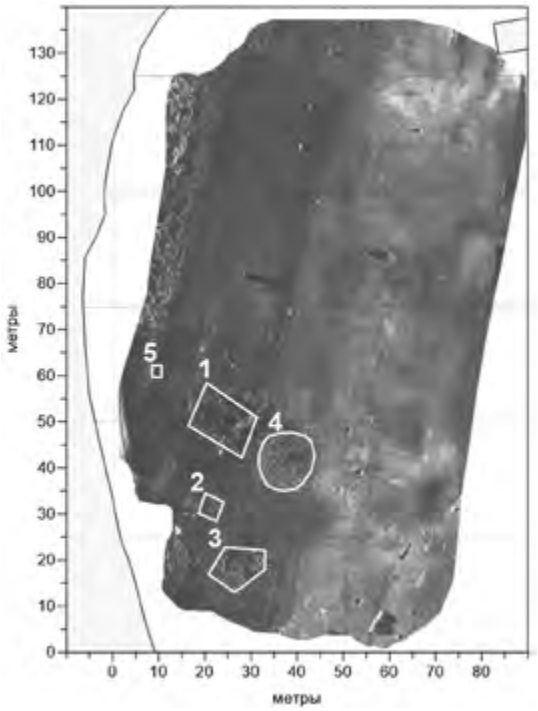


Рис. 9. Карта-мозаика ГЛБО с указанием археологических объектов: 1 – «ромбовидная башня»; 2 – шурф 1 (2020 г.); 3 – «объект 2019 г.»; 4 – развал камней восточнее «ромбовидной башни»; 5 – шурф 2 (2019 г.)

Fig. 9. SSS mosaic map showing archaeological sites: 1 – "diamond-shaped tower"; 2 – prospect hole 1 (2020); 3 –2019 site; 4 – collapsed stones east of the "diamond-shaped tower"; 5 – prospect hole 2 (2019)

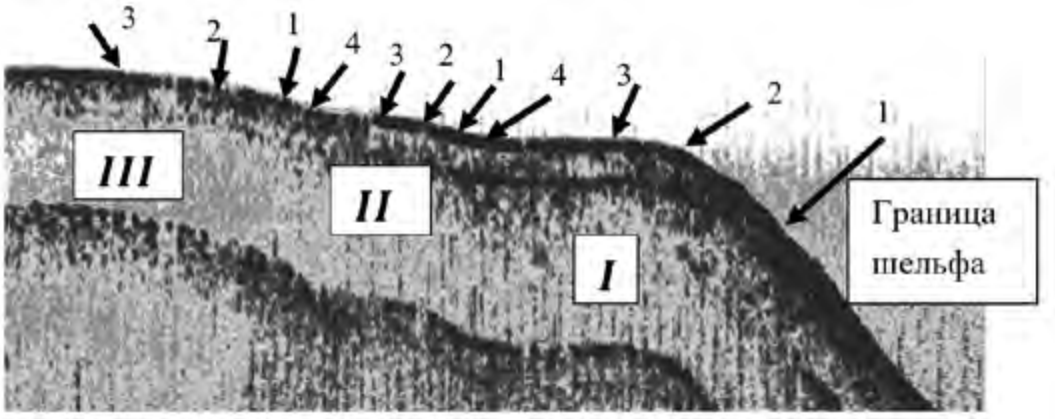


Рис. 10. Сейсмоакустические профиль с указанием морфологических элементов морских террас I, II и III: *1* – уступ; *2* – бровка; *3* – поверхность террасы; *4* – тыловой шов

Fig. 10. Seismoacoustic profile indicating morphological elements of the marine terraces I, II and III: *1* – ledge; *2* – baulk; *3* – terrace surface; *4* – back seam

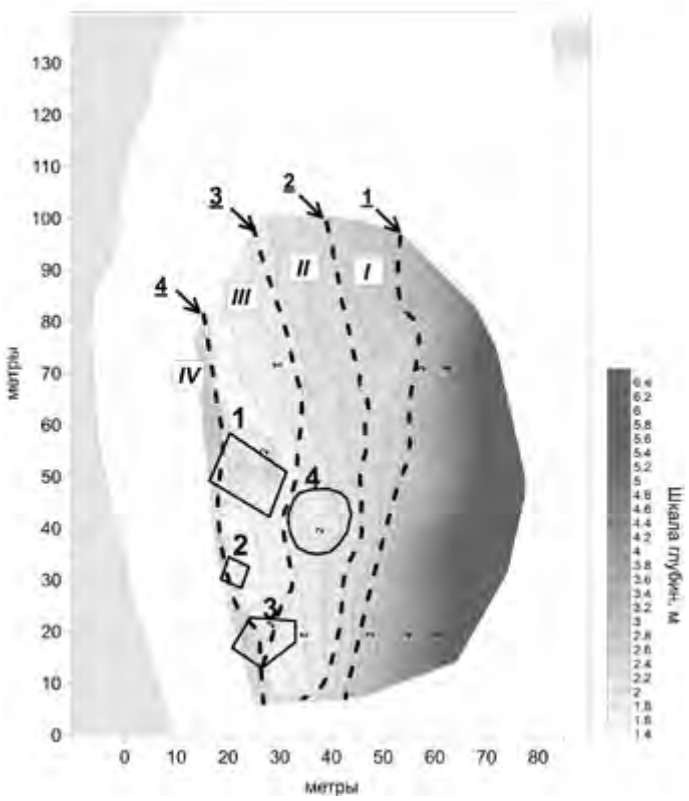


Рис. 11. Карта изобат с указанием линий бровок террас 1, 2, 3, 4 и археологических объектов: *1* – ромбовидная башня; *2* – шурф 2019 г.; *3* – строительные остатки 2019 г.; *4* – развалы каменного материала и обработанных блоков

Fig. 11. Map of isobaths showing the lines of the baulks of terraces 1, 2, 3, 4 and the archaeological sites: *1* – "diamond-shaped tower"; *2* – 2019 prospect hole; *3* – 2019 building remains; *4* – collapsed stones and ashlars

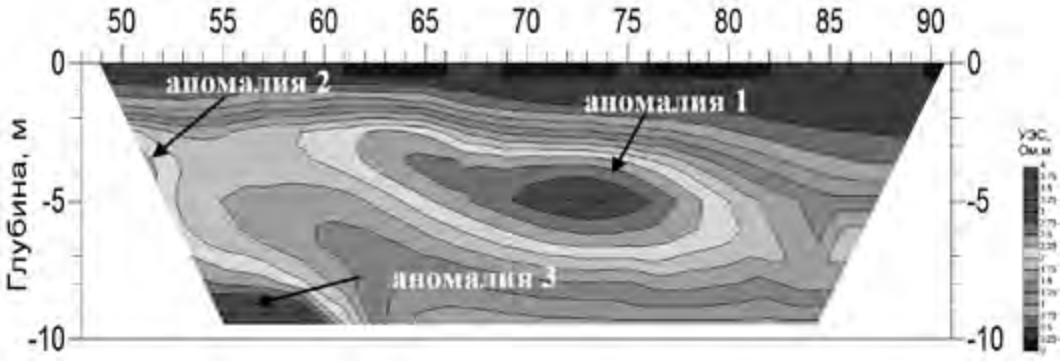


Рис. 12. Расположение геоэлектрических аномалий 1, 2 и 3 повышенных значений УЭС

Fig. 12. The location of geoelectric anomalies 1, 2, and 3 of elevated volume resistivity values

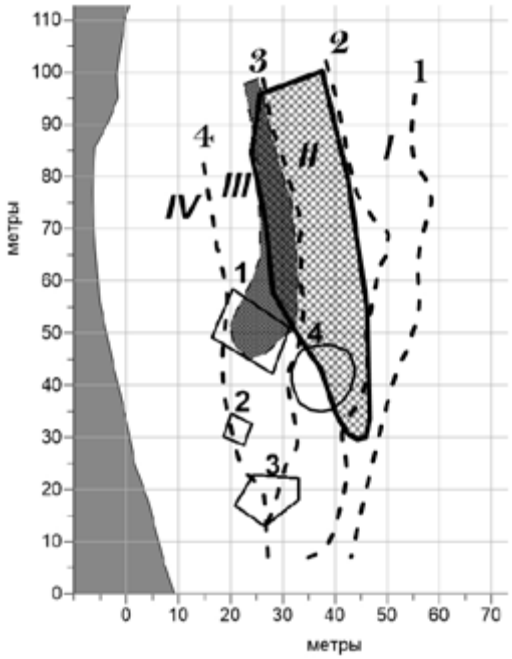


Рис. 13. Расположение аномалий 1 и 2 на геоэлектрических картах-срезах для глубин 3 и 5 м с указанием бровок 1, 2, 3, 4 морских террас I, II, III и IV

Fig. 13. The location of anomalies 1 and 2 on geoelectric cross-section maps for the depths of 3 and 5 m, showing the baulks 1, 2, 3, 4 of the sea terraces I, II, III, and IV

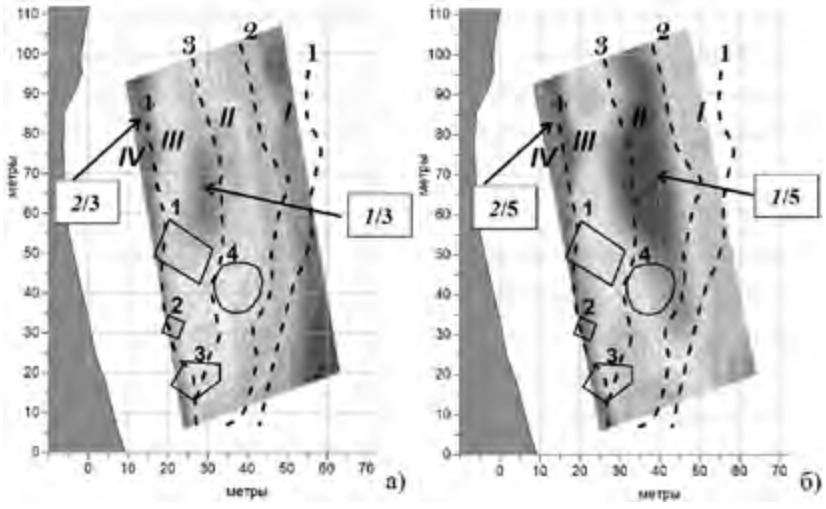


Рис. 14. Контуры аномалии 1 на глубинах 3 (1/3) и (1/5) 5 м с указанием бровок 1, 2, 3, 4 морских террас I, II, III, IV

Fig. 14. Contours of the anomaly 1 at depths of 3 (1/3) and (1/5) 5 m showing the baulks 1, 2, 3, 4 of the sea terraces I, II, III, IV

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bruckner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vott A. The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // Quaternary International. 2010. Vol. 225. P. 160–179.
2. Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. 2011. Vol. 266. P. 162–174.
3. Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Клад херсоно-византийских монет IX–X вв. из окрестностей села Оборонное // ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка. V международный нумизматический симпозиум: Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, М., 2018. С. 21–24.
4. Алексеенко Н.А. Большой Корсунский клад херсонско-византийских монет X в. // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 9–34.
5. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII ст. // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
6. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
7. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 101–131.
8. Балабанов И.П. Изменение волнового режима Черного моря в позднем голоцене // Известия АН СССР. Серия География. 1984. № 5. С. 70–81.
9. Блаватский В.Д. Подводные раскопки в Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 277–279.
10. Бондарев И.П. Основные черты и этапы формирования экосистемы Черного моря в позднем плейстоцене – голоцене // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2012. № 2 (28). С. 53–71.
11. Букатов А.А., Бондарев И.П., Дюженко Т.В. Порт Херсонеса Таврического в Карантинной бухте и природные процессы // ХСб. 2019. Вып. XX. С. 3–16.
12. Букатов А.А., Дюженко Т.В., Варлагин В.В. Подводные археологические исследования строительных остатков в Карантинной бухте // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. IV Международная научная конференция: Материалы конференции, Т. 1. М., 2020. С. 39–42.
13. Букатов А.А., Бондарев И.П., Краснодубец Е.М. К вопросу о реконструкции акватории порта Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. 2021. Вып. XXII. С. 117–126.
14. Дикарёв В.А. Проблема фанагорийской регрессии Черного моря // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2011. № 1. С. 35–40.
15. Золотарев М.И. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 55–67.
16. Кадеев В.И. Подводные исследования в Карантинной, Круглой и Песочной бухтах.1965 г. // НА ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1189.
17. Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 176 с.
18. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 212 с.
19. Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // Stratum plus. 2010. № 6. С. 187–200.
20. Федоров П.В. О колебаниях уровня Черного моря в послеледниковое время // Доклады АН СССР. 1959. Т. 124, № 5. С. 1127–1129.
21. Щеглов А.Н. Отчет о расчистке склепа на южном берегу Круглой бухты в 1967 году // НА ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 865.

REFERENCES

1. Bruckner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vott A. The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas. *Quaternary International*, 2010, vol. 225, pp. 160–179.
2. Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a critical view on the so-called Phanagorian regression. *Quaternary International*, 2011, vol. 266, pp. 162–174.
3. Alekseenko N.A., Tsepkov Iu.A. Hoard of Kherson-Byzantine Coins of the 9th–10th Centuries from the Vicinity of the Village of Oboronnoye (Preliminary Report). *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. Materialy nauchnoi konferentsii* [Pripontian Money Changer: Money of the Local Market. Materials of Scientific Conference], Simferopol, Moscow, 2018, pp. 21–24.
4. Alekseenko N.A. Large Korsun Hoard of Kherson-Byzantine Coins of the 10th Century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2011, vol. 16, pp. 9–34.
5. Alekseenko N.A. To the Question of the Activity of the Chersonesos Mint in the 13th Century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 1996, vol. 7, pp. 187–191.
6. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
7. Antonova I.A. The Southeastern Section of the Defensive Walls of Chersonesos. Dating Issues. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 1996, vol. 7, pp. 101–131.
8. Balabanov I.P. Changes in the Wave Regime of the Black Sea in the Late Holocene. *Izvestiia AN SSSR. Seriia Geografiia* [News of Academy of Sciences of USSR. Geography], 1984, no. 5, pp. 70–81.
9. Blavatskii V.D. Underwater Excavations in Phanagoria in 1959. *Sovetskaia Arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1961, no. 1, pp. 277–279.
10. Bondarev I. P. The Main Features and Stages of the Formation of the Black Sea Ecosystem in the Late Pleistocene – Holocene. *Geologiia i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana* [Geology and Minerals of the World Ocean], 2012, no. 2 (28), pp. 53–71.
11. Bukatov A.A., Bondarev I.P., Diuzhenko T.V. Port of Tauric Chersonesos in Karantinnaya Bay and Natural Processes. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2019, vol. 20, pp. 7–20.
12. Bukatov A.A., Diuzhenko T.V., Varlagin V.V. Underwater Archaeological Researches of Building Remains in the Karantinnaya Bay. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East: Materials of the IV International Scientific Conference], vol. 1, Moscow, Institute of Oriental Studies RAN Publ., 2020, pp. 39–42.
13. Bukatov A.A., Bondarev I.P., Krasnodubets E.M. To the Question of the Reconstruction of the Water Area of the Port of Tauric Chersonesos in Karantinnaya Bay. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2021, vol. 22, pp. 117–126.
14. Dikarev V.A. The Problem of the Phanagorian Regression of the Black Sea. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5: Geografiia* [Science Journal of the Moscow University. Geography], 2011, no. 1, pp. 35–40.
15. Zolotarev M.I. Port Facilities of Tauric Chersonesos in Karantinnaya Bay. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2004, vol. 13, pp. 55–67.
16. Kadeev V.I. Underwater Research in Karantinnaya, Round and Pesochnaya Bays. 1965. *Nauchnyi Arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika Khersones Tavricheskii* [Scientific Archive of the State Museum-Preserve Tauric Chersonesos]. F. 1. D. 1189.
17. Kutaisov V.A., Smekalova T.N. *Drevnie greki v Severo-Zapadnoi Tavrike* [Ancient Greeks in Northwestern Taurica]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2019, 176 p.
18. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantiiskogo Khersona* [Coins and Seals of Byzantine Cherson], Leningrad, Art Publ., 1983, 212 p.
19. Stupko M.V., Turovskii E.Ya. Cast Coins of Medieval Kherson. *Stratum plus*, 2010, no. 6, pp. 187–200.
20. Fedorov P.V. On Fluctuations in the Level of the Black Sea in the Post-glacial Period. *Doklady AN SSSR*

[Reports of Academy of Sciences of USSR], 1959, vol. 124, no. 5, pp. 1127–1129.
21. Shcheglov A.N. Report on the Clearing of the Crypt on the Southern Shore of the Round Bay in 1967. *Nauchnyi Arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika Khersones Tavricheskii* [Scientific Archive of the State Museum-Preserve Tauric Chersonesos]. F. 1. D. 865.

Сведения об авторах

Букатов А. А. – кандидат физико-математических наук, заведующий отделом подводной археологии Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»; старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета.

Глазунов В. В. – доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета.

Ефимова Н. Н. – ведущий геофизик Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского.

Панченко В. В. – научный сотрудник отдела междисциплинарных исследований Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»; научный сотрудник научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета.

Authors information

Bukatov A. A. – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Head of the Department of Underwater Archaeology of the State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese; Senior Researcher at the Scientific and Educational Center «Archaeological Research» of the Sevastopol State University.

Glazunov V. V. – Doctor of Science (Technical), Professor, Leading Researcher at the Scientific and Educational Center «Archaeological Research» of the Sevastopol State University.

Efimova N. N. – Leading Geophysicist of the A.P. Karpinsky Russian Geological Research Institute.

Panchenko V. V. – Researcher at the Department of Interdisciplinary Researches of the State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese; Researcher at the Scientific and Educational Center «Archaeological Research» of the Sevastopol State University.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.46-71

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯМ ДЛЯ УСТРОЙСТВА ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Сергей Альфредович Мульд
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
muld@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9613-5601

Аннотация. Могильник Левадки близ г. Симферополя функционировал с середины / второй половины II в. до н.э. до середины III в. н.э. и принадлежал позднескифскому и сарматскому населению. За годы исследований памятника открыто 193 погребальных сооружений. Кроме того, на разных участках могильника обнаружено 33 хозяйственные ямы. Вероятно, хозяйственный комплекс, к которому относились ямы, являлся периферийным участком близ расположенного поселения и городища Змеиное. В двух случаях ямы использованы для сооружения погребальных конструкций. Более всего могилы похожи на наиболее ранний зафиксированный на могильнике тип могил – катакомбы. Это подтверждает и обнаруженный в них датирующий материал. Одну из могил, в свою очередь, перерезает подбойная могила второй половины I – первой половины II в. н.э. Открытые комплексы позволяют разобраться в последовательности событий, связанных с историей данной территории. С этой целью статья вводит в научный оборот материал, обнаруженный в погребениях могильника.

Ключевые слова: Крым, могильник Левадки, городище Змеиное, поздние скифы, сарматы, катакомбы, подбойные могилы, склепы, погребальный обряд, хозяйственные ямы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

HOW STORAGE PITS WERE USED TO MAKE BURIAL CONSTRUCTIONS IN THE CEMETERY OF LEVADKI IN THE CENTRAL CRIMEA

Sergei A. Mul'd
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
muld@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9613-5601

Abstract. The cemetery of Levadki located int eh vicinity of present-day Simferopol existed from the mid-/second half of the second century BC to the mid-third century AD and belonged to the Late Scythian and Sarmatian populations. The many-year-long researches uncovered 193 funeral structures. Moreover, 33 storage pits were discovered in different cemetery areas. The household complex with the said pits probably was a peripheral area of the nearby fortified settlement of Zmeinoe. There were

© Мульд С.А., 2022

two cases of the household pits used as burial structures. These graves resemble the earliest grave type documented in the cemetery in question, i. e. chambered graves (catacombs). The datable materials in possessions confirms this suggestion. One of the graves was cut by an undercut grave from the second half of the first or the first half of the second century AD. The discovered assemblages allow the one to clarify the succession of events related to the history of the area in question. Therefore, this paper introduces into the scholarship the materials discovered in the burials of the cemetery in question.

Keywords: Crimea, Levadki cemetery, Zmeinoe fortified settlement, Late Scythians, Sarmatians, chambered graves, burial vaults, funeral rite, storage pits

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Могильник находится в 6 км к юго-западу от современной границы г. Симферополя, на южной окраине дачного поселка у села Левадки Симферопольского района Республики Крым. Памятник открыт в 1997 г. автором и исследуется с перерывами по настоящее время. Могильник датируется серединой / второй половиной II в. до н.э. – серединой III в. н.э. Вероятно, некрополь принадлежал населению, проживавшему на территории близ расположенных городища и поселения Змеиное [9, с. 48]. В этническом плане весьма четко определяются позднескифские и сарматские элементы погребального обряда. Здесь раскопано 193 погребальных комплекса: 23 катакомбы, 27 склепов, 94 подбойные могилы (одна с погребением в амфоре), 44 могилы в простых грунтовых ямах (35 специальной конструкции для погребения коней, 4 с плитовым перекрытием), 3 могилы не были завершены. Еще 2 могилы нестандартной конструкции – для их сооружения были использованы хозяйственные ямы. Публикации данных комплексов посвящена эта статья.

В ходе многолетних исследований установлено, что территория могильника частично перекрывает раннее поселение. Масштабы раскопок пока не дают четкого представления о границах обоих памятников и соответственно об их взаиморасположении. Собственно поселение представлено комплексом хозяйственных ям, наибольшая концентрация которых выявлена в северной части могильника (рис. 1). Здесь на площади 270 м² их раскопано 27. Еще шесть открыты на разных участках могильника, включая самый южный. Ямы не заполнены мусорным сбросом, как это обычно бывает на поселенческих памятниках. Перекрывающий их слой абсолютно идентичен участкам могильника, где ямы отсутствуют. Нет выраженного культурного слоя, насыщенного артефактами и сколько-нибудь разнообразного в стратиграфическом плане. Все ямы обнаружены с поверхности материка. Они круглые в плане и в большинстве случаев (23 ямы) с расширяющимися книзу стенками, т.е. в поперечном вертикальном разрезе колоколообразной формы. Семь ям с вертикальными стенками. Еще одна яма сужалась ко дну и, кроме того, выделялась значительной глубиной в 3,7 м от современной дневной поверхности. Размеры остальных ям зафиксированы в следующих пределах: диаметр по верхнему краю – 1,3–1,8 м, по дну – 1,6–2,4 м, глубина от современной дневной поверхности – 0,6–2,4 м, в ма-

терике – 0,1–1,6 м. Лишь в одном случае яма перерезала соседнюю. Две ямы были использованы для сооружения погребальных конструкций[1].

К сожалению, хозяйственные ямы крайне бедны в плане находок. Девять из них не содержали артефактов вовсе. Среди обнаруженного материала небольшое количество фрагментов амфорной тары, гончарной и лепной посуды, костей животных. Из достоверно определяемых типов амфор преобладают экземпляры родосского производства.

Наиболее информативный за все годы раскопок артефакт найден в хозяйственной яме № 6 – это половина ***жернова-толкача*** (рис. 2,*4*). Он высечен из камня, предположительно, гранита. Реконструируемая форма жернова прямоугольная в плане, размером 0,33х0,36 м, толщина 0,05–0,08 м. Сверху в нем пирамидальное углубление, заканчивающееся узкой сквозной прорезью. На верхней поверхности камня по обеим сторонам от углубления, в линию с прорезью имеются желоб. Он служил для закрепления в нем рычага, с помощью которого осуществлялось движение верхнего жернова по плоскости нижнего, неподвижно закрепленного на рабочей поверхности. В углубление засыпалось зерно и, попадая через прорезь между двух движущихся жерновов, перемалывалось в муку [8, с. 99–100, рис. 9, 10].

Подобные ручные мельницы появляются еще в V в. до н.э. в античных городах Эгейского региона и Северного Причерноморья [6, с. 136]. Аналогичные жернова найдены при раскопках синдского поселения в 10 км от станицы Таманской, городища у станицы Раевской, а также городища Золотая Балка в Нижнем Поднепровье [5, с. 74, рис. 22,1; 23, с. 128, рис. 48, табл. XXIII,3; 18, с. 87, рис. 5]. Большинство из этих находок датируются III–II вв. до н.э. Длительное использование жерновов такого типа подтверждает находка целого мукомольного комплекса в Киммерике. Дом, в одном из помещений которого он находился, датирован I–III вв. н.э. [15, с. 97–99, рис. 44].

Ни в одном случае хозяйственные ямы не перерезаны могильными конструкциями. Только две из них были использованы при сооружении могил в качестве входных ям. Рассмотрим их подробней.

Могила № 25 обнаружена по грабительскому шурфу. В качестве входной ямы могилы использована хозяйственная яма. Она круглая в плане, слегка расширяющаяся ко дну (рис. 2,*1–3*). Диаметр верхнего края – 1,5–1,6 м, по дну – 1,7 м. Глубина от современной дневной поверхности – 2,1–2,4 м, от уровня материковой поверхности – 1,7 м. Заполнение ямы устроителями погребальной конструкции до конца выбрано не было. Оставшийся слой толщиной 0,2 м содержал невыразительные и малочисленные непрофильные фрагменты лепной посуды, а также фрагменты черепа собаки. С этого уровня в западной стенке ямы была вырублена погребальная камера овальной формы в плане. Длинная ось камеры и центр входной ямы расположены на одной линии, ориентированной с запада на восток. Ее размеры 1,1х1,9 м,

[1] Эти конструкции нумеровались как могилы, поэтому в число перечисленных хозяйственных ям не были включены.

максимальная высота свода 0,95 м. Пол камеры ниже уровня дна входной ямы (уровень недобранного в древности заполнения) на 0,17 м и в продольном вертикальном разрезе почти совпадает по уровню с реальным дном хозяйственной ямы. Свод камеры в поперечном вертикальном разрезе стрельчатой формы, в продольном – плавно понижается к задней стенке. Вход в камеру закрывала вертикально стоящая каменная плита (0,95х0,9х0,15 м), частично поврежденная в верхней части грабителями. Щели между плитой и стенками устья камеры были заложены небольшими камнями. Судя по обнаруженным в грабительском заполнении костным останкам, в камере было погребено два взрослых человека.

В северной стенке ямы на высоте 0,7 м от ее реального дна вырублена небольшая ниша-подбой, близкая к овальной форме в плане. Ее размеры 1,45х0,5 м, максимальная высота 0,65 м. Продольная ось камеры параллельна линии, на которой расположены центр входной ямы и длинная ось первой камеры. Поперечная ось, через центр входной ямы, образует прямой угол с продольной осевой первой камеры. Входное устье в камеру заужено простенком, оставленным в западной части. Ширина устья – 0,85 м, длина – 0,15 м. Судя по размерам и костным останкам, здесь было совершено погребение ребенка.

В грабительском заполнении всего комплекса обнаружены: бронзовый перстень со следами позолоты с массивной лицевой стороной с овальной жуковиной, предназначенной для каменной или стеклянной вставки (рис. 3,*20*); подвеска из белого металла из свернутой в цилиндр тонкой позолоченной пластинки, обжимающей кремневый отщеп когтевидной формы, с припаянной петлей со свободным проволочным кольцом (рис. 3,*21*); бронзовые проволочный браслет (рис. 3,*19*), кольцо (рис. 3,*16*), фрагмент проволочной сережки (рис. 3,*43*), пронизь или кольцо, свернутое из пластины (рис. 3,*42*); железные поясной крюк (рис. 3,*10*) и фрагмент ножа (рис. 3,*41*); 158 бусин из различных материалов (рис. 3,*1–9,11–15,17,18,22–40,44,45*; табл. 1); 9 фрагментов стенок красноглиняных амфор и 5 фрагментов стенок лепных сосудов.

Могила № 34. Основой конструкции могилы послужила хозяйственная яма, круглая в плане и колоколообразная в поперечном вертикальном разрезе (рис. 4,*2*). Ее размеры: диаметр верхнего края – 0,8 м (реконструкция), диаметр дна – 1,45–1,5 м, глубина от современной дневной поверхности – 2,25 м, от уровня материка – 1,5 м. Верхний край, видимо, изменил свои первоначальные очертания в результате устройства погребений и приобрел некоторую прямоугольность (0,95х1 м). На высоте 0,8 м от дна ямы, в двух противоположных ее стенках были вырублены погребальные камеры. Продольные осевые камер параллельны, поперечные – расположены на одной линии, проходящей через центр ямы.

Северо-восточная камера овальной формы в плане, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Ее размеры: длина – 1,03 м, ширина от входного устья – 0,55 м, максимальная высота свода – 0,37 м. Ширина входного устья – 0,55 м, высота – 0,37 м. Вход закрывала каменная плита, поставленная вертикально на камни заполнения

ямы. Щели прикрывали более мелкие камни. Пол камеры горизонтальный. Свод, в поперечном вертикальном разрезе, понижается от входного устья и плавной дугой переходит в дно камеры.

В камере обнаружены детские костяки хорошей сохранности. В анатомическом порядке находилось одно захоронение (рис. 6.2). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки вдоль туловища. Череп развернут лицевой частью на северо-восток. В несколько смещенном положении были кости таза, правая локтевая и лучевая кости, а также берцовые кости обеих ног. Под черепом, с шейными позвонками обнаружены бусы (рис. 6.2,*1*). Еще два детских костяка зафиксированы в сдвинутом положении – поверх и рядом с первым погребенным (рис. 6.1). С ними также были найдены несколько разрозненных бусин. Не исключено, что эти бусы могли рассыпаться из первого ожерелья. Всего в камере найдена 21 бусина (рис. 8,*4–10*; табл. 1).

Юго-западная камера почти полностью разрушена входной ямой соседней подбойной могилы № 37 (рис. 6.3). Вероятно, она также была овальной формы в плане. Ее реконструируемые размеры: длина – 1,4 м, ширина от входного устья не превышала 0,8 м. Ширина входного устья – 0,5 м, высота – около 0,35 м. Вход в камеру закрывала каменная плита, поставленная вертикально на камни заполнения ямы. В камере *in situ* обнаружены четыре бусины (рис. 6.3,*11*; 8,*1–3*; табл. 1). Остальное содержимое, вероятно, было уничтожено во время сооружения подбойной могилы. В смешанном заполнении входной ямы могилы № 37 и юго-западной камеры могилы № 34 было обнаружено 10 фрагментов лепных сосудов (рис. 8,*33–35*).

На дне хозяйственной ямы обнаружено погребение взрослого человека (рис. 7,*1*). Кости хорошей сохранности. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Череп развернут влево и обращен лицевой частью на север. Правая рука поднята и согнута таким образом, что ее локоть первоначально покоился на голове, кистью перед лицом. Впоследствии кости распались, и расстояние между местом соединения плечевой и локтевой-лучевой костями составило 0,2 м. Левая рука отведена от туловища и согнута в локте. Кисть находится на уровне шеи, на расстоянии 0,45 м от черепа. Ноги сильно согнуты в коленях и разведены в разные стороны. Пятки поджаты к тазу. В немного смещенном положении находились чашечка и малая берцовая кость правой ноги, несколько шейных позвонков. Погребение оказалось безинвентарным.

Яма на всю глубину с уровня материка была заполнена камнями средней величины вперемешку с переотложенным материковым грунтом. Лишь на уровне пола камер (на высоте 0,8 м от дна) была прослойка в 0,1 м темного грунта.

Для более полного понимания ситуации разрушения одной могилы другой и для определения датировки комплекса приведем описание ***могилы № 37***.

Как было сказано выше, ее конструкция отчасти разрушила юго-западную камеру могилы № 34 (рис. 4). Входная яма прямоугольной формы в плане, длинной осью ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Размеры по верхнему краю 1,45х0,55–0,6 м.

По дну контур ямы определить точно не удалось, т.к. кроме ее северо-западной торцевой стенки остальные были выкопаны в мягком заполнении погребальной камеры могилы № 34. Глубина от современной дневной поверхности – 1,3 м, от уровня материка – 0,5 м.

Подбой вырублен в юго-западной стенке входной ямы. Его перекрывал заклад, состоящий из трех массивных каменных плит, установленных вертикально, и более мелких камней (рис. 5,*3*). Камера подпрямоугольной формы в плане с округленными углами. Ее размеры: по полу – 1,3х0,7 м, ширина от юго-западного борта входной ямы – 0,4 м, максимальная высота свода – 0,6 м. Пол понижается в северо-западном направлении на 0,1 м. Его уровень ниже дна входной ямы. Переход оформлен в виде ступеньки высотой 0,25 м.

В камере было совершено детское погребение, вероятно, одиночное. Костяк не сохранился, лишь несколько зубов указывают на то, что умерший был ориентирован головой на северо-запад. Рядом с зубами обнаружена низка бус (рис. 6.3,*10*; 8,*12,15,22–25,27–29,31*). Чуть ниже, вероятно в районе груди или рук, находились еще две отдельные группы бус (рис. 6.3,*5,8,9*; 8,*20,21,26,32*), а также бронзовая фибула с завитком на конце приемника (рис. 6.3,*7*; 8,*19*). Справа от предполагаемого местоположения головы лежало бронзовое литое кольцо с выступами (рис. 6.3,*6*; 8,*16*). В ногах (?) стояли краснолаковые кувшин (рис. 6.3,*1*; 7,*4*), тарелка (рис. 6.3,*2*; 7,*2*) с железным ножом (рис. 6.3,*3*; 8,*11*) и миниатюрная чашка (рис. 6.3,*4*; 7,*3*).

Анализ датирующего материала. В могиле № 25 наибольший интерес в наборе погребального инвентаря вызывает ***железный поясной крюк*** (рис. 3,*10*). Он представляет собой трапециевидную, продольно вытянутую пластину, завершающуюся с узкой стороны стержнем с загнутым внутрь и заостренным концом – крюком. На тыльной стороне пластина имеет Т-образный штифт из овального в сечении стержня, с помощью которого крюк прикреплялся к ремню. Предмет сильно коррозирован и сломан грабителями. В ходе механической реставрации удалось установить, что лицевая сторона пластины украшена рельефным изображением. Хорошо видны два параллельных валика, украшающих бляху по краю. Внутри этой обводки, вероятно, нанесено изображение, детали которого скорее угадываются, чем имеют определенное трактование. Центральная часть изображения утрачена из-за сколов, остальная вздулась в процессе коррозии. Размер предмета 4,4х9,6 см.

В публикациях подобные предметы называют по-разному: «пряжки», «поясные или защитные бляхи», «поясные крюки», «ременные пластины». Отчасти такое многообразие терминов связано с двумя типами крюков, отличных по форме, но изготавливавшихся по одной функциональной схеме: сильно загнутый крючок на одном конце и Т-образный штифт с тыльной стороны для крепления к кожаной основе. О. Д. Дашевская разделила эти типы по форме на «широкие, пластинчатые» и «узкие» [9, с. 35]. Последние точнее было бы называть стержневидными, поскольку все они вытянутой формы и круглые в сечении по всей длине или в большей части своей длины. Ошибочно первые находки этих крюков интерпретировались исследо-

вателями как ткацкие орудия [26, с. 186, рис. 10]. В своей типологии О. Д. Дашевская отметила и переходные формы, приводя в пример находки из восточного некрополя Неаполя Скифского [25, табл. XVII,2–5]. Видимо, еще одним типом следует считать фигурные крюки. К таковым можно отнести крюк в виде всадника, случайно найденный на территории могильника в Петровской балке [7, с. 81–83].

Характеристики «пластинчатых» крюков (форма, материал, орнаментация) в их различных сочетания дают достаточное разнообразие для разработки специальной типологии. Это задача отдельной публикации. В данном случае рассмотрим максимально приближенные аналогии экземпляру из Левадков.

Неожиданно однозначную интерпретацию рельефа и деталей поясного крюка из Левадков дает в своей работе Ю. П. Зайцев [12, с. 541–542]. По его мнению, сам крюк выполнен в форме «стилизованной головы хищной птицы», а сцена на пластине изображает «хищную птицу, клюющую рыбу». Эти орнитологические мотивы исследователю, видимо, подсказали находки из «клада» Веселой Долины в Северо-Западном Причерноморье, а также из курганных погребений в Чистеньком и Сары-Кая в предгорном Крыму. На щитке поясного крюка из Веселой Долины действительно довольно реалистично изображены две птицы, клюющие или несущие в когтях рыбу [22, с. 84, рис. 1,3]. Оформлены ли окончаниях крюков из Чистенького, Сары-Кая и Левадков в виде голов птиц, судить сложно, поскольку металл во всех случаях сильно деформирован. У наиболее сохранившегося за счет плакировки золотом поясного крюка из Нижних Серогоз окончание выполнено в виде головы животного (кабана?), кусающего шею лебедя [21, табл. LXXXV,3,3а; 30, Abb. 4c].

Еще на двух известных нам поясных крюках с изображениями на щитках нанесены различные сцены: поединок всадников (Нижние Серогозы) и крылатые кони с фигуркой человека между ними (Чистенькое). В последнем случае изображение прорезное и железная основа плакирована бронзой [13, с. 246, рис. 7,23]. Изображения на щитке поясного крюка из Сары-Кая повреждены коррозией, видна лишь окантовка валиком и крестообразное разделение поверхности на четыре части [14, с. 149, рис. 6,2]. Представляется, что поясные крюки могли изготавливаться по индивидуальным заказам и соответственно не повторялись в сюжетах изображений на их щитках.

Поясные пластинчатые крюки известны из раскопок погребальных комплексов Неаполя Скифского [25, табл. XIV,5; XVI,3,4,7,11,19,30], Беляуса [9, с. 35], Талаевского кургана [26, с. 186, рис. 10]. Э. А. Сымонович датирует погребения, в составе инвентаря которых есть поясные крюки, довольно широко II–I вв. до н.э. – I в. н.э. [25, с. 104, рис. 19]. Орнаментированные же экземпляры поясных крюков датируются III–II вв. до н.э. [13, с. 248–249; 10, с. 57]. II в. до н.э. датируется находка из Беляуса [9, с. 35]. В этой связи наиболее приемлемой датой для поясного крюка из Левадков является II в. до н.э.

Подвеска, найденная в могиле № 25, состоит из металлической обоймы и кремневой вставки. Обойма свернута в цилиндр из тонкой позолоченной пластины из бе-

лого металла. Она украшена поперечными рифлеными линиями и рядом точечных выступов в нижней части, имитирующих зернь. К верхнему концу цилиндра припаяна круглая пластинчатая петля, украшенная продольными рифлеными линиями, в которую продето кольцо, свернутое в полтора оборота из круглой в сечении проволоки. В обойму вставлен отполированный кремневый отщеп черного цвета когтевидной формы. Похожая подвеска с коралловой вставкой обнаружена в Левадках в могиле № 18 [29, рис. 13,32]. Основным датирующим предметом этой двухкамерной катакомбы являлась фибула раннелатенской схемы второй половины или последней четверти II в. до н.э. [29, с. 257, рис. 12,17; 17, с. 37–40, рис. 17,3].

В погребальном инвентаре могилы № 37 ряд предметов датируют захоронение в рамках второй половины I – первой половины II в. н.э. В этот период широко используется ***фибула***, относящаяся к группе застежек с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Подобные экземпляры у А. К. Амброза относятся ко второму варианту – маленьких с S-видным завитком. Он определил верхнюю дату для таких фибул «частью II в. н.э.» [4, с. 45, табл. 5,14]. В. В. Кропотов в своей классификации аналогичные застежки включил в Серию I (причерноморская), форма 2 и предложил продлить период их бытования на весь II в. н.э., допуская использование отдельных экземпляров и в первой половине следующего столетия [17, с. 183].

Дату погребения во второй половине I – первой половине II в. н.э. подтверждает и обнаруженный в могиле сервиз из трех ***краснолаковых сосудов***. Он имеет множество аналогий на одновременных памятниках Крыма. Тарелка с вертикальным бортиком близка, но не абсолютно идентична, серии сосудов, отнесенных А. А. Труфановым в его типологии к варианту III-Г-2 – с непрофилированным бортиком и штампом [27, с. 187]. В другой работе этот вариант тарелок отнесен автором к первой группе третьего типа [28, с. 154]. Датировка предметов основывается на материале двух комплексов Усть-Альминского могильника. Пять аналогичных тарелок из могильника Бельбек IV Д. В. Журавлев отнес к форме 2, вариант 2.1.1 – мелкие со слабо вогнутым прямым бортиком, почти плоским дном, клейменные и декорированные несколькими рядами насечек [11, с. 43, табл. 13, кат. № 70–74]. Отличие тарелки из Левадков от приведенных аналогий заключается в штампе на дне сосуда в виде цветка или растения (?). Найти аналог этому клейму не удалось.

Одноручный кувшин с биконическим туловом по типологии А. А. Труфанова относится к типу 13, варианту 1, у Д. В. Журавлева – к форме 2, вариант 2.1 [27, с. 186, рис. 42,1–6; 11, с. 74, табл. 41, кат. № 319, 322]. Аналогичные кувшины найдены в могильнике Неаполя Скифского, Совхозе 10 и др. [24, табл. XX,1–7; 25, табл. V,9]. Любопытно, что кувшины из Усть-Альминского (могила 488) и Заветнинского (могилы 110 и 132) могильников также входили в сервизы с посудой, имеющей штампы. В могиле 905 Усть-Альминского некрополя в погребальном инвентаре вместе с кувшином присутствовала фибула с S-видным завитком на конце приемника [28, с. 154].

Чаша на кольцевом поддоне с полусферическим туловом и отогнутым под прямым углом краем находит аналогии в погребальном инвентаре Усть-Альминского

могильника [20, рис. 171,8], некрополя у д. Кыз-Аул [8, рис. 68,1]. Такие чаши из могильника Бельбек IV отнесены Д. В. Журавлевым к форме 24 [11, с. 57–58].

Что касается бус, обнаруженных во всех комплексах, большинство из них имеет довольно широкое время бытования. Это видно из таблицы с указанием типов и датировки по классификации Е. М. Алексеевой (табл. 1) [1; 2; 3]. В каждом отдельном погребении есть узко датированные типы, взаимоисключающие одновременное их использование. Такая ситуация, безусловно, связана с устаревшими данными классификации.

Таким образом, мы имеем вполне ясную хронологическую картину последовательности возникновения и использования рассматриваемых комплексов. Определенные сомнения вызывает лишь датировка функционирования поселения или точнее хозяйственного комплекса, поскольку кроме ям никаких других одновременных следов жизнедеятельности на исследованных участках памятника пока не обнаружено. Подсказкой в этом вопросе может быть материал, полученный С. Г. Колтуховым в ходе шурфовок городища и примыкающего к нему поселения Змеиное [16]. Под развалом одной из подпорных стен, в слое, подстилающем постройку, были обнаружены фрагменты керамических сосудов, которые исследователь датировал III–II вв. до н.э. По данным последних разведок, упомянутое поселение расположено всего лишь на расстоянии 250 м к северо-западу от территории могильника. Можно предположить, что хозяйственные ямы на территории могильника являются периферийным хозяйственным комплексом данного поселения и соответственно появились в III в. до н.э.

Ямы перестают использовать по назначению к моменту сооружения первых погребений в середине / второй половине II в. до н.э. В этот период захоронения совершались в катакомбных конструкциях [19, с. 118–119]. Основными элементами таких сооружений были входная яма и погребальная камера, в которой умерших укладывали только в двух противоположных направлениях [29, с. 242]. Входную яму и камеру соединял узкий и короткий лаз. После совершения погребения входная яма заполнялась камнями. В I в. до н.э. появляются грунтовые склепы – семейные усыпальницы Т-образной планировки. У таких конструкций более удобная, вытянутая входная яма и просторная погребальная камера, позволявшая располагать умерших в большом количестве, ориентируя практически по всем сторонам света. Входная яма, по-прежнему, полностью забутовывалась камнями. И уже в I в. н.э., с проникновением сармат в позднескифскую среду, на территории некрополя появляются подбойные могилы, предназначенные в основном для индивидуальных погребений. Исчезает каменная забутовка входных ям. Камеру от последней отделяют массивные закладные плиты.

Могилы № 25 и № 34 более всего напоминают катакомбные сооружения. И датирующий материал комплексов совпадает со временем использования именно таких конструкций. Подбойная могила № 37, сооруженная в промежутке второй

половины I – первой половины II в. н.э., разрушившая часть камеры могилы № 34, подтверждает факт последовательности захоронений.

Чем была вызвана необходимость использования хозяйственных ям в качестве основы погребальных конструкций, объяснить сложно. Крымские могильники и поселения различных эпох дают нам примеры использования хозяйственных ям для погребения людей. Часто эти люди просто брошены в пустующие ямы. Такое обращение с покойными мы объясняем социальным положением умерших. Не вызывает сомнения, что эти люди были изгоями или чужаками для коллективов, в которых они оказались. В нашем же случае социальный статус умерших не отличается от одновременных погребений, совершенных в традиционных погребальных сооружениях. Исключением является лишь человек, погребенный на дне ямы могилы № 34.

Дальнейшие исследования могильника, вероятно, помогли бы разрешить различные вопросы, связанные с погребальным обрядом скифов и сармат Крыма. Но это возможно при условии планомерного и постоянного исследования памятника.

Таблица 1. Бусы из могильника Левадки
Plate 1. Beads from the cemetery of Levadki

№ рис. в табл. / № на плане	*Описание (кол-во)*	*Размеры (см)*	*Тип по Е.М. Алексеевой [1–3]*	*Дата (в скобках указана дата наибольшего распространения бус данного типа)*
1	*2*	*3*	*4*	*5*
	Могила № 25			
Одноцветное стекло				
2.17	шаровидная поперечносжатая, глухое черное (1)	L-0,7 D-1,0	1	VI в. до н.э. – IV в. н.э. (II–III вв. н.э.)
2.25	шаровидная поперечносжатая, глухое белое (1)	L-1,0 D-1,3	2	IV в. до н.э. – IV в. н.э. (I–II н.э.)
2.24	шаровидные поперечносжатые, полупрозрачное темно-лиловое стекло (2)	L-0,2-0,3 D-0,4	4	VI–V вв. до н.э., III в. до н.э. – III в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
2.8	шаровидная поперечносжатая, полупрозрачное темно-зеленое (1)	L-0,4 D-0,6	8	III в. до н.э. – IV в. н.э. (I–III вв. н.э.)
2.4	шаровидные поперечносжатые, глухое светло-зеленое (5)	L-0,1-0,3 D-0,2-0,3	9	II в. до н.э. – IV в. н.э.
2.2	шаровидные поперечносжатые, глухое бирюзовое (3)	L-0,2-0,3 D-0,3-0,4	13	IV в. до н.э. – III в. н.э.
2.37	шаровидные поперечносжатые, полупрозрачное темно-синее (2)	L-0,2-0,5 D-0,3-0,9	15	VI в. до н.э. – IV в. н.э. (I в. н.э.)
2.14	бочковидные поперечносжатые, глухое черное (2)	L-0,6 D-0,6-0,7	18	II в. до н.э., I в. н.э.
2.5	бочковидная поперечносжатая, прозрачное желтое (1)	L-0,3 D-0,4	23	вт. пол. I в. до н.э. – III в. н.э.
2.36	яйцевидной формы, прозрачное янтарно-желтое (1)	L-0,7 D-0,9	35	IV–II вв. до н.э.
2.13	биконическая, прозрачная светло-зеленая (1)	L-0,5 D-0,5	близка типу 91	IV в. н.э.
2.11	усеченно-биконическая продольно-вытянутая, прозрачное янтарно-желтое (1)	L-1,0 D-0,6	близка типу 99	III–I вв. до н.э., II в. н.э.
2.3	искривленные поддилиндрической формы, глухое сизо-зеленое (8)	L-0,2-0,3 D-0,3	–	–
2.39	в виде двух поперечно сжатых цилиндров, украшенных поперечной врезной полосой, соединяющихся боковыми поверхностями и расположенных продольными каналами отверстий в перпендикулярных плоскостях по отношению друг к другу, прозрачное бесцветное (1)	L-0,5 H-0,8	–	–
Многоцветное стекло				
2.27	шаровидная поперечносжатая, глухое белое, украшена тремя слоистыми глазками, в которых диск из прозрачного синего стекла окружен последовательно кольцами из глухого белого и прозрачного синего стекла (1)	L-0,9 D-1,2	26б	I в. н.э.

1	*2*	*3*	*4*	*5*
2.28	шаровидная поперечносжатая, глухое темно-синее, украшена тремя глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен кольцом из глухого белого стекла (1)	L-0,8 D-1,0	33а	VI в. до н.э. – I в. н.э. (IV–I вв. до н.э.)
2.26	шаровидные поперечносжатые, глухое синее, украшена тремя глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен кольцом из глухого желтого стекла (2)	L-0,8-0,9 D-0,9-1,4	33в	IV–II вв. до н.э.
2.35	бочковидная подбиконичная, глухое черное, украшена поперечной полосой из глухого белого стекла (1)	L-0,9 D-0,7	146	IV–III вв. до н.э., I в. н.э.
2.15	короткоцилиндрическая, полупрозрачное темно-синее, украшена шестью продольными полосками из глухого белого стекла (1)	L-0,4 D-0,6	191а	I в. до н.э. – I в. н.э.
2.32	шаровидная поперечносжатая, полупрозрачное темно-лиловое, украшена одним спиральным витком нити из глухого белого стекла (1)	L-0,6 D-1,1	201	II в. до н.э.
2.34	цилиндрическая, прозрачное синее, украшена спиралевидно навитой нитью из глухого белого стекла (1)	L-1,4 D-0,7	218а	II в. до н.э. – II в. н.э.
2.31	шаровидная, глухое синее, украшена в средней части поперечной зигзаговидной нитью из глухого белого стекла, а возле краев отверстий – поперечными полосками из глухого желтого стекла (1)	L-1,0 D-1,2	319	III–II вв. до н.э., I в. н.э.
2.30	шаровидные с мозаичным орнаментом в виде расположенных “елочкой” чередующихся полосок из глухого красного, темно-синего, желтого, белого стекла (2)	L-1,0-1,2 D-1,2	430	II–I вв. до н.э.
С внутренней металлической прокладкой				
2.40	шаровидные поперечносжатые, прозрачное бесцветное (51 и фр-ты)	L-0,2-0,7 D-0,3-1,0	1а	III в. до н.э. – IV в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
2.22	бочковидные пропорциональные, прозрачное бесцветное (3)	L-0,3-0,4 D-0,3-0,4	2а	III в. до н.э. – III в. н.э.
2.7	цилиндрические продольно вытянутые, прозрачное бесцветное (2)	L-0,7-0,8 D-0,3	4	III в. до н.э. – II в. н.э.
2.23	усеченно-биконическая, прозрачное бесцветное (1)	L-0,3 D-0,7	8	III в. до н.э. – II в. н.э., IV в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
Египетский фаянс				
2.9	короткоцилиндрические, белого цвета (18)	L-0,3-0,4 D-0,4-0,5	7	вт. пол. VI – перв. пол. V в. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э.
2.12	короткоцилиндрические, бурого цвета (16)	L-0,2-0,3 D-0,4-0,6	8	вт. пол. VI – перв. пол. V в. до н.э., IV–III вв. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э.
2.6	короткоцилиндрические, бирюзового цвета (2)	L-0,2 D-0,3-0,4	9	VI в. до н.э. – IV в. н.э. (I–II в. н.э.)
2.38	бочковидная с бугристой поверхность ю, белесого оттенка, покрытая глазурью бирюзового оттенка (1)	L-0,9 D-1,0	19	V в. до н.э. – II в. н.э. (I в. н.э.)

Гагат				
1	*2*	*3*	*4*	*5*
2.45	ромбовидные уплощенные с двумя параллельными каналами отверстий (11)	L-1,0-1,2 H-0,8-0,9	37	кон. VI–V вв. до н.э., III в. до н.э. – III в. н.э.
2.44	усеченно-бипирамидальная поперечносжатая (1)	L-0,6 H-0,9	57	–
2.18	ромбовидной формы с утолщением на нижнем конце и поперечным цилиндрическим выступом с каналом отверстия - на верхнем (7)	L-0,3-0,4 H-1,0-1,1	близка типу 93	–
Сердолик				
2.1	усеченно-биконическая продольно вытянутая (1)	L-0,7 D-0,4	–	–
Кость				
2.33	бочковидная продольно вытянутая (1)	L-1,2 D-1,0	2	IV в. до н.э., II–I вв. до н.э., перв. пол. II в. н.э.
2.29	усеченно-биконические поперечносжатые (2)	L-0,8 D-0,9-1,0	–	–
Могила №34. Северо-восточная камера				
Одноцветное стекло				
7.8 / 5.1-2.*1*	шаровидные поперечносжатые, прозрачное темно-фиолетовое (4)	L-0,4-0,45 D-0,5-0,6	4	VI–V вв. до н.э., III в. до н.э. – III в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
7.4 / 5.1-2.*1*	веретеновидная, прозрачное янтарно-желтое (1)	L-1,1 D-0,7	49	III в. до н.э. – III в. н.э. (II в. до н.э. – I в. н.э.)
С внутренней металлической прокладкой				
7.9 / 5.1-2.*1*	шаровидные поперечносжатые, прозрачное бесцветное (5)	L-0,3-0,4 D-0,5	1а	III в. до н.э. – IV в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
7.7 / 5.1-2.*1*	бочковидные поперечносжатые, прозрачное бесцветное (3)	L-0,6 D-0,7	2а	III в. до н.э. – III в. н.э.
Египетский фаянс				
7.6 / 5.1-2.*1*	короткоцилиндрические, белого цвета (4)	L-0,3-0,4 D-0,4-0,5	9	VI в. до н.э. – IV в. н.э. (I–II вв. н.э.)
7.10 / 5.1-2.*1*	округлые бугристые (2)	L-0,6 D-0,7	18	III в. до н.э. – III в. н.э.
Гагат				
7.5 / 5.1-2.*1*	усеченно-грушевидные подвески (2)	1x1x1,3	82	III–II вв. до н.э.
Могила №34. Юго-западная камера				
Одноцветное стекло				
7.3 / 5.3.*11*	бочковидная, глухое красное (2)	L-1,2 D-0,7	22	I–III вв. н.э. (I–II вв. н.э.)
Многоцветное стекло				
7.1 / 5.3.*11*	шаровидная поперечносжатая, полупрозрачное синее, украшена тремя плоскими кольчатыми глазками из желтого, зеленого и голубого глухого стекла (1)	L-0,9 D-1,1	33?	–
С внутренней металлической прокладкой				
7.2 / 5.3.*11*	шаровидная поперечносжатая, прозрачное бесцветное (1)	L-0,5 D-0,75	1а	III в. до н.э. – IV в. н.э. (II–I вв. до н.э.)

Могила №37				
Одноцветное стекло				
1	*2*	*3*	*4*	*5*
7.27 / 5.3.*10*	подцилиндричные с ребристой поверхностью, глухое белое (2)	L-1,3 D-1,3-1,4	142	I–II вв. н.э.
7.31 / 5.3.*10*	подцилиндричные с ребристой поверхностью, полупрозрачное синее (3)	L-1,4-1,7 D-1,3-1,5	149	кон. IV в. до н.э. – IV в. н.э. (I в. н.э.)
7.20 / 5.3.*8*	бочковидная укороченная ребристая, стекло глухое синее (1)	L-1,2 D-1,7-1,8	близка типу 149	–
Многоцветное стекло				
7.18 / 5.3.*5*	шаровидные поперечносжатые, глухое черное, украшенные мелкими крапинками из глухого белого, желтого и зеленого с красным ободком стекла (2)	L-1,0 D-1,4	13	II в. до н.э., I–IV вв. н.э.
7.26 / 5.3.*8*	шаровидная поперечносжатая из глухого белого стекла с рельефной желтой крапинкой и плоскими желтыми, светло-зелеными и голубой крапинками (1)	L-0,7 D-1,5	14	V в. до н.э., кон. I в. до н.э. – IV в. н.э.
7.30 / 5.3.*10*	шаровидная ребристая, глухое черное, украшенная спирально навитой нитью из глухого белого стекла (1)	L-1,3 D-1,6-1,7	220а	I–II вв. н.э.
7.21 / 5.3.*8*	округло-ребристая из глухого черного стекла, украшенная спирально навитой нитью из глухого желтого стекла (1)	L-1,3 D-1,5-1,6	220б	IV–III вв. до н.э.
7.16 / 5.3.*5*	шаровидная, глухое светло-зеленое, украшена поперечным поясом из глухого грязно-голубого стекла с шестью желто-красными четырехлистниками (1)	L-1,4 D-1,5	405	–
7.29 / 5.3.*10*	цилиндрическая глухое коричневое со спирально навитой нитью из глухого белого стекла (1)	L-1,4 D-0,8	–	–
С внутренней металлической прокладкой				
7.25 / 5.3.*10*	шаровидные поперечносжатые, прозрачное бесцветное (2)	L-0,3 D-0,4	1а	III в. до н.э. – IV в. н.э. (II–I вв. до н.э.)
7.23 / 5.3.*10*	бочковидная прозрачное бесцветное (1)	L-0,5 D-0,5	2б	I–IV вв. н.э.
Египетский фаянс				
7.12 / 5.3.*10*	шаровидные поперечно-сжатые ребристые, бирюзовые (2)	L-1,1 D-1,2-1,5	16г	вт. пол. VI – перв. пол. V в. до н.э., II в. до н.э. – II в. н.э.
Сердолик				
7.15 / 5.3.*10*	бочковидная (1)	L-1,1 D-0,8	3б	III в. до н.э. – IV в. н.э. (I в. н.э.)
7.22 / 5.3.*10*	шаровидные поперечно-сжатые (2)	L-0,5 D-0,7-0,8	4	вт. пол. II–III в. н.э.
Гагат				
7.32 / 5.3.*9*	бочковидная слегка уплощенная	2,9x2x 2,45	8а?	III в. до н.э. – IV в. н.э. (I в. н.э.)
7.24 / 5.3.*10*	короткоцилиндрические (40)	L-0,2-0,4 D-0,4	27а	III в. до н.э. – IV в. н.э. (I в. н.э.)
7.28 / 5.3.*10*	подцилиндричная укороченная (1)	L-0,5 D-1,4-1,5	27в	вт. пол. III в. до н.э. – III в. н.э.
Бронза				
7.13 / 5.3.*5*	бочковидная литая (1)	L-0,9 D-1,15	2	вт. пол. I–III в. н.э.
7.14 / 5.3.5	усеченно-биконическая литая (1)	L-1 D-1,3	7	II–I вв. до н.э., II в. н.э.

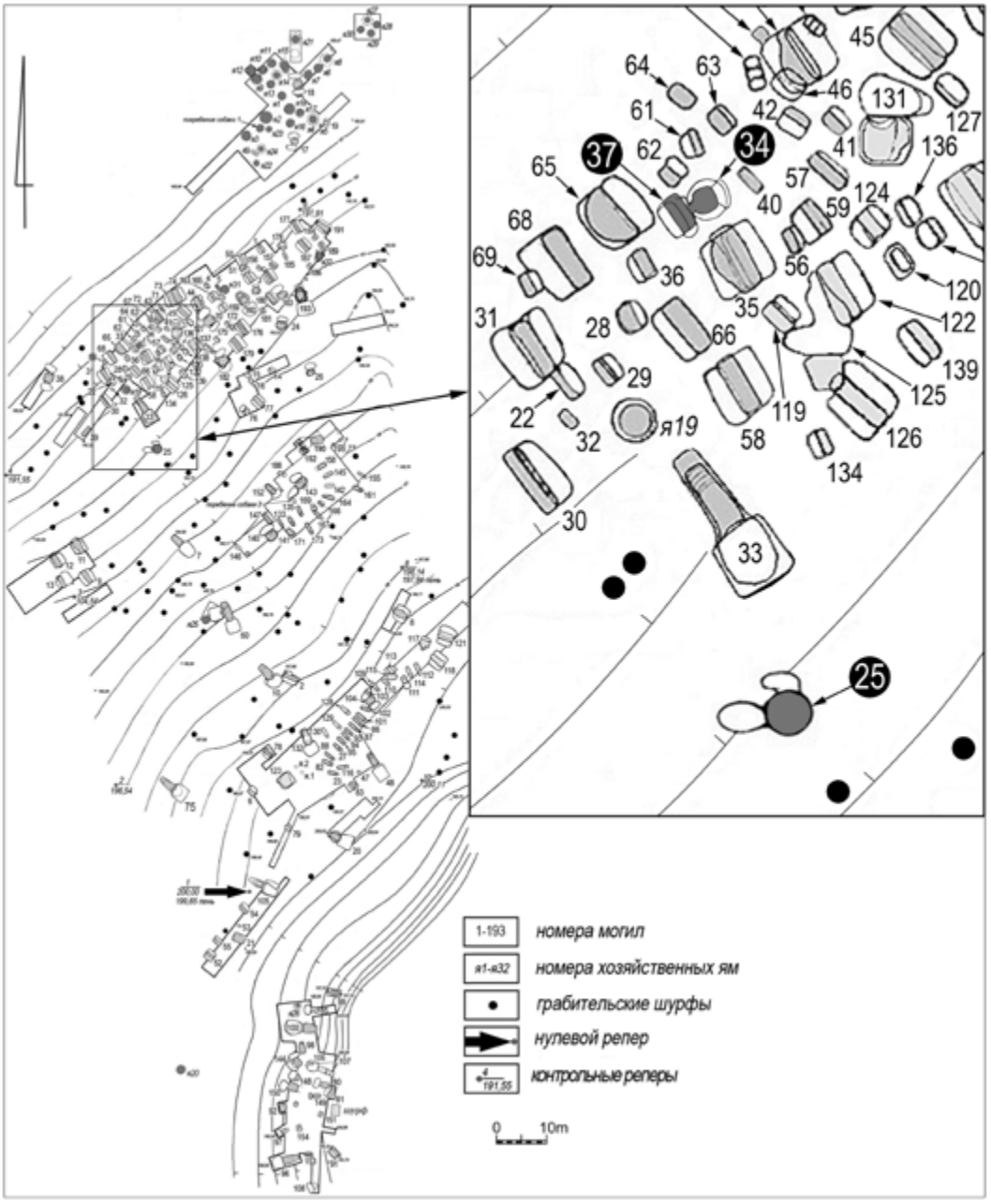


Рис. 1. Могильник Левадки. Общий план и участок с могилами №№ 25, 34, 37
Fig. 1. The cemetery of Levadki. Its general plan and the area with the graves no. 25, 34, and 37

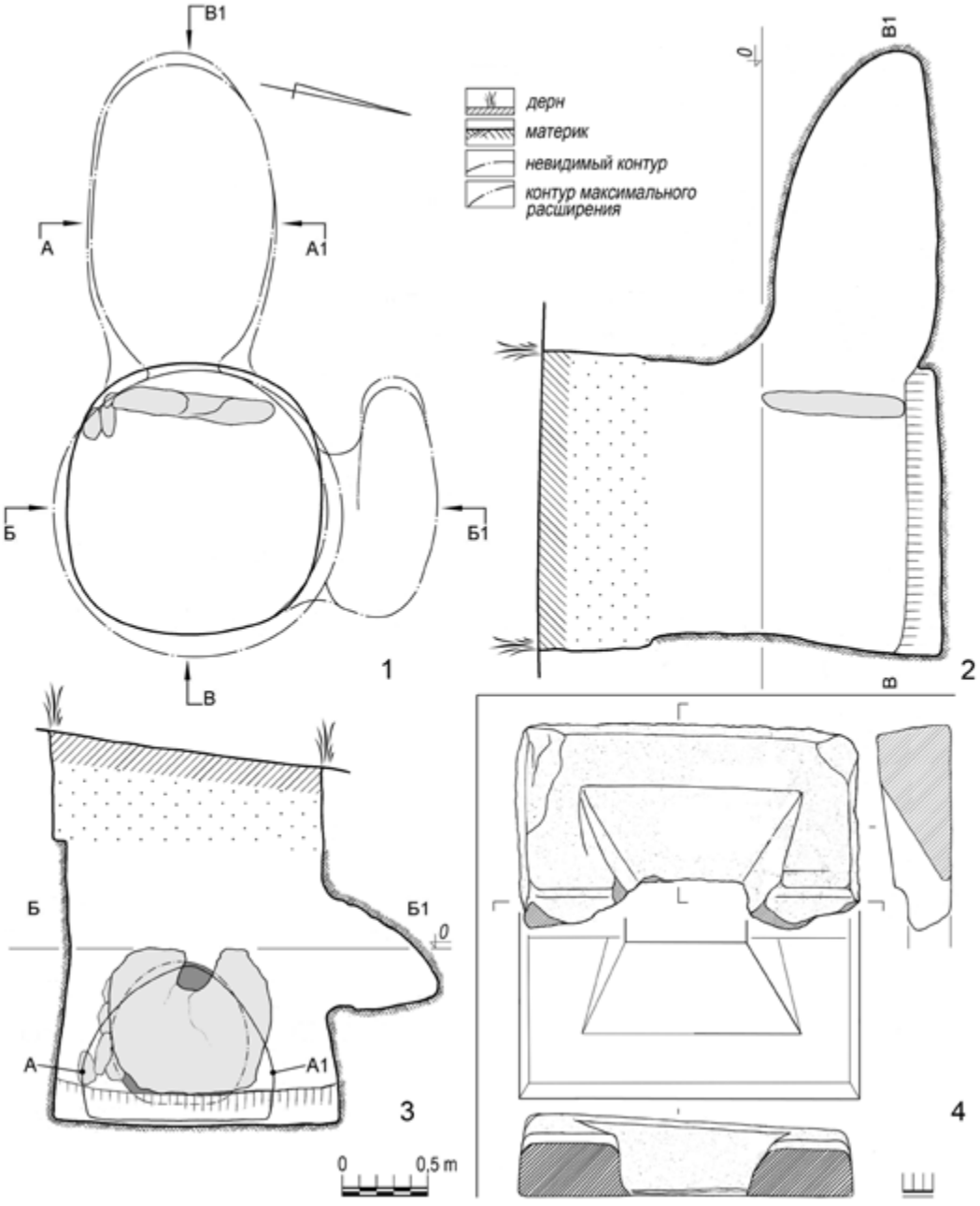


Рис. 2. Могильник Левадки: *1–3* – план и разрезы могилы № 25; *4* – фрагмент жернова-толкача из хозяйственной ямы № 6

Fig. 2. The cemetery of Levadki: *1–3* – ground plan and cross-sections of grave no. 25; *4* – handstone fragment from storage pit no. 6

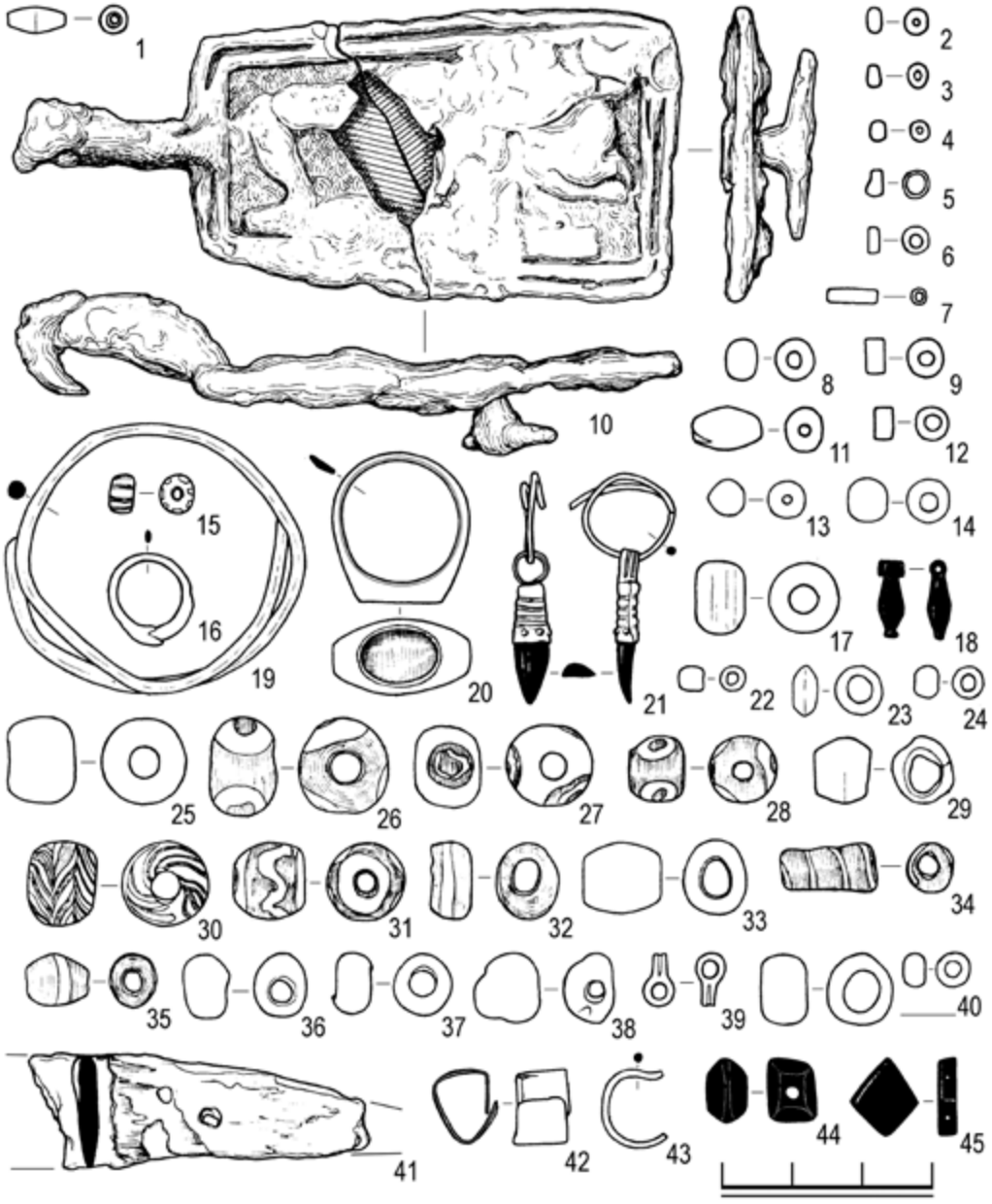


Рис. 3. Могильник Левадки. Находки из могилы № 25
1 – сердолик; 2–5, 7, 8, 11, 13–15, 17, 22–28, 30–32, 34–40 – стекло; 6, 9, 12, 38 – египетский фаянс; 10, 41 – железо; 16, 19, 20, 42, 43 – бронза; 18, 44, 45 – гагат; 21 – белый металл и кремень; 29, 33 – кость

Fig. 3. The cemetery of Levadki. The finds from grave no. 25
1 – carnelian; 2–5, 7, 8, 11, 13–15, 17, 22–28, 30–32, 34–40 – glass; 6, 9, 12, 38 – Egyptian faience; 10, 41 – iron; 16, 19, 20, 42, 43 – bronze; 18, 44, 45 – jet-stone; 21 – white metal and flint; 29, 33 – bone

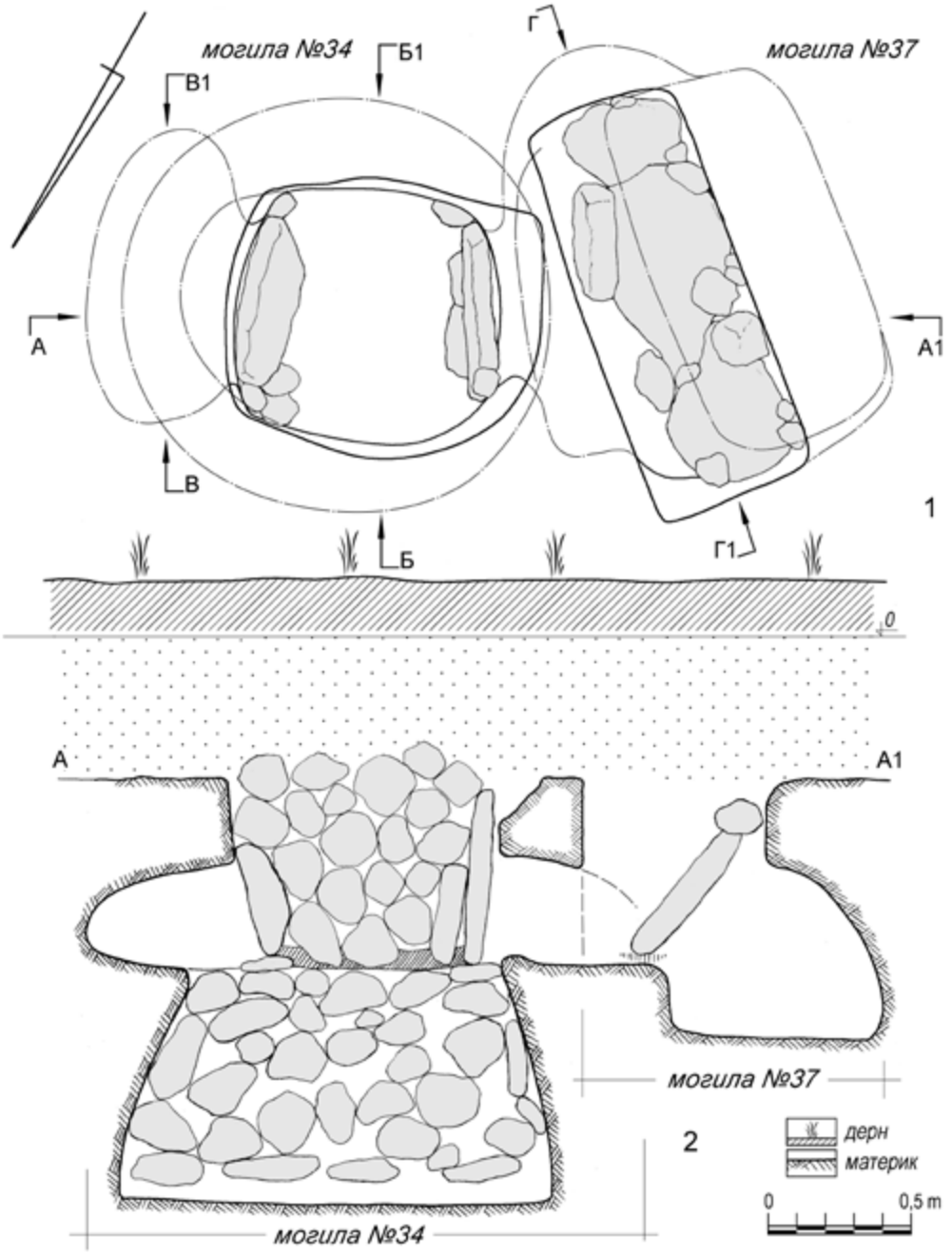


Рис. 4. Могильник Левадки. План и разрез могил № 34 и № 37
Fig. 4. The cemetery of Levadki. Ground plan and cross-sections of graves nos. 34 and 37

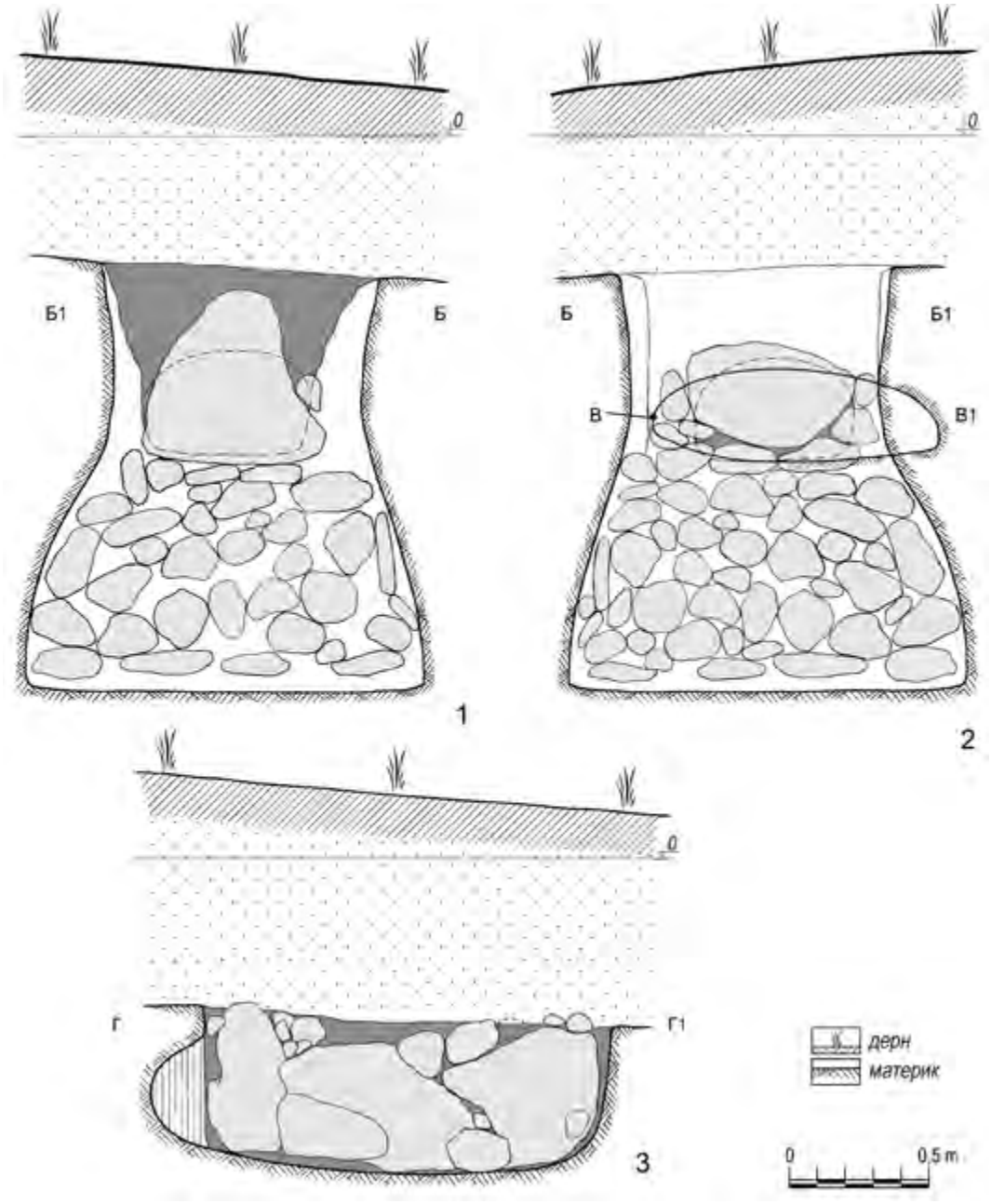


Рис. 5. Могильник Левадки: *1, 2* – разрезы могилы № 34; *3* – разрез и фасировка каменного заклада могилы № 37

Fig. 5. The cemetery of Levadki: *1, 2* – cross-sections of grave no. 34; *3* – cross-section and elevation of stone barrier in grave no. 37

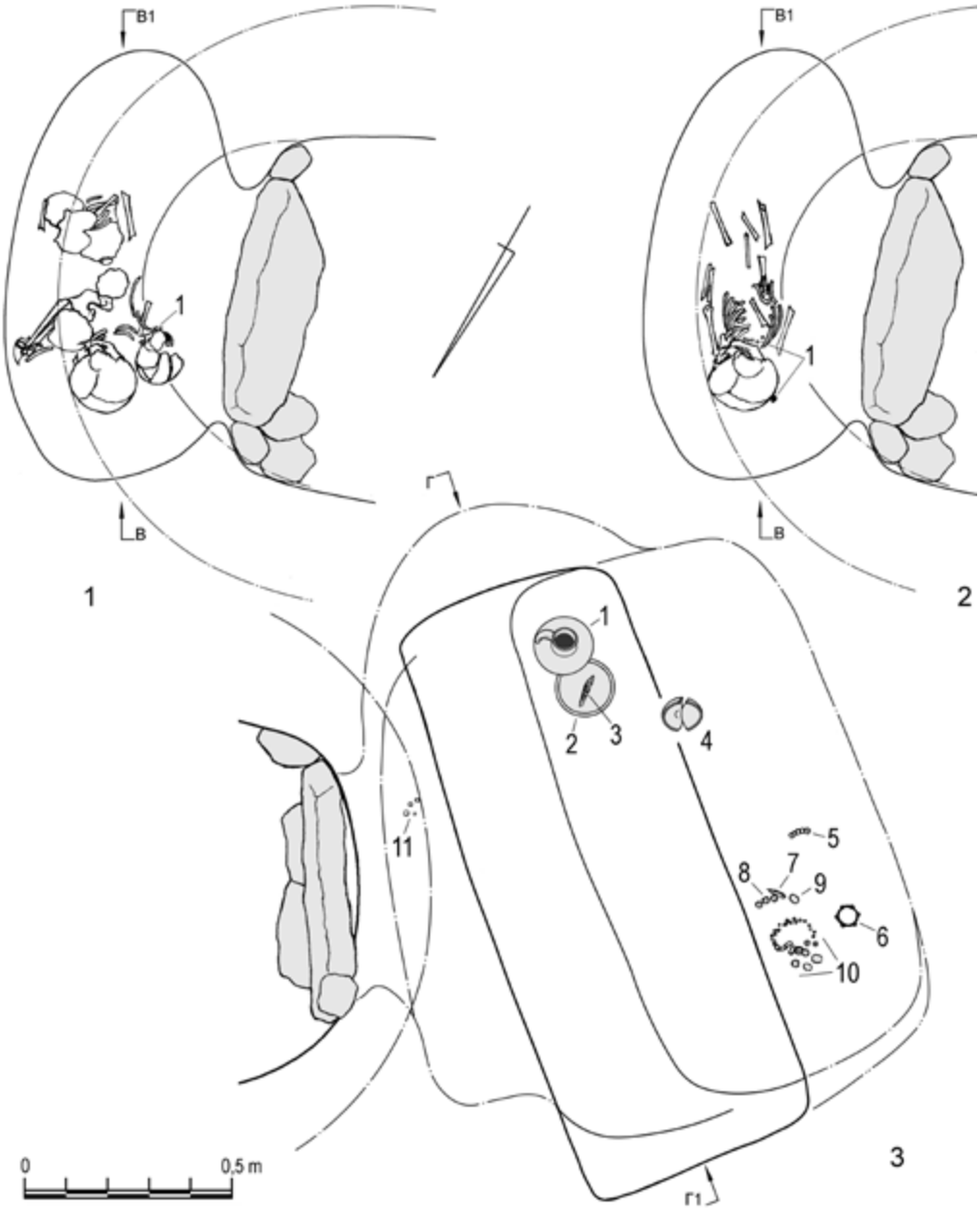


Рис. 6. Могильник Левадки: *1, 2* – планы северо-восточной камеры могилы № 34: 1 – бусы; *3* – план могилы № 37: 1 – кувшин, 2 – тарелка, 3 – нож, 4 – чаша, 5, 8, 9–11 - бусы, 6 – кольцо с выступами, 7 – фибула

Fig. 6. The cemetery of Levadki: *1, 2* – ground plans of the north-eastern chamber in grave no. 34: 1 – beads; *3* – ground plan of grave no. 37: 1 – pitcher, 2 – plate, 3 – knife, 4 – bowl, 5, 8, 9–11 - beads, 6 – knobbed ring, 7 – brooch

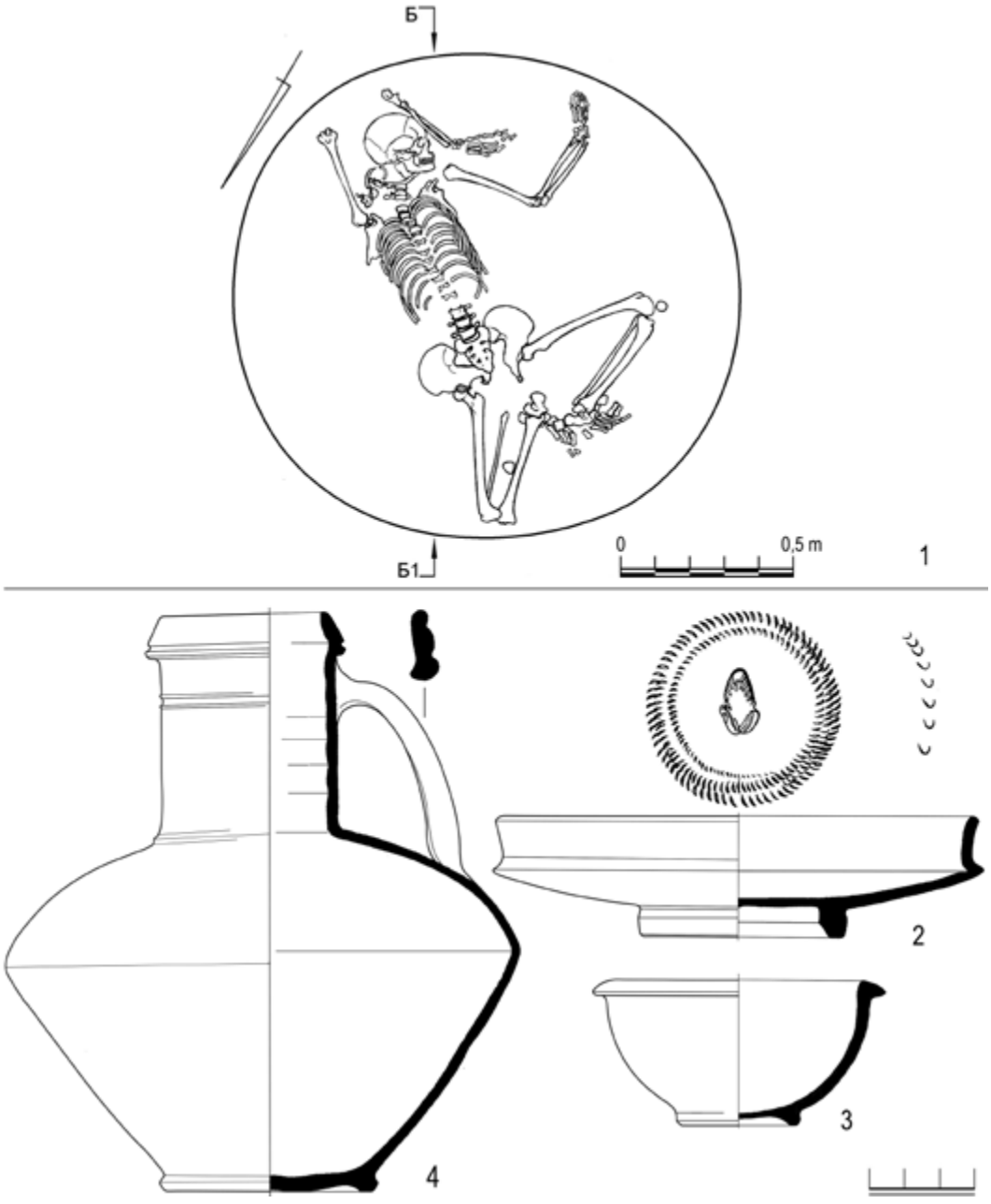


Рис. 7. Могильник Левадки: *1* – план погребения на дне могилы № 34; *2–4* – керамические находки из могилы № 37

Fig. 7. The cemetery of Levadki: *1* – ground plan of the burial on the bottom of grave no. 34; *2–4* – ceramic ware from grave no. 37

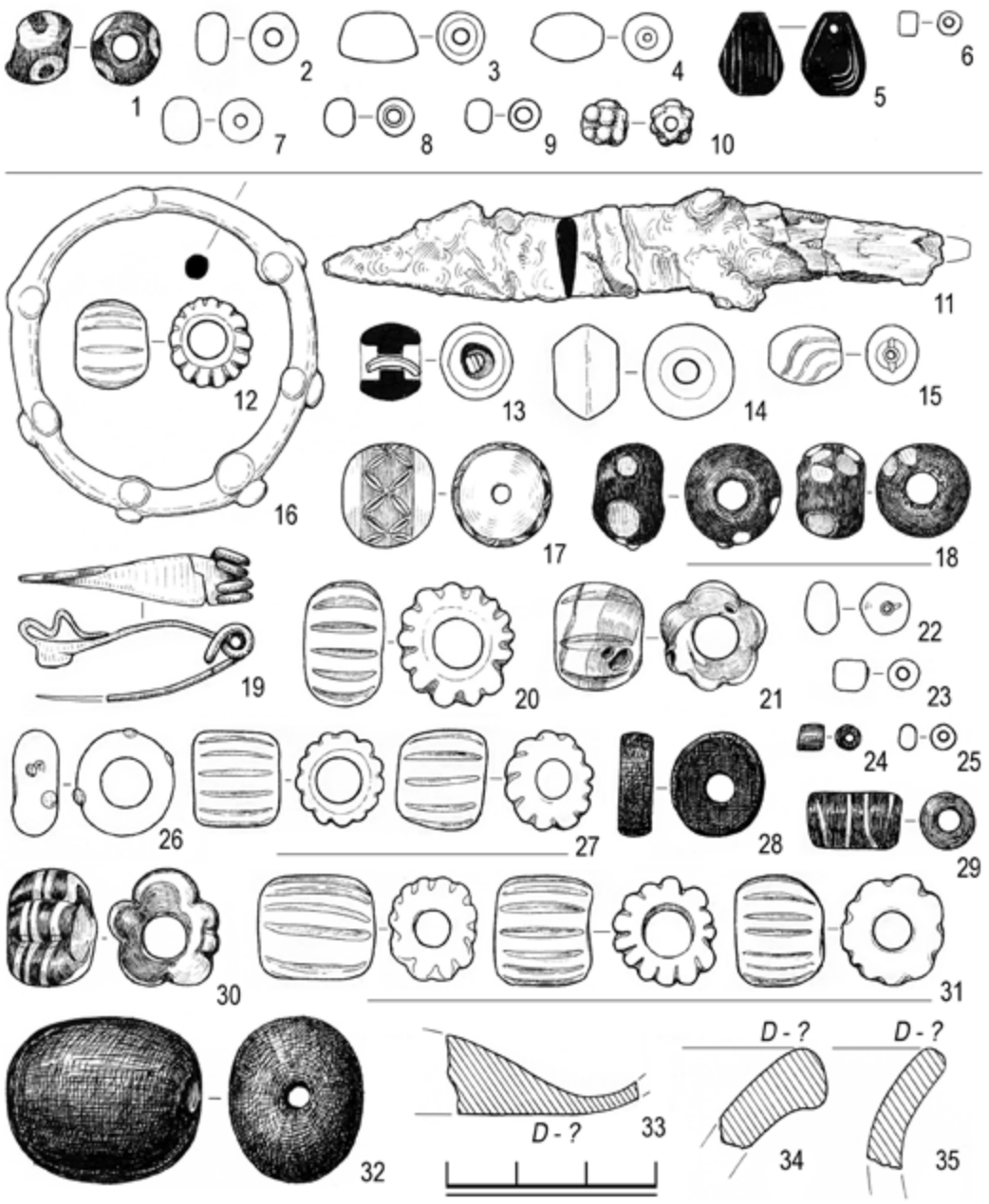


Рис. 8. Могильник Левадки. Находки из могилы № 34 (*1–10*) и могилы № 37 (*11–35*)
1–4, 7–9, 17, 18, 20, 21, 23, 25–27, 29–31 – стекло; 5, 24, 28, 32 – гагат; 6, 10,12 – египетский фаянс; 11 – железо; 13, 14, 16, 19 – бронза; 15, 22 – сердолик; 33–35 – глина

Fig. 8. The cemetery of Levadki. The finds from grave no. 34 (*1–10*) and grave no. 37 (*11–35*)
1–4, 7–9, 17, 18, 20, 21, 23, 25–27, 29–31 – glass; 5, 24, 28, 32 – jet-stone; 6, 10,12 – Egyptian faience; 11 – iron; 13, 14, 16, 19 – bronze; 15, 22 – carnelian; 33–35 – clay

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. [Ч. 1]. М.: Наука, 1975. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. [Ч. 2]. М.: Наука, 1978. 109 с. (САИ. Вып. Г1-12).
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. [Ч. 3]. М.: Наука, 1982. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
4. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).
5. Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII. С. 71–80.
6. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 208 с.
7. Веселовский Н.И. Скифский всадник (поясная пряжка) // ИТУАК. 1891. № 14. С. 81–83.
8. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 1959. № 69. С. 154–238.
9. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1-7).
10. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003. 240 с.
11. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
12. Зайцев Ю.П. Художественные изделия из железа III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб: Нестор-История, 2009. С. 539–544.
13. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // Боспорские исследования. 2004. Вып. VII. С. 242–259.
14. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика / ред. Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 169–176. (Археологический альманах. № 22).
15. Зеест И.Б. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 96–102.
16. Колтухов С.Г. Отчет об охранных раскопках и разведках на позднескифских памятниках Симферопольского района в 1980 году // Архив Института археологии НАН Украины. Д. 9698.
17. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 383 с.
18. Либеров П.Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI–II вв. до н.э. // Материалы по истории земледелия СССР / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 66–114.
19. Мульд С.А., Кропотов В.В. Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Уфимский археологический вестник. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2015. С. 117–129.
20. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
21. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. Описание и исследование памятников. СПб., 1914. 537 с.
22. Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II – I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2002. Вып. 2. С. 78–96.
23. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. 1889. Вып. II. 182 с.

24. Стржлецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2003. № 4. С. 27–277.
25. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 176 с.
26. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма / отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 174–190.
27. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 181–192.
28. Труфанов А.А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
29. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры / Отв. ред. М.Г. Абрамзон. Магнитогорск: изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2004. С. 239–269.
30. Mordvinceva V., Redina E. Der Depotfund von Veselaja Dolina // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014. Frankfurt a.M., 2013. S. 394–401.

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Antique beads of the Northern Black Sea region]. [Part 1]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 104 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1-12).
2. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Antique beads of the Northern Black Sea region]. [Part 2]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 109 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1-12).
3. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Antique beads of the Northern Black Sea region]. [Part 3]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 104 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1-12).
4. Ambroz A.K. *Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulae in the south of the European part of the USSR, 2nd century BC – 4th century AD]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 142 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D1-30).
5. Blavatskii V.D. The first year of the Sindh expedition. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1952, vol. 48, pp. 71–80.
6. Blavatskii V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia* [Agriculture in the ancient states of the Northern Black Sea region]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953, 208 p.
7. Veselovskii N.I. Scythian horseman (belt buckle). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1891, vol. 14, pp. 81–83.
8. Gaidukevich V.F. Necropolises of some Bosporan cities (based on excavations in the 1930s). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1959, vol. 69, pp. 154–238.
9. Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in the Crimea]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 140 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D1-7).
10. Dzigovskii A.N. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel'* [Essays on the history of the Sarmatians of the Carpatho-Dnieper lands]. Odessa, Germes Publ., 2003, 240 p.
11. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (Po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny)* [Red Slip Ware of the Southwestern Crimea, 1st–3rd centuries AD (According to the materials of the Late Scythian necropolises of the Belbek Valley)]. Simferopol, 2010, 320 p.

12. Zaitsev Iu.P. Artistic iron products of the 3rd–1st centuries BC in the Northern Black Sea. Zuev V.Iu. (Ed.), *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Bosporan phenomenon. Art on the periphery of the ancient world. Materials of the international scientific conference], St Petesburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 539–544.
13. Zaitsev Iu.P., Koltukhov S.G. The burial of warrior of Hellenisic period near Chisten'koe village at the foothills of Crimea. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2004, Vol. 7, pp. 242–259.
14. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. Mound with "collective" burials from the vicinity of Ak-Kaya settlement. Zaitsev Iu.P., Puzdrovskii A.E. (Eds.), *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika* [Ancient and medieval Taurica], Donetsk, Donbass Publ., 2010, pp. 169–176. (Arkheologicheskii al'manakh. Vol. 22).
15. Zeest I.B. Cimmerian flour-grinding workshop and grain farming of the Bosporus. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1950, Vol. 33, pp. 96–102.
16. Koltukhov S.G. Report on security excavations and exploration at the Late Scythian monuments of the Simferopol region in 1980. *Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy* [Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. D. 9698.
17. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of the Sarmatian era]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 383 p.
18. Liberov P.D. On the history of agriculture among the Scythian tribes of the Dnieper region of the Early Iron Age in the 6th–2nd centuries BC. Grekov B.D. (Ed.), *Materialy po istorii zemledeliia SSSR* [Materials on the history of agriculture in the USSR], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, T. 1, pp. 66–114.
19. Mul'd S.A., Kropotov V.V. The Late Scythian cemetery Levadki in the Central Crimea (II century BC – III century AD). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], Ufa, 2015, pp. 117–129.
20. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia 2nd c. BC – 3 c. AD. Funerary monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
21. Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. T. I. Opisanie i issledovanie pamiatnikov* [Antique decorative painting in the south of Russia. T. I. Description and study of monuments]. St Petersburg, 1914, 537 p.
22. Redina E.F., Simonenko A.V. "Treasure" of the end of the 2nd – 1st c. BC from Vesela Dolina in the circle of similar antiquities of Eastern Europe. Marchenko I.I. (Ed.), *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani* [Materials and research on the archeology of the Kuban], Krasnodar, 2002, Vol. 2, pp. 78–96.
23. Sizov V.I. Eastern coast of the Black Sea. Archaeological excursions. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on the archeology of the Caucasus], 1889, Vol. 2, 182 p.
24. Strzhletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium A.D. (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10"). *Stratum plus*, 2003, No. 4, pp. 27–277.
25. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia Skifskogo)* [The population of the capital of the late Scythian kingdom (based on materials from the Eastern burial ground of Scythian Naples)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 176 p.
26. Troitskaia T.N. Finds from the Scythian mounds of the Crimea, stored in the regional museum of local lore. Shul'ts P.N. (Ed.), *Istoriia i arkheologiia drevnego Kryma* [History and archeology of ancient Crimea], Kiev, USSR Academy of Sciences Publ., 1957, pp. 174–190.
27. Trufanov A.A. Typology of red-glazed plates with a vertical rim (based on materials from the burial grounds of the South-Western and Central Crimea). Khrapunov I.N. (Ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray historical and archaeological collection], Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 181–192.
28. Trufanov A.A. Chronology of Cemeteries of Crimean Foothills of the 1st c. BC – 3rd c. AD. *Stratum plus*, 2009, No. 4, pp. 117–328.

29. Khrapunov I.N., Mul'd S.A. The catacombs from the Fontana and Levadka's necropolis in connection with the origin of the Late Scythian culture. Abramzon M.G. (Ed.), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], Magnitogorsk, 2004, pp. 239–269.
30. Mordvinceva V., Redina E. Der Depotfund von Veselaja Dolina. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014.* Frankfurt a.M., 2013, pp. 394–401.

Информация об авторе

Мульд С. А. – научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-8150-2019.

Author information

Mul'd S. A. – Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-8150-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.72-116

СТЕКЛО МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: ХРОНОЛОГИЯ, ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ

(по данным химического состава)

Ольга Сергеевна Румянцева
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
o.roumiantseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5648-6079

Аннотация. Химический состав стекла сосудов могильника Фронтовое 3 изучен методом СЭМ-ЭДС. Могильник конца I – начала V в., обнаруженный в Юго-Западном Крыму (около Севастополя), полностью раскопан в 2018 г. Данные о составе 144 образцов стекла (бесцветного, естественно окрашенного или фиолетового прозрачного) позволили установить, что все обнаруженное здесь стекло является продукцией сиро-палестинских и египетских стекловаренных центров, и египетское стекло преобладает на всех этапах существования могильника. Ритмы и хронология распространения групп, выделенных на основании химического состава, несколько отличаются от тех, что известны по материалам Средиземноморья и европейских провинций Римской империи. Выделенные во Фронтовом группы были продатированы на основании хронологических индикаторов, происходящих из захоронений с сосудами. В ранней части могильника выявлены следующие группы стекла: «римское» зелено-голубое (группа 1, конец I – II в. (преимущественно первая половина столетия)); «римское» бесцветное (группа 2, II – середина III в.); стекло, обесцвеченное сурьмой (группа 3, II–III вв.); стекло «смешанного» состава с марганцем и сурьмой (группа 4, II–III вв.). Бесцветное, близкое левантийской I группе стекло (группа 5, середина III в. (или чуть ранее) – середина IV в.) концентрируется в «переходной» зоне памятника. Смена производственных центров, поставлявших стекло-сырец в европейские мастерские Римской империи, происходящая повсеместно в IV в., хорошо фиксируется и на материалах Фронтового. В поздней части могильника встречено стекло, близкое по составу сериям Foy-3.2, Foy 2.1 и HIMT (группы 6–8), при этом группа HIMT крайне малочисленна. Они распространяются в IV в. (возможно, исключая начало столетия) и существуют до финала могильника. Им синхронна группа стекла предположительного «смешанного» состава (группа 9), вероятно, результат активного вторичного использования в производстве стеклобоя. Ассортимент форм из стекла группы 4 и их «серийная» встречаемость среди материалов могильника позволяет предполагать активное использование в местном (предположительно, херсонесском) производстве стекла «смешанного» состава с марганцем и сурьмой (свидетельства активного использования стеклобоя) уже на раннем этапе существования могильника. Позже сюда, вероятно, поступало стекло-сырец левантийского (группа 5) и египетского (группы 6, 7) производства. На позднем этапе доля стекла вторичного использования также была, вероятно, высока, хотя это хуже фиксируется ввиду ограничений использованного метода анализа.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, химический состав стекла, СЭМ-ЭДС, римское стекло, сурьма, марганец, Египет, Сиро-палестинский регион, Foy-3.2, Foy-2.1, HIMT

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур». Выражаю благодарность А. Н. Свиридову и С. В. Язикову за возможность обработать и опубликовать материалы их раскопок, И. О. Гавритухину за консультации по хронологии материалов могильника Фронтовое 3.

© Румянцева О.С., 2022

GLASS FROM THE CEMETERY OF FRONTOVOE 3 IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA: THE CHRONOLOGY, DISTRIBUTION DYNAMICS, AND PRODUCTION CENTRES (According to the Chemical Composition)

Olga S. Rumyantseva
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o.roumiantseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5648-6079

Abstract. The chemical composition of vessel glass from the cemetery of Frontovoe 3 has been studied with SEM-EDS technique. This cemetery, located on the outskirts of Sevastopol (south-western Crimea) and dated from the late first to the early fifth century AD, was completely investigated during the excavation campaign of 2018. The dataset containing 144 samples of colourless, naturally coloured, and purple glass allows for a conclusion that all the glass found at Frontovoe 3 comes from the Egyptian and Levantine glassmaking centres, and the Egyptian glass predominates at all stages of the cemetery. Nevertheless, the chronology of the groups of glass, singled out according to the chemical composition, sometimes differs from their time of distribution in the European provinces of the Roman Empire and the Mediterranean area. In this study the groups have been dated according to the archaeological context (i. e. considering the chronology of the burials with the glass vessels). In the early part of the cemetery four groups have been singled out: Roman blue-green (group 1, late first and second (mostly its first half) centuries); Roman colourless (group 2, second to the mid-third centuries); glass decoloured with antimony (group 3, second and third centuries); "mixed" Sb-Mn glass (group 4, second and third centuries). The colourless glass close to the Levantine I group by composition (group 5, from the mid-third (or slightly earlier) to the mid-fourth century) concentrated in the "transition" zone of the cemetery. The changes in the raw glass supply to the south-western Crimea took place in the fourth, similarly to what happened in the European provinces of the Roman Empire. In the late area of Frontovoe 3, there are glass finds showing the composition close to the series Foy-3.2, Foy 2.1, and HIMT group (groups 6-8), with very few pieces of the HIMT glass. These groups become widespread in the fourth century (possibly, excluding its early period) and existed to the abandonment of the site. The group 9, likely of the "mixed" composition due to the extensive glass recycling, dates from the same period. The selection of forms made of glass of group 4 and their serial occurrence in the burials of Frontovoe 3 implies the extensive use of recycled Mn-Sb glass in the local production (in Chersonese?) from the period synchronous to the early stage of the cemetery. Later on, raw glass of the Levantine (group 5) and Egyptian (groups 6, 7) origin was possibly supplied to Chersonese for the local glass working. In the latest period of the cemetery, the proportion of recycled glass was possibly high, although it is less evident due to the limitations of the SEM-EDS technique.

Keywords: south-western Crimea, Roman Period, chemical composition of glass, SEM-EDS technique, Roman glass, antimony, manganese, Egypt, Levant, Foy-3.2, Foy-2.1, HIMT

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00396 "Barbarians and Rome in the South-Western Crimea: The Interaction of Cultures."

Введение. Химический состав стекла – важнейший источник, позволяющий судить о его происхождении и ремесленных практиках древних мастеров. Для первой половины I тыс. н.э. – периода, к которому относятся материалы могильника Фронтовое 3 – состав стекла с высокой степенью достоверности позволяет говорить о географии центров, его производивших. В то же время, необходимо учитывать, что место или регион производства сосудов и стекла, из которого они изготовлены, в большинстве случаев не совпадают: в рассмотренный период стекло варилось

в ограниченном числе крупных стекловаренных центров, преимущественно ближневосточных, откуда в виде сырца распространялось по мастерским неполного цикла («вторичным»), в т.ч. европейским, производившим из полуфабрикатов готовую посуду [обзор литературы см.: 1].

Материалы могильника Фронтовое 3 конца I – начала V в. н.э., расположенного недалеко от Херсонеса и полностью раскопанного экспедицией ИА РАН под руководством А. Н. Свиридова и С. В. Язикова [2], позволяют на представительном массиве материала изучить динамику поступления стекла в Юго-Западный Крым и поставить вопрос о характере и особенностях местного стеклоделательного производства, очевидно – херсонесского, и распространения стеклянных изделий у варварского населения данного региона.

Методика исследования. В данной работе рассматриваются результаты анализа 144 образцов стеклянных сосудов, представленных бесцветным (намеренно обесцвеченным), естественно окрашенным (без красителей и обесцвечивателей в составе) или окрашенным только марганцем (фиолетовым прозрачным) стеклом; в одном случае легкий оттенок стеклу придан при помощи меди (см. ниже, группа 7). Именно они наиболее перспективны для изучения происхождения стекла: состав такого материала лучше всего отражает характеристики песка, использованного в качестве сырья древними стеклоделами [3, p. 79]. Стекло прочих цветов будет рассмотрено в отдельной публикации. Состав изучался методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной спектроскопией (СЭМ-ЭДС). Анализ выполнялся на электронном микроскопе Tescan Mira LMU с анализатором Oxford Instruments X-Max 50 в научном центре «Износостойкость» Московского энергетического института (технического университета) на образцах, залитых эпоксидной смолой, отшлифованных и отполированных при помощи алмазной суспензии. Значения управляющих параметров микроскопа: ток пучка – 1.7 нА, ускоряющее напряжение – 20 кВ, «живое» время накопления сигнала – 140 секунд. Использовалось программное обеспечение INCA Oxford Instruments. Аналитическая сумма полученных измерений находилась в переделах 98–102%; за результат анализа принималось среднее значение 4–5 однородных измерений. Кислород рассчитывался по стехиометрии. Воспроизводимость и погрешность результатов оценивалась при помощи эталонов Corning Museum of Glass A и NIST 620 при каждом сеансе съемки (табл. 1).

Обсуждение результатов. Все изученное стекло относится к натриево-кальциево-кремнеземному (тип Na_2O-CaO-SiO_2). Лишь один образец (табл. 2, Фр-46) представляет собой стекло, изготовленное на основе золы солончаковых растений (содержание оксидов магния (2,23%) и калия (2,64%) в нем превышает 1,5%) [4; 5]. Он принадлежит фрагменту сосуда из погребения 91, форма которого не реконструируется. Погребение расположено в поздней части могильника, в ареале краснолаковой керамики КЛ-2А второй половины III – середины IV в. [6, рис. 1]. Присутствие здесь стекла подобного состава заслуживает особого внимания, т.к. на европейской территории Римской империи и в Восточном

Средиземноморье в рассматриваемый период абсолютно преобладало стекло на основе природной соды.

Стекло всех прочих сосудов изготовлено на основе природной соды, содержание оксидов магния и калия в них – менее 1,5% (табл. 2). Его состав идентичен составу стекла сиро-палестинского или египетского происхождения, распространенного в первой половине I тыс. н.э. в Европе и Восточном Средиземноморье, относимого исследователями к различным группам по содержанию элементов, характеризующих состав песка, использовавшегося при его варке [3; 7–10 и многие другие]. На плане могильника (рис. 1) стекло каждой из групп занимает определенный участок, что указывает на ограниченный период бытования.

На памятнике можно выделить две зоны распространения стекла разных составов. Ранняя, датируемая концом I – III в., представлена четырьмя группами стекла: 1) «римское» зелено-голубое; 2) «римское» бесцветное; 3) обесцвеченное сурьмой; 4) «смешанного» состава, содержащее два обесцвечивателя – марганец и сурьму.

Группа 1. «Римское» зелено-голубое стекло представлено 9 образцами сосудов из 9 погребений (рис. 2), к которым относятся преимущественно бальзамарии (5 экз.); в одном случае из стекла данной группы изготовлен ритон, в одном – бутыль с муфтообразным венчиком; в двух случаях форма сосудов не определяется[1].

Состав «римского» зелено-голубого стекла позволяет предполагать его сиро-палестинское происхождение [8; 9; 11 и многие другие]. Его характеризует относительно низкое содержание натрия (в среднем 16,15% Na_2O), титана (менее 0,1% TiO_2), магния (около 0,5% MgO), калия (0,57% K_2O) и железа (0,37% Fe_2O_3). Отличительным признаком является также содержание оксида алюминия от 2,3 до 2,6%; среднее содержание оксида кальция составляет 7,93%. Стекло большинства образцов имеет выраженный естественный голубоватый оттенок, обусловленный наличием в песке естественной примеси железа и отсутствием намеренно добавленного обесцвечивателя – марганца или сурьмы. Незначительные, обычно не более 0,5%, содержания MnO обусловлены, как считается, применением в производстве обесцвеченного марганцем стеклобоя [12, p. 38–39]; лишь в одном случае концентрация MnO несколько выше (0,66%), однако тоже недостаточна для намеренного обесцвечивания.

Погребения с «римским» зелено-голубым стеклом сконцентрированы в самой ранней – северо-западной – части могильника (за исключением нескольких крайних рядов, в которых стеклянные сосуды вообще отсутствуют) (рис. 1). Сосуды из стекла группы 1 встречены преимущественно в погребениях, содержащих хроноиндикаторы конца I – начала / первой половины II в. Среди них – тарелка формы 4.1 по Д. В. Журавлеву [13] со штампом *planta pedis* на дне, относимая ко второй половине I – первой четверти II в. (погр. 316) [14, с. 219]; одночленные лучковые фибулы, отнесенные И. О. Гавритухиным к горизонтам ФЛ-1 (последние десятилетия I в.) и ФЛ-2 (конец I –

[1] Анализ морфологии стеклянных сосудов могильника Фронтовое 3, разработка их типологии и хронологии в настоящее время ведется Л. А. Голофаст; в круг задач данной публикации они не входят.

середина II в.)[2] (погребения 299 и 315) [15]; эти же захоронения содержат керамику конца I – первой половины II в. [16, fig. 1C]. Стеклянные бальзамарии типов I.2Б, В по системе Н. З. Куниной и И. П. Сорокиной, датирующиеся второй половиной I – началом II в., происходят из захоронений 299, 315 и 319 (рис. 2,*1–3*) [17, с. 160–161]; бутыль с муфтообразно завернутым краем I – начала II в. – из погр. 263 (рис. 2,*6*) [16, p. 100]. Наиболее вероятная дата могилы с выдутым в форму стеклянным кубком с надписью «одержи победу», полученная по сочетанию хроноиндикаторов – вторая четверть II в., хотя сам кубок датируется, скорее, в пределах I в. (погр. 319) [18]. Выдутый в форму амфориск, традиционно датирующийся второй половиной I – началом II в., происходит из погребения с хроноиндикаторами II в. (погр. 263) [18]. К позднейшим захоронениям с «римским» зелено-голубым стеклом относится могила 284 с одночленной лучковой фибулой типа 2-2-Б (горизонт ФЛ-4 второй половины / конца II – середины / третьей четверти III в.). Из «римского» зелено-голубого стекла изготовлен найденный в ней питьевой рог (рис. 2,*7*) – тип сосудов, распространенных в III–IV вв., однако в некоторых случаях они встречаются во II в. [16, p. 102, fig. 7,6]. Планиграфическая позиция содержащего его погребения в ранней части некрополя (рис. 1) говорит, скорее, о его ранней дате в рамках обозначенного периода.

Таким образом, время наибольшего распространения сосудов из «римского» зелено-голубого стекла приходится на конец I – II в. (преимущественно первую половину столетия). Лишь в одном случае бальзамарий из стекла данной группы происходит из более поздней части могильника – он встречен в погребении с краснолаковым кувшином типа 1, датирующимся по материалам могильника второй половиной III – серединой IV в. (погр. 88) [6, с. 449, 451–452]. Верхняя хронологическая граница распространения «римского» зелено-голубого стекла приходится на более раннее время, чем это происходит на территории Римской империи, где стекло подобного состава продолжало использоваться до III – первой половины IV в. включительно [9, p. 194].

На смену «римскому» стеклу, имеющему выраженный натуральный оттенок, во Фронтовом приходит намеренно обесцвеченное, которое соответствует стеклу двух групп различного происхождения (рис. 1). Вероятно, это было связано с распространением в конце I – II в. на территории Римской империи моды на бесцветное стекло, которое приходит на смену стеклу ярких цветов, популярному в более ранний период [19, p. 763]. Судя по материалам могильника Фронтовое, бесцветное стекло довольно быстро набирает популярность и среди варваров Юго-Западного Крыма.

Стекло **группы 2** близко по основному составу «римскому» зелено-голубому, принципиально отличаясь лишь более высокой концентрацией марганца, которым оно обесцвечивалось (0,87–1,79% MnO). В литературе оно получило название «римское бесцветное» [20, группа CL2; 10, группа 2b). Во Фронтовом сосуды,

[2] Здесь и далее типология и периодизация лучковых фибул дана по работе И. О. Гавритухина [15].

изготовленные из стекла данной группы, все же имеют натуральный оттенок, в некоторых случаях довольно выраженный. Из «римского» бесцветного стекла изготовлены семь сосудов, происходящие из семи погребений. Среди них – бальзамарий, арибалл, кубки сферической и цилиндрической форм с оплавленным краем и слегка вогнутым дном; кувшинчик с биконическим туловом и обмоткой стеклянной нитью на горле (рис. 3,*1,2,4–7*); форма одного из сосудов не реконструируется. Основной состав амфориска (рис. 3,*3*) позволяет соотнести стекло, из которого он изготовлен, с данной группой, что предполагает его сиро-палестинское происхождение; однако марганец в нем использован не как обесцвечиватель, а как краситель: сосуд имеет фиолетовый цвет.

Большинство погребений с «римским» бесцветным стеклом по планиграфии относятся к периоду I могильника конца I – первой половины III в. [6, с. 442–443, рис. 1,Ia], встречаясь как в восточном, так и в южном «лепестках» его ранней части. Самое раннее погребение с сосудом из «римского» бесцветного стекла содержит керамику конца I – первой половины II в. (погр. 246) [16, fig. 1C]. Погребение 269 содержит лучковую одночленную фибулу типа 2-1-Б и краснолаковую керамику «промежуточной» группы 2, что позволяет датировать его первой половиной – серединой II в. [15, период ФЛ-2; 14, с. 219]. Фибула типа 2-4-Д и стеклянные сосуды из погребения 202 – арибалл и цилиндрический кубок с оплавленным краем – указывают на вторую половину II в. как наиболее вероятную дату этого захоронения, не исключая также первую половину III в. [16, p. 102; fig. 7,10,17; 15, период ФЛ-4]. Наиболее поздние погребения с сосудами из «римского» бесцветного стекла относятся к «переходному периоду», приходящемуся на эпоху Скифских войн 232–275/276 г. [16, p. 90; 6, с. 443]. Погребение 5, планиграфически расположенное на границе периодов I и «переходного» [6, рис. 1,Ia], содержит лучковую подвязную фибулу типа 2-2-В (период ФЛ-4, вторая половина II – середина / третья четверть III в.) [15]. Самое позднее погребение со стеклом данной группы – захоронение 3 середины / третьей четверти III в., из которого происходят монета 244–247 гг., лучковые фибулы – одночленная типа 2-4-а и двучленные типов 3-1-г и 3-2-Б (финал периода ФЛ-4 – начало ФЛ-5) [15]; стакан типа II по И. Н. Храпунову, датируемый второй четвертью III – IV в. [16, p. 102–103; 21, p. 56]. Однако происходящий из этой могилы бальзамарий, изготовленный из «римского» бесцветного стекла, относится к типу I.2Г по типологии Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, его дата – не позднее первой половины II в. [17, с. 161]. Вероятно, нельзя исключить, что в погребение он попал значительно позже, чем был изготовлен. Из этого комплекса происходит еще серия находок более раннего горизонта – вероятно, довольно сильно «запаздывающих». Это краснолаковая керамика, отнесенная Е. В. Сухановым к «переходной» группе II в. [14, с. 219]. Для определения верхней хронологической границы распространения «римского» бесцветного стекла важно, что в погребениях с ним ни разу не встречена краснолаковая керамика групп КЛ-2(А, Б) [6], что позволяет, вероятно, ограничить ее верхнюю дату первой половиной / серединой III в.

Таким образом, время распространения стекла данной группы во Фронтовом можно определить II – серединой III в. На территории Римской империи оно известно в синхронный период, хотя в большей степени характерно для позднеримского времени, массово встречаясь в некоторых регионах еще и на протяжении IV в. [10, группа 2b; 22]. При этом, однако, нужно учитывать, что стекло левантийского происхождения IV в. в целом занимает промежуточную позицию между римским бесцветным и стеклом левантийской I группы; на сегодня в качестве признака, помогающего их разделить, используется содержание Al_2O_3 ниже 2,69% («римское») или выше этой границы (левантийская группа) [22]; в данной работе я тоже ориентируюсь на эту весьма условную границу (рис. 4). Бесцветное стекло из Джаламе со стеклоделательной мастерской IV в. в Палестине содержит при этом в среднем «пограничные» 2,65–2,68% Al_2O_3 [23; 9].

Другая группа бесцветного стекла **(группа 3)** представлена 21 образцом сосуда из 20 погребений. Наряду с типом использованного обесцвечивателя – сурьмой – его характеризует высокое содержание натрия (в среднем 19,25% Na_2O) в сочетании с низкими концентрациями нежелательных примесей песка (1,75% Al_2O_3, 0,4% Fe_2O_3, менее 0,1% TiO_2) и кальция (5,6% CaO). Стекло из Фронтового, отнесенное к данной группе, идентично по составу очень однородной серии обесцвеченного сурьмой стекла, происходящего с территории Средиземноморья и европейских провинций Римской империи (группа 4 по: [7; 24]; группа CL1/1 по: [20]; colourless 1 по: [10]). Это самое высококачественное бесцветное стекло, известное в римское время. Его египетское происхождение подтверждается особенностями состава, широким распространением на территории Египта и данными об изотопах гафния [25, p. 62; 26; 27].

Изготовленные из обесцвеченного сурьмой стекла сосуды – абсолютно бесцветные, без естественного оттенка. Они представлены бальзамариями; цилиндрическими, сферическими и сфероконическими стаканами (возможно, также и чашами) с оплавленным краем, на поддоне или без него (рис. 5), в т.ч. одним стаканом типа II.2 по систематизации, разработанной для могильника Дружное (рис. 5,*б*), считающегося продукцией херсонесских мастерских [21, с. 56; 28], а также серией сосудов более редких форм. Отличительной особенностью данной группы стекла является то, что большинство изготовленных из него изделий представлены в погребениях скоплениями мелких фрагментов, которые не реконструируются в полную форму; в ряде случаев они могут состоять из мелких осколков стенок, без профильных частей. Такие скопления зафиксированы в 12 случаях из 22, т.е. ими представлено более половины образцов стекла, обесцвеченного сурьмой. Для стекла иного состава такие случаи фиксируются редко. Не исключено, что в подобных случаях речь может идти о каком-то элементе погребального обряда, связанного с особым отношением местного населения к этому исключительно высококачественному стеклу и посуде из него. Данная особенность заслуживает специального изучения.

Обесцвеченное сурьмой стекло преобладает в более позднем южном «лепестке» ранней части некрополя (17 сосудов в 16 захоронениях) и существенно реже (всего в 4 случаях) встречается в восточном (рис. 1). В самых ранних погребениях Фронтового такое стекло отсутствует: оно ни разу не зафиксировано в могилах с краснолаковыми сосудами конца I – первой половины II в. В одном погребении оно обнаружено в комплексе с краснолаковым сосудом II в. (погр. 183) [14, с. 216; 16, Fig. 2d]. В двух случаях из обесцвеченного сурьмой стекла изготовлены бальзамарии типов I-2Г и II-2, верхняя дата которых ограничивается по боспорским материалам соответственно первой половиной и серединой II в. (погр. 70 и 73) [17, с. 161, 166]. Погребение 59 содержит одночленные лучковые фибулы, характерные одновременно для периодов ФЛ-3 и ФЛ-4, что позволяет датировать его второй половиной / концом II в. Из большинства захоронений со стеклом данной группы происходят лучковые одночленные фибулы, характерные для периода ФЛ-4, т.е. для второй половины II – середины / третьей четверти III в. (погребения 5, 10, 65, 70, 73, 74, 75, 145, 152, 203, 230) [15]. При этом для могилы 65 по комплексу погребального инвентаря дата может быть ограничена концом II – серединой III в. [29]. К наиболее поздним захоронениям со стеклом, обесцвеченным сурьмой, относятся захоронения 27 и 94. Дата погребения 94 по комплексу погребального инвентаря может быть определена серединой – второй половиной III в. [30]. В погребении 27 встречены одночленные и двучленная лучковые фибулы, характерные для периодов ФЛ-4 и ФЛ-5, который по материалам Фронтового датируется серединой III – началом IV в. (типы 2-2-Б, 2-3-А, 3-1-Д) [15]. Из данного захоронения происходят также краснолаковый кувшин типа 1, датируемый второй половиной III – серединой / третьей четвертью IV в. [6, с. 450–451], и монета середины III в., что в целом позволяет отнести это захоронение к середине – третьей четверти III в. [16, fig. 2,f,g,l; 15].

Таким образом, время распространения стекла, обесцвеченного сурьмой, может быть определено в рамках II – III вв. Возможно, из этого диапазона можно исключить начало II и конец III столетия. На территории Римской империи такое стекло получило распространение преимущественно в конце I / II – III / первой половине IV в. [24; 10], однако «престижные» изделия производились из него и несколько позже, возможно, до рубежа IV–V вв. [31; 32, p. 65]. Примечательно, что в ареале черняховской культуры оно доживает до конца IV – начала V в.; из него делались позднейшие типы толстостенных «варварских» кубков со шлифованным декором, преимущественно Straume-VII и VIII [33].

Помимо перечисленных, в ранней части могильника Фронтовое 3 широко распространена еще одна группа стекла **(группа 4)**. Это стекло, содержащее два обесцвечивателя одновременно, марганец и сурьму, и являющееся результатом вторичной переработки стеклобоя: два обесцвечивателя не характерны для стекла, происходящего из стекловаренных центров [34]. Основу стекла данной группы составляют «римское» бесцветное стекло левантийского происхождения и египетское, обесцвеченное сурьмой, смешанные между собой. Об этом говорит

наличие обратной зависимости между содержанием в образцах оксидов сурьмы и марганца, а также положительная корреляция между содержаниями оксидов марганца и кальция (рис. 6): концентрация оксида кальция выше в левантийском стекле, которое обесцвечивалось марганцем, чем в египетском, где в качестве обесцвечивателя использована сурьма [см.: 22; 34]. Очевидно, в его составе присутствует и доля естественно окрашенного стекла без обесцвечивателя (это, в первую очередь, образцы с низким содержанием обоих обесцвечивателей – на диаграмме они расположены ниже основной массы образцов – рис. 6). Определить пропорцию стекла-сырца и стеклобоя, использованного при производстве сосудов данной группы, на сегодня невозможно.

Группа стекла «смешанного» состава – самая многочисленная на могильнике; она включает 35 сосудов из 33 захоронений. Стекло этой группы содержит от 0,3% MnO и от 0,2% Sb_2O_5. В ходе дальнейших исследований к ней можно будет отнести еще серию сосудов с содержанием Sb_2O_5 ниже 0,2%, который считается пределом обнаружения для метода СЭМ-ЭДС. Еще в 16 образцах из 13 погребений анализ показал 0,1–0,2% оксида сурьмы, однако эти данные должны быть проверены при помощи иных аналитических техник.

Стекло «смешанного» состава также характерно для ранней части некрополя. Самые ранние захоронения, содержащие сосуды подобного состава, расположены в северо-восточной части раннего участка памятника (в восточном «лепестке»), в одном ряду с «римским» стеклом – зелено-голубым и обесцвеченным марганцем. Примечательно, что стекло «смешанного» состава, судя по планиграфии, появляется во Фронтовом раньше, чем один из его компонентов – стекло, обесцвеченное сурьмой. Возможно, что к населению, оставившему могильник Фронтовое, стекло из производственных центров, широко использующих в производстве стеклобой, начало поступать раньше, чем из тех, что работали на «чистом» сырце египетского происхождения. Нельзя, в то же время, полностью исключить, что это связано с особенностями выборки, сформированной исключительно на материалах могильника. В целом же, стекло «смешанного» состава в равной степени широко распространено и в восточном, и в южном «лепестках» ранней части некрополя (рис. 1).

Наиболее ранние захоронения с сосудами из «смешанного» стекла содержат: краснолаковый сосуд, типичный для «переходной» группы 2, в сочетании с монетой первой половины I в. н.э. с отверстием для подвешивания (погр. 245) [14, с. 219]; краснолаковые сосуды II в. н.э. (погр. 111) [14]; одночленные лучковые фибулы горизонтов ФЛ-3 (погр. 286), ФЛ-3 и ФЛ-4 (погр. 238, 250), ФЛ-4 (погр. 61, 65 (о его дате см. также выше), 70, 76, 110, 121, 128, 179, 184, 207, 221, 232) [15]. В трех захоронениях фибулы горизонта ФЛ-4 сочетаются с ранней краснолаковой керамикой хронологической группы 3 конца II – первой половины III в. (погр. 166, 203, 244) [14; 15]. К наиболее поздним захоронениям со стеклом «смешанной» группы Mn+Sb относятся: погребение 27, содержащее монету середины III в., краснолаковый кувшин типа 1 (хронологическая группа КЛ-2А), лучковые фибулы

– одночленные и двучленная (горизонты ФЛ-4 и 5); погребение 85 с краснолаковой керамикой, относящейся к горизонту КЛ-2А (кувшин типа 1, миска типа 1 [6]); погребение 17 с двухчленной лучковой фибулой (горизонт ФЛ-5 [15]); погребение 104, планиграфически расположенное на стыке двух зон распространения поздней краснолаковой керамики КЛ-2А и КД-2Б и содержащее сосуды обеих групп (блюдо формы 1, миски типов 2, 3, 4 [6]). Таким образом, стекло «смешанного» состава было широко распространено у населения, оставившего могильник, во II – III вв. н.э., при этом в единичных случаях оно еще встречается в первой половине IV в. Анализ методом ЛА-ИСП-МС, более чувствительным к содержанию сурьмы, наверняка позволит выявить сосуды с меньшей ее концентрацией и в более поздних погребениях. Стекло проходило не один цикл переработки, и, следовательно, данный химический элемент может фиксироваться в составе сосудов, изготовленных существенно позже, чем обесцвеченное сурьмой стекло вышло из употребления. Концентрация ее в стекле будет при этом постепенно снижаться.

Стекло «смешанного» состава – единственная группа в ранней части могильника, представленная сериями однотипных или близких друг другу форм. Среди них – прежде всего, стаканы с цилиндрическим туловом, отогнутым наружу венчиком с оплавленным краем, дно вогнутое, реже – плоское или на кольцевом поддоне (рис. 7,*1–5*). Такие формы были популярны в Северном Причерноморье во второй половине II – первой половине III в. [16, p. 102]. Им близки по форме и технике исполнения более приземистые чаши с полусферическим туловом (рис. 7,*6–8*). Среди сосудов данной группы встречаются и формы, изготовленные в иной традиции – с необработанным краем, сбитым со стеклодувной трубки (рис. 7,*9*). Встречены и единичные экземпляры стаканов типов I и II.2, выделенных И. Н. Храпуновым на материалах могильника Дружное, которые принято считать продукцией местного (херсонесского?) производства (рис. 7,*10,11*) [21, с. 56; 16, p. 104). Бальзамарии представлены сосудами типов I2Г-Е конца I – III в. [17, с. 164, рис. 1] и некоторых других форм (рис. 8), как правило, они отличаются невысоким качеством изготовления.

Наличие серийных форм, изготовленных из стекла однородного состава, позволяет с определенной долей вероятности предполагать их местное производство – вероятно, в мастерских Херсонеса. Широкое применение практики вторичного использования стекла характерно для мастерских, расположенных на периферии Римской империи и по этой причине, вероятно, недостаточно хорошо снабжавшихся «свежим» стеклом-сырцом из стекловаренных центров. В качестве примера можно привести римский лагерь Одендург (Ауденбург) у северо-западной границы Империи, где «смешанное» стекло преобладает на всех этапах существования памятника с середины I по начало V в. [35]. В то же время, широкое распространение стекла «смешанного» состава в синхронных Фронтовому горизонтах отмечено не только на периферии, но и, например, на территории Италии [36]. Однако, как правило, в европейских провинциях Империи стекло «смешанного» состава в большей

степени характерно для более позднего периода, начиная со второй половины / конца III – IV в. [10; 37].

Очевидно, что не все сосуды из стекла «смешанного» состава были произведены в Юго-Западном Крыму. В данной группе встречено значительное число сосудов редких форм, не получивших широкого распространения в регионе. Среди них стоит особенно упомянуть кубок на ножке [16, fig. 7,21] и кубок с декором накладными «змеевидными» нитями, являющийся, очевидно, более далеким импортом; место его производства, однако, остается неизвестным [29].

Еще одна группа стекла левантийского происхождения **(группа 5)** выявлена в захоронениях финала раннего и начала позднего участков могильника. Она представлена 9 сосудами из 8 захоронений (рис. 9). Это стекло, обесцвеченное марганцем, по геохимическим характеристикам сырья близко по составу левантийской I группе, объединяющей продукцию нескольких разновременных стекловаренных центров Сиро-палестинского региона, функционировавших в IV–VII вв. [8]. Ее отличительными признаками являются низкое содержание оксидов натрия (в среднем 15,2%) и титана (до 0,1%), при высоком – кальция (8,5%) и алюминия (в среднем 2,9% и всегда более 2,69% [см.: 22]). Погребения со стеклом такого состава формируют компактную зону в южном секторе центральной части могильника, за исключением могилы 101, расположенной ближе к северо-востоку. Сосуд из данного захоронения отличает самое низкое в группе содержание кальция, более типичное для «римского» бесцветного стекла, при «пограничном» содержании алюминия (2,72%) (рис. 4); таким образом, этот образец фактически занимает промежуточное положение между «римским» бесцветным и стеклом, более близким по составу левантийской I группе.

В данной группе присутствуют стаканы типов I и II.2 (рис. 9,*1,2*, по одному экз. каждого типа), выделенные на материалах могильника Дружное [21, с. 56], которые специалисты связывают с локальным производством в Юго-Западном Крыму [16, p. 104, с литературой]; стаканы со сбитым со стеклодувной трубки и необработанным краем разных форм (рис. 9,*3*; 2 экз.); бальзамарий типа I.2E (рис. 9,*5*) [17]; колбообразные сосуды (рис. 9,*6*; 2 экз.); кувшинчик с грушевидным туловом и отогнутым наружу венчиком с оплавленным краем (рис. 9,*4*).

Время распространения сосудов из стекла группы 5 определяется следующими хроноиндикаторами. Могила 78, самая ранняя в данной группе, содержала краснолаковую керамику, характерную для конца II – первой половины III в. [14, с. 219]; планиграфическое расположение захоронения говорит о его поздней дате в пределах этого периода [6, рис. 1]. Из погребений со стеклом левантийской I группы происходят двучленные лучковые фибулы горизонта ФЛ-5 середины III – начала IV в. (погр. 13, 38, 94), при этом в одном из погребений (погр. 38) такая фибула встречена с монетой середины III в. [15]. Часть могил занимает планиграфическую позицию между ранней частью могильника конца I – первой половины III в. и ареалом краснолаковой керамики группы КЛ-2А (вторая половина III – середина IV в.;

погр. 13, 38, 94) [6, рис. 1, с. 441–443]. Дата могилы 94 по погребальному инвентарю определяется серединой – второй половиной III в. [30]. В трех захоронениях встречена краснолаковая керамика группы КЛ-2А – кувшины типа 1 (погр. 16, 22) и понтийское блюдо формы 2 по Т. М. Арсеньевой и К. Домжальскому (погр. 41), которое датируется не ранее первой половины – середины IV в. [6, с. 452]. В погребении 16 зафиксирован также керамический светильник конца III – IV в. [6, с. 451]. В зоне с краснолаковой керамикой КЛ-2Б, нижняя хронологическая граница которой определяется второй / третьей четвертями IV в., сосуды из стекла данной группы уже не встречаются. Более широкую дату имеют изготовленные из стекла данной группы стаканы типов I и II.2 по И. Н. Храпунову: первые появляются чуть ранее середины III в., вторые – во второй четверти III в.; в середине III – IV в. они сосуществуют [21, с. 56; 16, p. 102–103].

Таким образом, хронология стекла левантийской I группы определяется периодом не позднее середины III (возможно, чуть ранее) – серединой IV в. Это существенно раньше, чем распространение аналогичного стекла в большинстве регионов Римской империи, включая Сиро-палестинский регион, где оно встречается не ранее IV в. н.э. [см., напр.: 9; 22 и др.]. Мне известен лишь один пример более раннего применения в производстве посуды сиро-палестинского стекла с высоким содержанием оксида алюминия, типичным для левантийской I группы (в среднем 2,97%) – римский лагерь Оденбург в Бельгии [35]. Вероятно, существующая на сегодня картина во многом обусловлена неравномерным изучением распространения стекла в разных регионах Европы и будет корректироваться по мере пополнения базы данных.

В поздней части некрополя преобладают сосуды из стекла двух групп – 6 и 7, соответствующие сериям Foy-3.2 и 2.1; встречены также единичные сосуды группы HIMT (группа 8). Представительная группа достаточно разнородного стекла (группа 9) сочетает признаки разных групп, являясь, вероятно, результатом вторичной переработки стеклобоя.

Химический состав стекла **группы 6** близок серии Foy-3.2, распространенной в Восточном Средиземноморье и в Европе, в т.ч. на Балканах и в ареале черняховской культуры [7; 32; 33]. По основному химическому составу серия Foy-3.2 очень близка более раннему стеклу, обесцвеченному сурьмой, но для обесцвечивания здесь использован марганец. Ее отличают высокое содержание оксида натрия (19,5%), при низком – оксидов кальция (6,1%), алюминия (2%), железа (0,7%), титана (0,11%); среднее содержание оксида марганца – 0,94%[3]. Считается, что стекло этих двух групп происходит из одного региона, т.к. при его варке использован песок с близкими геохимическими характеристиками. Его происхождение связывается с Египтом. Вероятно, постепенное сокращение и, в итоге, прекращение использования сурьмы на протяжении IV – не позднее начала V в. привело к ее постепенной замене в

[3] Исследователи выделяют для стекла серии Foy-3.2 подгруппу с высоким содержанием магния [32]. В данной статье стекло с высоким содержанием магния рассматривается в рамках общей группы.

стекловарении на менее эффективный обесцвечиватель – марганец; как правило, это стекло имеет легкий зеленоватый оттенок [32, p. 57, 65].

Из 16 сосудов данной группы, происходящих из 13 захоронений, по меньшей мере 4 (а с учетом фрагментов – до 7) представлены стаканами типа I по И. Н. Храпунову (рис. 10,*1,2*) [21, с. 56]; встречен также один стакан со сбитым со стеклодувной трубки и необработанным краем (рис. 10,*3*), колбы (рис. 10,*4*; 2 экз.), кувшины поздних типов (рис. 10,*5*; 3 экз.); возможно, в одном случае – фрагменты бальзамария.

Время распространения группы определяют следующие хроноиндикаторы. Лишь одно захоронение расположено в ранней части некрополя (погр. 62); из него происходит сосуд, реперный для группы 3 ранней краснолаковой керамики конца II – первой половины III в. [14, рис 5]. Этот факт заслуживает специального рассмотрения; возможно, объяснение ему найдется после изучения состава стекла методом ЛА-ИСП-МС, позволяющим более объективно оценивать его происхождение и степень использования материала вторичной переработки. В остальных случаях сосуды из стекла серии Foy-3.2 происходят из поздней части могильника. Если принадлежность данного образца к серии Foy-3.2 подтвердится, то он станет едва ли не самой ранней находкой стекла данной серии на территории Европы (см. ниже). Показательно, что подобное стекло ни разу не зафиксировано в захоронениях с лучковыми фибулами (одночленными или двучленными), верхняя дата существования которых определена началом IV в. [15]; судя по плану могильника, эти фибулы занимают более раннюю планиграфическую позицию. Наиболее ранние захоронения данной группы (погр. 23, 45, 89, 140) попадают в зону распространения краснолаковой керамики КЛ-2А второй половины III – третьей четверти IV в. [6, рис. 1]. Для погребения 89 дата может быть уточнена по монете 314 г. Из погребения 140 происходит краснолаковая миска типа 1, популярного в первой половине – середине IV в. (и появившегося, вероятно, несколько ранее) [6, с. 452]. В четырех захоронениях встречены понтийские краснолаковые блюда – форм 1 или 2 по К. Домжальскому, что позволяет датировать их временем от середины IV в. н.э. или, возможно, немного ранее (погр. 89, 136, 155, 171) [6, с. 444; 38, с. 240]. Ряд погребений расположен на границе зон распространения краснолаковой керамики КЛ-2А и 2Б (погр. 100, 136, 154) и в зоне КЛ-2Б (вторая четверть IV – конец IV / начало V в. – погр. 51, 142, 155, 171) [6, рис. 1]. В двух из них встречены монеты – 320-х гг. и 351–355 гг. чеканки (погр. 142 и 171) [16, p. 91]. Захоронение 135, расположенное у «поздней» границы зоны КЛ-2А за ее пределами, содержит монету середины III в. [16, рис. 1], однако планиграфическое положение этой могилы позволяет предполагать ее запаздывание. Из погр. 136 происходит также пряжка с хоботковидным язычком, охватывающим переднюю рамку почти на всю ее высоту (тип П11а) [38, с. 238, рис. 2,30] и монета горизонта 306–337 гг. [16, fig. 1,m1]. Наиболее позднее захоронение 51 содержало хроноиндикаторы гуннского времени – пряжки типов П11а и П11б (с хоботковидным язычком, охватывающим

переднюю часть рамки на всю высоту, и стеклянный конический кубок с синими налепами) [38, с. 238].

Таким образом, распространение стекла серии Foy-3.2 совпадает с началом периода С3 центральноевропейской хронологии (300/320–350/370), т.е. это происходит в IV в., возможно, исключая начало столетия. Финал ограничивается верхней датой могильника – началом V в. [см.: 38]. На европейской территории Римской империи стекло данной серии также появляется в IV в., широко распространяясь также в более позднее время [сводку см.: 32].

Группа 7 наиболее близка по основному составу средиземноморской серии Foy-2.1 [3; 39] или HLIMT (high lime, iron, manganese, titanium) [40]. Она также близка серии Foy-3.2, отличаясь незначительно более высоким содержанием элементов, характеризующих состав песка, использовавшегося стеклоделами в качестве сырья – алюминия (в среднем 2,4% Na_2O), кальция (6,8% CaO), магния (0,85% MgO), титана (0,14% TiO_2) и железа (0,9% Fe_2O_3), находящихся в прямой зависимости между собой (рис. 11). Это стекло, вероятно, также происходит из Египта, но источник сырья для него располагался в иной локации, чем для стекла серии Foy-3.2 [32].

Стекло групп 6 и 7 близко не только по химическому составу, но также по набору форм, из него изготовленных, и времени распространения. В могильнике Фронтовое 3 стекло группы 7 представлено 23 сосудами – полными формами и фрагментами, происходящими из 11 погребений поздней части некрополя. Среди них – конический кубок с декором синими каплями стекла (рис. 12,*1*) [16, fig. 7,1], чаши и стаканы со сбитым со стеклодувной трубки и необработанным краем (рис. 12,*3*; 4 экз.); 3 колбы (рис. 12,*4*); 6 кувшинов различных форм (рис. 12,*5*) и др. Характерные для Юго-Западного Крыма стаканы, многочисленные среди сосудов из стекла группы 6, здесь представлены лишь одной полной формой (и, возможно, одним фрагментом) типа I (рис. 12,*2*). Примечательно, что стекло конического кубка с синими каплями (рис. 12,*1*) слегка окрашено медью, что придает ему голубоватый оттенок, отличающийся от того зеленовато-оливкового, который типичен для стекла данной группы.

В 4 из 11 захоронений (погр. 51, 136, 142, 155, в т.ч. в 3 склепах) сосуды из стекла группы 7 совстречаются со стеклом группы 6, их хронология рассмотрена выше.

Лишь одно захоронение со стеклом группы 7 содержало лучковую фибулу – двучленную варианта 3-1-Г, датируемую не позже начала IV в. [15]. Могилы 22 и 37 расположены в ареале краснолаковой керамики КЛ-2А, в захоронении 22 встречено понтийское блюдо формы 2 по К. Домжальскому, датируемое не ранее середины IV в. [6, рис. 1]. Из погребения 141 происходит монета горизонта 306–337 гг. Погребение 86, наряду с могилой 51, относится к позднейшим на могильнике, датируясь гуннским временем [38, с. 240].

Учитывая отсутствие в группе находок, верхняя дата которых ограничивается III в., можно датировать стекло группы 7 в пределах IV – начала V в. Она синхронна погребениям со стеклом группы 6 (серии Foy-3.1) и периодам С3 – началу D2 центральноевропейской хронологии [см.: 38].

В Западной Европе, на Кипре и на территории Болгарии серия Foy-2.1 датируется более поздним временем, не ранее второй половины V в. [46]. Однако это, вполне возможно, связано с недостаточной изученностью состава более ранних материалов; в некоторых случаях серии Foy-3.2 и 2.1 рассматриваются совместно из-за близости их состава [см., напр.: 22]. Изучение стекла черняховской культуры показало, что на юго-западе Восточной Европы стекло, близкое данной серии по основному составу, было распространено уже в IV в., однако оно отличается от серии Foy-2.1 по содержанию и соотношению следовых элементов, что могло быть связано со сменой источника песка в период, разделяющий восточно- и западноевропейские материалы [33; 41].

Состав стекла **группы 8** соответствует т.н. группе HIMT (high iron, manganese, titanium), впервые выделенной на материалах Карфагена [42]. Это стекло также имеет египетское происхождение [литературу по теме см.: 43][4]. Группу 8 отличают характерные для египетского стекла высокая концентрация оксида натрия (19,5%), а также магния (1,1%), железа (1,5%) и титана (0,36%), при низком – кальция (4,8%). Стекло этой группы крайне малочисленно – оно представлено 5 сосудами из 5 погребений. Полные формы реконструируются в двух случаях – это кувшин с шаровидным туловом, украшенным накладной спиралевидной нитью, рельефным валиком на внешней стороне венчика и кольцевым поддоном, и цилиндрический стакан с оплавленным краем и дном на полом кольцевом поддоне (рис. 12,*6,7*). Еще один стакан, представленный фрагментами, имеет сбитый со стеклодувной трубки необработанный край. Для стекла данной группы характерен естественный желтовато-оливковый оттенок; в одном случае из стекла группы 8 сделан сосуд, окрашенный марганцем в фиолетовый цвет (от него сохранилось дно на кольцевом поддоне).

Наиболее раннее погребение 85 с сосудом из стекла группы HIMT содержит краснолаковые сосуды группы КЛ-2А, позволяющие датировать его серединой III – серединой IV в. Два погребения (136 и 142), в которых встречены также сосуды из стекла серий Foy-2.1 и 3.2, связаны с горизонтом IV в. (см. выше). Захоронения 175 и 178 расположены в последнем, самом позднем ряду могильника. Склеп 178 содержит хроноиндикаторы гуннского времени, позднейшие вещи могут быть отнесены к периоду D2 центральноевропейской хронологии (380/400–440/450); склеп 175 относится к этому же времени или немного ранее [38, с. 240]. Таким образом, немногочисленные материалы Фронтового позволяют широко датировать распространение здесь стекла HIMT серединой III / IV – началом V в. На территории европейских провинций Римской империи оно получило распространение не ранее IV в. [сводку см.: 43], а по данным, полученным для римской Британии – возможно, начиная с середины столетия [9, группа “strong” HIMT]. Дату IV в. можно, вероятно, принять

[4] На определенном этапе в группу HIMT включались стекла разнородного состава, относимые сегодня к сериям Foy-2.1/HLIMT и Foy-3.2. Позже их различное происхождение (очевидно, в рамках общего широкого географического региона) было показано на основе анализа следовых элементов в стекле [39; 44].

как время появления посуды из стекла НІМТ и у населения, оставившего могильник Фронтовое 3. Его распространение, очевидно, синхронно стеклу серий Foy-2.1 и 3.2. Примечательно, что в европейской части Римской империи это стекло с IV в. распространяется очень широко [43], включая Балканы и территорию Болгарии (здесь, правда, исследовались более поздние материалы) [47, p. 83]. Во Фронтовом это стекло представлено единичными образцами. Возможно, это связано с наличием у стекла данной группы выраженного оливкового оттенка, вероятно, непопулярного у местного населения, предпочитавшего на всех этапах существования памятника бесцветное или близкое бесцветному стекло. Практически не встречается стекло НІМТ и в ареале черняховской культуры [33].

В **группу 9** условно объединены 13 образцов стекла, сочетающие в себе признаки левантийского и египетского материала разных групп; атрибутировать их точнее можно будет по итогам анализа следовых элементов. Очевидно, они являются результатом интенсивного применения в производстве стеклобоя. В группе преобладают стаканы типа II.2 и их фрагменты (6 экз.), встречены также колбы (5 экз.) и стаканы с необработанным краем, сбитым со стеклодувной трубки (2 экз.), т.е. формы, серийно присутствующие в захоронениях могильника. Большинство из них сосредоточено в поздней части некрополя и в переходной зоне от ранней к поздней части. Их хронологию можно будет детально обсуждать после получения уточненных данных о составе.

Стекло, не вошедшее в группы 1–**9.** Помимо стекла на основе золы солончаковых растений, рассмотренного в начале статьи, в выборке присутствуют еще четыре образца сосудов. Два из них (табл. 2, Фр-125 и 130) по геохимическим характеристикам песка очень близки группам 3 (стекло, обесцвеченное сурьмой) и 6 (серия Foy-3.2), однако в них отсутствует намеренно добавленный обесцвечиватель. В одном из образцов содержится незначительная концентрация марганца (0,33% MnO), скорее всего, свидетельствующая о примеси стеклобоя. Эти сосуды происходят из погребений 232 и 325, расположенных в ранней части могильника, т.е. хронологически ближе группе стекла, обесцвеченного сурьмой.

Два образца имеют состав, типичный для стекла группы 5 (и левантийской I группы), однако их отличает повышенное содержание железа (1,13 и 1,38% Fe_2O_3) (табл. 2, Фр-42 и 45). Они расположены в поздней части могильника (рис. 1).

Итоги. Все стекло, из которого изготовлены сосуды могильника Фронтовое 3, происходит из ближневосточных центров – сиро-палестинских и египетских, причем египетское стекло преобладает над левантийским на всех этапах существования памятника. Динамика его поступления реконструируется следующим образом. На самом раннем этапе, начиная с конца I в., в ходу у населения, оставившего могильник, были сосуды из сиро-палестинского стекла, имеющего естественный зелено-голубой оттенок, которое не обесцвечивалось намеренно. Судя по немногочисленности таких находок и их типологическому разнообразию можно предполагать, что это – дальние импорты. Однако такое стекло довольно быстро выходит из употребления. Уже в

первой половине II в. его начинает сменять намеренно обесцвеченное стекло. Это изменение отражает моду, распространившуюся с конца I – начала II в. на территории Римской империи, когда на смену стеклу ярких цветов приходит бесцветное, напоминающее, согласно данным письменных источников, горный хрусталь. Чуть ранее у населения, оставившего могильник Фронтовое 3, появляется обесцвеченное марганцем сиро-палестинское стекло, однако оно так же немногочисленно, как и «римское» зелено-голубое: в могильнике найдены лишь единичные экземпляры изготовленных из него сосудов – очевидно, также далеких импортов. Лучше представлено египетское, обесцвеченное сурьмой, которое, судя по планиграфии, появляется несколько позже. Оно превосходит левантийское качеством, однако судить об ассортименте форм, из него изготовленных, сложно из-за того, что значительная часть таких находок представлена в погребениях скоплениями стенок без профильных частей. Самая многочисленная группа стекла в ранней части могильника – стекло «смешанного» состава с двумя обесцвечивателями, результат активного использования в производстве стеклобоя. Судя по тому, что «смешанное» Mn-Sb стекло, согласно данным планиграфии, появляется немного ранее обесцвеченного сурьмой (которое должно было быть одним из его компонентов), можно полагать, что на раннем этапе сосуды из него поступали к местному населению из отдаленных производственных центров, а не производились в регионе из собранного здесь же стеклобоя. Однако наличие серийных форм (цилиндрических кубков, сферических чаш, возможно, некоторых типов бальзамариев) позволяет предположить, что стекло вторичной переработки активно применялось в локальных стеклоделательных мастерских, вероятно, херсонесских, начиная со второй половины / конца II в. [см. также: 45]. Стекло перечисленных групп (обесцвеченное сурьмой египетское и «смешанного» состава) получает распространение вплоть до второй половины – конца III в.; обесцвеченное марганцем сиро-палестинское – вероятно, до середины III в.

Ситуация кардинально меняется, начиная с IV в. Единственная немногочисленная группа, связывающая раннюю и позднюю части могильника – левантийская I (также бесцветного стекла), получившая распространение в III – середине IV в. Судя по наличию в ней форм стаканов предположительно херсонесского производства, это стекло использовалось в локальных мастерских Юго-Западного Крыма в качестве сырья. На протяжении первой половины IV в. происходит полная смена стекловаренных центров, производивших стекло для сосудов, найденных в могильнике. Перечисленные выше ранние группы стекла в IV в. уже не встречаются. На смену их производителям приходят египетские стекловары, продукция которых абсолютно преобладает на позднем этапе. Наиболее массовые серии – Foy-3.2 и 2.1, и обе они, судя по всему, активно использовались в местном производстве, а значит, импортировались в Херсонес в виде стекла-сырца. При этом серия Foy-3.2 близка по составу более раннему стеклу, которое обесцвечивалось сурьмой, но здесь использован другой обесцвечиватель – марганец; в IV в. использование сурьмы в стеклоделательном производстве постепенно прекращается. Слегка меняется, вероятно, и локализация стеклоделательных центров, что отражают

незначительные различия в основном составе стекла, обесцвеченного сурьмой, и серии Foy-3.2. Широко распространенная в европейских провинциях Империи группа HIMT представлена во Фронтовом лишь единичными сосудами. Это может быть связано с сохранением на позднем этапе у местного населения популярности бесцветного или почти бесцветного стекла. На позднем этапе, вероятно, в местном производстве также очень активно применялся стеклобой – практика, характерная для мастерских, расположенных на периферии Римской империи, однако признаки его сложнее выявляются ввиду ограничений использованного метода анализа.

Стекло могильника Фронтовое 3 принадлежит по химическому составу к группам, широко распространенным в Римской империи в первой половине – середине I тыс. н.э. Однако ритмы и хронология распространения этих групп отличаются от тех, что известны преимущественно по западноевропейским материалам. Оценить место Юго-Западного Крыма в международной системе торговых связей, по которым распространялось стекло, довольно сложно из-за неравномерной изученности разных регионов, входивших в состав Римской империи. Однако перелом в снабжении стеклом, наступивший повсеместно в IV в., хорошо выявляется и на материалах могильника Фронтовое 3, позволяя предельно точно установить его хронологию для Юго-Западного Крыма. На материалах Фронтового время этого перелома приходится на первую половину IV в., возможно, исключая самое начало столетия, или период С3 центральноевропейской хронологии.

Таблица 1. Результаты анализа эталонов методом СЭМ-ЭДС (в масс. %) в лаборатории НЦ «Износостойкость» МЭИ (ТУ)
Table 1. SEM-EDS analyses of glass standards (wt %), compared with reported values

Эталон		Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	CoO	CuO	SnO_2	Sb_2O_5	BaO	PbO
Corning Museum of Glass A	сред. знач., 5 изм.	14,36	2,57	0,9	67,06	0,09	0,15	0,09	3,05	5,09	0,86	1,06	1,16	0,18	1,31	0,44	1,72	0,53	0,07
	станд. откл.	0,04	0,03	0,01	0,07	0,02	0,03	0,01	0,03	0,02	0,03	0,01	0,02	0,01	0,02	0,05	0,04	0,03	0,06
	Реко-менд. знач.	14,30	2,66	1,00	66,56	0,13	0,16	0,09	2,87	5,03	0,79	1,00	1,09	0,17	1,17	0,19	1,75	0,56	0,12
NIST 620	сред. знач., 5 изм.	14,34	3,6	1,79	72,55	–	0,26	–	0,38	7,3	0,02	–	0,05	–	–	–	–	–	–
	станд. откл.	0,08	0,04	0,01	0,31	–	0,02	–	0,01	0,02	0,02	–	0,01	–	–	–	–	–	–
	аттесто ванное знач.	14,39	3,69	1,80	72,80	–	0,28	–	0,41	7,11	0,02	–	0,04	–	–	–	–	–	–

(–) ниже предела обнаружения / below detection limit

Таблица 2. Химический состав стекла могильника Фронтовое 3, изученный методом СЭМ-ЭДС (в масс. %)
Table 2. Chemical composition of the glass from Frontovoe 3 studied with SEM-EDS technique (wt %)

Группа стекла	Обесцвечиватель	Шифр	Погр. / №	Форма	Оттенок стекла	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	CoO	CuO	SnO_2	Sb_2O_5	BaO	PbO
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 1 («римское» зелено-голубое стекло)	–	Фр-113	263 / 3054	бутыль	голубой	15,99	0,57	2,38	70,79	0,14	0,16	0,97	0,55	7,8	<0,1	0,36	0,5	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-117	284 / 3393	ритон	светло-зеленый	15,66	0,54	2,4	70,27	0,11	0,1	1,09	0,61	8,5	<0,1	0,47	0,37	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-124	316 / 4300	сосуд	голубой	16,49	0,48	2,48	69,91	0,14	0,11	1,02	0,69	7,42	<0,1	0,66	0,38	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-129	погр.4	сосуд	голубой	16,46	0,53	2,57	71,11	0,10	0,13	1,11	0,54	8,17	<0,1	0,15	0,38	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-131	299 / 3800	бальзамарий	голубой	15,96	0,52	2,52	71,51	0,11	0,29	0,81	0,81	8,03	<0,1	0,21	0,39	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-134	315 / 3976	бальзамарий	голубой	16,57	0,46	2,49	72,18	0,13	0,06	1,13	0,59	7,16	<0,1	0,04	0,33	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-142	229 / 2776	бальзамарий	голубой	15,81	0,5	2,29	72,29	<0,1	0,12	1,09	0,44	8,04	<0,1	0,07	0,34	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-143	88 / 580	бальзамарий	зелено-голубой	16,02	0,46	2,41	72,62	<0,1	0,13	1,09	0,46	7,62	<0,1	0,12	0,3	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-144	319 / 4131	бальзамарий	светло-зеленый	16,47	0,54	2,33	70,39	0,11	0,12	1,16	0,51	8,65	<0,1	0,36	0,36	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**16,16**	**0,51**	**2,43**	**71,23**	**–**	**0,14**	**1,05**	**0,58**	**7,93**	**<0,1**	**0,27**	**0,37**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**0,34**	**0,04**	**0,09**	**0,98**	**–**	**0,06**	**0,11**	**0,12**	**0,49**	**–**	**0,21**	**0,06**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**
Группа 2 («римское» бесцветное стекло)	Mn	Фр-106	202 / 2786	арибалл	б/ц зеленоват.	15,97	0,55	2,39	69,60	0,13	0,17	1,04	0,56	8,12	<0,1	1,65	0,39	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-108	246 / 2872	стакан	голубой	16,56	0,53	2,61	69,37	0,11	0,15	1,10	0,54	7,96	<0,1	0,89	0,39	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-111	243 / 3018	чаша	б/ц зеленоват.	14,46	0,59	2,67	70,81	<0,1	0,10	1,00	0,61	8,34	<0,1	0,87	0,48	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-137	3 / 493	бальзамарий	голубой	16,07	0,92	2,33	69,56	0,30	0,14	0,93	0,83	7,76	<0,1	1,21	0,63	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-66	5 / 558	кувшин	зелено-голубой	17,84	0,62	2,53	67,69	<0,1	0,17	1,17	0,56	7,23	<0,1	1,06	0,49	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 2 («римское» бесцветное стекло)	Mn	Фр-54	102 / 1256	стенка сосуда	б/ц	18,83	0,58	2,50	67,45	<0,1	0,19	1,13	0,47	7,53	<0,1	1,12	0,51	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-128	269 / 4687	амфо-рик	фиоле-товый	16,07	0,62	2,39	67,69	0,15	0,23	0,83	0,65	8,12	<0,1	2,87	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-74	55 / 1540	чаша	б/ц зелe-новат.	17,20	0,48	2,43	68,20	0,12	0,17	1,10	0,69	7,37	<0,1	1,79	0,41	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**16,63**	**0,61**	**2,48**	**68,80**	–	**0,17**	**1,04**	**0,61**	**7,80**	**<0,1**	**1,43**	**0,47**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**1,33**	**0,13**	**0,12**	**1,21**	–	**0,04**	**0,11**	**0,11**	**0,40**	–	**0,67**	**0,08**	–	–	–	–	–	–
Группа 3 (стекло, обесцвечен-ное сурьмой, Fey-4)	Sb	Фр-14	5 / 441	стакан	б/ц	19,36	0,50	1,50	68,01	<0,1	0,29	1,34	0,35	7,79	<0,1	<0,1	0,51	<0,1	<0,1	<0,2	0,49	<0,1	<0,1
		Фр-15	60 / 452	сосуда фр-ты	б/ц	19,05	0,45	1,89	71,49	<0,1	0,27	1,20	0,46	4,88	<0,1	<0,1	0,36	<0,1	<0,1	<0,2	0,37	<0,1	<0,1
		Фр-16	10 / 550	кубок	б/ц	19,31	0,46	1,63	70,96	<0,1	0,26	1,26	0,40	5,22	<0,1	<0,1	0,35	<0,1	<0,1	<0,2	0,71	<0,1	<0,1
		Фр-21	74 / 632	бальза-марий? фр-ты	б/ц	19,10	0,38	1,71	71,24	<0,1	0,18	1,34	0,43	5,18	<0,1	<0,1	0,28	<0,1	<0,1	<0,2	0,54	<0,1	<0,1
		Фр-31	79 / 905	флакон	б/ц	16,52	0,30	1,66	72,24	<0,1	0,18	1,10	0,41	4,94	<0,1	<0,1	0,26	<0,1	<0,1	<0,2	1,03	<0,1	<0,1
		Фр-38	94 / 1004	стакан	б/ц	19,06	0,63	1,81	68,03	<0,1	0,31	1,24	0,36	6,62	<0,1	<0,1	0,43	<0,1	<0,1	<0,2	0,34	<0,1	<0,1
		Фр-40	75 / 1068	сосуда фр-ты	б/ц	19,23	0,38	1,70	68,83	<0,1	0,29	1,27	0,40	5,51	<0,1	<0,1	0,33	<0,1	<0,1	<0,2	0,72	<0,1	<0,1
		Фр-50	70 / 1216	сосуда фр-ты	б/ц	19,26	0,51	1,96	70,00	<0,1	0,27	1,23	0,45	5,52	<0,1	<0,1	0,45	<0,1	<0,1	<0,2	0,51	<0,1	<0,1
		Фр-51	70 / 1224	бальза-марий	б/ц зелe-новат.	19,78	0,39	1,63	69,54	<0,1	0,24	1,36	0,40	5,38	<0,1	<0,1	0,32	<0,1	<0,1	<0,2	0,62	<0,1	<0,1
		Фр-66	145 / 1389	стакана? фр-т	б/ц	20,53	0,72	1,79	68,46	<0,1	0,26	1,40	0,35	5,66	<0,1	<0,1	0,48	<0,1	<0,1	<0,2	0,57	<0,1	<0,1
		Фр-70	161 / 1439	сосуд	б/ц	18,43	0,46	2,02	70,37	<0,1	0,20	1,23	0,46	5,22	<0,1	<0,1	0,41	<0,1	<0,1	<0,2	0,70	<0,1	<0,1
		Фр-71	152 / 1480	сосуда фр-ты	б/ц	19,59	0,46	1,59	68,73	<0,1	0,29	1,29	0,36	6,43	<0,1	<0,1	0,35	<0,1	<0,1	<0,2	0,63	<0,1	<0,1
		Фр-87	65 / 1862	стакан	б/ц	18,90	0,58	1,92	69,60	<0,1	0,31	1,07	0,64	5,95	<0,1	<0,1	0,55	<0,1	<0,1	<0,2	0,99	<0,1	<0,1
		Фр-99	191 / 2227	сосуд	б/ц	19,74	0,50	1,95	69,29	<0,1	0,29	1,22	0,51	5,49	<0,1	<0,1	0,43	<0,1	<0,1	<0,2	0,74	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 3 (стекло, обесцвеченное сурьмой, Fey-4)	Sb	Фр-101	203 / 2427	сосуда фр-ты	б/ц	19,68	0,45	1,54	69,34	<0,1	0,29	1,31	0,43	5,67	<0,1	<0,1	0,34	<0,1	<0,1	<0,2	0,82	<0,1	<0,1
		Фр-105	209 / 2544	флакона? фр-ты	б/ц	17,92	0,44	1,63	72,29	<0,1	0,22	1,18	0,37	5,66	<0,1	<0,1	0,31	<0,1	<0,1	<0,2	0,42	<0,1	<0,1
		Фр-107	213 / 2817	стакан	б/ц	18,58	0,56	1,90	70,50	<0,1	0,25	1,13	0,58	6,04	<0,1	<0,1	0,47	<0,1	<0,1	<0,2	0,67	<0,1	<0,1
		Фр-110	183 / 2945	бальзамария горло	б/ц	19,64	0,38	1,65	69,58	<0,1	0,26	1,33	0,46	5,00	<0,1	<0,1	0,34	<0,1	<0,1	<0,2	0,85	<0,1	<0,1
		Фр-116	230 / 3288	чаша?	б/ц	18,84	0,45	1,76	70,67	<0,1	0,26	1,18	0,40	5,28	<0,1	<0,1	0,37	<0,1	<0,1	<0,2	0,47	<0,1	<0,1
		Фр-139	59 / 368	сосуда фр-ты	б/ц	21,69	0,43	1,50	68,09	<0,1	0,48	1,21	0,38	6,16	<0,1	<0,1	0,34	<0,1	<0,1	<0,2	0,53	<0,1	<0,1
		Фр-140	27 / 77	сосуда фр-ты	б/ц	20,77	0,82	2,07	67,85	<0,1	0,31	1,32	0,43	6,07	<0,1	<0,1	0,47	<0,1	<0,1	<0,2	0,53	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**19,28**	**0,49**	**1,75**	**69,77**	**<0,1**	**0,27**	**1,25**	**0,43**	**5,70**	**<0,1**	**<0,1**	**0,39**	**<0,1**	**0,01**	**<0,2**	**0,63**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**1,04**	**0,12**	**0,17**	**1,37**	–	**0,06**	**0,09**	**0,07**	**0,68**	–	–	**0,08**	–	**0,01**	–	**0,19**	–	–
Группа 4 («смешанного» состава)	Mn +Sb	Фр-1	17 / 21	стакан	б/ц зеленоват.	18,73	0,56	2,04	70,20	<0,1	0,25	1,17	0,53	6,76	<0,1	0,33	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	0,36	<0,1	<0,1
		Фр-2	27 / 56	чаша	б/ц зеленоват.	18,60	0,51	2,10	69,67	<0,1	0,26	1,15	0,59	6,54	<0,1	0,46	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	0,35	<0,1	<0,1
		Фр-4	90 / 122	стакан?	б/ц	19,66	0,84	1,89	68,60	<0,1	0,30	1,22	0,42	6,13	0,10	0,35	0,57	<0,1	<0,1	<0,2	0,25	<0,1	<0,1
		Фр-18	58 / 584	стакан	б/ц	18,43	0,46	2,02	69,69	<0,1	0,25	1,03	0,56	6,38	<0,1	0,40	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	0,38	<0,1	<0,1
		Фр-20	85 / 608	сосуд	б/ц зеленоват.	18,35	1,22	2,37	67,13	<0,1	0,39	0,89	0,45	7,20	0,16	0,74	0,96	<0,1	<0,1	<0,2	0,29	<0,1	<0,1
		Фр-23	76 / 705	бальзарий	зеленоголубой	17,79	0,52	2,12	69,27	<0,1	0,21	1,11	0,61	6,75	<0,1	0,54	0,49	<0,1	<0,1	<0,2	0,37	<0,1	<0,1
		Фр-25	71 / 766	стакан	б/ц	17,95	0,44	1,99	69,19	<0,1	0,24	1,15	0,56	6,32	<0,1	0,37	0,40	<0,1	<0,1	<0,2	0,42	<0,1	<0,1
		Фр-49	128 / 1175	бальзарий	б/ц	18,18	0,58	2,30	68,68	<0,1	0,20	1,05	0,55	7,11	<0,1	0,64	0,53	<0,1	<0,1	<0,2	0,35	<0,1	<0,1
		Фр-52	70 / 1225	стакан	светло-зеленый	18,30	0,53	2,26	68,37	<0,1	0,20	1,08	0,69	6,96	<0,1	0,58	0,55	<0,1	<0,1	<0,2	0,49	<0,1	<0,1
		Фр-53	104 / 1239	стакан	зеленоголубой	18,87	0,48	1,99	69,25	<0,1	0,26	1,18	0,54	6,31	<0,1	0,40	0,43	<0,1	<0,1	<0,2	0,52	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 4 («смешанного» состава)	Mn +Sb	Фр-72	121/1496	чаша с оплав. краем	б/ц зеленоват.	17,61	0,53	2,07	69,46	<0,1	0,19	1,12	0,58	6,58	<0,1	0,55	0,48	<0,1	<0,1	<0,2	0,40	<0,1	<0,1
		Фр-73	150/1500	стакан	светло-зеленый	17,63	0,53	2,03	69,54	<0,1	0,19	1,11	0,59	6,54	<0,1	0,51	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	0,43	<0,1	<0,1
		Фр-82	132/1740	стакан	б/ц зеленоват.	18,14	0,50	2,02	69,09	<0,1	0,25	1,18	0,55	6,46	<0,1	0,40	0,45	<0,1	<0,1	<0,2	0,59	<0,1	<0,1
		Фр-83	111/1784	сосуд	б/ц	18,28	0,48	1,95	69,19	<0,1	0,23	1,16	0,53	6,24	<0,1	0,39	0,42	<0,1	<0,1	<0,2	0,48	<0,1	<0,1
		Фр-85	110/1822	чаша	б/ц зеленоват.	17,99	0,47	2,04	69,64	<0,1	0,24	1,15	0,56	6,50	<0,1	0,47	0,45	<0,1	<0,1	<0,2	0,47	<0,1	<0,1
		Фр-86	65/1851	кубок	б/ц зеленоват.	17,68	0,52	2,04	70,28	<0,1	0,19	1,07	0,55	6,46	<0,1	0,43	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	0,41	<0,1	<0,1
		Фр-96	184/2052	бальзамарий	голубой	16,83	0,54	2,36	70,28	0,12	0,19	1,03	0,68	7,45	<0,1	0,82	0,47	<0,1	<0,1	<0,2	0,27	<0,1	<0,1
		Фр-97	179/2130	стакан	б/ц	18,09	0,49	2,14	70,31	<0,1	0,23	1,14	0,58	6,61	<0,1	0,57	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	0,46	<0,1	<0,1
		Фр-98	207/2171	стакан?	светло-зеленый	18,50	0,48	2,01	69,87	<0,1	0,26	1,17	0,54	6,29	<0,1	0,40	0,43	<0,1	<0,1	<0,2	0,53	<0,1	<0,1
		Фр-100	203/2420	чаша	б/ц	18,36	0,48	1,97	70,21	<0,1	0,26	1,16	0,57	6,26	<0,1	0,35	0,40	<0,1	<0,1	<0,2	0,52	<0,1	<0,1
		Фр-102	196/2439	бальзамарий	б/ц	18,37	0,46	1,94	70,03	<0,1	0,25	1,16	0,54	6,18	<0,1	0,33	0,43	<0,1	<0,1	<0,2	0,52	<0,1	<0,1
		Фр-104	166/2523	бальзамарий	б/ц	17,52	0,50	2,20	69,68	<0,1	0,22	1,07	0,61	6,82	<0,1	0,70	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	0,40	<0,1	<0,1
		Фр-109	221/2922	бальзамарий	б/ц	18,65	0,47	1,96	69,12	<0,1	0,23	1,17	0,54	6,00	<0,1	0,47	0,47	<0,1	<0,1	<0,2	0,64	<0,1	<0,1
		Фр-112	245/3025	кувшин	светло-зеленый	18,00	0,58	2,06	68,76	<0,1	0,22	1,06	0,56	6,64	<0,1	0,46	0,53	<0,1	<0,1	<0,2	0,49	<0,1	<0,1
		Фр-114	232/3183	стакан	б/ц зеленоват.	18,77	0,47	1,98	68,50	<0,1	0,23	1,15	0,57	6,49	<0,1	0,53	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	0,57	<0,1	<0,1
		Фр-115	238/3198	бальзамарий	б/ц зеленоват.	18,96	0,51	1,97	68,60	<0,1	0,26	1,17	0,51	6,10	<0,1	0,37	0,47	<0,1	<0,1	<0,2	0,52	<0,1	<0,1
		Фр-118	286/3430	кувшин	голубой	17,65	0,51	2,23	69,69	<0,1	0,21	1,08	0,57	6,79	<0,1	0,36	0,48	<0,1	<0,1	<0,2	0,31	<0,1	<0,1
		Фр-119	244/3490	стакан	б/ц зеленоват.	18,13	0,53	2,05	68,92	<0,1	0,22	1,13	0,59	6,56	<0,1	0,66	0,49	<0,1	<0,1	<0,2	0,51	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 4 («смешанного» состава)	Mn +Sb	Фр-120	247 / 3648	стакан	б/ц	16,92	0,54	2,20	69,51	<0,1	0,23	0,99	0,70	7,27	0,10	0,31	0,57	<0,1	<0,1	<0,2	0,53	<0,1	<0,1
		Фр-121	321 / 3888	бальзарий	б/ц	18,81	0,50	1,99	69,00	<0,1	0,23	1,14	0,57	6,17	<0,1	0,30	0,54	<0,1	<0,1	<0,2	0,62	<0,1	<0,1
		Фр-122	288 / 3954	стакан	зелено-голубой	17,59	0,55	2,13	69,10	<0,1	0,21	1,07	0,64	6,83	0,10	0,57	0,53	<0,1	<0,1	<0,2	0,39	<0,1	<0,1
		Фр-126	250 / 4603	стакан	светло-зеленый	17,93	0,50	2,08	69,00	<0,1	0,21	1,10	0,62	6,72	<0,1	0,61	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	0,40	<0,1	<0,1
		Фр-127	250 / 4623	стакан	голубой	17,61	0,53	2,10	68,88	<0,1	0,21	1,11	0,60	6,77	<0,1	0,59	0,51	<0,1	<0,1	<0,2	0,41	<0,1	<0,1
		Фр-132	70 / 1233	кубок	б/ц	18,76	0,47	2,01	70,07	<0,1	0,26	1,18	0,54	6,32	<0,1	0,38	0,42	<0,1	<0,1	<0,2	0,58	<0,1	<0,1
		Фр-16	61 / 475	бальзарий	б/ц	18,21	0,48	2,00	69,76	<0,1	0,24	1,13	0,61	6,36	<0,1	0,34	0,45	<0,1	<0,1	<0,2	0,49	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**18,17**	**0,54**	**2,07**	**69,33**	**<0,1**	**0,23**	**1,12**	**0,57**	**6,57**	**<0,1**	**0,48**	**0,48**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**0,45**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**0,58**	**0,14**	**0,12**	**0,68**	–	**0,04**	**0,07**	**0,06**	**0,35**	–	**0,13**	**0,09**	–	–	–	**0,10**	–	–
Группа 5 (левантийская I)	Mn	Фр-6	13 / 155	стакан	голубой	15,30	0,60	3,22	68,51	0,10	<0,1	1,14	0,54	9,03	<0,1	1,50	0,60	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-8	22 / 243	стакан	б/ц зеленоват.	14,96	0,65	2,79	70,14	<0,1	0,17	0,85	0,61	8,47	<0,1	1,29	0,57	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-11	16 / 291	стакан	светло-зеленый	15,49	1,00	3,00	68,41	0,12	0,18	0,92	0,75	8,92	0,12	1,22	0,74	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-24	78 / 738	бальзарий	светло-зеленый	16,42	0,52	2,75	67,59	<0,1	0,15	1,08	0,61	8,39	<0,1	1,49	0,38	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-29	41 / 817	колба	светло-оливк.	14,31	0,72	2,75	69,03	<0,1	0,25	0,76	0,60	8,66	0,11	1,99	0,57	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-30	41 / 818	колба	оливковый	14,30	0,73	2,75	69,11	<0,1	0,23	0,76	0,60	8,64	<0,1	1,95	0,59	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-39	94 / 1023	кувшин	оливковый	14,95	0,56	3,21	68,30	0,10	<0,1	1,18	0,52	8,35	<0,1	1,37	0,65	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-44	101 / 1124	стакан	б/ц	15,61	0,51	2,74	69,48	<0,1	0,23	0,97	0,59	7,73	<0,1	1,13	0,34	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-146	38 / 1166	стакан	голубой	15,56	0,57	2,99	69,75	<0,1	<0,1	1,25	0,47	8,49	<0,1	1,32	0,58	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**15,21**	**0,65**	**2,91**	**68,92**	–	**0,16**	**0,99**	**0,59**	**8,52**	–	**1,47**	**0,56**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**0,67**	**0,15**	**0,20**	**0,80**	–	**0,07**	**0,18**	**0,08**	**0,38**	–	**0,31**	**0,12**	–	–	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 6 (серия Foy-3.2)	Mn	Фр-12	45/310	венчик сосуда	б/ц	20,17	0,84	1,88	67,70	<0,1	0,24	1,32	0,34	5,93	0,11	0,73	0,86	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-13	50 / 339	стакан	светло-зеленый	19,72	0,78	2,25	67,85	<0,1	0,26	1,09	0,51	5,77	0,13	1,11	0,81	<0,1	0,15	<0,2	<0,2	<0,1	0,16
		Фр-17	62 № 573	стакан	светло-зеленый	19,30	0,65	2,05	68,36	<0,1	0,25	1,15	0,54	6,46	0,08	0,74	0,62	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-32	100/915	стакан	б/ц	18,63	0,55	1,91	68,53	<0,1	0,19	1,31	0,39	5,51	0,10	1,25	0,50	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-36	89/951	кувшин	светло-зеленый	18,71	0,66	2,15	67,29	<0,1	0,21	1,19	0,59	6,55	0,1	0,96	0,64	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-37	89/984	сосуда фр-ты	б/ц	19,77	0,70	1,90	66,49	<0,1	0,22	1,31	0,44	6,15	0,11	1,08	0,62	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-58	140/1334	сосуда фр-ты	б/ц	20,79	0,86	1,84	66,99	<0,1	0,23	1,35	0,33	5,85	0,12	0,71	0,85	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-59	140/1335	колба	б/ц зелен-новат.	20,73	0,86	1,84	66,89	<0,1	0,24	1,35	0,34	5,84	0,12	0,73	0,86	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-61	142/1354	стакан	б/ц	19,71	0,64	1,94	68,35	<0,1	0,22	1,25	0,44	6,07	0,11	1,00	0,58	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-62/1	142/1358	стакан	св.-оливковый	19,71	0,99	2	67,95	0,03	0,15	1,3	0,36	5,81	0,14	1,39	0,68	0,01	0,02	0,14	0,1	0,04	0,04
		Фр-67	135/1397	стакан	б/ц голу-боват.	18,66	0,71	2,19	67,82	<0,1	0,21	1,15	0,62	6,70	0,11	1,02	0,74	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-75	154/1597	кувшин	оливковый	18,99	0,99	2,03	68,08	<0,1	0,17	1,28	0,39	5,78	0,15	1,38	0,74	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-81	136/1682	стакан	зелено-голубой	18,30	0,89	2,18	67,67	<0,1	0,22	1,16	0,61	6,60	0,11	1,25	0,66	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-84	171/1789	стакан	светло-зеленый	18,79	0,78	2,17	67,57	<0,1	0,20	1,12	0,64	6,57	0,11	1,12	0,81	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-90	155/1906	кувшин	оливковый	18,98	0,82	1,95	69,76	<0,1	0,19	1,24	0,41	6,22	0,11	0,70	0,71	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-141	51/394	бальза-марий?	светло-зеленый	20,23	0,72	2,08	67,90	<0,1	0,23	1,20	0,52	6,22	0,10	1,11	0,62	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**19,45**	**0,78**	**2,02**	**67,83**	**<0,1**	**0,21**	**1,24**	**0,47**	**6,13**	**0,11**	**1,02**	**0,71**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**0,77**	**0,13**	**0,14**	**0,76**	–	**0,03**	**0,09**	**0,11**	**0,36**	**0,02**	**0,24**	**0,11**	–	–	–	–	–	–
Группа 7 (серия Foy-2.1 - ?)	Mn	Фр-3	37/114	стакан	б/ц	**18,59**	**0,83**	**2,33**	**67,62**	<0,1	**0,28**	**1,00**	**0,59**	**7,39**	**0,11**	**0,64**	**0,75**	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-9	22/250	колба	б/ц	**19,59**	**0,86**	**2,39**	**68,52**	<0,1	**0,22**	**1,29**	**0,44**	**4,88**	**0,16**	**1,29**	**0,83**	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 7 (серия Foy-2.1 - ?)	Mn	Фр-19	86 / 588	сосуда фр-ты	б/ц	21,11	1,18	2,18	65,41	<0,1	0,23	1,45	0,39	6,20	0,13	1,29	0,76	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-33	46 / 920	кувшин	светло-зеленый	18,42	0,85	2,48	66,60	<0,1	0,26	1,09	0,56	6,61	0,16	1,12	1,02	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-34	46 / 922	сосуда фр-ты	светло-зеленый	18,54	0,85	2,44	66,34	<0,1	0,25	1,10	0,52	6,54	0,16	1,08	0,95	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-41а	92 / 1085/1	стакан	светло-зеленый	19,10	0,90	2,64	67,06	<0,1	0,29	0,97	0,73	6,62	0,19	0,82	1,10	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-416	92 / 1085/2	кувшин	светло-зеленый	19,36	0,90	2,51	67,69	<0,1	0,27	1,06	0,66	6,54	0,18	0,92	1,08	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-57	141 / 1301	стакана фрт-ты	б/ц	18,32	0,75	2,71	66,79	<0,1	0,21	0,88	0,98	7,68	0,12	0,96	0,94	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-60	142 / 1349	сосуда фр-ты	светло-зеленый	17,92	0,79	2,33	68,50	<0,1	0,17	0,79	0,85	7,03	0,13	1,11	0,69	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-64	142 / 1375	донце сосуда	светло-зеленый	17,49	0,79	2,46	68,04	<0,1	0,19	1,06	1,02	7,37	0,12	1,11	0,77	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-65	142 / 1376	стакана фр-ты	б/ц	17,95	0,79	2,51	68,23	<0,1	0,20	1,01	0,77	7,08	0,12	1,10	0,74	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-76	136 / 1661	колба	светло-зеленый	18,01	0,80	2,33	67,81	<0,1	0,22	1,10	0,59	6,71	0,12	1,22	0,84	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-77а	136 / 1668/1	колба	светло-зеленый	18,27	0,82	2,52	67,31	<0,1	0,22	1,02	0,78	6,44	0,16	1,27	0,90	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-776	136 / 1668/2	кувшин	светло-зеленый	17,08	0,74	2,52	68,24	<0,1	0,21	0,97	0,71	7,54	0,12	1,24	0,74	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-78	136 / 1669	колба	светло-зеленый	19,38	0,81	2,26	66,99	<0,1	0,23	1,11	0,55	6,17	0,14	1,14	0,85	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-88	155 / 1898	сосуд, один из двух	светло-зеленый	18,47	0,88	2,59	68,30	<0,1	0,22	0,99	0,64	6,98	0,15	1,11	0,92	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-89	155 / 1902	сосуда фр-ты	б/ц	18,84	0,83	2,37	68,10	<0,1	0,23	1,02	0,66	6,93	0,12	1,10	0,81	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-92	155 / 1927	стакана фр-ты	светло-зеленый	19,51	0,93	2,41	66,57	<0,1	0,30	1,14	0,58	7,43	0,18	0,96	1,13	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-93	155 / 1930	колба	светло-зеленый	18,49	0,86	2,40	67,94	<0,1	0,22	1,00	0,65	6,87	0,13	1,13	0,82	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 7 (серия Foy-2.1 - ?)	Mn	Фр-94	155 / 1934	стакана фр-ты	светло-зеленый	19,53	0,93	2,36	66,43	<0,1	0,29	1,15	0,58	7,42	0,17	0,95	1,15	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-136	105 / 890	кувшин	светло-зеленый	18,53	0,80	2,31	68,75	<0,1	0,22	1,05	0,61	6,76	0,11	1,16	0,77	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-26	51 / 393	стакан	б/ц	19,04	0,78	2,23	67,60	<0,1	0,31	1,05	0,42	6,53	0,14	1,13	0,77	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-36	51 / 390	конический кубок	зелено-голубой	19,02	0,85	2,19	65,73	<0,1	0,21	1,17	0,59	6,57	0,13	1,00	1,03	<0,1	0,22	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**18,68**	**0,85**	**2,42**	**67,44**	**<0,1**	**0,24**	**1,06**	**0,65**	**6,81**	**0,14**	**1,08**	**0,88**	**<0,1**	–	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**0,84**	**0,09**	**0,14**	**0,91**	–	**0,04**	**0,13**	**0,16**	**0,59**	**0,02**	**0,15**	**0,14**	–	–	–	–	**0,01**	**0,18**
Группа 8 (HIMT)	Mn	Фр-103	178 / 2444	стакан	оливковый	17,14	1,27	2,7	68,5	<0,1	0,14	1,09	0,46	5,12	0,47	2,05	1,43	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-62/2	142 / 1358/2	стакан	оливковый	19,78	0,98	2,58	66,14	<0,1	0,22	1,09	0,56	4,76	0,24	1,83	1,13	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-79	136 / 1680	кувшин	оливковый	19,03	0,98	2,35	68,47	<0,1	0,20	1,21	0,48	4,06	0,19	1,65	0,90	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-138	85 / 619	сосуда фр-ты	оливковый	21,96	1,03	2,9	65,76	<0,1	0,32	1,25	0,47	3,71	0,23	1,17	1,70	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-145	175 / 1963	сосуда дно	фиолетово-коричневый	19,43	1,01	2,64	63,66	<0,1	0,26	1,08	0,50	6,40	0,67	2,68	2,36	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Среднее значение				**19,47**	**1,05**	**2,63**	**66,51**	**<0,1**	**0,23**	**1,14**	**0,49**	**4,81**	**0,36**	**1,88**	**1,50**	**<0,1**	**<0,1**	**<0,2**	**<0,2**	**<0,1**	**<0,1**
		Стандартное отклонение				**1,73**	**0,12**	**0,20**	**2,04**	–	**0,07**	**0,08**	**0,04**	**1,05**	**0,21**	**0,55**	**0,57**	–	–	–	–	–	–
Группа 9 («смешанного» состава)	Mn	Фр-5	13 / 141	стакан	голубой	18,04	0,60	2,59	68,11	<0,1	0,17	1,20	0,55	7,32	<0,1	1,07	0,50	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-7	21 / 223	стакан	зелено-голубой	19,62	0,60	2,63	65,07	<0,1	0,27	1,14	0,57	8,24	<0,1	1,02	1,15	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-10	31 / 275	стакан	светло-зеленый	19,31	0,56	2,59	65,95	<0,1	0,37	1,07	0,47	7,97	<0,1	1,22	0,51	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-27	41 / 812	стакан	светло-зеленый	18,55	0,49	2,56	66,76	<0,1	0,27	1,12	0,61	7,42	<0,1	0,82	0,44	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-35	89 / 949	колба	голубой	17,86	0,69	2,36	67,38	<0,1	0,23	1,07	0,65	7,09	0,11	0,92	0,70	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-43	86 / 1119	стакан	голубой	18,84	0,60	2,39	65,45	<0,1	0,30	1,16	0,40	8,14	<0,1	0,82	0,49	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-47	91 / 1138	стакан	б/ц	18,73	0,58	2,51	67,04	<0,1	0,25	1,11	0,56	7,79	<0,1	0,83	0,72	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Группа 9 («смешанного» состава)	Mn	Фр-48	38 / 1148	стакан	голубой	17,19	0,60	2,12	70,47	<0,1	0,23	1,06	0,40	7,16	<0,1	0,53	0,46	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-55	106 / 1272	стакан	голубой	18,93	0,58	2,46	67,57	<0,1	0,23	1,17	0,50	7,67	<0,1	0,80	0,42	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-56	133 / 1292	стакан	зелено-голубой	19,78	0,54	2,65	66,00	<0,1	0,24	1,21	0,62	7,41	<0,1	1,27	0,51	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-68	99 / 1414	бутыль	светло-зеленый	17,67	0,89	2,55	64,33	<0,1	0,26	0,83	0,51	9,68	0,11	1,94	0,65	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-80	136 / 1681	сосуд (колба?)	светло-зеленый	17,10	0,71	2,47	68,08	<0,1	0,22	1,02	0,72	7,45	<0,1	1,26	0,69	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-133	23 / 232	сосуд	б/ц	16,56	0,64	1,92	72,62	<0,1	0,16	1,07	0,47	6,33	<0,1	0,84	0,52	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
Близки группам 3 и 6 (Sb и Fey-3.2)		Фр-125	325 / 4476	бальзамарий	голубой	16,65	0,31	1,86	73,37	0,10	0,10	1,11	0,44	5,93	<0,1	<0,1	0,29	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-130	232 / 2150	сосуд	голубой	17,73	0,45	1,96	73,10	0,10	0,22	1,01	0,52	5,48	<0,1	0,33	0,38	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
Близки группе 5 (левантийская I)		Фр-42	92 / 1088	стакан	светло-зеленый	16,99	0,87	2,75	67,05	<0,1	0,25	0,98	0,75	7,05	0,18	0,92	1,13	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
		Фр-45	91 / 1132	колба	светло-зеленый	17,33	0,54	2,65	67,44	<0,1	0,20	1,12	0,52	8,12	0,08	0,72	1,38	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1
На золе растений-галофитов		Фр-46	91 / 1135	стенки сосуда	зелено-голубой	16,16	2,23	1,85	64,47	0,92	0,24	1,00	2,64	8,69	0,16	0,26	1,22	<0,1	<0,1	<0,2	<0,2	<0,1	<0,1

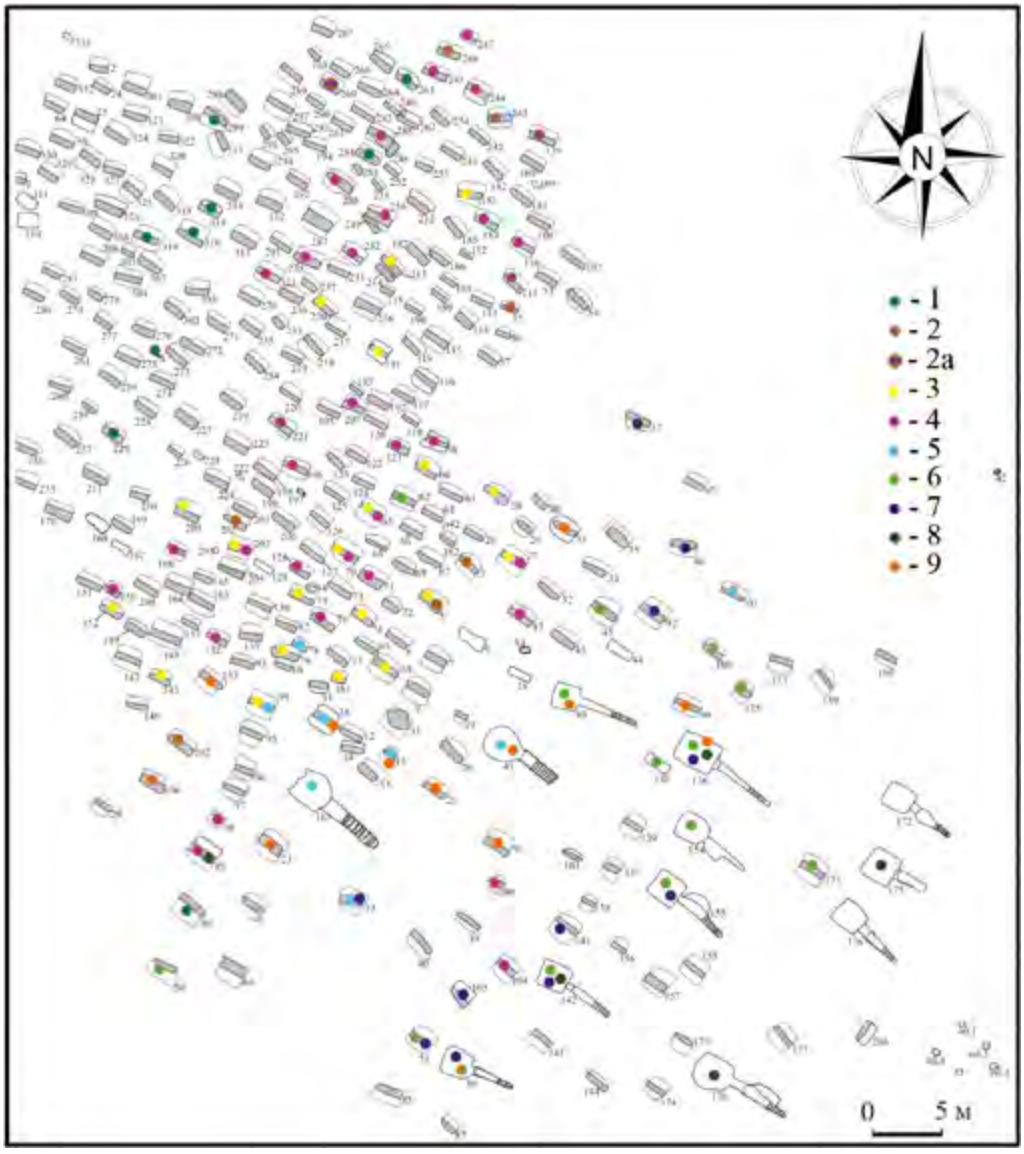


Рис. 1. Распределение стекла различных групп на плане могильника Фронтовое 3: 1 – группа 1 («римское» зелено-голубое); 2 – группа 2 («римское» бесцветное); 2а группа 2, фиолетовое прозрачное; 3 – группа 3 (обесцвеченное сурьмой); 4 – группа 4 («смешанное» Mn+Sb); 5 – группа 5 (левантийская I группа, бесцветное); 6 – группа 6 (близкое серии Foy-3.2); 7 – группа 7 (серия Foy-2.1); 8 – группа 8 (HIMT); 9 – группа 9 (результат вторичного использования – ?)

Fig. 1. The distribution of the glass groups at the Frontovoe 3 cemetery ground plan: 1 – group 1 (Roman blue-green); 2 – group 2 (Roman colourless); 2a – group 2, a vessel of purple translucent glass; 3 – group 3 (Sb-decoloured); 4 – group 4 (“mixed” Mn-Sb); 5 – group 5 (Levantine I group, colourless); 6 – group 6 (series Foy-3.2); 7 – group 7 (close to the series Foy-2.1); 8 – group 8 (HIMT); 9 – group 9 (the result of the extensive recycling - ?)

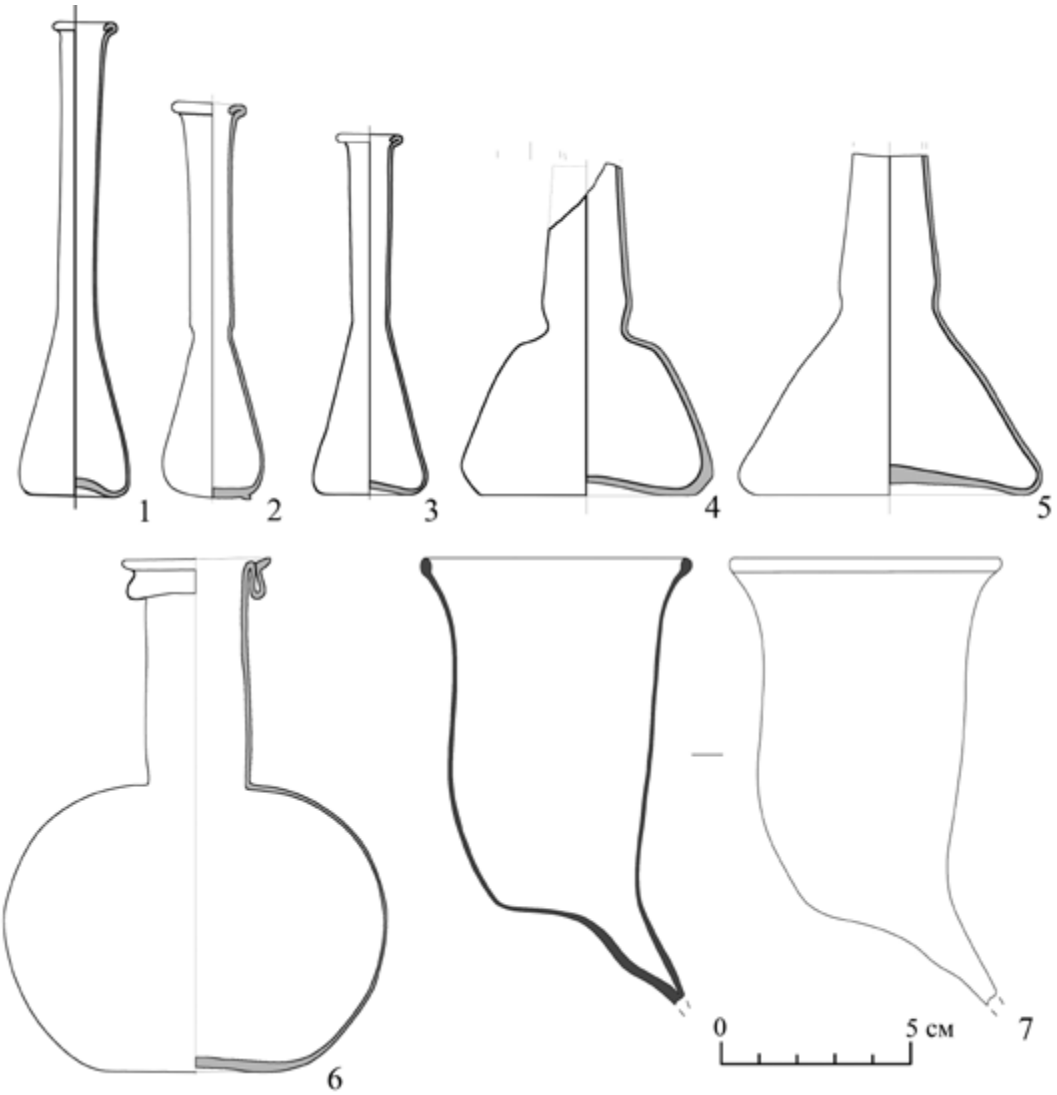


Рис. 2. Сосуды из стекла группы 1 («римского» зелено-голубого)
1 – п. 315, № 3976; 2 – п. 299, № 3800; 3 – п. 319, № 4131; 4 – п. 229, № 2776; 5 – п. 88, № 580; 6 – п. 263, № 3054; 7 – п. 284, № 3393

Fig. 2. Vessels of glass of group 1 (Roman blue-green)
1 – burial 315, no. 3976; 2 – burial 299, no. 3800; 3 – burial 319, no. 4131; 4 – burial 229, no. 2776; 5 – burial 88, no. 580; 6 – burial 263, no. 3054; 7 – burial 284, no. 3393

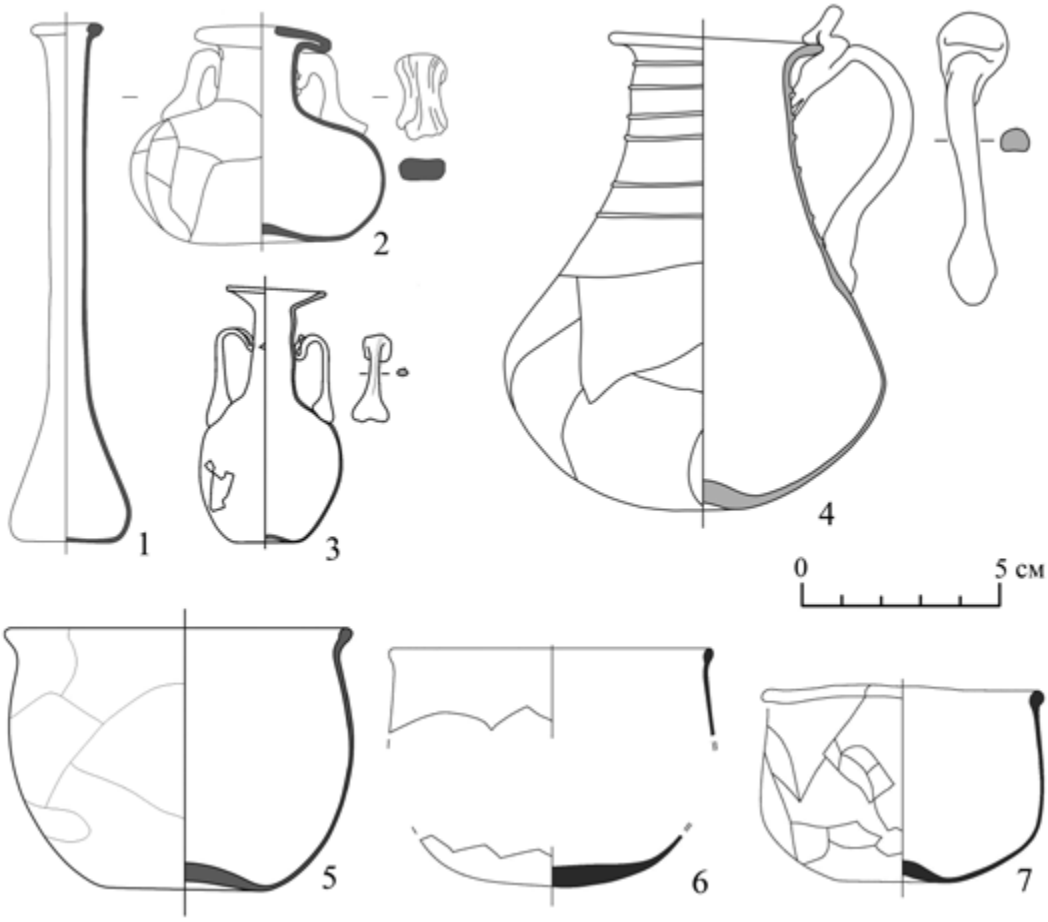


Рис. 3. Сосуды из стекла группы 2 («римского» бесцветного)
1 – п. 3, № 493; 2 – п. 202, № 2786; 3 – п. 269, № 4687; 4 – п. 5, № 558; 5 – п. 246, № 2872; 6 – п. 55, № 1540; 7 – п. 243, № 3018

Fig. 3. Vessels of glass of group 2 (Roman colourless Mn)
1 – burial 3, no. 493; 2 – burial 202, no. 2786; 3 – burial 269, no. 4687; 4 – burial 5, no. 558; 5 – burial 246, no. 2872; 6 – burial 55, no. 1540; 7 – burial 243, no. 3018

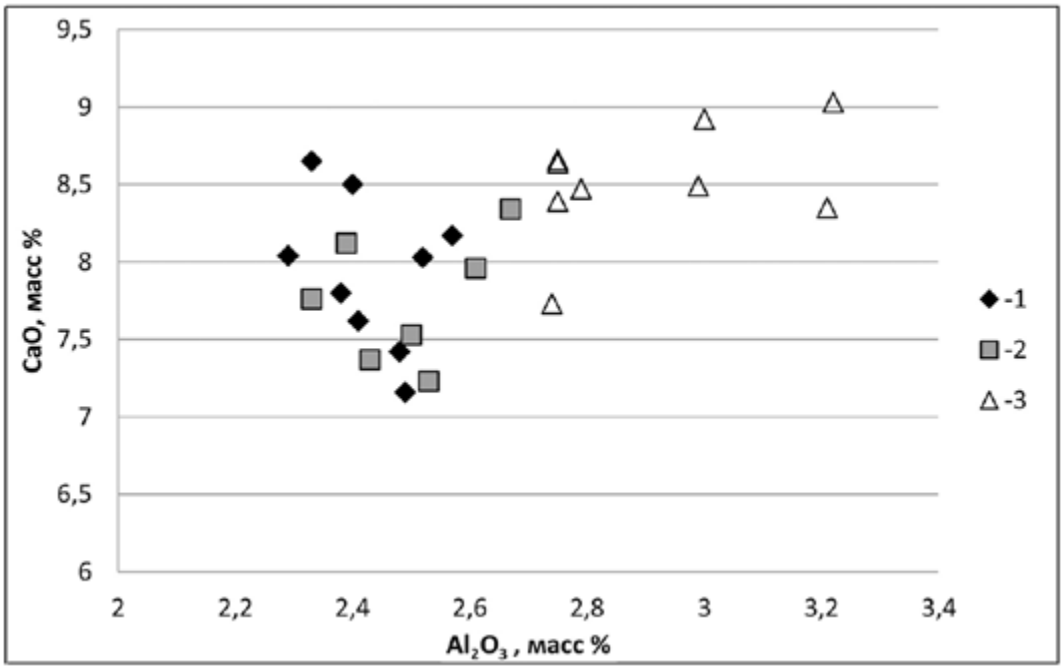


Рис. 4. Содержание оксидов кальция и алюминия в стекле левантийского происхождения
1 – «римское» зелено-голубое; 2 – «римское» бесцветное; 3 – левантийской I группы
Fig. 4. Aluminium and lime oxides ratio in the glass of Levantine origin from Frontovoe 3
1 – Roman blue-green; 2 – Roman colourless; 3 – Levantine I group

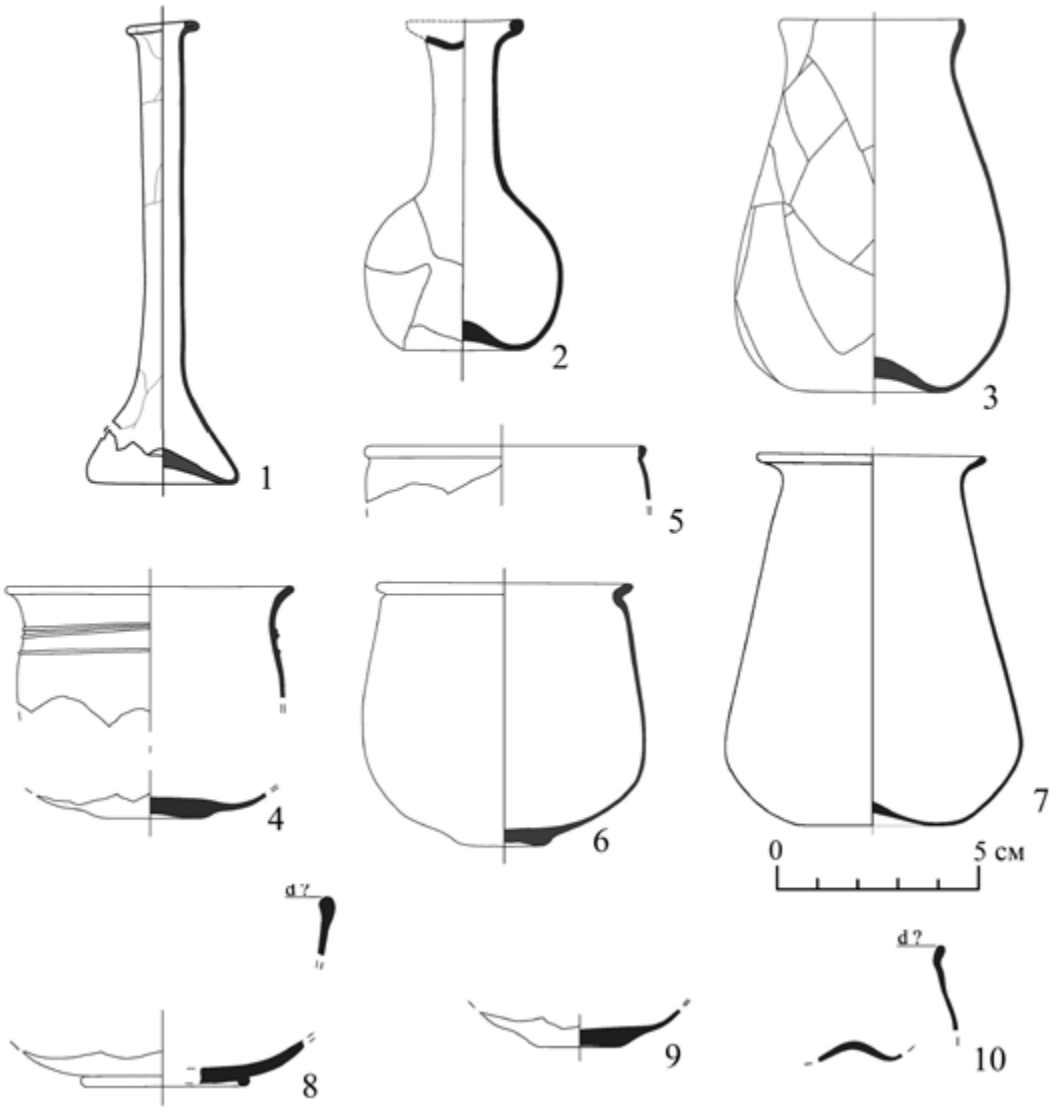


Рис. 5. Сосуды из стекла группы 3 (обесцвеченного сурьмой)
1 – п. 70, № 1224; 2 – п. 79, № 905; 3 – п. 213, № 2817; 4 – п. 94, № 1004; 5 – п. 145, № 1389; 6 – п. 5, № 441; 7 – п. 65, № 1862; 8 – п. 94, № 1004; 9 – п. 152, № 1480; 10 – п. 74, № 632

Fig. 5. Vessels of glass of group 3 (Sb-decoloured)
1 – burial 70, no. 1224; 2 – burial 79, no. 905; 3 – burial 213, no. 2817; 4 – burial 94, no. 1004; 5 – burial 145, no. 1389; 6 – burial 5, no. 441; 7 – burial 65, no. 1862; 8 – burial 94, no. 1004; 9 – burial 152, no. 1480; 10 – burial 74, no. 632

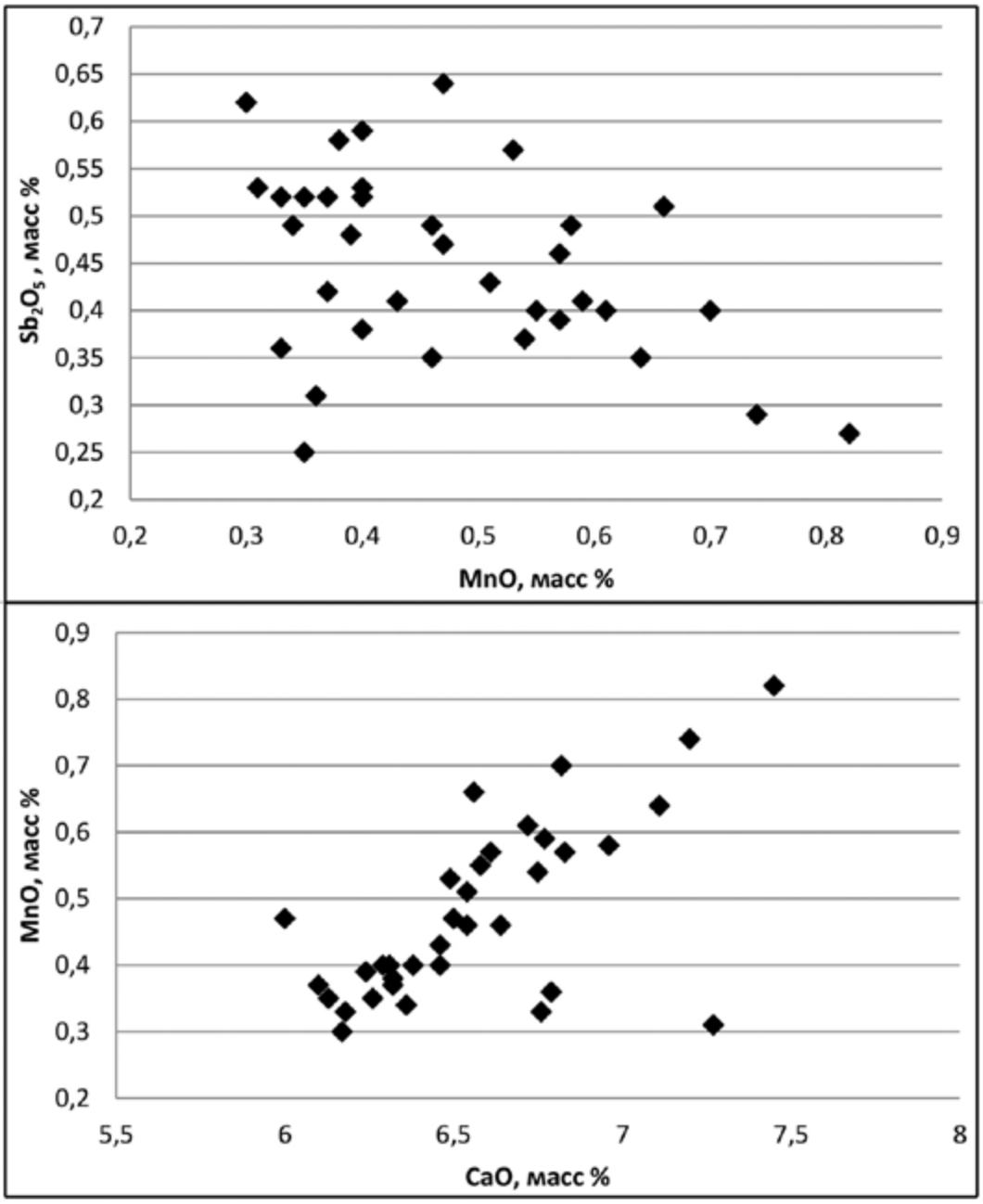


Рис. 6. Стекло группы 4 («смешанного» состава с марганцем и сурьмой). Соотношение оксидов марганца, сурьмы и кальция

Fig. 6. Glass of group 4 ("mixed" composition with Mn and Sb). Antimony, manganese, and calcium oxides ratios

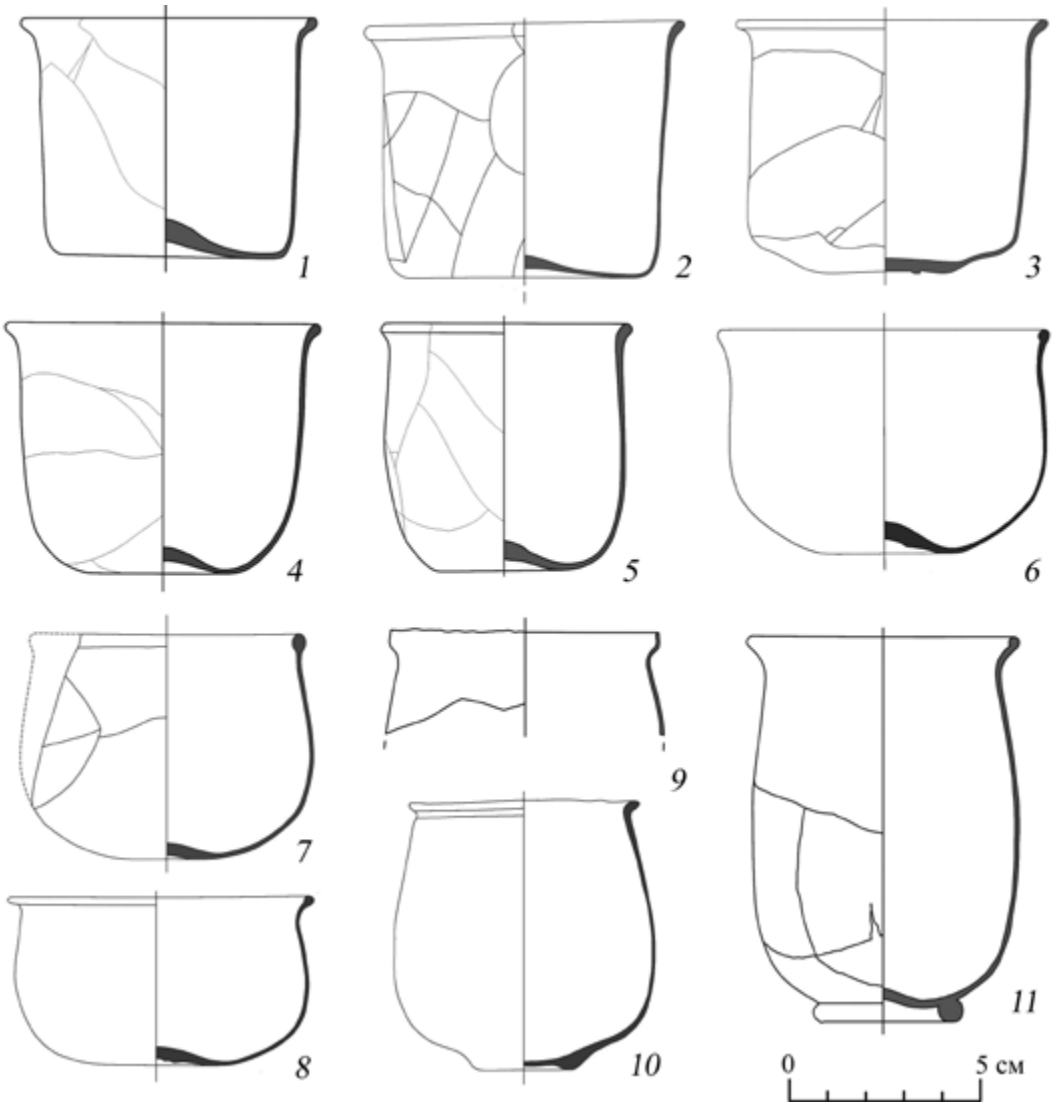


Рис. 7. Стаканы и чаши из стекла группы 4 («смешанного» состава с марганцем и сурьмой)
1 – п. 150, № 1500; 2 – п. 71, № 766; 3 – п. 247, № 3648; 4, 6 – п. 250, №№ 4603, 4623; 5 – п. 288, № 3954; 7 – п. 58, № 584; 8 – п. 121, № 1496; 9 – п. 90, № 122; 10 – п. 17, № 21; 11 – п. 104, № 1239
Fig. 7. Beakers and bowls of glass of group 4 ("mixed" Mn-Sb composition)
1 – burial 150, no. 1500; 2 – burial 71, no. 766; 3 – burial 247, no. 3648; 4, 6 – burial 250, nos. 4603 and 4623; 5 – burial 288, no. 3954; 7 – burial 58, no. 584; 8 – burial 121, no. 1496; 9 – burial 90, no. 122; 10 – burial 17, no. 21; 11 – burial 104, no. 1239

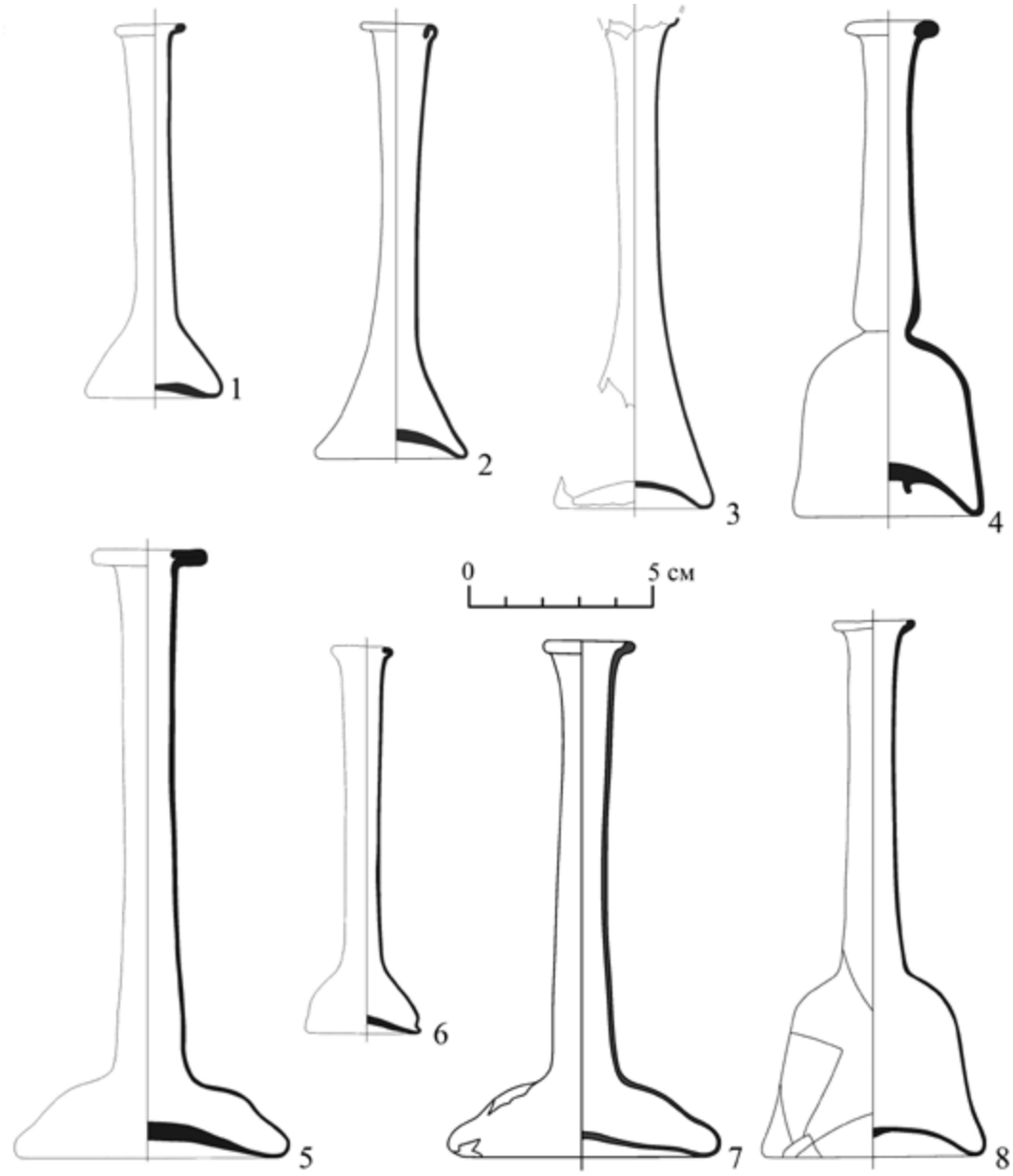


Рис. 8. Бальзамарии из стекла группы 4 («смешанного» состава с марганцем и сурьмой)
1 – п. 184, № 2052; 2 – п. 321, № 3888; 3 – п. 221, № 2922; 4 – п. 61, № 475; 5 – п. 238, № 3198; 6 – п. 196, № 2439; 7 – п. 128, № 1175; 8 – п. 76, № 705

Fig. 8. Balsamaria of glass of group 4 ("mixed" Mn-Sb composition)
1 – burial 184, no. 2052; 2 – burial 321, no. 3888; 3 – burial 221, no. 2922; 4 – burial 61, no. 475; 5 – burial 238, no. 3198; 6 – burial 196, no. 2439; 7 – burial 128, no. 1175; 8 – burial 76, no. 705

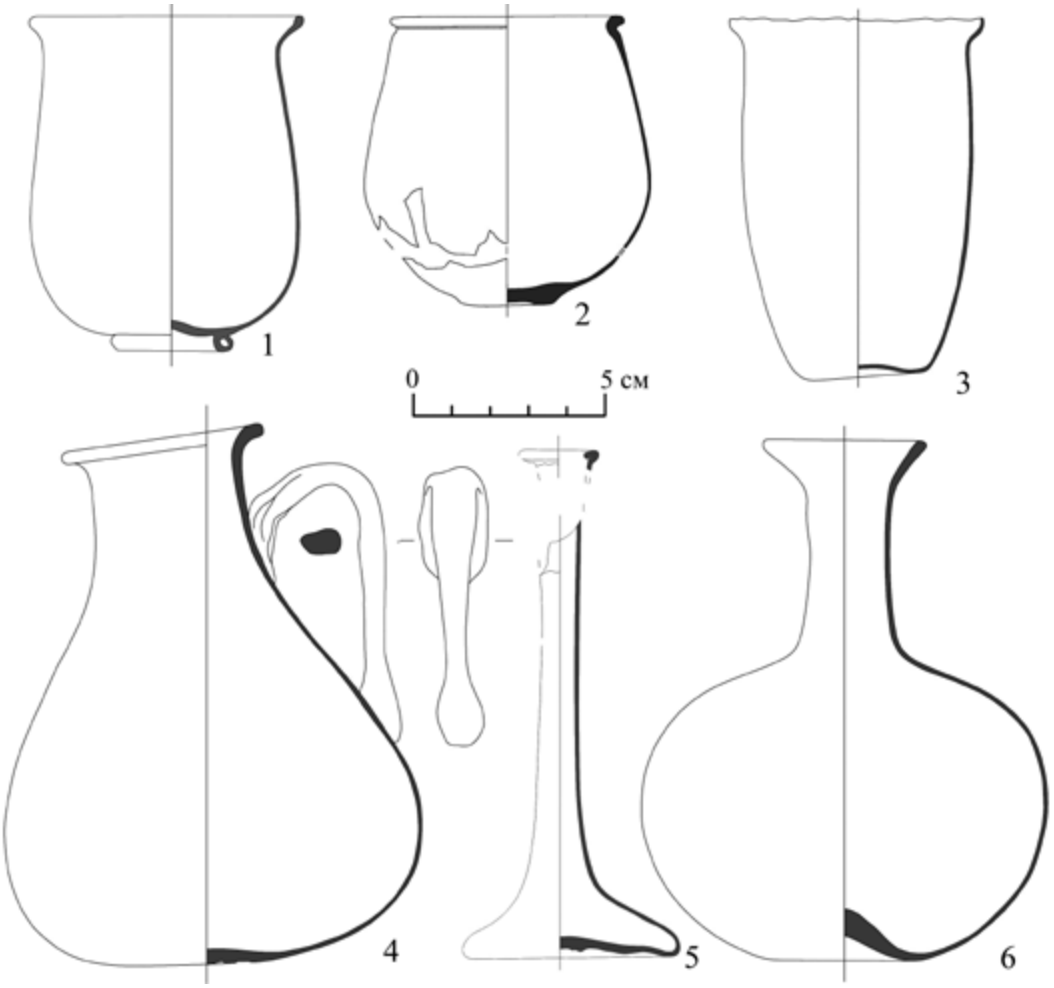


Рис. 9. Сосуды из стекла группы 5 (близкого левантийской I группе)
1 – п. 101, № 1124; 2 – п. 13, № 141; 3 – п. 22, № 243; 4 – п. 94, № 1023; 5 – п. 78, №738; 6 – п. 41, № 817

Fig. 9. Vessels of glass of group 5 (close to the Levantine I group)
1 – burial 101, no. 1124; 2 – burial 13, no. 141; 3 – burial 22, no. 243; 4 – burial 94, no. 1023; 5 – burial 78, no. 738; 6 – burial 41, no. 817

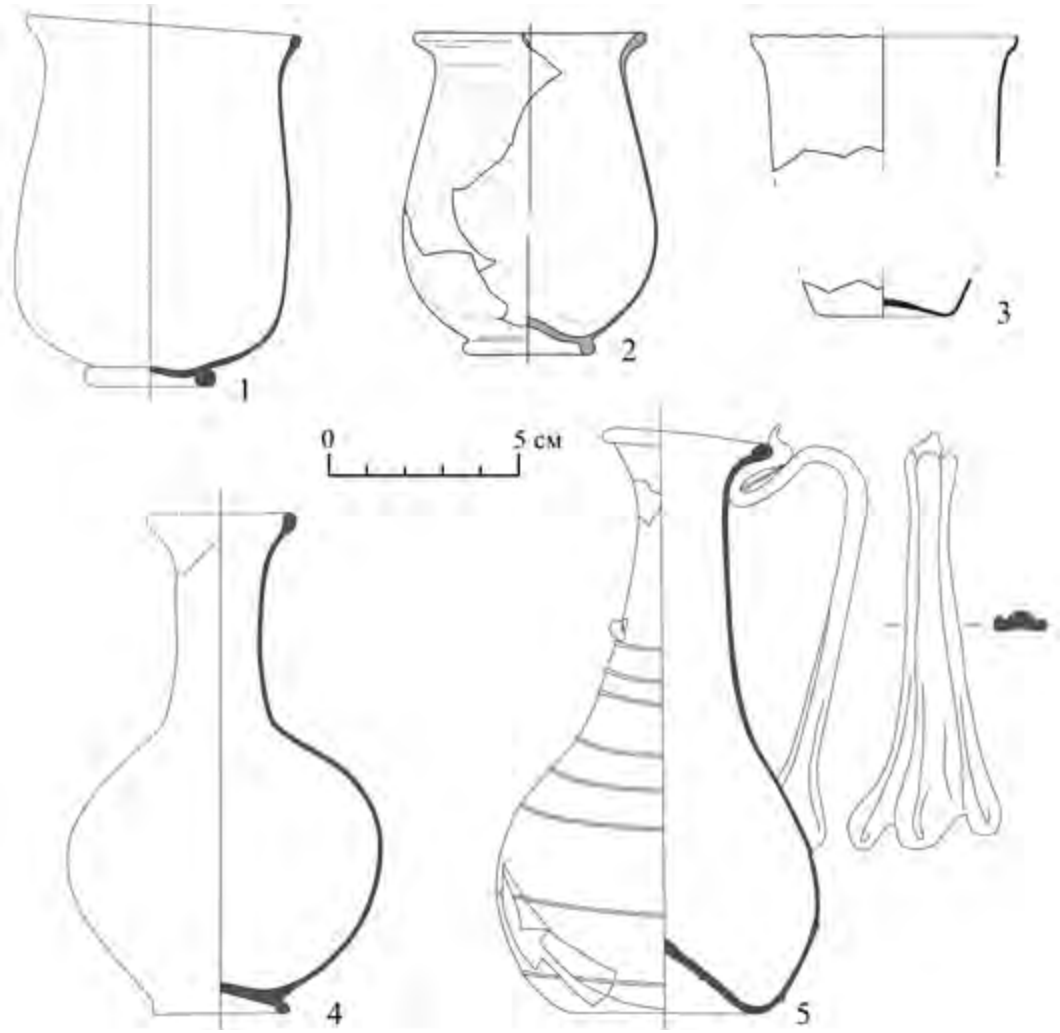


Рис. 10. Сосуды из стекла группы 6 (серии Foy-3.2)
1 – п. 50, № 339; 2 – п. 136, № 1682; 3 – п. 62, № 573; 4 – п. 140, № 1335; 5 – п. 154, № 1597
Fig. 10. Vessels of glass of the group 6 (series Foy-3.2)
1 – burial 50, no. 339; 2 – burial 136, no. 1682; 3 – burial 62, no. 573; 4 – burial 140, no. 1335; 5 – burial 154, no. 1597

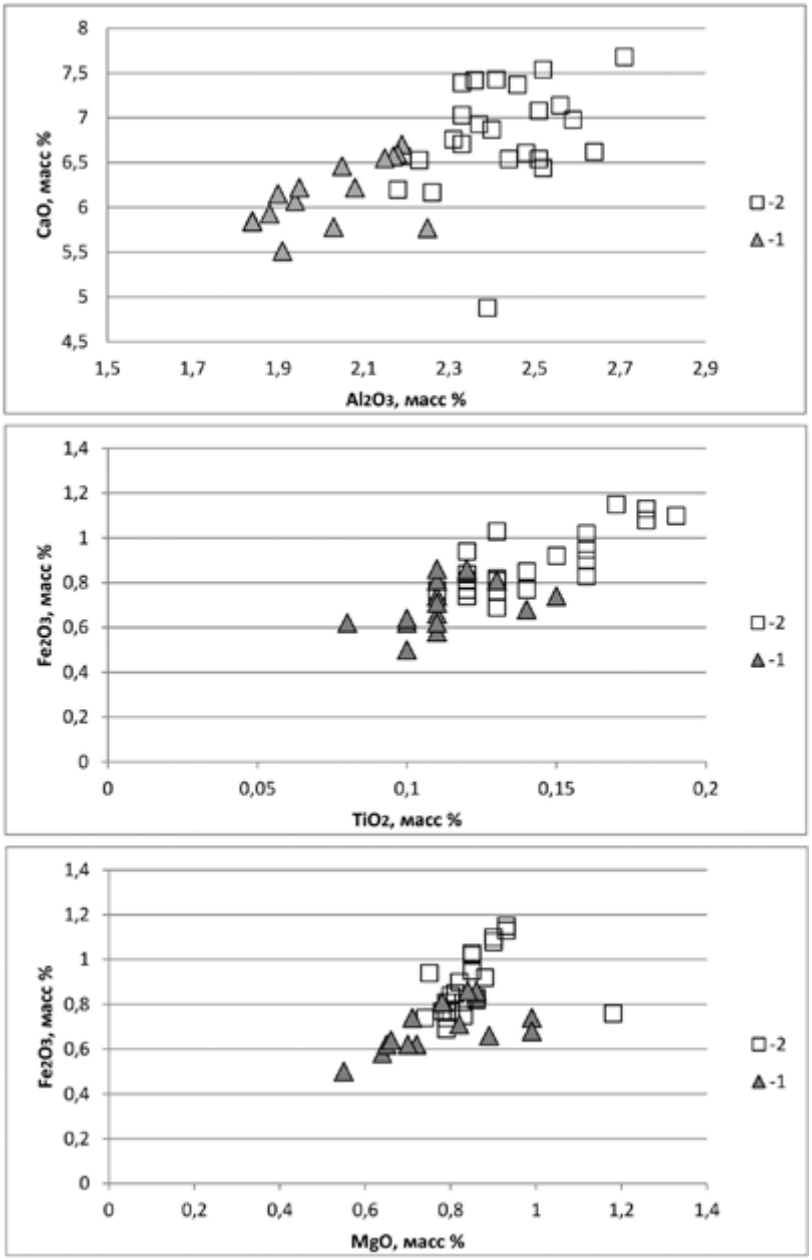


Рис. 11. Сосуды из стекла групп 6 и 7 (серий Foy-3.2 и 2.1).
Соотношение оксидов алюминия, кальция, магния, титана и железа.
Условные обозначения: 1 – группа 6 (серия Foy-3.2); 2 – группа 7 (серия Foy-2.1)
Fig. 11. Vessels of glass of groups 6 and 7 (series Foy-3.2 and Foy-2.1).
Aluminium, lime, magnesium, titanium, and iron oxides ratios.
Legend: 1 – group 6 (series Foy-3.2); 2 – group 7 – (close to series Foy-2.1)

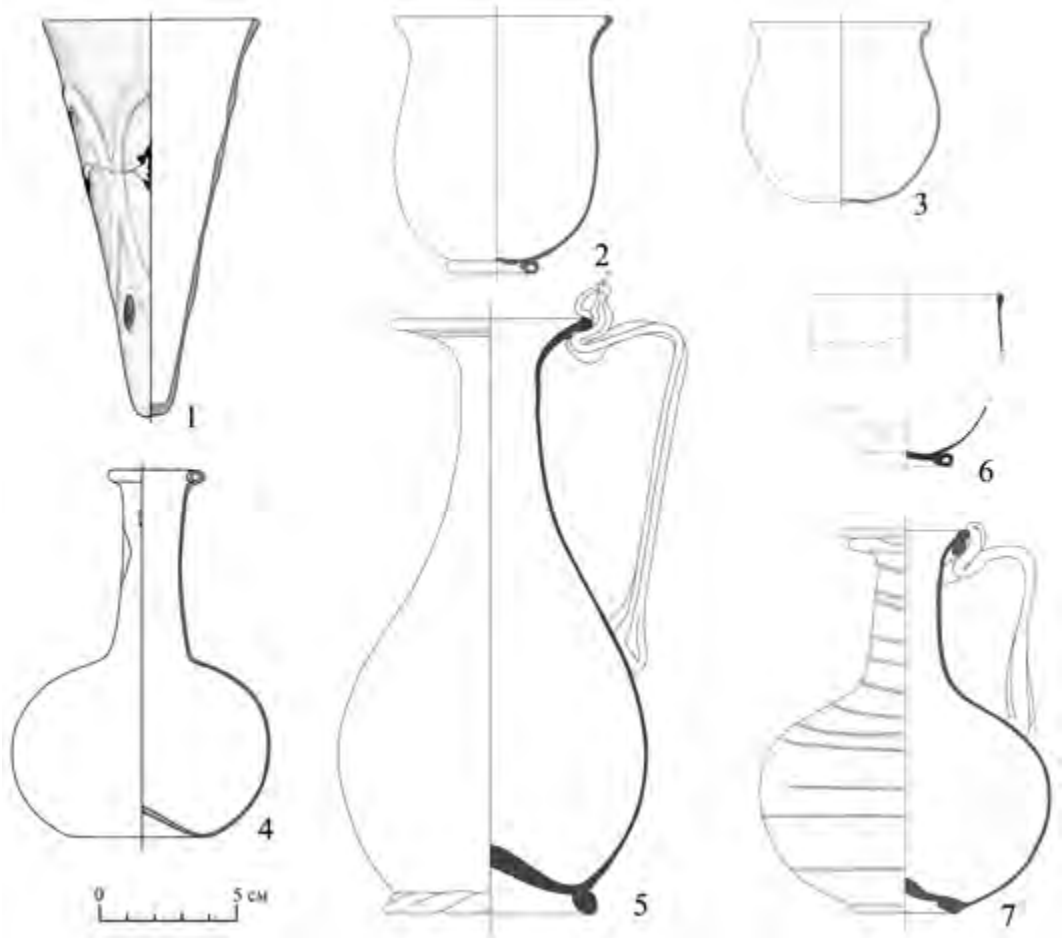


Рис. 12. Сосуды из стекла группы 7, близкого серии Foy-2.1 (*1–5*) и группы 8, близкого группе HIMT (*6, 7*)
1 – п. 51, № 390; 2 – п. 51, № 393; 3 – п. 37, № 114; 4 – п. 136, № 1668; 5 – п. 105, № 890; 6 – п. 178, № 2444; 7 – п. 136, № 1680

Fig. 12. Vessels of glass of groups 7 (close to the series Foy-2.1) (*1–5*) and 8 (HIMT) (*6, 7*)
1 – burial 51, no. 390; 2 – burial 51, no. 393; 3 – burial 37, no. 114; 4 – burial 136, no. 1668; 5 – burial 105, no. 890; 6 – burial 178, no. 2444; 7 – burial 136, no. 1680

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцева О.С. Стекло I тыс. н.э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 20–49.
2. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110. DOI: 10.31857/S086960630009075-1.
3. Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7–9 juin 2001 / eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 2003. P. 41–85.
4. Sayre E.V., Smith R.W. Compositional categories of ancient glass // Science. 1961. Vol. 133. P. 1824–1826.
5. Brill, R. H. The chemical interpretation of the texts // Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., von Saldern A. Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. New York: Corning Museum of Glass, 1970. P. 105–128.
6. Суханов Е.В., Гавритухин И.О., Нессель В.А. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V в. из могильника Фронтовое 3 // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 441–456. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.441-456.
7. Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // Revue d'Archéométrie. 2004. Vol. 28. P. 169–177.
8. Freestone I.C. Apollonia glass and its markets: An analytical perspective // Tal O. Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls. Tel Aviv: Tel Aviv University, 2020. P. 341–348.
9. Foster H.E., Jackson C.M. The composition of "naturally coloured" late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // JAS. 2009. Vol. 36. P. 189–204. DOI: 10.1016/j.jas.2008.08.008.
10. Foster H.E., Jackson C.M. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption // JAS. 2010. Vol. 37. P. 3068–3080. DOI: 10.1016/j.jas.2010.07.007.
11. Freestone I. C. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis // Materials Issues in Art and Archaeology VII / Eds. P.B. Vandiver, J.L. Mass, A. Murray. Warrendale: Cambridge University Press, 2005. P. OO8.1.1–OO8.1.13.
12. Glass Making in the Greco-Roman World / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven University Press, 2014. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences, 4).
13. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с.
14. Суханов Е.В. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III в. из могильника Фронтовое 3 (хронологический и планиграфический анализ) // Stratum Plus. 2021. № 4. P. 211–220. DOI: 10.55086/sp214211220.
15. Гавритухин И.О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайреди нова. М.: ИА РАН, 2022. С. 22–42.
16. Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S. The cemetery of Frontovoe 3: New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. 2021. Vol. 68 (1). S. 87–118. DOI: 10.31577/szausav.2021.68.4.
17. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. 13. С. 146–177.
18. Голофаст Л.А. Выдутые в форму стеклянные сосуды из могильника Фронтовое 3 // Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайреди нова. М.: ИА РАН, 2022. С. 43–53.

19. Jackson C.M. Making colourless glass in the Roman period // Archaeometry. 2005. Vol. 47(4). P. 763–780. DOI: 10.1111/j.1475-4754.2005.00231.x.
20. Silvestri A., Molin G., Salviulo G. The colourless glass of Iulia Felix // JAS. 2008. Vol. 35. P. 331–341. DOI: 10.1016/j.jas.2007.03.010.
21. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 313 с.
22. Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I.C. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. Vol. 9 (6). P. 1223–1241. DOI: 10.1007/s12520-016-0316-1.
23. Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. G.D. Weinberg. Columbia: University of Missouri, 1988. P. 257–294.
24. Foy D., Vichy M., Picon M. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age // Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (21–23 octobre 1999). Antibes: APDCA, 2000. P. 419–433.
25. Nenna M.-D., Picon M., Thirion-Merle V., Vichy M. Ateliers primaires du Wadi Natrun: nouvelles découvertes // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Londres, 2003). Nottingham: AIHV, 2005. P. 56–63.
26. Rosenow D., Rehren Th. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Bubastis, northern Egypt // JAS. 2014. Vol. 49. P. 170–184. DOI: 10.1016/j.jas.2014.04.025.
27. Barfod G.H., Freestone I.C., Lesher C.E., Lichtenberger R.R. 'Alexandrian' glass confirmed by hafnium isotopes // Scientific Reports. 2020. Vol. 10 (1). DOI: 10.1038/s41598-020-68089-w.
28. Сорокина Н.П., Гущина И.Н. Стеклянные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М.: ГИМ, 1980. С. 89–100. (Труды ГИМ. Вып. 51).
29. Голофаст Л.А., Свиридов А.Н. Стеклянный кубок с орнаментом накладными «змеевидными» нитями из могильника Фронтовое-3 // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 107–126.
30. Мастыкова А.В., Свиридов А.Н. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распространение, датировка (по материалам могильника Фронтовое 3) // Stratum Plus. 2021. № 4. С. 231–245. DOI: 10.55086/sp214231243.
31. Meek A. Gold Glass in Late Antiquity: Scientific Analysis of the British Museum Collection // New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Glass and Mosaics / Eds. by C. Entwistle, L. James. London: British Museum, 2013. P. 121– 30. (British Museum Research Publication, 179).
32. Cholakova A., Rehren T. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press, 2018. P. 46–71.
33. Rumyantseva O., Lyubichev M., Petrauskas O., Chervyakovskaya M., Khanin D., Trifonov A. 'Barbarian' beakers with facet cut decoration: composition, origin, social and cultural context // Annales du 21ème Congrès de l'Association Internationale pour l'Archéologie du Verre / Ed. U. Ozgumus. Istanbul: AIHV, 2021. P. 333–338.
34. Freestone I.C. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // Journal of Glass Studies. 2015. Vol. 57. P. 29–40.
35. Bidegaray A.-I., Cosyns P., Gratuze B., Terryn H., Godet S., Nys K., Ceglia A. On the making, mixing and trading of glass from the Roman military fort at Oudenburg (Belgium) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11 (6). P. 2385–2405. DOI: 10.1007/s12520-018-0680-0.
36. Gliozzo E., Lepri B., Sagui L., Turbanti Memmi I. Colourless glass from the Palatine and Esquiline hills in Rome (Italy). New data on antimony- and manganese-decoloured glass in the Roman period // Archaeological and Anthropological Sciences. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 165–180. DOI: 10.1007/s12520-015-0264-1.

37. Grünewald M., Hartmann S. Überlegungen zum Glasrecycling in der Antike im Bereich des heutigen Deutschland // Non solum … sed etiam: Festschrift für Thomas Fischer zum 65. Geburtstag / Eds. I.P. Henrich, Ch. Miks, J. Obmann, M. Wieland. Rahden, 2015. S. 153–164.
38. Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum Plus. 2020. № 4. С. 235–247.
39. Cholakova A., Rehren T., Freestone I.C. Compositional identification of 6th c. AD glass from the Lower Danube // JAS: Reports. 2016. Vol. 7. P. 625–632. DOI: 10.1016/j.jasrep.2015.08.009.
40. Ceglia A., Cosyns P., Nys K., Terryn H., Thienpont H., Meulebroeck W. Late Antique Glass Distribution and Consumption in Cyprus: A Chemical Study // JAS. 2015. Vol. 61. P. 213–222. DOI: 10.1016/j.jas.2015.06.009.
41. Румянцева О.С., Трифонов А.А., Ханин Д.А., Червяковская М.В., Червяковский В.С. Стекло-сырец из Комарова: происхождение, хронология, практики стеклоделов // Эпоха всадников на Северном Кавказе: К 90-летию Веры Борисовны Ковалевской / Ред. З.Х. Албегова, Д.С. Коробов, А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2021. С. 299–324. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.299-324
42. Freestone I.C. Appendix: chemical analysis of “raw” glass fragments // Hurst H.R. Excavations at Carthage. Vol II, 1. The Circular Harbour, North Side. The Site and Finds Other than Pottery. Oxford: University Press, 1994. P. 290. (British Academy Monographs in Archaeology, 4).
43. Nenna M.-D. Egyptian glass abroad: HIMT glass and its markets // Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / Eds. D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford, Philadelphia, 2014. P. 177–193.
44. Freestone I.C., Degryse P., Lankton J., Gratuze B., Schneider J. HIMT glass composition and commodity branding in the primary glass industry // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press, 2018. P. 159–190.
45. Румянцева О.С. Состав стекла из могильника Фронтовое 3 и локальное стеклоделательное производство в Юго-Западном Крыму // Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 54–62.
46. De Huan Ares J., Vigil-Escalera Guirada A., Cáceres Gutiérrez Y., Schibille N. 2019. Changes in the supply of eastern Mediterranean glasses to Visigothic Spain // JAS. 2019. Vol. 107. P. 23–31.
47. Rehren T., Cholakova A. Glass supply and consumption in the late Roman and early Byzantine site Dichin, northern Bulgaria // Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / eds. D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford, Philadelphia, 2014. P. 83–94.

REFERENCES

1. Rumyantseva O.S. Glass of the 1st Millenium AD: Composition, Origin and Disrtibution. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2015, vol. 237, pp. 20–49.
2. Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Yazykov S.V. The Roman Period Cemetery Frontovoye 3 in Southwestern Crimea (Preliminary Publication). *Rossiyskaya Archeologiya* [Russian Archaeology], 2020, No. 2, pp. 91–110. DOI: 10.31857/S086960630009075-1.
3. Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l’Antiquité en Méditerranée occidentale: l’émergence de nouveaux courants commerciaux. D. Foy, M.-D. Nenna (eds.), Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l’AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7*–9 juin 2001*, Montagnac, Éditions Monique Mergoil, 2003, pp. 41–85.
4. Sayre E.V., Smith R.W. Compositional categories of ancient glass. *Science*, 1961, vol. 133, pp. 1824–1826.
5. Brill R.H. The chemical interpretation of the texts. Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., von Saldern A. *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia*, New York, Corning Museum of Glass, 1970, pp. 105–128.

6. Sukhnanov E.V., Gavritukhin I.O., Nessel V.A. Red-slip Ware Ceramics of the Second Half of the 3rd – early 5th Centuries from the Frontovoye 3 Cemetery. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2021, vol. 263, pp. 441–456. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.441-456.
7. Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine. *Revue d'Archéométrie*, 2004, vol. 28, pp. 169–177.
8. Freestone I.C. Apollonia glass and its markets: An analytical perspective. Tal O. *Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls,* Tel Aviv, University Press, 2020, pp. 341–348.
9. Foster H.E., Jackson C.M. The composition of "naturally coloured" late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *Journal of Archaeological Science*, 2009, vol. 36, pp. 189–204. DOI: 10.1016/j.jas.2008.08.008.
10. Foster H.E., Jackson C.M. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption. *Journal of Archaeological Science,* 2010, vol. 37, pp. 3068–3080. DOI: 10.1016/j.jas.2010.07.007.
11. Freestone I.C. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis. Vandiver P.B., Mass J.L., Murray A. (eds.), *Materials Issues in Art and Archaeology VII*, Warrendale, Cambridge University Press, 2005, pp. OO8.1.1–OO8.1.13.
12. Degryse P. (ed.), *Glass Making in the Greco-Roman World.* Leuven, University Press, 2014, 189 p. (Studies in Archaeological Sciences, 4).
13. Zhuravlev D.V. *Red Glazed Pottery of the Southwestern Crimea in the First Centuries AD: by Materials on Late Scythian Necropolises in the Belbek Valley.* Simferopol, 2010, 320 p.
14. Sukhanov E.V. Red-Slip Ware Ceramics of the End of the 1st – First Half of the 3rd Centuries from Frontovoe 3 Burial Ground (Chronological and Planigraphic Analysis). *Stratum Plus*, 2021, no. 4, pp. 211–220. DOI: 10.55086/sp214211220.
15. Gavritukhin I.O. The Bow-shaped Brooches with Returned Foot from the Cemetery of Frontovoe 3 (Typology and Chronology). Mastykova A.V., Khairedinova E.A. (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe-3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire], Moscow, IA RAS Publ., 2022, pp. 22–42.
16. Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S. The cemetery of Frontovoe 3: New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods. *Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied*, 2021, vol. 68 (1), pp. 87–118. DOI: 10.31577/szausav.2021.68.4.
17. Kunina N.Z., Sorokina N.P. Glass Balsamaria of Bosporus. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 1972, vol. 13, pp. 146–177.
18. Golofast L.A. Mould-blown Glass Vessels from the Cemetery of Frontovoe 3. Mastykova A.V., Khairedinova E.A. (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe-3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire], Moscow, IA RAS Publ., 2022, pp. 43–53.
19. Jackson C.M. Making colourless glass in the Roman period. *Archaeometry*, 2005, vol. 47 (4), pp. 763–780. DOI: 10.1111/j.1475-4754.2005.00231.x.
20. Silvestri A., Molin G., Salviulo G. The colourless glass of Iulia Felix. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35, pp. 331–341. DOI: 10.1016/j.jas.2007.03.010.
21. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (3rd–4th cc. AD)], Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002, 313 p.
22. Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I.C. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2017, vol. 9 (6), pp. 1223–1241. DOI: 10.1007/s12520-016-0316-1.
23. Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds. Weinberg G.D. (ed.), *Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*, Columbia, University of Missouri, 1988, pp. 257–294.

24. Foy D., Vichy M., Picon M. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age. *Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (21–23 octobre 1999)*, Antibes, APDCA, 2000, pp. 419–433.
25. Nenna M.-D., Picon M., Thirion-Merle V., Vichy M. Ateliers primaires du Wadi Natrun: nouvelles découvertes. *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Londres, 2003)*, Nottingham, AIHV, 2005, pp. 56–63.
26. Rosenow D., Rehren Th. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Bubastis, northern Egypt. *Journal of Archaeological Science,* 2014, vol. 49, pp. 170–184. DOI: 10.1016/j.jas.2014.04.025.
27. Barfod G.H., Freestone I.C., Lesher C.E., Lichtenberger R.R. 'Alexandrian' glass confirmed by hafnium isotopes. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10 (1). DOI: 10.1038/s41598-020-68089-w.
28. Sorokina N.P., Guchshina I.N. Glass Objects from the Cemeteries of the First Centuries AD from the Southwestern Crimea. *Istoriia i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym* [History and Culture of Eurasia according to the Archaeological Data], Moscow, State Historical Museum Publ., 1980, pp. 89–100. (Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum], vol. 51).
29. Golofast L.A., Sviridov A.N. A Glass Snake-Thread Beaker from the Cemetery of Frontovoe 3. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2022, vol. 266, pp. 107–126.
30. Mastykova A.V., Sviridov A.N. Two-horned Lamellar Lunulas of the Roman Period in the Crimea: distribution, dating (by materials from the Frontovoye 3 Burial Ground). *Stratum Plus*, 2021, no. 4, pp. 231-245. DOI: 10.55086/sp214231243.
31. Meek A. Gold Glass in Late Antiquity: Scientific Analysis of the British Museum Collection. Entwistle C., James L. (eds.), *New Light on Old Glass: Recent Research on Byzantine Glass and Mosaics,* London, British Museum Publ., 2013, pp. 121– 30. (British Museum Research Publication, 179).
32. Cholakova A., Rehren T. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution. Rosenow D., Phelps M., Meek A., Freestone I. (eds.), *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE*, London, UCL Press, 2018, pp. 46–71.
33. Rumyantseva O., Lyubichev M., Petrauskas O., Chervyakovskaya M., Khanin D., Trifonov A. 'Barbarian' beakers with facet cut decoration: composition, origin, social and cultural context. Ozgumus U. (ed.), *Annales du 21ème Congrès de l'Association Internationale pour l'Archéologie du Verre*, Istanbul, AIHV, 2021, pp. 333–338.
34. Freestone I.C. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches. *Journal of Glass Studies,* 2015, vol. 57, pp. 29–40.
35. Bidegaray A.-I., Cosyns P., Gratuze B., Terryn H., Godet S., Nys K., Ceglia A. On the making, mixing and trading of glass from the Roman military fort at Oudenburg (Belgium). *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, vol. 11 (6), pp. 2385–2405. DOI: 10.1007/s12520-018-0680-0.
36. Gliozzo E., Lepri B., Sagui L., Turbanti Memmi I. Colourless glass from the Palatine and Esquiline hills in Rome (Italy). New data on antimony- and manganese-decoloured glass in the Roman period. *Archaeological and Anthropological Sciences,* 2015, vol. 9, no. 2, pp. 165–180. DOI: 10.1007/s12520-015-0264-1.
37. Grünewald M., Hartmann S. Überlegungen zum Glasrecycling in der Antike im Bereich des heutigen Deutschland. Henrich I. P., Miks Ch., Obmann J., Wieland M. (eds.), *Non solum … sed etiam: Festschrift für Thomas Fischer zum 65. Geburtstag,* Rahden, 2015, pp. 153–164.
38. Gavritukhin I.O., Mastykova A.V., Sviridov A.N., Sukhanov E.V., Yazykov S.V. The Final of Frontovoe 3 Burial Ground (on the Study of Migrations in the South-Western Crimeain the Demise of Antiquity). *Stratum Plus*, 2020, no. 4, pp. 235–247.
39. Cholakova A., Rehren T., Freestone I.C. Compositional identification of 6th c. AD glass from the Lower Danube. *Journal of Archaeological Science*: *Reports*, 2016, vol. 7, pp. 625–632. DOI: 10.1016/j.jasrep.2015.08.009.
40. Ceglia A., Cosyns P., Nys K., Terryn H., Thienpont H., Meulebroeck W. Late Antique Glass Distribution and Consumption in Cyprus: A Chemical Study. *Journal of Archaeological Science,* 2015, vol. 61, pp. 213–222. DOI: 10.1016/j.jas.2015.06.009.

41. Rumyantseva O.S., Trifonov A.A., Khanin D.A., Cherviakovskaya M.V., Cherviakovsky V.S. Roman Glass from Komarov: origin, chronology, glassworking practices. Albegova Z.Kh., Korobov D.S., Mastykova A.V. (eds.), *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze. K iubileiu Very Borisovny Kovalevskoi* [The Time of Horsemen in the North Caucasus: To the 90th anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaia], Moscow, IA RAS Publ., 2021, pp. 299–324. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.299-324.
42. Freestone I.C. Appendix: chemical analysis of "raw" glass fragments. Hurst H. *Excavations at Carthage*, *Vol II, 1. The Circular Harbour, North Side*, Oxford, University Press, 1994, p. 290.
43. Nenna M.-D. Egyptian glass abroad: HIMT glass and its markets. Keller D., Price J., Jackson C. (eds.), *Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD*, Oxford, Philadelphia, 2014, pp. 177–193.
44. Freestone I.C., Degryse P., Lankton J., Gratuze B., Schneider J. HIMT glass composition and commodity branding in the primary glass industry. Rosenow D., Phelps M., Meek A., Freestone I. (eds.), *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE*, London, UCL Press, 2018, pp. 159–190.
45. Rumyantseva O.S. The Composition of Glass from the Cemetery of Frontovoe 3 and the Local Glass Working in the South-Western Crimea. Mastykova A.V., Khairedinova E.A. (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe-3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire], Moscow, IA RAS Publ., 2022, pp. 54–62.
46. De Huan Ares J., Vigil-Escalera Guirada A., Cáceres Gutiérrez Y., Schibille N. Changes in the supply of eastern Mediterranean glasses to Visigothic Spain. *Journal of Archaeological Science*, 2019, vol. 107, pp. 23–31.
47. Rehren T., Cholakova A. Glass supply and consumption in the late Roman and early Byzantine site Dichin, northern Bulgaria. Keller D., Price J., Jackson C. (eds.). *Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD*, Oxford, Philadelphia, 2014, pp. 83–94.

Сведения об авторе

Румянцева О. С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии Российской академии наук, Researcher ID: ABF-6234-2021.

Author information

Rumyantseva O. S. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Great Migration and Early Medieval archaeology of the Institute of Archaeology RAS, Researcher ID: ABF-6234-2021.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.117-143

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПООЧЬЕ В КОНЦЕ IV – VII В.

Андрей Михайлович Обломский
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
oblomsky_a@rambler.ru

Аннотация. В статье предложена реконструкция торгового пути конца IV – VII в., связывающего Северное Причерноморье и Поочье. Определены начальная и конечные точки маршрута, локализация баз обеспечения. Роль последних играли торгово-ремесленные центры со смешанным населением, где зафиксированы прямые контакты выходцев с юга Восточной Европы (Крыма, Кавказа, Причерноморья) и с севера (бассейн р. Оки). Начальной точкой пути в конце IV – V в. был Танаис в низовьях Дона, промежуточными центрами – поселки в Верхнем Подонье на Острой Луке Дона в культурной группе памятников типа Чертовицкое-Замятино, конечной точкой – поселение Упа-Криволучье на окраине г. Тулы в ареале мощинской культуры. В конце V в. или в начале VI в. в Верхнем Подонье произошли какие-то катастрофические события. В результате их прекратили свое существование торгово-ремесленные центры на Острой Луке Дона. Могильники конца IV – V в. перестали функционировать. Наблюдается отток населения с Дона в среднее и верхнее течение р. Воронеж. В этом регионе возникла верхневоронежская культурная группа. Промежуточный центр-база был перенесен с Острой Луки Дона в верховья р. Воронеж (комплекс поселений у с. Стаево). Торговый путь продолжил свое существование, но маршрут его изменился. В VI–VII вв. он начинался на Боспоре, проходил через верховья р. Воронеж и заканчивался где-то на территории культуры рязано-окских могильников. Не исключено, что одно из ответвлений этого пути заканчивалось на Самарской Луке Волги.

Ключевые слова: торговый путь, торгово-ремесленные центры, Верхнее Подонье, Поочье, Причерноморье, конец IV – VII в.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00110.

THE TRADE ROUTE FROM THE BLACK SEA TO THE OKA AREA FROM THE LATE FOURTH TO SEVENTH CENTURIES

Andrei M. Oblomskiy
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
oblomsky_a@rambler.ru

Abstract. This article suggests a reconstruction of the late fourth- to seventh-century trade route connecting the Northern Black Sea Area and the Oka River basin. The starting and ending points of the route and the location of the support bases have been determined. These bases were trade and industrial centres where mixed population lived and direct contacts of immigrants from the south of Eastern

© Обломский А.М., 2022

Europe (Crimea, Caucasus, and Black Sea area) and the north (Oka river area) were documented. In the late fourth and fifth centuries, the route in question started in Tanais in the lower reaches of the Don; its intermediate centers were the settlements in the Upper Don area on the Ostraia bend in the cultural group of the Chertovitskoe – Zamiatino type; the final point was the settlement Upa-Krivoluch'e on the outskirts of the modern city of Tula in the area of the Moshchiny culture. In the late fifth or early sixth century, unclear catastrophe happened to the Upper Don region. In result, the trade and industrial centres on the Ostraia bend of the Don ceased to exist. The late fifth- and sixth-century cemeteries also disappeared. There was an outflow of the population from the Don to the middle and upper Voronezh area. In this region, the Upper Voronezh cultural group developed. The intermediate center base moved from the Ostraia bend of the Don to the Upper Voronezh area (to the complex of settlements near the modern village of Staevo). The trade route continued to exist, but its location changed. In the sixth and seventh centuries, it started on the Bosporos, passed through the Upper Voronezh area, and finished somewhere on the territory of the Riazan' – Oka cemeteries culture. It is still possible that one of the branches of this route ended at the Samara bend of the Volga.

Keywords: trade route, trade and industrial centres, Upper Don area, Oka area, Black Sea area, late fourth to seventh centuries

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00110.

Варианты реконструкций торговых путей в древности неоднократно предлагались археологами, и почти всегда они воспринимались неоднозначно, в первую очередь, из-за специфики источников и возможности разных способов их интерпретации. Тем не менее, специалистам по археологии лесостепного Подонья известен ряд фактов, которые сложно объяснить, если не допустить, что через этот регион в середине – третьей четверти I тыс. н.э. проходил торговый путь, связывавший Северное Причерноморье и лесную зону Восточной Европы, ближайшим регионом которой является бассейн Оки. Гипотеза о существовании пути из лесной зоны на юг по Дону в раннем средневековье была предложена М. М. Казанским, который опирался, в основном, на сообщение Иордана о хунугурах, торговавших мехом. Последние локализованы в низовьях Дона и на прилегающих территориях [12, с. 95, 96]. Статья, предлагаемая вниманию читателя, посвящена реконструкции маршрута этого пути и динамики его функционирования. В своих предыдущих работах я неоднократно обращался к этой теме [17; 20; 25, с. 524], в них можно найти подробности. Здесь излагаются некоторые мои наблюдения в сжатом виде.

Вначале – несколько замечаний теоретического характера. Основная проблема определения маршрута торгового пути при отсутствии его описания в письменных источниках (как, например, пути «из Варяг в Греки») заключается в том, возможна ли его реконструкция на археологическом материале, т.е. как археологи могут определить наличие торгового пути?

Казалось бы, проще всего нанести на карту импортные вещи и получить представление о векторе их движения. Мне этот способ представляется не слишком удачным, по крайней мере, для раннего средневековья Восточной Европы. Импортные предметы обычно обладают особой ценностью для населения и начинают

распространяться по цепочке в разных его группах. Ареалы вещей при этом получаются довольно широкими.

Мне кажется, что исследовать археологический материал в ключе реконструкции торгового пути нужно иначе. Торговый путь обычно действует в течение длительного периода времени (или относительно длительного). Он представляет собой маршрут, по которому осуществлялись постоянные контакты различных групп населения друг с другом. Это – ось, по которой происходило не только перемещение вещей, но и людей, а также элементов их культуры, причем в разных аспектах.

Торговый путь обычно имеет начальную и конечную точки маршрута, но, кроме них, если он достаточно протяженный, и промежуточные центры – базы обеспечения, возможно, торжища. На этих поселениях-базах либо в регионе, где они расположены, должны обитать люди, деятельность которых связана с торговым путем – купцы, ремесленники, выходцы с территорий в его начале и конце. Такие поселения-базы не могли не быть центрами притяжения населения как ближайшей округи, так и более отдаленных территорий, т.е. они должны быть большими по площади (на фоне прочих в данном регионе), иметь разнообразные функции. На памятниках, соответствующих базам, могут концентрироваться импортные вещи.

Ремеслом, разумеется, занимались на различных поселениях по всей территории любого социума, но в центрах оно должно быть разнообразным и более масштабным, чем в рядовых поселках.

Такие промежуточные торгово-ремесленные центры конца IV – VII в. расположены на территории лесостепного Подонья.

Исходя из общих наблюдений, рассмотрим конкретные верхнедонские археологические материалы.

Гуннский период (конец IV – V в.)

Центры. К этому времени в Верхнем Подонье относятся памятники типа Чертовицкое-Замятино. В настоящее время известно 31 поселение, включая 4 городища с укреплениями гуннского времени. К этому же периоду относятся могильники круга Животинное с бескурганными ингумациями (Ксизово-16, 17, 19; Животинное; отдельные захоронения известны на нескольких поселениях, всего – 126 погребений) (рис. 1).

Население, оставившее верхнедонские памятники конца IV – V в. было полиэтничным. В его составе наблюдаются элементы киевской культуры Днепровского лесостепного Левобережья, мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур Поочья, черняховские, северо-причерноморские и степные. Последнее общее описание древностей Верхнего Подонья гуннского времени, как археологического массива, включая библиографию, вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности дано в издании [25, с. 483–508].

Большинство поселений – относительно небольшие. Их площади составляют от 0,4 до 1,2 га. Самые крупные селища сосредоточены на Острой Луке Дона:

археологические комплексы у сел Верхнее Казачье – не менее 8 га, Каменка – около 18 га, к югу от Мухино (Мухино-2 и 7) – около 13 га, Замятино – более 16,19 га, Ксизово – 75,62 га. Все эти наиболее крупные в Верхнем Подонье поселения расположены на относительно небольшом участке долин Дона и его притока Сновы размерами приблизительно 18х5 км. У с. Ксизово исследован самый крупный в регионе могильник. Очевидно, здесь находился и сакральный центр.

Ремесла. На поселениях на Острой Луке Дона зафиксированы следы разнообразных ремесел. В Ксизово-17 и Замятино-5 исследованы остатки черной металлургии [29, с. 31, рис. 37], на селищах у с. Замятино – кузнечного, причем на поселении Замятино-5 изготавливались или ремонтировались кольчуги [28, с. 65, 66].

Исследуя верхнедонские фибулы, И. О. Гавритухин пришел к выводу, что некоторые их вариации или детали оформления в рамках групп, имеющих причерноморское и дунайское происхождение, характерны только для Верхнего Подонья [29, с. 223–226; 10, с. 227–233]. У с. Мухино обнаружена заготовка типичной для Поочья треугольной фибулы (рис. 2,*6*), а в Ксизово-19 – основной серии подгруппы Левице-Токари (двупластинчатой с кербшнитным орнаментом) [10, с. 226]. Все это свидетельствует о творческой переработке ремесленниками Острой Луки ювелирных традиций как южных регионов, так и бассейна Оки. Рабочая площадка ювелира (выплески бронзы, обломки и обрезки пластин, каменные очаги) исследована на одной из усадеб поселения Ксизово-19 [29, с. 83, 112, 113]. В Замятино-8 обнаружены обломки глиняных тиглей для плавки бронзы и один целый экземпляр [28, с. 26], капля-выплеск, фрагменты бронзовых пластин.

На поселении Ксизово-19 находился двухъярусный гончарный горн [28, с. 67, 68], изучена производственная площадка ремесленника с ямами-карьерами для добычи глины и верхней частью гончарного кувшина, высушенного, но необожженного [29, с. 88, 89, 111].

Разнообразно косторезное ремесло. На поселениях Замятино-5 и 8 исследованы две усадьбы, где занимались изготовлением гребней из рогов лосей [28, с. 69–78]. В одной из ям на поселении Ксизово-16 найдена серия пластин из рога – деталей сложных луков и их заготовок [29, с. 19–21]. Они свидетельствуют, что на этом поселении изготавливались или, по крайней мере, ремонтировались луки.

Некоторые виды ремесел демонстрируют распространение на север южных технологий. В упоминавшемся выше горне из Ксизово-19 обжигалась сероглиняная керамика с плотным тестом, как с лощеной, так и с шероховатой поверхностью, изготовленная на круге быстрого вращения. Набор посуды, состоящий из пифосов, кувшинов, мисок и горшков, своеобразен (рис. 3,*1–4*), но ряд сосудов по форме и орнаментации имеет аналогии в позднеантичных Пантикапее, Фанагории, Танаисе на востоке Причерноморья и в Ятрусе на западе [28, с. 153, 154; 29, с. 103, 104]. По характеру обработки поверхности, обжигу и стилю орнаментации гончарная керамика из Ксизово восходит к позднеантичным традициям.

Изделия из черного металла по материалам Замятинского археологического комплекса специально исследовала М. М. Толмачева, а результаты были обобщены ею и Р. В. Терпиловским. Замятинские мастера освоили кузнечную сварку металла, цементацию, закалку, плющение в горячем виде. Им были известны цельножелезные и цельностальные технологические схемы, а также пакет из двух и более полос металла, вварка стальных лезвий в железную основу, наварка железных полос на более мягкое ядро. Применялось дамаскирование и многослойный пакет. Техника изготовления предметов из железа была достаточно сложной. Использовались методы, не только традиционные для культур лесостепной и лесной зоны (например, киевской и позднедьяковской), но и применявшиеся в позднеантичной металлообработке [28, с. 95–103, 140, 141].

Импорты, монеты. Обломки амфор встречены на многих поселениях Верхнего Подонья. Относительно многочисленны они в Ксизово-19, где их доля составляет около 1%. В небольшом количестве найдены фрагменты позднеантичных столовых сосудов (серо- и светлоглиняных, а также краснолаковых). В Ксизово-19 обнаружены обломки двух сероглиняных гончарных светильников (рис. 2,*15*) [29, с. 104].

Из поселений и захоронений происходят многочисленные стеклянные бусы. В погребении знатной женщины в Мухино-2, кроме стеклянных, найден выразительный набор янтарных бус [29, с. 241–269; 16, с. 209, 210). И. А. Сапрыкина, исследовавшая технологию изготовления золотых накладок и других пластинчатых предметов из этого захоронения, пришла к выводу, что эти украшения «являются продукцией позднеантичных боспорских мастерских» [30, с. 176].

На поселениях Ксизово-17 и 19 обнаружены обломки разноцветных стеклянных сосудов [29, с. 35, 162, 163, рис. 34,13; 246]. Из погребения 19 могильника Ксизово-17А происходит целый кубок оливкового цвета на полой ножке, украшенный налепами из синего стекла (рис. 2,*16*). Аналогии этому сосуду, которые подобрал И. О. Гавритухин, известны на Северном Кавказе, в Крыму, в Италии и во Франции [29, с. 270–273, рис. 296].

В Ксизово-19А найден клад не менее чем из 178 медных боспорских статеров. Они начеканены в последней четверти III – первой трети IV в. Монеты были длительное время в обращении и попали в землю гораздо позже даты их чеканки. Изучавшие этот клад Г. В. Бейдин и К. В. Мызгин пришли к выводу, что по составу и степени сохранности монет этот комплекс сопоставим с кладами Боспора, сокрытыми не ранее гуннского времени. В Ксизово-19 найдены еще две боспорские монеты [29, с. 78, 165–180]. Отмечу, что медные монеты не могли иметь ценности в качестве изделий из металла вне зоны их обращения. Это – не золото и не серебро. Скорее всего, клад представлял собой оборотные средства, предназначенные для торговых операций на Боспоре.

Экзотической является находка соплодия инжира в заполнении коллективного погребения в Ксизово-19 (заключение Е. Ю. Лебедевой) [29, с. 365–367].

Таким образом, импортные предметы на памятниках гуннского времени весьма многочисленны. Они концентрируются на Острой Луке Дона.

Присутствие населения. Прямое проникновение в лесостепное Подонье причерноморского населения (в широком смысле этого понятия, включающего юг Восточной Европы, Крым и Северный Кавказ) демонстрируют три погребения.

Первое из них (объект 1 Ксизово-19) представляло собой коллективное захоронение в овальной яме, совершенное в несколько этапов. В Верхнем Подонье ни в предшествовавшее, ни в последующее время подобные захоронения не известны. Коллективные погребения в склепах, больших ямах и катакомбах в римское время и эпоху Великого переселения народов распространены в Крыму и на Северном Кавказе.

Во втором захоронении (погребение 13 Ксизово-19) относительно неплохо сохранились детали женского головного убора, позволяющие сделать его реконструкцию. Этот убор хорошо известен в позднеантичной Европе, имеются скульптурные изображения [20, с. 449, 450, рис. 5–8].

В комплекс погребения в Мухино, кроме золотых бляшек боспорского производства, входит лепной лощеный ребристый кувшин с раструбообразным горлом (рис. 3,*6*). В гуннское время аналогии подобным сосудам хорошо известны в Танаисе в устье Дона [20, с. 450, 451, рис. 3,1].

Позднеантичные технологии в кузнечном и гончарном ремеслах Острой Луки Дона, разумеется, не могли быть переданы верхнедонскому населению иначе, чем при прямых контактах мастеров.

В более ранний вал на городище Чертовицкое Третье в гуннское время был впущен двухкамерный дом с каменными стенами и купольной печью, который для верхнедонского домостроительства уникален. И. В. Зиньковская отметила, что подобные сооружения с печами типичны для Танаиса гуннского периода [11, с. 22].

На некоторых памятниках Верхнего Подонья (Мухино-2, Каменка, Чертовицкое-6, Ксизово-17А, Ксизово-19, Замятино-8) найдены лепные сосуды, как правило, лощеные: ребристые кувшины, аналогичные мухинскому, округлобокий кувшин с коленчатой ручкой, обломки мисок с каннелюрами по ребру (рис. 3,*5,6*). Аналогии этим сосудам также происходят из Танаиса гуннского времени [20, с. 450, 451].

Миска с ручкой из Ксизово-19 имеет параллели среди лепной лощеной керамики IV в. из крымских могильников Дружное и Нейзац [29, с. 103]. Почеркну, что речь идет не о гончарной керамике массового производства, а о лепной посуде.

Сведений о присутствии в Верхнем Подонье окского по происхождению населения также достаточно много.

Практически на всех поселениях типа Чертовицкое-Замятино, в т.ч. и на расположенных на Острой Луке Дона, встречены лепные горшки, по форме и орнаментации характерные для мощинской, рязано-окской и позднедьяковской культур. Достаточно часты и лощеные миски, в основном, мощинских типов. В мощинской культуре находят параллели низкие биконические пряслица с очень

широкими отверстиями, а в Ксизово-19 найден грузик дьякова типа [28, с. 150–152; 29, с. 98, 99, 297].

Для окского круга культур характерны и некоторые украшения из Верхнего Подонья (рис. 2,*7–10*). Наиболее полный список этих вещей приводится в издании [25, с. 497, 498, 502]. Они найдены на поселениях Ксизово-8, 17, 19, Каменка, Мухино-2, Балахна, Юрьево-1, Чертовицкое-3, Крутогорье, Замятино-5, Тюнино, Первое Мая-6. Большинство из этих поселений расположены на Острой Луке Дона.

Таким образом, лесостепное Подонье и, в первую очередь, поселки на Острой Луке Дона, были местом прямых контактов окского и причерноморского населения.

Украшения по оси юг Восточной Европы – Верхнее Подонье – Ока. Большинство украшений Верхнего Подонья в начале эпохи Великого переселения народов имеют широкие ареалы. Тем не менее, известен ряд относительно массовых изделий, характер распространения которых своеобразен.

Железных и бронзовых подвязных или со сплошным приемником фибул с широким кольцом или муфтой для крепления пружины, с прогнутым в верхней части корпусом на памятниках Верхнего Подонья обнаружено 40 экз. (рис. 2,*1,2*) (список см. в: [25, с. 496]). И. О. Гавритухин среди застежек со сплошным приемником этой группы выделяет специфическую донскую серию, а с подвязным – верхнедонской вариант [10, с. 232, 233]. По его наблюдениям, фибулы с широким кольцом, кроме Верхнего Подонья, в гуннское время распространены в Нижнем Подунавье, но, преимущественно, на Северном Кавказе, включая причерноморское побережье, в Закавказье, в Крыму [29, с. 217–226]. А. В. Мастыкова добавляет к этому ареалу отдельные находки из Южного Приуралья и Прикаспия [15, с. 77, 78].

Столь высокая концентрация фибул этой группы в Верхнем Подонье, сравнительно небольшом регионе, для лесостепи Восточной Европы уникальна. Несомненно, что в этом проявилось влияние причерноморско-кавказской моды.

Похожий ареал имеют браслеты с прямоугольными выступами на концах, по выражению А. В. Мастыковой, напоминающие «капюшон кобры» (рис. 2,*13*). В Верхнем Подонье их обнаружено 4 экз. (Ксизово-19, Нижнее Казачье-10, Животинное, Мухино-2) [25, с. 497]. Отдельные экземпляры подобных браслетов происходят из некрополя позднего Танаиса и с территории Южного Урала, но основная их концентрация отмечена на Северном Кавказе и на прилегающем к нему Черноморском побережье [16, с. 205, 206; 15, с. 78].

Два других типа браслетов – с антропозооморфными изображениями на уплощенных окончаниях и с треугольными расплющенными концами, орнаментированными рядами прочеканенных ямок (рис. 2,*11,14*) – в Верхнем Подонье найдены в количестве, соответственно, 9-ти (Ксизово-19, 19А, Мухино-2) и 3 экз. (Ксизово-19А, Замятино-8 и Мухино-2). Они распространены как в культуре рязано-окских могильников, так и в Крыму, на Кавказе, хотя встречаются в Западной Европе, в Малой Азии и Египте [25, с. 497, 498].

Показательно также распространение зеркал типа X по А. М. Хазанову (подвески с петлей на обороте) (рис. 2,*3–5*). Ареал этой группы весьма широк, но на поселениях типа Чертовицкое-Замятино их обнаружено 39 экз. (Подгорное, Замятино-5 и 8, Ксизово-8, 19А, 19, Тюнино, Балахна) и еще 2 экз. в погребениях круга Животинного (Мухино-2, Ксизово-17) [25, с. 496], что для лесостепной зоны гуннского времени уникально. А. В. Мастыкова обратила внимание на два типа этих зеркал – Карповка – Анке-4 и Чми-Бригецио – Анке-1 по ее классификации. Основная область их распространения, кроме Верхнего Подонья, охватывает Северный Кавказ, Крым, Нижний Дон [15, с. 79, 80].

Двупластинчаные фибулы подгруппы Левице-Токари (рис. 2,*17,18*) встречены на широкой территории от Подунавья на западе, Причерноморья на юге и до Верхнего Подонья на востоке, которая по мнению И. О. Гавритухина в эпоху Аттилы и позднее представляла собой политическое и культурное единство [29, с. 204–206]. Он выделил в их составе три серии. Концентрация этих фибул на Острой Луке Дона (24 экз. из 125 известных) указывает на наличие здесь некоего центра их изготовления и распространения [10, с. 223, 230–234, рис. 7, 9, 10].

Маршрут торгового пути. Таким образом, в Верхнем Подонье наблюдается непосредственное присутствие населения с юга Восточной Европы и из бассейна Оки, что способствует распространению с юга на север технологических приемов ремесла, моды на украшения. На наличие торговли указывает концентрация импортных изделий, клад медных боспорских монет. Центром ремесла и торговли были поселения на Острой Луке Дона.

Южную конечную точку маршрута, по всей видимости, представляло собой позднеантичное поселение в Танаисе, главной функцией которого, по мнению большинства исследователей, была торговля. О непосредственном присутствии выходцев из Танаиса в лесостепном Подонье свидетельствуют находки специфической лепной лощеной посуды и двухкамерный дом с каменными стенами на Третьем Чертовицком городище. В самом Танаисе встречена небольшая серия лепных биконических горшков, в т.ч. и с насечками по венчику. Ближайшей к Танаису территорией, где в гуннское время распространена подобная керамика, является Верхнее Подонье. Там она относится к киевской традиции [18, с. 64, 65, рис. 3,8–11].

Укрепленное поселение в Танаисе после перерыва, последовавшего за разгромом города в середине III в., было построено заново в начале гуннского времени и существовало как минимум до середины V в., а возможно, судя по находке матрицы для изготовления бляшек шиповского стиля, и несколько дольше [19].

Северной конечной точкой маршрута, по имеющимся данным, могло быть селище Упа-2 – Криволучье, которое расположено на окраине современного г. Тула. Это обширное поселение находится на территории мощинской культуры, но по составу археологического комплекса сильно отличается от ее памятников. Кроме местного мощинского, здесь выделяется раннеславянский (киевский) и

черняховский (включая керамику скифо-сарматской и вельбарской традиций, пряслице с рельефной орнаментацией) компоненты. На памятнике найдена также серия вещей южного происхождения – обломки серьги с полиэдрическим окончанием, фрагмент зеркала типа Карповка – Анке-4. Набор бус из Упы-2 по заключению О. С. Румянцевой близок к распространенному на памятниках Верхнего Дона типа Чертовицкое-Замятино. Большинство вещей, найденных на селище, относятся к гуннскому времени, хотя встречены более ранние и более поздние предметы. На поселении обнаружено 6 медных римских монет от Константина I до Гонория общим хронологическим диапазоном 328–395 гг. [7, с. 299, 300; 6, с. 246, 254, 255].

Торговый путь, по всей видимости, проходил по Дону с выходом на р. Упа в бассейне Оки (рис. 7).

Раннее средневековье (VI–VII вв.)

В диапазоне конца V – начала VI в. (в допустимых широких рамках) на территории Верхнего Подонья происходили какие-то катастрофические события, причины которых пока не ясны. В результате их памятники типа Чертовицкое-Замятино в долине Дона, нижнем и среднем течении р. Воронеж прекратили свое существование, включая крупные поселения на Острой Луке. Перестали функционировать и могильники круга Животинное. Локализация населения меняется. Оно сосредотачивается в верхнем течении Воронежа, где памятники типа Чертовицкое-Замятино гуннского времени пока не известны. На самом Дону встречены пока лишь отдельные немногочисленные находки VI–VII вв.

Территория раннесредневековых памятников, центр. В настоящее время с определенностью к раннему средневековью (конец V – VII в.) в Верхнем Подонье можно отнести 16 памятников и серию случайных находок (рис. 4). Все поселения – неукрепленные. Могильники пока не открыты. Изученные раскопками памятники относятся к верхневоронежской культурной группе, в которой выделяются древности двух типологических линий – круга Ярок и Кривец. К теме статьи имеют отношения памятники типа Ярок.

Подавляющее большинство из них бедны находками, видимо, эти поселения были относительно кратковременными. Обычно встречается лепная керамика, изделия из металла единичны. По имеющимся данным, на этих поселениях могли находиться от одной до двух усадеб. Гораздо бóльшие размеры имеет комплекс селищ у с. Стаево (Стаево-3, 4, 5) Мичуринского р-на Тамбовской обл., расположенный неподалеку от истоков р. Воронеж, который, видимо, представлял собой единый поселок. Общая его площадь составляет 9,2 га, т.е. он был самой крупной агломерацией в регионе. Поселок эпохи раннего средневековья имеет ярко выраженный торгово-ремесленный характер [25, с. 509, 510].

Ремесло. Остатки ремесленной деятельности достаточно многочисленны, причем на тех или иных участках поселка наблюдается разная специализация мастеров. В Стаево-4 (центральный участок, в 2015–2016 гг. вскрыто 644 м²) культурный слой

обильно насыщен остатками производства черного металла (кусками железной руды и шлаками). Здесь же исследована хозяйственная постройка-полуземлянка с печью для приготовления шихты [22, с. 361–364].

В Стаево-5 (западный участок поселка) в 2016–2020 гг. вскрыто 1892 м² и изучены три площадки, на которых работали мастера-бронзолитейщики. Каждая из них представляла собой навес или легкую постройку с очагами или небольшими печами, ямами для брака и хранилищами специально помещенной в ямы глины, очевидно, для изготовления тиглей и литейных форм. Литьем бронзы занимались также на территории восточной усадьбы, где для этого использовался бытовой очаг.

На поселении обнаружены фрагменты глиняных тиглей (645 экз.) и 5 целых предметов, 190 выплесков бронзы, маленькие слитки бронзы и серебра, 235 обрезков бронзовых пластин разной толщины, два куска свинцовой пластинки. Сырьем служили многочисленные обломки вещей, преимущественно, из бронзы, в меньшем количестве из серебра, бронзовые прутики, обрубков которых найдено более 90 экз., а также три целых изделия (рис. 5,*1*).

Массовым было производство изделий из черного металла. В Стаево-4 найдено 46, а в Стаево-5 на 2019 г. 252 железных изделия различного назначения – оружие, орудия труда, бытовые предметы и др. В таком количестве они не встречены ни на одном из верхнедонских поселений.

Из Стаево-4 происходят 12 железных инструментов, а из Стаево-5 – 83 экз. Эта коллекция уникальна и на памятниках раннего средневековья Восточной Европы не имеет себе равных. Некоторые из инструментов предназначались для работы по дереву и для бытовых нужд («ложкорез», игла, стамески, прямой резец и др.). Универсальное назначение имели большие пробойники и клещи. Кричные молотки применялись в кузнечном ремесле. Прочие инструменты, с большой долей вероятности, использовались ювелирами [34, с. 131-135].

Таким образом, население Стаево занималось добычей и обработкой черного металла, а также ювелирным ремеслом.

Торговля. О занятии торговлей обитателей поселка у с. Стаево свидетельствует ряд признаков. Уже упоминавшиеся выше прутики представляли собой слитки бронзы, которым была придана стандартизированная форма. В гуннское время в Верхнем Подонье они не известны. В V–VII вв. слитки-прутики встречены в некоторых кладах «древностей антов» первой группы по О. А. Щегловой, на ряде поселений финала киевской, пеньковской и пражской культур, причем на пражских памятниках найдены формочки, предположительно предназначенные для изготовления подобных предметов [5, с. 123].

Тем не менее, все эти вещи единичны. В таком количестве, как в Стаево-5, обломки слитков-прутиков не обнаружены нигде.

Большинство украшений и деталей ременной гарнитуры, в т.ч. и сломанные, предназначенные для переплавки, имеют южное происхождение (Крым, Кавказ, Северо-Восточное Причерноморье) или демонстрируют связи верхнедонского

населения с этими территориями. Серьги с полиэдрическими окончаниями (например, рис. 5,*8,9*) представляют собой упрощенные литые имитации южных образцов, которые были изготовлены в довольно сложной технике [27, с. 311–315]. В причерноморской стилистике выполнены имеющие дунайские прототипы пальчатые фибулы с ромбами на ножке (по терминологии И. О. Гавритухина) (рис. 5,*2*) из Стаево-4 и 5 [9, с. 153–159].

Показательны находки в Стаево зеркал с петлей на обороте (26 экз.) (рис. 5,*14,15*), концентрация которых наблюдается на юге Восточной Европы. По заключению А. В. Мастыковой, большинство этих изделий относятся к типам Карповка – Анке-4 и Чми-Бригецио – Анке-1 (как в Верхнем Подонье в предшествующее гуннское время). В VI–VII вв. в лесостепи к западу от Волги они известны только в Стаево [14; 15, с. 79–81].

Другим источником поступления бронзы была, очевидно, степная зона. В Стаево-5 в 2016–2019 гг. обнаружено не менее 19-ти обломков котлов (рис. 5,*10–12*) с имеющими каверны толстыми стенками, иногда с рельефной орнаментацией, которые указывают на принадлежность их к гуннским типам (по определению С. В. Демиденко) [25, с. 512].

В Стаево-5 была найдена византийская гирька-экзагий для взвешивания золотой монеты – одного солида (рис. 5,*21*). Судя по ее весу, она относится ко времени не ранее VII в. [27, с. 318–320]. В Стаево-4 и 5 обнаружены также некоторые изделия, которые могут интерпретироваться как детали неравноплечих весов (два железных коромысла, крючок с шарниром, свинцовые грузики). Железная фибула византийского круга (рис. 5,*23*) происходит с поселения Стаево-5, а фрагмент бронзовой (рис. 5,*24*) – из Стаево-4 [аналогии см.: 8, с. 43, 44, 58, рис. 4,16; 5,100-2; 112-4,5; 154-2; 8,15,16; 9,10,11].

На поселении Красный Городок-2 найден «медный византийский фоллис, чеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикии в Херсонесе» [2, с. 23]. Медный фоллис Юстиниана I, начеканенный в 533–537 гг. в Теуполисе (определение В. В. Гурулевой) найден в 2022 г. в Стаево-5.

Таким образом, торгово-ремесленный характер раннесредневекового поселка у с. Стаево очевиден. В этом отношении интересно наблюдение Е. Ю. Лебедевой, что в Стаево имеются зерна культурных растений, но отсутствуют остатки их обмолота. Не исключено, что население поселка получало зерно в обмен на продукцию ремесел [34, Глава 12].

Состав населения и его связи. Массовое производство ремесленной продукции, естественно, должно быть ориентировано на сбыт. Напрашивается предположение, что мастера из Стаево обеспечивали своими изделиями население Верхнего Подонья. К сожалению, при современном состоянии источников однозначно подтвердить или опровергнуть его невозможно: слишком небольшое количество рядовых поселений линии Ярок раскопано. Тем не менее, я склоняюсь к мысли, что главным адресатом ремесленников, работавших в стаевских мастерских, местное

население не было. Как уже было отмечено выше, раннесредневековых поселений в Верхнем Подонье даже по разведкам известно очень мало, и они, скорее всего, были кратковременными. Кроме того, на некоторых из них зафиксированы следы собственных ремесел (в Капитанщино-6 – черной металлургии, в Мухино-2 и, возможно, в Стаево-10 – бронзолитейного, в Красном Городке-4 – косторезного и по изготовлению каменных жерновов) [31; 26, с. 157; 25, с. 522, 523], которые явно были ориентированы на эти небольшие поселки. Мастера из Стаево, вероятнее всего, работали, преимущественно, на внешний заказ. Кем же могли быть эти заказчики?

В этом отношении показательно ювелирное ремесло. Судя по находкам матриц и брака, в Стаево-5 изготавливали пальчатые фибулы (рис. 5,*2*) и детали ременной гарнитуры геральдического стиля (рис. 5,*3–7*), причем последние – как в технике литья, так и тиснения. С этого же памятника происходят заготовки браслетов нескольких типов (рис. 5,*19,20*) и серьги с полиэдрическими окончаниями (рис. 5,*8,9*), которые, по всей видимости, также были местной продукцией.

Фибулы с пятью отростками относятся к обширной группе изделий с ромбами на ножке и радиальными лучами на головной пластине. И. О. Гавритухин в их составе выделяет особую серию Стаево. К сожалению, за пределами этого поселения аналогий им мало. Наиболее близкие происходят из Ольвии, Липецкой и Рязанской обл. [9, с. 146–150, 159], последние, по уточненным данным, найдены на Верхнем Дону около с. Перехваль Данковского р-на Липецкой обл. и у с. Мыс Доброй Надежды Сасовского р-на Рязанской обл. на р. Мокша.

Детали поясов геральдического стиля, матрицы которых происходят из Стаево-5, И. О. Гавритухин отнес к нескольким группам. Горизонтально-симметричные накладки типа Пятра-Фрекэцей – Кугуль (рис. 5,*3*) встречены от Румынии до Крыма, Северного Кавказа и Абхазии, найдены в степях Причерноморья. Ближайшие аналогии малому наконечнику ремня (рис. 5,*6*) происходят из Причерноморья и степи. Наконечники другого типа (рис. 5,*5*) распространены очень широко. Типологически наиболее близкие находки происходят из зоны Аварского каганата в Карпатской котловине и из бассейна р. Белой в Южном Приуралье. Широкие аналогии имеют и щитовидные накладки (рис. 5,*4*), но при этом в ближайшем с севера от Стаево Окско-Сурском регионе они известны не менее чем в 7 пунктах [34, с. 95-121]. Отмечу, что матрица этой накладки изготовлена именно в Стаево. Она представляет собой первичную отливку, не обработанную после литья.

Из заготовок браслетов показательны антропозооморфные (рис. 5,*19*) той же группы, что и найденные в Ксизово. Они распространены, в основном, на юге Восточной Европы и в Поочье.

Браслеты из дрота с гладкими расплющенными концами имеют, как правило, округлый край (Стаево-5 – 4 экз.) (рис. 5,*20*). В Поочье они входят в состав женского костюма V–VII вв. рязано-окской культуры [4, рис. 4,32,34; 5,53,54; 6,9,11,26]. Встречены подобные браслеты и на памятниках раннего средневековья Северного Кавказа [13, с. 19, 69, рис. 64].

Сказанное выше свидетельствует о наличии связей населения Стаево не только с югом Восточной Европы и степной зоной, но и с бассейном Оки. Соответственно, возникает вопрос, были ли контакты обитателей поселка у Стаево с Поочьем прямыми или опосредованными?

По лепной керамике памятники линии Ярок верхневоронежской группы являются следующим этапом развития (в раннем средневековье) донских древностей типа Чертовицкое-Замятино. Население Верхнего Подонья в VI–VII вв. было полиэтничным. В Стаево и на селищах его округи выделяются три основных компонента: пост-киевский с более ярко, чем в гуннское время, выраженным присутствием сосудов пеньковского керамического набора; пост-черняховский и окский, причем в составе последнего практически исчезли формы лощеных сосудов, специфических для мощинской культуры [24; 25, с. 511].

На памятниках линии Ярок найдена небольшая серия деталей комбинированных украшений (рис. 5,*16–18*), имеющих аналогии в финском круге культур, в т.ч. и в Поочье (подвески: коробчатые из Стаево-4 и 5, пластинчатая с отверстиями и цилиндрическая из Стаево-4, к накоснику из Ярка-5). К этой же группе относятся и специфические свинцово-оловянистые бляшки с приспособлениями для пришивания на оборотной стороне (рис. 5,*22*) типа тех, которые найдены на верхнеокских городищах Велегож и Акиньшино [25, с. 515; 33, с. 141, 142, рис. 3].

Находки амулетов в виде солярного знака с выступами и изображением человеческого лица (рис. 5,*13*) концентрируются в Верхнем Подонье, но известны на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Оки [21, с. 132, 133, рис. 14].

Связи, таким образом, были прямыми. Окское население непосредственно присутствовало в Верхнем Подонье.

Маршрут торгового пути. В плане реконструкции торгового пути, который в раннем средневековье проходил через верховья р. Воронеж, важна одна из групп бронзовых антропоморфных амулетов-подвесок. Они представляют собой фигурки мужчин с угловатыми плечами и бедрами, гипертрофированным фаллосом. Большинство из них напоминают две соединенные друг с другом буквы Ш, повернутые основаниями кверху. Д. Б. Шелов объединял их в группу 1 [35, с. 241, 242]. Специальное исследование этих изделий включено в монографию о комплексе памятников в Стаево [34, Приложение 1]. В нем дается история изучения этих вещей, типология, хронология, карта и каталог. На территории Восточной Европы самый ранний амулет известен в одной из построек Танаиса гуннского времени, но широкое их распространение относится к VI – третьей четверти VII в. Показательно, что в Верхнем Подонье на памятниках типа Чертовицкое-Замятино конца IV – V в. такие фигурки не найдены.

Наибольшая концентрация амулетов группы 1 Д. Б. Шелова на территории Восточной Европы отмечена на Боспоре (Европейская и Азиатская части), встречены они в Крыму (как в Юго-Западном, так и в степном), на Северном Кавказе, в степях Причерноморья, в лесостепи Днепровского Левобережья, в Верхнем Подонье, Сред-

нем Поочье, Среднем Поволжье. Ранее мною было высказано предположение, что эти амулеты с достаточно отчетливой иконографией показывали принадлежность их владельцев (или членов их семей) к особой культовой группе мобильного населения, вероятно, купцам [23].

Карта на рис. 6 демонстрирует, что основная линия распространения этих амулетов проходит с юга (от Крыма и Азиатского Боспора) на север до Оки. Показательно, что на севере их максимальная концентрация отмечена в трех регионах – в Стаево в верховьях Воронежа (7 экз.), на Средней Оке около райцентра Шилово Рязанской обл. (не менее 5 экз.), на Самарской Луке Волги (4 экз.). Распространение амулетов группы 1 Д. Б. Шелова в Восточной Европе, таким образом, объединяет регионы, с которыми наблюдаются связи у населения Стаево по другим отмеченным выше признакам – с югом, включая степи, с лесостепным Поднепровьем и с Поочьем.

Таким образом, можно предположить, что в раннем средневековье оксько-причерноморский торговый путь сохранил свое общее направление, но маршрут его существенно изменился. Начальной его точкой, судя по повышенной концентрации антропоморфных амулетов-подвесок, становится Боспор. Промежуточный центр в лесостепном Подонье переносится в верховья р. Воронеж (Стаево). Конечным пунктом, вероятно, была территория культуры рязано-окских могильников. В бассейне Оки хорошо известны находки византийских вещей (фибул, пряжек, монет, свинцовых медальонов) [3, с. 64–70; 1, с. 260–262, рис. 1,1–2]. Поселок у с. Стаево, вероятно, был базой для распространения не только византийских, но и вообще южных вещей в Поочье. Не исключено, что этот путь имел ответвление на Самарскую Луку Волги (рис. 7).

А. В. Мастыкова считает, что отмеченная ею определенная нивелировка культуры оседлого населения гуннского времени и раннего средневековья от Дуная до Южного Урала была вызвана не столько торговыми связями, сколько имитациями представительницами «среднего класса» костюма знати и депортациями населения завоевателями для разных нужд [15, с. 84, 85]. Мне кажется, что одно не противоречит другому. Преднамеренная концентрация подвластного населения может быть вызвана, кроме прочего, и необходимостью контроля за торговым путем и получаемыми от него доходами.

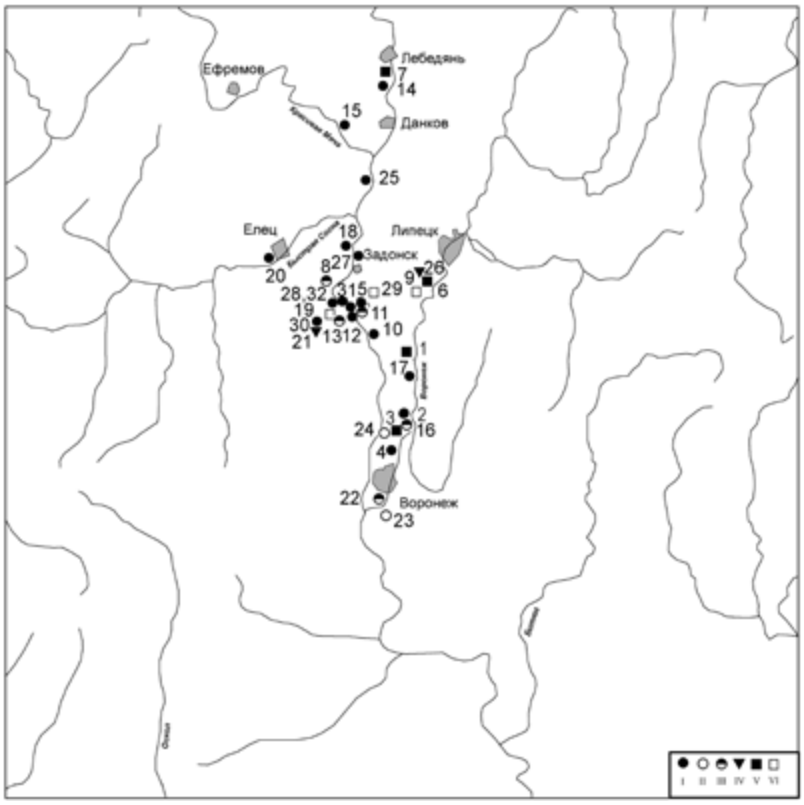


Рис. 1. Памятники конца IV – V в. Верхнего Подонья [по: 25, рис. 32]: I – поселения типа Чертовицкое-Замятино; II – могильники с ингумациями и отдельные погребения типа Животинное; III – могильник / отдельные погребения и поселение; IV – случайная находка; V – городище со слоями гуннского времени; VI – городище с укреплениями гуннского времени
1 – Подгорное; 2 – Староживотинное-3; 3 – Чертовицкое-3; 4 – Чертовицкое-6; 5 – Замятино-1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; 6 – Малый Липяг; 7 – Перехваль-1; 8 – Каменка-1, 4, 5, 8; 9 – Крутогорье; 10 – Елец-Маланино 1; 11 – Ксизово-16, 17, 19, 19А, Острая Лука-4; 12 – Ксизово-5, 6, 8, 18, Ксизово южное; 13 – Мухино-2, 7; 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное; 17 – Пекшево; 18 – Невежеколодезное; 19 – Мухино-9, 10, городище; 20 – Лавы; 21 – Ольшанец; 22 – Стрельбище-4; 23 – Шилово; 24 – Ямное; 25 – Яблоново-4; 26 – Первое Мая-6; 27 – Тюнино; 28 – Нижнее Казачье-10; 29 – Верхнее Казачье; 30 – Балахна; 31 – Замятино-17; 32 – Юрьево-1

Fig. 1. The late fourth- to seventh-century sites in the Upper Don area [according to: 25, Fig. 32]: I – settlements of the Chertovitskoe – Zamiatino type; II – cemeteries with inhumations and separate burials of the Zhivotinnoe type; III – cemetery / separate burials and settlement; IV – chance find; V – settlement with the layers from the Hunnic Period; VI – settlement with fortifications from the Hunnic Period
1 – Podgornoe; 2 – Starozhivotinnoe-3; 3 – Chertovitskoe-3; 4 – Chertovitskoe-6; 5 – Zamiatino-1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; 6 – Malyi Lipiag; 7 – Perekhval'-1; 8 – Kamenka-1, 4, 5, 8; 9 – Krutogor'e; 10 – Elets-Malanino 1; 11 – Ksizovo-16, 17, 19, 19A, Ostraia Bend-4; 12 – Ksizovo-5, 6, 8, 18, Ksizovo Iuzhnoe; 13 – Mukhino-2, 7; 14 – Ozerki Forest; 15 – Kollektiv; 16 – Zhivotinnoe; 17 – Pekshevo; 18 – Nevezhekolodeznoe; 19 – Mukhino-9, 10, fortified settlement; 20 – Lavy; 21 – Ol'shanets; 22 – Strel'bishche-4; 23 – Shilovo; 24 – Iamnoe; 25 – Iablonovo-4; 26 – Pervoe Maia-6; 27 – Tiunino; 28 – Nizhnee Kazach'e-10; 29 – Verkhnee Kazach'e; 30 – Balakhna; 31 – Zamiatino-17; 32 – Iur'evo-1

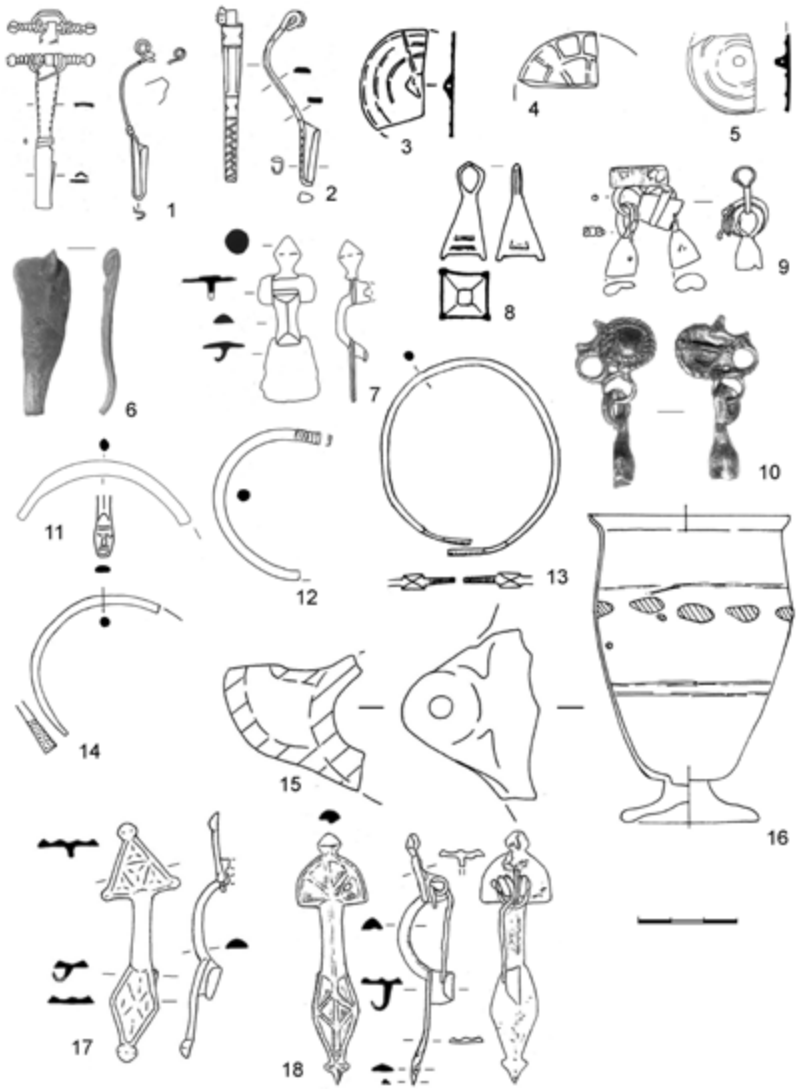


Рис. 2. Материалы конца IV – V в. из Верхнего Подонья [по: 25, рис. 38,1,3; 41,15,17,18; 46,4,7,8; 47,3; 48,5,6; 49,2,3,5,6; 59,2,9,10]

1, 2, 6–14, 17, 18 – бронза; 3–5 – светло-серый сплав; 15 – глина; 16 – стекло. 1, 2, 5, 11, 12, 14, 15, 17 – Ксизово-19; 3 – Подгорное; 4 – Замятино-8; 6 – окрестности с. Мухино; 7 – Тюнино; 8 – Замятино-5; 9 – Каменка; 10 – Первое Мая-6; 13 – Животинное; 16 – Ксизово-17; 18 – Ксизово-8. Рисунки и фото: 1–3, 7, 9, 16–18 – И. О. Гавритухина; 4–6, 11–15 – А. М. Обломского; 8 – И. Е. Бирюкова; 10 – А. В. Ерохина

Fig. 2. The late fourth- and fifth-century materials from the Upper Don area [according to: 25, Fig. 38.1, 3; 41. 15, 17, 18; 46. 4, 7, 8; 47. 3; 48. 5, 6; 49. 2, 3, 5, 6; 59. 2, 9, 10]

1, 2, 6–14, 17, 18 – bronze; 3–5 – light gray alloy; 15 – clay; 16 – glass. 1, 2, 5, 11, 12, 14, 15, 17 – Ksizovo-19; 3 – Podgornoe; 4 – Zamiatino-8; 6 – the vicinity of the village of Mukhino; 7 – Tiunino; 8 – Zamiatino-5; 9 – Kamenka; 10 – Pervoe Maia–6; 13 – Zhivotinnoe; 16 – Ksizovo-17; 18 – Ksizovo-8. Drawings and photos: 1–3, 7, 9, 16–18 – I. O. Gavritukhin; 4–6, 11–15 – A. M. Oblomskii; 8 – I. E. Biriukov; 10 – A. V. Erokhin

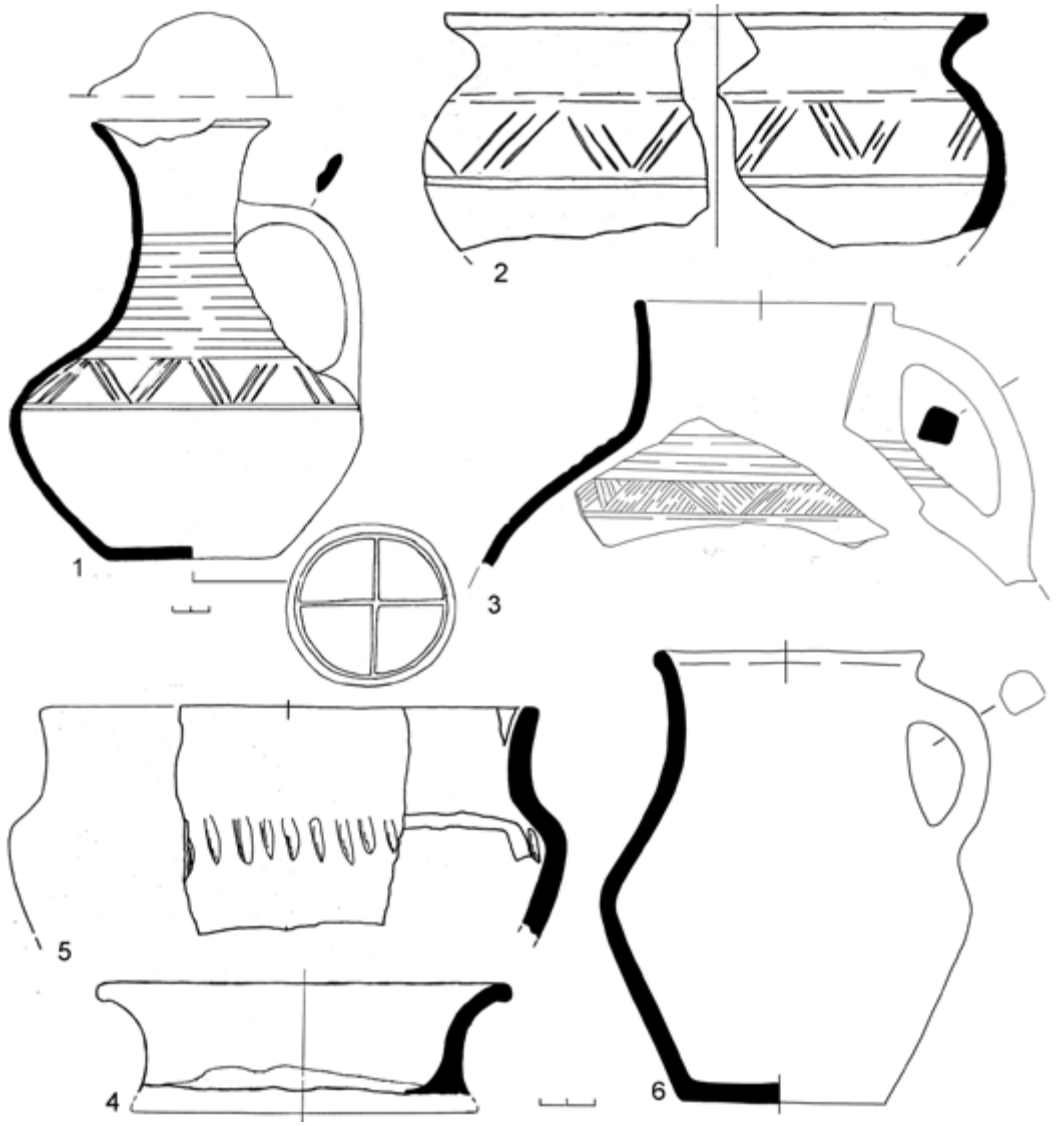


Рис. 3. Образцы столовой керамики памятников Верхнего Подонья конца IV – V в. [по: 25, рис. 35,2,8,11,12; 63,1,6]

1–4 – сероглиняная гончарная (1, 2 – с лощеной поверхностью; 3 – с шероховатой поверхностью; 4 – с подлощенной поверхностью); 5, 6 – лепная керамика с лощеной поверхностью. 1 – Животинное; 2 – Замятино-8; 3, 4 – Ксизово-19; 5 – Мухино-2, поселение; 6 – Мухино-2, погребение. Рисунки: 5 – Г. Л. Земцова; остальные – А. М. Обломского

Fig. 3. Table ware samples from the late fourth- and fifth-century sites in the Upper Don area [according to: 25, Fig. 35. 2, 8, 11, 12; 63. 1, 6]

1–4 – gray clay wheel-made pottery (1, 2 – with polished surface; 3 – with rough surface; 4 – with flattened surface); 5, 6 – hand-made polished ware. 1 – Zhivotinnoe; 2 – Zamiatino-8; 3, 4 – Ksizovo-19; 5 – Mukhino-2, settlement; 6 – Mukhino-2, burial. Drawings: 5 – G. L. Zemtsov; the rest – A. M. Oblomskii

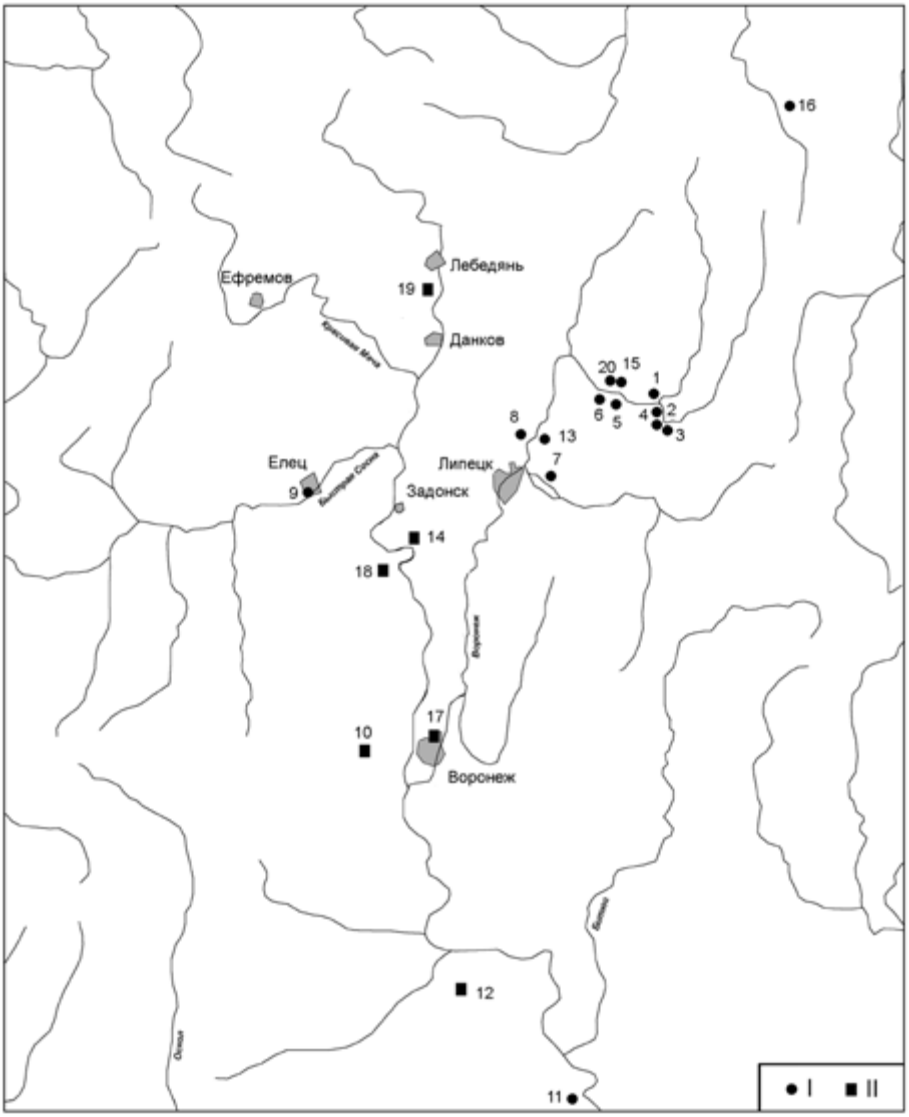


Рис. 4. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья (верхневоронежская группа и случайные находки) [по: 25, рис. 66]: I – поселение; II – случайная находка; 1 – Стаево-3, 4, 5; 2 – Красный Городок-2; 3 – Красный Городок-4; 4 – Новоникольское-8; 5 – Ярок-9; 6 – Кривец-4; 7 – Ярлуково; 8 – Большая Кузьминка-4А; 9 – Елец, Лавский комплекс; 10 – р. Ведуга; 11 – Терешковский вал; 12 – Острогожский клад; 13 – Капитанщино-6; 14 – Уткино; 15 – Ярок-5; 16 – Коровий Брод; 17 – г. Воронеж; 18 – Мухино-2; 19 – Лес Озерки; 20 – Ярок-10

Fig. 4. Early mediaeval sites of the Upper Don area (the Upper Voronezh group and chance finds) [according to: 25, Fig. 66]: I – settlement; II – chance find; 1 – Staevo-3, 4, 5; 2 – Krasnyi Gorodok-2; 3 – Krasnyi Gorodok-4; 4 – Novonikolskoe-8; 5 – Iarok-9; 6 – Krivets-4; 7 – Iarlukovo; 8 – Bolshaia Kuzminka-4A; 9 – Elets, Lavskii complex; 10 – Veduga river; 11 – Tereshkovskii Val; 12 – Ostrogozhskii hoard; 13 – Kapitanshchino-6; 14 – Utkino; 15 – Iarok-5; 16 – Korovii Brod; 17 – Voronezh; 18 – Mukhino-2; 19 – Ozerki forest; 20 – Iarok-10

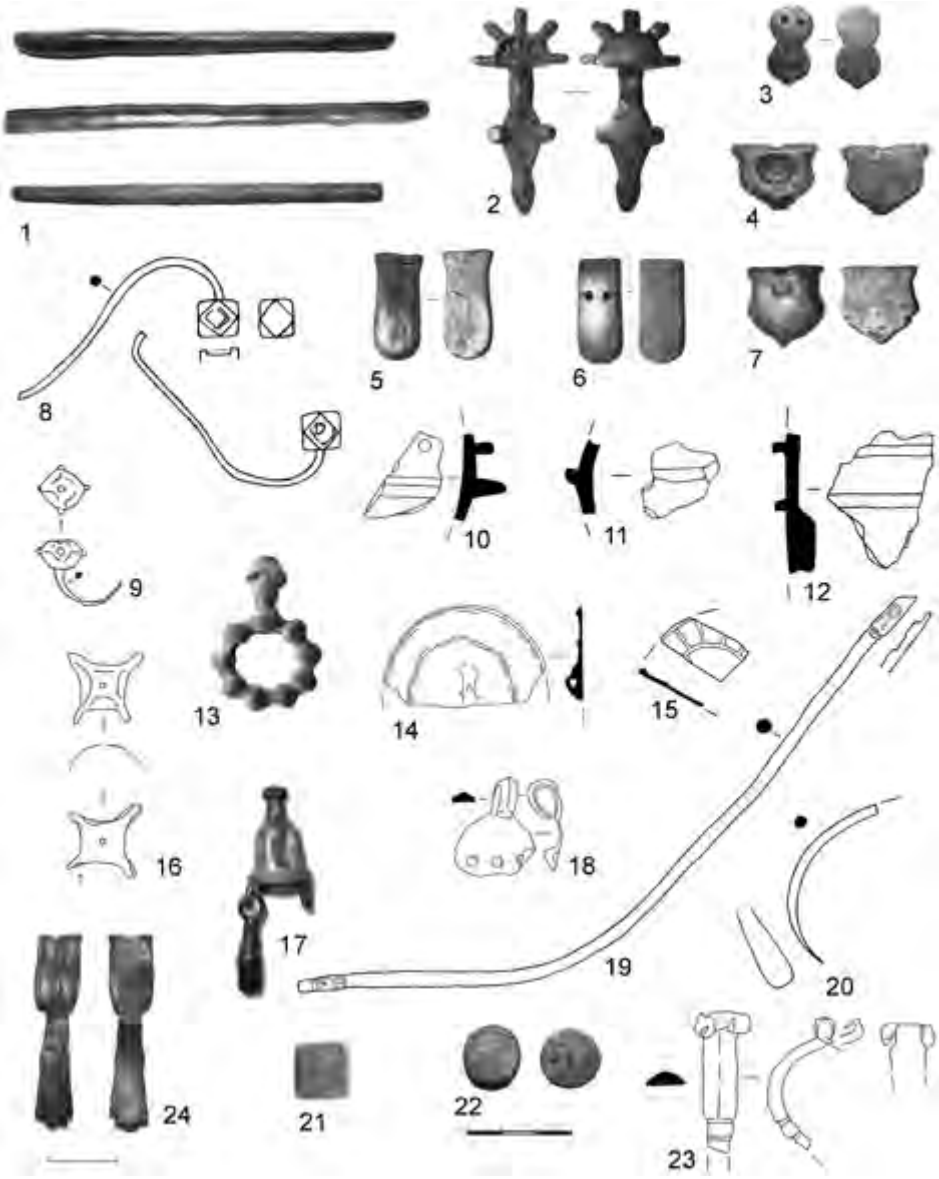


Рис. 5. Верхнее Подонье, материалы раннего средневековья [по: 25, рис. 71,1,3–7; 80,8–11; 81,5,15; 86,6; 88,1,6,10,14; 89,1,5,6,8; 92,5,7]
1–13, 16, 18–21, 24 – бронза; 14, 15, 17 – светло-серый сплав; 22 – свинцово-оловянистый сплав; 23 – железо. 1–8, 10–12, 14, 15, 19–23 – Стаево-5; 9, 13 – Ярок-9; 16, 18, 24 – Стаево-4; 17 – Ярок-5. Рисунки и фото А. М. Обломского

Fig. 5. Upper Don area, the early mediaeval materials [according to: 25, Fig. 71. 1, 3–7; 80. 8–11; 81. 5, 15; 86. 6; 88. 1, 6, 10, 14; 89. 1, 5, 6, 8; 92. 5, 7]
1–13, 16, 18–21, 24 – bronze; 14, 15, 17 – light grey alloy; 22 – lead-tin alloy; 23 – iron. 1–8, 10–12, 14, 15, 19–23 – Staevo-5; 9, 13 – Iarok-9; 16, 18, 24 – Staevo-4; 17 – Iarok-5. Drawings and photos by A. M. Oblomskii

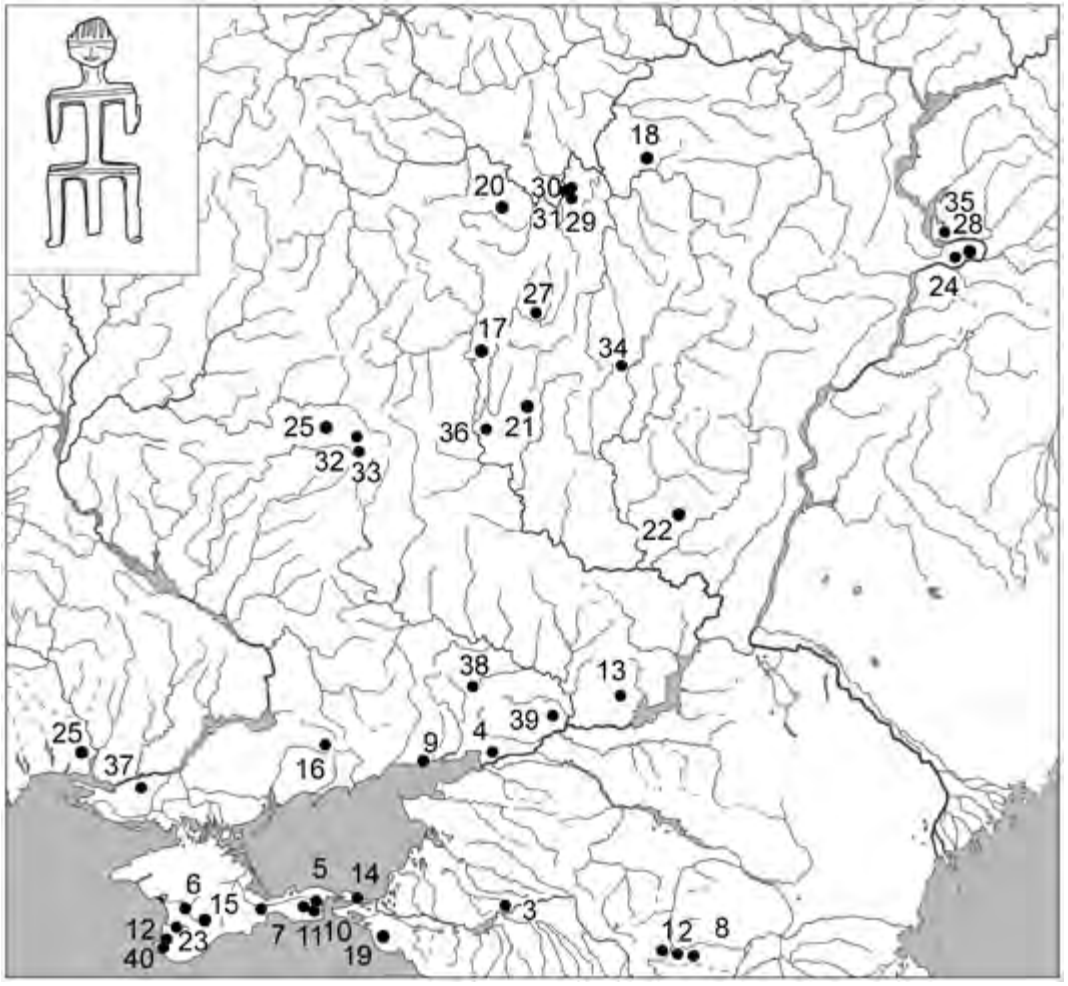

18
20
30
31
29
35
28
24
27
17
34
25
32
33
36
21
22
38
13
39
4
9
25
37
16
5
14
6
15
3
12
8
12
23
40
7
11
10
19

Рис. 6. Карта распространения антропоморфных амулетов типа 1 по Д. Б. Шелову на территории Восточной Европы [по: 23; 34, приложение 1]: 1 – Лермонтовская скала 2; 2 – Мокрая Балка; 3 – Пашковский-1; 4 – Танаис; 5 – Керчь; 6 – Чуфут-Кале; 7 – Айвазовское; 8 – р. Подкумок, окрестности Кисловодска; 9 – Белосарайская коса; 10 – Тиритака; 11 – Сююр-Таш; 12 – Херсонес; 13 – Филипповская; 14 – Ильичевское городище; 15 – Горный Крым; 16 – Алексеевка; 17 – устье р. Репец (Уткино); 18 – р. Мокша, Рязанская обл.; 19 – Анапа; 20 – Пронск, окрестности; 21 – р. Битюг, Воронежская обл.; 22 – Волково; 23 – Карши-Баир; 24 – Шелехметь; 25 – Николаев; 26 – Сумы; 27 – Стаево-5; 28 – Мордово; 29 – Борок; 30 – Ерахтур; 31 – Нармушадь; 32 – Прозовское городище; 33 – Белгородская или Сумская обл., их пограничье; 34 – Малые Алабухи Первые; 35 – Тольятти; 36 – Тимирязьево; 37 – Алешковские пески; 38 – Марьинка; 39 – Нижнекундрюченская; 40 – Севастополь

Fig. 6. Distribution map of the of anthropomorphic amulets of D. B. Shelov's type 1 in Eastern Europe [according to: 23; 34, appendix 1]: 1 – Lermontovskaia Skala 2; 2 – Mokraia Balka; 3 – Pashkovskii-1; 4 – Tanais; 5 – Kerch; 6 – Chufut-Kale; 7 – Aivazovskoe; 8 – Podkumok river, near Kislovodsk; 9 – Belosaraiskaia kosa; 10 – Tyritake; 11 – Siuiur-Tash; 12 – Chersonese; 13 – Filippovskaia; 14 – Il'ichevskoe fortified settlement; 15 – Mountainous Crimea; 16 – Alekseevka; 17 – Repets river mouth (Utkino); 18 – Moksha river, R'azan' *oblast'*; 19 – Anapa; 20 – Pronsk, the vicinity of; 21 – Bitiug river, Voronezh *oblast'*; 22 – Volkovo; 23 – Karshi-Bair; 24 – Shelekhmet'; 25 – Nikolaev; 26 – Sumy; 27 – Staevo-5; 28 – Mordovo; 29 – Borok; 30 – Erakhtur; 31 – Narmushad'; 32 – Prozovskoe fortified settlement; 33 – Belgorod or Sumy *oblast'*, their borderland; 34 – Malye Alabukhi Pervye; 35 – Tol'iatti; 36 – Timiriaz'evo; 37 – Aleshkovskie Peski; 38 – Mar'inka; 39 – Nizhnekundriuchenskaia; 40 – Sevastopol

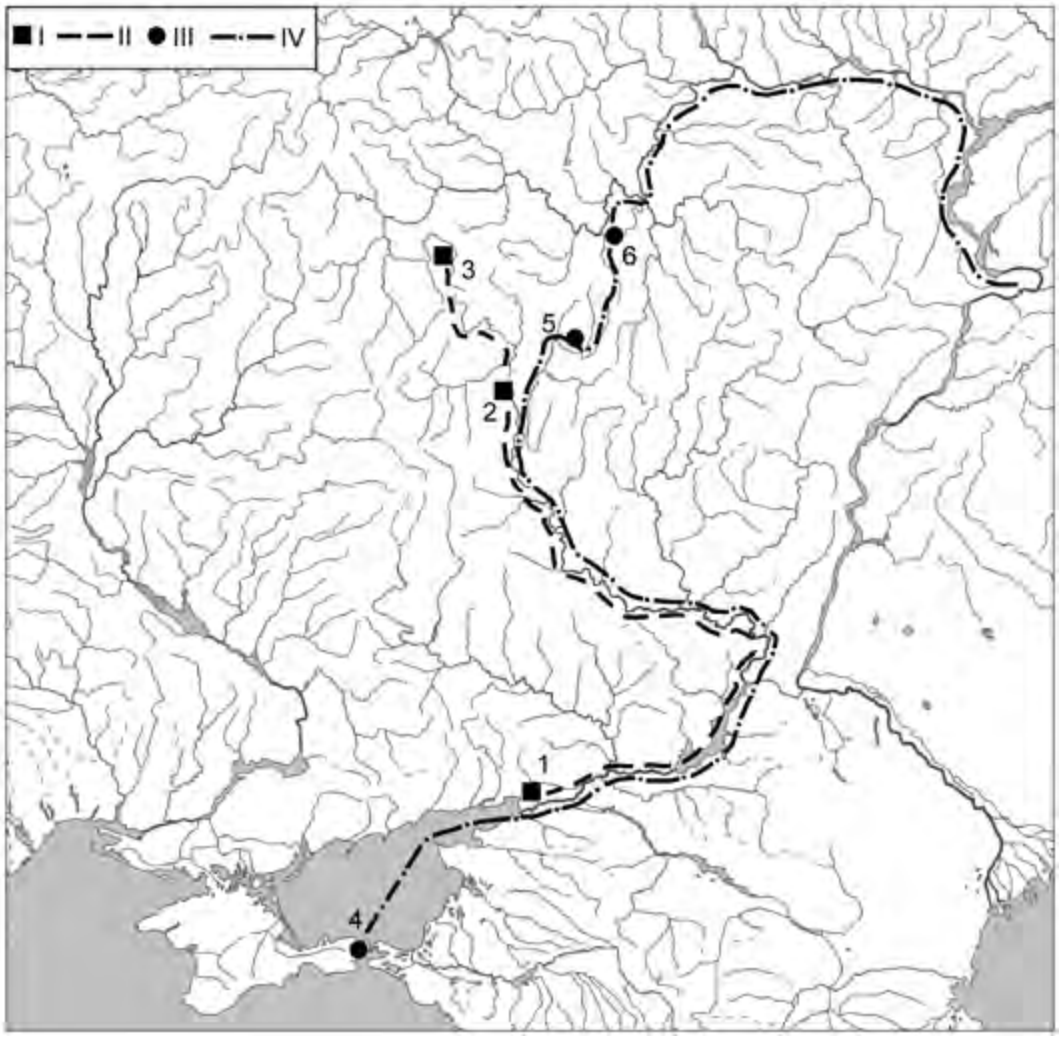


Рис. 7. Реконструкция маршрута торгового пути: I – центры пути конца IV – V в.; II – приблизительный маршрут пути конца IV – V в.; III – центры пути VI–VII вв.; IV – приблизительный маршрут пути VI–VII вв.

1 – Танаис; 2 – Острая Лука Дона; 3 – Упа-Криволучье; 4 – Боспор; 5 – Стаево; 6 – Шилово

Fig. 7. Reconstructed trade route: I – late fourth- and fifth-century centres; II – approximate route in the late fourth and fifth centuries; III – sixth- and seventh-century centres; IV – approximate route in the late sixth and seventh centuries

1 – Tanais; 2 – Ostraia bend of the Don; 3 – Upa-Krivoluch'e; 4 – Bosporos; 5 – Staevo; 6 – Shilovo

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев С.И. Находка раннесредневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: ТГУ, 2012. С. 260–269.
2. Андреев С.И., Филимонова Н.В. Раннеславянские культуры в Тамбовской обл. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 18–24.
3. Ахмедов И.Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 64–87.
4. Белоцерковская И.В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. М: ИА РАН, 2014. С. 178–229. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
5. Володарець-Урбанович Я.В. Речі побутово-ремісничого характеру в складі слов'янських скарбів кола Мартинівки // In Sclavenia terra. 2018. № 2. С. 113–138.
6. Воронцов А.М., Мызгин К.В. Ultima Thule? О находках позднеримских монет на территории Тулы // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н.е.: до 90-річчя В.Д. Барана / Ред. О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України, 2019. С. 244–261. (Oium. Вып. 6).
7. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте г. Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 298–310. (Раннеславянский мир. Вып. 19).
8. Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-овидной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 35–90. (Раннеславянский мир. Вып. 13).
9. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 135–206.
10. Гавритухин И.О., Швырёв А.Д. Новые данные о фибулах подгруппы Левице – Токари в свете находок с Дона // Inter Orientem et Occidentem. Збірка статей до 65-річчя доктора Ердмуте Шультце та до 20-річчя Германо-Слов'янської археологічної експедиції / Ред. М. Любичев, К. Мизгін. Харків, 2020. С. 222–251. (Ostrogothica Serie. Вып. 3).
11. Зиньковская И.В. Археологические памятники раннегуннского времени Верхнего и Нижнего Дона (сравнительный анализ) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Истоки, 2008. С. 20–24.
12. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 1–111.
13. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 500 с.
14. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник. Вып. 6 / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.
15. Мастыкова А.В. Некоторые элементы женского убора оседлого населения пограничья степи в эпоху Великого переселения народов: миграция или мода? // Stratum plus. 2020. № 5. С. 73–90.
16. Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. № 234. С. 200–222.
17. Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Вып. 1 / Ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 252–269.
18. Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения поселка гуннского времени в Танаисе // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). Збірка тез доповідей на міжнародній науковій конференції / Ред. М.А. Журба, Р.Г. Шишкін. Київ: Национальный педагогический институт им. М.П. Драгоманова, 2010а. С. 61–66.

19. Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 2010б. С. 174–202.
20. Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины 1 тыс. н.э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб., Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 443–462.
21. Обломский А.М. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.
22. Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев, Тирасполь: Приднестровский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, Высшая антропологическая школа, 2018. С. 355–388.
23. Обломский А.М. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Севастополь, 6–8 июня 2019 г. Т. 1 / Ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел 2000, 2019. С. 212–218.
24. Обломский А.М. Лепная керамика окской традиции памятников верхневоронежской культурной группы // Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 года. ГИМ, ИА РАН / Ред. Н.А. Биркина и др. М., 2020. С. 95–105.
25. Обломский А.М. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга, 2021. С. 461–648.
26. Обломский А.М., Масленников К.И. Работы Раннеславянской экспедиции ИА РАН на территории Верхнего Подонья // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 155–158.
27. Обломский А.М., Швырёв А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 2018. № 250. С. 307–326.
28. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. 330 с. (Раннеславянский мир. Вып. 6).
29. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 659 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
30. Сапрыкина И.А., Мастыкова А.В. Золотые изделия из «княжеского» погребения с поселения Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону: редкие техники изготовления? // Stratum plus. 2017. № 4. С. 165–180.
31. Смольянинова Т.В., Обломский А.М., Масленников К.И. Изучение металлургического горна на поселении Капитанщино 6 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2019. С. 163–164.
32. Сурков А.В. Раскопки поселения 4 у поселка Красный Городок // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 159–160.
33. Сыщиков Н.В. Финно-угорский культурный компонент на раннесредневековых памятниках в верховьях р. Воронеж // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 135–150.
34. Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. СПб.: Нестор-История, 2022. 543 с. (Раннеславянский мир. Вып. 21).
35. Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. Л.И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 241–246.

REFERENCES

1. Andreev S.I. The Discovery of Early Medieval Christian Metal Plastics in the Tambov Region. Andreev S.I. (Ed.), *Tambovskie drevnosti. Arkheologiia Oksko-Donskoi ravniny* [Tambov Antiquities. Archeology of the Oka-Don Plain], vol. 3, Tambov, Tambov State University Publ., 2012, pp. 260–269.
2. Andreev S.I., Filimonova N.V. Early Slavic Cultures in Tambov Region. Naumov A.N. (Ed.), *Verkhnee Podon'e: Arkheologiia. Istoriia* [Upper Don Region: Archeology. History], vol. 3, Tula, Kulikovo Pole Publ., 2008, pp. 18–24.
3. Akhmedov I.R. Byzantine and Slavic Finds in Ryazan-Oka Antiquities. Nikitin A.O. (Ed.), *Drevnosti Pooch'ia. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiiu V.V. Sudakova* [Antiquities of the Oka Region. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 60th Anniversary of V.V. Sudakov], Ryazan, RICO Publ., 2016, pp. 64–87.
4. Belotserkovskaya I.V. Women's Costume of Oka Finns of the 5th–7th Centuries. Traditions and Innovations. Oblomskiy A.M. (Ed.), *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov* [Problems of Interaction of the Eastern Europe Population in the Great Migration Epoch], Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2014, pp. 178–229.
5. Volodarets-Urbanovich Ya.V. Artefacts of a Household and Craft Nature in the Composition of Slavic Treasures of the Martynovka Circle. *In Sclavenia terra,* 2018, no. 2, pp. 113–138.
6. Vorontsov A.M., Myzgin K.V. Ultima Thule? On the Finds of Late Roman Coins on the Territory of Tula. Petrauskas O.V., Hopkalo O.V., Gorbanenko S.A. (Eds.), *Starozhytnosti varvars'kykh plemen u pershii polovyni I tys. n.e.: do 90-richchia V.D. Barana* [Antiquities of Barbarian Tribes in the First Half of the First Millennium AD: to the 90th Anniversary of V.D. Baran], Kiev, Institute of Archaeology of NASU Publ., 2019, pp. 244–261.
7. Vorontsov A.M., Stolyarov E.V. Materials of the Hunnic Period from the Settlement Upa 2 in the City Tula. Rodinkova V.E., Rumyantseva O.S. (Eds.), *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur. K 60-letiiu A.M. Oblomskogo* [Europe from Laten to the Middle Ages: the Barbarian World and the Birth of Slavic Cultures. To the 60th Anniversary of A.M. Oblomskiy], Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2017, pp. 298–310.
8. Gavritukhin I.O. Byzantine Fibulae with Narrow Foot with S-type Loop for Axis of Spring. Finds Discovered to the North and East from the Danube River. Islanova I.V., Rodinkova V.E. (Eds.), *Arkheologiia Vostochnoi Evropy v I tys. n.e. Problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in the I millennium AD. Problems and Materials], Moscow, Institute of Archaeology of PAS Publ., 2010, pp. 35–90.
9. Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Radiate-headed Brooches with Rhombi on the Foot-plate Originating from the Staevo Manufacturing Centre on the Voronezh River. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 2018, vol. 23, pp. 135–206.
10. Gavritukhin I.O., Shvyrev A.D. New Data on the Fibulae of the Levitsa – Tokari Subgroup in the Light of Finds from the Don. Lyubichev M., Mizgin K. (Eds.), *Inter Orientem et Occidentem. Zbirka statei do 65-richchia doktora Erdmute Shul'ttse ta do 20-richchia Germano-Slov'ians'koi arkheologichnoi ekspedytsii* [Inter Orientem et Occidentem. Collection of Articles to the 65th Anniversary of Dr. Erdmute Schultze and to the 20th Anniversary of the German-Slavic Archaeological Expedition], Kharkiv, 2020, pp. 222–251.
11. Zinkovskaya I.V. Archaeological Sites of the Early Hunnic Period of the Upper and Lower Don (Comparative Analysis). Vinnikov A.Z. (Ed.), *Vostochnoslavianskii mir Dnepro-Donskogo mezhdurech'ia i kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu rannego srednevekov'ia* [The East Slavic World of the Dnieper-Don Interfluve and the Nomads of the South Russian Steppes in the Early Middle Ages], Voronezh, Istoki Publ., 2008, pp. 20–24.
12. Kazanskiy M.M. Scandinavian Fur Trade and the "Eastern Way" in the Migration of Peoples Epoch. *Stratum plus,* 2010, no. 4, pp. 1–111.
13. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v.* [Women's Costume of the Central and Western Ciscaucasia at the End of the 4th – Middle of the 6th Century]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2009, 500 p.
14. Mastykova A.V. Mirrors of the Karpovka Type: on the Question of the Saltov-Mayaki Culture Forming.

Vinnikov A.Z. (Ed.), *Divnogorskii sbornik* [Divnogor'e Collection], vol. 6, Voronezh, Scientific Book Publ., 2016, pp. 241–254.
15. Mastykova A.V. Some Elements of the Women's Clothing of the Sedentary Population of the Steppe Borderland in the Great Migration Period: Migration or Fashion? *Stratum plus,* 2020, no. 5, pp. 73–90.
16. Mastykova A.V., Zemtsov G.L. A "Princely" Female Burial in the Mukhino-2 Settlement from the Hunnic Period in the Upper Reaches of the River Don. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2014, no. 234, pp. 200–222.
17. Oblomskiy A.M. Tanais and the Upper Don Region in the Hunnic Epoch. Vinnikov A.Z., Lylova M.I. (Eds.), *Divnogorskii sbornik* [Divnogor'e Collection], vol. 1, Voronezh, Voronezh State University Publ., 2009, pp. 252–269.
18. Oblomskiy A.M. Ethno-cultural Components of the Population of the Gunnic period Settlement in Tanais. Zhurba M.A., Shishkin R.G. (Eds.), *Cherniakhivs'ka kul'tura. Aktual'ni problemy doslidzhen' (do 40-richchia arkheologichnoi ekspedytsii NPU im. M.P. Dragomanova). Zbirka tez dopovidei na mizhnarodnii naukovii konferentsii* [Cherniakhov Culture. Actual Problems of Research (Dedicated to the 40th Anniversary of the Archaeological Expedition of the National Pedagogical Institute Named after M.P. Dragomanov). Collection of Abstracts of International Scientific Conference Reports], Kyiv, National Pedagogical Institute Publ., 2010, pp. 61–66.
19. Oblomskiy A.M. Chronology of the Tanais Settlement of the Late Antique Period. Vorontsov A.M., Gavritukhin I.O. (Eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* [Forest and Forest-steppe zones of Eastern Europe in the Epochs of Roman Influences and the Great Migration of Peoples], Conference 2, Part 1, Tula, Kulikovo Field State Museum-Reserve Publ., 2010, pp. 174–202.
20. Oblomskiy A.M. The Black Sea Cultural Elements on the Upper Don Region Sites in the Middle of the 1 Millenium A.D. Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka* [St. Petersburg Apocrypha. A Message from Mark], St.-Petersburg, Chisinau, Higher Anthropological School Publ., 2011, pp. 443–462.
21. Oblomskiy A.M. About Two Types of Slavic sites of the Upper Don region in the Early Middle Ages. Kyzlasov I.L. (Ed.), *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoi* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection of the memory of Svetlana Alexandrovna Pletneva], Moscow, Author's Book Publ., 2016, pp. 119–149.
22. Oblomskiy A.M. Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region. Sinika V.S., Rabinovich R.A. (Eds.), *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letiia N.P. Tel'nova* [Antiquities. Researches. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N. P. Telnov], Chisinau, Tiraspol, Higher Anthropological School Publ., 2018, pp. 355–388.
23. Oblomskiy A.M. Anthropomorphic Amulets from the Upper Reaches of the Voronezh River. About Southern Connections of the Region's Population in the 6th–7th Centuries. Vasiliev A.D. (Ed.), *III Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka». Sevastopol', 6–8 iiunia 2019 g.* [III International Scientific Conference "Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Connections of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East". Sevastopol, June 6–8, 2019], vol. 1, Moscow, Gap 2000 Publ., 2019, pp. 212–218.
24. Oblomskiy A.M. Hand-made Ceramics of the Oka Tradition from the Sites of the Uppervoronezh Cultural Group. Birkina N.A. et al. (Eds.), *Arkheologiia Volgo-Okskogo regiona. Sbornik tezisov kruglogo stola 28–29 aprelia 2020 goda. GIM, IA RAN* [Archeology of the Volga-Oka Region. Collection of Abstracts of the Round Table on April 28–29, 2020. GIM, Institute of Archaeology of RAS], Moscow, 2020, pp. 95–105.
25. Oblomskiy A.M. Early Slavs in the Forest-steppe Don Region in the 3rd–7th Centuries. Fedyunin I.V. (Ed.), *Ocherki arkheologii lesostepnogo Podon'ia v epokhu golotsena* [Essays on the Archeology of the Forest-steppe Don Region in the Holocene Epoch], Voronezh, Scientific Book Publ., 2021, pp. 461–648.
26. Oblomskiy A.M., Maslennikov K.I. Works of Early Slavic Expedition of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the territory of the Upper Don region. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheolog-*

icheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2020 [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2020], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2021, pp. 155–158.
27. Oblomskiy A.M., Shvyrev A.D. A Byzantine Coin Weight Found in the Upper Reaches of the Voronezh River. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2018, no.250, pp. 307–326.
28. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni* [Ostraia Luka of the Don in Ancient Times. Zamyatino Archaeological Complex of the Hunnic Period]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2004, 330 p.
29. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [Archaeological Complex of Hunnic Period Sites near the Village Ksizovo (Late 4th–5th Century)]. Moscow. Institute of Archaeology of RAS Publ., 2015, 659 p.
30. Saprykina I.A., Mastykova A.V. Gold Items from the Mukhino-2 ''Princely'' Burial Ground of the Hunnic Period in the Upper Don: Rare Manufacturing Techniques*? Stratum plus*, 2017, no. 4, pp. 165–180.
31. Smolyaninova T.V., Oblomskiy A.M., Maslennikov K.I. The Study of the Metallurgical Furnace at the Kapitanshino Settlement 6. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2018* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2018], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2019, pp. 163–164.
32. Surkov A.V. Excavations of Settlement 4 near the Village Krasny Gorodok. Ivashov M.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'nom Chernozem'e 2020* [Archaeological Research in the Central Chernozem Region 2020], Lipetsk, Voronezh, Novyi vzgliad Publ., 2021, pp. 159–160.
33. Syshchikov N.V. Finno-Ugric Cultural Component on Early Medieval Sites in the Upper Reaches of the Voronezh River. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve respubliki Mordoviia* [Bulletin of the Research of Institute of Humanities under the Government of the Republic Mordovia], 2019, no. 1 (49), pp. 135–150.
34. Oblomskiy A.M. (Ed.). *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Staevo v verkhov'iakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ia epokhi rannego Srednevekov'ia* [The Trade and Handicraft Complex near the Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River (Late 5th–7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Area of the Early Middle Ages]. St Petersburg, Nestor-History Publ., 2022, 543 p.
35. Shelov D.B. Anthropomorphic Amulet from Tanais. Milyukova L.I. (Ed.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia* [The Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period], Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 241–246.

Информация об авторе

Обломский А. М. – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, Scopus ID: 57196457114, Researcher ID: B-7566-2018.

Author information

Oblomskiy A. M. – Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Archeology of the Great Migration Period and the Early Middle Ages of the Institute of Archeology of RAS, Scopus ID: 57196457114, Researcher ID: B-7566-2018.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.144-165

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАПИТЕЛИ ИЗ РАСКОПОК «КАРАЛЕЗСКОЙ БАЗИЛИКИ»

Дарья Васильевна Иожица
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
arhi-arhi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1538-9974

Аннотация. В балке Каралез-дере, у северо-западного подножия Мангупа в ходе раскопок 1983 г. был выявлен христианский храм. В историографии он известен как раннесредневековая базилика VII–X вв. Несмотря на наличие полевой документации и двух научных отчетов, результаты археологических исследований памятника не были опубликованы. В научный оборот введены лишь эпиграфические находки, дискуссии о датировке которых до сих пор продолжаются среди исследователей. Местонахождение всей археологической коллекции на сегодняшний день неизвестно. В статье впервые публикуются капители из раскопок «Каралезской базилики», обнаруженные в фондах крымских музеев. Особое внимание уделено их архитектурному анализу и датировке. В статье поднят вопрос о планировочной структуре памятника «Каралезская базилика».

Ключевые слова: «Каралезская базилика», Джан-Дере, Мангуп, раннесредневековая базилика, ионическая импостная капитель, коринфская капитель, композитная капитель, сквозная капитель, капитель-корзинка

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю благодарность автору раскопок В. А. Сидоренко за возможность публиковать материал самостоятельно. Выражаю признательность В. Е. Науменко за научные консультации и наставления.

THE EARLY MEDIAEVAL CAPITALS EXCAVATED FROM THE “KARALEZ BASILICA”

Daria V. Iozhitsa
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
arhi-arhi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1538-9974

Abstract. In 1983, the excavations in Karalez-Dere ravine at the north-western foot of Mangup discovered a church. The scholarship calls this structure the early mediaeval basilica from the seventh to tenth centuries. There are field documents and two excavation reports, but the results of the archaeological studies of the monument have not been published yet. Epigraphic finds have been introduced into scholarly circulation, but the discussion of their chronology continues. At the moment the location of the archaeological collection remains obscure. This article is the first publication of the capitals excavated at the “Karalez Basilica” and discovered in the collections of Crimean museums. Particular attention has been paid to their architectural analysis and chronology. The article addresses the question of the planning structure of the “Karalez Basilica”.

© Иожица Д.В., 2022

Keywords: “Karalez Basilica”, Dzhan-Dere, Mangup, early mediaeval basilica, Ionic block capital, Corinthian capital, composite capital, through capital, basket capital

Acknowledgments: This research was financially supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119. I am grateful to the excavator V. A. Sidorenko for the permission to publish the materials in question, and to V. E. Naumenko for scholarly advices and suggestions.

«Каралезкая базилика» как топографический объект хорошо известна среди крымских исследователей средневековой археологии. В историографии определена как раннесредневековая базилика VII–X вв. (рис. 1,*1*) [10, с. 122; 14, с. 485; 4, с. 47][1].

Памятник был выявлен в 1983 г. в ходе земляных работ при строительстве котлована для водохранилища близ с. Ходжа-Сала (Бахчисарайский район). Сотрудниками института археологии АН УССР под руководством В. А. Сидоренко были проведены охранные работы, в ходе которых выявили многослойный культовый памятник (рис. 1,*2*; 2; 3,*1*). В 1984 г. было продолжено изучение памятника и уточнение его стратиграфии. Расположение памятника рядом с водной артерией повлекло за собой постепенное намокание и частичное его затопление к 1985 г. Вследствие этого, в период 1985–1986 гг. научно-реставрационным институтом «Укрпроектреставрация» был разработан проект переноса базилики. В его основу легли рекомендации Отдела археологии Крыма, предусматривавшие частичную разборку и монтирование на искусственном основании фундаментов верхнего строительного периода (рис. 3,*2*). В 1985–1986 гг. были частично начаты работы, но отсутствие финансирования и долгое согласование реставрационных работ повлекли за собой фактически полную утрату памятника. На сегодняшний день остатки «Каралезкой базилики» и ее культурный слой полностью затоплены.

Надо отдать должное, несмотря на сложные условия, автору археологических исследований удалось сделать два археологических отчета, хранящиеся в научном архиве Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев)[2]. Часть полевого материала и контрольный фотоальбом хранятся в архиве Института археологии Крыма РАН [11; 12; 13]. К сожалению, полные результаты археологических исследований памятника не были опубликованы.

В научный оборот введены лишь эпиграфические находки. Кратко опишем их ниже. Ольвийский декрет, датируемый серединой I в. н.э., обнаруженный на снивелированной началом земляных работ поверхности над базиликой, перемещенный сюда из ее нартекса, разрушенного котлованом под водохранилище [14, с. 35–59]. Часть выявленных предметов опубликованы без иллюстраций, что затрудняет их атрибуцию. Это надпись на известковой колонне, найденной между центральной и южной апсидами с внешней стороны базилики [27, p. 313]. Надпись на одной из капителей, рассматриваемая в данной статье (см. капитель 7),

[1] Данная статья является расширенным и дополненным вариантом тезисов выступления на XIV Международном византийском семинаре «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» [6, с. 99–112].

[2] Работы с материалами проводилась в 2014 г.

исследователями прочитана кардинально различно. Автор раскопок В. А. Сидоренко читает «Господи, помоги» и датирует ее XII–XIII вв. [27, p. 313]. В то время как А. Ю. Виноградов читает в надписи о возобновлении, по всей вероятности храма, 29 июля 1179 г. [3, IOSPE V, № 173]. Столь разное прочтение текста наталкивает на мысль о надписях, выполненных на разных деталях, однако доказать или опровергнуть это невозможно ввиду отсутствия иллюстративного материала. Еще одной лапидарной деталью, вызывающей дискуссию о прочтении и датировке надписи, является круглый известняковый камень с вырезанным равноконечным крестом и несколькими граффити. В. А. Сидоренко отнес эту надпись ко второй половине VI в. [2, с. 8], А. Ю. Виноградов датирует ее IX–XI вв. [3, IOSPE V, № 186]. А. И. Айбабин, критикуя последнего, датирует часть надписи временем также не ранее второй половины VI в. [2, с. 8–9].

Следует отметить, что научная проблема датировки эпиграфического материала, собственно как и «Каралезской базилики», связана, в первую очередь, с отсутствием полноценной публикации результатов археологических работ.

На сегодняшний день, местонахождение всей коллекции из раскопок храма неизвестно. Автором статьи в фондах Ялтинского историко-литературного музея и Центрального музея Тавриды (далее – ЯИЛМ и ЦМТ)[3] удалось выявить лишь некоторые предметы из нее. Коллекция представлена керамическим крестом, керамическим навершием литургического характера с пиктограммами, фрагментами стеклянных сосудов (?), двумя фрагментами колонок малого диаметра (до 20 см), а также восемью фрагментами разноразмерных капителей, речь о которых пойдет ниже. Археологический материал, опубликованный в отчетах 1983 и 1984 гг. (черепица, калиптеры, фрагменты тарной и столовой посуды и стеклянных сосудов, а также железные и бронзовая пряжки) выявить в фондах крымских музеев не удалось.

Коллекция капителей из «Каралезской базилики» представлена четырьмя типами: ионический импостный, коринфский, композитный и капитель со сквозным отверстием.

Капитель № 1 (№ 1 по В. А. Сидоренко[4]; место хранения – ЯИЛМ, КП 77189/А2/1225) (рис. 4). Ионическая импостная капитель из мрамора. Сохранность удовлетворительная. Общие размеры: 64,5х46х25 см. Размеры основания: 32х34 см. Капитель состоит из импоста (высота 16 см) и ионического элемента (высота 8 см). Обе части четко отделены друг от друга. Ионическая часть не выступает за края импоста, волюты не связаны между собой. Обе узкие стороны импоста, лицевая и оборотная, лишены декора. Лицевые стороны эхина украшены. С одной стороны выступают из верхних углов два трехконечных листа, своими ярусами они образуют ромбовидный центр. С другой стороны – орнамент в виде пересеченных наискось лент. Волюты хорошо очерчены, глазок рельефный. Балюстры слегка сжаты. Вверху импост завершается горизонтальной полочкой размерами в пределах 5–7 см. Этот обычный элемент капителей рассматриваемого типа играет роль абака.

[3] Благодарю за помощь в работе с коллекцией главного хранителя ЯИЛМ Юлию Юрьевну Грищук и главного хранителя ЦМТ Наталью Борисовну Майко.

[4] Здесь и далее нумерация В. А. Сидоренко по археологическим отчетам за 1983–1984 гг.

Точная дата появления ионической импостной капители неизвестна. Один из ранних примеров такого декора находится на о. Кос и датируется началом IV в. В первой половине V в. такие капители в Равенне и Риме применяются неоднократно, в VI в. они становятся многочисленными. Отличительная черта эволюции импоста в капители этого типа – богатая орнаментика, появившаяся в конце V – начале VI в. [22, p. 165–182; 18, с. 6–7]. Однако встречаются импосты, которые имеют декор только на одной стороне или не имеют его вовсе [15, с. 138].

Ионическая импостная капитель применялась всюду: в Константинополе и Малой Азии, на Балканах, на островах Эгейского моря и на Кипре, в Причерноморье и в Северной Африке. Главным центром распространения ионической импостной капители стали проконнесские мастерские византийской столицы, которые наладили массовое производство этой продукции. Импостную ионическую капитель производили и в других местах, например, в Греции, в Эфесе, чаще – в мраморе, но иногда и в местном камне [16, с. 138]. В херсонесской коллекции имеется 47 экземпляров этого типа, из которых лишь четыре экземпляра бездекорных. Типологически импост капители из «Каралезской базилики» относится к типу 1, а его ионическая часть к типам 4а и 8 по А. Бернадскому [19, с. 144; 20, p. 44, tabl. 75–77, 93]. Исследователи датируют такой тип капители первой половиной VI – VI в. [16, с. 141; 20, рис. 46].

Капитель № 2 (№ 2; ЯИЛМ, КП бн 1/1) (рис. 5,*1*). Мраморная деталь, вероятно, импост или фрагмент абака. Сохранность удовлетворительная. Сверху по периметру она частично сбита. Снизу на углах единичные утраты. Имеются сколы. Общие размеры 47х48 см, высота до 24 см. Декор импоста сохранился с трех сторон, с четвертой тщательно сбит, лишь по верхним углам фаса видны выступающие полосы шириной до 1 см.

На одной из сторон изображен венок, перевязанный посередине и дополненный трехчастным листком аканта малого размера. От него по обеим сторонам отходят двухчастные стебли, закрученные в три спирали и дополненные единичными стрелками-побегами с малыми бутонами. Орнамент обрамлен с трех сторон полосками в виде двух узких бордюров шириной до 1 см, соединенных между собой мулюрой. На второй стороне по центру изображен лист аканта среднего размера с расходящимися стеблями. Они закручены в спирали и дополнены побегами и бутонами, по три с каждой стороны. Сверху растительная композиция ограничивается частично сбитой мулюрой. Внизу лист аканта сбит так, что виден паз от крепления импоста. На этой стороне аналогичное обрамление растительного декора. С третьей стороны по центру расположена трехлистная композиция из аканта. Два листа в профиль, один в фас, объединенные по центру. От них по обеим сторонам расположены два стебля с закрученными в спираль стрелками-побегами и небольшими бутонами. Эта декоративная композиция обрамлена аналогично двум предыдущим.

На верхней поверхности импоста имеется углубление прямоугольной формы с каналом для заливки расплавленным металлом. Сверху импост содержит квадратное основание, которое по периметру обрамлено полосой, снизу также имеет два углубления прямоугольной формы. Вероятно, все это следы крепления

импоста. Отметим, что на данный момент аналогий декору и формы этой капители обнаружить не удалось.

Капитель № 3 (№ 3; ЯИЛМ, КП бн 3_1) (рис. 6). Мраморная деталь, обнаруженная *in situ* в перевернутом состоянии слева от входа в главный неф храма. Сохранность удовлетворительная. Сбиты верхняя часть капители с двух сторон и некоторые листы аканта нижнего ряда. Высота фрагмента 52 см, диаметр основания 35 см, максимальная длина стороны в верхней части 85 см. Эта мощная по размерам капитель относится к коринфскому типу. Абак украшен тремя мулюрами. Шишки на абаке, украшенные растительными мотивами, сильно выступают и не переходят на поверхность самой капители. Хеликсы обозначены небольшими завитками и хорошо заметны, тянутся из одного пучка, обращенные друг к другу спинами. Они соединены тонкой рельефной полосой, образующей полуовальное закругление, направленное вниз. Между хеликсами и шишками просматривается эхин. Он слегка прикрывается отогнутым листом аканта второго ряда. Листья трехдольные, центральная доля более массивная и широкая, от основания отходят малые листья. Листья сильно отогнуты, выражены пластично, прожилки подчеркнуты. На каждом ярусе между листьями образуются одинаковые вырезы, состоящие из геометрических фигур – ромбов, овалов, трапеций. Такая техника исполнения листа называется «акант-маска», становление которой относится к 420–450 гг. [22, p. 53–59]. В основании капители сохранилось прямоугольное отверстие для ее крепления к стволу колонны. Вариант изображения хеликсов и их выразительность относится ко второму типу коринфской капители Александрийской школы. В позднеантичную эпоху они становятся сильно стилизованными и фактически исчезают, что хорошо видно на примере коринфских капителей из Херсонеса. Также отметим, что техника резьбы листа аканта, его свес и изгиб на каралезкой капители характерны для V в. [19, с. 136; 20, с. 34].

В отчете В. А. Сидоренко о раскопках базилики в Каралезской балке за 1984 г. есть замечание о том, что эта капитель аналогична капители, найденной Р. Х. Лепером в 1912–1914 гг. при раскопках Большой Мангупской базилики [11, с. 9]. Однако, на наш взгляд, речь идет о капители 5 из каралезской коллекции (о ней ниже).

Капитель № 4 (№ 4; ЯИЛМ, КП бн 2_1) (рис. 7). Выявлена так же, как и предыдущая капитель, но справа у входа в главный неф храма. Мраморная, хорошей сохранности. Относится к композитному типу. Высота капители 75 см, диаметр основания 48 см, максимальная длина стороны в верхней части 97 см. Абак украшен тройной мулюрой. Шишки на нем, украшенные идентичными растительными мотивами, не сильно выступают и плавно переходят на поверхность самой капители. Капитель имеет два лицевых фаса, ограниченные прямоугольными в сечении ребрами-бобышками. Стилистически оба фаса оформлены одинаково – в виде трех длинных тонких нитей масляных листьев, проходящих волнообразно вокруг тела капители. Пересекаясь, они образуют овальное поле, заполненное листвой. Вырезанному фасу характерны особые тонкость, ажурность и изысканность. Отличиями в декоре являются только единичные малые листочки, расположенные между хеликсами и шишками капители, а также двусоставный декор ее основания.

Аналогов такому исполнению декора, как ажурного, так и плоскостного, на территории Крымского полуострова не известно. Наиболее близкими по декору являются капитель из св. Софии в Константинополе, датируемая второй половиной VI в. [22, p. 198–199, taf. 40], импостная капитель из музея Фетхие (Турция) [25, p. 83, 92, fig. 217, 218, 237] и коринфская капитель, вырезанная в разных стилях с обеих сторон, с ажурной корзиной над монограммой императора Юстиниана I (527–565 гг.) из раскопок в Дафне (Турция, г. Харбие)[5].

Как уже говорилось, капители 3 и 4 из «Каралезской базилики» найдены *in situ* в перевернутом виде у главного входа в ее центральный неф. Стратиграфически они относятся ко второму строительному периоду существования храма. В литературе известны примеры такого вторичного применения архитектурных деталей в более поздних храмах и даже жилых постройках. Так, во дворе жилого комплекса XII–XV вв., примыкающего к «базилике 1935 г.», капитель использовалась в качестве сидения, в перевернутом положении [16, с. 50–51, илл. 11].

Капитель № 5 (ЯИЛМ, КП 77190 А2-12256) (рис. 8). Представляет собой довольно распространенный тип композитной капители. Материал известняк. Состояние удовлетворительное. Общие размеры: высота 49 см, диаметр основания 38 см, максимальна длина стороны в верхней части 53 см. В основании круглое углубление диаметром до 5 см, вероятно, для крепления железного стержня. Сверху небольшая выемка, вероятно, того же назначения. Волюты и шишки, за исключением одной, в верхней части капители сбиты. Тело капители состоит из одного ряда листьев аканта. Абак отсутствует. Внизу капитель декорирована поясным орнаментом из косых остроугольных пятипалых одиночных листьев аканта, направленных вниз. Межлистные отверстия выполнены круглым в сечении сверлом. Тело капители украшено восемью разновысотными листьями аканта. Четыре из них с хорошо прорисованным центральным стеблем и стилизованными пальцами листа, изгибы и выступы средней степени выраженности. Четыре нижних листа аканта в виде трехстворчатого листа и листовых побегов. Здесь применяется техника резьбы зубчатый акант, которая характерна для так называемой «феодосианской» капители. Исследователями выделяется два типа такой капители – с двумя или с одним рядом листвы. Каралезская капитель относится ко второму типу. Аналогичные капители были выявлены в «базилике 1935 г.» [19, с. 134, рис. 45,2; 16, с. 48–53]. Этот тип позднеантичных капителей отличался ажурным характером, который сформировался под сирийским влиянием и активно вошел в архитектурный декор Византии с V в., начиная с VI в. был усложнен изображением животных [22, p. 115, taf. 30, 31]. Композитные капители с тонким зубчатым акантом производились в константинопольских мастерских. Они принадлежат к числу самых сложных и изысканных экземпляров поздней античности. Эта капитель широко распространилась в Малой Азии, Греции, Палестине, Египте, Северной Африке и Италии. Особенно популярными эти капители были в восточных провинциях [17, с. 180]. Временем распространения этого типа капители принято считать третью четверть V в., а

[5] Информация с официального сайта Художественного музея Принстонского университета (Princeton University Art Museum) https://artmuseum.princeton.edu/collections/objects/43387 (дата обращения февраль 2022 г.).

дату возникновения некоторые исследователи относят к первой половине V в. [17, с. 182–183; 26, p. 22–33]. Однако, дискуссионным остается вопрос хронологии этих капителей. Композитная капитель продолжает использоваться вплоть до середины VI в. Некоторые исследователи сомневаются в длительном производстве капителей одних и тех же типов. В качестве гипотезы высказывается предположение о позднем повторении или подражании старым моделям [24, p. 56–58]. Л. Г. Хрушкова относит каралезскую капитель к V в. [15, с. 143].

Как отмечалось выше, эта капитель действительно подобна капители из раскопок Большой Мангупской базилики Св. Елены и Константина[6]. Исследователи датируют такие композитные капители второй половиной V в., реже – первыми десятилетиями VI в. [15, с. 142–143, рис. 8].

Капитель № 6 (ЦМТ, Д-14627) (рис. 5,*2*). Небольшая капитель со сквозным отверстием. Общие размеры: высота 28 см, ширина 25 см, диаметр основания 20 см, диаметр отверстия до 15 см. Материал местный, предположительно песчаник с вкраплениями крупных ракушек и камней. Состояние капители удовлетворительное: верхние края абака сильно затерты, волютный завиток на одной из сторон капители не сохранился. Капитель четырехлистная с акантом. Листья упрощенной формы с едва заметными углублениями. Абак состоит из трехчастной мулюры. Посередине со всех сторон на нем вырезан декоративный лист, зубцы которого заканчиваются на валике эхина. Сохранность листа плохая, едва просматривается растительный орнамент. Эхин двухчастный, состоящий из корпуса и бездекорного валика, с круглым сечением. На корпусе эхина с четырех сторон изображен двойной лист аканта, посередине которого расположен трехлистовой росток. Декоративное соединение эхина с телом капители достигается за счет хеликсов, закрученных вовнутрь. Хеликсы «поддерживаются» четырьмя листьями аканта. Особенность исполнения завитков, а также не выраженность в резьбе, на наш взгляд, является примером работы местных мастеров. Уникальность каралезской капители заключается в наличии сквозного отверстия. Единственный известный нам пример такой капители происходит из материалов раскопок Афинского акрополя, где она датируется в пределах V–VII вв. [8, рис. 1].

В фондах ЦМТ под одним инвентарным номером (Д-14628 нв) хранятся три фрагмента от двух идентичных капителей (рис. 9,*1,2*).

Капитель № 7. Известняковая капитель состоит из двух фрагментов. Верхняя и боковая части сбиты. Высота сохранившегося фрагмента до 22 см, диаметр основания около 20 см. Капитель состоит из бездекорной полочки-основания, поверх которой расположен валик высотой до 3 см, выше – сам корпус капители. Он выполнен в виде пересекающихся трехлопастных лент, имитирующих корзинную плетенку. Для более объемного декоративного решения пространство между этими лентами, имеющими форму ромбов, заглублено на 1 см. На валике размещена двустрочная греческая надпись. В. А. Сидоренко интерпретировал ее как «Господь, помоги» [27, p. 313–314]. А. Ю. Виноградов предлагает совершенно иной вариант

[6] Сейчас хранится в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, КП-6246/11575.

прочтения: «…о возобновлении в Варзарах строения в 29 июля 6687 (1179) г.» [3, IOSPE V, № 173].

Рассматриваемый тип капители относится к двузонному типу коринфских капителей. Традиционно их низ декорирован плетенкой и завершается либо растительными волютами, либо изображением животных. Иногда декор дополняется листвой. Единственный крымский аналог капители-корзинки найден при раскопках «трехапсидного храма 2», расположенного в низовьях р. Бельбек (с. Заря Свободы), строительство которого относят к IX в. [9, с. 9–26, рис. 3].

Примеры таких капителей обнаружены в монастыре Св. Иеремии (Египет, г. Саккара) и Св. Софии в Константинополе. По мнению Л. Г. Хрушковой, их общая датировка относится к концу V – началу VI в., хотя многие исследователи склоняются к VI–VII вв. [15, с. 144; 22, p. 152–165; 25, p. 112, 113].

Капитель № 8. Небольшой фрагмент нижней части капители, аналогичной описанной выше капители 7. Размеры фрагмента: общая высота 7 см, диаметр основания до 22 см. Капитель имеет идентичное декоративное и пропорциональное решение. Декор корпуса сохранился лишь на 3,5 см и выполнен в виде плетенки, с ромбообразными пустотами. Для объемно-декоративного решения в них просверлены отверстия сверлом диаметром до 0,8 см.

Заключение. По результатам проведенного анализа, датировка всех капителей относится к одному историческому периоду, в пределах V–VII вв.

Исходя из размеров, их можно разделить на две группы. Первая – мелкогабаритные капители диаметром 0,20–0,22 м, которые использовались в декоративном оформлении интерьеров храмов, например, в их алтарных преградах (капители №№ 7 и 8). Эта версия подтверждается фрагментами колонн, обнаруженных с внешней стороны апсид в юго-восточной части базилики[7]. Их диаметр совпадает с диаметром основания наших капителей. Примеры использования сквозных капителей (№ 6) в интерьерах храмов нам не известны.

Вторая группа – крупноразмерные капители диаметром 0,34–0,48 м, которые завершали архитектурный ордер (капители №№ 1–5). Ионические импостные капители часто применялись во вспомогательных частях крупных базилик, на их хорах и в атриумах [19, с. 146]. Многочисленные примеры можно найти на Балканах: в Стоби, Филиппах, Салониках, Неа-Анхиалосе, Лехеоне и др. Однако, их могли использовать и в основной колоннаде базилик с хорами, как, например, в базиликах на территории Болгарии и Македонии [28, p. 65–66]. Для колоннад использовали коринфские и композитные капители, применение которых хорошо демонстрируют раннесредневековые базилики Херсонеса [23, p. 129–139]. Капители средних размеров, по мнению Л. Г. Хрушковой, могли завершать колонны на хорах [18, с. 3].

Обратим также внимание на следующие моменты. Вторая группа капителей настолько разнообразна по форме изделий, что возникают сомнения в их применении в едином интерьере храма. Разница в размерах оснований капителей (в диапазоне до 10 см) указывает на колонны разной высоты, что нехарактерно для раннесредневековой базилики. Кроме того, на фотографиях из отчета о раскопках храма в 1984 г. фрагменты колонн, столбов, пилястр или пилонов внутри главного

[7] Фрагменты этих колонн хранятся в фондах ЦМТ Д-14629 нв и Д-14630 нв.

нефа, которые могли бы завершаться капителями, отсутствуют (рис. 2–3). Это ставит под сомнение присутствующую в историографии гипотезу о планировке церкви в виде базилики [5, с. 137–141]. Также обратим внимание на то, что не все капители могли использоваться по своему прямому назначению, как, например, капители №№ 3 и 4, которые были обнаружены *in situ* в перевернутом положении. Они, безусловно, являются сполиями, как и капитель № 2, которая первоначально выполняла роль абака или архитрава, а при строительстве храма была превращена в импост или обычный блок.

Наконец, рассматриваемая группа капителей выполнена из различных материалов – известняка и песчаника, что указывает на их изготовление местными (крымскими) мастерами, подражавшими византийским образцам, или из мрамора, что свидетельствует об их византийском происхождении. В целом присущая капителям, найденным на месте «Каралезской базилики», высокая степень вариативности декоративных элементов, скорее, указывает на то, что вся эта коллекция собиралась на разных памятниках, после чего была переправлена к месту строительства храма у подножия Мангупского плато и использована в нем в качестве сполий.

Рис. 1. *1* – Схема расположения «Каралезской базилики».
2 – Базилика в Карелез-Дере у подножия Мангупа. Общий вид с юго-востока. 1984 г.
Fig. 1. *1* – Layout of the "Karalez Basilica".
2 – basilica in Karalez-Dere at the foot of Mangup. General view from the south-east. 1984

Рис. 2. Общие виды раскопа «Каралезской базилики», 1984 г.: *1* – Храм в балке Джан-Дере. Апсида, вид с севера. Северная стена (II–IV строительные периоды) и разобранная при строительстве храма кладка стены северной апсиды трехнефной базилики VII–VIII вв., на среднем нефе которой был возведен храм; *2* – Храм в балке Джан-Дере. Общий вид с востока

Fig. 2. General views of the excavation trench at the "Karalez Basilica", 1984: *1* – church in Dzhan-Dere ravine. The apse, viewed from the north. The northern wall (building periods II–IV) and the stonework of the northern apse of the seventh- and eight-century nave-and-aisles church, dismantled when building the church in question to construct it above the nave; *2* – church in Dzhan-Dere ravine. General view from the east

Рис. 3. «Каралезская базилика»: *1* – Храм в балке Джан-Дере. Общий вид с востока, 1984 г. *2* – Базилика в Каралез-Дере у подножия Мангупа. Общий вид с северо-востока. 1986 г. Фото В. П. Кирилко [по: 7, с. 210, рис. 15]

Fig. 3. "Karalez Basilica": *1* – church in Dzhan-Dere ravine. General view from the east, 1984. *2* – basilica in Karalez-Dere at the foot of Mangup. General view from the north-east. 1986. Photo: V. P. Kirilko [after: 7, p. 210, fig. 15]

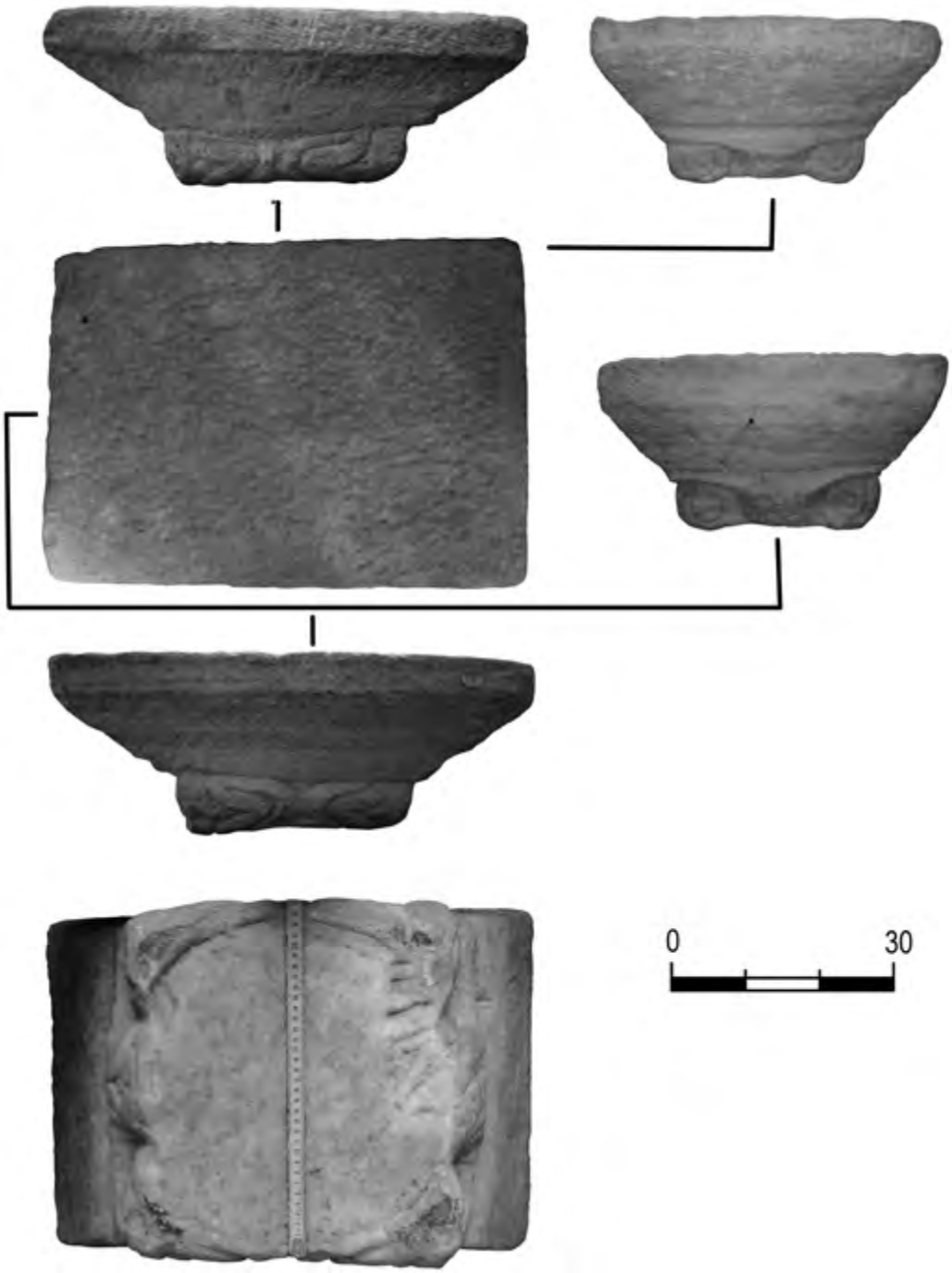


Рис. 4. Капитель 1 из раскопок «Каралезской базилики» (ЯИЛМ, КП 77189/А2/1225)
Fig. 4. Capital 1 excavated at the "Karalez Basilica" (Yalta Historical and Literature Museum, КП 77189/А2/1225)

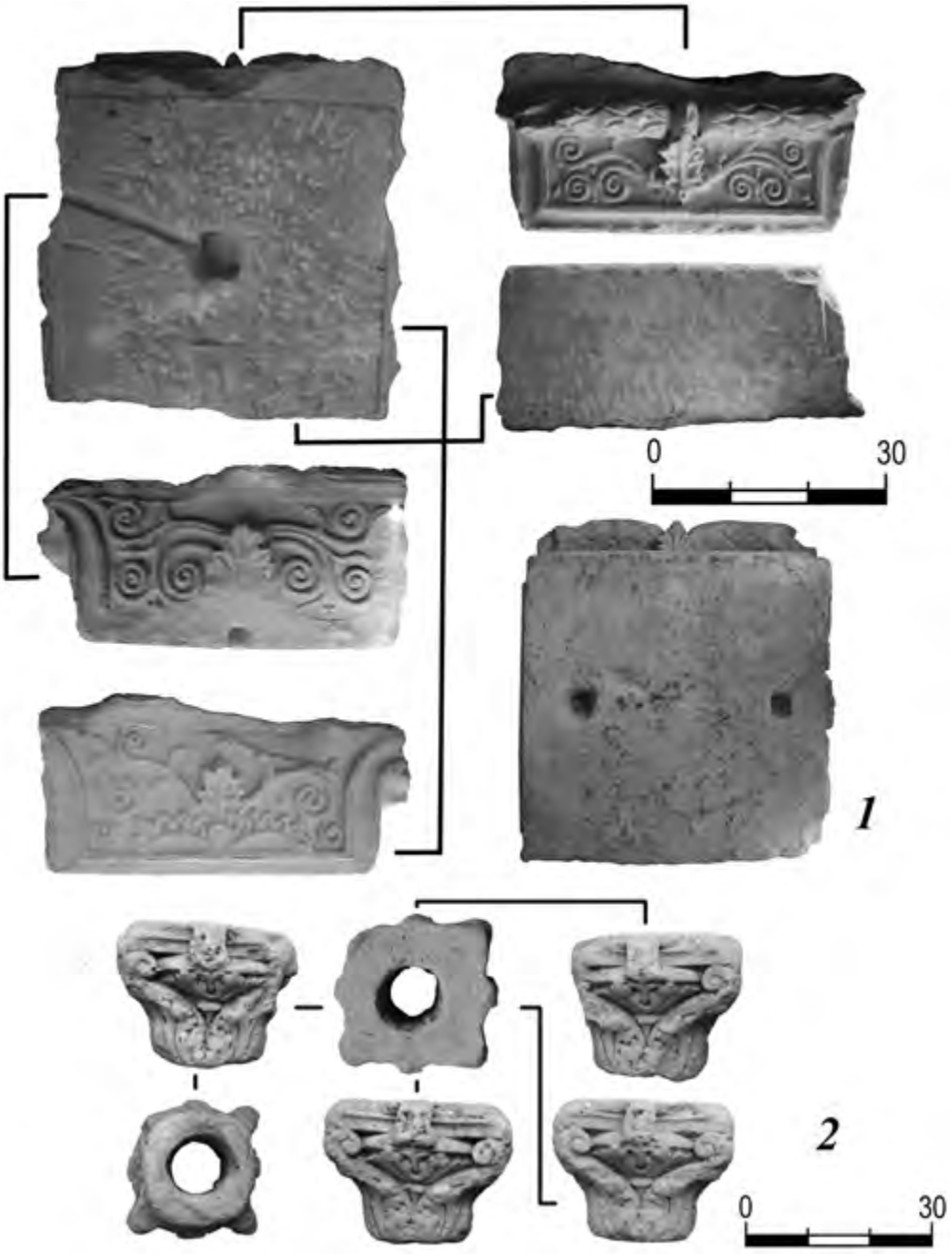


Рис. 5. Капители из раскопок «Каралезской базилики»: *1* – капитель 2 (ЯИЛМ, КП бн 1/1); *2* – капитель 6 (ЦМТ, Д-14627)
Fig. 5. Capitals excavated at the "Karalez Basilica": *1* – capital 2 (Yalta Historical and Literature Museum, КП бн 1/1), *2* – capital 6 (Central Museum of the Taurida, Д-14627)

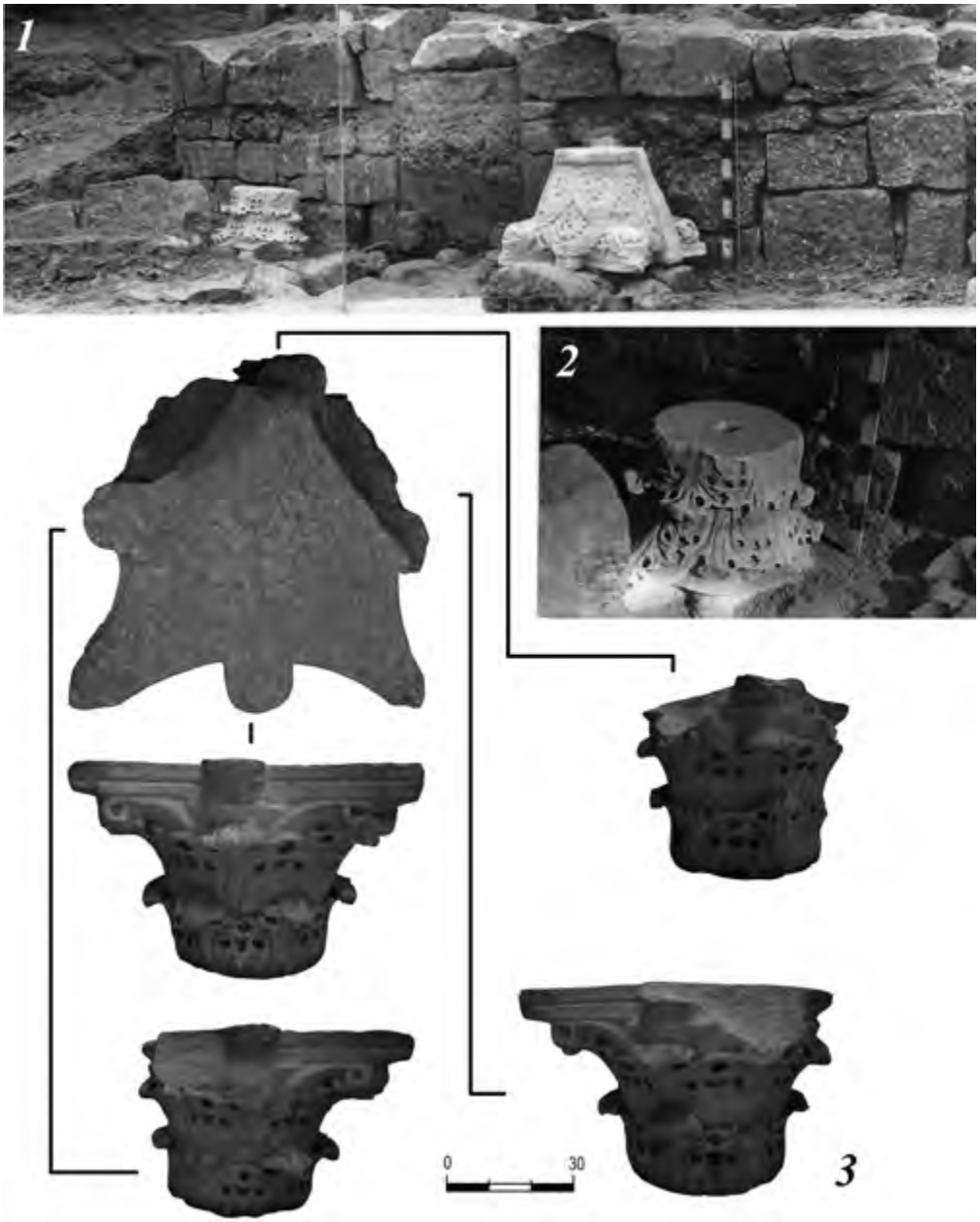


Рис. 6. Капитель 3 из раскопок «Каралезской базилики»: *1* – Западный фасад храма II-го строительного периода. На переднем плане дренажный сток; *2* – Капитель *in situ*, 1983 г. Вид с юго-запада; *3* – Капитель (ЯИЛМ, КП бн 3_1)

Fig. 6. Capital3 excavated at the "Karalez Basilica": *1* – western façade of the church from the building period II. Draining gutter on the foreground; *2* – capital *in situ*, 1983. Viewed from the south-west; *3* – capital (Yalta Historical and Literature Museum, КП бн 3_1)

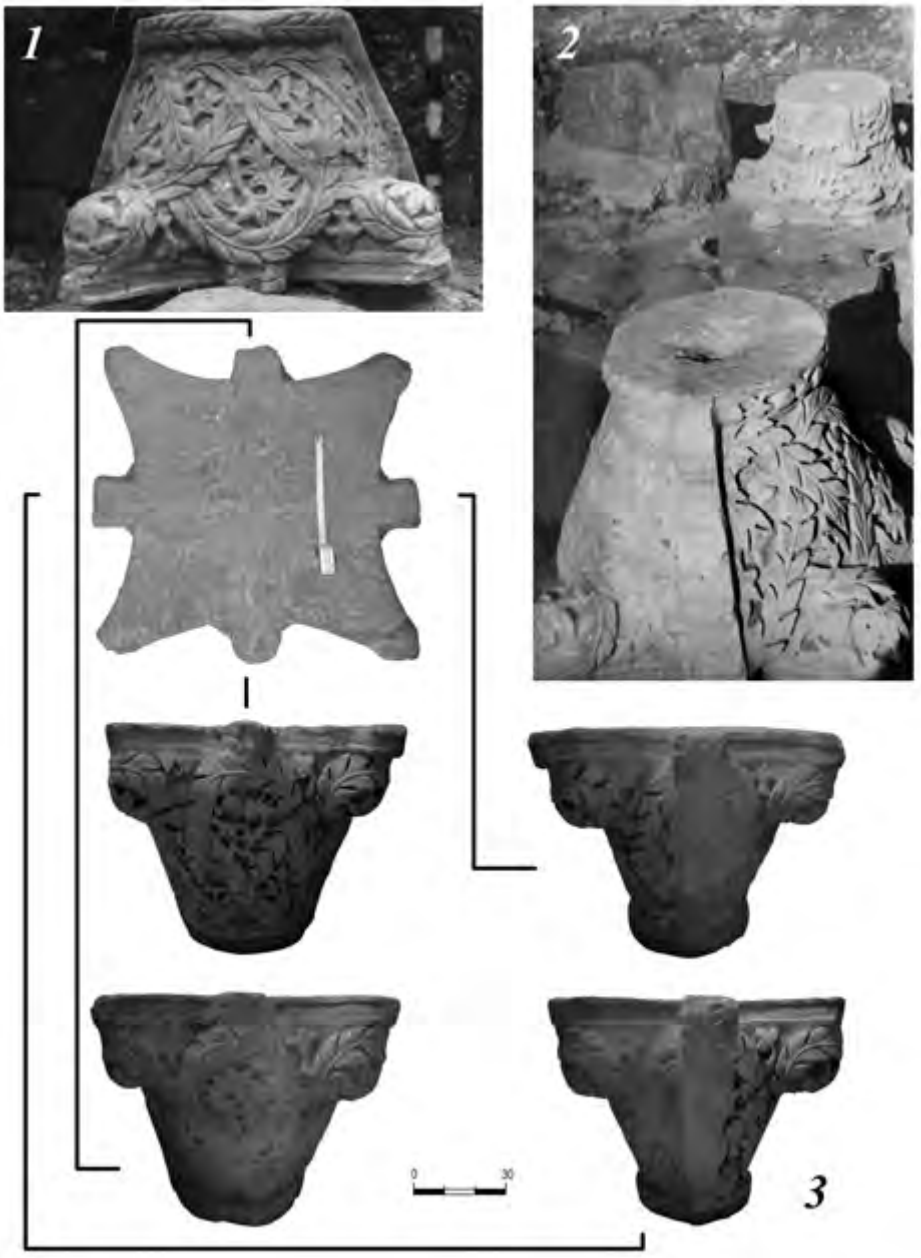


Рис. 7. Капитель 4 из раскопок «Каралезской базилики»: *1* – Капитель *in situ*, 1983 г. Вид с запада; *2* – Капители по сторонам входа в храм II-го строительного периода. Вид с юга. На заднем плане капитель 3; *3* – Капитель (ЯИЛМ, КП бн 2_1)

Fig. 7. Capital 4 excavated at the "Karalez Basilica": *1* – capital *in situ*, 1983. Viewed from the west; *2* – capitals at either side of the entrance to the church from the building period II. Viewed from the south. On the background is capital 3; *3* – capital (Yalta Historical and Literature Museum, КП бн 2_1)

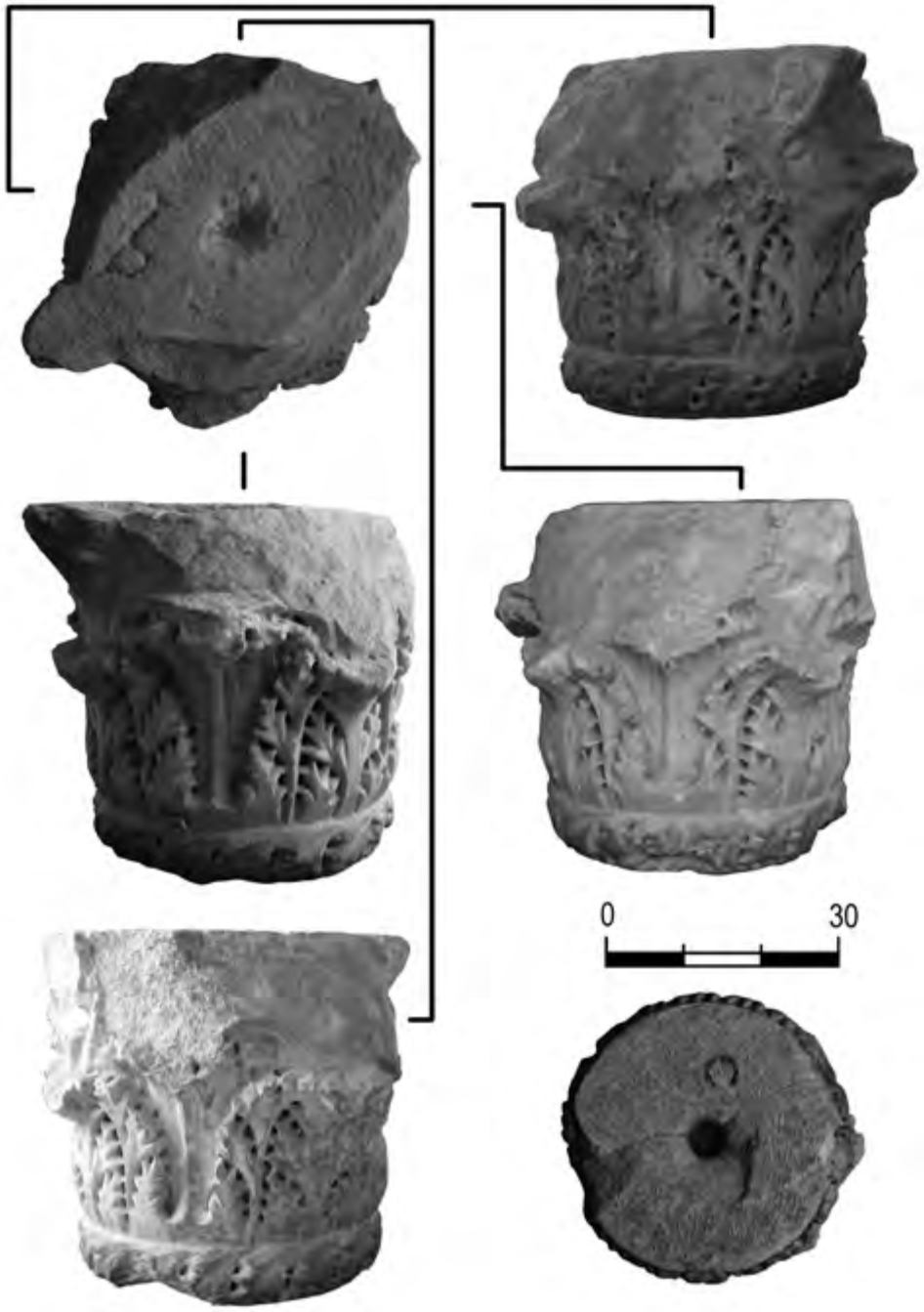


Рис. 8. Капитель 5 из раскопок «Каралезской базилики» (ЯИЛМ, КП 77190 А2-12256)
Fig. 8. Capital 5 excavated at the "Karalez Basilica" (Yalta Historical and Literature Museum, КП 77190 А2-12256)

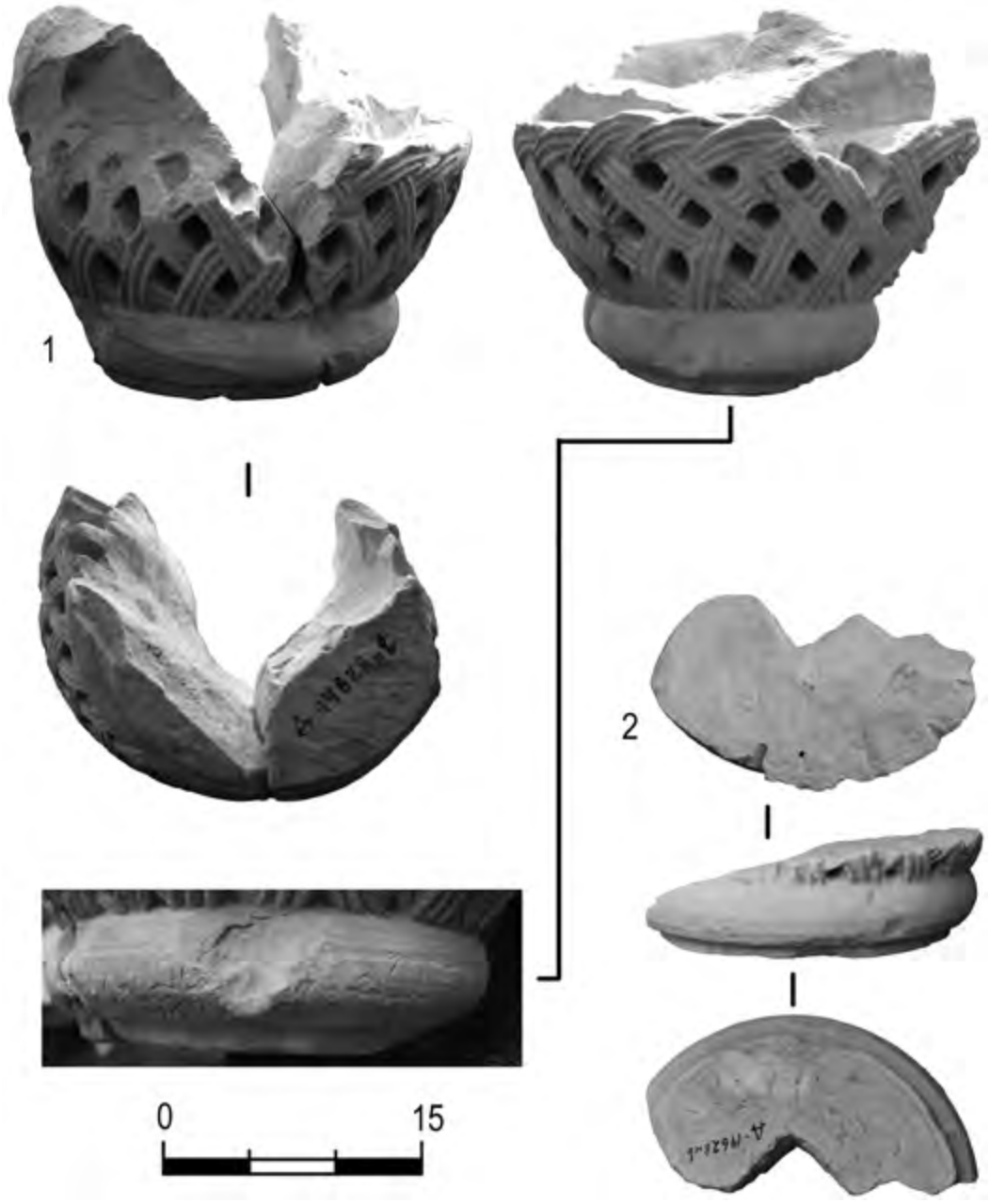


Рис. 9. Капители из раскопок «Каралезской базилики» (ЦМТ, Д-14627):
1 – капитель 7; *2* – капитель 8
Fig. 9. Capitals excavated at the "Karalez Basilica" (Central Museum of the Taurida, Д-14627):
1 - capital 7; *2* – capital 8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
2. Айбабин А.И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в горном Крыму в VI веке. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 6–18. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.1.
3. Виноградов А.Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones Antique Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. V. London, 2015. Режим доступа: https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html.
4. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
5. Иожица Д.В. Византийская базилика и ее архитектурные компоненты. Некоторые проблемы современной историографии // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный византийский семинар: Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 137–141.
6. Иожица Д.В. Капители из «Каралезской базилики» // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный византийский семинар: Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2022. С. 99–112.
7. Кирилко В.П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика. Донецк: Донбас, 2012. С. 219–223. (Археологический альманах. № 28).
8. Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Имп. Академия Наук, 1904.
9. Романчук А.И. Раскопки поселения в низовьях реки Бельбека // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 9–26.
10. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–122.
11. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях 1983 г. в окрестностях Мангупа. Раннесредневековый могильник в балке Алмалык, комплекс раннесредневековой базилики и храма X–XIII вв. под склоном западного мыса. Симферополь, 1984 // НА ИА НАНУ. Д. 1983/133.
12. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях 1983 г. в окрестностях Мангупа. Раннесредневековый могильник в балке Алмалык, комплекс раннесредневековой базилики и храма X–XIII в. под склоном западного мыса. Иллюстрации к описи находок Табл. 1–34 // НА Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. Б, Инв. № 204. Папка № 459.
13. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Мангупа в 1984 г. Симферополь, 1985 // НА ИА НАНУ. Д. 1984/7ж.
14. Сидоренко В.А. Фрагмент декрета Римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 35–59.
15. Хрушкова Л.Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). С. 137–162.
16. Хрушкова Л.Г. Херсонес Таврический: архитектурный декор «базилики 1935» // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. Вып. 9. С. 41–70.
17. Хрушкова Л.Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом // ВВ. 2011. Вып. 70. С. 174–191.
18. Хрушкова Л.Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. Вып. 11. С. 1–167.
19. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
20. Biernacki A.B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego.

Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. 328 s.
21. Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 14–48.
22. Kautszch R. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitelle im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1936.
23. Khrushkova L.G. Chersonesus in the Crimea: early byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history / Ed. G. R. Tsetskhladze. Oxford, 2012. P. 129–139. (BAR International Series 2432).
24. Kramer I. Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung fruhchristlicher ostromischer Kapitelle // Spatantike und byzantinische Bauskulptur: Beitrage eines Symposions in Mainz, Februar 1994 / Hrsg. U. Peschlow, S. Moller. Stuttgart: Franz Steiner, 1998. S. 43–58.
25. Niewöhner P. Byzantine Ornaments in Stone, Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings. Berlin, Boston: de Gruyter, 2021. 188 p.
26. Schneider A.-M. Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul. Berlin, 1941. 45 S. (Istanbuler Forschungen. Bd. 12).
27. Sidorenko V.A. Funde aus dem Umfeld des Mangup // Byzanz. Pracht und Alltag. Bonn, München: Hirmer Verlag, 2010. S. 313–314.
28. Sodini J.-P. La sculpture architecturale à lépoque paléochrétienne en Illyricum // Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept. – 5 oct. 1980. Vol. 1. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1984. P. 31–117.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
2. Aibabin A.I. For a Discussion About Epigraphic Evidence of the Activities of Byzantium in the Mountainous Crimea in the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 6–18. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.1.
3. Vinogradov A. Byzantine inscriptions of the Northern Black Sea region. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, Vol. V, London, 2015. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html.
4. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Theodoro according to the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4th–17th centuries)]. Moscow, St Pbetersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, 272 p.
5. Iozhitsa D.V. Byzantine basilica and its architectural components: some aspects of modern scholarship. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [Chersonos Themata: the empire and the polis. 12th international Byzantine workshop], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 137–141.
6. Iozhitsa D.V. The capitals excavated at the Karalez basilica. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIV Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [Chersonos Themata: the empire and the polis. 14th international Byzantine workshop], Simferopol, Kolorit Publ., 2022, pp. 99–112.
7. Kirilko V.P. Two-apse temples of Taurica. *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika* [Ancient and medieval Taurica], Donetsk, Donbas Publ., 2012, pp. 219–223.
8. Kondakov N.P. *Arkheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine* [Archaeological journey through Syria and Palestine]. St Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1904.
9. Romanchuk A.I. Excavations of a settlement in the lower reaches of the Belbek River. *Antichnaia drev-*

nost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], 1976, vol. 13, pp. 9–26.
10. Sidorenko V.A. Procopis of Caesarea's "Goths" in the Region of Dory and the "Long Walls" in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 105–122.
11. Sidorenko V.A. Report on archaeological research in 1983 in the vicinity of Mangup. Early medieval burial ground in the Almalyk ravine, a complex of an early medieval basilica and temple of the 10th–13th centuries. under the slope of the western cape. Simferopol, 1984. *Scientific archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine*, D. 1983/133.
12. Sidorenko V.A. Report on archaeological research in 1983 in the vicinity of Mangup. An early medieval burial ground in the Almalyk gully, a complex of an early medieval basilica and temple of the 10th–13th centuries. under the slope of the western cape. Illustrations for the description of the finds. Tab. 1–34. *Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea RAS*, Book. B, Inv. No. 204, Papka 459.
13. Sidorenko V.A. Report on archaeological research in the vicinity of Mangup in 1984. Simferopol, 1985. *Scientific archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine*, D. 1984/7g.
14. Sidorenko V.A. The fragment of a decree of Roman time from medieval basilica near Mangoup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1996, vol. 5, pp. 35–59.
15. Khrushkova L.G. Early byzantine capitals from the South-Western Crimea. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series "Historical Sciences"], 2016, T. 2 (68), No. 2, pp. 137–162.
16. Khrushkova L.G. Tauric Chersonesos: architectural decor of the "basilica 1935". *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of the general history of architecture], 2017, vol. 9, pp. 41–70.
17. Khrushkova L.G. Proconnesian marble in Tauric Chersonesus: capitals with thin jagged acanthus. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 2011, vol. 70, pp. 174–191.
18. Khrushkova L.G. Early Byzantine capitals from Tauric Chersonesus. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region], 2019, vol. 11, pp. 1–167.
19. Iakobson A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones: Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early Medieval Chersonese: Essays on the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1959, 364 p.
20. Biernacki A.B. *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskie, 2009, 328 p.
21. Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 14–48.
22. Kautszch R. *Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitelle im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert*. Berlin, Leipzig, Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1936.
23. Khrushkova L.G. Chersonesus in the Crimea: early byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves. Tsetskhladze G.R. (ed.), *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. BAR International Series 2432, Oxford, 2012, pp. 129–139.
24. Kramer I. Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung fruhchristlicher ostromischer Kapitelle. Peschlow U., Moller S. (Hrsg.), *Spatantike und byzantinische Bauskulptur: Beitrage eines Symposions in Mainz, Februar 1994*. Stuttgart, Franz Steiner, 1998, pp. 43–58.
25. Niewöhner P. *Byzantine Ornaments in Stone, Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2021, 188 p.
26. Schneider A.-M. *Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul*. Berlin, 1941, 45 p.
27. Sidorenko V.A. Funde aus dem Umfeld des Mangup. *Byzanz. Pracht und Alltag*, Bonn, München, Hirmer Verlag, 2010, pp. 313–314.
28. Sodini J.-P. La sculpture architecturale à lépoque paléochrétienne en Illyricum. *Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept. – 5 oct. 1980*. Vol. 1, Città del Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1984, pp. 31–117.

Информация об авторе

Иожица Д. В. – младший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Author information

Iozhitsa D. V. – Junior Researcherat the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.166-208

МАНГУП-ДОРОС В ФЕМНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ

Валерий Евгеньевич Науменко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

Аннотация. Современная концепция истории Мангупского городища середины IX – середины XI в., когда крепость входила в состав византийской фемы в Крыму, была сформулирована А. Г. Герценым еще в 1990 г. В статье рассматриваются полученные за последние годы новые материалы археологических исследований памятника, которые позволяют внести в нее существенные коррективы. Приведенный в работе обзор археологических объектов и комплексов середины IX – середины XI в. на территории городища показывает, что на протяжении всего этого времени Мангуп-Дорос сохранял характер крупной, хорошо укрепленной византийской крепости, основная линия обороны которой проходила вдоль внешней кромки Мангупского плато. Очень важными являются впервые выявленные в ходе раскопок следы крупных ремонтов и реконструкций фортификационной системы крепости, датированные серединой IX в. и концом X в. Это свидетельствует о том, что поддержание в боевом состоянии оборонительной системы городища являлось одной из главных задач, возложенных на византийских военачальников и размещенный здесь воинский контингент. Внутрикрепостное пространство делилось на две функциональные зоны – жилой и хозяйственной застройки (до 50% общей площади) и свободной от застройки территории, которая могла использоваться как убежище для населения округи. Раскопки открытых участков жилой застройки указывают на их рядовой характер. Базилика, как и прежде, выполняла роль топографического, идеологического и административного центра поселения. По крайней мере, следов отдельного укрепленного центра (цитадели), присущего многим городам и крепостям Византийской империи, начиная со средневизантийского периода ее истории, на Мангупе до сих пор не обнаружено. На протяжении всего фемного периода население городища продолжало заниматься скотоводством и земледелием, но специализированными отраслями постепенно становятся виноградарство и товарное виноделие, ориентированные на экспорт. Занятия виноделием находились под контролем византийской администрации, о чем свидетельствуют находки стационарных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Дорос, византийская фема, турмарх, топотерит, Цула, византийский город

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю признательность руководителю Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета А. Г. Герцену за возможность использования неопубликованных материалов из раскопок памятника, а также ее многолетним сотрудникам – А. А. Душенко и В. К. Ганцеву, за помощь в подборе и оформлении иллюстраций.

MANGUP-DOROS IN THE THEME PERIOD OF ITS HISTORY

Valerii E. Naumenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

© Науменко В.Е., 2022

Abstract. The modern reconstruction of the history of the fortified settlement atop Mangup mountain from the mid-ninth to the mid-eleventh century, when it was a part of the Byzantine *theme* in the Crimea, was developed by A. G. Gertsen in 1990. This article discusses the new materials obtained by recent years of archaeological research of the site which allow significant corrections to it. The review of archaeological objects and complexes from the mid-ninth to the mid-eleventh centuries uncovered in the ancient town shows that Mangup-Doros continued to be a large, well-fortified Byzantine fortress, with the main defensive line running along the outer edge of the Mangup plateau. Very important are the traces of big repairs and reconstructions of the fortification system discovered by excavations and dated from the mid-ninth and late tenth century. They indicate that maintaining the defensive system of the settlement was one of the main tasks assigned to the Byzantine commanders and the military contingent stationed there. The intra-fortress space was divided into two functional zones, residential and industrial buildings (up to 50% of the total area) and the unbuilt territory, which could be a refuge for the population of the neighbouring area. The excavations of residential areas indicate their ordinary character. As in the previous period, the basilica was topographic, ideological, and administrative centre of the settlement. Specifically, archaeological research has not discovered traces of the fortified centre (citadel) at Mangup, though such centre was typical of many towns and fortresses of the Byzantine Empire from the Middle Byzantine Period on. Throughout the *Theme* Period, the population of the town in question continued cattle-breeding and agriculture, with viticulture and commercial winemaking oriented to exportation gradually became specialized branches. The Byzantine administration controlled the winemaking, as evidenced by the finds of stationary winepresses in the habitable zone of the fortress.

Keywords: Crimea, Mangup, Doros, Byzantine *theme*, *tourmarchos*, *topoteretes*, Tsoulas, Byzantine town

Acknowledgments: This work was financially supported by the Russian Ministry of Science and-Higher Education, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119. I am grateful to the head of the Mangup Archaeological Expedition of the Crimean Federal University A. G. Gertsen for the opportunity to use unpublished materials excavated at the fortress and to the Expedition's years-long fellows A. A. Dushenko and V. K. Gantsev for the assistance with in selecting and designing of illustrations.

Современная концепция истории Мангупа-Дороса середины IX – середины XI в., когда крепость входила в состав византийской фемы в Крыму, была сформулирована А. Г. Герценым в его монографии 1990 г., а также в ряде более поздних статей [10, с. 133–138; 11, с. 32–33; 12, с. 104–105]. В целом ее характеризуют следующие тезисы:

• ярко выраженный византийский характер материальной культуры городища этого времени;

• типологически Мангуп рассматривается в качестве крепости-убежища с немногочисленным населением, редкими усадьбами и производственными комплексами, расположенными, главным образом, в ее восточной части, в районе мыса Тешкли-бурун (рис. 1);

• особая роль в занятиях местных жителей виноградарства и товарного виноделия;

• в качестве финальных событий периода констатируется военная или природная катастрофа первой половины – середины XI в., за которой следует длительное, вплоть до второй половины XIV в., запустение городища;

• несмотря на сокращение обжитой площади крепости, сооружения ее Главной линии обороны (далее – ГЛО), возведенные в конце правления императора Юстиниана I (527–565), продолжали находиться в боевом состоянии. На материа-

лах раскопок укреплений A.I, A.VIII и A.XIV установлен ряд крупных ремонтов крепостных стен Мангупа, которые были выполнены по инициативе Хазарского каганата, стремившегося, таким образом, сохранить политическое присутствие в регионе вплоть до середины X в.

В дальнейшем, по мере введения в научный оборот наиболее выразительных археологических комплексов из раскопок городища, отдельные сюжеты этой концепции неоднократно обсуждались [1, с. 209–210, 216–218; 26; 21]. Но ни в одной из указанных работ речь не шла о серьезном пересмотре ее основных положений.

Полученные за последние 10–15 лет новые материалы археологических исследований позволяют внести в сложившиеся представления о фемном периоде истории Мангупского городища довольно существенные коррективы.

Прежде всего, необходимо полностью отказаться от хазарского фактора, как определяющего его историю для второй половины IX – первой половины X в. Как теперь становится понятным, хазарский период в истории Мангупа был ограничен непродолжительным промежутком времени между восстанием населения Готии против хазар около 786–787 гг., описанным в Житии св. Иоанна Готского, и учреждением в Таврике фемы Климатов в 841 г., в состав которой вскоре после организации византийского военно-административного округа была включена Мангупская крепость [о хазарском и фемном периодах в истории Мангупа см.: 21, с. 616–627; 31, с. 193–197; о ранней истории византийской фемы в Крыму см.: 30, с. 475–497]. Соответственно, концом VIII – началом IX в., не позднее, сейчас должны быть датированы и все перечисленные выше примеры так называемых «хазарских» ремонтов укреплений Главной линии обороны городища [о результатах раскопок укреплений A.I, A.VIII и A.XIV, на которых в 1970–1990-х гг. были выявлены следы таких ремонтов, см.: 10, с. 107–119], что не исключает для некоторых из них и иной интерпретации. Показательной в этом смысле является проблема хронологии «чамнубурунского клада» из слоя ремонта укрепления A.I, состоящего из монет -имитаций солидов совместного правления Льва III и Константина V (720–741) и монеты с буквой «Бета» на аверсе и «крестом Константина» на реверсе [24, с. 126–133], выпуск которой сейчас относят ко времени Константина IV Погоната (668–685) [4, с. 254]. Клад и реконструкция укрепления датируется его издателями по-разному: 725–732 гг. [37, с. 258–264], 30–40-е гг. VIII в. [24, с. 133] или концом VIII в. [10, с. 109].

Другим важным заключением являются принципиально иные представления о размерах, топографии и характере Мангупского городища в IX–XI вв. Мангуп-Дорос, судя по картографированию известных, на сегодняшний день, археологических объектов, выглядит хорошо укрепленной крепостью с административным центром на месте или в непосредственной близости от Большой трехнефной базилики, практически сплошной жилой застройкой в восточной и центральной частях Мангупского плато и отдельными хозяйственными зонами, выделенными под производственные винодельческие комплексы [предварительный, но достаточно полный перечень этих археологических объектов см.: 33, с. 165–172]. Высокая

степень спланированности территории, регулярный характер застройки, наличие элементов городской инфраструктуры (улиц, городских свалок и пр.), подконтрольность местной администрации занятий товарным виноделием позволяет рассматривать Мангуп уже с IX в., по крайней мере, как формирующийся провинциально-византийский городской центр.

Нужно также сказать, что этот анализ данных археологии хорошо коррелируется со свидетельствами письменных, эпиграфических и сфрагистических источников, среди которых наиболее важными представляются строительная надпись 994–995 гг. с именем топотерита Цулы, сохранившаяся в обкладке башни укрепления А.XI в ущелье Табана-дере [7], и два моливдовула императорского спафария и турмарха Готии Льва конца X – начала XI в. [43; 2, с. 566–567]. Надпись Цулы и печати турмарха Готии вместе с данными археологии ясно свидетельствуют о том, что с момента учреждения в Таврике около 841 г. византийской фемы и вплоть до первой половины XI в. Мангуп-Дорос рассматривался Византией в качестве важнейшей крепости в горной части Крымского полуострова, что подчеркивалось, в том числе, пребыванием здесь воинского контингента и фемных чиновников империи.

В статье представлены археологические аргументы данной гипотезы. Работа состоит из двух частей – обзора археологической ситуации на известных объектах IX–XI вв. на территории городища и общего анализа событий истории, топографии и основных функций Мангупской крепости в этот период времени на основе, главным образом, тех же материалов археологии.

О современной археологической карте Мангупского городища в IX–XI вв.

На Мангупском плато сейчас известно не менее восьми крупных архитектурно-археологических объектов, в ходе раскопок которых в последние годы получены надежные сведения об их функционировании в этот период времени (рис. 2). Помимо Большой трехнефной базилики, кафедрального храма Готской епархии и одновременно главной архитектурно-топографической доминанты городища в эпоху раннего средневековья, в число таких объектов входят укрепления А.XI и А.XIV ГЛО, подвергшиеся кардинальной реконструкции по инициативе фемной администрации крепости, и четыре участка поселения, раскопанных на месте цитадели на мысе Тешкли-бурун, церкви св. Константина, дворца правителей княжества Феодоро 1425–1475 гг. и в верховьях Лагерной балки. На всех участках застройки выявлены строительные комплексы (далее – СК) с каменными стенами и черепичной кровлей, что свидетельствует об основательности этих построек и длительности их использования. Несколько условно в особую группу памятников выделены многочисленные (всего 15) стационарные скальные виноградодавильни (далее – МКВ – «Мангуп-Кале винодельня», аббревиатура, принятая с 2016 г. [22, с. 80]), открытые как на территории поселенческих структур, так и в пределах отдельной зоны вдоль южного обрыва плато. На общем плане Мангупа их расположение выглядит не случайным, явно тяготея к основным дорожным коммуникациям

своего времени, проходившим вокруг мыса Тешкли-бурун, по ущелью Демир-Капу, перекрытым укреплением А.XIX, и тальвегу балки Гамам-дере.

В целом, судя по картографированию археологических объектов, для фемного времени сейчас уже не наблюдается какого-либо значительного сокращения обжитых пределов памятника, в сравнении, к примеру, с ранневизантийским (середины VI – конца VIII в.) или феодоритским (около 1400–1475 гг.) периодами истории Мангупа, когда территория Мангупского плато использовалась в своих максимальных размерах [ср. карту городища на рис. 2 и его планы VI–VIII и XIV–XV вв. в монографии 1990 г.: 10, с. 259, 262, рис. 26, 30]. Более того, отдельные находки позволяют предполагать расширение в будущем археологической карты Мангупа для IX–XI вв. за счет территории мысов Елли-бурун, Чуфут-Чеарган-бурун и даже Чамну-бурун, и, в таком случае, сложившиеся в историографии представления о Доросе как о крепости-убежище в это время могут быть расценены исключительно как теоретические допущения.

Ниже представлен обзор археологической ситуации для каждого из перечисленных крупных объектов фемного времени на территории крепости. С учетом ограниченного объема статьи, он носит самый общий характер и не содержит полного издания всех обнаруженных археологических комплексов и находок. Для этого, безусловно, необходимы отдельные публикации.

Цитадель на мысе Тешкли-бурун (рис. 3–4). Как известно, архитектурный ансамбль Мангупской цитадели в современном виде, включавшем мысовое укрепление, множество пещерных оборонительных казематов вдоль обрывов плато, Северо-восточный пещерный монастырь на оконечности мыса, ряд наземных и скальных храмовых комплексов («гарнизонная» церковь, октагональный храм, «церковь 2005 г.»), сложился лишь во второй половине XIV – начале XV в. и функционировал затем в качестве укрепленного акрополя городища вплоть до середины XVII в. [общее описание цитадели см.: 10, с. 143–146]. В качестве финального рубежа его формирования сейчас следует рассматривать сооружение около 1427 г. в центре мыса Тешкли-бурун октагонального храма, домашней капеллы правителей княжества Феодоро, что хорошо соотносится с заключительным этапом реконструкции цитадели в 1420–1430-е гг. и подчеркивает особенности архитектурно-планировочного облика и композиции ее внутренней застройки [20, с. 232–233]. Однако, как показали раскопки памятника, территория мыса использовалась населением на протяжении всей истории крепости, начиная с ее возведения в конце правления императора Юстиниана I (527–565).

Решающими для такого заключения являются результаты стратиграфических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун в 1998 и 2003 гг., полностью введенные в научный оборот [14; 19]. Здесь на площади раскопа около 100 м² удалось обнаружить, по сути, участок «городской свалки», функционировавшей на протяжении значительного периода в истории акрополя городища. Особенностью стратиграфической ситуации на участке исследований является высокая степень

стратифицированности выявленных культурных напластований, формирование которых отражает строительную активность на данном участке поселения на Мангупе в конце IX – начале X в., в 20-е гг. XV в. и в конце XVI – начале XVII в., в результате чего накопившийся к этому времени на территории мыса культурный слой периодически сбрасывался на его склоны. Разнообразные находки из этих «строительных сбросов» отражают практически все важные составляющие материального комплекса городища для периодов второй половины VI – VIII в., IX – первой половины XI в. и XIV–XV вв. Для характеристики интересующего нас горизонта фемного времени особо отметим присутствие в нем довольно многочисленной (26% от общего числа находок столовой керамики) коллекции византийской глазурованной посуды групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II» (далее – GWW-I и GWW-II) [14, с. 402–406; 19, с. 403–405, рис. 12,*1–12,14–15*]. Производившаяся в Константинополе, соответственно, в VII – первой половине IX в. и во второй половине IX – XI в. [в целом о ней см.: 48, p. 12–29; 52, p. 62–63, 74–77], в Крыму и Северном Причерноморье она встречается в основном при раскопках крупных городских центров Византии (Херсона, Сугдеи, Боспора, Таматархи и др.). В таком случае, ее присутствие в культурноЧм слое Мангупа-Дороса явно свидетельствует о сохранении, по крайней мере, стабильных торгово-экономических связей населения городища с Византийской империей на протяжении всего этого периода.

Результаты исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун имеют также большое значение в связи с тем, что на территории самой цитадели в ходе систематических раскопок ее жилой застройки в 1969–1971, 1975–1981, 1990–2005 гг. на площади почти 2 тысяч м² были выявлены лишь отдельные участки культурного слоя IX–XI вв. и связанных с ним сооружений, сильно пострадавшие в процессе более позднего строительства. До полной публикации материалов раскопок любые категоричные выводы о размерах и характере этого поселения нам представляются преждевременными, но некоторые наблюдения здесь привести необходимо.

При всей сложности стратиграфической ситуации, у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели, на краю обрыва, обращенного в сторону балки Капудере, еще в 1976 г. удалось открыть часть постройки, погибшей в пожаре первой половины XI в. [17]. Обращает внимание капитальный характер здания, сложенного из среднего и крупного размеров камня, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, и перекрытого черепичной кровлей, а также длительный период его использования. Из слоя разрушения постройки, помимо датирующих находок – фрагментов высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [35, с. 63–66], амфор типа Гюнзенин 2 [47, p. 26–27, fig. 13–14], керамики группы GWW-II, извлечены фрагменты сосудов группы GWW-I и серебряная монета Константина IV Погоната (668–685), что позволяет предполагать ее строительство в конце VII – начале VIII в. или несколько позднее и отсутствие значительного хронологического разрыва между поселенческими структурами ранневизантийского и фемного времени в этой части Мангупского городища.

Несмотря на то, что из почти 30 зданий с каменными стенами, раскопанных за многие годы на участке исследований цитадели, постройка 1976 г. остается единственной для фемного периода, сомневаться в функционировании здесь достаточно плотной застройки в это время не приходится. Об этом свидетельствуют регулярные находки, пусть и в переотложенном состоянии, строительной, тарной и бытовой керамики IX–XI вв. на всей площади раскопа, в том числе уже упомянутой маркерной глазурованной керамики групп GWW-I и GWW-II [показательные, но не полные в количественном отношении сводки последней см.: 38, с. 176–179, рис. 2; 18, с. 257–259, рис. 1].

Дополнительные сведения о размерах и характере поселения IX–XI вв. на месте Мангупской цитадели дает изучение пяти открытых здесь скальных виноградодавилен. Как уже отмечалось, большинство из них на общем плане городища тяготеют к западному обрыву мыса Тешкли-бурун, в направлении основной дороги на поверхность Мангупского плато, но это не единственное наблюдение. Расположенные в непосредственной близости друг от друга крупные виноградодавильни МКВ-4 и МКВ-5 свидетельствуют о том, что в это время территория поселения на мысу охватывала также современную эспланаду цитадели и, скорее всего, продолжалась в направлении верховий балки Капу-дере (рис. 2,*6–7*; 5). Почти полностью срубленная винодельня МКВ-9 на месте октагона показывает не только масштаб подготовительных работ при сооружении храма, связанный с рубкой верхних пластов скальной дневной поверхности, но и те значительные изменения в топографии акрополя городища, в сравнении с современными [20, с. 240–241, ил. 4; 6]. Важность раскопок МКВ-10, перекрытой зданием № 15 феодоритского периода (XV в.), заключается в том, что находки из ее засыпи позволяют надежно археологически датировать период функционирования тарапанов Мангупа в пределах второй половины IX – первой половины X в. (об этом ниже). Наконец, «винтовой пресс» МКВ-12, от которого сохранились в виде буквы «Н» лишь скальные подрубки под станины его деревянной конструкции, указывает на несколько технологических стадий при переработке виноматериалов (рис. 6) [22, с. 82].

Присутствие большого числа стационарных виноградодавилен на мысе Тешкли-бурун определенно свидетельствует о рядовом характере данного участка поселения в фемное время. Это заключение хорошо согласуется с еще одним результатом многолетних раскопок – отсутствием здесь каких-либо следов фортификационных, общественных и храмово-погребальных комплексов IX–XI вв. Поэтому единственным в этой связи вопросом, требующим дополнительного обсуждения, остается объяснение причин обилия импортной византийской поливной керамики VII–XI вв. на участке исследований Мангупской цитадели, чего совершенно не наблюдается при раскопках многих других районов городища, за исключением, пожалуй, Большой трехнефной базилики.

Церковь св. Константина. Раскопки памятника показали, что на месте квартальной церкви XV–XVI вв. и вокруг нее в фемный период истории Мангупа функционировала разнообразная застройка (рис. 7) [об истории изучения комплекса:

16, с. 236–238]. Еще в 1973 и 1993 гг. к востоку от храма, на территории его некрополя, были выявлены две скальные виноградодавильни МКВ-8 и МКВ-14 с общей ориентацией по оси запад-восток в направлении верховий балки Гамам-дере (рис. 8). Вполне возможно, что эта порядовка имела продолжение, однако, для подтверждения данного наблюдения необходимы новые раскопки прихрамового некрополя.

В 1998 и 2000 гг. в ходе изучения того же некрополя церкви св. Константина были выявлены подстилающие его слои разрушения и функционирования раннесредневековых усадеб, сильно поврежденные нижним ярусом христианских захоронений. Наиболее поздними находками из раннесредневековых напластований являются фрагменты поливной керамики группы GWW-II, «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 и высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [об их хронологии подробнее см.: 28, с. 43, 46–47], изредка встречаются обломки салтово-маяцких горшков, что в целом позволяет датировать открытый строительный ярус в широких пределах IX–X вв. С ним, очевидно, связан византийский моливдовул X в. с изображением процветшего креста на лицевой стороне из верхнего культурного слоя кладбища [13, с. 60].

Однако, наиболее важным археологическим объектом интересующего нас исторического периода является полностью раскопанный в 2003–2004 гг. на площади жилого квартала к северо-западу от церкви св. Константина многокамерный строительный комплекс общей площадью около 100 м², особенностью которого является сочетание салтовских и провинциально-византийских элементов материальной культуры (рис. 7) [его полную публикацию см.: 15]. К числу первых относятся общая заглубленность земляных полов помещений относительно окружающей дневной поверхности и обкладка камнем бортов их котлованов, постановка стен на грунт, техника «кладки в елку», ко вторым – одновременное использование конструктивных строительных приемов, не характерных для салтовского населения Крыма (связующий раствор, крупные блоки в углах, дверных проемах, нижних рядах стен, перевязь углов строений, трехслойная двупанцирная с забутовкой техника кладки и пр.). Также двойственен археологический комплекс находок из заполнения открытых помещений и хозяйственных ям, в котором наряду с высокогорлыми кувшинами, различными типами «причерноморских» амфор, местной и византийского происхождения бытовой керамикой присутствуют типичные для салтово-маяцкой археологической культуры гончарные горшки со сплошным гребенчатым рифлением тулова. Предложенная при публикации материалов раскопок датировка здания в пределах середины IX – начала X в. остается без изменений, что позволяет связывать его появление, скорее всего, с мирной фильтрацией салтовского населения на Мангуп в начале фемного периода его истории.

Находки синхронных и более поздних византийских монет из верхних культурных горизонтов на участке исследований, Василия I (867–886), Романа I Лакапина (920–944), Романа II (959–963) и Иоанна Цимисхия (969–976) [15, с. 245], позволяют предполагать функционирование квартала у церкви св. Константина вплоть до конца X в. Как и в случае с участком застройки Мангупской цитадели, эта поселенческая структура имела характер рядовой застройки на территории крепости.

Дворец. Застройка интересующего нас периода на Мангупе, на сегодняшний день, лучше всего изучена на материалах многолетних систематических археологических исследований княжеского дворца 1425–1475 гг., расположенного в центральной части городища, приблизительно в 300 м к востоку от трехнефной базилики (раскопки 2006–2010, 2014–2021 гг.). Одним из главных их результатов стало открытие нескольких строительных ярусов додворцового времени на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро, в том числе середины IX – середины XI в. (рис. 9) [23, с. 56].

По итогам раскопок, горизонт фемного периода включает девять жилых строительных комплексов, открытых на всей территории участка исследований общей площадью около 3 тысяч м² и перекрытых сооружениями дворцового времени – под помещением L (СК-1, 2008 г., засыпь скального сооружения, 4-й и 5-й слои), к юго-востоку от помещения F (СК-2, 2009 г., квадрат № 10-14, засыпь скального сооружения, 9-й слой), к западу от помещения H (СК-3, 2015 г., заполнение скального сооружения, 2-й слой) [опубликован: 32, с. 204–205, 226–232, рис. 12, 17, 38–48], к северу от помещения J (СК-4, 2017 г., квадрат № 30-31, 8-й и 9-й слои), под помещением N (СК-5, 2018 г., квадрат № 42, 7-й и 8-й слои), «скальное сооружение» (СК-6, 2018 г., квадраты №№ 32 и 36, 2-й слой заполнения), СК-7 в северо-западной части помещения B и в квадратах №№ 34 и 46 (2007, кладки №№ 31, 58 и 59, 7-й слой; 2021 г., кладки №№ 121, 123 и 124, 8-й слой), СК-8 в квадрате № 35 (2021 г., кладки №№ 97, 98 и 126, 8-й слой), СК-9 в квадрате № 47 (2021 г., кладки №№ 115 и 125). Несмотря на общую плохую сохранность, все они являются примерами одно-, двух- или многокамерных зданий с каменными стенами, сложенными вперевязь, на известковом связующем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной 0,60–0,80 м, и перекрытых черепичной кровлей. Полы построек земляные, покрытые толстым слоем известковой обмазки, либо скальные, пониженные по отношению к окружающей поверхности. Очень важным является открытие на Западном участке исследований дворца, вокруг СК-7, СК-8 и СК-9, участка спланированной и хорошо выровненной дневной поверхности IX–XI вв. площадью около 200 м² и мощностью до 20 см (слой № 8 в стратиграфии памятника), которая, как и многочисленные следы ремонтов и перестроек сооружений, свидетельствует о длительности функционирования квартала (рис. 10). Рядом со строениями выявлены 10 хозяйственных ям (№№ 56–57, 60–63, 77–79, 81), выкопанные в накопившемся культурном слое либо вырубленные в скальном материке. Большинство из них, вероятно, предназначались для установки пифосов.

В северной части раскопа расположены еще два объекта, имеющие прямое отношение к застройке фемного времени на месте Мангупского дворца – скальная виноградодавильня МКВ-15 и улица шириной 3,00–3,50 м, фрагмент которой открыт на протяжении 13,40 м между кладками №№ 122 и 123 (рис. 11,*1*). Об улице надо сказать особо, так как в процессе исследований установлено, что, как планиграфическая структура в этой части городища, она функционировала на протяжении всего периода раннего средневековья, с момента появления здесь поселе-

ния в середине – второй половине VI в. и вплоть до первой половины XI в. В стратиграфии ее заполнения это подчеркивается несколькими уровнями разновременного черепично-щебнистого и каменного мощения; наиболее поздний горизонт мощения, в виде брусчатки из мелкого камня, уложенной на известковом связующем растворе на поверхности 8-го слоя, соответствует ярусу жилой застройки IX–XI вв. (рис. 11,*2*). Другое наблюдение касается строгой ориентации улицы по оси восток-запад, по направлению, очевидно, к Мангупской базилике. Это обусловлено не только близостью расположения центрального собора крепости, но и особенностями топографии участка исследования, рельеф которого определялся несколькими структурными скальными ступенями, плавно понижающимися по оси юг-север. Вдоль этих ступеней также, как правило, располагались и жилые постройки.

Фемная застройка на месте дворца начинает складываться еще в первой половине – середине IX в., накануне или вскоре после включения Мангупской крепости в состав византийского военно-административного округа. Она формируется с учетом трассы существовавшей здесь с ранневизантийского времени улицы, рядом с которой обнаружены наиболее ранние объекты, перекрытые впоследствии 8-м слоем. Среди них наиболее показательным является хозяйственная яма № 81, вырубленная вблизи кладки № 123, южной границы улицы, с уровня сильно разрушенной скалы. В плане она имеет подоовальную форму общими размерами 1,83х1,31 м и глубиной до 0,70 м; на дне зачищена округлая вырубка с трапецеевидным профилем, возможно, для установки пифоса. Заполнением является однородная засыпь плотного светло-серого грунта, напоминающего, по структуре и цвету, 8-й слой на площади раскопа. Структура комплекса находок из заполнения ямы приведена в статистической таблице 1 (рис. 12).

Таблица 1. Дворец. 2021 г. Квадрат № 47. Хозяйственная яма № 81. Заполнение. Основные категории находок
Plate 1. Palace. 2021. Excavation trench no. 47. Storage pit no. 81. Infill. Main categories of the finds

№ п/п	Категории керамических находок	Кол-во	Процентное соотношение
1	Керамиды и калиптеры IX–X вв.	56	37,6%
2	Пифосы без точной атрибуции	8	5,4%
3	Ранневизантийские амфоры («примесь снизу»)	2	1,3 %
4	Византийская светлоглиняная амфора группы «Globular Amphorae»	50	33,5%
5	Амфоры класса 36 по ХК-95 группы ЮЗК	20	13,4%
6	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII–X вв.	12	8%
7	Кувшины «скалистинского типа» VII–IX вв.	1	Менее 1%
	Всего:	149	100%

Из таблицы хорошо видно, что датирующую группу составляют более 90% находок – фрагменты красноглиняной черепицы (рис. 12,*1–5*), «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95 (рис. 12,*9–11*), лепной керамики с подработкой на гончарном круге (рис. 12,*12–14*) и кувшинов «скалистинского» типа (рис. 12,*15*). Особо отметим археологически целый экземпляр светлоглиняной круглодонной желобчатой амфоры с коротким цилиндрическим горлом и отогнутым округлым венчиком, сформованной из рыхлого глиняного текста с обильной примесью шамота, хорошо видимой на сколах и поверхности изделия (общие размеры – 41,0х20,0 см) (рис. 12,*8*). По цвету, структуре глиняного теста, характеру обработки поверхности она отличается от хорошо известных желобчатых «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95. Скорее всего, речь идет о пока еще слабо изученных на памятниках VIII–IX вв. в Крыму византийских амфорах группы «Globular Amphorae» [подробнее о них см.: 52, p. 60–61; 45, p. 307–326; 51, p. 874–875; 53, p. 285–310; 50, p. 195–216]. Среди индивидуальных находок выделим крупные фрагменты крышек от пифосов, изготовленных из мергелевых плиток и глины (рис. 12,*6–7*), заготовку изделия из трубчатой кости животного (рис. 12,*16*), дно от рюмки из зеленого прозрачного стекла (рис. 12,*17*) и целую железную втульчатую мотыжку с подквадратным рабочим краем (рис. 12,*18*). Последняя является редким примером комплекса сельскохозяйственных орудий на Мангупе средневизантийского времени. В целом, на основании стратиграфических наблюдений и анализа найденного материала, археологический комплекс может быть датирован первой половиной – серединой IX в.

К концу IX – началу X в. квартал приобрел окончательную планировку. К этому времени относится сооружение всех крупных строительных комплексов на площади раскопа (СК №№ 3–7), которые продолжали функционировать на протяжении X в. Самыми поздними археологическими объектами на площади раскопа, датируемыми концом X – первой половиной XI в., являются СК-8 и хозяйственные ямы №№ 77–78.

В целом строительный ярус фемного периода отличается высокой степенью спланированности территории, градообразующими элементами которой выступают улица и крупные жилые усадьбы, каменным домостроительством и стандартизированным керамическим комплексом, для которого характерны «причерноморские» амфоры, высокогорлые кувшины, кувшины «скалистинского» типа, местные гончарные и лепные сосуды и крайне редкими являются византийская поливная посуда группы GWW-II и салтово-маяцкая керамика. Исключением в этом смысле является СК-5, из пола и слоя разрушения которого происходит довольно многочисленные фрагменты типичных салтовских горшков со сплошным гребенчатым рифлением тулова, однако, это вопрос отдельного исследования.

Для установления общей хронологии функционирования фемной застройки на месте дворца также важным является анализ нумизматической коллекции из его раскопок. Она немногочисленна (всего 16 экз.) и представлена монетами от сиракузских фоллисов Льва V Армянина (813–820) и херсоно-византийских номиналов

с монограммой ПХ времени Михаила III (842–867) до анонимного фоллиса (класса B) Романа III Аргира (1028–1034) [подробнее см.: 34, с. 172–173, рис. 3,*1–8*].

Обращает внимание практически полное отсутствие среди находок предметов вооружения и изделий, указывающих на высокий социальный статус их владельцев. За многие годы раскопок найдены лишь два византийских моливдовула, из которых один – печать Григория, императорского спафария и архонта Херсона первой половины IX в., уже опубликован [3, с. 123, рис. 2]. Все это, несмотря на близость к базилике, административному и идеологическому центру крепости в эпоху раннего средневековья, свидетельствует о рядовом характере открытой застройки. Занятиями жителей квартала являлись товарное виноделие, скотоводство, зерновое хозяйство [9], а также разнообразные домашние промыслы.

Лагерная балка. Открытый еще в 1970-х гг. участок поселения в этой части Мангупского плато всегда рассматривался в качестве примера застройки III–VIII вв. в истории городища. В начале XV в. территория ранневизантийского квартала была использована при строительстве стены и одной из башен (В-8) Второй линии обороны крепости [10, с. 133–134]. Однако, в 2007–2008 гг. на эспланаде башни был раскопан двукамерный строительный комплекс (СК-3) с каменными стенами, вымощенным полом и черепичной крышей площадью не менее 60 м², который функционировал во второй половине IX – начале X в. (рис. 13,*1–2*). Черепичная кровля из слоя разрушения постройки, датированного фрагментами и археологически целыми формами «причерноморских» амфор и высокогорлых кувшинов, уже опубликована [27]. Из комплекса также происходит уникальная для Мангупа бронзовая литая херсоно-византийская монета с изображением греческой буквы «альфа» с наклонной перекладиной на аверсе и равноконечного креста с расширениями на концах (так называемый «Крест Константина») на реверсе (рис. 13,*3*). В случае ее традиционной датировки временем Михаила III (842–867) находка становится важным указанием на сооружение здания около середины IX в., то есть вскоре после включения крепости в состав фемы [5, с. 115, 158, табл. XXIII,*337*; 36, с. 285, табл. II-1]. Иная атрибуция монеты такого типа – правление императоров Анастасия II (713–715) [42, с. 193–194, рис. 1,*3*], Никифора I (802–811) или Михаила II (820–829) [39, с. 190–192, рис. 3], позволяет рассматривать ее в качестве источника для реконструкции денежного обращения городища в конце ранневизантийского или в хазарский период его истории. В любом случае, ценность находки заключается в том, что она, в отличие от других опубликованных экземпляров, имеет ясные условия происхождения.

Здание фемного периода в Лагерной балке было возведено на фундаментах строительного комплекса ранневизантийского времени (СК-4), сложенного в аналогичной строительной технике и использовавшегося до конца VIII – начала IX в. включительно. Это еще раз указывает на отсутствие значительного разрыва в хронологии существовавшей на Мангупе жилой застройки на протяжении всего периода раннего средневековья.

Скальные виноградодавильни. Начиная с 2016 г., их обследование является одним из направлений деятельности экспедиции [22]. В пределах Мангупской крепости,

на сегодняшний день, известно 14 стационарных винодельческих комплексов, еще один был открыт Е. В. Веймарном под южным обрывом Мангупского плато в 1954 г. (МКВ-6) (рис. 2,*3–15,18,20*).

Как уже отмечалось, картографирование выявленных на городище виноградодавилен позволило выделить две крупные локальные группы памятников вблизи основных дорожных коммуникаций крепости в это время – на западном склоне мыса Тешкли-бурун (МКВ-4–5, 9–10, 12) и вдоль южного склона плато, в направлении ущелья Демир-Капу (МКВ-1–3, 7–8, 11, 13, 14). Открытая на месте дворца МКВ-15 также тяготеет к одной из главных дорог в крепость, проходившей по тальвегу балки Гамам-дере. Еще одним важным наблюдением является присутствие в составе групп тарапанов по одному винтовому прессу (МКВ-11 и МКВ-12), что свидетельствует о нескольких этапах переработки виноматериалов. МКВ-11, размещенная в центре искусственного скального сооружения (подвала наземной постройки) (рис. 14,*3–4*), подтверждает высказанное ранее предположение о наличие вдоль южного обрыва Мангупского плато раннесредневековой жилой и хозяйственной застройки [6, с. 130], хотя ее характер и планировка остаются совершенно не ясными.

Выявленное местоположение стационарных винодельческих комплексов на территории городища, близость их конструктивных элементов и размеров, товарный характер производства вина свидетельствуют о том, что местное виноделие находилось под строгим контролем администрации крепости, ориентировалось на экспорт продукции и могло быть организовано в таком виде только в относительно непродолжительный промежуток времени, скорее всего, во второй половине IX – первой половине X в., когда Мангуп-Дорос входил в состав византийской фемы. Это заключение представляется наиболее оптимальным в свете многолетних исследований данной группы памятников и подтверждается результатами раскопок единственного презентабельного археологического комплекса – засыпью виноградодавильни МКВ-10, расположенной в центральной части квартала у тыльной стороны Мангупской цитадели (рис. 2,*4*).

Виноградодавильня МКВ-10, полностью исследованная в 2001 г., была открыта в ходе раскопок однокамерного здания № 15, функционировавшего в течение XV в. (рис. 14,*1–2*). При строительстве последнего его южная стена (кладка № 133) прошла через давильную площадку винодельни, которая к этому времени была уже давно засыпана. Заполнением МКВ-10 является однородный плотный серый грунт мощностью от 0,28–0,34 м на площади тарапана и до 0,70–0,80 м в пределах суслоприемника, что указывает на единовременность нивелировочной засыпи. Выделенные в процессе работ верхний и нижний горизонты заполнения суслоприемника отличаются цветовыми оттенками, но это не имеет принципиального значения для решения вопроса хронологии комплекса. Более важным представляется наблюдение об идентичности археологических комплексов находок из засыпи давильной площадки и обоих слоев заполнения суслоприемника МКВ-10, что позволяет объединить их в единую статистическую таблицу 2.

Таблица 2. Цитадель. 2001 г. Квадрат А. Здание № 15. МКВ-10. Заполнение тарапана и суслоприемника. Основные категории находок
Plate 2. Palace. 2021. Excavation trench A. Building no. 15. MKB-10. Infill of a winepress and juice container. Main categories of the finds

№ п/п	Категории керамических находок	Кол-во	Процентное соотношение
1	Строительная керамика (керамиды и калиптеры)	320	56%
2	Пифосы, амфоры и тарные сосуды без точной атрибуции	44	7,7%
3	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95	4	менее 1%
4	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	113	19,8%
5	Кухонные гончарные горшки	62	10,9%
6	Столовые ангобированные сосуды	22	3,8%
7	Византийская глазурованная керамика группы GWW-II	4	менее 1%
	Всего:	569	100%

Датирующий характер в комплексе имеют фрагменты высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 (рис. 15,*1–12,21*; 16,*2–14*) и глазурованной керамики группы GWW-II (рис. 15,*27*; 16,*20–21*). Принципиальным для установления точной хронологии является обилие высокогорлых кувшинов (около 45% среди бытовой керамики) и крайняя редкость более ранних находок. Это позволяет надежно отнести засыпь виноградодавильни ко второй половине X в. Вероятно, к этому времени МКВ-10, как и другие тарапаны Мангупа, перестала использоваться. Также обращает внимание разнообразие бытовой (кухонной) посуды с закопченной поверхностью от длительного пребывания в огне. По составу глиняной формовочной массы, выделяются горшки с обильной примесью пироксена и кварцевого песка (рис. 15,*14–17,22–26*; 16,*15*) и более плотным черепком с примесью известняка, карасана и мелкого песка (рис. 15,*13,18,20*; 16,*1,16,17*). Из остальных находок отметим фрагменты небольшого красноглиняного пифоса (рис. 15,*19*), оригинальное дно миски на кольцевом поддоне, украшенное защипами (рис. 16,*19*), и сложно профилированный венчик от столового ангобированного кувшина (рис. 16,*18*).

Укрепление A.XIV Главной линии обороны крепости. Данное укрепление, состоящее из трех куртин (А, Б, В) и перекрывающее со стороны балки Гамам-дере пологую часть северо-восточного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун, является одним из самых изученных в системе ГЛО Мангупской крепости. Исследования 1970–1990-х гг., которые велись, главным образом, в районе восточной куртины А, выявили первоначальную (середины VI в.) линию крепостных стен и ее серьезную реконструкцию в период пребывания Мангупа под властью хазар в конце VIII – начале IX в. Этими же работами зафиксированы следы ремонтов укрепления во время османской осады 1475 г. [10, с. 109–114, 139–140, 150–153, рис. 6–14].

Новые раскопки памятника в 2007–2014 гг., сосредоточенные у тыльной стороны расположенной к западу куртины Б, позволили установить еще один кардинальный

ремонт на данном участке обороны Мангупского городища в промежутке между «хазарской» реконструкцией и событиями XV в. На площади раскопа около 200 м² была открыта поздняя крепостная стена протяженностью около 18 м (кладка № 1), перекрывшая ранневизантийское укрепление (кладку № 1). Археологический комплекс находок из слоя строительства и единовременной нивелировочной засыпи пристенного участка стены (раскопки 2009–2010 гг., слой № 3), в котором преобладают фрагменты высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 (более 80% об общего числа бытовой керамики), датируют сооружение новой куртины второй половиной или, скорее, даже концом X в. [33, с. 170, рис. 3,*2*; 4].

Укрепление А.XI Главной линии обороны крепости. Наряду с укреплением А.XIV является одним из наиболее важных укреплений Северного фронта ГЛО Мангупа, полностью перекрывая ущелье Табана-дере, по которому в древности проходила одна из главных дорог в крепость. Из-за отсутствия данных археологии сооружение крепостной стены в историографии, чаще всего, определялось содержанием упоминавшейся строительной надписи с именем Цулы, открытой еще в 1901 г. в кладке оборонительной башни. Вслед за В. В. Латышевым, она датировалась 1503 г., что позволяло рассматривать укрепление А.XI как один из элементов обороны Мангупа в османское время [10, с. 129, 154; здесь же подробная история изучения надписи и укрепления].

Относительно недавно А. Ю. Виноградовым было предложено новое прочтение надписи – «Построена эта стена во дни местоблюстителя [топотерита] Цула-бега, сына Полета, в 6503 году [=994–995 гг.]», что сразу было принято специалистами [7, с. 263]. Он же, рассматривая новую хронологию эпиграфического источника как указание на время строительства укрепления в Табана-дере, отметил необходимость археологических исследований на памятнике для решения этого дискуссионного вопроса [8, с. 284].

В 2020 г. укрепление А.XI впервые было всесторонне исследовано, в том числе археологически. Эти работы позволили отнести время его сооружения к ранневизантийскому периоду в истории Мангупа, скорее всего, к 50–60-м гг. VI в. После включения крепости в состав византийской фемы укрепление дважды серьезно ремонтировалось – около середины или в начале второй половины IX в. (шурф № 3, развал «причерноморских» и византийских «глобулярных» амфор на 4-м слое) и в самом конце X в. (содержание надписи Цулы 994–995 гг.) [материалы раскопок полностью изданы: 25].

Базилика. Результаты раскопок базилики М. А. Тихановой в 1938 г. свидетельствуют о ее беспрерывном использовании в качестве центрального храма крепости на протяжении VI–XV вв. Однако, вещественные находки IX–XI вв., по всей видимости, изданы выборочно, что не позволяет детализировать хронологию археологических комплексов [40, с. 344, 363, 365, 377, 383, 386, рис. 20,н; 30,а-б,е-к; 32]. Пожалуй, единственным несомненным фактом перепланировки базиликального комплекса в это время, осторожно отнесенной автором раскопок

к X в., является перестройка ранней крещальни в часовню [40, с. 383]. Из недавних работ отметим статьи Л. Г. Хрушковой и А. Ю. Виноградова, в которых изданы некоторые сохранившиеся архитектурные детали и эпиграфические находки IX–XI вв. [41, с. 118–120, рис. 11–13; 8, с. 294–297, №№ 183, 186, 193–195].

В связи со слабым введением в научный оборот массового археологического материала, обнаруженного в разные годы на территории базилики, необходимо обратить внимание на неопубликованную коллекцию византийской поливной керамики X–XI вв. группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912–1913 гг., ныне хранящуюся в фондах Херсонесского музея-заповедника и, скорее всего, происходящую из раскопок нашего памятника (рис. 17–18).

История, топографии и функции Мангупской крепости в фемный период истории. Представленный обзор археологических объектов середины IX – середины XI в. ясно показывает, что на протяжении всего этого времени Мангуп-Дорос сохранял характер крупной, хорошо укрепленной византийской крепости, основная линия обороны которой, как и прежде, проходила вдоль внешней кромки Мангупского плато. Очень важными являются впервые выявленные следы крупных ремонтов и реконструкций укреплений А.XI и А.XIV ГЛО городища, датированные серединой IX в. и концом X в. Это свидетельствует о том, что поддержание в боевом состоянии оборонительной системы городища являлось одной из главных задач, возложенных на византийских военачальников и размещенный здесь воинский контингент.

Ремонт середины IX в., следы которого зафиксированы в ходе изучения укрепления А.XI в ущелье Табана-дере, скорее всего, являлся результатом включения Мангупской крепости в состав византийской фемы, учрежденной в Таврике не позднее 841 г. Археологические данные не позволяют полностью оценить характер этих работ – общая реконструкция оборонительной линии или серия локальных ремонтов существующих крепостных стен? Мы склоняемся к первому варианту решения этого вопроса, но следует признать недостаточный объем информации для каких-либо окончательных заключений. Также трудно установить более точную, чем середина – начало второй половины IX в., датировку этих событий, особенно в связи с динамичностью протекавших на полуострове в это время военных и политико-административных процессов и не ясными ресурсами, которыми обладал стратиг ранней византийской фемы Климатов на полуострове [об этом см.: 30, с. 482–485]. Ремонт ГЛО Мангупской крепости в конце X в. носил более масштабный характер. К тому же он имел точную дату – не позднее 994–995 гг., о которой сообщается в строительной надписи с именем топотерита Цулы, сохранившейся *in situ* в кладке одной из башен укрепления в Табана-дере. Результатом этих работ стала кардинальная реконструкция, по крайней мере, двух ключевых фортификационных узлов Северного фронта ГЛО – укреплений А.XI и А.XIV на северо-восточном склоне мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Особенно впечатляет строительство новой

куртины на месте последнего, когда была полностью разобрана ранневизантийская крепостная стена.

Рассматривая исторические обстоятельства, приведшие к необходимости столь серьезной реконструкции Мангупской крепости в конце X в., следует еще раз обратить внимание на обострение политической обстановки в Северном Причерноморье в 960–980-е гг. в связи с ростом военной угрозы со стороны Древнерусского государства и на ответные попытки Византии противостоять ей путем реформирования системы административного устройства своей провинции в Таврике. В результате, на смену единой феме, включавшей ранее под управлением одного стратига в Херсоне все горные и прибрежные области полуострова, пришла иная система территориальной организации, основанная на сосуществовании нескольких административных единиц (фемы Херсон, Боспор, Сугдея), подчиненных Константинополю. В составе фемы Херсон особым подразделением становится турмархия Готия на территории Горного Крыма с центральной крепостью на Мангупе [подробнее см.: 29, с. 189–191]. В представлении византийцев, такие преобразования должны были обеспечить эффективное противостояние военным угрозам даже на региональном уровне принятия решений.

Таким образом, кардинальная реконструкция двух важных объектов ГЛО Мангупского городища в конце X в. выглядит не случайным событием и хорошо вписывается в общий контекст военно-политической истории Крыма этого времени. Речь идет о целенаправленном укреплении столичного центра нового административного округа в связи с приданием ему статуса турмархата. В связи с этим и топотерита Цулу, отмеченного в надписи 994–995 гг. из Табана-дере и руководившего фортификационными работами на Мангупе, вероятнее всего, следует рассматривать не просто как коменданта отдаленной византийской крепости, возглавлявшего местный гарнизон [7, с. 264–265], а в качестве одного из важных офицеров, который находился в подчинении турмарха Готии, что более всего отражает распространенную административную практику в Византии для X в. [49, p. 346; о содержании должности топотерита в различные периоды византийской истории см. также: 46, p. 79, 85; 44, p. 215–224].

По итогам выполненного в работе картографирования археологических объектов IX–XI вв. в пределах Мангупского городища, следует сохранить традиционные представления об общем делении внутрикрепостного пространства на две функциональные зоны – жилой и хозяйственной застройки (центральная и восточная часть Мангупского плато; на сегодняшний день, до 50% его общей площади) и свободной от застройки территории, которая могла использоваться как убежище для населения округи. Однако, как показывают новые исследования, эта ситуация отражает, скорее, не исторические реалии, а лишь уровень наших современных знаний о топографии памятника и в будущем может быть серьезно пересмотрена.

Раскопки большинства открытых участков жилой застройки Мангупа-Дороса фемного периода (на месте цитадели на мысе Тешкли-бурун, церкви св. Константина в верховьях балки Гамам-дере, в Лагерной балке) указывают на их рядовой характер. Лишь в отношении квартала на месте Мангупского дворца 1425–1475 гг. возможно предположение о его особом статусе, ввиду близости расположения к Большой трехнефной базилике и высокой степени спланированности территории. Здесь важным археологическим открытием последних лет являются раскопки множества капитальных построек с каменными стенами и черепичной кровлей и, особенно, улицы в направлении базилики, которая, начиная с момента строительства крепости, неизменно выполняла роль градообразующей планиграфической структуры.

Еще одним важным наблюдением является констатация эволюционного развития многих участков внутрикрепостной застройки Мангупа и отсутствие значительного хронологического разрыва между поселенческими структурами ранневизантийского и средневизантийского времени. Об этом свидетельствуют результаты раскопок на территории цитадели, в Лагерной балке и, особенно, дворца. В ходе исследований почти нет примеров строительных горизонтов или отдельных построек, которые можно было бы уверенно соотнести с хазарским периодом в истории памятника. Все выявленные здания, из раскопок которых происходит маркерная в этом смысле салтово-маяцкая керамика, датируются более поздним временем и, соответственно, не могут рассматриваться в качестве материального подтверждения широкой территориальной и военно-политической экспансии Хазарского каганата в конце VIII – начале IX в. Таким образом, единственным надежным свидетельством об этом для истории Мангупа остаются, на сегодняшний день, сведения письменных источников.

Базилика, как и прежде, в IX–XI вв. выполняла роль топографического, идеологического (кафедральный храм Готской епархии) и, очевидно, административного центра поселения. По крайней мере, следов отдельного укрепленного центра (цитадели) городища этого времени, присущего многим городам и крепостям империи, начиная со средневизантийского периода, на Мангупе до сих пор не обнаружено. Трудно пока сказать, как этот процесс администрирования был организован на практике – с использованием отдельных построек базиликального комплекса или с помощью сооружения вблизи него специального здания фемной администрации? Решение этого вопроса является одной из главных задач дальнейших раскопок на месте памятника.

На протяжении всего фемного периода население Мангупа продолжало заниматься скотоводством и земледелием, однако, специализированными отраслями постепенно становятся виноградарство и товарное виноделие, ориентированные на экспорт. Занятия виноделием находились под контролем местной византийской администрации, о чем свидетельствуют находки стационарных скальных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости. Археологические исследования

данной группы памятников позволяют датировать их в пределах второй половины IX – первой половины X в.

В целом, имеющиеся археологические источники позволяют рассматривать Мангуп середины IX – середины XI в. не только как крупную византийскую крепость в горной части Крымского полуострова, выполнявшую к тому же функцию центра Готской епархии (архиепископии), но и как формирующееся поселение городского типа с высоким уровнем спланированности территории и регулярной квартально-уличной жилой застройкой.

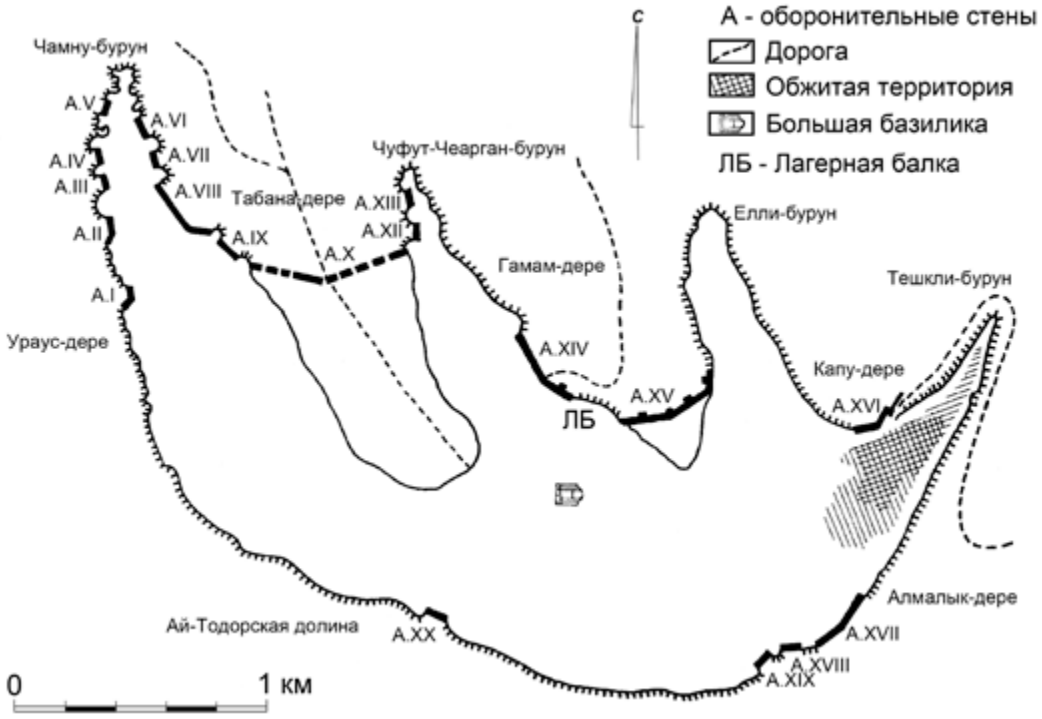


Рис. 1. Историческая топография Мангупа-Дороса в IX–X вв. в монографии 1990 г. по А. Г. Герцену [10, с. 261, рис. 29]

Fig. 1. Historical topography of Mangup – Doros in the ninth and tenth centuries in A. G. Gertsen's monograph published in 1990 [10, p. 261, fig. 29]

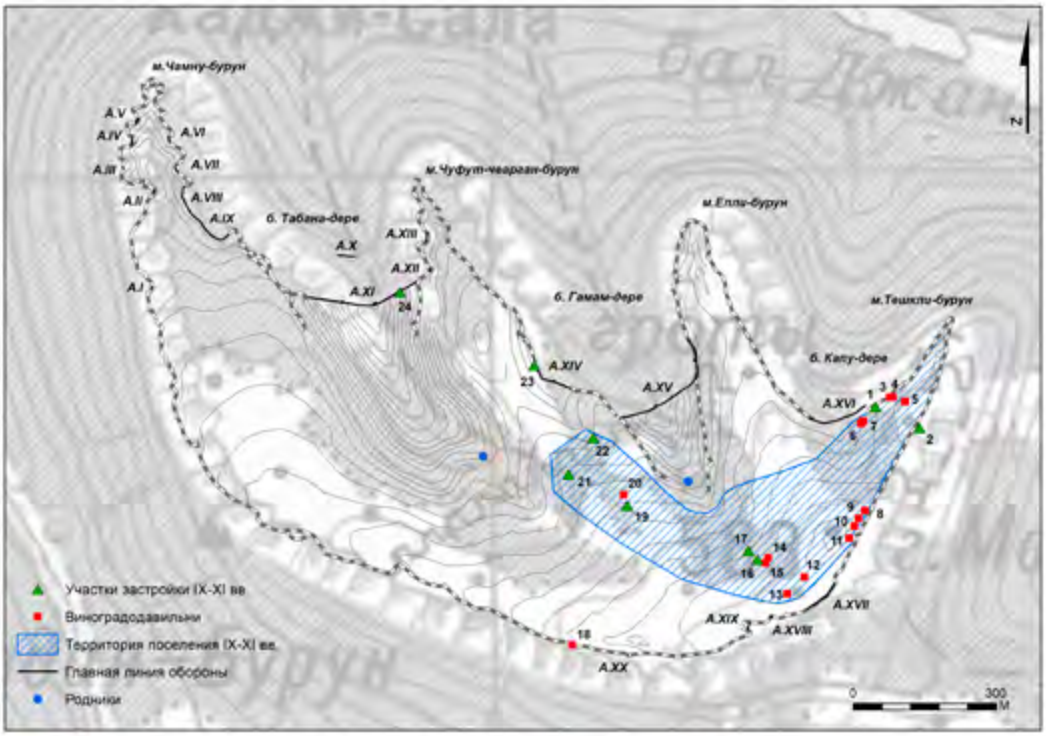


Рис. 2. Современная археологическая карта Мангупского городища IX–XI вв.
1 – СК у тыльной стороны цитадели; *2* – стратиграфический раскоп на склоне мыса Тешкли-бурун; *3* – МКВ-12; *4* – МКВ-10; *5* – МКВ-9; *6* – МКВ-4; *7* – МКВ-5; *8* – МКВ-13; *9* – МКВ-7; *10* – МКВ-11; *11* – МКВ-1; *12* – МКВ-2; *13* – МКВ-3; *14* – МКВ-14; *15* – МКВ-8; *16* – культурный слой на некрополе церкви св. Константина; *17* – СК у церкви св. Константина; *18* – МКВ-6; *19* – дворец; *20* – МКВ-15; *21* – базилика; *22* – СК в Лагерной балке; *23* – укрепление А.XIV; *24* – укрепление А.XI.
Составлена В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 2. Modern archaeological map of the fortified settlement of Mangup in the ninth and tenth centuries
1 – the building complex at the back side of the citadel; *2* – stratigraphic excavation trench on the side Teshkli-Burun promontory; *3* – wine-press MKB-12; *4* – wine-press MKB-10; *5* – wine-press MKB-9; *6* – wine-press MKB-4; *7* – wine-press MKB-5; *8* – wine-press MKB-13; *9* – wine-press MKB-7; *10* – wine-press MKB-11; *11* – wine-press MKB-1; *12* – wine-press MKB-2; *13* – wine-press MKB-3; *14* – wine-press MKB-14; *15* – wine-press MKB-8; *16* – the cultural layer on the cemetery at St. Constantine's Church; *17* – the building complex at St. Constantine's Church; *18* – wine-press MKB-6; *19* – palace; *20* – wine-press MKB-15; *21* – basilica; *22* – the building complex in Lagernaia ravine; *23* – fortification A.XIV; *24* – fortification A.XI. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

Рис. 3. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Современное аэрофото с указанием наиболее важных объектов археологических исследований, в том числе периода IX–XI вв. (5–6, 8–9, 12–13)
1 – Северо-восточный монастырь; *2* – «гарнизонная» церковь; *3* – «церковь 2005 г.»; 4 – октагональный храм; *5* – МКВ-9; *6* – МКВ-10; *7* – осадный колодец; *8* – МКВ-12; *9* – постройка 1976 г.; *10* – донжон цитадели; *11* – «церковь 1967 г.»; *12* – МКВ-4 и МКВ-5; *13* – стратиграфический раскоп 1998 и 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса

Fig. 3. Citadel at Teshkli-Burun promontory. Modern aerial photo indicating the most important objects under archaeological research, including the period from the ninth to eleventh centuries (5–6, 8–9, 12–13)
1 – north-eastern monastery; *2* – "garrison" church; *3* – "2005 church"; *4* – octagonal temple; *5* – wine-press MKB-9; *6* – wine-press MKB-10; *7* – siege well; *8* – wine-press MKB-12; *9* – 1976 building; *10* – donjon of the citadel; *11* – "1967 church"; *12* – wine-presses MKB-4 and MKB-5; *13* – 1998 and 2003 stratigraphic excavation trench on the south-eastern side of the promontory

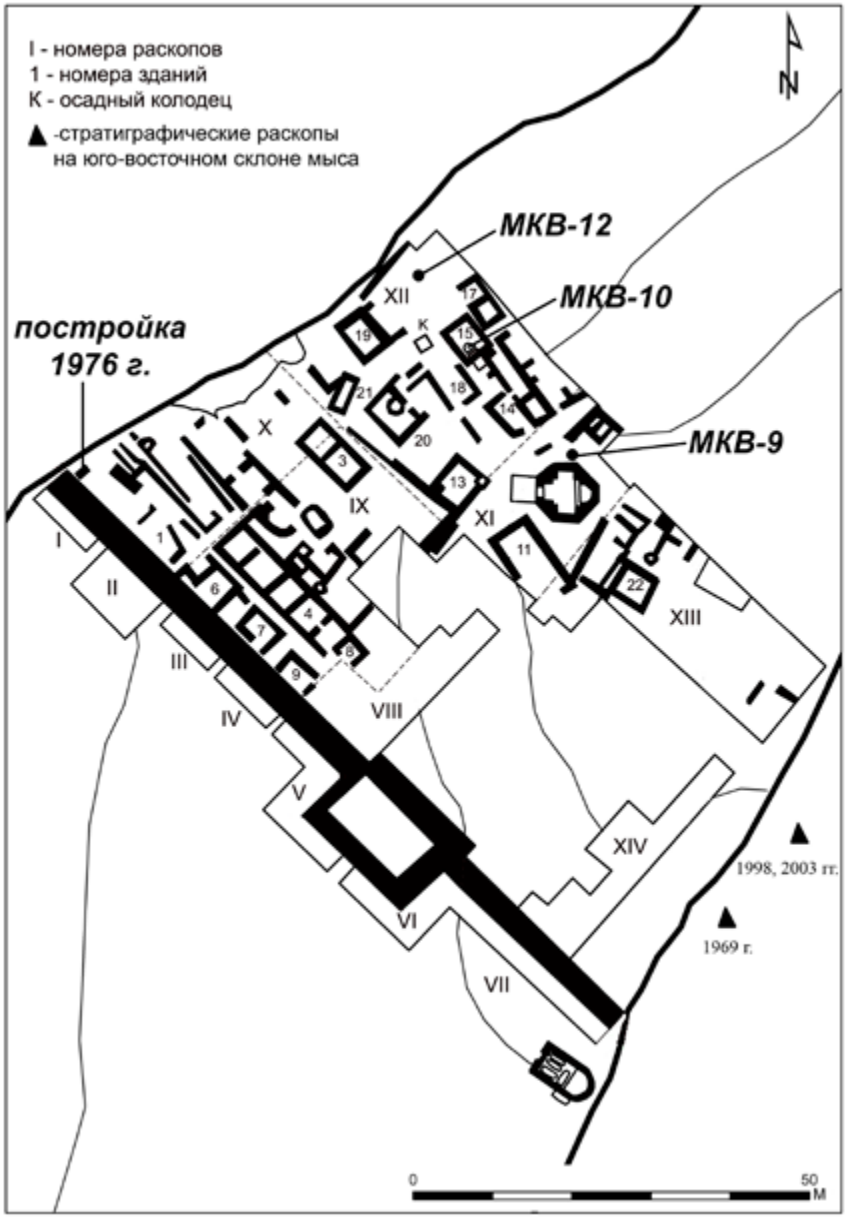


Рис. 4. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Общий план жилой и хозяйственной застройки XIV–XV вв. у тыльной стороны по результатам раскопок 1969–1971, 1975–1981 и 1990–2005 гг. с указанием объектов IX–XI вв. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 4. Citadel at Teshkli-Burun promontory. The general plan of residential and economic buildings from the fourteenth and fifteenth centuries at the back side according to the results of 1969–1971, 1975–1981 and 1990–2005 excavations, indicating the objects from the ninth to eleventh centuries. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

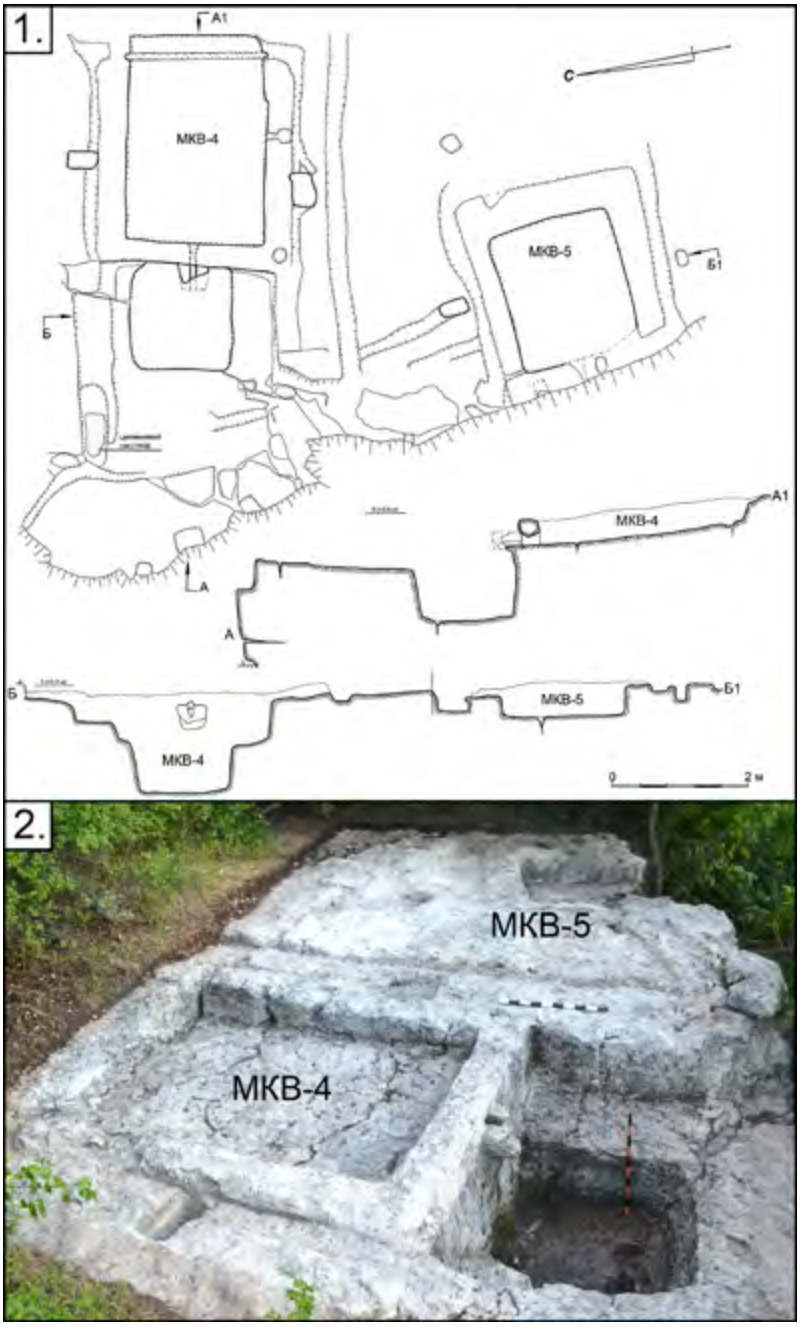


Рис. 5. Скальные виноградодавильни МКВ-4 и МКВ-5 на эспланаде Мангупской цитадели: *1* – план и разрезы; *2* – фото, вид с севера. Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 5. Carved-in-rock wine-presses MKB-4 and MKB-5 on the esplanade of Mangup citadel: *1* – plan and cross-sections; *2* – photo, view from the north. Compiled by V. K. Gantsev

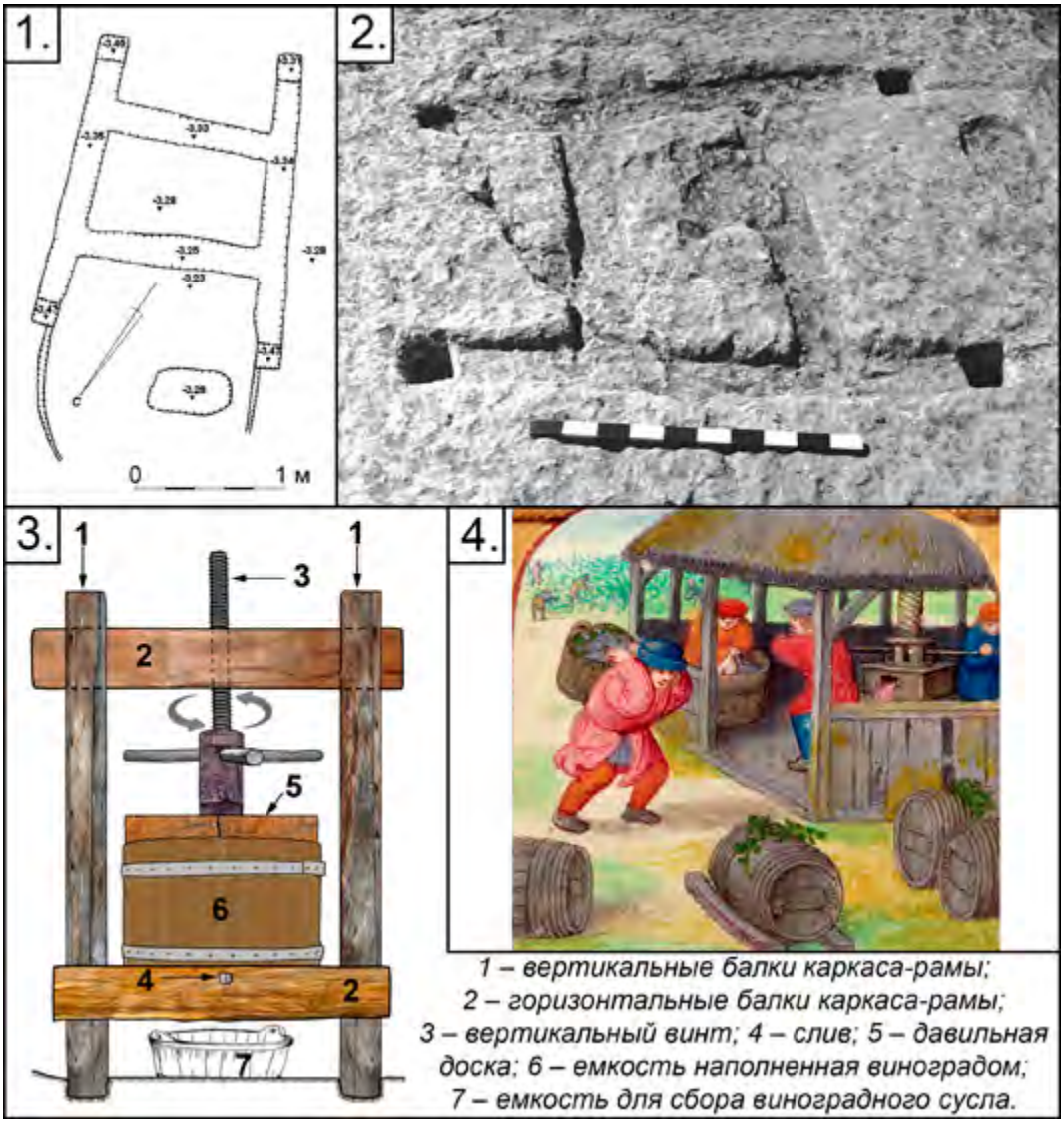


Рис. 6. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Скальная виноградодавильня МКВ-12: *1* – общий план скальных вырубок под станины винтового пресса; *2* – общий вид с востока, фото; *3* – реконструкция винтового пресса; *4* – сцена обработки винограда с использованием винтового пресса на средневековой миниатюре (по: «Horae cum calendario», 1510–1525 гг., Национальная библиотека Франции, URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10053553j/f19.item). Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 6. Citadel at Teshkli-Burun promontory. Carved in rock wine-press MKB-12: *1* – general plan of cuts in rock for screw press beds; *2* – general view from the east, photo; *3* – reconstruction of a screw press; *4* – scene of processing grapes using a screw press on a mediaeval miniature (after: *Horae cum calendario*, 1510–1525, National Library of France, URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10053553j/f19.item). Compiled by V. K. Gantsev

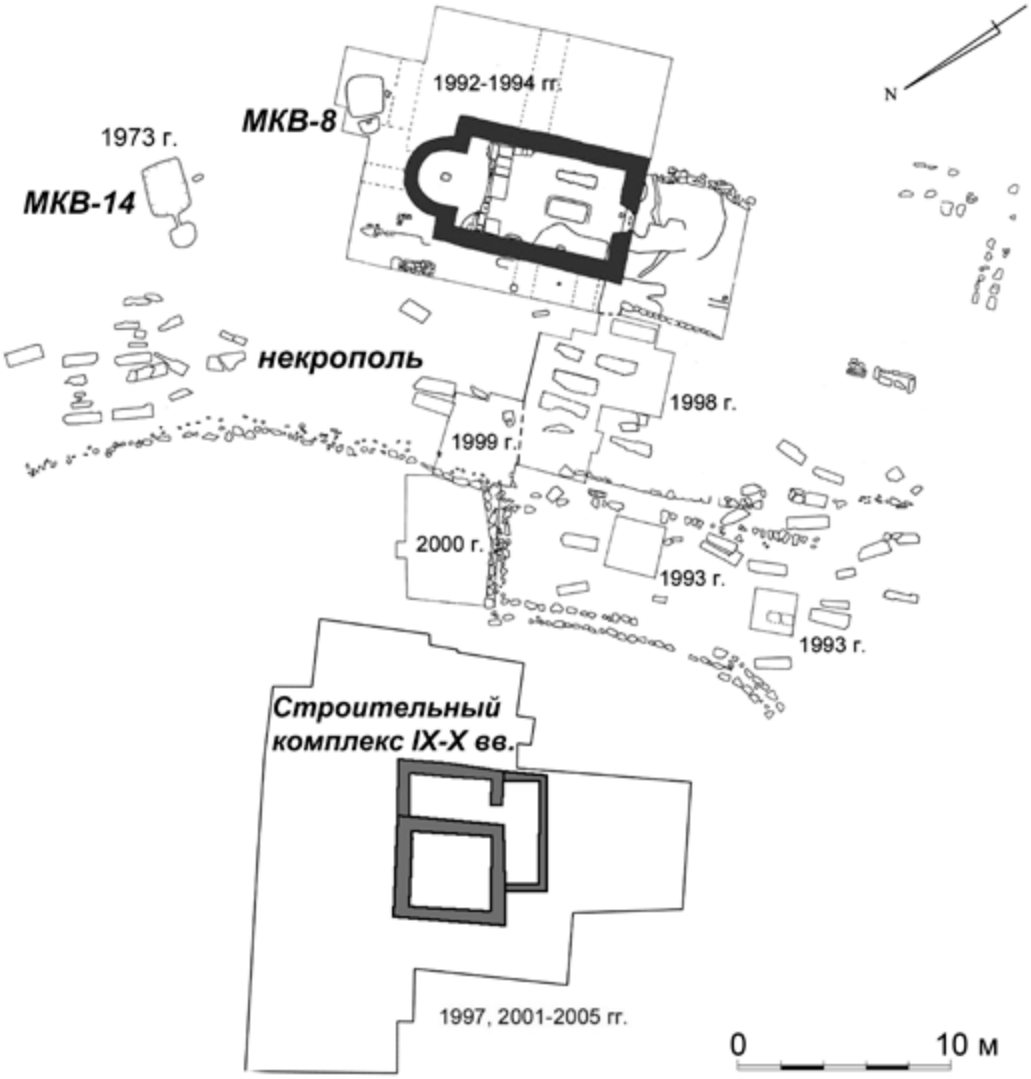


Рис. 7. Церковь св. Константина. Общий план участков исследований 1973, 1992–1994, 1997–2005 гг. Составлен В. Е. Науменко и В. К. Ганцевым

Fig. 7. St. Constantine's Church. General plan of 1973, 1992–1994, 1997–2005 research areas. Compiled by V. E. Naumenko and V. K. Gantsev

Рис. 8. Церковь св. Константина. Прихрамовый некрополь и скальные виноградодавильни. Общий вид с востока. 2020 г., аэрофото А. А. Душенко
Fig. 8. St. Constantine's Church. The cemetery at the church and carved-in-rock wine-presses. General view from the east. 2020, aerial photo by A. A. Dushenko

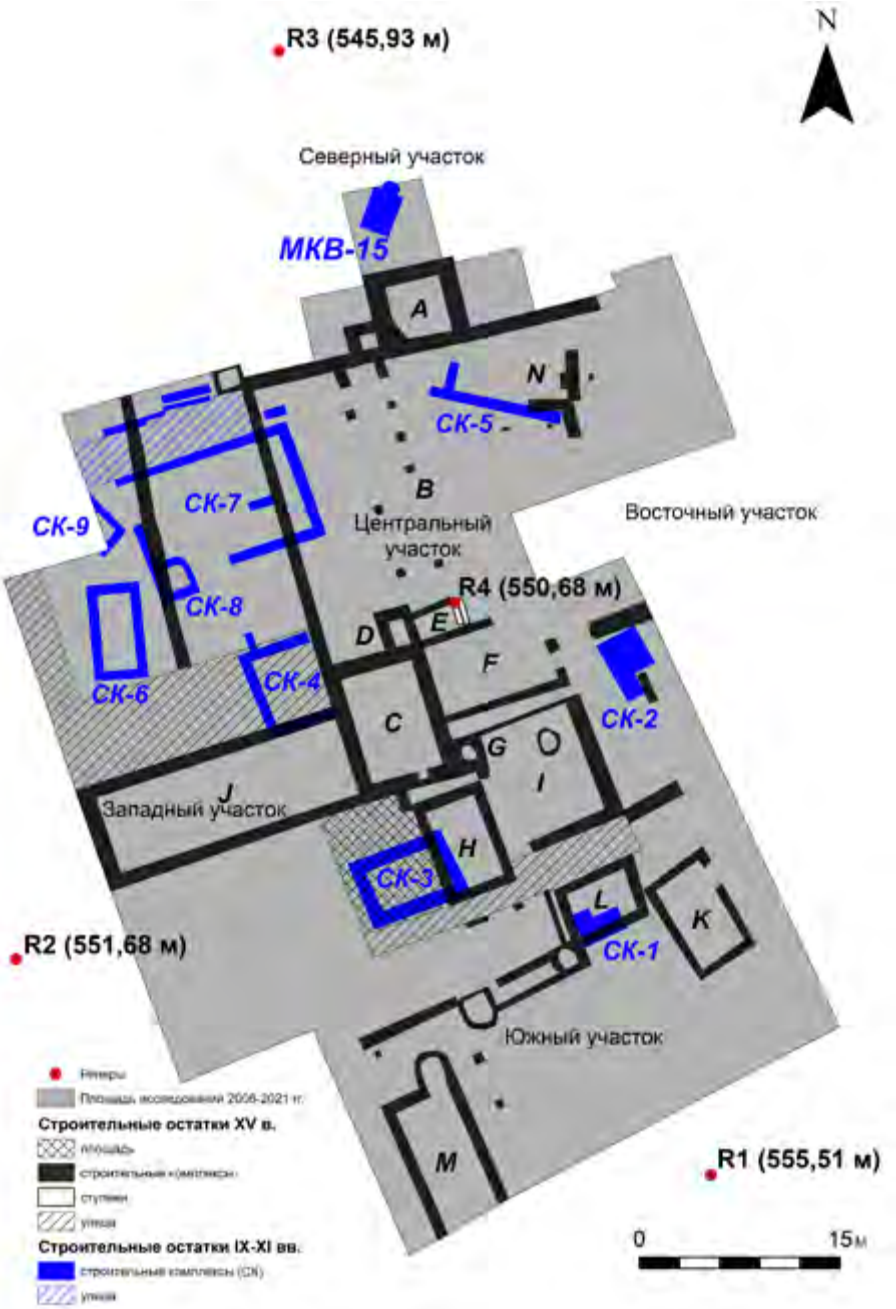


Рис. 9. Дворец. Общий план участка исследований 2006–2010, 2014–2021 гг. с указанием строительных остатков IX–XI и XV вв. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 9. Palace. General plan of the 2006–2010, 2014–2021 research area, indicating the construction remains from the ninth to eleventh and fifteenth centuries. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

Рис. 10. Дворец. Западный участок исследований (раскопки 2017–2021 гг.). Общий план яруса застройки середины IX – середины XI в. по уровню ее дневной поверхности (8-го слоя). Ямы №№ 79 и 81 датируются первой половиной – серединой IX в. и, соответственно, предшествуют ему, яма № 69 относится к более позднему строительному горизонту золотоордынского времени (конца XIII – XIV в.); яма № 66 и помещение В – сооружения дворца 1425–1475 гг. Составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко

Fig. 10. Palace. Western research area (2017–2021excavations). The general plan of the building tier from the mid-ninth to the mid-eleventh centuries on the daily surface level (8th layer). Pits no. 79 and 81 date from the first half / mid-ninth century and, accordingly, precede the said tier, pit no. 69 corresponds to later building horizon from the Golden Horde Period (late thirteenth and fourteenth centuries); pit no. 66 and room B are the constructions of the palace from 1425–1475. Compiled by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko

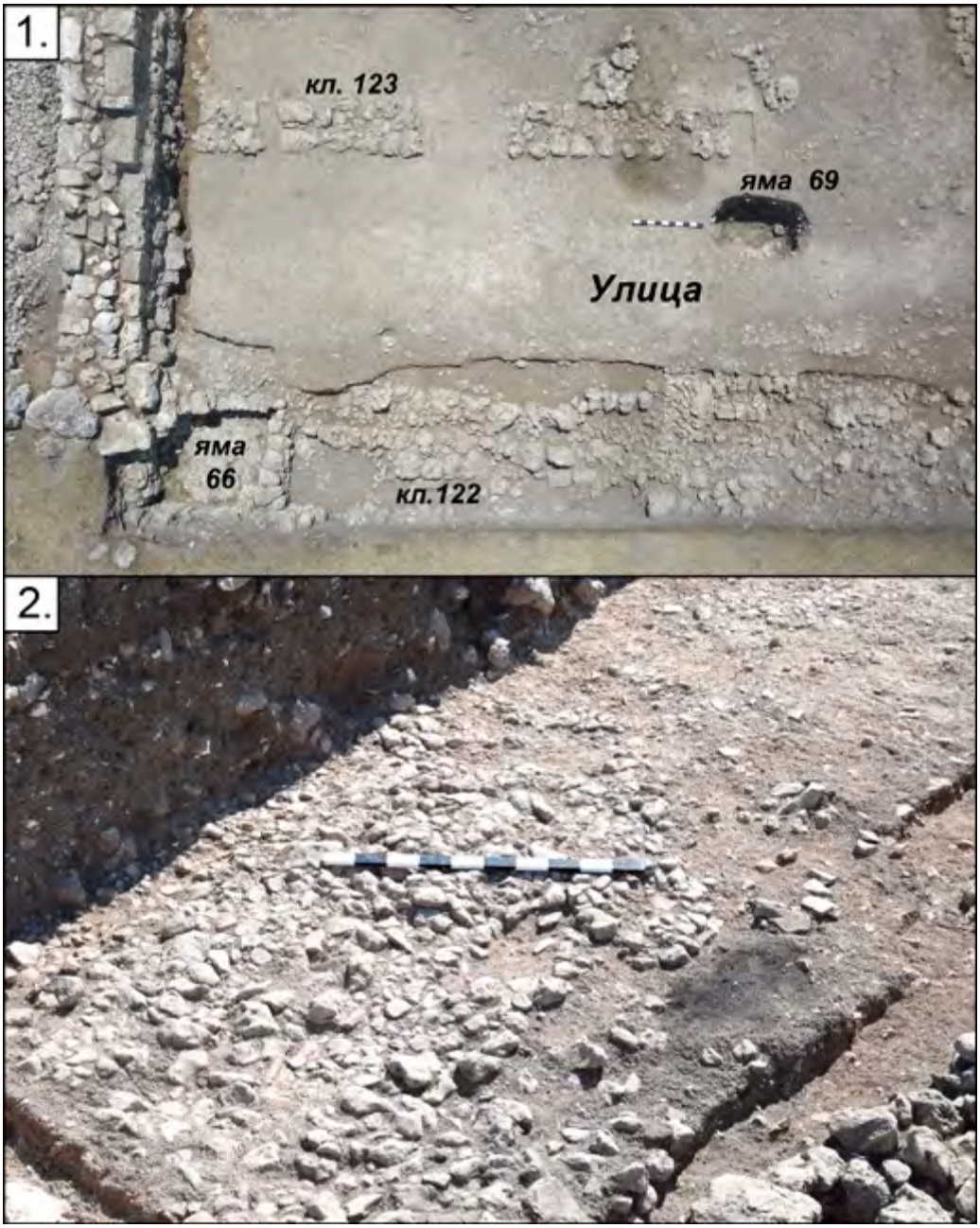


Рис. 11. Дворец. Западный участок исследований: *1* – улица IX–XI вв. по уровню 8-го слоя, 2021 г.; *2* – фрагмент каменного мощения улицы IX–XI вв., 2020 г. Фото автора

Fig. 11. Palace. Western research area: *1* – street from the ninth to eleventh centuries at the level of the 8th layer, 2021; *2* – fragment of stone pavement on the street from the ninth to eleventh centuries, 2020. Photo: the author

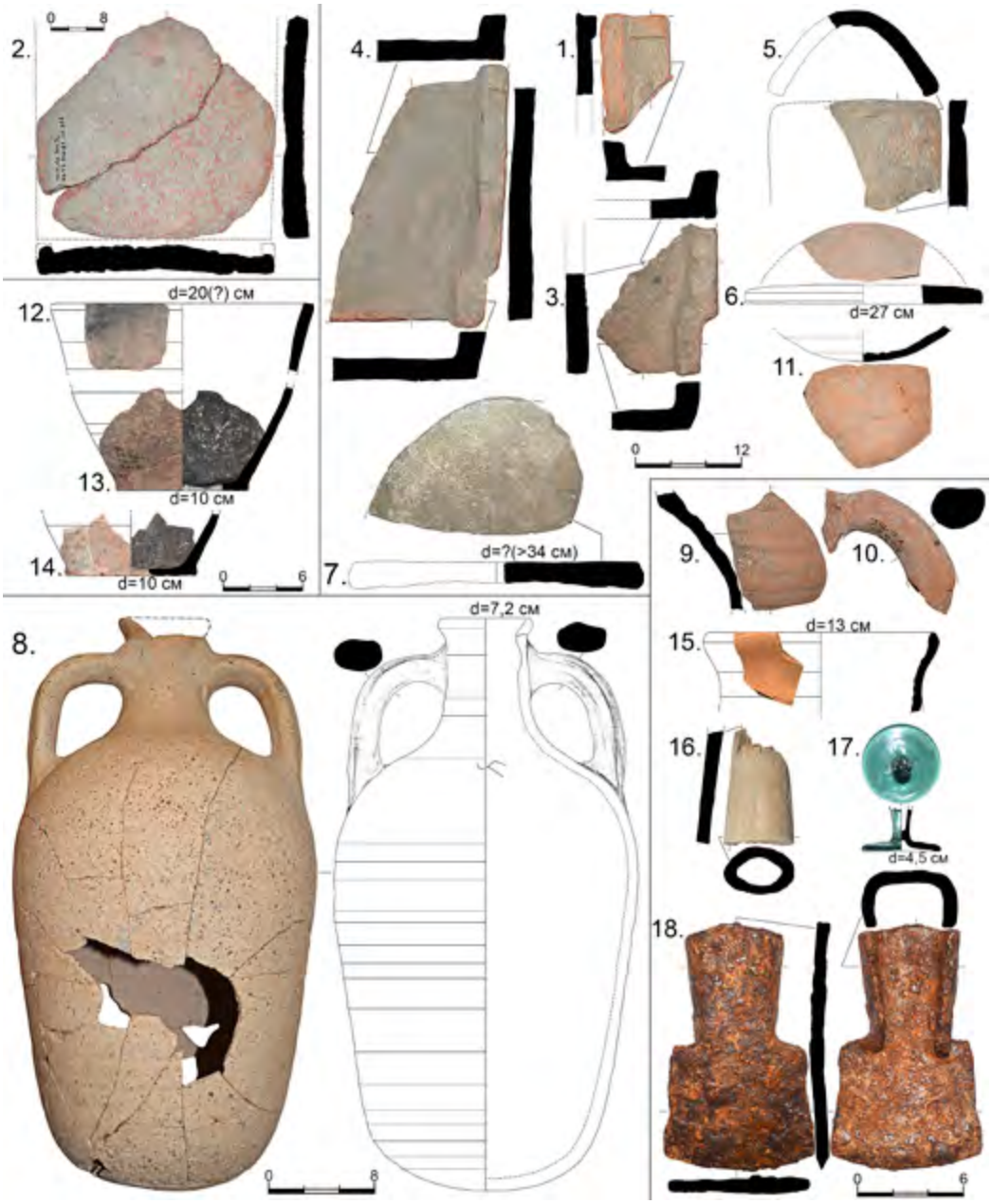


Рис. 12. Дворец. Западный участок исследований. Квадрат № 47. Хозяйственная яма № 81. Заполнение. Основные категории находок (раскопки 2021 г.): *1–6, 8–15* – керамика; *7* – мергель; *16* – кость; *17* – стекло; *18* – железо. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 12. Palace. Western research area. Excavation trench no. 47. Storage pit no. 81. Infill. The main categories of the finds (2021excavations): *1–6, 8–15* – ceramic ware; *7* – marl; *16* – bone; *17* – glass; *18* – iron. Compiled by V. K. Gantsev

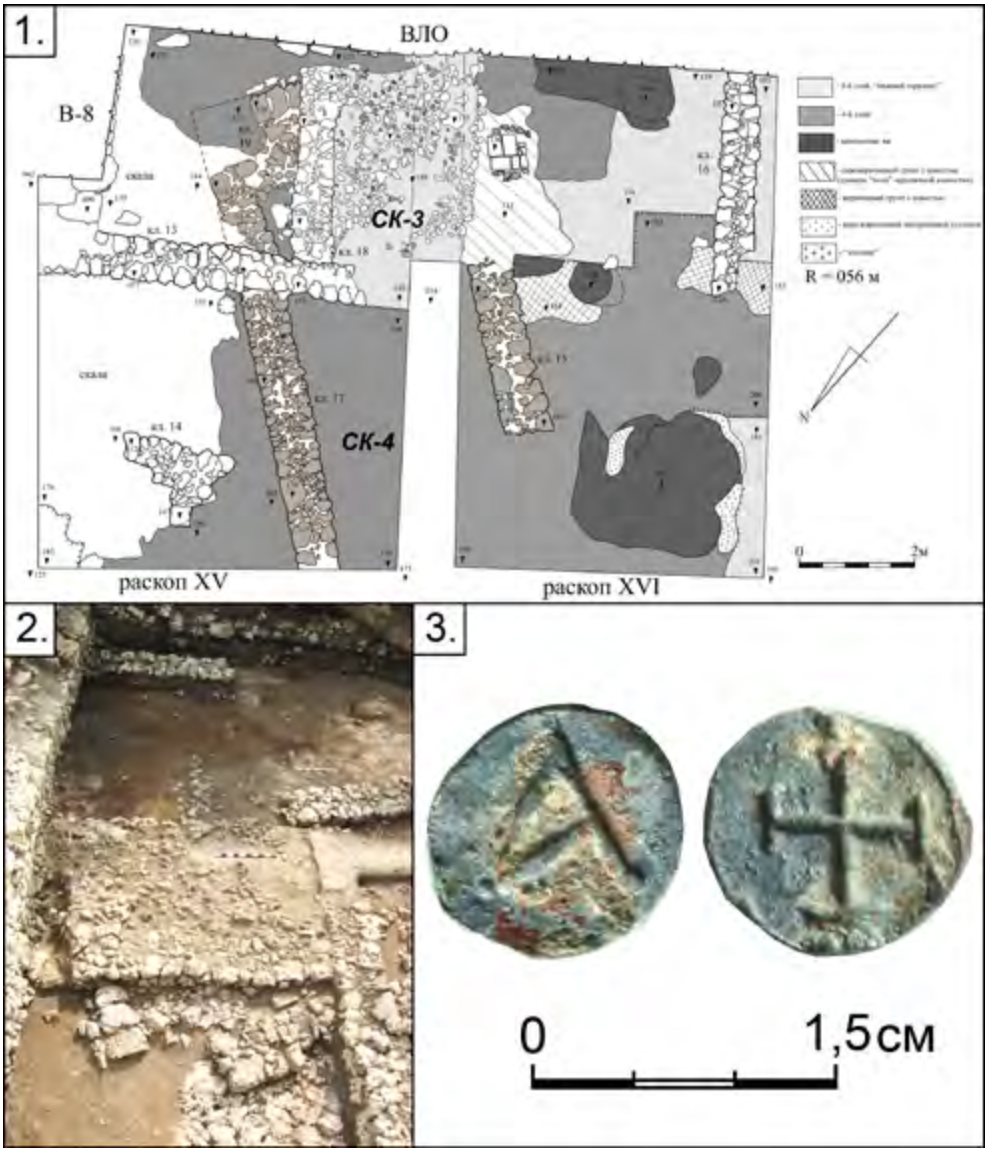


Рис. 13. Лагерная балка: *1* – общий план СК-3 по итогам раскопок 2007–2008 гг.; *2* – центральный участок СК-3 по уровню 3-го слоя («слоя разрушения» постройки), на переднем плане – северо-восточный угол СК-4, фото автора 2007 г.; *3* – херсоно-византийская монета времени Михаила III (842–867) (тип Анохин 337) из «слоя разрушения» СК-3 (2007 г., к.о. 1167). Составлен В. Е. Науменко и В. К. Ганцевым

Fig. 13. Lagernaia ravine: *1* – general plan of building complex-3 according to the 2007–2008 excavations; *2* – central area of building complex-3 at the level of the 3rd layer (“destruction layer” of the building), in the foreground is the north-eastern corner of building complex-4, photo by the author, 2007; *3* – Cherson-Byzantine coin from the age of Michael III (842–867) (type Anokhin 337) from the “destruction layer” in the building complex-3 (2007, collection no. 1167). Compiled by V. E. Naumenko and V. K. Gantsev

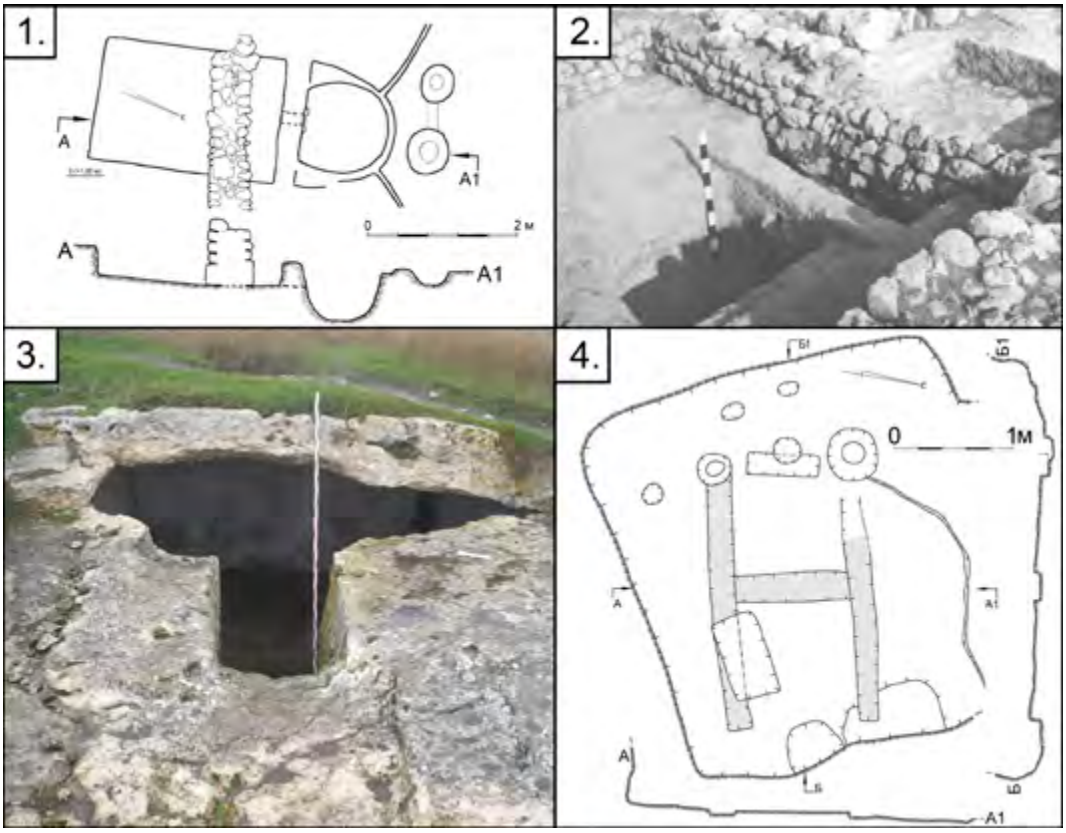


Рис. 14. Скальные виноградодавильни МКВ-10 и МКВ-11: *1* – общий план и архитектурные разрезы МКВ-10; *2* – МКВ-10, общий вид с запада, фото автора; *3* – скальное сооружение для размещения МКВ-11; *4* – общий план и архитектурные размеры МКВ-11. Составлен В. К. Ганцевым

Fig. 14. Rock wine-press-10 and wine-press-11: *1* – general plan and architectural sections of wine-press-10; *2* – wine-press-10, general view from the west, photo by the author; *3* – rock structure to accommodate wine-press-11; *4* – general plan and architectural dimensions of wine-press-11. Compiled by V. K. Gantsev

Рис. 15. Цитадель. 2001 г. Виноградодавильня МКВ-10. Заполнение тарапана и верхнего горизонта засыпи суслоприемника. Основные категории керамических находок. Выполнен В. К. Ганцевым
Fig. 15. Citadel. 2001. Wine-press-10. Infill of the press and the upper horizon of the backfill of the juice receiver. Main categories of ceramic finds. Completed by V. K. Gantsev

Рис. 16. Цитадель. 2001 г. Виноградодавильня МКВ-10. Нижний горизонт засыпи суслоприемника. Основные категории керамических находок. Выполнен В. К. Ганцевым
Fig. 16. Citadel. 2001. Wine-press MKB-10. The lowermost horizon of the backfill of the juice receiver. Main categories of ceramic finds. Completed by V. K. Gantsev

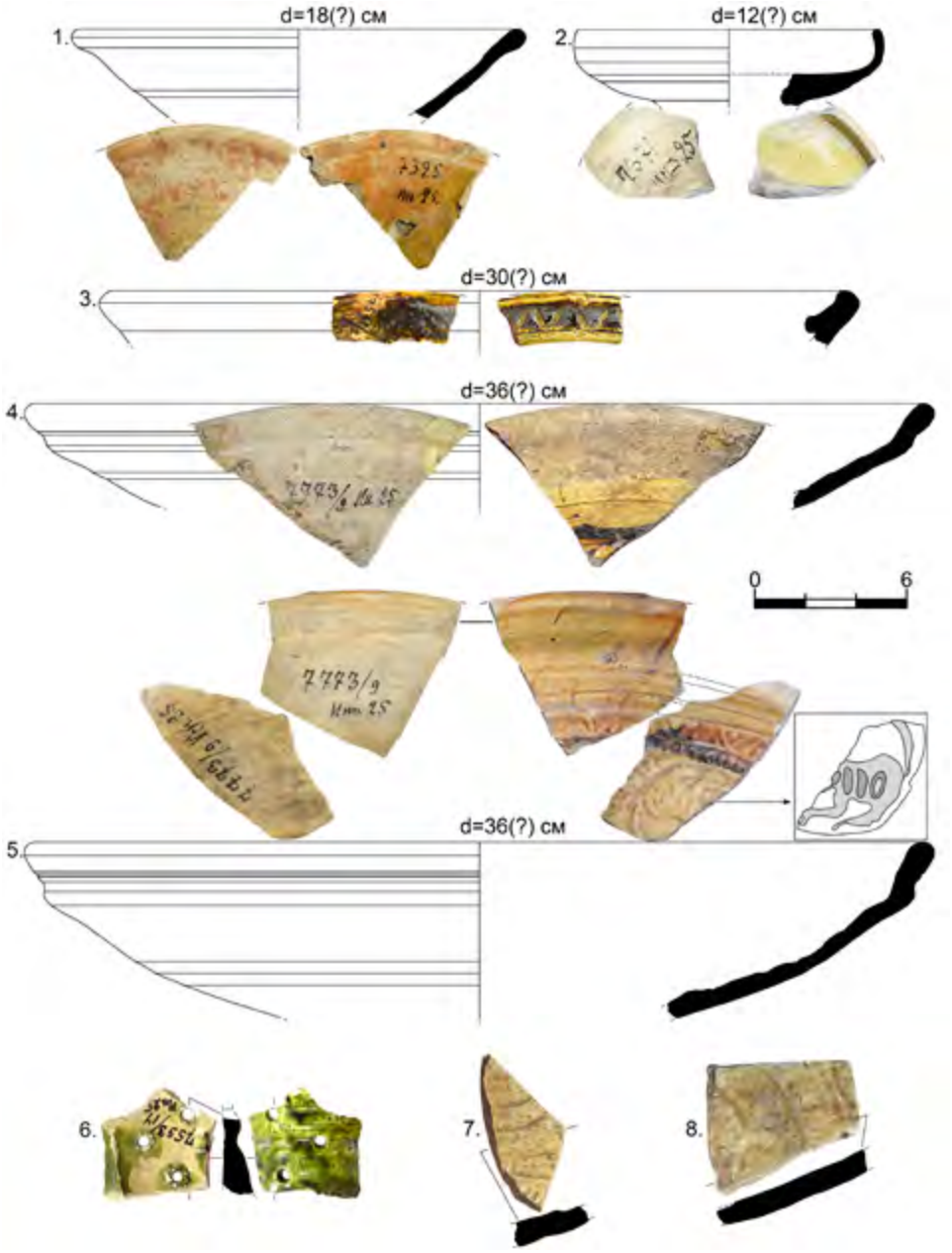


Рис. 17. Базилика. Глазурованная керамика группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг. Группа хранения – так называемая «инвентаризация 1925 г.»: *1* – инв. № 7325-25; *2* – инв. № 7371-25; *3* – инв. № 7591-25; *4–5, 7–8* – инв. № 7773/9-25; *6* – инв. № 7593/14-25. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 17. Basilica. Glazed pottery of the group GWW-II excavated by R. Kh. Leper in 1912–1913. Storage group is the so-called "1925 inventory": *1* – inv. no. 7325-25; *2* – inv. no. 7371-25; *3* – inv. no. 7591-25; *4–5, 7–8* – inv. no. 7773/9-25; *6* – inv. no. 7593/14-25. Compiled by V. K. Gantsev

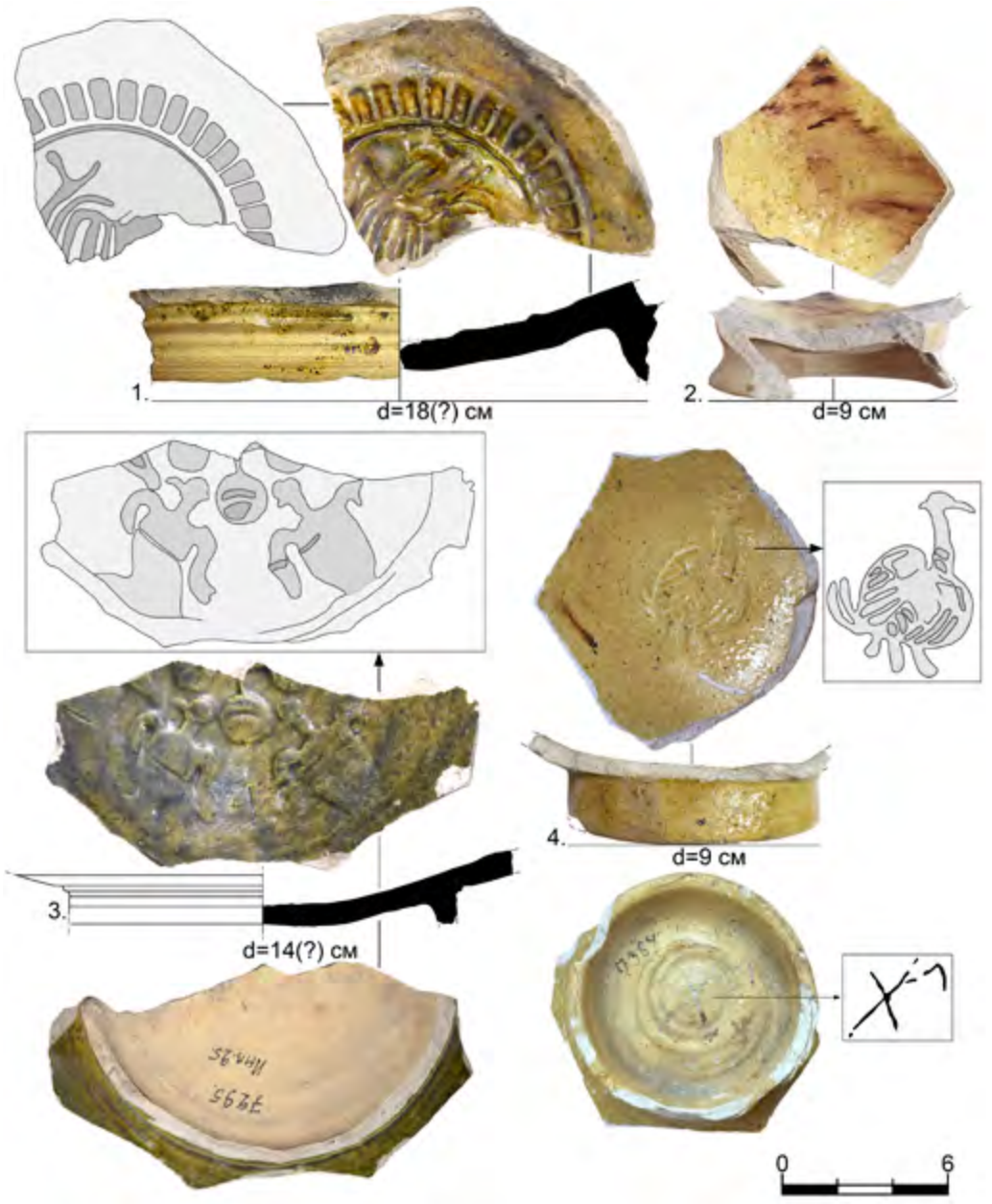


Рис. 18. Базилика. Глазурованная керамика группы GWW-II из раскопок Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг. Группа хранения – так называемая «инвентаризация 1925 г.»: *1* – инв. № 7284-25; *2* – инв. № 7335-25; *3* – инв. № 7295-25; *4* – инв. № 7364-25. Выполнен В. К. Ганцевым

Fig. 18. Basilica. Glazed pottery of the group GWW-II excavated by R. Kh. Leper in 1912–1913. Storage group is the so-called "1925 inventory": *1* – inv. no. 7284-25; *2* – inv. no. 7335-25; *3* – inv. no. 7295-25; *4* – inv. no. 7364-25. Compiled by V. K. Gantsev

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
3. Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 121–135.
4. Алексеенко Н.А. О редких бронзовых монетах (Анохин 351) средневековой Таврики // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 248–256.
5. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
6. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.
7. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262–271.
8. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
9. Ганцев В.К. Ротационные жернова IX–XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 6. С. 131–141.
10. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166.
11. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29–34.
12. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
13. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59–65.
14. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
15. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
16. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
17. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.
18. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сборник научных трудов. Том I / под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Киев, 2005. С. 257–287.
19. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384–432.
20. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. 53: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара. С. 227–253.
21. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
22. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 79–86.
23. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв.

ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 53–58.
24. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-иммитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 120–135.
25. Душенко А.А. Укрепление А.XI Главной линии обороны Мангупа // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVI. С. 271–310.
26. Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX–XI вв. // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 152–159.
27. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 2011. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.
28. Науменко В.Е. Амфоры; Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. С. 35–57.
29. Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Вып. 1. Сборник научных трудов / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Интерсфера, 2013. С. 189–191.
30. Науменко В.Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2016. С. 475–506.
31. Науменко В.Е. Мангуп-Дорос средневизантийского времени. История, топография, функции укрепленного поселения // XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации»: материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 193–198.
32. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
33. Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К. Историческая топография Мангупа фемного периода. Новые материалы археологических исследований // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 165–178.
34. Науменко В.Е., Якушечкин А.В. Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 167–182.
35. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1995. 169 с.
36. Сидоренко В.А. Церковное и муниципальное производства литых херсоно-византийских монет IX – начла XIII вв. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Вып. 1. Сборник научных трудов / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Интерсфера, 2013. С. 267–292.
37. Сидоренко В.А. Бронзовые монеты с изображением «Креста Константина» и «Беты», причисляемые средневековому Херсону, и Чамнубурунский клад // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 257–286.
38. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 172–181.
39. Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // Stratum plus. 2010. № 6. С. 187–200.
40. Тиханова М.А. Базилика // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.
41. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
42. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Материалы по археологии и

истории античного и средневекового Крыма. 2010. Вып. II. С. 192–198.
43. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. T. 54. P. 271–275.
44. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès a la fin du 11e s. // REB. 1984. T. 42. P. 215–224.
45. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age. 2008. T. 120/2. P. 307–326.
46. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. // BCH. 1960. T. 84/1. P. 1–109.
47. Günsenìn N. Les amphores byzantines (X–XIII s.): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. Paris: De L'Université de Paris I Press, 1990. 319 p.
48. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1992. 455 p.
49. Oikonomides N. Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris: Centre National de la recherché scientifique Publ., 1972. 403 p.
50. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // Byzantina. 2018. T. 35. P. 195–216.
51. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study // Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: BAR, 2014. P. 873–883.
52. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 224 p.
53. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni / Eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017. P. 285–310.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Alekseenko N.A. Byzantine administration on the Bosporus in the second half of the 10th century (according to the monuments of sphragistics). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 564–570.
3. Alekseenko N.A. New finds of Byzantine seals in the Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 121–135.
4. Alekseenko N.A. On Rare Bronze Coins (Anokhin 351) of Medieval Taurika. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 248–256.
5. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Mining of Chersonesos (4th century BC – 12th century AD)]. Kyev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.
6. Veimarn E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ia. Archaeological Research of the Capital of the Principality of Theodoro. Bibikov S.N. (Ed.), *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arheologii Kryma* [Feudal Taurica. Materials on the History and Archaeology of the Crimea], Kyev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123–139.
7. Vinogradov A.Iu. The Inscription from Tabana-dere: 500 years later. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 262–271.
8. Vinogradov A.Iu. The maim reserch problems and questions of researches in Byzantine epigraphy of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 278–298.
9. Gantsev V.K. Rotary Millstones of the 9th–11th Centuries from the Excavations of the Mangup Princely

Palace. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 131–141.
10. Gertsen A.G. Fortress Ensemble of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 87–166.
11. Gertsen A.G. Khazars in Doros-Mangup. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], Kharkiv, 2002, vol. 1, pp. 29–34.
12. Gertsen A.G. Doros-Theodoro (Mangup): from an early Byzantine fortress to a feudal city. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 94–112.
13. Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Byzantine seals from excavations of Mangup-Kale. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2002, vol. 33, pp. 59–65.
14. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): III Horizon of Building (the middle 9th – the beginning of the 10th centuries). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 240–295.
15. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): I Horizon of Building (the 16th–18th centuries). *Materialy po akrheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 233–298.
16. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The Pottery of 9th–11th centuries from a residential complex on Teshkli-burun cape. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 127–147.
17. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Glazed Ceramics from Excavations of Mangup's Citadel. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.: sbornik nauchnyh trudov. Tom I* [Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea Region of the 10th–18th Centuries: collective papers. Vol. I], Kyev, Stylos Publ., 2005, pp. 257–287.
18. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the history of the Mangup Citadel (based on Archaeological Research on the South-Eastern Slope of Teshkli-burun cape). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2006, vol. 37, pp. 384–432.
19. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Octagonal Church of Mangup's Citadel: Questions of Chronology and Architectural Composition. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 227–253.
20. Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the Study in the History of Mangup from the Eighth to the Eleventh Century: the Condition of Sources and Perspectives for Research. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 615–640.
21. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (A Preliminary Communication). Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. X Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [X International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis"], Sevastopol, Simferopol, Kolorit Publ., 2018, pp. 53–58.
22. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. The Rock-Cut Wine Presses at Mangup. Alekseienko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiskii seminar* [XI International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis"], Simferopol, Kolorit Publ., 2019, pp. 79–86.
23. Gertsen A.G., Sidorenko V.A. Chamnuburun Hoard of Imitation Coins. To the Dating of the Western Section of the Fortifications of Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1988, vol. 24, pp. 120–135.
24. Gertsen A.G., Zemlyakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraphic studies on the south-eastern slope of Teshkli-burun cape (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 371–494.
25. Dushenko A.A. Strengthening A.XI Mangup Main Line of Defence. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], Simferopol, 2022, vol. 16, pp. 271–310.

26. Maiko V.V. Concerning the Establishment of Medieval Horizons of Mangup from the Ninth to Eleventh Centuries. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 152–159.
27. Moiseev D.A. Archaeological Complex of Building Ceramic from Excavations Settlement of 9th–10th Centuries in Lagernaya Gully (Mangup). *Drevnosti 2011* [Antiquities 2011], Kharkiv, 2011, vol. 10, pp. 172–190.
28. Naumenko V.E. Amphorae; High Neck Jugs with Wide Strap Handles. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tyritake. Excavation Trench XXVI. Vol. I. Archaeological Assemblages 8th–10th centuries AD], Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2009, pp. 35–57.
29. Naumenko V.E. Taurika in Russian-Byzantine Relations in the middle of 10th – early 11th C.: (Historical and Archaeological Comment). Alekseienko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis». Vyp. 1. Sbornik nauchnyh trudov* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «empire» and «polis». Vol. 1. Collection of scientific papers], Sevastolpol, Intersphera Publ., 2013, pp. 189–191.
30. Naumenko V.E. From the *Theme* Klimata to the *Theme* of Cherson: Characteristics of Byzantine Military and Administrative Model in Taurica. Jackson T.N. (Ed.), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2014 god: Drevniaia Rus' i srednevekovaia Evropa: vozniknovenie gosudarstv* [The Earliest States of Eastern Europe. 2014. Old Rus' and Medieval Europe: The Origin of States], Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2016, pp. 475–506.
31. Naumenko V.E. Mangup-Doros of the Middle Byzantine period. History, Topography, Functions of the fortified settlement. Mel'nikova E.A. (Ed.), *XXXI Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto «Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie etapy urbanizatsii»: materialy konferentsii* [XXXI Readings Dedicated to the Memory of Vladimir Pashuto. Eastern Europe in the Antiquity and the Middle Ages. Early Stages of Urbanization], Moscow: Institute of World History RAS Publ., 2019, pp. 193–198.
32. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R.Kh. Leper's Collection in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 187–238.
33. Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K. Historical Topography of Mangup in the Theme Period: New Materials of Archaeological Researches. Alekseienko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis. XIV International Byzantine Seminar], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 165–178.
34. Naumenko V.E., Yakushechkin A.V. The Byzantine Coins Excavated at the Palace of Mangup. A General Review of the Collection. Alekseienko N.A. (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IX Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. IX International Numismatic Symposium]. Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 167–182.
35. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona* [Amphorae from the complexes of Byzantine Kherson]. Ekaterinburg, Ural University Press, 1995, 169 p.
36. Sidorenko V.A. Church and Municipal Productions Cast Kherson-Byzantine Coins in 9th – the beginnings 13th Centuries. Alekseienko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis». Vyp. 1. Sbornik nauchnyh trudov* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «empire» and «polis». Vol. 1. Collection of scientific papers]. Sevastolpol, Intersphera Publ., 2013, pp. 267–292.
37. Sidorenko V.A. Bronze Coins with the Image of "The Cross Constantine" and "Beta", classifies medieval Cherson, and the Chamnuburun Hoard. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 257–286.
38. Smokotina A.V. Byzantine Glazed Ceramics of the 7th – the first half of the 9th Centuries from the Excavations in Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 172–181.
39. Stupko M.V., Turovsky E.Ia. Cast Coins in Medieval Chersonese. *Stratum plus*, 2010, no. 6, pp. 187–200.

40. Tikhanova M.A. Basilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, no. 34, pp. 334–389.
41. Khrushkova L.G. On the discussion about the time when the Mangup basilica was constructed. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 107–138.
42. Choref M.M. The Coinage of Kherson in the first half of the 8th Century. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2010, vol. 2, pp. 192–198.
43. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson. *Revue des Études Byzantines*, 1996, vol. 54, pp. 271–275.
44. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès a la fin du 11e s. *Revue des Études Byzantines*, 1984, vol. 42, pp. 215–224.
45. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age,* 2008, vol. 120/2, pp. 307–326.
46. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1960, vol. 84, no. 1, pp. 1–109.
47. Günsenìn N. *Les amphores byzantines (X–XIII s.): typologie, production, circulation d'après les collections Turques*. Paris, De L'Université de Paris I Press, 1990, 319 p.
48. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1992, 455 p.
49. Oikonomides N. *Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, Centre National de la recherché scientifique Publ., 1972, 403 p.
50. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? *Byzantina*, 2018, vol. 35, pp. 195–216.
51. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., Kilikoglou V. (Eds.). *Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I*. Oxford, BAR, 2014, pp. 873–883.
52. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 224 p.
53. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. Gelichi S., C. Negrelli C. (Eds.). *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni*. Venice, 2017, pp. 285–310.

Сведения об авторе

Науменко В. Е. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Author information

Naumenko V. E. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.209-221

КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Валентин Константинович Ганцев
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
valentin.gancev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6097-1923

Аннотация. Главной целью исследования является разработка объективной классификации средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма. Для этого использована информация о 76 лучше всего сохранившихся винодельнях, которые локализуются в границах «пещерных городов» Крыма или в их ближайшей округе. Выделено четыре основных класса виноградодавилен. Класс I – винодельни, состоящие из давильной площадки, суслоотводного канала и суслоприемника. В зависимости от наличия и месторасположения вырубок для конструкции рычажного пресса выделено четыре типа виноделен класса I с вариантами. Ко II классу отнесены виноградодавильни, состоящие только из давильной площадки и суслоотводного канала. К классу III принадлежат винодельни, при функционировании которых использовали переносные деревянные давильные площадки. К классу IV отнесены винтовые прессы. Виноградодавильни I класса являются самыми распространенными на средневековых памятниках Крыма. Преобладает использование рычажного пресса, наиболее дешевого в сооружении и эффективного в применении.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, средневековье, виноделие, виноградодавильня, классификация, рычажный пресс, винтовой пресс

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

CLASSIFICATION OF MEDIAEVAL WINE-PRESSES IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Valentin K. Gantsev
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
valentin.gancev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6097-1923

Abstract. The main purpose of this article is to develop an objective classification of mediaeval caved-in-rock wine-presses in the south-western Crimea. The accounts of 76 best-preserved wineries located within the limits of the “cave towns” of the Crimea or in their immediate vicinity are used. There were four main classes of wine-presses. Class I includes wineries, consisting of pressing platform, juice conduct, and juice container. Four types of class 1 wine-presses with variants have been suggested depending on the presence and location of cuts-in-rock intended for the lever press. Class II comprises of wine-presses consisting only of pressing platform and juice conduct. Class III consists of the wine-presses with portable wooden pressing platforms. Class IV comprises of screw presses. Class I wine-presses

© Ганцев В.К., 2022

were the most common at the mediaeval sites in the Crimea. Lever press prevailed since it provided the cheapest construction and the most efficient usage.

Keywords: South-western Crimea, Middle Ages, winemaking, wine-press, classification, lever press, screw press

Acknowledgments: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119.

В средневековом Крыму особое развитие получила специализированная отрасль сельского хозяйства – виноделие[1]. Об этом свидетельствуют вырубленные в скале на территории «пещерных городов» или в их округе виноградодавильни, которые использовались для первичной переработки винограда – получения виноградного сусла. В юго-западной части Крымского полуострова известно около 200 виноделен средневекового времени[2]. На современном этапе исследований, актуальной задачей является разработка классификации этих производственных комплексов.

Источниковая база. Виноградодавильни в средневековом Крыму вырубали на открытых участках скальной поверхности или в отдельно стоящих глыбах камня. Главным фактором для их сооружения, по всей видимости, был свободный доступ к ним и близкое расположение к виноградникам. При этом винодельни фиксируются как в границах крепостей (Мангуп, Эски-Кермен, Кыз-Кермен), так и за их пределами (округа Сюйреньской крепости, юго-западная часть Гераклейского полуострова и др.).

Количество винодельческих комплексов в границах памятников разное:

1) одна винодельня находится в 500 м к юго-западу от цитадели Баклинского городища, на территории христианского могильника (БОкругаВ-1[3]) [15, с. 140–141, рис. 27] (рис. 1,*1*);

2) одна виноградодавильня расположена на склоне балки Пенджере-Исар, на юго-западном склоне Чуфут-Кале (ЧКВ-1) [19] (рис. 1,*2*). Она частично разрушена – откололся суслоприемник;

3) семь виноделен находится в пределах городища Кыз-Кермен (ККВ-1 – ККВ-7) [5, с. 12–14] (рис. 1,*4*). В северо-восточной части балки Кая-Арасы, которая с запада отделяет Кыз-Кермен от горного массива Фыцки-Кая-Баш, расположено девять скальных виноделен [4, с. 192–196]. Для целей нашего исследования подходит только шесть: КАВ-1 – КАВ-4, КАВ-8, КАВ-9 (от трех виноградодавилен сохранились только опорные гнезда для установки пятки рычага);

[1] Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант доклада, представленного на XIII Международном Византийском семинаре «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.) [10].

[2] В статье не ставится цель решить вопрос о точной датировке крымских скальных виноделен, что, безусловно, требует отдельного специального исследования. Лишь отметим, что большинство виноградодавилен Юго-Западного Крыма исследователями датируется в пределах VIII–X вв. [1, с. 216, 222; 3, с. 119; 4, с. 197; 5, с. 12, 15; 6, с. 113; 12, с. 83; 13, с. 136–137; 15, с. 141].

[3] Аббревиатура, используемая нами для картографирования и краткого описания виноделен, обозначает: памятник и номер виноградодавильни на этом объекте.

4) в округе Сюйреньской крепости (под восточным склоном горного массива Тапчан-Кая, под северо-восточным склоном мыса Дженичe-Бурун, под северо-западным и северо-восточным основанием мыса Кулле-Бурун) нашими разведками локализовано 38 виноградодавилен [9, с. 74–75] (рис. 1,*6*). Для классификации использовано 32 винодельни: ТКВ-1, ДБВ-1, ДБВ-4 – ДБВ-17, ДБВ-20 – ДБВ-23, КБсзВ-1 – КБсзВ-6, КБсвВ-1 – КБсвВ-5, КБсвВ-7;

5) одна винодельня вырублена в скальном гребне у южного подножия массива Тарпан-Тепе, который находится в 1 км к востоку от с. Красный Мак (ТТВ-1) (впервые обнаружена В. Л. Мыцом [13, с. 133], повторно локализована нашими разведками) (рис. 1,*7*);

6) в пределах Мангупского городища находится 15 виноградодавилен[4] [12, с. 80–81] (рис. 1,*8*). Для этого исследования использованы данные о 13 винодельнях: МКВ-1 – МКВ-8, МКВ-10 – МКВ-14 (два тарапана пострадали в результате позднейшей перепланировки территории, где они находились);

7) одна винодельня локализована нами в юго-восточной части горного массива Баллы-Коба (БКВ-1) (впервые выявлена А. Г. Герценым) (рис. 1,*9*);

8) в границах Эски-Кермена находится шесть виноградодавилен (рис. 1,*10*). От одной винодельни остался суслоприемник [1, с. 216, рис. 4,5], еще две только упоминаются в литературе [6, с. 113–114; 16, с. 110; 17, л. 27], поэтому для классификации использованы данные о трех тарапанах [1, с. 216–217] (ЭКВ-2 – ЭКВ-4). В юго-восточной части балки Джан-Казы (находится восточней Эски-Кермена), на склоне горного массива Зангурма-Баир, две виноградодавильни вырублено в крупной скальной глыбе (ДКВ-1 – ДКВ-2) [6, с. 114; 17, л. 28] (рис. 1,*11*);

9) восемь скальных виноделен расположено в юго-западной части Гераклейского полуострова (две – в Нижне-Юхариной балке (рис. 1,*15*), пять – в балке Бермана (рис. 1,*16*) [3, с. 109–111] и одна – у мыса Виноградный (рис. 1,*14*) [22, с. 149]). Для классификации отобрано семь виноградодавилен: ГПВ-1, ГПВ-2, ГПВ-4 – ГПВ-8;

10) в округе раннесредневековой крепости Сиваг-Кермен-Бурун зафиксировано три виноградодавильни [14, с. 57–58] (рис. 1,*17*). Одна из них сильно разрушена, поэтому для целей нашего исследования подходит только две винодельни, расположенные в балке Йылана (находится западней укрепления)[5] (СКБВ-1, СКБВ-2).

На выше перечисленных памятниках и в их округе находится 92 винодельни, для разработки классификации были использованы данные о 76 лучше всего сохранившихся и зафиксированных комплексах. Винодельни, которые не были завершены в процессе строительства (например, ДБВ-2 и ДБВ-3) или сильно разрушены (утеряна большая часть конструктивных элементов), нами не учитывались.

[4] Выражаю признательность А. Г. Герцену и В. Е. Науменко за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

[5] В 2017 г. в этой балке была проведена археологическая разведка А. И. Набоковым, ввыражаю ему признательность за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами этих работ.

Классификация виноградодавилен. Для античных винодельческих комплексов существует несколько вариантов классификации, предложенных С. Ф. Стрежелецким, Н. П. Андрущенко, Н. И. Винокуровым. Типология прессов разработана Ж.-П. Бруном, на материале античных памятников юга Франции [23, p. 311, fig. 2].

С. Ф. Стрежелецкий разделил винодельни Херсонеса по способу прессования винограда на четыре группы [18, с. 114]. Н. П. Андрущенко значительно дополнил классификацию С. Ф. Стрежелецкого, учитывая различную конструкцию давильных площадок [2, с. 6–7]. Н. И. Винокуровым, на основе анализа боспорских виноделен, была разработана собственная классификационная система, учитывающая следующие признаки виноградодавилен – структуру материала из которого они изготовлены, стационарность, взаимоположение и количество резервуаров, наличие или отсутствие бортов у давильной площадки, систему сливов [7, с. 116–117; 8, с. 390–391]. Отдельно отметим типологию скальных виноградодавилен, расположенных на острове Гавдос (в 35 км к югу от о. Крит), которая основана на разнообразии систем стока и сбора виноградного сусла [26, σ. 558–559, 575]. Отдельная типология создана для виноградодавилен Мангупа [12, с. 82].

Перечисленные классификации (типологии) оперируют большим разнообразием античных виноградодавилен, представленных не только скальными, но и композитными вариантами с использованием различных прессов (рычажного, винтового или рычага с воротом («катоновского пресса»)). Большая часть средневековых виноградодавилен Юго-Западного Крыма, по классификации С. Ф. Стрежелецкого, может быть отнесена ко второй (сок выдавливали руками или ногами) и третьей (сок выдавливали ногами, а затем прессом) группам [18, с. 114]. По Н. П. Андрущенко, давильные площадки этих же виноделен относятся к стационарным комплексам, на которых виноград давили сначала ногами, а затем прессом (комбинированная технология), вырублены в толще скалы и являются бортовыми [2, с. 6]. По классификации Н. И. Винокурова, средневековые скальные виноградодавильни рассматриваемого нами региона могут быть отнесены к классу монолитных, подклассу стационарных, типу бортовых давилен, с простой системой стока и сбора сусла (МIII-1а) [8, с. 103, 406–407]. Прессовые устройства крымских средневековых виноделен принадлежат к типу А0 и А1 по Ж.-П. Бруну. В результате, при использовании имеющихся классификаций для средневековых виноделен Юго-Западного Крыма незамеченным остается их разнообразие.

Метрические параметры виноградодавилен, форма и их ориентация по сторонам света не могут служить в качестве ключевых признаков при составлении классификации, так как они очень индивидуальны. Эти различия, скорее всего, связаны с характером скальной поверхности, в которой вырубались виноградодавильни, когда строителям приходилось каждую винодельню «вписывать» в имеющийся рельеф, в первую очередь, учитывая его уклон, с целью экономия усилий при рубке скалы. Разница в размерах давильных площадок и суслоприемников принципиально не влияет на их функциональное использование; от этого зависит только коли-

чество получаемой продукции. Объем собираемого виноградного сусла также не может являться критерием для классификации, так как результаты подсчетов производительности виноделен, в определенной мере, условны.

Таким образом, разрабатываемая классификация средневековых скальных виноделен основывается на следующих критериях, которые, как нам видится, в лучшей степени демонстрирую вариативность виноградодавилен Юго-Западного Крыма:

1) наличие / отсутствие тех или иных основных конструктивных элементов винодельни, к которым следует отнести давильную площадку, суслоотводной канал, суслоприемник и вырубку для конструкции рычажного пресса;

2) разновидность прессового устройства, при наличии подрубок для его конструкции.

Исходя из этих критериев, можем выделить четыре основных класса виноградодавилен на территории Юго-Западного Крыма.

Класс I (рис. 2). Виноградодавильни этого класса состоят из давильной площадки, суслоотводного канала и суслоприемника. В зависимости от наличия вырубки для конструкции рычажного пресса выделено четыре типа.

К типу 1 класса I (I-1) причисляем винодельни, на которых виноград могли давить только вручную или ногами. Каких-либо подрубок для конструкции пресса не фиксируется. К I-1 относятся: ККВ-3, МКВ-10 (?), ЭКВ-4, ДКВ-1, ГПВ-4, ГПВ-6 (?), ГПВ-8, ДБВ-11 – ДБВ-17.

К типу 2 класса I (I-2) относятся виноградодавильни прессование винограда, на которых происходило с помощью простейшего рычажного пресса, для его установки вырубали только одно опорное гнездо. В зависимости от месторасположения этого опорного гнезда, выделено два варианта.

Вариант А типа 2 класса I (I-2-А). Опорное гнездо вырубалось у одного из продольных бортов давильной площадки. В него вставляли массивную деревянную стойку, к которой крепили бревно-рычаг (рис. 4,*А*). К I-2-А относятся: БОкругаВ-1 (?), ЧКВ-1, ККВ-6, МКВ-1 – МКВ-3, МКВ-7, МКВ-8, МКВ-14, ДКВ-2.

Вариант Б типа 2 класса I (I-2-Б). Гнездо для установки пятки рычага вырубали в одном из бортов давильной площадки, как правило, продольном, хотя могли смещать его к углу тарапана. К I-2-Б относятся: КАВ-1 – КАВ-4, КАВ-9, ТТВ-1, МКВ-6, БКВ-1, ЭКВ-2. ЭКВ-3 (?), ГПВ-1, ГПВ-2, ГПВ-5 (?), ГПВ-7, ТКВ-1, ДБВ-1, ДБВ-5, ДБВ-6, ДБВ-8, КБсзВ-1. КБсвВ-1, КБсвВ-3.

К типу 3 класса I (I-3) принадлежат виноградодавильни, у которых в одном из бортов вырубали два (или более) гнезд для крепления нескольких рычагов. Эта особенность на данный момент тяжело поддается объяснению, возможно, это пример разновременности этих вырубок для крепления рычага или желание виноделов изменять в процессе давки нагрузку на виноград. К I-3 относятся: ДБВ-7 и КАВ-8 (?).

В тип 4 класса I (I-4) входят винодельни, у которых использовали рычажный пресс усложненной конструкции. Вырубали два подпрямоугольных углубления у бортов давильной площадки, в одной поперечной оси. В опорном гнезде крепили

деревянную стойку с рычагом, во второе углубление вставляли бревно, которое должно было центрировать рычаг, предотвращая его смещение влево или вправо вовремя прессования винограда (рис. 4,*Б*). В зависимости от месторасположения этих вырубок выделено два варианта.

Вариант А типа 4 класса I (I-4-А). Опорное гнездо и второе углубление вырубали вдоль продольных бортов давильной площадки. К I-4-А относятся: ККВ-1 (?), ККВ-2, ККВ-4, ККВ-5 (?), ККВ-7, МКВ-5 (?), МКВ-4, МКВ-13.

Вариант Б типа 4 класса I (I-4-Б). Опорное гнездо для установки пятки рычага вырублено в борту давильной площадки, второе углубление находится у борта площадки (рис. 4,*Б*). К I-4-Б относятся: КАВ-8, ДБВ-4, ДБВ-9 (?), ДБВ-10 (?), ДБВ-20, ДБВ-21, КБсзВ-2 – ККБсзВ-5, КБсвВ-2, КБсвВ-4, КБсвВ-5.

Класс II (рис. 3). Виноградодавильни этого класса состоят из двух элементов – давильной площадки (бортовой или плоской) и суслоотводного канала. Виноградный сок собирали в емкость, которую подставляли под край выступающего суслоотводного канала. Прессование происходило ногами. К классу II относятся[6]: СКБВ-1, СКБВ-2.

Класс III (рис. 3). При функционировании винодельческих комплексов этого класса могли использовать переносные деревянные давильные площадки. От этих виноделен сохранились две удлиненные, подпрямоугольные и параллельные друг другу подрубки в скальной поверхности, они служили основанием для установки деревянных станин, на которые крепили давильную площадку. Также составной частью этих виноделен является опорное гнездо-паз для крепления пятки рычага, вырубленное в борту скального массива (рис. 4,*В*). К классу III относятся: ДБВ-22, ДБВ-23, КБсзВ-6 и КБсвВ-7.

Класс IV (рис. 3). К этому классу отнесены вертикальные винтовые прессы, от которых сохраняются скальные вырубки в виде буквы «Н». В эти подрубки вставляли балки нижней части каркаса-рамы, в которой закреплялись вертикальный винт с давильной доской, двигающиеся вверх или вниз, погружаясь в емкость, наполненную виноградом [25, p. 401] (рис. 4,*Г*). К классу IV относятся: МКВ-11 и МКВ-12.

Выводы. В Юго-Западном Крыму в эпоху средневековья преобладают виноградодавильни класса I. Это обусловлено тем, что скальные винодельни требовали от строителей меньшего опыта при изготовлении, при этом служили более длительный период времени (у композитных виноделен необходимо каждый сезон обновлять цемянковый слой, который во время прессования подвергался разрушению). В виноградодавильнях класса I и III использовали механический рычажный пресс. Этот тип пресса был распространен в Средиземноморье и Крыму на протяжении всей античной эпохи и никогда не был вытеснен или заменен винтовым или «катоновским» прессом [24, p. 551]. Рычажный пресс повсеместно продолжал использо-

[6] Одна средневековая виноградодавильня этого класса недавно была открыта в пригороде средневекового Херсона [21].

ваться и на территории Византии [25, p. 402]. Этот пресс был легче и его быстрее можно было монтировать в случае ремонтных работ [7, с. 21].

Главным элементом рычажного пресса является рычаг, который приводился в действие вручную или с помощью груза (гири). Три гири для рычажного пресса известны на Мангупе. Они имеют грушевидную форму и проушину для подвешивания. Крепление балки-рычага в опорной стойке или боковом гнезде было шарнирным, что позволяло бревну свободно двигаться вверх и вниз [2, с. 8]. Дополнительно можно было увеличивать длину рычага, так как виноградодавильни класса I и III не были ограничены стенами постройки. Увеличение длины рычага увеличивало давление на виноград во время прессования [24, p. 578].

Различие в месторасположении опорного гнезда для конструкции рычажного пресса связано с местом нахождения винодельни. Виноградодавильни I-2-А и I-4-А сооружались на открытом пространстве, на плато. Винодельни I-2-Б и I-4-Б вырубались под мысами или на скальных террасах, где один из их бортов был достаточно высок для расположения опорного гнезда в нем.

Винтовые прессы (класс IV) использовали в закрытых помещениях, где параметры постройки не позволял изменять размеры рычага. При этом нахождение виноградодавилен класса I и IV на Мангупе свидетельствует о стадиях переработки винограда, когда первичная давка осуществлялась рычажным прессом, а окончательный отжим сока из винограда мог осуществляться с помощью винтового пресса.

Фиксация виноградодавилен типа 1 класса I позволяет говорить также о том, что виноград изначально давили ногами, а затем только прессовали, так как винодельни I-1 встречаются на памятниках вместе с виноградодавильнями других типов. В «Геопониках» рекомендуется сначала производить давку ногами, и только затем механическим способом – рычагом [11, Кн. 6, Гл. 11. 3]. Это позволяло получать сок, а затем и вино, разного качества.

Отсутствие средневековых композитных виноградодавилен в Юго-Западном Крыму не является свидетельством упадка виноделия в сравнении с эпохой античности. По всей видимости, отсутствовала необходимость сооружения виноградодавилен такого вида при наличии доступных мест с выходами скалы, в отличие, например, от Таманского полуострова, где в раннесредневековое время композитные виноградодавильни продолжали создавать [20, с. 137].

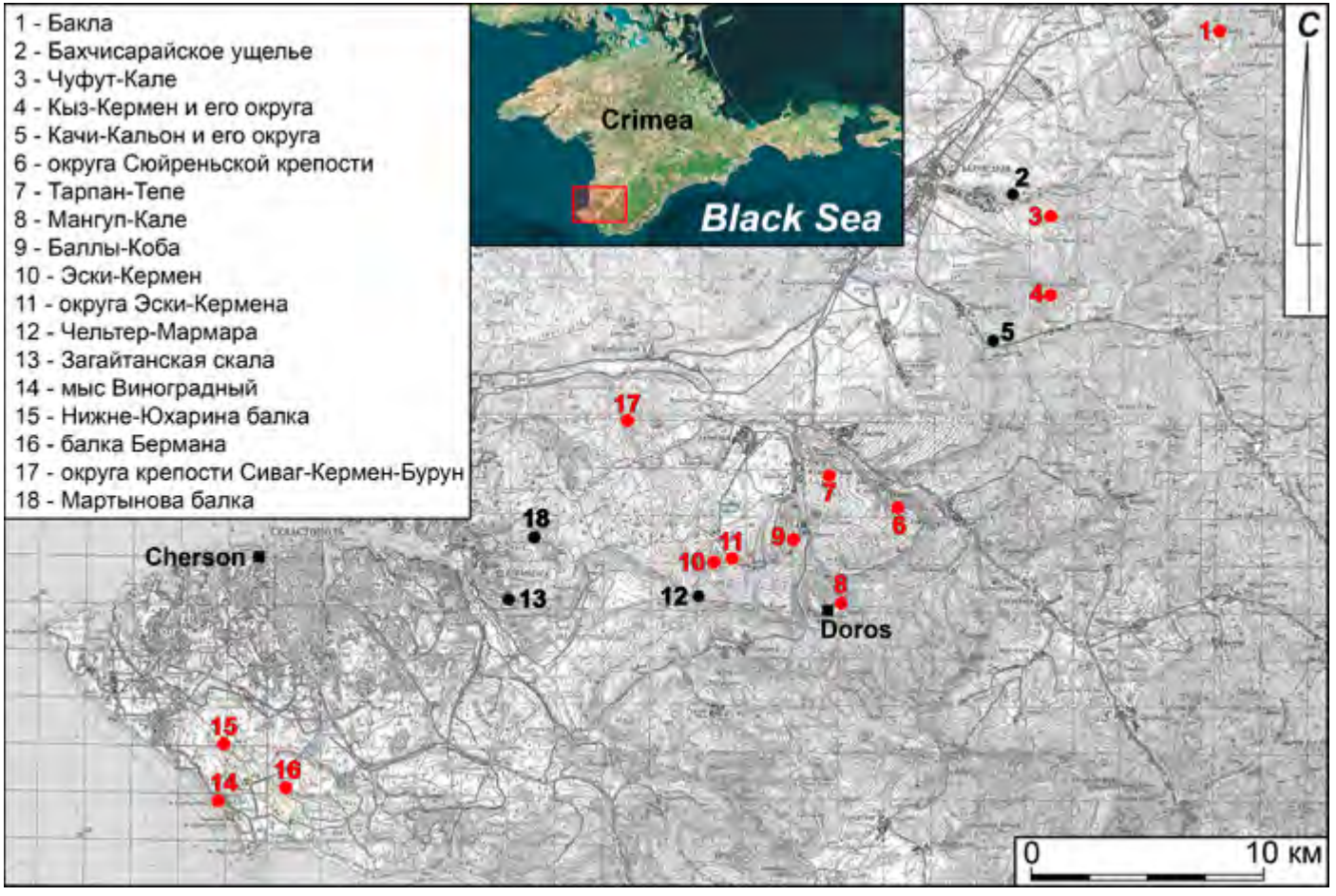


Рис. 1. Карта Юго-Западного Крыма с указанием месторасположения средневековых виноградодавилен (красным выделена локализация виноделен, отобранных для классификации)
Fig. 1. Map of the south-western Crimea indicating the locations of mediaeval wine-presses (red marks the locations of wineries selected for the classification)

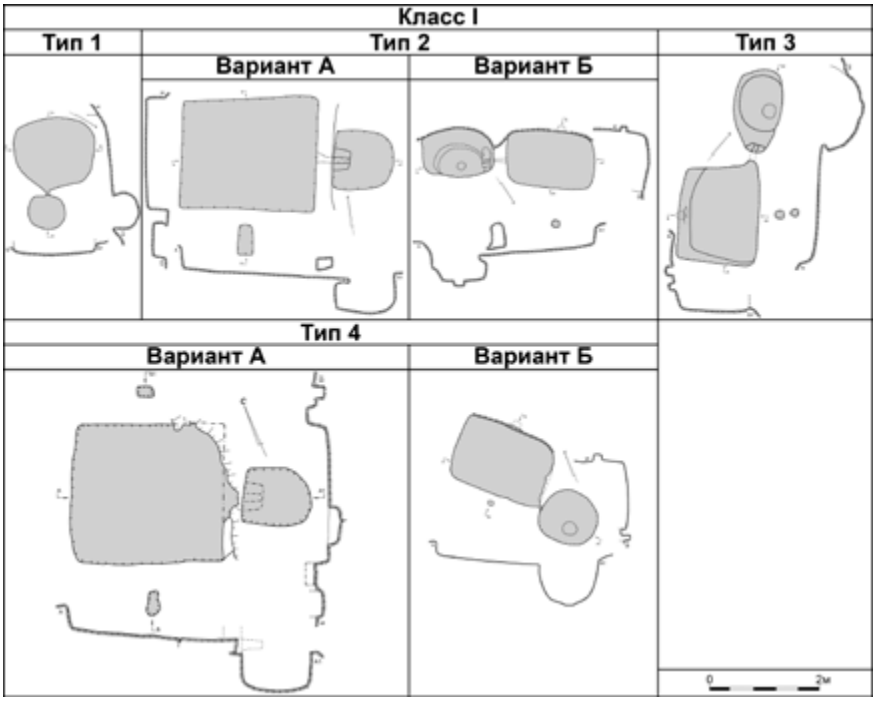


Рис. 2. Классификация средневековых виноградодавилен Крыма. Класс I. Тип 1–4 (I-1 – ДБВ-12, I-2-А – МКВ-1, I-2-Б – ДБВ-5, I-3 – ДБВ-7, I-4-А – МКВ-13, I-4-Б – КБсзВ-5)
Fig. 2. Classification of mediaeval wine-presses in the Crimea. Class I. Type 1–4 (I-1 – ДБВ-12, I-2-А – МКВ-1, I-2-Б – ДБВ-5, I-3 – ДБВ-7, I-4-А – МКВ-13, I-4-Б – КБсзВ-5)

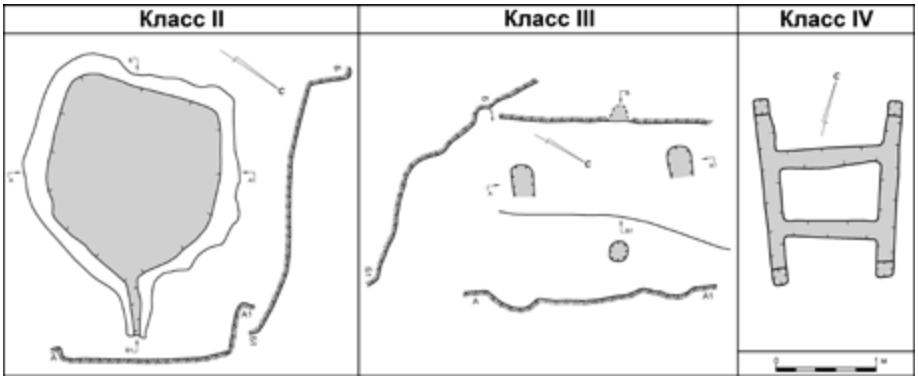


Рис. 3. Классификация средневековых виноградодавилен Крыма. Класс II–IV (II – СКБ-2, III – ДБВ-22, IV – МКВ-12)
Fig. 3. Classification of mediaeval wine-presses in the Crimea. Classes II–IV (II – СКБ-2, III – ДБВ-22, IV – МКВ-12)

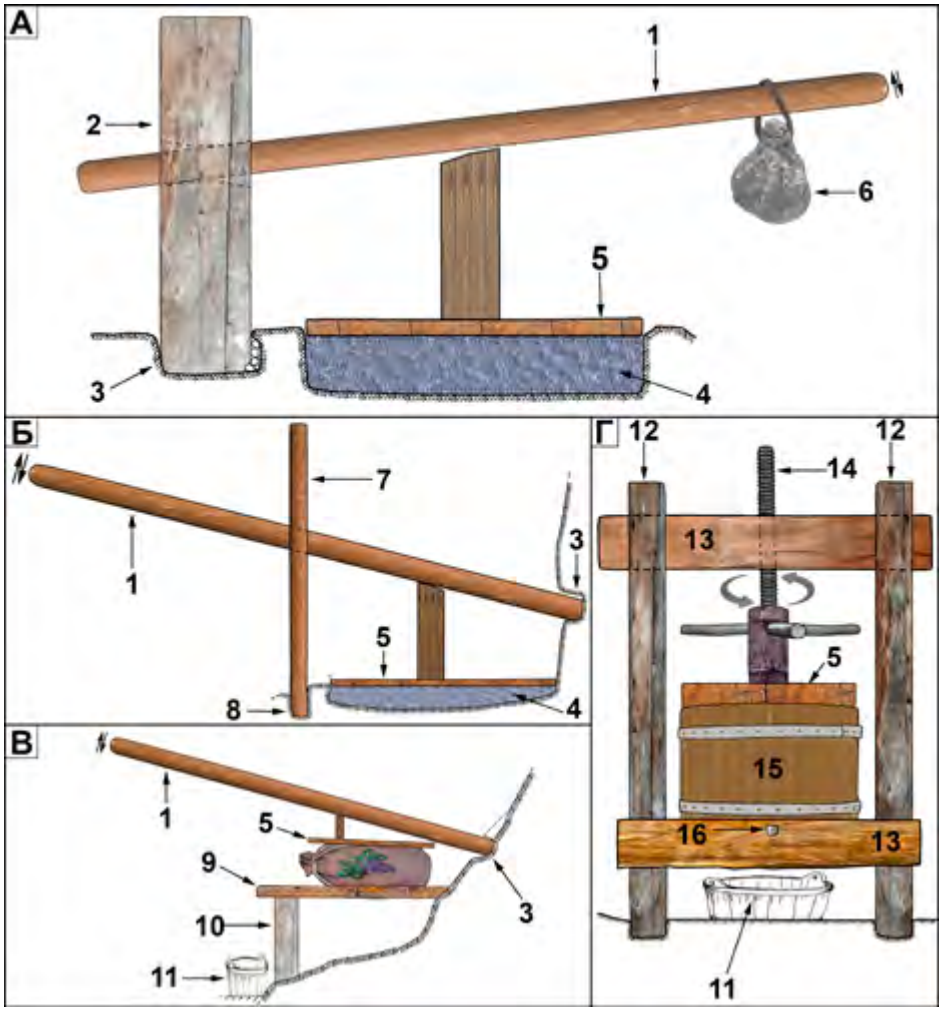


Рис. 4. Схемы-реконструкции прессовых устройств для: А – виноградодавильни I-2-А; Б – виноградодавильни I-4-Б; В – виноградодавильни класса III; Г – виноградодавильни класса IV. Цифрами отмечены: *1* – рычаг, *2* – деревянная стойка для крепления рычага, *3* – опорное гнездо для стойки / пятки рычага, *4* – давильная площадка, *5* – давильная доска, *6* – каменная гиря, *7* – бревно перпендикулярное рычагу, *8* – гнездо для установки бревна, *9* – переносная давильная площадка, *10* – деревянная стойка для крепления переносной давильной площадки, *11* – емкость для сбора виноградного сусла, *12* – вертикальные балки каркаса-рамы, *13* – горизонтальные балки каркаса-рамы, *14* – вертикальный винт, *15* – емкость наполненная виноградом, *16* – слив

Fig. 4. Reconstruction drawings of pressing mechanisms for: A – wine-presses I-2-A; Б – wine-presses I-4-Б; B – wine-presses of class III; Г – wine-presses of class IV. Numerical markers: *1* – lever, *2* – wooden stand to fasten the lever, *3* – support socket for the stand / heel of the lever, *4* – pressing platform, *5* – pressing plank, *6* – stone weight, *7* – beam perpendicular to the lever, *8* – socket to install the beam, *9* – portable pressing platform, *10* – wooden stand to fasten portable pressing platform, *11* – juice container, *12* – vertical beams of the framework, *13* – horizontal beams of the framework, *14* – vertical screw, *15* – grape container, *16* – drain

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 214–239.
2. Андрущенко Н.П. Античные винодельни на Херсонесском городище. Киев: Центр историко-градостроительных исследований, 2009. 43 с.
3. Аржанов А.Ю. Виноделие в ближней округе раннесредневекового Херсона // ХСб. 2020. Вып. 21. С. 108–133.
4. Белый А.В. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. 2016. Вып. 6. С. 185–198.
5. Белый А.В. Виноградные давильни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник. 2018. Вып. 2. С. 11–24.
6. Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. 1960. Вып. 10. С. 109–117.
7. Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. 191 с.
8. Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 456 с.
9. Ганцев В.К. Археологические разведки в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир в с. Большое Садовое Бахчисарайского района // История и археология Крыма. 2019. Вып. 11. С. 73–78.
10. Ганцев В.К. Типология средневековых винодельческих комплексов Юго-Западного Крыма (на примере виноградодавилен Мангупа, Кыз-Кермена и округи Сюйреньской крепости) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2021. С. 82–92.
11. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е.Э. Липшиц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 374 с.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексенко. Симферополь, 2019. С. 79–86.
13. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 127–145.
14. Науменко В.Е. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западном Крыму, новая византийская крепость «Страны Дори» Прокопия Кесарийского (Общие итоги археологического изучения памятника в 2015–2017) // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 54–72.
15. Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 136–142.
16. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12, вып. 1–8. С. 107–152.
17. Репников Н.И. К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время // РО НА ИИМК РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–31.
18. Стрежелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического: к истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1691. Вып. 6. 248 с.
19. Чореф М.Я. Винодельческий комплекс средневекового городища Чуфут-Кале. Отчет об археологических работах на Чуфут-Кале в 1975 г. // НА БИКАМЗ. Ф. 2. Оп. 18. Д. 11.
20. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 328 с.
21. Шаров О.В., Новоселова Н.Ю., Костромичев Д.А. Археологические исследования пригородов Херсонеса. URL: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/arkheologicheskoe-issledovanie-prigorodov-khersonesa (дата обращения: 02.09.2021).
22. Яшаева Т.Ю. Винодельческий комплекс у пещерного храма 2 на мысе Виноградном // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ, Полтава, 2011. С. 388.
23. Brun J.-P. L'oléiculture et la viticulture antiques en Gaule a'apres les vestiges d'installation de production //

La production du vin et de l'huile en Méditerranée (actes du symposium international organisé par le Centre C. Jullian et le Centre archéologique du Var (Aix-en-Provence et Toulon, 20–22 novembre 1991) / Eds. M.-C. Amouretti, J.-P. Brun. Athenes: Ecole française d'Athènes, 1993. P. 307–341.
24. Burton P., Lewit T. Pliny's Presses: the True Story of the First Century Wine Press // Klio. 2019. No. 101(2). P. 543–598.
25. Decker M. Agriculture and Agricultural Technology // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Eds. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford University Press, 2008. P. 397–406.
26. Χριστοδουλακοσ Γ., Μοσχοβη Γ., Κοπακα Κ., Δροσινου Π. Λαξευτα πατητηρια στη Γαυδο // Πεπραγμενα η Διεθνουσ Κρητοαογικου Συνεδριου (Ηράκλειο, 9–14 Σεπτεμβρίου 1996) / Επιμέλεια Θ. Ε. Δετοράκης, Σ. Παπαδάκη. Ηράκλειο, 2000. Σ. 557–580.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
2. Andrushchenko N.P. *Antichnye vinodel'ni na Khersonesskom gorodishche* [Ancient wineries on the Chersones settlement]. Kiev, Tsentr istoriko-gradostroitel'nykh issledovanii Publ., 2009, 43 p.
3. Arzhanov A.Iu. The winemaking in Cherson's Close Environs during Early Medieval Age. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2020, vol. 21, pp. 108–133.
4. Belyi A.V. The winemaking complex of the Khazar time in the area of Kyz-Kermen. *Sugdeiskii sbornik* [Sugdeia Collection], 2016, vol. 6, pp. 185–198.
5. Belyi A.V. Grape presses of the ancient settlement of Kyz-Kermen. *Sudakskii sbornik* [Sudak Collection], 2018, vol. 2, pp. 11–24.
6. Veimarn E.V. About viticulture and winemaking in the ancient and medieval Crimea. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1960, vol. 10, pp. 109–117.
7. Vinokurov N.I. *Vinodelie antichnogo Bospora* [The winemaking in the ancient Bosporus]. Moscow, 1999, 191 p.
8. Vinokurov N.I. *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia* [Viticulture and winemaking of the ancient states of the Northern Black Sea region]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2007, 456 p.
9. Gantsev V.K. Archaeological exploration in the area of the northern spurs of the mountain range Cherdakly-Bair in the village Bolshoye Sadovoe, Bakhchisarai region. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], 2019, vol. 11, pp. 73–78.
10. Gantsev V.K. A Typology of Mediaeval Wine-Making Complexes in the South-Western Crimea (On the Example of Wine-Presses at Mangup, Eski-Kermen, and in the Vicinity of Siuiren Castle). *Chersonos themata: imperiia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [13th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, 2021, pp. 82–92.
11. Lipshits E.E. (Ed.). *Geoponiki. Vizantiyskaya selskokhozyaystvennaya entsiklopediya X v.* [Geoponics. Byzantine agricultural encyclopedia of the 10th century]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, 374 p.
12. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. The Rock-Cut Wine Presses at Mangup. *Chersonos themata: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [11th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, 2019, pp. 79–86.
13. Danilenko V.N. Monastic economy in the Crimea. Mogarichev Iu.M. (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of history and archeology of Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1994, pp. 127–145.
14. Naumenko V.E. The Fort of Sivag-Kermen in the South-Western Crimea. A New Byzantine Castle in Procopius of Caesarea's Land of Dory (General Results of 2015–2017 Archaeological Research at the Site). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2018, vol. 46, pp. 54–72.
15. Petrovskii V.A., Trufanov A.A. Medieval Christian complex to the west of Bakla (based on excavations in 1993–1994). Mogarichev Iu.M., Khrapunov I.N. (Eds.), *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo*

Kryma [Problems of archeology of ancient and medieval Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1995, pp. 136–142.
16. Repnikov N.I. Eski-Kermen in the light of archaeological explorations in 1928–1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, № 1–8, pp. 107–152.
17. Repnikov N.I. To the question of viticulture and winemaking in the northern foothills of the South-Western Crimea in pre-Russian times. *Rukopisnyi otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk* [Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of RAS]. F. 10. Op. 1. D. 41. L. 1–31.
18. Strezheletskii S.F. Clairs of Tauric Chersonese: on the history of ancient agriculture in the Crimea. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 1691, vol. 6, 248 p.
19. Choref M.Ia. Wine-making complex of the medieval settlement of Chufut-Kale. Report on archaeological work at Chufut-Kale in 1975. *Nauchnyi arkhiv Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia zapovednika* [Scientific archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve]. F. 2. Op. 18. D. 11.
20. Chkhaidze V.N. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamatarkha. Early medieval city on the Taman Peninsula]. Moscow, Taus Publ, 2008, 328 p.
21. Sharov O.V., Novoselova N.Iu., Kostromichev D.A. Archaeological research of the suburbs of Chersonese. Available at: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/arkheologicheskoe-issledovanie-prigorodov-khersonesa (accessed: 02.09.2021).
22. Iashaeva T.Iu. Wine-making complex near the cave temple 2 on Cape Grape. Kozak D.N. (Ed.), *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2010* [Archaeological research in Ukraine in 2010], Kiev, Poltava, 2011, p. 388.
23. Brun J.-P. L'oléiculture et la viticulture antiques en Gaule a'apres les vestiges d'installation de production. Amouretti M.-C., Brun J.-P. (Eds.), *La production du vin et de l'huile en Méditerranée (actes du symposium international organisé par le Centre C. Jullian et le Centre archéologique du Var (Aix-en-Provence et Toulon, 20-22 novembre 1991))*, Athenes, Ecole française d'Athènes Publ., 1993, pp. 307–341.
24. Burton P., Lewit T. Pliny's Presses: the True Story of the First Century Wine Press. *Klio*, 2019, no. 101(2), pp. 543–598.
25. Decker M. Agriculture and Agricultural Technology. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R. (Eds.), *The Oxford Handbook of Byzantine Studies,* Oxford University Press, 2008, pp. 397–406.
26. Christodoylakos G., Moschobh G., Kopaka K., Drosinoy P. Laxeyta paththria sth Gaydo. Detorákhc Th.E., Papadákh S. (Eds.), *Pepragmena h Diethnoys Krhtoaogikoy Synedrioy (Hrákleio, 9–14 Septembríoy 1996)*, Hrákleio, 2000, pp. 557–580.

Информация об авторе

Ганцев В. К. – младший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии КрымаКрымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAR-6599-2020.

Information about the author

Gantsev V. K. – Junior Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAR-6599-2020.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.222-262

ИГРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ
(по данным археологических источников)

Антон Анатольевич Душенко
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Аннотация. Игры были одной из популярных форм проведения досуга в Византии. Целью работы является реконструкция комплекса игр, практиковавшихся населением Византийской Таврики. Источниковую базу исследования составляют предметы игрового инвентаря, найденные при раскопках византийских городов Крыма. По характеру игрового процесса игры разделены на три группы: тактические, азартные, игры на ловкость рук. К первой группе отнесены шахматы и настольные игры, в частности, мельница. Вторая группа включает игры с шестигранными кубиками и четырьмя астрагалами. Третью группу составляют еще две игры с астрагалами: бабки и πεντέλιθα. Игры, археологически зафиксированные в византийских городах Крыма, характерны для всей империи сопредельных территорий.

Ключевые слова: Византия, Таврика, археология, повседневность, досуг, тактические игры, азартные игры, игры на ловкость рук

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

THE GAMES OF THE POPULATION OF BYZANTINE TAURICA
(According to the Archeological Sources)

Anton A. Dushenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Abstract. Games were a popular form of leisure activities in Byzantium. The aim of this article is to reconstruct the complex of games practiced by the population of Byzantine Taurica. The source base comprises of items of gaming equipment excavated at the Byzantine towns of the Crimea. Following to the nature of the gameplay, the games are divided into three groups: tactical, gambling, games of dexterity. The first group includes chess and board games, the Nine Men's Morris, in particular. The second group includes games with six-sided dice and four astragali. The third group consists of two more games with astragali: knucklebones and πεντέλιθα. The games, archaeologically documented in the Byzantine towns of the Crimea, are typical for the entire territory of the empire and adjacent territories.

Keywords: Byzantium, Taurica, archeology, everyday life, leisure, tactical games, gambling, dexterity games

Acknowledgement: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119.

© Душенко А.А., 2022

Досуг является неотъемлемой составляющей повседневной жизни человека. Одной из наиболее популярных форм проведения свободного времени в Византийской империи были игры, о чем свидетельствуют довольно часто встречающиеся в письменных источниках упоминания этого рода развлечений[1]. Судя по находкам игрового инвентаря в культурном слое византийских памятников Крыма, увлечение играми было свойственно оставившему их населению. Отсутствие нарративных данных делает эти артефакты единственным источником информации об играх жителей византийских городов и поселений региона.

Целью настоящей работы является реконструкция комплекса игр, практиковавшихся населением Византийской Таврики. Источниковую базу исследования составляют 134 предмета из раскопок византийских городов Крыма, точно или предположительно идентифицированных как принадлежности для игр. Основу комплекса артефактов составляют материалы археологических исследований Мангупского городища, составляющие немногим более половины анализируемых находок[2]. Их дополняют опубликованные предметы из раскопок других византийских памятников: Херсона, Сугдеи, Эски-Кермена. Перечень анализируемых артефактов, их описание и археологический контекст приведены в прилагаемом к статье каталоге (Приложение 1).

По характеру игрового процесса, игры населения Византийской Таврики могут быть разделены на три группы: тактические, азартные и игры на ловкость рук. Итог партии в первом случае зависел от тактики, выбранной соперниками на игру. В играх второй группы результат определялся везением игроков, а точнее, случайным стечением обстоятельств. Победа в играх третьей группы требовала от участников практического навыка владения игровым инвентарем.

Тактические игры. К этой категории, безусловно, относятся **шахматы**. Предшественница современных шахмат игра «чатуранга»[3] была изобретена в Индии в первой половине I тысячелетия н.э. [48, p. 56; 39, p. 57; 15, с. 14]. Оттуда в VI в. она проникла в государство Сасанидов. Персидский источник рубежа VII–VIII вв. «Матикан-и-чатранг» (Книга о чатранге) рассказывает о посольстве индийского раджи Девсарма к Хосрову I (531–579). Среди даров была игра чатранг с 32 фигурами из изумрудов и рубинов. Шахиншаху и его придворным предлагалось раскрыть суть игры, тем самым подтвердив свою мудрость. Разгадка нашлась благодаря советнику Хосрова Бозоргмехру, который выиграл 12 партий у изобретателя чатранга, входившего в состав посольства. В качестве ответного жеста Хосров отправил радже игру неварташир (нарды), придуманную специально для этого Бозоргмехром [21, с. 49–53]. Практически аналогичный рассказ о появлении

[1] Сведения письменных источников об играх византийцев подробно разобраны в соответствующем разделе монографии Ф. Кукулеса [46, p. 185–224].

[2] Часть игральных принадлежностей была введена в научный оборот в рамках изучения коллекции артефактов из кости и рога Мангупа [11, с. 222–247].

[3] Правила игры подробно рассмотрены Р. Ч. Беллом [39, p. 52–56].

игры при дворе Хосрова передан Фирдоуси в эпической поэме «Шахнаме», написанной на рубеже X–XI вв. [32, с. 156–162].

Исследователи шахмат считают, что игра проникла в Византию из Сасанидского Ирана в начале VII в. [48, p. 162–163; 39, p. 57]. По мнению Р. Ч. Белла, это произошло в результате брака Хосрова II Парвиза (591-628) и дочери императора Маврикия (582–602) [39, p. 57]. Название игры трансформировалось в «затрикий» [48, p. 162–163]. Сами византийцы также воспринимали затрикий как персидскую игру. Одна из глав византийского сонника X в. носит название «О затрикии. От персов и египтян» [48, p. 165; 46, p. 220]. Анна Комнина характеризует затрикий как игру, изобретенную «изнеженностью ассирийцев» [3, с. 331]. Также следует отметить, что в средневековых арабских трактатах, посвященных шахматам, встречается упоминание византийских шахмат – модификации традиционной индийской игры, в которой использовалась круглая доска с 64 клетками, расположенными радиально [48, p. 165, 342; 39, p. 62, fig. 49]. Неясным остается, была ли эта модификация изобретена в Византии или просто носила такое название.

На данный момент невозможно установить какую конфигурацию шахматных досок использовали жители византийских городов Крыма ввиду отсутствия таких находок. Однако известность этой игры в регионе подтверждается находками фигур в Херсоне, Сугдее и на Мангупе (рис. 1,*1–5*). Все они относятся к типу абстрактных фигур по классификации Е. А. Рыбиной, в основе которых лежит цилиндр или конус. По мнению исследователей, появление абстрактных шахмат, заменивших индийские изобразительные фигуры, связано с распространением ислама [15, с. 27–28; 29, с. 86]. Отметим также, что изготовление цилиндрической или конусообразной абстрактной фигуры, достоинство которой обозначалось ее размером или формой навершия, было гораздо менее трудоемким процессом, чем резьба фигуры, изображающей человека или животное, что сказывалось на конечной стоимости готового набора. Возможно, появление абстрактных фигур следует связывать не только с религиозными запретами, но и с распространением шахматной игры среди различных социальных групп.

Судя по находке пешки в засыпи одной из цистерн квартала X Херсона, датированной концом VI – началом VII в. (рис. 1,*4*) [2, с. 415, рис. 1,*2*; 9, с. 60, рис. 13,*15*], шахматы в Крыму появились практически в то же время, что и в столице империи. Предмет имеет форму цилиндра со скругленным верхом. В центре высверлено сквозное отверстие, заполненное вставкой, образующей уплощенное навершие. Судя по морфологически близкому изделию с навершием шаровидной формы из Кесарии Палестинской [38, p. 77–78, fig. 29,*301*], подобные вставки могли обозначать достоинство фигуры. Известны находки отдельных фигур и целых наборов шахмат, состоящих из двух частей: основы и вставки, определяющей фигуру [48, p. 89–90; 15, с. 64, 66; 47, 137–138, fig. 73*a*].

Большинство аналогий пешке из Херсона, собранных О. А. Андреевой, датируются временем не ранее VII в., что позволяет рассматривать этот тип

шахматных фигур как один из наиболее ранних, получивших распространение в империи. Аналогичные неопубликованные пешки из Херсона известны в комплексе ранневизантийского времени и слоях с материалами IX–XII вв. [2, с. 415]. Конструктивно схожие предметы из квартала Сарачхане в Константинополе найдены в слоях, датирующихся от середины VII до XI в. [42, p. 260–261, fig. N,*506–507,509–513*]. Аналогичные и морфологически близкие артефакты из Кесарии происходят из горизонтов VII–VIII вв. [38, p. 76–78, fig. 29,*296–298,301*]. Исключением являются аналогии из Коринфа, датированные римским временем [44, p. 129, 219, No. 875, 1688–1689], т.е. до появления шахмат в Византии.

Еще одна составная шахматная фигура была найдена в Сугдее, в слое второй половины X – первой половины XIII в. на территории квартала I между башнями Якобо Торселло и Безымянной № 5 (рис. 1,*5*) [17, с. 91–94, рис. 1]. Основа фигуры, имеющая форму цилиндра со скругленной верхней частью, украшена резным геометрическим орнаментом. Вставка не сохранилась, что не позволяет точно определить достоинство фигуры. Опубликовавшие находку В. В. Майко и А. В. Джанов справедливо отметили, что ее богатая орнаментация может указывать на высокое достоинство фигуры [17, с. 93–94]. Аналогий предмету из Сугдеи найти не удалось.

Три шахматных фигуры были найдены на Мангупе (рис. 1,*1–3*). Одна из них, найденная в балластном горизонте на Южном участке исследований дворца 1425–1475 гг., имеет округлое основание, конусообразное тулово, чашу в его центральной части и уплощенно-шаровидное навершие (рис. 1,*1*) [11, с. 223, 229, рис. 1,*1*]. Предмет относится к типу абстрактных шахматных фигур, появившихся в Европе в XIII в. и получившего в литературе название «konventionell» [29, с. 88–90, рис. 5]. Лежащий в основе формы фигур этого типа цилиндр или конус дополняет одна или несколько округлых чаш. Небольшие размеры Мангупской находки (высота 2,3 см) и наличие одной чаши на тулове позволяют предположить, что она является пешкой. Аналогичные пешки найдены в слое XIV в. в Новогрудке, в слое XIII в. в Торопце [15, с. 117, 121; 29, с. 99, рис. 5,*20–21*]. В пределах XIII–XV вв. датируются фигуры иного достоинства, найденные в других городах Древней Руси и изготовленные в подобном стиле [15, с. 120–121; 29, рис. 5,*1–18*]. В Тракае найден набор из 10 фигур с аналогичной пешкой, датированный XIV–XV вв. [15, с. 119, 124–125]. Судя по контексту находки и кругу аналогий, рассмотренную фигуру следует датировать временем функционирования дворца, т.е. 1425–1475 гг.

Еще одна шахматная фигура высотой 1,8 см, найденная на территории Мангупского дворца в слое 1462–1475 гг., также, вероятно, является пешкой (рис. 1,*2*) [18, с. 219, рис. 31,*6*]. Предмет имеет форму цилиндра с закругленной верхней частью, уплощенно-шаровидное навершие и декор в виде врезной линии по тулову. Аналогичная пешка из Новгорода датирована Е. А. Рыбиной XIV–XV вв. [29, с. 94, рис. 4,*36*]. Схожую форму и размеры имеют пешки второй половины XIII – XIV в. из Болгара [5, с. 71–73, рис. 1,*6–9*; 2,*6*]. Д. Ю. Бадеевым был реконструирован внешний вид набора шахматных фигур XIV в., в состав которого входили подобные пешки [5, рис. 4].

К шахматным фигурам предположительно относится фрагментированный предмет, найденный в слое третьей четверти XV в. на территории квартала внутри цитадели Мангупа (рис. 1,*3*) [11, с. с. 223, 229, рис. 1,*2*]. Он имеет характерную усечено-коническую форму, а сглаженность основания может указывать на его передвижение по игровой доске. Верхняя часть предмета утрачена, что не позволяет установить достоинство фигуры, как, собственно, и однозначно установить ее использование для игры в шахматы.

Хронология крымских находок позволяет говорить о проникновении шахмат в регион в начале VII в., вскорости после появления этой игры в Византии. В нее продолжали играть и в средневизантийский период, и после падения империи, как минимум, до турецкого завоевания 1475 г. Редкость шахматных фигур в культурном слое крымских памятников, возможно, свидетельствует о невысоком уровне распространения игры у местного населения.

Более распространенной формой проведения досуга были **настольные игры**. Об этом свидетельствует значительное количество находок игрового инвентаря – фишек. С точки зрения их морфологии выделяются два типа предметов. **Фишки типа 1**, изготовленные из кости или глины, имеют форму диска диаметром 2,4–4,9 см (рис. 1,*6–11*). Лицевая сторона большинства предметов декорирована концентрическим орнаментом, придающим им сходство с современными шашками. Большинство находок этого типа происходит с территории Мангупского городища. Костяные дисковидные фишки здесь были найдены в слоях VI–VII вв. (рис. 1,*8*), третьей четверти XV в. (рис. 1,*7*), второй половины XVII – первой половины XVIII в. (рис. 1,*9*) [11, с. 224, 229–230, рис. 1,*4–6*]. Археологический контекст костяной и глиняной фишек (рис. 1,*6,11*), найденных в ходе раскопок городища в 1912–1913 гг., неизвестен. Еще одна фишка из глины найдена в Херсоне, в засыпи цистерны на территории квартала X-Б, датированной X–XI вв. (рис. 1,*10*) [9, с. 70, рис. 32,*18*].

Аналогии фишкам типа 1 известны в слоях VI–VII вв. Кесарии Палестинской [38, p. 75, fig. 28,*288–289*], слое конца X в. Саркела [34, с. 107, рис. 54,*9*], слоях X – первой половины XIII в. Киева [30, табл. 49,*13–14,17–19*]. В квартале Сарачхане костяные фишки с концентрическими окружностями найдены в слоях VI–XII вв. [42, p. 261–262, fig. P,*514–526*], в Коринфе – в слоях первых веков н.э. и IX–XII вв. [44, p. 219–220, No. 1679–1684, 1701–1703, 1708].

Круглые **фишки типа 2** изготовлены из кости или рога (рис. 2,*12–37*). Диаметр 1,5–3,8 см. Сечение линзовидное или близкое к полусферическому. Лицевая сторона декорирована радиально расходящимися врезными линиями, иногда с точками на концах, «глазками» циркульного орнамента или их комбинациями. Большинство фишек типа 2 (23 из 26) найдено в Херсоне. Самая ранняя из них происходит из засыпи цистерны 1 помещения 4 квартала X, датированной концом VI – началом VII в. (рис. 2,*32*) [2, с. 415, рис. 1,*3*; 9, с. 60, рис. 13,*14*]. Остальные найдены в слоях, суммарно датирующихся IX–XIV вв. [27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*123–128*, 7,*129–142*; 45, p. 452, fig. 9,*2–5*]. Мангупские находки происходят из горизонтов VI–VII вв. (рис.

2,*36*) и третьей четверти XV в. (рис. 2,*12–13*) [11, с. 224, 230, рис. 1,*7,9*].

Находки подобных фишек известны в античных слоях Херсонеса и Пантикапея [24, с. 153, табл. XVIII,*2–3*]. За пределами Таврики находка фишки типа 2 известна в слое конца X в. в квартале Сарачхане [42, p. 262, No. 527]. В Коринфе аналогичные фишки из кости и морфологически близкие предметы из камня найдены в слоях с широкой датировкой от позднеримского до византийского времени [44, p. 219–220, No. 1694–1699, 1706, 1722, 1723, 1727, 1728], фишки из глины – в горизонтах X и XI–XII вв. [44, p. 219–220, No. 1735, 1736]. В Фивах фишки типа 2, сделанные из глины, камня и кости, найдены в слоях XI–XIII вв. [51, p. 207, No. 235a–235c]. Аналогичный по форме и декору костяной предмет с отверстием в центре происходит из слоя XI в. Саркела и, по мнению В. Е. Флеровой, мог использоваться в качестве застежки [34, с. 103, 230, рис. 52,*9*].

Широта географического и хронологического диапазонов бытования фишек типов 1 и 2 позволяют рассматривать их как устоявшуюся, традиционную форму игрового инвентаря, использовавшегося для игр, распространенных в Византии на всем протяжении истории империи. Кроме того, в качестве инвентаря для настольных игр могли использоваться предметы иных морфологических характеристик, например, роговой предмет ромбовидной формы с залощенной тыльной поверхностью, найденный на Мангупе в слое третьей четверти XV в. (рис. 2,*38*) [11, с. 224, 230, рис. 1,*8*].

Находки фишек в культурном слое византийских городов Таврики лишь устанавливают факт увлечения их жителей настольными играми, но не отвечают на вопрос: какими именно? К числу возможных вариантов могут быть отнесены tabula[4] и нарды. Единственной игрой с фишками, известность которой в регионе подтверждается археологически, является **мельница**. В англоязычной литературе ее обычно называют Nine Men's Morris [39, p. 93; 49, p. 43]. По мнению Ф. Кукулеса, в Византии игра носила название πεττεια и появилась в империи не позднее X в. [46, p. 217–218]. Правила этой игры, широко распространенной во времени и пространстве, известны из текста «Книги игр» кастильского короля Альфонсо X (1252–1282) и неоднократно описаны в научной литературе. Главной задачей игры является построение ряда из трех фишек – «мельницы». На первом этапе игры два игрока по очереди выставляют по девять фишек на одну из 24 свободных позиций игрового поля. Очередность хода могла определяться броском кубиков. На втором этапе фишки передвигают на соседнюю незанятую точку. Игрок, построивший «мельницу», получал право забрать любую фишку противника. Проигрывал игрок, у которого оставалось две фишки или тот, чьи фишки были заблокированы соперником [46, p. 218; 39, p. 93; 25, с. 441; 49, p. 43; 56, p. 97; 54, s. 112–115]. Результат игры напрямую зависел от тактических способностей соперников, что позволяет отнести мельницу к группе тактических игр.

[4] Римская игра, родственная современным нардам. Подробнее о ней см. [39, p. 34–36].

Игровое поле для «мельницы» с 9 фишками представляет собой три концентрических квадрата. Центры их сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями. В отдельных случаях дополнительные диагональные линии соединяли углы квадратов. Точки пересечения линий представляли собой упомянутые выше 24 позиции для ввода и передвижения фишек. Основой для нанесения игрового поля могли служить поверхности из разнообразных материалов: дерево, камень, кирпич, черепица. В Национальном музее Мюнхена хранится игровая доска XVI в., совмещающая поля для шахмат, нард и мельницы, богато украшенная перламутром и слоновой костью (рис. 3,*5*).

В русскоязычной научной литературе описанные выше фигуры из концентрических квадратов часто называют «вавилонами», а их интерпретация уже более полувека является вопросом острой дискуссии[5]. Ряд ученых рассматривает эти изображения в качестве игровых полей [14, с. 98; 25, с. 442–443; 6, с. 130–134; 13, с. 193]. По мнению других исследователей, они представляли собой «логарифмические линейки» средневековых архитекторов [28, с. 83–112], схематические изображения образа вселенной [20, с. 112; 33, с. 53], гадальные доски [4, с. 187–188; 40, p. 12–17], символ, связанный с погребальной обрядностью [1, с. 360–368; 7, с. 335].

Материалы, собранные и проанализированные А. Г. Авдеевым, позволяют предполагать, что в отдельных случаях изображения «вавилонов» могли нести символическое значение, связанное с погребальным обрядом [1, с. 360–368]. Тем не менее, интерпретация плоских поверхностей с разметкой из трех концентрических квадратов с дополнительными линиями в качестве игровых досок представляется более убедительной. Ключевым аргументом в ее пользу являются средневековые изобразительные источники, иллюстрирующие игровой процесс. В их числе исследователи обычно приводят миниатюры из «Книги игр» Альфонсо X (рис. 3,*1*) [55, fig. 56; 13, рис. 5] и «Романа об Александре» 1338–1344 гг. из Бодлеанской библиотеки Оксфорда (рис. 3,*2*) [56, fig. 4]. Эту группу источников можно дополнить диаграммами уникального манускрипта начала XIV в. Civis Bononiae из собрания Музея Фицуильяма в Кэмбридже, являющегося одним из наиболее древних сборников задач по шахматам, мельнице и другим играм (рис. 3,*3*)[6].

В поддержку игровой интерпретации «вавилонов» также свидетельствуют их изображения на артефактах, чья связь с настольными играми не вызывает сомнений – многофункциональных игровых досках, включавших игровые поля для нескольких игр. Примерами таких предметов являются фрагмент доски из погребения X в. в Гокстаде (рис. 3,*4*) [50, pl. VIII,*1*] и доска из Национального музея в Мюнхене (рис. 3,*5*).

В Таврике находки досок для игры в мельницу известны на Мангупском городище, в Херсоне и на Бакле. Мангупские игровые поля, прочерченные на плитках известняка или мергеля, найдены в слое разрушения церкви св. Константина (XV

[5] Подробнее о дискуссии см. [13].

[6] Отдельные страницы манускрипта доступны к просмотру на сайте Музея Фицуильяма: URL: https://collection.beta.fitz.ms/id/object/178358 (дата обращения: 02.10.2022).

– первая половина XVII в.) (рис. 4,*39*), в горизонте третьей четверти XV в. внутри цитадели (рис. 4,*40*), в балластных слоях дворца (1425–1475 гг.) (рис. 3,*41*) и церкви св. Георгия (XV – первая половина XVII в.) (рис. 3,*42*) [11, с. 225, рис. 7,*1–3*; 19, с. 80, рис. 2,*13*]. Еще два таких изображения вырезаны на надгробии № 11 Мангупской базилики (рис. 4,*43–44*) [7, с. 335, ил. 4]. Н. И. Бармина рассматривает эти знаки в качестве оберегов [7, с. 335]. Учитывая долгую и сложную строительную историю базилики, «вавилоны» могли быть вырезаны после того, как надгробие было частично затянуто землей и уже не воспринималось как погребальный памятник.

Три «вавилона», прочерченные на черепице, найдены в Херсоне в постройке XII–XIII вв. (рис. 5,*47–49*) [23, с. 17, рис. 4,*5,7*]. Наиболее яркой крымской находкой является скамья из вторично использованных капителей с двумя прочерченными игровыми полями, располагавшаяся на улице рядом с бакалейной лавкой в квартале L в период середины XII – середины XIII в. (рис. 5,*45–46*) [26, с. 218, рис. 11,*3*, 23, 24]. Еще один «вавилон» был найден на Баклинском городище, в кладке постройки XIII в. [25, с. 442]. Хронология крымских игровых досок указывает на то, что жители городов Византийской Таврики играли в мельницу, как минимум, с XII в. и до турецкого завоевания 1475 г.

Азартные игры. Самым известным представителем этой категории развлечений является **игра в кости**, известная, как минимум, с начала I тысячелетия до н.э. [39, p. 125] и популярная вплоть до настоящего времени. Независимо от вариаций, суть игры сводилась к броску каждым из игроков одного или нескольких кубиков на горизонтальную поверхность. Каждая из шести сторон кубика имела свое числовое значение в диапазоне от 1 до 6, отмеченное точками. Как правило, точки наносились таким образом, чтобы сумма значений противоположных сторон была равна 7: 6–1, 5–2, 4–3 [46, p. 195; 39, p. 125]. Бросок кубиков осуществлялся руками или с помощью специального сосуда [39, p. 197]. Победитель определялся суммой очков или комбинацией выпавших значений.

О распространении игры в кости в Византии свидетельствуют частые ее упоминания в письменных источниках, демонстрирующие негативное отношение к ней со стороны государства, общества и церкви[7]. В проповеди «Об игроках в кости» второй половины III в. игроки-христиане приравнивались к язычникам [22, с. 377]. В новелле XXXXIII книги III Кодекса Юстиниана провозглашался запрет на игру в публичных местах и частных домах, а также устанавливалась максимальная ставка в один солид [41, III. XXXXIII.1]. Правило 50 Трулльского собора (691–692 гг.) запрещало игру в кости для клириков и мирян, под угрозой лишения сана и отлучения соответственно [10, с. 287]. По сообщению Иоанна Скилицы, полководец Лев Фока однажды настолько увлекся игрой в кости, что проигнорировал письмо с сообщением о планируемом убийстве его брата, императора Никифора II (963–969) [12, с. 282–283]. Этот же автор сообщал о пристрастии к костям Михаила VI (1056–

[7] Подробнее об этом см.: [46, p. 186–191].

1057) [12, с. 283–284]. Византийский поэт XI в. Христофор Митиленский считал игру в кости наглядной иллюстрацией превратностей жизни [35, с. 89].

Несмотря на осуждение и запреты, византийцы продолжали играть в кости. Находки игральных кубиков известны в слое первой половины XII в. в Константинополе [42, p. 259, No. 484], слоях V–VI вв. в Фессалониках, горизонтах ранне- и средневизантийского времени на Родосе [51, p. 210–211, No. 239, 241–243], в слое VIII в. в Кесарии Палестинской [38, p. 73–74, fig. 27,*280*], слое византийского времени в Коринфе [44, p. 222, No. 1746].

Об игре в кости в городах Византийской Таврики свидетельствуют находки кубиков на Мангупском городище и в Херсоне. Два кубика, возможно, составлявшие игровой комплект, происходят из слоя третьей четверти XV в. (рис. 6,*51–52*), контекст еще одной находки неизвестен (рис. 6,*50*) [11, с. 226, 230, рис. 1,*10–12*]. В Херсоне кубики найдены в слоях с суммарной датировкой в пределах IX–XIII вв. (рис. 6,*53–60*) [27, с. 95, 102, рис. 7,*137–139*; 37, с. 289, 584, № 323–327]. Следует отметить, что кубики могли также использоваться в качестве игрового инвентаря для других игр, например, для определения очередности хода в мельнице. Кроме кубиков, в Херсоне, в комплексе конца VI – начала VII в. был найден костяной сосуд с пазами под крышку, который, по мнению О. А. Андреевой, мог использоваться для встряхивания костей перед броском (рис. 6,*61*) [2, с. 413–414, рис. 1,*1*]. Аналогий ему найти не удалось.

Византийские источники упоминают азартную игру, в ходе которой игроки бросали не кубики, а астрагалы [46, p. 215–216]. Вероятно, речь идет об античной игре с неизвестным названием, подробно рассмотренной немецким исследователем игр У. Шедлером. Для нее использовались четыре астрагала, стороны которых имели определенное значение: широкая выпуклая сторона – 4, широкая вогнутая сторона – 3, S-видная узкая сторона – 1, противоположная узкая сторона – 6. Игроки бросали астрагалы аналогично игре в кости. Победитель определялся не суммой очков, а выпавшей комбинацией. Некоторые комбинации носили имена богов, героев или известных личностей. Некоторые из них известны: Александр, Эфеб, завиток Береники. Самый старший по значению бросок (6+4+3+1) был назван в честь богини Венеры [53, p. 36–39; 31, с. 46–47]. Эта комбинация упоминается в письме Августа к Тиберию, процитированном Светонием в «Жизни двенадцати цезарей» [8, с. 66].

Астрагалы (таранные кости голеностопного сустава) со следами обработки в культурном слое византийских памятников Крыма встречаются достаточно часто[8]. По характеру сырья они делятся на два типа: астрагалы мелкого (тип 1) и крупного (тип 2) рогатого скота. По характеру обработки выделяются четыре варианта астрагалов, одинаковые для обоих типов. У астрагалов варианта 1 одна или несколько сторон срезаны с помощью ножа или пилы (рис. 7,*62–71*; 10,*108–113*; 11,*114–126*). Предметы варианта 2 специально утяжелены свинцом или железом (рис. 7,*72–74*; 8,*75–81*; 11,*127*). К варианту 2 также отнесен свинцовый предмет, отлитый

[8] В исследовании не учитывались необработанные таранные кости, использование которых в играх доказать или опровергнуть невозможно.

в форме астрагала (рис. 8,*82*). В астрагалах варианта 3 имеются одно или несколько отверстий (рис. 9,*83–94*; 12,*128–133*). У большинства предметов этого варианта отверстия расположены так же, как на астрагалах, залитых свинцом. Возможно, их следует рассматривать как заготовки для предметов варианта 2. На астрагалы варианта 4 нанесены граффити (рис. 10,*95–107*; 12,*134*).

Для описанной выше игры с четырьмя астрагалами могли использоваться предметы первого и четвертого вариантов типа 1. Они же могли использоваться в известной по этнографическим данным детской игре, которую с определенной долей условности можно отнести к азартным. Она была зафиксирована в Греции в середине XIX в. Игроки бросали астрагалы, стороны которых имели следующие значения: «король», «визирь», «пекарь» и «вор». По результатам бросков игроки получали свои роли. Пекарь приводил вора к королю, обвиняя его в краже хлеба. Король приговаривал вора к определенному количеству ударов палкой, которые наносил визирь [53, p. 37]. В схожей игре, зафиксированной этнографами в Турции, стороны астрагала имели значения «султан», «визирь», «слуга» и «раб» [43, p. 54–55].

Игры на ловкость. В качестве инвентаря для этой категории игр также использовались астрагалы. Чаще всего эти артефакты связывают с широко распространенной во времени и пространстве **игрой в бабки**. У. Шедлер называет эту игру «Omilla» [52, p. 20]. Игроки помещали свои астрагалы внутрь начерченного на земле круга. Затем броском биты пытались выбить их за пределы круга. В случае меткого попадания игрок получал право забрать астрагал соперника [52, p. 20; 31, с. 47]. В бабки могли играть всеми перечисленными выше типами и вариантами астрагалов, найденных на византийских памятниках Крыма. Утяжеленные металлом астрагалы варианта 2, очевидно, использовались в качестве бит.

Другая игра с астрагалами, распространенная в эпоху античности и существующая до сих пор, носила название **πεντέλιθα** (греч. «пять камней»). Сцена этой игры изображена на краснофигурном сосуде V в. до н.э. из собрания Метрополитен-музея в Нью-Йорке (рис. 13,*1*). Две девочки играют в нее на картине Питера Брейгеля Старшего «Детские игры», написанной в 1560 г. и хранящейся в Музее истории искусств в Вене (рис. 13,*2*). В πεντέλιθα играли пятью астрагалами, которые подбрасывались вверх. Задачей игрока было поймать максимальное число астрагалов на тыльную сторону ладони. Упавшие на землю астрагалы нужно было поднять, сохранив предметы, лежащие на тыльной стороне ладони [52, p. 21]. Наиболее подходящим инвентарем для этой игры являются астрагалы мелкого рогатого скота, не имеющие дополнительного утяжеления, то есть варианты 1 и 4 типа 1.

Проанализированные в настоящей статье археологические материалы свидетельствуют о том, что игры были распространенной формой проведения досуга у населения Византийской Таврики. Набор зафиксированных игр характерен для всей территории империи и сопредельных территорий. Жители региона играли в шахматы и мельницу, несмотря на запреты, увлекались азартными играми с костями и астрагалами, развивали ловкость рук играми в бабки и «пять камней».

Приложение 1. КАТАЛОГ

№ п/п	*Описание*	*Контекст находки*	*Датировка контекста*	*Публикации*
1	*2*	*3*	*4*	*5*
1	Пешка из оленьего рога, усечено-конической формы с округлым основанием, округлой чашей в средней части тулова и уплощенно-шаровидным навершием. Декорирована врезными линиями по тулову	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 6. Дерн	–	[11, с. 223, 229, рис. 1,*1*]
2	Пешка из оленьего рога, закругленно-цилиндрической формы с уплощенно-шаровидным навершием. Декорирована врезной линией в верхней части тулова	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 13. Помещение Н. 7 слой	1462–1475 гг.	[18, с. 219, рис. 31,*6*]
3	Фрагмент фигуры из оленьего рога, усечено-конической формы. Декорирована врезными линиями, образующими прямоугольники с двумя точками внутри	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Р. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 223, 229, рис. 1,*2*]
4	Пешка из слоновой кости, закругленно-цилиндрической формы, с вертикальным отверстием, заполненным костяной вставкой. Декорирована концентрическими врезными линиями, имеет следы окраски в розовый цвет	Херсон. Квартал X. Усадьба 1. Помещение 4. Цистерна 1. Засыпь	конец VI – начало VII в.	[2, с. 415, рис. 1,*2*; 9, с. 60, рис. 13,*15*]
5	Шахматная фигура из кости, закругленно-цилиндрической формы с вертикальным конусовидным сквозным отверстием. Декорирована геометрическим орнаментом по тулову	Сугдея. Квартал I	втор. пол. X – перв. пол. XIII в.	[17, с. 91–94, рис. 1]
6	Фишка из кости, дисковидной формы. Лицевая сторона декорирована концентрическими врезными линиями с точкой в центре	Мангуп. Базилика	–	[11, с. 224, 229, рис. 1,*3*]
7	Фишка из кости, дисковидной формы. Лицевая сторона декорирована концентрическими врезными линиями с точкой в центре	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат П. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 224, 229, рис. 1,*4*]
8	Фишка из кости, дисковидной формы. Лицевая сторона декорирована концентрическими врезными линиями	Мангуп. Церковь Св. Константина. Квадрат Е-Ж-Л. 4 слой снаружи здания 6	VI–VII вв.	[11, с. 224, 229–230, рис. 1,*5*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
9	Фишка из кости, дисковидной формы. Лицевая сторона декорирована концентрическими врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Мангуп. Стратиграфический раскоп в верховьях Табана-дере. 4 слой	втор. пол. XVII – перв. пол. XVIII вв.	[11, с. 224, 230, рис. 1,*6*]
10	Фишка керамическая, дисковидной формы. Лицевая сторона декорирована концентрическими врезными линиями	Херсон. Квартал Х-Б. Помещение 3. Цистерна 1. Засыпь	X–XI вв.	[9, с. 70, рис. 32,*18*]
11	Фишка из стенки поливного сосуда, дисковидной формы	Мангуп. Базилика	–	публикуется впервые
12	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована тремя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями с точками на концах	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Бровка Н-П. 3 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 224, 230, рис. 1,*7*]
13	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована тремя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями	Мангуп. Цитадель. Раскоп VIII-Б. Северо-восточная бровка. 2 слой	третья четв. XV в.	публикуется впервые
14	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями с точками на концах	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*123*]
15	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями с точками на концах	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*124*]
16	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями, точками и дугами	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*125*]
17	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями и точками	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*126*]
18	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*127*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
19	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 5,*128*]
20	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*129*]
21	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована тремя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями с «глазками» циркульного орнамента на концах	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*130*]
22	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*131*]
23	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*132*]
24	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*133*]
25	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XI–XII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*134*]
26	Фрагмент фишки из оленьего рога, округлой формы, линзовидной в сечении. Лицевая сторона декорирована «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XIII в.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*135*]
27	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и точками	Херсон. Портовый квартал	XIII в.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*136*]
28	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями	Херсон. Квартал LX. Дом 1. Помещение 1	втор. пол. X–XI в.	[45, p. 451, fig. 9,*1*]
29	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Квартал LX	втор. пол. XI–XIV в.	[45, p. 452, fig. 9,*2*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
30	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Квартал LX	втор. пол. XI–XIV в.	[45, p. 452, fig. 9,*3*]
31	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована двумя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями и «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Квартал LX	втор. пол. XI–XIV в.	[45, p. 452, fig. 9,*4*]
32	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована тремя пересекающимися в центре прямыми врезными линиями	Херсон. Квартал X. Помещение 4. Цистерна 1. Засыпь	конец VI – начало VII в.	[2, с. 415, рис. 1,*3*; 9, с. 60, рис. 13,*14*]
33	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована врезными линиями, образующими «паутину»	Херсон. Портовый квартал	XII–XIII вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*140*]
34	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*141*]
35	Фишка из оленьего рога, округлой формы, линзовидная в сечении. Лицевая сторона декорирована четырьмя пересекающимися в центре врезными линиями, на тыльной стороне – возможный знак неясного значения	Херсон. Раскопки Р. Х. Лепера	–	[27, с. 93, 95, 102, рис. 7,*142*]
36	Фишка из кости, полусферической формы. Лицевая сторона украшена пятью точками	Мангуп. Церковь Св. Константина. Квадрат Г. 4 слой	VI–VII вв.	[11, с. 224, 230, рис. 1,*9*]
37	Фишка из кости, полусферической формы	Херсон. Квартал LX	втор. пол. XI–XIV в.	[45, p. 452, fig. 9,*5*]
38	Фишка (?) из оленьего рога, ромбовидной формы, прямоугольная в сечении. Лицевая сторона украшена врезными линиями	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Т. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 224, 230, рис. 1,*8*]
39	Фрагмент доски для игры в мельницу, прочерченной на известняковой плите. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями, углы – диагональными	Мангуп. Церковь Св. Константина. Слой разрушения на полу храма	XV – перв. пол. XVII в.	[11, с. 225, рис. 7,*1*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
40	Фрагмент доски для игры в мельницу, прочерченной на плитке мергеля	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат Н. Здание 6. 3 слой (слой разрушения)	третья четв. XV в.	[11, с. 225, рис. 7,*2*]
41	Фрагмент доски для игры в мельницу, прочерченной на известняковой плите. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Мангуп. Дворец. Северный участок. Помещение А. Слой отвалов 1968 г.	–	[11, с. 225, рис. 7,*3*]
42	Фрагмент доски для игры в мельницу, прочерченной на известняковой плите. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Мангуп. Церковь Св. Георгия. Квадрат 4. 1 слой	–	[19, с. 80, рис. 2.13]
43	Доска для игры в мельницу, прочерченная на известняковом надгробии. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями, углы – диагональными	Мангуп. Базилика. Надгробие № 11	–	[7, с. 335, ил. 4]
44	Доска для игры в мельницу, прочерченная на известняковом надгробии. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями, углы – диагональными	Мангуп. Базилика. Надгробие № 11	–	[7, с. 335, ил. 4]
45	Доска для игры в мельницу, прочерченная на мраморной капители, вторично использованной качестве скамьи. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Херсон. Квартал L. Улица у помещения 33	сер. XII – сер. XIII в.	[26, с. 218, рис. 11,*3*, 23, 24]
46	Доска для игры в мельницу, прочерченная на мраморной капители, вторично использованной качестве скамьи. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Херсон. Квартал L. Улица у помещения 33	сер. XII – сер. XIII в.	[26, с. 218, рис. 11,*3*, 23, 24]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
47	Доска для игры в мельницу, прочерченная на глиняной керамиде. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Херсон. Помещение Т рядом с «домом священника»	XII–XIII вв.	[23, с. 17, рис. 4,*5*]
48	Доска для игры в мельницу, прочерченная на глиняной черепице. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Херсон. Помещение Т рядом с «домом священника»	XII–XIII вв.	[23, с. 17, рис. 4,*7*]
49	Доска для игры в мельницу, прочерченная на глиняной черепице. Игровое поле представляет собой три концентрических квадрата, центральные точки сторон соединены горизонтальными и вертикальными линиями	Херсон. Помещение Т рядом с «домом священника»	XII–XIII вв.	[23, с. 17, рис. 4,*7*]
50	Кубик из оленьего рога, значения сторон нанесены округлыми углублениями	Мангуп	–	[11, с. 226, 230, рис. 1,*10*]
51	Кубик из оленьего рога, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат П. 3 слой. Слой разрушения здания 7	третья четв. XV в.	[11, с. 226, 230, рис. 1,*11*]
52	Кубик из оленьего рога, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат П. Здание 7. 4 слой. Пол	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 226, 230, рис. 1,*12*]
53	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	IX–X вв.	[27, с. 95, 102, рис. 7,*137*]
54	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый квартал	XIII в.	[27, с. 95, 102, рис. 7,*138*]
55	Заготовка кубика из кости	Херсон. Портовый квартал	XIII в.	[27, с. 95, 102, рис. 7,*139*]
56	Кубик из кости, с вогнутыми гранями и скругленными углами, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича	X–XI вв.	[37, с. 289, 584, № 323]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
57	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Портовый район. Квартал I. Площадь	X–XI вв.	[37, с. 289, 584, № 324]
58	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Северный район. Квартал IX	X–XI вв.	[37, с. 289, 585, № 325]
59	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Северо-восточный район. Квартал V. Яма	X–XI вв.	[37, с. 289, 585, № 326]
60	Кубик из кости, значения сторон нанесены «глазками» циркульного орнамента	Херсон. Западный район. Около «Четырех-апсидного храма»	X–XI вв.	[37, с. 289, 585, № 327]
61	Сосуд из кости, в форме кубка с пазами под крышку	Херсон. Квартал X. Усадьба 1. Помещение 4. Цистерна 1	конец VI – начало VII в.	[2, с. 413–414, рис. 1,*1*; 9, с. 60, рис. 13,*13*]
62	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп	–	[11, с. 227, 230, рис. 2,*13*]
63	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 7. Каменный завал в дерне	XVI–XVIII вв.	[11, с. 227, 230, рис. 2,*14*]
64	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 12. Субструкция под кладкой 39	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 230–231, рис. 2,*15*]
65	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 6-12. Кольцевая кладка 63. Заполнение	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*16*]
66	Астрагал МРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*17*]
67	Астрагал МРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*18*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
68	Астрагал МРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*19*]
69	Астрагал МРС с обработанной стороной	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*4*]
70	Астрагал МРС с обработанной стороной	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*13*]
71	Астрагал МРС с обработанной стороной	Эски-Кермен. Базилика. Отвал 1930 г.	–	[36, с. 31, рис. 20,*2*]
72	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Цитадель. Раскоп XI. Бровка Г-Д. Черепичный завал	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*20*]
73	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Ж. 3 слой внутри здания 24	конец XV – XVI в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*21*]
74	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. Заполнение лакуны снаружи здания 21. 3 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*22*]
75	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Т. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*23*]
76	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Дворец. Южный участок. Бровка 1–2. 2 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*24*]
77	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Дворец. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 6 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227, 231, рис. 2,*25*]
78	Астрагал МРС, залитый свинцом	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 22. 2 слой	конец XV – XVIII в.	публикуется впервые

1	*2*	*3*	*4*	*5*
79	Фрагмент астрагала МРС, залитого свинцом	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 16–19. 5 слой	вторая – третья четв. XV в.	публикуется впервые
80	Астрагал МРС с четырьмя обработанными сторонами, залитый свинцом	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 30–33. Расконсервация	–	публикуется впервые
81	Астрагал МРС, оправленный в железное кольцо	Мангуп. Стратиграфический раскоп на склоне мыса Тешкли-бурун. Квадрат В. 2 слой.	конец XVI – начало XVII в.	[11, с. 227, 232, рис. 3,*28*]
82	Бита из свинца, отлитая в форме астрагала МРС	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадраты 30–31, 34–35, 46–49. Расконсервация	–	публикуется впервые
83	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами. Три отверстия высверлены в широкой выпуклой стороне, одно отверстие – в боковой стороне	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 15. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227, 232, рис. 3,*27*]
84	Фрагмент астрагала МРС с отверстием, просверленным в боковой стороне	Мангуп	–	[11, с. 227, 232, рис. 3,*29*]
85	Фрагмент астрагала МРС с отверстием, просверленным в боковой стороне	Мангуп	–	[11, с. 227, 232, рис. 3,*30*]
86	Астрагал МРС с двумя сквозными отверстиями, просверленными в боковой стороне	Мангуп. Церковь Св. Константина. Квадрат В. 4 слой	IX в.	[11, с. 227, 232, рис. 3,*31*]
87	Астрагал МРС со сквозным отверстием, просверленным в боковой стороне	Мангуп. Дворец. Центральный участок. «Галерея». Строительная траншея вдоль кладки № 9	около 1425 г.	[11, с. 227, 232, рис. 3,*32*]
88	Астрагал МРС с двумя обработанными сторонами. Два сквозных отверстия высверлены в широкой стороне, одно сквозное отверстие – в боковой стороне	Мангуп. Дворец. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части	–	[11, с. 227, 232, рис. 2,*26*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
89	Астрагал МРС со сквозными отверстиями, просверленными в широкой и боковой сторонах	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 24. Дерн	–	публикуется впервые
90	Астрагал МРС со сквозным отверстием, просверленным в широкой стороне	Сугдея	втор. пол. X–XII вв.	[16, с. 130–131, рис. 148,*8*]
91	Астрагал МРС со сквозным отверстием, просверленным в широкой стороне и граффити в виде «решетки»	Херсон. Квартал LX. Трехапсидный храм. Могила 16. Детское погребение	XIII в.	[45, p. 452, fig. 10,*1*]
92	Астрагал МРС со сквозным отверстием, просверленным в широкой стороне	Херсон. Квартал LX. Дом 2	перв. пол. XIII в.	[45, p. 452, fig. 10,*3*]
93	Астрагал МРС с тремя сквозными отверстиями, просверленными в широкой выпуклой стороне и сквозным отверстием в боковой стороне	Херсон. Квартал LX. Дом 2	перв. пол. XIII в.	[45, p. 452, fig. 10,*4*]
94	Астрагал МРС с двумя сквозными отверстиями, просверленными в широкой выпуклой стороне и сквозным отверстием в боковой стороне	Херсон. Квартал LX. Дом 2	перв. пол. XIII в.	[45, p. 452, fig. 10,*5*]
95	Астрагал МРС с граффити в виде «решетки», нанесенным на широкую сторону	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Бровка Н-П. 2 слой внутри хозяйственной ямы (кл. 192)	третья четв. XV в.	публикуется впервые
96	Астрагал МРС с граффити в виде «решетки», нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*5*]
97	Астрагал МРС с граффити в виде «лестницы», нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*6*]
98	Астрагал МРС с граффити в виде двух «лестниц», соединенных горизонтальными линиями, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*7*]
99	Астрагал МРС с граффити в виде знака, напоминающего букву «Λ», нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*9*]
100	Астрагал МРС с граффити в виде «решетки», нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*10*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
101	Астрагал МРС с граффити в виде параллельных линий, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*11*]
102	Астрагал МРС с граффити в виде трех параллельных линий, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*12*]
103	Астрагал МРС с граффити в виде линий с изломом в центре, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*14*]
104	Астрагал МРС с граффити в виде линий с изломом в центре, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*15*]
105	Астрагал МРС с граффити в виде прямых линий и линий с изломом в центре, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*16*]
106	Астрагал МРС с граффити в виде знака, напоминающего двойную букву «Н», нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*17*]
107	Астрагал МРС с граффити в виде параллельных линий, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	вторая пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*18*]
108	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат С. 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 232, рис. 3,*33*]
109	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Л. Зачистка бровок	–	[11, с. 227–228, 232, рис. 3,*34*]
110	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. Хозяйственная яма (кладка 207). 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 232, рис. 4,*35*]
111	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. Хозяйственная яма (кладка 207). 2 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 232, рис. 4,*36*]
112	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат В. Здание 22. Пол	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 232–233, рис. 4,*37*]
113	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Б. 4 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 4,*38*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
114	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Г. Зачистка 3 слоя	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 4,*39*]
115	Астрагал КРС с обработанной стороной	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Б. 4 слой	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 4,*40*]
116	Астрагал КРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Ж. Здание 24. 4 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*41*]
117	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 3. Дерн	–	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*42*]
118	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части	–	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*43*]
119	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 6. Дерн	–	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*44*]
120	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 4-6. 2 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*45*]
121	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 12. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	[11, с. 227–228, 233, рис. 5,*46*]
122	Астрагал КРС с двумя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 4-8. Помещение L. 3 слой («пол»)	третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 233, рис. 6,*47*]
123	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 10. Прирезка. 2 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 234, рис. 6,*48*]

1	*2*	*3*	*4*	*5*
124	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. Заполнение. 3 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 234, рис. 6,*49*]
125	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 15. 2 слой	вторая – третья четв. XV в.	[11, с. 227–228, 234, рис. 6,*50*]
126	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 24. Дерн	–	публикуется впервые
127	Астрагал КРС с двумя обработанными сторонами и железным кованым гвоздем, забитым в широкую сторону	Мангуп. Церковь Св. Константина. Некрополь. Квадрат К. 2 слой	XVI – первая половина XVII вв.	публикуется впервые
128	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены четыре отверстия	Мангуп. Дворец. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части	–	[11, с. 227–228, 234, рис. 6,*51*]
129	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены два отверстия	Мангуп. Дворец. Центральный участок. Северная контрольная бровка. Слой отвалов	–	[11, с. 227–228, 234, рис. 6,*52*]
130	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены два отверстия	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 24. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	публикуется впервые
131	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены два сквозных отверстия, одно сквозное отверстие – в боковой стороне	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 24. Каменный раскат в дерне	XVI–XVIII вв.	публикуется впервые
132	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены четыре отверстия, одно отверстие – в боковой стороне	Мангуп. Дворец. Западный участок. Квадрат 26. Помещение J. 2 слой	1462–1475 гг.	публикуется впервые
133	Астрагал КРС с четырьмя обработанными сторонами. В широкой стороне просверлены три сквозных отверстия	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*2*]
134	Астрагал КРС с граффити в виде поперечных коротких линий, пересеченных длинной продольной, нанесенным на широкую сторону	Сугдея	втор. пол. X–XII в.	[16, с. 130–131, рис. 148,*19*]

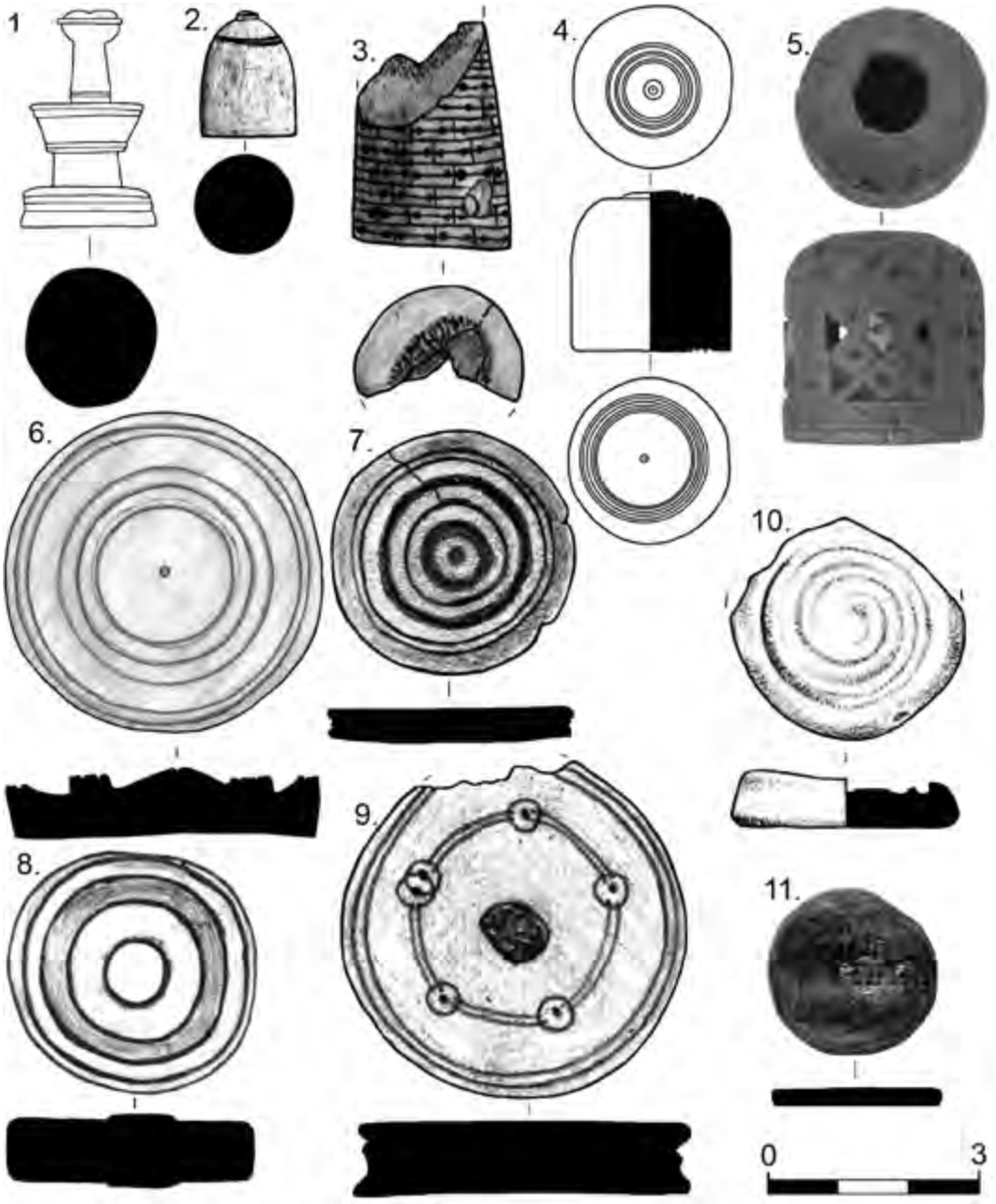


Рис. 1. *1–5* – Шахматные фигуры. *6–11* – Фишки типа 1
(4 – по: 2, рис. 1,*2*; 5 – по: 17, рис. 1; 10 – по: 9, рис. 32,*18*)
Fig. 1. *1–5* – Chess pieces. *6–11* – Counters of type 1
(4 – after: 2, рис. 1. *2*; 5 – after: 17, рис. 1; 10 – after: 9, рис. 32. *18*)

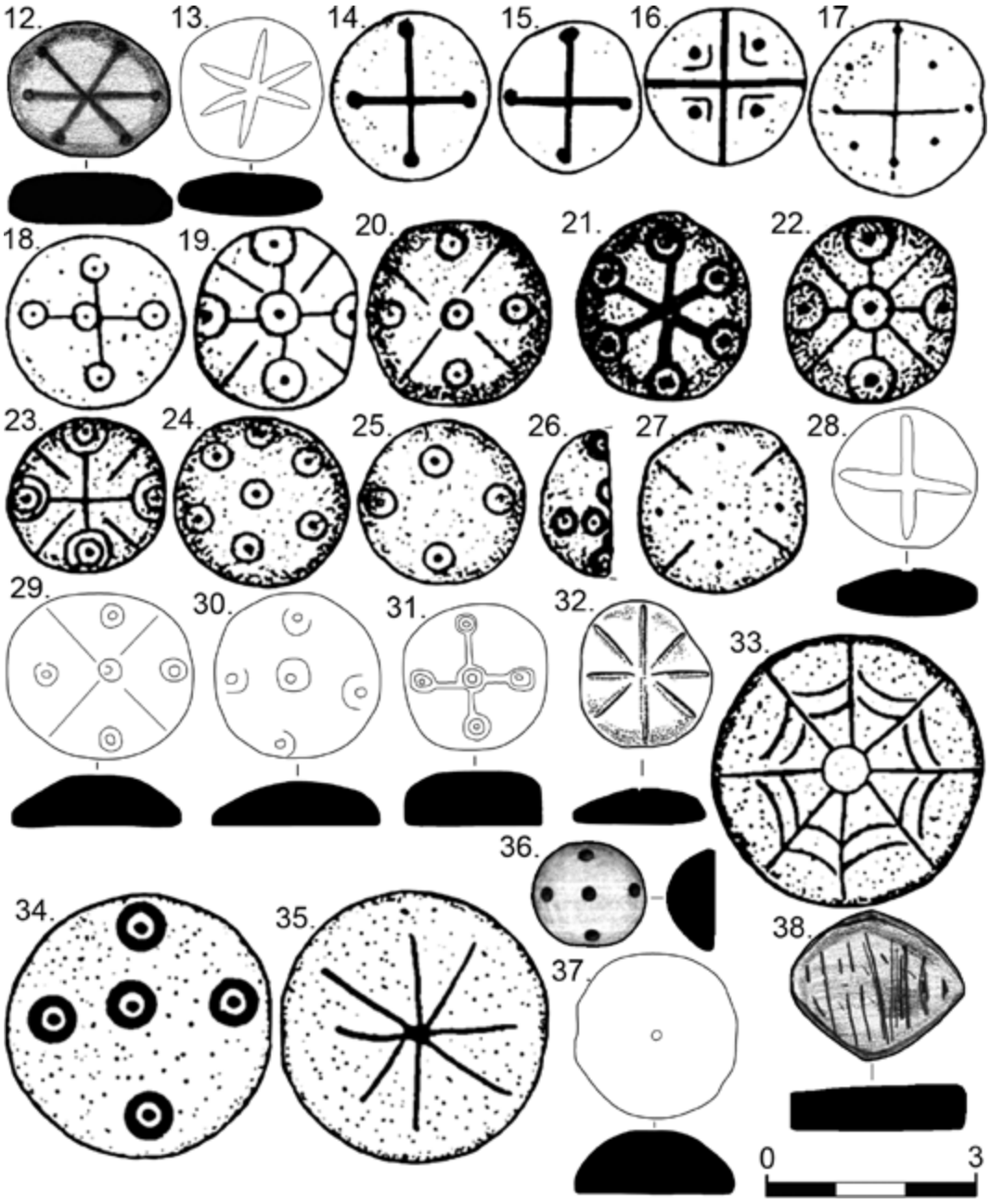


Рис. 2. *12–37* – Фишки типа 2. *38* – Фишка (?)
(14–27, 33–35 – по: 27, рис. 5,*123–128*, 7,*129–142*; 28–31, 37 – по: 45, fig. 9,*1–5*; 32 – по: 2, рис. 1,*3*)
Fig. 2. *12–37* – Counters of type 2. *38* – Counter (?)
(14–27, 33–35 – after: 27, рис. 5.*123–128*; 7. *129–142*; 28–31, 37 – after: 45, fig. 9.*1–5*; 32 – after: 2, fig. 1.*3*)

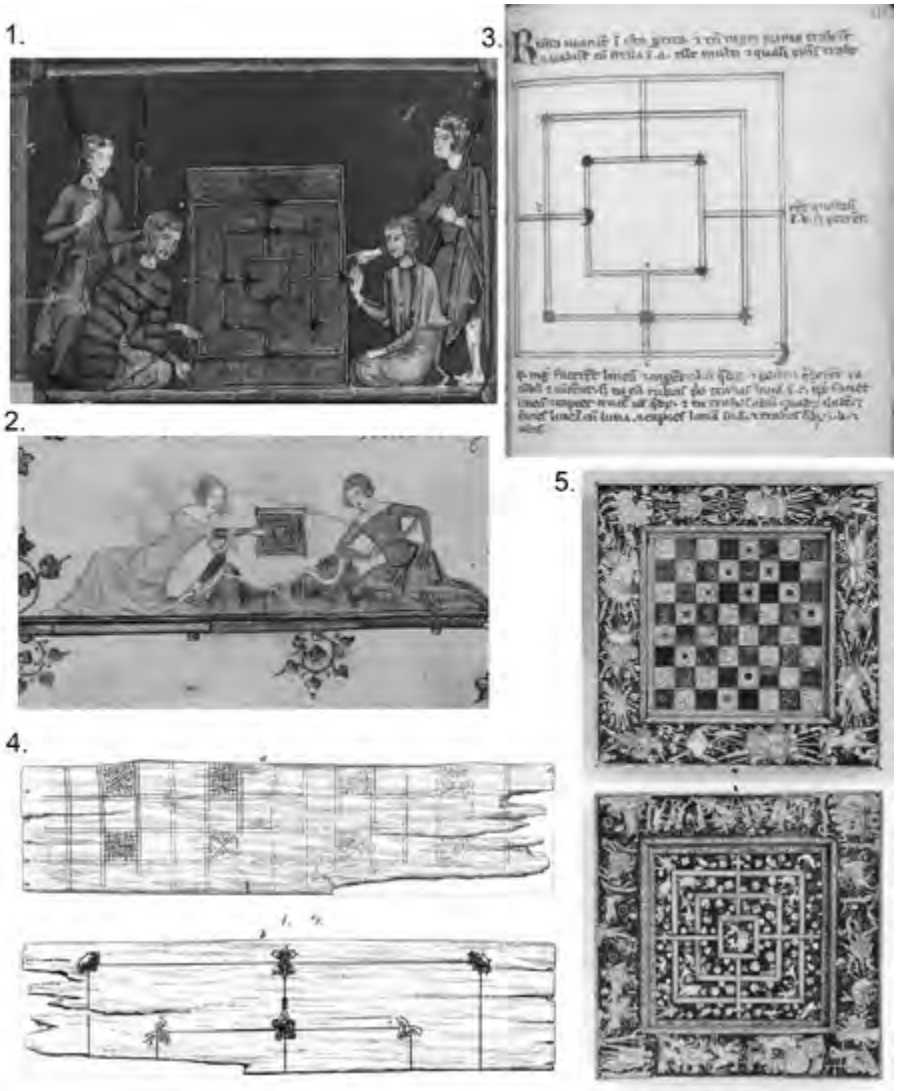


Рис. 3. *1* – Миниатюра из «Книги игр» Альфонсо X, XIII в. (по: 55, fig. 56). *2* – Миниатюра из «Романа об Александре», XIV в. (по: 56, fig. 4). 3. – Диаграмма игры в мельницу из Civis Bononiae, XIV в. (источник изображения: https://collection.beta.fitz.ms/id/image/media-166753, дата обращения: 02.10.2022). *4* – Игровая доска X в. из Гокстада, Норвегия (по: 50, pl. VIII,*1*). 5 – Игровая доска XVI в. из Национального музея в Мюнхене (источник изображения: https://www.bayerisches-nationalmuseum.de/en/collection/highlights/00030454, дата обращения: 02.10.2022)

Fig. 3. *1* – Miniature from *The Book of Games* by Alfonso X, thirteenth century (after: 55, fig. 56). *2* – Miniature from *The Romance of Alexander*, fourteenth century (after: 56, fig. 4). 3. – Diagram of Nine Men's Morris from *Civis Bononiae*, fourteenth century (image source: https://collection.beta.fitz.ms/id/image/media-166753, accessed: 02.10.2022). *4* – tenth-century gaming board from Gokstad, Norway (after: 50, pl. VIII. *1*). 5 – sixteenth-century gaming board from the Munich National Museum (image source: https://www.bayerisches-nationalmuseum.de/en/collection/highlights/00030454, date of access: 02.10.2022)

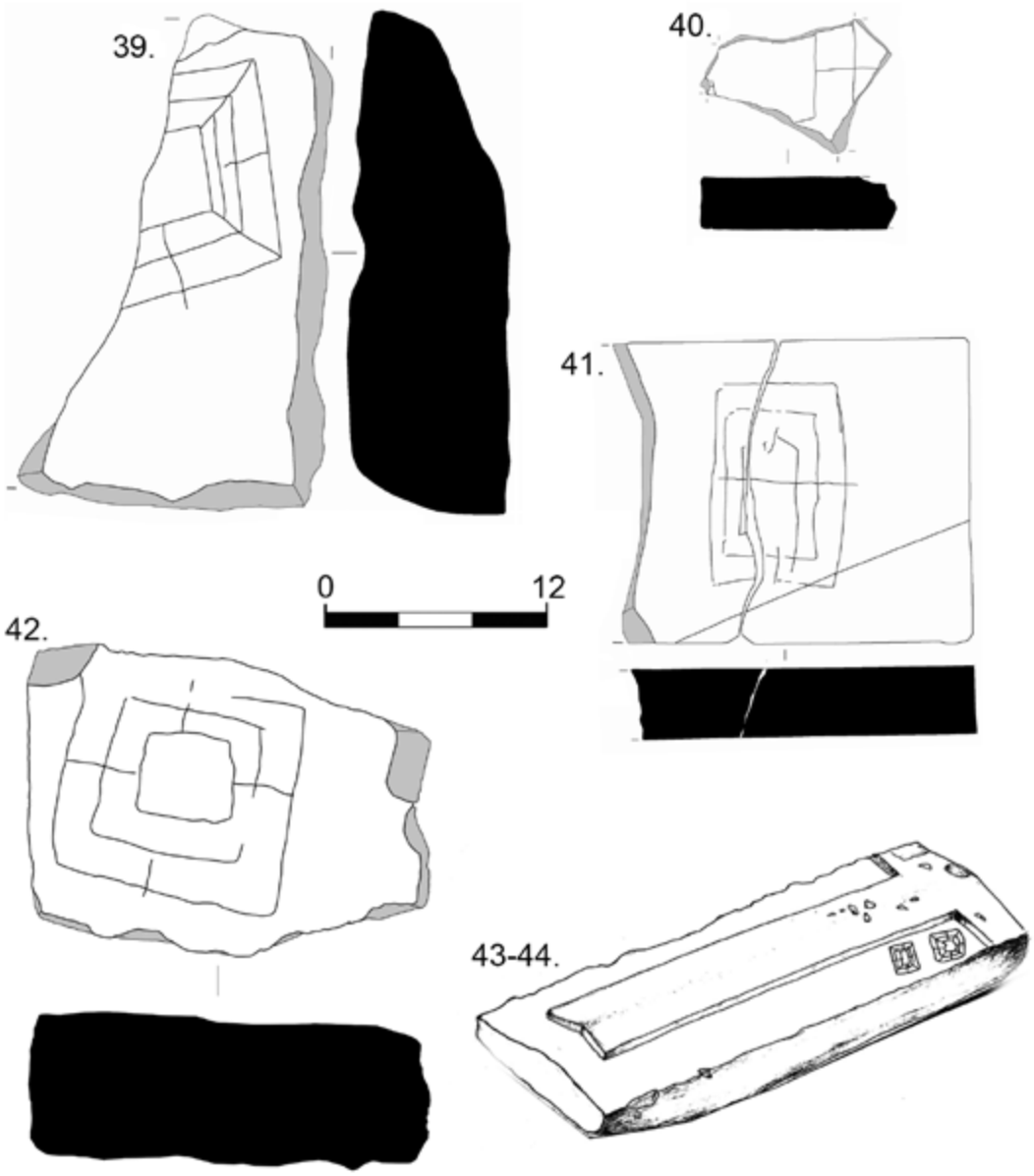


Рис. 4. *39–44* – Поля для игры в мельницу из раскопок Мангупа (43–44 – по: 7, ил. 4)
Fig. 4. *39–44* – Gaming boards for Nine Men's Morris excavated at Mangup (43–44 – after: 7, ил. 4)

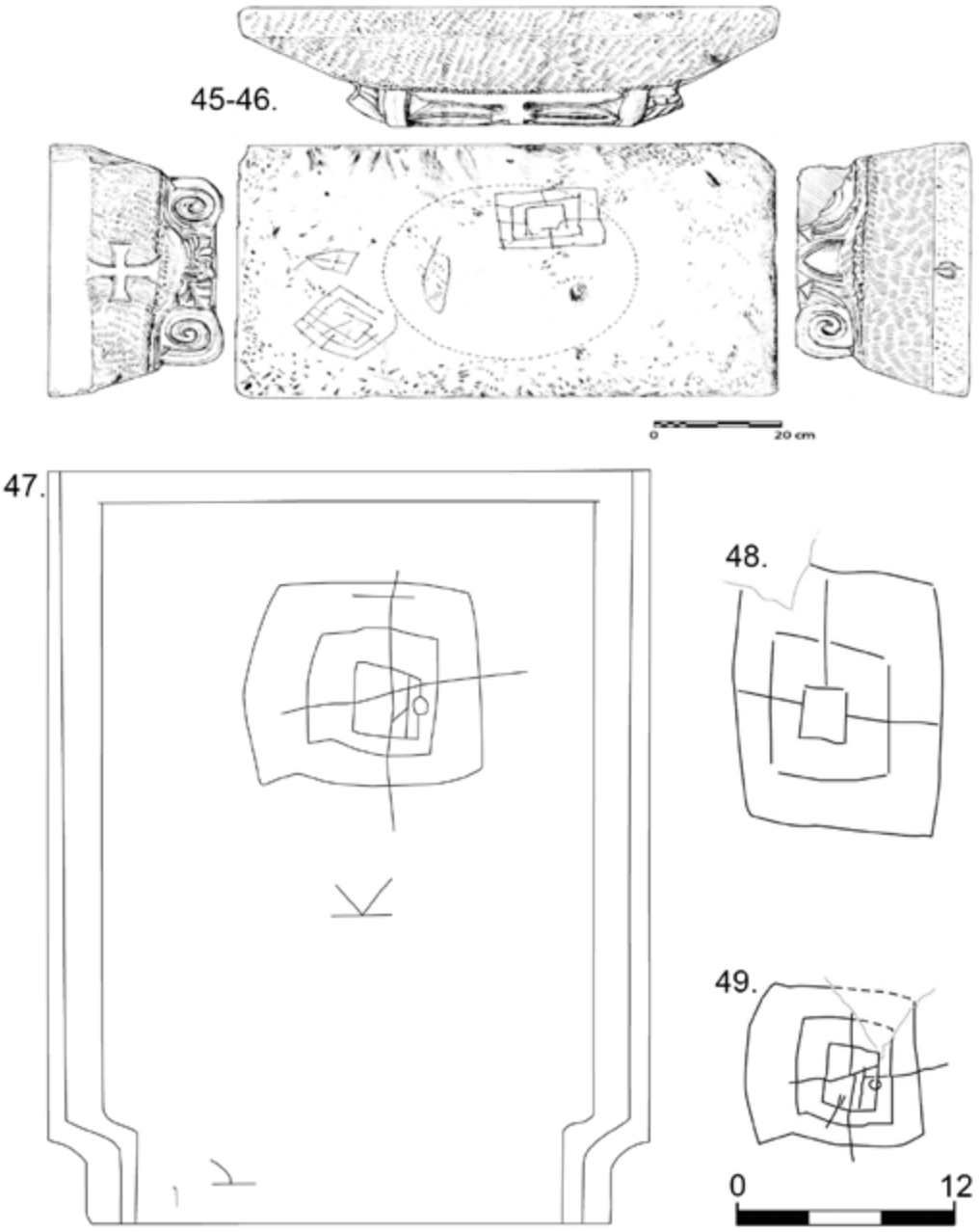


Рис. 5. *45–49* – Поля для игры в мельницу из раскопок Херсона
(45–46 – по: 26, рис. 24; 47–49 – по: 23, рис. 4,*5,7*)
Fig. 5. *45–49* – Gaming boards for Nine Men's Morris excavated at Cherson (45–46 – after: 26, рис. 24; 47–49 – after: 23, рис. 4. *5, 7*)

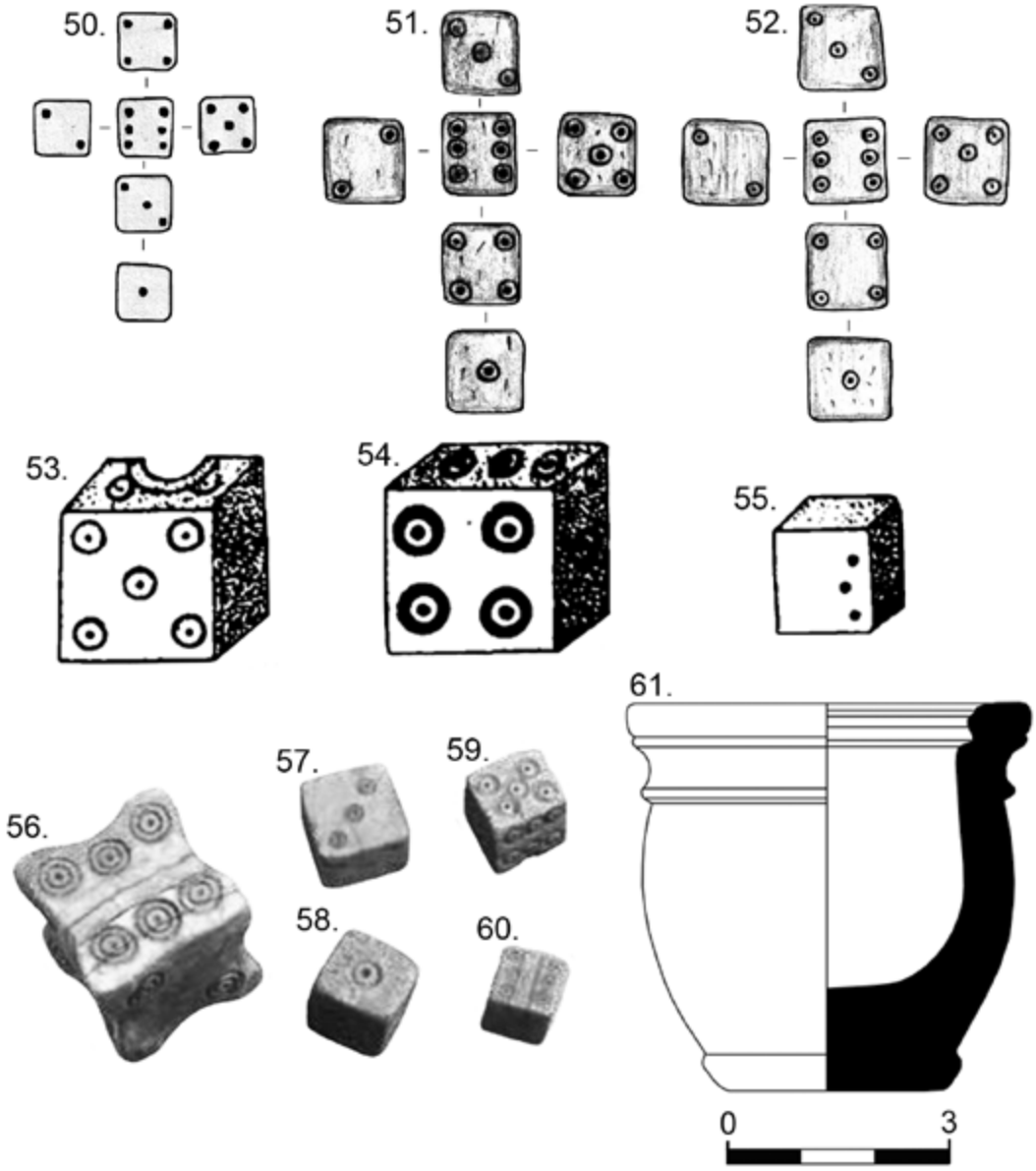


Рис. 6. *50–60* – Кубики для игры в кости. *61* – Сосуд для игры в кости (53–55 – по: 27, рис. 7,*137–139*; 56–57 – по: 37, с. 289, № 323–327; 61 – по: 2, рис. 1,*1*)
Fig. 6. *50–60* – Dice. *61* – Vessel for playing dice (53–55 – after: 27, рис. 7. *137–139*; 56–57 – after: 37, с. 289, № 323–327; 61 – after: 2, рис. 1. *1*)

Рис. 7. *62–71* – Астрагалы варианта 1 типа 1. *72–74* – Астрагалы варианта 2 типа 1 (69–70 – по: 16, рис. 148,*4,13*; 71 – по: 36, рис. 20,*2*)
Fig. 7. *62–71* – Astragali of variant 1 type 1. *72–74* – Astragali of variant 2 type 1 (69–70 – after: 16, рис. 148. *4, 13*; 71 – after: 36, рис. 20. *2*)

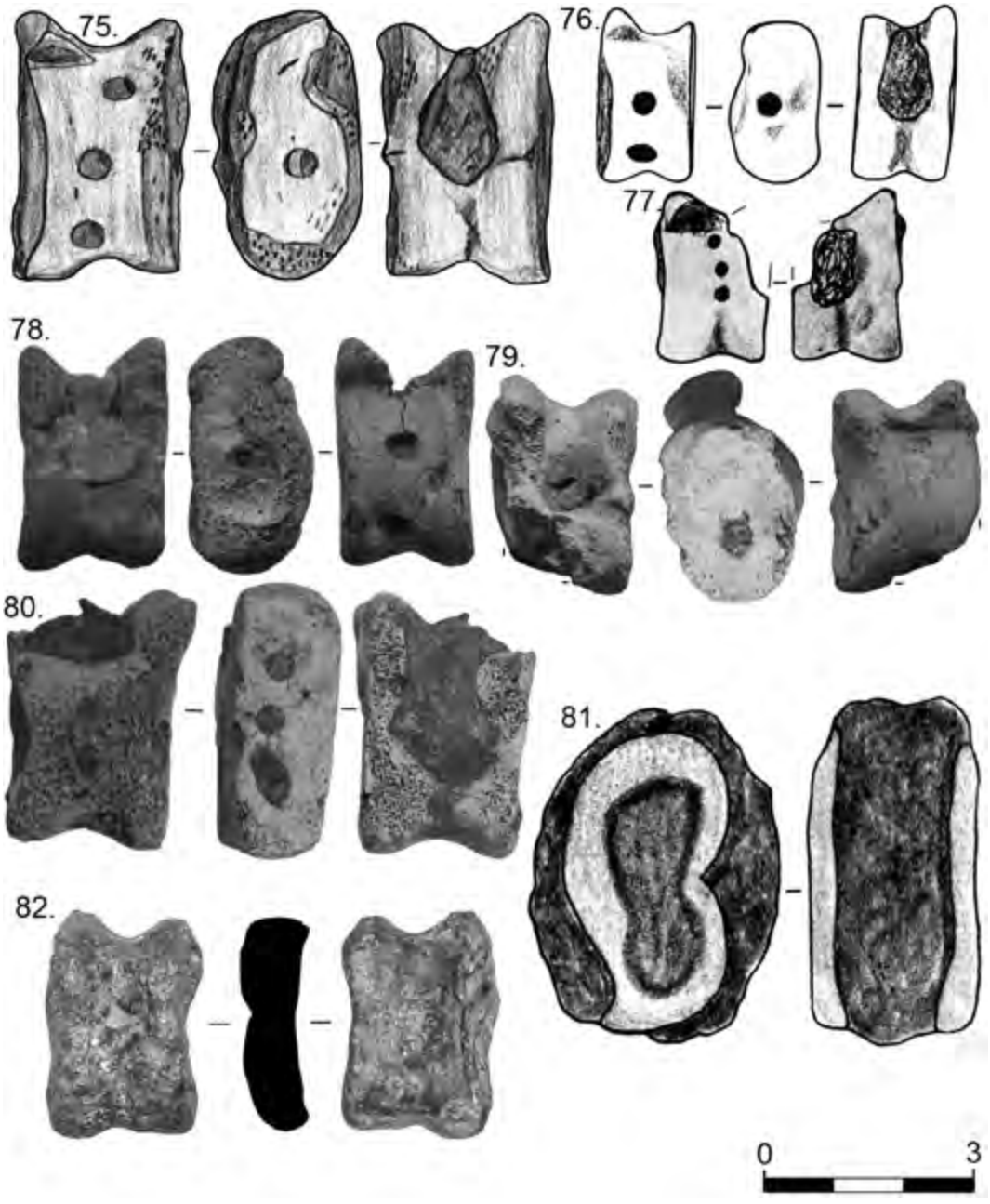


Рис. 8. *75–82* – Астрагалы варианта 2 типа 1
Fig. 8. *75–82* – Astragali of variant 2 type 1

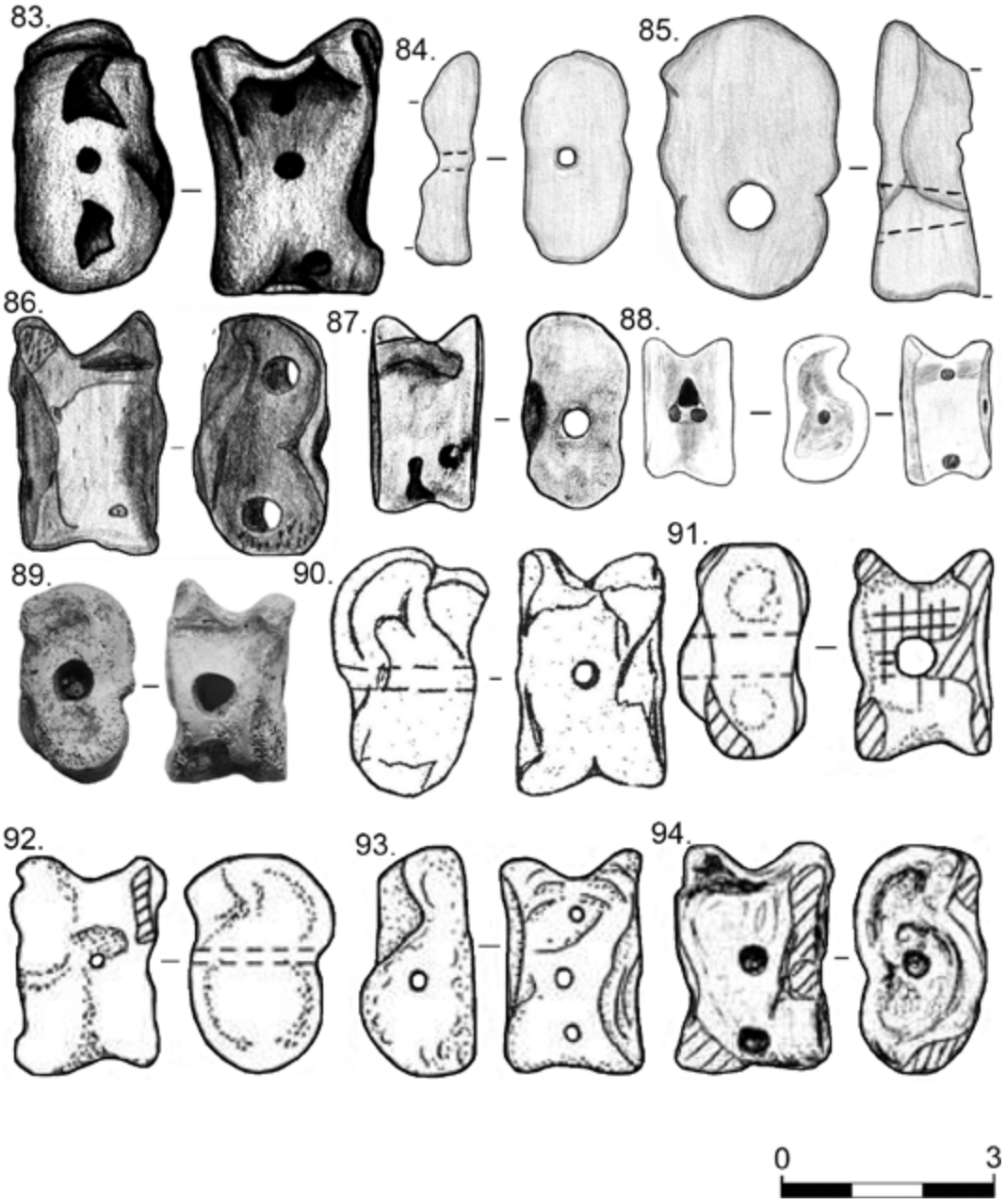


Рис. 9. *83–94* – Астрагалы варианта 3 типа 1
(90 – по: 16, рис. 148,*8*; 91–94 – по: 45, fig. 10,*1,3–5*)
Fig. 9. *83–94* – Astragali of variant 3 type 1
(90 – after: 16, рис. 148. *8*; 91–94 – after: 45, fig. 10. *1,3–5*)

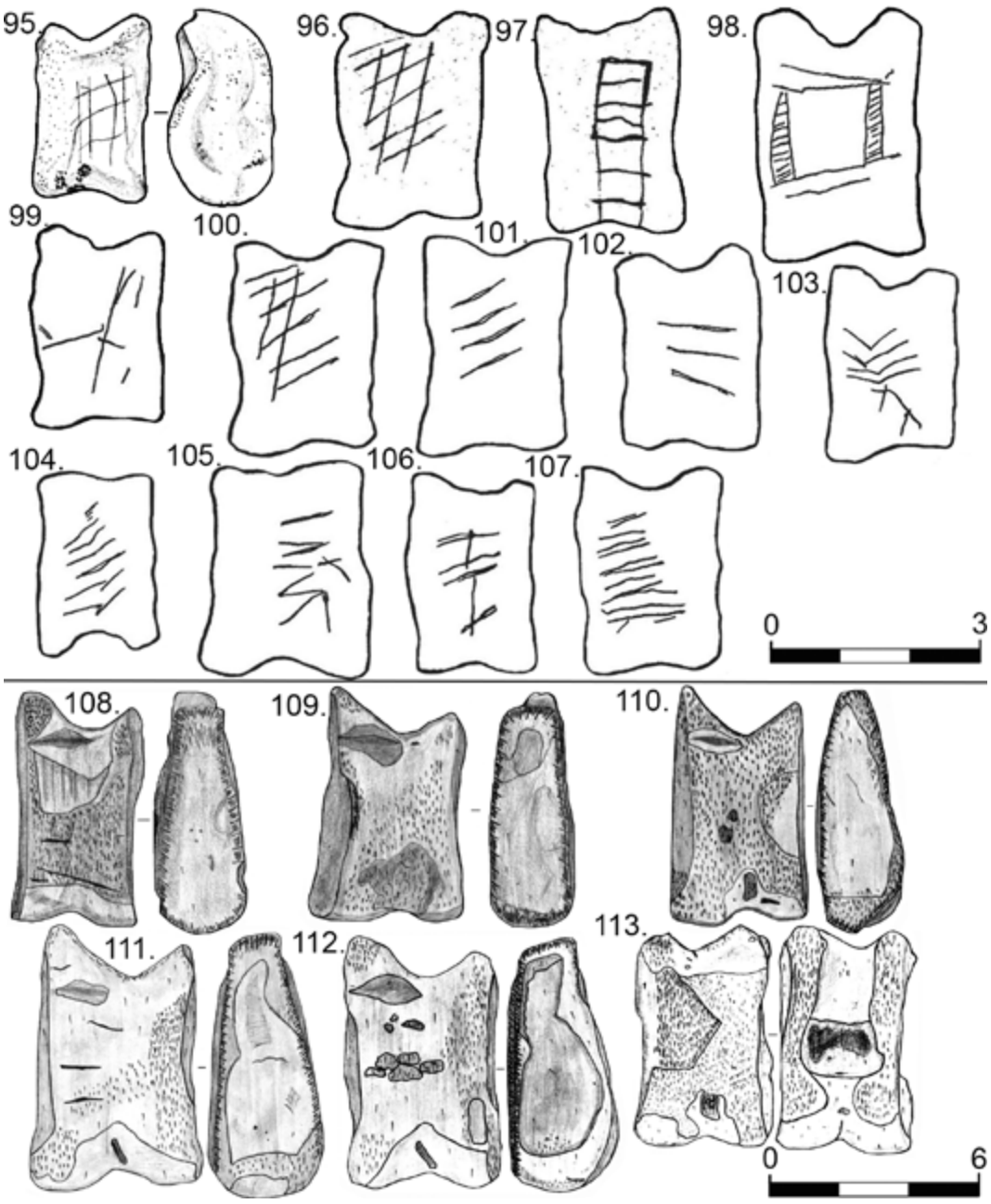


Рис. 10. *95–107* – Астрагалы варианта 4 типа 1. *108–113* – Астрагалы варианта 1 типа 2 (96–107 – по: 16, рис. 148,*5–12,14–18*)
Fig. 10. *95–107* – Astragali of variant 4 type 1. *108–113* – Astragali of variant 1 type 2 (96–107 – after: 16, рис. 148. *5–12,14–18*)

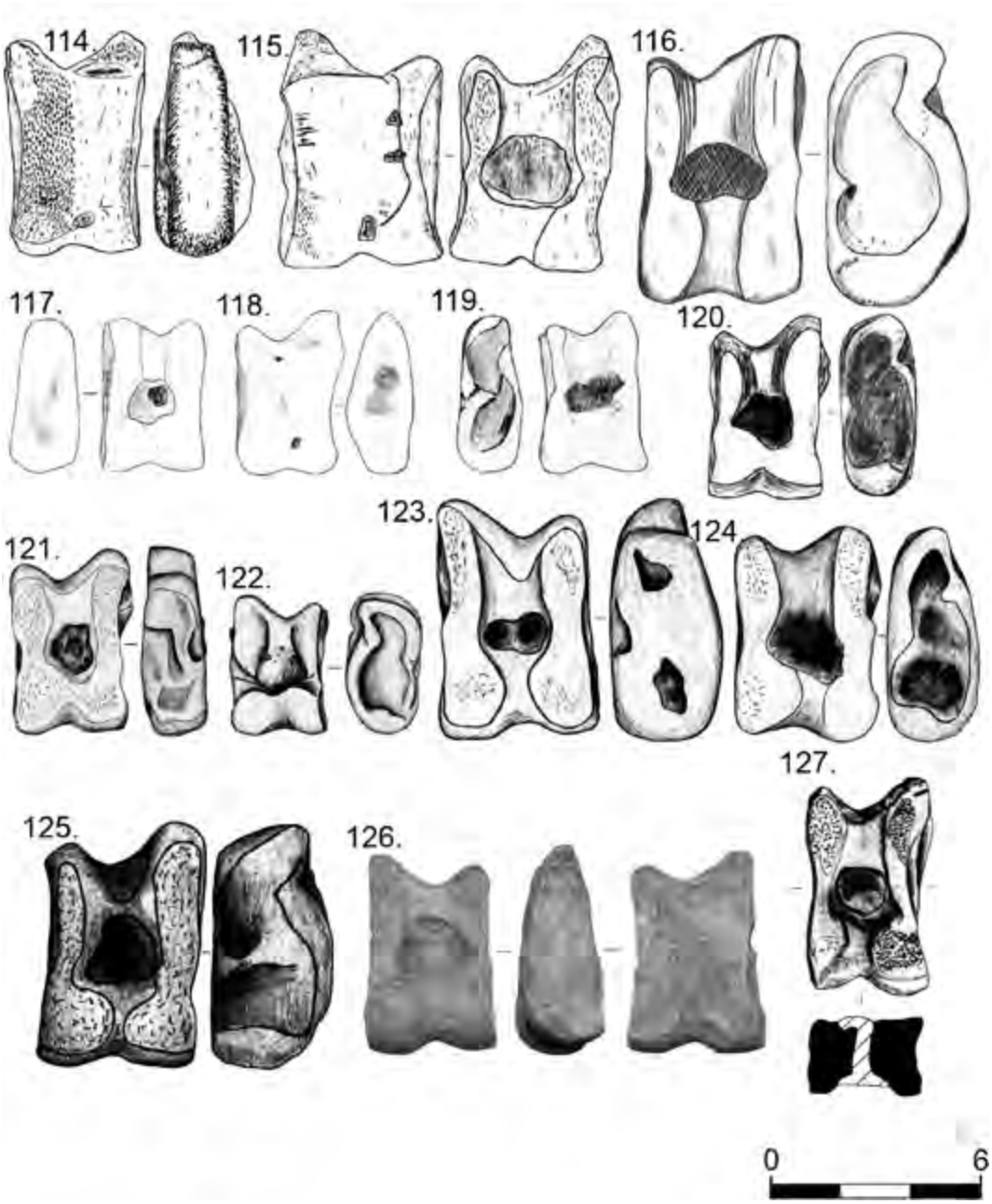


Рис. 11. *114–126* – Астрагалы варианта 1 типа 2. *127* – Астрагал варианта 2 типа 2
Fig. 11. *114–126* – Astragali of variant 1 type 2. *127* – Astragalus of variant 2 type 2

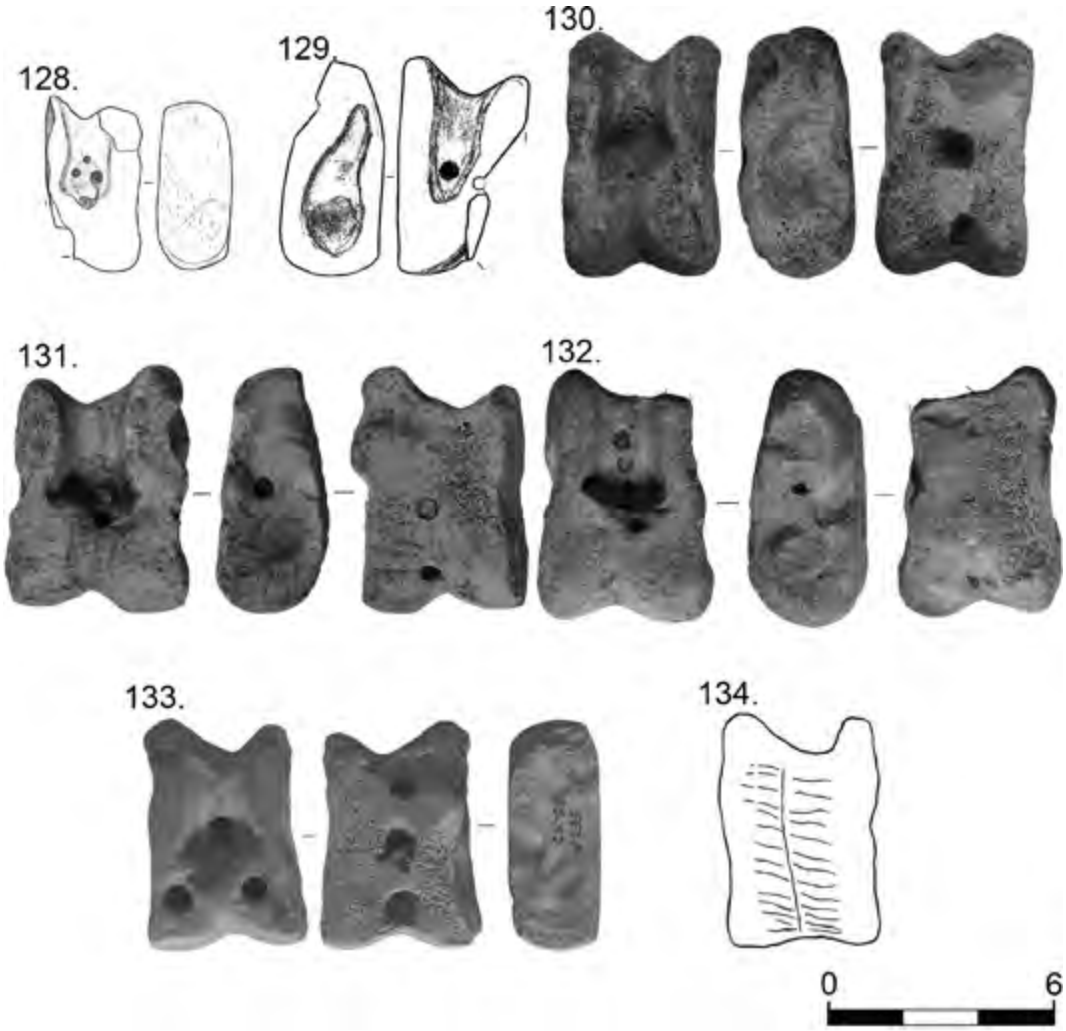


Рис. 12. *128–133* – Астрагалы варианта 3 типа 2. *134* – Астрагал варианта 4 типа 2 (133–134 – по: 16, рис. 148. *2,19*)
Fig. 12. *128–133* – Astragali of variant 3 type 2. *134* – Astragalus of variant 4 type 2 (133–134 – after: 16, рис. 148. *2,19*)

Рис. 13. *1* – Краснофигурный сосуд, V в. до н.э. (источник изображения: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/247285?ft=Terracotta+pyxis&offset=0&rpp=40&pos=15, дата обращения: 02.10.2022). *2* – Фрагмент картины Питера Брейгеля Старшего «Детские игры», 1560 г. (источник изображения: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1e/Pieter_Bruegel_the_Elder_-_Children's_Games_-_Google_Art_Project.jpg, дата обращения: 02.10.2022)

Fig. 13. *1* – Red-figured vessel, fifth century BC (image source: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/247285?ft=Terracotta+pyxis&offset=0&rpp=40&pos=15, date of access: 02.10.2022). *2* – Fragment of Pieter Brueghel the Elder's *The Children's Games*, 1560 (image source: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1e/Pieter_Bruegel_the_Elder_-_Children's_Games_-_Google_Art_Project.jpg, date of access: 02.10.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев А.Г. Еще раз о символике «вавилонов» // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2019. Вып. 12. С. 360–370.
2. Андреева О.А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 412–421.
3. Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.
4. Аржанцева И.А., Албегова З.Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 183–200.
5. Бадеев Д.Ю. Шахматные фигуры с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 64–75.
6. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. О так называемых «вавилонах» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011. С. 130–134.
7. Бармина Н.И. Надгробия некрополя Мангупской базилики // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 327–348.
8. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1990. 225 с.
9. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы Х, Х-А и Х-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
10. Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Т. 6. Казань: Центральная Типография, 1908. 111 с.
11. Душенко А.А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222–247.
12. Капсалыкова К.Р. Представления о войне и армии в Византии (середина IX – середина XI вв.): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 352 с.
13. Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Псевдовавилоны // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна / Відп. ред. О.П. Толочко. Киев: Лаурус, 2017. С. 185–197.
14. Корзухина Г.Ф. Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 85–102.
15. Линдер И.М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975. 207 с.
16. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 465 с.
17. Майко В.В., Джанов А.В. Шахматная фигура средневековой Сугдеи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / под. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2013. С. 91–96.
18. Науменко В.Е., Душенко А.А. Дворец правителей Феодоро. Помещение Н южного участка исследования (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и раскопок 2009 и 2014 гг.) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
19. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. Церковь Святого Георгия // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 56–108.
20. Нахапетян В.Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. 1994. № 4. С. 107–118.
21. Орбели И., Тревер К. Шатранг. Книга о шахматах. Л.: Государственный Эрмитаж, 1936. 196 с.
22. Пантелеев А.Д. Досуг христианина: раннехристианская проповедь «Об игроках в кости» // Мнемон. СПб., 2011. № 10. С. 375–392.
23. Паршина Е.А. «Дом священника» на театральной улице Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / Ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 17–38. (Археологический альманах, № 33).

24. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 192 с.
25. Полякова Г.Ф., Фехнер М.В. Игры в мельницу в древней Руси // Slovenska archeologia. 1973. Т. XXI-2. С. 441–445.
26. Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 196–274.
27. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1981. Т. 18. С. 84–105.
28. Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1. С. 83–112.
29. Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991. №4. С. 86–101.
30. Сергєєва М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев: КНТ, 2011. 256 с.
31. Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (II тис до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. № 2. С. 34–49.
32. Фирдоуси А. Шахнаме / Пер. Ц.Б. Бану-лахути и В.Г. Берзнева. М.: Наука, 1989. Т. 6. 664 с.
33. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 173 с.
34. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 254 с.
35. Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М.: Наука, 1978. 287 с.
36. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.: сборник научных статей / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–145.
37. Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского университета, 2011. 708 с.
38. Ayalon E. The Assemblage of Bone and Ivory Artifacts from Caesarea Maritima, Israel 1–13 Centuries. Oxford, 2005. 396 p. (BAR International Series, 1457).
39. Bell R.C. Board and Table Games from Many Civilizations. Oxford: University Press, 1969. 212 p.
40. Berger F. From Circle and Square to the Image of the World: a Possible Interpretation for Some Petroglyphs of Merels Boards // Rock Art Research. 2004. Vol. 21. No. 1. P. 11–25.
41. Krueger P. (Ed.). Codex Iustinianus. Berlin: Apud Weidmann, 1892. 513 s.
42. Gill M.V. The small finds // Harrison R.M. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. I. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones and Molluscs. Princeton: University Press, 1986. 525 p.
43. Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces // Expedition. 1996. Vol. 38. No. 1. P. 51–58.
44. Davidson G. The Minor Objects // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII. 512 p.
45. Klenina E. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretation and Chronology // BYZAS. 2012. No. 15. P. 411–456.
46. Koukoulès Ph. Vie et civilisation byzantines. Athènes: Institut français d'Athènes, 1948. T. 1. 521 p.
47. MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period. London: Croom Helm, 1985. 245 p.
48. Murray H.J.R. A History of Chess. Oxford: Clarendon Press, 1913. 902 p.
49. Murray H.J.R. A History of Board Games Other Than Chess. London: Hacker Art Books Inc, 1978. 267 p.
50. Nicolaysen N. The Viking-ship Discovered at Gokstad in Norway. Christiania: Alb. Cammermeyer, 1882. 108 p.
51. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.). Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Catalogue of Exhibition. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.
52. Schädler U. Astragalspiele gestern und heute. Teil I // Fachdienst spiel. 1997. No. 2. P. 19–25.
53. Schädler U. Astragalspiele gestern und heute. Teil II // Fachdienst spiel. 1997. No. 3. P. 36–43.
54. Schädler U. Medieval Nine Men's Morris with Dice // Board Games Studies. 2000. No. 3. P. 112–116.

55. Vitale V. Dadi e tavole da gioco // Apigliano un villaggio bizantino e medieval in terra d'Otranto. Salento, 2011. P. 91–95.
56. Vroom J. Playing games in the valley of the Muses. A medieval board game found in Boeotia, Greece // Pharos. 1999. Vol. VII. P. 93–110.

REFERENCES

1. Avdeev A.G. Once again about the symbolism of the "babylons". *Tver', tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages], 2019, vol. 12, pp. 360–370.
2. Andreeva O.A. Bone Objects from Chersonesian Fish-salting Cisterns (Excavations of 1992 and 1997). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 412–421.
3. Liubarskiy Ia.N. (Ed.). *Anna Komnina. Aleksiada* [Anna Komnena. Alexiad]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 1996, 704 p.
4. Arzhantseva I.A., Albegova Z.Kh. Cult stones of the Kyafar settlement (once again about the religious dualism of the Alans). Markovin V.I. (Ed.), *Drevnosti Severnogo Kavkaza* [Antiquities of the North Caucasus], Moscow, IA RAN Publ., 1999, pp. 183–200.
5. Badeev D.Iu. Chess figures from the estates of the central part of the Golden Horde Bolgar. *Zvuchat lish' Pis'mena. K iubileiu A.A. Medyntsevoi* [Only letters are heard. To the anniversary of A.A. Medyntseva], Moscow, IA RAN Publ., 2019, pp. 64–75.
6. Badeev D.Iu., Koval' V.Iu. About the so-called "babylons". *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Astrakhan', 2–6 oktiabria 2011 g.)* [Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials of the V International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorova-Davydova (Astrakhan, October 2–6, 2011)], Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan Publ., 2011, pp. 130–134.
7. Barmina N.I. Tombstones of the cemetery at the basilica of Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 327–348.
8. Gasparov M.L. (Ed.). *Gai Svetonii Trankvill. Zhizn' dvenadtsati tsezarei* [Gaius Suetonius Tranquill. Life of the Twelve Caesars]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990, 225 p.
9. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-Б). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 49–161.
10. *Deianiia vselenskikh soborov, izdannye v russkom perevode pri Kazanskoi dukhovnoi akademii* [Acts of the Ecumenical Councils, published in Russian translation at the Kazan Theological Academy]. Vol. 6. Kazan', Tsentral'naia Tipografiia Publ., 1908, 111 p.
11. Dushenko A.A. Bone and Antler Game Pieces from Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 222–247.
12. Kapsalykova K.R. *Predstavleniia o voine i armii v Vizantii (seredina IX – seredina XI vv.)* [Ideas about the war and the army in Byzantium (mid-9 - mid-11 centuries)]. Text of kandidat. diss. Ekaterinburg, 2017, 352 p.
13. Koval' V.Iu., Badeev D.Iu. Pseudo-babylons. Tolochko O.P. (Ed.), *Kul'turnii shar. Statti na poshanu Gliba Iuriiovicha Ivakina* [Cultural layer. Articles in honor of Hleb Yuriyovych Ivakin], Kyiv, Laurus Publ, 2017, pp. 185–197.
14. Korzukhina G.F. From the history of games in Rus. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1963, vol. 4, pp. 85–102.
15. Linder I.M. *Shakhmaty na Rusi* [Chess in Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 207 p.
16. Maiko V.V. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X – XII vv*. [Eastern Crimea in the second half of the 10th - 12th centuries]. Kyiv, Vidavets' Oleg Filiuk Publ., 2014, 465 p.

17. Maiko V.V., Dzhanov A.V. Chess piece of medieval Sugdeya. Alekseenko N.A. (Ed.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis»* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: "empire" and "polis"], Sevastopol', Natsional'nyi zapovednik «Khersones Tavricheskii» Publ., 2013, pp. 91–96.
18. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R. Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 187–238.
19. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. The Church of St. George. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Theodoro according to the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4-17 centuries)], Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 56–108.
20. Nakhapetian V.E. The image of the world in the fine arts of Khazaria. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 1994, vol. 4, pp. 107–118.
21. Orbeli I., Trever K. *Shatrang. Kniga o shakhmatakh* [Shatrang. Book about chess]. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1936, 196 p.
22. Panteleev A.D. Christian Leisure: An Early Christian Sermon "On Dice Players". *Mnemon*, St Petersburg, 2011, vol. 10, pp. 375–392.
23. Parshina E.A. "House of the Priest" on the theater street of Chersonesos. Teslenko I.B. (Ed.), *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi iubileiu Eleny Aleksandrovny Parshinoi* [Ancient and medieval Taurica. Collection of articles dedicated to the anniversary of Elena Alexandrovna Parshina], Kyiv, Vidavets' Oleg Filiuk Publ., 2015, pp. 17–38.
24. Peters B.G. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia* [Bone carving in the ancient states of the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 192 p.
25. Poliakova G.F., Fekhner M.V. Nine Men's Morris games in ancient Rus. *Slovenska archeologia* [Slovenian Archaeology], 1973, vol. 21-2, pp. 441–445.
26. Rabinovits A., Sedikova L.V., Khenneberg R. Daily life in a provincial Late Byzantine city: multidisciplinary research in the South Region of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 196–274.
27. Romanchuk A.I. Bone items in medieval Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1981, vol. 18, pp. 84–105.
28. Rybakov B.A. Architectural mathematics of ancient Rus architects. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1957, vol. 1, pp. 83–112.
29. Rybina E.A. From the history of chess pieces. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1991, vol. 4, pp. 86–101.
30. Sergeeva M.S. *Kostorizna sprava u Starodavn'omu Kievi* [Bone-carving in ancient Kyiv]. Kiev, KNT Publ., 2011, 256 p.
31. Strel'nik M.O., Khomchik M.A., Sorokina S.A. Dice (2 millennium BC – 14th century AD) from the collection of the National Museum of the History of Ukraine. *Arkheologiia* [Archaeology], Kiev, 2009, vol. 2, pp. 34–49.
32. Banu-lakhuti Ts.B., Berznev V.G. (Eds.). *Firdousi A. Shakhname* [Ferdowsi A. Shahnameh]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, 664 p.
33. Flerova V.E. *Graffiti Khazarii* [Graffiti of Khazaria]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997, 173 p.
34. Flerova V.E. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela – Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved bone of the south-east of Europe of the 9th-12th centuries: Art and craft. Based on materials from Sarkel - Belaya Vezha from the collection of the State Hermitage]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 254 p.
35. Freiberg L.A., Popova T.V. *Vizantiiskaia literatura epokhi rastsveta IX–XV vv*. [Byzantine literature of the heyday of the 9th-15th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 287 p.

36. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (Eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–145.
37. Iashaeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaia V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantiiskogo Khersona* [Heritage of Byzantine Cherson]. Sevastopol, Teleskop Publ., Ostin, IKA Tekhasskogo universiteta Publ., 2011, 708 p.
38. Ayalon E. *The Assemblage of Bone and Ivory Artifacts from Caesarea Maritima, Israel 1–13 Centuries*. Oxford, 2005, 396 p. (BAR International Series, 1457).
39. Bell R.C. *Board and Table Games from Many Civilizations*. Oxford, University Press, 1969, 212 p.
40. Berger F. From Circle and Square to the Image of the World: a Possible Interpretation for Some Petroglyphs of Merels Boards. *Rock Art Research*, 2004, vol. 21, no. 1, pp. 11–25.
41. Krueger P. (Ed.). *Codex Iustinianus*. Berlin, Apud Weidmann, 1892, 513 s.
42. Gill M.V. The small finds. *Harrison R.M. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. I. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones and Molluscs*. Princeton, University Press, 1986, 525 p.
43. Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces. *Expedition*, 1996, vol. 38, no. 1, pp. 51–58.
44. Davidson G. The Minor Objects. *Corinth*, Princeton, New Jersey, 1952, vol. 12, 512 p.
45. Klenina E. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretation and Chronology. *BYZAS*, 2012, vol. 15, pp. 411–456.
46. Koukoulès Ph. *Vie et civilisation byzantines.* Athènes, Institut français d'Athènes, 1948, vol. 1, 521 p.
47. MacGregor A. *Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period*. London, Croom Helm, 1985, 245 p.
48. Murray H.J.R. *A History of Chess*. Oxford, Clarendon Press, 1913, 902 p.
49. Murray H.J.R. *A History of Board Games Other Than Chess*. London, Hacker Art Books Inc, 1978, 267 p.
50. Nicolaysen N. *The Viking-ship Discovered at Gokstad in Norway*. Christiania, Alb. Cammermeyer, 1882, 108 p.
51. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.). *Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Catalogue of Exhibition*. Athens, Hellenic Ministry of Culture, 2002, 599 p.
52. Schädler U. Astragalspiele gestern und heute. Teil I. *Fachdienst spiel*, 1997, no. 2, pp. 19–25.
53. Schädler U. Astragalspiele gestern und heute. Teil II. *Fachdienst spiel*, 1997, no. 3. pp. 36–43.
54. Schädler U. Medieval Nine Men's Morris with Dice. *Board Games Studies*, 2000, no. 3, pp. 112–116.
55. Vitale V. Dadi e tavole da gioco. *Apigliano un villaggio bizantino e medieval in terra d'Otranto*. Salento, 2011, pp. 91–95.
56. Vroom J. Playing games in the valley of the Muses. A medieval board game found in Boeotia, Greece. *Pharos*, 1999, vol. 7, pp. 93–110.

Информация об авторе

Душенко А. А. – ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: N-6345-2019.

Author information

Dushenko A. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: N-6345-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.263-309

СТЕКЛЯННЫЕ ЛАМПАДЫ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛОЕВ ХЕРСОНЕСА

Лариса Алексеевна Голофаст
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия,
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057

Аннотация. В статье рассматриваются разные типы лампад, выявленные в слоях средневекового времени в Херсонесе. Все типы были широко распространены на территории Средиземноморско-Причерноморского региона, и практически все, появившись в ранневизантийское время, бытовали на протяжении всего средневековья, а некоторые производятся до сих пор. Однако, их бытование в Херсонесе имеет свою специфику: некоторые типы появляются несколько позже, чем на других территориях империи, другие отсутствуют вовсе, как, например, лампады со сплошной ножкой с перехватами или лампады со стеклянной трубкой для фитиля, а соотношение разных типов с течением времени меняется. Первыми в Херсонесе, как и в других центрах византийского мира, в качестве осветительных приборов начали использовать конические кубки с округлым или заостренным дном, которые доминируют на протяжении IV–V вв. В VI в. появляются конические лампады с бутонообразной ножкой, которые в Херсонесе бытуют до конца жизни города, хотя в других центрах византийского мира они зафиксированы исключительно в комплексах ранневизантийского времени. В конце V в. появляются лампады с узкой полой ножкой, которые доминируют на протяжении всего ранневизантийского периода. Позднее их использование резко сокращается, и им на смену приходят лампады с небольшой полой каплевидной ножкой, которые в Херсонесе встречаются в комплексах до XIII в. включительно. Короткие округлые ножки, которые могли принадлежать лампадам, бытовавшим с ранневизантийского времени, в Херсонесе выявлены в комплексах XIII в., за исключением одной, найденной в комплексе XI–XII вв. Лампады со свисающей сплошной цилиндрической ножкой, оттянутой от тулова сосуда, в других регионах Средиземноморья бытуют с ранневизантийского времени. Однако в Херсонесе они встречаются только в комплексах XI–XII вв., а сплошные длинные ножки, сформованные отдельно от тулова сосуда, выявлены не только в комплексах XI–XII вв., но и более позднего времени. Лампады с длинной свисающей ножкой со сферическим завершением представлены в Херсонесе лишь двумя экземплярами, происходящими из комплексов второй половины VI и XIII вв., что, в общем, соответствует времени бытования этого типа лампад в других центрах. Многочисленным и разнообразным лампадам с ручками будет посвящена отдельная публикация.

Ключевые слова: Херсонес, стеклянные лампады, комплексы VI–XIII вв.

Благодарности: Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4). Автор глубоко признателен Станиславу Григорьевичу Рыжову, Алле Ильиничне Романчук, Ларисе Васильевне Седиковой и Адаму Рабиновицу, а также Даниилу Александровичу Костромичеву за возможность изучить и опубликовать находки из их раскопок.

© Голофаст Л. А., 2022

GLASS LAMPS FROM MEDIEVAL LAYERS OF CHERSONESE

Larisa A. Golofast
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057

Abstract. This article analyses different types of lamps uncovered from medieval layers in Chersonese. All the types were widespread in the Mediterranean – Black Sea area; almost all of them appeared in the Early Byzantine Period and existed throughout the Middle Ages, and some are still produced. Yet their use in Chersonese had its own specifics: some types appeared somewhat later than in other territories of the Empire; others, for example, the lamps with a solid stem with intercepts or lamps with a glass tube for wick, were absent, and the proportion of different types changed over time. The first glass vessels used in Chersonese as lighting devices similarly to other centres of the Byzantine world were conical goblets with a rounded or pointed bottom, which predominated in the fourth and fifth centuries. In the sixth century, conical lamps with a drop-shaped stem appeared and existed in Chersonese up to the end of the city, although in other centers of the Byzantine world they have been fixed exclusively in the early Byzantine complexes. Lamps with a narrow hollow stem, which appeared in the late fifth century, predominated through the Early Byzantine Period. Later on, they were replaced by lamps with a small hollow drop-shaped stem, revealed in Chersonese in the assemblages dated up to the late thirteenth century. Vessels with a short spherical stem used in other byzantine centers from the early Byzantine period, in Chersonesos occur in deposits of the 13th century, with the exception of one specimen found in the complex from the eleventh–twelfth centuries. The same can be said about the lamps with a cylindrical stem drawn from the body of the vessel: in other Mediterranean regions, they were in use from the Early Byzantine Period, while in Chersonese they occurred exclusively in the eleventh – twelfth centuries assemblages. Solid long stems, fashioned separately from the body of the vessel, were found not only in the eleventh – twelfth centuries assemblages, but also in those from a later period. There are only two finds of the lamps featuring a long stem with a spherical ending in Chersonese, originating from the assemblages dated from the second half of the sixth and the thirteenth centuries, which, in general, corresponds to the period of existence of this type of lamps in other centers. Numerous and various handled lamps will be the subject of a separate publication.

Keywords: Chersonese, glass lamps, six- to thirteenth-century deposits

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the theme “The Black Sea and Central Asian periphery of the ancient world and the nomadic communities of Eurasia: at the crossroads of cultures and civilizations” (no. 122011200269-4). The author is deeply grateful to Stanislav G. Ryzhov, Alla I. Romanchuk, Larisa V. Sedikova, and Adam Rabinovitz, as well as to Daniil A. Kostromichev for the opportunity to study and publish the finds from their excavations.

Предполагается, что стеклянные лампады были восточно-средиземноморской, скорее всего, палестинской инновацией, относящейся ко времени около 400 г. [147, p. 43; 131, p. 479] или немногим раньше: в Пергаме лампады найдены в комплексе, датирующемся 60-ми гг. III в. [127, p. 91][1]. Самое раннее упоминание стеклянных лампад содержится у монахини Эгерии, которая в конце IV в. посетила Святую землю и описала свое путешествие в письме, известным теперь под названием *Itinerarium*

[1] Следует отметить, что первые стеклянные светильники, полностью копировавшие форму обычных глиняных или металлических, появились около середины I – III в. н.э. [9, p. 207; 41, p. 23].

Egeriae («Путешествие Эгерии»), *Peregrinatio Aetheriae* («Паломничество Этерии») или *Peregrinatio ad Loca Sancta* («Паломничество в Святую Землю»): «Как в храме Воскресения, так и перед Крестом и за Крестом висит много больших стеклянных лампад и стоит много подсвечников» [30, с. 262].

Скорее всего, сначала в качестве светильников использовали обычные сосуды для питья, и только с конца IV – V вв. начали производить сосуды, специально предназначенные для освещения [131, p. 480; 41, p. 23]. Именно в это время появляются основные типы лампад (трехручные лампады, лампады с трубкой для фитиля и лампады со свисающей ножкой), форма которых оставалась практически неизменной на протяжении столетий, а некоторые из них производятся до сих пор [118, p. 87].

По наблюдениям А. Антонараса, ранние стеклянные лампады находят, главным образом, при раскопках христианских храмов и кладбищ, хотя их небольшое количество встречается и в богатых домах [41, p. 23]. К сожалению, это предположение невозможно проверить на херсонесском материале, поскольку большая часть находок происходит из мусорных комплексов (нивелировочных засыпей и заполнения колодцев и рыбозасолочных цистерн). Исключение составляет лишь слой пожара второй половины XIII в.[2]

Большая популярность стеклянных лампад, которые довольно быстро вытеснили терракотовые светильники, объясняется несколькими их преимуществами[3]. Они были: а) гораздо экономичнее: если терракотовые светильники полностью заполняли маслом, то стеклянные заполняли водой и только сверху наливали слой масла; б) безопаснее: вода остужала масло и автоматически гасила фитиль, если масло заканчивалось; в) вода и масло, в сочетании с прозрачным стеклом давали значительно больше света, чем керамические и бронзовые светильники [131, p. 479, 480; 132, p. 262; 41, p. 23; 118, p. 78, 80] и, кроме того, стеклянные лампады не отбрасывали тени, что также увеличивало их яркость [118, p. 80]; г) наконец, огонь, горевший внутри лампады, был защищен от сквозняков и порывов ветра [71, p. 209].

Масло. Более всего для использования в стеклянных светильниках подходило касторовое масло, которое было лучше оливкового, т.к. дольше горело и не давало дыма [131, p. 479]. Часто использовали нардовое масло [139, p. 93–94], а анализ остатков на стенках лампад, найденных на территории Франции, показал использование масла грецкого ореха и животных жиров [73, p. 343–344; 118, p. 81].

Масло было довольно дорогим продуктом и обычно приобреталось за счет пожертвований прихожан, хотя сами стеклянные светильники были относительно дешевы. Пожертвования на масло для освещения храмов даже оговаривалось в завещаниях, как, например, в завещании одного из жителей Болоньи второй половины VI в., где упоминается пожертвование 100 золотых солидов на освещение храмов на острове Млет (Хорватия). Такая же сумма была пожертвована на поддержание лам-

[2] Обзор дискуссии о времени разрушения города в XIII в. см. [11, с. 108].

[3] Свечи использовали гораздо реже в раннехристианский период, поскольку в это время они были довольно дорогими и получили распространение только с VII в. [113, p. 199–200; 118, p. 81].

пад в храмах Салоны и окрестностей. Правила святых апостолов[4] запрещали верующим воровать масло или воск из церквей, что свидетельствует о том, что масляные лампы были не очень доступны для широкого использования [118, p. 79].

Фитиль. Лучшим материалом для фитиля считались лен и хлопок, которые долго горели, давали ровный яркий свет и не издавали при горении неприятного запаха. Но использовали также коноплю, другие растительные волокна или просто старую ткань [134, p. 206–207].

Держатели для фитиля. Чтобы фитиль плавал на поверхности масла и располагался в центре широкой чаши, характерной для всех типов стеклянных лампад, его закрепляли в держателях из разных материалов и разных форм. Специальную работу, посвященную держателям для фитиля, использовавшимся в стеклянных лампадах, посвятила Д. Фуа [71], но поскольку эта группа материала в силу своей невыразительности редко выделяется в ходе раскопок, целесообразно описать их основные типы.

Керамические представляют собой конические или плосковыпуклые в сечении кружки диаметром от 2,5 до 4,0 см и высотой до 2 см с отверстием в центре, которые обычно использовали для закрепления фитиля в лампадах с полой ножкой, в верхней части которой было удобно размещать держатель с фитилем (рис. 1,*1*), хотя нельзя исключать их использование и в других типах лампад, с которыми их иногда находят [71, p. 212, fig. 1,*3*–*4*; 2]. Около 30 конических или округлых в сечении дисков (средний диаметр – 2,7 см) с отверстием в центре были найдены вместе с большим количеством ножек лампад в Цезарее Маритиме (рис. 1,*3*) [120, p. 158, fig. 21]; 49 экземпляров таких дисков происходят из раскопок синагоги в Бет-Шане, где их находки также сопровождались большим количеством ножек стеклянных лампад [137, p. 161–162]. Известны такие держатели и по раскопкам в других центрах: Сингирт Каясы (рис. 1,*2*), Олбе и Элеуссе Себаста [63, p. 225, fig. 3,*7,8*], Антиохии, Киренаике, Апамее, Саламине на Кипре, Тверии, Келии и т.д. Д. Фуа относит такие держатели к V–VII вв. [71, p. 214–215]. Однако следует отметить, что дисковидные глиняные держатели до сих пор распространены в Палестине и Греции, что свидетельствует об их использовании, по меньшей мере, на протяжении всего средневековья.

Металлические держатели делали из бронзы, меди, свинца и даже железа. Д. Фуа выделяет среди них три основных варианта. Первый представлял собой металлическую полоску, свернутую спиралью в цилиндр, от которого отходили одна или две «ветви» (рис. 1,*4*). В цилиндре закрепляли фитиль, а «ветви» заворачивали за край лампады. Такие держатели были очень популярны на Ближнем Востоке в VI–VIII вв. [71, p. 215–217], но были широко распространены и в других районах Средиземноморья на протяжении всего средневековья и до сих пор используются в субботних светильниках в еврейских домах Старого города Иерусалима [57, p. 207].

Держатели в форме трипода состояли из 3 или 4 металлических полосок с загнутыми концами, которые служили своего рода основанием для установки дер-

[4] Сборник церковных канонов (правил), содержащий постановления, касающиеся управления и дисциплины в Церкви, и обычно датирующийся 380 годом. Считается, что создан в Сирии.

жателя на дне сосуда (рис. 1,*6*) [71, p. 217–219]. Наконец, третий вариант, как правило, сделанный из свинца, представлял собой длинную (около 15 см) полоску, концы которой заворачивали за край сосуда, а изогнутую среднюю часть с отверстием в центре для фитиля опускали в лампаду (рис. 1,*5*) [71, p. 221; 118, fig. 16].

Наконец, существовали лампады со специальным стеклянным держателем для фитиля, который представлял собой цилиндрическую стеклянную трубку, припаянную в центре дна чашеобразного сосуда [71, p. 210, 212, fig. 1,*1–2*; 118, fig. 17]. Однако находки таких лампад зафиксированы только на памятниках Ближнего Востока.

Способы использования лампад. Лампады либо ставили на какую-то поверхность, либо чаще подвешивали. Для освещения небольшого пространства (ниши, иконы, небольшой часовни) использовали одиночные лампады (*monocandelon*), которые с помощью цепей или проволочных держателей (*polyangistra*) подвешивали к кронштейну; для освещения больших пространств – большие лампадофоры с отверстиями или/и с ответвлениями с отверстиями (*polycandelon*), в которые вставляли лампады, как правило, со свисающей ножкой, придающей лампаде устойчивость.

Типология лампад. Целые формы лампад, по понятным причинам, встречаются в ходе раскопок чрезвычайно редко, а по фрагментам трудно, а иногда и невозможно отличить лампады от сосудов другого назначения: наиболее прочные части, которые, как правило, сохраняются от стеклянных сосудов (венчики, ножки, донья, ручки) могут одинаково принадлежать разным сосудам, поэтому лампады, лишенные каких-то характерных деталей, не всегда можно идентифицировать. Тем не менее, к настоящему времени на материалах из раскопок отдельных центров и регионов разработано несколько типологий стеклянных лампад [57, p. 196–208; 139 и т.д.], которые наряду с повсеместно распространенными, как правило, включают типы, не встречающиеся на других территориях, что можно объяснить региональными преференциями и традициями.

На материале из раскопок Херсонеса можно выделить следующие типы:

I. Конические лампады:

1) с округлым или заостренным дном;

2) с бутонообразной ножкой.

II. Лампады с округлой ножкой.

III. Лампады со свисающей ножкой:

1) с узкой полой ножкой;

2) с каплевидной полой ножкой;

3) со сплошной ножкой:

а) лампады со свисающей ножкой, оттянутой от дна тулова;

б) лампады со свисающей ножкой, сформованной отдельно от тулова лампады;

4) с длинной свисающей ножкой со сферическим завершением.

IV. Лампады с ручками нескольких вариантов, которым будет посвящена отдельная публикация.

Предложенная типология носит весьма условный характер, поскольку призна-

ки, характерные для разных выделенных типов, иногда соединялись в одном сосуде. В качестве примера можно привести лампады, в которых сочетались такие детали как маленькие петлевидные ручки со спускающейся от их нижнего основания простой или волнообразно наложенной полоской стекла и сферическая ножка. Такие лампады производились, например, в Пергаме или недалеко от него «в поздневизантийский период» [128, p. 71–72, fig. 13]. Кроме того, наряду с выделенными типами и их вариантами в Херсонесе бесспорно бытовали и другие типы лампад, выделить которые на крайне фрагментированном херсонесском материале невозможно.

Прежде чем приступить к рассмотрению самих лампад, целесообразно сделать несколько предварительных замечаний.

1. Подавляющее большинство рассматриваемых в статье лампад выявлено в комплексах XI–XII вв. и второй половины XIII в. Это объясняется особенностями археологической ситуации в Херсонесе, где хорошо представлены слои, сформировавшиеся в результате разрушения города в конце X – начале XI в. и во второй половине XIII в. Что касается VIII–IX вв., то в крайне немногочисленных комплексах этого времени стеклянные лампады выявить не удалось.

Комплексы, сформировавшиеся после разрушения города в конце X – начале XI в. (до 1016 года) (обзор дискуссии о дате разрушения отдельных районов города в это время см. [16]), включают мощный слой 2, открытый в ходе раскопок Григория Дмитриевича Белова на Северном берегу Херсонеса и представляющего собой мусорную засыпь, формировавшуюся в течение длительного периода запустения, и ряд комплексов (нивелировочные слои, заполнения цистерн и колодцев), открытых в других районах города. Все они относятся ко времени, предшествующему строительству кварталов, погибших уже во второй половине XIII в., и содержат однородный по составу материал, включающий фрагменты поливных сосудов группы GWW II середины IX – XII в. [95, p. 18], высокогорлые кувшины с плоскими ручками, пик бытования которых приходится на X – первую половину XI в., а конец – на третью четверть XI или даже XII в. [29, с. 57]; амфоры типа Gűnsenin 1 [86, p. 21–24, fig. 4] (Saraçhane amphora 54 [95, p. 73, 75]) X–XI вв. [141, p. 95]; амфоры типа Gűnsenin 2 [86, p. 26–27, fig. 13–14] X – начала XII вв. [141, p. 97], а также большое количество стеклянных браслетов, взлет популярности которых приходится на XI–XIII вв. [13, с. 254]. Во избежание повторений при упоминании таких комплексов будет указано только время их формирования, без перечисления содержащихся в них групп археологического материала.

Что касается разрушения города в XIII в., то по поводу точной даты этого события ведется дискуссия, которая далека от завершения (обзор дискуссии по этому поводу см. [11, с. 108]), поэтому в работе дается широкая дата этого события – вторая половина столетия.

2. Практически все открытые в Херсонесе комплексы и слои содержат больший или меньший процент примеси раннего материала.

3. В статье анализируются только фрагменты, безусловно принадлежавшие лампадам. Венчики, поддоны разных типов, фрагменты по-разному декорирован-

ных стенок, которые одинаково могли принадлежать сосудам разных типов и разного назначения, не рассматриваются.

4. Подавляющее большинство выявленных в Херсонесе лампад сделаны из стекла с зеленоватым оттенком и большим или меньшим количеством пузырьков. Другие цвета встречаются редко и будут отмечены в каждом конкретном случае.

I. Конические лампады

Конические лампады были распространены по всей территории Римской империи и обычно датируются IV–VI вв. Их описывает, например, византийский поэт Павел Силенциарий в гимне, воспевающем великолепие вновь открытой в 563 г. Св. Софии в Константинополе. Среди прочего он описывает круглые серебряные лампадофоры, свисающие на длинных цепях с высоких карнизов, со вставленными в отверстия стеклянными лампадами конической формы [118, p. 87–88].

Среди этого типа лампад выделяются два варианта: 1) с округлым или заостренным дном и 2) с бутонообразной ножкой.

1. Конические лампады с округлым или заостренным дном

Назначение сосудов конической формы, по всей видимости, было двояким: их использовали в зависимости от обстоятельств и как кубки для питья, и как лампады. Свидетельств их использования в качестве столовой посуды довольно много. Это их изображения в погребениях IV в. из Фессалоник и Осеново возле Варны [28, с. 11–12, табл. VIII,*1*] и на большом стеклянном блюде IV в. из катакомбы в Бейт Шеариме в Израиле, на котором конический кубок изображен рядом с кувшином, тогда как изображенные здесь же лампады имеют совсем другую форму [143, p. 90–91, color pl. 4C, pl. 4–17; 65, p. 32]. В Остии на настенной росписи одной из гробниц IV в. изображены пять сотрапезников, пьющих вино из конических кубков [65, fig. 5]. В Каранисе конические кубки происходят из жилых комплексов, где их находят в сочетании с обычной стеклянной посудой (бутылями, тарелками, чашами и проч.) [65, p. 32].

В качестве доказательств их использования для освещения можно привести изображение двух подвешенных конических кубков на надгробии из Рима. Еще более убедительно изображение меноры на мозаиках синагоги IV в. в Хамат Тверии (рис. 2,*1*) и синагоги V–VII вв. в Бет Шане (рис. 2,*2*) с коническими сосудами, укрепленными на конце каждой из ветвей семисвечника. Использование конических кубков в качестве лампад подтверждает находка такого сосуда в Каранисе с кусочком некоего вещества, содержащего, как показал анализ, масло [57, p. 197].

Датировка. Конические лампады, скорее всего, стали первыми стеклянными сосудами, использовавшимися в качестве осветительных приборов и уже с начала/середины IV в. начали конкурировать с традиционными глиняными светильниками [91, p. 159; 99, p. 126–131; 27, с. 49; 47, S. 80; 67, p. 192–193 и т.д.].

Обычно время их бытования ограничивают временем до VI в. [57, p. 200]. Однако находки фрагментов таких сосудов в более поздних комплексах, в частности в Херсонесе, а также их изображения в средневековых манускриптах говорят об их

использовании вплоть до XIV в. включительно.

Центры производства. По мнению большинства исследователей, инициатива в производстве конических кубков принадлежала восточным центрам – несколько мастерских изготавливали их в Египте (Александрия, Фаюм) [91, p. 38] и в сиро-палестинском регионе. Одним из установленных центров, в котором производились конические кубки, была стеклоделательная мастерская конца IV – начала V в. в Джаламе (Палестина), при раскопках которой было найдено большое количество бракованных конических кубков, а также отходы, которые дали возможность реконструировать весь процесс их изготовления [143, p. 88–89]. Помимо джаламской мастерской, одним из наиболее вероятных сиро-палестинских центров их производства был Сидон [94, p. 89–90]. Предполагают, что их делали на территории Германии [74, p. 7–16], Болгарии [27, с. 49], Северной Италии [47, S. 83], Венгрии [47, S. 80]. Фрагменты конических кубков были найдены среди материалов стеклоделательной мастерской в с. Комарово (Западная Украина) [35, с. 77, табл. III,*4*].

Ареал. Конические кубки находят на обширной территории от Среднего Востока до крайних западных областей Европы. Известны их находки и в Северном Причерноморье [36, с. 90–92, рис. 3,*1,4*; 18, с. 27–32; 76, p. 103, fig. 7,*1* и т.д.][5].

В *Херсонесе* они представлены, главным образом, фрагментами нижней части тулова и немногочисленными фрагментами венчиков, которые можно отнести к коническим сосудам только предположительно. Встречаются донья как со следом от понтии на нижней поверхности дна, что свидетельствует о том, что сосуды, которым они принадлежали, имели оплавленный край, полученный путем вторичного нагревания, так и без следа от понтии, т.е. они принадлежали сосудам с отбитым краем.

К уже опубликованным автором фрагментам конических кубков, найденным в комплексах ранневизантийского времени [9, рис. 7,*18*; 14,*1*; 16,*14*; 20,*6,8*; 21,*2,3*; 64,*1*; 84,*1–8*], следует добавить фрагмент округлого дна со сколом от понтии из слоя VI–VII вв. в помещении 37 Южного района города (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица; рис. 3,*7*), фрагмент конического кубка с кусочком стекла, с помощью которого понтия прикреплялась к дну сосуда, найденный в помещении 6 Портового квартала 2, в слое второй – третьей четверти VI в. (раскопки 1985 г. А. И. Романчук; рис. 3,*8*), а также несколько фрагментов из цистерны, открытой в помещении 56 в Портовом районе города и засыпанной не ранее третьей четверти VI в. [10, с. 141] (раскопки В. И. Кадеева 1974, 1975 и 1981 гг.; рис. 3,*1–6*). Следует отметить, что засыпь цистерны включала довольно значительный процент более раннего материала, преимущественно V в.

Зафиксированы конические кубки рассматриваемого типа и в более поздних комплексах. Несколько фрагментов округлых доньев со сколом от понтии найдены в слоях XI–XII вв. на Северном берегу города: в помещении 21 квартала XVII Се-

[5] В значительно больших количествах кубки этого типа найдены в Восточном Причерноморье, где они происходят преимущественно из могильников [26, с. 229, рис. 4,9; 2, с. 38, рис. 11,*14*; 6, с. 75, рис. 1,*16,17–19*; 2,*7,12,13,16*; 3,*9*].

верного берега (раскопки Г. Д. Белова 1940 г.; рис. 3,*9*)[6]; два фрагмента – в квартале XXII (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 3,*10*,*11*)[7]; еще один фрагмент выявлен в заполнении грушевидной цистерны, открытой в помещении 10 в квартале Х-Б Северного района (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 3,*13*).

Встречаются фрагменты конических лампад и в слое разрушения второй половины XIII в.: на Северном берегу в помещении 12 квартала XXV (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 3,*12*)[8] и в квартале XIX, где было найдено два фрагмента подобных лампад (раскопки Г. Д. Белова 1936 г.; рис. 3,*14*,*15*)[9].

Особого внимания заслуживает единственный экземпляр конической лампады, декорированной легкими защипами (рис. 3,*16*)[10]. На нижней поверхности дна имеется скол (трудно понять, то ли от отбитой ножки, то ли от понтии). Стекло сосуда почти бесцветное, с еле заметным зеленоватым оттенком и многочисленными мельчайшими пузырьками.

Орнаментация защипами (в англоязычной литературе *pinched* или *nipped decoration*), которые наносились пинцетом с острыми концами и использовались для украшения сосудов самых разных форм, была очень популярна в Восточном Средиземноморье. Появляется она в поздневизантийский период (т.е. до начала VII в.), но особую популярность приобретает в омейядское время [108, p. 206; 90, p. 76]. Многочисленные находки сосудов с такой орнаментацией известны по раскопкам омейядских слоев в Тверии, Рамле, Хирбет Табалия, Хорбат Хермешит, Бет Шане [108, p. 204, 206, fig. 7.14,*171–173*; 82, p. 11, fig. 1,*15,16,18*; 83, p. 86, fig. 2,*12,13*; 145, p. 176, fig. 1,*4*; 90, p. 21, pl. 4,*78–81*] и т.д. Небольшая стеклоделательная мастерская этого времени, в которой найдено большое количество фрагментов кубков с защипами, открыта в Пелле [142, p. 255]. Известны они и по раскопкам базилики VI–VII вв. в Фессалониках [41, p. 27]. Однако бытует такая орнаментация, по-видимому, и в более позднее время: фрагмент украшенного защипами сосуда найден в слое позднефатимидского времени (1033–1100) в Тверии [108, p. 205, 206, fig. 7.14,*171–173*]; в Иерусалиме два разбрызгивателя и бутыль с такой орнаментацией обнаружены в комплексе мамлюкского периода [52, p. 187, fig. 3]. Рассматриваемый фрагмент выявлен в ходе раскопок 1937 года в Северном районе Херсонеса в помещении 1, в слое XIII в. Другие украшенные подобным образом сосуды в Херсонесе мне неизвестны.

2. Конические лампады с бутонообразной ножкой

Лампады второго варианта имеют, как правило, колоколовидное[11] тулово и бутонообразную ножку, которую получали, либо накладывая дополнительную каплю

[6] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 16/36121.

[7] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 5/35603 и 27/35606.

[8] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 33/35506.

[9] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 2/35691 и 11/35695.

[10] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 56/35857.

[11] Хотя бутонообразную ножку могут иметь и лампады другой, неконической формы. Так, в Марселе в слое второй половины или конца VI в. была найдена лампада с широким, резко расходящимся от ножки туловом [67, p. 206, pl. 14,162–167; 51, p. 131, fig. 97,201].

стекла, часто другого цвета, на нижнюю поверхность дна, либо оттягивая ее от тулова сосуда пинцетом, часто оставлявшим на ножке следы. Среди лампад этого типа можно выделить две разновидности: а) с ножкой с округлой нижней поверхностью, т.е. без следа от понтии, и б) с ножкой с плоской нижней поверхностью, что, по-видимому, можно объяснить разной технологией их изготовления. Лампады с округлой ножкой изготавливались без помощи понтии и имели обрезанный край. Лампады с плоской нижней поверхностью производились с использованием понтии (плоская нижняя поверхность ножки является не чем иным, как следом от понтии) и имели соответственно выпуклый край, который получали путем вторичного нагревания края сосуда. Лампады этого варианта часто украшали. Так, в Западном Средиземноморье из комплексов ранневизантийского времени происходят лампады, украшенные спиралевидно наложенной тонкой нитью белого непрозрачного стекла или стекла того же цвета, что и весь сосуд [66, p. 213, fig. 160,*128–132*; 67, p. 205, pl. 14,*147–160*]; для территории Иордании и Сирии (тип BVI 22 по О. Дюссар [61, p. 88]) характерны лампады, украшенные тонкими гравированными линиями, и лампады с добавленной синей каплей и спиралевидно наложенной нитью синего стекла [100, p. 117, fig. 20,*10*]; в Восточном Причерноморье встречаются лампады этого типа с арочным орнаментом из накладных нитей [6, рис. 2,*12*; 44, p. 365, fig. 20]. Не исключено, что редкие фрагменты верхней части сосудов со спиралевидно наложенной нитью стекла синего цвета из раскопок Херсонеса принадлежали именно таким лампадам.

Датировка. Как правило, лампады этого типа относят к началу V – VI в. [139, p. 119–120; 41, p. 26].

Ареал. Находят их, главным образом, в Западном Средиземноморье (Франция, Италия, Хорватия, Босния и Герцеговина) [72, fig. 3,*73*; 4,*111–113*; 5,*154*; 67, p. 206, fig. 14,*162–167*; 58, p. 169, fig. 11.14; 11.17; 114, p. 339, fig. 148,*117*], что позволило Д. Фуа считать их западным типом [67, p. 217].

На Востоке находки таких лампад немногочисленны: в Карфагене лампада этого типа найдена в комплексе VI в. [135, p. 200, fig. 66,*37*], из комплекса ранневизантийского времени происходит фрагмент, найденный в Сардах [125, p. 52–53, pl. 23,*298*]; известны они по раскопкам на Фазосе [39, fig. 38 V6], на территории Иордании, Сирии (тип BVI 22 по О. Дюссар [61, p. 88]) и Ливана [100, p. 117, fig. 20,*10*]. Точные аналогии лампадам рассматриваемого типа найдены в Джаламе (Палестина) [143, p. 64, fig. 4-26,*205*]. Зафиксированы они и в Восточном Причерноморье в слое VI в. [6, рис. 2,*12*; 7, с. 124, рис. 8,*11*]. Так, в Абхазии сосуд с аналогичной ножкой и «с орнаментацией бесцветными нитями» обнаружен в комплексе второй половины VI в. в Цебельде [6, рис. 2,*12*], в Шапкинском могильнике в могиле VI в. найдена коническая лампада, украшенная арочным орнаментом из накладных нитей [44, p. 365, fig. 20]; выявлена лампада с бутонообразной ножкой и в могильнике Пичвнари ранневизантийского времени [129, p. 370, fig. 6]. Большое количество лампад с бутонообразной ножкой найдено в слоях V–VI вв. в Болгарии – в Садовеце [140, Taf. 50,*12–18*; 140,*15*; 146,*2–10*; 147,*1–10,13,15–16,24–27*], Карасуре [81, Abb. 1,*7*] и Нове,

где предполагается их производство [49, p. 134, 138, tabl. XII,*1–4,6*; XIII,*1–4,6*; XVI; 64, p. 140–141].

В *Херсонесе* лампады этого типа бытовали с ранневизантийского времени. Самый ранний экземпляр, сделанный из оливкового стекла, найден в уже упоминавшейся цистерне, открытой в помещении 56 в Портовом районе города (раскопки В. И. Кадеева; рис. 4,*1*)[12] и засыпанной не ранее третьей четверти VI в. Еще несколько выявлены в комплексах: второй/третьей четверти VI в., середины/третьей четверти VI в., второй половины VI в., конца VI – начала VII в., третьей четверти VII в. и последней четверти столетия [9, с. 137, рис. 25,*16*; 36,*2*; 48,*9*; 70,*12*; 76,*11*; 83,*9–12*]. В цистерне 3 в квартале IX Северного района Херсонеса, засыпанной в VII в. [12, с. 188–189][13], был найден еще один фрагмент конической лампады с оттянутой от тулова ножкой со следом от понтии на подошве (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 4,*2*). Подавляющее большинство лампад этого типа, выявленные в ранневизантийских комплексах Херсонеса, декорированы «бутоном» из ярко-синего стекла. Здесь интересно отметить находку в Сирии двух конических кубков с аналогичными налепами на дне. Стенки одного из них украшены каплями синего стекла [91,p. 157–158].

Выявлены такие лампады и в более поздних херсонесских комплексах. Все они сделаны из зеленоватого стекла и имеют след от понтии. Несколько происходят из комплексов XI–XII вв.: под помещением X в квартале XXII на Северном берегу найден фрагмент лампады с коническим туловом и небольшой конической в сечении ножкой, сформованной отдельно от тулова сосуда, хотя и из стекла того же зеленоватого оттенка, что и весь сосуд (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 4,*3*)[14]; в том же квартале под помещением XI был выявлен фрагмент лампады с конической ножкой, сформованной из дополнительной капли синего стекла (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 4,*4*)[15]; коническая лампада с небольшой цилиндрической ножкой с легким перехватом найдена в южном секторе участка античного театра в 1971 г. в штыке 2 помещения 2 (рис. 4,*9*)[16].

Из заполнения цистерны, открытой в 1909 г. в помещении 14_1 в квартале 1 Северо-восточного района, происходит лампада с конической ножкой, оттянутой от тулова сосуда (раскопки Р. Х. Лёпера; рис. 4,*5*)[17]. К сожалению, часть материала из заполнения цистерны не сохранилась, но судя по имеющимся в наличии фрагментам амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом первой половины / середины IX в., с пиком бытования – во второй половине IX – первой половине X в. [29, с. 54, 57], и сосуда для поддержания пищи в теплом состоянии (*chafing dish*)

[12] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 15/36945.
[13] Подробная публикация комплекса, подготовленная автором раскопок С. Г. Рыжовым – в печати.
[14] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 5/35603.
[15] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 55/35604.
[16] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 116/36803.
[17] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ХМ КП 1791/09.

группы GWW1 с гравированным орнаментом, бытование которой относят к началу VII – первой половине IX в., с пиком бытования – во второй половине VII – VIII в. [95, p. 12, 13, 17], а также монет Василия I (867–886), Льва VI (886–912), Романа I (920–944) и Романа II (959–963) [23, с. 47], заполнение цистерны можно датировать временем не ранее первой половины X в.

Остальные лампады выявлены в более поздних комплексах: в слое разрушения второй половины XIII в., открытом в помещение IV квартала XXV Северного берега, найден фрагмент конической лампады с ножкой, оттянутой из капли, скопившейся у дна сосуда (раскопки Г. Д. Белова 1932 г.; рис. 4,*6*)[18]; из слоя XII–XIII вв., открытого в помещении 37 в квартале 50 Южного района, происходит фрагмент конической лампады с небольшой полой ножкой каплевидной формы, оттянутой от тулова (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица; рис. 4,*7*); в том же районе, но вне контекста найден еще один фрагмент конической лампады с небольшой бутонообразной сплошной ножкой из стекла того же цвета, что и весь сосуд (рис. 4,*8*); еще один фрагмент лампады с оттянутой от тулова ножкой из стекла с легким оливковым оттенком был найден в 1978 г. в Портовом квартале 2 в слое 1 помещения 8 (раскопки А. И. Романчук; рис. 4,*10*)[19]. Судя по фрагментам византийской поливной керамики группы 5 по классификации Бочарова/Масловского, которая в Северное Причерноморье поступает с конца XIII в. до 40-х годов XIV в. [3, с. 32], слой можно датировать временем не ранее конца XIII в.

II. Лампады с округлой ножкой

Лампады с округлой ножкой представлены несколькими вариантами, ножки которых, тем не менее, изготавливались по одной технологии: из одной с туловом наборки стекла и, судя по следам от понтии на их подошве, имели оплавленный край. Такие ножки имели сосуды разных типов, например, конические кубки, аналогичные найденному в Ассерии (недалеко от Задара) сосуду второй половины IV – начала V в. (рис. 4,*26*) [79, p. 126, fig. 2,II] или лампаде IV–V вв. из склепа 162/18 боспорского некрополя (рис. 4,*27*) [22, с. 337, № 426; 17, с. 264; 18, с. 32, 107–108, рис. 10,*3*]. В Пергаме или где-то в районе Пергама в XII–XIII вв. производили лампады с раструбообразным горлом, сферическим или слегка сплющенным туловом с округлой ножкой и маленькими петлевидными ручками со спускающейся от их нижнего основания полоской стекла (рис. 4,*28*) [127, S. 94, Abb. 47; 128, p. 71–72, fig. 13].

Датировка. Изображение лампады с ножкой рассматриваемого типа имеется на мозаике в куполе церкви св. Георгия в Салониках, датирующейся концом IV или началом V в. [57, p. 202, pl. XXVIII,*11*]. Лампада конической формы со сплошной сферической ножкой найдена в Керчи в склепе IV–V вв. [22, с. 339, № 426; 18, с. 108, рис. 10,*3*]. Находки таких лампад зафиксированы в Коринфе при раскопках Южной стеклоделательной мастерской, которую автор раскопок датировала XI – серединой XII в. [59, p. 316, fig. 19,*48*; 60, p. 121, pl. 60,*802*], однако позже в результате досле-

[18] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 44/35535.

[19] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 70/36989.

дований участка была передатирована на XIV в. [126, p. 4–5][20], в Пергаме в слоях XII–XIII вв. [127, S. 94, Abb. 47; 128, p. 71–72, fig. 13]. Они до сих пор используются на Ближнем Востоке [125, p. 52].

Ареал. Помимо уже упомянутых Коринфа, Пергама, Ассерии и Керчи, лампады с такими ножками найдены в Мединет Мади в Египте, Ашкелоне и Иерусалиме (Израиль) [102, p. 80, fig. 5,*9*], Аморию [80, p. 131, 135, fig. 2/2,*45*], Бейруте, где происходят из слоя позднеримского/ранневизантийского времени (до начала VI в.) [100, p. 117, fig. 20,*16*]; в Сардах они также зафиксированы в контекстах ранневизантийского времени [125, p. 52–53, pl. 23,*287–298*]. В Крыму полая округлая ножка выявлена на городище Тепсень VIII – первой половины X в. [24, с. 242, рис. 137,*11*].

Следует учитывать, что похожую форму могли иметь ручки крышек, аналогичные крышкам мамлюкского времени из Хамы (Сирия) [124, p. 60, 95–96, fig. 169] и Назарета [40, p. 95–96, fig. 4.5,*1*]. Похожая крышка принадлежала кубку середины XIV в. с росписью цветными эмалями и золотом из коллекции стекла музея Толедо [53, p. 268–269, cat. 133].

Выявленные в *Херсонесе* ножки рассматриваемого типа можно разделить на два варианта: лампады со сплошной и полой ножкой.

Большинство ножек первого варианта сделаны из зеленоватого стекла (другие цвета указаны в каждом конкретном случае). Судя по направлению стенок нижней сохранившейся на некоторых фрагментах части тулова, лампады имели колоколовидное или сферическое тулово и круглое углубление на подошве, хотя встречаются и редкие экземпляры без него. Диаметр ножек колеблется от 1,9 до 2,3 см.

За исключением одного фрагмента, все выявленные лампады этого варианта найдены в слое разрушения второй половины XIII в.: в квартале X Северного района (рис. 4,*11*) [14, с. 220, рис. 23,*14*], две, в том числе из зеленого, болотного оттенка стекла, в помещениях 29 и 12 на участке раскопок 1937 г. на Северном берегу (раскопки Г. Д. Белова; рис. 4,*12*,*13*)[21], одна найдена в 1978 г. в Портовом квартале 2, в помещении 10 (раскопки А. И. Романчук; рис. 4,*14*)[22], две – в Южном районе города: одна вне контекста, вторая, из зеленого стекла – в слое XIII в. (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица; рис. 4,*15*,*16*); лампада со сферическим туловом, украшенным вертикальными каннелюрами, выявлена в квартале XXII Северного берега, между стенами помещений 10 и 11 (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 4,*17*)[23].

Два экземпляра отличаются отсутствием углубления на подошве. Одна происходит из слоя второй половины XIII в. в квартале XXII Северного берега (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 4,*18*)[24]. Вторая – из слоя XIII в., открытого в ходе раскопок в Южном районе города, это эллипсоидная сплошная ножка, сформованная вместе с

[20] Историю изучения участка Южной стеклоделательной мастерской Коринфа см. [11, с. 123–124].
[21] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 9/35861 и 28/35870.
[22] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 140/36992.
[23] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 13/35598.
[24] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 13/35598.

туловом сосуда из синего стекла (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица; рис. 4,*19*).

Один фрагмент лампады с эллипсоидной сплошной ножкой с налепом подтреугольной формы размерами 1,1х1,0 см от понтии найден в заполнении грушевидной цистерны в помещении 10 квартала Х-Б в Северном районе, датирующемся XI–XII вв. (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 4,*20*)[25].

Тремя фрагментами представлены лампады второго варианта – с полой ножкой. Одна из светло-зеленого стекла найдена в Портовом квартале 2, в помещении 10 в слое XIII–XIV вв. (раскопки А. И. Романчук 1978 г.; рис. 4,*21*)[26], вторая – в Южном районе города (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица; рис. 4,*22*), третья, из серовато-голубоватого стекла – в квартале ХА Северного района в помещении 1 усадьбы 1 в слое пожара второй половины XIII в.[27] (раскопки С. Г. Рыжова 1987 г.; рис. 4,*23*)[28].

Разновидностью лампад с эллипсоидной ножкой является лампада со сферическим туловом и короткой конической ножкой, сформованной путем вдавливания вершины стеклянного пузыря к дну сосуда, в результате чего образовались двойные стенки ножки. На нижней поверхности ножки сохранился налеп от понтии. Найден фрагмент в Х квартале Северного района города в усадьбе 1, сгоревшей в пожаре второй половины XIII в. (рис. 4,*24*) [14, рис. 23,*17*]. Еще один фрагмент лампады со сферическим туловом и сформованной таким же способом короткой ножкой найден в слое пожара второй половины XIII в. в помещении 3 квартала VIII Северного района (раскопки С. Г. Рыжова; рис. 4,*25*)[29].

III. Лампады с длинной свисающей ножкой

Ножки вне зависимости от их длины и формы были предназначены для придания лампаде устойчивости при ее помещении в отверстие лампадофора или проволочную петлю.

Верхнюю часть таких лампад восстановить практически невозможно, т.к. тонкие стенки тулова сохраняются в очень редких случаях, но судя по наличию следа от понтии на всех ножках, они имели выпуклый оплавленный край. Среди лампад этого типа можно выделить несколько вариантов: с узкой полой ножкой, с тяжелой полой ножкой каплевидной формы, со сплошной ножкой и с длинной ножкой со сферическим завершением.

1. Лампады с узкой полой ножкой

Лампады с узкой полой ножкой, как правило, имели широкое цилиндрическое или полусферическое тулово с выпуклым обработанным краем. Среди многочисленных фрагментов стеклянных изделий легче всего определяются их ножки – по-

[25] Фонды ГИАМЗ ХТ, коллекция 37286.

[26] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 105/36992.

[27] В усадьбе было найдено огромное количество оплавленных, деформированных сосудов самых разных типов. Только из подвала помещения 1 было извлечено 417 фрагментов стеклянных сосудов, многие из которых оплавились и спеклись от пожара [32, л. 13].

[28] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ НВФ 640 (коллекция 37131).

[29] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 33/37080.

лые, цилиндрические, слегка расширяющиеся кверху.

Ареал. Это один из самых распространенных во всех районах византийского мира типов осветительных приборов, поэтому нет смысла приводить перечень их находок, который грозит быть бесконечным: они встречаются практически на каждом византийском памятнике.

Центры изготовления. В VI в. во многих византийских центрах появляются локальные стеклоделательные мастерские. Предполагается наличие такой мастерской и в Херсонесе. Её основной продукцией было оконное стекло и рюмки. Лампады если и производились, то в значительно меньших количествах [8; 9, табл. 9]. Два типа лампад, в том числе и описываемого типа, производила стеклоделательная мастерская, функционировавшая во второй половине VI в. в Константинополе [95, p. 400]. Лампады с узкими (значительно более узкими, чем у херсонесских экземпляров) полыми ножками входили в состав продукции стеклоделательной мастерской середины или второй половины VII в. в Бейруте [70, p. 243, fig. 4,*11–13*].

Датировка. В Херсонесе самый ранний комплекс, в котором выявлены фрагменты лампады с узкой полой ножкой, датируется самым концом V в. [9, с. 138]. В Риме самый ранний фрагмент донышка, возможно, принадлежавший подобной лампаде, также найден в слое конца V в. [133, p. 260]. Однако есть свидетельства их использования до V в., хотя и без ссылки на конкретные комплексы [87, fig. 15, Nos. 109, 139–140; 48, fig. 17–23, 513–524; 101, p. 233].

Пика бытования лампады с узкой полой ножкой достигают в VI–VII вв. Их многочисленные находки зафиксированы в Западном Средиземноморье в слоях VI–VII вв. [66, p. 213, fig. 160,*137*; 67, p. 206; 72, p. 299]; на Фазосе около 80 экземпляров ножек этого типа лампад было найдено в слое второй половины VI в. [39, p. 91, fig. 38,*V1–V4*]; в Константинополе значительное их количество происходит из слоев второй половины VI в., конца VI – начала VII в. и VII в. [95, p. 402, 403, fig. 150,*14,31*; 151,*37,38*].

В более поздних комплексах они встречаются значительно реже. Их находки зафиксированы в слоях омейядского времени в Бет-Шане и Иерусалиме [89, p. 72, fig. 4; 146, p. 222, fig. 5.4,*48–49*; 88, p. 281, fig. 12.6,*93–94*]. Лампады с чашеобразной емкостью и массивной полой ножкой, перекрученной у основания, возможно, производили в Саранда Колонес на Кипре в предполагаемой стеклоделательной мастерской, функционировавшей в конце VIII или начале IX в. [110, p. 328; 147, p. 41]. Г. Кроуфут и Д. Харден отмечают находку лампады с узкой полой ножкой во время раскопок церкви св. Саввы на Авентине в Риме, где она датируется раннесредневековым временем, но до XII в. [57, p. 203–204, pl. XXIX,*31*]. В Хаме они зафиксированы в комплексах XI–XII вв. [111, p. 213]. В Константинополе ножка такого типа, только значительно более узкая по сравнению с херсонесскими ранневизантийскими экземплярами происходит из комплекса XI – начала XIII в. [95, p. 404, fig. 153,*77*]. Похожие ножки были найдены в слоях XI – первой трети XIII в. при раскопках Билярского городища [4, с. 50–51, рис. 22,*б*]. Изображения таких лампад в средневе-

ковых манускриптах и на фресках (рис. 5) свидетельствуют об их широком использовании в средние века в Западной Европе[30].

В Палестине их до сих пор используют в церквях и мечетях и делают в Хевроне наряду с лампадами других типов [57, p. 204, pl. XXIX,*36*; 56, fig. 96,*2,3,6*]. Есть свидетельства, что подобные лампады продолжали использовать в мечетях и храмах до недавнего времени и в других регионах [61, p. 87; 101, p. 232].

Херсонес. Как уже отмечалось, в Херсонесе самый ранний комплекс, в котором выявлены фрагменты лампад с узкой полой ножкой, датируется самым концом V в. Пика бытования в Херсонесе они достигают, как и в других византийских центрах, в ранневизантийское время. Встречаются они и в поздних херсонесских комплексах. В слое XI–XII вв. под помещением XI в квартале XXII Северного берега выявлено две ножки рассматриваемого типа (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 6,*1*)[31]; одна найдена в помещении Р квартала I Северо-восточного района [19, л. 13] (раскопки М. И. Золотарева 1974 г.; рис. 6,*2*)[32]; в засыпи грушевидной цистерны в помещении 10 квартала Х-Б в Северном районе найдено четыре ножки этого типа (раскопки С. Г. Рыжова; рис. 6,*3–5*)[33], а в заполнении ямы XXXV, открытой в Северо-восточном районе города – две (раскопки Р. Х. Лёпера 1909 г.; рис. 6,*13–14*). Наконец, три ножки происходят из слоя пожара второй половины XIII в.: две найдены в помещении 3 квартала VIII Северного района (раскопки С. Г. Рыжова 1984 г.; рис. 6,*7–8*) и еще одна – во дворе усадьбы 1 квартала Х-А Северного района (раскопки С. Г. Рыжова 1989 г.; рис. 6,*9*). Трудно определить дату заполнения цистерны, открытой в помещении 1 квартала II Северо-восточного района Херсонеса (раскопки Р. Х. Лёпера 1908 г.), где были найдены две ножки рассматриваемого типа (рис. 6,*11–12*)[34]. В засыпи содержался крайне разнородный материал, включающий крышку амфоры типа LRA 2, несколько светильников ранневизантийского времени и несколько фрагментов поливных сосудов, в том числе блюда группы Зевксиппа.

Археологически целые лампады данного типа в Херсонесе не выявлены, поэтому интерес представляют фрагменты ножек с сохранившейся нижней частью тулова, которые позволяют реконструировать соединение тулова лампады с ножкой. Из ранневизантийских комплексов происходят несколько фрагментов лампад с округлыми, слегка расходящимися кверху стенками, которые либо плавно переходили в ножку, либо под углом переходили в выпуклое дно, которое, в свою очередь, после резкого изгиба переходило в ножку лампады [9, рис. 40,*9*; 51,*8,9*; 57,*15*; 80,*12*; 86,*6–8,10,12*]. Фрагменты ножек с сохранившейся нижней частью тулова найдены и в более поздних комплексах: в заполнении грушевидной цистерны, открытой в по-

[30] На территории Западной Европы очень похожую нижнюю часть имели воронковидные бокалы, распространенные в IX и X вв. Производство этих сосудов зафиксировано, например, в Сан-Винченцо-аль-Вольтурно недалеко от Неаполя [34, с. 263, рис. II].

[31] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 19/35604.

[32] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 70/36892.

[33] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ, коллекция 37286;

[34] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ХМ КП 3115/08.

мещении 10 в квартале Х-Б Северного района (рис. 6,*15*) и в заполнении ямы XXXV, открытой в Северо-восточном районе города в 1909 г. (рис. 6,*14*). Фрагменты с аналогичным профилем нижней части тулова были обнаружены, например, на Фазосе [39, p. 93, fig. 38,*V23*], в Константинополе [95, p. 403, fig. 150,*37,38*] и т.д.

Единичными находками представлены лампады с узкой полой ножкой с перехватами. Два фрагмента таких лампад с перехватами в верхней части ножки, в месте ее перехода к коническому тулову найдены в слое разрушения второй половины XIII в. в помещении 1, усадьбы 1 квартала Х в Северном районе Херсонеса (раскопки С. Г. Рыжова; рис. 6,*16*)[35]. Похожий фрагмент известен по раскопкам комплекса середины VI – VII в. в Бейруте [70, fig. 8,*25*]. Лампады с постепенным переходом от тулова сосуда к полой ножке через несколько последовательных сужений, датирующиеся VII–VIII вв., опубликованы Дж. Кроуфутом и Д. Харденом [57, p. 204, pl. XXIX,*37*].

2. Лампады с ножкой каплевидной формы

Ножки таких лампад могли быть либо полностью полыми с утолщенной нижней частью, либо наполовину полыми. Длина ножек варьировалась от 1,6 до 2,3 см, диаметр – 1,1–1,2 см. В большинстве случаев их рассматривают как лампады варианта 1, однако небольшие размеры и толщина стенок позволяют выделить эти ножки в отдельный вариант. Стекло таких ножек имеет очень красивый зеленовато-голубоватый (аквамариновый) оттенок, который приобретает обычное стекло с голубовато-зеленоватым оттенком, из которого сделано подавляющее большинство стеклянных сосудов из раскопок Херсонеса, при большой толщине стенок.

Судя по фрагментам таких ножек с сохранившейся частью дна из Эмпорио на Хиосе [46, p. 124, fig. 50,*16*] и Эфеса [138, S. 238, Abb. 231, Typ 3b], подобные ножки формовали либо вместе с туловом сосуда, либо отдельно от него. След от понтии на всех выявленных в Херсонесе ножках этого типа свидетельствует о том, что лампады имели оплавленный край.

Датировка. Лампады этого типа бытовали одновременно с лампадами с узкой полой ножкой и в ранневизантийское время были широко распространены по всему Средиземноморью [92, p. 81, fig. 4d]. Находки таких лампад известны по раскопкам в Эмпорио (Хиос), где они были найдены в слое середины VII в. [46, p. 125, fig. 50,*16*]. Одна из мастерских второй половины VII в., которая производила похожие лампады, открыта в Бейруте [100, p. 117, fig. 20,*7–10*; 70, p. 243–245, fig. 4,*11–13*; 6,*21–25*; 8]. Возможно, их производила мастерская поздневизантийского времени в Хирбат эль-Ньяна [85, p. 117, fig. 26,*6,8*; 37,*4–5*]. В Константинополе фрагменты аналогичных лампад происходят из слоя XII в. [95, p. 404–405, fig. 152,*70–71*; 153,*77*]. Похожие лампы до сих пор используются и производятся в Хевроне [46, p. 124; 48, p. 516].

Ареал. Помимо перечисленных центров аналогичные ножки известны по раскопкам в Босре [61, p. 88, pls. 16,*4–7,11*], на Римском форуме [133, p. 264], в Неаполе [114, p. 339, fig. 148,*117*], Аморриуме [80, p. 38, 134, fig. 1/3,33; 2/2,*32*]. Около 400 узких ножек не-

[35] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № НВФ 640 (коллекция 37131).

скольких вариантов, в том числе частично полых, с очень толстым окончанием ножки найдено в Цезарее в одном из локусов, который служил либо сбросом стеклоделательной мастерской, либо мусорной свалкой [120, p. 155, fig. 19–20].

В *Херсонесе* лишь одна ножка рассматриваемого типа была найдена в комплексе ранневизантийского времени [9, с. 139, рис. 20,*14*]. В более позднее время они встречаются в бóльших количествах. Несколько найдено в слоях XI–XII вв.: ножка из голубовато-зеленоватого стекла красивого оттенка обнаружена в квартале XXII Северного берега в помещении IV (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 6,*17*)[36]; фрагмент ножки из почти бесцветного стекла найден в том же квартале под помещением XI (раскопки Г. Д. Белова 1934 г.; рис. 6,*18*)[37]; ножка с тяжелым толстым дном из светлого голубовато-зеленоватого красивого оттенка стекла найдена в помещении 9а квартала XXV Северного берега (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 3,*19*)[38]; частично полая ножка каплевидной формы без следа от понтии из зеленого красивого оттенка стекла происходит из помещения IV в квартале XIX на Северном берегу (раскопки Г. Д. Белова 1936 г.; рис. 6,*20*)[39]; смятая полая ножка каплевидной формы с сильно утолщенными в нижней части стенками из зеленовато-голубоватого красивого оттенка стекла – из цистерны, открытой в помещении 10 квартала Х-Б в Северном районе (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 6,*21*)[40], наконец, фрагмент полой ножки с толстым дном найден на улице 15 в Портовом районе города в слое 14 (раскопки А. И. Романчук 1971 г.; рис. 6,*27*).

Остальные найдены в слое разрушения второй половины XIII в.: полая слегка перекрученная ножка с утолщенным дном и круглым сколом от понтии из зеленого красивого оттенка стекла выявлена в Северном районе города в помещении 1 усадьбы 1 (раскопки С. Г. Рыжова; рис. 6,*22*)[41]; фрагмент слегка сплющенной ножки из зеленого стекла происходит из помещения 4 квартала XXV на Северном берегу (раскопки Г. Д. Белова 1932 г.; рис. 6,*23*)[42]; в помещении 2 того же квартала найдена каплевидная полая слегка перекрученная ножка лампады из серовато-голубоватого стекла (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 6,*24*)[43]; частично полая ножка каплевидной формы со следом от понтии из зеленоватого стекла происходит из могилы 2 XIII в. (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица 2004 г.; рис. 6,*25*); каплевидная слегка перекрученная ножка с толстым тяжелым дном из зеленого красивого оттенка стекла найдена в помещении 3 квартала XXV Северного берега (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 6,*26*)[44].

[36] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 30/35608.
[37] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 20/35604.
[38] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 4/35495.
[39] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 66/35707.
[40] Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ, коллекция 37286;
[41] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ВФ 640, 37131-23.
[42] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 47/35535.
[43] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 2/35478.
[44] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 9/35481.

3. Лампады с длинной сплошной ножкой

По мнению Д. Фуа, сплошные ножки делали для уменьшения количества масла, необходимого для заполнения лампады, хотя полая ножка была более удобна для фиксации фитиля [70, p. 245].

Среди лампад этого типа можно выделить два основных варианта: а) с ножками, оттянутыми от дна тулова и б) с ножками, сформованными отдельно от тулова сосуда.

а) Лампады с длинной сплошной ножкой, оттянутой от дна тулова.

Ножки варианта А, как правило, узкие цилиндрические или слегка утолщающиеся книзу, часто со следами щипцов в нижней части. Верхняя их часть могла иметь коническую вогнутость или быть частично полой, что объясняется особенностями их изготовления.

Ножки варианта Б, как правило, имели правильную каплевидную форму, часто с небольшим наплывом в верхней части, образовавшимся при накладывании ножки на дно сосуда.

Датировка. Судя по раскопкам различных памятников Средиземноморско-Причерноморского региона, лампады с длинной сплошной ножкой появляются в VI–VII вв. [90, p. 46]. Большое их количество найдено в слоях ранневизантийского времени в Марее (Египет), Амориуме [93, p. 161, fig. 4e], Эфесе [138, S. 238, Abb. 231, Tyр 2], Бейруте [70, p. 243, fig. 4,*1–5*; 5]; оттянутая от тулова длинная сплошная ножка найдена в слое конца VI в. в Карфагене [136, fig. 15.3,*43*]. В Джераше, где их найдено особенно много, они происходят из комплексов VII–VIII вв. [77, p. 153, fig. 9,*2*; 45, p. 375, fig, 9,*66*]. В Бет-Шане такие лампады происходят из комплексов византийского, омейядского (661–750), аббасидского (750–1258) и фатимидского (909–1171) времени [149, p. 162; 89, p. 69, fig 3; 90, p. 47, pl. 45,*962–964*; 146, p. 222, fig. 5.4,*50*]. В Сугдее такие ножки происходят из слоев второй половины X – начала XI в. [24, с. 239, рис. 15,*28–29*]. Кораблекрушение у острова Млет (Хорватия), где также были найдены такие ножки, датируется X–XI вв. [105, p. 53, fig. 17]. В Константинополе фрагменты лампад с длинной сплошной ножкой происходят из комплексов середины XI в. и XII в. [95, p. 404, fig. 152,*50,70–71*; 153,*87*].

Ареал. Ареал таких лампад обширен. К уже перечисленным центрам можно добавить многочисленные памятники Иордании: гора Небо, Дибон, Хешбон, Джераш [111, p. 212–213, fig. 13,*A–D*; 77, p. 153, fig. 9,*2*; 45, p. 375, fig, 9,*66*]. Сплошная ножка была также найдена в Цезарее в локусе, который служил сбросом стеклоделательной мастерской или мусорной свалкой [120, p. 155, fig. 19–20]. Большое количество лампад с оттянутыми от тулова сосуда ножками разных вариантов найдено в слоях ранневизантийского времени в Бейруте [70, p. 243, fig. 4,*1–5*; 5]. Разные варианты длинных ножек, как оттянутых от дна тулова, так и сформованных отдельно от тулова сосуда, в большинстве случаев со следами щипцов на конце находят при раскопках в Амориуме [80, p. 37–38, 135, fig. 1/4,*25–32*; 2/2,*35–43*]. Известны они по раскопкам в Никее [54, p. 155, fig. 11a].

Центры производства. Один из известных на сегодняшний день центров производства такого рода лампад располагался в Бейруте, где лампады с оттянутой от тулова сосуда длинной сплошной ножкой разных вариантов составляли основную продукцию местной стеклоделательной мастерской середины или второй половины VII в. [100, p. 117, fig. 20,*1–2,6–8*; 70, p. 243, fig. 4,*1–5*; 5], однако встречаются они там и в более ранних слоях (второй половины VI – первой половины VII в.), хотя и в незначительных количествах [70, p. 245, 248, fig. 4,*1–10*; 6,*1–18*; 7].

По мнению Р. Кучарщик, в VI–VII вв. их производили в Марее (Египет). Большое количество таких лампад на поселениях, расположенных вокруг Александрии, послужило основанием для предположения об их производстве в этом городе [106, p. 55, 57, fig. 1,*1–7*; 107, p. 41, fig. 6,*7–8*].

В *Херсонесе* лампады с узкой длинной сплошной ножкой полностью отсутствуют в ранневизантийских слоях [9]. Все выявленные экземпляры происходят из более поздних комплексов.

Скопление ножек лампад с длинной сплошной ножкой в сочетании с трехручными лампадами было найдено в 1979 г. в Северо-восточном районе города в водостоке на III поперечной улице. Сооружение водостока автор раскопок М. И. Золотарев датировал IX–X вв. [20, л. 3], т.е. найденный в нем материал, включая лампады, можно датировать временем не ранее IX–X вв. Всего в водостоке обнаружили 13 фрагментов лампад с оттянутой цилиндрической ножкой[45]. Нижняя часть ножек, как правило, утолщена и слегка деформирована щипцами, которыми ножку оттягивали. На подошве ножек – скол от понтии, т.е. лампады имели оплавленный край. Стекло большей части ножек имеет красивый голубовато-зеленоватый оттенок (рис. 7,*4–9*,*11–13*), одна выполнена из стекла болотного цвета (рис. 7,*3*), еще три – из стекла с голубоватым оттенком (рис. 7,*1*,*2*,*10*). На одной из ножек сохранился большой налеп от понтии (рис. 7,*1*).

Несколько ножек происходят из слоя 2 XI–XII вв.: ножка из серовато-голубоватого стекла найдена в помещении 10 квартала XXV Северного берега (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 7,*15*)[46]; два фрагмента ножек из зеленого красивого оттенка стекла, с эллипсоидным утолщением на конце и сколом на одной и круглым налепом от понтии на второй, выявлены в помещении II на участке раскопок 1937 г. Северного берега (раскопки Г. Д. Белова; рис. 7,*17–18*)[47]; в помещении 21 квартала XXV Северного берега найдена ножка из светло-зеленого красивого оттенка стекла (раскопки Г. Д. Белова 1931 г.; рис. 4,*20*)[48]; из помещения 5 квартала XIX Северного берега происходит слегка суживающаяся книзу ножка с небольшим эллипсоидным утолщением, сделанная из стекла с легким зеленоватым оттенком (раскопки

[45] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 72–74/37022.
[46] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 37/35501.
[47] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 36/35868.
[48] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 37/35524.

Г. Д. Белова 1936 г.; рис. 4,*19*)[49]; в квартале Х-Б Северного района в цистерне, открытой в помещении 3, найдена ножка из голубовато-зеленоватого стекла красивого оттенка (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 4,*14*); еще один фрагмент лампады с длинной сплошной ножкой с небольшим округлым утолщением на конце из стекла зеленовато-голубоватого красивого оттенка стекла обнаружена в том же квартале в заполнении цистерны, открытой в помещении 10 (раскопки С. Г. Рыжова; рис. 7,*16*). Наконец, ножка такой лампады со следами щипцов на конце найдена в помещении 10 в Портовом районе Херсонеса в слое, который по содержащемуся в нем материалу можно отнести ко второй половине XIII – XIV в.[50]

б) Лампады с длинной сплошной ножкой каплевидной формы, сформованной отдельно от тулова.

Этот тип представлен несколькими экземплярами со сколом от понтии, т.е. лампады имели оплавленный край. Стекло всех выявленных в Херсонесе ножек этого типа благодаря толщине имеет красивый зеленовато-голубоватый (аквамариновый) оттенок. На одном из фрагментов, найденном в нартексе базилики 1932 года, в слое XI–XII вв., сохранилась часть широкого плоского дна (раскопки Г. Д. Белова; рис. 4,*23*)[51]. Вторая ножка выявлена в Северном районе города в квартале Х-Б, в засыпи подвала под помещением 3 (раскопки С. Г. Рыжова 1995 г.; рис. 4,*22*)[52]. При устройстве подвала была использована рыбозасолочная цистерна, засыпанная в VII в. [15], но затем ее вычищают примерно на половину глубины для устройства подвала, который использовался, по-видимому, до конца X – начала XI в., т.е. до гибели усадьбы, которой он принадлежал. Перед строительством поздней усадьбы, погибшей уже во второй половине XIII в., подвал был засыпан. В результате, в заполнении цистерны образовалось два уровня: нижняя часть засыпи (4–5 м) содержала ранневизантийский материал, а верхняя (первые три метра), представляющая собой уже засыпь подвала, в которой и был найден фрагмент лампады, XI–XII вв.

Еще две ножки этого типа найдены в квартале 50 Южного района: одна в слое XII–XIII вв.; вторая, к сожалению, вне контекста (раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновица 2004 г.; рис. 7,*24*,*25*).

4. Лампады с длинной ножкой со сферическим завершением

Лампады этого типа имели, как правило, чашеобразное тулово с оплавленным краем и узкую, полую или сплошную ножку со сферическим или эллипсоидным завершением. Формовались ножки, соответственно, либо вместе с туловом лампады, т.е. оттягивались от него и были полностью или частично полыми, либо, реже, отдельно от тулова и были сплошными. Иногда лампады данного типа снабжались небольшими ручками, предназначенными для подвешивания на цепях.

Из некоторых публикаций не всегда понятна технология изготовления таких

[49] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 35720/169.
[50] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 36992/102
[51] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 35562/8.
[52] Фонды ГИАМЗ ХТ, коллекция 37286.

лампад, поэтому в таких случаях ограничимся лишь перечислением находок лампад с длинной ножкой со сферическим завершением, чтобы определить их ареал и время бытования.

Датировка. Появление лампад с длинной ножкой со сферическим завершением датируют V в. [41, p. 26; 54, p. 155, fig. 11b-c; 12] или более широко – ранневизантийским временем [90, p. 46; 119, p. 731, table I,*4*]. В. Элберн относит их появление к раннеисламскому времени [62, S. 146, Abb. 4], I. U. Celik датирует их V–XII вв. [54, p. 155]. В Фессалониках они происходят из слоев XI в. [41, p. 26, pl. 3,*5.i*; 5,*5.i*]. Этим же временем датируется фрагмент лампады из Торчелло [41, p. 26]. В слоях мамлюкского времени они найдены в Цфате (Zefat) [84, p. 146, fig. 12,*10*], Сидоне [148, p. 60, pl. 3,*1*] и Фустате [121, p. 22, fig. 18–19; 130, pl. 6–19, 26–28].

Встречаются они и на территории Западной Европы: во Франции – в комплексах конца XIII и XIV вв., в Которе они были найдены в кафедральном соборе в контексте начала XV в. [21, p. 48, fig. 38, t. XIV, no. 94, cat. no. 95, 96], до XVI в. включительно находки таких сосудов фиксируют на территории Германии [98, p. 77, fig. 11; 21, p. 81]. С некоторыми изменениями их использовали до XVII в. включительно, что подтверждается находками в Будиме в Венгрии [118, p. 93].

Центры производства. Редкие экземпляры лампад с оттянутой от дна тулова сплошной цилиндрической ножкой с небольшим сферическим завершением выявлены при раскопках стеклоделательной мастерской Бейрута, функционировавшей в середине или второй половине VII в. [70, p. 245, fig. 4,*5*]. Производили их и в стеклоделательных мастерских Торчелло и Мурано [75, p. 85, fig. 16] и, судя по увеличению количества находок таких лампад по всему Апеннинскому полуострову с конца XI в., они входили в ассортимент венецианских стеклоделательных мастерских [78, p. 149]. В XV в. лампады этого типа производили на территории Венгрии [98, p. 77, fig. 11].

Ареал. Лампады рассматриваемого типа редко встречаются на Западе, тогда как на Востоке распространены очень широко [41, p. 26]. Помимо выше перечисленных центров, их находки зафиксированы в Бет-Шане [89, p. 68, fig. 2] и Хаме [124, p. 50–51, fig. 129]. В Саламине на Кипре ножка с небольшим сферическим завершением, отделенным легким перехватом, найдена в сочетании с монетами середины VII в. [55, p. 65, pl. 63,*168*]. Известны они и по раскопкам в Никее, где часто использовались в V–XII вв. [21, p. 155, fig. 11b-c, 12], Мире (церковь св. Николая), Константинополе (церковь Полиевкта), Юмуктепе (Киликия) [104, p. 239, fig. 10]. В музее Берлина хранится бронзовый лампадофор с шестью лампадами с колоколовидным туловом и узкой длинной ножкой со сферическим завершением [62, S. 146, Abb. 4].

В *Херсонесе* лампады этого типа представлены двумя экземплярами.

Один фрагмент принадлежал лампаде с оттянутой от тулова сосуда полой слегка суживающейся книзу ножкой с толстыми стенками и сплошным полусферическим завершением с круглым налепом от понтии диаметром 0,9 см (рис. 7,*27*). Выполнена ножка из чистого темно-зеленого стекла. Найдена в квартале Х-Б в цистерне 4, засыпь которой, судя по наличию в ней фрагментов ойнохой с росписью

ангобом и мисок группы «Поздний римский С» формы 10А и В, начало бытования которых относят ко времени около середины VI в. [96, p. 15; 97, p. 86], а также монеты Юстина II (565–578 гг.), свидетельствуют о том, что цистерна была засыпана в рамках второй половины VI в. [15, с. 94–95, рис. 52,*26*].

Большое количество лампад с аналогичной ножкой, т.е. полой со сплошным сферическим завершением, происходит из слоев фатимидского времени в Фустате [121, p. 22, fig. 18–19; 68, p. 181, 183, fig. 1]; в Сирафе на иранском побережье Персидского залива – конца XIII – XIV в. [89, p. 69]. В Самарии фрагменты лампад с узкой ножкой, оттянутой от тулова сосуда (наполовину полая, наполовину сплошная) и со сферическим набалдашником найдены при раскопках храма Иоанна Крестителя и византийского монастыря в слое «VI в. и позже» [56, p. 419, fig. 99,*4*; 92, fig. 2d]. В Бет-Шане такие лампады происходят из комплексов, датирующихся серединой VIII – XII/XIV в. [89, p. 68, fig. 2–3; 90, pl. 45,*967,968*], в Тверии – середины VIII – XI в. [108, fig. 7.11,*141*]. В Цезарее аналогичные лампады находят в комплексах конца X – первой половины XI в. [109, p. 242, fig. 5,e-f, ill. 21; 122, p. 240, fig. 6,*5,6*]. В Аль-Мине они происходят из комплексов IX–X вв., Хаме – XI–XII вв.; из слоя этого же времени происходит фрагмент, зафиксированный в Рамле [123, p. 114–115, fig. 7,*42*]. Ножка подобного типа из бесцветного стекла происходит из раскопок в Сидоне, где она была найдена в слое мамлюкского времени [148, p. 60, pl. 3,*1*]. Довольно большое количество лампад с полыми длинными ножками со сферическим завершением, преимущественно полым, составляло часть груза корабля, затонувшего в XI в. в бухте Серче Лиманы. Однако, там же представлен и экземпляр, полностью аналогичный херсонесской лампаде [115, p. 362–365, fig. 33-3,*LP55*]. Аналогичные ножки с полой слегка суживающейся книзу ножкой и сплошным сферическим завершением были найдены при раскопках Южной стеклоделательной мастерской XIV в. в Коринфе [59, p. 321, fig. 19,*68*].

Очень часто они встречаются в центрах далматийского побережья [78, p. 147, fig. 5], в частности в Которе, где такие ножки были найдены в кафедральном соборе в контексте начала XV в. [21, p. 48, fig. 38, T. XIV, no. 94, cat. no. 95, 96]. Во Франции их находят в комплексах конца XIII и XIV вв., а на территории Германии и Венгрии находки таких сосудов фиксируют до XVI в. включительно [21, с. 81].

Лампады со сплошной или наполовину полой ножкой с аналогичным завершением известны и по раскопкам в Грузии, где они происходят из слоев VI–X вв. Судя по представленному в публикации рисунку, они, как и херсонесский экземпляр, оттянуты от дна сосуда, о чем свидетельствует углубление на дне емкости [37, с. 87, табл. V,*6–8*].

Из раскопок Берегового укрепления, открытого к востоку от базилики Крузе, (раскопки Д. А. Костромичева 2018 г.; рис. 7,*26*)[53] происходит археологически целая лампада с цилиндрическим туловом с округлыми стенками, слегка утолщаю-

[53] Фонды ГИАМЗ ХТ, Инв. № ИКАМ 37712/6.

щимися к выпуклому оплавленному краю, почти плоским дном с незначительной выпуклостью в форме окружности в центре (диаметром около 1,15 см) и довольно длинной цилиндрической сплошной ножкой (диаметром 0,7 см) со сферическим утолщением на конце (диаметром 0,9–0,95 см). Подошва ножки – плоская (след от понтии диаметром 0,5 см). Стекло зеленоватое, с многочисленными пузырьками; ножка выполнена из стекла того же цвета, что и весь сосуд, но из-за толщины ножки имеет глубокий красивый зеленый оттенок.

Несмотря на то, что даже при очень внимательном рассмотрении стык между туловом сосуда и ножкой выявить не удалось, я склоняюсь к выводу, что, скорее всего, ножка была сформована отдельно от тулова сосуда и затем припаяна к его дну. В пользу такого предположения говорит выступ на внутренней стороне дна лампады, образовавшийся, по-видимому, в результате давления снизу, необходимого при накладывании ножки, а также массивность самой ножки, которой вряд ли можно было достичь путем оттягивания стекла от дна сосуда.

Лампада была найдена на поверхности скалы среди материалов слоя разрушения Херсона во второй половине XIII века (т.е. на скальной поверхности улицы лежал слой гибели города).

Рассмотренными типами стеклянных лампад, которые удалось выявить среди херсонесских материалов по каким-то характерным деталям, не ограничивается набор лампад, которые могли использовать в Херсонесе. В принципе любой кубок или чаша могли служить лампадой, в которую помещали держатель для фиксации фитиля.

Большое количество рюмок, встречающихся наряду со стеклянными лампадами при раскопках базилик, позволило предположить, что их могли использовать не только как сосуды для причастия [38, с. 198], но и в качестве лампад [94, p. 86; 67, p. 205; 41, p. 24]. Причем лампадами могли служить как рюмки без ручек, которые просто ставили на плоскую поверхность, так и рюмки с небольшими петлевидными ручками, которые служили для подвешивания [99, p. 139; 41, p. 24, pl. 3,*2.ii*; 4,*2.i,ii*]. В качестве доказательства использования рюмок для освещения храмов можно привести мозаику V–VI вв. из Сирии, хранящуюся в Национальном музее в Копенгагене (рис. 8,*1*).

Как лампады обычно определяют стаканы с перехватом, расположенным несколько ниже средней линии тулова, раструбообразно расширяющейся или цилиндрической верхней частью, которая, как правило, больше по высоте, чем нижняя округлая несколько приплюснутая часть тулова, и вогнутым дном [43, fig. 60–61, 63]. Большое количество таких сосудов происходит из погребений VII–IX вв. Скалистинского могильника (рис. 8,*2*) [5, с. 194, там список рисунков]. Аналогичные сосуды известны по раскопкам погребений этого же времени на Чуфут-Кале и Керченском полуострове [5, с. 194]. Интересна находка керамического сосуда аналогичной формы в комплексе IX в. склепа 6 могильника Лучистое [1, с. 77, рис. 32,*23*, табл. 15,*2*; 187,*1*]. Аналогичные сосуды известны по раскопкам в Йеникапы (Стамбул) [43,

fig. 60–61, 63] и в Шапкинском могильнике [44, p. 365, fig. 22].

Отсутствие подобных сосудов в городских и поселенческих слоях объясняется, скорее всего, фрагментированностью материала, представленного, главным образом, донышками и венчиками, по которым невозможно реконструировать целую форму. Поэтому нельзя исключать, что такие сосуды не только включали в состав погребального инвентаря, но и использовали в повседневной жизни в качестве светильников. Использование их для питья мне представляется маловероятным из-за неустойчивости сосудов, имеющих слишком узкую, по сравнению с верхней, нижнюю часть.

Лампадами могли служить чаши и кубки разной степени открытости, которые использовали и как сосуды для питья, и как лампады. Их использовали и как отдельно стоящие лампы, и подвешивали с помощью разного рода держателей. В пользу такого предположения говорит большое количество фрагментов таких сосудов, происходящих из раскопок ранневизантийских базилик. Например, в Геразе в качестве лампад использовали широкие приземистые стаканы с плоским широким дном, узкие стаканы с более или менее расходящейся верхней частью и неустойчивым дном и вазообразные сосуды с округлым дном [48, p. 516, fig. 18–19]. Известны лампады с внешней складкой под венчиком, которые служили держателем для бронзовой или железной петли, с помощью которой лампада подвешивалась. Подобная конструкция (лампада и проволочный железный держатель) найдена в Хирбет Табалия, недалеко от Иерусалима, в высеченной в скале келье отшельника VI–VIII вв. [103, p. 142, fig. 12]. Сосуды с подобной складкой на внешней стороне бытовали до мамлюкского времени включительно. Их находки известны по раскопкам на Афинской Агоре, где их относят к XIV в. [144, p. 154, 175, fig. 22,*398,399*, pl. 36], особенно много их найдено на Ближнем Востоке [100, p. 126, fig. 7,*15*; 40, p. 92, fig. 4,*3,4,6*; 112, pl. 19,*525,526* и т.д.].

Заключение. В ходе изучения комплексов стеклянных изделий из раскопок Херсонеса были выявлены несколько типов стеклянных лампад. Все они были широко распространены на территории Средиземноморско-Причерноморского региона, и практически все, появившись в ранневизантийское время, бытовали на протяжении всего средневековья, а некоторые производятся до сих пор. Однако их бытование в Херсонесе имеет свою специфику: некоторые типы появляются несколько позже, чем в других регионах империи, другие отсутствуют вовсе, как, например, лампады со сплошной ножкой с перехватами или лампады со стеклянной трубкой для фитиля, а соотношение разных типов с течением времени меняется.

Первыми в Херсонесе, как и в других центрах византийского мира, в качестве осветительных приборов начали использовать конические кубки с округлым или заостренным дном, которые доминируют на протяжении IV–V вв. В VI в. появляются конические лампады с бутонообразной ножкой, которые в Херсонесе бытуют до конца жизни города, хотя в других центрах византийского мира они встречаются исключительно в комплексах ранневизантийского времени.

В конце V в. появляются лампады с узкой полой ножкой, которые доминируют на протяжении всего ранневизантийского периода; позднее их использование резко сокращается и им на смену приходят лампады с небольшой полой каплевидной ножкой, которые в Херсонесе встречаются в комплексах до XIII в. включительно.

Короткие округлые ножки, которые могли принадлежать лампадам, бытовавшим с ранневизантийского времени, в Херсонесе выявлены в комплексах XIII в., за исключением одной, найденной в комплексе XI–XII вв.

Лампады со свисающей сплошной цилиндрической ножкой, оттянутой от тулова сосуда, в других регионах Средиземноморья бытуют с ранневизантийского времени. Однако в Херсонесе они встречаются только в комплексах XI–XII вв., тогда как сплошные длинные ножки, сформованные отдельно от тулова сосуда, выявлены не только в комплексах XI–XII вв., но и более позднего времени.

Лампады с длинной свисающей ножкой со сферическим завершением представлены в Херсонесе лишь двумя экземплярами, происходящими из комплексов второй половины VI в. и XIII в., что, в общем, соответствует времени бытования этого типа лампад в других центрах.

Многочисленным и разнообразным лампадам с ручками будет посвящена отдельная публикация. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что по раскопкам на других памятниках Крыма известны исключительно лампады с ручками. Лампады других встречающихся в Херсонесе типов в публикациях найти не удалось, что, возможно, объясняется невыразительностью фрагментов стеклянных лампад, затрудняющей их идентификацию.

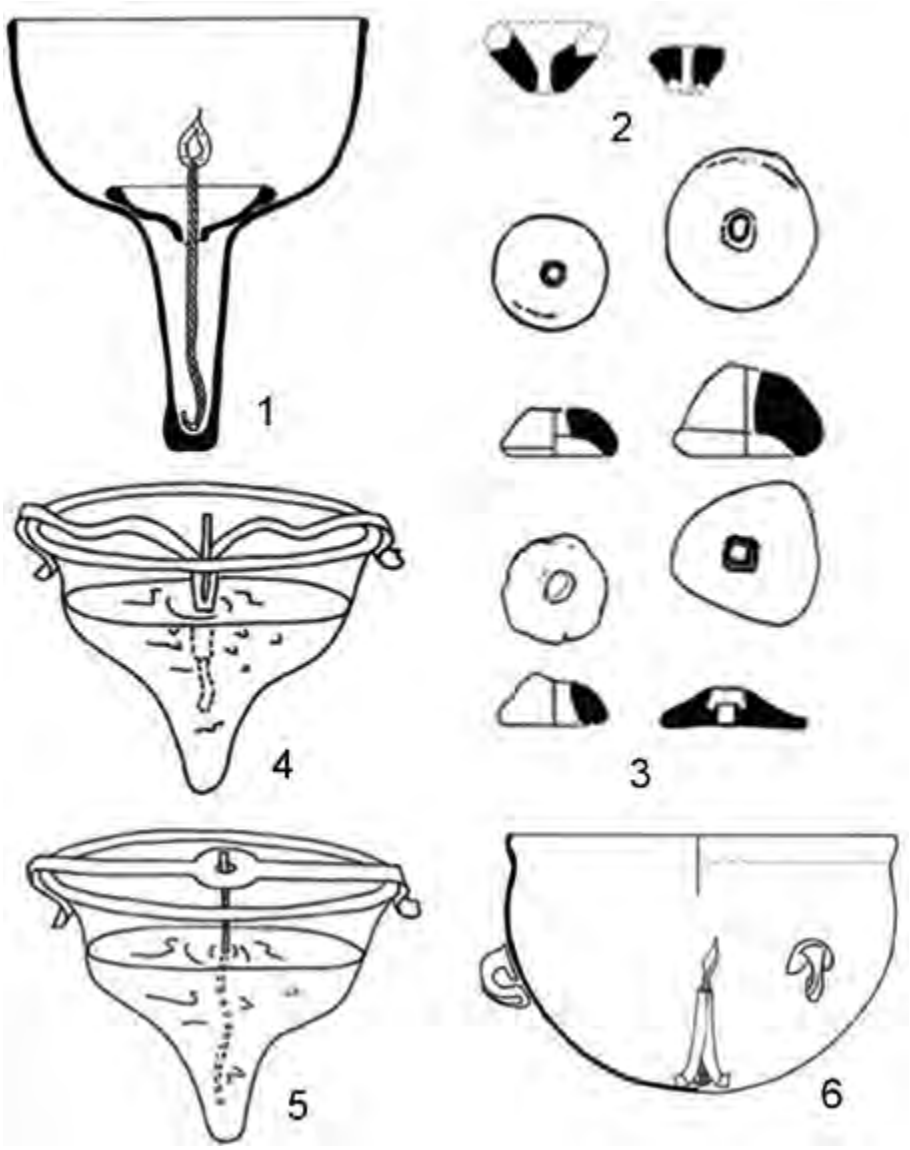


Рис. 1. Держатели для фитиля: *1* – реконструкция лампады с керамическим держателем для фитиля [по: 71, fig. 1,*3*]; *2* – керамические держатели для фитиля из раскопок Сингирт Каясы [по: 63, p. 225, fig. 3,*7,8*]; *3* – керамические держатели для фитиля из раскопок Цезареи Маритимы [по: 120, fig. 21]; *4, 5* – реконструкция лампад с металлическими держателями для фитиля [по: 117, fig. 5,*8*]; *6* – реконструкция лампады с металлическим держателем для фитиля в форме трипода [по: 71, fig. 12,*3*]

Fig. 1. Wick holders: *1* – reconstruction drawing of the lamp with ceramic wick holder [after: 71, fig. 1,*3*]; *2* – ceramic wick holders excavated at Cıngırt Kayası [after: 63, p. 225, fig. 3,*7,8*]; *3* – ceramic wick holders excavated at Caesarea Maritima [after: 120, fig. 21]; *4, 5* – reconstruction drawing of the lamp with metal wick holder [after: 117, fig. 5,*8*]; *6* – reconstruction drawing of the lamp with metal tripod-shaped wick holder [after: 71, fig. 12,*3*]

Рис. 2. Мозаики с изображением конических лампад из синагог в Хаммат Тверии (*1*) и Бет Шане (*2*) (Израиль)

Fig. 2. Mosaics showing conical lamps from the synagogues in Hammat Tiberias (*1*) and Beth Shean (*2*) (Israel)

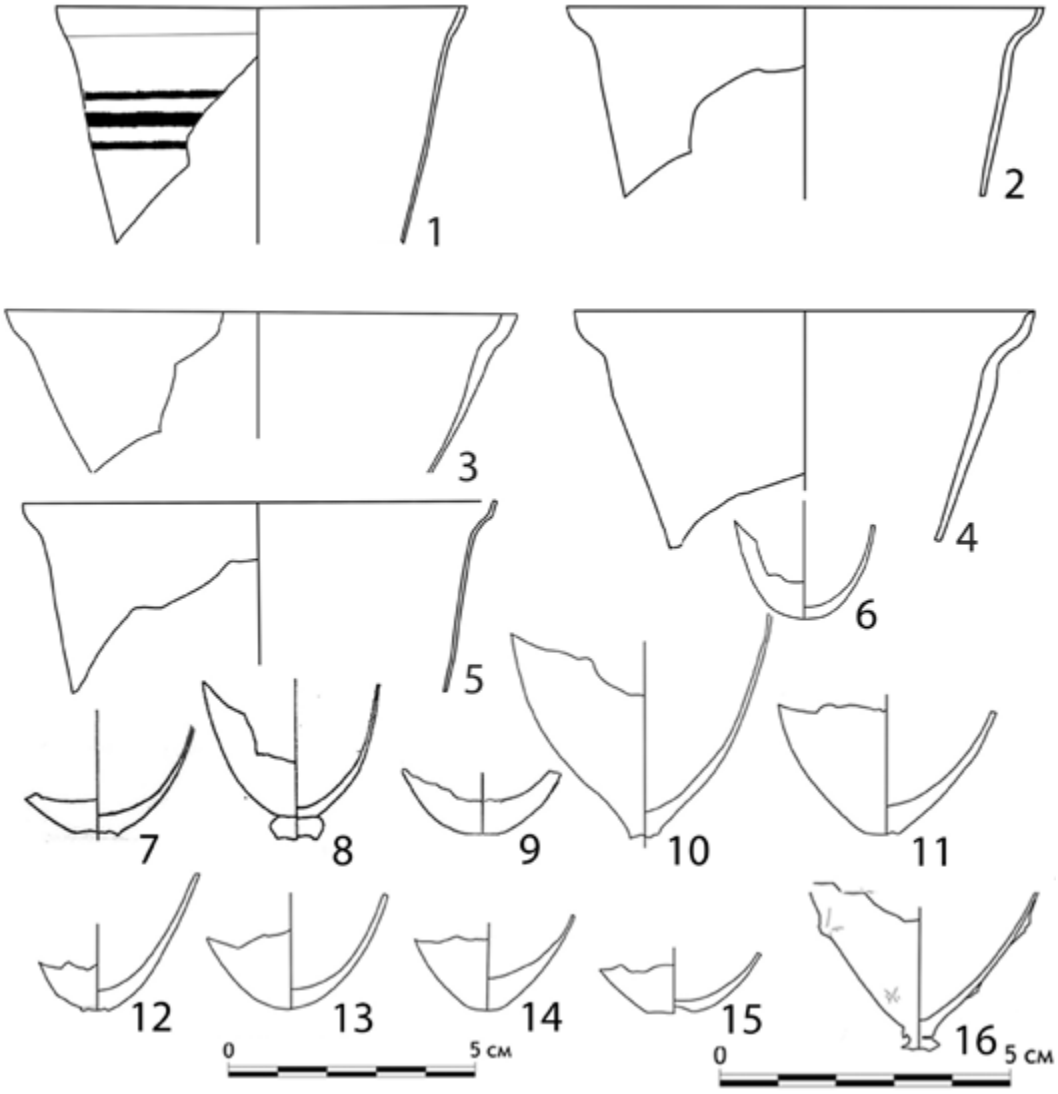


Рис. 3. Конические кубки
Fig. 3 Conical goblets

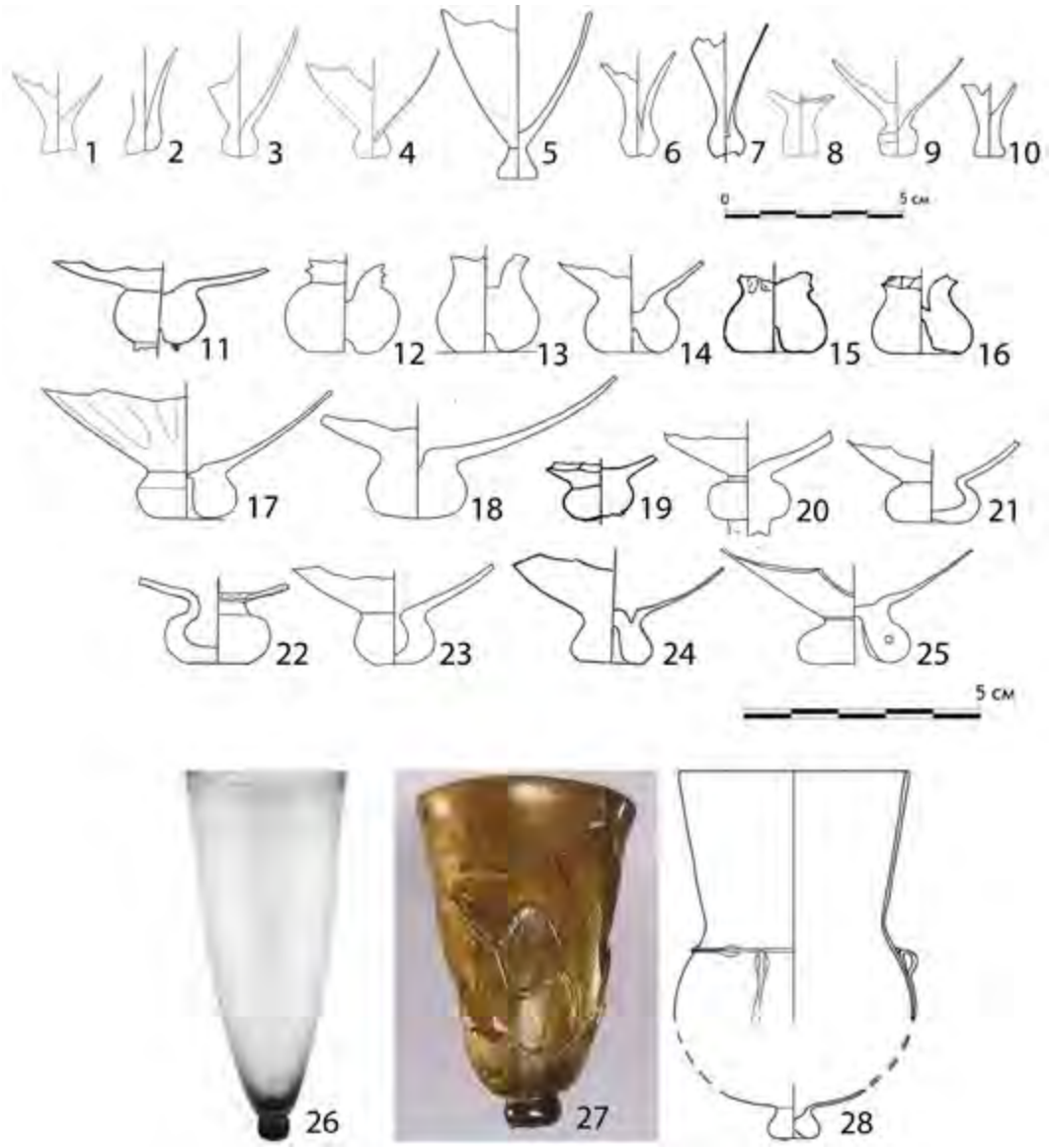


Рис. 4. *1–10* – Конические лампады с бутонообразной ножкой; *11–25* – лампады с округлой ножкой; *26* – коническая лампада с округлой ножкой второй половины IV – начала V в. из раскопок Ассерии [по: 79, p. 126, fig. 2,II]; *27* – конический кубок с округлой ножкой IV–V вв. из склепа 162/18 боспорского некрополя [по: 17, с. 264]; *28* – лампада с округлой ножкой XII–XIII вв. из раскопок в Пергаме [по: 128, fig. 13.1]

Fig. 4. *1–10* **–** Conical lamps with a drop-shaped ending; *11–25* – lamps with a spherical stem; *26* – conical lamp with a spherical stem from the second half of the fourth–early fifth centuries excavated at Asseria [after: 79, p. 126, fig. 2. II]; *27* – conical goblet with a spherical stem of the fourth – fifth centuries from vault 162/18 in the cemetery of Bosporos [after: 17, p. 264]; *28* – lamp with a spherical stem of the twelfth – thirteenth centuries from Pergamon [after: 128, fig. 13.1]

Рис. 5. Изображения лампад с узкой полой ножкой: *1* – в миниатюре Манесского кодекса. Около 1300 года. Библиотека Гейдельбергского университета; *2* – на фреске Джотто в Капелле Скровеньи (Капелла дель Арена). Падуя. 1303–1305 гг.

Fig. 5. Depictions of lamps with a narrow hollow stem: *1* – Codex Manesse, University Library Heidelberg. About 1300; *2* – fresco by Giotto in the Scrovegni Chapel (the Arena chapel). Padua. 1303–1305

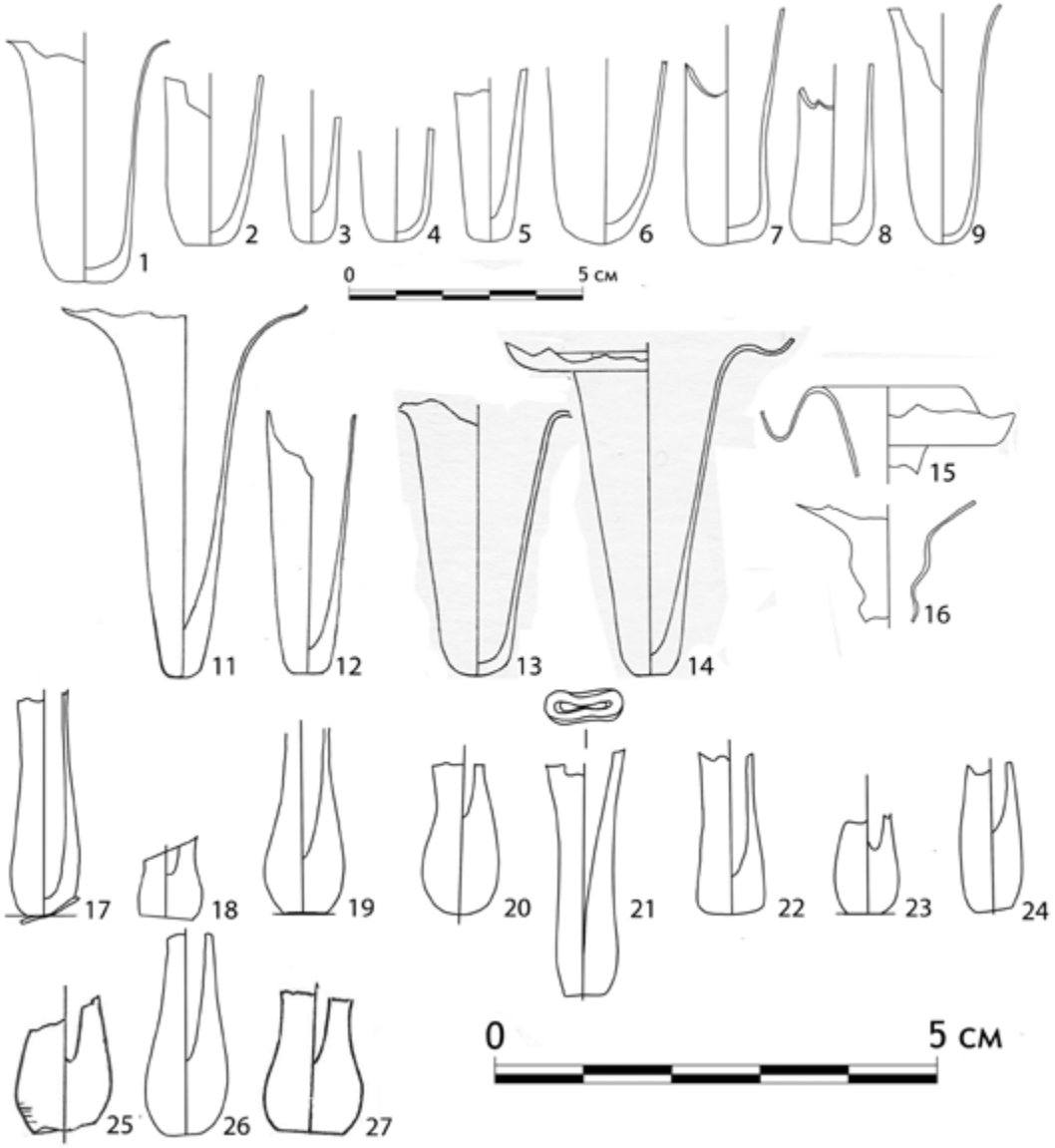


Рис. 6. Лампады со свисающей ножкой: *1–16* – лампады с узкой полой ножкой; *17–27* – лампады с узкой полой ножкой каплевидной формы
Fig. 6. Lamps with a hanging stem: *1–16* – lamps with a narrow hollow stem; *17–27* – lamps with a narrow hollow drop-shaped stem

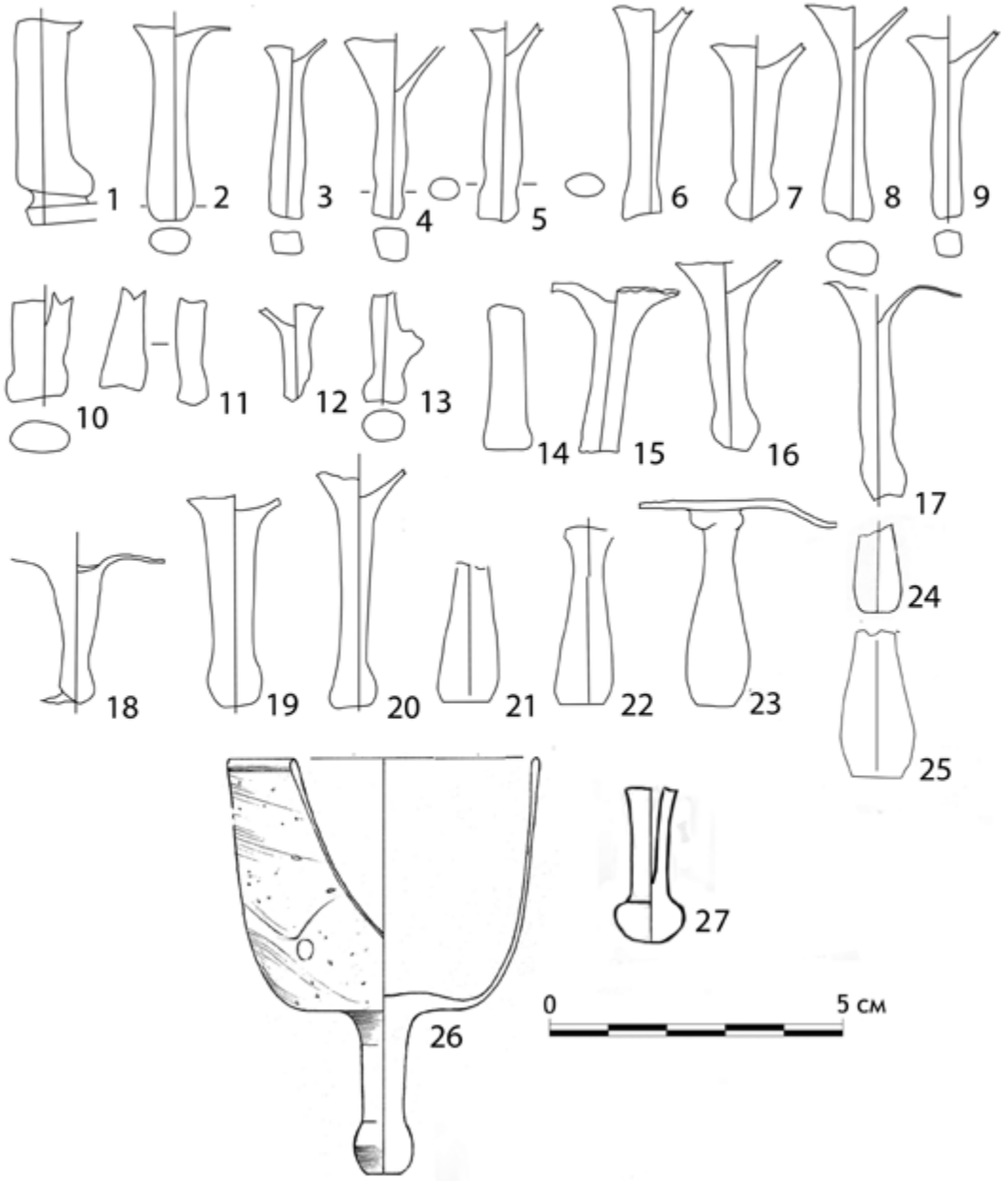


Рис. 7. Лампады со свисающей ножкой: *1–20* – лампады с узкой сплошной ножкой, оттянутой от тулова сосуда; *21–25* – лампады с узкой сплошной ножкой, сформованной отдельно от тулова; *26–27* – лампады с узкой ножкой со сферическим завершением

Fig. 7. Lamps with a hanging stem: *1–20* – lamps with a narrow solid stem drawn from the body of the vessel; *21–25* – lamps with a narrow solid stem formed up separately from the body of the vessel; *26–27* – lamps with a narrow stem with a spherical ending

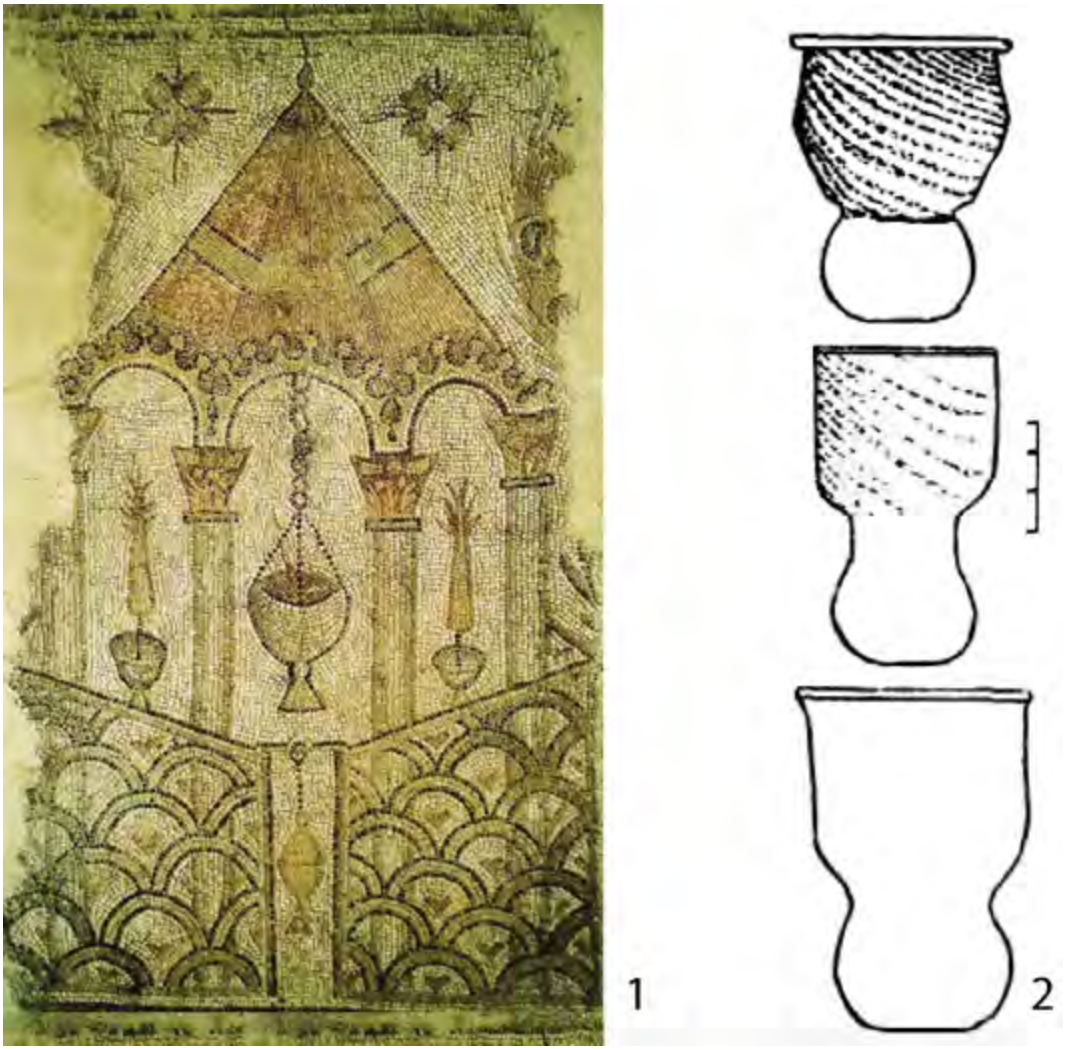


Рис. 8. *1* – Мозаика с изображением рюмкообразной лампады из Сирии. V–VI вв. Национальный музей. Копенгаген [по: 116, fig. 16]; *2* – Стеклянные сосуды из Скалистинского могильника [по: 5, рис. 118,*3–5*]

Fig. 8. *1* – Mosaic from Syria with depiction of a stemmed goblet used as an oil lamp. Fifth – sixth centuries. Copenhagen, National Museum [after: 116, fig. 16]; *2* – Glass vessels from Skalistoe cemetery [after: 5, fig. 118,*3–5*]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Том I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с.
2. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 134 с.
3. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–36.
4. Валиулина С.И. Стекло Волжской Болгарии. Казань: Казанский государственный университет, 2005. 278 с.
5. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
6. Воронов Ю.Н. К истории экономических связей Апсилии в IV–VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды) // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 74–78.
7. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса юстинианoвской эпохи // Византийский временник. 1987. Вып. 48. С. 116–132.
8. Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 312–326.
9. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
10. Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» их раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.
11. Голофаст Л.А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 107–142.
12. Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
13. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. Стеклянные браслеты из средневековых погребений в Горзувитах (Южный берег Крыма) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 245–266.
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
15. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
16. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X–XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456–487.
17. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
18. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI/VII вв. н.э. (из собрания Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2008. Вып. XX. 224 с.
19. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в СВ участке Херсонеса в 1974 году // НА ГИАМЗ ХТ. Д. 1711.
20. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1979 году // НА ГИАМЗ ХТ. Д. 2053.
21. Крижанац М. Средњовековно стакло из катедрале Светог Трипуна у Котору. Београд : Филозофски факултет Универзитета, Центар за археолошка истраживања, 2001. 84 с.
22. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. 360 с.
23. Лепер Р.Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя в 1908–1910 гг. // Херсонесский сборник. 1927. Вып. 2. С. 190–209.
24. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 201–244.
25. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень. Киев: Академпериодика, 2004. 316 с.
26. Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 году // Древности эпохи великого переселения народов V–VII вв. / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 222–234.
27. Минчев А. Антично стъкло от Западното Черноморие (I–VI вв.). II. Чаши // Известия на народния

музей Варна. 1988. Вып. 24 (39). С. 35–59.
28. Минчев А., Георгиев П. Раннохристиянска гробница със стенописи от с. Осеново, Варненско // Известия на народния музей Варна. 1981. Вып. 17(32). С. 10–12.
29. Науменко В.Е. Амфоры. Кувшины с широкими плоскими ручками. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 35–57, 60–64. (Боспорские исследования. Suppl. 5).
30. Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой. Письма паломницы IV в. М.: Паломник, 1994. 220 с.
31. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 1995. 70 с.
32. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса в квартале Х-А в 1987 году // НА ГИАМЗ ХТ. Д. 2771–2772.
33. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках усадьбы квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса в 1995 году // НА ГИАМЗ ХТ. Д. 3270.
34. Седлачкова Г. Византийские и ближневосточные сосуды и оконное стекло IX–XIV вв. в чешских землях // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 262–269.
35. Смішко М.Ю. Поселення III–IV ст. н.е. з слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецькоі області // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Киів, 1964. Вип. 5. С. 67–80.
36. Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85–101.
37. Чхатарашвили М.Н. Стеклянная посуда средневековой Грузии. Тбилиси; Мецниереба, 1978. 98 с.
38. Щапова Ю.Л. Стеклянные потиры: археологический аспект истории священных сосудов // Византийский временник. 2005. Вып. 64. С. 198–210.
39. Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. Le ceramique paleochretienne de Thasos (Aliki, Delkos, fouilles anciennes) // Etudes Thasiennes. Paris, 1992. XIII. 112 p.
40. Alexandre Y. The Glass Finds // Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods / Eds. Y. Alexandre, G. Bar-Oz, A. Berman, N. Raban-Gerstel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2012. P. 89–106.
41. Antonaras A.Ch. Glass Lamps of the Roman and Early Christian Periods. Evidence from the Thessaloniki Area // Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Ages / Eds. C.-A. Roman, N. Gudea. Cluj-Napoca, 2008. P. 23–30.
42. Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an Evaluation of Amphora Evidence from Italy // Recherches sur la cèramique byzantine / Eds. V. Déroche, J.-M. Spieser. Paris, 1989. P. 79–93.
43. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 1–19.
44. Baghaturia-Kner E. Late Antique / Early Byzantine Glass Vessels from the Cemeteries of Kodori and Machara Valleys (Georgia) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 355–368.
45. Ball W., Bowsher J., Kehrberg I., Walmsley A., Watson P. The North Decumanus and North Tetrapylonat Jerash: an Archaeological and Architectural Report // Jerash Archaeological Project. 1981–1983 / Ed. F. Zayadine. Amman, 1986. P. 351–409.
46. Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. Excavations in Chios (1952–1955). Byzantine Emporio. London, 1989. 212 p. (The British School of Archaeology at Athens. Suppl. 20).
47. Barkoczi L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschahten, 1988. 224 p. (Studia Archaeologica. Bd. 9).
48. Baur P.V.C. Glasware // Gerasa-City of Decapolis / Ed. C. H. Kraeling. New Haven, Connecticut, 1938. P. 505–546.
49. Biernacki A. Przedmioty szklane // Novae. Sector Zachodni 1970 / Ed. S. Parnicki-Pedelko. Poznań, 1973. P. 131–141.
50. Bitterli Th. A Light is On in the Hut. Light and Lighting Equipment in Medieval Everyday Life // Glass,

Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / Eds. I. Motsianos, K.S. Garnett. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 13–19.
51. Bonifay M., Carre M.-B., Rigoir Y. Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier–VIIe siècles ap. J.C.). Paris: ADAM-Errance, 1998. 433 p. (Ėtudes massaliètes, 5).
52. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report // Annales du 16e Congrès de l'AIHV (London 2003). Nottingham, 2005. P. 186–190.
53. Carboni S. Glass from Islamic Lands. The al-Sabah Collection, Dar al-Athar al-Islamiyyah (Kuwait National Museum). New York: Thames and Hudson, 2001. 416 p.
54. Çelik I.U. Glass from the 2006 Excavation Season in the Theatre at Nicaea // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laflı. Izmir 2009. P. 151–160.
55. Chavane M.-J. Salamine de Chypre. VI. Les petits objects. Paris: de Boccard, 1975. 341 p.
56. Crowfoot G.M. Glass // Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. Samaria-Sebastia III: The Objects from Samaria. London, 1957. P. 403–422.
57. Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and Later Glass Lamps // The Journal of Egyptian Archaeology. 1931. XVII. P. 196–208.
58. Curina R. Vetri // Ravenna e il porto di Classe. Venti anni di ricerche archeologiche tra Ravenna e Classe Bologna / Ed. G.B. Montanari. Bologna, 1983. P. 166–170.
59. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth // AJA. 1940. Vol. 44, No. 3. P. 297–332.
60. Davidson G.R. The Minor Objects. Corinth. Vol. XII. Princeton; New Jersey, 1952. 366 p.
61. Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 1998. 336 p.
62. Elbern V.H. Neuerworbene Gläser in der frühchristlich-byzantinischen Sammlung der Berliner Museen // Annales du 4e Congrès International d'Etude Historique du Verre (Ravenne – Venise 1967). Liège, 1967. P. 141–146.
63. Erol A.F., Tamer D., Koçak E.A. The Roman and Byzantine Glass Finds From Ordu/Fatsa Cıngırt Kayası Excavations // ΣΕΒΑΣΤΗ. Studies in honour of Eugenia Equini Schneider / Eds. A. Polosa, H.A. Kızılarslanoğlu, M. Oral. Istanbul, 2019. P. 219–234.
64. Filarska B. Szkło piękne i użyteczne. Warszawa, 1973. 158 p.
65. Fleming S.J. Late Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum: A Photo Essay // Expedition. 1997. 39/2. P. 25–41.
66. Foy D. Le verre // L'oppidum de Saint-Blaise du Ve au VIIe s. (Bouches-du-Rhône) / Dir. G. Démians d'Archimbaud. Paris, 1994. P. 201–217.
67. Foy D. La verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Mediterraneenne. Premier essai de typo-chronologie // Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993 / Dir. D. Foy. Guiry-en-Vexin, 1995. P. 187–241.
68. Foy D. Lampes de verre fatimides à Fostat le mobilier des fouilles de Istabl Atar // L'Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998. Paris, 1998. P. 179–196.
69. Foy D. Lampes de verre fatimides à Fostat: le mobilier des fouilles de Istabl Antar // L'Égypte Fatimide. Son art et son histoire. Acres du colloque organisé à Paris, les 28, 29 et 30 mai 1998 / Dir. M. Barrucand. Paris, 1999. P. 179–196.
70. Foy D. Un atelier de verrier à Beyrouth au début de la conquêt islamique // Syria. 2000. 77. P. 239–290.
71. Foy D. Les porte-mèche des lampes en verre de l'Antiquité tardive // Provence historique, Hommages à Jean Guyon. Marseille, 2011. LXI, fasc. 243–244. P. 207–239.
72. Foy D., Bonifay M. Eléments d'évolution des verreries de l'antiquité tardive à Marseille d'après les fouilles de la Bourse // Revue archéologique de Narbonnaise. 1984. XVII. P. 289–308.
73. Foy D., Sennequier G. À travers le verre: du Moyen Age à la Renaissance. Catalogue d'exposition. Rouen: Musées et Monuments départementaux de la Seine-Maritime, 1989. 454 p.
74. Fremersdorf F. Die römischen Gläser mit aufgelagten Nuppen // Denkmäler des römischen Köln. 1969. VII. S. 7–15.

75. Gasparetto A. Matrici e aspetti della vetraria veneziana e Veneta medieval // JGS. 1979. 21. S. 76–97.
76. Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti. 2021. 68. S. 87–118.
77. Gawlikowski M. and Musa A. The Church of Bishop Marianos // Jerash Archaeological Project. 1981–1983. I / Ed. F. Zayadine. Amman, 1986. P. 137–153.
78. Gazić V.J. Late Medieval Glass Lamps from Zadar // Archaeologia adriatica. 2016. 10. P. 133–174.
79. Gazić V.J. Glass Lamps in Croatia: Typological Overview from Antiquity to the Modern Era // Study Days on Venetian Glass. Venetian Filigrana Glass through the Centuries. Veneto, 2018. P. 123–136.
80. Gill M.A.V. Amorium Reports. Finds I: The Glass (1987–1997). Oxford, 2002. (BAR Int. Series, 1070).
81. Gomolka-Fuchs G. Die römisch-byzantinischen Glasfunde aus Karasura in Bulgarien // Zeitschrift für Archäologie. 1992. 26. S. 261–268.
82. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Recent Excavations in Ramla: A Preliminary Presentation // Ramla: The Development of a Town from the Early Islamic to Ottoman Periods / Eds. S. Gibson, F. Vitto. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1999. P. 10–15.
83. Gorin-Rosen Y. The Glass Vessels from Khirbet Tabaliya // ‘Atiqot. 2000. 40. P. 81–94.
84. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat) // ‘Atiqot. 2019. 97. P. 101–153.
85. Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. Local Glass Production in the Late Roman – Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el-Ni’ana // ‘Atiqot. 2007. 57. P. 73–154.
86. Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d’après les collection turques. These the doctorat. Paris, 1990.
87. Gürler B., Laflı E. Middle and Late Roman Glass from the Agora of Smyrna from the Excavation Seasons 1997 and 2002–2003 // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses / Ed. J. Drauschke, D. Keller. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen. Mainz on Rhine, 2010. P. 121–144.
88. Gutreich D. The Glass Finds // Ben-Ami D. et al. Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv’ati Parking Lot). Vol. I. Jerusalem, 2013. P. 265–289. (Israel Antiquities Authority, 52).
89. Hadad Sh. Glass Lamps from the Byzantine through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel // JGS. 1998. 40. P. 63–76.
90. Hadad Sh. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem, 2005. 202 p. (Qedem Reports, 8).
91. Harden D.B. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1936. 200 p.
92. Harden D.B. Ancient Glass, III: Post-Roman // The Archaeological Journal. 1971. CXXVIII. P. 78–117.
93. Harrison R.M., Christie N. 1993. Excavations at Amorium: 1992 Interim Report // Anatolian Studies. 1993. 43. P. 147–162.
94. Hayes J.W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975. 134 p.
95. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
96. Hayes J.W. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery // Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995) / Ed. L. Sagui. Firenze, 1998. P. 9 –21.
97. Hayes J.W. Roman Pottery: Fine-Ware Imports. Princeton, New York: American School of Classical Studies at Athens, 2008. 341 p., 149 pl. (The Athenian Agora, 32).
98. Holl-Gyürky K. The Use of Glass in Medieval Hungary // JGS. 1986. 28. P. 70–81.
99. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957. 185 p.
100. Jennings S. The Roman and Early Byzantine Glass from the Souk Excavations: an Interim Statement // Berytus. 1997–1998. 43. P. 111–146.
101. Kasapoğlu B.E. Parion Theatre Glass Findings // Roman Theatre of Parion. Excavations, Architecture and Finds from 2006–2015 Campaigns (Parion Studies I) / Eds. C. Başaran, H. Ertuğ Ergürer. Çanakkale, 2018. P. 227–236.

102. Katsnelson N. Glass Vessels from the Painted Tomb at Migdal Ashqelon // ‘Atiqot. 1999. 37. P. 77–81.
103. Kogan-Zehavi E. The Tomb and Memorial of a Chain-Wearing Anchorite at Kh Tabaliya, Near Jerusalem // ‘Atiqot. 1998. 35. P. 135–149.
104. Köroğlu G. Glass from Yumuktepe (Cilicia) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laflı. Izmir 2009. P. 235–243.
105. Kralj V.Z., Beltrame C., Miholjek I., ve Ferri M. A Byzantine Shipwreck from Cape Stoba, Mljet, Croatia: an Interim Report // Nautical Archaeology. 2016. 45/1. P. 42–58.
106. Kucharczyk R. Glass Finds from the Basilica in Marea, 2004 // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2005. 16. P. 54–59.
107. Kucharczyk R. Islamic Glass from the Auditoria on Kom el-Dikka in Alexandria // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2005. 16. P. 31–41.
108. Lester A. The Glass // Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem, 2004. P. 167–220. (Israel Antiquities Authority Reports, 21).
109. Lester A., Arnon Y., Polak R. The Fatimid Hoard from Caesarea: A Preliminary Report // L’Egypte Fatimide art et son histoire. Paris, 1999. P. 233–248.
110. Megaw A.H.S. Supplementary Excavations on a Castle Site at Paphos, Cyprus, 1970–1971 // Dumbarton Oaks Papers. 1972. 26. P. 322–343.
111. Meyer C. Glass from the North Theater Byzantine Church, and Soundings at Jerash, Jordan, 1982–1983 // Bulletin of the American School of Oriental Research. Baltomore, 1987. Suppl. 25. P. 175–222.
112. Meyer C. Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago: The Oriental Institute, 1992. 200 p., 21 pl. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 53).
113. Milavec T. Lighting Devices in Late Antique Churches in South-Eastern Alps // AD AMUSSIM: Festschrift zum 65. Geburtstag von Franz Glaser Landesmuseums für Kärnten. Klagenfurt, 2017. P. 199–214.
114. Miraglia G. Vetro // Arthur P. Il Complesso Archeologico di Carminiello ai Mannesi Napoli (Scavi 1983–1984). Rome, 1994. P. 329–342.
115. Morden M.E. Lamps // Bass G.F., Brill R.H., Lledó B., Matthews Sh.D. Serçe Limani. Vol. II. The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck. Texas, 2009. P. 361–374.
116. Motsianos I. Lighting Devices in Byzantium: Comparisons in Time and Space // Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / Eds. I. Motsianos, K.S. Garnett. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 49–64.
117. Motsianos I. Difficulties and Preconditions for the Utilization of Glass in Lighting in Byzantium // Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / Eds. I. Motsianos, K.S. Garnett. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 195–202.
118. Nikolić P. Early Christian Glass Lamps // Archaeologia Adriatica. 2019. 13. P. 77–105.
119. Özgümüş Ü. Byzantine Glass Finds in the Roman Theatre at Iznik (Nicaea) // Byzantinische Zeitschrift. 2009. 101(2). P. 727–735.
120. Peleg M., Reich R. Excavations of a Segment of the Byzantine City Wall of Caesarea Maritima // ‘Atiqot. 1992. 21. P. 137–170.
121. Pinder-Wilson R.H., Scanlon G.T. Glass Finds from Fustat: 1964–71 // JGS. 1973. XV. P. 12–30.
122. Pollak R. Glass Vessels of a Fatimid Hoard from Caesarea Maritima // Annales du 14e Congrès de l’AIHV (Italia 1998). Lochem, 2000. P. 238–242.
123. Pollak R. Excavations in Marcus Street, Ramla: The Glass Vessels // Contract Archaeology Reports. 2007. II. P. 100–133.
124. Riis P.J. Les verreries // Riis P.J., Poulsen V. Hama: Fouilles et recherches 1931–1938. IV, 2: Les verreries et poteries médiévales. Copenhagen, 1957. P. 30–116. (Nationalmuseets Skrifter. Større Beretninger, III).
125. Saldern von A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. London: Harvard University Press, 1980. 118 p.
126. Sanders G. Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences // Tenth BABESCH Byvanck Lecture. Leiden: The Babesch Foundation, 2016. P. 1–31.
127. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // Late Antique / Early

Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 85–109.
128. Schwarzer H. Medieval Glass Vessels from Pergamon (Turkey) // JGS. 2021. 63. P. 57–76.
129. Shalikadze T., Kakhidze E. Early Byzantine Glass Vessels from the Southwestern Littoral of Georgia // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laflı. Izmir, 2009. P. 369–377.
130. Shindo Y. Glass // Egypt Islamic City: al-Fustat Excavation Report 1978–1985 / Eds. K. Sakurai, M. Kawatoko. Tokyo, 1992. P. 304–335 (Japanese).
131. Stern E.M. Roman Glassblowing in a Cultural Context // AJA. 1999. 103/3. P. 441–484.
132. Stern E.M. Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection. New York: Hatje Cantx, 2001. 427 p.
133. Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993 / Dir. D. Foy. Guiry-en-Vexin, 1995. P. 243–288.
134. Sukenik N., Tepper Y. A Linen Wick from the Northern Church at Shivta, Israel // Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / Eds. I. Motsianos, K.S. Garnett. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 203–209.
135. Tatton-Brown V.A. The glass // Excavations at Carthage: the British mission. Vol. I, Part 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbo: the site and finds other than pottery / Eds. H.R. Hurst, S.P. Roskams. Huddersfield, 1984. P. 194–212.
136. Tatton-Brown V.A. The glass // Excavations at Carthage: the British mission. Vol. II, Part 1. The circular harbour, north side: the site and finds other than pottery / Ed. H.R. Hurst. Oxford, 1994. P. 282–290.
137. Tsori N. The Ancient Synagogue at Beth-Shean // Eretz Israel. 1967. 8. P. 149–168.
138. Turnovsky P. Glaslampen aus der Marienkirche in Ephesos // Akten des 9. Österr. Archäologentages am Institut für Klass. Archäologie der Paris Lodron-Universität Salzburg, 2001 / Hrsg. B. Asamer, W. Wohlmayr. Wien, 2003. S. 237–241.
139. Uboldi M. Diffusione delle lampade vitree en eta tardoantica e ltomedievale e spunti per una tipologigia // Archeologia Medievale. 1995. 22. P. 93–145.
140. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der Deutsch-Bulgarisch-Österreichischen Ausgrabungen 1934–1937. München: C.H. Beck Verlag, 1992. 600 S.
141. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht: Brepols, 2005. 224 p.
142. Walmsley A.G. The Social and Economic Regime at Fihl (Pella) between the 7th and 9th centuries // La Syrie de Byzance à l'Islam. VIIe–VIIIe siècles. Damas: Institut Français de Damas, 1992. P. 249–261.
143. Weinberg G.D. (Ed.). Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia: University of Missouri Press, 1988. 378 p.
144. Weinberg G.D., Stern E.M. Vessel Glass. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2009. 214 p. (The Athenian Agora, 34).
145. Winter T. The Glass Vessels from Horvat Hermeshit (1988–1990) // 'Atiqot. 1998. 34. P. 173–177. (Hebrew; English summary).
146. Winter T. The Glass Finds // Mazor G., Atrash W. et al. Bet She'an Vol. 3: Nysa-Scythopolis. The Southern And Severan Theaters Book Subtitle: Part 1: The Stratigraphy And Finds. Israel Antiquities Authority Reports. 2015. 58/1. P. 207–227.
147. Young S.H. A Preview of Seventh-Century Glass from the Kourion Basilica, Cyprus // JGS. 1993. 35. P. 39–47.
148. Zaven T. The Glass Vessels // Doumet-Serhal C. Tenth, Eleventh and Twelfth Season of Excavation (2008–2010) at Sidon. Bulletin d'archéologie et d'architecture libanaises. 2009. 13. P. 55–69.
149. Zori N. Ancient Synagogue at Beth-Shean // Eretz-Izrael. 1967. 8. P. 149–163 (Hebrew; English summary).

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. Tom I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. 2. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
1. Ambroz A.K. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza* [Chronology of the antiquities of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 134 p.
2. Bocharov S.G., Maslovskii A.N. The byzantine glazed ceramics in the cites of the Northern Black Sea region of the Golden Horde period (the second half of the 13th – end of the 14th cc.). *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2012, vol. 1, pp. 20–36.
3. Valiulina S.I. *Steklo Volzhskoi Bolgarii* [Glass of Volga Bulgaria]. Kazan, Kazan State University Publ., 2005, 278 p.
4. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil'nik* [Skalistinsky cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
5. Voronov Iu.N. On the history of Apsilia's economic relations in the 4th–7th centuries. (imported glassware from Tsebelda). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1974, vol. 138, pp. 74–78.
6. Voronov Iu.N., Bgazhba O.Kh. Cibilium – one of the nodes of the Caucasian Limes of the Justinian era. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1987, vol. 48, pp. 116–132.
7. Golofast L.A. About glass-making production in early Byzantine Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 312–326.
8. Golofast L.A. Glass from early Byzantine Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2001, vol. 8, pp. 97–260.
9. Golofast L.A. Stamps on the Phocaean fine ware from Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 135–216.
10. Golofast L.A. A Few Groups of Glass Vessels from the Second Half of the Thirteenth Century Fire Layer in Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 107–142.
11. Golofast L.A., Evdokimov P.A. On the Chronology of the Amphorae with Fine Corrugation Zones (According to the Excavations in Phanagoreia). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 186–216.
12. Golofast L.A., Mastykova A.V. The Glass Bangles from the Mediaeval Burials in Gorzubitai (the Southern Coast of the Crimea). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 245–266.
13. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 182–260.
14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-B). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 49–161.
15. Zavadskaia I.A. Catastrophe in Cherson at the end of the 10th–11th centuries: Criticism of Hypothesis of Earthquake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 456–487.
16. Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv. Katalog kollektsii* [Monuments of Byzantine applied art of the 4th-7th centuries. Collection catalog]. St Petersburg, State Hermitage Publ., 2006, 272 p.
17. Zasetskaia I.P. Glass ware of the second half of the 4th century – the borderline of the 6th and 7th centuries from the Bosporan necropolis (The State Hermitage Collection). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2008, vol. 20, 224 p.
18. Zolotarev M.I. Report on excavations in the North-Eastern section of Chersonese in 1974. *Scientific Archive*

of the State Museum-Preseserve "Tauric Chersonese", D. 1711.
19. Zolotarev M.I. Report on excavations in the North-Eastern region of Chersonesos in 1979. *Scientific Archive of the State Museum-Preseserve "Tauric Chersonese",* D. 2053.
20. Krizhanats M. *Sredniovekovno staklo iz katedrale Svetog Tripuna u Kotoru* [Medieval glass from the cathedral of St. Tripun at. Kotor]. Belgrade, 2001, 84 p.
21. Kunina N.Z. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Antique glass in the Hermitage collection]. St Petersburg, State Hermitage Publ., 1997, 360 p.
22. Leper R.Kh. Diaries of the excavations of the Chersonese necropolis in 1908–1910. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesan collection], 1927, vol. 2, pp. 190–209.
23. Maiko V.V. Sugdeya in the second half of the 10th – early 11th centuries. *Sugdeiskii sbornik* [Sugdeysky collection], Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, pp. 201–244.
24. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen* [Medieval settlement on the Tepsen plateau]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2004, 316 p.
25. Minaeva T.M. Excavations of the sanctuary and burial ground near the ancient settlement Gilyach in 1965. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V–VII vv.* [Antiquities of the era of the great migration of peoples of the 5th–7th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 222–234.
26. Minchev A. Ancient glass from the Western Black Sea coast (1st–6th centuries). II. Cups. *Izvestiia na narodniia muzei Varna* [News of the Varna National Museum], 1988, vol. 24 (39), pp. 35–59.
27. Minchev A., Georgiev P. Early Christian tomb with wall paintings from the village of Osenovo, Varna region. *Izvestiia na narodniia muzei Varna* [News of the Varna National Museum], 1981, vol. 17 (32), pp. 10–12.
28. Naumenko V.E. Amphoras. Pitchers with wide flat handles. Dinnerware. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tiritaka. Excavation XXVI. Vol. I. Archaeological complexes of the 8th–10th centuries], Simferopol, Kerch, 2009, pp. 35–57, 60–64.
29. *Podvizhniki blagochestiia, protsvetavshie na Sinaiskoi gore i v ee okrestnostiakh. K istochniku vody zhivoi. Pis'ma palomnitsy IV v.* [Devotees of piety who flourished on Mount Sinai and its environs. To the source of living water. Letters from a 4th century pilgrim]. Moscow, Palomnik Publ., 1994, 220 p.
30. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersonesa* [Amphorae from the complexes of the Byzantine Chersonese]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1995, 70 p.
31. Ryzhov S.G. Report on excavations in the northern region of Chersonesos in the X-A quarter in 1987. *Scientific Archive of the State Museum-Preseserve "Tauric Chersonese",* D. 2771–2772.
32. Ryzhov S.G. Report on the excavations of the estate of the X-B quarter in the Northern region of Chersonesos in 1995. *Scientific Archive of the State Museum-Preseserve "Tauric Chersonese",* D. 3270.
33. Sedlachkova G. Byzantine and Middle Eastern vessels and window glass of the 9th–14th centuries in the Czech lands. Gaidukov P.G. (Ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass of Eastern Europe from antiquity to the beginning of the twentieth century], St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 262–269.
34. Smishko M.Iu. Settlement of the 3rd–4th centuries with traces of glass production near the village Komarov, Chernivtsi region. *Materiali i doslidzhennia z arkheologiï Prikarpattia i Volini* [Materials and research on the archaeology of the Carpathians and Volhynia], Kiev, 1964, vol. 5, pp. 67–80.
35. Sorokina N.P. About glass vessels with drops of blue glass from the Black Sea region. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1971, vol. 4, pp. 85–101.
36. Chkhatarashvili M.N. *Stekliannaia posuda srednevekovoi Gruzii* [Glassware of medieval Georgia]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1978, 98 p.
37. Shchapova Iu.L. Glass Chalices: An Archaeological Aspect of the History of Sacred Vessels. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 2005, vol. 64, pp. 198–210.
38. Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. Le ceramique paleochretienne de Thasos (Aliki, Delkos, fouilles anciennes). *Etudes Thasiennes*, Paris, 1992, XIII, 112 p.
39. Alexandre Y. The Glass Finds. Alexandre Y., Bar-Oz G., Berman A., Raban-Gerstel N. (Eds.), *Mary's Well,*

Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods, Jerusalem, Israel Antiquities Authority, 2012, pp. 89–106.
40. Antonaras A.Ch. Glass Lamps of the Roman and Early Christian Periods. Evidence from the Thessaloniki Area. Roman C.-A., Gudea N. (Eds.), *Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Ages*, Cluj-Napoca, 2008, pp. 23–30.
41. Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an Evaluation of Amphora Evidence from Italy. Déroche V., Spieser J.-M. (Eds.), *Recherches sur la cèramique byzantine*, Paris, 1989, pp. 79–93.
42. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul. Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 1–19.
43. Baghaturia-Kner E. Late Antique / Early Byzantine Glass Vessels from the Cemeteries of Kodori and Machara Valleys (Georgia). Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 355–368.
44. Ball W., Bowsher J., Kehrberg I., Walmsley A., Watson P. The North Decumanus and North Tetrapylonat Jerash: an Archaeological and Architectural Report. Zayadine F. (Ed.), *Jerash Archaeological Project. 1981–1983*, Amman, 1986, pp. 351–409.
45. Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. *Excavations in Chios (1952–1955). Byzantine Emporio*. London, 1989, 212 p. (The British School of Archaeology at Athens. Suppl. 20).
46. Barkoczi L. *Pannonische Glasfunde in Ungarn*. Budapest, Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschahten, 1988, 224 p. (Studia Archaeologica. Bd. 9).
47. Baur P.V.C. Glasware. Kraeling C.H. (Ed.), *Gerasa-City of Decapolis*, New Haven, Connecticut, 1938, pp. 505–546.
48. Biernacki A. Przedmioty szklane. Parnicki-Pedelko S. (Ed.), *Novae. Sector Zachodni 1970*, Poznań, 1973, pp. 131–141.
49. Bitterli Th. A Light is On in the Hut. Light and Lighting Equipment in Medieval Everyday Life. Motsianos I., Garnett K.S. (Eds.), *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*, Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 13–19.
50. Bonifay M., Carre M.-B., Rigoir Y. *Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier–VIIe siècles ap. J.C.).* Paris, ADAM-Errance, 1998, 433 p. (Ėtudes massaliètes, 5).
51. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report. *Annales du 16*e *Congrès de l'AIHV (London 2003)*, Nottingham, 2005, pp. 186–190.
52. Carboni S. *Glass from Islamic Lands. The al-Sabah Collection, Dar al-Athar al-Islamiyyah (Kuwait National Museum).* New York, Thames and Hudson, 2001, 416 p.
53. Çelik I.U. Glass from the 2006 Excavation Season in the Theatre at Nicaea. Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 151–160.
54. Chavane M.-J. *Salamine de Chypre. VI. Les petits objects.* Paris, de Boccard, 1975, 341 p.
55. Crowfoot G.M. Glass. Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. *Samaria-Sebastia III: The Objects from Samaria*, London, 1957, pp. 403–422.
56. Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and Later Glass Lamps. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1931, XVII, pp. 196–208.
57. Curina R. Vetri. Montanari G.B. (Ed.), *Ravenna e il porto di Classe. Venti anni di ricerche archeologiche tra Ravenna e Classe Bologna*, Bologna, 1983, pp. 166–170.
58. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth. *American Journal of Archaeology*, 1940, vol. 44, no. 3, pp. 297–332.
59. Davidson G.R. *The Minor Objects. Corinth. Vol. XII*. Princeton, New Jersey, 1952, 366 p.
60. Dussart O. *Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud*. Beyrouth, Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 1998, 336 p.
61. Elbern V.H. Neuerworbene Gläser in der frühchristlich-byzantinischen Sammlung der Berliner Museen. *Annales du 4*e *Congrès International d'Etude Historique du Verre (Ravenne – Venise 1967)*, Liège, 1967, pp. 141–146.
62. Erol A.F., Tamer D., Koçak E.A. The Roman and Byzantine Glass Finds From Ordu/Fatsa Cıngırt Kayası

Excavations. Polosa A., Kızılarslanoğlu H.A., Oral M. (Eds.), *ΣΕΒΑΣΤΗ. Studies in honour of Eugenia Equini Schneider*, Istanbul, 2019, pp. 219–234.
63. Filarska B. *Szkło piękne i użyteczne*. Warszawa, 1973, 158 p.
64. Fleming S.J. Late Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum: A Photo Essay. *Expedition*, 1997, 39/2, pp. 25–41.
65. Foy D. Le verre. Démians d'Archimbaud G. (Dir.), *L'oppidum de Saint-Blaise du Ve au VIIe s. (Bouches-du-Rhône)*, Paris, 1994, pp. 201–217.
66. Foy D. La verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Mediterraneenne. Premier essai de typo-chronologie. Foy D. (Dir.), *Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993*, Guiry-en-Vexin, 1995, pp. 187–241.
67. Foy D. Lampes de verre fatimides à Fostat le mobilier des fouilles de Istabl Atar. *L'Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998*, Paris, 1998, pp. 179–196.
68. Foy D. Lampes de verre fatimides à Fostat: le mobilier des fouilles de Istabl Antar // Barrucand M. (Dir.), *L'Égypte Fatimide. Son art et son histoire. Acres du colloque organisé à Paris, les 28, 29 et 30 mai 1998*, Paris, 1999, pp. 179–196.
69. Foy D. Un atelier de verrier à Beyrouth au début de la conquêt islamique. *Syria*, 2000, 77, pp. 239–290.
70. Foy D. Les porte-mèche des lampes en verre de l'Antiquité tardive. *Provence historique, Hommages à Jean Guyon*, Marseille, 2011, LXI, fasc. 243–244, pp. 207–239.
71. Foy D., Bonifay M. Eléments d'évolution des verreries de l'antiquité tardive à Marseille d'après les fouilles de la Bourse. *Revue archéologique de Narbonnaise*, 1984, XVII, pp. 289–308.
72. Foy D., Sennequier G. *À travers le verre: du Moyen Age à la Renaissance. Catalogue d'exposition*. Rouen, Musées et Monuments départementaux de la Seine-Maritime, 1989, 454 p.
73. Fremersdorf F. Die römischen Gläser mit aufgelagten Nuppen. *Denkmäler des römischen Köln*, 1969, VII, pp. 7–15.
74. Gasparetto A. Matrici e aspetti della vetraria veneziana e Veneta medieval. *Journal of Glass Studies*, 1979, 21, pp. 76–97.
75. Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods. *Študijné zvesti*, 2021, 68, pp. 87–118.
76. Gawlikowski M. and Musa A. The Church of Bishop Marianos. Zayadine F. (Ed.), *Jerash Archaeological Project. 1981–1983*, I, Amman, 1986, pp. 137–153.
77. Gazić V.J. Late Medieval Glass Lamps from Zadar. *Archaeologia adriatica*, 2016, 10, pp. 133–174.
78. Gazić V.J. Glass Lamps in Croatia: Typological Overview from Antiquity to the Modern Era. *Study Days on Venetian Glass. Venetian Filigrana Glass through the Centuries*, Veneto, 2018, pp. 123–136.
79. Gill M.A.V. *Amorium Reports. Finds I: The Glass (1987–1997)*. Oxford, 2002. (BAR Int. Series, 1070).
80. Gomolka-Fuchs G. Die römisch-byzantinischen Glasfunde aus Karasura in Bulgarien. *Zeitschrift für Archäologie,* 1992, 26, pp. 261–268.
81. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Recent Excavations in Ramla: A Preliminary Presentation. Gibson S., Vitto F. (Eds.), *Ramla: The Development of a Town from the Early Islamic to Ottoman Periods*, Jerusalem, Israel Antiquities Authority, 1999, pp. 10–15.
82. Gorin-Rosen Y. The Glass Vessels from Khirbet Tabaliya. *'Atiqot*, 2000, 40, pp. 81–94.
83. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat). *'Atiqot*, 2019, 97, pp. 101–153.
84. Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. Local Glass Production in the Late Roman – Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el-Ni'ana. *'Atiqot*, 2007, 57, pp. 73–154.
85. Günsenin N. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collection turques*. These the doctorat. Paris, 1990.
86. Gürler B., Laflı E. Middle and Late Roman Glass from the Agora of Smyrna from the Excavation Seasons 1997 and 2002–2003. Drauschke J., Keller D. (Eds.), *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses,*

Mainz on Rhine, 2010, pp. 121–144.
87. Gutreich D. The Glass Finds. Ben-Ami D. et al. *Excavations in the Tyropoeon Valley (Giv'ati Parking Lot),* Vol. I, Jerusalem, 2013, pp. 265–289. (Israel Antiquities Authority, 52).
88. Hadad Sh. Glass Lamps from the Byzantine through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel. *Journal of Glass Studies*, 1998, 40, pp. 63–76.
89. Hadad Sh. *Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean*. Jerusalem, 2005, 202 p. (Qedem Reports, 8).
90. Harden D.B. *Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29.* Ann Arbor, University of Michigan Press, 1936, 200 p.
91. Harden D.B. Ancient Glass, III: Post-Roman. *The Archaeological Journal*, 1971, CXXVIII, pp. 78–117.
92. Harrison R.M., Christie N. 1993. Excavations at Amorium: 1992 Interim Report. *Anatolian Studies*, 1993, 43, pp. 147–162.
93. Hayes J.W. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto, 1975, 134 p.
94. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992, 455 p.
95. Hayes J.W. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery. Sagui L. (Ed.), *Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995)*, Firenze, 1998. P. 9 –21.
96. Hayes J.W. *Roman Pottery: Fine-Ware Imports*. Princeton, New York, American School of Classical Studies at Athens, 2008, 341 p., 149 pl. (The Athenian Agora, 32).
97. Holl-Gyürky K. The Use of Glass in Medieval Hungary. *Journal of Glass Studies*, 1986, 28, pp. 70–81.
98. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, 1957, 185 p.
99. Jennings S. The Roman and Early Byzantine Glass from the Souk Excavations: an Interim Statement. *Berytus*, 1997–1998, 43, pp. 111–146.
100. Kasapoğlu B.E. Parion Theatre Glass Findings. Başaran C., Ertuğ Ergürer H. (Eds.), *Roman Theatre of Parion. Excavations, Architecture and Finds from 2006–2015 Campaigns (Parion Studies I)*, Çanakkale, 2018, pp. 227–236.
101. Katsnelson N. Glass Vessels from the Painted Tomb at Migdal Ashqelon. *'Atiqot*, 1999, 37, pp. 77–81.
102. Kogan-Zehavi E. The Tomb and Memorial of a Chain-Wearing Anchorite at Kh Tabaliya, Near Jerusalem. *'Atiqot*, 1998, 35, pp. 135–149.
103. Köroğlu G. Glass from Yumuktepe (Cilicia). Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 235–243.
104. Kralj V.Z., Beltrame C., Miholjek I., ve Ferri M. A Byzantine Shipwreck from Cape Stoba, Mljet, Croatia: an Interim Report. *Nautical Archaeology*, 2016, 45/1, pp. 42–58.
105. Kucharczyk R. Glass Finds from the Basilica in Marea, 2004. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2005, 16, pp. 54–59.
106. Kucharczyk R. Islamic Glass from the Auditoria on Kom el-Dikka in Alexandria. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2005, 16, pp. 31–41.
107. Lester A. The Glass. Stacey D. *Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods*, Jerusalem, 2004, pp. 167–220. (Israel Antiquities Authority Reports, 21).
108. Lester A., Arnon Y., Polak R. The Fatimid Hoard from Caesarea: A Preliminary Report. *L'Egypte Fatimide art et son histoire*, Paris, 1999, pp. 233–248.
109. Megaw A.H.S. Supplementary Excavations on a Castle Site at Paphos, Cyprus, 1970–1971. *Dumbarton Oaks Papers*, 1972, 26, pp. 322–343.
110. Meyer C. Glass from the North Theater Byzantine Church, and Soundings at Jerash, Jordan, 1982–1983. *Bulletin of the American School of Oriental Research*, Baltomore, 1987, Suppl. 25, pp. 175–222.
111. Meyer C. *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade*. Chicago, The Oriental Institute, 1992, 200 p., 21 pl. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 53).
112. Milavec T. Lighting Devices in Late Antique Churches in South-Eastern Alps. *AD AMUSSIM: Festschrift zum 65. Geburtstag von Franz Glaser Landesmuseums für Kärnten*, Klagenfurt, 2017, pp. 199–214.
113. Miraglia G. Vetro. Arthur P. *Il Complesso Archeologico di Carminiello ai Mannesi Napoli (Scavi 1983–*

1984), Rome, 1994, pp. 329–342.
114. Morden M.E. Lamps. Bass G.F., Brill R.H., Lledó B., Matthews Sh.D. *Serçe Limani. Vol. II. The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. Texas, 2009, pp. 361–374.
115. Motsianos I. Lighting Devices in Byzantium: Comparisons in Time and Space. Motsianos I., Garnett K.S. (Eds.), *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*, Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 49–64.
116. Motsianos I. Difficulties and Preconditions for the Utilization of Glass in Lighting in Byzantium. Motsianos I., Garnett K.S. (Eds.), *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*, Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 195–202.
117. Nikolić P. Early Christian Glass Lamps. *Archaeologia Adriatica*, 2019, 13, pp. 77–105.
118. Özgümüş Ü. Byzantine Glass Finds in the Roman Theatre at Iznik (Nicaea). *Byzantinische Zeitschrift*, 2009, 101(2), pp. 727–735.
119. Peleg M., Reich R. Excavations of a Segment of the Byzantine City Wall of Caesarea Maritima. *'Atiqot*, 1992, 21, pp. 137–170.
120. Pinder-Wilson R.H., Scanlon G.T. Glass Finds from Fustat: 1964–71. *Journal of Glass Studies*, 1973, XV, pp. 12–30.
121. Pollak R. Glass Vessels of a Fatimid Hoard from Caesarea Maritima. *Annales du 14*e *Congrès de l'AIHV (Italia 1998)*, Lochem, 2000, pp. 238–242.
122. Pollak R. Excavations in Marcus Street, Ramla: The Glass Vessels. *Contract Archaeology Reports*, 2007, II, pp. 100–133.
123. Riis P.J. Les verreries. Riis P.J., Poulsen V. *Hama: Fouilles et recherches 1931–1938. IV, 2: Les verreries et poteries médiévales*, Copenhagen, 1957, pp. 30–116. (Nationalmuseets Skrifter. Større Beretninger, III).
124. Saldern von A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London, Harvard University Press, 1980, 118 p.
125. Sanders G. Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences. *Tenth BABESCH Byvanck Lecture*, Leiden, The Babesch Foundation, 2016, pp. 1–31.
126. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon. Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 85–109.
127. Schwarzer H. Medieval Glass Vessels from Pergamon (Turkey). *Journal of Glass Studies*, 2021, 63, pp. 57–76.
128. Shalikadze T., Kakhidze E. Early Byzantine Glass Vessels from the Southwestern Littoral of Georgia. Lafli E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 369–377.
129. Shindo Y. Glass. Sakurai K., Kawatoko M. (Eds.), *Egypt Islamic City: al-Fustat Excavation Report 1978–1985*, Tokyo, 1992, pp. 304–335. (Japanese).
130. Stern E.M. Roman Glassblowing in a Cultural Context. *American Journal of Archaeology*, 1999, 103/3, pp. 441–484.
131. Stern E.M. *Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection*. New York, Hatje Cantx, 2001, 427 p.
132. Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli. Foy D. (Dir.), *Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993*, Guiry-en-Vexin, 1995, pp. 243–288.
133. Sukenik N., Tepper Y. A Linen Wick from the Northern Church at Shivta, Israel. Motsianos I., Garnett K.S. (Eds.), *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*, Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 203–209.
134. Tatton-Brown V.A. The glass. Hurst H.R. , Roskams S.P. (Eds.), *Excavations at Carthage: the British mission. Vol. I, Part 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbo: the site and finds other than pottery*, Huddersfield, 1984, pp. 194–212.
135. Tatton-Brown V.A. The glass. Hurst H.R. (Ed.), *Excavations at Carthage: the British mission. Vol. II, Part 1. The circular harbour, north side: the site and finds other than pottery*, Oxford, 1994, pp. 282–290.

136. Tsori N. The Ancient Synagogue at Beth-Shean. *Eretz Israel*, 1967, 8, pp. 149–168.
137. Turnovsky P. Glaslampen aus der Marienkirche in Ephesos.Asamer B., Wohlmayr W. (Hrsg.), *Akten des 9. Österr. Archäologentages am Institut für Klass. Archäologie der Paris Lodron-Universität Salzburg, 2001*, Wien, 2003, pp. 237–241.
138. Uboldi M. Diffusione delle lampade vitree en eta tardoantica e ltomedievale e spunti per una tipologigia. *Archeologia Medievale*, 1995, 22, pp. 93–145.
139. Uenze S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der Deutsch-Bulgarisch-Österreichischen Ausgrabungen 1934–1937*. München, C.H. Beck Verlag, 1992, 600 p.
140. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, Brepols, 2005, 224 p.
141. Walmsley A.G. The Social and Economic Regime at Fihl (Pella) between the 7th and 9th centuries. *La Syrie de Byzance à l'Islam. VIIe–VIIIe siècles*, Damas, Institut Français de Damas, 1992, pp. 249–261.
142. Weinberg G.D. (Ed.). *Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. Columbia, University of Missouri Press, 1988, 378 p.
143. Weinberg G.D., Stern E.M. *Vessel Glass*. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 2009, 214 p. (The Athenian Agora, 34).
144. Winter T. The Glass Vessels from Horvat Hermeshit (1988–1990). *'Atiqot*, 1998, 34, pp. 173–177. (Hebrew; English summary).
145. Winter T. The Glass Finds. Mazor G., Atrash W. et al. *Bet She'an Vol. 3: Nysa-Scythopolis. The Southern And Severan Theaters Book Subtitle: Part 1: The Stratigraphy And Finds*. *Israel Antiquities Authority Reports*, 2015, 58/1, pp. 207–227.
146. Young S.H. A Preview of Seventh-Century Glass from the Kourion Basilica, Cyprus. *Journal of Glass Studies*, 1993, 35, pp. 39–47.
147. Zaven T. The Glass Vessels. Doumet-Serhal C. *Tenth, Eleventh and Twelfth Season of Excavation (2008–2010) at Sidon. Bulletin d'archéologie et d'architecture libanaises*, 2009, 13, pp. 55–69.
148. Zori N. Ancient Synagogue at Beth-Shean. *Eretz-Izrael*, 1967, 8, pp. 149–163 (Hebrew; English summary).

Сведения об авторе

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Author information

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: J-7642-2018.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.310-353

МАЛЫЕ ХРАМЫ НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ-КЕРМЕН

Ирина Анатольевна Завадская
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
zavadskaya_irina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3915-136X

Аннотация. В статье впервые проанализированы и обобщены сведения о 10 малых храмах, открытых на плато Эски-Кермен, а также о полукруглой вырубке перед городскими воротами, которую называют «апсидой» не сохранившегося «надвратного храма» (*III*). Однако культовое назначение этой вырубки остается под вопросом. Малые храмы были однотипными сооружениями с одним нефом-наосом и полукруглой апсидой. Притвор, вероятно, более поздний, был лишь в храме 2018–2019 гг. (*XI*). Строительные и конструктивные характеристики этих храмов также очень похожи. При их сооружении использовали вырубленные в скале основания – «постели». Кладка была двухпанцирной с забутовкой из мелких камней, битой керамики, глины и грунта. Храмы покрывала черепичная крыша на деревянных стропилах. В одном храме (*IX*) сохранились остатки вымостки из плинфы, в другом (*XI*) – из отшлифованным каменных плит. В слоях разрушения четырех храмов обнаружены остатки фресковой росписи (*VII, VIII, IX, XI*). Убранству некоторых храмов принадлежали архитектурные детали с врезным, как правило, геометрическим орнаментом, иногда с крестами.

В большинстве малых храмов Эски-Кермена сохранились остатки престола и алтарной преграды. В двух храмах (*IV, VI*) находились небольшие ниши протесиса в стенах слева от апсиды. Таким образом, большинство, а, возможно, и все малые храмы Эски-Кермена были приспособлены для совершения литургии. Почти во всех храмах проводились также погребальные и поминальные обряды, поскольку в комплексе с ними обнаружены разного типа захоронения, в том числе костницы.

Появление малых храмов на плато Эски-Кермен, относят к IX–X вв. и связывают с активизацией городской жизни. Четыре храма (*I, II, IV, V*) находились на подъемной дороге и вблизи главных городских ворот. Три храма (*IV, V, VI*) были построены на месте оборонительных сооружений. Квартальные храмы-часовни (*VIII*, *X*, *XI*) открыты в трех городских кварталах. Один из них (*X*) по археологическим материалам датируется временем не ранее середины X–XI в., другой *(XI)* – рубежом X–XI в. Самым поздним является кладбищенский храм-часовня (*IX*), построенный в XIV в. около разрушенной кафедральной базилики, на месте которой появился некрополь после гибели города в результате набега орды Ногая. Вместе с городом в конце XIII в. погибла, вероятно, значительная часть малых храмов. Вероятно, в более раннее время в результате землетрясения были разрушены храмы в районе подъемной дороги (*I, II, IV*).

Малые наземные храмы известны также в ближайшей округе Эски-Кермена. Остатки одного из них открыты в крепости Кыз-Куле на горном мысе к северо-западу от Эски-Кермена. Предположительно, еще один храм был у его подножия.

Ключевые слова: Горный Крым, Эски-Кермен, церковная архитектура, малые храмы.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

© Завадская И.А., 2022

SMALL CHURCHES IN THE ANCIENT TOWN OF ESKI-KERMEN

Irina A. Zavadskaya
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
zavadskaya_irina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3915-136X

Abstract. First time in the historiography, this article analyses and summarises the information about 10 small churches uncovered on the plateau of Eski-Kermen and a semi-circular carved pit in front of the city gate, which is called the "apse" of the "gate church" that does not survive (*III*). However, the cult purpose of this carved structure remains questionable. The small churches belong to the same time with a single nave (naos) and a semi-circular apse. The narthex, probably of a later date, appeared only in 2018–2019 church (*XI*). The construction and structural characteristics of the churches in question are also very similar. Their builders used the foundations cut into bedrock, or the "beddings." There was two-face masonry with the core of fine stones, broken pottery, clay, and soil. The churches were covered with tiled roof on wooden rafters. There is a church featuring remains of plinth pavement (*IX*), and another one with the pavement of polished stone slabs (*XI*). The destruction layers of four churches contained the remains of fresco paintings (*VII*, *VIII*, *IX*, *XI*). Some of the churches were adorned with architectural details with incised geometrical ornaments, sometimes with crosses. Most of the small churches of Eski-Kermen have preserved the remains of the altar and altar screen. Two churches (*IV*, VI) have small niches of prothesis in the wall to the left of the apse. Therefore, most or possibly all the small churches of Eski-Kermen were adapted for liturgy. Almost all the churches were also used for funeral and commemorative rituals, as different kinds of graves, including ossuaries, occurred in their complexes. The appearance of small churches atop of the plateau of Eski-Kermen has been dated to the ninth and tenth centuries and related to the intensification of urban life. Four churches (*I*, *II*, *IV*, *V*) were located at the access road and near the main town gates. Three churches (*IV*, *V*, *VI*) were built at the sites of former fortifications. Quarter churches (*VIII*, *X*, *XI*) are uncovered in three town quarters. According to the archaeological materials, one of them (*X*) dates from not earlier than the mid-tenth century, and another (*XI*) one the turn of tenth and eleventh centuries. The latest is the cemetery church (*IX*) constructed in the fourteenth century at the ruined cathedral basilica, where the cemetery appeared after the destruction of the town by a raid of Nogay's horde. A great part of the small churches probably perished along with the town in the late thirteenth century. The churches in the access road area (*I*, *II*, *IV*) were probably destroyed earlier, in result of an earthquake. Small above-ground churches are also known in the vicinity of Eski-Kermen. The remains of one of them occur in the fort of Kyz-Kule on a promontory to the north-west of Eski-Kermen. Presumably, there was another church at the foot of this mountain.

***Keywords*:** mountainous Crimea, Eski-Kermen, ecclesiastical architecture, small churches

***Acknowledgments*:** This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 "The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period."

Средневековый город на плато Эски-Кермен изначально развивался как христианский центр, и церковная архитектура являлась ключевым элементом в его градостроительном комплексе. Он вырос на месте основанной византийцами крепости, в центре которой находилась трехнефная базилика, являвшаяся кафедральным храмом города [1, с. 45; 28, с. 144–153]. Ее руины стали достопримечательностью разру-

шенного города задолго до начала археологических исследований городища. Обломки «храма, украшенного мраморными и серпентиновыми колоннами» упомянуты в самом раннем описании Эски-Кермена, которое оставил польский посол Мартин Броневский, посетивший Крым в 1578 г. То, что этот храм и есть большая базилика в центре плато «почти у высшей его точки», первым констатировал Н. Л. Эрнст [45, с. 38]. Со времен Мартина Броневского и до начала археологических раскопок на городище Эски-Кермен из памятников культовой архитектуры была известна только эта базилика и несколько пещерных церквей у городских ворот.

Системные археологические исследования на плато начала экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) под руководством Н. И. Репникова осенью 1928 г. В 1929 г. к организации экспедиции подключились также Академия наук СССР и ГАИМК [43, с. 25–26]. Уже в первые годы раскопок при расчистке подъемной дороги, ведущей к главным воротам города, обнаружили остатки нескольких наземных храмов. Однако, как отмечает сам Н. И. Репников, работы первых двух лет исследований «в силу скромных ассигнований» носили разведочный характер, что, вероятно, отразилось на качестве и полноте фиксации открытых объектов. Их описания зачастую предельно кратки и не всегда последовательны, размеры практически не указаны, не все планы отличаются точностью, полученный при раскопках археологический материал упоминается избирательно.

I. Первым из открытых в 1928 г. оказался так называемый **вырубной храм с усыпальницей**. Его остатки находились на расчищенной скальной площадке на юго-восточном краю плато, к югу от подъемной дороги (рис. 1,*I*; 2[1]; 3) [35, с. 112, рис. 5; 36, с. 190, рис. 47; 37, с. 22–23; 43, с. 25]. Краткое описание храма, оставленное Н. И. Репниковым, дополняют хранящиеся в архиве ИИМК фотографии и выполненный Е. В. Веймарном и В. С. Цукерманом план 1930 г., впервые опубликованный Н. В. Днепровским [23, с. 185, рис. 9] (рис. 3).

Храм был построен из камней на скальных основаниях – «постелях». На момент расчистки сохранился, вероятно, только нижний ряд кладки северной части апсиды «из мелких, неровных камней на плохом растворе» [37, с. 22]. Самым высоким было основание северной стены, устроенное на скальном уступе. Вдоль него внутри храма высечена скамья (рис. 3,*3*). Вблизи апсиды скамья завершается вертикальной вырубкой под алтарную преграду. В центре апсиды был установлен четырехугольный подпрестольный камень. В скальном основании западной стены вырублен дверной проем с порогом и ступенью, ведущей вниз в храм. Уровень пола был ниже поверхности скалы перед храмом. Основание южной стены понижается с запада на восток и в восточной части практически нивелируется до уровня пола. Стены храма были покрыты штукатуркой с примесью рубленой соломы. Следов фресковой росписи не обнаружили. Снаружи храма вдоль основания северной стены по направлению к

[1] Выражаю благодарность А.А. Душенко за проведенную с помощью квадрокоптера аэрофотосъемку храмов (*I, II, III, IV, V*) и других объектов в районе подъемной дороги Эски-Кермена.

апсиде в скале вырублена «неглубокая водоотводная канавка» [37, с. 23, 25]. К востоку от апсиды раскопки не проводились.

В настоящее время бóльшая часть храма заросла густым кустарником и деревьями (рис. 2). Поэтому провести обмеры его остатков без зачистки невозможно. О размерах храма можно судить по указанному плану 1930 г. (рис. 3,*1*), который представляется достаточно точным. Ширина храма внутри, включая толщину западной скамьи, составляла примерно 2,5–2,6 м, длина внутри (до восточной стены апсиды) – примерно 4,1 м, длина наоса (до алтарной преграды у северной стены) – примерно 2,6 м. Внешние размеры с учетом толщины «постелей» и кладки апсиды: ширина – примерно 4,5–4,6 м, длина – примерно 5,3–5,4 м.

В уступе скалы, на котором была основана западная стена храма, слева от входа в него находится пещера – «усыпальница № 100», квадратной в плане формы с закругленными углами [37, с. 23] (рис. 3,*1,3*). Входная стена и потолок частично обрушены, но сохранилась нижняя часть дверного проема и две ступени, ведущие вниз внутрь усыпальницы [35, с. 112]. На полу обнаружили лишь «нетолстый (0,10–0,18 м) слой сильно истлевших костей» [37, с. 23].

К западу от храма на скальной площадке был двор с вырубками разного назначения. В северо-западном углу находится «усыпальница № 99», трапециевидной в плане формы. Ее входное отверстие перекрывали тесанные известняковые плиты, одна из которых (западная) сохранилась *in situ* (рис. 3,*1,2*). На полу было «немного сильно истлевших костей в беспорядке», среди которых нашли «вырезанную из известняка модель часовенки со сквозным вертикальным отверстием» [37, с. 25].

Юго-западнее двора на выступе скалы находятся две вырубные гробницы, которые в 1928 г. были уже пустыми [37, с. 25]. Еще три таких же гробницы (разной длины) сохранились на обвалившейся глыбе, лежащей у подножия скального выступа, продолжением которого эта глыба была до обрушения (рис. 2).

Скальная глыба с гробницами откололась своей северной стороной от основного массива плато по глубокой трещине, продолжающейся к востоку и пересекающей западную часть двора и всю территорию храма почти по оси запад-восток (рис. 2,*1*; 3,*1-3*). Еще одна глубокая трещина проходит внутри храма по диагонали (рис. 3,*2*) (она также хорошо видна на опубликованном фото: [37, с. 31, рис. 13]). Судя по размерам и местонахождению, эти трещины, безусловно, сейсмического происхождения, могли нарушить целостность храма. Скорее всего, уже после прекращения его функционирования под основанием южной стены вырубили пещеру хозяйственного назначения, названную Н. И. Репниковым «хлевом» [35, с. 112].

II. Высеченное в скале основание еще одного **малого храма** сохранилось **на скальной глыбе, лежащей у подножия горы** к юго-западу от обломка скалы с гробницами (рис. 1,*II*). Глыба с остатками храма является самой крайней из крупных осколков, отколовшихся от южной оконечности эски-керменского плато. Как видно на аэрофотоснимке, она лежит на одной линии со скальной площадкой, на которой расположены описанные выше остатки двора и храма 1928 г., а также с

участком с двумя гробницами и обломком с тремя гробницами (рис. 2,*1*). Вероятнее всего, что до обрушения все эти части были продолжением друг друга, и глыба с храмом примыкала к глыбе с гробницами, а не к соседнему (к северо-западу) выступу скалы, как реконструировал изначальное местоположение храма Н. И. Репников [37, с. 21, 29, рис. 8, 11]. На этом выступе не виден упоминаемый Н. И. Репниковым «уцелевший след края апсиды» [37, с. 22]. Более того, непосредственно под выступом есть два относительно крупных обломка скалы, которые откололись именно от него (рис. 2,*2*).

Глыбу с основанием храма исследовали, вероятно, в начале 1930-х гг. (в 1931 или 1933 гг.), когда шла зачистка подъемной дороги. Впервые Н. И. Репников очень кратко упоминает о ней в статье, посвященной подъемной дороге, в которой также впервые опубликован план этой дороги с указанием предположительной изначальной локации храма (пунктиром) [37, с. 22, рис. 8, 11]. К 1933 г. относится хранящийся в архиве ИИМК черновик полевого чертежа этого плана, фрагмент которого со схемой храма опубликован в статье Н. В. Днепровского [23, с. 160, 184, рис. 7]. В этой же статье автор приводит подробное описание остатков храма с указанием размеров всех сохранившихся частей[2], а также созданный по авторским обмерам план и несколько фотографий [23, с. 160–161, рис. 8, фото 16–19] (рис. 4,*1*).

В настоящее время скальная глыба со всех сторон окружена густыми зарослями кустарников и деревьев. Ее поверхность с остатками храма сильно наклонена к югу по отношению к земле. По измерениям Н. В. Днепровского, суммарный уклон пола достигает 50^0 [23, с. 160]. Относительно хорошо сохранилась вырубленная в скале восточная часть храма – основания северной и южной продольных стен, длиной 1,7 м и 2,55 м соответственно, и основание кладки апсиды. Отбит лишь край апсиды. Сохранившаяся длина (глубина) апсиды составляет 1,16 м. Максимальная высота оснований стен – 0,54–0,7 м [23, с. 160–161]. В апсиде находится высеченное в скале четырехугольное основание престола, смещенное примерно на 20 см к северной стене. Его размеры: 0,39–0,41х0,51–0,54 м, сохранившаяся высота – 0,43–0,48 м. В апсиде с правой стороны расположен треугольный выступ высотой 0,36–0,43 м и длиной внутренних сторон 0,42 м и 0,75 м. Н. В. Днепровский интерпретирует этот выступ как сидение для священника [23, с. 160–161]. Ширина апсиды по линии входа без учета сидения – 1,84 м и по верхнему краю оснований противоположных стен, включая сидение – 2,37 м. Согласно нашим измерениям, ширина храма внутри по верхнему краю оснований северной и южной стен – 2,8 м[3]. Западная стена храма не имела четко выраженного скального основания, и ее внутренняя граница определяется предположительно по поперечной (по отношению к продольной оси храма) неглубокой подрубке с нечеткими очертаниями на расстоянии примерно 3,1 м от

[2] Промеры этого и последующих сооружений (*II, III, IV, V*), выполненные Н. В. Днепровским, в основном совпадают с нашими измерениями.

[3] По данным Н. В. Днепровского, ширина наоса равна 2,64 м по уровню пола и 2,95 м по уровню кромки «северной» стены [23, с. 161].

начала апсиды[4]. Если принять во внимание эту величину, то длина храма внутри вместе с сохранившейся частью апсиды составляет примерно 4,26 м. В таком случае, реконструируемая полная внутренняя длина храма – 4,5 м вполне возможна [23, с. 161]. За основанием южной стены храма находится вырубленная в скале могила. Ее длина по верхнему краю – 1,98–2,00 м, ширина в восточной части – 0,44 м, в западной части – 0,49–0,51 м, глубина – 0,30–0,32 м. Археологические материалы, относящиеся к храму, не выявлены.

В 1929 г. экспедиция Н. И. Репникова обследовала комплекс главных городских ворот, находившихся в вырубленном в скале коридоре, ведущем на главную продольную улицу города. Были зачищены участок перед воротами, место самих ворот, начало улицы, пещерные сооружения в отвесных стенах скального коридора и в основании скалы перед ним, а также поверхность скалы по обе стороны проезда. В рамках нашего исследования особый интерес представляют остатки сооружений на восточном и западном выступах скалы перед воротами, в самом начале проездного коридора (рис. 5).

III. На восточном выступе, справа от входящего в город, находится один из наиболее спорных объектов, открытых в этой части городища. Это так называемый **«скругленный вырез в камне с квадратным углублением в полу»** [35, с. 127–128] (рис. 1,*III*; 4,*2*). Эта вырубка отражена на общем плане поверхности скалы и сооружений, открытых в 1929 г. у городских ворот [опубликован: 23, с. 180, 183, рис. 2, 5] (рис. 5). Ее форма приближена к квадрату с почти прямыми двумя сторонами, с закругленными углами и слегка дуговидно изогнутой восточной стороной. Длина по центральной оси – 1,58 м, ширина – 1,65 м, максимальная глубина – 0,80 м. Размеры углубления: 0,40–0,43х0,50 м, глубина – 0,12 м. Углубление смещено к северной стене примерно на 10–12 см.

Форма и ориентация на восток, а также расположенное почти в центре углубление, которое могло быть местом престола, дали основание Н. И. Репникову видеть в этой вырубке апсиду часовни. Ее продолжением он считал высеченные в скале основания стен и нижние ряды «поздних кладок», обнаруженные на противоположном, западном выступе. Пытаясь соединить эти два объекта в одно сооружение, он допустил, что его средняя часть (над дорогой) проходила по деревянным лежням, перекрывавшим проход к воротам [35, с. 128]. Эта идея не была поддержана другими исследователями, поскольку техническая невозможность такой конструкции вполне очевидна. Продольные оси «восточной апсиды» и сооружения на западной «площадке» не совпадают, к тому же эти объекты находятся на разных уровнях (рис. 4,*3*). Скальный пол «восточной апсиды» в среднем на 1 м (99–103 см) выше уровня пола западной «площадки»[5]. Уже Е. В. Веймарн рассматривал эти объекты как остатки двух разных сооружений, а именно часовен [17, с. 20–21]. Высеченная

[4] Эта величина согласуется с планом, опубликованном Н. В. Днепровским, хотя в тексте автор указывает расстояние в 3,25 м [23, с. 160, 184, рис. 8].

[5] Выражаю благодарность А. Е. Катюшину за проведение теодолитной съемки упомянутых объектов.

в скале «алтарная часть», по его мнению, принадлежала «поздней часовне, устроенной над воротами». В незаконченной монографии Е. В. Веймарна и М. Я. Чорефа допускается, что здание часовни могло быть деревянным [16, л. 36 (70)][6]. Следами подпорок пола этой часовни Е. В. Веймарн считал «пять пар выбоин» в «ступенеобразной обочине въезда» перед воротами[7] [17, с. 20; 16, л. 36 (70)]. Однако, как вполне справедливо отметил Н. В. Днепровский, вырубки-гнезда под деревянные конструкции по своему местонахождению лишь частично соотносятся с положением апсиды [23, с. 156] (рис. 4,*2*). В основном они расположены к северу от нее, непосредственно перед местом, где находились главные ворота, следовательно, быть опорой для наоса храма не могли. Н. В. Днепровский высказал идею, согласно которой основанием «надвратного» храма был каменный свод, перекрывавший воротный проезд. В свою очередь, основанием каменного свода, по мнению автора, была уже упомянутая «ступенеобразная обочина», суживающая проезд перед воротами [23, с. 157]. Изучив подрубки под оборонительные стены вокруг апсиды «надвратного храма», он предположил, что эта апсида «или нечто, находившееся на этом месте, была вписана в структуру внешней стены», т.е. «надвратный храм» был сооружен одновременно с внешней (оборонительной) стеной [23, с. 153]. Автор допускает, что данный храм примыкал к надвратной башне и оба сооружения соединялись входом [23, с. 156]. А. Ю. Виноградов вполне обоснованно опроверг возможность нахождения храма перед лицевой стеной башни, так как это бы полностью лишило ее оборонительной функции [19, с. 175]. Тем не менее, признавая существование «надвратного храма», А. Ю. Виноградов, так же как Н. И. Репников и Е. В. Веймарн, считает, что он мог появиться только после разбора оборонительных стен и надвратной башни при хазарах, скорее всего, после восстановления византийской администрации в Горном Крыму в 840-е гг. [19, с. 175].

Таким образом в историографии укрепилось мнение о том, что на Эски-Кермене был «надвратный храм», от которого сохранилась только апсида. Однако все предложенные реконструкции этого сооружения весьма противоречивы и не вполне учитывают все особенности архитектурного пространства у эски-керменских ворот. Прежде всего, эта «апсида» находится перед, а не над воротами. Как уже было отмечено, совершенно очевидно, что она изначально была вписана в оборонительную систему восточного выступа скалы: справа и слева от нее сохранились непосредственно примыкающие к ней подрубки – «постели» под стены, причем основание стены с южной (правой) стороны примерно на 35 см выше основания с северной стороны. «Апсида» была как бы вклинена между двумя участками стен. Стена с южной стороны, судя по направлению «постели», поворачивала на восток и северо-восток, повторяя контур скалы. На поверхности скалы вблизи «апсиды» нет никаких «постелей» под кладку ее стены, что достаточно ясно видно на аэрофотоснимке, на котором, в частности, заметна подпрямоугольная подрубка (водосток?),

[6] Цитата из этой работы опубликована в: [23, с. 152].

[7] Н. И. Репников также считал, что гнезда, расположенные именно под апсидой «в обрезе стены прохода», были предназначены «для установки концов деревянных брусьев-лежней», которые несли на себе деревянный пол «средней части часовни» [цитата из отчета 1929 г., хранящегося в архиве ИИМК, опубликована в: 23, с. 150–151].

соединяющая «апсиду» и «постель» южной стены (рис. 5,*2*). Таким образом, у нас нет оснований говорить, что над полукруглым углублением были каменные стены и перекрытие. Данное сооружение вряд ли имело продолжение за рамками среза скалы. Уже упоминавшиеся вырубки-гнезда (пазы), которые практически симметрично расположены на скальных выступах с обеих сторон дороги, вблизи городских ворот, чаще всего связывают с оборонительными предвратными конструкциями начального этапа существования крепости[8]. Их использование было бы несовместимо с функционированием «надвратного храма», т.к. часть этих пазов находится на уровне северной части так называемой «апсиды» (рис. 4,*2*). Вряд ли возможен и основанный на скальных выступах каменный свод, который перекрыл бы эти пазы. Скорее всего, углубление с закругленными углами на подошве восточного выступа скалы возникло одновременно с ранневизантийским оборонительным комплексом вблизи городских ворот. По мнению исследователей, выступы скалы по обе стороны дороги играли роль предвратных боевых площадок [17, с. 21; 1, с. 43]. Вопрос о том, какую функцию выполняло рассмотренное сооружение, оборонительную или культовую, если учитывать прямоугольную выемку в центре, пока остается открытым.

IV. На западном выступе скалы в самом начале дороги (слева от входящего) сохранились остатки **малого храма-часовни с усыпальницей**, зачищенные также **в 1929 г.** [35, с. 128] (рис. 1,*IV*; 5). Как уже отмечалось, то, что этот храм не являлся продолжением «восточной апсиды» (в этой статье – *III*), как предполагал Н. И. Репников, а был отдельным сооружением, первым отметил Е. В. Веймарн [17, с. 21].

Храм находился на площадке перед вертикально срезанной скалой, выполнявшей роль его северной стены, в нижней части которой была вырублена продольная скамья. В середине этой стены над скамьей находится пещера – «усыпальница № 68» (рис. 4,*3,а*; 5,*1,а*). В восточной части скамьи вырезан вертикальный паз от алтарной преграды, а над скамьей, в апсиде – ниша протесиса (рис. 4,*3,б*), согласно интерпретации Н. В. Днепровского, с которой согласился А. Ю. Виноградов [23, с. 154; 19, с. 174]. От храма также сохранились вырубленные в скале основания западной и частично южной стен, а также северная часть основания апсиды. Юго-восточная часть храма, включая бóльшую часть апсиды, полностью утрачена. Остатки храма и усыпальницу достаточно подробно описал Н. В. Днепровский[9] [23, с. 153–155].

Общие размеры храма (согласно нашим данным): ширина внутри у западной стены – 1,96 м, в центре – 2,16 м и перед алтарной преградой – 2,13 м, сохранившаяся длина – 4,03 м. Длина наоса (от основания западной стены до подрубки под алтарную преграду) – 2,28 м, ширина подрубки под алтарную преграду – 0,17 м, сохранившаяся длина алтарной части – 1,58 м[10].

[8] Н. И. Репников рассматривал данные пазы как свидетельство использования железной решетки «катаракты» и «шандорных» переборок из брусьев для усиления обороны городских ворот [35, с. 123; 36, с. 192]. А. Ю. Виноградов предположил, что это были пазы под балки, поддерживавшие боевую площадку перед надвратной башней [19, с. 175].

[9] В статье Н. В. Днепровского опубликована большая цитата из отчета о раскопках Н. И. Репникова за 1929 г., а также план и разрезы поверхности скалы у городских ворот из материалов Эски-Керменской экспедиции, хранящихся в архиве ИИМК [23, с. 150–151, рис. 2–5].

[10] Поскольку скальные вырубки оснований стен не имеют прямых линий, углов и откосов, в приведенных измерениях могут быть погрешности в пределах 1–3 см.

Судя по не вполне определенным описаниям Н. И. Репникова, «усыпальница № 68» была вырублена под основанием «боевой стены» или «южной стены башни» [35, с. 128; цитата из отчета 1929 г.: 23, с. 150]. Поскольку на этом месте впоследствии была построена из камня верхняя (несохранившаяся) часть северной стены храма, этот вопрос заслуживает внимания. Как видно на плане 1929 г., немного дальше к северу от места этой стены зачистили ряд из пяти крупных тесанных блоков, находившихся на скальном основании вдоль дороги (рис. 5,*1*). Пятый, крайний с севера блок был повернут по отношении к остальным почти перпендикулярно. Н. И. Репников считал, что это были облицовочные камни нижнего ряда прямоугольной башни, которая находилась над проездом [36, с. 193]. По реконструкции Е. В. Веймарна, это были остатки надвратной башни, перекрывавшей ворота и проезд за ними. От южной стены башни на восток и запад «отходили основные крепостные стены» [17, с. 16, 21, рис. 6]. Согласно этой реконструкции, северная стена храма-часовни была построена на месте примыкавшей к башне с запада оборонительной стены, а не собственно «на остатках этой башни» [36, с. 193]. По той же реконструкции, остальная часть храма была построена на месте боевой площадки [17, с. 21]. Вероятно, позднее Е. В. Веймарн внес изменения в свою реконструкцию, т.к. в уже упомянутой его совместной с М. Я. Чорефом неизданной работе предполагается, что весь западный выступ до появления там церкви занимала боевая башня [16, л. 36 (70); 23, с. 152].

Как признают все исследователи, этот храм-часовня построен после ликвидации оборонительных сооружений у главных ворот. Фортификация Эски-Кермена была упразднена при хазарах, подавивших антихазарское восстание, которое произошло в Готии между 784 и 787 гг. [2, с. 217–219; 3, с. 240]. Строительство храма, скорее всего, стало возможным после возвращения Горного Крыма под управление Византии и создания фемы Климатов в 841 г. [2, с. 222–223]. Это подтверждается, в частности, находками из упоминавшейся «усыпальницы № 68», которая, скорее всего, была вырублена одновременно с храмом в его северной стене. Как следует из отчета Н. И. Репникова, на дне усыпальницы в слое перемешанных костей (толщиной до 12 см) были найдены «височное кольцо, согнутое из медной проволоки с несомкнутыми концами, медная пуговка, два стеклянных браслета синего стекла (один из них расписан белыми узорами) и обломок стаканчика зеленоватого стекла» [цитата из отчета Н. И. Репникова: 23, с. 150–151]. Эти находки традиционны для погребений конца IX – XI в. [1, с. 47; 6, с. 426].

Датировка этого храма XII–XIII вв., предложенная Н. В. Днепровским, представляется неоправданно поздней [23, с. 156]. Авторы типологии пещерных храмов, на которую он ссылается, к этому времени относят «перемещение протесиса в алтарную апсиду» [20, с. 75]. Однако они же замечают, что ниша протесиса (так же как и углубление под св. мощи в престоле) могли вырубаться уже после появления храма [20, с. 77].

С рассматриваемым храмом, скорее всего, также связана вырубленная в скале к западу от него прямоугольная могила № 69 с заплечиками [35, с. 128] (рис. 5,*1,б*). Ее длина – 2,0 м, ширина – 0,4–0,5 м, глубина – 0,54–0,66 м. Как следует из отчета Н. И. Репникова, она была «полна доверху перерытыми костями, средней сохранности, среди которых найдены обломки стеклянного сосуда» [цитата из отчета 1929 г.: 23, с. 151].

Разрушение храма-часовни, скорее всего, связано с сейсмическим событием, в результате которого образовалась мощная трещина в скале, пересекающая юго-восточный край плато. На аэрофотоснимках она прослеживается от самого начала плато до места главных ворот и пещерного храма «Судилище», потолок которого рухнул по ходу трещины (вероятно, уже в новое время) (рис. 6,*2*). Эта трещина расколола западный скальный выступ, на котором был храм. В результате неизбежно была повреждена его юго-восточная часть с апсидой, а, возможно, и разрушено все здание. В любом случае, после этого отколовшуюся часть скалы удалили и в обрезе выдолбили пещеру[11]. Наружный контур ее входной стены и порога точно очерчены трещиной. Вход в пещеру оказался под бывшей апсидой храма.

В 1929 г. на скальном фундаменте западной стены обнаружены остатки кладки, зафиксированные на общем плане и разрезах поверхности скалы у главных ворот [35, с. 128; цитата и план из отчета Н. И. Репникова: 23, с. 151, 180, рис. 2] (рис. 5,*1*). Судя по (до сих пор неопубликованной) фотографии того времени, раскопки открыли два ряда по пять тесанных разновеликих камней в каждом ряду, два камня в третьем ряду и, вероятно, один камень в четвертом ряду, который практически достигал западного (пониженного) уровня скальной площадки (рис. 6,*1*). Эта кладка могла остаться после разрушения храма и служить в качестве забора. К позднему времени относится ряд из 5 более мелких камней, не вполне ровно уложенных вдоль основания южной стены, которые также видны на плане, разрезе и фотографии 1929 г. Скорее всего, после трансформации западного выступа в его южной части, слева от остатков храма и пещеры, появилась высеченная в скале лестница. При ее строительстве был стесан наружный (южный) угол основания западной стены храма. Эта лестница вела на площадку к западу от храма, а не к храму, вход в который был, скорее всего, в западной части южной стены, где сохранилось небольшое понижение «постели» [23, с. 154–155].

Таким образом, привратный храм с запада от городских ворот перестал существовать еще до того, когда город был разрушен. Причиной этого, скорее всего, являлось землетрясение, в результате которого храм был поврежден, а затем разобран.

V. В районе подъездной дороги и главных ворот города находился еще один **малый храм**. Его остатки обнаружили в **1930 г. на верхней скалистой площадке т.н. башенного комплекса** («пещерного каземата» или «башенного каземата»), возвышающегося у начала подъема на городище по скальной дороге (рис. 1,*V*; 7). Этот комплекс, в виде созданной природой скальной башни с выдолбленным в верхней ее части пещерным казематом и сооружениями на ее поверхности, являлся важным объектом южного узла оборонительной системы города [36, с. 186–187; 17, с. 22–23; 25, с. 95–101]. Н. И. Репников предполагал, что «часовня» была построена после гибели стены, от которой остались лишь вырубки «постели» [36, с. 187]. Е. В. Веймарн также считал, что над пещерным казематом (по его нумерации – I) были «боевые стены»[12] [17, с. 23]. Н. В. Днепровский усомнился в том, что на этом месте храму мог-

[11] Эта пещера под № 87 отмечена на составленном В. Е. Веймарном плане Эски-Керменского городища с указанием пещер и очень кратко им описана [14, л. 4; 15, л. 82].

[12] В отличие от Н. И. Репникова, по мнению которого оборона дороги в город велась из бойниц пещерного каземата, Е. В. Веймарн отводил им роль машикулей для защиты только «щелей, лежавших по обе стороны» каземата. Оборону дороги и находившихся на третьем (верхнем) марше ворот А, по

ли предшествовать оборонительные сооружения – стена или башня [25, с. 96–97]. Он склонен допускать, что храм был изначально архитектурной доминантой на этом участке, являясь «твердыней метафизической», в то время как «пещерный каземат осуществлял функцию физической защиты», а также вмещал в себя хозяйственный комплекс. Храм и каземат, по его мнению, были частью «крупного общежительного монастыря», расположенного у южных ворот Эски-Кермена [25, с. 96–101].

Следует отметить, что Н. И. Репников в своем очень кратком описании не отождествляет «вырубки «постели» стены, снесенной без остатка» со скальным основанием «часовни», как на это указывает Н. В. Днепровский [25, с. 96]. Н. И. Репников лишь отмечает, что после гибели стены «здесь» построили «часовню», фундаменты которой «вскрыли раскопки» [36, с. 187]. Поэтому рассуждать о боевой стене и ее расположении по остаткам основания часовни не корректно. Не имеет смысла также попытка доказать, что боевая башня не могла находиться на этом месте, т.к. тонкая «скорлупа» скалы ее бы не выдержала [25, с. 97]. Никто из исследователей не утверждал, что здесь была построенная из камня башня.

Результаты раскопок башенного комплекса и открытые строительные остатки не были детально описаны. О них можно судить лишь по чертежам и фотографиям 1930 г. (рис. 7,*2*; 8), а также по сохранившимся скальным вырубкам.

Нет сомнений в том, что именно с часовней связаны ступенеобразные вырубки под южную стену, южное плечо и апсиду (рис. 7,*1,3*). Однако на скальной площадке есть свидетельства предшествующего часовне строительного периода. К ним относится водосток, который хорошо прослеживается от места вблизи подалтарного камня (столба) в апсиде, затем почти под прямым углом он поворачивает на северо-запад и продолжается до края скалы, где расходится на два или три стока. После сооружения храма водосток оказался внутри наоса, вдоль его северной стены. На востоке он был перекрыт крупным хорошо тесанным каменным блоком северного плеча апсиды, а на западе – кладкой западной стены. Водосток начинался южнее храма, вероятно, двумя стоками, которые сходились на месте будущей апсиды. Часть водостока была уничтожена вырубкой южного основания апсиды.

Скорее всего, изначально не связана с храмом также неглубокая (желобообразная) подрубка вдоль основания его южной стены. На востоке эта подрубка длиннее стены, а в юго-западной части площадки она поворачивает под тупым углом (двумя изгибами) на север. Направление западной части подрубки не совпадает с направлением кладки западной стены часовни, от которой на момент раскопок сохранилось несколько камней от наружного панциря (рис. 7,*1,2*). Следовательно, эта подрубка не предназначалась для часовни. Вполне вероятно, она отмечает границу предшествовавшей часовне оборонительной стены, которая, в таком случае, находилась максимально близко к округлому краю скалы.

Около подрубки с внутренней (восточной) стороны в скале сохранились остатки сужающегося книзу круглого углубления с верхним диаметром не менее 30 см (рис. 7, *1,2*). Оно частично обломано при обрушении скального пола. Вероятно, это было гнездо для установки сосуда. Судя по расположению, оно могло находиться рядом с границей предполагаемой оборонительной стены.

его мнению, могли вести только с боевых стен, расположенных над пещерным казематом [17, с. 23].

Связанные со строительством часовни ступенеобразные подрубки скалы с южной стороны были нужны для выравнивания пола будущего храма. Сохранившиеся кладки стен были трехслойными – с внутренним и внешним панцирями и забутовкой между ними. Как видно на плане и фотографии 1930 г., нижний ряд внутреннего панциря южной стены, сложенный из штучных, хорошо тесанных каменных блоков, находился на ровной поверхности пола, вдоль скальной подрубки-выступа (рис. 7,*2*; 8,*2*). Внешний панцирь не сохранился, но, скорее всего, он находился на этом выступе, который служил ему основанием.

Северная стена не имела высеченной скальной «постели». В настоящее время на поверхности скалы от нее не осталось следов. Раскопками были открыты нижние ряды кладки восточной части этой стены, состоящей из разновеликих камней (рис. 8,*2,3*). Последний блок на западном конце был положен поперек кладки. Не исключено, что он оформлял дверной проем и, в таком случае, вход в храм мог быть в западной части северной стены. Это тем более вероятно, что вход в западной стене, находившейся очень близко к округлому краю скалы, был бы не удобен и опасен.

От западной стены раскопками открыто 4 рядом стоящих *in situ* каменных блока наружного панциря северной части стены и 1 блок, южнее, вероятно, сдвинутый с линии стены, поскольку он находился под углом к предыдущим (рис. 7,*2*; 8,*1*). Не исключено также, что западная стена не была прямой и имела небольшой изгиб примерно в середине своей длины, что могло бы свидетельствовать о попытке строителей вписать эту стену в подрубки от предыдущего сооружения (оборонительной стены).

Апсида храма отделена от наоса с южной стороны ступенеобразной подрубкой, на которой сохранилось округлое углубление, вероятно, для установки небольшой колонки у входа в апсиду (рис. 7,*1*). За этим углублением (не отмеченным на плане 1930 г.) находился крупный, хорошо тесанный прямоугольный каменный блок, аналогичный блоку, установленному с противоположной стороны входа в апсиду (в северном плече) (рис. 8,*2*). Раскопками открыто несколько (2–4) рядов кладки апсиды. Снаружи верхний ряд состоял из таких же крупных, хорошо тесанных прямоугольных каменных блоков, лежавших на камнях меньшего размера, выполнявших роль цоколя (рис. 8,*1*). Цоколь состоял из одного ряда на выступающем скальном основании в южной и восточной частях, и из двух рядов в северной части, где основание понижается. Внутренний панцирь апсиды был выложен из небольших тесанных камней с соблюдением порядовки (рис. 8,*2*). На момент раскопок сохранилось 3–4 ряда кладки. Как видно на фотографии, нижний ряд был выложен перед скальным основанием, благодаря чему получился относительно округлый внутренний абрис апсиды. Уровень скального пола в апсиде был такой же, как и в наосе. Примерно в центре апсиды, со сдвигом к южной стене установлен сохранившийся до сих пор подпрестольный камень (рис.7; 8,*2*). Он был вставлен в вырезанное в скале прямоугольное гнездо. Размеры камня – 0,23х0,32 м, сохранившаяся высота – 0,53 м.

Точные размеры храма в настоящее время определить сложно, поскольку северная и западная стены не имели видимых в скале оснований. По сохранившимся остаткам и плану 1930 г. (рис. 7,*2*), можно установить следующие параметры. Размеры апсиды внутри: длина – 1,2 м, ширина – 1,5 м, наос внутри: длина – около

3,7 м, ширина – 3,0–3,1 м. Примерные размеры храма снаружи: длина – около 6,2 м, ширина – около 4,3 м.

Археологических свидетельств, датирующих время появления и разрушения храма, не сохранилось. Скорее всего, на этом месте ему предшествовали оборонительные и хозяйственные комплексы. С обрушением храма, вероятно, связан пролом скалы в его центре, который мог образоваться от рухнувших внутрь стен. Тот факт, что храм не восстановили и полностью не разобрали, позволяет предположить, что он погиб вместе со всем городом.

VI. На западном участке оборонительной системы Эски-Кермена еще **на одном сильно выступающем, высоком башнеобразном мысе**[13] в 1929 г. обнаружили остатки **малого храма с усыпальницей** (рис. 1,*VI*). Н. И. Репников и позже Е. В. Веймарн были уверены, что «небольшую часовню» построили на основании боевой башни, которое представляло собой «квадратную выемку» в скале [35, с. 131; 36, с. 187; 17, с. 41] (рис. 9). Н. В. Днепровский, подвергнув сомнению этот вывод, перечислил ряд факторов, которые, по его мнению, ставят под сомнение «целесообразность боевого применения подобной “башни”» и подтверждают, что ее «боевая ценность… близка к нулевой» [24, с. 71–72]. Прежде всего, он указывает на «невыгодное» местоположение и высокую вероятность захвата неприятелем такой башни, поскольку она соединялась с основной частью плато незащищенным узким перешейком, находилась ниже самого плато, а склон горы по обе стороны мыса был «вполне проходимый». В то же время, это место он считает подходящим для храма. Предваряя этот вывод, он делает достаточно правдоподобное и перспективное предположение о том, что «расщелины по бокам от скального выступа» могли быть перекрыты крепостными стенами. И хотя раскопки до сих пор там не проводились, Н. В. Днепровский указывает на выступ в скале с северной стороны мыса, который может быть свидетельством такой стены [24, с. 71–72]. Следовательно, подходы к вершине мыса могли быть достаточно хорошо защищены. В таком случае, высказанный автором аргумент об уязвимости башни и, как следствие, невозможности ее существования на этом месте не убедителен.

Важным обстоятельством является то, что апсида храма была вырублена в северной стене «квадратной выемки», в связи с чем алтарная часть ориентирована на север. Необычную ориентацию храма, так же, как и неудобное место расположения апсиды, основание которой находится на самом краю покатого склона, совершенно справедливо отметил Н. В. Днепровский [24, с. 75]. При этом он подчеркнул, что на скальной площадке было достаточно места для того, чтобы разместить храм вместе с усыпальницей канонически правильно, т.е. апсидой на восток. Пытаясь объяснить, «что же заставило строителей… создать себе такие существенные проблемы», исследователь обратил внимание на то, что алтарь храма сориентирован на укрепление Кыз-Куле, находящееся на плато горного мыса к северо-западу от Эски-Кермена. В результате он пришел к выводу, что храм выполнял «дозорную функцию» и был частью «небольшого монастырского комплекса», в который входили также две пещеры – № 37 и № 38, вырубленные соответственно в юго-восточном и западном склонах этого мыса ниже скальной площадки с храмом (рис. 9,*1,Б,В*). Пещеру

[13] По нумерации Е. В. Веймарна – мыс, башня X [17, рис. 3 (вкладыш между с. 10 и 11), с. 41].

№ 37 он называет кельей привратника, № 38 – трапезной и местом отдыха «дежурной смены» монахов. По логике автора, весь комплекс был монастырским потому, что «лучших стражей, чем монахи с их длительными богослужениями, придумать было трудно» [24, с. 75–76].

Как правильно заметил Н. В. Днепровский, соседняя башня Кыз-Куле хорошо видна из апсиды храма (рис. 10,*2*). Однако вряд ли можно согласиться с тем, что ее сооружение на этом месте было связано именно с этим обстоятельством. Крохотная апсида, большую часть которой занимал престол, была бы не лучшим (если вообще возможным) местом для ведения дозора. Даже если предположить, что в стене апсиды было окно, как правило, очень небольшое, учитывая толщину стены обзор был бы крайне ограничен.

Представляется более логичным объяснение «неудобства» и неканоничности расположения апсиды тем, что она была вписана в уже существующее основание предыдущего сооружения, в котором вход был в восточной стене. Абсолютно можно согласиться с тем, что это место очень удобно для наблюдения и дозора, а также визуальной связи с близлежащим укреплением. Однако дозорную функцию, скорее всего, могла выполнять расположенная там небольшая башня, боевая ценность которой, возможно, была невелика, как это отметил Н. В. Днепровский.

Не убедительна также попытка пересмотреть принадлежность «следа раствора извести (с толченой черепицей)», обнаруженного при раскопках на поверхности «постелей» в северо-западном углу «квадратной выемки». По мнению Н. И. Репникова, на этом растворе «лежала кладка древней башни» [36, с. 187; цитата из отчета Н. И. Репникова: 24, с. 70]. Н. В. Днепровский, сославшись на то, что применение известкового раствора с толченой керамикой, или цемянкой, в оборонительных сооружениях Эски-Кермена «более нигде не описывалось», считает, что указанные «следы» принадлежали первоначально существовавшему на этом месте «добротно выстроенному на цемяночном растворе храму из хорошо отесанных камней» [24, с. 73–74].

Сам по себе цемянковый раствор не может определять назначение сооружения, тем более давать повод для подобной реконструкции. Стены Эски-Кермена еще недостаточно изучены, чтобы исключать вероятность находки такого раствора на других участках обороны. Это вполне возможно, если учесть, что в Херсонесе, откуда, скорее всего, приезжали строительные артели на Эски-Кермен, цемянковый раствор обнаружен в кладках как храмов, так и оборонительных стен [46, с. 84, 90, 92, 96].

Ко времени раскопок 1930 г. на скальных основаниях «квадратной выемки» никаких остатков кладки не сохранилось. По описанию Н. И. Репникова, «стены часовни были сложены из некрупных камней на плохом растворе», развал которых, вероятно, обнаружили внутри выемки [35, с. 131]. Там же было много фрагментов черепицы, что позволило сделать вывод о черепичной крыше на деревянных стропилах [цитата из отчета Н. И. Репникова: 24, с. 70]. В отчете Н. И. Репников указал также на разницу в «характере рубки» апсиды и усыпальницы по сравнению с квадратной выемкой [24, с. 70]. Кроме того, отличие заключается и в том, что скальные стены этой выемки расширяются кверху, т.е. имеют наклон наружу, а в апсиде они вырублены прямо или сужаются кверху, т.е. имеют наклон внутрь, что, скорее всего, также может указывать на разновременность этих частей храма (рис. 10).

Мыс изначально имел округлую, покатую поверхность, поэтому относительно глубокая (от 40 до 70 см) вырубка в скале была необходима для выравнивания пола будущего сооружения. Сохранившиеся ступенеобразные выступы – «постели» на поверхности скалы учитывают конфигурацию всех частей храма, включая апсиду и усыпальницу. Следовательно, они вырублены при строительстве храма и усыпальницы на месте «постелей» башни, которые, вероятно, были изменены или уничтожены. Ширина «постелей» храма относительно невелика – около 30–40 см, это значит, что они служили основанием только для внутреннего панциря. Внешняя часть кладки проходила вдоль выступов по скале.

К периоду строительства храма относятся также вертикальные пазы для установки алтарной преграды, расположенные симметрично в нижней части восточной и западной (боковых) скальных стен. Упоминание о них есть и в отчете Н. И. Репникова [цитата из отчета: 24, с. 70].

Важно отметить еще одну деталь, вероятно, связанную с храмом и до сих пор не отмеченную исследователями. В «постели» западной стены в северной части, вблизи апсиды сделана вырубка, практически нивелирующая выступ «постели», но сохранившая невысокий и неровный узкий выступ-гребень с наружной стороны (рис. 9,*2*). Поскольку эта вырубка находится в зоне алтарной части, отделенной от наоса алтарной преградой, можно предполагать, что она являлась нишей протесиса. Стеной ей служила кладка внешнего панциря западной стены.

Примерно в середине апсиды (близко к полукружию) находился «квадратный каменный престол из целого камня» [24, с. 70], не сохранившийся до наших дней. Судя по фотографии времени раскопок, высота подпрестольного столба, у которого уже тогда был «верх обломлен», составляла около 60 см (рис. 10,*1*). Пол в апсиде ниже пола в наосе примерно на 8 см [24, с. 75].

Как уже было отмечено, вместе со строительством храма в южной скальной стене устроили «усыпальницу № 84» с нишей-лежанкой вдоль задней стены (рис. 9,*1*; 10,*2*). Усыпальница углублена в пол и расширяется книзу. Часть ее скального потолка, которая была еще во время раскопок, сейчас полностью утрачена. Среди перерытых костей в 1930 г. нашли «медную пуговку полую внутри с продольным прорезом…» [цитата из отчета: 24, с. 70]. Бронзовые пуговицы известны в комплексах могильника на склоне Эски-Кермена вместе с браслетами из синего стекла, которые появляются в Крыму с рубежа IX–X вв. [6, с. 426].

Археологические материалы, относящиеся ко времени сооружения храма, не сохранились. Скорее всего, он появился после разрушения (разборки) существовавшей на этом месте ранневизантийской сторожевой (дозорной) башни. По предположению Н. И. Репникова, храм погиб от пожара, поскольку в заполнявшей его земле находились угли [цитата из отчета: 24, с. 70]. В слое разрушения обнаружены также фрагменты поливной керамики, в числе которых «низкая тонкостенная глиняная чашечка, облицованная изнутри и снаружи желтовато-зеленой поливой, по краю и дну процарапанный узор дает под глазурью темно-коричневый тон» [24, с. 70]. Предположительно она может быть датирована временем не ранее XII–XIII в.[14]

[14] Благодарю А. В. Смокотину и Л.А. Голофаст за научную консультацию по датировке данного сосуда.

О размерах башни и храма можно судить по скальным вырубкам. Длина углубления, ставшего наосом, по западной стене – 2,7 м на уровне пола и 2,85 м на уровне верхнего края. Ширина по северной стене – 2,9 м от середины высоты скальных стен и, по данным Н. В. Днепровского, – 3,35 м «по подрубкам алтарной преграды» [24, с. 74]. Размеры апсиды: ширина по северной стене – 1,42 м, глубина – примерно 1,12 м. Высота скальных стен в наосе: южной – 0,38 м, восточной – 0,62 м, западной – от 0,56 до 0,72 м (в центральной части), северной – 0,5 м около западной стены апсиды и 0,54 м около восточной стены апсиды. Размеры усыпальницы: 1,9 м по линии «восток-запад» и 1,72 м по линии «север-юг». По данным Н. В. Днепровского, глубина усыпальницы от пола наоса – 0,85 м [24, с. 74].

VII. На западном склоне плато, к югу от храма на западном мысе X (*VI*), вблизи исследованного в 1929 г. участка оборонительной стены, в **1936 г.** экспедицией ГАИМК, возглавляемой Н. И. Репниковым, открыты остатки еще одного **малого храма** [38, л. 4–6] (рис. 1,*VII*; 11; 12). Е. В. Веймарн, непосредственно руководивший работами, предполагал присутствие на этом месте церкви уже в 1933 г., после проведенных им же разведок к востоку от западной оборонительной стены [26, с. 422–424]. Отправными точками тех работ стали усыпальница (№ 143) и так называемая «келейка», учтенные сотрудниками Севастопольского музея краеведения, в числе которых был и Е. В. Веймарн, еще в 1920-х гг., как пещеры № 50 и № 51 соответственно [26, с. 423] (рис. 11, *Б,В*). В траншеях, заложенных в 1933 г. к югу от усыпальницы и к востоку, а затем к северу от «келейки», а также при зачистке этой усыпальницы и двух пещер, обнаруженных в обрезе скалы под ней, нашли фрагменты архитектурных деталей, в том числе с изображениями крестов, а также большое количество обломков штукатурки с росписью и кровельной черепицы. Открытые пещеры Е. В. Веймарн назвал «небольшим ритуальным комплексом», вблизи которого, по его мнению, должна находиться «церковь или часовня с остатками росписей» [26, с. 424]. Тогда же был обнажен «большой тесанный камень, лежащий в вырубке в скале», который впоследствии оказался частью северной стены храма, открытого уже в 1936 г.

Результаты исследований 1933 и 1936 гг. сравнительно детально задокументированы. Однако полевые и отчетные материалы руководителями раскопок практически не были опубликованы. Очень краткое упоминание об открытой «небольшой часовне» «с фресковой росписью XII–XIII вв.» и уцелевшим престолом содержится в публикации Н. И. Репникова о результатах раскопок 1936 г. [39, с. 280]. Значительная часть архивных материалов, включая графическую фиксацию и фотографии, введена в научный оборот в статье Н. В. Днепровского, специально посвященной данному культовому комплексу [26], а также в статье А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой о квартальных храмах Эски-Кермена [8, с. 312–315].

Храм был построен на восточном краю большой скальной вырубки-площадки на расстоянии 13 м от оборонительной стены, согласно измерениям Н. В. Днепровского [26, с. 432]. На этом месте ему предшествовал вырубленный в скале «глубокий и широкий желоб», тщательно забитый отеском. Он пересекал пол в западной части храма от южной стены до усыпальницы № 143, находившейся в обрезе скалы с севера от храма [38, л. 6] (рис. 11,*Б*).

Храм состоял из наоса и одной полукруглой апсиды (рис. 11,*1*). Согласно измерениям, проведенным Н. В. Днепровским, ширина наоса храма равна около 2,4 м [26, с. 426]. Поскольку западная стена не сохранилась, длина наоса и храма определяется приблизительно с учетом края скального уступа, на котором, скорее всего, находилась западная стена. Расстояние от восточной стены апсиды до этого уступа – 5 м [26, с. 426]. Если вычесть толщину западной стены (примерно 0,6 м), внутренняя длина храма могла быть около 4,4 м. Внешняя длина храма с учетом предполагаемой толщины стен – примерно 5,6 м. Глубина (длина) апсиды равна 1,54 м, максимальная ширина – 1,53 м [26, с. 424].

Стены храма были сооружены на вырубленных в скале «постелях» и состояли из «тесанных камней» внутреннего и внешнего панциря и забутовки между ними из мелких камней на глине. На момент раскопок северная стена сохранилась на высоту до 0,6 м [38, л. 5] (рис. 12,*1*). Вдоль нее располагалась высеченная в скале скамья шириной 0,21 м и высотой 0,3 м, сохранившаяся в длину на 1,05 м, согласно измерениям Н. В. Днепровского [26, с. 426]. Кладка северной стены завершалась в западной части «двумя, лежащими один на другом хорошо отесанными камнями», которые были видны до раскопок и описаны Е. В. Веймарном как «один из углов сооружения», т.е. храма [26, с. 424] (рис. 11). Скорее всего, это был угол дверного проема, находившегося в западной части северной стены. Судя по остаткам южной стены, не сохранившаяся кладка западной стены, скорее всего, находилась на самом краю достаточно высокого скального уступа и, следовательно, в ней не могло быть входа в храм (рис. 11,*2*).

Основание кладки апсиды вырублено в скале на высоту примерно 0,8–0,9 м (рис 12,*2*). Наружный панцирь состоял из хорошо тесанных закругленных камней (рис. 12,*1*). Внутри апсиды, вдоль полукружия на высоте 0,48 м в скале сделан выступ наподобие скамьи в форме полумесяца с максимальной шириной 0,34 см[15], который в отчете 1936 г. назван «небольшим заплечиком» [38, л. 5]. Е. В. Веймарн считал его синтроном, скамьей для священника. Непосредственно перед ним находится подпрестольный столб, на котором во время раскопок еще находилась алтарная («престольная») плита [38, л. 5]. Согласно реконструкции алтарной части, созданной Н. В. Днепровским по сохранившимся рисункам Е. В. Веймарна, алтарная плита частично нависала над скамьей, оставляя зазор между ними примерно в 3–4 см. Как справедливо отмечает автор реконструкции, такое положение плиты и скамьи исключает возможность считать последнюю синтроном, поскольку сидеть на ней было невозможно [26, с. 425, 447, рис. 16].

Подпрестольный столб, четырехугольной формы со срезанными гранями, зауженный в середине, был вставлен в вырубку в полу [38, л. 5]. На лицевой хорошо заглаженной поверхности алтарной плиты, примерно по центральной оси, ближе к восточному краю сделано «миниатюрное квадратное углубление для хранения мощей», а в центре был вырезан «круг с крестом и греческими буквами на его концах» [38, л. 5; 8, с. 315, рис. 3,1].

Убранству храма принадлежали несколько тесанных арочных камней от алтарной преграды, украшенных двумя резными зигзагообразными параллельными

[15] По данным Н. В. Днепровского [26, с. 424].

линиями [38, л. 5–6]. Стены покрывала штукатурка с фресковой росписью, большое количество фрагментов которой находилось в слое разрушения как в самом храме, так и на окружающей территории. На некоторых обломках сохранились остатки фигур на синем фоне и надписи имен, сделанные белым цветом, а также, вероятно, части орнаментальной панели – «полотенца». По оценке Н. И. Репникова, эта роспись исполнена в XII–XIII вв. и стилистически близка росписям в эски-керменских храмах «Трех всадников» и «Успения» [38, л. 6]. В 1933 г. в одной из траншей вблизи западной стены еще не открытого храма находили фрагменты с красной, коричневой, темно-серой, желтой и почти черной красками [26, с. 423].

Полом в храме была скала, поверхность которой выравнивала «известковая смазка» [38, л. 5]. Непосредственно на этом полу лежала прослойка золы и угля, а также большое количество фрагментов кровельной черепицы, принадлежавших до разрушения черепичной крыше на деревянных стропилах [38, л. 5]. Храм погиб в пожаре, скорее всего, одновременно с гибелью города в конце XIII в. Датирующие археологические материалы, относящиеся ко времени сооружения храма, не зафиксированы. Остается неизвестным, принадлежит ли фресковая роспись, датированная Н. И. Репниковым XII–XIII вв., к первоначальному этапу, или она стала украшением храма спустя какое-то время после строительства. Известно только, что храму на этом месте предшествовал уже упомянутый пересекающий его желоб от первого строительного периода.

Как уже отмечалось, вблизи храма находится несколько пещер[16] (рис. 11). К северу от него расположен вход в усыпальницу № 143 (пещера № 50) с тремя скамьями-лежанками вдоль трех стен, южная из которых находится под основанием северной стены храмы. Н. В. Днепровский предполагает, что данная усыпальница предназначалась для семейного погребения [26, с. 428]. В обрезе скалы под усыпальницей есть еще две пещеры (№ 48 и № 49) хозяйственного назначения [26, с. 428, 432–433]. К западу от храма, справа от вырубленной прямоугольной площадки перед ним находится пещера № 51 – «келейка», в которой есть как элементы культового характера, а именно три ниши в северо-восточном углу и высеченный между ними крест (0,16х0,16 м), так и хозяйственные приспособления, такие как ясли, кольца для привязывания скота, вырубки-гнезда в скале для установки сосудов [38, л. 6–7; 26, с. 428–430]. Н. В. Днепровский допускает, что данные пещеры функционировали одновременно с храмом как единое целое, и весь этот комплекс, совмещая культовые и хозяйственные функции, был монастырским [26, с. 430–433]. Тем не менее, сам автор указывает на недостаточную изученность данного комплекса, а также окружающей его территории. Остается не известным, как эти сооружения, включая храм, вписаны в городскую застройку. Поэтому вопрос о назначении храма у западных стен и его месте в ряду окружающих объектов может быть прояснен после дополнительных исследований в этом районе.

VIII. В **1936 г.** экспедицией ГАИМК под руководством Н. И. Репникова открыты остатки еще одного **малого храма-часовни в восточной части плато**, к востоку от главной базилики [39, с. 280; 38, л. 18–21; 18, с. 69; 8, с. 315–317] (рис. 1,*VIII*; 13,*1,2*).

[16] Описания и размеры этих пещер приведены в статье В. Н. Днепровского [26, с. 427–433].

На данном участке были раскопаны два квартала, разделенных продольной улицей. Храм находился в квартале к востоку от этой улицы. Слева (к северу) от храма была жилая усадьба III, состоявшая из двух помещений и маленького двора между ними, справа (к югу) – винодельческий комплекс, помещение которого имело общую стену с храмом, а его восточная стена была пристроена впритык к юго-восточному углу храма [18, рис. 1, 2].

Храм представлял собой вытянутое с запада на восток четырехугольное помещение, стены которого стояли на вырубленных в скале основаниях – «постелях» высотой до 0,8 м (рис. 13,*1,2*). На момент раскопок уцелели только фрагменты бутовой кладки на глине высотой до 0,5 м. Предполагается, что эта кладка была облицована тесанными («штучными») камнями, которые сохранились в два ряда на западном фасаде, по сторонам входа. Толщина стен достигала 0,8 м. Внутренние размеры помещения-наоса – 3,0х5,0 м [38, л. 18]. Е. В. Веймарн указал его общую площадь по внешнему периметру, с учетом толщины стен – 25 м^2 [18, с. 73].

Поскольку в этом сооружении следов апсиды не обнаружили, а внутри него находились 5 высеченных в скале гробниц, Н. И. Репников в отчете назвал его «мавзолеем» [38, л. 18]. Но уже в своей краткой публикации о раскопках 1936 г. он пишет о нем как о «часовенке над усыпальницей» [39, с. 280]. Е. В. Веймарн описал эту «часовню» как «церковно-погребальный комплекс» [18, с. 73–74]. Исключая возможность сосуществования часовни с усадьбой III и винодельческим комплексом, он сделал вывод о том, что усадьба и винодельня появились, когда «часовня была уже в руинах» [18, с. 74]. А. И. Айбабин и Э. А. Хайринова пришли к более аргументированному и очевидному заключению о том, что для сооружения храма перепланировали усадьбу III [8, с. 315]. Таким образом, храм и гробницы в нем относятся к последнему периоду существования квартала, когда одно из помещений перестроили в храм-часовню и в его полу высекли 5 гробниц-костниц (№№ 175–179). Раскопками в них обнаружено большое количество костей[17] [38, л. 19–21]. Еще одна небольшая детская могила (№ 174), согласно отчету 1936 г., была высечена в пороге входа, вырубленном в скале [38, л. 18]. На плане она находится перед западной стеной храма, между несохранившимися кладками (рис. 13,*1*). Можно предположить, что вход в храм был оформлен в виде небольшого притвора. Как пишет Н. И. Репников, впоследствии вход был заложен «нетолстой бутовой стенкой», в которой обнаружили камень, орнаментированный врезным кругом с вписанным в него крестом [38, л. 18].

Как уже отмечалось, никаких следов апсиды в этом храме-часовне не зафиксировано. Судя по плану, примерно в 1 м к востоку от восточной стены начиналась лестница – вход в пещеру (№ 101) (рис. 13,*1,2*[18]). Места для апсиды оставалось не много, следовательно, если она и была, то очень небольшого размера [8, с. 316–317, рис. 4]. Не исключено, что апсида могла быть в виде небольшой ниши, устроенной в восточной стене. Свидетельством того, что в этом сооружении всё же был алтарь, может служить находка возле его западного фасада – «четырехгранная подножка престольной доски», аналогичная подпрестольному столбу, сохранившемуся *in situ*

[17] В отдельных гробницах насчитывалось от 12 до 68 черепов [38, л. 19–21].

[18] Благодарю А. И. Айбабина и Э. А. Хайринову за предоставленный аэрофотоснимок (фрагмент: рис. 13,*2*).

в храме у западной оборонительной стены (*VII*) [38, л. 21]. Найденные внутри храма среди развала камней немногочисленные мелкие фрагменты штукатурки со следами фресковой росписи указывают на то, что какую-то часть храма украшала настенная роспись.

Вероятно, к завершающему этапу существования храма и всего квартала относится найденная на скале у северо-западного угла монета с монограммой «ро» (№ 36 по А. В. Орешникову) [38, л. 21], которую относят к выпускам монетного двора Херсона в 1200–1260 гг. [10, с. 189–190; 8, с. 317].

IX. Остатки **малого храма-часовни** находятся **у северо-восточного угла центральной базилики Эски-Кермена** (рис. 1,*IX*). Судя по фотографии и плану 1930 г., внешняя часть кладки южной стены и апсиды была зачищена во время раскопок Ф. И. Шмита [44, с. 217, рис. 56]. Полностью храм открыт в 1979 г. под руководством Е. А. Паршиной в ходе исследований территории за северной стеной базилики (рис. 13,*3,4*) [31, л. 5–9; 33, с. 37–47].

Храм состоял из наоса и полукруглой апсиды. Его внешние размеры: 3,7х5,7 м, радиус апсиды – 1,2 м [31, л. 5; 33, с. 38]. Юго-западный угол храма вплотную примыкает к северному плечу и северной апсиде базилики. Стены, основанные на скале, состояли из двух панцирей и тонкого слоя забутовки. В кладке были в основном бутовые камни среднего размера, в углах – сравнительно небольшие тесанные камни [31, л. 6]. Поскольку известковый раствор в кладке не обнаружен, скорее всего, она была сложена на грязевом (земляном) растворе, без обязательного соблюдения рядов. На момент раскопок 1979 г. высота сохранившихся стен составляла от 0,35 до 1,3 м, а толщина – 0,6-0,7 м [33, с. 38]. Внутри стены были оштукатурены. В одном из углов фрагменты штукатурки сохранились *in situ*[19]. Главным образом в апсиде обнаружены фрагменты штукатурки с остатками росписи черной, красной, желтой и синей красками, а также граффити [31, л. 5–6; 33, с. 39]. Е. А. Паршина предполагает, что плотно утрамбованный земляной пол был выслан плинфой, так как около апсиды сохранилось несколько фрагментов *in situ.* Многочисленные обломки плинфы, а также черепицы и керамической посуды найдены в слое разрушения [33, с. 39]. Храм имел деревянную стропильную крышу, перекрытую черепицей. Судя по фотографиям 1979 г., в апсиде храма, близко к полукружию, вероятно, на слое грунта находился обломок подпрестольного столба (рис. 13,*4*). Вход в храм был в северной части западной стены.

В 1979–1981 гг. за северной стеной базилики открыты 6 гробниц, 7 могил и 3 склепа [31, л. 9–14; 32, л. 3–11; 33, с. 39, 44–48]. Один из склепов (№ 6) оказался под северной стеной малого храма, при строительстве которого этот склеп был засыпан камнями и битой керамикой (рис. 13,*3*) [31, л. 14]. В этом завале находились архитектурные детали, явно происходящие из уже разрушенной базилики, в частности, арочные дугообразные блоки, а также обломки штукатурки с росписью [32, л. 3]. Среди многочисленных обломков строительной керамики в склепе обнаружены также фрагменты поливной посуды [32, л. 5]. В их числе «белоглиняные тарелки и кувшинчики рыхлого, пористого черепка, под кроющей ярко-зеленой или желтой поливой», которые, скорее всего, принадлежат группе монохромной белоглиняной

[19] В отчете указан «юго-западный угол», в статье – «юго-восточный» [31, л. 5; 33, с. 38].

посуды[20], хорошо известной в комплексах поливной керамики XIII в. в Херсонесе [22, с. 212]. В склепе № 6 были также фрагменты «красноглиняных тарелок, украшенные врезным орнаментом по белому ангобу под кроющей желтой поливой», которые относятся к группе Зевксипп и датируются с конца XII до третьей четверти XIII в. включительно, а иногда в рамках середины XIII – XIV в. [21, с. 363–367]. Фрагменты аналогичных поливных сосудов обнаружены также в заполнении подвала 5 в квартале 1 Эски-Кермена, гибель которого относится к концу XIII в. [27, с. 315, 318].

Одновременными часовне Е. А. Паршина считает грунтовые могилы, называя их самым поздним типом погребений на этом участке. Две из них, с детскими безынвентарными захоронениями (№ 11 и № 12), открыты под земляным полом в западной части храма [33, с. 39, 47]. В детской могиле № 2 за северной апсидой базилики, около южной стены храма-часовни, обнаружена «красноглиняная поливная тарелка с отбитыми краями, под кроющей светло-желтой поливой по белому ангобу, украшенная врезным орнаментом, представляющим заштрихованные параллельными линиями овалы, расположенные в виде сегнерова колеса» [31, л. 10; 33, с. 47]. Посуду этой группы относят к изделиям мастерских Константинополя и/или Фессалоник и датируют концом XIII – XIV в. [47, p. 81].

Таким образом, малый храм у северо-восточного угла базилики построили, скорее всего, не ранее XIV в., уже после разрушения базилики и города в результате набега Ногая в 1298–1299 гг. [3, с. 249–250; 5, с. 506]. Это был кладбищенский храм, одно из самых поздних культовых сооружений на городище. В последние годы к западу от базилики открыта большая часть некрополя первой половины XIV в. [9, с. 26–27; 42, с. 31–45], одновременного этому храму и грунтовым могилам вблизи него. Археологический материал из открытых погребений, как правило, не выходит за рамки XIV в., что, вероятно, определяет верхнюю хронологическую границу существования рассматриваемого храма.

С 2003 г. по настоящее время раскопками под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой, исследованы два жилых квартала на главной улице средневекового города, в каждом из которых находился храм.

X. В юго-восточном углу **квартала 1** в **2007 г.** раскопан небольшой **храм-часовня над костницей** (рис. 1,*X*; 14,*1,2*). Результаты этих исследований детально опубликованы руководителями раскопок [6; 4]. Храм принадлежит последнему периоду существования квартала. Его построили на месте раннего двора усадьбы II, при этом подтесали и засыпали часть тарапана, две хозяйственные ямы, одна (№ 4) из которых оказалась под западной стеной часовни, а другая (№ 3) – возле ее северо-западного угла, также был перекрыт более ранний водосток [4, с. 278–279, 288, рис. 3]. Анализ гончарной керамики из хозяйственных ям, проведенный Л. А. Голофаст, позволяет датировать их засыпь, а, следовательно, и строительство храма-часовни временем не ранее середины X – XI в. [27, с. 308–311, 328].

[20] Выражаю искреннюю благодарность Л. А. Голофаст за научную консультацию и помощь в определении типов поливной керамики из раскопок Е. А. Паршиной.

Храм состоял из небольшого прямоугольного наоса и апсиды, кладка которой обрушилась вместе со сводом находившейся под ней глубокой костницы (рис. 14,*1*). Стены, построенные на скальных основаниях, были двухпанцирными из подтесанных камней среднего и крупного размера, положенных с соблюдением порядовки на грязевом растворе с внутренней забутовкой из мелкого камня, керамических обломков и грунта [6, с. 422]. На момент раскопок сохранились нижние ряды северной стены и бóльшей части западной стены, в которой находился дверной проем, шириной 0,9 м, сложенный из крупных хорошо отесанных каменных блоков. Пол в храме был углублен на 0,2 м от первоначального уровня скалы и тщательно выровнен [6, с. 422–423]. Стены оштукатурены, но следов росписи не обнаружено. Убранству храма принадлежали обнаруженные в слое разрушения известняковый блок с высеченным орнаментом из пересекающихся линий и фрагмент, вероятно, оконного наличника с профильным валиком, на котором сохранился обрывок греческой надписи-граффити «Господи, помоги монах…» [6, с. 428; 8, с. 317].

В западной части храма, около продольных стен в полу вырублены две могилы (1 и 2), в первой из них зафиксированы смещенные останки 13 погребенных, во второй – трех взрослых, похороненных один над другим. Захоронение ребенка было совершено также в расположенной между могилами, перед дверным проемом пифосообразной яме (№ 1), относящейся к первому периоду существования усадьбы II [6, с. 423–425]. На дне находившейся под апсидой большой костницы (глубина около 2,3 м) обнаружили слой костных останков примерно от 120 человек [6, с. 425]. Над этим слоем был завал камней, в том числе хорошо отесанные каменные блоки из кладки апсиды, а также высеченный из известняка крест, который мог принадлежать интерьеру храма [6, с. 425, рис. 6,*3*; 18,*1*].

С учетом сохранившихся кладок и скальных оснований установлены внутренние размеры наоса – 3,45х4,0 м [8, с. 317]. Согласно предложенной авторами раскопок реконструкции целого плана храма, его внешняя ширина составляла примерно 4,6–4,8 м, а длина с учетом апсиды и толщины стен могла быть 5,1 м [6, с. 435, рис. 3].

Согласно датировке авторов раскопок на основании археологического материала из слоя разрушения, храм погиб в пожаре одновременно с кварталом и всем городом в конце XIII в. [6, с. 429].

XI. В **2018–2019 гг.** под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в соседнем **квартале 2** открыты остатки **храма с притвором** (рис. 1,*XI*; 14,*3,4*). Предварительные материалы этих исследований введены в научный оборот в докладах и публикациях руководителей раскопок [8, с. 319–322; 7, с. 21–30]. Этот храм построен на месте более ранней усадьбы, по датировке авторов, на рубеже X–XI вв. [8, с. 319]. Западная стена притвора выходит на главную улицу города, вдоль южной стены храма и притвора идет вторая поперечная улица, разделяющая кварталы 1 и 2.

Храм состоит из прямоугольного наоса, полукруглой апсиды и пристроенного к наосу вытянутого притвора (рис. 14,*3*). Внутренние размеры сооружения: ширина – 3,12 м, длина наоса (до алтарной преграды) – 3,3 м, длина притвора – 6,3 м, длина храма с апсидой и притвором – 11,5 м; наружные размеры: ширина – 4,6 м, общая длина – 12,8 м [8, с. 319]. Кладка стен – из двух панцирей с забутовкой между ними из мелких камней, обломков керамики и глины. Внешние панцири стен наоса сложены из гладко отесанных прямоугольных плит, внутренние – из тесанных блоков

меньшего размера. Стены сохранились на высоту до 0,86 м. Пол в наосе от алтарной преграды до границы с притвором был вымощен гладко отшлифованными плитами. Как отмечают авторы раскопок, притвор пристроен к наосу и заметно отличается от него. Стены притвора сложены в основном из бутовых камней, а пол был глиняным [8, с. 319]. Внутри притвора открыто 10 погребальных сооружений. Из них относительно ранние – вырубленные в скальном полу 4 могилы и 3 костницы, позже их покрыли толстым слоем глины, а к стенам притвора пристроили плитовые гробницы. Погребальные сооружения находились также снаружи храма [8, с. 322].

В ходе раскопок обнаружены архитектурные детали внутреннего убранства и литургических устройств храма, в числе которых фрагменты частей алтарной преграды и овального в сечении подпрестольного столба [8, с. 321, рис. 7]. В слое разрушения найдены также многочисленные фрагменты штукатурки с фресковой росписью, в том числе с элементами растительного орнамента и частью лика [7, с. 22–26]. Погиб храм в пожаре конца XIII в. [8, с. 324].

***

Таким образом, на городище Эски-Кермен открыты и введены в научный оборот остатки 10 наземных храмов[21], небольшие размеры которых позволяют называть их малыми храмами города. Судя по имеющимся данным, снаружи их ширина была в пределах 3,7–4,8 м, длина – 5,0–6,4 м. Все они – однотипные сооружения с одним нефом-наосом и полукруглой апсидой. Только в восточном храме 1936 г. (*VIII*), перестроенном из жилого помещения, следы апсиды не обнаружены, хотя она могла быть, но очень небольшого размера, или в виде устроенной в восточной стене ниши. Притвор, вероятно, более поздний, был лишь в храме 2018–2019 гг. (*XI*).

Строительные и конструктивные характеристики храмов также очень похожи. При их сооружении использовали материковую скалу, в которой, как правило, вырубали основания – «постели» разной высоты. В трех храмах вдоль скального основания северной стены вырублены скамьи (*I, IV, VII*). В тех храмах, где кладка на момент раскопок сохранилась, она имела два панциря из средних и крупных подтесанных камней и внутреннюю забутовку из мелких камней и битой керамики с использованием глины и/или грунта (земляного раствора). Вход в храм мог быть в западной стене (*I, VIII, IX, X, XI*) или в западной части северной (*V, VII*) или южной (*IV*) стен. В храме на западном мысе (*VI*) вход в восточной стене был унаследован от ранней башни. Все храмы были перекрыты черепичными крышами на деревянных стропилах. В большинстве из них сохранилось лишь скальное основание пола. В храме 1979 г. около базилики (*IX*) пол, вероятно, был выслан плинфой [33, с. 39]. В наосе храма 2018–2019 гг. (*XI*) была вымостка из отшлифованных плит [8, с. 318]. Остатки фресковой росписи сохранились в слоях разрушения четырех храмов (*VII, VIII, IX, XI*). В храме 1979 г. (*IX*) была расписана, вероятно, только апсида. В храме 1936 г. у западной оборонительной стены (*VII*) и в храме 2018–2019 гг. (*XI*) фигурная и орнаментальная роспись покрывала, скорее всего, значительную часть стен [38, л. 6; 7]. При раскопках некоторых храмов зафиксированы архитектурные детали с

[21] Назначение полукруглой вырубки перед городскими воротами, называемой «апсидой» несохранившегося «надвратного храма» (в этой статье – *III*), остается неопределенным. Поэтому включать этот объект в список храмовых сооружений Эски-Кермена пока нет оснований.

врезным, как правило, геометрическим орнаментом, иногда с крестами (*VII, X, XI*) [38, л. 5–6; 6, с. 428; 8, с. 321].

В большинстве малых храмов Эски-Кермена обнаружены остатки престола в виде подпрестольного столба (*I, II, V, VI, VII, IX*). В храме, остатки которого сохранились на скальной глыбе (*II*), этот столб был высечен в материковой скале. В большинстве сооружений столб вставлялся в специально высеченное в скале прямоугольное гнездо. Только в храме 1979 г. (*IX*), судя по фотографии, столб найден на слое грунта. В западном храме 1936 г. (*VII*) в момент раскопок на столбе сохранилась также плита престола с отверстием для мощей и вырезанным крестом в круге [38, л. 5]. В слое разрушения восточного храма 1936 г. (*VIII*) и храма 2018–2019 гг. (*XI*) обнаружены фрагменты подпрестольных столбов [38, л. 21; 8, с. 321]. В двух храмах – «привратном» (*IV*) и 2007 г. (*X*) – апсиды и место престола не сохранились.

Свидетельства алтарной преграды присутствуют в наосах шести храмов (*I, II, IV, VI, VII, XI*), как правило, в виде подрубок в боковых скальных стенах или в виде сохранившегося каменного основания (стилобата) (*XI*) [8, с. 320, рис. 6,*2*]. В храме над «башенным казематом» (*V*) алтарь, вероятно, ограничивался апсидой.

В двух храмах – «привратном» (*IV*) [23, с. 154] и на западном мысу (*VI*) – сохранились небольшие ниши в скальных стенах слева от апсиды, которые, вероятно, выполняли функцию протесиса.

Таким образом, большинство, а, возможно, и все малые храмы Эски-Кермена были приспособлены для совершения главного христианского богослужения – Литургии. Почти во всех храмах проводились также погребальные и поминальные обряды, поскольку в комплексе с ними обнаружены разного типа захоронения, в том числе костницы. Исключением является только храм над «башенным казематом» (*V*), вблизи которого погребения не зафиксированы.

Учитывая наличие литургических устройств, рассмотренные храмы не могут называться часовнями, как это было принято ранее. Тем не менее, их небольшие размеры, а также поминальные функции, вероятно, допускают использование термина храмы-часовни.

Очень похожие однотипные храмы хорошо известны в разных регионах византийского мира. Особенно широкое распространение они получают в средне- и поздневизантийский периоды [30, с. 3–16; 11, с. 187–192; 12, с. 197–199; 29, с. 64–116]. Практически в каждом квартале средневекового Херсона/Херсонеса находился один или несколько однонефных храмов-часовен [40, с. 160–166]. В настоящее время на 1/3 исследованной территории херсонесского городища известно 48 таких сооружений [41, с. 274].

Появление малых храмов на плато Эски-Кермен, как правило, относят к IX–X вв., когда после восстановления византийской администрации в Горном Крыму активизируется городская жизнь и формируется градостроительный облик средневекового города на плато Эски-Кермен [3, с. 240–241].

Три храма – «привратный» (*IV*), над «башенным казематом» (*V*) и на западном мысу (*VI*) – построены, скорее всего, на месте оборонительных сооружений, уничтоженных после подавления восстания Иоанна Готского [2, с. 217–219].

Четыре храма (*I, II, IV, V*) находились на подъемной дороге и вблизи главных городских ворот. Высказанную Н. В. Днепровским гипотезу об их принадлежности

якобы существовавшему на этой территории «крупному общежительному монастырю» студийского устава [6, с. 162–164], достаточно аргументированно опроверг А. Ю. Виноградов, показав несоответствие данной гипотезы Студийско-Алексеевскому типикону [19, с. 176–177]. К тому же, если учесть, что в период появления этих храмов в городе шло активное строительство кварталов, трудно представить, чтобы подъездные пути и главные ворота находились на территории монастыря, где бы действовали правила, несовместимые с обыденной городской жизнью. Скорее всего, расположенные там храмы принадлежали церковной организации города.

Открытые в рамках городских кварталов храмы – восточный 1936 г. (*VIII*), 2007 г. (*X*) и 2018–2019 гг. (*XI*) – являлись квартальными храмами-часовнями. Для двух последних получены достаточно надежные археологические материалы, позволяющие датировать их сооружение временем не ранее середины X – XI в. [27, с. 328] и рубежом X–XI вв. [8, с. 319].

Самый поздний храм Эски-Кермена (*IX*) построили в XIV в. около разрушенной к тому времени базилики. Это был кладбищенский храм-часовня на территории некрополя, появившегося после гибели города в результате набега орды Ногая.

Вместе с городом в конце XIII в. погибла, вероятно, значительная часть малых храмов. Храмы в районе подъемной дороги (*I, II, IV*) прекратили функционировать, вероятно, в результате землетрясения в более раннее время. Один из этих храмов (*II*) вместе с участком скалы рухнул в долину. На месте двух других (*I, IV*) образовались трещины в скале, которые могли привести к их разрушению.

Малые наземные храмы известны также в ближайшей округе Эски-Кермена. Остатки типичного однонефного храма с вырубленными в скале гробницами открыты в 1933 г. вблизи оборонительной башни средневекового укрепления Кыз-Куле на горном мысе, расположенном к северо-западу от Эски-Кермена [13, с. 83–87]. В 1931 г. у подножия плато в одном из трех холмов, в которых надеялись обнаружить водосборные цистерны, открыли основания «квадратной постройки». Н. И. Репников предположил, что это были остатки часовни [34, с. 65].

Учитывая тот факт, что городище Эски-Кермен считается одним из наиболее хорошо сохранившихся и в малой степени раскопанных средневековых памятников Горного Крыма, существует твердая уверенность в том, что в ходе дальнейших исследований на плато и в его округе будут открыты новые храмовые комплексы, которые расширят наши представления о церковной архитектуре и ее месте в топографии средневекового города.

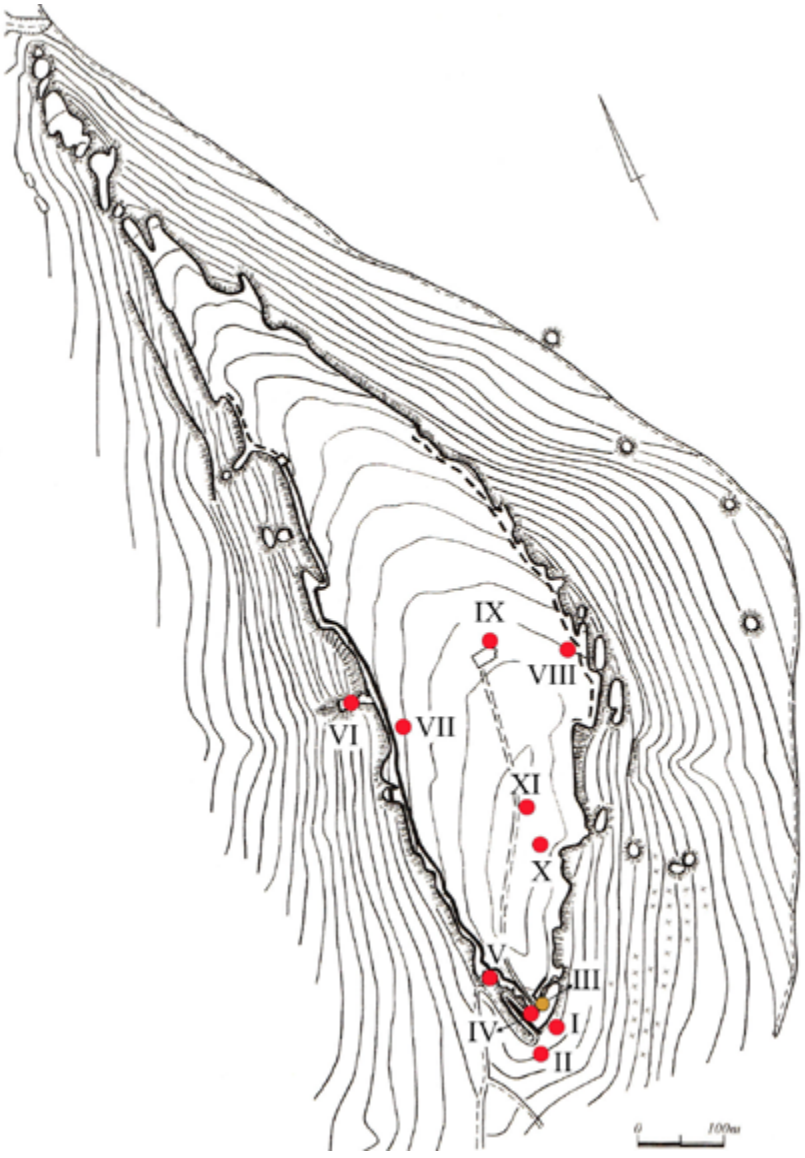


Рис. 1. План городища Эски-Кермен [на основе: 2, с. 228, рис. 1]. Малые храмы: *I* – храм 1928 г., *II* – храм на скальной глыбе, *III* – так называемая «апсида» у городских ворот, *IV* – привратный храм 1929 г., *V* – храм над «башенным казематом» 1930 г., *VI* – храм на западном мысе 1929 г., *VII* – западный храм 1936 г., *VIII* – восточный храм 1936 г., *IX* – храм 1979 г. около базилики, *X* – храм 2007 г. в квартале 1, *XI* – храм 2018–2019 гг. в квартале 2

Fig. 1. Plan of the ancient town of Eski-Kermen [based on: 2, p. 228, fig. 1]. Small churches: *I* – 1928 church, *II* – church at the piece of rock, *III* – the so-called "apse" at the town gate, *IV* – 1929 gate church, *V* – 1930 church above the "tower casemate", *VI* – 1929 church at the western promontory, *VII* – 1936 western church, *VIII* –1936 eastern church, *IX* – 1979 church at the basilica, *X* – 2007 church in quarter 1, *XI* – 2018–2019 church in quarter 2

Рис. 2. Юго-восточный край плато Эски-Кермен с остатками храма 1928 г. (*I*) и храма на скальной глыбе (*II*): *1* – вид сверху, *2* – вид с юго-востока (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)
Fig. 2. The south-eastern edge of the plateau of Eski-Kermen with the ruins of 1928 church (*I*) and the church at the piece of rock (*II*): *1* – viewed from above, *2* – viewed from the south-east (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

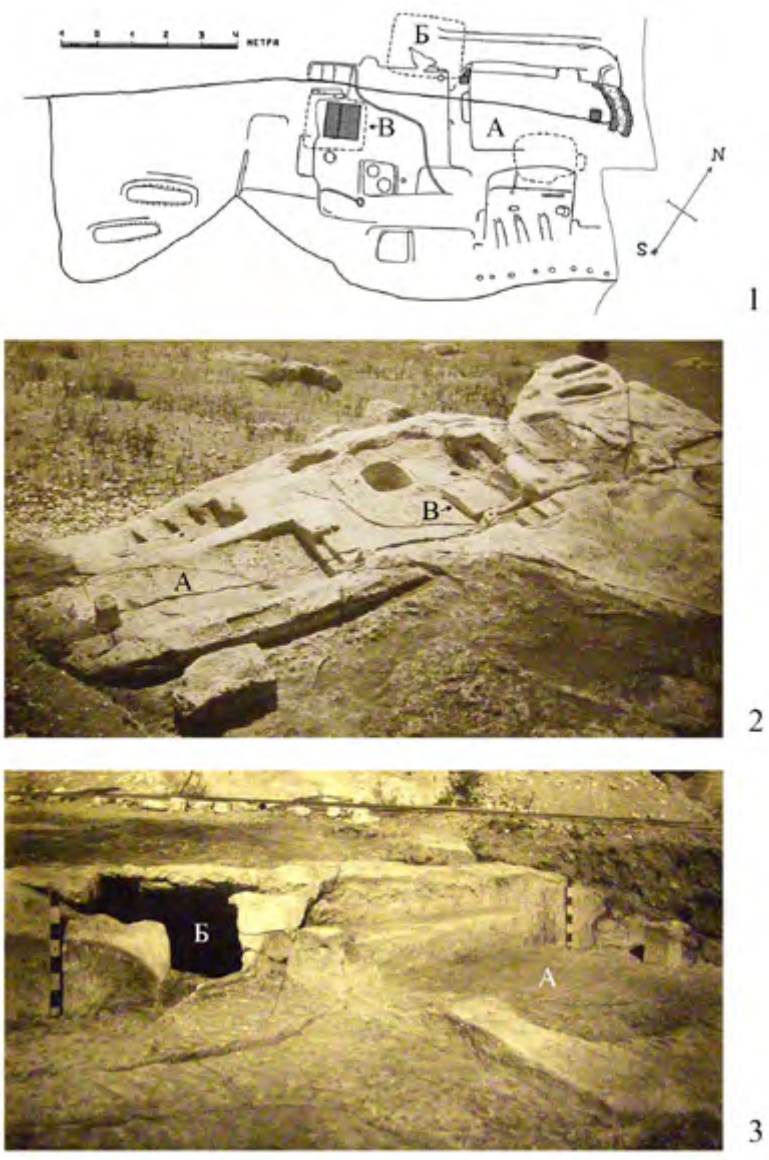


Рис. 3. Комплекс сооружений на площадке юго-восточного края плато Эски-Кермен: *1* – план (выполнен Е. В. Веймарном и В. С. Цукерманом в 1930 г. [на основе: 23, с. 185, рис. 9], *2* – вид с северо-запада [36, с. 189, рис. 47], *3* – вид с юго-востока (фото 1930 г., Фотоотдел НА ИИМК), А – храм 1928 г. (*I*), Б – усыпальница № 100, В – усыпальница № 99

Fig. 3. The complex of buildings on the platform of the south-eastern edge of the plateau of Eski-Kermen: *1* – ground plan (compiled by E. V. Veimarn and V. S. Tsukerman in 1930) [based on: 23, p. 185, fig. 9], *2* – viewed from the north-west [36, p. 189, fig. 47], *3* – viewed from the south-east (photographed in 1930; Photography Department of the Scholarly Archive of the Institute for the History of Material Culture), A – 1928 church (*I*), Б – tomb no. 100, B – tomb no. 99

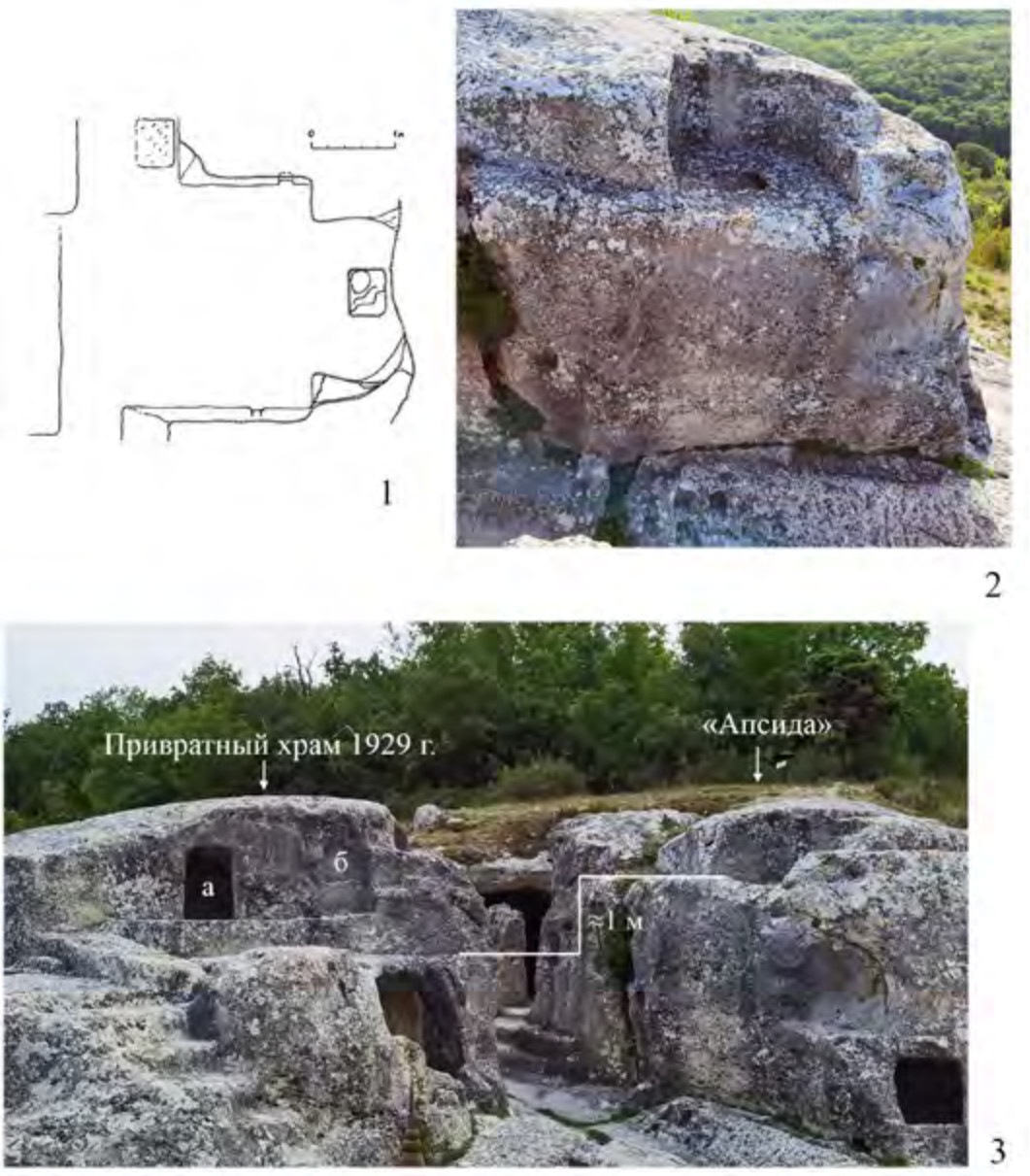


Рис. 4. Сооружения в южной части Эски-Кермена: *1* – план храма на скальной глыбе (*II*) [23, с. 184, рис. 8], *2* – так называемая «апсида» вблизи главных ворот (*III*), *3* – сооружения перед главными воротами (фото 2021 г.), а – усыпальница № 68, б – ниша протесиса

Fig. 4. The constructions in the southern area of Eski-Kermen: *1* – ground plan of the church at the piece of rock (*II*) [23, p. 184, fig. 8], *2* – the so-called "apse" at the main gate (*III*), *3* – the constructions in front of the main gate (photographed in 2021), a – tomb no. 68, б – prothesis niche

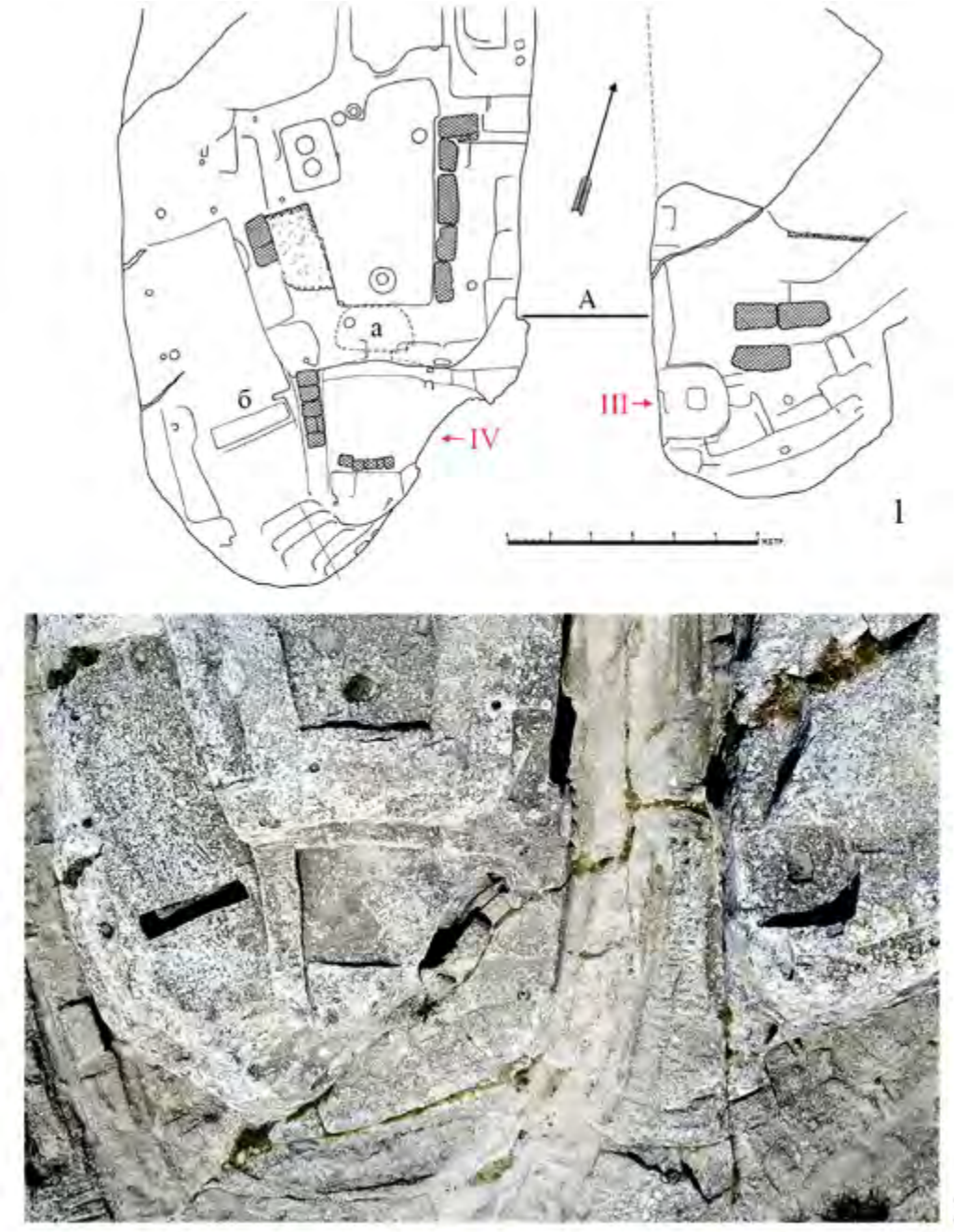


Рис. 5. Участок главных ворот: *1* – план 1929 г. [на основе: 23, с. 180, рис. 2], *А* – место городских ворот, *а* – усыпальница № 68, *б* – могила 69; *2* – вид сверху (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)
Fig. 5. The main gate area: *1* – 1929 plan [based on: 23, p. 180, fig. 2], *A* – site of the town gate, *a* – tomb no. 68, *б* – grave 69; *2* – viewed from above (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

Рис. 6. Сооружения в южной части Эски-Кермена: *1* – остатки привратного храма 1929 г. (*IV*), фото 1930-х гг., *2* – южная оконечность плато (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)

Fig. 6. The constructions in the southern area of Eski-Kermen: *1* – remains of the 1929 gate church (*IV*), photographed in the 1930s, *2* – the southern edge of the plateau (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

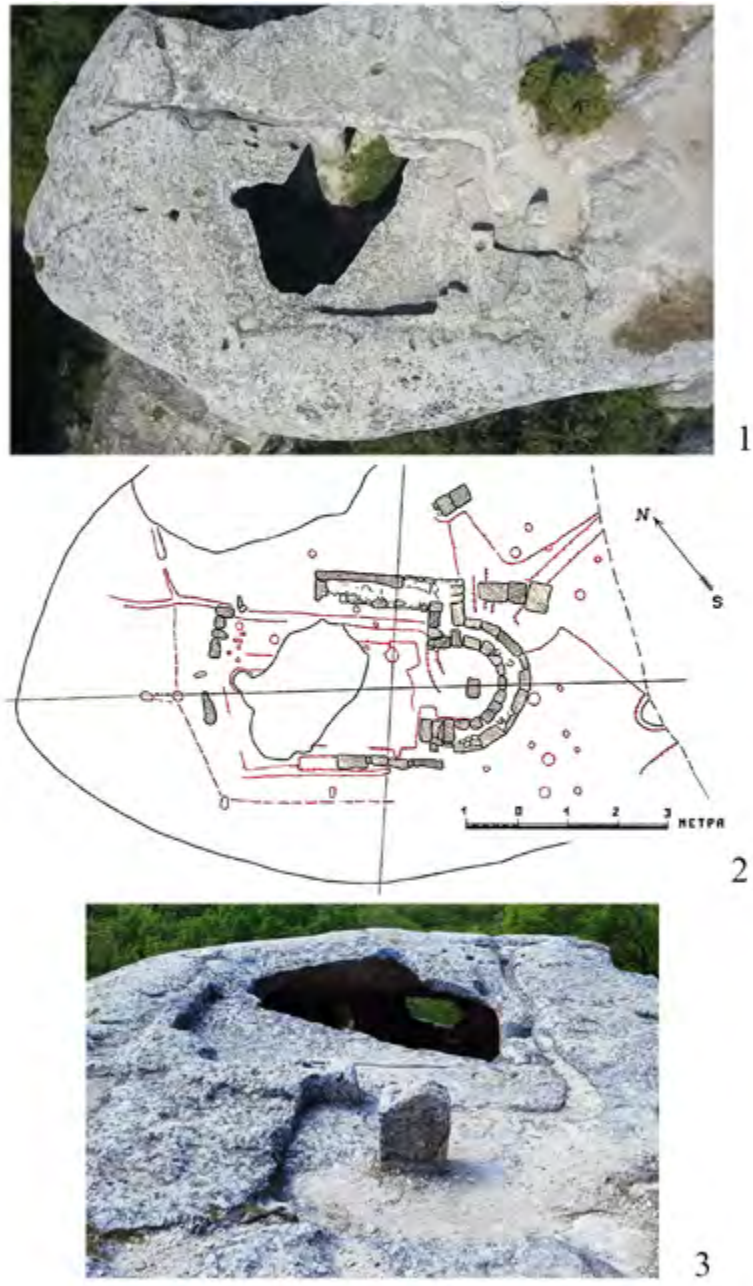


Рис. 7. Храм над «башенным казематом» (*V*): *1* – вид сверху (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.), *2* – план [на основе: 23, с. 186, рис. 10; 24, с. 108, рис. 10], *3* – вид с востока (фото 2022 г.)
Fig. 7. The church above the "tower casemate" (*V*): *1* – viewed from above (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021), *2* – ground plan [based on: 23, p. 186, fig. 10; 24, p. 108, fig. 10], *3* – viewed from the east (photographed in 2022)

Рис. 8. Храм над «башенным казематом» (*V*): *1* – вид с востока, *2* – вид внутри с запада, *3* – вид с севера (фото 1930 г., Фотоотдел НА ИИМК)
Fig. 8. The church above the "tower casemate" (*V*): *1* – viewed from the east, *2* – viewed from the west, *3* – viewed from the north (photographed in 1930, Photography Department of the Scholarly Archive of the Institute for the History of Material Culture)

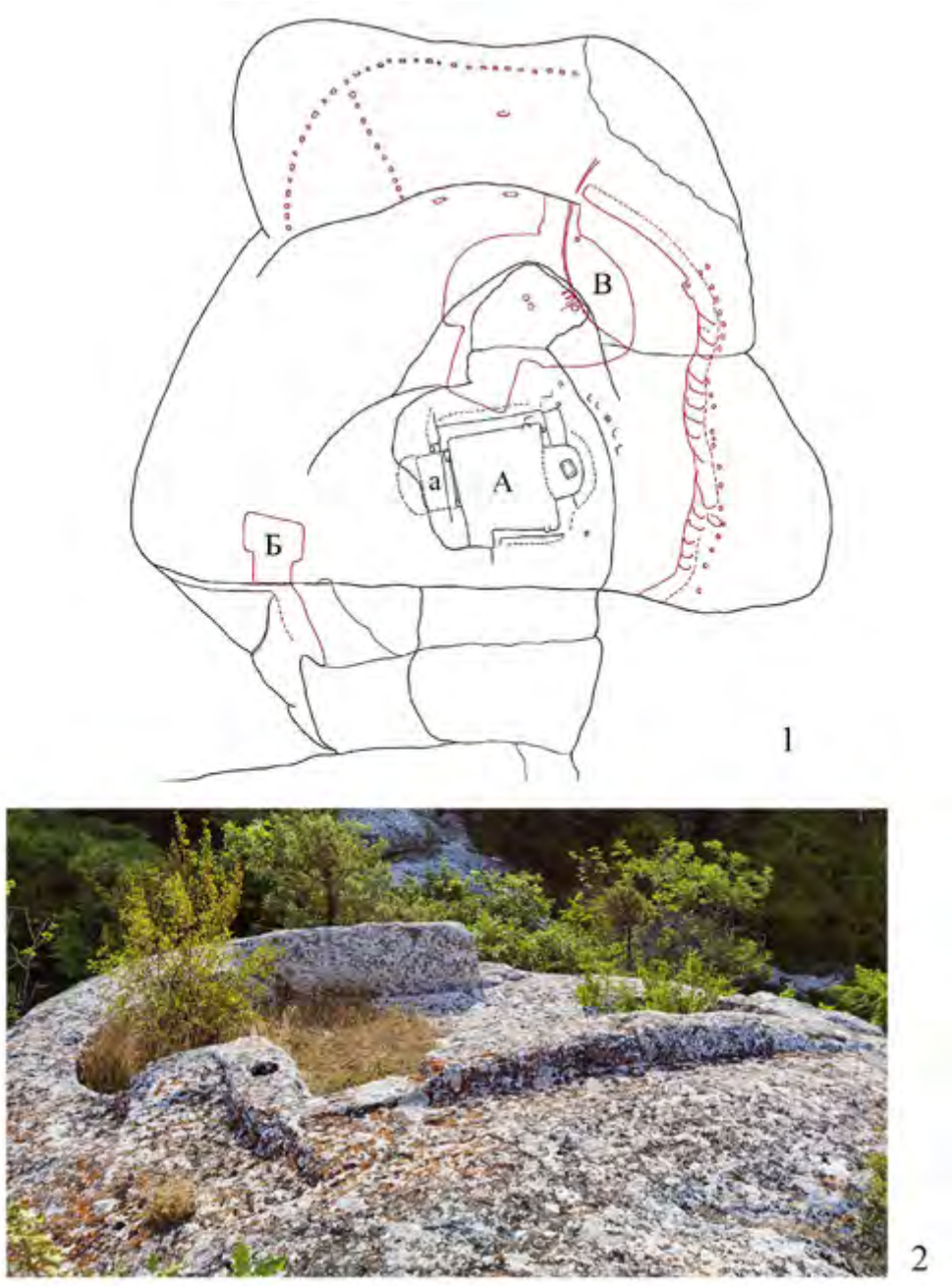


Рис. 9. Комплекс храма на западном мысе (*VI*): *1* – план 1929 г. [24, с. 85, рис. 10], А – храм, Б – пещера № 37, В – пещера № 38, а – усыпальница № 84, *2* – вид с запада (фото 2022 г.)
Fig. 9. The complex of the church on the western promontory (*VI*): *1* – 1929 plan [24, p. 85, fig. 10], А – church, Б – cave no. 37, В – cave no. 38, а – tomb no. 84, *2* – viewed from the west (photographed in 2022)

Рис. 10. Храм на западном мысе (*VI*): *1* – апсида с подпрестольным столбом [24, с. 84, рис. 9], *2* – вид внутри с юга на север (фото 2022 г.)

Fig. 10. The church on the western promontory (*VI*): *1* – the apse with the pillar that carried the communion table [24, p. 84, fig. 9], *2* – inside view, from the south to the north (photographed in 2022)

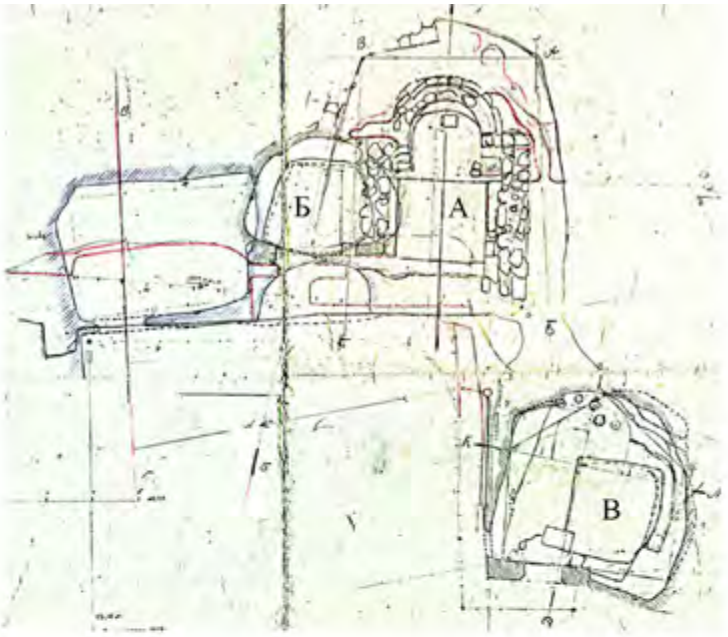


Рис. 11. Комплекс западного храма 1936 г. (*VII*): *1* – полевой чертеж плана [26, с. 449, рис. 19], *2* – вид с запада, фото 1936 г. [38, л. 44; опубликован: 26, с. 449, рис. 19], А – храм, Б – пещера № 50 (усыпальница № 143), В – пещера № 51 («келейка»)

Fig. 11. The complex of 1936 western church (*VII*): *1* – field draft of the ground plan [26, p. 449, fig. 19], *2* – viewed from the west, photographed in 1936 [38, p. 44; published: 26, p. 449, fig. 19], A – church, Б – cave no. 50 (tomb no. 143), B – cave no. 51 (“small cell”)

1

2

Рис. 12. Западный храм 1936 г. (*VII*), фото 1936 г.: *1* – вид с востока, *2* – алтарная часть [38, л. 47, 48; опубликованы: 26, с. 445, рис. 14]
Fig. 12. 1936 western church (*VII*), photographed in 1936: *1* – viewed from the east, *2* – chancel [38, p. 47, 48; published: 26, p. 445, fig. 14]

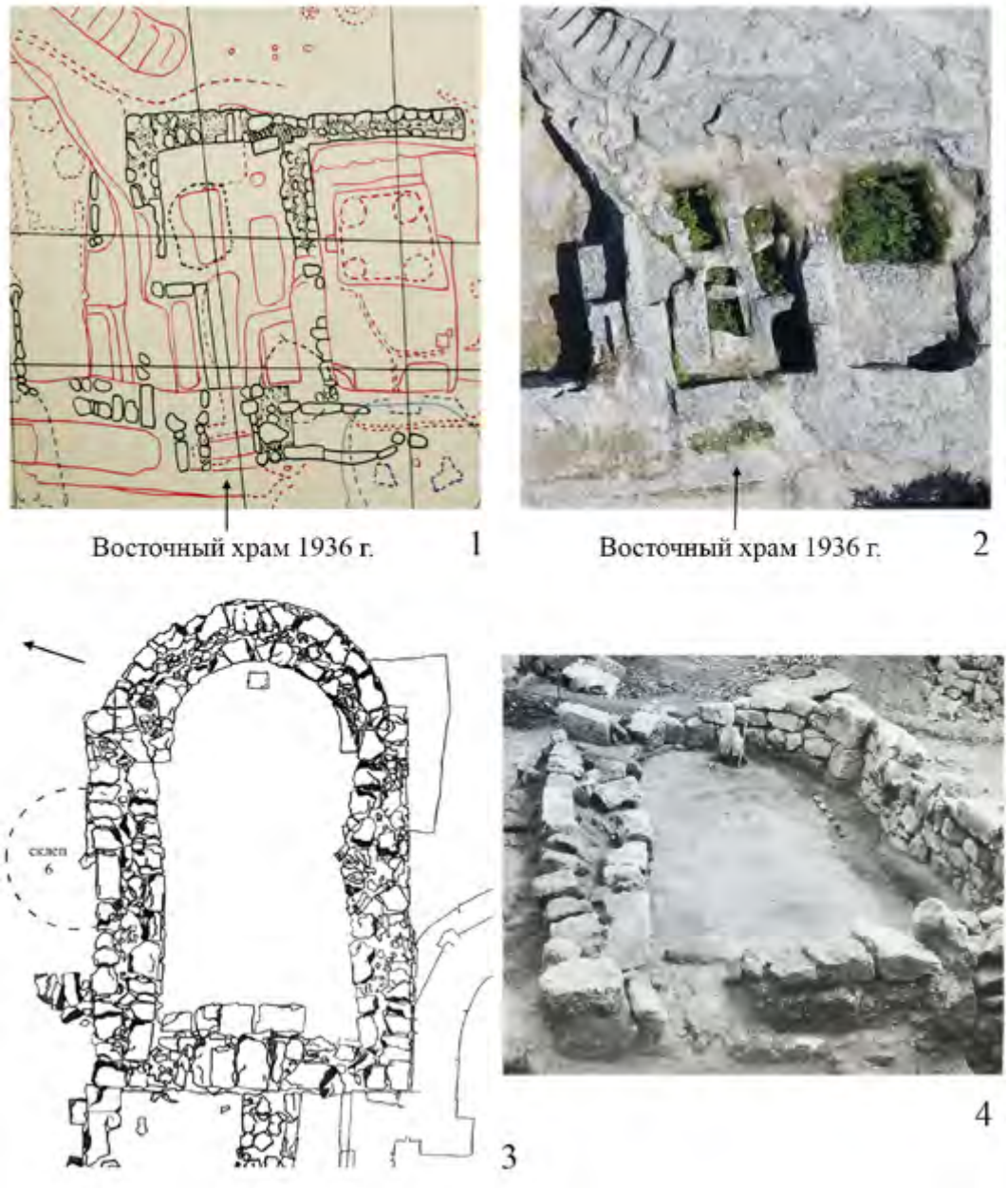


Рис. 13. Восточный храм 1936 г. (*VIII*): *1* – план [фрагмент из: 38], *2* – вид сверху.
Храм 1979 г. у северо-восточного угла базилики (*IX*): *3* – план [31, рис. 37], *4* – вид с запада [31, рис. 5]
Fig. 13. 1936 eastern church (*VIII*): *1* – ground plan [fragment of: 38], *2* – viewed from above.
1979 church at the north-eastern corner of the basilica (*IX*): *3* – ground plan [31, fig. 37], *4* – viewed from the west [31, fig. 5]

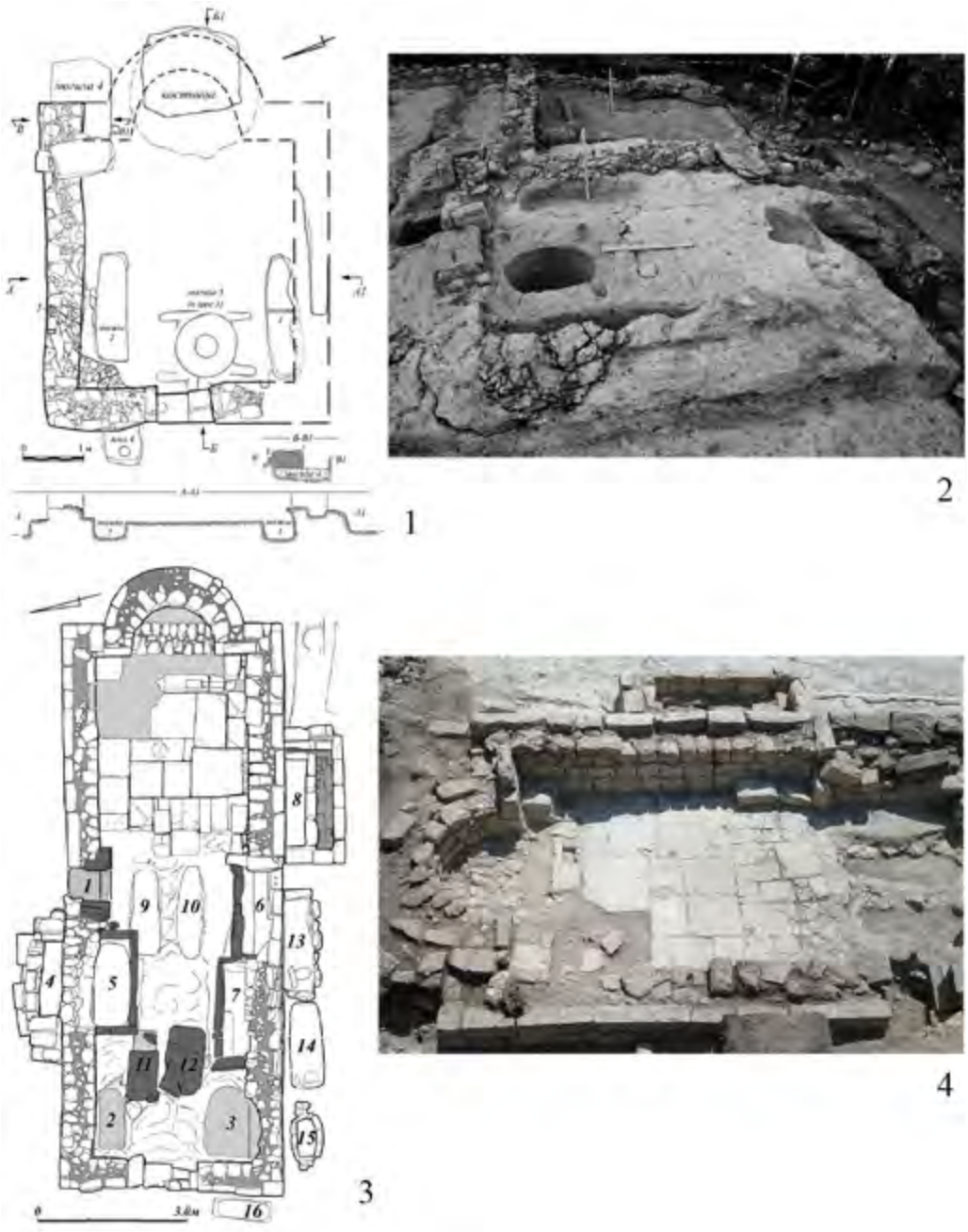


Рис. 14. Храм 2007 г. в квартале 1 (*X*): *1* – план [6, с. 435, рис. 3], *2* – вид с юга [4, с. 289, рис. 4]. Храм 2018–2019 гг. в квартале 2 (*XI*): *3* – план [8, с. 318, рис. 5], *4* – вид с севера [8, с. 320, рис. 6,*2*]

Fig. 14. 2007 church in quarter 1 (*X*): *1* – ground plan [6, p. 435, fig. 3], *2* – viewed from the south [4, p. 289, fig. 4]. 2018–2019 church in quarter 2 (*XI*): *3* – ground plan [8, p. 318, fig. 5], *4* – viewed from the north [8, p. 320, fig. 6,*2*]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
2. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
3. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
4. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.
5. Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 493–512.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
7. Айбабин А.И., Иожица Д.В., Хайрединова Э.А. Стеновая роспись однонефного храма из квартала 2 на плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 21–30.
8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермена // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326.
9. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Городище Эски-Кермен в XIV веке // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 25–30.
10. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // Херсонесский сборник. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
11. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 г. С. 180–195.
12. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Христианская архитектура Алании. Типология, география, хронология // ТГЭ. 2010. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 г. С. 196–213.
13. Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 81–87.
14. Веймарн Е.В. Схематический план Эски-Керменского городища, составленный в 1936 г. // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8.
15. Веймарн Е.В. Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 9.
16. Веймарн Е.В., Чореф М.Я. «Пещерные города» Крыма // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 80. Папка 4.
17. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–54.
18. Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 69–88.
19. Виноградов А.Ю. Храмик над главными воротами Эски-Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 174–192.
20. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72–80.
21. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. О поливной чаше в контексте огребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.
22. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
23. Днепровский Н.В. Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2011. Вып. 3. С. 148–186.
24. Днепровский Н.В. Дозорно-храмовый комплекс на уступе юго-западного обрыва Эски-

Керменского плато // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. Вып. XI (IV). Серия А. С. 68–94.
25. Днепровский Н.В. К вопросу о существовании монастыря у южных ворот Эски-Кермена: храмовый комплекс над подъездной дорогой // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. Вып. XI (IV). Серия А. С. 95–118.
26. Днепровский Н.В. Из археологического наследия Е.В. Веймарна: «ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 417–455.
27. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубок в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
28. Завадская И.А. Особенности числовых пропорций плана Эски-Керменской базилики // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 143–155.
29. Иоаннисян О.М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // ТГЭ. 2013. Т. LXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 64–116.
30. Мавродинов Н. Еднокорабната и крестовиднана църква по Българскитъ земи до края на XIV в. София, 1931. 188 с.
31. Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Папка № 169. Д. 94.
32. Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1980 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Папка № 1083.
33. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С. Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
34. Репников Н.И. Разведки древнего водопровода в Эски-Кермене в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 11–12. С. 62–65.
35. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932а. Т. XII. Готский сборник. С. 107–151.
36. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932б. Т. XII. Готский сборник. С. 181–212.
37. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 18–42.
38. Репников Н.И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1936. Д. 268.
39. Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Ред. В.В. Гольмстен. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 277–282.
40. Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности–2004. Харьков, 2004. С. 160–166.
41. Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Малые однонефные храмы средневекового Херсона (Херсонеса) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II. Самара, 2020. С. 274–275.
42. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.: сб. науч. ст. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
43. Шмит Ф.И. Отчет Эски-Керменской экспедиции // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7. С. 25–29.
44. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Готский сборник. С. 213–253.
45. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 15–43.
46. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М, Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
47. François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris: Musée du Louvre editions, Somogy editions d'Art, 2017. 456 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51.
2. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
3. Aibabin A.I. City on the Plateau of Eski-Kermen in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240–277.
4. Aibabin A.I. The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 277–304.
5. Aibabin A.I. On the Date when the Mongol Tatars Subjugated Gothia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 493–512.
6. Aibabin A.I., Iozhitsa D.V., Khairedinova E.A. Wall Paintings of the Aisleless Church in Quarter 2 at the Plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [13th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 21–30.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
8. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter Churches of the Mediaeval Town atop Eski-Kermen Plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The Town on the Plateau of Eski-Kermen in the Fourteenth Century. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [12th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 25–30.
10. Alekseenko N.A. On the question of the activity of the Chersonese mint in the 13th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesus collection], 1996, vol. 7, pp. 187–191.
11. Armarchuk E.A. Christian Church on "Sakharnaya Golovka" Hill near Adler: Layout and Construction Features. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 180–195.
12. Beletsky D.V., Vinogradov A.U. Christian Architecture of Alania. Typology, Geography and Chronology. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 196–213.
13. Bodaninskii U.A. Cherkes-Kermen fortification of Kyz-Kule by reconnaissance in 1933. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 81–87.
14. Veimarn E.V. Schematic plan of the Eski-Kermen settlement, drawn up in 1936. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 8.
15. Veimarn E.V. Medieval settlement Eski-Kermen. Westfall caves. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 9.
16. Veimarn E.V., Choref M.Ia. "Cave cities" of Crimea. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 80, folder 4.
17. Veimarn E.V. Defensive structures of Eski-Kermen (reconstruction experience). *Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma* [History and archeology of medieval Crimea], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7–54.
18. Veimarn E.V. Residential estates of the Eski-Kermen settlement. *Antichnaia drevnost' i srednie veka. Vizantiia i ee provintsii* [Antiquity and the Middle Ages. Byzantium and its provinces], Sverdlovsk, 1982, pp. 69–88.

19. Vinogradov A.Iu. A Small Church over the Main Gate of Eski-Kermen and the Mediaeval Tradition of Gate Churches. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 174–192.
20. Vinogradov A.Iu., Gaidukov N.E., Zheltov M.S. Cave chuches of Taurica: The problems of typology and chronolegy. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archeology], 2005, vol. 1, pp. 72–80.
21. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 182–260.
22. Golofast L.A., Mastykova A.V. On a glazed bowl in the context of funeral rite of the medieval church tomb in Gorzubitai. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 359-395.
23. Dneprovskii N.V. The cult complex at the southern gate of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2011, vol. 3, pp. 148–186.
24. Dneprovskii N.V. The sentinel-temple complex on the ledge of the southwestern cliff of the Eski-Kermen plateau. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture], 2013, vol. 11 (4), Series A, pp. 68–94.
25. Dneprovskii N.V. On the question of the existence of a monastery at the southern gate of Eski-Kermen: a temple complex above the access road. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture], 2013, vol. 11 (4), Series A, pp. 95–118.
26. Dneprovskii N.V. From Archaeological Heritage of E.V. Veymarn: "The Ritual Complex" at the Western Outskirts of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2014, vol. 6, pp. 417–455.
27. Zavadskaia I.A., Golofast L.A. Pottery Assemblages from Production Carvings in Quarter 1 of the Ancient Town of Eski-Kermin (2006 and 2007 Excavations). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 305–358.
28. Zavadskaya I.A. The Particulars of the Numeric Proportions of the Ground Plan of the Basilica of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 143–155.
29. Ioannisyan O.M. Single-nave churches in the architecture of Armenia and Byzantium (Constantinople, Asia Minor, Pontus, Greece, Cyprus). Functions and Typology. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2013, vol. 69, pp. 64–116.
30. Mavrodinov N. *Ednokorabnata i krestovidnana ts"rkva po B"lgarskit" zemi do kraia na XIV v.* [Single-nave and cruciform churches in the Bulgarian lands until the end of the 14th century]. Sofia, 1931, 188 p.
31. Parshina E.A. Excavations at the site Eski-Kermen in 1979. *Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea RAS*, folder 169, D. 94.
32. Parshina E.A. Excavations at the site Eski-Kermen in 1980. *Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea RAS*, folder 1083.
33. Parshina E.A. Eski-Kermen Basilica. Bibikov S.N. (Ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu* [Architectural and archaeological research in the Crimea], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
34. Repnikov N.I. Exploration of the ancient water pipeline in Eski-Kermen in 1931. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, vol. 11–12, pp. 62–65.
35. Repnikov N.I. Archaeological exploration in Eski-Kermen in 1928–1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107–151.
36. Repnikov N.I. Remains of the fortifications of Eski-Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.

37. Repnikov N.I. Eski-Kermen lift road. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 18–42.
38. Repnikov N.I. Report on the work on Eski-Kermen in 1936. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 1, 1936, D. 268.
39. Repnikov N.I. The site Eski-Kermen. Gol'msten V.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya* [Archaeological research in the RSFSR. 1934–1936. Brief reports and details], Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, pp. 277–282.
40. Ryzhov S.G. Small churches of Chersonesos. *Drevnosti–2004* [Antiquites 2004], Khar'kov, 2004, pp. 160–166.
41. Sedikova L.V., Ryzhov S.G. Small churches of medieval Kherson (Chersonose). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara], vol. II, Samara, 2020, pp. 274–275.
42. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I, Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143.
43. Shmit F.I. Repot of the Eski-Kermen expedition. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, vol. 7, pp. 25–29.
44. Shmit F.I. Eski-Kermen Basilica. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213–253.
45. Ernst N.L. Eski-Kermen and cave cities of Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1929, vol. III (60), pp. 15–43.
46. Iakobson A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early medieval Chersonese. Essays on the history of material culture]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 364 p.
47. François V. *La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre*. Paris, Musée du Louvre editions, Somogy editions d'Art, 2017, 456 p.

Информация об авторе

Завадская И. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-8383-2018.

Author information

Zavadskaya I. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-8383-2018.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.354-385

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ЭСКИ-КЕРМЕНА (по материалам раскопок 2017 года)

Владимир Юрьевич Радочин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
radochin_v@mail.ru

Аннотация. Совместная экспедиция Института археологии Крыма РАН и НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в 2017 г. продолжила охранные раскопки городища на плато Эски-Кермен и некрополя на склоне городища. В ходе раскопок на могильнике были открыты и исследованы десять погребальных сооружений разного времени: склеп и две подбойные могилы, относящиеся к раннему этапу жизни городища, а также семь грунтовых могил более позднего периода. Грунтовые могилы были открыты в непосредственной близости от «храма Трех всадников», находящегося на склоне Эски-Кермена.

В предлагаемой статье рассматривается антропологический материал, полученный в ходе исследования погребальных сооружений. Сохранность костных останков из подбойных могил и склепа можно охарактеризовать как плохую, материал нуждался в предварительных реставрационных мероприятиях. Работа с материалом из склепа была затруднена некомплектностью костяков и разрушением костного материала. Материал из грунтовых могил характеризовался хорошей и удовлетворительной степенью сохранности. Большинство костяков сохранило анатомический порядок.

В ходе работ был установлен количественный и половозрастной состав погребенных, проведен анализ палеопатологических состояний, отмечен ряд не метрических признаков. Эпигенетические признаки чаще фиксировались на костях черепа. Из патологических проявлений наиболее частыми были заболевания, связанные с зубочелюстным аппаратом. Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечались на костях позвоночника и крупных суставах длинных костей рук и ног у половозрелых индивидуумов мужского пола. У одного из погребенных индивидуумов женского пола отмечено изменение на костях крестца, известное как spina bifida. Выявлены патологические изменения, связанные с железодефицитными состояниями, воспалительными процессами, а также изменения костной ткани, связанные с перенапряжением костного аппарата вследствие чрезмерных физических нагрузок. На новом материале отмечен только один случай травматического поражения. При зачистке костяка из могилы 395 отмечена некомплектность посткраниального скелета. При сохранении полного анатомического порядка было зафиксировано отсутствие обоих малоберцовых костей.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, палеоантропология, погребальные сооружения, искусственная деформация черепа, патологии, маркеры стресса.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму». Автор выражает благодарность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.

© Радочин В.Ю., 2022

PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS EXCAVATED AT THE CEMETERY OF ESKI-KERMEN (According to 2017 Excavations)

Vladimir Yu. Radochin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, radochin_v@mail.ru

Abstract. In 2017, the joint expedition of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University continued rescue excavations of the site of ancient settlement on Eski-Kermen plateau and the cemetery on the slope of the mountain. The excavation at the cemetery uncovered ten burial constructions from various chronological periods: a burial vault and two undercut graves dating back to the early stage of the ancient town, though seven flat graves date from a later period. The flat graves were found close to the Three Holy Riders's Church on the slope of Eski-Kermen. This article examines the palaeoanthropological materials obtained from the said burial constructions. The preservation of osseous remains from the undercut graves and burial vault was poor; the materials required preliminary restoration. Studying the materials from the burial vault was impeded since the skeletons were incomplete and osseous material was damaged. The materials from the flat graves were of good and satisfactory level of preservation. Most of the skeletons preserved in complete anatomic order. In investigation determined quantitative and sex-and-age structure of the deceased; the analysis of palaeopathological condition was undertaken; some non-metric features were recorded. Epigenetic peculiarities more often occurred on the cranial bones. The most common diseases among pathological cases were related to the teeth-maxillary apparatus. Diseases of locomotor apparatus occurred on vertebral column and big joints of long bones of arms and legs of mature male individuals. One of the buried female individuals had some changes on the sacrum bones known as spina bifida. There were pathological changes related with iron-deficient conditions, inflammations, and changes of bone tissue in result of overstrain of osseous apparatus due to excessive physical load. Only one case of traumatic lesion was documented. The cleaning of the skeleton from grave 395 uncovered the incompleteness of post-cranial skeleton: it laid in anatomic order, but there were no fibulae.

Key words: Crimea, Eski-Kermen, palaeoanthropology, burial constructions, artificial skull deformation, pathology, stress marker.

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The author is grateful to A. I. Aibabin and E. I. Khairedinova for the permission to investigate the materials in question.

В 2017 году совместная экспедиция Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и Института археологии Крыма РАН продолжила археологические раскопки на могильнике, относящемся к городищу Эски-Кермен. Исследования проходили на территории, прилегающей с северо-востока к «храму Трех всадников», на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, а также были продолжены работы на территории некрополя с захоронениями, относящимися к раннему этапу жизни городища.

В ходе работ было раскопано и исследовано десять погребальных сооружений: две подбойные могилы и склеп, относящиеся к раннему этапу существования городища, и семь могил, представляющих собой выкопанные в грунте ямы овальной или прямоугольной формы, более позднего периода. Четыре погребальных сооружения имели выложенные камнями борта [1]. Исследователи памятника считают, что на участке, прилегающем к «храму Трех всадников», начали хоронить в XIII в. после сооружения храма.

Изучение материала проводилось по традиционным, принятым в отечественной науке методикам, в сочетании с зарубежными программами [4; 3; 27; 28; 30; 33; 29], с привлечением методик и программ, разработанных для судебной медицины [15; 23]. При определении возраста погребенных детей учитывалась степень развития зубной системы [29] и костей посткраниального скелета [15]. Определение возраста половозрелых индивидуумов проходило с учетом степени облитерации черепных швов [4], состояния зубной системы, лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей [33]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, М. Троттера и Г. Глезера, В. П. Алексеева, Й.-В. Й. Найниса). При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. Исследование костных останков на предмет палеопатологических состояний проводилось с применением комплексной методики, разработанной А. П. Бужиловой [8]. Индивидуальные измерения черепов и костей посткраниальных скелетов представлены в таблицах №№ 1–10.

Могила 387. Погребение в грунтовой могиле. Детское погребение, частично разрушено, совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Развитие зубной системы соотносится с 5 годами. Кости посткраниального скелета грацильные и соотносятся с возрастом 5–7 лет.

Патологии. Cribra orbitalia.

Могила 388. Погребение в грунтовой могиле. Длинные борта могилы были выложены небольшими камнями. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении руки были согнуты в локтевых суставах под прямым углом. Погребение частично потревожено (левая бедренная кость не сохранила анатомического положения и находилась в области левых большеберцовой и малоберцовой костей, левые тазовые кости отсутствуют).

Череп грацильный, брахикранный, высокоголовый. Форма черепа в вертикальной норме – асимметричный овоид. Лицо среднеширокое, ортогнатное. Носовой указатель малый (лепториния). Орбиты высокие. Лоб умеренно широкий. Лобные бугры выражены умеренно. Нёбо узкое. Надбровье 0,5 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Лоб округлый. Надглазничные вырезки открытые. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия симметричный,

инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие овальной формы. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Жевательная бугристость выражена слабо.

Посткраниальный скелет грацильный. Размеры длинных костей скелета характеризуются малыми величинами. Ключицы грацильные. Изгиб выражен слабо. Хорошо выражен конусовидный бугорок ключиц. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Форма лопаточной ости волнообразная. Лопаточная вырезка имеет форму отверстия. Верхний край лопатки имеет почти горизонтальную форму. Рельеф плечевых костей выражен слабо (грацильные на нижней границе). Локтевые и лучевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Тазовые кости женские. Возраст по состоянию ушковидной поверхности 21–24 года. Крестец грацильный, женский. Основание крестца нормальное. Бедренные кости умеренно массивные. Пилястр и шероховатая линия выражены средне. Ягодичная бугристость выражена хорошо. Большеберцовые кости умеренно массивные. Бугристость выражена незначительно. Линия камбаловидной мышцы на большеберцовых костях в виде гребня. Погребение женское.

Эпигенетические варианты и патологии. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Отмечен шов по сосцевидному отростку. Межмыщелковые отверстия на плечевых костях. Искривление носовой перегородки. Эмалевая гипоплазия (1 линия). Поротизация в области слуховых проходов. На грудных позвонках отмечены узлы Шморля. Spina bifida. Искривление бедренных костей (О-образное).

Также получены детские правые бедренная и малоберцовая кости. Бедренная (1–205 мм), малоберцовая (1–165 мм).

Могила 390. Погребение в грунтовой могиле. Борта могилы были выложены камнями. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении руки были согнуты в локтевых суставах. Кости правой кисти перекрывают левую подвздошную кость. Кости левой кисти перекрывают правые локтевую и лучевую кости. Погребение детское.

Череп грацильный разрушенный. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открытые. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 0,2 балла. Передняя носовая ость 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 10–11 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Форма затылочного отверстия овальная. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы (70а–41 мм, 71–31 мм, 69с–26 мм).

Кости посткраниального скелета грацильные. Верхний край лопатки наклонен под углом около 30 градусов. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная вырезка глубокая. Отмечено незначительное искривление плечевых, луче-

вых и бедренных костей. Костный рельеф длинных костей скелета выражен слабо. Основание крестца нормальное.

Патологии. Зуб 16 кариес. В области 16 зуба, с внешней стороны тела кости – абсцесс.

Также из могилы 390 получены массивные фрагменты черепа половозрелого индивида. Облитерация черепных швов соотносится с 40 годами. Надглазничные вырезки закрытые. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно.

Могила 391. Погребения в грунтовой могиле. Длинные борта могилы были выложены крупными камнями.

Погребение 391-1. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. При погребении правая рука была согнута в локтевом суставе. Кости правой кисти находятся в области грудины. Левая рука при погребении была согнута в локтевом суставе под прямым углом.

Череп массивный, брахикранный, средневысокий. В вертикальной норме форма черепа асимметричный сфеноид. Лоб узкий. Лицо средневысокое, ортогнатное. Носовой указатель малый (лепториния). Лоб плоский. Орбиты низкие. Нёбо широкое. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные вырезки открытые. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Передняя носовая ость 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Затылочное отверстие овальной формы. Облитерация черепных швов соотносится с 40–45 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Стертость зубов соотносится с 30–35 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Жевательная бугристость выражена умеренно.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Суставная впадина лопатки овоидной формы. Верхний край лопатки несколько наклонен. Лопаточная вырезка глубокая. Ключицы умеренно массивные. Очень хорошо выражен рельеф ключиц и конусовидный бугорок. Длины плечевых костей лежат в значениях малых величин. Плечевые кости умеренно массивные, очень хорошо выражены костный рельеф, дельтовидная бугристость и большой бугорок. Лучевые и локтевые кости умеренно массивные. Очень хорошо выражен рельеф и межкостный край на локтевых и лучевых костях. Тазовые кости массивные, мужские. Возраст по состоянию ушковидной поверхности 30–35 лет. Основание крестца – нормальное. Бедренные кости умеренно массивные. Хорошо выражены шероховатая линия, пилястр, большие и малые вертелы. Ягодичная бугристость выражена умеренно. Большеберцовые кости умеренно массивные. Линия камбаловидной мышцы «невидимая». Бугристость большеберцовой кости выражена слабо. Костный рельеф малоберцовых костей выражен слабо. Погребение мужское.

Патологии. Зубной камень серого цвета. Минерализованные отложения отмечены преимущественно на лингвальной поверхности зубов. Зуб 28 кариес. Зубы 36, 37 утрачены при жизни. Холодовый стресс. Поротизация в области наружных

слуховых проходов. Отмечены костные новообразования в носовой полости. Искривление носовой перегородки. Заметная разница в длине плечевых костей (левая короче). Экзостоз на задней поверхности локтевого отростка, на обеих костях. Остеофитоз первого грудного (T-I) позвонка. Отмечен сильный деформирующий артроз левого тазобедренного сустава, с изменением суставной поверхности. Энтезопатия ахиллова сухожилия на пяточных костях.

Погребение 391-2. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. При погребении руки были согнуты в локтевых суставах. Кости правой кисти перекрывают первые поясничные позвонки. Кости левой кисти перекрывают крестцовые кости.

Череп массивный, брахикранный, средневысокий. Форма черепа в вертикальной норме – сфеноидная. Верхний глазничный край округлый. Орбиты низкие. Лицо узкое, ортогнатное. Нёбо широкое. Лоб узкий, округлый. Носовой указатель малый (лепториния). Надглазничные вырезки открытые. Надбровье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, с предносовыми ямками. Затылочное отверстие овальной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Черепные швы полностью облитерированы, как со стороны эндокрана, так и снаружи. Передняя носовая ость 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубов соотносится с 30 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край, подбородочная ость и жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета массивные. Длины костей находятся в средних значениях. Суставные впадины лопатки грушевидной формы. Лопаточные вырезки выражены отчетливо, но неглубокие. Ключицы грацильные с хорошо выраженными конусовидными бугорками. Плечевые кости массивные. Дельтовидная бугристость выражена умеренно. Хорошо выражен малый бугорок и гребень латерального края. Локтевые и лучевые кости грацильные с хорошо выраженным рельефом и межкостным краем. Тазовые кости умерено массивные, мужские. Хорошо выражены изгиб гребня подвздошной кости и седалищная ость. Возраст по состоянию ушковидной поверхности 35–37 лет. Основание крестца нормальное. Бедренные кости умеренно массивные. Хорошо выражены линия шероховатая линия и ягодичная бугристость. Большеберцовые кости массивные. Линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости выражена умеренно. Передний край большеберцовой кости волнообразный. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Отмечен шов по сосцевидному отростку. Зуб 15 кариес. Зубной камень серого цвета. Поротизация надпереносья. Узлы Шморля и остеофитоз поясничных позвонков (LI–LV). Артроз основания крестца. Холодовый стресс. Поротизация в области наружных слуховых проходов. Отмечено искривление малоберцовых костей по продольной оси. Энтезопатия ахиллова сухожилия на пяточных костях.

Погребение 391-3. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. При погребении руки были согнуты в локтевых суставах. Кости обеих кистей перекрывают поясничные позвонки.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа в вертикальной норме – ромбоидная. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 3 балла. Надглазничные вырезки открытые. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Черепные швы полностью облитерированы, как со стороны эндокрана, так и снаружи. Затылочное отверстие овальной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Состояние зубов соотносится с 35–40 годами. Нижняя челюсть треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край и подбородочная ость. Жевательная бугристость выражена умеренно.

Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Верхний край лопатки наклонный. Лопаточная вырезка выражена отчетливо, неглубокая. Ключицы умеренно массивные. Длины костей лежат в малых величинах. Плечевые кости грацильные. Костный рельеф и дельтовидная бугристость выражены слабо. Очень хорошо выражен малый бугорок. Локтевые и лучевые кости грацильные. Хорошо выражен межкостный край обеих пар. Тазовые кости массивные, мужские. Основание крестца нормальное. Возраст по состоянию ушковидной поверхности 35–39 лет. Бедренные кости грацильные. Шероховатая линия, пилястр и вертелы выражены хорошо. Большеберцовые кости умеренно массивные. Линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости выражена слабо. Малоберцовые кости массивные с хорошим рельефом и незначительным искривлением по продольной оси. Отмечены костные реакции в области нижних эпифизов. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Поротизация теменных костей. Зубы 14–18, 24–28, 37, 38 утрачены при жизни. Cribra orbitalia. На левой теменной кости отмечено травматическое поражение диаметром 20 мм и глубиной 2 мм. Предположительно травма была нанесена твердым тупым предметом с ограниченно действующей поверхностью. Возрастные изменение суставных впадин лопаток. Артроз акромиального конца правой ключицы. Сильное истончение поверхности тела подвздошной кости. Энтезопатия надколенников. Энтезопатия ахиллова сухожилия на пяточных костях. Экзостоз на задней поверхности венечного отростка обеих локтевых костей. На поясничных позвонках (LII–LV) отмечен остеофитоз и деформирующий спондилоз. Остеохондрит левой вертлужной впадины. На латеральных поверхностях большеберцовых костей, ниже середины диафиза, отмечено воспаление надкостницы (периостит).

Погребение 391-4, смещено. Череп массивный, брахикранный, средневысокий. Форма черепа в вертикальной норме – овоидная. Лоб округлый, узкий. Лицо широкое, ортогнатное. Нос широкий. Орбиты средневысокие. Нёбо широкое. Облитерация черепных швов соотносится с 35 годами. Верхний глазничный край округлый.

Надбровье 2 балла. Надглазничные вырезки открытые. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Нос узкий (лепториния). Носовые кости с горбинкой. Затылочное отверстие овальной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражена жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная вырезка выражена отчетливо, неглубокая. Форма лопаточной ости волнообразная. Ключицы массивные с хорошо выраженным костным рельефом. Хорошо выражены вдавление реберно-ключичной связки и конусовидный бугорок. Размеры длинных костей скелета лежат в пределах малых и средних величин. Плечевые кости умеренно массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость, большой бугорок и межбугорковая борозда. Локтевые кости массивные, очень хорошо выражены бугристость и межкостный край. Хорошо выражен рельеф контура блоковидной вырезки. Лучевые кости грацильные. Очень хорошо выражен межкостный край и запястная суставная поверхность. Тазовые кости мужские. Возраст по состоянию ушковидной поверхности 35–40 лет. Основание крестца занижено. Бедренные кости очень массивные. Хорошо выражены костный рельеф, пилястр, шероховатая линия и ягодичная бугристость. Большеберцовые кости очень массивные с хорошо выраженным рельефом. Подколенная линия в виде гребня. Малоберцовые кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Искривление носовой перегородки. Незначительные костные новообразования в носовой полости. Зубы 12, 14, 16–18, 24–28, 45–48 утрачены при жизни. Зубы 36–38 утрачены незадолго до смерти. Зуб 13 разрушен. Зуб 35 кариес. Остеохондроз шейных позвонков. Деформирующий артроз медиального мыщелка на правой плечевой кости. Истончение костной ткани поверхности тела подвздошной кости. Энтезопатия бугристости большеберцовых костей. Остеофитоз поясничных позвонков (LI–LV). О-образное искривление малоберцовых костей. Энтезопатия ахиллова сухожилия на пяточных костях.

Погребение 391-5. Получены фрагменты грацильных плечевых, локтевых, правой лучевой, бедренных и большеберцовых костей. Сохранность костей очень плохая. Длины длинных костей скелета лежат в пределах малых величин. Отмечены возрастные изменения по краю суставной впадины лопатки. Дельтовидная бугристость плечевой кости выражена слабо. Хорошо выражен межкостный край лучевой кости. Пилястр и шероховатая линия бедренных костей выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая».

Погребение 391-6. Получены фрагменты плечевых, локтевых, лучевых, бедренных костей, разрушенный крестец и тазовые кости, а также фрагменты малоберцовых костей и правый надколенник. Костная ткань плечевых костей тонкая.

Хорошо выражена дельтовидная бугристость. Отмечено межмыщелковое отверстие на правой плечевой кости. Локтевые кости умеренно массивные с хорошо выраженным межкостным краем. Лучевые кости малой длины грацильные с очень хорошо выраженным межкостным краем. Тазовые и крестцовые кости мужские. Возраст по состоянию ушковидной поверхности соотносится с 50 годами. Основание крестца нормальное. Хорошо выражены шероховатая линия, большой и малый вертелы. Длины бедренных костей лежат в пределах больших величин. Хорошо выражен костный рельеф малоберцовых костей.

Могила 391, перемещенные кости. Получен краниологический материал, соотносящийся с 2 черепами:

1) Грацильные фрагменты разрушенного детского черепа (теменные, затылочная и височные кости). Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Отмечены добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea, suturae sagittal).

2) Фрагменты разрушенного, умеренно массивного черепа (фрагменты костей лицевого отдела, теменные, височные, фрагмент затылочной кости (31–110 мм, 28–101 мм, высота изгиба затылка 15 мм), 2 фрагмента верхнего края надорбитальной области и стенки глазниц). Затылочное отверстие овальное (16–28 мм, 7–35 мм). Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Затылочная кость непреднамеренно деформирована. Cribra orbitalia.

Также получено две нижние челюсти:

1) Грацильная, разрушенная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Жевательная поверхность выражена умеренно. Зубы 35–37, 46 утрачены при жизни. Угол ветви – женский (69c–30 мм, 70a–56 мм, 71–33 мм, 69-1–25 мм, 69-2–29 мм, 69-3–14 мм, 79–121°).

2) Грацильная, разрушенная, треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край и подбородочная ость. Состояние зубной системы соотносится с 35–45 годами. Зуб 36 утрачен при жизни (69c–32 мм, 6–95 мм, 71–31 мм, 67–43 мм, 69-1–26 мм, 69-2–25 мм, 69-3–12 мм, 79–120°).

Получено два фрагмента массивных бедренных костей половозрелого индивида. Степень сохранности неудовлетворительная, размеры утрачены.

Могила 395. Погребение в грунтовой могиле. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении руки были согнуты в локтевых суставах. Кости правой кисти перекрывают кости грудины. Кости левой кисти находятся в области правого локтевого сустава.

Череп массивный, высокий, по черепному указателю – брахикранный. Форма черепа в вертикальной норме – асимметричный сфеноид. Лоб округлый, узкий. Лицо широкое, в вертикальной плоскости – ортогнатное. Нос узкий (лепториния). Нёбо широкое. Верхний глазничный край острый. Надбровье 0 баллов. Надглазничные вырезки открытые. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочных костей выражен слабо. Затылочное отверстие овальной формы. Раз-

витие зубной системы соотносится с 18–20 годами. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 3 балла. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край, подбородочная ость и жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета массивные, хорошей степени сохранности. Ключицы средней степени массивности. Очень хорошо выражено вдавление реберно-ключичной связки. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная вырезка неглубокая. Форма лопаточной ости волнообразная. Верхний край лопатки практически горизонтальный. Показатели длин костей верхних и нижних конечностей лежат в малых величинах. Плечевые кости умеренно массивные, костный рельеф выражен слабо. Хорошо выражен гребень латерального края. Локтевые и лучевые кости массивные. Межкостный край локтевых костей выражен средне. Лучевые кости умеренно массивные. Межкостный край выражен хорошо. Тазовые кости массивные, мужские. Основание крестца нормальное. Бедренные кости средней степени массивности. Шероховатая линия, пилястр и ягодичная бугристость выражены слабо. Подколенная линия большеберцовой кости «невидимая». Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 20–25 годами. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Поротический гиперостоз теменных костей. Зубной камень серого цвета. Минерализованные отложения отмечены, преимущественно, на лингвальной поверхности. Эмалевая гипоплазия. Нарушение зубного ряда (зуб 28 прорезался через внешнюю боковую поверхность тела верхней челюсти). Патология тазобедренных суставов (остеохондропатия головок бедренных костей). Малоберцовые кости не получены.

Также из заполнения могилы 395 получен костный материал, соотносящийся с разрушенным детским погребением. Череп грацильный, разрушенный. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 18 месяцами. Кости посткраниального скелета частично разрушены: плечевые (1–110 мм); локтевая, левая (1–90 мм); бедренная, левая (1–142 мм); большеберцовая, левая (1–114 мм), подвздошная, левая (12–64 мм, 26–30 мм).

Были получены фрагменты теменных костей, надколенники и фрагменты грацильных бедренных костей половозрелого индивида.

Могила 396. Погребение в грунтовой могиле. Борта могилы были выложены крупными камнями. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. При погребении руки погребенного были согнуты в локтевых суставах. Кости правой кисти находятся в области гребня левой подвздошной кости. Кости левой кисти находятся в области гребня правой подвздошной кости.

Череп разрушен, грацильный, по черепному указателю – резко брахикранный. Форма черепа в вертикальной норме – асимметричный овоид. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открытые. Надбровье 0,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Передняя

носовая ость 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 20 годами. Нижняя челюсть округлой формы. Подбородочный край выражен средне. Жевательная бугристость выражена слабо.

Кости посткраниального скелета грацильные. Величины длин костей верхних и нижних конечностей лежат в малых величинах. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная вырезка неглубокая. Верхний край лопатки наклонен. Форма лопаточной ости волнообразная. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Локтевые и лучевые кости умеренно массивные. Костный рельеф и межкостный край обеих пар выражены слабо. Тазовые кости грацильные, женские. Основание крестца нормальное. Бедренные кости грацильные. Шероховатая линия, пилястр и ягодичная бугристость выражены слабо. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Эпифизы длинных костей рук не срослись. Погребение женское.

Эпигенетические варианты и патологии. Поротизация в области наружных слуховых проходов. Зуб 26 кариес. Зуб 23 повернут вокруг оси (тортопозиция).

Из заполнения могилы были также получены: два фрагмента левых плечевых костей, левая локтевая кость и один фрагмент массивной большеберцовой кости половозрелых индивидов. Большеберцовая кость сильно уплощена. Плечевая (1) кость умеренно массивная с хорошо выраженной дельтовидной бугристостью (5–24 мм, 6–18 мм, 7–58 мм, 4–50 мм, 6:5–75). Плечевая (2) кость массивная, хорошо выражен гребень медиального края. Фрагмент массивной левой локтевой кости с хорошо выраженным костным рельефом (11–15 мм, 12–18 мм, 13–26 мм, 14–27 мм, 11:12–83,3, 13:14–96,2). Также получен фрагмент детской бедренной кости, соотносящийся с возрастом 1 год.

Могила 397. Погребение в грунтовой могиле с перекрытием из необработанных камней. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении руки были согнуты в локтевых костях. Кости правой и левой кистей рук перекрывают правую подвздошную кость.

Череп разрушен, очень массивный. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные вырезки открытые. Облитерация черепных швов не отмечена. Надбровье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, с предносовыми ямками. Передняя носовая ость 3 балла. Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Очень хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Затылочное отверстие овальной формы. Нижняя челюсть массивная треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Длины костей верхних и нижних конечностей лежат в пределах больших величин. Ключицы массивные, с хорошо выраженным рельефом акромиального конца. Правая ключица заметно массивнее. Форма лопаточной ости волнообразная. Суставная впадина лопатки гру-

шевидной формы. Лопаточная вырезка неглубокая. Плечевые кости грацильные с хорошо выраженной дельтовидной бугристостью. Хорошо выражены большой и малый бугорки и межбугорковая борозда. Локтевые и лучевые кости умеренно массивные с очень хорошо выраженным межкостным краем на обеих парах. Хорошо выражен костный рельеф края блоковидной вырезки. Тазовые кости массивные, мужские. Возраст по состоянию ушковидной поверхности соотносится с 30–35 годами. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные. Костная ткань очень плотная и тяжелая. Шероховатая линия выражена хорошо. Пилястр и ягодичная бугристость выражены слабо. Линия камбаловидной мышцы на большеберцовых костях в виде гребня. Хорошо выражена бугристость большеберцовой кости. Малоберцовые кости массивные, костный рельеф выражен хорошо. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Адентия третьих моляров на нижней челюсти. Зубной камень серого цвета отмечен, преимущественно, на лингвальной поверхности зубов. На левой плечевой кости отмечено межмыщелковое отверстие. Поротический гиперостоз теменных костей. Поротизация в области наружных слуховых проходов. Холодовый стресс.

***

Для исследования был получен антропологический материал, соотносящийся с 10 комплектными и 3 некомплектными костяками разной степени сохранности, из них достоверно 7 индивидуумов мужского пола, 2 женского пола и 3 детского возраста.

Все зачищенные *in situ* погребенные были уложены в вытянутом положении на спине головой на северо-запад или юго-запад. При погребении положение тела было свободным. Признаки того, что тела захороненных были обернуты в тленый материал, ограничивающий положение тела в могиле, не отмечено, кроме одного случая. Погребенный в могиле 396 был обернут, предположительно, в саван, что подтверждается как наличием полоски тлена от ткани, так и положением костей скелета.

Возраст погребенных детей был различный – от 1 года до 10 лет. Возраст погребенных женщин 20–24 года. Для мужчин возрастной порог заметно выше и лежит в пределах от 30 до 50 лет.

В пяти могилах отмечен обряд, связанный с неоднократным использованием погребального сооружения. К примеру, в могиле 391 зафиксированы в анатомическом порядке костяки трех погребенных и кости еще четырех смещены, но оставлены в могиле. В могилах 388, 390, 395, 396 зафиксированы одиночные погребения, но при зачистке были получены единичные кости черепов и костей посткраниальных скелетов ранее погребенных в них индивидуумов, как взрослых, так и детей. Полученный костный материал из разрушенных погребений соотносится не менее чем с 9 индивидами. Определение половой принадлежности некомплектных погребен-

ных, в виду фрагментарности и плохой степени сохранности материала, затруднительно.

Полученные женские черепа имели овоидные формы и были несколько асимметричны. Асимметрия читалась по теменным и затылочной костям. Предположительно, данное обстоятельство на нашем материале может быть связано с использованием определенного типа детской колыбели, в которой ребенок находился длительное время в вынужденном положении. Среди форм мужских черепов отмечалось большее разнообразие, фиксировались овоидные, сфеноидные и ромбоидные формы. Один мужской череп также был асимметричен по теменным и затылочной костям.

В целом, мужские черепа были массивными, с хорошо выраженным рельефом и профилировками. Лоб, как правило, был покатый или умеренно покатый. По черепному указателю, все черепа были брахикранными. Орбиты высокие и средневысокие. Нижний край грушевидного отверстия преимущественно инфантильной формы и в двух случаях – с предносовыми ямками. По носовому указателю мужские черепа характеризуются лепторинией. Как правило, наружный рельеф затылочной кости был выражен хорошо. Все альвеолярные части параболические. Нижние челюсти, как правило, имели треугольную и лишь в одном случае округлую формы.

Женские черепа более грацильные, брахикранные, с хорошо выраженными профилировками. Лоб в обоих случаях был округлый. Орбиты высокие и средневысокие. Нижние края грушевидных отверстий были симметричные, инфантильной формы. Наружный рельеф затылочных костей преимущественно выражен умеренно. Альвеолярные части параболические. Нижние челюсти были треугольной и округлой формы.

Половой диморфизм на посткраниальных скелетах выражен достаточно хорошо. Посткраниальные скелеты мужчин характеризовались средними длинами костей рук и ног. Хорошо выраженный мышечный рельеф костей рук, как правило, совпадал с хорошо выраженным рельефом костей ног. Рост погребенных мужчин составлял от 160 до 170 см.

Посткраниальные скелеты женщин, в целом, грацильные, со слабо выраженным костным рельефом и характеризовались средними значениями длин. Общее развитие скелета верхних конечностей совпадает с общим развитием костей нижнего отдела скелета. Рост погребенных женщин составил от 150 до 170 см.

Не метрические признаки, такие как метопический шов, добавочные косточки на черепе, варианты надглазничных отверстий, шов по сосцевидному отростку, адентия третьих моляров, межмыщелковые отверстия на плечевых костях и др. фиксировались в равной степени на мужских и женских костяках. Косвенно указанные признаки могут свидетельствовать о некоторых родственных связях [17, с. 54].

На полученном материале отмечен ряд патологических изменений. Почти у половины погребенных были выявлены патологические изменения в зубочелюстном аппарате. Кариозные поражения отмечены в пяти случаях у погребенных всех поло-

возрастных категорий. Эмалевая гипоплазия зафиксирована у двух захороненных индивидов, мужского и женского пола. Случай абсцесса отмечен сочетано с запущенным кариозным процессом. Вследствие чего, вероятно, и произошло инфицирование внутреннего пространства кости. Три случая прижизненной утраты зубов отмечены только у погребенных мужского пола. Зубной камень отмечен в четырех случаях. Отложение зубного камня отмечено преимущественно на лингвальной поверхности зубов и фиксировалось только на мужских костяках. Указывает ли это на различие в палеодиете мужчин и женщин в представленной серии, пока вопрос открытый. Добавим, что на материале из погребений на плато Эски-Кермена количество индивидов с патологиями зубочелюстного аппарата доходит почти до двух третей от общего числа исследованных на сегодняшний день. Интересно, что в своей статье А. В. Иванов, публикуя результаты исследования антропологического материала, синхронного с нашими погребениями (XIII–XIV вв.), из пещерного города Тепе-Кермен, на 44 исследованных костяках отметил всего 8 случаев кариеса и 3 случая отложения зубного камня [13, с. 74].

Поражения костно-суставного аппарата в виде проявлений, характерных для артроза, отмечались в 4 случаях и только у погребенных мужского пола. В одном случае на мужском костяке отмечена остеохондропатия головок бедренных костей.

Патологии позвоночника выявлены в равной степени у обоих полов. Чаще других отмечались узлы Шморля и остеофитоз позвонков. На двух костяках мужского пола отмечены изменения позвонков, характерные для деформирующего спондилоза. Механизм возникновения узлов Шморля определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые, в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, обусловленных наследственностью, либо являются реакцией на травматическое поражение. Остается устойчивой теория, что, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки [11, с. 179–180; 12, с. 105–108; 22, с. 76]. Деформирующий спондилоз отмечен у 1 погребенного мужского пола. Это дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, характеризующееся определенными изменениями в суставных поверхностях тел позвонков и разрастанием остеофитов по краям, ограничивающих подвижность позвоночного столба [12, с. 109; 22, с. 54–55]. Чаще эта патология встречается в старческом возрасте. На нашем материале патология отмечена в возрасте 35–40 лет. Причины спондилеза могут быть различны: травмы позвоночника, длительные статические нагрузки, ведущие к перенапряжению, остеохондроз. Провоцирующими факторами могут быть переохлаждение или чрезмерная физическая нагрузка.

У погребенной в могиле 388 женщины, возраст которой определяется как 21–24 года, была отмечена патология, известная как spina bifida. Это врожденная аномалия, проявляющаяся незаращиванием или отсутствием задней дужки одного или

нескольких позвонков. В настоящее время некоторые исследователи считают расщепление дужки пятого поясничного и нижележащих позвонков у взрослых вариантом нормы [31, с. 115–117]. В нашем случае spina bifida локализована на крестцовых костях и выражена нарушением формирования дуг на теле крестца. Чем сильнее этот дефект, тем больше дискомфорта испытывает человек. Комплекс проблем, связанных с данной патологией, в том числе может вести и к ортопедическим деформациям. На этом же костяке отмечалось О-образное искривление длинных костей ног.

Поротический гиперостоз костей черепа отмечен на мужских черепах, а его частный случай cribra orbitalia – на мужском и детском. Считается, что поротический гиперостоз возникает как компенсаторная реакция организма на уменьшение в крови количества гемоглобина. Но на сегодняшний день причина возникновения данной патологии остается дискуссионной. Наиболее часто этот признак связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные состояния [10, с. 63, 210–211; 7, с. 21–28; 27, с. 350; 21, с. 35–45]. Существует мнение, что поротизация может быть вызвана наличием гельминтов в организме или локальными воспалительными процессами [18, с. 206–220; 33, с. 336–338]. Высокий процент фиксации данных патологических проявлений принято связывать с общей санитарно-эпидемиологической обстановкой, в особенности, в условиях компактного проживания.

Такой маркер эпизодического стресса, как холодовый стресс, проявляющийся в виде «узора апельсиновой корочки» в области надпереносья и надорбитальных участках черепа, отмечен только на мужских черепах. Данные изменения могут свидетельствовать о стрессовых нагрузках на организм вследствие экстремально низких температур или, что более вероятно в нашем случае, длительного пребывания индивидуума в условиях повышенной влажности при низких температурах [9, с. 104–105]. В подтверждение данного предположения может свидетельствовать отмеченная на этих же черепах поротизация наружной области слуховых проходов и сужение слуховых каналов вследствие воспалительных процессов. Проявления воспалительных процессов на костях черепа, характерные для запущенных форм отита, отмечены в 2 случаях на женских черепах. Помимо традиционных причин их возникновения, таких как осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждения и т.д., есть мнение, что причинами может стать плохое состояние зубного аппарата. На нашем материале проблемы с зубочелюстным аппаратом и признаки отита также были сочетаны.

На двух мужских черепах отмечено костное новообразование в полости носа. Новообразование в обоих случаях повлекло за собой искривление носовой перегородки, что говорит о запущенности заболевания. Причины возникновения данной патологии еще требуют дополнительных исследований, но к вероятным можно отнести наследственные факторы, травматические поражения, воспалительные процессы [14, с. 92]. Нужно сказать, что данная патология отмечается достаточно часто у индивидуумов обоих полов, погребенных на плато на территории городища.

В одном случае на мужском костяке отмечены следы воспаления надкостницы (периостит) на большеберцовых костях.

В нескольких случаях в определенных местах костей рук и ног у погребенных мужского пола отмечена энтезопатия, свидетельствующая о перенапряжении костного-мышечного аппарата, связанного с чрезмерными нагрузками на определенные отделы организма. Данная патология также может развиваться, если длительная физиологическая нагрузка не чередуется с достаточно продолжительным выключением из активной деятельности, при стереотипных движениях, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями.

Отметим низкую степень травматизма на полученном материале. Нами зафиксирована одна компрессионная травма левой теменной кости мужского черепа из могилы 391.

При зачистке мужского костяка из могилы 395 (возраст погребенного около 25 лет) не были зафиксированы обе малоберцовые кости [19, с. 222]. Это не единичный случай, связанный с изъятием отдельных костей скелета при сохранении анатомической целостности костяков. Такие данные есть по материалам раскопок из трех христианских погребальных сооружений на Мангуп-Кале, а также при исследовании синхронных с ними шести погребальных сооружений на плато Эски-Кермен [20, с. 286–290]. Уникальность случая с изъятием костного материала из могилы 395, при сохранении полного анатомического порядка, состоит в том, что это грунтовое погребение. Если для гробниц процесс проникновения в погребальное сооружение с целью извлечения материала достаточно понятен, то в грунтовую могилу проникнуть, не потревожив костяк, если не невозможно, то достаточно проблематично.

Вопросы, связанные с преднамеренным перемещением костных останков, ранее захороненных, и последующими интерпретациями этих практик, уже неоднократно поднимались в научной среде. В разные хронологические промежутки времени и у разных народов примеры манипуляций с останками погребенных носили разнообразный характер, наполненный определенными смысловыми нагрузками [2; 5; 24; 25]. В нашем случае вопрос разрушения целостности костяка интересен в рамках христианских традиций и верований. Очевидно, что наши наблюдения не новы, а лишь дополняют уже имеющиеся факты. В одной из своих работ Н. И. Бармина упоминает о 18 способах обезвреживания костяка, зафиксированных при раскопках средневековых погребений на Мангуп-Кале, но, к сожалению, не раскрывает отмеченные особенности этого архаического обряда [6, с. 83].

***

Как уже было сказано, силами экспедиции была продолжена работа по исследованию могильника на склоне Эски-Кермена. В процессе раскопок было установлено, что ниже уровня исследованных могил 390, 391 и 397 находился склеп 398, относящийся к более раннему периоду функционирования могильника, а могила 396 была впущена в камеру склепа. Также были выявлены и исследованы две подбойные могилы 393 и 394.

Могила 393. Погребение в подбойной могиле. Погребение разрушено, было совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. *In situ* прослежены большеберцовые, малоберцовые кости и кости стоп.

Череп умеренно массивный, искусственно деформированный. Деформация циркулярная, лобно-затылочная, выполненная методом двойного бандажирования. Облитерация черепных швов не отмечена. Лоб широкий, уплощен. Надглазничные вырезки открытые. Надбровье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Состояние зубной системы соотносится с 45 годами.

Посткраниальный скелет неудовлетворительной степени сохранности. Размеры длин длинных костей скелета лежат в пределах малых величин. Костный рельеф плечевых костей выражен умерено. Межкостный край локтевых и правой лучевой костей выражен хорошо. Основание крестца нормальное. Бедренные кости грацильные. Шероховатая линия и пилястр выражены слабо. Ягодичная бугристость выражена умеренно. Большеберцовые кости грацильные. Бугристость выражена слабо. Линия камбаловидной мышцы «невидимая». Передний край большеберцовых костей округлый. Костная ткань тонкая. Погребение женское.

Эпигенетические варианты и патологии. Метопический шов. Зубы 14, 34–38, 45–47 утрачены при жизни. В области зуба 23 с внешней стороны тела кости – абсцесс. Спондилоз позвонков шейного отдела (CIII–CV).

Могила 394. Погребение в подбойной могиле. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении руки были согнуты в плечевых и локтевых суставах. Кости правой кисти перекрывают крестцовые кости. Кости левой кисти частично находятся под левой подвздошной костью.

Череп массивный, частично разрушенный. Форма черепа в вертикальной норме – сфеноидная. Надбровье 3 балла. Нос средний. Лоб широкий, плоский. Облитерация черепных швов соотносится с 25–30 годами. Надглазничные вырезки открытые. Верхний край глазничного отверстия округлой формы. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие круглое. Состояние зубной системы соотносится с 35 годами. Нижняя челюсть треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край, подбородочная ость и жевательная бугристость.

Сохранность посткраниального скелета плохая. Длины костей лежат в пределах средних величин. Суставная впадина лопатки грушевидная. Лопаточная вырезка неглубокая. Ключицы массивные. Очень хорошо выражено вдавление грудинно- ключичной связки. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость и межбугорковая борозда. Локтевые и лучевые кости массивные. Хорошо выражены костный рельеф и межкостный край обеих пар. Тазовые кости массивные, разрушенные, мужские. Основание крестца завышенное. Бедренные кости

массивные. Хорошо выражена шероховатая линия и ягодичная бугристость. Длины большеберцовых костей лежат в пределах больших величин. Подколенная линия в виде гребня. Костная ткань тонкая. Малоберцовые кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Ямочки грануляций. Зубной камень серого цвета. Спондилоз шейных, грудных и поясничных позвонков. Узлы Шморля.

Склеп 398. Склеп имел типичную для данного могильника прямоугольную форму. В дальней (западной) стенке камеры склепа была вырублена лежанка. Положение всех зафиксированных *in situ* захороненных было вытянутое по продольной оси погребения, на спине.

Погребение на лежанке. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение обеих рук вытянутое по продольной оси погребения.

Череп массивный, практически полностью разрушенный. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо.

Кости посткраниального скелета массивные. Длины костей верхних и нижних конечностей лежат в пределах средних величин. Плечевые кости умеренно массивные. Очень хорошо выражены дельтовидная бугристость, большие и малые бугорки и межбугорковая борозда. Локтевые кости массивные, с хорошо выраженным костным рельефом блоковидной вырезки и межкостного края. Лучевые кости умеренно массивные. Хорошо выражены межкостный край и бугристость лучевых костей. Форма межкостного края на правой и левой костях различна. Бедренные кости массивные. Очень хорошо выражена шероховатая линия и ягодичная бугристость. Большеберцовые кости массивные. Линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости выражена умерено. Погребение, предположительно, мужское.

Патологии. Экзостоз на задней поверхности локтевого отростка обеих локтевых костей.

Также получен костный материал детского погребения (фрагменты теменных костей, правая бедренная кость (1–300 мм), два фрагмента большеберцовых костей).

Погребения в камере. Все погребения совершены в вытянутом положении на спине. Сохранность погребений неудовлетворительная.

Костяк 1. Получен фрагмент массивной затылочной кости черепа, фрагменты плечевых, локтевых, лучевых, бедренных и большеберцовых костей. Хорошо выражен межкостный край локтевых костей.

Костяк 2. Получены фрагменты длинных костей рук и ног. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Дельтовидная бугристость плечевых костей выражена слабо. Рельеф бедренных костей выражен слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая».

Костяк 3. Получены фрагменты локтевых, бедренных и большеберцовых костей.

Костяк 4. Череп массивный, разрушенный, получены лобная, височные, затылочная кости. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные вырезки открытые. Надбровье 2 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Форма лопаточной ости волнообразная. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Ключицы массивные с хорошо выраженным костным рельефом. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость. Лучевые кости массивные, разрушенные. Локтевые кости очень массивные. Хорошо выражен костный рельеф блоковидной вырезки. Бедренные кости массивные. Шероховатая линия, пилястр и ягодичная бугристость выражены умеренно. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 30–40 годами.

Костяк 5. Получены грацильные фрагменты черепа (теменные, затылочная кости). Кости посткраниального скелета неудовлетворительной степени сохранности: плечевые кости разрушенные; лучевые (1–140 мм); локтевые (1–153 мм); бедренные кости разрушенные. Погребение детское. Возраст соотносится с 5–6 годами.

Костяк 6. Получен фрагмент затылочной кости. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Также получены разрушенные грацильные плечевые, локтевые и лучевые кости неудовлетворительной степени сохранности. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 30 годами.

Костяк 7. Череп массивный, разрушенный. Форма черепа в вертикальной норме – ромбоидная. Облитерация черепных швов соотносится с 30–40 годами. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Нижняя челюсть треугольной формы. Хорошо выражена жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета плохой степени сохранности, умеренно массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость плечевой кости. Хорошо выражен межкостный край локтевых костей. Шероховатая линия и пилястр бедренных костей выражены хорошо. Ягодичная бугристость выражена умеренно. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Бугристость большеберцовых костей выражена слабо. Очень хорошо выражен рельеф малоберцовых костей. Погребение, предположительно, мужское.

Патологии. Дегенеративно-дистрофические изменения тела нижней челюсти в виду утраты зубного ряда. Зубы 34–37, 44–47 утрачены при жизни. На правой плечевой кости отмечен артроз медиального мыщелка.

Костяк 8. Череп массивный, разрушенный (фрагменты лобной и теменных костей). Лоб покатый. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные вырезки открытые. Надпереносье 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами. Получены фрагменты правой плечевой кости с хорошо выраженным костным рельефом.

Перемещенные погребения. В восточной части камеры склепа 398 были зачищены смещенные кости скелета половозрелого индивида. Получены фрагменты

массивного разрушенного черепа (правая височная кость, затылочная кость разрушенная, нижняя челюсть). Развитие сосцевидного отростка 2 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Получен фрагмент нижней челюсти. Хорошо выражен подбородочный край.

Кости посткраниального скелета массивные, тяжелые. Костная ткань плотная. Локтевые кости массивные с хорошо выраженным межкостным краем и костным рельефом блока кости: правая (3–30 мм, 11–13 мм, 12–17 мм, 13–17 мм, 11:12–76,4); левая (1–252 мм, 2–227 мм, 3–33 мм, 11–13 мм, 12–15 мм, 13–20 мм, 14–25 мм, 3:2–14,5, 11:12–86,6, 13:14–80). Лучевые кости массивные с хорошо выраженным межкостным краем: правая (3–40 мм, 4–18 мм, 5–11 мм, 5:4–61,1), левая (3–40 мм, 4–18 мм, 5–11 мм, 5:4–61,1). Надколенник левый (1–41 мм, 2–41 мм, 1:2–100). Бедренные кости разрушенные, с хорошо выраженным костным рельефом.

Патологии. Зубы 25–27, 36 кариес.

Кости, полученные при зачистке и не соотнесенные с конкретными погребениями.

Черепа: 1) Разрушенный детский череп (лобная, теменные, височные, затылочная кости, нижняя челюсть). Развитие зубной системы соотносится с 4–5 годами; 2) Разрушенный детский череп (лобная, теменные, височные кости). Возраст соотносится с 6 месяцами.

Локтевые кости: 1) Правая грацильная очень плохой сохранности; 2) Пара, детские (1–122 мм); 3) Левая грацильная. Хорошо выражен рельеф блоковидной вырезки локтевой кости и межкостный край (11–15 мм, 12–23 мм, 13–23 мм, 11:12–62,5); 4) Левая детская (1–90 мм).

Лучевые кости: 1) Левая грацильная. Хорошо выражен межкостный край (4–15 мм, 5–10 мм, 5:4–66,6).

Бедренные кости: 1) Левая массивная. Хорошо выражена шероховатая линия и пилястр. Ягодичная бугристость выражена умеренно (6–30 мм, 7–27 мм, 8–88 мм, 6:7–111,1); 2) Левая детская разрушенная.

Надколенники: 1) Правый. Энтезопатия (1–41 мм, 2–44 мм, 1:2–93,1); 2) Левый (1–38 мм, 2–41 мм, 1:2–92,6).

Большеберцовые кости: 1) Пара, грацильные, разрушенные. Линия камбаловидной мышцы «невидимая». Бугристость выражена умеренно. Правая (3–61 мм, 9а–22 мм, 10в–65 мм). Левая (3–61 мм, 9а–22 мм, 10в–65 мм); 2) Пара, грацильные, разрушенные. Линия камбаловидной мышцы «невидимая». Правая (9а–23 мм, 10в–70 мм). Левая (9а–23 мм, 10в–70 мм); 3) Правая разрушенная (9а–26 мм); 4) Левая детская разрушенная.

В склепе было захоронено не менее 15 индивидов (4 из них детского возраста).

Вновь полученные данные, несомненно, дополнят уже имеющуюся информацию о древних жителях пещерного города в разные хронологические промежутки.

Таблица 1. Индивидуальные краниологические измерения.

Измерения на черепе	*№ погребений*													
	387	**388**	**391 -1**	**391 -2**	**391 -3**	**391 -4**	**393**	**394**	**395**	**396**	**397**	**398 леж**	**398 -7**	**398 -8**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*
1 Продольный диаметр	–	167	172	185	–	192	189	–	171	150	–	–	–	–
8 Поперечный диаметр	–	146	142	160	153	161	125	135	161	155	–	–	139	–
9 Наименьшая ширина лба	–	99	93	100	–	105	102	98	97	–	–	–	–	–
10 Наибольшая ширина лба	–	117	124	134	–	138	117	114	136	125	–	–	–	–
11 Шир. основания черепа	–	120	122	137	130	136	–	–	137	131	–	–	–	–
5 Длина основания черепа	–	100	101	104	–	100	–	–	102	–	–	–	–	–
16 Шир. затылоч. отверстия	–	29	28	31	–	31	–	37	30	–	–	–	–	–
7 Длина затылоч. отверстия	–	34	25	36	–	36	–	38	36	–	–	–	–	–
12 Ширина затылка	–	114	107	121	120	121	–	97	111	107	–	119	–	–
17 Высотный диаметр	–	131	125	131	–	136	–	–	135	–	–	–	–	–
Высота po-b	–	126	126	131	–	140	–	–	132	123	–	–	–	–
Высота po-po	–	101	110	120	113	121	–	–	122	117	–	–	–	–
20 Ушная высота	–	115,4	113,3	116,4	–	126,2	–	–	117	108,1	–	–	–	–
29 Лобная хорда	–	106	111	112	–	125	128	121	111	–	–	–	–	110
30 Теменная хорда	–	96	106	107	–	120	103	110	102	101	141	–	77	–
31 Затылочная хорда	83	92	88	88	100	97	–	–	85	84	94	99	92	–
26 Лобная дуга	–	124	110	125	–	147	135	132	125	–	–	–	–	125
27 Теменная дуга	–	107	120	120	–	132	133	123	117	120	160	–	83	–
28 Затылочная дуга	104	113	105	116	137	124	–	–	100	103	113	123	114	–
24 Поперечная дуга po-b-po	–	325	315	340	345	362	–	–	337	335	–	–	–	–
23 Горизонтальная окружность через глабеллу	–	500	–	545	–	568	–	–	525	–	–	–	–	–
25 Сагиттальная дуга n-o	–	347	361	367	–	407	–	–	345	–	–	–	–	–
Высота изгиба лба	–	26	20	26	–	36	12	21	26	–	–	–	–	26
Высота изгиба затылка	25	26	26	33	37	35	–	–	25	23	30	31	33	–
43 Верхн. шир. лица fmt-fmt	–	106	100	108	–	111	106	106	107	–	–	–	–	–
45 Скуловой диаметр	–	127	123	135	–	141	–	–	143	–	–	–	–	–
Длина скуловой кости	–	56	60	65	–	6	–	–	67	–	–	–	–	–
Шир. скуловой кости (по By)	–	52	56	56	–	54	–	–	61	–	–	–	–	–
40 Длина основания лица	–	82	97	88	–	86	–	–	86	–	–	–	–	–
48 Верхняя высота лица	–	67	61	72	–	69	–	71	71	–	–	–	–	–
47 Полная высота лица	–	111	101	119	–	107	–	–	119	–	–	–	–	–
46 Средняя ширина лица	–	90	95	100	–	104	–	97	96	–	–	–	–	–
60 Длина альв. дуги	35	48	51	51	55	54	–	56	54	–	–	–	–	–
61 Ширина альв. дуги	55	60	64	68	64	67	–	64	64	61	–	–	–	–
62 Длина неба	23	45	48	43	50	44	–	–	46	–	–	–	–	–
63 Ширина неба	30	32	42	41	42	42	–	542	42	33	–	–	–	–
55 Высота носа	–	48	48	56	–	52	–	51	53	–	–	–	–	–
54 Ширина носа	22	22	25	26	21	28	–	26	24	24	–	–	–	–
51 Ширина орбиты	–	38	37	43	–	40	–	40	38	–	–	–	–	–
52 Высота орбиты	–	33	32	31	–	32	–	35	34	–	–	–	–	–
50 Максилофронтальная шир.	–	23	22	28	–	30	33	–	25	–	–	–	–	–
Бималярная шир. fmo-fmo	–	96	92	97	–	101	100	95	94	–	–	–	–	–
Выс. назиона над fmo–fmo	–	18	17	21	–	20	–	–	20	–	–	–	–	–

Таблица 1 (продолжение).

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*
Выс. над субспинале zm–zm	–	26	23	26	–	27	–	–	24	–	–	–	–	–
SC Симотическая шир. (57)	–	10	8	11	–	10	–	–	9	–	–	–	–	–
SS Симотическая высота	–	5	5	5	–	5	–	–	4	–	–	–	–	–
MC Максилофронтал. шир. (50)	–	20	20	24	–	28	–	–	–	–	–	–	–	–
MS Максилофронтал. выс.	–	15	12	11	–	17	–	–	13	–	–	–	–	–
DC Дакриальная шир. (49a)	–	22	21	25	–	30	–	–	26	–	–	–	–	–
DS Дакриальная высота	–	11	13	15	–	18	–	–	15	–	–	–	–	–
Глубина клыковой ямки	–	7	4	8	–	6	–	–	7	12	–	–	–	–
68 Длина нижней челюсти от углов	42	71	75	80	77	76	–	127	83	97	–	71	–	–
70(a) Высота ветви ниж. чел.	41	54	60	62	61	67	–	81	60	61	–	47	–	–
69(c) Медиальная высота	23	30	24	34	30	32	23	27	34	38	–	24	25	–
65 Мыщелковая ширина	94	110	122	137	–	140	–	–	134	132	–	112	–	–
66 Угловая ширина	82	90	98	113	–	119	–	–	111	117	–	92	104	–
67 Передняя ширина нижней челюсти ml–ml	37	42	45	46	46	46	50	50	47	49	–	45	48	–
71 Ширина ветви	22	31	33	34	32	32	32	40	36	35	–	27	32	–
69-1 Высота тела P2-M1	–	28	27	28	28	–	–	32	31	33	–	23	–	–
69-2 Высота тела M1-M2	–	25	26	29	27	–	–	28	29	30	–	23	–	–
69(3) Толщина тела	13	15	15	13	14	14	16	15	14	115	–	15	15	–
79 Угол ветви ниж. чел.	135	114	117	115	112	115	122	112	117	115	–	120	120	–
32 Угол профиля лба от назиона	–	85	85	–	–	87	–	–	72	–	–	–	–	–
Угол профиля лба от глабеллы	–	81	–	75	–	82	–	–	70	–	–	–	–	–
77 Назо-молярный угол	–	145	140	135	–	135	–	–	136	–	–	–	–	–
Зиго-максилярный угол	–	-	128	125	–	128	–	–	125	–	–	–	–	–
72 Общелицевой угол	–	85	86	90	–	89	–	–	91	–	–	–	–	–
73 Средний лицевой угол	–	81	82	89	–	84	–	–	92	–	–	–	–	–
75 Угол наклона носовых костей	–	55	43	75	–	45	–	–	52	–	–	–	–	–
Угол выступания подбородка	–	109	85	93	–	80	–	–	82	–	–	–	–	–
74 Угол альвеолярной части	–	90	107	110	–	102	–	–	92	–	–	–	–	–
8:1 Черепной указатель	–	87,4	82,5	86,4	–	83,8	66,1	–	94,1	103,3	–	–	–	–
17:1 Высотно-продольный	–	78,4	72,6	70,8	–	70,8	–	–	78,9	–	–	–	–	–
17:8 Высотно-поперечный	–	78,4	8,0	81,8	–	70,8	–	–	83,8	–	–	–	–	–
48:45 Верхне-лицевой	–	52,7	49,5	53,3	–	48,9	–	–	49,6	–	–	–	–	–
40:5 Выступания лица	–	87	96,0	84,6	–	86	–	–	84,3	–	–	–	–	–
54:55 Носовой	–	45,8	52	46,4	–	53,8	–	50,9	45,2	–	–	–	–	–
9:8 Лобно-поперечный	–	67,8	65,4	62,5	–	65,2	81,6	72,5	60,2	–	–	–	–	–
9:10 Лобный	–	84,6	75	74,6	–	76,0	87,1	85,9	49,2	–	–	–	–	–
9:45 Лобно-скуловой	–	77,9	75,6	74,0	–	74,4	–	–	67,8	–	–	–	–	–
47:45 Общий лицевой	–	87,4	82,1	8,1	–	75,8	–	–	83,2	–	–	–	–	–
40:5 Выступания лица	–	82	96,0	84,6	–	86	–	–	84,3	–	–	–	–	–
MS:MC Максилофронтальный	–	75	60	45,8	–	60,7	–	–	–	–	–	–	–	–
DS:DC Дакриальный	–	55	61,9	60	–	60	–	–	57,6	–	–	–	–	–

Таблица 1 (окончание).

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*
SS:SC Симотический	–	50	25	45,4	–	50	–	–	44,4	–	–	–	–	–
52:51 Орбитный	–	86,8	86,4	72,0	–	80	–	87,5	89,4	–	–	–	–	–
26:25 Лобно-сагиттальный	–	35,7	30,4	34,0	–	–	–	–	36,2	–	–	–	–	–
27:25 Теменно-сагиттальный	–	30,8	33,2	32,6	–	–	–	–	33,9	–	–	–	–	–
28:25 Затылочно-сагиттальный	–	32,5	29,0	31,6	–	–	–	–	28,9	–	–	–	–	–
29:26 Указатель изгиба лба	–	85,4	100,9	89,6	–	85	91,8	91,6	88,8	–	–	–	–	–
31:28 Указатель изгиба затылка	79,8	81,4	83,3	75,8	72,9	78,2	–	–	85	81,5	83,1	80,4	–	–
28:27 Затылочно-теменной указатель	–	105,6	87,5	91,6	–	93,9	–	–	85,4	85,8	70,6	–	–	–

Таблица 2. Индивидуальные измерения ключиц.

	№ погребений													
	387		**388**		**390**		**390-1**		**391-1**		**391-2**		**391-3**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	82	84	127	126	97	97	116	115	127	126	153	150	141	142
6	15	15	28	25	21	21	29	29	34	34	31	32	32	32
6:1	18,2	17,8	22,0	19,8	21,6	21,6	25	25,2	26,7	26,9	20,2	21,3	22,6	22,5

	№ погребений											
	391-4		**391-6**		**393**		**394**		**395**		**397**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	149	155	–	–	–	–	–	–	150	143	141	–
6	43	42	34	34	30	30	42	42	34	33	40	35
6:1	28,8	27,0	–	–	–	–	–	–	22,6	23,0	28,3	–

Таблица 3. Индивидуальные измерения лопаток.

	№ погребений											
	387		**388**		**390**		**391-1**		**391-2**		**391-3**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	133	134	–	–	–	140	–	–	153	–
2	–	–	87	87	72	–	85	–	113	112	104	100
7	–	–	115	109	82	–	125	125	158	149	132	128
12	25	25	32	35	27	27	39	37	41	41	34	37
13	14	14	24	23	17	17	27	26	29	30	26	26

	№ погребений											
	391-4		**394**		**395**		**396**		**397**		**398-4**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	161	161	116	116	–	211	–	–
2	–	107	–	–	110	114	78	77	102	–	–	–
7	133	–	–	–	150	148	95	94	134	135	–	–
12	45	44	38	–	41	41	–	–	–	42	36	–
13	32	31	29	–	29	28	–	–	29	29	25	–

Таблица 4. Индивидуальные измерения плечевых костей.

	№ погребений													
	387		**388**		**390**		**391-1**		**391-2**		**391-3**		**391-4**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	145	–	294	287	217	216	287	275	313	308	294	291	314	314
5	13	–	20	19	16	17	24	25	30	30	21	21	24	29
6	10	–	15	15	13	13	20	17	22	22	19	17	23	24
7	37	–	52	49	40	42	60	60	63	63	60	58	67	67
4	39	–	52	52	40	40	56	55	66	66	60	58	67	68
10	30	–	37	35	29	30	41	41	45	46	42	42	46	46
7:1	25,5	–	17,6	17,0	18,4	19,4	20,9	21,8	20,1	20,4	19,3	18,9	21,3	21,3
6:5	76,9	–	75	78,9	81,2	76,4	83,3	68	73,3	73,3	90,4	80,9	95,8	82,7

	№ погребений													
	391-5		**391-6**		**393**		**394**		**395**		**396**		**397**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	–	–	–	–	305	307	–	266	349	–
5	17	17	21	19	22	21	25	25	25	24	17	16	27	25
6	15	15	16	16	16	16	23	21	22	21	13	13	24	21
7	45	45	52	51	55	55	65	65	67	64	47	45	67	70
4	49	–	56	–	–	–	–	–	63	62	44	45	68	68
10	–	–	40	–	–	–	–	–	46	46	–	30	49	49
7:1	–	–	–	–	–	–	–	–	21,9	20,8	–	16,9	19,1	–
6:5	88,2	88,2	76,1	84,2	72,7	76,1	92	84	88	87,5	76,4	81,2	88,8	84

	№ погребений															
	398 леж.		**398-1**		**398-2**		**398-4**		**398-5**		**398-6**		**398-7**		**398-8**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	296	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	–	29	20	20	–	–	27	–	–	–	–	21	22	–	–	20
6	–	22	17	16	–	–	22	–	–	–	–	–	20	–	–	17
7	66	64	52	52	55	51	64	64	40	40	51	51	59	–	–	53
4	67	66	52	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10	–	47	–	–	–	–	50	–	–	–	41	–	–	–	–	–
7:1	–	21,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6:5	–	75,8	85	80	–	–	81,4	–	–	–	–	–	80	–	–	85

Таблица 5. Индивидуальные измерения лучевых костей.

	№ погребений											
	387		**388**		**390**		**391-1**		**391-2**		**391-3**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	114	–	220	215	160	156	199	193	235	234	220	215
2	–	–	210	205	–	–	189	184	224	224	208	204
3	21	21	35	31	30	30	42	40	40	41	40	37
4	17	17	13	13	11	11	16	15	20	20	16	17
5	16	16	10	10	8	8	11	11	12	12	11	11
5:4	94,1	94,1	76,9	76,9	72,7	72,7	68,7	73,3	60	60	68,7	64,7
3:2	–	–	16,6	15,1	–	–	22,2	21,7	17,8	18,3	19,2	18,1

	№ погребений											
	391-4		391-5		391-6		393		394		395	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	237	234	–	–	–	214	–	–	–	–	212	210
2	222	225	–	–	–	201	–	–	–	–	205	201
3	45	44	–	–	40	40	32	–	43	45	43	42
4	19	19	13	–	17	16	16	–	18	17	17	17
5	12	13	9	–	11	11	10	–	12	11	12	13
5:4	63,1	68,4	69,2	–	64,7	68,7	62,5	–	66,6	64,7	70,5	76,4
3:2	20,2	19,5	–	–	–	19,9	–	–	–	–	20,9	20,8

	№ погребений											
	396		397		398 леж.		398-1		398-2		398-5	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	265	–	–	238	–	–	–	–	141	–
2	195	195	254	–	230	225	–	–	–	–	–	–
3	34	34	44	43	42	44	37	37	35	35	25	–
4	12	12	18	17	20	18	–	–	–	–	9	–
5	9	9	14	14	12	13	–	–	–	–	7	–
5:4	75	75	77,7	82,3	60	72,2	–	–	–	–	77,7	–
3:2	17,4	17,4	17,3	–	18,2	19,5	–	–	–	–	–	–

Таблица 6. Индивидуальные измерения локтевых костей.

	№ погребений											
	387		388		390		391-1		391-2		391-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	125	125	241	235	177	174	225	218	–	250	234	230
2	114	114	214	211	162	162	198	191	–	227	211	209
3	15	15	30	26	23	23	33	32	37	35	32	33
11	6	6	11	11	14	10	13	12	14	15	13	11
12	7	7	15	14	11	11	16	16	17	18	16	15
13	10	10	20	18	16	18	21	21	27	27	26	27
14	15	15	21	21	20	18	27	25	25	27	27	27
3:2	13,1	13,1	14,0	12,3	14,1	14,1	16,6	16,7	–	15,4	14,4	15,7
11:12	85,7	85,7	73,3	78,5	127,2	90,9	81,2	75	82,3	83,3	81,2	73,3
13:14	66,6	66,6	95,2	85,7	80	100	7,7	84	108	100	96,2	100

	№ погребений											
	391-4		391-5		391-6		393		394		395	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	237	259	–	224	–	–	251	–	–	–	234	233
2	230	236	–	201	–	–	221	–	–	–	206	206
3	38	36	–	27	–	31	31	32	40	40	35	36
11	14	16	11	11	11	11	13	11	15	13	14	13
12	19	20	12	13	15	16	16	15	19	17	18	17
13	27	31	–	20	22	23	20	–	–	–	24	25
14	29	29	–	22	23	22	25	24	–	–	27	26
3:2	16,5	15,2	–	13,4	–	–	14	–	–	–	16,9	17,4
11:12	73,6	80	91,6	84,6	73,3	68,7	81,2	–	78,9	78,9	77,7	76,4
13:14	93,1	106,8	–	90,9	95,6	104,5	80	73,3	–	–	88,8	96,1

	№ погребений											
	396		397		398 леж.		398-1		398-2		398-5	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	213	210	280	282	–	255	237	–	–	–	–	–
2	197	191	254	254	–	225	215	–	–	–	–	–
3	25	25	37	40	41	38	27	–	–	–	45	–
11	10	9	17	15	14	15	10	–	11	–	16	–
12	12	12	16	18	19	17	14	–	13	–	12	–
13	20	19	25	27	29	24	22	–	–	–	26	–
14	20	19	30	28	27	26	23	–	–	–	31	–
3:2	12,6	13	14,5	15,7	–	16,8	12,5	–	–	–	–	–
11:12	83,3	75	106,2	83,3	73,6	88,2	71,4	–	84,6	–	133,3	–
13:14	100	100	83,3	96,4	107,4	92,3	95,6	–	–	–	83,8	–

Таблица 7. Индивидуальные измерения бедренных костей.

	№ погребений													
	388		390		391-1		391-2		391-3		391-4		391-5	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	403	403	317	–	384	386	430	427	408	407	440	437	–	–
2	400	399	314	–	378	380	426	427	405	402	439	430	–	–
21	68	68	60	57	75	76	84	83	77	77	83	83	–	–
6	23	23	19	16	24	25	30	28	25	28	33	33	23	22
7	22	23	16	17	25	25	28	30	24	26	29	28	24	25
9	27	21	23	22	31	29	35	34	31	32	31	31	–	27
10	21	21	18	17	21	23	30	30	21	24	32	31	–	23
13	87	83	69	70	83	86	110	106	87	88	100	98	–	–
15	26	25	25	25	28	36	40	46	32	32	36	38	–	–
18	40	38	31	32	44	57	50	50	43	43	50	49	–	–
29	132	132	140	140	131	131	122	122	127	127	137	137	–	–
8:2	17,5	18,0	20,0	–	19,8	19,7	20,6	20,3	18,2	20,3	21,6	22,0	–	–
6:7	104,5	100	118,7	94,1	96	100	107,1	93,3	104,1	107,1	113,7	117,8	95,8	88
10:9	77,7	100	78,2	77,2	67,7	79,3	85,7	88,2	67,7	75	103,2	100	–	85,1

	№ погребений													
	391-6		393		394		395		395-1		396		397	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	397	398	–	–	454	462	419	409	–	–	401	401	–	–
2	397	397	–	–	448	462	415	406	–	–	397	397	–	–
21	68	70	–	–	–	–	85	85	67	–	73	72	–	–
6	27	28	–	27	29	30	29	26	25	29	21	22	33	31
7	24	25	–	27	32	30	27	27	25	26	20	20	30	30
9	27	28	–	30	36	35	31	33	30	31	25	26	36	40
10	28	26	–	23	27	27	25	26	25	28	22	21	27	30
13	88	91	–	–	–	108	97	97	–	–	88	82	101	–
15	28	29	–	–	42	44	37	37	–	–	28	37	37	37
18	41	41	–	–	50	54	57	52	–	–	37	38	48	50
29	136	136	–	–	133	133	121	121	–	–	140	146	122	122
8:2	19,6	20,6	–	–	21,6	19,9	20,4	20,9	–	–	16,3	15,8	–	–
6:7	112,5	112	–	100	90,6	100	107,4	96,2	100	111,5	105	110	110	103,3
10:9	103,7	92,8	–	76,6	75	77,1	80,6	78,7	83,3	90,3	88	8,7	75	75

	№ погребений															
	398 леж.		**398-1**		**398-2**		**398-3**		**398-4**		**398-5**		**398-7**		**398 сдв.**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	421
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	414
21	–	–	60	–	–	–	–	–	–	–	52	52	–	–	77	76
6	29	30	24	–	–	22	21	21	28	28	–	13	29	29	28	26
7	29	31	22	–	–	24	24	24	29	30	–	14	26	27	27	27
9	32	34	27	–	29	26	–	–	36	37	17	18	34	30	31	32
10	30	30	21	–	22	22	–	–	29	27	13	13	25	27	27	24
13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	86
15	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30
18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	126
29	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
8:2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	19,5
6:7	100	96,7	109	–	–	91,6	87,5	87,5	96,5	93,3	–	92,8	111,5	107,4	103,7	96,2
10:9	93,7	88,2	77,7	–	75,8	84,6	–	–	80,5	72,9	76,4	72,2	73,5	90	87	75

Таблица 8. Индивидуальные измерения надколенников.

	№ погребений															
	388		**390**		**391-1**		**391-2**		**391-3**		**393**		**394**		**395**		**395-1**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	37	38	27	27	37	37	46	45	40	40	40	–	47	–	45	46	39	37
2	40	41	27	27	41	31	41	41	41	41	42	–	42	–	46	47	37	37
1:2	92,5	92,6	100	100	90,2	119,3	112,1	109,7	97,5	97,5	95,2	–	111,9	–	97,8	97,8	105,4	100

Таблица 9. Индивидуальные измерения большеберцовых костей.

	№ погребений													
	387		**388**		**390**		**391-1**		**391-2**		**391-3**		**391-4**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	166	–	330	331	–	–	307	308	348	344	325	320	352	350
1a	–	–	333	334	–	–	310	311	350	347	328	329	360	355
2	–	–	319	319	–	–	291	293	325	326	300	308	339	336
3	42	–	65	65	54	54	71	68	77	78	75	72	79	80
9(a)	14	–	22	20	20	20	21	21	25	25	23	23	26	27
10(b)	42	–	60	60	55	55	62	66	74	73	72	71	80	80
10(b):1	25,3	–	18,1	18,1	–	–	20,1	21,4	21,2	21,2	22,1	22,1	22,7	22,8

	№ погребений											
	391-5		**391-6**		**393**		**394**		**395**		**396**	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	–	–	378	–	330	328	337	334
1a	–	–	–	–	–	–	383	–	333	332	345	341
2	–	–	–	–	–	–	362	–	315	313	323	314
3	–	–	–	–	–	–	–	–	78	80	67	66
9(a)	18	18	–	–	–	20	26	25	27	25	20	20
10(b)	60	60	65	65	63	58	80	76	73	76	63	61
10(b):1	–	–	–	–	–	–	21,1	–	22,1	23,1	18,6	18,2

	№ погребений											
	397		398 леж.		398-2		398-3		398-7		398-сдв.	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	345
1a	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	347
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	322
3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	74	72
9(a)	27	26	25	23	17	–	19	–	24	26	23	23
10(b)	81	81	80	84	62	–	–	–	71	72	71	70
10(b):1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	20,2

Таблица 10. Индивидуальные измерения малоберцовых костей.

	№ погребений													
	387		388		390		391-1		391-2		391-3		391-4	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	162	330	333	195	194	–	311	338	339	319	318	352	354
2	–	7	14	13	11	11	13	14	14	14	15	16	13	14
3	–	6	9	9	9	9	10	11	12	10	12	11	13	12
4(a)	–	21	31	26	27	27	33	33	33	33	33	34	35	36
3:2	–	85,7	64,2	69,2	81,8	81,8	76,9	78,5	85,7	71,4	80	68,7	100	85,7

	№ погребений													
	391-6		394		396		397		398 леж.		398-7		398-сдв.	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	–	–	–	–	207	205	–	–	–	342	–	–	–	–
2	–	–	13	15	23	21	18	16	16	17	17	17	12	12
3	–	–	13	11	12	12	15	13	14	14	12	12	10	10
4(a)	–	35	35	33	9	10	35	35	–	40	–	–	30	30
3:2	–	–	100	73,3	52,1	57,7	83,3	81,2	87,5	82,3	70,5	70,5	83,3	83,3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя у «храма Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ТГЭ. 2019. Т. XCIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 266–280.
2. Аксенов В.С. Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червоная Гусаровка // Хазарский альманах. Киев, Харьков, 2009. Т. 8. С. 89–102.
3. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
4. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
5. Антипенко А.В. «Нетипичные погребения» на могильниках варварского населения Крыма // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летия создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2017. С. 17–19.
6. Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 77–84.
7. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. Cribra orbitalia как показатель железодефицитного состояния // Актуальные проблемы медицинской науки и образования. Материалы IV Межрегиональной научной конференции (г. Пенза, 23–24 мая 2013 г.). Пенза, 2013. С. 21–28.
8. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические исследования). М.: Изд-во ИА РАН, 1995. 189 с.
9. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
10. Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
11. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
12. Жарков П.Л. Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей. М.: Медицина, 1994. 240 с.
13. Иванов А.В. Население «пещерного города» Тепе-Кермен по антропологическим данным // ПИФК. 2010. № 2(28). С. 61–75.
14. Кудайбергенова С.Ф., Джаркинбекова Г.К., Суатбаева Р.П., Ищанова Д.М., Расулова М.С. Остеома носовой полости // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2012. № 2. С. 92–93.
15. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.
16. Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.
17. Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере Антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4 (28). С. 51–70.
18. Перерва Е.В. Палеопатологические особенности неполовозрелого и подросткового населения среднесарматского времени, погребенного в могильниках Нижнего Поволжья // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 206–220.
19. Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из некрополя у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XIII международного Византийского семинара / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2021. С. 219–223.
20. Радочин В.Ю. К вопросу о ритуальных разрушениях погребений в христианских некрополях Мангуп-Кале и Эски-Кермена // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное / Ред. В.Н. Зинько, Е.А.

Зинько. Керчь, 2022. С. 286–290.
21. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 1. С. 35–45.
22. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.: Наука, 1965. 304 с.
23. Свадковский Б.С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина, 1974. 175 с.
24. Флеров В.С. Разыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2000а. Т. 1. С. 55–74.
25. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000б. 164 с.
26. Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 376 с.
27. Aufrderheide A.C., Rodrigues-Martin C. Human paleopathology. Cambridge: University Press, 1997. 478 p.
28. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbartsche Verlag, 1989. 301 p.
29. Standards for Data collection from Human Skeletal Remains / Eds. J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker. Fayetteville, Ark.: Arkansas Archeological Survey, 1994. 206 p. (Arkansas Archeological Survey research series. No. 44).
30. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Taraxacum, 1987. 116 p.
31. Vargová L., Horáčková L. Interpretation of Palaeopathological Finds // Interdisciplinaria archaeologica. Natural sciences in archaeology. 2010. Vol. I. Issue 1–2. P. 115–120.
32. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Vol. 123. P. 336–338.
33. White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. Academic Press, 2005. 488 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Excavations of the cemetery near the Church of Three Riders (Eski-Kermen Plateau). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2019, vol. 99, pp. 266–280.
2. Aksenov V.S. Burials with a violation of the anatomical order of the skeleton at the burial ground of the Saltovskaya culture near the village Chervonaya Gusarovka. *Khazarskii al'manakh* [Khazar Almanac], Kiev, Kharkov, 2009, vol. 8, pp. 89–102.
3. Alekseev V.P. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 249 p.
4. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 128 p.
5. Antipenko A.V. "Atypical burials" at the burial grounds of the barbarian population of Crimea. *Arkheologiia Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiia sozdaniia zapovednika "Kalos Limen" i 30-letiiu otkrytiia Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia* [Archeology of the Northwestern Crimea. Proceedings of the III International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the creation of the Kalos Limen reserve and the 30th anniversary of the opening of the Black Sea Museum of History and Local Lore], Simferopol, Nasledie tysiacheletii Publ., 2017, pp. 17–19.
6. Barmina N.I. Mangup basilica in the light of some problems of the crimean Middle Ages. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 77–84.

7. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Paniushkina L.I. Cribra orbitalia as an indicator of iron deficiency. *Aktual'nye problemy meditsinskoi nauki i obrazovaniia. Materialy IV Mezhregional'noi nauchnoi konferentsii* [Actual problems of medical science and education. Proceedings of the IV Interregional Scientific Conference], Penza, 2013, pp. 21–28.
8. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient population (paleopathological aspects of research)]. Moscow, Institute of archeology RAS Publ., 1995, 189 p.
9. Buzhilova A.P. Paleopathology in bioarchaeological reconstructions. Buzhilova A.P., Kozlovskaia M.V., Mednikova M.B. (eds.), *Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii* [Historical human ecology. Biological research technique], Moscow, Novyi sad Publ., 1998, pp. 87–147.
10. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: istoriia bolezni* [Homo sapiens: case history]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005, 320 p.
11. Dobrovol'skaia M.V. *Chelovek i ego pishcha* [Man and his food]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2005, 367 p.
12. Zharkov P.L. *Osteokhondroz i drugie distroficheskie izmeneniia pozvonochnika u vzroslykh i detei* [Osteochondrosis and other degenerative changes of the spine in adults and children]. Moscow, Meditsina Publ., 1994, 240 p.
13. Ivanov A.V. Population of the "cave town" Tepe-Kermen for date of anthropology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2010, no. 2 (28), pp. 61–75.
14. Kudaibergenova S.F., Dzharkinbekova G.K., Suatbaeva R.P., Ishchanova D.M., Rasulova M.S. Osteoma of the nasal cavity. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh National Medical University], 2012, no. 2, pp. 92–93.
15. Pashkova V.I. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii* [Sketches of forensic osteology]. Moscow, Medgiz Publ., 1963, 154 p.
16. Pezhemskii D.V. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia* [The variability of the longitudinal dimensions of the tubular bones of a person and the possibility of reconstructing the physique]. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 2011, 24 p.
17. Pererva E.V. Traits of non-metric variation on postcranial skeleton bones: the case of anthropological material from the necropolis site of ancient settlement Vodyanskoe. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, vol. 28, no. 4, pp. 51–70.
18. Pererva E.V. Paleopathological features of the immature and adolescent population of the Middle Sarmatian time, buried in the burial grounds of the Lower Volga region. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: historical research], 2016, no. 6, pp. 206–220.
19. Radochin V.Iu. Preliminary results of the researches of the palaeoanthropological materials from the cemetery near the three Holy Riders' Church at the plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. Materialy XIII mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara* [13th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, 2021, pp. 219–223.
20. Radochin V.Iu. On the issue of ritual destruction of burials in the Christian necropolises of Mangup-Kale and Eski-Kermen. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (eds.), *XXIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sakral'noe i material'noe* [XXIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Sacred and material], Simferopol, Kerch, 2022, pp. 286–290.
21. Razhev D.I. Reasons for the spread of porotic hyperostosis in medieval populations of Western Siberia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia* [Bulletin of Moscow University. Anthropology], 2016, no. 1, pp. 35–45.
22. Rokhlin D.G. *Bolezni drevnikh liudei* [Diseases of ancient people]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 304 p.
23. Svadkovskii B.S. *Uchebnoe posobie po sudebno-meditsinskoi stomatologii* [Textbook of forensic dentistry]. Moscow, Meditsina Publ., 1974, 175 p.
24. Flerov V.S. Searches for the rite of neutralization of the buried in early medieval Eastern Europe. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages], Donetsk, 2000a, T. 1, pp. 55–74.

25. Flerov V.S. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VIII vekov: obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh* [Alans of the Central Ciscaucasia of the 5th–8th centuries: a rite of neutralization of the buried]. Moscow, Polimedia Publ., 2000b, 164 p.
26. Flerov V.S. Postpogrebal'nye obriady Tsentral'nogo Predkavkaz'ia v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoi Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. [Post-funeral rites of the Central Ciscaucasia in the 1st c. BC. - 4 in. AD and Eastern Europe in the 4th c. BC. – 14th c. AD]. Moscow, Taus Publ., 2007, 376 p.
27. Aufrderheide A.C., Rodriguez-Martin C. *Human paleopathology.* Cambridge University Press, 1998, 478 p.
28. Hauser G., De Stefano G.F. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart, Schweizerbartsche Verlag, 1989, 301 p.
29. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.), *Standards for Data collection from Human Skeletal Remains*. Fayetteville, Arkansas Archeological Survey Publ., 1994, 206 p.
30. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Washington, DC, Taraxacum, 1988, 172 p.
31. Vargová L., Horáčková L., Interpretation of Palaeopathological Finds. *Interdisciplinaria archaeologica. Natural sciences in archaeology*, 2010, vol. I, issue 1–2, pp. 115–120.
32. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American journal of physical anthropology*, 2004, vol. 123, pp. 333–339.
33. White T.D., Folkens P.A. *The human bone manual*. Academic Press, 2005, 488 p.

Информация об авторе

Радочин В. Ю. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7490-2019.

Author information

Radochin V. Yu. – Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7490-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.386-396

БУБЕНЧИКИ ИЗ ГРОБНИЦЫ 19/2020 НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН: СОСТАВ МАТЕРИАЛА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Анастасия Юрьевна Лобода
НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
lobodaau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4926-1140
Анна Витальевна Антипенко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Аннотация. Представленная работа посвящена исследованию двух бубенчиков, найденных в гробнице 19/2020 притвора однонефного храма в квартале II на плато Эски-Кермен. Бубенчики имеют слегка сплющенное тулово с прорезью и небольшой шарик-биту внутри, украшены рифлеными поперечными полосами. Один из бубенчиков сохранился полностью, другой фрагментирован. Целью работы было определение состава металла изделий и технологии их изготовления. Исследование элементного состава металла бубенчиков на лабораторном спектрометре показало, что сами изделия и шарик-бита, сохранившийся внутри одного бубенчика, изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Описаны все, известные на данный момент, реконструкции технологии изготовления подобных изделий, наиболее точным представляется вариант производства восковой модели бубенчиков из двух половинок с последующим литьем по выплавляемой восковой модели с утратой глиняной формы.

Ключевые слова: Эски-Кермен, бубенчики, РФлА, рентгенофлуоресцентный анализ, трасологический анализ, реконструкция технологии производства

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

BELLS FROM THE TOMB 19/2020 ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU: COMPOSITION OF THE MATERIAL AND RECONSTRUCTION OF THE MANUFACTURING PROCESS

Anastasia Yu. Loboda
National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia
lobodaau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4926-1140

© Лобода А.Ю., Антипенко А.В., 2022

Anna V. Antipenko
V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Abstract. The given article studies two small bells found in the tomb 19/2020 in the narthex of the single-nave church in block II at Eski-Kermen plateau. These bells have slightly flattened body with a slit and a small ball inside; they are decorated with corrugated transverse stripes. One of the bells is completely preserved, the other is fragmented. The aim of the work was to determine the composition of the metal and the manufacturing technology of the bells. The X-ray fluorescence analysis of the elemental composition of the metal of the bells showed that the items themselves and the ball inside one bell were made of tin-lead bronze. All currently known reconstructions of the manufacturing technology of such products are described, with the most possible one as the making of wax model of bells comprising of two halves and, later, lost wax casting; clay form was also lost.

Keywords: Eski-Kermen, bells, X-ray fluorescence analysis, trace analysis, reconstruction of production technology

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 "The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period."

Подвески-бубенчики относятся к чрезвычайно широко распространенной категории вещевого инвентаря. Они встречаются в средневековых памятниках на территории от Северо-Восточной и Северо-Западной Руси [6, с. 31–32; 10, с. 133; 17, с. 156; 19] до Крыма [1, с. 69, рис. 34,*23,24*; 2, с. 425; 12, с. 70; 13, с. 116–124]. Подвески-бубенчики были характерны для женского и детского убора. Их носили в составе ожерелий из бус, украшений головного убора. Бубенчики могли служить для застегивания ворота одежды, а также в качестве привесок у пояса и на груди [10, с. 133, 138–139].

В силу того, что бубенчики относятся к часто встречаемым и широко распространенным элементам убора, исследователями неоднократно предпринимались попытки выделить типы изделий в зависимости от морфологических особенностей и времени бытования.

Н. В. Рындина в 1963 г. разделила все, известные на тот момент, бубенчики на четыре типа, в соответствии с их технологическими особенностями. Три типа бубенчиков были отнесены к изделиям, отлитым по восковой модели с сохранением двусторонних форм, а последний – бубенчики, спаянные из двух тисненых половинок [16, с. 244].

М. В. Седова, проанализировав бубенчики из Новгорода, предложила классификацию изделий по форме, объединив в одной из групп литые и тисненые бубенчики [17, с. 156].

Позже, включив в выборку новые бубенчики, В. И. Поветкин разделил изделия на три группы по технологическим особенностям, с внутренним разделением на типы и варианты, согласно их форме. Помимо отлитых в двусторонних формах

и тисненых, В. И. Поветкиным были также обнаружены бубенчики, отлитые по восковой модели с потерей формы [15].

Литые бубенчики изготавливались из различного металла. Большая часть опубликованных изделий изготовлена из медных сплавов, однако также известны бубенчики из драгоценных металлов [6, с. 125]. Е. И. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой были опубликованы составы металла более 50 бубенчиков в рамках исследования металлических изделий «Земли вятичей». Литые шаровидные линейнопрорезные бубенчики были отнесены авторами к «общедревнерусскому» типу украшений. Было отмечено, что большая их часть изготовлена из широко распространенного в древнерусском ювелирном деле медного сплава с добавлением олова (1–10%) и свинца (0,5–2%) [6, с. 131]. В числе прочих изделий, найденных на поселениях в Белозерье, И. Е. Зайцевой был также опубликован состав металла четырех бубенчиков из оловянно-свинцовой бронзы и многокомпонентной латуни, аналогичных по типу сплава другим предметам поселений [8]. Несколько бубенчиков из Гнездова также изготовлены из сплавов на медной основе [5]. Среди исследованных изделий Плотниковского могильника проанализирован бубенчик из многокомпонентной латуни, выделяющийся на фоне составов металла других изделий [4]. К. С. Чугунова, проанализировав 71 бубенчик из могильников Северо-Западной Руси, разделила их на группы по типу медного сплава (бронзы, цинкосодержащие бронзы и латуни). Все исследованные ей изделия, по своему происхождению, разбивались на две группы – «гдовская» и «ижорская» серии, и их составы также разделились сообразно территориальной принадлежности. Обнаруженную разницу автор объясняет разными источниками сырья и вторичным использованием металла [19]. Считается, что именно оловянно-свинцовую бронзу, являющуюся качественным литейным сплавом, ярославские мастера-ювелиры на протяжении длительного времени использовали преимущественно для изготовления литых украшений, в том числе и шаровидных бубенчиков [7, с. 198]. Анализируя все вышеупомянутое, можно отметить, что чаще всего бубенчики изготавливались из того же металла, что и большая часть мелких литых изделий, имеющих хождение на исследуемой территории.

Представленная работа посвящена исследованию двух бубенчиков, найденных экспедицией Института археологии Крыма РАН и Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в гробнице 19/2020 из притвора однонефного храма в квартале II на плато Эски-Кермен. Литые бубенчики имеют слегка сплющенное тулово с прорезью и с небольшим шариком-битой внутри, украшены рифлеными поперечными полосами. Аналогичные изделия были обнаружены в костнице у квартальной часовни жилого квартала I, расположенного на Главной улице напротив пещерного каземата V [2, с. 425], в склепе 6 могильника у с. Лучистое с вещами XI–XII вв. [1, с. 69, рис. 34,*23,24*], в Белой Веже в слое второй половины XI – начала XII в. [14, с. 234, рис. 82,*21*]. Небольшие бубенчики-пуговицы найдены в погребении 7А некрополя Горзувиты, широко датирующемся VIII–XI вв. [12, с. 70], в могильнике Дзукалаи на Керченском

полуострове в погребениях, датированных XIII–XIV вв. [13, с. 116–124].

Один бубенчик из гробницы 19/2020 Эски-Кермена сохранился полностью, вместе с внутренним шариком (рис. 1,*1*), второй разломан на две части (рис. 1,*2*). Согласно классификации В. И. Поветкина, бубенчики из гробницы 19/2020 на плато Эски-Кермен относятся к типу 1Б – двухчастнолитые округлые продольнопрорезные бубенчики с тройной опояской. Подобные изделия, как правило, датируются серединой XII – второй половиной XIII в. [15; 18]. Целью работы было определение состава металла изделий и технологии их изготовления.

Элементный состав металла бубенчиков был определен неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре M1 MISTRAL (Bruker). Технологические особенности изделий определялись на оптическом микроскопе Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C с увеличением X50 и X100.

Элементный состав

Исследуемые бубенчики изготовлены из медного сплава, содержащего ок. 80% меди, 4–8% свинца, 6–11% олова и незначительную примесь серебра. В одном из бубенчиков повышено содержание железа, однако это может быть связано с коррозией исследуемой поверхности (табл. 1,Б1). Металлический шарик, сохранившийся внутри бубенчика 1, изготовлен из аналогичного металла, однако содержание в нем свинца несколько ниже, а олова выше (2,8% и 17,2% соответственно) (табл. 1,Б1/2).

Таблица 1. Элементный состав бубенчиков по данным РФлА

	Cu	*Pb*	*Sn*	*Fe*	*Ag*
Б1	81,3	4,26	6,33	8,06	0,05
Б1/2	78,8	2,8	17,2	0,2	
Б2	80,06	8,71	11,03	0,14	0,06

Технология изготовления

Бубенчик 1 имеет высоту с петлей – 21,7 мм, без петли – 14,7 мм, ширину – 14,6 мм (рис. 1,*1*).

Бубенчик 2 фрагментирован, имеет высоту с петлей – 21,2 мм, без петли – 13,6 мм, ширину – 13,5 мм (16,6 мм в области разрыва) (рис. 1,*2*).

Толщина металла в верхней части, у петли, составляет 0,3–0,4 мм, у прорези – 0,6 мм.

На внешней поверхности бубенчиков зафиксированы следы литья: наросты, поры, непроливы (рис. 1,*3–5*). Шов на внешней поверхности изделий расположен параллельно плоскости петли и прорези и проходит как по тулову, так и по петле бубенчиков (рис. 1,*3–5*). На шве и на торцевой поверхности прорези бубенчика 1 зафиксированы следы абразивной обработки (рис. 1,*3,6*).

Внутренняя поверхность была изучена у фрагментированного изделия (Б2). На ней были зафиксированы наросты и поры. Следов шва не обнаружено (рис. 1,*7*).

Обсуждение

Исследование бубенчиков методом РФлА показало, что изделия изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы без примеси цинка. Из трехкомпонентных бронз данной рецептуры выполнено около трети выборки изделий из раскопок на плато Эски-Кермен [3, с. 39]. Проведенные нами в этом году исследования показали, что бубенчики, найденные в соседней гробнице 14/2022 из храма в квартале II, изготовлены из такого же сплава (данные не опубликованы).

На данный момент известны четыре предположительных реконструкции технологии изготовления округлых продольнопрорезных бубенчиков. Во всех вариантах предполагается, что звенящий шарик помещался внутрь бубенчика еще до отливки самого изделия.

Большая часть исследователей, описывая технологию производства двухчастнолитых бубенчиков, ссылается на процесс изготовления, описанный Н. В. Рындиной в 1963 г. [16; 9; 14]. Отливку двухчастнолитых бубенчиков с сохранением двусторонних форм Н. В. Рындина описывает следующим образом. Металлический шарик заформовывался в «стержень» из песка и глины, который затем покрывался воском требуемой толщины. К восковой модели прикреплялась петля, а затем, «обычным образом» изготавливалась двусторонняя глиняная форма. Глиняный «стержень» закреплялся внутри двусторонней формы при помощи проволоки, которой протыкали восковую модель. После литья проволока удалялась, отверстия от нее на готовом изделии зачеканивались [16, с. 247].

В 1974 г. В. Д. Леньков предложил другую технологическую последовательность. По его мнению, восковые модели бубенчиков изготавливались в жестких резных формах и представляли собой две половинки бубенчика, которые затем соединялись. Перед соединением восковых половинок внутрь тулова помещался шарик и глиняная масса. После этого восковая модель заформовывалась в глину и проводилось литье по восковой модели [9, с. 154].

Схема отливки бубенчиков по восковой модели, более подробно описывающая технологические аспекты процесса, опубликована чешскими исследователями Р. Малиновой и Я. Малиной [11, с. 172]. Опираясь на «технологическую инструкцию» XVI в. по производству золотых и серебряных бубенчиков, авторы описали изготовление цельной восковой модели изделия на «стержне» из смеси глины и молотого древесного угля с заформованным внутрь шариком. Процесс создания восковой модели аналогичен схеме, предложенной Н. В. Рындиной. Далее, авторы реконструируют формование восковой модели с прикрепленным к ней литником и воздуховодами в глиняную массу, последующее литье, разбивание внешней глиняной формы и удаление глины изнутри изделия.

Изучая древнерусское ювелирное дело, Е. И. Зайцева и Т. Г. Сарачева предложили свою реконструкцию процесса производства бубенчиков, во многом опираясь на труды предшественников, в особенности В. Д. Ленькова [6, с. 204]. Авторы предполагают, что восковая модель состояла из двух половинок, каждая из кото-

рых представляла собой половинку тулова и ушка бубенчика. Внутрь каждой полусферы заливалась формовочная масса, в которую помещался металлический шарик, после чего половинки соединялись. Прорезь в тулове изделий создавалась после соединения деталей бубенчика. Авторы также допускают, что восковая модель могла не заполняться глиной перед соединением, а, после создания прорези, обмакиваться в глиняную массу, что облегчало процесс удаления формовочной смеси из тулова бубенчика после литья. Затем восковая модель с литником покрывалась формовочной смесью, и проводилось литье по выплавляемой восковой модели с потерей глиняной формы.

Все описанные технологические схемы предполагают изготовление бубенчиков по выплавляемым восковым моделям. Процесс, реконструированный чешскими исследователями [11, с. 172], позволяет получить изделие без внешнего соединительного шва, что не соответствует наблюдаемым на бубенчиках из Эски-Кермена дефектам.

Реконструкция производственного процесса, предложенная Н. В. Рындиной – создание восковой модели на основе «стержня» с заформованным в глиняную смесь шариком, решает проблему создания бесшовной внутренней поверхности бубенчиков. Предположительно, фиксация «стержня»-вкладки внутри глиняной формы может производиться не с помощью проволоки, а через соединительную глиняную перегородку на месте прорези в тулове, что позволит избежать последующей зачеканки отверстий. Однако, неясно применение двухчастных глиняных форм и их дальнейшее сохранение, учитывая невозможность повторного применения, так как они создаются на основе уникальных размеров внутреннего глиняного «стержня».

Нужно отдельно отметить расположение прорези в бубенчиках. Согласно опубликованным экземплярам, в двухчастнолитых округлых продольнопрорезных бубенчиках прорезь всегда проходит параллельно шву на изделии. Е. И. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой отмечается, что «отверстие в нижней части восковой модели вырезали после соединения половинок, так как на многих экземплярах контуры отверстия перекрывают и нарушают соединительные швы и декор» [6, с. 205].

В случае создания цельной восковой модели на «стержне» и последующей формовки модели в двухчастную форму, литейный шов, в некоторых случаях, неизбежно будет сдвигаться в ту или другую сторону. Однако, исследованная разными авторами на данный момент широкая выборка бубенчиков достаточно однородна в этом вопросе – прорезь в изделиях данного типа всегда расположена параллельно шву. Прорези в исследуемых бубенчиках из Эски-Кермена также перекрывают декор, важным является и их расположение относительно шва на внешней стороне изделия. Прорезь в обоих случаях располагается на одной половинке бубенчика и проходит вдоль соединительного шва, не заходя на вторую половину. Это приводит нас к тому, что вариант производства восковой модели бубенчиков из двух половинок, предложенный В. Д. Леньковым, а затем более подробно аргументированный Е. И. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой представляется наиболее возможным. Таким об-

разом, шов, наблюдаемый на внешней поверхности бубенчиков из Эски-Кермена, следует назвать не литейным, а соединительным швом. Однако описанная авторами последовательность технологических операций также оставляет ряд вопросов. Важнейшим из них остается наблюдаемое на изделиях отсутствие шва и сдвига соединенных половин внутри бубенчика при наличии этого расхождения на внешней поверхности.

Заключение

Исследование элементного состава металла бубенчиков из гробницы 19/2020 на лабораторном спектрометре показало, что изделия изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Из сплавов подобного типа выполнено около трети всех, исследованных на данный момент, изделий из раскопок на плато Эски-Кермен [3, с. 39]. Это хорошо соотносится с опубликованными другими исследователями данными и подтверждает, что литые бубенчики чаще всего изготавливались из тех же сплавов, что и другие мелкие литые изделия конкретного региона.

На данный момент существует четыре варианта реконструкции технологии производства подобных бубенчиков. Все описанные технологические схемы предполагают изготовление бубенчиков по выплавляемым восковым моделям. Наиболее точным кажется вариант производства восковой модели бубенчиков из двух половинок с последующим литьем по выплавляемой восковой модели с утратой глиняной формы. Такая реконструкция описана В. Д. Леньковым [9, с. 154], а затем Е. И. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой [6, с. 204]. Однако предложенная авторами последовательность технологических операций не объясняет образование гладкой внутренней поверхности внутри бубенчиков при наличии некоторого сдвига и шва на внешней поверхности изделий в месте соединения половинок восковой модели.

Следуя описанной предыдущими исследователями реконструкции технологического цикла производства, можно предположить, что выравнивание внутренней поверхности могло либо быть следствием специфического метода соединения половинок восковой модели, либо намеренно производиться после спаивания двух половинок и создания прорези, но до предположительного обмакивания готовой восковой модели в глину. Данные предположения требуют дальнейшей работы и экспериментального моделирования для уточнения деталей возможных этапов технологического процесса.

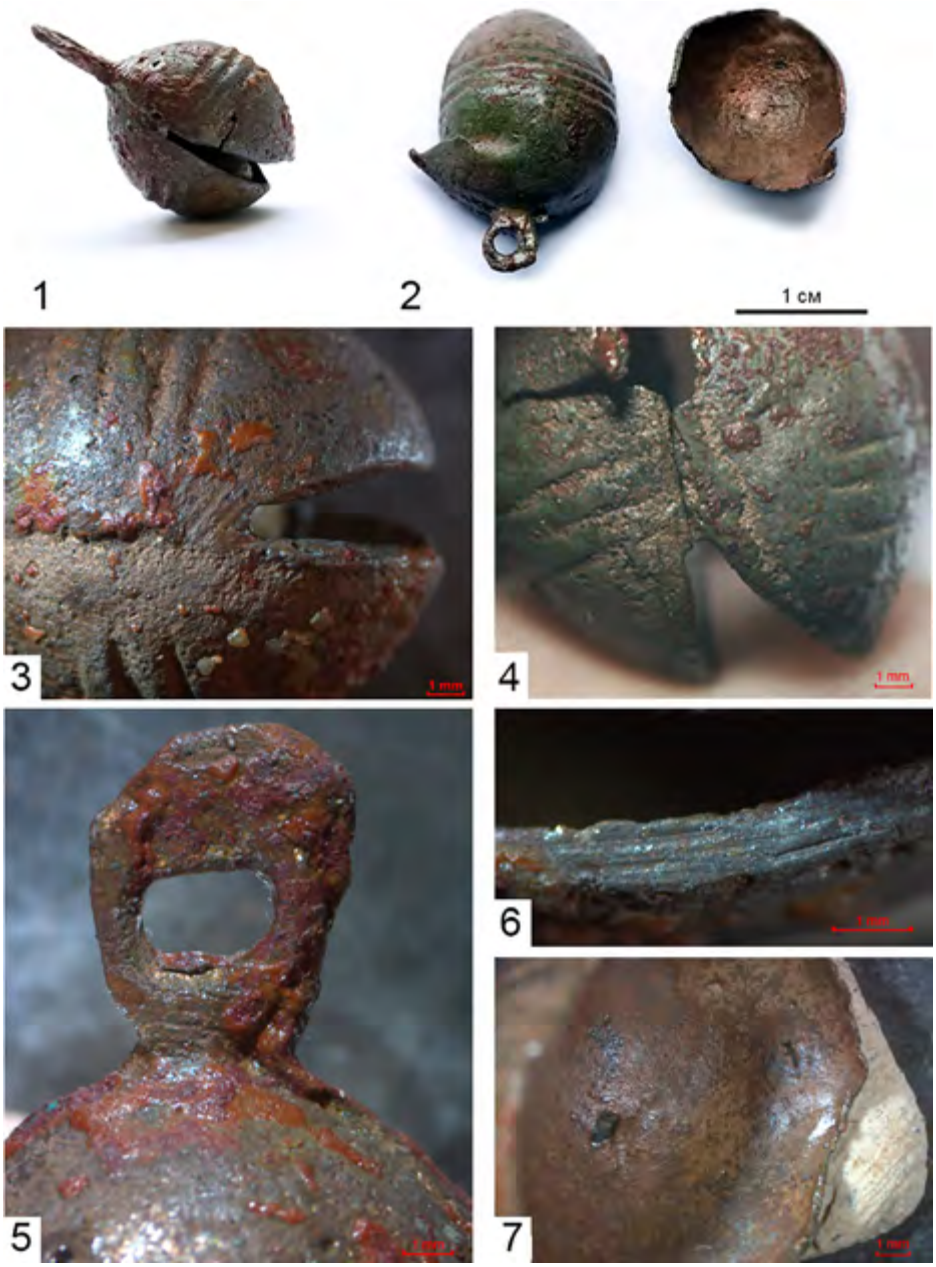


Рис. 1. Бубенчики из гробницы 19/2020, Эски-Кермен: *1* – Б1; *2* – Б2. *3* – Следы литья и абразивной обработки, Б1. *4* – Следы литья, Б2. *5* – Петля, следы литья, шов, Б1. *6* – Следы абразивной обработки, Б1. *7* – Внутренняя поверхность Б2, место шва на внешней поверхности

Fig. 1. Bells from tomb 19/2020, Eski-Kermen: *1* – B1; *2* – B2. *3* – Traces of casting and abrasive processing, B1. *4* – Traces of casting, B2. *5* – Loop, traces of casting, seam, B1. *6* – Traces of abrasive processing, B1. *7* – The inner surface of B2, the place of the seam on the outer surface

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь, 2008. 334 с.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
3. Антипенко А.В., Хайрединова Э.А. Элементный состав средневековых изделий из цветных металлов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 37–46.
4. Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника Родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 1 (28). С. 114–131.
5. Ениосова Н.В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 724–733.
6. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.
7. Зайцева И.Е., Сапрыкина И.А. Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточной Руси (по материалам исследований в средневековом Ярославле) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 193–208.
8. Зайцева И.Е. Цветной металл средневековых поселений Крутик и Никольское V в Белозерье // РА. 2017. № 1. С. 96–115.
9. Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке: (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. 173 с.
10. Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески – бубенчики // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. Очерк по истории русской деревни. С. 133–148.
11. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох / Пер. с чеш. М.: Мысль, 1988. 271 с.
12. Мастыкова А.В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты (Южный берег Крыма) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 64–80. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.5.
13. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV в. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
14. Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Историко-стратиграфическое исследование. Воронеж: ВГУ, 2006. 392 с.
15. Поветкин В.И. Бубенчики-звонцы в Древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. 2009. № 2. С. 79–92.
16. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3: Новые методы в археологии / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 201–268. (МИА. № 117).
17. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
18. Сидорова А.К. Археологическое изучение Великого Новгорода в 2000-х годах (по материалам журнала «Российская археология») // 10 корпус. 2020. № 6. С. 13–20.
19. Чугунова К.С. Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов // «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая…». Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / Под ред. Р.А. Рабиновича, Н.П. Тельнова. Кишинев: Stratum Plus, 2020. С. 341–352.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [The cemetery near the village of Luchistoye. Vol. 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, 2008, 334 p.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late medieval chapel on Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
3. Antipenko A.V., Khairedinova E.A. The ultimate composition of mediaeval artefacts of nonferrous metals. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [12th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 37–46.
4. Briukhova N.G., Podosenova Iu.A., Krylasova N.B. Plotnikovskiy burial ground jewelry of the Rodanov archaeological culture (based on the 2011–2013 materials). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* [Perm University Herald. History], 2015, vol. 1 (28), pp. 114–131.
5. Eniosova N.V. Chemical composition of non-ferrous metal from Gnezdovo. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* [Historical journal: scientific research], 2016, vol. 6, pp. 724–733.
6. Zaitseva I.E., Saracheva T.G. *Iuvelirnoe delo «Zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI – XIII v.* [Jeweller's craft of the "Land of vyatichi" in the second half of the 11th – 13th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 404 p.
7. Zaitseva I.E., Saprykina I.A. New data on the characteristic of non-ferrous metal from North-Eastern Rus' (on the material of investigations in medieval Yaroslavl). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2014, vol. 233, pp. 193–208.
8. Zaitseva I.E. Non-ferrous metals from the medieval settlements of Krutik and Nikolskoe V in the Beloe Lake area. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2017, vol. 1, pp. 96–115.
9. Len'kov V.D. *Metallurgiia i metalloobrabotka u chzhurchzhenei v XII veke: (Po materialam issledovanii Shaiginskogo gorodishcha)* [Metallurgy and metalworking among the Jurchens in the 12th century: (According to the research materials of the Shaiginsky settlement)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 173 p.
10. Mal'm V.A., Fekhner M.V. Pendants – bells. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Proceedings of the State Historical Museum], 1967, vol. 43, pp. 133–148.
11. Malinova R., Malina Ia. *Pryzhok v proshloe. Eksperiment raskryvaet tainy drevnikh epokh* [Jump into the past. The experiment reveals the secrets of ancient eras]. Moscow, Mysl Publ., 1988, 271 p.
12. Mastykova A.V. On the Finds of Metal Crosses at the Medieval Burial Ground of Gorzuvity (The Southern Coast of Crimea). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 64–80. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.5.
13. Orlov R.S. From the history of the rural population of the Kerch Peninsula in the 13th–14th centuries. Baran V.D. (Ed.), *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia* [Monuments of ancient cultures of the Northern Black Sea region], Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, pp. 114–129.
14. Pletneva S.A. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi. Istoriko-stratigraficheskoe issledovanie* [Ancient Russian city in the nomadic steppe. Historical and stratigraphic research]. Voronezh, State University Publ., 2006, 392 p.
15. Povetkin V.I. Zvontsy bells from Ancient Novgorod (usage, manufacture, typology and chronology). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2009, vol. 2, pp. 79–92.
16. Ryndina N.V. Production technology of Novgorod jewelers of the 10th–15th centuries. Artsikhovsky A.V., Kolchin B.A. (Eds.), *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. T. 3: Novye metody v arkheologii* [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition. Vol. 3: New methods in archeology], Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, pp. 201–268.
17. Sedova M.V. *Iuvelirnye izdeliia Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelery of Ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 195 p.

18. Sidorova A.K. Archaeological study of the Veliky Novgorod in the 2000 (by material of the journal "Russian Archaeology"). *10 korpus*, 2020, vol. 6, pp. 13–20.
19. Chugunova K.S. Informational Value of Medieval Metal's Chemical Composition Based on Two Groups of Copper-Alloy Jewelry. Rabinovich R.A., Telnov N.P. (Eds.), *«Na odno krylo – serebrianaia, na drugoe – zolotaia…». Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi* ["One her wing is silver, the other one is made of gold…" Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva], Kishinev, Stratum Plus Publ., 2020, pp. 341–352.

Информация об авторах

Лобода А. Ю. – научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; научный сотрудник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: U-4725-2017.

Антипенко А. В. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; младший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: U-2937-2019.

Authors information

Loboda A. Yu. – Researcher of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center "Kurchatov Institute"; Researcher of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC "Kurchatov Institute" – IREA, Researcher ID: U-4725-2017.

Antipenko A. V. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: U-2937-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.397-419

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК СОЛХАТА И БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ

Джемиле Эльвировна Сейдалиева
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Аннотация. При археологических исследованиях Крымского Улуса Золотой Орды среди множества находок в культурных слоях конца XIII – начала XV в. нередко встречаются сфероконические сосуды. Специальных работ, посвященных сфероконусам Солхатского городища и его ближайшей округи, до настоящего времени не публиковалось. В нашем исследовании предпринимается попытка представить ассортимент изделий из археологических исследований, которые проводились в период с 1978 по 2021 гг. В статье представлены материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Старокрымском литературно-художественном музее и Крымскотатарском музее культурно-исторического наследия. На сегодняшний день нет сведений об изготовлении данных изделий на территории столицы крымского юрта Улуса Джучи. Находки сфероконусов встречаются практически на всех исследуемых памятниках Солхатского городища. Наиболее распространены красноглиняные и сероглиняные сосуды с «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. На данном этапе исследования мы можем предполагать, что находки сфероконусов связаны с ремесленной деятельностью городища, при этом на территории ремесленного поселения Бокаташ II с 2001 по 2008 гг. не было обнаружено ни одного фрагмента сфероконуса. Большинство изделий сфероконических сосудов происходит с раскопа 46, который расположен в округе средневековой бани в Георгиевской балке, исследованного в 2017 г., что может косвенно указывать на использование этого вида сосудов в медицине или парфюмерии. Вероятней всего, в них перевозили дорогостоящие и быстро улетучивающиеся жидкости. Предпринята попытка систематизации, анализа и интерпретации данной категории находок. Всего приведено 50 находок, датируемых концом XIII – первой половиной XV в. Статья сопровождается каталогом с подробным описанием найденных изделий и таблицами иллюстраций.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, керамика, сфероконусы

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму». Выражаю благодарность М. Г. Крамаровскому за возможность опубликовать материал и В. Е. Науменко за консультацию при подготовке настоящей публикации.

SPHERO-CONICAL VESSELS FROM THE GOLDEN HORDE PERIOD EXCAVATED AT SOLKHAT AND THE SITES IN ITS IMMEDIATE VICINITY

Dzhemile E. Seidalieva
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

© Сейдалиева Д.Э., 2022

Abstract. Archaeological researches of the Crimean *ulus* of the Golden Horde discovered multitude of finds in the cultural layers from the late-thirteenth to the early fifteenth century, and particularly sphero-conical vessels. So far there existed no special studies addressing the sphero-conical vessels from Solkhat and its immediate vicinity. This article investigates the range of ware in question originating from 1978–2021archaeological researches. The materials in question reside in the State Hermitage Museum, Museum of Literature and Art of Staryi Krym, and the Crimean Tatar Museum of Cultural and Historical Heritage. At the moment, there is no information on the manufacture of this ware in the capital of the Crimean *yurt* of the Dzhuchi Ulus. The finds of sphero-conical vessels appeared at almost all the studied monuments in the fortified settlement of Solkhat. The most widespread are red-clay and grey-clay vessels decorated with "chain-mail" or "honeycomb" patterns. At this stage of the study, one can assume that the finds of sphero-conical vessels were related to the industries developed in the settlement. Moreover, the 2001 to 2008 archaeological research of the industrial settlement of Bokatash II did not uncover any fragment of sphero-conical vessel. The most part of sphero-conical vessels originate from excavation trench 46 located in the vicinity of the mediaeval bath in Georgievskaia ravine and researched in 2017. It could be indirect evidence that the vessels in question were transport containers for expensive and rapidly volatile liquids. An attempt has been made to systematize, analyse, and interpret this category of finds. The study addresses 50 finds total dated from the late thirteenth to the first half of the fifteenth centuries. The article includes the catalogue with detailed description of the ceramic finds and illustrations.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, pottery, sphero-conical vessels

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. I am grateful to M. G. Kramarovskii for the permission to publish this material and V. E. Naumenko for the consultation during the preparation of this article.

При археологических исследованиях памятников Крыма эпохи Золотой Орды среди множества находок в культурных слоях конца XIII – начала XV в. нередко встречаются сфероконические сосуды. Вероятней всего, это связано с их использованием в быту и ремесленной деятельности [25, с. 130]. Сфероконусами называют небольшие толстостенные узкогорлые сосуды шарообразной или вытянутой формы с заостренным дном, предназначавшиеся для перевозки ртути, благовоний и других дорогостоящих жидких товаров [6, с. 97; 20; 22; 29, с. 282–284]. Свое название они получили от формы первых обнаруженных такого рода керамических изделий, сочетавших сферический корпус с коническим дном. В некоторых странах Средней Азии их называют «симабкузачами» («кувшины для серебряной воды», то есть ртути) [12, с. 2], где «симаб» – серебряная вода (ртуть), а «кузача» – глиняная посуда с тонкой горловиной [20]. Ртуть при комнатной температуре, как правило, представляет собой серебристо-белую жидкость [4, с. 208–209]. Сфероконусы, предположительно, изготавливались на круге или дорабатывались на нем, о чем свидетельствуют концентрические линии на их внешней стороне [2, с. 313–315]. По мнению И. Н. Васильевой, которая рассмотрела технологию их производства на примере сосудов из раскопок Болгарского городища, сфероконические сосуды изготавливались путем выдавливания двух отдельных частей из комков глины и по-

следующего их соединения. «Морщинистость» внутренней стороны сфероконусов свидетельствует о том, что место, где должна быть шейка сосуда, сжималось снаружи по объему вставляемой в отверстие палочки или пальцев гончара [3, с. 128]. Встречаются сосуды с обточенным ножом дном. Стенки сфероконусов обладали высокой прочностью. Эти сосуды обжигались в двухъярусных гончарных горнах, имевших подпрямоугольные загрузочные камеры со специальными перегородками в устьях, в топке, на сооруженной для этой цели полке или в особом отсеке [20, с. 85–99]. Р. М. Джанполадян предполагает, что сфероконусы могли хранить, ставя на металлические или деревянные подставки, но не исключается, что их просто могли вкапывать в землю [9, с. 211].

Впервые внимание на сфероконусы обратили еще в начале XIX в. Французский исследователь Виван Денон в своих путевых записках изобразил сфероконический сосуд, ошибочно предполагая, что он был с ручками. Он считал, что в быту они бесполезны из-за маленького размера и отверстия в горле [10, с. 6].

Практически в каждом золотоордынском городе встречаются сфероконические сосуды. Это отражено в многочисленных научных публикациях [1; 10; 28; 14; 21; 23; 24; 30]. Впервые попытку классификации булгарских сфероконусов предпринял З. З. Виноградов еще в 1922 г. Исследователь выделил центры их изготовления и отметил особенности сфероконусов (их форму, цвет, орнаментацию и др.). Он предполагал, что такие сосуды появились в доисламское время, а мусульманская культура только заимствовала их [5, с. 75–119].

Подробную классификацию сфероконусов Маджара предложил Э. В. Ртвеладзе. Он разделил их на две большие группы – неорнаментированные и орнаментированные. Раскопки Маджара свидетельствуют о том, что в XIII–XIV вв. здесь было налажено производство сфероконусов, которое имело тесные связи с Закавказьем, Средней Азией и странами Ближнего Востока [29, с. 281]. С. Е. Михайличенко, анализируя сфероконусы из Поволжья, пришел к выводу, что орнамент в виде цветка был похож на орнамент глиняной посуды из Белгорода-Днестровского, отличаясь лишь точностью исполнения деталей [22, с. 46–50]. Г. А. Федоров-Давыдов рассматривал сфероконусы без детальной классификации, но с подробным описанием орнаментации сосудов [30, с. 142–143, 147]. И. В. Волков пришел к выводу о том, что сфероконические сосуды изготавливались в Волжской Булгарии, Укеке, Маджаре, Сарае (Селитренное городище), а также в Хорезме. Автор предполагает, что в Восточном Крыму, скорее всего, в Каффе, также производили сфероконусы с глубоким штампованным орнаментом [6, с. 97–99].

В историографии существует множество работ, посвященных функциональному назначению сфероконических изделий. Исследователи пишут о том, что их могли использовать в военных целях (в виде гранат) [11, с. 117–139], при освещении помещений [7, с. 160], как тару для жидкостей (ртути, благовоний, лекарственных средств) [19, с. 101–122; 20], в алхимии вместе с аламбиками [8; 27] и др. [26].

На сегодняшний день, мы можем предполагать, что в Солхате сфероконусы

не изготавливались, так как до сих пор керамического брака либо специальных форм-штампов на городище не обнаружено.

С 1978 по 2021 гг. в процессе археологических исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (с 2009 г. совместно с Крымским инженерно-педагогическим университетом им. Февзи Якубова, далее – СКАЭГЭ) всего обнаружено около 70 фрагментов и семь археологически целых сфероконических сосудов, размеры которых варьируются в пределах 8–10 см (диаметр в самой широкой части) и высотой около 12–15 см. Большинство из них сейчас хранятся в фондах Старокрымского литературно-художественного музея и Музея истории и археологии (г. Старый Крым), который является отделом ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия». Отдельные находки переданы на хранение в Отдел Востока Государственного Эрмитажа.

Большая часть рассматриваемых сфероконусов находится во фрагментарном состоянии, лишь отдельные изделия могут быть частично реконструированы. Практически все сосуды происходят из закрытых археологических комплексов, датированных монетами концом XIII – началом XV в. Для классификации сфероконических сосудов за основу взята типологическая схема А. Р. Нуретдиновой [25, с. 131–133, прил. 4], с некоторыми нашими уточнениями.

Сфероконусы, обнаруженные в Солхате, условно можно разделить на 3 группы, исходя из цвета глины изделий: 1 – красноглиняные (рис. 4–5), 2 – сероглиняные (рис. 1–3), 3 – желтоглиняные (рис. 6). Все сосуды имеют близкую морфологию. Отличается лишь один целый экземпляр, стенки и конического дно которого были сильно подрезаны при обработке их поверхности плоским предметом (рис. 4,*27*). По орнаментации можно выделить 8 вариантов изделий. Для красноглиняных сфероконусов характерны сосуды вариантов II–V, сероглиняных – I–IV и VII, желтоглиняных – III–IV и VIII.

I вариант. Изделия, тулово которых украшено так называемыми «арками», пространство между которыми заполнено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Некоторые экземпляры встречаются с «овалами», которые также заполнены «кольчужным» штампом. Высота варьируется от 12 до 14 см, диаметр тулова около 9,5–10 см. Количество арок варьируется (по аналогичным экземплярам из раскопок других городищ) от 7 до 9. На плечиках отдельных сосудов встречается стилизованный цветок (рис. 1,*2–11*).

Аналогичные изделия известны на многих золотоордынских городищах: в Азаке [31, с. 140, рис. 13,3], Болгаре[1], Маджаре [29, с. 281, рис. 1,10], Хорезме [2, с. 313–315], на Царевском [25, с. 131, 133–136, рис. 1,4,6,8; 2,4–6; 3,4,6;. 4,2,5] и Селитренном [24, с. 17, рис. 2,1] городищах и др.

II вариант. Изделия, тулово которых украшено так называемым «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. На многих их них встречаются вертикальные

[1] Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19125646.

двойные или пересекающиеся между собой линии, либо зигзагообразные двойные линии. Высота сосудов не превышает 13,5 см, диаметр тулова достигает 9,5 см (рис. 1,*1*; 2,*15–18*; 4,*28*,*29,32*; 5,*37,39*).

Такие или подобные сфероконусы найдены в Судаке[2], Азаке [13, ил. 74,1; 31, с. 140, рис. 13,2,4], Маджарах [29, с. 281, рис. 1,9], Укеке [23, с. 100, рис. 26,3,8], при раскопках Царевского городища [25, с. 131, 133, 136, рис. 1,7; 4,4].

III вариант. Неорнаментированные сфероконусы. На некоторых изделиях встречается штамп в виде оттиска арабской надписи или так называемой «звезды Давида». Диаметр тулова около 8,5–9,7 см (рис. 3,*20,21,24*,*25*; 4,*33*; 5,*41*; 6,*43–45*)

Аналогичные изделия обнаружены при раскопках Ани, Двина [10, табл. 1,1–4], Увекского городища[3], Азака[4].

IV вариант. Изделия, тулово которых орнаментировано вертикальными или горизонтальными параллельными друг другу врезными линиями, которые идут по всему корпусу (в разных вариациях). Иногда в верхней части сосудов встречаются стилизованные цветки. Высота таких сфероконусов достигает 15 см, диаметр тулова 10 см (рис. 3,*19,23,26*; 4,*27,30,31,34*; 5,*40*; 6,*47,49*).

Известны по раскопкам Азака[5] и Селитренного городища[6].

V вариант. Сосуды с орнаментом, который расположен в верхней части тулова, до плечиков, в виде стилизованных цветков с разнообразными завитками. В нижней части изделий вырезаны вертикальные, параллельные друг другу линии (рис. 5,*35,36,42*).

VI вариант. Изделия с врезным орнаментом в виде двух горизонтальных линий, пространство между которыми в верхней части сосуда заполнено мелкими вертикальными линиями, по плечикам и в средней части корпуса нанесен штамп в виде множества стилизованных цветков. Высота изделий до 14 см, диаметр до 12 см (рис. 6,*46,48*).

Аналогии встречаются в Белгороде-Днестровском [14, с. 62, рис. 24,12], Ани, Двине [10, рис. 35, табл. 2,7], Азаке[7]. Из раскопок Маджара опубликованы отдельные штампы с изображением цветка [29, с. 281, рис. 2].

VII вариант. Тулово сфероконусов покрыто рельефным орнаментом в виде горизонтальных рядов мелких выпуклых розеток; в месте перехода к горлу имеется концентрическая врезная линия. По плечикам и тулову нанесены горизонтальные пояса, покрытые сложным штампованным орнаментом: на плечиках – орнаментальный пояс в виде многолепестковых розеток, выполненных овальным штампом, в средней части корпуса – орнаментальный пояс в виде многолепестковых розеток с

[2] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21746792.
[3] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28396383.
[4] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24048850, https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24068285.
[5] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24006893.
[6] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32705681.
[7] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23725188.

отходящими листьями. По всей видимости, эти узоры штамповались и накладывались хаотично. Высота изделий достигает 14 см, диаметр 12 см (рис. 2,*12–14*).

Отдаленные аналогии известны в Волжской Булгарии [24, с. 55, рис. 21,1][8], Ани [9, с. 204–205], на Царевском городище [25, с. 133, рис. 1,5], Увеке[9] и др.

VIII вариант. Единственный сфероконус этого варианта покрыт врезным орнаментом в виде вертикальных полос плетенки (рис. 6,*50*). На данный момент, аналогии ему не известны.

Таким образом, мы попытались систематизировать и классифицировать сфероконические сосуды из раскопок Солхатского городища и его ближайшей округи. На сегодняшний день, нет сведений об изготовлении такой керамики в Солхате, хотя она встречается практически на всех археологических объектах городища. Наиболее распространенными являются красноглиняные и сероглиняные сосуды с «кольчужным» или «сотовым» орнаментом.

В историографии традиционно сфероконическим сосудам отводится роль тарной посуды для перевозки ртути и других дорогостоящих и быстро улетучивающихся жидкостей. Впрочем, в последнее время исследователи склоняются к полифункциональному назначению сфероконусов [26]. Они могли использоваться также в ремесленном производстве или алхимии. Правда, следует отметить, что при раскопках ремесленного поселения Бокаташ II в округе Солхата в 2001–2008 гг. не было обнаружено ни одного фрагмента сфероконусов [16; 17; 18].

Большинство известных на Солхатском городище сфероконических изделий найдено при раскопках средневековой бани в Георгиевкой балке (исследования 2017 г.). Это может свидетельствовать об их связи с медициной или парфюмерией.

Каталог

1. Старый Крым, случайная находка. Сфероконус сероглиняный. Тулово каплевидной формы, горло коническое, сужено кверху. Сосуд декорирован двойными зигзагообразными линиями, внутри которых расположен «сотовый» орнамент. Высота – 11,4 см, диаметр тулова – 9,6 см. Дата – XIII–XIV вв. (?). Старокрымский литературно-художественный музей (далее – СЛХМ). Публикуется впервые.

2. СКАЭГЭ–2018. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Шурф 4. Штык 5. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Поверхность разделена двойными вертикальными полосами на несколько секторов, заполненных «сотами». Размер фрагмента – 5,9х6,3х2,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: Музей истории и археологии (г. Старый Крым) на правах отдела ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» (далее – КМКИН). Публикуется впервые.

3. СКАЭГЭ–1992. Караван-сарай. Раскоп XII, участок 39. Фрагмент нижней части сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Поверхность раз-

[8] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20533885.

[9] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28396410.

делена двойными вертикальными полосами на несколько секторов, заполненных «сотами». Размер фрагмента – 7,1 см, диаметр тулова – 9,8 см, толщина стенки – 1,2 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН. Публикуется впервые.

4. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6, штык 9. К.о. 72. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Поверхность разделена двойными вертикальными полосами на несколько секторов, заполненных «сотами». Размер фрагмента – 4,8х4,7х1,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5085. Публикуется впервые.

5. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 37. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде мелких цветочков, которые расположены в ячейках, чередующихся через одну, в месте перехода к горлу имеется декор в виде лилии. Размер фрагмента – 4,1х3,3х1,2 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5079. Публикуется впервые.

6. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 38. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде «кольчужного» орнамента, который расположен в ячейках, чередующихся через одну. Размер фрагмента – 5,9х4,9х1,1 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5073. Публикуется впервые.

7. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 34. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде «кольчужного» орнамента, который расположен в ячейках, чередующихся через одну. Размер фрагмента – 7,1х3,2х1,1 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8122. Публикуется впервые.

8. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 65. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде мелких цветков, которые расположены в ячейках, чередующихся через одну. Размер фрагмента – 5,2х4,3х1,7 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5074. Публикуется впервые.

9. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 39. Фрагмент дна сфероконуса. Орнаментирован в виде «кольчужного» орнамента, который расположен в ячейках, чередующихся через одну. Размер фрагмента – 5,2х4,3х1,4 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5073. Публикуется впервые.

10. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. Фрагмент стенки сероглиняного сферокону-

са. Орнаментирован в виде редких каплеобразных углублений, которые расположены в хаотичном порядке. Размер фрагмента – 5,8х5,5х1,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН. Публикуется впервые.

11. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 36. Фрагмент дна сфероконуса. Орнаментирован в виде «кольчужного» орнамента, который расположен в ячейках, чередующихся через одну. Размер фрагмента – 5,7х3,2х1,4 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5082. Публикуется впервые.

12. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека.Квадрат А1-А2,заполнение траншеи. К.о. 69. Фрагмент верхней части корпуса сероглиняного сфероконуса. Поверхность украшена рельефным орнаментом в виде горизонтальных рядов мелких выпуклых пальметт и розеток. На одной из розеток имеется капля голубого цвета, вероятно, от ртути (?). Размер фрагмента – 10,1х6,0х1,1 см. Датировка археологического комплекса: 20-е гг. XIV – начало XV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8153 [18, с. 93, 151–152, № 139].

13. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок А2, штык 2. К.о. 170. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Поверхность украшена рельефным орнаментом в виде горизонтальных рядов мелких выпуклых пальметт и розеток. Размер фрагмента – 7,0х3,3х1,5 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж [18, с. 104, 152, № 138].

14. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Квадрат А1-А2, заполнение траншеи. К.о. 69. Фрагмент верхней части корпуса сероглиняного сфероконуса. Поверхность украшена рельефным орнаментом в виде горизонтальных рядов мелких выпуклых пальметт и розеток. Размер фрагмента – 2,1х2,2х1,1 см. Датировка археологического комплекса: 20-е гг. XIV – начало XV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8152 [18, с. 93, 151–152, № 139].

15. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А5. Штык 4. К.о. 106. Фрагмент верхней части горла сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде хаотично разбросанных каплевидных фигур. Размер фрагмента – 5,2х7,0х1,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5077. Публикуется впервые.

16. СКАЭГЭ–1994. Караван-сарай. Участок 38/50. Фрагмент верхней части горла сероглиняного сфероконуса. Орнаментирован в виде хаотично разбросанных каплевидных фигур. Размер фрагмента – 6,9х4,2х0,9 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: СЛХМ. Публикуется впервые.

17. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок А2. Штык 8. К.о. 207. Фрагмент нижней части сероглиняного сфероконуса. Тулово

каплевидной формы с рельефным декором. Поверхность разделена двойными вертикальными полосами на несколько секторов, заполненных выпуклыми, мелкими, каплевидными фигурами. Размер фрагмента – 10,2х11,7х1,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

18. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Квадрат Ж1. Яма 9. К.о. 325. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы с рельефным декором. Поверхность разделена двойными вертикальными полосами на несколько секторов, заполненных выпуклыми мелкими каплевидными фигурами. Размер фрагмента – 9,0х12,1х1,2 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж [18, с. 93, 152, № 141].

19. СКАЭГЭ–2021. Раскоп 47. Могильник. Участок О5/П5. Яма 3. Слой 2. К.о. 42. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Снаружи покрыт плотным ангобом и орнаментом в виде врезных линий. Размер фрагмента – 5,6х5,3х1,1 см. Датировка археологического комплекса: середина – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5054. Публикуется впервые.

20. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Шурф 1. Штык 2. К.о. 237. Фрагмент верхней части сероглиняного сфероконуса. Изделие неорнаментировано, имеется врезная концентрическая линия в месте перехода плечика к тулову. Размер фрагмента – 5,0х5,3х0,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8121. Публикуется впервые

21. СКАЭГЭ–1993. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50. Землянка. Фрагмент нижней части сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие неорнаментировано, имеется клеймо, выполненное арабской вязью. Размер фрагмента – 7,1х9,1х1,3 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

22. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А3. Штык 2. К.о. 35. Фрагмент преддонной части сероглиняного сфероконуса. Снаружи орнаментирован множеством вдавленных точек. Размер фрагмента – 5,6х5,9х1,3 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5076. Публикуется впервые.

23. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Ж1. Яма 9. К.о. 326. Фрагмент дна сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Снаружи орнамент в виде врезных параллельных друг другу линий, которые расположены в два ряда. Размер фрагмента – 8,1х4,9х1,6 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

24. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Ж1. Яма 9. К.о. 327. Фрагмент дна сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной

формы. Неорнаментирован. Размер фрагмента – 8,2х5,2х1,7 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

25. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 62. Фрагмент стенки сероглиняного сфероконуса. Неорнаментирован. Размер фрагмента – 5,1х4,8х0,9 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5080. Публикуется впервые.

26. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Шурф 1. Штык 2. К.о. 237. Фрагмент дна сероглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие орнаментировано вертикальными врезными линиями. Размер фрагмента – 5,3х5,6х1,9 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8120. Публикуется впервые.

27. Старый Крым. Городище Солхат. Случайная находка. Сфероконус с темно-красным черепком. Тулово каплевидной формы, горло коническое, сужено кверху. Сосуд орнаментирован тремя врезными горизонтальными линиями, которые идут по горлу, и шестью парами вертикальных полос, расположенных на тулове. Высота – 13,2 см, диаметр тулова – 8,8 см. Дата – XIII–XIV вв. (?). Место хранения: СЛХМ, КП 1328 А876 [18, с. 94, 151, № 136].

28. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека.Шурф 1. Штык 1. К.о. 54. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие украшено вертикальными линиями, пространство между которыми через одно заполнено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Размер фрагмента – 5,1х3,0х1,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8184. Публикуется впервые.

29. СКАЭГЭ–2020. Медресе. Шурф 5. Светло-серый суглинок. П.о. 4. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие украшено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Размер фрагмента – 5,3х4,9х1,1 см. Датировка археологического комплекса: вторая половина XIV – начало XV в. Место хранения: КМКИН. Публикуется впервые.

30. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Шурф 1. Штык 1. К.о. 53. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие орнаментировано в верхней части, до плечиков, в виде стилизованных цветков с разнообразными завитками, в нижней части – врезными вертикальными параллельными друг другу линиями. Размер фрагмента – 5,9х5,2х1,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ. Публикуется впервые.

31. СКАЭГЭ–2013. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Шурф 1. Штык 1. К.о. 53а. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие орнаментировано в верхней части, до плечиков, в виде стилизованных цветков с разнообразными завитками, в нижней части – врез-

ными вертикальными параллельными друг другу линиями. Размер фрагмента – 8,1х5,4х2,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ, НВ 8183. Публикуется впервые.

32. СКАЭГЭ–2015. Раскоп 42. Кенасса. Участок Б2. Штык 4. П.о. 1064. Фрагмент верхней части красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие украшено «сотовым» орнаментом. Размер фрагмента – 6,4х5,2х1,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

33. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 3. К.о. 71. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие неорнаментировано. Размеры: 7,1х4,2х2,1 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5078. Публикуется впервые.

34. СКАЭГЭ–1992. Раскоп XII. Караван-сарай. Участок 39. Бровка. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово сфероконической формы. Изделие покрыто врезными вертикальными линиями. Размер фрагмента – 9,0х7,2х1,2 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

35. СКАЭГЭ–1992. Раскоп XII. Караван-сарай. Участок 39. Бровка. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово сфероконической формы. Изделие орнаментировано врезными стилизованными цветками, расположенными в три ряда, вокруг больших цветков размещены цветки меньшего размера. Размер фрагмента – 9,8х5,2х1,3 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

36. Старый Крым. Городище Солхат. Тулово каплевидной формы. Горло коническое, сужено кверху. Изделие орнаментировано в верхней части вертикальными небольшими линиями, которые идут по кругу, а также стилизованными цветками, которые расположены в два ряда. Высота – 12,1 см, диаметр тулова – 9,8 см. Дата – XIII–XIV вв. Место хранения: частная коллекция. Публикуется впервые.

37. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 61. Фрагмент стенки красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие украшено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Размер фрагмента – 7,1х7,9х1,3 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5072. Публикуется впервые.

38. Старый Крым. Городище Солхат. Случайная находка. Фрагмент верхней части красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Горло коническое, сужено кверху. Изделие разделено вертикальными парными линиями, в которых расположены около десяти небольших кружков в ряд. Размер фрагмента – 10,0х11,8х1,7 см. Дата – XIII–XIV вв. Место хранения: КМКИН, КП 4283 Н 1076. Публикуется впервые.

39. СКАЭГЭ–2017. Исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке. Шурф 7. Хозяйственная яма. К.о. 106. Фрагмент нижней части красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие украшено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Размер фрагмента – 9,0х7,1х1,3 см. Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5071. Публикуется впервые.

40. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Б2. Штык 6. К.о. 209. Фрагмент нижней части красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Изделие орнаментировано широкими вертикальными линиями, расположенными попарно. Размер фрагмента – 9,3х6,9х2,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

41. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Б2. Штык 7. К.о. 133. Фрагмент тулова красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Неорнаментирован. Снаружи частично покрыт белым ангобом. Размер фрагмента – 12,0х11,8х2,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

42. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Б2. Штык 7. К.о. 141. Фрагмент верхней части с горлом красноглиняного сфероконуса. Тулово каплевидной формы. Орнаментирован стилизованными цветками, расположенными по кругу. Размер фрагмента – 7,2х5,3 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

43. СКАЭГЭ–1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Участок 38. Хозяйственная яма 4. Фрагмент стенки желтоглиняного сфероконуса. Орнаментирован двумя штампами так называемой «Звезды Давида» (?) и стилизованным цветком (?). Размер фрагмента – 7,5х5,6х1,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – начало XIV в. Место хранения: КМКИН. Публикуется впервые.

44. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 60. Фрагмент стенки желтоглиняного сфероконуса. Неорнаментирован, со слабым рифлением. Размер фрагмента – 7,5х6,4х1,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5087. Публикуется впервые.

45. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 63. Фрагмент стенки желтоглиняного сфероконуса. Неорнаментирован. Размер фрагмента – 7,0х6,7х1,2 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: КМКИН, КП 5081. Публикуется впервые.

46. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок А2. Серый золистый слой. К.о. 170а. Фрагмент стенки желтоглиняного сфероконуса. Деко-

рирован штампованным орнаментом в виде стилизованных цветков по кругу. Размер фрагмента – 9,2х4,8х1,6 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

47. СКАЭГЭ–2021. Раскоп 49. Могильник. Зачистка обнажений грунта. К.о. 2. Фрагмент стенки (преддонная часть) желтоглиняного сфероконуса. Снаружи и изнутри покрыт плотным желтым ангобом, снаружи имеется декор в виде концентрических линий. Размер фрагмента – 8,6х7,1х1,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XV (?) в. Место хранения: КМКИН, КП 5014. Публикуется впервые.

48. СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (исследования в округе средневековой бани в Георгиевкой балке). Участок А6. Штык 2. К.о. 59. Фрагмент тулова желтоглиняного сфероконуса. Декорирован штампованным растительным орнаментом в виде стилизованных цветков (?), которые плотно расположены и идут по кругу; внутри каждого цветка по три небольших кружка. Размер фрагмента – 12,1х11,9 см. Датировка археологического комплекса: вторая половина XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

49. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Б1. Дерн. К.о. 2. Фрагмент верхней части горла желтоглиняного сфероконуса. Орнаментирован врезными концентрическими линиями. Размер фрагмента – 6,9х4,2х1,0 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

50. СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44 (Северо-восточный сектор городища). Участок Б2. Штык 7. К.о. 144. Фрагмент стенки желтоглиняного сфероконуса. Снаружи покрыт рельефным орнаментом в виде вертикальных полос, которые переплетаются между собой в виде плетенки. Размер фрагмента – 9,2х6,1х1,8 см. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж [18, с. 104, 151, № 137].

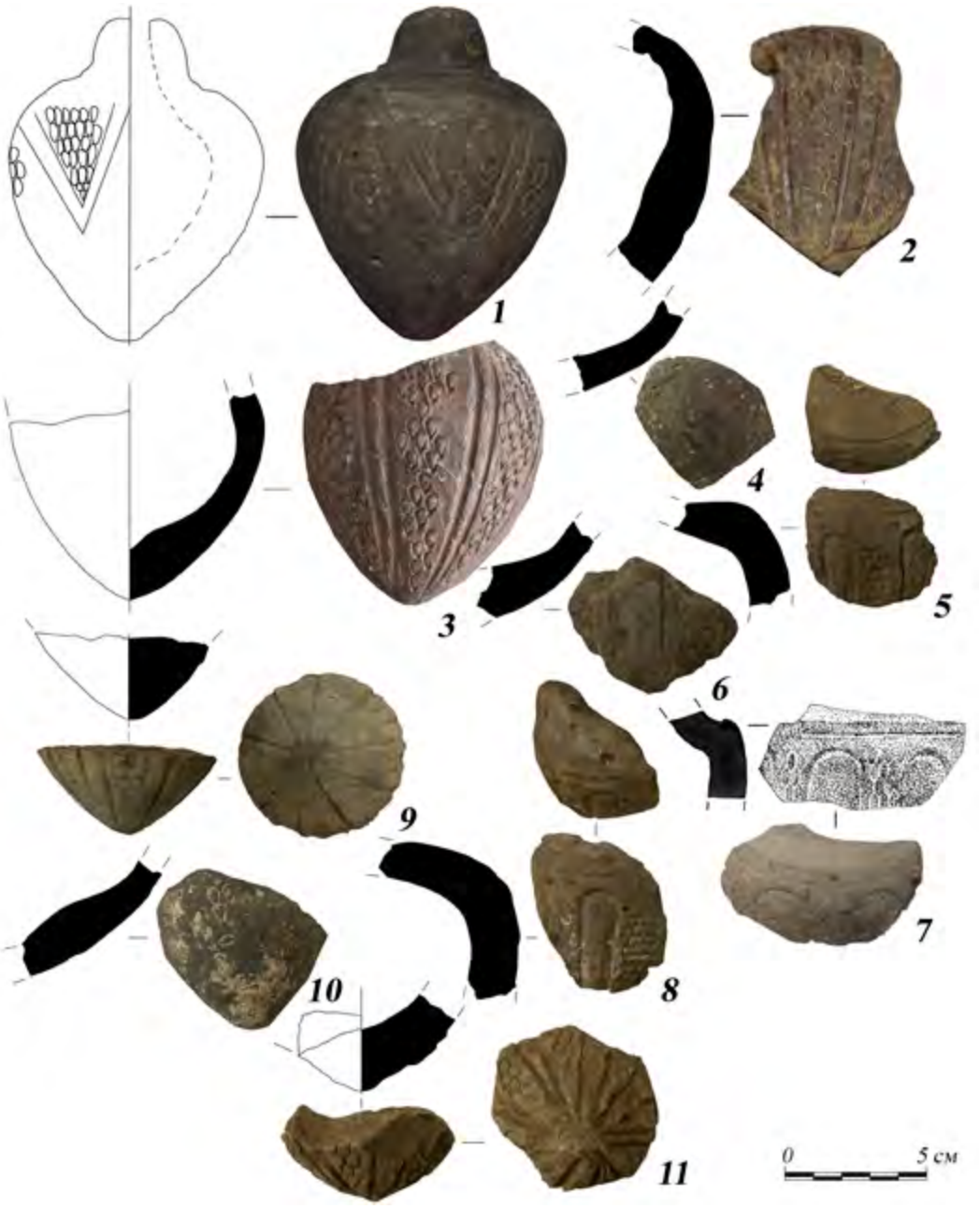


Рис. 1. *1–11* – Сероглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 1. *1–11* – Gray-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

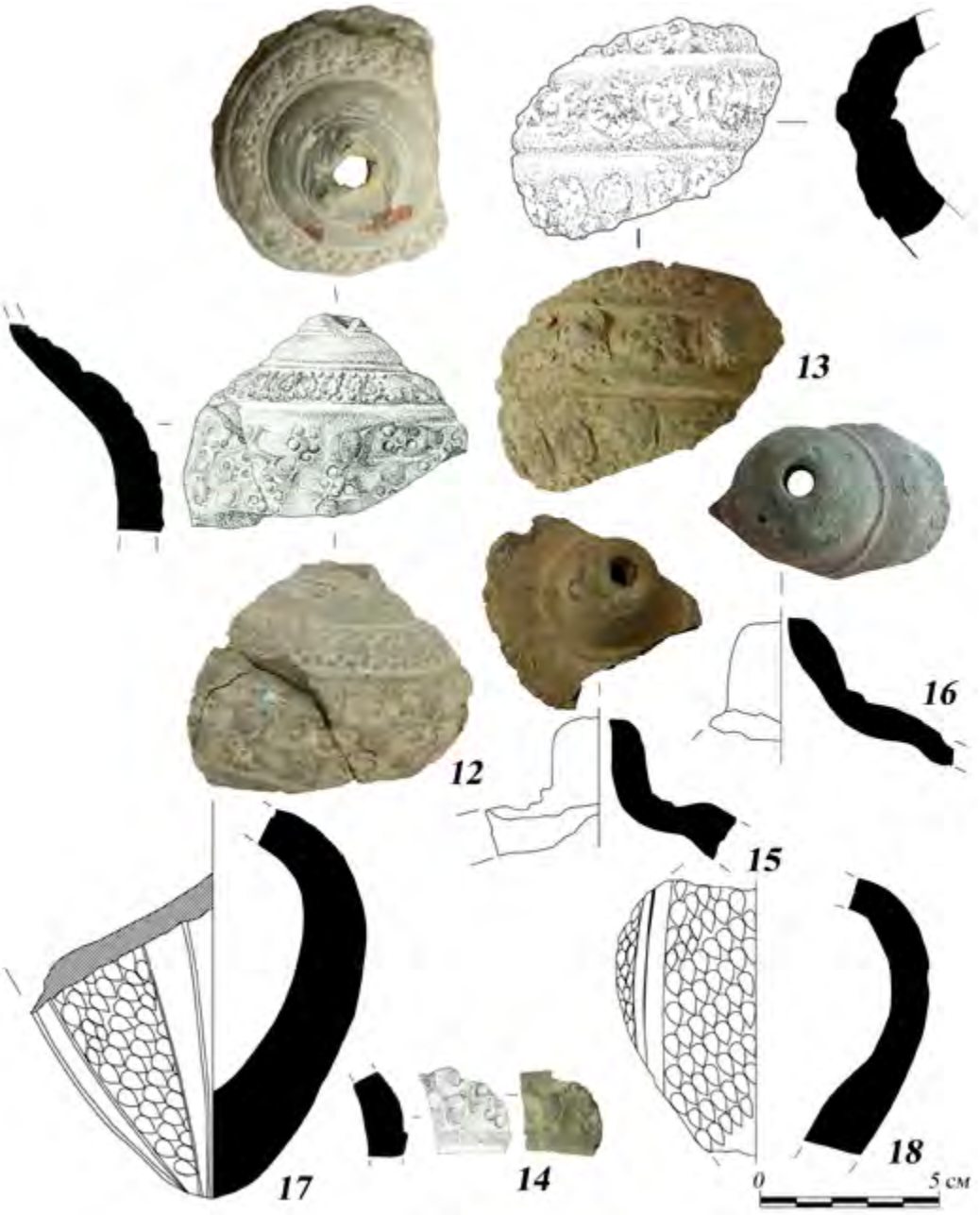


Рис. 2. *12–18* – Сероглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 2. *12–18* – Gray-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

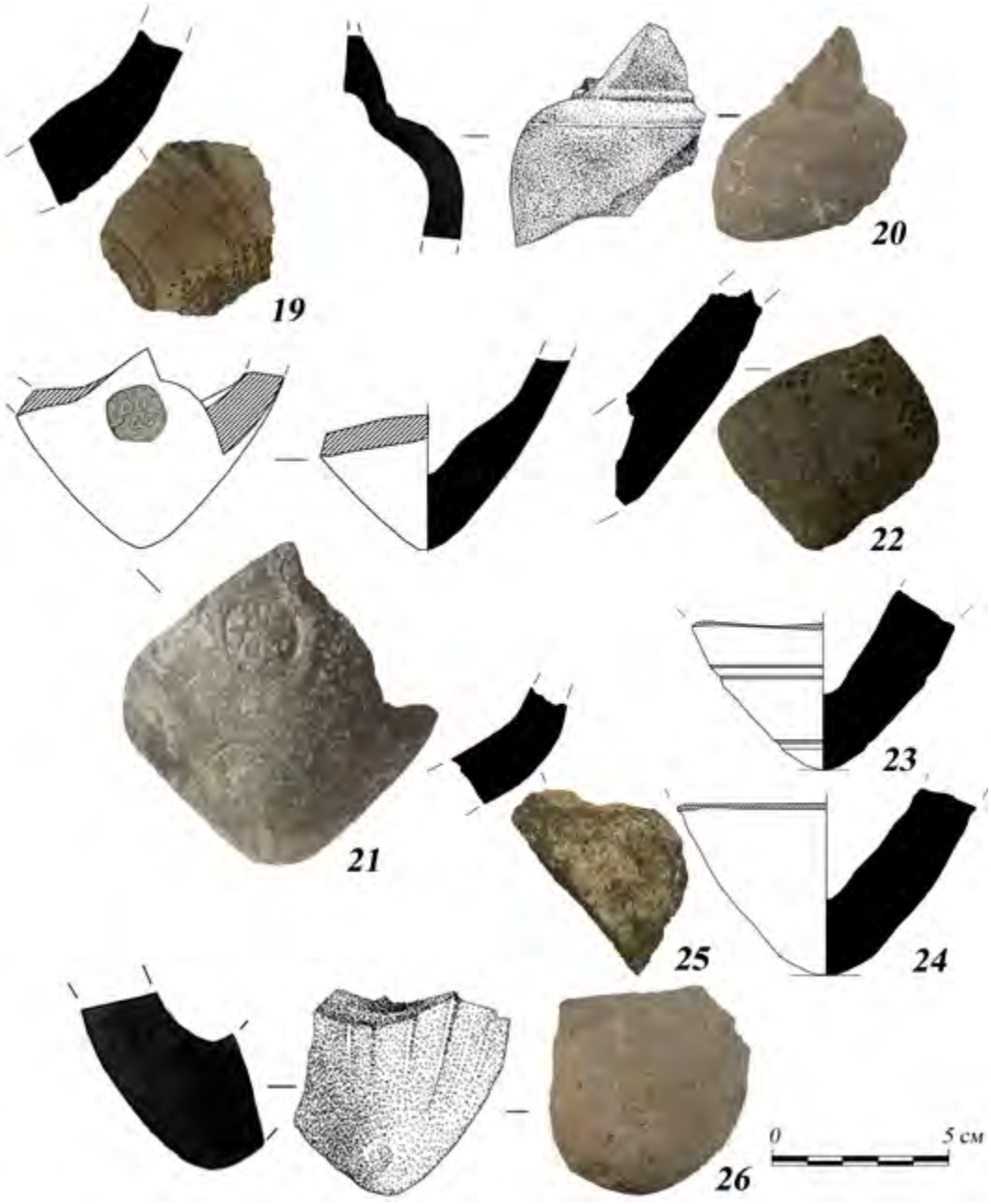


Рис. 3. *19–26* – Сероглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 3. *19–26* – Gray-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

Рис. 4. *27–34* – Красноглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 4. *27–34* – Red-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

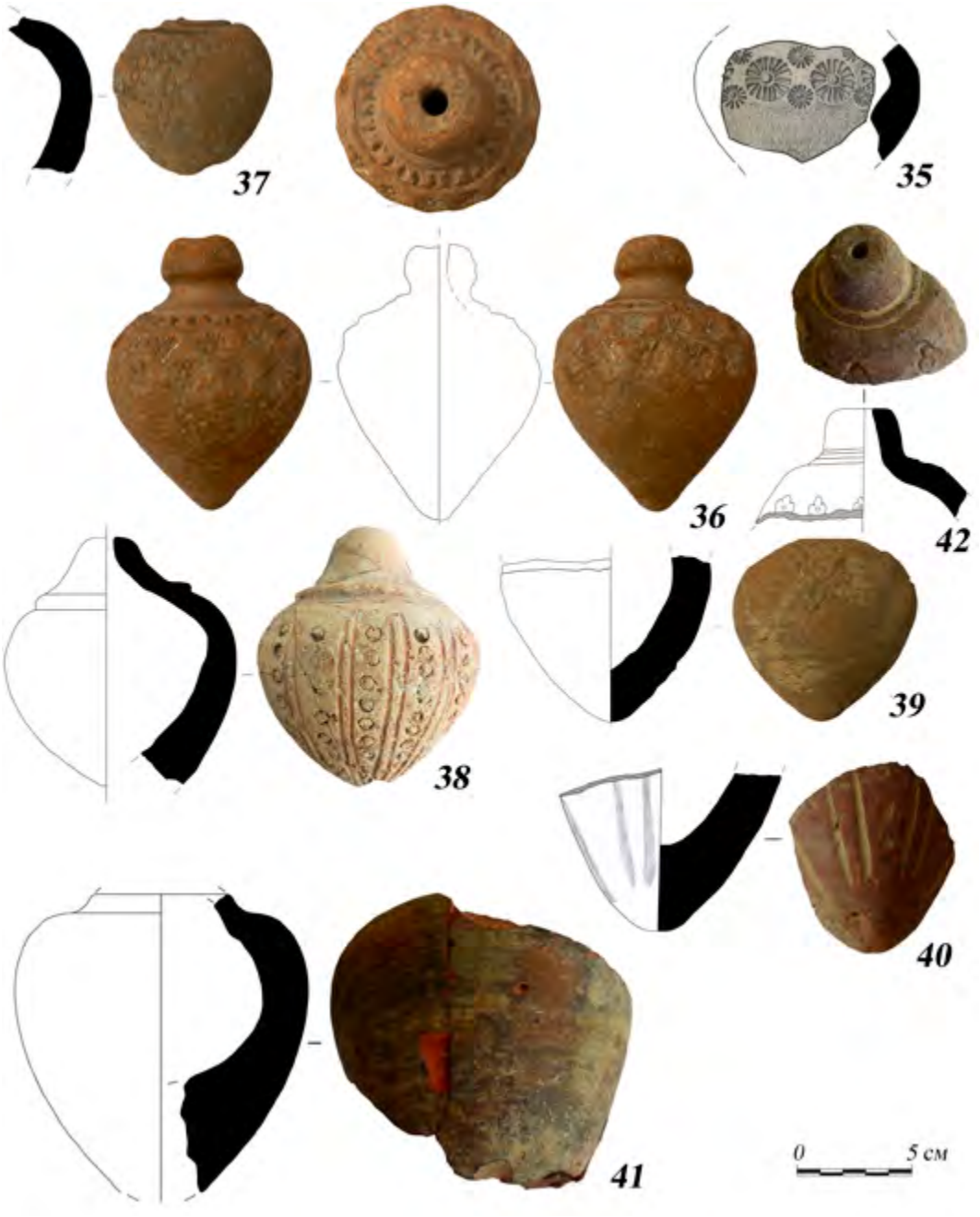


Рис. 5. *35–41* – Красноглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 5. *35–41* – Red-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

Рис. 6. *43–50* – Желтоглиняные сфероконусы с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 6. *43–50* – Yellow-clay sphero-conical vessels from the fortified of settlement Solkhat and its immediate vicinity

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея: Золотоордынский период. Кишинев, 1981. 100 с.
2. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Под. ред. С. П. Толстова. М., 1959. Т. IV. С. 261–342.
3. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 103–150.
4. Венецкий С.И. Серебряная вода // Рассказы о металлах. М., 1979. С. 208–209.
5. Виноградов З.З. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 75–119.
6. Волков И.В. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение международной торговли // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы докладов VII международной научной конференции (17–21 мая 1994 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994. С. 97–99.
7. Городцов В.А. Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 1. С. 149–164.
8. Джанполадян Р.М. Лабораторная посуда армянского алхимика // СА. 1965. № 2. С. 210–216.
9. Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1. С. 201–213.
10. Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 95 с. (Ин-т археологии и этнографии. Средневековые памятники. Вып. IV).
11. Дмитров Л. До питания про загадкові сфероконічні сосуди, як запалювальні бомби XIII століття н.е. // Научные записки Института истории и археологии Украины. Киев, 1941. Т. 1. С. 117–139.
12. Исмизаде О.Ш., Ибрагимов В.А. Художественная керамика средневекового Баку. Баку, 1983. 108 с.
13. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVIII веков. М.: Наука, 2010. 269 с.
14. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.) Киев: Наукова думка, 1986. 129 с.
15. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. 391 с.
16. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. 314 с.
17. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2005 г.). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. 261 с.
18. Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувший империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.
19. Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1904. Т. XV. С. 101–112.
20. Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 255–266.
21. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Азов, 2006. Вып. 21. С. 309–473.
22. Михайличенко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 95–99
23. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
24. Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды из старых собраний (XIX – начало XX вв.) музеев

России. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 108 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F_1521378007/Sferokonusy_elektr..izdanie.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
25. Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды Царевского городища // Археология Евразийских степей. 2021. Вып. 4. С. 130–140.
26. Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 51–62.
27. Нуретдинова А.Р., Валиулина С.И. Экспериментальное моделирование одной алхимической процедуры: к вопросу о назначении сфероконических сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 153–155.
28. Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев, 1969. 211 с.
29. Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4. С. 280–284.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
31. Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2014 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Азов, 2016. Вып. 29. С. 127–143.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Byrnia P.P., Nudel'man A.A. *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordynskii period)* [Antiquities of Old Orhei (Golden Horde period)]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1981, 100 p.
2. Vakturskaia N.N. Chronological classification of medieval ceramics of Khorezm (9th–17th centuries). Tolstova S.P. (ed.), *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition], Moscow, 1959, vol. IV, pp. 261–342.
3. Vasil'eva I.N. On the technology of production of non-glazed ceramics of the Bolgar settlement. *Gorod Bolgar: Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* [City of Bolgar: Essays on handicraft activities], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 103–150.
4. Venetskii S.I. Silver water. *Rasskazy o metallakh* [Metal stories], Moscow, 1979, pp. 208–209.
5. Vinogradov Z.Z. Spheroconic vessels with a narrow neck opening. *Kazanskii muzeinyi vestnik* [Kazan museum bulletin], 1922, no. 2, pp. 75–119.
6. Volkov I.V. Distribution of spherocones in the Golden Horde as a reflection of international trade. *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka. Tezisy dokladov VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (17–21 maia 1994 g.)* [International Relations in the Black Sea Basin in Antiquity and the Middle Ages. Abstracts of the VII International Scientific Conference (May 17–21, 1994)]. Rostov on Don, Rostovskii universitet Publ., 1994, pp. 97–99.
7. Gorodtsov V.A. Ancient Muslim lamps in the form of sphero-conical clay vessels. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Works of the State Historical Museum], Moscow, 1926, vol. 1, pp. 149–164.
8. Dzhanpoladian R.M. Laboratory glassware of an Armenian alchemist. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], Moscow, 1965, no. 2, pp. 210–216.
9. Dzhanpoladian R.M. Spheroconical vessels from Dvin and Ani. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], Moscow, 1958, no. 1, pp. 201–213.
10. Dzhanpoladian R.M. *Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani* [Spheroconical vessels from Dvin and Ani]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1982, 95 p.
11. Dmitrov L. On the question of mysterious spheroconic vessels as incendiary bombs of the 13th century. *Nauchnye zapiski instituta istorii i arkheologii Ukrainy* [Scientific notes of the Institute of History and Archeology of Ukraine], Kiev, 1941, vol. 1, pp. 117–139.
12. Ismizade O.Sh., Ibragimov V.A. *Khudozhestvennaia keramika srednevekovogo Baku* [Artistic ceramics of medieval Baku], Baku, 1983, 108 p.
13. Koval' V.Iu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVIII vekov* [Ceramics of the East in Russia 9th–18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 269 p.

14. Kravchenko A.A. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII – XIV vv.)* [Medieval Belgorod on the Dniester (late 13th–14th centuries)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 129 p.
15. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.)* [Settlement Bokatash II (Results of field research by the Golden Horde archaeological expedition of the State Hermitage in 2001–2003)]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2004, 391 p.
16. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g.)* [Settlement Bokatash II (Results of field research by the Golden Horde archaeological expedition of the State Hermitage in 2004)]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 314 p.
17. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2005 g.)* [Settlement Bokatash II (Results of field research by the Golden Horde archaeological expedition of the State Hermitage in 2004)]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 261 p.
18. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii. Katalog vystavki* [Crimea in the Golden Horde period. Crimean Yurt of the Golden Horde: the legacy of a vanished empire. Exhibition catalog]. Simferopol, Tarpan Publ., 2016, 160 p.
19. Lents E. About clay vessels with a conical bottom, found within the Muslim East. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society], St.-Petersburg, 1904, vol. 15, pp. 101–112.
20. Lunin B.V. On the question of the functional purpose of spheroconic vessels in connection with one handwritten source of the 16th century. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan], vol. 2, Tashkent, 1961, pp. 255–266.
21. Maslovskii A.N. Ceramic complex of Azak. Brief description. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2004], Azov, 2006, vol. 21, pp. 309–473.
22. Mikhailichenko S.E. Spherocones of the Volga region. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR], 1974, vol. 140, pp. 95–99.
23. Nedashkovskii L.F. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde city of Ukek and its environs]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2000, 224 p.
24. Nuretdinova A.R. *Sferokonicheskie sosudy iz starykh sobranii (XIX – nachalo XX vv.) muzeev Rossii* [Spheroconical vessels from old collections (XIX – early XX centuries) of Russian museums]. Kazan, Kazanskii universitet Publ., 2018, 108 p. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F_1521378007/Sferokonusy_elektr..izdanie.pdf (accessed: 25.11.2021).
25. Nuretdinova A.R. Spheroconical vessels of the Tsarevsky settlement. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], Kazan, 2021, vol. 4, pp. 130–140.
26. Nuretdinova A.R. Spheroconical vessels: an attribution problem. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2011, vol. 153, book 3, pp. 51–62.
27. Nuretdinova A.R., Valiulina S.I. Experimental modeling of one alchemical procedure: on the issue of the appointment of sphero-conical vessels. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia. Materialy III Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research. Proceedings of the III International Conference of Young Scientists], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2015, pp. 153–155.
28. Polevoi L.L. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v. Po materialam raskopok goncharnogo kvartala na poselenii Kosteshty* [Urban pottery of the Prut-Dniester region in the 14th century. According to the excavations of the pottery quarter at the settlement of Costesti]. Kishinev, 1969, 211 p.
29. Rtveladze E.V. Spheroconical vessels from Madjar. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], Moscow, 1974, no. 4, pp. 280–284.
30. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, 228 p.

31. Iudin N.I. Archaeological research in the city of Azov in 2014. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 gg.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2013–2014], Azov, 2016, vol. 29, pp. 127–143.

Информация об авторе

Сейдалиева Д. Э. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAH-7797-2019.

Author information

Seidalieva D. E. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Junior Researcher of the Institute of Archeology of the Crimea RAS, Researcher ID: AAH-7797-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.420-440

ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

Вадим Владиславович Майко
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Аннотация. В статье впервые анализируется штампованная керамика золотоордынского времени, полученная за все годы археологического исследования средневековой Сугдеи. Несмотря на публикацию гончарных печей, производивших эту посуду, сама коллекция до сего времени не введена в научный оборот. Тем не менее, эта коллекция является одной из наиболее представительных для полуострова. Общее количество фрагментов составляет 84 поливных и неполивных экземпляра, включая и археологически целые формы, и 10 форм-матриц калыпе. На основании морфологических признаков можно выделить пять основных типов. Три из них, в зависимости от функционального назначения, четко делятся на два варианта. Два остальных типа представлены, пока, единичными сосудами, не находящими аналогий среди материалов Таврики и близлежащих территорий. В каждом из выделенных типов присутствуют сосуды, образующие две технологические группы. Орнаментальные рельефные мотивы образуют семь основных элементов, объединяемых в семь основных орнаментальных композиций с несколькими вариантами. Исходя из археологических контекстов, представленных, в основном, стратиграфическими горизонтами с широкими хронологическими рамками бытования, штампованная керамика Сугдеи датируется XIV – первой половиной XV в. Выделить комплексы первой четверти XIV в. не представляется возможным. Проанализирована территория распространения штампованной керамики и, прежде всего, наиболее представительные коллекции Солхата и Азака. Истоки появления такой керамики в Крыму неоднократно анализировались. Это и Хорезм, что оспаривается некоторыми специалистами, и территория Закавказья.

Ключевые слова: Сугдея золотоордынского времени, штампованная керамика, археологические контексты, морфология, технология, хронология

STAMPED CERAMIC VESSELS FROM MEDIAEVAL SOUGDAIA

Vadim V. Maiko
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Abstract. This article presents the first-time analysis of the stamped ceramic ware (“Stamped Monochrome Green Ware”) from the Golden Horde Period discovered in all the years of archaeological researches of mediaeval Sougdaia. Although there are publications of the pottery kilns where this ware was produced, the collection itself was not introduced into the scholarship before. Nevertheless, this collection is one of the most representative for the Crimean peninsula. In total, there are 84 glazed and non-glazed fragments, including archaeologically complete forms, and 10 *qalyp* matrices. From the morphological features, there are reasons to establish five main types. Three of them divide into two

© Майко В.В., 2022

variants according to the functional purpose. Two types more are so far isolated vessels with no analogies among the materials of Taurica and nearby territories. Each of the selected types contains vessels of two technique groups. Relief designs form seven main elements, combined into seven main ornamental compositions with several variants. According to the archaeological contexts represented mainly by stratigraphic horizons featuring wide chronological framework, the stamped ceramics of Sougdaia dates from the fourteenth to the first half of the fifteenth century. It is not possible to distinguish the complexes from the first quarter of the fourteenth century. The distribution area of stamped ware and, above all, the most representative collections of Solkhat and Azak have been analyzed. The sources from which this ware came to the Crimea have been repeatedly analyzed. Among them could be Khwarazm, which is still disputed by some experts, and the territory of Transcaucasia.

Keywords: Sougdaia in the Golden Horde period, stamped ware, archaeological contexts, morphology, technology, chronology

Штампованная керамика является одним из ярких характерных признаков золотоордынского керамического производства и свидетельством влияния на него гончарных традиций Средней Азии и Закавказья.

История изучения штампованной керамики, включая и территорию Крымского полуострова, уже становилась предметом специальных исследований [18, с. 203–210], что избавляет от повторений. После открытия в 1964 г. на посаде Сугдеи гончарного комплекса по производству штампованной керамики [31, с. 147], этот средневековый город, наряду с Солхатом и Каффой, по праву считается одним из центров ее производства. Однако, если штампованная керамика Солхата анализируется и публикуется [32, с. 363–368; 23, с. 415–422; 26, с. 150–205; 21, с. 211–218; 22, с. 282–307], то сугдейской коллекции, не меньшей по размеру, не так повезло.

После упоминания автором раскопок об открытии в Сугдее в 1964 г. гончарного комплекса по производству штампованной керамики [31, с. 147] вплоть до 1998 г. был опубликован только один фрагмент данной городской посуды [1, с. 109, рис. 4,5]. Анализируя его, И. А. Баранов привел довольно подробные рассуждения о типологии, хронологии и производстве этих гончарных изделий [1, с. 110]. В частности, исследователь отмечал, что обнаруженные фрагменты не дают представления о типах сосудов и подчеркивал факт невозможности установления стилистических орнаментальных групп. Как будет показано далее, эти выводы можно существенно скорректировать. В 1998 г. А. В. Джанов достаточно подробно опубликовал материалы раскопок гончарного комплекса 1964 г., уделив главное внимание технологии производства [8, с. 85–89], отмеченной ранее А. А. Кравченко на примере аналогичной коллекции из Белгорода [9, с. 77–79]. Однако анализ состава сугдейской коллекции не входил в задачи исследователя, да и ситуация с количеством находок после подготовки автором статьи в 1997 г. поменялась. До сего времени опубликована только одна археологически целая форма, происходящая из охранных раскопок на участке посада средневековой Сугдеи, датированная первой половиной XV в. [30, с. 327, рис. 2,11]. В 2004 г. в обзорной статье, подготовленной по материалам отчетов И. А. Баранова о раскопках 1987 г. мастерских золотоордынского време-

ни на участке куртины XIV, было также опубликовано несколько фрагментов штампованной керамики [2, с. 531, рис. 3,4,5,7]. Небольшая ее коллекция, обнаруженная при проведении раскопок 1997 г. на участке квартала I к востоку от привратной башни Якобо Торселло и датированная второй половиной XIV – первой половиной XV в., была опубликована много лет спустя [11, с. 369, 371, 384, рис. 5,2,3; 6,2–4; 11,6]. Во всех этих работах анализ рассматриваемой посуды не производился. Относительно недавно два крупных фрагмента, происходящих из фондов заповедника «София Киевская», иллюстрирующих штампованную керамику в целом, были опубликованы И. Б. Тесленко [28, с. 42, рис. 21,5,8]. Все это однозначно свидетельствует о том, что штампованная керамика Сугдеи давно нуждается в детальном изучении.

По нашим сведениям, на сегодняшний день эта коллекция, хранящаяся в фондах музея-заповедника «Судакская крепость», насчитывает 84 коллекционных поливных и неполивных экземпляров, в том числе три археологически целые формы и не менее десяти крупных фрагментов и развалов, позволяющих реконструировать нижнюю или верхнюю часть сосуда и три из 10 обнаруженных форм-матриц калып. Количество фрагментов и развалов из раскопок М. А. Фронджуло, находящихся в фондах заповедника «София Киевская», нам, к сожалению, не известно. Количество мелких фрагментов, не попавших в коллекции и фонды, подсчитать трудно. Судя по описям отчетов, эта цифра составляет около 200.

Прежде всего, рассмотрим вопросы *хронологии, для чего коротко проанализируем археологические контексты находок.*

13 фрагментов, в том числе один развал, не имеют археологического контекста и, согласно Инвентарной книге поступлений музея-заповедника «Судакская крепость», происходят из сборов, проводившихся во второй половине 1950-х гг. М. А. Спендиаровой. Из раскопок 1964 г. в фондах музея сохранились три фрагмента калып и мелкий фрагмент с орнаментом в виде ломаной линии, происходящий непосредственно из топки печи № 1. Развал средней части тулова бордово ангобированного кувшина из раскопок этого комплекса отмечен в слое самого раскопа, а не в топке печи. Несмотря на высказанное предположение о датировке печи 1964 г. XIV в. [14, с. 194], даже для такой широкой даты нет достаточного количества материалов [28, с. 9–11]. Несколько фрагментов из раскопок 1971 и 1972 гг. происходят из слоя первой половины XIV в. в заполнении мастерской под фундаментами башни Бернабо ди Франки ди Пагано и под фундаментами башни Якобо Торселло. В этом же синхронном слое на уровне фундаментов помещения А генуэзской Лоджии в 1979 г. найдено несколько фрагментов, в том числе развал. В этом же слое на раскопе к юго-востоку от генуэзской Лоджии на участке между оборонительной стеной и кладкой 13 первой половины XIII в., на полу мастерской в южной и северной части раскопа в 1981, 1983, 1985, 1997, 1998 и 2001 гг. найдено не менее полусотни мелких и средних фрагментов, нижних и верхних частей тулова, а также две уникальные археологически целые формы.

Вторым по массовости находок является слой, зафиксированный в 1987 г. на полу помещения «В» мастерской на участке куртины 14, прекративший свое су-

ществование в третьей четверти XIV в. В процентном соотношении наиболее насыщенным находками оказался синхронный слой, частично изученный в 1988 г., примыкавший к этим золотоордынским мастерским на участке раскопок золотоордынской сахароварни. Здесь было найдено не менее 80 мелких и крупных фрагментов, в том числе и развалы.

Согласно наиболее аргументированной хронологии производства штампованной керамики Таврики, предложенной И. Б. Тесленко [28, с. 43–44], время прекращения производства подобной посуды в Судаке приходится на середину 1360-х гг. – времени захвата города генуэзцами. Тем не менее, в двух случаях зафиксированы контексты, которые датируются генуэзским временем второй половины XIV – первой половины XV в. Так, в 1986 и 2006 гг. на участке прирезки южного борта раскопа перед алтарем Храма Девы четко зафиксирован слой этого времени, содержавший несколько мелких фрагментов. Не исключено, что горизонт переотложен. Важнее то, что в 2003 г. в синхронном слое на северо-западном участке посада Сугдеи в заполнении сильно разрушенного тандыра была найдена археологически целая ангобированная форма.

На других участках раскопок находки штампованной керамики достаточно редки. Например, на раскопе 8 в портовой части Сугдеи, в слое первой половины XIV в. найдено всего два фрагмента. Несколько фрагментов было зафиксировано в 1973 г. в перемещенном слое под фундаментами казармы русских войск.

Таким образом, приходится констатировать, что археологические контексты Сугдеи не позволяют установить точное время начала производства этой посуды в городе. Главная причина – стабильное развитие Сугдеи и отсутствие, в отличие от Азака, датированных закрытых комплексов первой половины XIV в., что уже подчеркивалось специалистами [16, с. 194; 27, с. 205–206]. Рубежной может являться только дата захвата Сугдеи генуэзцами в 1365 г., повлекшая отдельные зафиксированные раскопками пожары и масштабные перестройки. Совершенно очевидно, что в Азаке существуют эталонные, датированные первой третью XIV в., закрытые комплексы, которые содержат многочисленные крымские штампованные кувшины [16, с. 194; 17, с. 472–473]. Исходя из этого, нет оснований сомневаться в том, что именно в это время они и начинают производиться в Сугдее[1]. Не исключено и то, что после подчинения города Генуе, их производство не прекращается.

[1] Единственным комплексом, позволяющим ставить вопрос о более раннем времени производства штампованных кувшинов в Крыму, является материал из пода печи-тандыра, зафиксированной в ходе раскопок городища на плато Тепсень. Действительно, этот керамический комплекс, исходя из характерной византийской керамики, датируется последней третью XIII – началом XIV в., что уже отмечалось специалистами [28, с. 35–36]. Тем не менее, позднесредневековый культурный слой памятника стратиграфически трудно разделим. Не исключено, что эти единственные в комплексе фрагменты штампованных кувшинов [10, с. 474, 476, рис. 8,3; 9,3] происходят из вышележащего, перекрывающего слоя. Именно такая ситуация зафиксирована на Тепсеньском раскопе 2011 г., где нижняя часть штампованного кувшина встречена в одном слое как с византийской керамикой типа Nowy Svet Ware, так и с керамикой группы ЮВК середины – второй половины XIV в. [13, с. 760, рис. 4,12].

Проблемы *технологии изготовления* рассматриваемых кувшинов разработаны лучше всего. Четко различаются изделия, покрытые ангобом оранжевого, коричневого или бордового цвета и поливой зеленого цвета под белым ангобом, покрывающей верхнюю часть тулова. И. Б. Тесленко считает поливные изделия хронологически более поздними [28, с. 43], не приводя, правда, никаких конкретных примеров. Установлено моделирование сосудов в полусферических глиняных формах-колыпах с последующим соединением двух полусфер при помощи хорошо заметного шва, являющегося отличительным признаком изделий [9, с. 78–79; 8, с. 86–87; 28, с. 43–44]. Высокий кольцевой поддон, горло, прорезной воротник и ручка прилепливались уже к готовому полуфабрикату. Анализ судакской коллекции позволяет утверждать, что характер обработки внутренней поверхности шва был разнообразный, от профилированных граней до ровного овала, в отдельных случаях сильно сглаженного. С внешней стороны на некоторых экземплярах присутствует специально сделанная грань, образованная двумя вогнутыми полосами. На многих крупных фрагментах заметно утолщение стенок, идущих к горлу, и меньшая толщина – ведущих к кольцевому поддону. Такое разнообразие технологических приемов, не связанных с морфологией изделия, может подразумевать большое количество мастеров и самих мастерских в городе.

Перейдем к вопросам *типологии*. Первую попытку типологизировать штампованные кувшины предложил А. Н. Масловский. В качестве критериев ученым справедливо были отмечены наличие или отсутствие прорезного ситечка-фильтра и воротничка в нижней части горла, сама его форма, характер верхнего прилепа ручки, в меньшей степени морфология тулова [15, с. 368]. Однако, несмотря на правильные, на наш взгляд, критерии, типология так и не была предложена. Более детально к типологии рассматриваемых сосудов обратилась Д. Э. Сейдалиева. Исследовательницей штампованные кувшины были разделены на 5 типов [23, с. 418–419]. Первые два типа, как неполивные ангобированные, так и покрытые зеленой поливой, отличающиеся только степенью шаровидности тулова и высоты горла, изготовлены из красной глины. Вторые два типа, сходные по морфологии с первыми двумя, изготовлены из серой глины. Пятый тип отличается высоким профилированным горлом и округлыми плечами. К сожалению, графические иллюстрации выделенных типов отсутствуют, что затрудняет анализ предложенных для типологии критериев. Ныне исследовательница объединила все эти типы в один XXIV тип кувшинов, представленный в публикации только мелкими фрагментами, затрудняющими реконструкцию изделия [26, с. 199, рис. 15,7–14]. Морфологически они совершенно идентичны сугдейским, однако тулово некоторых из них снаружи покрыто поливой светло-коричневого цвета, а зеленая глазурь очень часто нанесена изнутри, чего в Сугдее нет [26, с. 167].

Какие выводы относительно типологии можно сделать на основании судакской коллекции? Действительно, тулово рассматриваемых кувшинов наиболее консервативно. У всех предложенных ниже типов, в основном, оно шаровидных очертаний,

более или менее ярко выраженное биконическое встречается реже. Исходя из этого, главным критерием для выделения первых трех типов является горло, а для вариантов, функциональное назначение которых, вероятно, было разным – наличие или отсутствие прорезанного тремя треугольниками фильтра и прорезанного аналогичными треугольниками воротничка в нижней части горла. Безусловно, исходя из предложенных критериев, большинство мелких фрагментов судакской коллекции трудно отнести к конкретному типу. Тем не менее, ориентируясь на археологически целые формы, известные как в Сугдее, так и за ее пределами, предварительно можно говорить о пяти основных морфологических типах.

Тип I – сосуды с коротким широким слегка раздутым по центру горлом, высота которого чаще всего равна или меньше высоты тулова. Морфологически горло составляет нижнюю половину стандартного высокого горла этих сосудов. Тулово имеет более или менее выраженные шаровидные очертания. Ручка, перпендикулярно отходящая от него, прилеплена в верхней части горла и посередине тулова. Говорить о вариантах пока преждевременно. Наиболее ярким крымским примером является кувшин из раскопок Солхатской экспедиции 1978–1983 гг. [23, с. 421, рис. 1] и типологически близкий ему кувшин из Азака [28, с. 42, рис. 21,9]. Фрагментарность находок не позволяет с уверенностью отнести к этому типу фрагменты сугдейской коллекции.

Тип II – сосуды с более или менее выраженным раздутым по центру горлом, узким на месте перехода к плечикам. Высота горла практически всегда выше высоты тулова. Венчик каплевидный, слегка отогнутый. Верхний прилеп ручки располагается в средней части горла, чаще всего перпендикулярно к его плоскости. Нижний прилеп расположен на середине высоты тулова. Предварительно можно говорить о двух вариантах с ситечком-фильтром и прорезным воротничком и без последнего. Наиболее яркими примерами являются сосуды из Азака [15, с. 369, рис. 24,1,2; 17, с. 462, рис. 4,7,9] и раскопок 2003 г. на участке посада Сугдеи (рис. 1,*6)*.

Тип III – сосуды с более или менее выраженным воронковидным высоким слегка профилированным, в редких случаях подцилиндрическим горлом. Оно обычно наиболее узкое среди всех типов на месте перехода к плечикам. Высота горла часто превышает высоту тулова. Венчик практически не отогнут. У кувшинов этого типа ручка чаще приподнята над ее верхним прилепом, а нижний, в таком случае, расположен не на середине тулова, а на плечиках. Так же присутствуют экземпляры с ситечком-фильтром и прорезным воротничком и без последнего элемента. Наиболее яркими примерами этих вариантов могут служить хорошо сохранившиеся восточно-крымские экземпляры из Азака [7, с. 125, 369, рис. 54,7; 24,3,4]. Из сугдейской коллекции к нему близки некоторые фрагменты верхних частей (рис. 2,*2,5*), но судить, исходя из фрагментарности, можно только предположительно. Можно осторожно предположить, что тулово кувшинов этого типа имеет более выраженные биконические очертания (рис. 3,*1*). Псевдокуфический орнамент в т.н. стиле «насх» в сугдейской коллекции встречен именно на сосудах этого типа.

Тип IV выделен предварительно, не исключено, что он в будущем окажется не более чем вариантом. Образует его пока один экземпляр под монохромной поливой зеленого цвета без ситечка-фильтра и прорезного воротничка, зафиксированный при раскопках на участке т.н. квартала I Судакской крепости в 1997 г. [11, с. 384, рис. 11,6]. Горло кувшина и кольцевой поддон не сохранились, исходя из чего, его трудно точно соотнести с тремя выделенными выше типами. Отличительной особенностью являются три ручки, нижние прилепы которых симметрично расположены в верхней части тулова.

Тип V пока уникален для золотоордынского мира Таврики. Он представлен археологически целым двуручным сосудом на высоком кольцевом поддоне с дисковидным туловом, в виде полого «бублика» с крупным отверстием в центре. Горло, равное по высоте тулову, раздуто на середине высоты, расположение ручки – традиционно для типа I. С некоторой натяжкой, условно близкими изделиями можно считать флягу с двумя небольшими ручками на широком кольцевом поддоне из раскопок Солхатского ремесленного поселения Бокаташ-II [24, с. 362, рис. 7,47], переделанную в светильник [25, с. 69, рис. 1,7] и из материалов Азака [15, с. 369, рис. 24,6].

Рассмотрим проблему *орнаментации штампованных кувшинов.* Исследователи неоднократно пытались выделить основные элементы орнаментальной композиции штампованных кувшинов [9, с. 79; 8, с. 85; 23, с. 418–419], подчеркивая ее сложность и даже невозможность типологизации из-за отсутствия стандарта [1, с. 110]. Единственное, в чем нет сомнений, это то, что система орнаментации от морфологии сосуда не зависит, и орнаментальные композиции верхней и нижней части, в зависимости от разных форм-колып, часто не совпадали.

Внимательный анализ судакской коллекции и опубликованных сосудов, происходящих с других сопредельных территорий, позволяет считать, что в основе орнаментальных исключительно геометрических рельефных мотивов лежат всего семь основных элементов: точки, звездочки и семечковидные фигуры разных размеров и конфигураций, зигзаговидная горизонтальная волна (рис. 4,*5,6),* вертикальные волнообразные отрезки (рис. 4,*7*), завитки (рис. 4,*8,13,10*), псевдокуфические элементы в т.н. стиле «насх» (рис. 3,*1;* 4*,12).* Отметим, что звездочки в виде цветочков встречены в основном на изделиях, обнаруженных в Азаке [7, с. 125, рис. 54,7; 16, с. 195, рис. 3,8], завитки встречаются довольно редко, а присутствие псевдокуфических украшений в судакской коллекции единично. Все перечисленные элементы могли выступать самостоятельными орнаментальными мотивами, но, чаще всего, заключались в геометрические фигуры.

Для правильного понимания системы орнаментации этих кувшинов необходимо признать, что центром орнаментальных композиций практически всегда вступало горло или кольцевой поддон изделия, предполагающие секторную или «звездночно-цветочную» разнолепестковую композицию. Несмотря на все разнообразие возможных вариантов, все они предварительно разделены на семь основных

орнаментальных типов с несколькими вариантами. Еще раз подчеркнем, что, исходя из отмеченных технологических особенностей, рассматривать в данном случае мы будем только половину тулова.

Тип 1 (рис. 5,*1)* – простейший тип, когда вся поверхность покрыта крупными (рис. 3,*8*), мелкими (рис. 3,*6*) точками, различного вида семечковидными элементами (рис. 3,*7,11*) или звездочками (рис. 1,*5*; 2,*6*), образующими вертикальные или диагональные линии. В нижней части тулова вся поверхность бывает покрыта исключительно вертикальными волнистыми отрезками (рис. 3,*3*).

Тип 2 (рис. 5,*2,3*) – поверхность разделена на 8 секторов, заполненных чередующимся орнаментом в виде различных вариантов точек (рис. 3,*9*), точек и семечковидных фигур, напоминающих запятые (рис. 3,*10*), иногда сектора разделены полосой (рис. 1,*2*). В единичных случаях чередуются не два, а три орнаментальных элемента, как, например, на кувшине из Азака [28, с. 42, рис. 21,9].

Тип 3 (рис. 5,*4–7*) – в основе композиции расположена шестилучевая звезда. В наиболее массовом варианте (рис. 5,*4*) образованные ею противопоставленные смежные треугольники заполнены только одним орнаментальным элементом в виде точек (рис. 1,*4–7*). Реже они заполнены несколькими элементами в виде разного размера точек (рис. 2,*4*), точек и звездочек (рис. 4,*2*). В некоторых случаях (рис. 5,*5*) лучи подчеркнуты дополнительной линией, украшенной одним (рис. 4,*3*) или двумя (рис. 4,*11*) рядами точек. Отдельный вариант (рис. 5,*6*) составляют орнаменты, где смежные с лучами треугольники не оставлены пустыми, а украшены противопоставленными треугольниками, заполненными точками (рис. 1,*3*). Наиболее сложным вариантом представляется случай, когда в верхней части сосуда не звезда, а шестилепестковый цветок усложнен дополнительными лепестками, расположенными между лучами, а все образованные треугольники заполнены разными орнаментальными элементами (рис. 2,*4*; 5,*7*).

Тип 4 (рис. 5,*8,9*) – в основе композиции расположена четырехлучевая звезда, а образованные ею смежные треугольники заполнены полуарками (рис. 3,*4*) или дополнительными треугольниками (рис. 3,*5*). К этому типу примыкает и вариант с четырехлепестковой сложной фигурой, заполненной точками (рис. 6,*19*), реконструированный на основании глиняной формы из Сугдеи [8, с. 84, рис. 2; 28, с. 11, рис. 3,7].

Тип 5 (рис. 5,*10–12*) – в основе композиции радиальные спиральные лучи, подчеркнутые линией и украшенные разными орнаментальными элементами (рис. 4,*1*) или чередующиеся с незаполненным полем [28, с. 42, рис. 21,8] (рис. 1,*1*).

Тип 6 (рис. 6,*13–18*) – в основе композиции восьмилучевые фигуры с лучами в виде ромбов, заполненных точками. Образованные ими треугольники либо заполнены точками (рис. 6,*13*), либо оставлены пустыми [28, с. 42, рис. 21,3] (рис. 6,*14*). Нижнюю часть композиции могут составлять ломаные линии (рис. 4,*5,6*; 6,*15*) [9, с. 79, рис. 31,2,3; 26, с. 199, рис. 15,12,14]. Отдельный вариант составляют восьмилучевые фигуры с прямыми лучами, разделенными на смежные противопоставленные

треугольники (рис. 4,*4*; 6,*17*) или треугольники со смежными вершинами [9, с. 79, рис. 31,1]. В единичном случае отмечен вариант, где лучи составлены в виде незамкнутых окружностей со звездочкой в центре (рис. 4,*9*; 6,*18*).

Тип 7 (рис. 6,*20–22*) – в основе композиции 16-тилепестковый цветок. В первом варианте они при помощи более или менее выраженной ломаной или округлой линии наложены один на другой, образуя ромбы со смежными вершинами. Последние заполнены орнаментом (рис. 2,*8*; 4,*8*) или оставлены пустыми (рис. 2,*9*). Во втором случае – лепестки не пересекаются и заполнены орнаментом [28, с. 42, рис. 21,2] (рис. 6,22).

Некоторые варианты орнаментации встречены в единичных экземплярах и не находят аналогов в сопредельных с полуостровом регионах. Таковы, например, прорезной орнамент в виде чередующихся шестилистников, заключенных в круг (рис. 4,*14*), сложная система концентрических окружностей с завитком в центре (рис. 4,*10*) и сложный орнамент, напоминающий растительный, более характерный для среднеазиатских прототипов (рис. 4,*15*). Последний заслуживает особого рассмотрения. Наблюдения показывают, что в орнаментальных схемах сугдейских кувшинов нижняя часть часто заполнена прерывистыми вертикальными волнистыми линиями (рис. 3,*3*), о чем свидетельствуют и три формы-калыпы [8, с. 84, рис. 2]. В солхатской же керамике нижняя часть сосуда часто заполнена многолепестковой розеткой с чередующимся или повторяющимся орнаментом в лепестках. В солхатской коллекции, присутствует и ангобированный кувшин, находящийся в экспозиции Государственного Эрмитажа, с уникальной орнаментальной вставкой в виде квадрата, образованного четырьмя трилистниками.

Обратимся к проблемам *организации производства и территории распространения штампованной керамики Таврики.* Помимо Сугдеи, не вызывает сомнений производство штампованной керамики в Солхате [29, с. 86, 95, № 38, 40, 39]. Раскопками четко зафиксировано, что матрицы-калыпы и триподы найдены при раскопках 1990–1992 гг. гончарной мастерской у южной стены «караван-сарая», которая на основании нумизматического материала датируется 20–60-ми гг. XIV в. Совсем недавно Д. Э. Сейдалиева, посвятившая этой проблеме несколько специальных работ, опубликовала план и общие виды этих печей [25, с. 187–188]. Тем не менее, ни сами формы, ни штампованная продукция из них, так и не введены в научный оборот, что уже подчеркивалось специалистами [26, с. 209], а в выделенном XXIV типе штампованных кувшинов продукция этого гончарного центра не указана [25, с. 167].

Более однозначная ситуация с производством штампованной керамики Солхата в гончарном центре Бокаташ II. На основании нумизматического материала и стратиграфической ситуации время его функционирования разделено на два периода [26, с. 209]. Производство штампованной керамики на основании находок матриц-калып связывается с первым периодом, который датируется концом XIII – началом 40-х гг. XIV в. В данном случае матрицы-калыпы опубликованы и проанализированы [28, с. 19, рис. 8], но самой штампованной продукции приведено мало.

В основном, она ограничивается мелкими фрагментами, особенно с орнаментом в виде псевдокуфических надписей в стиле «насх» [20, рис. 13].

Для объяснения некоторых аспектов организации производства рассматриваемой штампованной керамики важно вспомнить, что в мастерской на территории восточного пригорода Царевского городища, при наличии большого количества целых и фрагментированных матриц-калып полностью отсутствовали заготовки и сами штампованные сосуды [4, с. 86]. Последние, по мнению ученых, изготавливались и обжигались в отдельных мастерских. Как мы видим, эта ситуация близка к зафиксированной в Сугдее и ремесленном центре Солхата Бокаташ II. Тем не менее, ситуацию на памятнике трудно признать однозначной, поскольку фрагменты штампованных кувшинов в культурном слое Царевского городища встречены [33, с. 220, рис. 5], но связываются с импортом из мастерских юго-восточного Крыма.

Несмотря на минимальность источниковой базы, исследователями уже достаточно давно в группе штампованной золотоордынской керамики юго-восточного Крыма (ЮВК) были выделены солхатская, каффинская и судакская подгруппы [18, с. 89–91]. Характерным отличием последней явилось, по мнению ученых, наличие сосудов, покрытых зеленой поливой по белому ангобу. Отмечена, вместе с тем, и схожесть изделий Солхата и Судака, предполагающая либо импорт калыпов, либо изготовление реплик с продукции одного города в другом [18, с. 90]. Отличием судакской группы от каффинской, помимо этого, считается заметно меньшая тщательность при копировании орнаментов с хорезмийских образцов. Тем не менее, ограниченность источниковой базы и отсутствие каких-либо материалов о производстве штампованной золотоордынской керамики в Каффе делают предложенные выводы предварительными и требующими дополнительной аргументации. Во всяком случае, критерии для выделения, например, маджарской штампованной керамики [5, с. 33–42], несравненно понятней и четче.

Распространение рассматриваемой штампованной керамики в Таврике приходится, в основном, на материалы сельских поселений юго-восточной части полуострова. На территории южного и юго-западного Крыма этой керамики мало [6, илл. 78,3; 81,1], что уже подчеркивалось специалистами [28, с. 44], а в Херсонесе – она единична [19, с. 234, рис. 131; 28, с. 42, рис. 21,1–3]. Наиболее представительная коллекция анализируемой посуды, в том числе большое количество археологически целых форм, за пределами полуострова зафиксирована в Азаке, где она уже давно справедливо рассматривается в качестве восточно-крымского импорта [15, с. 195, рис. 3,5–10; 3, с. 191, рис. 1,4]. Несмотря на предположение о местном производстве [9, с. 79], таковой она была, вероятно, и для Белгорода.

В заключение скажем несколько слов об истоках производства штампованной золотоордынской посуды в Крыму. Сероглиняные импортные штампованные неполивные прототипы рассматриваемой керамики в настоящий момент типологизированы и достаточно полно опубликованы, как для Солхата [20, с. 211–218], так и для Сугдеи [11, рис. 2,1–4]. Исследователи подчеркивают особое значение в плане

формирования форм и орнамента крымской штампованной керамики хорезмийских традиций изготовления подобной посуды [20, с. 211–218]. С другой стороны, некоторые специалисты так же аргументировано считают, что налаживание производства поливной керамики в восточном Крыму осуществляли выходцы из Закавказья, влившиеся в число уже ранее работавших здесь мастеров. При этом, различные традиции, привнесенные этими мастерами, работавшими ранее в разных регионах Закавказья, обусловили определенные различия в стилистике и некоторых технологических приемах между мастерами Солхата и Судака и Каффы [15, с. 195]. Вероятнее всего, в штампованной керамике Сугдеи, как и всего восточного Крыма золотоордынского времени, среднеазиатское и закавказское влияние тесно переплетались, обуславливая, только, разные аспекты морфологии и, частично, орнаментации.

Таким образом, мы попытались обозначить основные направления исследований и подвести первые итоги изучения коллекции штампованной керамики Сугдеи. Безусловно, по мере ее пополнения, предложенные выводы могут быть скорректи-

Рис. 1. Штампованная керамика Сугдеи: *1* – 1987 г. мастерские помещение В; *2, 3* – 1988 г., сахароварня; *4* – 1972 г., башня Я. Торселло; *5* – 1979 г., лоджия помещение А; *6* – 2003 г., посад; *7* – 1997 г., квартал I
Fig. 1. Stamped ware from Sougdaia: *1* – 1987, workshops, room B; *2, 3* – 1988, sugar refining shop; *4* – 1972, J. Torsello Tower; *5* – 1979, loggia, room A; *6* – 2003, residential area outside the town walls; *7* – 1997, quarter I

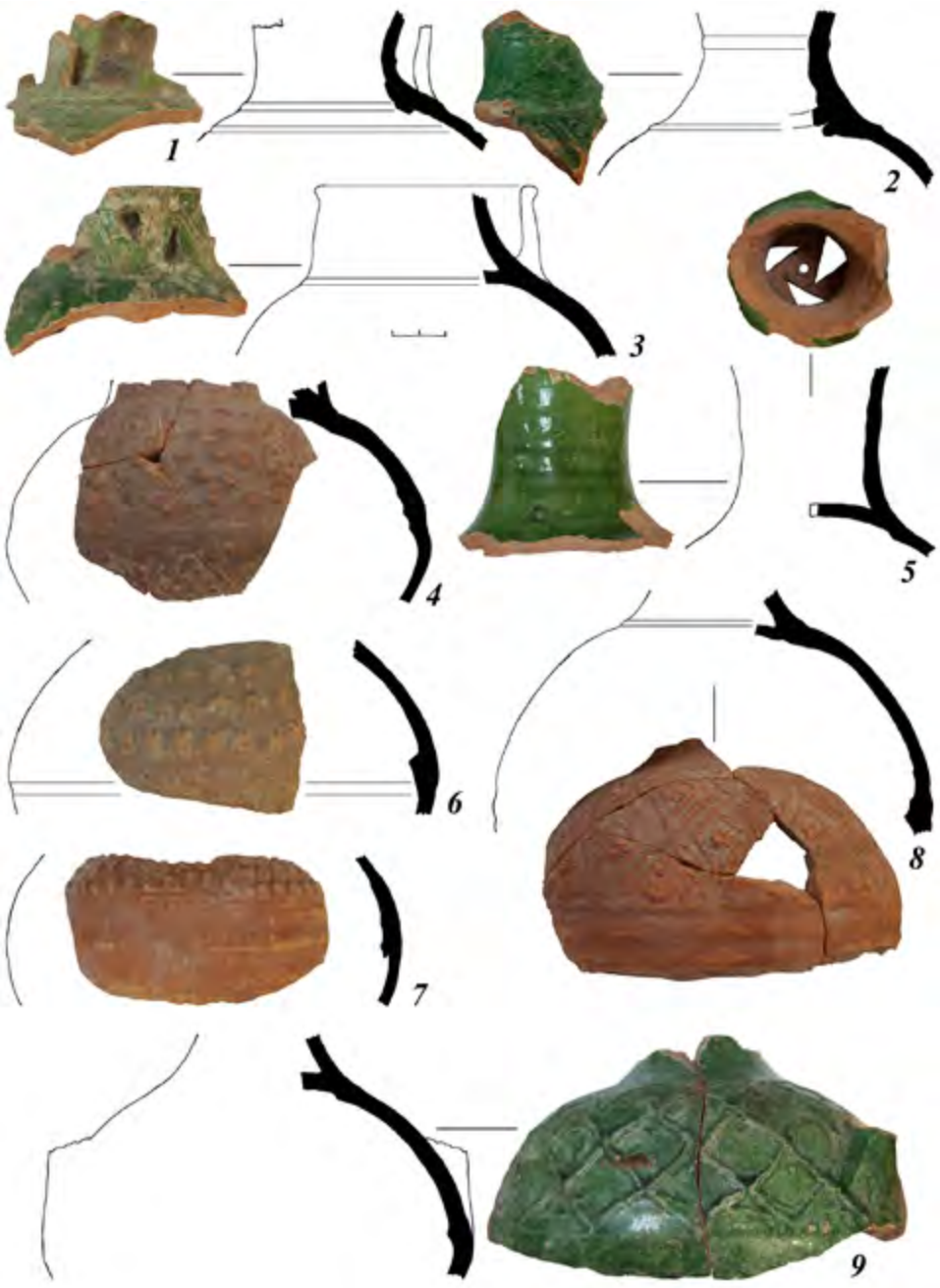


Рис. 2. Штампованная керамика Сугдеи: *1, 2, 7, 9* – 1983 г., квартал I; *3* – 1979 г., лоджия помещение А; *4* – п/м, сборы М. А. Спендиаровой; *5* – 1988 г., сахароварня; *6* – 1972 г., башня Я. Торселло; *8* – 1964 г., печь
Fig. 2. Stamped ware from Sougdaia: *1, 2, 7, 9* – 1983, quarter I; *3* – 1979, loggia, room A; *4* – surface finds by M. A. Spendiarova; *5* – 1988, sugar refining shop; *6* – 1972, J. Torsello Tower; *8* – 1964, furnace

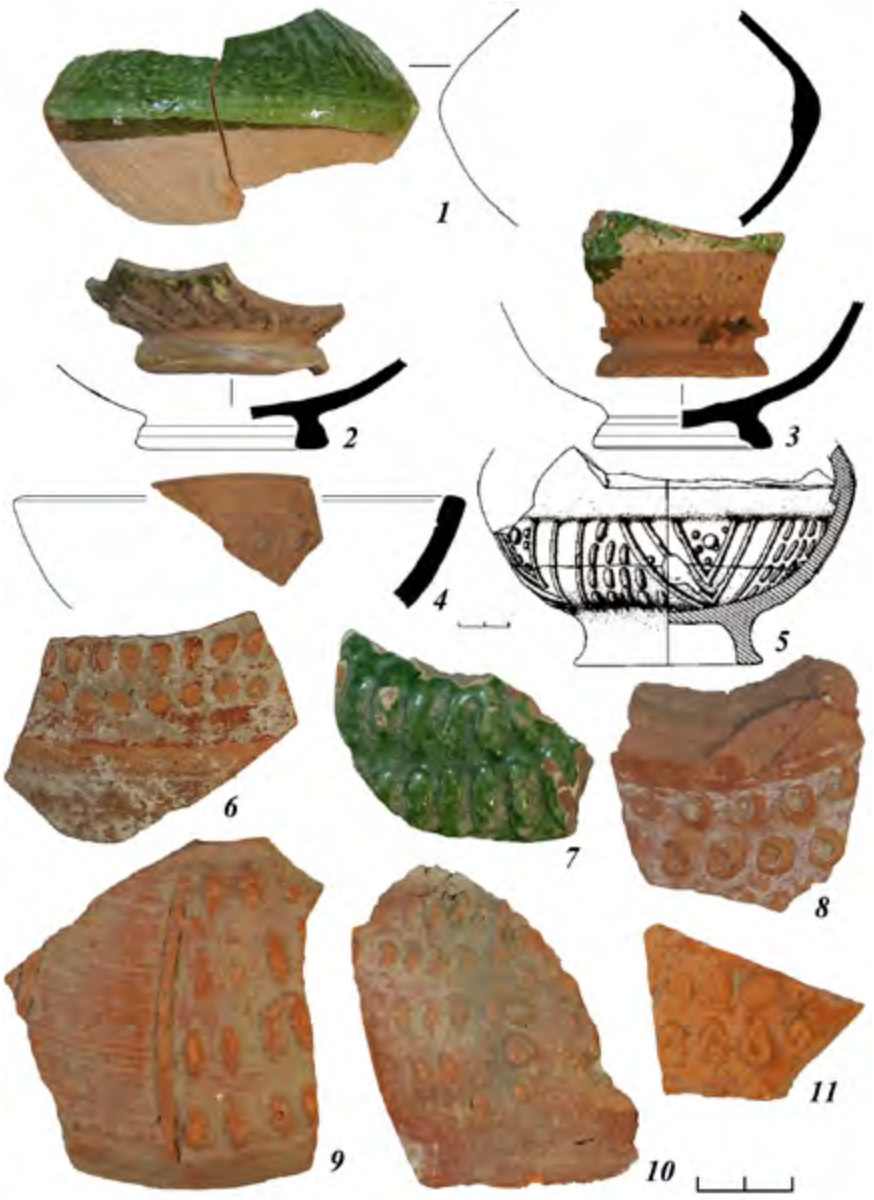


Рис. 3. Штампованная керамика Сугдеи и фрагменты с остатками орнаментальных композиций: *1* – 1987 г., мастерские помещение В; *2, 3* – 1983 г., квартал I; *4* – 1964 г., печь; *5* – 1972 г., башня Я. Торселло (по И. Б. Тесленко); *6, 10* – п/м, сборы М. А. Спендиаровой; *7, 8* – 1988 г., сахароварня; *9* – 1985 г., мастерские; *11* – 1997 г., квартал I

Fig. 3. Stamped ware from Sougdaia and the fragments showing the remains of ornamental compositions: *1* – 1987, workshops, room B; *2, 3* – 1983, quarter I; *4* – 1964, furnace; *5* – 1972, J. Torsello Tower (after: I. B. Teslenko); *6, 10* – surface finds by M. A. Spendiarova; *7, 8* – 1988, sugar refining shop; *9* – 1985, workshops; *11* – 1997, quarter I

Рис. 4. Фрагменты штампованной керамики Сугдеи с остатками орнаментальных композиций: *1, 4, 5, 7, 12, 15* – 1988 г., сахароварня; *2* – 1981 г., квартал I; *3* – 2006 г., храм Девы Марии; *6* – 1964 г., печь; *8* – 1985 г., мастерские; *9, 13, 14* – п/м, сборы М. А. Спендиаровой; *10* – 1979 г., лоджия; *11* – 1986 г., мечеть

Fig. 4. Fragments of the stamped ware from Sougdaia showing the remains of ornamental compositions: *1, 4, 5, 7, 12, 15* – 1988, sugar refining shop; *2* – 1981, quarter I; *3* – 2006, Virgin Mary's Church; *6* – 1964, furnace; *8* – 1985, workshops; *9, 13, 14* – surface finds by M. A. Spendiarova; *10* – 1979, loggia; *11* – 1986, mosque

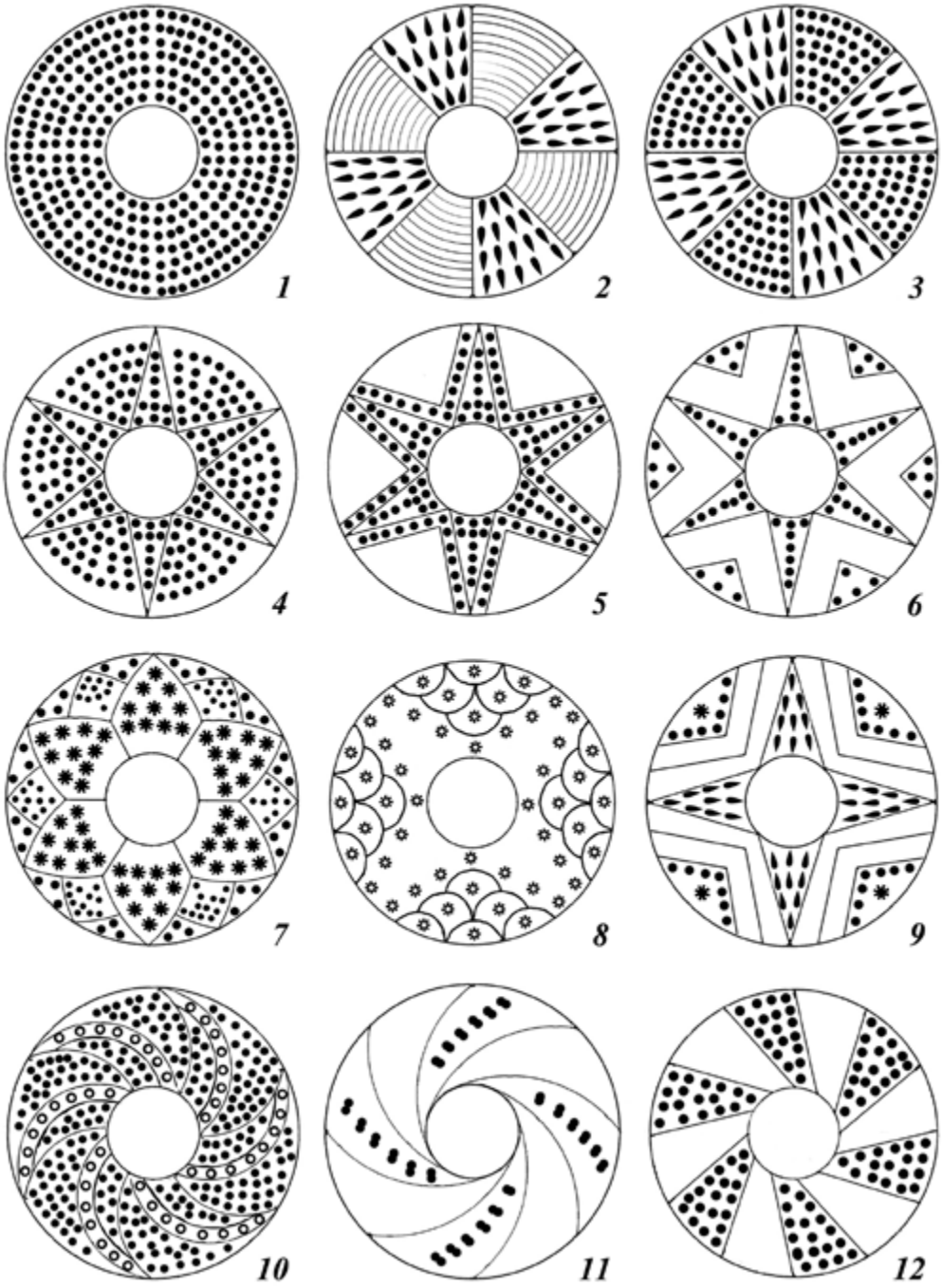


Рис. 5. Реконструкция орнаментальных композиций штампованной керамики Сугдеи
Fig. 5. Reconstruction drawing of ornamental compositions of stamped ware from Sougdaia

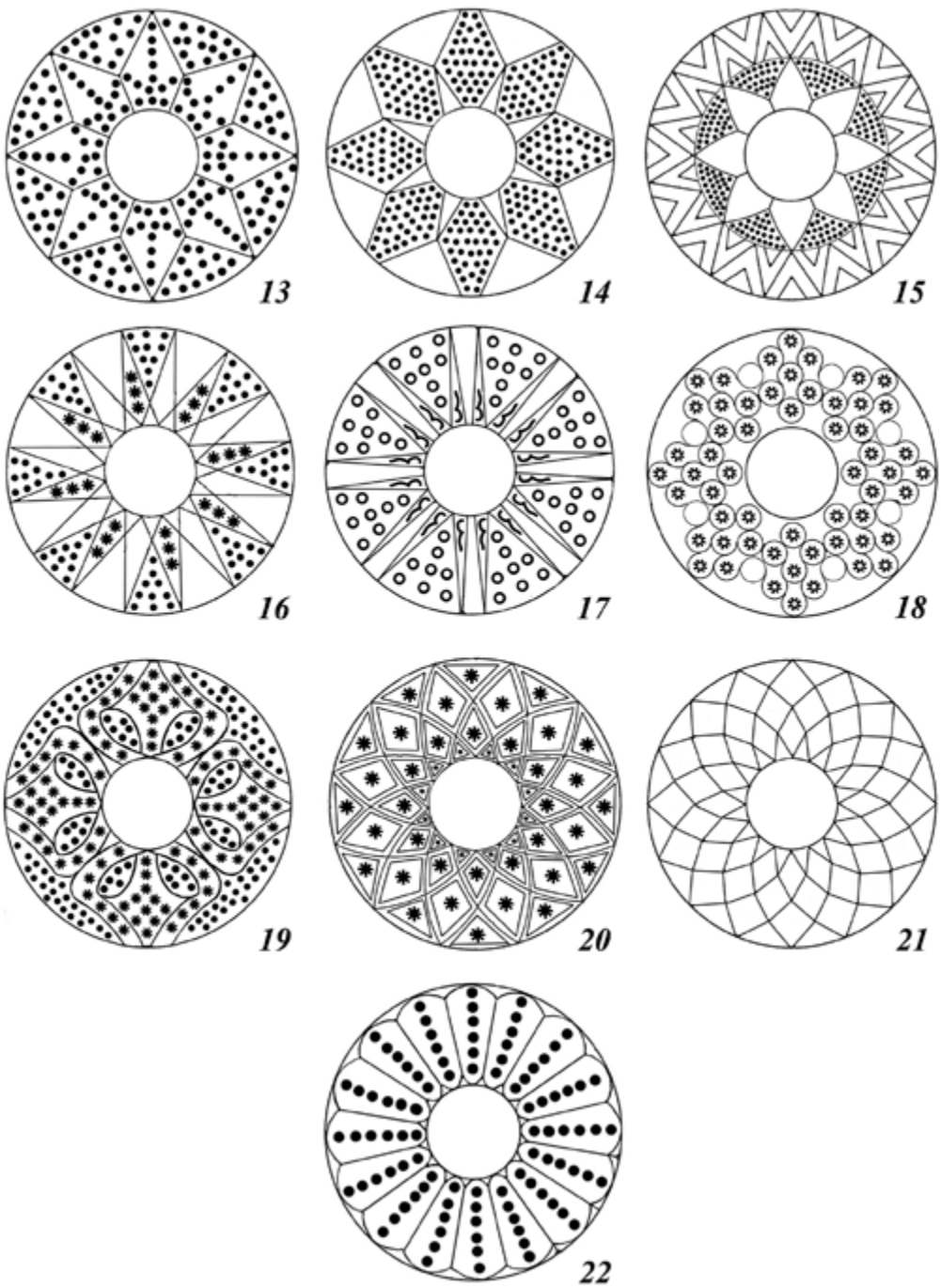


Рис. 6. Реконструкция орнаментальных композиций штампованной керамики Сугдеи
Fig. 6. Reconstruction drawing of ornamental compositions of stamped ware from Sougdaia

рованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 101–121.
2. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004. Вып. I. С. 524–559.
3. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов Крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 189–200.
4. Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. Техническая керамика гончарной мастерской Сарая ал-Джедид – Царевского городища // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 79–92.
5. Волков И.В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Ялта, 2007. С. 33–42.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.). М., СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
7. Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. Азов, 2016. Вып. 29. С. 50–126.
8. Джанов А.В. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1998. С. 85–89.
9. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев, 1986. 128 с.
10. Майко В.В. Средневековая Посидима. Штрихи к археологическому портрету // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2008. Вып. III. С. 466–480.
11. Майко В.В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2012. Вып. V. С. 363–393.
12. Майко В.В. Экономические связи Сугдеи с Поволжьем и Средней Азией (на примере археологического материала) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М., 2020. С. 127–131.
13. Майко В.В., Баранов В.И. Средневековый комплекс поселения Посидима на плато Тепсень (по материалам раскопок 2011 г.) // 100 лет Карадагской научной станции им. Т.И. Вяземского. Симферополь, 2015. С. 753–764.
14. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
15. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. 2006. Вып. 21. С. 308–472.
16. Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в юго-восточном Крыму в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27). С. 192–196.
17. Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII века. Вып. 2. Казань, Кишинев, 2017. С. 455–490.
18. Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Штампованная керамика Золотой Орды: история изучения // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. № 10. С. 203–210.
19. Панина Э.Л., Волков И.В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 89–91.
20. Романчук А.И. Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 232–235.
21. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Торговые связи Крыма и Хорезма (о некоторых керамических

находках Солхатского городища) // Золотоордынская цивилизация. 2017. Вып. 10. С. 211–218.
22. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Глазурованная керамика золотоордынского периода в фондах Центрального музея Тавриды: попытка атрибуции одной коллекции // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 282–307.
23. Сейдалиева Д.Э. Штампованная керамика из раскопок Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по материалам отчетов 1978–1983 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 415–422.
24. Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.
25. Сейдалиева Д.Э. Вторичное использование глазурованной керамики в быту золотоордынского населения Крыма (на примере находок с Солхатского городища) // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 64–70.
26. Сейдалиева Д.Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 150–205.
27. Тесленко И.Б. Поливная керамика Крыма от эпохи золотой орды и генуэзской колонизации до османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2016. Вып. VIII. С. 92–158.
28. Тесленко І.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4 (29). С. 7–83.
29. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Материалы по истории и археологии средневекового Крыма. Крымский Юрт Золотой Орды. Симферополь: Ариал, 2022. С. 85–105.
30. Фарбей А.М., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки на посаде средневековой Сугдеи в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Киев, 2004. С. 325–327.
31. Фронджуло М.А. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 139–150.
32. Халилова Д.Э. Штампованная керамика золотоордынского Солхата: прототипы, организация производства и рынок сбыта // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 363–368.
33. Юдин Н.И. Поливная керамика производства юго-восточного Крыма из раскопок Царевского городища // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 214–226.

REFERENCES

1. Baranov I.A. Development of the Byzantine posad on the section of the main gate of the Sudak fortress. Tolochko P.P. (Ed.), *Vizantijskaya Tavrika [*Byzantine Tavrika], Kiev, 1991, pp. 101–121.
2. Baranov I.A. Complex of the third quarter of the 14th century in the Sudak fortress. *Sugdejskij sbornik* [Sugdeja collection], 2004, vol. I, pp. 524–559.
3. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. The most massive types of glazed imports of Crimean production and some trade issues in Eastern Europe in the 14th century. *Povolzhskaya arheologiya [*The Volga River Region Archaeology], 2015, no. 4 (14), pp. 189–200.
4. Valiulina S.I., Nuretdinova A.R. Technical Ceramics from the Pottery Workshop at Sarai-al-Jedid – Tsarevskoye Settlement. *Povolzhskaya arheologiya [*The Volga River Region Archaeology], 2021, no. 2 (36), pp. 79–92.
5. Volkov I.V. Glazed ceramics of the Majar. *Polivnaya keramika Vostochnoj Evropy, Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v X–XVIII vv. [*Glazed ceramics of Eastern Europe, the Black Sea and the Mediterranean in the 10th–18th centuries], Yalta, 2007, pp. 33–42.
6. Gertcen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.n.e.)*

[The population of Doros-Theodoro based on the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4th–17th centuries AD)], Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 272 p.
7. Goncharova S.A., Shirochenko E.B., Harenko M.V., Goncharov M.Yu., Maslovskij A.N., Minaev A.P., Yudin N.I. Archaeological research in the city of Azov in 2013–2014. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. [*Historical and archaeological research in Azov and Lower Don 2013–2014], Azov, 2016, vol. 29, pp. 50–126.
8. Dzhanov A.V. Pottery stoves of the 14th–15th centuries at the craft landing of Sugdei. *Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya X–XVIII vv. po materialam polivnoj keramiki [*Historical and cultural ties of the Black Sea region and the Mediterranean 10th–18th centuries based on the materials of glazed ceramics], Simferopol, 1998, pp. 85–89.
9. Kravchenko A.A. *Srednevekovyj Belgorod na Dnestre (konec XIII – XIV v.) [*Medieval Belgorod on the Dniester (late 13th–14th centuries)], Kiev, 1986, 128 p.
10. Maiko V.V. Medieval Posidima. Strokes to the archaeological portrait. *Sugdejskij sbornik* [Sugdeja collection], 2008,vol. 3, pp. 466–480.
11. Maiko V.V. Stratigraphic research on the so-called section of the quarter of the I Sudak fortress in 1997. *Sugdejskij sbornik [*Sugdeja collection], 2012, vol. 5, pp. 363–393.
12. Maiko V.V. Sugdei's economic ties with the Volga region and Central Asia (on the example of archaeological material). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka [*Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East], Moscow, 2020, pp. 127–131.
13. Maiko V.V., Baranov V.I. Medieval complex of the settlement of Posidima on the Tepsen plateau (based on the materials of excavations in 2011). *100 let Karadagskoj nauchnoj stancii im. T.I. Vyazemskogo* [100 years of the Karadag Scientific Station named after T.I. Vyazemsky], Simferopol, 2015, pp. 753–764.
14. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological sites of the Sudak region of the Republic of Crimea]. Simferopol, 2015, 448 p.
15. Maslovskij A.N. Ceramic complex of Azak. Brief description. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 godu [*Historical and archaeological research in Azov and Lower Don 2006], 2006, vol. 21, pp. 308–472.
16. Maslovskij A.N. The beginning of the production of glazed ceramics in the southeastern Crimea in the last quarter of the 13th – the first half of the 14th century. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2012, no. 1 (27), pp. 192–196.
17. Maslovskij A.N. East Crimea glazed import in the Golden Horde Azak. Issues of chronology. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya, X–XVIII veka [*Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea region, 10th–18th centuries], 2017, vol. 2, pp. 455–490.
18. Naumenko V.E., Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Stamped ceramics of the Golden Horde: the history of study. *Zolotoordynskaya civilizaciya [*Golden Horde civilization], 2017, no. 10, pp. 203–210.
19. Panina E.L., Volkov I.V. Stamped ceramics of Golden Horde cities. *Srednyaya Aziya. Arheologiya. Istoriya. Kul'tura [*Central Asia. Archeology. History. Culture], Moscow, 2000, pp. 89–91.
20. Romanchuk A.I. Results of excavations in the port quarter II of Khersones settlement. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god [*Archaeological research in Crimea 1994], Simferopol, 1997, pp. 232–235.
21. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Trade relations of Crimea and Khorezm (about some ceramic finds of the Solkhat settlement). *Zolotoordynskaya civilizaciya [*Golden Horde civilization], 2017, no. 10, pp. 211–218.
22. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Glazed ceramics of the Golden Horde period in the funds of the Central Museum of Tauris: an attempt to attribute one collection. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 282–307.
23. Seidalieva D.E. Stamped ceramics from excavations of the Old Crimean archaeological expedition of the State Hermitage based on the materials of reports 1978–1983. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor*

*Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya [*XVII Bosporus readings. Bosporus of Cimmeria and the barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and research], Kerch, 2016, pp. 415–422.
24. Seidalieva D.E. Image of birds on Golden Horde ceramics of the Solkhat settlement and district. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 335–362.
25. Seidalieva D.E. Secondary use of glazed ceramics in the life of the Golden Horde population of Crimea (on the example of finds from the Solkhat settlement). *Novye issledovaniya molodyh arheologov v Krymu. Materialy nauchnoj konferencii [*New research of young archaeologists in Crimea. Materials of the scientific conference], Simferopol, 2020, pp. 64–70.
26. Seidalieva D.E. Production of glazed utensils on the Solhat settlement and its district in the Golden Horde period (based on research by the Starokrym archaeological expedition of the State Hermitage). *Bosporskie issledovaniya [*Bosporus Studies], 2021, vol. 42, pp. 150–205.
27. Teslenko I.B. Glazed ceramics of Crimea from the era from the golden horde and Genoese colonization to the Ottoman conquests: 120 years of research (historiographic essay). *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on archeology and the history of ancient and medieval Crimea], 2016, vol. 8, pp. 92–158.
28. Teslenko I.B. Glazed ceramics production in Crimea during Ulug-Ulus. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni* [Archeology and ancient history of Ukraine], Kiïv, 2018, no. 4 (29), pp. 7–83.
29. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Pottery production and ceramic import of Crimea of the late 13th – early 15th centuries. *Materialy po istorii i arheologii srednevekovogo Kryma. Krymskij Yurt Zolotoj Ordy* [Materials on the history and archeology of medieval Crimea. Crimean Yurt of the Golden Horde], Simferopol, 2022, pp. 85–105.
30. Farbej A.M., Maiko V.V., Dzhanov A.V. Excavations at the Plaza of medieval Sugdei in 2003. *Arheologichni vidkrittya v Ukraïni 2002–2003 rr.* [Archaeological research in Ukraine 2002–2003], Kiev, 2004, pp. 325–327.
31. Frondzhulo M.A. Raskopki v Sudake [Excavations in Sudak]. Bibikov S.N. (Ed.), *Feodal'naia Tavrika* [Feudal Taurika], Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 139–150.
32. Halilova D.E. Stamped ceramics of the Golden Horde Solkhat: prototypes, organization of production and the market. *XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium* [XVI Bosporus readings. Bosporus of Cimmeria and the barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society], Kerch, 2015, pp. 363–368.
33. Yudin N.I. Glazed ceramics produced by southeastern Crimea from excavations of the Tsarevsky settlement. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2015, no. 3 (13), pp. 214–226.

Информация об авторе

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019.

Information about the authors

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.441-466

ДЮРБЕ БЕЙ ЮДЕ-СУЛТАН В АЗИЗЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, АРХИТЕКТУРНАЯ ФОРМА, ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Эмма Давидовна Зиливинская
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия
eziliv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3485-0359

Аннотация. Работа посвящена изучению мавзолея Бей Юде-султан, который находится в Азизе – одном из пригородов Бахчисарая. Приводятся его описания различных авторов, а также некоторые визуальные источники, на которых изображено здание. Мавзолей представляет собой кубическую постройку. Куб при помощи треугольных скосов, которые в истории архитектуры получили название турецких треугольников, переходит в восьмигранник, который перекрыт сферическим куполом. В древности он был покрыт шатровой крышей. С южной стороны здание имело портал с типично сельджукскими нишами в боковых стенках. Над дверью имеется строительная надпись, в нижнем ярусе сделан перекрытый куполом склеп. Большинство исследователей датируют постройку XIV–XV вв. В 1991 г. были проведены ограниченные раскопки мавзолея, в результате которых была найдена монета конца XVIII в. На основании этой находки В. П. Кирилко отнес к этому времени постройку здания. Однако архитектурная форма дюрбе Бей Юде-султан в Азизе находит аналогии исключительно в зодчестве Малой Азии сельджукского и раннеосманского периодов и в Золотой Орде. Поэтому сложно представить, что в конце XVIII в. было построено здание по всем канонам XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крымское ханство, мавзолеи, сельджуки, османы, купольное перекрытие, шатровая крыша

Благодарности: Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

BEY YUDE SULTAN TÜRBE IN AZIZ: THE HISTORY OF RESEARCH, ARCHITECTURAL FORM, ISSUES OF CHRONOLOGY

Emma D. Zilivinskaya
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
eziliv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3485-0359

Abstract. This article studies the mausoleum of Bey Yude Sultan, located in Aziz, a suburb of Bakhchisarai. The account of the monument by various authors are cited, as well as some visual sources depicting the structure. The mausoleum is a cubic building. The cube passes into an octahedron via triangular bevels, which are called Turkish triangles by the historians of architecture. The octagon is covered with a spherical dome, which formerly was topped with a hip roof. On the south side, the building had a portal with typical Seljuk niches in the side walls. Above the door there is a building inscription; in the lower tier there was a burial vault covered with a cupola. Most researchers date the construction to

© Зиливинская Э.Д., 2022

the fourteenth or fifteenth centuries. In 1991, there was a limited excavation of the mausoleum resulting in the find of a late-eighteenth-century coin. Taking this find into account, V. P. Kirilko has attributed the construction of the building to the said period. However, the architectural form of the Bey Yude Sultan Türbe in Azis meets with analogies only in the architecture of Asia Minor from the Seljuk and Early Ottoman Periods and in the Golden Horde. Therefore, it is difficult to imagine that, in the late eighteenth century, a building was constructed following all the thirteenth- and fourteenth-century canons.

Keywords: Golden Horde, Crimean Khanate, mausoleums, Seljuks, Ottomans, domed ceiling, hipped roof

Acknowledgments: The work is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Одним из интересных предместий Бахчисарая является Азиз (святой) или Эски-Юрт. Еще в 20-е гг. XX в. здесь находился обширный некрополь и дервишская обитель (текие). До наших дней сохранились четыре мавзолея и мимбар, оставшийся от мечети дервишей. Три дюрбе («большой восьмигранник», «малый восьмигранник» и мавзолей с кубическим основанием) расположены рядом, четвертое, так называемое дюрбе Мухаммед Шах-бея или Бей Юде-султан (дюрбе № 1, дюрбе № 4), лежит в некотором отдалении. Именно ему посвящена данная статья.

История изучения

Самым ранним источником, содержащим описание мусульманских памятников Крыма, являются записки Эвлии Челеби 1666–1667 гг. Об Эски-Юрте он пишет следующее: «Вниз на запад от города Бахчисарая, на краю садов, в древние времена был большой город Эски Юрт, в 2 тысячи шагов в длину. И теперь там во многих тысячах мест – отличные строения. Сейчас это деревня лишь с 300 домами, садами и виноградниками, в каждом здании там протекают живые воды. В этом месте на кладбище, под тремя куполами, крытыми свинцом, лежат, навсегда умолкнув, шахиншахи-ханы» [14, с. 82–83]. То есть, в этом отрывке Челеби описывает только три мавзолея, стоящие рядом.

Следующее описание Эски-Юрта, как памятника старины, принадлежит перу вездесущего П. С. Палласа, посетившего Крым в 1793–1794 гг. Об Эски-Юрте он пишет следующее: «Прямо под Бахчисараем, всего в двух верстах, лежит село Досис [Азис] на берегу Чурук-Су, окруженной капустными огородами. Между рекой и возвышенностью с южной стороны находятся старые мавзолеи, которые называются татарами Эски-Юрт (старое жилище). В результате современной жажды разрушения здесь царит разруха, и многие видные памятники лежат полностью в руинах. Новейшая и красивейшая гробница, перекрытая куполом, имела дверь и окна, отделанные белым с серыми прожилками мрамором, от которого остались только следы. Большая часть мраморных деталей была варварски выломана, чтобы сделать из них обрамления каминов. Между зданиями находится множество каменных стел и могильных камней, многие из которых сделаны из мрамора и украшены резными барельефами в виде изящных листьев. В настоящее время татары из села следят за этими руинами и, насколько это возможно, стараются помешать дальнейшему их

разрушению. Сходство этих погребальных зданий (мавзолеев) с постройками Маджара, Татартупа и Болгара не вызывает сомнений в их происхождении и народности их создателей» [17, S. 32–33] (перевод автора).

Красивый мавзолей, перекрытый куполом, в описании Палласа – это, скорее всего, наиболее крупный памятник – двухэтажный «большой восьмигранник». Художник Кристиан Гайслер нарисовал панораму Эски-Юрта, по рисунку была сделана цветная гравюра (рис. 1,*1*). На переднем плане на ней видны надмогильные стелы, дальше, с левой стороны, стоят три мавзолея, и вдалеке за ними виднеется здание мечети с минаретом. Интересующее нас дюрбе на этой картине изображено довольно схематично, в виде пирамиды. Оно находится в стороне у дороги.

К 1804 г. относится рисунок тушью художника Е. М. Корнеева [6, рис. 120]. С левой стороны на нем изображены те же три мавзолея Азиза, но несколько под другим углом. С правой стороны у самого края рисунка схематично изображен еще один мавзолей с шатровой крышей, вероятнее всего, дюрбе Бей Юде-султан (рис. 1,*2*).

В атласе к запискам Дюбуа де Монпере 1831–1834 гг. приводится изображение дюрбе № 1 и надписи над входом в него (рис. 2) [15, pl. XXIX, fig. 2; pl. XXIXb, fig. 5]. На рисунке здание изображено совершенно целым: оно имеет шатровую крышу, портал перекрыт полуциркульной аркой. Под изображением мавзолея имеется надпись: «Гробница ханов Крыма в Эски-Юрте у Бахчисарая». Изображение надписи на плите подписано следующим образом: «Надпись на старейшей из гробниц Эски-Юрта у Бахчисарая». В то же время в путевом дневнике Дюбуа де Монпере приведен черновой рисунок, на котором отсутствует кровля и изображен только внутренний полусферический купол здания [10, с. 110, рис. 3].

На необходимость изучения памятников Эски-Юрта указывали многие исследователи. Востоковед-тюрколог В. Д. Смирнов еще в 80-х гг. XIX в. писал, что исследования Азиза «могут открыть много данных, которые должны будут уяснить истинное значение этой местности в истории утверждения татарского элемента в Крыму в до-Герайскую эпоху…» [13, с. 119].

Систематическое изучение памятников Эски-Юрта началось в 1924 г., когда была организована экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. В экспедиции приняли участие директор Бахчисарайского музея У. А. Боданинский, мастер херсонесских раскопок Н. З. Федоров, группа севастопольских краеведов, среди которых были Е. В. Веймарн и В. Н. Чепелев, и художник О. Г. Бонч-Осмоловская [4, с. 24].

В первый год работы экспедиции были сосредоточены на обследовании памятников Азиза и Кырк-Азислера. Масштабные исследования были проведены в западной части Эски-Юрта на некрополе Кырк-Азизлер (сорок святых), где были описаны, сфотографированы и зарисованы многочисленные надгробия и составлена их классификация. Исследователи также отметили, что на Эски-Юрте находится «в полуразрушенном состоянии ряд монументальных фрагментов погребального

характера, представляющих собой своеобразную “аллею каменных гробниц”». То есть, в 1924 году в Эски-Юрте в виде руин сохранялось большое количество мавзолеев с подземными склепами. Квадратные в плане склепы были заглублены в почву, или для их сооружения были вырублены углубления в скале. Все они имели с восточной стороны вход, перекрытый арочным сводом. Пространство погребальной камеры перекрывалось куполами на сферических парусах, кладка которых начиналась с уровня пола. Над склепом находилось помещение верхнего яруса дюрбе. Один из этих склепов был исследован, в нем найдены пять костяков, похороненных по мусульманскому обряду в деревянных гробах [1, с. 309]. На некоторых могильных камнях сохранились надписи, которые были прочитаны и позволили датировать могильник в Кырк-Азизлере второй половиной XIV – началом XV в. [1, с. 311].

В этом же году были описаны и зарисованы мавзолеи Азиза, сохранившиеся полностью. Самое раннее описание содержится в дневнике У. А. Боданинского от 9 марта 1924 г.: «Производил совместно с Мамутом Курти и А. [П.] Таковым обмеры и подробное исследование гробницы Бейюде-Султан в Эски-Юрте. Постройка относится, по всем вероятиям, к XIV веку, когда ислам твердо упрочился по всей Кипчакской, или Золотой Орде. Удалось сделать одно весьма интересное открытие: в подземной части мавзолея есть склеп с провалившимся посредине сводом с каменной на извести кладкой. В основании этот склеп имеет 4-х угольный фундамент, дурбе перекрыто полуциркульным каменным сводом, по вершине которого проходит пол самой гробницы. В восточной стене склепа есть отверстие с полукруглым верхом шириной 1 ар[шин] 2 в[вершка] (80 см), высота 12 верш[ков] (около 53 см). Остальная часть засыпана камнями и известковым мусором. В Эски-Юрте есть старожилы, которые помнят, что это отверстие подземного хода, который идет сводчатой каменной галереей до другого кургана, который расположен в 33-х саженях (около 70 м) к востоку от гробницы. По исследованию оказалось, что на вершине кургана есть каменный фундамент какого-то сооружения. Это обстоятельство чрезвычайно интересно и потребует еще нескольких дней для подробного выяснения и может быть некоторых археологических разведок» [3, с. 75].

За подземный ход У. А. Боданинский принял входной коридор, ведущий в склеп. При дальнейшем исследовании склепов под разрушенными мавзолеями выяснилось, что все они имеют подобное строение, и вход расположен с восточной стороны. В этом отрывке интересно указание на то, что в 70 м к востоку от мавзолея находится холм, вероятно, с остатками еще одной гробницы. Во время этих работ был снят схематический план мавзолея, сделаны зарисовки его внешнего вида с двух сторон и фотографии (рис. 3).

В 1927 г. Уссейн Боданинский публикует работу, посвященную мавзолеям Бахчисарая и Азиза [2]. В ней есть раздел о дюрбе № 1. У. А. Боданинский описывает его следующим образом: «Дурбе Мухаммед-Шах-бея в Азизе. Расположено в поле между нынешними предместьями Бахчисарая и Эски-Юрт, на краю шоссе Севастополь–Симферополь.

Памятник воздвигнут неизвестно в каком веке Мухаммед-Шах-беем, сыном Мухаммед-бея, судя по рельефной надписи на плите над дверью. По своей архитектуре памятник заслуживает внимания. В плане – квадрат, каждая сторона которого = 5,43–5,48; восьмиугольный барабан, на коем держится полукруглый, несколько удлиненный купол, получился путем среза верхних углов основного куба под углом почти в 45°. Подъем купола в середине = 2,00. Радиус купола по плану = 2,065. В подземной части дурбе имеется склеп, свод которого в настоящее время провалился. Высота его = 1,75. Входное отверстие дурбе на южной оси. Над входом был портал, один пилон которого уцелел; с внутренней его стороны – полукруглая стрельчатая ниша со сталактитовой обработкой наверху и 2-мя рельефными высеченными по камню 7-конечными звездами. Над дверью имеется плита с арабской надписью, с именем строителя, по бокам ее – два вытесанных рельефных круга, один из которых обработан в виде 7-конечной звезды. Стиль надписи золотоордынский, но более поздней эпохи; вместо сочных, несколько утолщенных букв «сулюс» надгробных памятников XIV в. Эски-Крыма и Эски-Юрта, здесь появляется несколько удлиненная изысканная пропорция букв, также хорошо вкомпанованных в плоскость плиты; среди букв заметны орнаментальные мотивы с закругленными, несколько витиеватыми линиями. Аналогии дурбе со срезанными верхними углами встречаются в арабском искусстве Египта. Памятник в общем производит впечатление настоящего монумента, несмотря на свои небольшие пропорции» [2, с. 199–200].

В том же 1927 г. выходит обзорная статья архитектора-реставратора Б. Н. Засыпкина «Памятники архитектуры крымских татар» [7]. Среди других памятников автор описывает четыре дюрбе в местности Азиз в Бахчисарае. Описание он начинает с мавзолея «одиноко стоящего отлете, который очень легко узнать по скошенным углам четверика». В статье со ссылкой на У. Боданинского впервые приводится перевод надписи над входом: «Эту гробницу приказал построить Мухаммед-Шах-бей, сын Мухаммед-бея, для своей матери Бей-Юде-Султан, дочери Аджаган-бея» [7, с. 117].

Б. Н. Засыпкин составил профессиональное описание здания: «В плане мавзолей имеет правильный квадрат с размерами в стороне по наружи 5,42 м, при толщине стен 0,66 м. С южной стороны небольшая дверь шириною 0,75 м и высотой 1,42 м, перекрытая овальной формы перемычкой из двух камней. С этой же стороны примыкал портал, от которого остался западный пилон. В западной и восточной стенах имеется по небольшому окну 0,45х0,47 м. Все стены снаружи и остатки портала облицованы тесаным камнем правильными рядами, внутри же кладка грубая, из неотесанных камней, очевидно предназначенная под штукатурку. Помещение перекрыто каменным куполом на грубой работы парусах. Пол дюрбе посредине провалился и обнаружил склеп, сплошь заваленный строительным мусором. Снаружи мы видим переход от четверика к восьмерику путем среза внешних углов, на восьмигранном барабане покоится купол, в настоящее время обнаженный, утративший облицовку. Срезы углов дают всему мавзолею, вообще небольшому, приземистый вид и округленность силуэта. Портал имеет по бокам ниши, что говорит за сельджукский

тип, который в главных своих чертах выражает арку, украшающую вход в мавзолей или мечеть, у которой должны быть обязательно следующие элементы: массивные пилоны, внутренние углы которых имеют колонны, поддерживающие декоративный ячеистый полукупол, над которым имеется разгрузная арка; щековые стороны арки имеют нишки, увенчанные также ячеистыми полукуполами. В деталях мы будем иметь много разновидностей, но в основе сельджукский портал остается почти всегда неизменным. Разбираемый нами портал дюрбе Мухаммед-Шах-бея сохранил только один пилон с нишкой, по коему мы уже судим о бывшем типе. Над входной дверью, приходившейся в пролете портала, кроме упомянутой выше арки, имеются две круглые розетки с геометрической звездообразной вязью, употребление которых мы найдем в сельджукских порталах и в армянской архитектуре. Во всех случаях эти розетки вытесаны из камня. Такие же круги-розетки имеются в тимпане над нишкой пилона. Ячеистые сталактиты нишки очень примитивны, как и вообще сталактиты Крыма. В данном случае они состоят из двух рядов геометризированных треугольчатых псевдо-сталактитов, заканчивающихся сверху острогранным (9 граней) полукуполком. Таким образом, здание находится перед нами частично разрушенным (нет наружной облицовки, купола и портала) и кроме этого вросшим в землю. Только археологические раскопки могут дополнить окончательный вид этого небольшого мавзолейчика» [7, с. 117–118].

Б. Н. Засыпкин публикует план и фотографию мавзолея, снятого с восточной стороны (рис. 4). Также он отмечает, что срезы наружных углов наблюдаются в некоторых купольных мечетях Конии и Каира и приводит аналогии [7, с. 117].

Вероятно, в это же время мавзолеи Азиза были обследованы архитектором П. И. Голландским. Он сделал архитектурные обмеры и нарисовал кроки всех четырех усыпальниц. Эти чертежи опубликованы В. П. Кирилко [8, с. 443–450]. Среди них есть изображения дюрбе Мухаммед-Шах-бея, а именно план, фасад, отдельные детали со всеми размерами (рис. 5). На схематическом изображении мавзолея с восточной стороны приведены рекомендации по реставрационным работам.

Дюрбе № 1 в Азизе упоминается среди других памятников в монографии 1964 г. А. Л. Якобсона «Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры». Автор приводит описание здания и дает краткий анализ его архитектурной формы: «…мавзолей Эски-Юрта (дюрбе Мухаммед-шах-бея) – один из наиболее древних памятников раннетатарской архитектуры. Это приземистый куб со срезанными углами (как на некоторых сельджукских мавзолеях XIV в.), дающих переход к узкому восьмигранному верху, перекрытому куполом. С южной стороны к зданию примыкает небольшой портал в виде двух пилонов с нишками (со сталактитовым завершением). Под полом – глубокая сводчатая усыпальница с замурованным входом. Облицовка из гладко тесанного камня придает мавзолею черты монументальности.

Во всем облике этого маленького дюрбе сказывается полная зависимость раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому же

крайне упрощались. В этом отношении дюрбе Эски-Юрта очень характерно. Архитектура татар-кочевников в XIV и XV вв. лишь зарождалась, как зарождалось в это время и их государство в Крыму» [14, с. 129].

Таким образом, большинство исследователей, изучавших и описывавших дюрбе Мухаммед-Шах-бея датировали его XIV–XV вв. Датировка эта основывалась на общем культурном и археологическом контексте. Постройка находилась рядом с некрополем золотоордынского времени и по своей архитектонике более всего соотносилась с мавзолеями Малой Азии сельджукского периода. Археологический материал, подтверждающий эту датировку, отсутствовал.

Археологические исследования мавзолея

В 1991 г. сотрудники Крымской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация» в рамках программы по реставрации памятников мусульманской архитектуры региона выполнили обмеры ряда мавзолеев Салачика и Эски-Юрта. Также на двух мавзолеях, в том числе на мавзолее Мухаммед-Шах-бея, Горно-Крымской экспедицией Института археологии АН Украины были проведены раскопки. Материалы этих работ дважды опубликованы В. П. Кирилко [8, с. 439–466; 10, с. 107–120]. В статьях автор приводит подробное описание здания со всеми возможными обмерами и публикует превосходные чертежи: план здания, план перекрытия, четыре фасада, продольный и поперечный разрезы, разрез погребальной камеры, отдельные архитектурные детали (рис. 6–7). Также внутри мавзолея были обнаружены и зарисованы фрагменты двух надгробий. Одно из них представляет собой каменный ящик, другое – фрагмент стелы с навершием в виде чалмы (рис. 8). Эта стела, лежащая рядом с мавзолеем, видна на фотографиях конца 30-х – начала 40-х гг. XX в.

Раскопки были проведены на двух участках: внутри здания и перед южным фасадом. В результате раскопок внутри мавзолея полностью расчищена нижняя погребальная камера, что позволило уточнить ее конструктивные особенности. В заполнении камеры находился культурный слой XX в., хорошо датированный монетами. Самые ранние, лежавшие в нижней части заполнения, относятся к 1924 и 1926 г. Также в переотложенном состоянии были обнаружены человеческие кости, принадлежавшие нескольким погребенным.

Раскоп у южной стены мавзолея имел размеры 2,5х6,5 м. Культурный слой толщиной 0,75 м лежал на уровне дневной поверхности. Толщина слоя до материка в виде скальной породы составляла 1,25 м. Стратиграфию шурфа В. П. Кирилко описывает следующим образом: верхнюю часть профиля составлял рыхлый серый грунт толщиной 25–50 см, насыщенный современным бытовым мусором. Под ним находился, слой «деструктурированного известкового раствора с каменным отесом, фрагментами и целыми изделиями из обработанного известняка» [8, с. 461]. Толщина слоя у стены 12 см, а к краю раскопа она увеличивается до 25 см. В этом слое найдены фрагменты черепицы «и 4 мелких осколка кувшинов, из которых только один, покрытый зеленой поливой, определенно можно отнести к золотоордынскому

времени» [8, с. 461; 10, с. 113]. В этом же слое найдены две медные монеты, одна из которых определена как чеканенная Шахин-Гираем и относится ко второму году его правления, то есть к 1778 г. «Слой с нумизматическим материалом лежит непосредственно на уплотненной дневной поверхности строительного горизонта, местами отмеченной натеками известкового раствора» [8, с. 462]. Ниже залегал слой светло-серого грунта с незначительным включением известнякового щебня мощностью 50–70 см. В верхней части его выделялась прослойка (12–15 см) с повышенным содержанием материкового щебня. В. П. Кирилко считает, что она образовалась при устройстве котлована под склеп. В слое получен керамический материал, который может быть датирован XIV–XV вв. [10, с. 114].

На основании этих раскопок В. П. Кирилко считает временем постройки дюрбе конец XVIII в. По этому поводу он пишет следующее: «Для выяснения даты строительства дюрбе ключевое значение имеет характерная особенность культурного слоя, исследованного раскопками у стен здания. Она состоит в том, что отложения деструктурированного известкового раствора с отесом камня, разномерным бутом и отдельными архитектурными деталями залегали непосредственно поверх натеков извести на дневной поверхности, являясь по сути, составной частью строительного горизонта. При этом их толщина увеличивается с удалением от строения и уменьшается у стен, способствуя таким образом созданию у входа относительно ровной площадки. Т.е. речь должна идти не о слое разрушения, но о вертикальной планировке и приведении территории строительства после завершения работ в порядок, а, следовательно, найденные в нем монеты свидетельствуют о времени возведения здания – последняя четверть XVIII в. (около 1778 г.)» [8, с. 463]. Эту же дату исследователь называет как наиболее вероятную в другой своей работе [10, с. 116].

Почему же постройку конца XVIII в. предыдущие исследователи считали старейшим в Азизе дюрбе золотоордынского времени? Рассмотрим подробнее архитектуру здания.

Архитектурная форма

Здание квадратное в плане, размеры его с внешней стороны 5,45х5,45 м[1]. На высоте примерно 3,3 м призматический объем здания при помощи треугольных скосов переходит в невысокий (около 0,67 м) восьмигранник. Сверху постройка перекрыта внутренним полусферическим куполом, внешнее покрытие которого не сохранилось. Общая высота здания в настоящее время составляет 5,7 м. Стены сложены из бута на известковом растворе и облицованы с внешней стороны хорошо обработанными, тщательно подогнанными плитами. Толщина стен 0,66–0,67 м. Купол сложен из необработанного бута различной величины на известковом растворе. В зените купола находится круглый замковый камень, украшенный резной розеткой. Снаружи купол, вероятнее всего, был покрыт восьмигранной шатровой крышей. Именно такой шатровый купол изображен на рисунке Дюбуа де Монпере.

[1] Все размеры даются по статье В. П. Кирилко [8].

Посредине западной и восточной стен дюрбе были сделаны небольшие (0,66х0,46 м) окна. Вход в дюрбе расположен с южной стороны. Порог дверного проема находится на высоте 0,56 м над современной поверхностью земли. Проем трапециевидной формы, высотой 1,37–1,52 м и шириной 0,69 м с внешней стороны и 0,97 м – с внутренней. Сверху проем перекрыт архитравной плитой с дуговидным вырезом. Над входом расположена плита размерами 88,4х33,0 см со строительной надписью. С двух сторон от плиты, вплотную к ней расположены круглые медальоны (диаметром 37 см), в одном из которых (восточном) сохранилась резьба в виде гириха с семиконечной звездой в центре. Снаружи вход был оформлен порталом, от которого до середины XX в. сохранялся один пилон. Пилоны имели длину 1,56 м и ширину 0,67 м. Расстояние между ними – 1,45 м, общая ширина портала – 2,8 м. Лицевая поверхность портала по внешнему краю была декорирована рельефной рамкой. На щековых сторонах портала находились пятигранные ниши с завершением в виде трехярусного ячеистого полукупола подтреугольного очертания. Ниши имели высоту 1,77 м, ширину 0, 69 м и глубину 0,42 м. Согласно рисунку Дюбуа де Монпере, портал был перекрыт уплощенным сводчатым перекрытием с треугольным верхом.

Вход ведет в верхнее поминальное помещение размерами 4,14х4,12 м. Стены его переходят в купол посредством парусов. Под полом находилась усыпальница, также перекрытая куполом, который в настоящее время полностью разрушен. Переход от стен высотой 0,45 м к циркульному куполу осуществлялся при помощи уплощенных парусов. Общая высота погребальной камеры составляла 1,88 м. Вход в склеп сделан по центру восточной стены. Входной проем прямоугольный (91х84 см), перекрытый полукруглой аркой. К нему вел коридор, длина которого не прослежена. У. А. Боданинский описывал его как «подземный ход».

Рассмотрим теперь архитектурную форму дюрбе Мухаммед-Шах-бея и отдельные ее элементы. Архитектоника его более всего напоминает малоазийские мавзолеи сельджукского времени. Для этого периода более характерны круглые или многоугольные в плане башенные мавзолеи (тюрбе). Часть мавзолеев (они назывались кюмбет) имела невысокое, квадратное в плане основание, которое затем переходило в круглую или многогранную башню. В нижнем ярусе находится полуподземный склеп, а в верхнем – помещение для поминальных ритуалов. Таковы мавзолеи XII–XIII вв. Улу Кюмбет в Ахлате, Дёнер Кюмбет в Кайсери, мавзолей Мелика Гази в Акшехире [18, p. 306–309, 541; 19, p. 50]. Существовали и мавзолеи кубической формы, но они распространены не так широко. Примером такой усыпальницы может быть мавзолей Нур ал-Дина бей Сентимура в Токате (XII в.).

При наличии квадратного цоколя переход ко второму ярусу осуществлялся при помощи треугольных скосов. Этот прием применялся и в других видах зданий, например, в минаретах при переходе от призматического цоколя к цилиндрическому стволу. Он настолько характерен для архитектуры сельджуков Рума, что получил название «турецкого треугольника» [12, с. 145]. Перекрывались малоазийские мав-

золеи исключительно коническими или многогранными шатрами.

Все исследователи отмечали «сельджукский облик» ниши в стенке портала дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Большинство малоазийских мавзолеев не имеет выступающего портала. В качестве сельджукского мавзолея с развитым, выступающим порталом можно назвать мавзолеи XIII в. Али Кафер и Ибн Джафара в Кайсери [18, p. 541; 19, p. 51] (рис. 10,*1*). Однако, в других зданиях, имеющих портал, таких как мечети, медресе, караван-сараи, в щековых стенах портала делались ниши с декорировкой ячеистыми сталактитами в верхней части. Такие порталы получили распространение и в Крыму, что хорошо видно на изображении «медресе Узбека» на картине художника М. М. Иванова. Также порталы с боковыми нишами есть в мавзолее Джанике-ханым (1437 г.) на Чуфут-кале и более позднем Хаджи-Герая (1501 г.) в Салачике (рис. 10,*2–5*).

На территории Золотой Орды есть несколько мавзолеев XIV в., которые по своей архитектонике являются почти точной копией дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Восточный мавзолей в Болгаре примерно в четыре раза больше (11х11 м), но имеет такую же структуру (рис. 11,*1*). Он состоит из двух ярусов – кубического и восьмигранного, которые соединены при помощи турецких треугольников. С южной стороны находился выступающий портал. Перекрыт мавзолей шатровым куполом. Судя по сохранившимся фотографиям и рисункам, так же была устроена и Ханская усыпальница до реставрации (рис. 11,*2*). Отличает ее отсутствие портала. Монументальные постройки Болгара во многом сходны с крымскими, но еще более упрощены по сравнению с ними. Еще более огрубленной копией Восточного мавзолея можно считать усыпальницу Тура-хана в Башкирии (рис. 11,*3–4*).

В османское время архитектурные формы всех культовых зданий кардинально меняются. Османские мавзолеи квадратные в плане или восьмигранные, чаще всего высокие, двухъярусные. Шатровые крыши уходят в прошлое, и мавзолеи-дюрбе перекрываются полусферическими куполами, покрытыми свинцом [19, p. 94]. Такая форма возникает в Малой Азии уже в XV в. (например, кладбище в комплексе Мурадийе в Бурсе) и существует вплоть до XVIII в. В Бахчисарае также есть дюрбе типично османского облика. Это мавзолеи Девлет I Герая XVI в., Ислям III Герая XVII в. в Бахчисарайском дворце и мавзолей Диляры Бикеч XVIII в. В Азизе к этому же типу относится дюрбе «большой восьмигранник». Два других мавзолея, с кубическим основанием и «малый восьмигранник», изначально имели каменные шатровые крыши. Они либо построены раньше, либо представляют собой тип переходного этапа от сельджукского к османскому периоду.

Таким образом, архитектурная форма дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Азизе находит аналогии в зодчестве Малой Азии сельджукского и раннеосманского периодов и в Золотой Орде (рис. 12). В XVIII в. постройки подобного облика не известны. В. П. Кирилко также находит аналогии ему в сельджукской архитектуре. Он пишет: «Мавзолей Мухаммед-Шах-бея своей архитектоникой существенно отличается от остальных монументальных усыпальниц Азиса и стилистически тяготеет к

сельджукским строительным традициям, которые отчетливее всего проявились в типе портала, сопряжении основных объемов дюрбе посредством угловых скосов и орнаментальных мотивах розеток» [8, с. 464]. Также исследователь признает, что поздней датировке дюрбе «Мухаммед-Шах-бея» «безусловно противоречат палеографические особенности строительной надписи и отсутствие синхронных ему аналогий» [10, с. 116]. Тем не менее, исследователь абсолютно уверенно относит дату возведения постройки к XVIII в. [9, с. 486].

Основанием для такой датировки являются уже упоминавшиеся монеты и остатки надгробного памятника, обнаруженные на полу. Со ссылкой на работу О. Гайворонского [5, с. 18, 22–24] В. П. Кирилко говорит о том, что такие надгробия широко представлены на Ханском кладбище дворца в захоронениях XVII – начала XIX в. [8, с. 459]. Также он приводит описание Эски-Юрта Эвлии Челеби, в котором упоминаются только три мавзолея. По мнению В. П. Кирилко, «не заметить четвертый мавзолей, пусть и расположенный несколько в стороне от упомянутой им группы дюрбе, Э. Челеби никак не мог» [8, с. 463].

Если предположить, что мавзолей Мухаммед-Шах-бея действительно был построен в 1778 г., то не понятно, почему его не заметил и П. С. Паллас, побывавший в Азизе в 1793 г., то есть через 15 лет. Паллас описывает царящую здесь разруху и говорит о том, что «многие видные памятники лежат полностью в руинах» [17, S. 33]. Никаких новых построек он не упоминает. Дюбуа де Монпере в 30-х гг. XIX в., то есть через 50 лет после гипотетической даты возведения дюрбе, называет его «самым старым» (plus ancienc). Что касается описания Челеби, то в нем (или в переводе) есть неточности. Он пишет о трех куполах, крытых свинцом [13, с. 82–83]. На самом деле полусферический купол, покрытый свинцом, имел только «большой восьмигранник». Остальные мавзолеи имели шатровую крышу, что можно видеть на рисунках К. Гайслера и Е. М. Корнеева. Такие крыши обычно делались из камня, и это хорошо прослеживается на фотографиях Азиза начала XX в. В. П. Кирилко утверждает, что Челеби не мог не заметить четвертый мавзолей. Но на самом деле мавзолеев в этой местности было не четыре, а гораздо больше. Исследования 1924–1925 гг. открыли остатки множества мавзолеев, от которых сохранились полы, остатки стен и подземные склепы. Так как сохранившиеся на некрополе надгробия имели надписи XIII–XIV вв., логично предположить, что и мавзолеи были построены тогда же. Кроме того, Э. Челеби при достаточно подробном описании Чуфут-кале [14, с. 45–48] ни словом не упоминает мавзолей Джанике-ханым. Если следовать логике В. П. Кирилко, то и этот памятник следует отнести к концу XVII – XVIII в.

Присутствие в дюрбе «Мухаммед-Шах-бея» надгробия XVIII–XIX вв. никак не может датировать всю постройку. Хорошо известно, что в мавзолеях на протяжении достаточно длительного времени могли хоронить представителей рода. Возможно, в XVIII в. в старую гробницу было совершено подзахоронение.

Наиболее весомым аргументом в пользу поздней даты является присутствие монет XVIII в. в «строительном слое». Но я бы не стала строить на этом всю дати-

ровку. Монеты (очень небольшие) могли попасть в слой случайно (например, быть занесены грызунами). Либо слой, в котором они найдены, является не строительным слоем, а слоем ремонта. В. П. Кирилко приводит данные, свидетельствующие о ремонте здания, возможно, в XIX в. [10, с. 114–116]. Также он пишет о том, что, если относить строение к XIV–XV вв., но за прошедшие столетия у его стен должен был накопиться мощный культурный слой, а его нет [10, с. 116]. Следует отметить, что мавзолей – это не бытовой памятник, и у его стен культурный слой не должен быть мощным. Наслоения, возникшие у стен мавзолея, могли убираться при благоустройстве территории вокруг него. Ремонтов и благоустройства территории вокруг гробницы могло быть больше, чем было выявлено при раскопках, и при расчистке слой первоначального строительства мог быть удален. То, что мусульмане периодически подновляли свои святыни, хорошо известно. Возможно, данное дюрбе было родовым погребальным памятником и именно поэтому сохранилось до наших дней, в то время как остальные, окружающие его, разрушились. Очередной ремонт мог быть связан с новыми похоронами, в том числе и в XVIII в.

Я совершенно согласна с тезисом В. П. Кирилко о том, что в архитектуре Крыма сельджукские черты сохранялись дольше, чем в Малой Азии. Это вполне естественно, так как Крым являлся ее дальней провинцией, и все новые тенденции сюда доходили не сразу. Однако представить, что в конце XVIII в. было построено здание по всем канонам XIII–XIV вв., довольно сложно. На мой взгляд, в пользу более поздней датировки дюрбе Бей Юде-султан свидетельствует использование парусов для перехода к куполу. Этот прием характерен для османского периода, сельджуки применяли в этом случае пирамидальные тромпы. Но даже эта архитектурная деталь не дает дату XVIII в. XIV–XV вв. в самой Турции – это уже османское время, и какие-то строительные приемы могли проникнуть и в Крым.

1

2

Рис. 1. Изображения Азиза XVIII – начала XIX вв.: *1* – К. Гайслер, 1794 г.; *2* – Е. М. Корнеев, 1804 г. [17, Pl. 7; 6, рис. 120]
Fig. 1. Images of Aziz in the eighteenth and early nineteenth centuries: *1* – Ch. Geissler, 1794; *2* – E. M. Korneev, 1804 [17, Pl. 7; 6, fig. 120]

Рис. 2. Мавзолей в Азизе: *1* – гробница Крымских ханов в Эски-Юрте у Бахчисарая; *2* – надпись на старейшей гробнице в Эски-Юрте у Бахчисарая в Крыму [15, pl. XXIX, fig. 2; pl. XXIXb, fig. 5]

Fig. 2. The mausoleum in Azis: *1* – the tomb of the Crimean khans in Eski-Yurt near Bakhchisarai; *2* – inscription on the oldest tomb in Eski-Yurt near Bakhchisarai in the Crimea [15, pl. XXIX, fig. 2; pl. XXIXb, fig. 5]

Рис. 3. Дюрбе Бей Юде-султан, фото 1924 г.: *1* – вид с запада; *2* – вид с юга; *3* – вид с юго-запада [11, рис. 14, 16, 17]

Fig. 3. Bey Yude Sultan Türbe, photographed in 1924: *1* – view from the west; *2* – view from the south; *3* – view from the south-west [11, fig. 14, 16, 17]

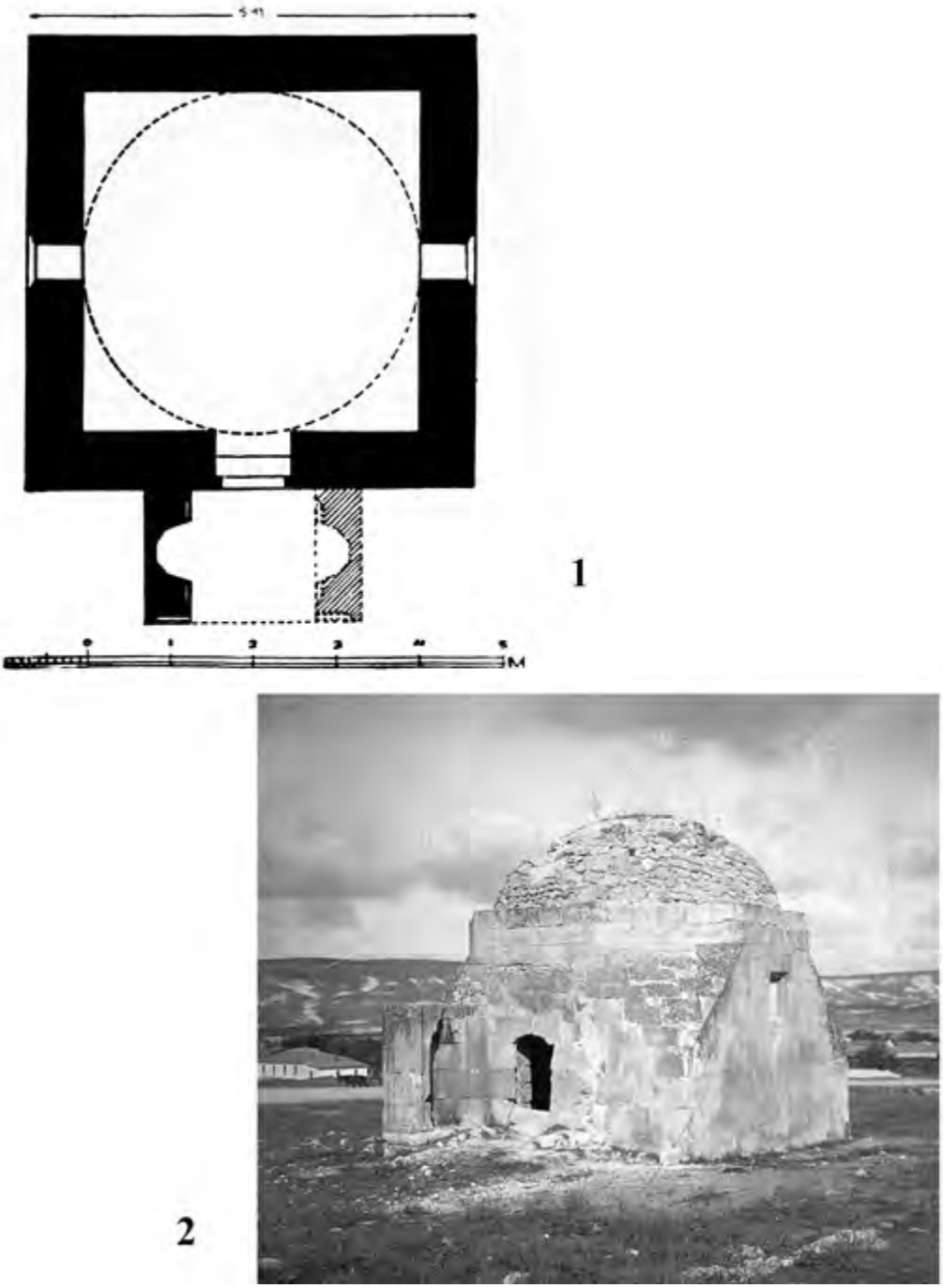
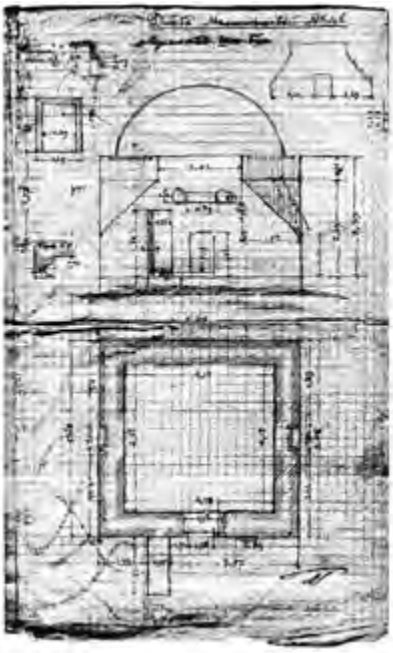
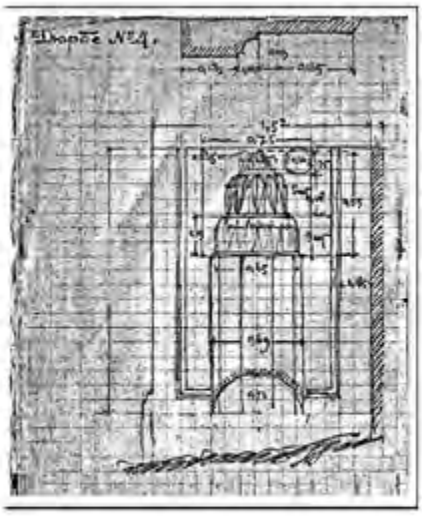


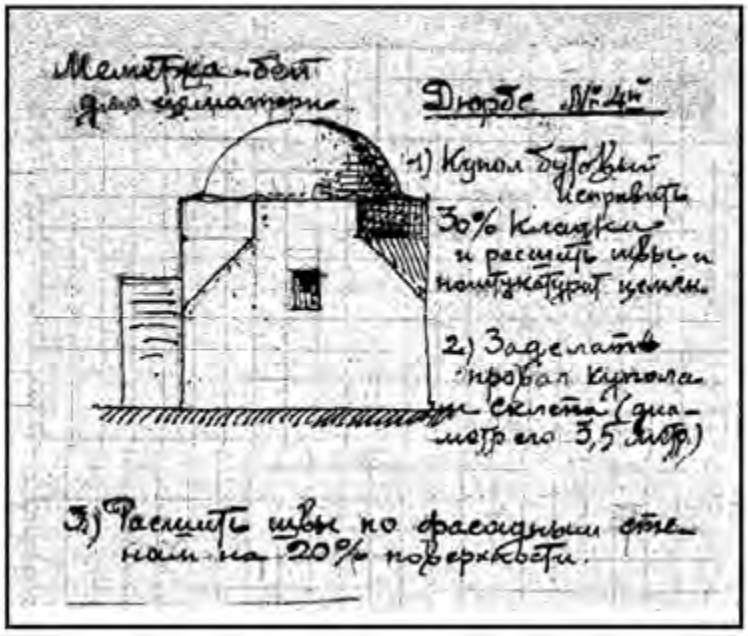
Рис. 4. Дюрбе Бей Юде-султан: *1* – план; *2* – вид с юго-востока [7, с. 117]
Fig. 4. Bey Yude Sultan Türbe: *1* – ground plan; *2* – view from the south-east [7, p. 117]



1



2



3

Рис. 5. Дюрбе Бей Юде-султан, чертежи П. И. Голландского: *1* – фасад и план; *2* – ниша портала; *3* – вид с востока [8, с. 449, 450]

Fig. 5. Bey Yude Sultan Türbe, drawings by P. I. Gollandskii: *1* – facade and ground plan; *2* – portal niche; *3* – view from the east [8, p. 449, 450]

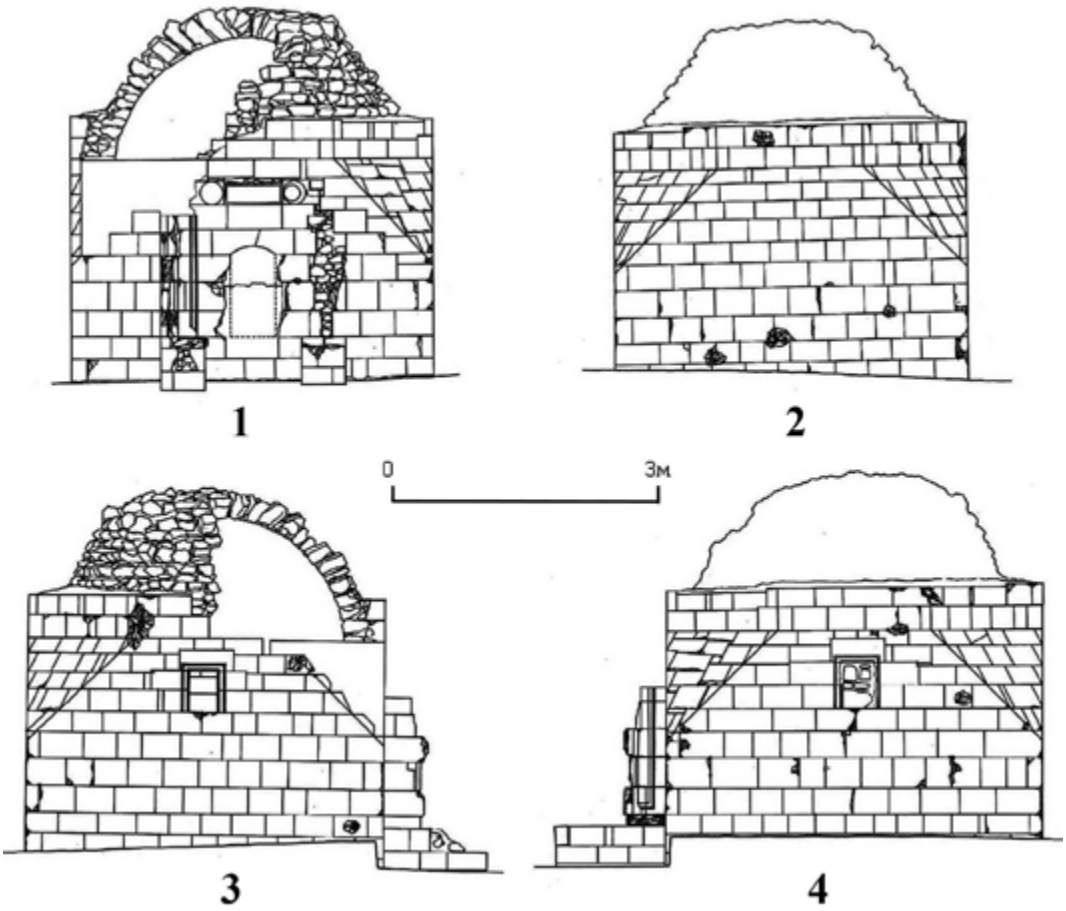


Рис. 6. Дюрбе Бей Юде-султан: *1* – южный фасад; *2* – северный фасад; *3* – западный фасад; *4* – восточный фасад [8, рис. 19–22]
Fig. 6. Bey Yude Sultan Türbe: *1* – southern facade; *2* – northern facade; *3* – western facade; *4* – eastern facade [8, fig. 19–22]

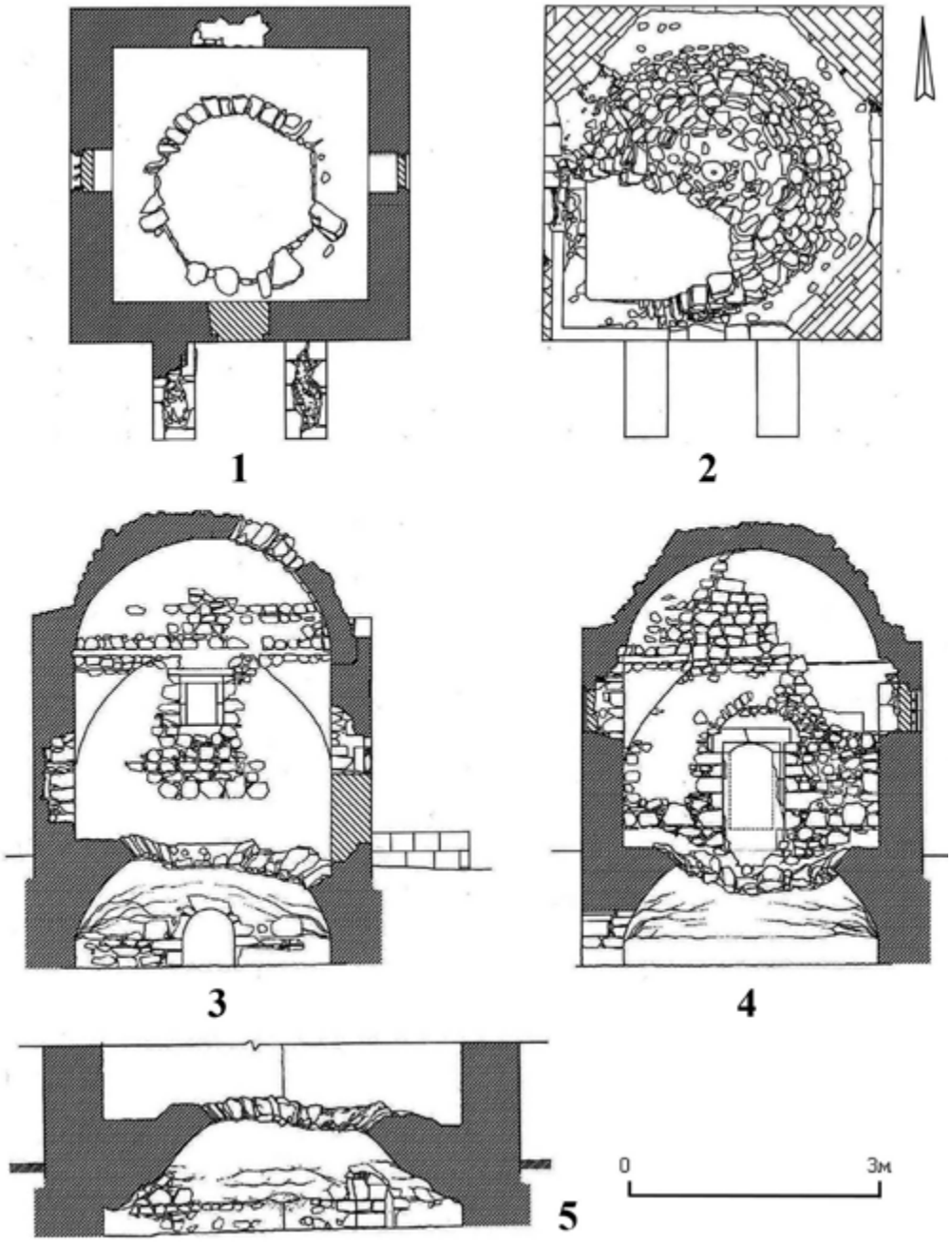
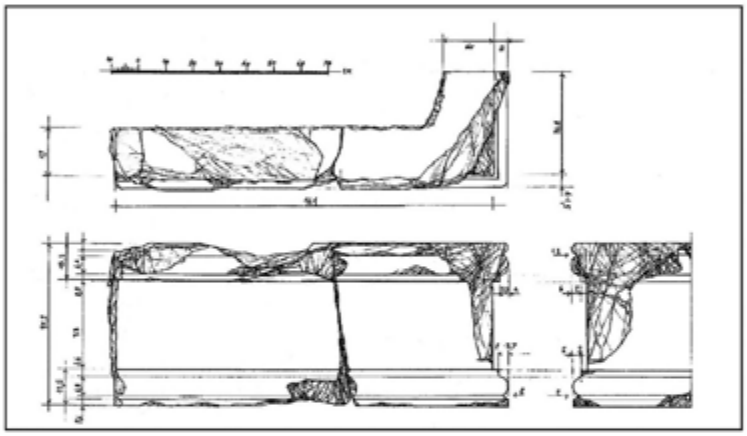
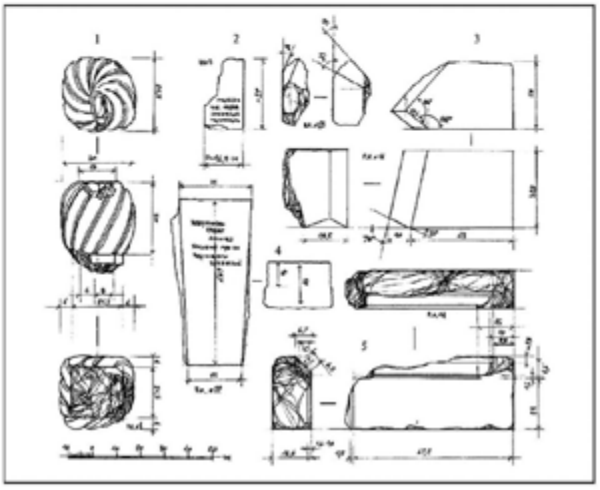


Рис. 7. Дюрбе Бей Юде-султан: *1* – план; *2* – план перекрытия; *3* – продольный разрез; *4* – поперечный разрез; *5* – диагональный разрез погребальной камеры [8, рис. 14–18]
Fig. 7. Bey Yude Sultan Türbe: *1* – ground plan; *2* – plan of the overhead covering; *3* – longitudinal section; *4* – cross section; *5* – diagonal section of the burial chamber [8, fig. 14–18]

1



2



3

Рис. 8. Дюрбе Бей Юде-султан: *1* – розетка над входом; *2–3* – фрагменты надгробий и архитектурно-конструктивные детали [8, рис. 23–25]

Fig. 8. Bey Yude Sultan Türbe: *1* – rosette above the entrance; *2–3* – fragments of tombstones and architectural and structural details [8, fig. 23–25]

Рис. 9. Малоазийские и азербайджанские мавзолеи сельджукской традиции: *1* – Дёнер Кюмбет в Кайсери (XIII в.); *2* – Улу Кюмбет в Ахлате (XIII в.); *3* – Мелика Гази в Акшехире (XII в.); *4* – Гюлистан в Джуге (XII–XIII вв.) [18, p. 306–309, 541; 19, p. 50]

Fig. 9. Mausoleums of the Seljuk tradition in the Asia Minor and Azerbaijan: *1* – Döner Kumbet in Kayseri (thirteenth century); *2* – Ulu Kumbet in Ahlat (thirteenth century); *3* – Melika Gazi in Akşehir (twelfth century); 4 – Gülüstan in Culfa (twelfth or thirteenth centuries) [18, p. 306–309, 541; 19, p. 50]

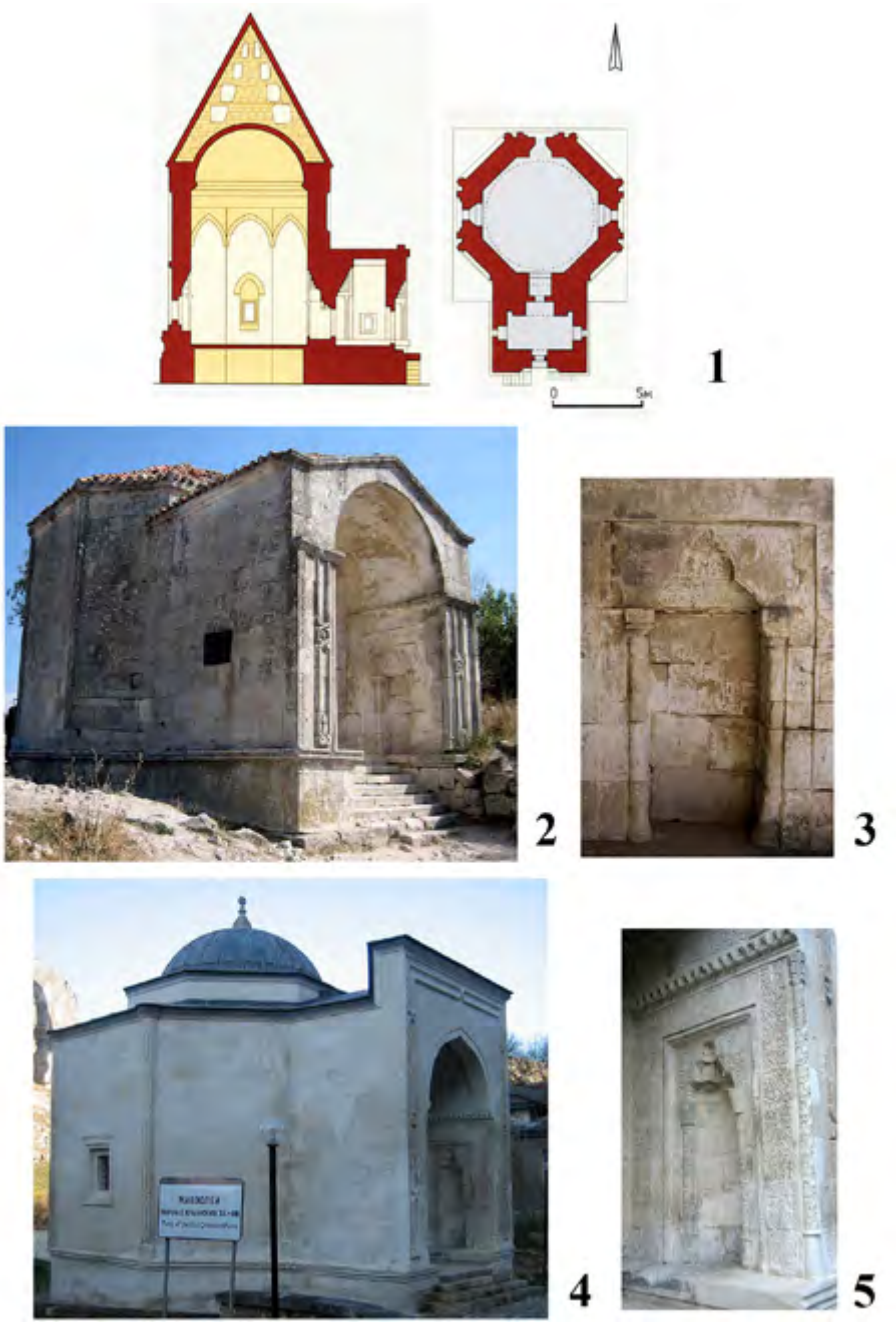


Рис. 10. Мавзолеи с нишами в стенках портала: *1* – Али Кафер в Кайсери (XIII в.) [19, p. 51]; *2–3* – Джанике-ханым (1437 г.); *4–5* – Хаджи-Герая (1501 г.)

Fig. 10. Mausoleums with niches in the walls of the portal: *1* – Ali Kafer in Kayseri (thirteenth century) [19, p. 51]; *2–3* – Dzhanike khanym (1437 AD); *4–5* – Hadji Geray (1501)

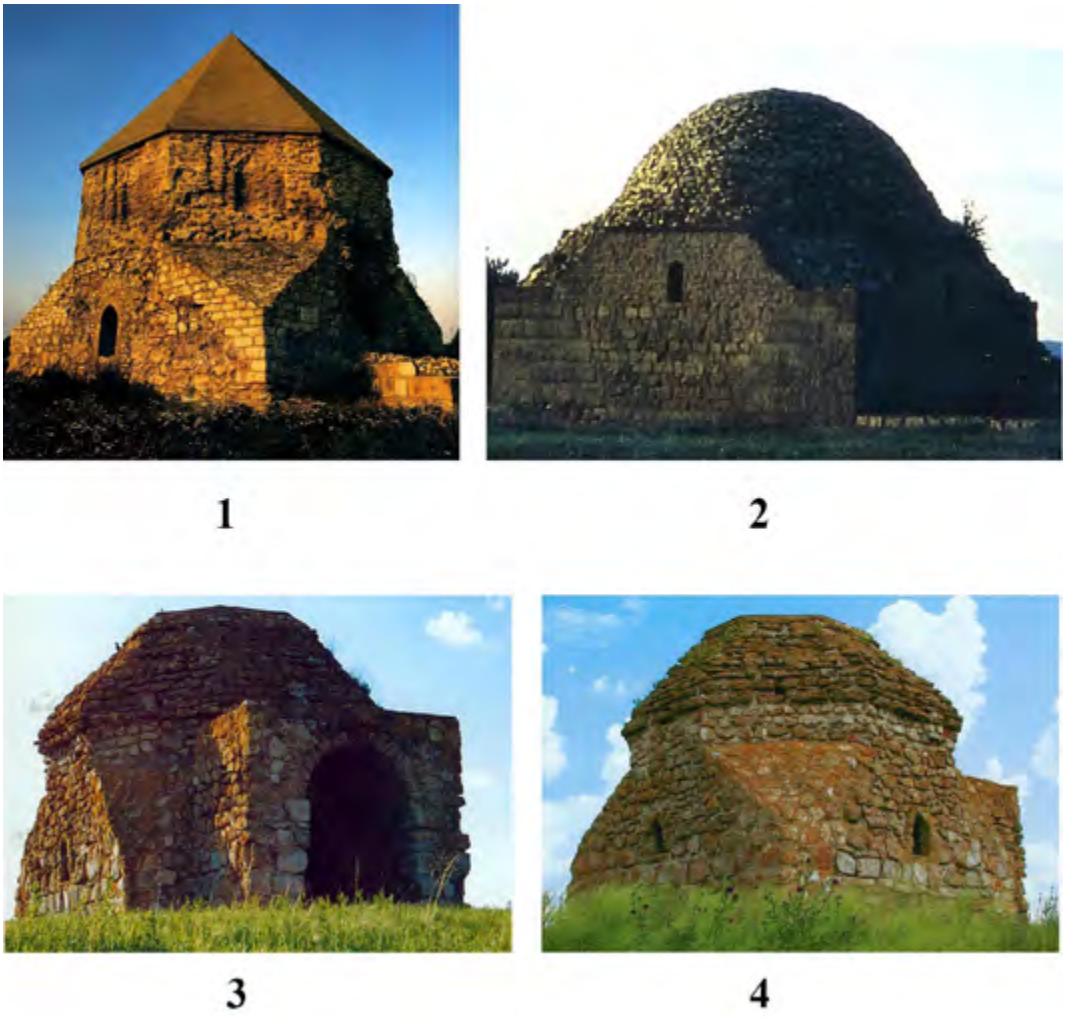


Рис. 11. Мавзолеи Волжской Болгарии и Башкирии: *1* – Восточный мавзолей (XIV в.); *2* – Ханская усыпальница (XIV в.); *3–4* – мавзолей Тура-хана в Башкирии (XIV в.)
Fig. 11. Mausoleums of the Volga Bulgaria and Bashkiria: *1* – Eastern mausoleum (fourteenth century); *2* – Khan's tomb (fourteenth century); *3–4* – the mausoleum of Tura Khan in Bashkiria (fourteenth century)

Рис. 12. Дюрбе Бей Юде-султан, современный вид: *1* – вид с северо-запада; *2* – вход; *3* – надпись над входом; *4* – склеп

Fig. 12. Bey Yude Sultan Türbe, modern view: *1* – view from the north-west; *2* – entrance; *3* – inscription above the entrance; *4* – burial vault

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
2. Боданинский У. Татарские «Дурбе» – мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 195–201.
3. Боданинский Усейн. Собрание сочинений. Т. II. Дневники 1923–1926 гг. Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 254 с.
4. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 1. С. 22–53.
5. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
6. Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: Искусство, 1987. 384 с.
7. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
8. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. 2005–2009. № 6. С. 439–466.
9. Кирилко В.П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 1. С. 420–486.
10. Кирилко В.П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-шах-бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 107–120.
11. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 2. 572 с.
12. Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.
13. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1887. Т. I. С. 273–302.
14. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 274 с.
15. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М., Л.: Наука, 1964. 232 с.
16. Du Bois de Montperreus F. Voyage en Crimée, au Caucase, en Arménie et en Crimée. Atlas IV Série. Archéologie. Neuchatel en Suisse, chez Lauteur. Paris, chez Gide Libraire-Editeur, 1843. 70 p.
17. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Zweiter Band. Mit Kupfern und Karten. Leipzig: bei Gottfried Martini, 1803. 238 s.
18. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
19. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tachen, 1998. 238 p.

REFERENCES

1. Bashkirov A., Bodaninskii U. Monuments of the Crimean Tatar antiquity. Eski-Yurt. *Novyj Vostok* [New East], 1925, No. 8–9, pp. 295–311.
2. Bodaninskii U. Tatar “Durbe” – mausoleums in the Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography]. Simferopol, 1927, vol. 1 (58), pp. 195–201.
3. Bodaninskii Usein. *Sobraniie sochinenii. T. II. Dnevniki 1923–1926 gg.* [Collected works. T. II. Diaries 1923–1926]. Kazan, Simferopol, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2018, 254 p.
4. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Expedition to study the Tatar culture in the Crimea. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul’tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of

Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 1. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, pp. 22–53.
5. Gayvoronskiy O. *Khanskoye kladbishche v Bakhchisarayskom dvortse* [Khan's cemetery in the Bakhchisarai Palace]. Simferopol, Dolia Publ., 2006, 64 p.
6. Goncharova H.H. *E.M. Korneev. Iz istorii russkoi grafiki nachala 19 veka* [E.M. Korneev. From the history of Russian graphics at the beginning of the 19th century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 381 p.
7. Zasypkin B.N. Architectural monuments of the Crimean Tatars. *Krym* [Crimea], 1927, No. 2, pp. 113–168.
8. Kirilko V.P. Archaeological study of the Muslim mausoleums-durbe of Bakhchisaray. *Stratum plus*, 2005–2009, No. 6, pp. 439–466.
9. Kirilko V.P. Architecture of the Golden Horde Crimea. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 1. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, p. 420–486.
10. Kirilko V.P. Chronological paradoxes of the durbe of Muhammad Shah Bey in the city of Bakhchisaray. *Povolzhskaia arkheologiia* [Volga Archeology], 2021, No. 2 (36), p. 107–120.
11. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 2. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, 572 p.
12. Rays T.T. *Sel'dzhuki. Kochevniki – zavoyevateli Maloy Azii* [Seljuks. Nomads – the conquerors of Asia Minor]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004, 238 p.
13. Smirnov V.D. Archaeological excursion to the Crimea in the summer of 1886. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society], St Petersburg, 1887, T. 1, pp. 273–302.
14. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti* [Travel book. Crimea and adjacent regions]. Simferopol, Dolia Publ., 2008, 270 p.
15. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Krym* [Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
16. Du Bois de Montperreus F. *Voyage en Crimée, au Caucase, en Arménie et en Crimée.* Atlas IV Série. Archéologie. Neuchatel en Suisse, chez Lauteur. Paris, chez Gide Libraire-Editeur, 1843, 70 p.
17. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Zweiter Band. Mit Kupfern und Karten. Leipzig, bei Gottfried Martini, 1803, 238 p.
18. Hillenbrand R. *Islamic Architecture*. New-York, 1994, 645 p.
19. Stierlin H. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans*. Köln, Tachen, 1998, 238 p.

Информация об авторе

Зиливинская Э. Д. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Researcher ID: G-4161-2018.

Author information

Zilivinskaya E. D. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Researcher ID: G-4161-2018.

НУМИЗМАТИКА

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.467-490

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОЧНИКОВ МОНЕТНОГО СЕРЕБРА НА БОСПОРЕ В V–IV ВВ. ДО Н.Э. – II–III ВВ. Н.Э. ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА Pb

Андрей Владимирович Чугаев
Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук, Москва, Россия
vassachav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0528-3965
Ирина Анатольевна Сапрыкина
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
dolmen200@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0059-0170

Аннотация. Настоящая публикация посвящена обобщению результатов аналитических исследований боспорского монетного серебра, выполненных методом изотопного анализа Pb, и вопросу эволюции источников поступления серебра на территорию Боспора в период с V–IV вв. до н.э. по II–III вв. н.э. Pb-изотопные характеристики монетного серебра, происходящего с территории Боспора (https://www.archaeolog.ru/ru/data/isoarchmet-iaras), сравнивались с новейшими данными, полученными для монетного серебра Великой Греции, Карфагена и Рима, что позволило уточнить круг регионов добычи серебра, поступавшего на территорию Боспора в разные хронологические периоды. Так, на раннем этапе монетной чеканки Боспора использовалось серебро из месторождений Лавриона, п-ва Халкидики и Родопских гор. В отличие от греческого монетного серебра, доля месторождений п-ва Халкидики и Родопских гор в боспорской чеканке значительно превышает долю серебра из рудников Лавриона. В период III–I вв. до н.э. боспорская чеканка работала на этом же «старом» серебре, но встречается сырье и из другого источника, сходного с источником для монетного серебра Карфагена (Иберийский п-в); римского монетного серебра на территории Боспора это время пока не фиксируется. В период II–III вв. н.э. основным источником монетного серебра на Боспоре являются римские рудники, расположенные в Дакии (регион Роша Монтанэ); встречается также серебро, добытое на римских рудниках Иберии и Центрального Французского массива.

Ключевые слова: Боспор, Великая Греция, Карфаген, Рим, монеты, серебро, изотопный анализ Pb, рудные источники

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00193-П «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

© Чугаев А.В., Сапрыкина И.А., 2022

COIN SILVER SOURCE'S EVOLUTION IN BOSPOROS FROM THE FIFTH – FOURTH CENTURIES BC TO THE SECOND – THIRD CENTURIES AD ACCORDING TO PB-ISOTOPIC ANALYSIS

Andrey V. Chugaev
Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy, and Geochemistry of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vassachav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0528-3965
Irina A. Saprykina
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
dolmen200@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0059-0170

Abstract. This article generalizes the results of analytical studies of Bosporan coin silver made by Pb isotope analysis and the researches of the evolution of sources of silver supply to Bosporos the fifth – fourth centuries BC to the second – third centuries AD. Pb-isotope characteristics of coin silver originating from the territory of Bosporos (https://www.archaeolog.ru/ru/data/isoarchmet-iaras) have been compared with the latest data obtained for the coin silver of Magna Graecia, Carthage, and Rome, which made it possible to clarify the range of silver mining regions supplying the territory of Bosporos in different chronological periods. This way, at the early stage of the Bosporan coinage, silver was used from the mines of Lavrion, Chalkidiki Peninsula, and the Rhodope Mountains. Unlike Greek coin silver, the share of mines on the Chalkidiki Peninsula and the Rhodope Mountains in Bosporan coinage significantly exceeds the share of silver from the mines of Lavrion. Although from the third to first centuries BC, Bosporan coinage worked on the same "old" silver, the finds also contained raw materials from another source similar to the source for the coin silver of Carthage (Iberian Peninsula); no Roman coin silver have been documented in Bosporos in the period in question. In the second and third centuries AD, the main source of coin silver in Bosporos were the Roman mines located in Dacia (Roșia Montană); there was also silver from the Roman mines of Iberia and the Massif Central in modern France.

Key words: Bosporos, Magna Graecia, Carthage, Rome, coins, silver, Pb-isotopic analysis, ore sources

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00193-P (continuation) "The Initial Period of the History of Money: The Transition from a Coin of Full Metallic Value to a Sign of Conventional Value".

Введение. Одним из важных вопросов в нумизматических исследованиях остается вопрос источников сырья, обеспечивавшего монетную чеканку и работу монетных дворов, особенно, на ранних этапах. Для определения источников монетного сырья часто используются методы определения химического (элементного) состава металла, где одной из целей анализа является выявление и определение микроэлементов (примесей), которые в ряде случаев позволяют идентифицировать источник руд. Сейчас одним из самых распространенных методов анализа монет является РФА, с помощью которого выявляются закономерности по присутствию того или иного элемента в металле (или сплаве) [21]. Этот метод хорошо работает на больших выборках, однако он, как и любой другой метод анализа, является лишь

первой, хотя и необходимой, стадией перед процедурой более точного определения источников добычи металла, в частности, серебра – одного из основных металлов для монетной чеканки древнего мира.

Таким более точным и надежным методом является анализ изотопного состава Pb (Pb-Pb изотопный метод), который изначально зародился, а в дальнейшем нашел широкое использование в геологических науках, прежде всего, в рудной геологии. Метод позволяет получить численные характеристики в виде изотопного состава Pb для объекта исследования и на основе отработанных интерпретационных подходов достаточно надежно устанавливать регионы добычи металла и реконструировать пути его поступления в конкретный исторический период. Применительно к археологии метод,который основывается на постоянно развивающейся приборной базе, позволил выделить для каждого исторического периода макрорегионы добычи руды; современная степень развития этого метода исследования уже позволяет довольно надежно определять не только локальные регионы добычи, но и прослеживать этапы использования «старого» металла и появления свежего сырья на конкретной территории, выделять древние загрязнения серебра свинцом из других месторождений и т.д.

Настоящая статья представляет собой первое обобщение имеющихся в настоящий момент Pb-Pb данных для монетного серебра V–IV вв. до н.э. – II–III вв. н.э., происходящего с территории Боспора, с целью оценки эволюции во времени доступных для этого региона источников драгоценного металла, в сравнении с новыми данными, полученными для монетного серебра Древней Греции и Рима за последние годы.

Pb-Pb изотопный метод в изучении археологического серебра

Начиная с работ [16; 28], в которых были впервые представлены системные результаты изучения изотопного состава Pb в различных по происхождению археологических объектах, среди исследователей до сих пор ведется широкая дискуссия о возможностях Pb-Pb метода в археологии, подходах в интерпретации данных, а также существующих для метода объективных ограничениях [10; 44; 38, p. 311–339; 43; 37; 31; 9; 18]. В этих дискуссиях главный акцент смещен в сторону вопросов идентичности свинцово-изотопных меток металла и источника (руд) его происхождения, а также неизменность изотопного состава Pb в предметах за время их существования. В основе представления о связи изотопного состава Pb металла предметов и источника лежит известный геохимический факт, что свинец является одним из широко распространенных элементов примесей для всех известных типов рудных месторождений, эксплуатировавшихся в древние времена. Например, для серебро-полиметаллических и эпитермальных месторождений, выступавших основной сырьевой базой при производстве серебра [47; 24; 26; 29, p. 198–202; 19], содержание свинца, где он представлен, главным образом, в виде минеральной фазы галенита (PbS), в рудах может достигать 8 вес.%. Многие серебросодержащие минеральные фазы, такие, например, как аргентит (Ag_2S),

пираргирит ($Ag_3Sb)S_3$, тетраэдрит, в природе находятся в тесной ассоциации с галенитом. При переработке сложных по минеральному составу руд для извлечения серебра в древней металлургии (как минимум с VII в. до н.э.) [29, p. 205] широко применялась технология купелирования [29, p. 198–202; 19]. Неотъемлемой частью этого процесса являлось использование металлического свинца для финальной очистки серебра. Он попутно извлекался из серебросодержащих руд [29, p. 204]. В таком производстве неизбежно происходила контаминация (загрязнение) серебра рудным свинцом. При этом оба этих металла имели один и тот же источник. Дополнительно было показано, что не происходит фракционирования изотопов свинца в высокотемпературных металлургических процессах [43]. В целом, это позволило ряду исследователей обосновать предположение, что металл наследует свинцово-изотопные характеристики источника [25; 35; 36; 11]. Следствием этого, стало широкое применение в археологии при интерпретации Pb-Pb данных подхода, известного как метод «свинцово-изотопного происхождения» (lead isotope provenance). Наиболее детальное описание этого метода приведено в работах [43; 25; 42]. Он предполагает прямое сопоставление изотопного состава Pb предмета с таковым в рудах месторождений регионов, в пределах которых в древние времена велась их разработка. Такой подход основывается на существующих различиях месторождений по изотопному составу Pb [49]. Благодаря такому подходу, была создана обширная база данных (Oxford Archaeological Lead Isotope Database) по изотопному составу Pb в месторождениях Европы и Ближнего Востока, а также артефактов различных исторических эпох [43]. Такой подход, несомненно, имеет ряд недостатков. В частности, не для всех уже отработанных месторождений можно получить необходимые Pb-Pb данные, что ограничивает возможности этого подхода. Отчасти это компенсируется тем обстоятельством, что месторождения, локализованные в пределах единой геологической структуры с близким возрастом и генезисом, обладают схожим изотопным составом свинца. Соответственно, необходимые оценки могут быть получены по результатам изучения других аналогичных по геологии месторождений горнорудного региона. К трудным относятся случаи совпадения изотопного состава Pb сразу с несколькими месторождениями, расположенными в разных горнорудных районах. В качестве примера можно привести месторождения Родопских гор (южная часть Болгарии) и Бая-Маре (Румыния), имеющих близкие свинцово-изотопные характеристики [11]. Привлечение дополнительных критериев, например, данных о составе примесных элементов в металле, а также исторических свидетельств о времени эксплуатации месторождений, позволяет более надежно ограничить потенциальные источники металла [42; 2].

Метод «свинцово-изотопного происхождения» несколько десятилетий главенствовал в археологии при определении источников металла. Однако, такой подход, как это было отмечено в работах [37; 31; 18], не учитывал воздействие таких факторов, как повторная переработка изделия с добавлением новых порций металла, а

также использование металла, полученного из разных источников. Из-за смешения в металлургических процессах происходит усреднение изотопного состава Pb в изделии, что «затушевывает» первичные изотопные «метки» источников. Особенно это актуально для производственных центров средневековья [32; 30]. Хотя повторная переработка «старого» серебра активно использовалась уже и в римской монетной чеканке [39; 48]. К этому времени в Европе сформировалась разветвленная сеть торговых путей и достаточно крупные металлургические центры, для которых могла использоваться обширная по географии ресурсная база. В совокупности это делает практически невозможным идентификацию источника металла, если подразумевать под этим конкретное месторождение или горнорудный район. В этой связи, весьма эффективным подходом, известным как «metal stocks provenance», является увязывание производственных центров с свинцово-изотопными характеристиками предметов и кладов металлического сырья [32; 30; 33]. Клады металлического сырья обладают своими географическими и историческими характеристиками, что дает возможность выявлять пути поступления металла в тот или иной регион и проследить эволюцию источников во времени.

В этой связи, широкие возможности дает изучение серебра монет. Часто они имеют точную привязку не только по времени, но и по месту чеканки. Развитие этого направления в археологии и в нумизматических исследованиях позволило реконструировать, например, не только регионы добычи серебра, но и оценить их индивидуальный вклад при чеканке серебряных монет в центрах Древней Греции [42; 20; 6].

Источники серебра для монетной чеканки в греческий и римский периоды по данным изотопного анализа Pb

Благодаря целенаправленной работе, продолжавшейся на протяжении десятков лет, была установлена существенная (более трети) роль в добыче металла древнегреческого периода таких месторождений, как Лаврион (Аттика, Греция), Родопские горы и месторождения островов архипелага Киклады. Отмечено поступление металла, хотя и в меньших количествах, и из других регионов древнего мира: Малая Азия, юг Иберийского п-ва (Испания), Румыния [43; 25; 45]. Как показали последние исследования, помимо перечисленных выше месторождений, рудники Эвбеи (о-в Эгина) также внесли свой вклад в добычу серебра для чеканки монет древнегреческого периода [42]. Кроме того, установлен существенный вклад месторождений Родопских гор в организацию ранней добычи серебра, по сравнению с долей серебра из разработок в Пангеоне и Палья Кавала (Греция) [45]. Дополнительно было показано, что несмотря на снижение добычи в VII–VI вв. до н.э. на месторождениях Иберийского п-ва из-за потери рынков сбыта [23], их вклад в общее поступление серебра для чеканки монет был сопоставим с вкладом добычи серебра на месторождениях Пангеона, Румынии и острова Тасос. Резко подчиненное значение в греческий период имела добыча серебра на рудниках северо-западной Сардинии, Туниса, Галлии и Британии, и многочисленных серебряных рудопроявлений на Ближнем Востоке [15].

Обобщение полученных данных позволило реконструировать эволюцию источников серебра для греческого и римского периодов. В частности, показано [14 p. 19–20], что, начиная с V в. до н.э. для чеканки серебряных монет использовался металл, поступавший, главным образом, из рудников Лавриона, на которых добыча постепенно снижалась (за исключением короткого всплеска в середине IV в. до н.э.). Выпадающие объемы компенсировались за счет увеличения добычи серебра в других районах Эгейского моря (на месторождениях Халкидики, о-в Сифнос, Кикладского архипелага и др.) и в северо-западной Анатолии. Вполне вероятно, что в этот период уже использовалось переплавленное серебро ранней добычи (из рудников Лавриона и о-ва Сифнос, где добыча прекратилась ок. 500 г. до н.э.). Месторождения южных Родопов (Эссими, Кирки, Тасос) также использовались для добычи монетного серебра [14, p. 21]. Разработку известных рудников Пангеона исторически связывают лишь с деятельностью царя Филиппа II после 356 г. до н.э., однако добыча руды в Пангеоне, особенно на хребте Лекани (горная цепь Палья Кавала), относится исследователями больше к архаическому и классическому периодам. К этому же периоду относится и использование для чеканки монет «старого» (переплавленного) серебра из иберийских месторождений, расцвет добычи на которых приходится на догреческий период (новый пик эксплуатации этих месторождений относится уже к римскому времени). Аналитические исследования последних лет также показали, что для чеканки монет использовалось серебро, полученное из разных, часто удаленных друг от друга, регионов: так, серебряные монеты греческих полисов Малой Азии служили источником металла при чеканке монет в материковой Греции [14, p. 21]. Судя по имеющимся аналитическим данным, для чеканки монеты до Второй пунической войны активно использовалось слитковое серебро, полученное в результате массовой переплавки греческих монет, источник для которых находился преимущественно в месторождениях Великой Греции, разрабатывавшихся в более раннее время [48]. Вторым крупным регионом добычи и поставки серебра в Рим с конца II в. до н.э. стала Испания (зона Пиренейского массива); но определенный массив серебра поступал в Рим в качестве дани и добывался на многочисленных мелких месторождениях Римской империи [13].

В основе этих исследований лежат материалы (серебряные монеты, слитки, изделия из серебра), происхождение которых связано с греческими и римскими производственными центрами, расположенными преимущественно в Южной и Западной Европе. В то же время, за рамками этих работ остался существенный, как по масштабу, так и по значимости, нумизматический материал Северного Причерноморья. В настоящее время получены данные по изотопному составу Pb для нескольких выборок монетного серебра, циркулировавшего на Боспоре в разные хронологические периоды. Сами результаты опубликованы в серии работ и представлены в открытом доступе на платформе Isoarchmet-iaras (https://www.archaeolog.ru/ru/data/isoarchmet-iaras).

Аналитическая выборка и метод исследования

Имеющаяся выборка по боспорскому серебру состоит из 78 монет и охватывает период от 494–490 гг. до н.э. по 238–239 гг. н.э. Основная доля проб (49 ед.), дати-

руемая периодом от 494–490 гг. по 425–400 гг. до н.э., приходится на триоболы и диоболы Пантикапея, Синдики и раннего Боспора (или Боспора Киммерийского) из состава Фанагорийского клада 2005 г. [41]. Небольшое количество проб характеризует период от 400–375 гг. до н.э. по 90–80 гг. до н.э. (12 проб; диоболы, тетраболы и гемидрахма Фанагории, драхма Херсонеса, драхма и гемидрахма Пантикапея) [5]. Третью группу, датируемую периодом от 134–138 гг. н.э. по 238–239 гг. н.э., составляет 17 проб, полученных от римских денариев Андриана, Аврелия, Антонина Пия, Семптимия Севера, северокавказских подражаний, статеров Котиса III, Рискупорида IV и Ининфимея [1].

Pb-Pb данные для боспорского монетного серебра были получены в ИГЕМ РАН с помощью высокоточного метода многоколлекторной масс-спектрометрии с ионизацией вещества в индуктивно связанной плазме (MC-ICP-MS) с трассированием проб. В качестве трасера использовался моноэлементный раствор таллия с известным изотопным составом. Измерения проводились в режиме «мокрой» плазмы на масс-спектрометре NEPTUNE (ThermoFinnigan). Итоговая погрешность (±2SD) измерения изотопных отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ и $^{208}Pb/^{204}Pb$, оцененная по долговременной воспроизводимости результатов параллельных анализов стандартного образца SRM 981 и стандарта горной породы AGV-2, не превышала 0.03%. Детальное описание применявшихся методик в процессе химической подготовки проб, а также условий, при которых проводились масс-спектрометрические измерения, приведено в работах [3; 4].

Результаты. Изученные выборки боспорских монет демонстрирует высокую степень неоднородности металла по изотопному составу Pb. Значения изотопных отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ и $^{208}Pb/^{204}Pb$ изменяются в широких диапазонах от 18.40 до 19.09, от 15.63 до 15.70 и от 38.48 до 39.10 соответственно. Общий масштаб выявленных вариаций весьма значителен: коэффициент вариации (ν, %) для отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$ и $^{208}Pb/^{204}Pb$ равен 0.54 и 0.24% соответственно. Близкие по масштабу вариации изотопного состава Pb ранее были установлены, например, для выборок дирхемов, датируемых IX–X вв. [33], для серебряных монет X–XI вв. из клада Хэдебю [32] и изделий из серебра древнерусских (X–XII вв.) сельских поселений Суздальского Ополья [18]. Во всех приведенных примерах было показано, что высокая степень неоднородности предметов по изотопному составу Pb обусловлена использованием металла из нескольких рудных источников. Внутри изученных выборок боспорских монет, представляющих три хронологических периода: V в. до н.э., III–I вв. до н.э. и II–III вв. н.э., повышенный разброс изотопных отношений Pb ($\nu_{6/4}$ = 0.2–0.4%, $\nu_{8/4}$ = 0.16–0.31%) сохраняется.

Сопоставление изотопного состава Pb в изученных монетах различных периодов приведено на Pb-Pb изотопных диаграммах в координатах $^{206}Pb/^{204}Pb$ vs $^{207}Pb/^{204}Pb$, а также $^{207}Pb/^{206}Pb$ vs $^{208}Pb/^{206}Pb$ (рис. 1). В целом, не наблюдается контрастных отличий по изотопному составу Pb между металлом монет V в. до н.э., III–I вв. до н.э. и II–III вв. н.э. На $^{206}Pb/^{204}Pb$ vs $^{207}Pb/^{204}Pb$ диаграмме точки форми-

руют относительно небольшие поля, которые частично перекрываются между собой. Наибольший разброс демонстрируют Pb-Pb данные, полученные для монет V в. до н.э. При этом большая часть точек этой группы монет расположена на графике компактно и только две из них, отвечающие триоболам 490 г. до н.э., по своим изотопным отношениями существенно отличаются, определяя максимальные и минимальные значения изотопных отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$ и $^{207}Pb/^{204}Pb$. Следует отметить, что в общем характере распределения данных на графике проявлена определенная закономерность. Она выражается в корреляции изотопного состава Pb в металле с возрастом предмета. Изотопный состав Pb в монетах V в. до н.э. в среднем обладает более высокими содержаниями радиогенных изотопов ^{206}Pb и ^{207}Pb, тогда как группа монет, датируемых II–III вв. н.э., характеризуется в целом низкими $^{206}Pb/^{204}Pb$ и $^{207}Pb/^{204}Pb$ отношениями. Напротив, точки монет III–I вв. до н.э. занимают область между ними. Таким образом, на графике поля разных возрастных групп монет последовательно смещены друг относительно друга. Эта закономерность указывает на эволюцию во времени источников серебра боспорских монет.

Анализ Pb-Pb данных боспорских монет с помощью $^{207}Pb/^{206}Pb$ vs $^{208}Pb/^{206}Pb$ диаграммы показывает наличие двух трендов, отличающихся между собой по наклону. Наиболее крутой тренд (tg=2) образован подавляющим большинством точек боспорских монет V в. до н.э. В стороне от этого тренда лежат только две точки (триоболы 490 г. до н.э.), о которых ранее говорилось при рассмотрении диаграммы в координатах $^{206}Pb/^{204}Pb$ vs $^{207}Pb/^{204}Pb$. Второй, более пологий (tg=1.4) тренд представлен точками боспорских монет, датируемых II–III вв. н.э. При этом часть точек, формирующих его левую часть, ложатся на тренд боспорских монет V в. до н.э. Точки монет III–I вв. до н.э. не обнаруживают общей закономерности в своем расположении на диаграмме. Большая часть из них попадает на тренд раннего боспорского серебра. Лишь малая часть из них расположена в стороне от описанных трендов. Высокие значения коэффициентов корреляции (КК=0.97) и положение трендов на диаграмме позволяет их рассматривать как линии смешения серебра из нескольких источников. Можно выделить как минимум три основных источника, которые в разных пропорциях присутствуют в большинстве исследованных боспорских серебряных монет. При этом, серебро одного из этих источников фиксируется во всех трех изученных хронологических выборках монет.

Дискуссия. Многочисленные исследования [42; 20] показывают, что уже начиная с классического периода при чеканке монет и изготовлении серебряных украшений мог использоваться металл, происхождение которого было связано с разными географическими регионами. При этом, в зависимости от исторического периода источники поступления металла в производственные центры, а также их число могли существенно меняться. Дополнительным фактором, вносящим неопределенность в интерпретацию Pb-Pb данных, также является повторное использование более древнего («старого») серебра. В этой связи наиболее надежным и информативным является подход, основанный на сравнительном анализе изотопных

характеристик изученных предметов с опорными выборками артефактов, имеющих хорошую культурную, хронологическую и территориальную привязку. Используя такой подход, нами было проведено сравнение Pb-Pb данных боспорских монет с несколькими опорными выборками монетного серебра и ювелирных изделий интересующих нас исторических периодов, происходящих из разных производственных центров Древней Греции и Римской Империи (рис. 2). Наиболее ранняя сравнительная выборка представлена монетным серебром VI–V вв. до н.э., найденного на территории различных древнегреческих городов [6; 14, p. 19–20; 13]. Основным источником металла для них предполагаются серебряные рудники Лавриона. Именно с рудниками Лавриона, эксплуатация которых происходила в VII–V вв. до н.э. с пиком добычи в первой четверти V в. до н.э. [42], связана значительная (ок. 36%) часть объема добычи древнегреческого серебра. Вторая группа сравнения представлена монетным серебром II в. до н.э., чеканка которого происходила в производственных центрах Карфагена и Рима [48; 6]. Для этого периода характерно поступление серебра из нескольких источников, среди которых доминировали месторождения Иберийского полуострова, Центрального массива Франции, Таскании и п-ва Сардиния. Третья группа объединяет Pb-Pb данные, полученные по серебряным предметам из клада «Сокровище Маренго», датируемым второй половиной II – первой половиной III в. н.э., а также для монетного серебра Рима периода правления императора Семптимия Севера (193–211 гг. н.э.). Большинство исследователей для позднеримского периода предполагают, что серебро могло иметь разнообразное происхождение. В качестве источника указываются месторождения Центрального массива Франции [8], горнорудных районов Западной Европы – горы Гарц и Рейнские сланцевые горы [36; 22], горы Роша Монтана [12], а также Иберийского п-ва [48]. При этом нет единого мнения о том, какой из источников был доминирующим.

Сравнение результатов изучения боспорского монетного серебра с изотопным составом Pb в металле перечисленных выше опорных выборок представлен на рисунке (рис. 2–3). Как следует из приведенных данных на Pb-Pb диаграммах, существенная часть (~40%) раннего боспорского серебра хорошо согласуется по изотопному составу Pb с дидрахмами и статерами V–IV вв. до н.э. чеканки монетных дворов древнегреческих центров (Метапонт, Сиракузы, Тараз и др.). Точки этой выборки лежат в поле значений отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$ и $^{207}Pb/^{204}Pb$, а также на линии смешения в координатах $^{207}Pb/^{206}Pb$ vs $^{208}Pb/^{206}Pb$ боспорского монетного серебра. Однако Pb-Pb данные ранних боспорских монет демонстрируют существенно больший разброс значений по сравнению с выборкой древнегреческих монет из материковой Греции, для которых в качестве основного источника металла рассматриваются, прежде всего, месторождения Лавриона. Этот факт указывает на то, что для большей части боспорских монет месторождения Лавриона не являлись ни единственным, ни основным источником серебра. Согласно имеющимся данным [42], наряду с месторождениями Лавриона, заметный вклад в общей добыче серебра в древнегреческий период принадлежал также месторождениям территорий северной

окраины Эгейского моря (Родопские горы, п-в Халкидики, гора Пангеон), а также некоторых островов архипелага Киклады (например, о-ва Тассос, Сифнос). Вопрос идентификации других источников серебра ранних боспорских монет рассмотрен нами ниже.

В свою очередь, боспорское монетное серебро, датируемое III–I вв. до н.э., не согласуется по величинам изотопных отношений Pb с близкими по времени серебряными монетами римского происхождения. Фиксируемые отличия весьма существенны, что полностью исключает связь боспорского серебра с источниками металла, использовавшегося в это время при чеканке монет в римских производственных центрах. Напротив, сходство изотопного состава Pb металла большей части боспорских монет III–I вв. до н.э. с таковым в монетах V в. до н.э. допускает возможность происхождения серебра из одних и тех же источников (например, за счет повторного использования раннего серебра). Исключением являются только три монеты (драхма, II в. до н.э., Херсонес; диабол, II в. до н.э., Фанагория; и гемидрахма, I в. до н.э., Фанагория), свинец которых показывает пониженное содержание ^{207}Pb. В их составе присутствует часть серебра, по происхождению близкого к монетам Карфагена, датируемых концом III в. до н.э.

Поздняя группа (II–III вв. н.э.) боспорских монет по своим свинцово-изотопным характеристикам ближе всего к выборке денариев периода правления императора Семптимия Севера (193–211 гг. н.э.). Хотя, по сравнению с римскими денариями, в них отмечается в среднем более высокое отношение ^{207}Pb/^{204}Pb и на диаграмме в координатах ^{206}Pb/^{204}Pb vs ^{207}Pb/^{204}Pb их точки смещены в сторону значений, характерных для боспорского монетного серебра более ранних периодов. В свою очередь, сонахождение точек позднего боспорского серебра и римских денариев на общем тренде, проявленном на диаграмме в координатах ^{207}Pb/^{206}Pb vs ^{208}Pb/^{206}Pb, свидетельствует о том, что в этих выборках присутствует существенная часть серебра из одного и того же источника. Однако, доля серебра этого источника меньше в боспорских монетах.

Источники боспорского монетного серебра

Отмеченные выше закономерности в вариациях Pb-изотопных характеристик боспорского монетного серебра и их соотношение с таковыми в монетах и изделиях известных производственных центров Древней Греции и Рима позволяют ограничить возможные регионы происхождения металла, принимая во внимание исторические свидетельства о горнорудных производствах этого периода. Как уже было отмечено выше, ведущим источником серебра в VI–V вв. до н.э. являлись месторождения Восточного Средиземноморья [46]. Данные об изотопном составе Pb в серебросодержащих рудах основных месторождений этого региона представлены на Pb-Pb диаграммах (рис. 4). Здесь же показаны Pb-Pb данные для боспорского монетного серебра как V, так и III–I вв. до н.э. Объединение этих двух разновременных групп обусловлено близостью изотопного состава Pb в их металле. Это может косвенно указывать на частичное сохранение добычи в этом регионе до I в. до н.э. Однако,

с нашей точки зрения, более предпочтительным объяснением является повторное использование «старого» серебра при чеканке монет второй хронологической группы, поскольку, по имеющимся данным [14], к этому времени многие месторождения региона были истощены, а их разработка в значительной степени была прекращена. Соотношение полей изотопного состава рудного Pb и боспорского монетного серебра подтверждает существующие представления о том, что именно Восточное Средиземноморья являлось главным источником металла для классического периода. Монетное серебро этого периода ближе всего по своим Pb-изотопным характеристикам к рудам месторождений Лавриона, п-ва Халкидики и Родопских гор. Нельзя полностью исключить и долю серебра из других месторождений региона Эгейского моря, о чем свидетельствует некоторое смещение точек монет относительно полей упомянутых месторождений. Однако доля последних была минимальна. В целом, такой вывод согласуется с опубликованными оценками [42] о вкладе месторождений Восточного Средиземноморья в общий баланс поступления серебра для классического периода. В соответствии с ними, месторождения Лавриона, п-ва Халкидики и Родопских гор обеспечили более 70% от общего объема добычи серебра. Из наших данных также видно, что если для монет V в. до н.э. фиксируется серебро месторождений Лавриона, то в выборке III–I вв. до н.э. этот источник уже не проявлен. Большая часть боспорского монетного серебра III–I вв. до н.э. по своему происхождению связана с месторождениями п-ва Халкидики и Родопских гор. Кроме того, фиксируется присутствие небольшой доли серебра неустановленного источника, аналогичного источнику монетного серебра у Карфагена в этот период. Хотя доля этого серебра была незначительной, однако этот факт можно принять во внимание для определения пути получения Боспором части сырья, скорее всего, с периферии Карфагена (в этот период о-в Сардиния и Иберийский п-в являются основными центрами добычи и выплавки «свежего» серебра).

Две монеты из выборки V в. до н.э. обладают аномальным изотопным составом свинца по сравнению с монетами этой выборки. Одна из них демонстрирует минимальные значения изотопных отношений Pb, а другая – напротив, максимальные. В работе [42] показано, что аномально высокий изотопный состав Pb в древнегреческих монетах может быть связан с поступлением небольшого (~2%) количества серебра из Малой Азии. Локализованные в пределах Таврских гор серебро-полиметаллические месторождения обладают сходным с предполагаемым источником «аномально» радиогенным изотопным составом Pb [17]. В нашем случае, источник поступления серебра с низкими отношениями Pb надежно идентифицировать не удалось. В то же время, он весьма близок к колчеданно-полиметаллическим месторождениям Иберийского полуострова, активная разработка которых велась уже в период Римской Империи; соответственно, ранняя боспорская выборка содержит небольшую долю иберийского серебра.

Период II–III вв. н.э., который представляет третья выборка монет, найденных на территории Боспора, характеризуется существенным разнообразием регионов,

в которых осуществлялась эксплуатация серебросодержащих месторождений. На рисунке 5 приведены поля изотопных составов Pb наиболее крупных горнорудных регионов, эксплуатация месторождений которых велась как в рассматриваемый, так и в более ранние исторические периоды. Привлечение последних дает возможность выявить случаи повторного использования серебра. Результаты сопоставления показывают, что серебро боспорских монет третьей хронологической группы практически идентично по изотопному составу Pb с Au-Ag месторождениями гор Роша Монтанэ (Румыния), что свидетельствует в пользу происхождения их металла из этого региона. Отметим, что территория Роша Монтанэ, после вхождения ее в состав Римской Империи в начале II в. н.э., стала одним из крупнейших горнодобывающих регионов позднеримского периода. По имеющимся оценкам [27], только золота здесь было добыто более 1500 т, а серебра, как минимум, на порядок больше. В то же время, несколько более крутой наклон тренда изотопного состава Pb руд месторождений Роша Монтанэ, по сравнению с боспорским монетным серебром, предполагает присутствие в некоторых монетах серебра и из другого источника (рис. 5). На продолжении этого тренда находится область значений изотопных отношений $^{207}Pb/^{206}Pb$ и $^{208}Pb/^{206}Pb$ колчеданно-полиметаллических месторождений юго-запада Иберийского полуострова. Руды этих месторождений, среди которых присутствуют известные крупные месторождения Монте Ромеро и Рио Тинто, отличаются комплексным составом. В них помимо основных полезных компонентов (Cu, Pb, Zn) в промышленных количествах присутствуют серебро и золото [19; 29]. Основной пик разработки этих месторождений приходится на период с I в. до н.э. по III в. н.э., когда территория Иберийского полуострова вошла в состав Римской Империи [48]. Отметим, что наибольший вклад этого источника устанавливается в собственно римских монетах II–III вв. н.э. [40]. В случае боспорского монетного серебра небольшая доля металла из месторождений юго-западной части Иберийского полуострова фиксируется только в трех исследованных монетах (денарий Антонина Пия, денарий Аврелия и боспорский статер Котиса III). Другим примером присутствия серебра не только из месторождений Роша Монтанэ является римский денарий Адриана (134–138 г. н.э.). При его чеканке могло частично использоваться серебро месторождений Центрального массива Франции. В других изученных монетах из выборки этого периода серебро этого источника полностью отсутствует. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении месторождений районов Рейнских гор и Гарц. Свинец в них обладает существенно более низкими изотопными отношениями Pb по сравнению со свинцом боспорских монет.

Заключение. Обобщение имеющихся Pb-Pb данных по боспорскому монетному серебру и их сопоставление с опорными выборками монетного серебра, результаты которых были получены в последние несколько лет, позволяют заключить следующее. На территорию Боспора, в т.ч. для чеканки монет, поступало серебро из нескольких источников, роль которых менялась во времени. Для V в. до н.э. характерна тесная связь Боспорского царства с центрами добычи серебра на матери-

ковой Греции. Как для Боспора, так и для Древней Греции основными источниками серебра в V в. до н.э. являются месторождения Лавриона, полуострова Халкидики и Родопских гор, при этом общая доля серебра из месторождений последних двух регионов превышала долю серебра из месторождений Лавриона. Полученные данные также показывают, что в III–I вв. до н.э. существенных изменений в источниках боспорского серебра не происходило. Оно остается сходным с серебром, полученным, главным образом, из месторождений полуострова Халкидики и Родопских гор, что может как косвенно указывать на сохранение добычи серебра в этих регионах, так и на активную переработку «старого» серебра, использовавшегося для обеспечения боспорской чеканки. Особенностью данного периода на Боспоре является полное исчезновение (вымывание) серебра, добытого на месторождениях Лавриона, а также присутствие небольшого количества серебра, аналогичного по происхождению монетному серебру Карфагена (основные месторождения, контролировавшиеся Карфагеном, находились на Иберийском п-ве и на о-ве Сардиния). Что важно, для этого периода пока не фиксируется присутствие серебра, добытого на месторождениях, находившихся в этот период под контролем Рима.

Радикальное изменение в источниках поступления серебра на территорию Боспорского царства фиксируется для выборки монетного серебра II–III вв. н.э.; при этом, не ясно, на каком этапе произошло это изменение, поскольку в аналитической выборке пока присутствует существенный хронологический разрыв, попадающий на период вхождения Боспора в сферу влияния Римской империи. Корреляция изотопного состава Pb между римскими и боспорскими монетами II–III вв. н.э. уже свидетельствует о наличии тесных взаимоотношений между Боспорским царством и Римской Империей. Основным источником боспорского монетного серебра II–III вв. н.э. являлась крупнейшая горнорудная провинция того времени – Роша Монтанэ (территория Дакии). Хотя отмечается поступление серебра в небольших количествах и из месторождений Иберийского полуострова, уже перешедших под контроль Рима; серебро из еще одного центра, обеспечивавшего работу римских монетных дворов – Центральный массив Франции, встречается единично на территории Боспора в этот период. «Старое» монетное серебро, характерное для более ранних периодов, встречается в выборке в единичных случаях (варварские подражания римским денариям) [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

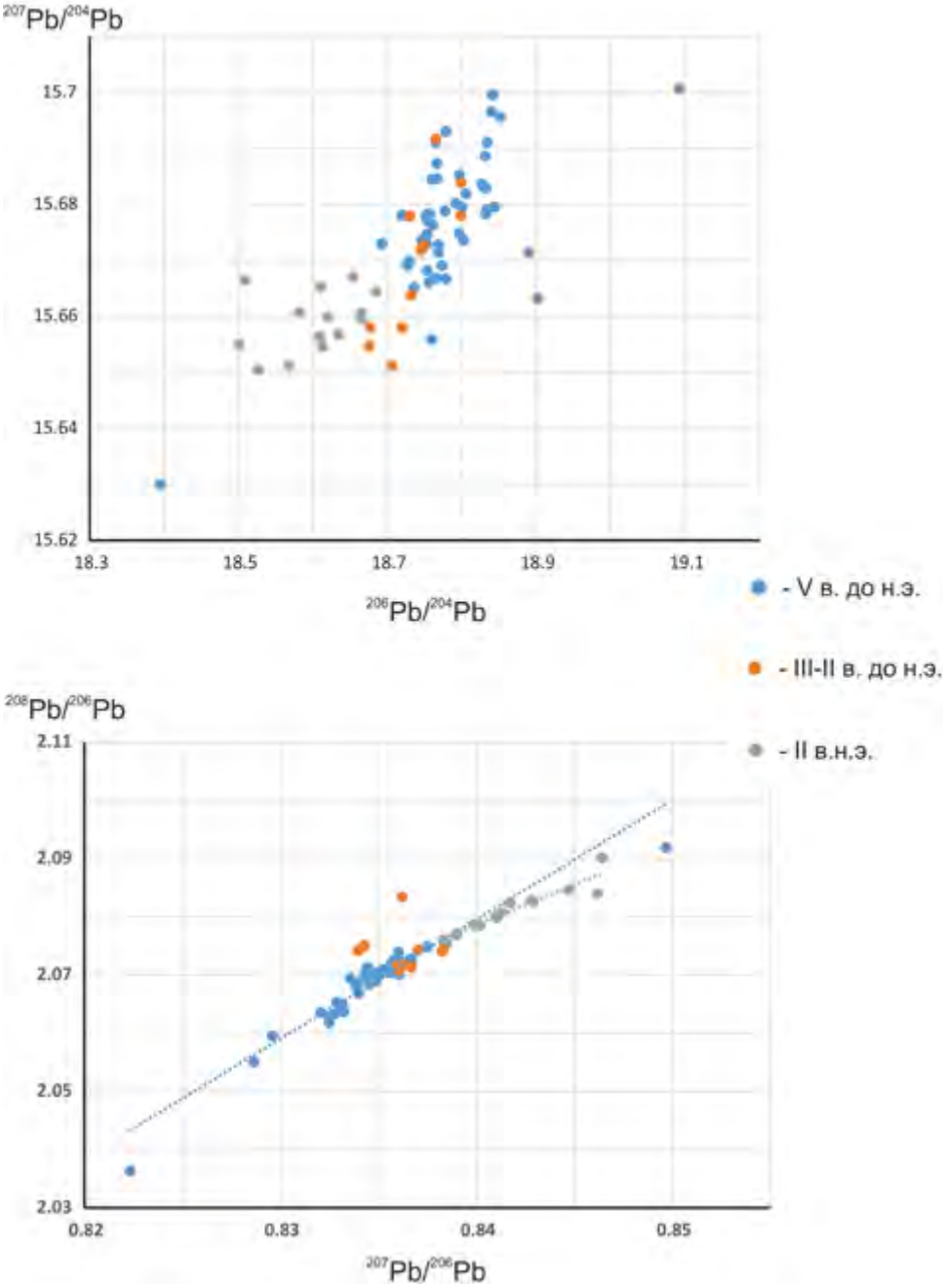


Рис. 1. Сопоставление изотопного состава Pb в монетном серебре V в. до н.э. – II–III вв. н.э. с Боспора [41; 5; 1]

Fig. 1. Comparison of isotopic composition of Pb in coin silver from the fifth century BC to the second and third centuries AD from Bosporos [41; 5; 1]

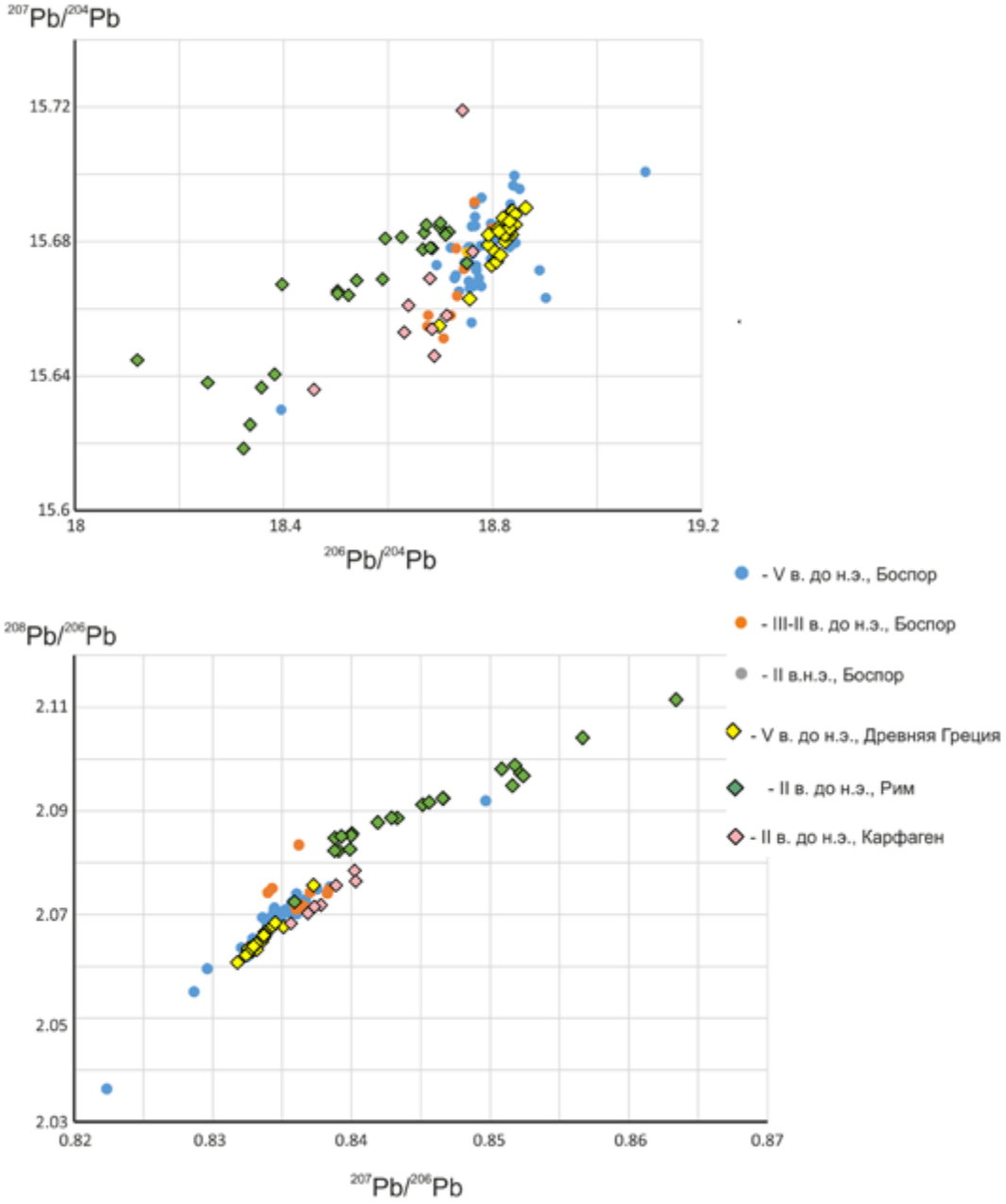


Рис. 2. Сопоставление изотопного состава Pb в монетном серебре Боспорского царства [41; 5; 1], Древней Греции [14; 13], Рима и Карфагена [48; 40; 7]
Fig. 2. Comparison of isotopic composition of Pb in coin silver from the Bosporan Kingdom [41; 5; 1], Magna Graecia [14; 13], Rome, and Carthage [48; 40; 7]

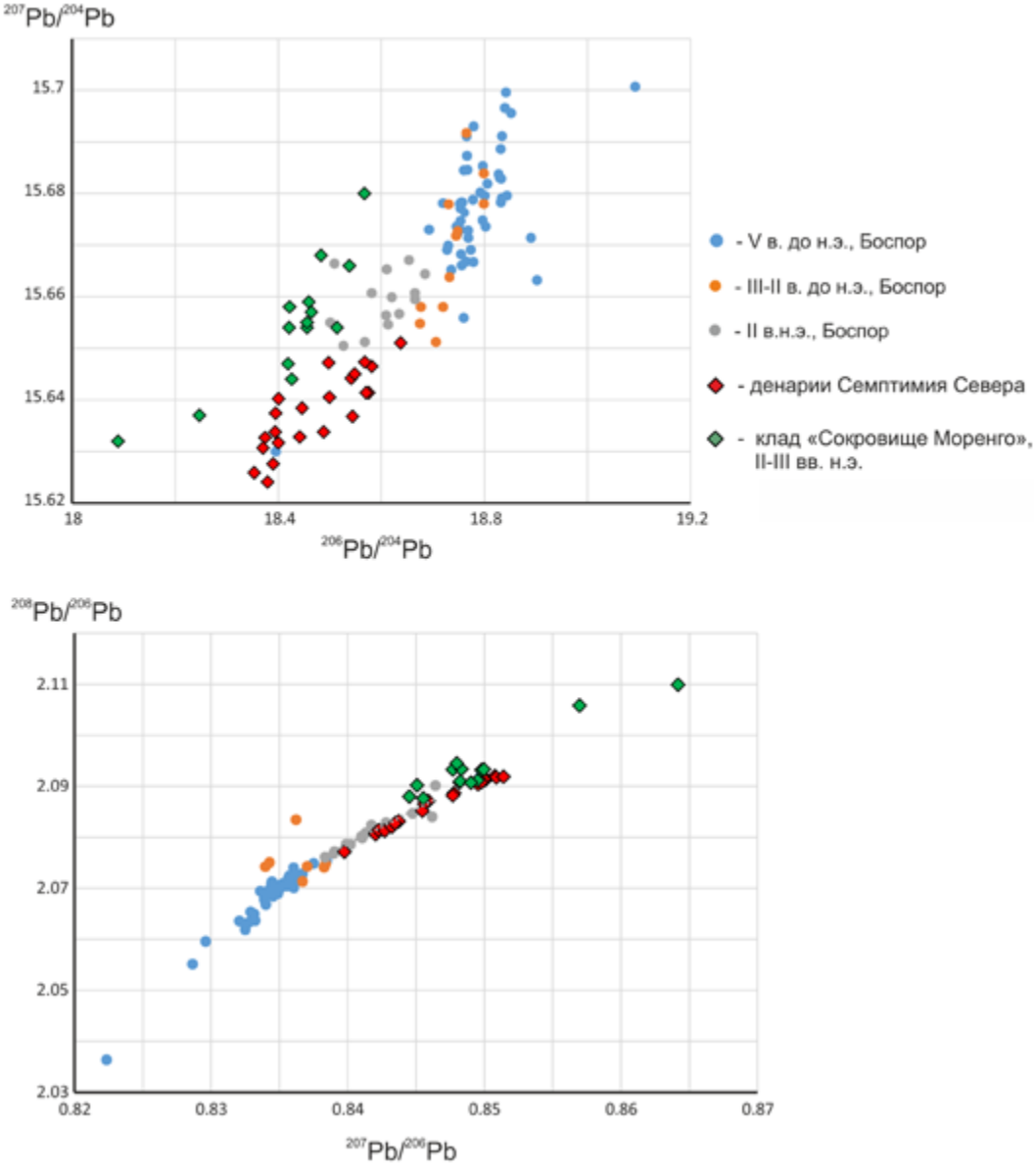


Рис. 3. Сопоставление изотопного состава Pb в монетном серебре Боспорского царства [41; 5; 1] и серебряных монетах II в. н.э. римских монетных дворов [40]
Fig. 3. Comparison of isotopic composition of Pb in coin silver from the Bosporan Kingdom [41; 5; 1] and the second-century AD silver coins of the Roman mints [40]

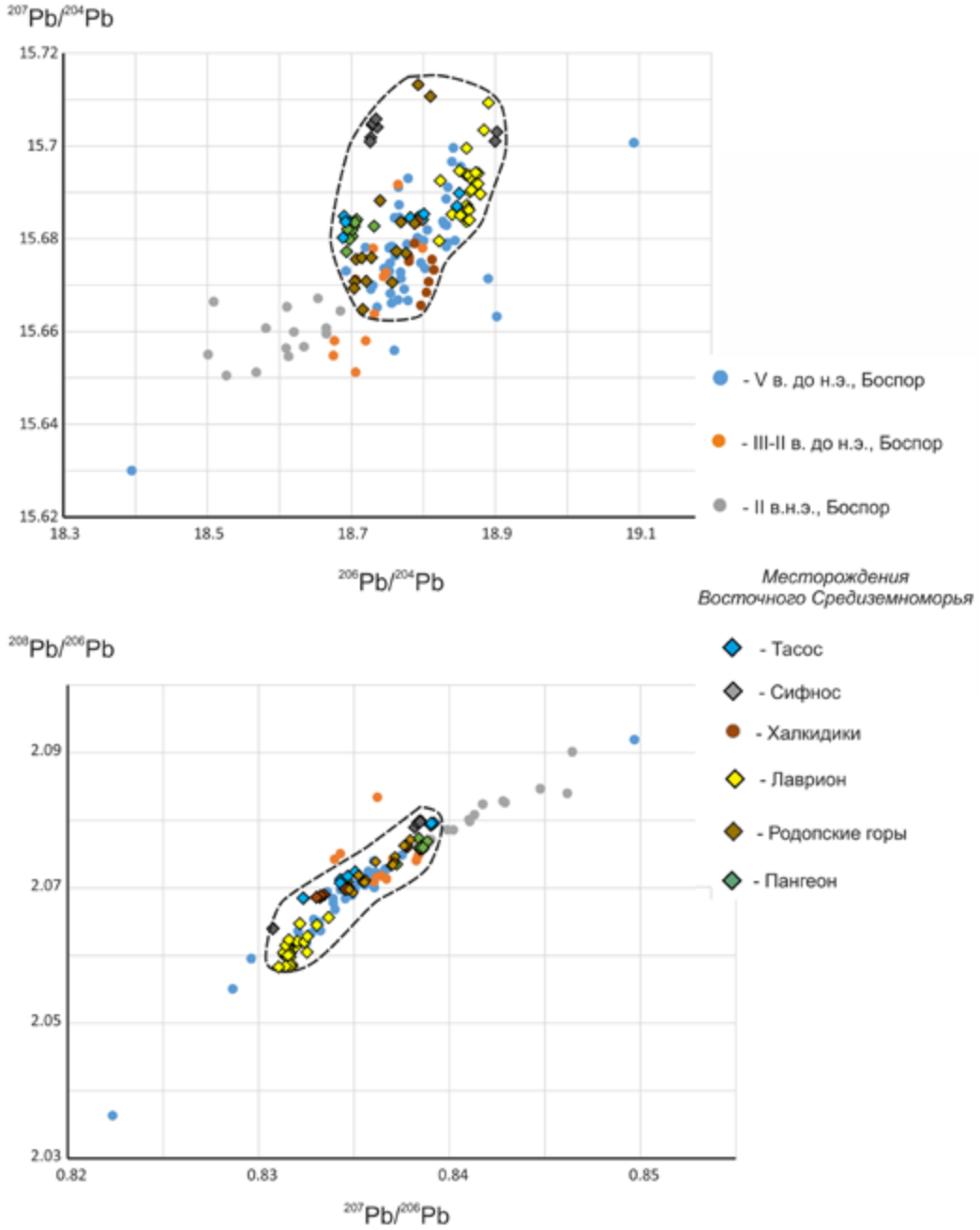


Рис. 4. Сопоставление изотопного состава Pb монетного серебра Боспорского царства [41; 5; 1] и серебросодержащих руд месторождений главных горнодобывающих регионов Древней Греции [43; 46]
Fig. 4. Comparison of isotopic composition of Pb in coin silver from the Bosporan Kingdom [41; 5; 1] and silver ores of the main mining regions of the Magna Graecia [43; 46]

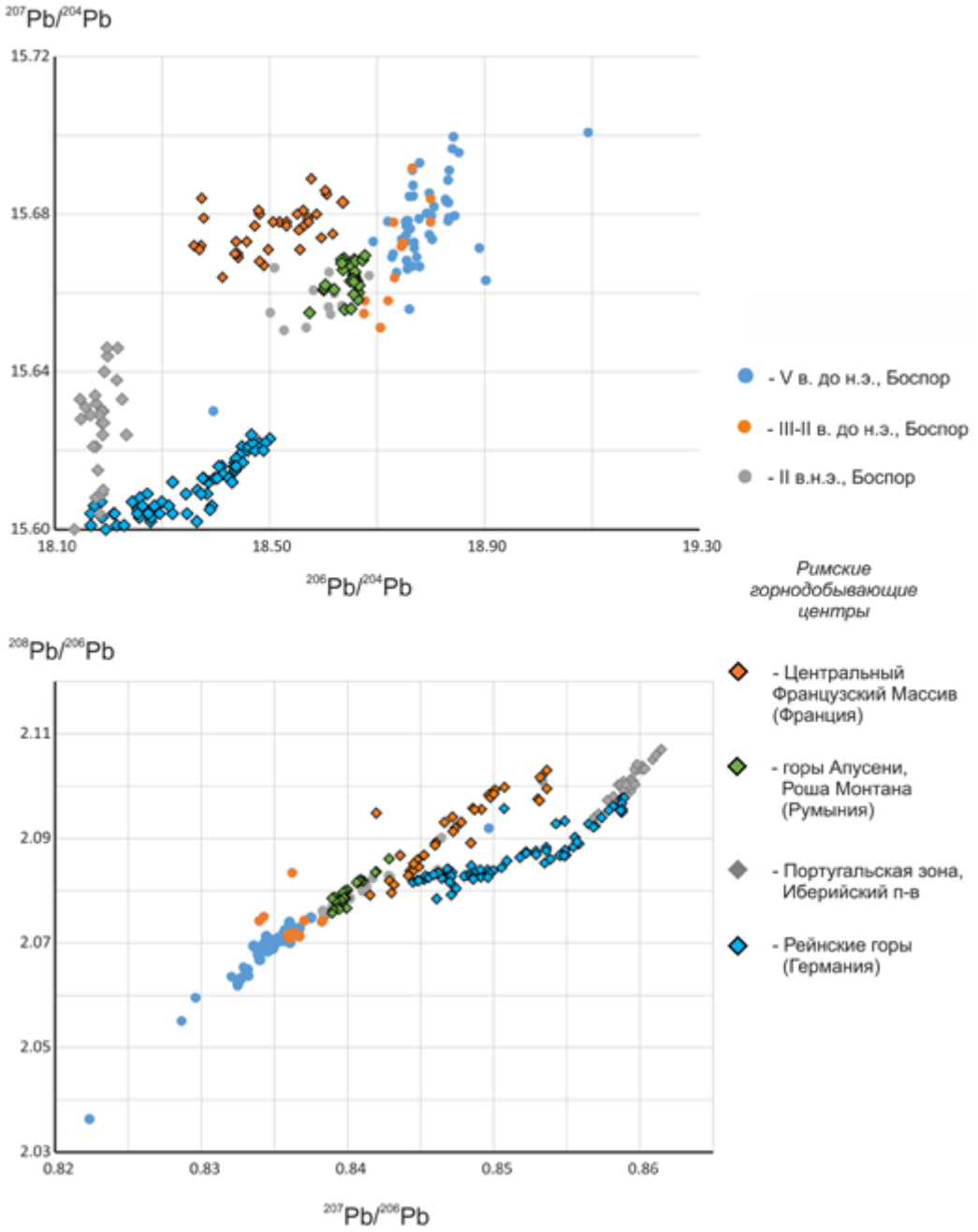


Рис. 5. Сопоставление изотопного состава Pb монетного серебра Боспорского царства [41; 5; 1] и серебросодержащих руд месторождений главных горнодобывающих регионов Древнего Рима [11; 8; 22; 34]
Fig. 5. Comparison of isotopic composition of Pb in coin silver from the Bosporan Kingdom [41; 5; 1] and silver ores of the main mining regions of the Roman Imperia [11; 8; 22; 34]

1. Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Смекалова Т.Н. Исследование серебряных античных монет методами РФА и изотопного состава Pb (фонды Анапского археологического музея) // Сибирские исторические исследования. История. 2020. № 2. С. 148–169. https://doi.org/10.17223/2312461X/28/10.
2. Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Пельгунова Л.А., Родинкова В.Е., Столярова Д.А. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // Stratum plus. 2017. № 5. С. 41–56.
3. Чернышев И.В., Чугаев А.В., Шатагин К.Н. Высокоточный изотопный анализ Pb методом многоколлекторной ICP-масс-спектрометрии с нормированием по 205Tl/203Tl: оптимизация и калибровка метода для изучения вариаций изотопного состава Pb // Геохимия. 2007. № 11. С. 1155–1168.
4. Чугаев А.В., Чернышев И.В., Лебедев В.А., Еремина А.В. Изотопный состав свинца и происхождение четвертичных лав вулкана Эльбрус (Большой Кавказ, Россия): данные высокоточного метода MC-ICP-MS // Петрология. 2013. Т. 21(1). С. 20–33.
5. Abramzon M.G., Saprykina I.A., Chugaev A.V., Presnyakova N.N., Tereschenko E.Yu. Chemical and Pb-Isotopic Characteristics of Metal of Silver Coins of the Bosporus and Ionia Dated from the 5th to 1st centuries BC // Nanobiotechnology Reports. 2021. Vol. 16 (5). P. 616–622.
6. Albaréde F., Blichert-Toft J., de Callataÿ F., Davis G., Debernardi P., Gentelli L., Gitler H., Kemmers F., Klein S. From Commodity to Money: the Rise of Silver Coinage around the Ancient Mediterranean (sixth – first centuries BCE) // Archaeometry. 2021. Vol. 63(1). P. 142–155.
7. Albaréde F., Blichert-Toft J., Rivoal M., Telouk P. A glimpse into the Roman finances of the Second Punic War through silver isotopes // Geochemical Perspectives Letters. 2016. Vol. 2. P. 127–137.
8. Angelini I., Canovaro C., Venturino M., Artioli G. The Silver Treasure of Marengo: Silver Provenancing and Insights into Late Antiquity Roman and Gallo-Roman Hoards // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11(9). P. 4959–4970.
9. Artioli G., Canovaro C., Nimis P., Angelini I. LIA of Prehistoric Metals in the Central Mediterranean Area: A Review // Archaeometry. 2020. Vol. 62(5). P. 1079–1079.
10. Barnes I.L., Gramlich J.W., Diaz M.G., Brill R.H. The Possible Change of Lead Isotope Ratios in the Manufacture of Pigments: A Fractionation Experiment // Archaeological Chemistry-II. 1978. Vol. 171. P. 273–277.
11. Baron S., Carignan J., Laurent S., Ploquin A. Medieval Lead Making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): Tracing Ore Sources Using Pb Isotopes // Applied Geochemistry. 2006. Vol. 21(2). P. 241–252.
12. Baron S., Tămaş C.G., Cauuet B., Munoz M. Lead Isotope Analyses of Gold-silver Ores from Roşia Montană (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia) // Journal of Archeological Science. 2011. Vol. 38(5). P. 1090–1100.
13. Birch T., Kemmers F., Klein S., Seitz H.-M., Höfer H.E. Silver for the Greek Colonies: Issues Analysis and Preliminary Results from a Large-scale Coin Sampling Project // Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History / Eds. K.A. Sheedy, G. Davis. The Royal Numismatic Society. Special Publication No. 56. London, 2020. P. 102.
14. Birch T., Westner K.J., Kemmers F., Klein S., Höfer H.E., Seitz H.-M. Retracing Magna Graecia's silver: coupling lead isotopes with a multi-standard trace element procedure // Archaeometry. 2019. Vol. 62(5). P. 1–28.
15. Blichert-Toft J., Callataÿ F., Telouk P., Albarède F. Origin and fate of the greatest accumulation of silver in ancient history // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. Vol. 14. Article 64.
16. Brill R.H., Wampler J.M. Isotope Studies of Ancient Lead // American Journal of Archaeology. 1967. Vol. 71(1). P. 63–77.
17. Ceyhan N. Lead Isotope Geochemistry of Pb-Zn Deposits from Eastern Taurides, Turkey // Master's Thesis, Graduate School of Natural and Applied Sciences of the Middle East Technical University, Ankara, Turkey. Ankara, 2003. P. 55–62.
18. Chugaev A., Merkel S., Zaytseva I.E. Lead Isotopic Characteristics and Metal Sources for the Jewelry

in the Medieval Rural Settlements from the Suzdal Region (Kievan Rus') // Metalla, History. 2020. Vol. 25(2). P. 101–125.
19. Craddock P. Production of Silver across the Ancient World // ISIJ International. 2014. Vol. 54(5). P. 1085.
20. Davis G. The Rise of Silver Coinage in the Ancient Mediterranean. 2021. URL: https://www.asor.org/anetoday/2021/12/rise-of-silver-coinage.
21. Davis G., Gore D.B., Sheedy K.A., Albaréde F. Separating silver sources of Archaic Athenian coinage by comprehensive compositional analyses // Journal of Archaeological Science. 2020. Vol. 114. P. 105068. https://doi.org/10.1016/j.jas.2019.105068.
22. Durali-Mueller S., Brey G.P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y. Roman Lead Mining in Germany: its Origin and Development through Time Deduced from Lead Isotope Provenance Studies // Journal of Archaeological Science. 2007. Vol. 34(10). P. 1555–1567.
23. Eshel T., Erel Y., Yahalom-Mack N., Tirosh O., Gilboa A. From Iberia to Laurion: Interpreting Changes in Silver Supply to the Levant in the Late Iron Age Based on Lead Isotope Analysis // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. Vol. 14. Article 120.
24. Forbes R.J. Metallurgy in Antiquity: A Notebook for Archaeologists and Technologists. Brill, Leiden, 1950. 480 p.
25. Gale N.H., Stos-Gale Z. Lead and Silver in the Ancient Aegean // Scientific American. 1981. Vol. 244(6). P. 176–193.
26. Gale N.H., Stos-Gale Z.A. Cycladic lead and silver metallurgy // Annual of British School at Athens. 1981. Vol. 76. P. 169–224.
27. Gold-Silver-Telluride Deposits of the Golden Quadrilateral, South Apuseni Mts., Romania. Guidebook of the International Field Workshop of IGCP project 486, Alba Iulia, Romania, 31st August – 7th September 2004 / Eds. N.J. Cook, C.L. Ciobani. 2014. 266 p. (IAGOD Guidebook Series, 12).
28. Grögler N., Geiss J., Grünenfelder M., Houtermans F.C. Isotopenuntersuchungen zur Bestimmung der Herkunft römischer Bleirohre und Bleibarren // Zeitschrift für Naturforschung. 1966. Bd. 21a. S. 1167–1172.
29. Kassianidou V. Extraction of silver from complex poly-metallic ores. The evidence from Monte Romero // Mining and Metal Production through the Ages / Eds. P. Craddock, J. Lang. London: The British Museum Press, 2003. P. 198–206.
30. Kershaw J., Merkel S.W., Oravisjärvi J., Kooijman E., Kielman-Schmitt M. The scale of dirham imports to the Baltic in the ninth century: New evidence from archaeometric analyses of early Viking-Age silver // Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research. 2021. Bd. 116(3). P. 185–204.
31. Merkel S.W. Provenancing Viking Age silver: methodological and theoretical considerations and a case study // Silver, Butter, Cloth: Monetary and Social Economies in the Viking Age / Eds. J. Kershaw, G. Williams. Oxford: University Press, 2019. P. 206–226.
32. Merkel S., Hauptmann A., Hilberg V., Lehmann R. Isotopic analysis of silver from Hedeby and some nearby hoards // Viking Worlds. Things, spaces and movement / Ed. M.H. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen, H. Berg. Oxford: Oxbow, 2015. P. 193–210.
33. Merkel S., Sverchkov L., Hauptmann A., Hilberg V., Bode M., Lehmann R. Analysis of Slag, Ore and Silver from the Tashkent and Samarkand Areas: Medieval Silver Production and the Coinage of Samanid Central Asia // Archäometrie und Denkmalpflege. 2013. P. 62–66.
34. Milot J., Blichert-Toft J., Sanz M.A., Malod-Dognin C., Télouk P., Albaréde F. Silver isotope and volatile trace element systematics in galena samples from the Iberian Peninsula and the quest for silver sources of Roman coinage // Geology. 2022. Vol. 50. P. 422–426.
35. Monna F., Hamer K., Lévêque J., Sauer M. Pb isotopes as a reliable marker of early mining and smelting in the Northern Harz province (Lower Saxony, Germany) // Journal of Geochemical Exploration. 2000. Vol. 68(3). P. 201–210.
36. Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector Icp-Ms: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and their Possible Relation with Ore Deposits of the Erzgebirge // Archaeometry. 2003. Vol. 45(1). P. 61–100.

37. Pernicka E. Provenance Determination of Archaeological Metal Objects // Archaeometallurgy in Global Perspective. Methods and Syntheses. Chapter: Provenance Determination of Archaeological Metal Objects / Eds. B.W. Roberts, C. Thornton. Springer, 2014. P. 239–268.
38. Pollard A.M., Heron C. Archaeological Chemistry. Cambridge: RSC Publishing, 2008. 437 p. https://doi.org/10.1039/9781847558299.
39. Ponting M.J. Recycling and Roman Silver Coinage // Recycling and Reuse in the Roman Economy / Eds. C.N. Duckworth, A. Wilson. Oxford: University Press, 2020. P. 265–284.
40. Ponting M., Evans J.A., Pashley V. Fingerprinting of Roman mints using laser-ablation MC-ICP-MS lead isotope analysis // Archaeometry. 2003. Vol. 45(4). P. 591–597.
41. Saprykina I.A., Chugaev A.V., Gunchina O.L., Pelgunova L.A. XRF- and Pb-Pb Isotopic Analyses of the Hoard Coins // The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosporus (a Hoard from Phanagoria) / Eds. V.D. Kuznetsov, G.R. Tsetskhladze. Leuven, Paris, Bristol: Peeters Publ., 2021. P. 59–80. (Colloquia Antiqua, 34).
42. Stos-Gale Z.A., Davis G. The Minting/Mining Nexus: New Understandings of Archaic Greek Silver Coinage from Lead Isotope Analysis // Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History / Eds. K.A. Sheedy, G. Davis. London, 2020. P. 87–100. (Metallurgy in Numismatics, 6).
43. Stos-Gale Z., Gale N. Metal provenancing using isotopes and the Oxford archaeological lead isotope database (OXALID) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2009. Vol. 1. P. 195–213.
44. Tite M.S. In defence of lead isotope analysis // Antiquity. 1996. Vol. 70(270). P. 959–962.
45. Vaxevanopoulos M., Blichert-Toft J., Davis G., Albarède F. New findings of ancient Greek silver sources // Journal of Archaeological Science. 2021. Vol. 137. P. 03375078. https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105474.
46. Vaxevanopoulos M., Davis G., Milot J., Blichert-Toft J., Malod-Dognin C., Albaréde F. Narrowing provenance for ancient Greek silver coins using Ag isotopes and Sb contents of potential ores // Journal of Archaeological Science. 2022. Vol. 145. P. 105645. https://doi.org/10.1016/j.jas.2022.105645.
47. Wertime T.A. The Beginnings of Metallurgy: A New Look // Sciences. New Series. 1973. Vol. 182(4115). P. 883.
48. Westner K.J., Birch T., Kemmers F., Klein S., Höfer H.E., Seitz H.-M. Rome`s rise to power. Geochemical analysis of silver coinage from the Western Mediterranean (fourth to second centuries BCE) // Archaeometry. 2020. Vol. 62(3). P. 577–592.
49. Zartman R.E. Lead isotopic provinces in the cordillera of the western United States and their geologic significance // Economic Geology. 1974. Vol. 69. P. 792–805.

REFERENCES

1. Saprykina I.A., Chugaev A.V., Abramzon M.G., Novichikhin A.M., Smekalova T.N. Investigating Ancient Silver Coins Via XRF Analysis and Pb-Isotopic Method (Anapa Archaeological Museum Collections). *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2020, vol. 2, pp. 148–169. https://doi.org/10.17223/2312461X/28/10.
2. Saprykina I.A., Chugaev A.V., Pel'gunova L.A., Rodinkova V.E., Stoliarova D.A. On the sources of silver imports into the Dnieper region in the Early Middle Ages (based on the materials of the Sudzha-Zamostie collection of finds). *Stratum plus*, 2017, vol. 5, pp. 41–56.
3. Chernyshev I.V., Chugaev A.V., Shatagin K.N. High-Precision Pb Isotope Analysis by Multicollector-Icp-Mass-Spectrometry Using ^{205}tl/ ^{203}tl Normalization: Optimization and Calibration of the Method for the Studies of Pb Isotope Variations. *Geochemistry*, 2007, vol. 11, pp. 1155–1168.
4. Chugaev A.V., Chernyshev I.V., Lebedev V.A., Eremina A.V. Lead Isotope Composition and Origin of the Quaternary Lavas of Elbrus Volcano, the Greater Caucasus: High-Precision Mc-Icp-Ms Data. *Petrology*, 2013, vol. 21(1), pp. 20–33.
5. Abramzon M.G., Saprykina I.A., Chugaev A.V., Presnyakova N.N., Tereschenko E.Yu. Chemical and

Pb-Isotopic Characteristics of Metal of Silver Coins of the Bosporus and Ionia Dated from the 5th to 1st centuries BC. *Nanobiotechnology Reports*, 2021, vol. 16(5), pp. 616–622.
6. Albaréde F., Blichert-Toft J., de Callataÿ F., Davis G., Debernardi P., Gentelli L., Gitler H., Kemmers F., Klein S. From Commodity to Money: the Rise of Silver Coinage around the Ancient Mediterranean (sixth – first centuries BCE). *Archaeometry*, 2021, vol. 63(1), pp. 142–155.
7. Albaréde F., Blichert-Toft J., Rivoal M., Telouk P. A glimpse into the Roman finances of the Second Punic War through silver isotopes. *Geochemical Perspectives Letters*, 2016, vol. 2, pp. 127–137.
8. Angelini I., Canovaro C., Venturino M., Artioli G. The Silver Treasure of Marengo: Silver Provenancing and Insights into Late Antiquity Roman and Gallo-Roman Hoards. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, vol. 11(9), pp. 4959–4970.
9. Artioli G., Canovaro C., Nimis P., Angelini I. LIA of Prehistoric Metals in the Central Mediterranean Area: A Review. *Archaeometry*, 2020, vol. 62(5), pp. 1079–1079.
10. Barnes I.L., Gramlich J.W., Diaz M.G., Brill R.H. The Possible Change of Lead Isotope Ratios in the Manufacture of Pigments: A Fractionation Experiment. *Archaeological Chemistry-II*, 1978, vol. 171, pp. 273–277.
11. Baron S., Carignan J., Laurent S., Ploquin A. Medieval Lead Making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): Tracing Ore Sources Using Pb Isotopes. *Applied Geochemistry*, 2006, vol. 21(2), pp. 241–252.
12. Baron S., Tămaş C.G., Cauuet B., Munoz M. Lead Isotope Analyses of Gold-silver Ores from Roşia Montană (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia). *Journal of Archeological Science*, 2011, vol. 38(5), pp. 1090–1100.
13. Birch T., Kemmers F., Klein S., Seitz H.-M., Höfer H.E. Silver for the Greek Colonies: Issues Analysis and Preliminary Results from a Large-scale Coin Sampling Project. Sheedy K.A., Davis G. (Eds.), *Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History*, London, 2020, p. 102.
14. Birch T., Westner K.J., Kemmers F., Klein S., Höfer H.E., Seitz H.-M. Retracing Magna Graecia's silver: coupling lead isotopes with a multi-standard trace element procedure. *Archaeometry*, 2019, vol. 62(5), pp. 1–28.
15. Blichert-Toft J., Callataÿ F., Telouk P., Albarède F. Origin and fate of the greatest accumulation of silver in ancient history. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022, vol. 14, article 64.
16. Brill R.H., Wampler J.M. Isotope Studies of Ancient Lead. *American Journal of Archaeology*, 1967, vol. 71(1), pp. 63–77.
17. Ceyhan N. Lead Isotope Geochemistry of Pb-Zn Deposits from Eastern Taurides, Turkey. *Master's Thesis, Graduate School of Natural and Applied Sciences of the Middle East Technical University, Ankara, Turkey*, Ankara, 2003, pp. 55–62.
18. Chugaev A., Merkel S., Zaytseva I.E. Lead Isotopic Characteristics and Metal Sources for the Jewelry in the Medieval Rural Settlements from the Suzdal Region (Kievan Rus'). *Metalla, History*, 2020, vol. 25(2), pp. 101–125.
19. Craddock P. Production of Silver across the Ancient World. *ISIJ International*, 2014, vol. 54(5), pp. 1085.
20. Davis G. *The Rise of Silver Coinage in the Ancient Mediterranean*. 2021. URL: https://www.asor.org/anetoday/2021/12/rise-of-silver-coinage.
21. Davis G., Gore D.B., Sheedy K.A., Albaréde F. Separating silver sources of Archaic Athenian coinage by comprehensive compositional analyses. *Journal of Archaeological Science*, 2020, vol. 114, p. 105068. https://doi.org/10.1016/j.jas.2019.105068.
22. Durali-Mueller S., Brey G.P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y. Roman Lead Mining in Germany: its Origin and Development through Time Deduced from Lead Isotope Provenance Studies. *Journal of Archaeological Science*, 2007, vol. 34(10), pp. 1555–1567.
23. Eshel T., Erel Y., Yahalom-Mack N., Tirosh O., Gilboa A. From Iberia to Laurion: Interpreting Changes in Silver Supply to the Levant in the Late Iron Age Based on Lead Isotope Analysis. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022, vol. 14, article 120.
24. Forbes R.J. *Metallurgy in Antiquity: A Notebook for Archaeologists and Technologists*. Brill, Leiden, 1950, 480 p.
25. Gale N.H., Stos-Gale Z. Lead and Silver in the Ancient Aegean. *Scientific American*, 1981, vol. 244(6),

pp. 176–193.
26. Gale N.H., Stos-Gale Z.A. Cycladic lead and silver metallurgy. *Annual of British School at Athens*, 1981, vol. 76, pp. 169–224.
27. Cook N.J., Ciobani C.L. (Eds.), *Gold-Silver-Telluride Deposits of the Golden Quadrilateral, South Apuseni Mts., Romania. Guidebook of the International Field Workshop of IGCP project 486, Alba Iulia, Romania, 31st August – 7th September 2004*. 2014, 266 p. (IAGOD Guidebook Series, 12).
28. Grögler N., Geiss J., Grünenfelder M., Houtermans F.C. Isotopenuntersuchungen zur Bestimmung der Herkunft römischer Bleirohre und Bleibarren. *Zeitschrift für Naturforschung*, 1966, Bd. 21a, pp. 1167–1172.
29. Kassianidou V. Extraction of silver from complex poly-metallic ores. The evidence from Monte Romero. Craddock P., Lang J. (Eds.), *Mining and Metal Production through the Ages*, London, The British Museum Press, 2003, pp. 198–206.
30. Kershaw J., Merkel S.W., Oravisjärvi J., Kooijman E., Kielman-Schmitt M. The scale of dirham imports to the Baltic in the ninth century: New evidence from archaeometric analyses of early Viking-Age silver. *Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research*, 2021, Bd. 116(3), pp. 185–204.
31. Merkel S.W. Provenancing Viking Age silver: methodological and theoretical considerations and a case study. Kershaw J., Williams G. (Eds.), *Silver, Butter, Cloth: Monetary and Social Economies in the Viking Age*, Oxford University Press, 2019, pp. 206–226.
32. Merkel S., Hauptmann A., Hilberg V., Lehmann R. Isotopic analysis of silver from Hedeby and some nearby hoards. Eriksen M.H., Pedersen U., Rundberget B., Axelsen I., Berg H. (Eds.), *Viking Worlds. Things, spaces and movement*, Oxford, Oxbow Publ., 2015, pp. 193–210.
33. Merkel S., Sverchkov L., Hauptmann A., Hilberg V., Bode M., Lehmann R. Analysis of Slag, Ore and Silver from the Tashkent and Samarkand Areas: Medieval Silver Production and the Coinage of Samanid Central Asia. *Archäometrie und Denkmalpflege*, 2013, pp. 62–66.
34. Milot J., Blichert-Toft J., Sanz M.A., Malod-Dognin C., Télouk P., Albaréde F. Silver isotope and volatile trace element systematics in galena samples from the Iberian Peninsula and the quest for silver sources of Roman coinage. *Geology*, 2022, vol. 50, pp. 422–426.
35. Monna F., Hamer K., Lévêque J., Sauer M. Pb isotopes as a reliable marker of early mining and smelting in the Northern Harz province (Lower Saxony, Germany). *Journal of Geochemical Exploration*, 2000, vol. 68(3), pp. 201–210.
36. Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector Icp-Ms: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and their Possible Relation with Ore Deposits of the Erzgebirge. *Archaeometry*, 2003, vol. 45(1), pp. 61–100.
37. Pernicka E. Provenance Determination of Archaeological Metal Objects. Roberts B.W., Thornton C. (Eds.), *Archaeometallurgy in Global Perspective. Methods and Syntheses. Chapter: Provenance Determination of Archaeological Metal Objects*, Springer, 2014, pp. 239–268.
38. Pollard A.M., Heron C. *Archaeological Chemistry.* Cambridge, RSC Publishing, 2008, 437 p. https://doi.org/10.1039/9781847558299.
39. Ponting M.J. Recycling and Roman Silver Coinage. Duckworth C.N., Wilson A. (Eds.), *Recycling and Reuse in the Roman ,* Oxford University Press, 2020, pp. 265–284.
40. Ponting M., Evans J.A., Pashley V. Fingerprinting of Roman mints using laser-ablation MC-ICP-MS lead isotope analysis. *Archaeometry*, 2003, vol. 45(4), pp. 591–597.
41. Saprykina I.A., Chugaev A.V., Gunchina O.L., Pelgunova L.A. XRF- and Pb-Pb Isotopic Analyses of the Hoard Coins. Kuznetsov V.D., Tsetskhladze G.R. (Eds.), *The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosporus (a Hoard from Phanagoria)*, Leuven, Paris, Bristol, Peeters Publ., 2021, pp. 59–80. (Colloquia Antiqua, 34).
42. Stos-Gale Z.A., Davis G. The Minting/Mining Nexus: New Understandings of Archaic Greek Silver Coinage from Lead Isotope Analysis. Sheedy K.A., Davis G. (Eds.), *Mines, Metals, and Money. Ancient World Studies in Science, Archaeology and History*, London, 2020, pp. 87–100. (Metallurgy in Numismatics, 6).
43. Stos-Gale Z., Gale N. Metal provenancing using isotopes and the Oxford archaeological lead isotope

database (OXALID). *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2009, vol. 1, pp. 195–213.
44. Tite M.S. In defence of lead isotope analysis. *Antiquity*, 1996, vol. 70(270), pp. 959–962.
45. Vaxevanopoulos M., Blichert-Toft J., Davis G., Albarède F. New findings of ancient Greek silver sources. *Journal of Archaeological Science*, 2021, vol. 137, 03375078. https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105474.
46. Vaxevanopoulos M., Davis G., Milot J., Blichert-Toft J., Malod-Dognin C., Albaréde F. Narrowing provenance for ancient Greek silver coins using Ag isotopes and Sb contents of potential ores. *Journal of Archaeological Science*, 2022, vol. 145, 105645. https://doi.org/10.1016/j.jas.2022.105645.
47. Wertime T.A. The Beginnings of Metallurgy: A New Look. *Sciences. New Series*, 1973, vol. 182(4115), P. 883.
48. Westner K.J., Birch T., Kemmers F., Klein S., Höfer H.E., Seitz H.-M. Rome`s rise to power. Geochemical analysis of silver coinage from the Western Mediterranean (fourth to second centuries BCE). *Archaeometry*, 2020, vol. 62(3), pp. 577–592.
49. Zartman R.E. Lead isotopic provinces in the cordillera of the western United States and their geologic significance. *Economic Geology*, 1974, vol. 69, pp. 792–805.

Информация об авторах

Чугаев А. В. – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории изотопной геохимии и геохронологии Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Researcher ID J-6713-2018, Scopus ID 57214957595.

Сапрыкина И. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID F-3875-2014, Scopus ID 55513038300.

Authors information

Chugaev A. V. – Candidate of Science (Geology and Mineralogy), Leading Researcher of the Laboratory of Isotope Geochemistry and Geochronology of the Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry of RAS, Researcher ID J-6713-2018, Scopus ID 57214957595.

Saprykina I. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Department of Archaeological Heritage Conservation of the Institute of Archeology of RAS, Researcher ID F-3875-2014, Scopus ID 55513038300.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.491-495

МОНЕТНЫЕ ВЫПУСКИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО 239–227 ГГ. ДО Н.Э.

Игорь Валентинович Шонов
Институт археологии Крыма Россиской академии наук, Симферополь, Россия
aspyrg@gmail.com

Аннотация. Благодаря появлению нового типа медной монеты Херсонеса Таврического с монограммой Н, которая принадлежит царю Сирии Антиоху Гиераксу (время правления 242–227 гг. до н.э.), появилась аргументируемая возможность датировать медные и серебряные монеты Херсонеса, чеканенные в 239–228 гг. до н.э. Прочтение монограмм Антиоха Гиеракса, а также предположение, что на медных халках Херсонеса изображена голова Антиоха Гиеракса, подводит к выводу, что Херсонес в исследуемую эпоху был сатрапией царства Селевкидов.

Ключевые слова: Антиох, халк, монограмма, Херсонес Таврический, Гиеракс, девятиобол

COIN ISSUES OF TAURIC CHERSONESE IN 239–227 BC

Igor' V. Shonov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
aspyrg@gmail.com

Abstract. After the appearance of a new type of copper coin of Tauric Chersonese featuring the monogram H of the King of Syria Antiochus Hierax (reigned in 242–227 BC), there appeared an opportunity to date the copper and silver coins of Chersonese minted in 239–228 BC. From the reading of the monograms of Antiochus Hierax and the assumption that the head of Antiochus Hierax is depicted on the copper *chalkoi* of Chersonese, there are reasons to infer that Chersonese in the years under study was a satrapy of the Seleucid Kingdom.

Keywords: Antiochus, *chalkos*, monogram, Tauric Chersonese, Hierax, nine-obol

В III в. до н.э. Херсонес Таврический входил в зону экономического влияния такого крупного государства, как Сирия. На сегодняшний день единственным доказательством этому являются монеты Херсонеса и царства Селевкидов. Ранее вышла в свет работа на эту тему, в которой были опубликованы серебряные монеты Херсонеса 246–189 гг. до н.э. На крупных номиналах этих монет присутствуют монограммы, которые позволили видеть в них имена сирийских правителей: Антиоха II Теоса (монограмма **А**), Селевка II Каллиника с братом Антиохом III Гиераксом (с монограммой **КН**), а также самостоятельные выпуски Антиоха III Гиеракса (с монограммой **Н**), следующий выпуск серебра Селевка III Сотера, Керавна (монограмма **К**).

© Шонов И.В., 2022

Завершают эти выпуски девятиобольников серебряные монеты с монограммой Антиоха III Великого (). Данные монограммы позволили определить более точные датировки этих серебряных монет [7, с. 427–435]. С датировками медных монет, которые чеканились в это же время, было сложнее, т.к. эта медь не имела на своих реверсах никаких монограмм. Все датировки этих медных монет на сегодняшний день условны и далеки от реальных. К таким монетам относятся медные халки типа «Мужская голова в диадеме вправо – ХЕР, палица, внизу одно из имен: ΘΕΝΟΚΛΕΟ, ΧΟΡΕΙΟΥ, ΑΡΧΙΚΛΕ, ΒΟΛΛΙΩΝ, ΜΑΤΡ, ΔΕΛΦΟΥ». В. А. Анохин датировал эти медные выпуски 200–190 гг. до н.э. [2, с. 118–119]. Ранее эти медные монеты были датированы 210–200 гг. до н.э. [1, с. 144]. А. Н. Зограф датировал эти монеты 350–300 гг. до н.э. [4, табл. XXXVI, № 15].

В марте 2020 года коллекционером из г. Севастополя мне была показана одна редчайшая медная монета данного типа (рис. 1,*2*).

Л. С. Мужская голова в диадеме вправо.

О. С. ХЕР, палица влево; внизу ХОРЕІОУ, под именем монограмма **Н**. Вес 2,32 г.

Данная медная монета послужила исходной точкой в хронологии медных выпусков изучаемого периода. Очевидно, что монограмма **Н**, как и на серебряных девятиоболах [7, с. 431], является закодированным именем сирийского правителя Антиоха III Гиеракса (Hierax), правившего в Сирии в 242–227 гг. до н.э. Этот могущественный царь Сирии имел огромное влияние на Причерноморье, что подтверждает выпуск золотых статеров лисимаховского типа в Византии [8, с. 245–250]. В 246 г. до н.э. Лаодика, бывшая жена Антиоха II, отравила царя Сирии – Антиоха II Теоса, убив его жену Беренику и ее малолетнего сына. В этом же году Лаодика возвела на престол своего старшего сына – Селевка II Каллиника. При помощи интриг Лаодика разделила Сирию (по-видимому, и ее сатрапии) на две части, между двумя братьями – Селевком II и Антиохом Гиераксом [6, с. 38]. Правление двух братьев, во избежание борьбы за власть в Сирии, производилось по принципу соправительства, о котором свидетельствуют последовательные записи с датами в клинописных текстах и других письменных источниках [Memn., 12; Ср.: Paus., I, 16, 2; App. Syr., 62; Plut. Demet., 38]. Оба брата носили царский титул [Welles., 32; Plut. Demet., 38]. Селевк II Каллиник правил востоком страны. На западе правил Антиох Гиеракс. Несмотря на это, по всей Сирии оба брата упоминаются в официальной формуле надписей [3, с. 23–24]. Исходя из известного количества имен на монетах из серебра и меди, распределив их на каждый год, получается, что начало чеканки в Херсонесе от имени двух братьев произошло приблизительно в 239 г. до н.э. Столь долгое хронологическое отсутствие монетной чеканки в Херсонесе может объясняться большим количеством войн в Сирии, которые вели оба брата. Селевк II воевал с Птолемеем [5, с. 125]. Гиеракс тоже воевал с Птолемеем и пергамским царем Атталом, а также со своим братом Селевком II. Но лишь когда братья объединились, они смогли противостоять Египту [5, с. 125–126]. Из всего вышесказанного следует, что хронологический отрезок чеканки медных монет формируется с 239 г. до н.э. до года смерти Антиоха Гиеракса, т.е. 226 г. до н.э.

К чеканке монет в Херсонесе до 239 г. до н.э. можно отнести халки без имени типа «мужская голова в диадеме вправо – ХЕР, палица вправо» (рис. 1,*1*). К 238 г. до н.э. можно отнести серебряные девять оболов типа «голова безбородого Геракла в львином скальпе вправо, внизу палица – Дева на троне влево, в правой руке держащая стрелу, за спиной MENEZ, справа монограмма **К**, под троном монограмма **Н**» [7, с. 434, рис. 1,3]. В 237 г. до н.э. чеканится такая же серебряная монета, но с именем ZΩIΛOY, за спиной богини монограмма **К**, под троном монограмма **Н** [7, с. 434, рис. 1,4]. 236 г. до н.э. – год окончания войны между братьями, очевидно, что в этот год произошел раздел территории Сирии и ее сатрапии. Очевидно, что в этом году Херсонес достался Антиоху Гиераксу. На серебряных монетах этого года исчезает монограмма Каллиника (**К**). К этому году можно отнести серебряные девять оболов с именем ZΩIΛOY и монограммой **Н** под троном [7, с. 433–434, рис. 1,5]. 235 г. до н.э. отмечен серебряным девятиоболом с именем ZΩIΛOY и монограммой **Н** внизу слева [7, с. 433–434, рис. 1,6]. Очевидно, что в 234 г. до н.э. чеканятся серебряные монеты с именем HPΩIΔA, внизу слева монограмма **Н** [7, с. 433–434, рис. 1,7]. К 233 г. до н.э. можно отнести девять оболов с именем MENE, монограмма **Н** под троном [7, с. 433–434, рис. 1,8]. К следующему 232 г. до н.э. относится уникальная монета – халк с монограммой **Н** (рис. 1,*2*). Диадема, украшающая портрет, указывает, что это царь, а монограмма **Н** подтверждает его имя – Антиох Гиеракс (Hierax). Если это так, то портрет царя на медном дихалке подтверждает тот факт, что Херсонес являлся сатрапией Селевкидов. По-видимому, в этом же году монограмма **Н** на дихалках за ненадобностью исчезает. В этом году чеканится старший медный номинал этой серии – дихалк типа «голова Девы вправо; слева лук и колчан – лежащая лань влево; в обрезе ХОРЕIOY» [1, с. 28–29; 2, с. 118–119, № 771]. Так как существует еще один старший номинал медной серии с именем ΘENOKΛEO [2, с. 118–119, № 770], то очевидно, что серию медных монет дихалк и халк [Classical Numismatic Group, Inc., Electronic Auction 351, лот 231, вес 2,31 г] (рис. 1,*3*) можно отнести к 231 г. до н.э. К следующим трем годам 230–228 гг. до н.э. могут относиться халки с именами ΔEΛФOY [2, с. 119, № 780], APXIKΛEO (частная коллекция), BOΛΛIΩN [Roma Numismatics Ltd, E-Sale 71 (28 05 2020) Lot: 112, вес 1,43 г] (рис. 1,*4–6*). К 227 г. до н.э. относится последний выпуск медного халка с именем MATPOΔ (рис. 1,*7*). В этом же году Антиох Гиеракс бежал в Финикию, где попал в плен. В следующем 226 г. до н.э. при попытке к бегству Гиеракс был убит. В этом же году к власти в Сирии пришел Селевк III Керавн. Таким образом, новый тип медного халка с монограммой **Н**, позволил в обратном порядке, пользуясь 226 г. до н.э., как годом смерти Гиеракса, определить годы выпуска херсонесских монет этого сирийского правителя.

Рис. 1. Медные монеты Херсонеса Таврического 239–227 гг. до н.э.
Fig. 1. Copper coins of Tauric Chersonese from 239–227 BC

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса: (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
3. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М.: Наука, 1985. 264 с.
4. Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с. (МИА. № 16).
5. Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. 192 с.
6. Левек П. Эллинистический мир / Пер. с франц. Е.П. Чиковой. М.: Наука, 1989. 251 с.
7. Шонов. И.В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 246–189 гг. до н.э. // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 427–437.
8. Шонов И.В. Монеты сирийских царей в Причерноморье 242–223 гг. до н.э. // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VII Международный нумизматический симпозиум / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 245–250.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog* [Antique coins of the Northern Black Sea region: Catalog]. Kiev, Stilos Publ., 2011, 328 p.
3. Bikerman E. *Gosudarstvo Selevkidov* [State of the Seleucids]. Transl. L.M. Gluskina. Moskow, Nauka Publ., 1985, 264 p.
4. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 308 p.
5. Zhigunin V.D. *Mezhdunarodnye otnosheniia ellinisticheskikh gosudarstv v 280–220 gg. do n.e.* [International relations of the Hellenistic states in 280–220 BC]. Kazan, Kazanskii universitet Publ., 1980, 192 p.
6. Levek P. *Ellinisticheskii mir* [Hellenistic world]. Transl. E.P. Chikova. Moskow, Nauka Publ., 1989. 251 p.
7. Shonov I.V. Silver coin issues of Tauric Chersonese in 246–189 BC. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 427–437.
8. Shonov I.V. The Coins of the Kings of Syria in the Black Sea Area in 242–223 BC. Alekseenko N.A. (ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. 7th International numismatic symposium], Simferopol, 2020, pp. 245–250.

Информация об авторе

Шонов И. В. – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABH-1185-2021.

Author information

Shonov I. V. – Junior Researcher, Institute of Archeology of Crimea of RAS, Researcher ID: ABH- 1185-2021.

ИСТОРИЯ

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.496-508

К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ АРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

Виктор Николаевич Зинько
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
zinko@bfdemetra.org, https://orcid.org/0000-0001-6208-7293

Аннотация. Проводимые в последние годы исследования Тиритаки дали много новых результатов о архаическом этапе жизни этого боспорского города. Создание градостроительной структуры Тиритаки можно датировать с 540–530 до 480–470 гг. до н.э. В этот период отчетливо выделяются две фазы – II-А и II-Б, границей которых служат горизонты двух пожаров и разрушений. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных жилых построек в центральной, а также в западной частях города, где постройки уже были другого назначения и окружали прямоугольную площадь. На ней исследованы многочисленные ямы-ботрасы с амфорами и столовой чернолаковой посудой, а также зольные пятна с разбитыми чернофигурными кубками. Весь этот участок на западной окраине города использовался в общегородских сакральных целях и являлся Западным теменосом Тиритаки. Западная городская крепостная стена строится около 520–510 гг. до н.э., после первого пожара, а слой следующего, второго пожара, датируемого около 480–470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с этой стеной. Возведенные в Тиритаке дома и теменос в 480–470 гг. до н.э. переживают второй большой пожар. Судя по неординарному жертвенно-сакральному комплексу с четырьмя лошадьми (яма-ботрас № 19), завершились эти события каким-то важным успехом для тиритакцев. Функционировал Западный теменос Тиритаки на протяжении длительного периода – с 540–530 гг. до н.э. по рубеж эр.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, архаический период, градостроительная структура, Западный теменос, сакральные постройки, ямы-ботрасы, крепостная стена

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

ON THE QUESTION OF THE SACRAL CENTRE OF ARCHAIC TYRITAKE

Viktor N. Zin'ko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
zinko@bfdemetra.org, https://orcid.org/0000-0001-6208-7293

© Зинько В.Н., 2022

Abstract. The recent years of researches at Tyritake uncovered a number of new results about the Archaic Period in the history of this Bosporan town. The urban structure of Tyritake was created from 540–530 to 480–470 BC. From this period, there are two clearly distinguished stages II-A and II-B, with the border between them as the horizons of two fires and destructions. At stages II-A, the construction of adobe-and-stone residential buildings started in the central area of the town, as well as in its western area with already existing buildings of another purpose around rectangular square. The excavations uncovered numerous storage pits with amphorae and black-slip tableware, as well as ash stains with broken black-figured goblets. The whole area on the western edge of the town was used for all-town sacral purposes and was the western *temenos* of Tyritake. The western fortification wall of the town was erected ca 520–510 BC, after the first fire; and the layer of the next, second fire, dated to ca 480–470 BC, touches the said wall. The houses and *temenos* constructed in Tyritake suffered from the second great fire in 480–470 BC. According to the extraordinary sacrificial and sacral complex with four horses (storage pit no. 19), these events ended with some important success of the Tyritake population. The western *temenos* of Tyritake was active throughout a long period, from 540–530 BC to the turn of the eras.

***Keywords*:** Cimmerian Bosporos, Tyritake, Archaic Period, town-planning system, western *temenos*, sacral buildings, storage pits, fortification wall

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

90 лет назад было начато исследование Тиритаки, которая долгие годы считалась одним из самых изученных городов европейской части Боспора. Однако, это было справедливо лишь для римского периода жизни города. Наиболее ранние периоды оставались практически не известными, за исключением участка XIV на западной городской окраине, где в предвоенные годы (1935–1940 гг.) проводил раскопки В. Ф. Гайдукевич и исследовал более тысячи квадратных метров [2, с. 74–86]. Здесь им были найдены ранняя западная крепостная стена города, а также прилегающие к ней постройки первых веков нашей эры. В южной части раскопа XIV впервые удалось непосредственно под римскими комплексами выявить два здания архаического времени, из которых наибольший интерес представляет «дом I», встроенный в крепостную стену. Он состоял из нескольких помещений, из которых в крайнем западном (помещение «А») были найдены терракоты женских божеств Деметры и Коры, керамический алтарь и прочая утварь, датируемая с 540–530 гг. до н.э. по первую треть V в. до н.э. В. Ф. Гайдукевич предположил, что в западном помещении А дома I располагалось «домашнее» святилище[1] [2, с. 85]. Длительное время этот небольшой участок с архаическими постройками оставался эталонным для характеристики ранней городской застройки Тиритаки.

В 2008 г. нами были возобновлены исследования на западной окраине Тиритаки, и через несколько лет раскопок на двух третях площади нового раскопа XXVII, включившего в себя и часть старого раскопа XIV В. Ф. Гайдукевича (рис. 1), удалось

[1] К настоящему времени каменные цоколи стен этой постройки не сохранились, а единственный изданный план схематичный и в восточной части не совсем точный. Объемная реконструкция дома I, выполненная С. Д. Крыжицким, является довольно упрощенной и вряд ли соответствует действительности [7, с. 227–228].

выйти на ранее неисследованные архаические слои. Их изучение во многом изменило представление об этом участке застройки архаической Тиритаки, в первую очередь, о времени возведения ранней западной крепостной стены и о назначении всего большого участка к востоку от нее [15, p. 57–58; 6, с. 137–140; 9, с. 22–43].

Остановимся на главных результатах проведенных исследований на раскопе XXVII, которые продолжаются и до сих пор. Во-первых, удалось не только вновь открыть на значительном протяжении западную городскую сырцово-каменную крепостную стену, но и впервые надежно ее датировать в пределах последних двух десятилетий VI в. до н.э. В соответствии с общей стратиграфией городища, это происходит в фазе II-А второго строительного периода. Весь этот II-й строительный период датируется 540–530 – 480–470 гг. до н.э. и в нем отчетливо выделяются две фазы – II-А и II-Б, границей для которых служат два горизонта пожаров (рис. 2) и разрушений [5, с. 306–308]. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных построек на всем исследуемом участке центральной части верхнего города, а также в западной части Тиритаки, где несколько зданий окружали прямоугольную незастроенную площадь. Анализ результатов старых и новейших раскопок представил возможность выдвинуть обоснованное предположение, что на этой западной окраине располагался общегородской священный участок, площадью не менее 500 м², получивший условное наименование – Западный теменос. Весь этот участок в западной части Тиритаки с самого начала создания урбанистической структуры в 540–530 гг. до н.э. был выделен не под строительство жилых городских усадеб, а под сакральные цели. Время функционирования Западного теменоса следует датировать с 540–530 гг. до н.э. и вплоть до рубежа эр, учитывая наиболее позднюю сакральную постройку в южной части священного участка [10, с. 133–146].

Западный теменос Тиритаки представлял собой незастроенную подпрямоугольную площадь (около 350 м²) и целый комплекс различных построек, располагавшихся по периметру (рис. 1; 3). На этой территории исследованы многочисленные архаические ямы-ботрасы с амфорами и столовой чернолаковой посудой (рис. 4), а также небольшие зольные пятна с разбитыми чернофигурными кубками и чашами для вина, которые в некоторых случаях собираются в целые формы[2]. Среди этих ранних чернофигурных сосудов особо выделяются довольно редкие для раннего Боспора формы аттической посуды: псиктеры и чашевидные кратеры. Так, в одной из ям-ботрасов Западного теменоса были найдены фрагменты двух чашевидных кратеров. Они производились известными афинскими мастерами Керамика, такими как Экзекий и Никосфен, и поставлялись из Аттики в ограниченных количествах. Незначительные объемы производства, очевидно, были связаны с тем, что чашевидные кратеры не предназначались для обиходного употребления. Считается, что чашевидные кратеры были изобретены «накануне перехода к демократии» как элемент обстановки наиболее изощренного по организации, наиболее элитарного

[2] Подробный анализ чернофигурной керамики из раскопок в западной и центральной частях Тиритаки см. [13].

из всех вариантов симпосия, который практиковали в высших аристократических слоях (мужского) афинского общества, а также предназначались для ритуальных дионисийских пиршеств и празднеств [1].

Среди ям-ботрасов Западного теменоса Тиритаки особый интерес представляет уникальный жертвенно-сакральный комплекс, получивший в ходе раскопок обозначение – яма № 19. Эта яма-ботрас расположена в восточной части священного участка. Ее заполнение состояло из темно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин, а также фрагментов керамики. В заполнении ямы прослеживается слой небольших камней, под которым были открыты черепа и кости четырех лошадей. Все они разновозрастные: от молодого жеребенка возрастом менее одного года и до старого самца примерно 17–20 лет, и символизируют в аллегорической форме весь состав табуна. Эти лошади, по утверждению А. К. Каспарова, являлись конями скифского типа и относились к восточно-крымской морфологической группе верховых лошадей [12]. Все три взрослые лошади, принесенные в жертву, были весьма дороги и престижны по тем временам. Также отметим, что две из них долго ходили с металлическими удилами, а одна даже имела небольшое ранение (бронзовый наконечник стрелы в ноге). Все это, вероятно, свидетельствует, что эти лошади могли участвовать в каком-то военном набеге или сражении. Поэтому их заклание и очень аккуратное расчленение, судя по положенным в яму-ботрас частям, свидетельствует как о важности и большой смысловой нагрузке этого жертвенно-сакрального действа, так и о высоком профессионализме исполнителей этого обряда. Наиболее мясные куски конских туш были оставлены для общегородского ритуального пира [11].

Под черепами трех взрослых особей находились перевернутые вверх дном три чернолаковые аттические чаши второй четверти V в. до н.э. Керамический материал из комплекса представлен также фрагментами амфор (Хиос, Лесбос, Фасос, Самос), столовой посуды и несколькими фрагментами лепных горшков. В соответствии с керамическим материалом и общей стратиграфией городища, время совершения уникального жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки следует датировать самым началом второй четверти V в. до н.э. [11].

Культ коня был хорошо известен как в Греции, так и в Скифии. В случае с последней, значение коня в жизни скифов, как и других кочевых народов, переоценить невозможно. Геродот указывает, что особое место в жертвоприношениях, производимых скифами, занимают лошади. У греков, судя по данным мифологии, элементы культа коня прослеживаются начиная с середины II тыс. до н.э. Лошадь либо являлась частью ценного имущества, либо служила проводником в другой мир, либо могла служить пищей во время церемониального поминального пира. Археологические свидетельства использования лошади в религиозной практике боспорян тесно связаны с погребальным контекстом. Однако, в случае с конским жертвоприношением из Тиритаки, его уникальность состоит в месте находки – на общегородском теменосе. Эти лошади являлись специально подготовленной жерт-

вой, о чем свидетельствуют особенности конструкции ямы-ботраса (наличие ниши, каменного заклада над уложенными лошадьми), специально подобранный состав погребенных особей табуна, наличие частей туш, традиционно оставляемых в дар богам, подсыпка из створок раковин водных моллюсков и охры, сопровождение жертвоприношения пиром, что подтверждают чаши, костные останки и стратиграфия комплекса в целом. Этот неординарный общегородской жертвенно-сакральный обряд был совершен на Западном теменосе около 475–470 гг. до н.э. в ознаменование судьбоносного для всего Тиритакского полиса события [11].

В северной части теменос был ограничен уже упоминавшейся выше большой постройкой (дом I по В. Ф. Гайдукевичу), в западном помещении «А» которой были найдены многочисленные сакральные предметы (терракоты, керамический алтарь и различные сосуды). Это помещение, по предположению В. Ф. Гайдукевича, являлось «домашним» святилищем [2, с. 85]. Однако более вероятна другая планировка и назначение всей этой постройки (дом I) – общественное святилище. Первоначально это было Г-образное здание, состоящее из четырех помещений. При строительстве крепостной стены западная часть здания оказалась перекрыта куртиной и частично осталась вне пределов города (рис. 5). А восточная часть, где В. Ф. Гайдукевичем были найдены многочисленные терракоты и прочие сакральные предметы, имеет план небольшого храма в антах. Ранее предполагалось, что при строительстве крепостной куртины два дома на западной окраине своими узкими сторонами были включены в эту стену [2, с. 86–87]. Нам же удалось установить, что часть ранних построек оказалась за пределами западной крепостной стены, а каменные цоколи других ею были даже перекрыты.

Раскопки в западной части Тиритаки позволили не только повторно открыть раннюю крепостную стену города, но и впервые исследовать все культурные слои как с внешней, так и внутренней стороны этой куртины, а также продолжить ее исследование в южном направлении. Древнейшая крепостная стена Тиритаки на западном участке имеет толщину 1,7–2,0 м. В. Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя городская стена была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию городища конных групп степных кочевников [2, с. 89]. При раскопках нами было установлено, что западная куртина строится непосредственно на слое первого пожара в 520–510 гг. до н.э., а слой следующего второго пожара, датируемого 480–470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с каменной кладкой этой стены (рис. 2) [6, с. 318]. Пожар и разрушения в Тиритаке на рубеже последних десятилетий VI в. до н.э. следует связывать с какими-то военными событиями на побережье Боспора Киммерийского, которые были вызваны известными по письменным источникам морскими экспедициями персов к северному побережью Понта [4, с. 198–199][3].

[3] Подробный анализ письменных источников о влиянии Ахеменидской Персии на ранний Боспор был сделан В. П. Яйленко [14, с. 7–11]. Там же см. библиографию вопроса. Дискуссия по этому вопросу усилилась после находки В. Д. Кузнезовым в Фанагории фрагмента персидской надписи.

С южной стороны теменоса также располагалась постройка (СК-VII), датируемая последней третью VI – первой четвертью V в. до н.э. (II-й строительный период, фаза II-А и фаза II-Б) и примыкавшая к западной крепостной стене, которая на этом участке была возведена полностью из сырцовых кирпичей. Здание СК-VII было прямоугольным и, вероятно, состояло из двух помещений (рис. 1). Особый интерес представляет помещение 1 (западное), квадратной формы и с внутренними размерами 4,35х4,65 м. Среди различных находок выделяется комплекс из пяти костяных плоских прямоугольных пластин, а также многочисленные заготовки из верхних и нижних частей рога оленя. Кроме того, на полу в центральной части помещения 1 найдены костяные инструменты, а также готовые костяные изделия: орнаментированная на токарном станке накладка и плоское кольцо. Различные поделки из кости и рога нередко встречаются при археологических исследованиях Тиритаки, однако впервые в одном помещении был выявлен комплекс, состоящий из орудий труда, заготовок для производства предметов и готовых костяных изделий. Судя по находкам, в помещении 1 СК-VII располагалась архаическая косторезная мастерская, в которой работал мастер высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе, к тому же датируемая таким ранним временем, и самая ранняя из известных на Боспоре. Среди эллинских переселенцев, прибывших в Тиритаку из Ионии, безусловно были различные ремесленники, которые сами вели весь процесс производства. В нашем случае, он начинался с распилки кости и рога. Особое внимание следует обратить на то, что тиритакский мастер использовал для работы кости и рога только местных животных [8, с. 73–79].

Позднее эта косторезная мастерская перестает функционировать и на расчищенном от нее месте зафиксированы многочисленные эллинистические ямы-ботрасы (рис. 1). К югу от них возводится святилище (СК-IX). Оно было почти квадратной формы (внутренние размеры 1,95х2,18 м) и представляло собой постройку, пристроенную к какой-то толстой каменной стене. Внутри СК-IX было заполнено развалом сырцовых стен, при его расчистке был выявлен археологический материал, который представлен в основном фрагментами амфор II – конца I в. до н.э. В помещении также был найден небольшой известняковый алтарь квадратной формы. Судя по обработке одного края верхней поверхности, алтарь устанавливался тыльной стороной к стене [10, с. 133–146]. Особо следует отметить находку в этой постройке цилиндрического предмета (высота 12,4 см) из фрагмента левой большой берцовой кости крупного рогатого скота, с прекрасно вырезанной многофигурной композицией, изображающей обнаженного бога Гарпократа со спутниками – патеками (рис. 7). По всей видимости, этот культовый предмет был спрятан в тайнике в сырцовой стене и поэтому так прекрасно сохранился. Учитывая планировку и находку сакральных предметов, можно утверждать, что постройка СК-IX с двумя сквозными входами являлась святилищем и функционировала в пределах II – конца I в. до н.э. Это небольшое одноэтажное здание, судя по найденным в нем каменному алтарю и

персонажам, изображенным на костяном вотивном предмете, предназначалось для отправления синкретического культа Диониса-Гарпократа [10, с. 133–146]. Необходимо также обратить внимание на то, что в непосредственной близости от этого святилища, за западной крепостной стеной, в насыпе вне строительных комплексов в 1937 г. была найдена мраморная статуэтка Диониса. Она датируется первой половиной III в. до н.э. и несомненно стояла в закрытом помещении, предположительно в «домашнем святилище купца-грека или состоятельного рыбопромышленника, обосновавшегося в Тиритаке» [3, с. 186]. Это дает нам основание утверждать, что в южной части Западного теменоса в эллинистическое время могло также находиться святилище или храм Диониса.

Завершая краткий обзор объектов, открытых в последние годы на Западном теменосе Тиритаки, следует подчеркнуть, что изначально, с самого момента создания урбанистической структуры города, эта территория была выделена под теменос и являлась общегородским сакральным центром. На завершающем этапе фазы II-А, при строительстве западной городской стены, часть западных построек, входящих в комплекс теменоса, была снесена и частично оказалась вне крепостной стены, но особо важные сакральные объекты были сохранены и отгорожены этой стеной. Функционировал Западный теменос на протяжении длительного периода – с 540–530 гг. до н.э. по рубеж эр. И лишь в начале I в. н.э., когда происходит тотальная перестройка всей Тиритаки, здесь начинается возведение городских усадеб с производственными комплексами – винодельнями и рыбозасолочными цистернами.

Рис. 1. Сводный план Западного теменоса (раскопы XIV и XXVII, границы раскопа В. Ф. Гайдукевича показаны пунктиром)
Fig. 1. Integrated plan of the western *temenos* (excavation trenches XIV and XXVII, with the borders of V. F. Gaidukevich's excavation trench marked by dotted line)

Рис. 2. Два слоя пожара с внешней стороны западной крепостной стены. Вид с севера
Fig. 2. Two fire layers at the outer side of the western fortification wall. Viewed from the north

Рис. 3. Южная и центральная части теменоса на раскопе XXVII, вид сверху. Фото 2017 г.
Fig. 3. The southern and central *temenos* areas in the excavation trench XXVII, viewed from above. Photographed in 2017

Рис. 4. Чернофигурная аттическая и родосско-ионийская керамика из ям-ботрасов
Fig. 4. Black-figured Attic and Rhodes-Ionian pottery from storage pits

Рис. 5. Ранние постройки, перекрытые крепостной стеной. Вид с запада
Fig. 5. Early buildings covered with a fortification wall. Viewed from the west

Рис. 6. Постройка СК-IX – святилище Диониса-Гарпократа, вид с юга
Fig. 6. The building complex CK-IX, or the temple of Dionysus-Harpocrates, viewed from the south

Рис. 7. Изделие из кости с изображением Гарпократа из СК-IX
Fig. 7. Worked bone showing Harpocrates from the building complex CK-IX

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букина А.Г. Фрагменты аттических чашевидных кратеров из Тиритаки // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLV (в печати).
2. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
3. Ернштедт Е.В. Статуэтка Диониса из Тиритаки // СА. 1941. VII. С. 174–188.
4. Зинько В.Н. Военно-политическая история европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 195–199.
5. Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI–V вв. до н.э. Киев: АДЕФ, 2014. 596 с.
6. Зинько В.Н. Городские стены позднеархаической Тиритаки // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / Ред. Д.В. Журавлев. М., 2015. С. 137–140.
7. Зинько В.Н. Жилые дома боспорского города Тиритака в графических реконструкциях // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького). Київ, 2017. С. 222–230.
8. Зинько В.Н. Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака // ПИФК. 2018. № 3(61). С. 73–79.
9. Зинько В.Н. Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLIII. С. 22–43.
10. Зинько В.Н., Зинько А.В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI. С. 133–146.
11. Зинько В.Н., Котина А.В., Каспаров А.К. Жертвенно-сакральный комплекс с Западного теменоса Тиритаки // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLV (в печати).
12. Каспаров А.К. Морфологические типы коней обнаруженных в яме № 19 // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLV (в печати).
13. Петракова А.Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб., Керчь, 2021.
14. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010. 740 с.
15. Zinko V. Tyritake in Archaic times // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus. Warzaw, 2014. P. 47–62.

REFERENCES

1. Bukina A.G. Fragments of Attic cup-shaped craters from Tiritake. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2022, vol. 45 (in print).
2. Gaidukevich V.F. Tiritake excavations in 1935–1940. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1952, no. 25, pp. 15–134.
3. Ernshtedt E.V. Statue of Dionysus from Tiritake. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1941, VII, pp. 174–188.
4. Zin'ko V.N. Military and political history of the European Bosporus (according to the latest archaeological discoveries). *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob"ekt v kontekste istorii* [XIV Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological Object in the Context of History], Kerch, 2013, pp. 195–199.
5. Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Kompleksy VI–V vv. do n.e.* [Tiritake. Excavation XXVI. Volume II. Complexes of the 6th–5th centuries BC]. Kiev, ADEF Publ., 2014, 596 p.
6. Zin'ko V.N. City walls of late archaic Tiritaki. Zhuravlev D.V. (ed.), *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiiu V.P. Tolstikova* [From Mithridates the wind blows. Bosporus and the Black Sea region in antiquity. To the 70th anniversary of V.P. Tolstikov], Moscow, 2015, pp. 137–140.
7. Zin'ko V.N. Residential buildings of the Bosporan city of Tiritake in graphic reconstructions. *Pivnichne Prichornomor'ia za antichnoi doby (na poshanu S.D. Krizhits'kogo)* [The Northern Black Sea Coast during

the ancient times (in honor of S.D. Kryzhytskyi)], Kiev, 2017, pp. 222–230.
8. Zin'ko V.N. Carving Workshop in the Bosporus City of Tyritake. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2018, vol. 3(61), pp. 73–79.
9. Zin'ko V.N. From the early history of Tyritake. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 43, pp. 22–43.
10. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Sacral complex from excavations at Bosporan city of Tyritake. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2020, vol. 41, pp. 133–146.
11. Zin'ko V.N., Kotina A.V., Kasparov A.K. Sacrificial-sacred complex from the Western temenos of Tiritake. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2022, vol. 45 (in print).
12. Kasparov A.K. Morphological types of horses found in pit No. 19. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2022, vol. 45 (in print).
13. Petrakova A.E., Bukina A.G. *Atticheskaia chernofigurnaia i chernolakovaia keramika Tiritaki* [The Attic black-figure and black-glazed pottery found in Tiritake]. St Petersburg, Kerch, 2021.
14. Iailenko V.P. *Tysiacheletnyi bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [Thousand-year Bosporan Reich. History and epigraphy of the Bosporus in the 6th century BC – 5th century AD]. Moscow, Grif & Co. Publ., 2010, 740 p.
15. Zinko V. Tyritake in Archaic times. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*, Warzaw, 2014, pp. 47–62.

Информация об авторе

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7506-2019.

Author information

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7554-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.509-512

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ГОТСКОГО ПИСЬМА

Диана Александровна Шалыга
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
d.shalyga@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Аннотация. В статье рассматривается корпус памятников готской письменности. Особое внимание уделяется локализации мастерских, изготавливавших кодексы. Большая часть известных памятников готского письма создана в Равенне и Вероне. Вторичное использование пергамента, как в монастыре Боббио, способствовало сохранению целого корпуса готских текстов.

Ключевые слова: готская Библия, Вульфила, Серебряный кодекс, Остготское королевство, Теодорих, Равенна, Верона

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

LOCALIZATION OF GOTHIC WRITING MANUSCRIPS CREATION

Diana A. Shalyga
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
d.shalyga@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Abstract. The article deals with the corpus of Gothic writing monuments. Particular attention is paid to their localization. Most of the known manuscripts were created in Ravenna and Verona. The secondary parchment use, as in the monastery of Bobbio, contributed to the preservation of a whole Gothic texts corpus.

Keywords: Gothic Bible, Wulfila, *Codex argenteus*, Ostrogothic Kingdom, Theodoric, Ravenna, Verona

Acknowledgement: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119.

Немногочисленные памятники готского письма, созданного епископом Вульфилой в середине IV в., не только дали возможность для изучения грамматики и лексики готского языка, но и предоставляют определенный материал для лингвокультурологического анализа, а также изучения ареала их распространения.

Наиболее известный и значимый из них, Серебряный кодекс (Codex argenteus), изначально состоял из 336 крупных листов пурпурного пергамента, содержащих выполненный серебряными и золотыми чернилами текст готской Библии [7, S. 10]. Уникальность памятника заключается также в том, что все остальные дошедшие до нас готские манускрипты являются палимпсестами [2, с. 408].

© Шалыга Д.А., 2022

В середине XVI в. секретарь кардинала Гранвеллы Антоний Марилонн обнаружил рукопись в библиотеке бенедиктинского монастыря в Вердене, в Вестфалии. Он переписал несколько фрагментов текста, которые впоследствии были изданы [2, с. 406]. Как предполагает П. Скардильи, часть листов кодекса могла пропасть, когда рукопись, хранившуюся непереплетенной, показывали многим ученым-гуманистам, интересовавшимся древними манускриптами и посещавшим монастырскую библиотеку [3, с. 308].

Сохранилось 188 листов кодекса. Folium Spirense, 336-ой лист, был обнаружен отдельно только в 1970 г. в часовне св. Афры Аугсбургской в боковом нефе Шпайерского собора. П. Скардильи реконструирует вероятную судьбу Шпайерского отрывка. В составе кодекса он хранился в Вердене, в 1520–1540 гг. лист передали или подарили Майнцскому архиепископу Альбрехту Бранденбургскому. Между 1792 г. и 1824 г. пергамент, свернутый в виде свитка и обернутый бумагой, спрятали в мешке вместе с мощами св. Эразма и переправили из Ашаффенбурга в Шпайер, где в 1859 г. реликвии поместили в капеллу св. Арфы [3, с. 297 и сл.].

Роскошь декора и качество исполнения Серебряного кодекса позволяют предположить, что его изготовили в начале VI в. в Равенне для кого-то из остготской королевской семьи, возможно, для короля Теодориха [2, с. 405; 5; 9]. Равенна была не только главной резиденцией короля, но и религиозным центром готов в Италии. В рукописях из Равенны О. фон Фризен и А. Грапе находят аналогии использованным в кодексе знакам пунктуации: высокой точке для обозначения небольших частей и двоеточию – для крупных частей текста. В качестве аргументов в пользу Равенны выступает также система сокращения букв *m* и *n*, характерный декор внизу каждой страницы, западный порядок следования книг Евангелия: от Матфея, от Иоанна, от Луки, от Марка [5].

Другой шведский ученый, Я. У. Чедер (Jan-Olof Tjäder), для локализации равеннской мастерской, изготовившей кодекс, привлекает рукописные книги Истории Орозия из библиотеки Лоренциана во Флоренции и купчую грамоту 551 г. с готскими подписями из Национальной библиотеки Неаполя [9, S. 147]. Автор сопоставляет подпись писца в книге V Орозия «Confectus codex in statione magistri Viliaric antiquarii…» и подписи клириков из равеннской церкви св. Анастасии на папирусе из Неаполя, в первую очередь «Wiljarith bokareis». Сравнение дает исследователю основание идентифицировать члена готской общины и писца Вилиариха, умевшего писать и на готском, и на латыни [9, S. 152 u.f.]. Я. У. Чедер приходит к выводу, что Вилиарих возглавлял в Равенне скрипторий, в котором имелись все возможности для изготовления Серебряного кодекса [9, S. 154 u.f.]. Реконструируя биографию мастера, исследователь предполагает причастность Вилиариха и к созданию близких по декору манускриптов: готско-латинского Codex Carolinus (Каролинского кодекса), латинских Codex Brixianus (Кодекса из Брешии) и Codex Vindobonensis 847 [9, S. 156].

В. Штрейтберг собрал известные ему памятники готской письменности в издании Die gotische Bibel [1; 8]. Помимо Серебряного кодекса, в список готских библейских текстов исследователь включает:

– упомянутый выше Каролинский кодекс (четыре листа с фрагментами Послания к римлянам св. апостола Павла) [8, S. 26];

– Амброзианские кодексы (Codices Ambrosiani) – несколько готских кодексов с фрагментами Библии из основанного в 613 г. монастыря г. Боббио (Пьяченца) [8, S. 26–29];

– Гиссенский отрывок (Codex Gissensis) – готский и латинский текст Евангелия от Луки на двух листах пергамента [8, S. 29]. После наводнения 1945 г. полностью утрачен, сохранился негатив манускрипта [7, S. 11].

В. Штрейтберг не упоминает Туринский кодекс (Codex Taurinensis), содержащий фрагменты четырех сильно поврежденных листов, которые изначально принадлежали тому же манускрипту, что и один из Амброзианских кодексов [2, с. 409; 7, S. 11].

Ниже отдельным списком приведены другие готские тексты:

– «Пояснение» – фрагменты комментария к Евангелию от Иоанна на 8 листах пергамента из монастыря г. Боббио, названные первым издателем Г. Ф. Массманном Skeireins aiwaggeljons pairh Iohannen [8, S. 29–30];

– фрагменты готского календаря, относящегося к Амброзианским кодексам [8, S. 30];

– готский алфавит и предложения на готском языке из Алкуиновой рукописи IX–X вв. [8, S. 30–31];

– две латиноязычные купчие грамоты с готскими подписями, выполненные на папирусе: одна из которых утрачена, другая хранится в Неаполе (упоминалась выше в связи с мастерской в Равенне) [8, S. 30–31].

Второй список В. Штрейтберга может дополнить Codex Bononiensis, обнаруженный в Болонье фрагмент пергамента с частями текста, возможно гомилии, содержащего цитаты из Ветхого Завета. Кодекс датируют первой половиной VI в. [7, S. 11]. Исходя из палеографических особенностей кодекса, К. Фаулломини склоняется к локализации его изготовления в Вероне [4]. Список может продолжить также Gotica Veronensia V–VI вв. из Вероны. Кодекс содержит 24 гомилии на латыни и в начале каждой – короткие маргиналии с комментариями на готском языке [7, S. 12; 6].

Исследователи готских рукописей отмечают два варианта письма: более простое с наклоном вправо, сохранившее архаичную греческую или руническую форму Σ (вариант I), и прямое, исполненное более тщательно, перенявшее латинскую форму S (вариант II) [9, S. 154]. Второе обнаруживают рукописи из Равенны, например, Серебряный и Каролингский кодексы. Оба варианта использовались параллельно, что подтверждает рукопись A из Амброзианских кодексов, где основной текст написан прямо, а маргиналии с наклоном [4, S. 23]. Часть палимпсестов происходит из монастыря г. Боббио, где готский текст был стерт в VII – начале VIII в. для повторного применения пергамента [4].

Таким образом, большая часть известных памятников готского письма создана в Равенне и Вероне. После того как погибло Королевство остготов, использование готской Библии сокращалось. Вторичное использование пергамента, как ни парадоксально это звучит, способствовало сохранению целого корпуса готских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов А. В. Готско-греческо-русский словарь. М.: Юрайт, 2017. 440 с.
2. Мецгер Брюс М. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М.: Изд-во «Библейско-богословский институт», 2004. 552 с.
3. Скардильи П. Готы: язык и культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор История, 2012. 338 с.
4. Falluomini C. Der Codex Bononiensis und die anderen gotischen Handschriften // Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage. 2016. No. 50. P. 21–28.
5. Friesen O. v., Grape A. Introductio // Codex Argenteus Upsaliensis iussu Senatus Universitatis phototypice editus. Uppsala, Malmö, 1927. P. 11–118.
6. Kraus C. v. Gotica Veronensia // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1929. Bd. 66. H. 4. S. 209–213.
7. Schuhmann R. Gotische Grammatik: Teil A – Endfassung [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9348960/Gotische_Grammatik_Teil_A_Endfassung (дата обращения: 16.10.2022).
8. Die gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1919.
9. Tjäder J.-O. Der Codex Argenteus in Uppsala und der Buchmeister Viliaric in Ravenna // Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa. Stockholm, 1970. P. 144–164.

REFERENCES

1. Blinov A. V. *Gotsko-grechesko-russkii slovar'* [Gothic-Greek-Russian Dictionary]. Moscow, Iurait Publ., 2017, 440 p.
2. Metzger Bruce M. *Rannie perevody Novogo Zaveta. Ikh istochniki, peredacha, ogranicheniia* [The Early Versions of the New Testament. Their Origin, Transmission and Limitations]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institute Publ., 2004, 552 p.
3. Scardigli P. *Goty: iazyk i kul'tura* [The Goths: language and culture]. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2012, 338 p.
4. Falluomini C. Der Codex Bononiensis und die anderen gotischen Handschriften // *Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage*, 2016, no. 50, pp. 21–28.
5. Friesen O. v., Grape A. Introductio. *Codex Argenteus Upsaliensis iussu Senatus Universitatis phototypice editus*, Uppsala, Malmö, 1927, pp. 11–118.
6. Kraus C. v. Gotica Veronensia. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 1929, Bd. 66, H. 4, pp. 209–213.
7. Schuhmann R. *Gotische Grammatik: Teil A – Endfassung*. URL: https://www.academia.edu/9348960/Gotische_Grammatik_Teil_A_Endfassung.
8. Streitberg W. (Hrsg.). *Die gotische Bibel*. Heidelberg, 1919.
9. Tjäder J.-O. Der Codex Argenteus in Uppsala und der Buchmeister Viliaric in Ravenna. *Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa*, Stockholm, 1970, pp. 144–164.

Информация об авторе

Шалыга Д. А. – старший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAT-4916-2020.

Author information

Shalyga D. A. – Senior researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAT-4916-2020.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.513-550

ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Эльзара Айдеровна Хайрединова
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Аннотация: Впервые о «древнем городе и крепости», расположенном поблизости от Мангупа и поселения Черкес-Кермен, сообщил польский посланник к крымскому хану Мартин Броневский, осмотревший памятник в 1578 г. Историческое название города не сохранилось. В трудах путешественников руины безымянного города зачастую называли Черкесской крепостью или Черкес-Кермен, по имени близлежащей деревни. К концу XIX в. за памятником закрепилось нарицательное название Эски-Кермен (в переводе с крымско-татарского «старая крепость»), использование которого местным населением зафиксировано еще в XVIII в. В последние десятилетия XVIII – XIX в. живописные руины пещерного города пользовались популярностью у путешественников, в записках которых, наряду с мифами и легендами о древнем городе, содержится ценная информация о состоянии памятника и об отдельных объектах на его территории. В результате археологических раскопок 1928–1934, 1936–1937, 1978–1982 гг. на плато открыты остатки оборонительных сооружений, культовых комплексов, участки городской застройки и некрополь, что позволило говорить о существовании здесь в Средние века типичного провинциального византийского города. Археологические исследования последних десятилетий значительно расширили представление о планировке города. В работе анализируются все, известные на сегодняшний день, данные по топографии города. На основании раскопок последних лет реконструируется топография города в разные периоды его существования – начиная с ранневизантийского (конец VI – VII в.) и заканчивая золотоордынским (XIV в.).

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, пещерные города, плато Эски-Кермен, топография

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках проекта № 15.СИН.21.0013 (Соглашение № 075-15-2022-1177 от 25.08.2022).

TOPOGRAPHY OF THE MEDIAEVAL TOWN ATOP OF THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN

Elzara A. Khairedinova
Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Abstract. The Polish ambassador to the Crimean khan Marcin Broniewski was the first to inform of the “ancient town and castle” located in the vicinity of Mangup and the settlement of Cherkes-Kermen: he visited the site in 1578. The historical name of the town remains obscure.

© Хайрединова Э.А., 2022

Travelogues often call the ruins of the nameless town the “Circassian castle,” or Cherkes-Kermen after the name of the nearby village. In the late nineteenth century, the site received the common name of Eski-Kermen (Crimean Tatar for the “old castle”), which was used by the locals already in the eighteenth century. In the last decades of the eighteenth and nineteenth centuries, the picturesque ruins of the cave town were popular among the travellers, whose accounts contained myths and legends about the ancient place along with valuable information on the condition of the site and particular objects in its territory. The archaeological excavations in 1928–1934, 1936–1937, and 1978–1982 uncovered the remains of fortifications, sacral complexes, urban buildings, and cemetery allowing the one to infer that there was a typical provincial Byzantine town in the Middle Ages. The archaeological researches in recent decades considerably expanded the notion of the layout of the town. This paper analyses all the currently available data on the topography of the town. Taking the recent years excavations into account, the topography of the town has been reconstructed by different stages, from the Early Byzantine (late sixth and seventh centuries) to the Golden Horde periods (fourteenth century).

Keywords: Byzantium, south-western Crimea, cave towns, Eski-Kermen plateau, topography

Acknowledgement: This research has been supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the project no. 15.SIN.21.0013 (Agreement no. 075-15-2022-1177 of 25.08.2022).

Плато Эски-Кермен, на плоской вершине и склонах которого находятся руины средневекового города, расположено в юго-западной части Второй гряды Крымских гор, в бассейне р. Бельбек, в 6 км к юго-западу от с. Красный Мак. Эски-Кермен представляет собой отдельный изолированный эрозионно-останцовый массив, вытянутый в субмеридианальном направлении (рис. 1; 2,*1*). С западной стороны останец отделяется балкой Джурла от столового массива Тапшан. Протянувшаяся с восточной стороны балка Джан-Казы или Текме-Таш (в переводе с крымско-татарского – «Поставленный камень»)[1] разделяет плато Эски-Кермен и известняковый массив Зангурма (часть массива Баллы-Коба). Расположенная к югу от плато балка специального названия не имеет. Над ней господствуют склоны Бильдерана. Горный массив Эски-Кермен сложен из нуммулитового известняка симферопольского яруса среднего эоцена разной мощности, представленного светло-серыми, кремовыми, серыми, желтоватыми, зеленовато-серыми образцами [55, с. 66; 34, с. 681].

Восточная сторона плоской вершины плато и большая часть его западной стороны представляют собой почти вертикальные обрывы высотой 20–44 метров с выступающими мысами. Южный склон более пологий. Длина плоской вершины плато – 1040 м, наибольшая ширина – 200 м. Высшая точка Эски-Кермена расположена в южной части массива со смещением к восточному обрыву и достигает в высоту 341 м. К северу плато понижается, перепад в высотах составляет около 80 м. Понижающееся к северу плато заканчивается мысом, отделенным от основного массива седловиной и возвышающимся над местом схождения трех ущелий. Поверхность плато и его склоны заросли деревьями и кустарником.

[1] Используется топонимика, указанная в работах Н. И. Репникова [46, с. 181, прим. 2].

Впервые о «древнем городе и крепости», расположенном поблизости от Мангупа и поселения Черкес-Кермен[2], сообщил польский посланник к крымскому хану Мартин Броневский, осмотревший памятник в 1578 г.: «*На каменной горе, на которой расположен город, с удивительным искусством высечены в скале дома, которых следы еще явно видны, не смотря на то, что место это совершенно поросло лесом. Храм, украшенный мраморными и серпентиновыми колоннами, уже разрушился, но обломки его свидетельствуют о прежней славе и роскоши города*» [24, с. 344]. По словам Мартина Броневского, в его время название «пещерного города» уже не знали ни турки, ни татары, ни даже сами греки. Известно только, что город «*…погиб во время греческих князей, о которых в этих местах рассказывают много дурного об их ужасных преступлениях против Бога и людей*» [24, с. 344].

Новая информация о руинах безымянного города появляется лишь спустя два века и относится к периоду после присоединения Крыма к России в 1783 г. Весной 1784 г. пещерные города Крыма посетил французский путешественник Шарль де Бар, чьи записки о поездке были анонимно опубликованы в 1798 г. [64; 54, с. 404; Айбабин 2021а, с. 5]. Шарль де Бар сообщает об изолированной горе Искикерман (*Iskikerman*), доступной лишь с одной стороны, где дорога вырублена в скале, на которой имеется огромное количество пещер, служивших, по его мнению, жилищами. Там же он видел оставленные повозками колеи на скальной поверхности улиц; поддерживаемые столбами большие часовни (*grandes chapelles*) с довольно плоскими и изящными сводами[3]; пещеры, заполненные костями людей, перерезанных, как говорят татары, при взятии этого города, чем они весьма похваляются; и в другой пещере – небольшое, довольно глубокое озеро. Весь этот город покрыт кустарником. В заключение Шарль де Бар замечает, что трудно определить, когда были высечены эти жилища и почему затратили столько труда вместо того, чтобы построить дома из камня, которого так много в этом месте [64, p. 19–20, note 2; 54, с. 404–405].

К. И. Габлиц, вице-губернатор Крыма в 1783–1801 гг., в изданном в 1785 г. «Физическом описании Таврической области…» сообщает о том, что «*…близ Мангупа находятся еще две* (горы – *Э.Х.*)*, по бывшим на вершинах их крепостям, Черкес-Кирман и Ески-Керман называемые, кои все содержат так же множество пещер. В одной пространнейшей из тех, кои в последней сей горы выдолблены, и через которую был ход вверх к крепости, находится и по днесь в большой ямине наилучшая ключевая вода, в высоте более двадцати сажень от поверхности земли*» [28, с. 17].

Название «Эски-Кермен», появившееся в записках 1784 г. Шарля де Бара и труде 1785 г. К. И. Габлица, зафиксировано и в официальных документах этого времени. Так, в

[2] Черкес-Кермен (Черкез-Кермен, Черкес-Кирман) – село, входившее в состав Мангупского кадылыка Крымского ханства. С 1805 г. – Симферопольский уезд, Чоргунская волость, с 1826 г. – Симферопольский уезд, Дуванкойская волость, с 1926 г. – Бахчисарайский район. В 1945 г. переименовано в село Крепкое. В 1999 г. исключено из учетных данных [39, с. 136]. Село находилось в 300–500 м к западу от плато Эски-Кермен и отделялось от него долиной Джурла и столовым массивом Тапшан.

[3] Описывая своды, Шарль де Бар называет их «смелыми» (hardies). Применительно к памятникам архитектуры, термин обозначает легкость, изящество в исполнении, в результате которого массивное сооружение не воспринимается таковым [62, p. 102].

Ведомости имущества христиан деревни Черкес Кермен 1778 г. перечисляются принадлежащие местным жителям пашни «в Ески Кирмене» [30]. На географических картах XVIII–XIX вв. плато с руинами средневекового города никак не обозначалось, указывалась только расположенная западнее, в соседнем ущелье деревня Черкес-Кермен (рис. 2,*4*; 3)[4]. В трудах путешественников руины безымянного города, сохранившиеся на плато Эски-Кермен, зачастую называли Черкесской крепостью или Черкес-Кермен, по имени близлежащей деревни. П. И. Кёппен отметил, что в первой трети XIX в. это место у татар, «*для отличия от турецкой постройки, получило название Эскекермен или Эски-Кирман (старинная крепость), есть без сомнения тот древний, ныне уже безымянный город, о коем упомянул Броневский*» [32, с. 259–260]. В записках путешественников первой трети XIX в. упоминаются еще два названия памятника, использовавшихся местным населением – Дженгискераман [33, с. 28] и Куттелей (*Kutteley*) [65, p. 226]. Однако информация об этих топонимах не подтверждается другими источниками.

П. С. Паллас в книге о предпринятом им в 1793–1794 гг. путешествии по Крыму сообщает о видной с дороги башне старого укрепления (современное Кыз-Куле), называемого татарами Черкез-Кермен, давшем свое название близлежащей деревне, где прежде жили греки, теперь же живут только татары. В его представлении расположенные на разных горных массивах башня Кыз-Куле и осадный колодец принадлежат одному укреплению: «*Всего замечательнее в этом старом укреплении, где уцелели только башня и часть стен, высеченный в скале в нескольких сотнях саженей от укрепления глубокий колодезь; в него спускаются с опасностью по ступеням, высеченным также в скале*» [66, S. 95–96; 40, с. 54].

В 1802 г. «крепость Черкес-Кермен» посетил П. Сумароков, отметивший, что «*…Черкес-Кирман, весьма подобный своею пирамидальною высотою, вышеописанным пещерным крепостям, более же Инкерману, которому пространством он мало уступает*» [48, с. 47]. Путешественник поднялся на плато с южной стороны, где «*…просеченное в горе отверстие делает ворота, над ними виден складенной из камней свод, а с правой стороны выдолблена церковь*» [48, с. 47]. На заросшим лесом плато он осмотрел церковь с уцелевшими ликами Святых («Успение») и осадный колодец – «*перпендикулярный сход в недра каменного слоя*». Спустившись вниз по 77 искусственным ступеням, П. Сумароков оказался около небольшого, но глубокого бассейна, наполненного «*вкусной и холодной водой*». Пещерные города Крыма П. Сумароков объединяет в единую группу памятников, считая каждый из них замком. Такой «*замок имел свою крепость, храмы, жилища, отделы для животных, сокрытые водохранилища и служил особым градом. Не достает удивления когда усматриваем, что все сии снаружи и внутри гор принадлежности иссечены смелою рукою из одного цельного куска горы*» [48, с. 48].

В изданном в 1837 г. «Крымском сборнике» П. И. Кёппен впервые собрал воедино все известные на то время сведения и мифы о памятнике, в том числе и курьезные

[4] На верстовой карте Крыма от Военно-топографического Депо 1890–1896 гг. рядом с безымянным плато размещено указание «Пещеры» (рис. 3,*2*). Название «Эски-Кермен» появляется впервые на туристической карте Крыма 1956 г.

рассуждения Ф. А. Козена о создании пещер троглодитами [32, с. 259–260]. Собранная информация проиллюстрирована графическим изображением очертаний северного мыса плато (рис. 2,*2*) и сопровождена глазомерным планом местности с обозначением ущелья с деревней Черкес-Кермен (*А*) и башни Кыз-Куле (*Д*) (рис. 2,*3*). На топографической схеме присутствует только северный мыс плато Эски-Кермен, который не выделен, а обозначен вместе с соседними горными массивами как высокие скалы (*К*) [32, с. 253–254]. Интересно, что в узком ущелье, ведущем к плато с севера, на плане обозначена расположенная поперек постройка – «недостроенный дом владельца Черкес-Кермен» (рис. 2,*3В*) [32, с. 254]. Возможно, что остатки именно этой постройки впоследствии были приняты исследователями за руины оборонительных сооружений в наиболее узком месте ущелья, ведущего к плато с севера из степи [57, с. 24].

Фредерик Дюбуа де Монпере в записках о своих путешествиях 1831–1834 гг. по Югу России почти полностью пересказал информацию из раздела о Черкес-Кермене из «Крымского сборника» П. И. Кёппена [63, p. 289–294]. Как и многие его предшественники, Дюбуа де Монпере под названием Черкес-Кермен объединил в единый комплекс башню Кыз-Куле и сооружения на плато Эски-Кермен, перечисляя среди последних ставший уже традиционным набор достопримечательностей: высеченный в скале колодец, в который можно попасть снизу – через отверстие в восточной части скалы и сверху – через «опасный канал», который предназначался для обитателей замка, высеченные в скале кельи и греческую часовню с алтарем, изображениями святых в византийском стиле и греческими надписями, а также заполненные человеческими костями крипты, служившие оссуариями [63, p. 291–292].

Известный русский археолог А. С. Уваров во время поездки на Юг России в 1848 г. по заданию Комиссии Петербургского Археологическо-нумизматического общества описал пещерные церкви «Черкес-Кермена», а сопровождавший его художник М. Вебель выполнил серию рисунков с их видами [38, с. 56–74]. На иллюстрациях зафиксировано состояние пещерных храмов Эски-Кермена в середине XIX в., хотя следует отметить, что пропорции изображенных интерьеров художником заметно искажены.

Осмотревший в 1867 г. пещерный город Г. А. Караулов также пользовался топонимом Черкес-Кермен. В специальной работе 1872 г., посвященной крымским пещерным городам, Г. А. Караулов, наряду с пересказом мифов и фантастическими рассуждениями по истории региона, впервые делает попытку описания топографии памятника. Он указывает, что пещерный город расположен на всей плоской вершине скалы, равно как и по двум ее отвесным сторонам, спускающимся в ущелье [31, с. 53]. По окраинам скал видны многочисленные крипты в несколько этажей. Крипты находятся и в отдельных высоких скалах, примыкающих к плато. Г. А. Караулов отметил идущую посередине города дорогу, высеченную по скале, на не заросшей поверхности которой видны колеи [31, с. 55]. Он подробно описал пещерный комплекс «Судилище» около главных ворот, сделал его план и зарисовки интерьеров [31, с. 56–57]. Особо отметим рисунки К. Е. Гельфрейха, посетившего вместе с Г. А. Карауловым памятник, на которых довольно точно изображены общий вид

северного мыса плато (рис. 4,*1*), лестница в северном дозорном комплексе (рис. 4,*3*) и главная улица около южных городских ворот (рис. 4,*2*) [31, табл. I].

В 1886 г. А. Л. Бертье-Делагард выполнил схематический план эски-керменского городища, на котором отметил «базилику, имеющую одну апсиду и по четыре колонны с каждой стороны» [56, с. 213], а также сделал подробные и точные планы пещерного храма «Судилище» и некоторых пещерных сооружений [37, с. 240–241, рис. 173–174]. Исследователь описал Эски-Кермен как отдельную возвышенность в виде острова с неприступными скалистыми боками, расположенную около деревни Черкес-Кермен. На ее вершине сохранились остатки большого поселения, пещерного и наземного, с водой, крепостными стенами и несколькими церквями (одна даже с горним местом). По его словам, название поселения не сохранилось, а Эски-Кермен или «Старая крепость» – имя не собственное, а нарицательное [23, с. 90].

В последние десятилетия XIX – начале XX в. плато Эски-Кермен становится еще более популярным местом для посещений. Появилось большое количество различных описаний Крыма и путеводителей, в которых среди достопримечательностей обязательно упоминались пещерные города, в том числе и Эски-Кермен [57, с. 19–22]. Важно отметить, что в краеведческой литературе этого времени Черкес-Кермен и Эски-Кермен уже описываются как два разных объекта. В качестве примера можно привести изданный в 1888 г. А. Н. Поповым «Отчет о второй учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности» [42]. При описании памятника приводятся различные фантастические «факты» из прошлого, такие, например, как легенда про квадратную яму с испорченной водой, в которой содержится кровь 40 девиц, заключенных здесь и обезглавленных неким правителем Эски-Кермена [42, с. 114]. К отчету приложены выполненные преподавателем гимназии А. А. Архиповым довольно реалистичный рисунок северного мыса Эски-Кермена (рис. 5,*1*) и схематичный план самого плато и его окрестностей (рис. 5,*2*). На плане массив Тапшан с башней Кыз-Куле (названной на плане воротами) обозначен как Черкес-Кермен, а плато с руинами древнего города – Эски-Кермен. Плато изображено с нарушением пропорций, но на нем довольно точно указана северная калитка – подъем через узкую расщелину с вырубленными в скале ступенями (рис. 5,*2*). На самом плато, у его западного края, обозначены колодец и 4 церкви.

В середине 1920-х годов предпринимаются первые попытки изучения и картографирования пещерных сооружений, расположенных на вершине и склонах плато Эски-Кермен. Сотрудники Севастопольского музея краеведения описывают и делают кроки 359 искусственных пещер, отмечают их местоположение на буссольном плане плато[5]. В 1926–1927 гг. городище на плато Эски-Кермен обследовал археолог, заместитель директора Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнст, сделавший топо-

[5] Научный архив Севастопольского музея краеведения погиб во время Великой Отечественной войны. Сохранившиеся в копиях Е. В. Веймарна материалы по пещерам Эски-Кермена, собранные сотрудниками музея, в настоящее время хранятся в Научном архиве Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника [27, с. 85, 88, прим. 14, 15].

графическую съемку, обмеры, зарисовки и фотографии сохранившихся средневековых пещерных сооружений, в основном, пещерных храмов. На плане Н. Л. Эрнст нанес главную улицу, идущую вдоль всего плато от южных ворот и почти до северного окончания плато, крестом обозначил местоположение развалин большой базилики в центре городища (рис. 6). По его наблюдениям, все плато покрывают развалины каменных построек, а главная часть города располагалась около южных ворот. На территории городища, по подсчетам исследователя, находилось 400–450 пещерных помещений, в основном, хозяйственного назначения. Время создания и расцвета пещерных городов Н. Л. Эрнст отнес к XII–XIV вв. [57, с. 25–41].

В 1928–1934, 1936–1937 гг. на плато Эски-Кермен системные археологические исследования велись экспедицией Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Музея антропологии и этнографии и Центральных государственных реставрационных мастерских, под руководством Н. И. Репникова и Ф. И. Шмита [50, с. 251]. В 1933 г. на территории памятника работала советско-американская экспедиция, организованная ГАИМКом, Государственным историческим музеем и Пенсильванским университетом (США, Филадельфия).

В ходе этих масштабных работ раскопаны оборонительные сооружения вдоль западного и восточного обрывов (рис. 7,*2*), трехнефная базилика в центре города, расчищены пещерные храмы. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале подъемная дорога, ведущая к главным воротам. У восточной калитки и в 130 м к северу от неё открыты руины нескольких городских кварталов. Исследовались склоны плато и его окрестности. На юго-восточном склоне плато выявлен принадлежавший обитателям крепости и городища некрополь, функционировавший в раннесредневековое время, на юго-западном склоне плато – руины небольшого христианского храма и плитовый некрополь (рис. 7,*3*). К югу от плато, в балке Бильдеран найдены остатки водопроводной системы (рис. 7,*1*).

В серии статей по итогам проведенных работ Н. И. Репников высказал свои наблюдения по поводу топографии города [44; 45; 46; 47]. По мнению исследователя, город занимал большую часть плоской вершины плато площадью 8,1 га. Северная часть плато не использовалась из-за северных ветров, а «от заселенной части города этот участок отделяется поперечной стенкой, проходившей от края до края» (рис. 7,*2*) [46, с. 183]. Крепостные сооружения – стены (сохранились фрагментарно, их следы прослежены местами по постелям – подрубкам на поверхности скалы) и башни-казематы, устроенные в природных мысах-выступах, окружали все плато. Главная улица начиналась у городских ворот и пролегала через все плато в северном направлении. Н. И. Репников предположил наличие на самой возвышенной части плато городской площади, вокруг которой группировались главные здания города. От главной магистрали в восточном и западном направлениях шли боковые улицы. Вдоль западной оборонительной стены проходила военная улица (*pomoerium*) [46, с. 193].

По мнению исследователя, на плато Эски-Кермен выявлены остатки значи-

тельного для средневековья готского города с крепостной стеной, улицами, домами, общественными культовыми зданиями и водопроводом [44, с. 136]. Этот вывод Н. И. Репникова поддержал и развил В. И. Равдоникас, считавший Эски-Кермен не только военной крепостью, но и типичным феодальным городом. По его предположению, в середине плато находятся два характерных для феодального города здания: раскопанная в 1930 г. базилика и руины еще не раскрытого большого здания «жилища-дворца феодала – владетеля города» [43, с. 34]. Н. И. Репников локализовал на плато Эски-Кермен столицу готов город Дорос [46, с. 181–212]. С ним согласился российский византинист А. А. Васильев [70, p. 72–73]. Исследователи, основываясь на интерпретации «Записки готского топарха», утверждали, что в 962 г. на плато Эски-Кермен находилась резиденция готского топарха, которую в тот же год опустошили хазары и вынудили топарха перенести главный центр Готии Дорос на Мангуп [70, p. 117, 126–131]. Как показал А. И. Айбабин, после публикации убедительных доказательств изготовления названного «источника» его издателем [68, p. 117–188; 36, с. 160–172] все рассуждения о топархе Готии и набегах хазар на ее города в 962 г. лишились научного обоснования [15, с. 7].

В 1958 г. Е. В. Веймарн, непосредственный участник раскопок 1930-х годов, опубликовал исследование об оборонительных сооружениях города на плато Эски-Кермен, в котором детализировал высказанные ранее Н. И. Репниковым наблюдения по этому вопросу [26]. На основании топографических условий местности исследователем выделено 4 участка обороны и сделан детальный план оборонительных сооружений, расположенных вдоль края обрывов (рис. 8). Е. В. Веймарн, вслед за Н. И. Репниковым, отнес возникновение крепости к V в., а время разрушения оборонительных сооружений – к концу VIII в. [26, с. 26]. В отдельной статье Е. В. Веймарн издал отчет о раскопках жилых усадеб около восточного обрыва 1937 г., где отметил особенности планировки города: усадьбы находились в прямоугольных кварталах и очерчивались улицами и переулками, которые располагались с юга на север и с запада на восток (по основной оси городища и перпендикулярно к ней) [27, с. 85].

Е. В. Веймарн попытался рассчитать количество жителей города на плато Эски-Кермен. Взяв общую площадь городища – до 100 000 м² (его длина около 1 км при максимальной ширине в 200 м) и исключив из этой цифры площадь северной части плато, где нет следов застройки (около 10 000 м²), и площади улиц, переулков, а также участков, занятых общественными зданиями (до 30 000 м²), предположил, что площадь жилых кварталов равнялась приблизительно 60 000 м². Затем, определив среднюю площадь, занимаемую усадьбой, в 100 м² (от 85 до 150 м²), рассчитал, что количество возможного одновременного существования усадеб должно равняться 600. Исходя из количества обитателей одной усадьбы (4–5 человек обоего пола разных возрастов), Е. В. Веймарн заключил, что в XII–XIII вв. численность населения города на плато Эски-Кермен могла быть не менее 2500–3000 человек [27, с. 85]. Отметим, что в предложенных расчетах число усадеб сильно завышено, так как под общественное пространство на плато отводилось значительно больше места. Как показали раскоп-

ки последних лет, примерно четвертую часть жилого квартала занимал однонефный храм с площадью перед ним (квартал I) или с участком под погребения (квартал II). Ширина поперечных улиц достигала 2,5 м, а не 2,0 м, как полагал Е. В. Веймарн. Выяснилось, что к входу главной базилики вела широкая поперечная улица, а перед самим храмом находилась большая городская площадь. Следовательно, количество усадеб должно быть сокращено до 400 (хотя и эта цифра нам кажется завышенной), а численность населения, в таком случае, не превышала 2000.

В 1978–1982 гг. экспедиция Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР продолжила изучение некрополя (под руководством А. И. Айбабина) и доследовала базилику (под руководством Е. А. Паршиной). В 1979–1981 гг. экспедиция Е. А. Паршиной проводила предреставрационные раскопки базилики, в ходе которых расчищены северная сторона главной базилики и пристроенная к наружному углу северного нефа часовня. По мнению исследовательницы, базилику возвели не ранее VIII в. [41, с. 37, 50, рис. 1]. Позже, в совместной статье 2002 г. Е. А. Паршиной с архитектором Ю. Г. Лосицким предложена другая дата – не ранее VII и не позднее VIII в. [35, с. 113].

Экспедицией под руководством А. И. Айбабина раскопано на юго-восточном склоне плато 164 погребальных сооружения [1, с. 286–287; 2, с. 167–168; 3, с. 239–240]. Уточненная хронология инвентаря, а также анализ письменных источников и общей ситуации в регионе позволили А. И. Айбабину пересмотреть предложенную Н. И. Репниковым датировку могильника и отнести время его функционирования к периоду с последней четверти VI в. до конца IX в. [4, с. 45–47; 5, с. 114]. С рубежа IX–X вв. жители городища Эски-Кермен стали хоронить своих умерших на самом плато в усыпальницах, вырубленных в храмах или рядом с ними. Первоначальный некрополь на склоне лишь изредка использовался для единичных захоронений в грунтовых могилах или гробницах [4, с. 48]. Учитывая границы раскопов Н. И. Репникова и участки, раскопанные в 1978–1982 гг., А. И. Айбабин пришел к заключению, что площадь могильника составляла около 2,42 га [4, с. 43].

С 2003 г. и по настоящее время совместной экспедицией Института археологии Крыма РАН и НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой ведутся планомерные археологические исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен. Вскрыты и полностью исследованы участок оборонительной стены около каземата V (рис. 9,*4*) [7] и каменоломня у подъемной дороги (рис. 9,*13*) [52]. На подъемной тропе к северной калитке, на площадке под нависающим скальным выступом выявлены остатки фундамента мощной оборонительной стены (толщиной 1,35 м), ориентированной с юго-запада на северо-восток и расположенной перпендикулярно к отвесным обрывам плато Эски-Кермен (рис. 9,*15*). Исследованы значительные участки городской застройки: на восточной стороне от главной улицы, в 190 м к северу от южных ворот полностью раскопан квартал I и юго-западный угол квартала II (рис. 9,*3,14*) [8; 9; 16; 20]. На раннесредневековом

некрополе на юго-восточном склоне плато изучен один из ранних участков некрополя, на котором в конце VI в. или на рубеже VI–VII вв. хоронили солдат гарнизона крепости на плато и членов их семей (рис. 9,*12*) [51]. Около храма «Трех всадников» выявлен участок прихрамового некрополя XIII в. (рис. 9,*5*) [18].

В 2006–2008 гг. в рамках совместного с Римско-Германским музеем г. Майнца проекта «Готы в Крыму», немецкие специалисты под руководством директора названного музея доктора Фалько Дайма проводили работы по картографированию пещерных сооружений на плато и 3D-сканированию вырубленных в отдельных мысах пещерных помещений. Всего выявлено 607 пещер[6], в основном хозяйственного назначения, больше половины из них находятся в центральной части плато и по его краям (рис. 10) [22, с. 319, рис. 4; 60, S. 233–250; 61, S. 379–402].

С 2018 г. ведется изучение центральной части средневекового города перед главной базиликой, где, предположительно, располагались усадьбы наиболее знатных горожан и административный центр (рис. 9,*16*). Здесь открыты: участок некрополя с плитовыми могилами XIV в., впущенными в слой разрушения конца XIII в., хозяйственное помещение большой усадьбы, погибшей в пожаре 1299 г., рухнувшая стена западного фасада главной базилики, а также центральная площадь города и примыкающий к ней участок широкой поперечной улицы [19; 53].

Новые данные, значительно расширяющие представление о топографии средневекового города на плато Эски-Кермен, получены в ходе археологических исследований 2022 г., проводившихся для уточнения границ памятника и изучения городской застройки в северной части плато – на месте предполагаемой поперечной стены и около северной калитки (рис. 11; 12). Как отмечалось выше, Н. И. Репников, а вслед за ним и Е. В. Веймарн предполагали наличие поперечной стены, ограждавшей с севера заселенную часть города [46, с. 183]. На опубликованном в 1932 г. схематическом плане обороны Эски-Кермена Н. И. Репников обозначил эту стену пунктирной линией, идущей от западной калитки до осадного колодца (рис. 7,*2*). В 1958 г. Е. В. Веймарн на составленном им схематическом плане обороны обозначил стену четкой прямой линией (рис. 8,*9*), указав в описании, что «об ее характере судить сейчас трудно, так как она целиком скрыта землей… ее линия прослежива-

[6] За основу немецкими специалистами взята карта с 359-ю пещерными сооружениями, выполненная сотрудниками Севастопольского краеведческого музея в середине 1920-х годов. Отметим тщательность, с которой немецкие коллеги картографировали пещерные сооружения, однако выскажем сомнения в интерпретации назначения некоторых из них. Так, все пещеры с прочерченными на стенах крестами отнесены к культовым [Ауфшнайтер 2008, с. 321]. Однако кресты могли размещать на стенах, у дверей и окон жилых или хозяйственных помещений для защиты от всяких бед. Окончательно определить назначение пещерных сооружений на территории городища можно только после проведения археологических исследований. Так, в квартале I на поверхности находилась пещера, засыпанная крупными камнями, которую до проведения раскопок считали подвалом или другим хозяйственным помещением. После того, как был расчищен прилегающий участок и выбрано заполнение, выяснилось, что пещера – это погребальное сооружение больших размеров, вырубленное в скале под апсидой квартальной часовни, верхняя часть которого заполнена камнями из кладки рухнувшей апсиды, а нижняя – костями из погребений [16, с. 425-426, рис. 4, I; 15; 16].

ется в виде невысокого вала до 3 м шириной и 1 м высотой. Примерно в середине ее, несколько ближе к западу, имеется разрыв. Возможно, здесь был проезд из южной части города…» [26, с. 36]. Действительно, в северной части плато наблюдается небольшой «вал», однако он не расположен по одной линии, а представляет собой несколько вытянутых холмов, расположенных поперечно плато. В раскопе 23/2022, заложенном нами в центральной части «вала», остатки поперечной стены не выявлены, зато найдены руины двух хозяйственных помещений, принадлежавших типичной жилой усадьбе средневекового города на плато Эски-Кермен (рис. 12,*15*). В слое разрушения, заполнявшем открытые помещения, найден такой же комплекс керамики, как и на других усадьбах на плато, погибших в пожаре конца XIII в.[7] Очевидно, что за поперечную стену в этой части плато Н. И. Репников и Е. В. Веймарн приняли земляной вал, образовавшийся над руинами стен нескольких усадеб, располагавшихся на самом краю городской застройки.

После осмотра северной трети плато Эски-Кермена в 1928–1930 гг. Н. И. Репников пришел к заключению, что «…отрезок этот не был заселенным и представляется своеобразным, лишенным развалин участком» [46, с. 183]. Этот тезис позже повторил Е. В. Веймарн, добавив, что «…свободное от городских построек пространство, нарочито оставленное, было рассчитано на размещение здесь во время военной опасности окружающего сельского населения и скота. Здесь же в мирное время могло быть место рынка» [26, с. 36–37]. Однако визуальный осмотр этой территории в 2022 г. показал в 40 м к югу от северной калитки наличие строительных остатков (подрубки «постели» под стену и лежащие рядом известняковые блоки). В раскопе 24/2022 г., заложенном на этом участке, на территории общей площадью около 50 м², под дерном и слоем разрушения мощностью 0,2–0,6 м открыты руины восточной части большого северного храма и 3 могилы прихрамового некрополя (рис. 11,*7*; 12,*7*). Расчищены: нижний ряд южной стены храма шириной 0,8 м, сложенной из крупных известняковых блоков; нижние ряды кладки апсиды (ширина 3,6 м; радиус 2,0 м; ширина стены 0,68–0,72 м); стоявший *in situ* алтарный граненый столб с крестами, высеченными на восточной и западной стороне. Стены и апсида храма двухпанцирные, возведены на скале, на цемянковом растворе. В алтарной части выявлены рухнувшие на скальный пол плиты из арочного перекрытия, разбитые керамиды и калиптеры, обломки плиты – мensы, с прочерченным крестом по центру, разбитая на две части известняковая плита с прорезанным крестом в круге, а также железные гвозди и фрагмент бронзовой массивной цепи от светильника. В слое разрушения также найдены фрагменты стенок амфор класса 45/ХК-95 XII–XIV вв. и другой тарной керамики. Пол в храме скальный, с хорошо обработанной поверхностью, на которой видны следы инструмента. В алтарной части в скальном полу оставлена подставка под алтарный столб прямоугольной формы (размеры 0,42х0,44 м; высота 0,01 м). За апсидой храма, вдоль восточного об-

[7] Керамика из раскопок 2022 г. определена А. В. Смокотиной, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского.

рыва зафиксированы расположенные в ряд 3 могилы, высеченные в скале. Могилы овальной или прямоугольной в плане формы, ориентированы с востока на запад. В них зачищены кости многочисленных безынвентарных погребений. В засыпи могил найдены фрагменты керамики X–XIII вв. Таким образом, по результатам работ, проведенных в 2022 г., установлено, что на северной части плато Эски-Кермен, рядом с северной калиткой с раннесредневекового времени вплоть до гибели города в конце XIII в. функционировал христианский храм. Для определения типа постройки (однонефный храм или трехнефная базилика) требуются ее дальнейшие археологические исследования.

При уточнении границ распространения культурного слоя на плато Эски-Кермен в 2022 г. на восточном склоне плато и в балке Текме-Таш выявлены остатки раннесредневекового поселения второй половины VI – XI в. (рис. 11,*А*).

Зафиксированные на плато в ходе многолетних археологических раскопок строительные остатки, пещерные сооружения и погребальные комплексы отнесены А. И. Айбабиным к трем периодам жизнедеятельности города на плато Эски-Кермен: ранневизантийскому (последняя четверть VI – конец VII в.), хазарскому (начало VIII в. – 841 г.), поздневизантийскому (841 г. – конец XIII в.) [4, с. 44–49; 10, с. 240–241; 59, S. 171–225]. Открытый в 2018–2022 гг. в центре города перед базиликой некрополь с плитовыми могилами XIV в. позволил выделить четвертый период жизнедеятельности города – золотоордынский [19, с. 250–276].

Ранневизантийский период. История города на плато Эски-Кермен начинается с поселения, располагавшегося на восточном склоне плато и в балке Текме-Таш (рис. 11,*А*). В шурфах, заложенных в 2022 г. у подножья плато, по определению А. В. Смокотиной, выявлен комплекс керамики второй половины VI – VII в.[8] Жители этого поселения хоронили своих умерших на нижней части юго-восточного склона плато, в склепах и подбойных могилах (рис. 11,*Б*). Судя по конструкции погребальных сооружений, зафиксированному в них погребальному обряду и инвентарю, в долине Текме-Таш проживала одна из общин гото-аланского населения Юго-Западного Крыма, названного Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках» (560 г.) готами страны Дори. По словам византийского историка, готы занимались земледелием и были союзниками империи, участвуя в военных походах по первому зову императора. Поскольку они не желали «*быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине*», император «*не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением…*» [67, VII,16–17]. Возможно, остатки именно таких оборонительных «длинных стен», перегораживавших долину Текме-Таш и защищавших на-

[8] До проведения полномасштабных археологических раскопок невозможно однозначно решить вопрос о времени возникновения поселения. На сегодняшний день, на поселении и на раннем участке могильника на юго-восточном склоне плато не известны находки, датирующиеся ранее середины VI в.

ходившееся там население, зафиксированы в 2016 г. под скальным мысом у северной калитки (рис. 11,*12*).

Как убедительно показал А. И. Айбабин, в конце VI в. в результате предпринятой византийским императором Маврикием (582–602 гг.) реформы системы управления владениями империи на полуострове, союзную готскую область Дори включили в новый пограничный дукат и разделили на архонтии, которые подчинили дуке Херсона [11, с. 39–42; 14, с. 479, 481–482]. Именно тогда было принято решение о сооружении крепости на горе Эски-Кермен. Судя по данным эпиграфики и материалам раскопок оборонительной стены на плато, крепость, ставшую центром одной из архонтий, типичную для горных регионов империи, византийские инженеры спроектировали не ранее 590 г. и возвели за несколько лет [14, с. 479].

Отметим, что в Византии имелся огромный опыт по возведению крепостей со всем комплексом оборонительных и гражданских сооружений практически на пустом месте. Согласно Захарию Ритору, Анастасий I в 507 г. для защиты региона от персов и арабов выбрал деревню Дара в Месопотамии и основал там город Анастасиополис. Город был построен всего за два или три года, имел крепостные стены, церковь, общественные бани, «обширные» амбары и водоемы, которые собирали воду с соседней горы [29, с. 271–272]. Император Маврикий в конце VI в. переделал свою родную деревню Арависсу в Каппадокии: он отправил туда офицеров и целый полк, чтобы защитить городок, пригнал ремесленников, построил большую церковь, многочисленные общественные здания, оградив все это высокой стеной [29, с. 272].

В проекте крепости на плато Эски-Кермен византийские инженеры учли сформулированные на рубеже IV–V вв. Вегецием основные требования позднеримской фортификации: «*Города и крепости обладают укреплениями или природными, или созданными человеческой рукой, или теми и другими, – что делает их особенно сильными. Можно считать, что город укреплен природой, если он стоит на возвышенном месте, на обрыве…*» [25, с. 280, IV,1]. Внутри скальных выступов, расположенных вдоль восточного и западного вертикальных обрывов плато, вырубили пещерные казематы. В результате, природные скальные образования были превращены в своеобразные крепостные башни (рис. 12,*I-XI*). Вдоль краев обрыва между башнями-казематами возвели оборонительные стены. Их остатки сохранились на отдельных участках вдоль западной и восточной стороны плато (рис. 11,*д*) [17, с. 160–161, 215–219, рис. 135–139]. О наличии стены почти по всему периметру вершины плато свидетельствуют сохранившиеся на скальной поверхности постели – подрубки под стены (рис. 11,*е*).

С южной, более пологой стороны плато в скальном массиве прорубили широкие ворота – главный вход в крепость (рис. 11,*2*). К ним подводила подъемная дорога с парапетом, высеченная в скале тремя маршами (рис. 11,*1*). Помимо главных южных ворот, через которые шел колесный путь (рис. 11,*а*), в крепость можно было попасть по трем пешеходным тропам через узкие калитки (рис. 11,*б,в,г*). Две из них

– восточная и западная, располагались между башнями-казематами (рис. 11,*3,5*). Третья калитка позволяла попасть на плато с севера, через узкую расселину в скалах, по дну которой устроили лестницу, вырубив в скальной поверхности ступени (рис. 11,*4*). Эта калитка прикрывалась дозорным пунктом, расположенным на одной из скальных глыб северного мыса (рис. 11,*9*). От главных ворот к северной калитке была проложена широкая главная улица (около 5 м), пересекающая плато по всей длине (рис. 11,*ж*). Вторая продольная улица, почти параллельная главной, проходила вдоль западной оборонительной стены (рис. 11,*з*).

При возведении крепости учитывалась и рекомендация Вегеция об обеспечении водой: «*Великим преимуществом пользуется город, если внутри его стен имеются неиссякаемые источники. Если природа этого не дала, нужно выкопать колодцы, как бы глубоко ни пришлось их рыть*» [25, с. 282, IV,10]. Около восточного края обрыва в толще 30-метровой скалы строители прорубили осадный колодец (рис. 11,*10*). Из входа в колодец вела крутая лестница в 6 маршей из 84 ступеней, завершающаяся каптажной галерей, в которой накапливалась вода из расположенного рядом родника. Скорее всего, во время строительства крепости начались работы и по обеспечению города водой по водопроводу из родников, расположенных к югу от плато, в балке Бильдеран.

Одновременно с оборонительными сооружениями на плато спланировали гражданскую инфраструктуру: в центре – площадь с большой трехнефной базиликой (рис. 11,*6*) и, возможно, домом архонта, у восточной калитки – «амбары» для зерна (рис. 11,*11*), на большей территории – жилые кварталы, ограниченные прямыми продольными и поперечными улицами (рис. 11,*и*).

В масштабных работах использовалось большое количество местного известняка – наиболее доступного и качественного строительного материала. Блоки и бут для построек выламывались в окрестностях крепости, в балках к югу от нее и непосредственно на плато – у подножья западной оборонительной стены [44, с. 131; 46, с. 184, прим. 3, 4]. На строительство пошел камень, полученный при вырубке в скальном массиве городских ворот и начального участка главной улицы. Наиболее заметные следы добычи каменных блоков зафиксированы на участках между тремя маршами ведущей к главным воротам города подъемной дороги, вырубленной на скальной поверхности юго-западного склона столовой горы (рис. 9,*13*) [52, с. 193–207]. Показательно, что размеры вырубавшихся здесь камней базируются на византийской системе мер длины: наименьший параметр блока сопоставим с византийским футом, устойчивый размер которого после эпохи Юстиниана I равнялся 31,23 см [69, S. 13–16; 52, с. 195–196].

На протяжении VII в. крепость расстроили в малый город площадью около 11 га с типичным для Византии градостроительным обликом. В южной части плато продольные широкие улицы и пересекающие их под прямым углом поперечные улицы образовывали сетку кварталов (рис. 11,*и*). Раскопки 2022 г. показали отсутствие поперечной, проходившей от западного к восточному обрывам и ограничи-

вавшей жилые кварталы с севера стены, существование которой предполагали Н. И. Репников и Е. В. Веймарн (рис. 13) [46, с. 183].

В центре застроенной части плато, перед главным городским храмом, на пересечении широких продольной и поперечной улиц была устроена большая площадь (рис. 11,*13*). Помимо главного храма – трехнефной базилики, в городе построили еще две большие церкви. Около южных ворот в скальном массиве вырубили пещерный храм с баптистерием («Судилище) (рис. 11,*8*), а около северной калитки, поперек узкой части плато возвели храм, стены которого сложили на цемянковом растворе (рис. 11,*7*). Наличие в небольшом городе нескольких культовых зданий характерно для Византии, где деньги на строительство церквей выделялись всегда щедро. Так, в Палестине, в Ниссане, насчитывавшей всего 1000–1500 жителей, было четыре церкви, а Юстиниана Прима, город в Иллирии площадью 7 га, имела пять церквей [29, с. 274]. Жители города на плато Эски-Кермен до конца IX в. хоронили своих умерших за стенами города – на юго-восточном склоне горы (рис. 11,*Б*). К некрополю из города вела узкая дорога через восточную калитку (рис. 11,*г*). На скальной поверхности под калиткой вырублены ступени в направлении некрополя. Вероятно, именно по этой дороге из города шли похоронные процессии. Могильник рос с юга на север, его территория постепенно заполнялась снизу вверх по склону [51, с. 170-171].

С возникновением города на плоской вершине плато Эски-Кермен, расположенное на его восточном склоне и в долине Текме-Таш поселение не прекратило свое существование (рис. 11,*А*). Оно стало своего рода *проастием* – подгородным районом, который снабжал население города на скальной вершине плато необходимыми продуктами питания [49, с. 57, 59, 64, 71].

Хазарский период. В начале VIII в. византийские крепости горного Крыма подчинились хазарам. По наблюдению А. И. Айбабина, до выступления против хазар местных правителей в жизни обитателей поселений и крепостей Готии не произошло каких-либо существенных изменений. Каган, относясь благосклонно к христианам, не препятствовал функционированию христианских общин и образованию на территории Хазарии новых епархий. В первой половине VIII в. была создана Готская епархия [6, с. 617].

После событий, связанных с антихазарским восстанием под руководством епископа, господина и архонтов Готии (между 784 и 787 гг.), скорее всего, по приказу хазарского военачальника в городе на плато Эски-Кермен была засыпана оборонительная стена около каземата V (рис. 11,*V*) [7, с. 137; 14, с. 487]. Материалы раскопок на плато Эски-Кермен опровергают утверждение о разрушении хазарами городских кварталов и базилики. Судя по зачищенным на территории некрополя многочисленным захоронениям хазарского времени, численность населения городища, по крайней мере, не сократилась [8, с. 218–221]. Рядом с засыпанной стеной около каземата V соорудили усадьбу (рис. 11,*14*). В 2006 г. зачищен участок ее двора с ямами под пифосы с зерном и часть подвала, вплотную пристроенного к внутренней облицовке оборонительной стены [8, рис. 10]. На плато наряду с базиликой продолжали функ-

ционировать возведенные в предшествующий период жилые и хозяйственные постройки. В кварталах I и II на главной улице под постройками X–XIII вв. выявлены остатки нескольких хозяйственных комплексов, включавших тарапаны, хранилища для пифосов и давильню (рис. 11,*15,16*) [8, с. 231, рис. 4–8]. Немногочисленные находки этого периода встречены и в слоях, перемещенных жителями Эски-Кермена к оборонительным стенам [8, с. 218–221].

Продолжал существовать и *проастий* на восточном склоне плато и в долине Текме-Таш, где находились сельхозугодья горожан (рис. 11,*А*). Возможно, что именно здесь были разбиты виноградники, из урожая которого на плато давили в каменных тарапанах вино.

Поздневизантийский период. В 841 г. в Юго-Западном Крыму была образована новая фема Климатов с центром в Херсоне [12, с. 20–27; 13, с. 10–11]. После включения крепостей горного Крыма во вновь образованную византийскую фему формируется градостроительный облик Эски-Кермена позднего периода [8, с. 222–223]. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы, как вырубленные в скальных башнях казематы и главные ворота.

В X–XIII вв. на Эски-Кермене сохранили многие созданные в раннее средневековье элементы градостроительного облика, в том числе центральную площадь с трехнефной базиликой (рис. 12,*6,11*). Продолжали функционировать северный дозорный комплекс (рис. 12,*9*) и находившийся около северной калитки большой храм (рис. 12,*7*), а также пещерная церковь («Судилище) около главных городских ворот (рис. 12,*8*). Скорее всего, сразу после образования фемы были проведены работы по обновлению западного фасада главного городского храма. С внешней стороны фасад облицевали крупными известняковыми блоками, тщательно обработанными с лица и плотно подогнанными друг к другу. В верхней части фасада были сделаны два узких окна с закругленной верхней частью, со вставленными в деревянную раму круглыми разноцветными стеклами – *oculi.* Под коньком располагался высеченный в каменном блоке равноконечный крест в круге [53, с. 111, рис. 84].

Центральная городская площадь, расположенная перед базиликой, образована слиянием двух широких улиц – главной продольной и поперечной (рис. 12,*ж,к*). Ее скальная поверхность, как и пол в самом храме, была вымощена известняковыми плитами. С запада, со стороны широкой поперечной улицы к площади вела ступень. Площадь была обустроена, как и положено для общественного пространства, где собирались горожане: в ее юго-западной части напротив базилики, вдоль стены жилой усадьбы располагались скамьи. В месте соединения поперечной улицы и площади, напротив центрального входа в базилику стояла каменная стела, по которой, как по гномону солнечных часов, горожане могли определять полдень, некоторые даты и праздники, привязанные к дням равноденствий и солнцестояний [53, с. 111, 127–128, рис. 90–94].

С юго-западной стороны площадь ограничивалась усадьбой. Подобно другим жилым постройкам в городе, усадьба была двухэтажной, крытой черепичной крышей. Находки многочисленных фрагментов оконного стекла около стены 2 в угло-

вом помещении позволяют говорить о наличии в усадьбе окон с видом на главную площадь и на западный фасад базилики.

Судя по сохранившимся на поверхности плато руинам, в X–XIII вв. заселенная в предшествующее время часть плато была плотно застроена. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной и параллельной ей улиц (рис. 12,*и*). Между кварталами под прямым углом к главной улице были проложены более узкие улочки, шириной до 2,5 м. Полностью раскопанный в 2003–2018 гг. квартал I (рис. 12,*12*), расположенный между главной улицей и восточным обрывом, занимал площадь 750 м² (длина участка – 30 м; ширина с учетом построек и поперечных улиц – 25 м). В квартале находилось 5 усадеб.

После восстановления иконопочитания на соборе, созванном 11 марта 843 г. в Константинополе, влияние церкви во всех сферах общественной жизни Византии возросло [21, с. 323-324]. В Юго-Западном Крыму распространяется аскетический христианский погребальный обряд в могилах и усыпальницах при храмах, с последующим перезахоронением в костницах. Со сменой погребального обряда прекращаются захоронения в типичных для раннего средневековья подбойных могилах и склепах, располагавшихся на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен (рис. 12,*Б*). Горожане стали хоронить своих умерших в храмах на территории города. В это время появляются захоронения около стен или внутри старых храмов – в центре города (трехнефная базилика), около южных ворот («Судилище») и около северной калитки. Изменения в погребальном обряде привели к перепланировке внутри кварталов. В них разбирается одна из усадеб, а на освободившемся месте возводится небольшой однонефный квартальный храм, иногда с притвором, в котором хоронят своих умерших представители одной семьи или рода (рис. 12,*22-26*). Внутри эти храмы зачастую покрывали росписями [21, с. 312, 323, 323]. Такие часовни представляют собой своеобразные некрополи, в которых на небольшом участке на протяжении трех – четырех веков было захоронено от 150 до 500 человек, представителей одного рода.

Одновременно появляются новые храмы на подъемной дороге и на скальных мысах около западного и восточного обрывов плато. В вертикальном обрыве над верхним маршем подъемной дороги вырубаются два пещерных храма – «большой пещерный храм» (рис. 12,*17*) и «пещерный храм у городских ворот» (рис. 12,*18*), а также расположенные рядом с ними гробницы для многократных захоронений. Под «большим пещерным храмом» в скальной поверхности верхнего марша подъемной дороги вырубаются могилы, перекрывающиеся плитами, что приводит к частичному уменьшению размеров дороги. После переделки одной из хозяйственных пещер около восточного края плато, появляется храм «Успение» с росписью (рис. 12,*20*). Два наземных однонефных храма строятся на южном мысу, в месте поворота от первого ко второму маршам подъемной дороги (рис. 12,*19*). Основания этих храмов, как и относящиеся к ним погребальные сооружения, вырублены в скале, а сами здания возводились из камня. Подобные однонефные храмы располагались и на поверхно-

сти мысов – бывших башень-казематов I и X (рис. 12,*16,27*). При этом храм на мысу X находился прямо напротив входа в главную базилику города и соединялся с ним широкой поперечной улицей (рис. 12,*27*).

В поздневизантийский период значительно разрастаются предместья города. Жилые постройки появляются на западном склоне, в балке Джурла (рис. 12,*В*). На юго-западном склоне зафиксированы остатки двух небольших храмов с погребениями (рис. 12,*28,29*). До XI в., а может быть и позже, продолжает существовать подгородье в балке Текме-Таш (рис. 12,*А*). Возможно, здесь находилось ремесленное предместье располагавшегося на вершине плато города. В шурфах восточной части поселения вместе с фрагментами высокогорлых кувшинов найдены остатки шлака. Согласно письменным источникам, в Византии в самом городе запрещалось изготовлять крупные сельскохозяйственные орудия (топоры, серпы), поскольку такое производство требовало обращения с огнем и нарушало требования пожарной безопасности того времени [49, с. 66].

На юго-восточном склоне плато, на месте заброшенного раннесредневекового некрополя возникли огороды (рис. 12,*Б*). Однако здесь в XIII в. в скальной глыбе, сползшей с верхней части склона, был вырублен храм «Трех всадников», украшенный внутри стенной росписью (рис. 12,*21*). Одновременно вокруг храма возник небольшой некрополь [18].

В 1299 г. город на плато Эски-Кермен подвергся набегу войск Ногая. Большая часть города погибла в пожаре. Следы пожара зафиксированы во всех кварталах, раскопанных в разных частях плато: на главной улице (рис. 12,*12,13*), около восточного обрыва (рис. 12,*14*) и в северной части жилой застройки (рис. 12,*15*). Во время набега была ограблена и частично сгорела главная базилика города. В слое пожара на площади перед ней найдены многочисленные мелкие обломки бронзовой церковной утвари, свидетельствующие о разграблении храма.

Золотоордынский период. В кварталах на главной улице и около восточной калитки на плато Эски-Кермен в слое разрушения и в засыпанных этим слоем подвалах обнаружены останки погибших от пожара и непогребенных людей. Видимо, после сильного пожара многие кварталы не восстанавливались и площадь города значительно сократилась. Была перепланирована и центральная часть города. Выжившие после набега горожане в начале XIV в. устроили перед базиликой некрополь (рис. 12,*31*). При этом, участок с руинами от выходившей на площадь усадьбы разровняли. Для облицовки бортов плитовых могил стали использоваться плиты из вымостки на площади перед базиликой. Наличие инвентаря в погребениях, в том числе и из драгоценных металлов, позволяет говорить о том, что на исследованном участке некрополя хоронили представители богатых семейств. Жилые постройки, принадлежавшие этим людям, пока не найдены.

На плато выявлены свидетельства сохранения и церковной жизнедеятельности в XIV в. Скорее всего, в конце XIII – XIV в. к главной базилике пристроили часовню, рядом с которой хоронили в XIV в. (рис. 12,*30*) [19, с. 257]. Около базилики найдена

высеченная из местного известняка надгробная модель крестовокупольного храма XIV в. [58, с. 30–33, рис. 1]. Возможно, продолжали функционировать вырубленные в XIII в. пещерные храмы с фресками [10, с. 223].

В XV в. или в первой половине XVI в., после того как жизнь на плато полностью прекратилась, руины западного фасада главной городской базилики рухнули на запустевшую площадь. К этому времени оставшиеся жители города, скорее всего, переселились с плато в соседнюю, расположенную западнее долину, где с XVI в. известна деревня Черкес-Кермен. Согласно османским налоговым ведомостям этого времени в селении Черкес Кермен преобладало христианское население [30], которое, скорее всего, и было потомками последних жителей города на плато Эски-Кермен. Правда, они, согласно свидетельству Мартина Броневского, посетившего эти места в 1578 г., уже не знали названия древнего города [24, с. 344].

Рис. 1. Плато Эски-Кермен. Общий вид с севера. Аэрофотосъемка 2007 г.
Fig. 1. Eski-Kermen plateau. General view from the north. Aerial photo of 2007

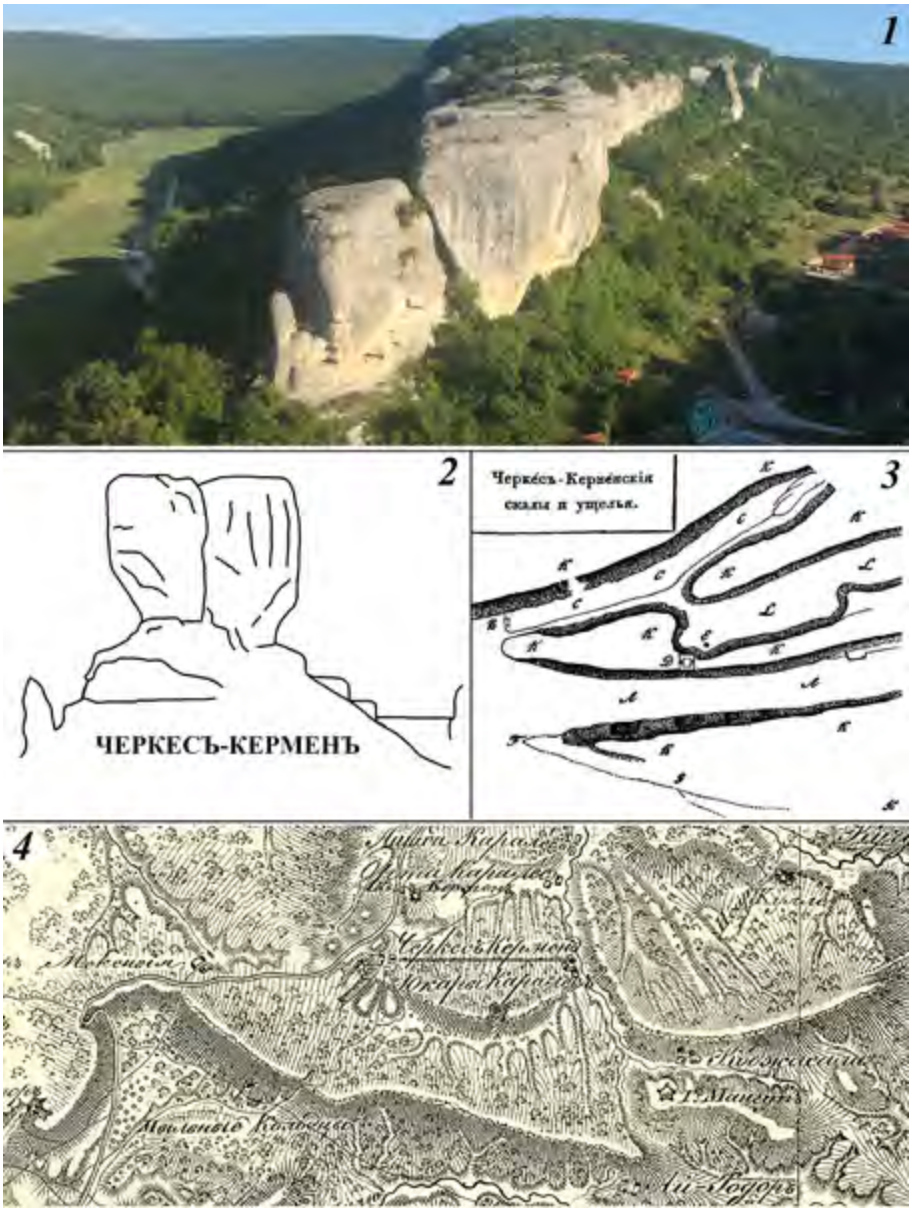


Рис. 2. Плато Эски-Кермен: *1* – северный мыс плато, вид с северо-запада (2022 г., фото Д. А. Ломакина); *2* – очертания северного мыса плато, рисунок 1837 г. [32, с. 249]; *3* – глазомерный план окрестностей Эски-Кермена 1837 г. [32, с. 253]; *4* – деревня Черкес-Кермен (название подчеркнуто) и плато Эски-Кермен (без обозначения) на карте Южного Крыма 1837 г. [32]

Fig. 2. Eski-Kermen plateau: *1* – northern promontory of the plateau, viewed from the north-west (2022, photo: D. A. Lomakin); *2* – contour of the northern promontory of the plateau, drawn in 1837 [32, p. 249]; *3* – approximate plan of the environs of Eski-Kermen in 1837 [32, p. 253]; *4* –Eski-Kermen village (its name underlined) and Eski-Kermen plateau (not indicated) on the map of the South Crimea in 1837 [32]

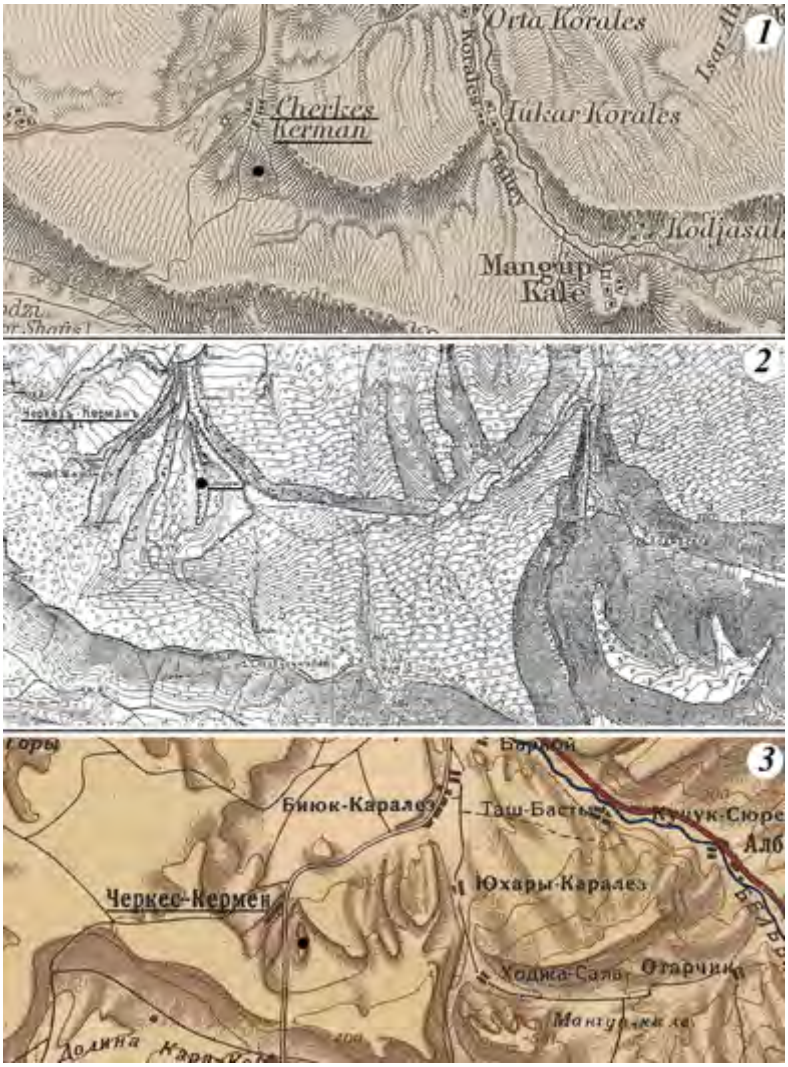


Рис. 3. Деревня Черкес-Кермен (название подчеркнуто) и расположенное рядом плато Эски-Кермен (обозначено нами черной точкой) на картах Крыма: *1* – карта южной части Крымского полуострова Джона Эрроусмита 1854 г.; *2* – верстовая карта Крыма от Военно-топографического Депо 1890–1896 гг. (плато Эски-Кермен подписано «Пещеры»); *3* – карта Южного Крыма 1936 г. Составлена на 1-й картографической фабрике Всесоюзного Картографического Треста ГУГСК НКВД СССР, научный редактор И. И. Бабков

Fig. 3. Cherkes-Kermen village (its name underlined) and the adjacent Eski-Kermen plateau (indicated by the black dot) on the maps of the Crimea: *1* – "Southern portion of the Crimea: from surveys made by order of the Russian government", by John Arrowsmith, 1854; *2* – map of the Crimea to scale 1 verst per cm, by the Military-Topographic Depot, of 1890–1896 (Eski-Kermen plateau signed as *Peshchery*, i. e. "Caves"); *3* – map of the southern Crimea of 1936. Compiled at the 1st Mapping Factory of the All-Soviet Union Mapping Trust of the Central Administration for the Geodetic Survey and Mapping at the People's Commissariat of Home Affairs of the USSR, scientific editor I. I. Babkov

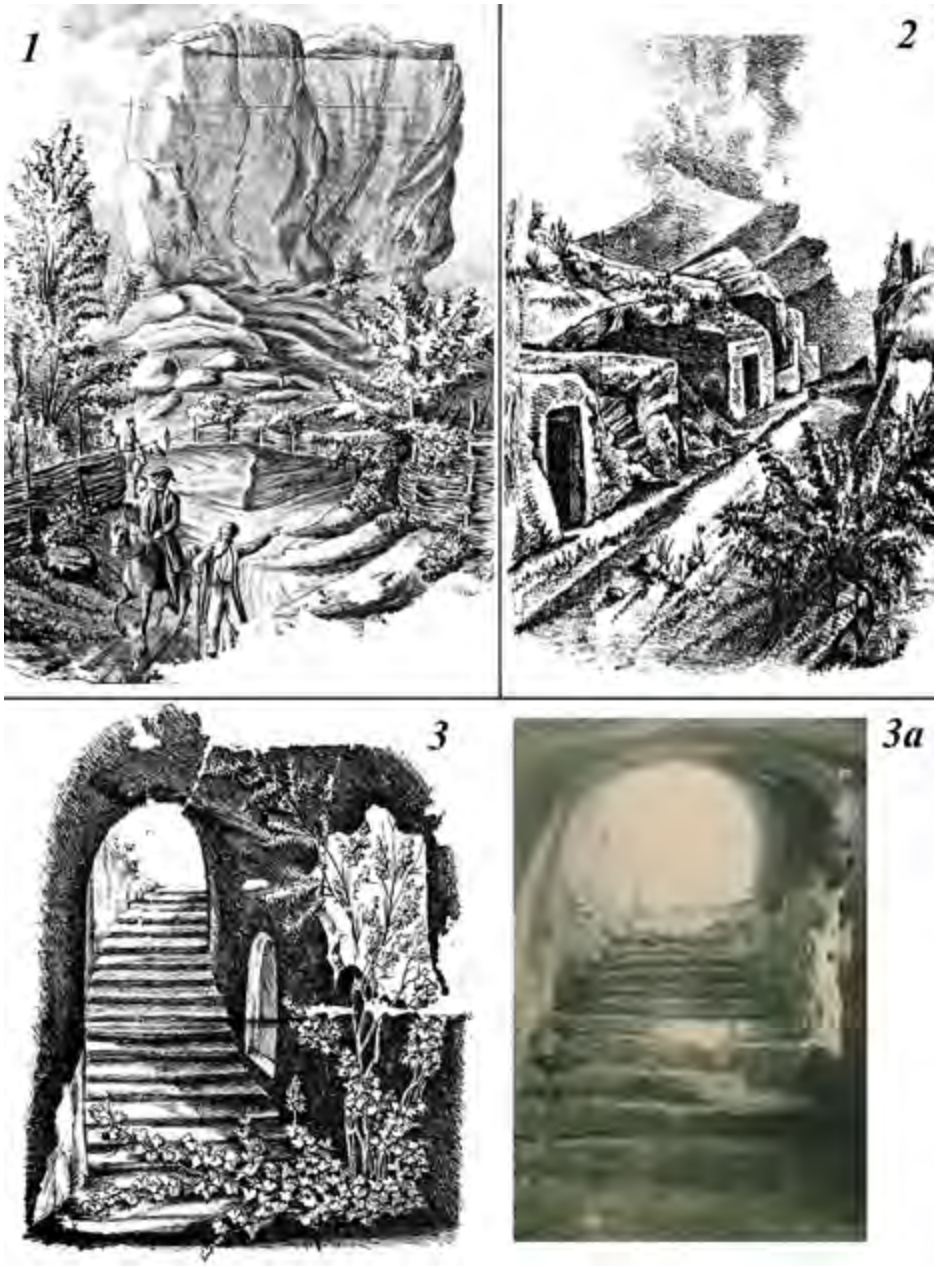


Рис. 4. Виды города на плато Эски-Кермен на рисунках К. Е. Гельфрейха 1867 г. (*1–3*) и на фотографии 1930 г. (*3а*): *1* – северный мыс плато; *2* – главная улица около южных ворот; *3, 3а* – лестница северного дозорного комплекса. 1–3 – [31, табл. I]; 3а – [46, с. 188, рис. 46]

Fig. 4. Views of the town atop of Eski-Kermen plateau on the drawings by K. E. Gel'freikh of 1867 (*1–3*) and on a photo of 1930 (*3а*): *1* – northern promontory of the plateau; *2* – main street at the southern gate; *3, 3a* – flight of steps in the northern observation complex. 1–3 – [31, tabl. I]; 3a – [46, p. 188, fig. 46]

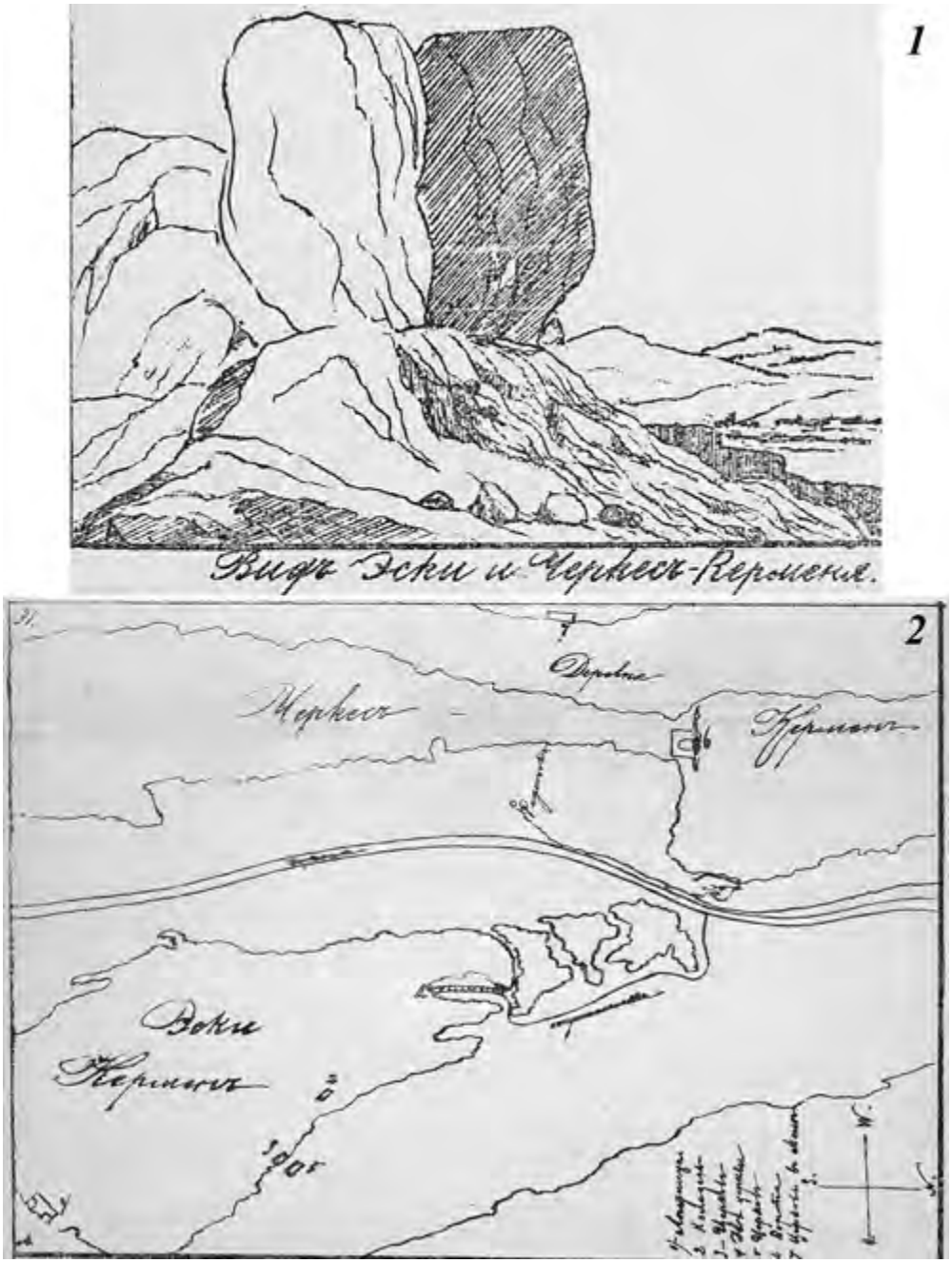


Рис. 5. Вид северного мыса плато Эски-Кермен (*1*) и схематичный план самого плато и его окрестностей (*2*). Рисунок А. А. Архипова 1888 г. [42]

Fig. 5. View of the north promontory of Eski-Kermen plateau (*1*) and schematic plan of the plateau and its environs (*2*). Drawing: A. A. Arkhipov, 1888 [42]

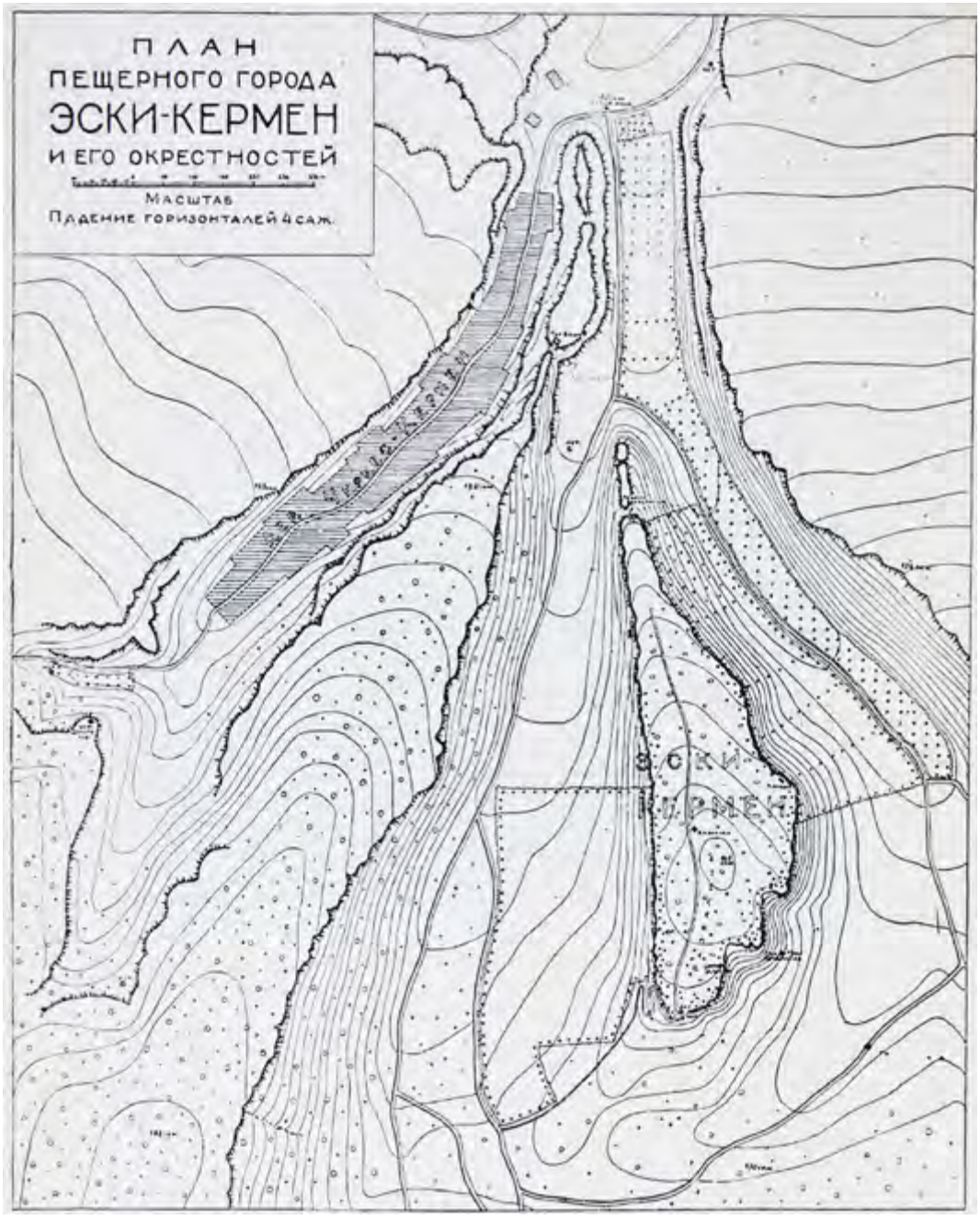


Рис. 6. План пещерного города Эски-Кермен и его окрестностей, составленный Н. Л. Эрнстом по собственным инструментальным обмерам в 1927 г. [57, с. 24]

Fig. 6. Plan of the cave town of Eski-Kermen and its environs compiled by N. L. Ernst according to his own instrumental measurements in 1927 [57, p. 24]

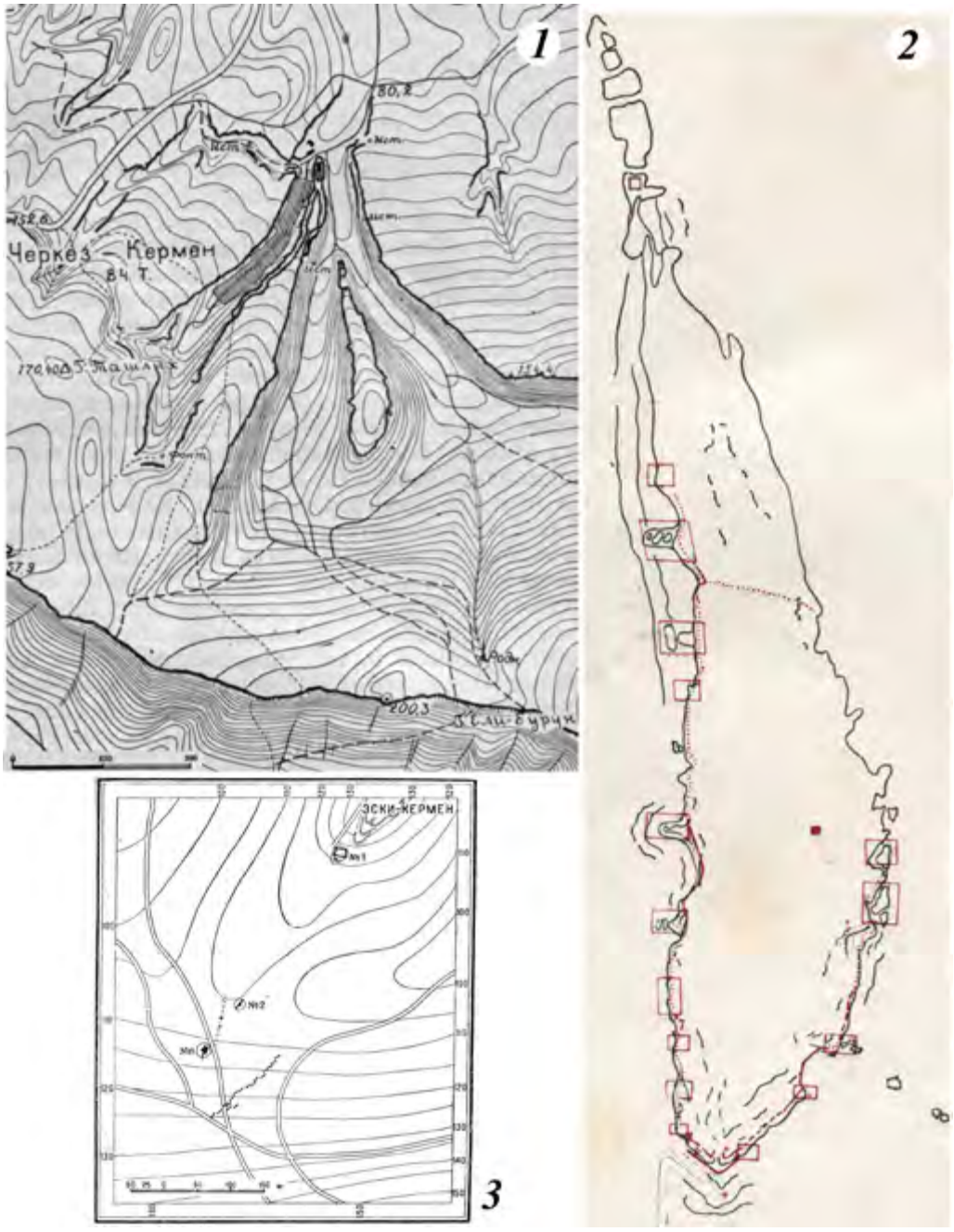


Рис. 7. План округи Эски-Кермена (*1*), схематический план обороны города (*2*) и план юго-западной седловины плато (*3*). 1 – [46, с. 182, рис. 42]; 2 – [46, рис. 43]; 3 – [71, с. 51, рис. 25]

Fig. 7. Plan of the environs of Eski-Kermen (*1*), schematic plan of the defence of the town (*2*), and plan of the south-western col of the plateau (*3*). 1 – [46, p. 182, fig. 42]; 2 – [46, fig. 43]; 3 – [71, p. 51, fig. 25]

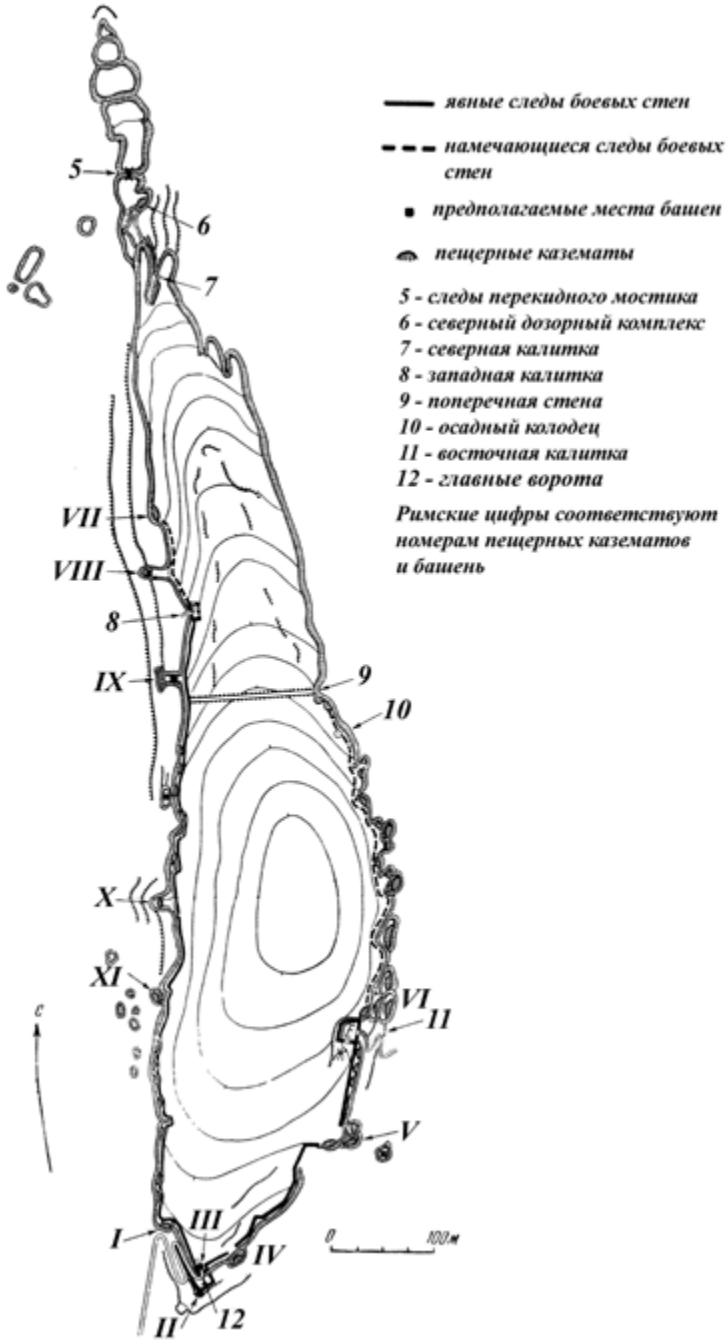


Рис. 8. Общий схематический план обороны городища Эски-Кермен, составленный Е. В. Веймарном [26]
Fig. 8. General schematic plan of the defence of the ancient town of Eski-Kermen compiled by E. V. Veimarn [16]

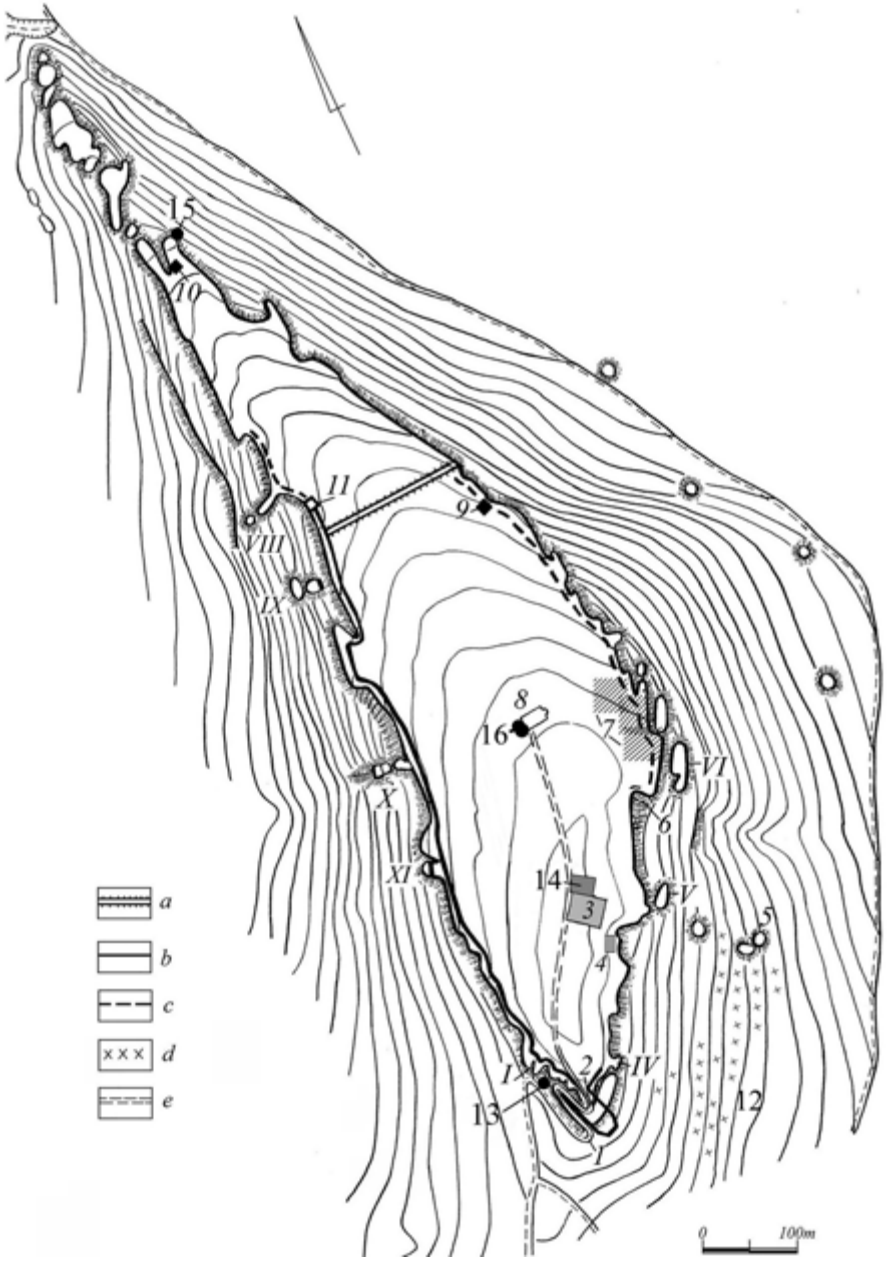


Рис. 9. Ситуационный план городища на плато Эски-Кермен по результатам раскопок в 2003–2021 гг.: a – поперечная стена; b – оборонительные стены; c – «постели» – подрубки на скале под стены; d – раннесредневековый некрополь; e – главная улица

Fig. 9. General location plan of the ancient town atop of Eski-Kermen plateau according to 2003–2021 excavations: a – transverse wall; b – fortification walls; c – sub-wall structures, or cuts in the bedrock to keep the walls; d – early mediaeval cemetery; e – main street

Рис. 10. Карта пещерных сооружений на плато Эски-Кермен, выполненная специалистами Римско-Германского музея г. Майнц в 2006–2008 гг. Точками обозначены пещерные сооружения, крестом – храмы. 1 – [60, S. 238, Abb. 2]; 2 – [61, S. 381, Abb. 1]

Fig. 10. Map of cave structures atop of Eski-Kermen plateau compiled by the specialists of the Romano-Germanic Central Museum in Mainz in 2006–2008 гг. Dots indicate the cave structures, and crosses the churches. 1 – [60, S. 238, Abb. 2]; 2 – [61, S. 381, Abb. 1]

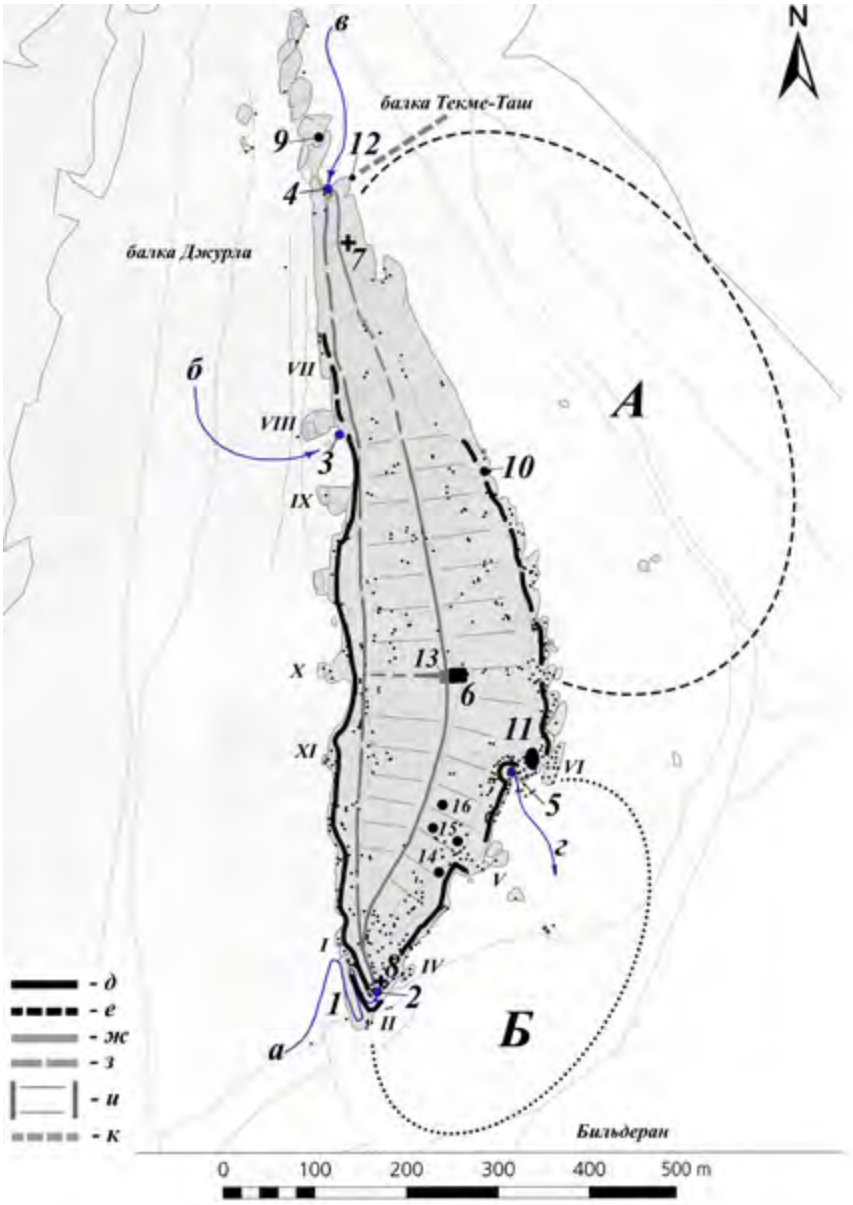


Рис. 11. План крепости и города на плато Эски-Кермен во второй половине VI – первой половине IX в.: А – раннесредневековое поселение, *проастий*; Б – раннесредневековый некрополь; а – колесный путь; б–г – пешие тропы; д – оборонительные стены; е – «постели» – подрубки на скале под стены; ж – главная улица; з – вторая продольная улица; и – кварталы; к – большая поперечная улица

Fig. 11. Map of the castle and town atop of Eski-Kermen plateau from the second half of the sixth to the first half of the ninth centuries: А – early mediaeval settlement, the *proasteion*; Б – early mediaeval cemetery; а – wheel road; б–г – foot paths; д – fortification walls; е – sub-wall structures, or cuts in the bedrock to keep the walls; ж – main street; з – second longitudinal street; и – quarters; к – major transverse street

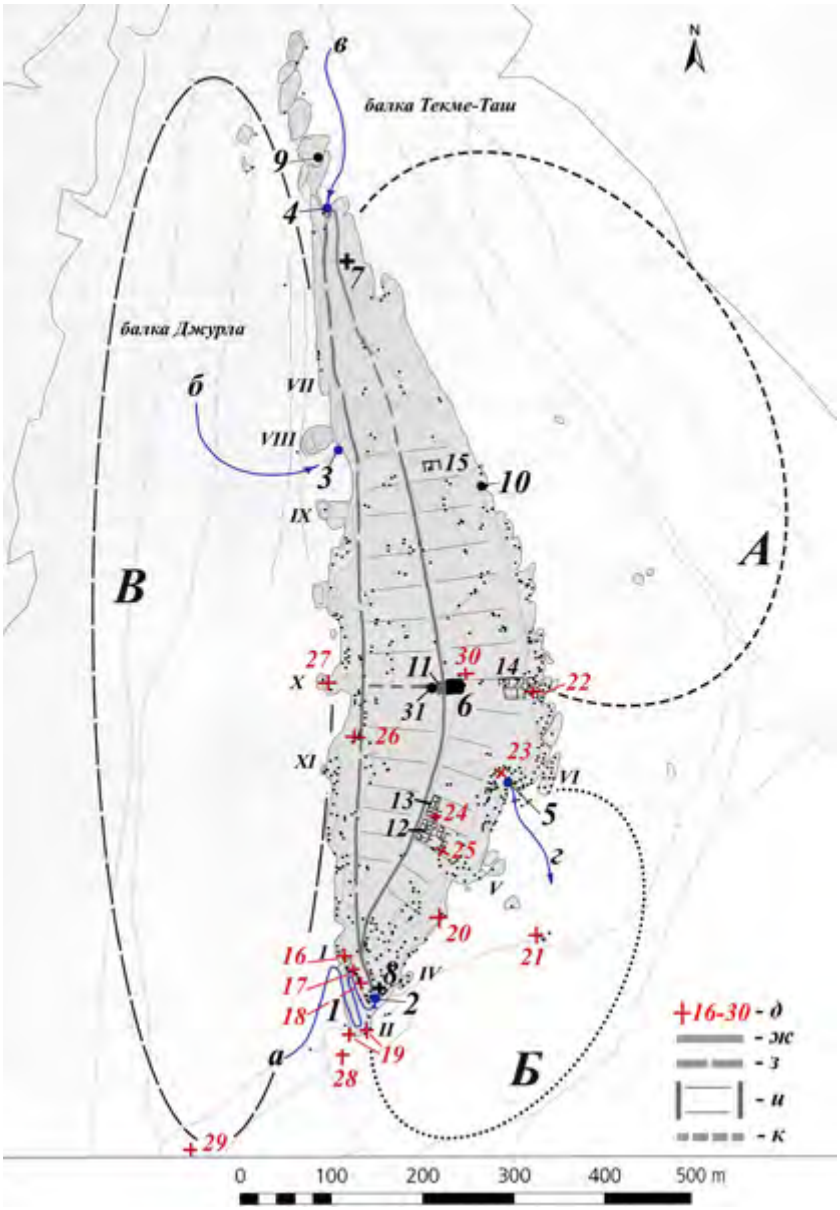


Рис. 12. План города на плато Эски-Кермен во второй половине IX – XIV в.: А – *проастий,* подгородный район; Б – подгородный район на территории заброшенного раннесредневекового некрополя; В – подгородный район; а – колесный путь; б–г – пешие тропы; д – небольшие однонефные храмы; ж – главная улица; з – вторая продольная улица; и – кварталы; к – большая поперечная улица

Fig. 12. Map of the town atop of Eski-Kermen plateau from the second half of the ninth to fourteenth centuries: A – the *proasteion,* or suburb; Б – suburb in the area of the abandoned early mediaeval cemetery; B – suburb; a – wheel road; б–г – foot paths; д – minor aisleless churches; ж – main street; з –second longitudinal street; и – quarters; к – major transverse street

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Раскопки Эскикерменского могильника // Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 286–287.
2. Айбабин А.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1978–1979 гг. // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Киев, 1980. С. 167–168.
3. Айбабин А.И. Раскопки раннесредневековых могильников в Горном Крыму // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 239–240.
4. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51, 236–242.
5. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
6. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
7. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 129–150.
8. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
9. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
10. Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 215–227.
11. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
12. Айбабин А.И. Город фемы Херсона на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 20–28.
13. Айбабин А.И. Топоним Климаты в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 6–17. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1.
14. Айбабин А.И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней Горной гряде Крыма // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 475–497.
15. Айбабин А.И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 5–25. (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1).
16. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
17. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
18. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ТГЭ. 2019. Т. XCIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 266–280.
19. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 250–276.
20. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 2019 г. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (99). С. 134–143.
21. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 310–326.
22. Ауфшнайтер М. Новые исследования пещер городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 316–332.
23. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–135.

24. Броневский Мартин. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 333–367.
25. Вегеций Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Вегеций / Пер. С. П. Кондратьева. СПб.: Алетейя, 1996. С. 153–306.
26. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–54.
27. Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 69–88.
28. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. тип. у Ивана Вейтбрехта, 1785. 199 с.
29. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: Е-Фактория, 2005. 546 с.
30. Ефимов А.В. Селение Черкес Кермен в документах XVI–XVIII вв. // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022 (в печати). (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 2).
31. Караулов Г.А. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 56–108.
32. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1837. 409 с.
33. Козен Ф.А. Выписка из письма о Троглодитах // Журнал путей сообщения. 1828. Кн. 12. С. 13–48.
34. Кузнецов А.Г. Горный массив Эски-Кермен как геологический памятник Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2014. Т. 10, № 1. С. 680–683.
35. Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
36. Медведев И.П. К вопросу о не подлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. С. 160–172.
37. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
38. Могаричев Ю.М. «Пещерный город» Эски-Кермен в описании А.С. Уварова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 56–74. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.6.
39. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов / Под ред. А.В. Ефимова. М.: Институт Наследия, 2021. 602 с.
40. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с немецкого С.Л. Белявской и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство, Т. 27).
41. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
42. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности – Салачик, Успенский скит, Кыркор (Чуфут-Кале), Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Мангуп-Кале и Сюрень. Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1888. 131 с.
43. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и Готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 5–106.
44. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 107–152.
45. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 153–180.
46. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.
47. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена (извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1931 и 1933 гг.) // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. С. 18–42.
48. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Часть II. СПб.: Императорская типография, 1805. 330 с.

49. Сюзюмов М.Я. Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11(36). С. 55–81.
50. Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3. С. 249–251.
51. Хайединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
52. Хайединова Э.А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 193–207.
53. Хайединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1).
54. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
55. Черкасов С.Д., Акинин О.И., Корнеева Е.А., Сабри М.М. Водопоглащение крымского нуммулитового известняка // Строительство уникальных зданий и сооружений. 2018. Вып. 8 (71). С. 63–72.
56. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 213–254.
57. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Вып. III. С. 15–43.
58. Якобсон А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. Београд, 1976. Вып. 7. С. 30–33.
59. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 165–232. (Monographien RGZM. Band 113).
60. Aufschnaiter M., Tobias B. Untersuchungen zu den Höhlen der Siedlung Eski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 233–250. (Monographien RGZM. Band 113).
61. Cramer A., Heinz G. Vermessung- und Dokumentationsarbeiten in Bergland der Krim // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 379–402. (Monographien RGZM. Band 113).
62. Dictionnaire national ou dictionnaire universel de la langue française en deux tomes par M. Bescherelle Aîné. T. II, septième édition. Paris: Chez Garnier Frères éditeurs, 1958. 1683 p.
63. Dubois de Montperreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Tom 6. Paris: Librairie de Gide, 1845. 460 p.
64. Mémoire. Extrait du journal d'un Voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne. Troisième partie. Paris: Deterville librairie, 1798. P. 1–98.
65. Montandon C.H. Guide de voyageur en Crimee. Odessa: Imprimerie de la ville, 1834. 385 p.
66. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig, 1801.
67. Procopius. On Buildings / Translated by H.B. Dewing, G. Downey. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1940. 363 p.
68. Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 115–188.
69. Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. 291 S.
70. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. 292 p. (Monographs of the Medieval Academy of America. No. 11).
71. Веймарн Е.В. Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931–1933 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1935 гг. С. 47–76.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Excavations of Eski-Kermen cemetery. *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g.* [Archaeological discoveries of 1978], Moscow, 1979, pp. 286–287.
2. Aibabin A.I. Excavations of Eski-Kermen cemetery in 1978–1979. *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1978–1979 gg.* [Archaeological research in Ukraine in 1978–1979], Kiev, 1980, pp. 167–168.
3. Aibabin A.I. Excavations of early medieval cemeteries in the Crimean Mountains. *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 g.* [Archaeological discoveries of 1982], Moscow, 1984, pp. 239–240.
4. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51, 236–242.
5. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
6. Aibabin A.I. Some Aspects of the History of Gothian Diocese of the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 615–626.
7. Aibabin A.I. Problems on Chronology of Byzantine Fortress on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129–150.
8. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
9. Aibabin A.I. City on the Plateau of Eski-Kermen in 13th Century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240–277.
10. Aibabin A.I. On the Date of Destruction of the Site on the Plateau of Eski-Kermen. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2014, vol. 42, pp. 215–227.
11. Aibabin A.I. On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
12. Aibabin A.I. A Town of Thema Chersonos on the Plateau of Eski-Kermen. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2019. Vyp. 47. S. 20–28.
13. Aibabin A.I. Toponym Klimata in the Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6–17. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1.
14. Aibabin A.I. The Early Byzantine and Khazar Periods in the Evolution of the Towns on the Inner Mountain Ridge in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 475–497.
15. Aibabin A.I. Research the central part of the city on the Eski-Kermen plateau. *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–25. (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. I).
16. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
17. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
18. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Excavations on cemetery near the Church of Three Riders (Eski-Kermen Plateau). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2019, vol. 99, pp. 266–280.

19. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Fourteenth-Century Slabbed Graves at Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 250–276.
20. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Excavations at Eski-Kermen Site in 2019. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Fund for Basic Research. Humanities and social sciences], 2020, vol. 2 (99), pp. 134–143.
21. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter Churches of the Mediaeval Town atop Eski-Kermen Plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
22. Aufshnaiter M. New Studies of the Caves of the Settlement Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 316–332.
23. Bert'e-Delagard A.L. Study of some puzzling questions of the Middle Ages in Taurida. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1920, vol. 57, pp. 1–135.
24. Bronevskii Martin. Description of Crimea (Tartariae Descriptio). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.
25. Flavius Vegetius Renatus. Epitoma Rei Militaris. *Grecheskie poliorketiki. Vegetsii* [Greek polyorketics. Vegetius]. Transl. S.P. Kondrat'ev. St Petersburg, Aleteiia Publ., 1996, pp. 153–306.
26. Veimarn E.V. Defensive structures of Eski-Kermen (Experience of reconstruction). *Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma* [History and archeology of the medieval Crimea], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7–54.
27. Veimarn E.V. Residential estates of the Eski-Kermen settlement. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1982, vol. 19, pp. 69–88.
28. Gablits K.I. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti, po ee mestopolozheniiu i po vsem trem tsarstvam prirody* [Physical description of the Tauride region, according to its location and all three kingdoms of nature]. St Petersburg, 1785, 199 p.
29. Guillou A. *Vizantiiskaia tsivilizatsiia* [Byzantine civilization]. Ekaterinburg, E-Faktoriia Publ., 2005, 546 p.
30. Efimov A.V. The village of Cherkes Kermen in the documents of the 16th–18th centuries. *Issledovaniia tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2020–2021], Simferopol, Antikva Publ., 2022 (in print). (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. 2).
31. Karaulov G.A. Crimean cave cities and crypts. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1872, vol. 8, pp. 56–108.
32. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the South Coast and the Tauride Mountains]. St Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
33. Kozen F.A. Extract from a letter about Troglodytes. *Zhurnal putei soobshcheniia* [Journal of the ways of communication], 1828, vol. 12, pp. 13–48.
34. Kuznetsov A.G. Mountain range Eski-Kermen as a geological monument of the Crimea. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], Simferopol, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 680–683.
35. Lositskii Iu.G., Parshina E.A. Eski-Kermen Basilica. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki* [Orthodox Antiquities of Taurica], Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 99–113.
36. Medvedev I.P. On the Issue of the Non-Authenticity of the So-Called Toparcha Gothicus. *Mir Aleksandra Kazhdana* [The World of Alexander Kazhdan], Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2003, pp. 160–172.
37. Mogarichev Yu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [Cave churches of Taurica]. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, 384 p.
38. Mogarichev Yu.M. The "Cave Town" of Eski Kermen in A.S. Uvarov's Description. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International

Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 56–74. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.6.
39. Efimova A.V. (ed). *Osmanskii reestr zemel'nykh vladenii Iuzhnogo Kryma 1680-kh godov* [Ottoman register of land holdings of the Southern Crimea in the 1680s]. Moscow, Institut Naslediia Publ., 2021, 602 p.
40. Pallas Petr Simon. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793–1794], Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
41. Parshina E.A. Eski-Kermen Basilica. Bibikov S.N. (ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu* [Architectural and archaeological research in the Crimea], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
42. Popov A.N. *Vtoraia uchebnaia ekskursiia Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii v Bakhchisarai i ego okrestnosti* [The second educational excursion of the Simferopol male gymnasium to Bakhchisaray and its environs]. Simferopol, 1888, 131 p.
43. Ravdonikas V.I. Cave towns of the Crimea and the Goth problem in connection with the stadial development of the Northern Black Sea region. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 5–106.
44. Repnikov N.I. Eski-Kermen in the Light of Archaeological Explorations in 1928–1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107–152.
45. Repnikov N.I. Excavations of the Eski-Kermen burial ground in 1928 and 1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 153–180.
46. Repnikov N.I. Remains of the Fortifications of Eski Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.
47. Repnikov N.I. Eski-Kermen lift road. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 18–42.
48. Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Leisure activities of a Crimean judge or a second trip to Tauris]. Part 2. St Petersburg, 1805, 330 p.
49. Siuziumov M.Ia. Economy of the suburbs of the Byzantine major cities. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1956, vol. 11(36), pp. 55–81.
50. Tunkina I.V. On the history of the study of the "Gothic problem" in Soviet archeology in the 1920s – early 1930s. *Trudy II (XVIII) Arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Proceedings of the II (XVIII) Archaeological Congress in Suzdal], Moscow, 2008, vol. 3, pp. 249–251.
51. Khairedinova E.A. Excavations of Necropolis on the Slope of Eski-Kermen Plateau in 2006–2008. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 140–213.
52. Khairedinova E.A. A Quarry on the Road Ascending to the Ancient Town of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 193–207.
53. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143. (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. I).
54. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. The Crimea in 1784 According to French Traveller Baron de Baert's Account. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 395–430.
55. Cherkasov S.D., Akinin O.I., Korneeva E.A., Sabri M.M. Absorption of Water of Crimean Nummulite Limestone. *Stroitel'stvo unikal'nykh zdanii i sooruzhenii* [Construction of Unique Buildings and Structures], 2018, vol. 8 (71), pp. 63–72.

56. Shmit F.I. Eski-Kermen Basilica. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213–254.
57. Ernst N.L. Eski-Kermen and cave cities of Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
58. Iakobson A.L. Temple model from the excavations of Eski-Kermen in the Crimea and the problem of a new architectural style in Byzantium. *Zograf*, Beograd, 1976, vol. 7, pp. 30–33.
59. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. Albrecht S., Daim F., Herdik M. (Hrsg.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Mainz, 2013, pp. 165–232. (Monographien RGZM. Band 113).
60. Aufschnaiter M., Tobias B. Untersuchungen zu den Höhlen der Siedlung Eski Kermen. Albrecht S., Daim F., Herdik M. (Hrsg.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Mainz, 2013, pp. 233–250. (Monographien RGZM. Band 113).
61. Cramer A., Heinz G. Vermessung- und Dokumentationsarbeiten in Bergland der Krim. Albrecht S., Daim F., Herdik M. (Hrsg.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Mainz, 2013, pp. 379–402. (Monographien RGZM. Band 113).
62. *Dictionnaire national ou dictionnaire universel de la langue française en deux tomes par M. Bescherelle Aîné*. T. II, septième édition. Paris, Chez Garnier Frères éditeurs, 1958, 1683 p.
63. Dubois de Montperreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Tom 6. Paris, Librairie de Gide, 1845, 460 p.
64. Mémoire. Extrait du journal d'un Voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie. *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne*. Troisième partie. Paris, Deterville librairie, 1798, pp. 1–98.
65. Montandon C.H. *Guide de voyageur en Crimee*. Odessa, 1834, 385 p.
66. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794*. Bd. 2. Leipzig, 1801.
67. Procopius. *On Buildings*. Translated by H.B. Dewing, G. Downey. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1940, 363 p.
68. Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, vol. 25, pp. 115–188.
69. Schilbach E. *Byzantinische Metrologie*. München, 1970, 291 p.
70. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936, 292 p. (Monographs of the Medieval Academy of America. No. 11).
71. Veimarn E.V. Report on the work on the excavation of an ancient water pipeline in the area of the Eski-Kermen settlement in 1931–1933. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 47–76.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

DOI: https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.551-578

ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX – XII В.

Александр Ильич Айбабин
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Аннотация. В фемный период Восточная Римская империя дважды реформировала в Климатах Готии административную структуру и усилила роль православной церкви. Фемный период в Климатах Херсона начался в 841 г. Император Феофил, воспользовавшись зависимостью хазар от военной помощи Восточной Римской империи для возвращения расположенных на Внутренней горной гряде городов и крепостей, учредил новый военно-административной округ – фему (θέμα). Стратигу Херсона подчинили крепость Херсон и соседние Климаты, управлявшиеся местными архонтами. Стратиг ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории. Видимо, в 850 или 860 г. на печатях фему называли фемой Херсона. Судя по материалам археологических раскопок, после учреждения фемы в κάστρον и πολίσματα на плато Мангуп, Эски-Кермен и Бакла восстановили некоторые оборонительные сооружения и построили новую крепость на высоком плато Сюйрень.

В 842–843 гг. в Византии была осуществлена церковная реформа. После кончины 20 января 842 г. Феофила на Соборе, созванном в Константинополе, низложили иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика и 4 марта рукоположили патриархом Мефодия. Собор 11 марта 843 года окончательно восстановил иконопочитание. Торжество православия в империи усилило влияние церкви во всех сферах общественной жизни. Бесспорные свидетельства повсеместного укрепления позиции церкви выявлены в Климатах Готии. В процессе раскопок установлено, что с конца IX в. в городах на плато Эски-Кермен и Бакла были перепланированы городские кварталы, в каждом из которых, на специально выделенных местах, в X–XI вв. возводили новые общинные однонефные храмы. Вероятно, не раньше XI в. на горе Тепе-Кермен возникли городище и монастырь.

Во второй половине X – начале XI в. Никифор II Фока (963–969), Ионн I Цимисхий (969–975) и Василий II (976–1025) реформировали пограничные фемы. Во второй половине XI в. в фему Херсона включили Сугдею. Вероятно, через несколько лет фему преобразовали в катепанат. Границы катепаната Херсона не ясны. В него входили фема Херсона с топотирисиями турмы Готии, Сугдея и Хазария. Происходящие с территории Климатов печати византийских аристократов и материалы археологических раскопок городов и крепостей на Внутренней горной гряде свидетельствуют о сохранении подчинения Готии Восточной Римской империи до ее разгрома в 1204 г. крестоносцами.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Готия, Климаты, Херсон, стратиг, фема, турма, топоритит, катепан

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

© Айбабин А.И., 2022

THE EASTERN ROMAN EMPIRE POLICY IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA FROM THE SECOND HALF OF THE NINTH TO TWELFTH CENTURIES

Aleksandr I. Aibabin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Abstract. In the Theme Period, the Eastern Roman Empire made two reforms of the administrative structure in the Klimata of Gothia and strengthened the role of the Orthodox Church. The Theme Period in the Klimata of Cherson started in 841. In summer 841, Emperor Theophilos took the advantage of the Khazars' dependence on the military assistance from the Eastern Roman Empire, returned the towns and fortresses located on the Inner Mountain Range and established a new military administrative district – the *theme* (θέμα). The *strategos* of Cherson subordinated the fortress of Cherson and the neighbouring Klimata, which were governed by local *archontes*. The *strategos* was in charge of judicial, financial, and tax aspects of the province and was responsible for keeping the order in the territory of his area. Apparently in 850 or 860, the *theme* was called the "*theme* of Cherson" by the seals. According to the materials of archaeological excavations, following the establishment of the *theme* the Byzantines restored some of the defensive structures in the κάστρον and πολίσματα on the plateaus of Mangup, Eski-Kermen, and Bakla and constructed a new fort on the high plateau of Siuiren'. In 842–843, Byzantium conducted a church reform. After the death of Theophilos on 20 January 842, the Council was convened in Constantinople to depose, the iconoclastic Patriarch John the Grammarian and, on March 4, to ordain Methodios the Patriarch. On 11 March 843, the Council of finally restored veneration of icons. The triumph of Orthodoxy in the Empire increased the influence of the church in all spheres of public life. There are indisputable evidences of the universal strengthening of the church revealed in the Klimata of Gothia. The excavations uncovered that from the late ninth century on, urban quarters of the towns located atop the plateaus of Eski-Kermen and Bakla were replanned, with a new aisleless church constructed for the commune's needs in every quarter at specifically selected place in the tenth or eleventh century. It probably was not before the eleventh century when a town and a monastery appeared atop the mountain of Tepe-Kermen. In the second half of the tenth and early eleventh centuries, Nikephoros II Phokas (963–969), John I Tzimiskes (969–975), and Basil II (976–1025) reformed the *themes* in the borderlands. In the second half of the eleventh century, Sougdaia was included into the *theme* of Cherson. Perhaps a few years later, the *theme* was transformed into a *katepanate*. The borders of the *katepanate* of Cherson remain obscure. This unit certainly comprised of the *theme* of Cherson with the *topoteresiai* of the *tourma* of Gothia, as well as Sougdaia and Khazaria. The seals of Byzantine aristocrats originating from the territory of Klimata and the materials of archaeological excavations of the towns and fortresses located in the Inner Mountain Range testify that Gothia continued to be subordinated to the Eastern Roman Empire as long as the Crusaders defeated the latter in 1204.

Keywords: Eastern Roman Empire, Gothia, Klimata, Cherson, *strategos*, *theme*, *turma*, *topoteretes*, *katepano*

Acknowledgement: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Megagrant Project no. 075-15-2022-1119.

В последней четверти VI в. Восточная Римская империя включила населенную готами и аланами область Дори во вновь созданный на северной границе погранич-

ный округ – Херсонский дукат. Византийские военные инженеры спроектировали и построили на плато в западной части Внутренней горной гряды укрепления в крепости (κάστρον) Δόρος, а на Эски-Кермене, Бакле и, возможно, Чуфут-Кале – разнотипные укрепленные города (πόλισμα) [6, с. 38–45; 11, с. 479–481]. В описаниях событий второй половины VII в. и более поздних территорию с крепостями соседних с Херсоном народов «castris gentium ibidem adjacentium» [96, 36, col. 684] называли топонимами Климаты и Климаты Херсона. В VIII – первой половине XIII в. в том же регионе помещали Готию или Климаты Готии [8, с. 10–12].

Комплексное изучение письменных источников и археологических материалов позволяет аргументировано воссоздать влияние политики Восточной Римской империи в Юго-Западном Крыму на этнокультурные трансформации в регионе. В данной статье характеризуется политика империи в Климатах Готии в фемный период, во время которого Константинополь дважды реформировал в регионе административную структуру и усилил роль православной церкви.

Первая реформа структуры управления Климатами. Константин Багрянородный в написанном между 948 и 952 гг. трактате «De administrando imperio» сообщает о восстановлении императором Феофилом (829–842 гг.) византийской администрации в Климатах Готии [102, p. 184–185]. О том же повествуется и в завершенных в 963 г. анонимных хрониках, приписанных Продолжателю Феофана (συνεχισταί Θεοφάνους) [124, p. 2061, 2062]. В этих сочинениях говорится о прибытии в Константинополь послов кагана хазар и пеха (бека). Они привезли императору Феофилу послание с просьбой построить для хазар крепость Саркел (Белый дом) на реке Танаис, разделяющей печенегов и хазар [102, p. 182–183; 41, с. 170–171; 123, p. 122–123; 57, с. 84], для защиты от варваров, угрожавших хазарским землям. О дате события судят по рассказу Продолжателя Феофана о приезде послов в Константинополь через год после избрания патриархом Иоанна Грамматика, то есть в 838 г. [125, p. 313, 448; 127, p. 211]. По мнению Э. Арвейлер и Д. Оболенского, обратившиеся за военной помощью к Византии хазары опасались венгров [92, p. 48; 117, p. 128, 129].

Император Феофил отправил в место сближения рек Волги и Дона экспедицию во главе со спафарокандидатом Петроной Каматиром. Приплывшая в Херсон экспедиция погрузилась на плоскодонные корабли (εἰς καματερὰ καράβια) и отправилась по реке Танаис. Под руководством Петроны византийцы возвели там для хазар крепость Саркел [102, p. 183–185; 41, с. 170–173]. По возвращении в Константинополь Петрона в отчете о постройке Саркела предложил Феофилу назначить своего стратига в Херсон: «Εἰ θέλῃς ὅλως τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους κυρίως ἐξουσιάσαι καὶ τούτους μὴ τῆς σῆς ἐκτὸς γενέσθαι χειρός, προβάλλου στρατηγὸν ἴδιον, καὶ μὴ τοῖς ἐκείνων καταπιστεύσῃς πρωτεύουσί τε καὶ ἄρχουσι. – Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам» [102, p. 184–185; 41, с. 172–173].

Феофил воспользовался союзными отношениями с хазарами и вернул империи Херсон и Климаты Готии. Восточный и равнинный Крым остались под контролем

хазар до 873 г. [11, с. 486]. Император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом в Херсон «…ὃν καί πρωτοσπαθάριον τιμήσας, προεβάλετο στρατηγόν, καί εις Χερσῶνα έξαπέστειλεν» [102, p. 184–185]. Тем самым император создал новый военно-административной округ фему (θέμα), стратиг которой управлял крепостью Херсона «и местностью в нем» – «τὸ τῆς Χερσὼνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους…» [102, p. 184–185; 124, p. 2034].

Традиционно описанное событие относили к 833 г. [126, p. 108; 124, p. 419; 107, tabl. 3,2; 51, с. 187] или 837 г. [28, с. 273–274]. К. Цукерман аргументировал возведение крепости Саркел зимой 840/841 гг., а образование фемы – летом 841 г. [127, p. 214].

В датированном 842–843 гг. «Тактиконе Успенского» упомянуты «патрикий и стратиг Климатов – ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» и «οἱ ἄρχοντες (Χερ) σῶνος – архонты Херсона» [118, p. 45, 48–49; 88, с. 311]. Н. Икономидис отождествлял Климаты с Херсоном: «la mention du stratège des Klimata, c'est-à-dire de Chersôn – упоминание о стратиге Климатов, то есть Херсона» [118, p. 45]. В коллекции Дамбартон-Оукс хранится печать с надписью «…τῶν πέντε Κλιμάτ(ων) – пяти Климатов» [115, p. 182]. Очевидно, пятью Климатами были Херсон и климы соседней Готии [3, с. 211; 15, с. 306–307]. В надписи на печати из Херсона И. В. Соколова восстановила «…τῶν Κλιμάτων τῆς Χερσῶνος – …Климатов Херсона» [63, с. 74, 75, 149, 150, № 14]. К. Цукерман предложил иное чтение: «τῶν Κ(λιμάτων) (καὶ) Χερσ(ῶνος) – Климатов и Херсона» [127, p. 220]. По мнению К. Цукермана, фему пяти Климатов на полуострове учредили в 841 г., спустя некоторое время ее стали именовать фемой Климатов и Херсона, а в начале 850-х гг. – фемой Херсона [127, p. 214–215, 217]. Однако из Херсона, Сугдеи и Готии происходят и другие печати с легендой «…στρατηγῷ τῶν Κλιμάτων τοῦ Χερσῶνος – …стратиг Климатов Херсона» [19, с. 264–269].

Новая фема по структуре отличалась от других приграничных фем, разделенных на две или четыре турмы [84, с. 158–162; 105, p. 80–81; 47, с. 16]. В Херсоне не найдены печати турмархов. Согласно Константину Багрянородному, фема состояла из Херсона и соседних Климатов: «…Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα – Херсон и так называемые Климаты» [102, p. 48], «…Χερσὼν καὶ τὰ κλίματα – Херсон и Климаты» [102, p. 64]. Император «…повелел тогдашнему протевону и всем повиноваться ему (стратигу). С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних. – …δρίσας τδν τότε πρωτεύοντα καί πάντας ὑπείκειν αύτφ, έξ ού καί μέχρι τήν σήμερον έπεκράτησεν άπό τών έντεῦθεν είς Χερσῶνα προβάλλεσθαι στρατηγούς» [102, p. 184–185].

Н. Икономидис отождествлял Климаты с Херсоном: «la mention du stratège des Klimata, c'est-à-dire de Chersôn – упоминание о стратиге Климатов, то есть Херсона» [118, p. 45]. Он полагал, что стратиг обладал верховной властью в данном регионе, а упоминание в тактиконе архонтов Херсона показывает, что они также были признаны чиновниками империи [119, с. 321]. Как глава гражданской администрации, стратиг ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории [105, p. 35–38]. В Херсоне известны и пе-

чати имперских коммеркиариев (κομμερκιάριος) середины IX – X в. [19, с. 122–123, 358–400]. В составленном Филофеем в 899 г. табеле о рангах (Κλητορολόγια) имперские коммеркиарии контролировали импорт и экспорт и собирали некоторые пошлины в фемах и портах, в том числе и в Херсоне [118, p. 113, 313].

Восточная Римская империя создала в Климатах Херсона структуру администрирования, подобную существовавшей до захвата региона хазарами. Резиденции правителя Климатов и епископа Готии находились в φρούριον или κάστρον Дорос на плато Мангуп, а резиденции архонтов клим в πολίσμα – на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале [11, с. 486; 15, с. 306–307]. Скончавшийся вскоре после 845 г. Игнатий в житии патриарха Никифора (808–815) возмущался поведением правителя народа Таврических климатов [109, p. 160; 93, S. 198–199].

Видимо, в 850 или 860 г. распространились печати стратигов фемы Херсона [37, с. 91–92]. В табеле о рангах Филофея уже упомянут стратиг Херсона [118, p. 101, 105]. По утверждению К. Цукермана, Ж.-К. Шене и примкнувшего к ним Н. А. Алексеенко, фему переименовали в связи с неспособностью имперской администрации контролировать Климаты [127, p. 214–215, 217; 88, с. 310; 19, с. 81, 264]. Как аргументированно отмечал Н. Икономидис, замена топонима Климаты названием Херсон не имела административного значения: «L'abandon du terme Klimata et son remplacement par le nom de Cherson n'a pas, à mon avis, de signification administrative…». Власть стратига Херсона распространялась на Климаты и во второй половине IX – X в. [119, p. 321, 323]. Константин VII отчетливо указывал на вхождение крепостей в состав фемы Херсона. В случае восстания херсонитов император рекомендовал: «Εἶθ' οὕτως ὀφείλει δέξασθαι καὶ ὁ στρατηγὸς τοῦ κόψαι καὶ τὰς δέκα λίτρας, τὰς διδομένας ἀπὸ τοῦ δημοσίου εἰς τὸ κάστρον Χερσῶνος, καὶ τὰς δύο τοῦ πάκτου, καὶ τηνικαῦτα ἀναχωρῆσαι ἀπὸ Χερσῶνος τὸν στρατηγὸν καὶ ἀπελθεῖν ἐν ἑτέρῳ κάστρῳ καὶ καθεσθῆναι ἐκεῖσε.καὶ τηνικαῦτα ἀναχωρῆσαι ἀπὸ Χερσῶνος τὸν στρατηγὸν **καὶ ἀπελθεῖν ἐν ἑτέρῳ κάστρῳ** καὶ καθεσθῆναι ἐκεῖσε – Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр, выдаваемые крепости Херсон из казны, и две [литры] пакта, а затем стратиг уйдет из Херсона, **и отправится в другую крепост**ь и обоснуется там» [102, p. 286–287]. То есть, стратиг должен был покинуть Херсон и поселиться в другой крепости, из которой будет управлять регионом. Херсон же лишался преимуществ, получаемых от постоянного присутствия в городе имперской администрации – ренты и субсидий. Из-за смещения экономической деятельности и торговли в новую столицу региона она могла бы соперничать с Херсоном.

По мнению Н. Икономидиса, стратиг ежегодно выплачивал городу Херсону (κάστρον Χερσῶνος) очень значительную сумму, десять λίτρας (фунтов = 72 золотых солида) для обеспечения лояльности херсонитов. Бенефициариями были в основном знатные люди города или власти муниципальной администрации. Раздача денег иностранным нотаблям была характерна для византийской политики. Н. Икономидис считал пактон в две литры платой за помещение, предоставляемое стратигу и его свите для резиденции [119, p. 322], а Ж.-К. Шене – вознаграждением

за оказываемые херсонитами услуги войску [88, с. 310]. В комментарии к изданию перевода «Об управлении империей» на русский язык пакт отождествлен с платой за воинскую помощь [41, с. 457]. В американском издании этого сочинения лексема πάκτον переведена на английский как tribute – дань, оброк, подношение [102, p. 287]. В труде Константина VII плательщиками пакта всегда являлись подвластные города или племена, или их вожди, но не жители империи [41, с. 436]. Очевидно, и стратиг фемы Херсона получал «две [литры] пакта» [102, p. 286–287] от архонтов подвластных Климатов.

После учреждения фемы в названных выше κάστρον и πόλισμα восстановили некоторые оборонительные сооружения.

Фроύριον или **κάστρον Δόρος** на плато **Мангуп** сохранил статус административной и экономической столицы Климатов, а также резиденции епископа Готии [11, с. 487]. По данным исследователей Дороса, на плато раскрыты не менее восьми архитектурно-археологических объектов, отнесенных к фемному периоду [50, с. 166]. В процессе археологического изучения выявлены свидетельства реконструкции в середине IX в. укрепления А.XI Главной линии обороны крепости (далее – ГЛО), перегораживающего балку Табана-дере [35, с. 38, 40]. Наземные и скальные постройки второй половины IX – XI в. расчищены на месте дворца князей Феодоро 1425–1475 гг. [49, с. 226–231]. Слой с керамикой и монетами фемного периода второй половины IX – X в. выявлен в цитадели на мысе Тешкли-Бурун. В Лагерной балке прослежен слой разрушения одновременной застройки. Продолжали функционировать многочисленные винодельни. На плато и его склонах строились новые храмы [34, с. 626–627].

Πόλισμα на плато **Эски-Кермен.** В фемный период в πόλισμα на плато Эски-Кермен, так же как и в других одновременных византийских городах, активизируется жизнь [100, p. 501–503; 112, p. 31–39; 9, с. 23]. В πόλισμα сформировался градостроительный облик позднего периода [5, с. 240–241]. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы, как башни с бойницами и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы, а также главные ворота. Сводчатое перекрытие этих ворот П. И. Сумароков видел в начале XIX в. [68, с. 48]. Башня, защищавшая главные ворота, функционировала до гибели города. Ее сложенные из прямоугольных блоков стены зачистили в 1929 г. [59, с. 193].

В X–XI вв. многие византийские города представляли собой хаотичное скопление построенных без соблюдения какого-либо плана домов [99, p. 638, 639; 120, p. 195–204, Abb. 11, 12]. На плато Эски-Кермен в застроенной части сохранили многие созданные в раннее средневековье элементы градостроительного облика: сетку кварталов правильной прямоугольной формы, главную проезжую улицу, проложенную между главными воротами и центральной площадью с большой базиликой. На скальной поверхности широкой главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между глав-

ной улицей и западным краем плато. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы состояли из нескольких двухэтажных усадеб. Первые хозяйственные этажи заглублены в материковую скалу. Во всех усадьбах в хозяйственных помещениях зачищены вырубленные в скале зернохранилища с пифосами, ямы для ручных мельниц и кормушки для домашних животных, а также найдены каменные мукомольные жернова, железные серпы, садово-виноградорские ножи и другие орудия труда [5, с. 240–241, 243–245; 7, с. 279, 283; 14, с. 394–397]. Между кварталами на поверхности скалы под прямым углом к широким продольным улицам проложены узкие поперечные улицы [5, с. 241–243; 7, с. 277–304].

Πόλισμα на горе **Бакла**. В результате раскопок Д. Л. Талиса на Бакле зафиксирована реконструкция цитадели. На ее северо-восточном участке засыпали вырубленные в скале цистерны, а поверх заполнения из хорошо отесанных каменных блоков (0,9х0,5х0,4 м) на известняковом растворе сложили новую облицовку ранней куртины. Промежуток между ней и ранней кладкой заполнили бутом и залили тем же раствором. На юго-восточном фланге стены у обрыва зачищено высеченное в скале полукруглое основание башни или боевой площадки. Внешний и наружный панцири второй мощной куртины (толщина 2,5 м) сооружены на материковой скале из хорошо отесанных блоков на известняковом растворе. В северном углу цитадели в месте стыка обеих куртин зачищены калитка или ворота и прямоугольная башня с фундаментом из плит и стенами, сложенными так же, как и новые куртины [74, с. 99–104; 77, с. 64–72]. По конструкции и характеру кладки оборонительные стены Баклы аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в. [104, p. 142–145, fig. 10, 15, 18]. Дата реконструкции куртины определяется по содержавшимся в земле из засыпанных цистерн фрагментам красноглиняных ойнохой VII–IX вв., северопричерноморских амфор и горшков с венчиками с насечкой и с туловом со сплошным линейным и волнистым декором [78, с. 57, 58, 63] второй половины VIII – X в. Д. Л. Талис, указав на отсутствие в заполнении цистерн фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов, отнес извлеченную из них керамику к первой половине IX в. [74, с. 104]. Слой, накопившийся в период функционирования перекрывших цистерны оборонительных сооружений, он синхронизировал с IX–X вв. [75, с. 107]. Скорее всего, стены цитадели восстановили около середины IX столетия [74, с. 104], то есть вскоре после учреждения фемы Климатов [3, с. 218]. В центральной части цитадели строится квартал домов. По утверждению Д. Л. Талиса, владетелю цитадели принадлежал двухэтажный дом с семью помещениями и двором. Одна из стен сложена из двух рядов массивных хорошо обтесанных блоков, с забутовкой между ними. Нижний нежилой этаж углублен в скалу, на поверхности которой сохранились вырубки для деревянных столбов и сосудов. В юго-западной стене находились три дверных проема. Дом отделен узким проулком от другого жилого здания из двух помещений. В одном из них прослежен слой, содержавший высокогорлые кув-

шины с плоскими ручками и белоглиняную поливную посуду [70, с. 58–60; 80, с. 336]. Примыкающий к цитадели посад в X в. перепланировали и плотно застроили жилыми двухэтажными усадьбами. На первом этаже находились заглубленные в материк хозяйственные помещения с глиняными полами, а на втором этаже – жилые. Сохранились основания лестниц на второй этаж. В помещениях имелся выход в переулок или в открытый двор. В. Е. Рудаков на посаде раскопал 4 усадьбы либо примыкающие одна к другой, либо разделенные узкими проулками шириной 0,6–0,7 м. Кварталы разделялись улицей шириной до 4 м [72, с. 301; 61, с. 24–25; 62, с. 39].

Πόλισμα на плато **Чуфут-Кале**. На южном фланге возведенной посредине плато стены сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых блоков размером 1,0х0,7 м. По определению А. Л. Якобсона, данная кладка типична для стен византийских крепостей, построенных в Крыму при Юстиниане I [91, с. 110–113]. Однако ранневизантийские стены сложены из более крупных прямоугольных камней. Рассматриваемая кладка характерна для стен IX в. и более поздних [104, p. 142–145, fig. 10, 15, 18]. По мелким неопределенным фрагментам керамики из шурфов у срединной стены невозможно установить время ее строительства. В других шурфах на плато обнаружены фрагменты керамики фемного периода, но не выделены закрытые комплексы керамики и инвентаря, позволяющие аргументировано отнести к этому времени какие-либо строительные остатки. На некрополе у подножья хоронили до конца IX в. [2, рис. 2,46; 5,33].

Κάστρον на плато **Сюйрень** априори относили к сооруженным Юстинианом I крепостям. Ее датировали по внешней и внутренней облицовочным кладкам возведенных на оконечности ограниченного обрывами мыса Куле-Бурун двух куртин и башни [90, с. 193–194]. Лицевые кладки сложены из хорошо обтесанных блоков на известковом растворе с примесью речного песка. На разрушенных участках западной куртины сохранились высеченные в скале постели. Узкий промежуток между ними заполнен бутом. Башня возведена вперевязь со стенами. В 1968 г. И. А. Баранов в выкопанном у юго-западного участка оборонительной стены шурфе зачистил вырубленную в скале постель для ее основания, а также проследил стратиграфию слоев. По керамике он отнес верхний слой к XIV–XV вв., средний слой с остатками пожара – к XII–XIII вв., а нижний слой – к VIII–IX вв. По утверждению И. А. Баранова, ранний материал содержался в слое, образовавшемся после возведения стены. Из слоя извлекли фрагменты гончарных ойнохой VII–IX вв. [13, с. 23, рис. 5,13], причерноморских амфор второй половины IX – X в. и характерных для салтовской культуры горшков [23, с. 90–91; 24, с. 61]. Одновременная керамика выявлена в нижнем слое в ходе раскопок на плато в 1978–1979 гг. [33, с. 458, 463]. И. А. Баранов бездоказательно утверждал, что поскольку стены на плато сложены без фундамента, то они типичны для хазар. Однако вырубленные в скале под нижним рядом кладки постели обычны для византийских горных крепостей. По конструкции и характеру кладки оборонительные стены Сюйрени аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в. [104, p. 142–145, fig. 10, 15, 18; 15, с. 160, 162].

Отмечу отсутствие в слое фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, изготовлявшихся со второй половины IX в. Вероятно, κάστρον на плато Сюйрень византийцы соорудили около середины IX в. после образования фемы Климатов.

Усиление роли православной церкви в Климатах. Согласно агиографическим источникам, во второй период иконоборчества клирики и паства Готской епархии сохранили приверженность к иконопочитанию. Именно к опальному духовному вождю иконопочитателей Федору Студиту в первой четверти IX в. обратился архимандрит Готии Филарет с просьбой разрешить спор. В написанном между 821 и 826 гг. ответном письме Федор Студит обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии [122, No. 486, S. 443–444, 714–716]. В составленном в 816 г. житии поборника иконопочитания Святого Стефана Нового дан совет монахам после собора 754 г. искать убежище в регионе близ Херсона [98, p. 125,19, 219]. А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконопочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей на Тепе-Кермен, Чилтер, Качи-Кальоне, Шулдан и в Инкермане [126, p. 88, 89; 89, с. 32–33]. Вот только М.-Ф. Озепи указывала на весьма приблизительное отражение в тексте жития Стефана Нового ситуации времени его создания [97, p. 283]. Поскольку почти все названные монастыри не раскапывались, то их датировки умозрительны [46, с. 31–38, 77–82]. В какой-то степени о времени функционирования монастырей можно судить по выявленным в них граффити XIII–XVII вв. [43, с. 48, 62; 31, № V 160–165, 213–214, 218].

В 842–843 гг. в Византии была осуществлена церковная реформа. После кончины 20 января 842 г. Феофила императором провозгласили малолетнего сына Феофила Михаила III, а реальную власть в Константинополе получили ставшие регентами сторонники иконопочитания – его мать Феодора и ее соратники. На Соборе, созванном в Константинополе, низложили иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика и 4 марта рукоположили патриархом Мефодия [22, с. 63–65]. Собор 11 марта 843 года окончательно восстановил иконопочитание [27, с. 142–146; 85, с. 776–781; 110, p. 150–152].

Торжество православия в империи усилило влияние церкви во всех сферах общественной жизни. Церковь продолжила миссионерскую деятельность в Причерноморье, в том числе в крымских епархиях [51, с. 189]. Бесспорные свидетельства повсеместного укрепления позиции церкви выявлены в Климатах отдаленной приграничной фемы. В процессе раскопок установлено, что с конца IX в. в городах на плато Эски-Кермен и Бакла были перепланированы городские кварталы, в каждом из которых, на специально выделенных местах, в X–XI вв. возводили новые общинные приходские церкви. Вероятно, тогда же на Внутренней горной гряде Крыма были основаны монастыри.

В **πόλισμα** на плато **Эски-Кермен** раскопано уже шесть квартальных однонефных храмов [16, с. 312–324]. В это же время прекращают использовать расположен-

ный на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен городской некрополь. На его территории распланировали огороды. Из Сирии и Малой Азии распространился аскетический христианский обряд захоронения в практически безынвентарных могилах и усыпальницах, с последующим перезахоронением в костницах. Умерших хоронят на небольших некрополях у стен квартальных храмов в пристенных гробницах и внутри церквей в вырубленных в скале могилах. В каждом храме сооружают костницы [16, с. 324]. В 2018 г. обнаружены археологические доказательства реконструкции в фемный период нартекса главного городского храма. В кладке нижнего ряда основания западной стены нартекса найдены залитые известковым раствором керамиды IX–XI вв. [86, с. 111; 36, с. 294]. Экспедиция Н. И. Репникова раскрыла пещерные храмы с усыпальницами, вырубленные в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги к главным воротам [59, с. 209; 60, с. 22–35, рис. 7–9, 11, 14–15]. В храмовых усыпальницах найдены браслеты из синего стекла, деревянные гребни, бронзовые бубенчики, пуговицы и браслеты, серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проволоки с сомкнутыми концами, перстень, свитый из двух бронзовых проволок [1, с. 46, 47, рис. 6,6–8,16–17; 7,1,2,5–8,10,16–17]. Судя по инвентарю, рассматриваемые усыпальницы и храмы вырублены в фемный период не ранее X в. [94, S. 207–208, Abb. 37].

В **πόλισμα** на плато **Бакла**, по словам Д. Л. Талиса, в так называемом доме владетеля цитадели, в одном из помещений соорудили домашнюю часовню с тщательно вымощенным полом, с одной апсидой и с некрополем [79, с. 370; 80, с. 336; 62, с. 40]. Скорее всего, авторы информации о раскопках не поняли стратиграфию строительных остатков. Отмечу, что одну могилу выкопали рядом с храмом, то есть якобы в жилом помещении. Вероятно, это помещение, так же как на плато Эски-Кермен, в конце IX – X в. разобрали и соорудили квартальный храм [16, с. 323]. Очевидно, среди его руин нашли арку с вырезанной надписью Ἰ(ησοῦ)С Χ(ριστὸ)С νικᾷ [65, с. 173–174]. После восстановления иконоборчества, к концу IX в. жители города и ближайших поселений прекращают использовать некрополи «Скалистое» и «Баклинский овраг» и начинают хоронить в погребальных сооружениях в квартальных храмах. Д. Л. Талис в 12-ти м от оборонительной стены раскрыл сложенную из хорошо обработанных блоков (0,6х0,4х0,3 м) стену храма длиной 19 м. Рядом с руинами храма зачищены гробницы [69, с. 184–187]. Видимо, храм функционировал в X–XIII вв. Еще один одновременный одноапсидный храм с наосом и нартексом открыли в 2003 г. в 40-ка м к востоку от цитадели. На архитектурной детали из его южной стены вырезаны греческие буквы […] ЕТ[…] …]Θ[…], отнесенные к X в. [31, № V 120]. В 500-х м к западу от городища на первой верхней скальной террасе вырублен храм с высеченными крестами на стенах [44, с. 112; 32, с. 157–160; 53, с. 67–70].

Созданные, возможно, в X в. храмы найдены близ Баклы. Руины храмов и плитовые могилы В. Е. Рудаков расчистил в долине в 600-х м к югу от городища [62, с. 40]. В северо-восточной части ущелья Глубокий Яр в естественном неглубоком гроте находился «полупещерный» христианский храм. На северо-восточной стене

его наоса вырезано девять греческих инвокативных надписей-граффити. В нескольких надписях А. Ю. Виноградов прочитал даты: «В 6490 (982?) году, я написал 12 (?) января, аминь» [31, № V 134,3], «+Ἐτελεύτησεν ὁ παστὴρ τοῦ Ἀστην ὡ καὶ Ἰωάννις, μινὴ δεκεμ[βρί]ο κδ΄, εἱμέρᾳ β΄ γ΄ ἠνδ(ικτιῶνος) ἔ̣τ̣(ους) ͵[ς]φμ̣[γ]΄. ὡ καὶ… – Скончался пастырь Астина (?) (он же) Иоанн, 24 дека[бр]я, во вторник, в 3-ий индикт, в [6]54[3] (1034) году» [31, № V 134,8], «Ἔτους ͵ςυπθ΄ – В 6489 (980–981) году» [31, № V 134,9].

С XVIII в. высказывались противоречивые суждения об интерпретации и хронологии строительных остатков и около 250 пещер, сохранившихся на высоком ограниченном с юга и запада вертикальными обрывами и пологим северо-восточным склоном останце **Тепе-Кермен** [26, с. 107–183]. И. Тунманн помещал на останце «остатки замка или крепости … седой древности» [82, с. 36], Дюбуа де Монпере – сооруженную императором Юстинианом I крепость [103, p. 225–226], тогда как П. И. Кеппен не увидел «явные приметы сего укрепления» [39, с. 301–305]. Дюбуа де Монпере и Г. Э. Караулов считали многие пещеры хозяйственными погребами для домов [103, p. 307; 38, с. 66, 67]. Они относили уцелевшие на Тепе-Кермен пещерные церкови «к очень отдаленной эпохе» [103, p. 312–314; 38, с. 67–71]. М. А. Тиханова вслед за Дюбуа де Монпере приписывала строительство крепости на Тепе-Кермен Юстиниану I [81, с. 324]. Согласно Е. В. Веймарну, крепость на Тепе-Кермен возвели в V в. местные жители, потомки тавров и скифов [29, с. 76]. На северном краю плато он проследил следы «постелей» боевой стены и несколько маршей дороги, ведущей в специально вырубленный в скале коридор [30, с. 21]. Как отмечалось выше, А. Л. Якобсон помещал на Тепе-Кермен основанный в VIII–IX вв. монахами-иконопочитателями «пещерный монастырь» [89, с. 32]. Экспедиция Д. Л. Талиса в северной части горы зачистила площадку, которой завершалась подъемная дорога на плато, участок высеченной в скале дороги для гужевого транспорта, лестницу для пешеходов [71, с. 293] и вырубки от ворот. Д. Л. Талис полагал, что для контроля за воротами использовали верхние сторожевые пещерные помещения [74, с. 96]. Экспедиция также раскрыла хозяйственное помещение с вырубленным в скале хранилищем с пифосами и одноапсидный храм [76, с. 100–103]. Он считал аналогичными оборонительные системы Тепе-Кермена, Мангупа и Эски-Кермена и датировал основание городища на Тепе-Кермене V–VI вв. по нескольким неопределенным фрагментам амфор. Тем не менее, в раскопах он обнаружил керамику и вещи не ранее XI в. [73, с. 259–263; 74, с. 96, 97; 76, с. 100, рис. 4,3].

В 1999 г. В. А. Петровский на расположенном на северном склоне останца некрополе обследовал несколько уже разграбленных склепов и могилу. Он, ссылаясь на высказывание одного из посетивших могильник студентов, синхронизировал некрополь Тепе-Кермена с раскопанным на склоне Эски-Кермена могильником конца VI – IX в. Однако, судя по хранящемуся в архиве Института археологии Крыма РАН отчету о раскопках на некрополе Тепе-Кермена, в склепах найдены вещи X–XI и XII–XIV вв. [54, с. 2, 24]. Между тем, некоторые крымские историки в своих публикациях используют ничем не аргументированный рассказ В. А. Петровского для до-

казательства датировки некрополя и крепости временем Юстиниана I. В. А. Петровский, приводя в качестве доказательств домыслы и предположения (в том числе вводные слова *вероятно* или *возможно*), датировал строительные остатки на плато VI–XIII вв. По его уверению, поскольку так называемая «скальная мемория» с находками второй половины X – XIV в. высечена позднее пещерной церкви с баптистерием, то последнюю вырубили в VIII–IX вв., а «Церковь с ризницей» – «позднее» IX в. Тогда же на территории северо-восточного обрыва сформировался единый монастырский комплекс. Он допускал использование пещерных церквей монахами-отшельниками и жителями окрестных деревень после прекращения жизни на городище в XIII–XIV вв. [55, с. 93, 96–98, рис. 6]. Вот только из названной «меморием» гробницы извлекли вещи, аналогичные украшениям XI–XII вв., обнаруженным в Лучистом с монетой 1143–1180 гг. [12, рис. 34]. Найденные на Тепе-Кермен археологические материалы [74, с. 96, 97; 76, с. 98, 100, 103, рис. 4,4] позволяют говорить о возникновении городища и монастыря не ранее XI в. Функционирование монастыря и в XIII–XV вв. зафиксировано в эпитафии, процарапанной над гробницей на южной стене «Храма с баптистерием»: «Вырублена эта могила от моего собственного монастыря мною, Асклепием (или: Алипием). Расширение сделано рабом Божьим Евстафием, худейшим со…» [31, № V 204].

Вторая реформа структуры управления Климатами. Автор Кембриджского документа считал городами императора Романа города и деревни (Климатов), захваченные хазарским военачальником Песахом во время рейда, совершенного между 920–940 гг. [106, p. 117]. В середине X в. Константин Багрянородный повествовал о Херсоне и Климатах, как о владениях империи. Он сообщает о расселении в степях Крыма печенегов: «Она (область печенегов) очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору» [102, p. 168–169]. Вероятно, с первой половины X в. орда хазарских печенегов использовала Крымское Присивашье для сезонного кочевания. Именно здесь открыты все наиболее ранние печенежские погребения с вещами X в. [4, с. 77]. Херсон играл ведущую роль в контактах империи с печенегами. Император советовал не осложнять отношений империи с печенегами: «Ὅτι γειτνιάζει τὸ τοιοῦτον ἔθνος τῶν Πατζινακιτῶν τῷ μέρει τῆς Χερσῶνος, καὶ εἰ μὴ φιλίως ἔχουσι πρὸς ἡμᾶς, δύνανται κατὰ τῆς Χερσῶνος ἐξέρχεσθαι καὶ κουρσεύειν καὶ ληΐζεσθαι αὐτήν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα – Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты» [102, p. 48–49; 41, с. 36–37]. Соседнее с Херсоном печенежское племя выполняло поручения византийского императора в Руси, Хазарии и Зихии. Посольства и караваны отправлялись из Херсона под охраной печенегов, которые оставляли в городе своих заложников и получали за эти услуги подарки от императора [41, с. 41, 43].

Патриарх Николай Мистик I (Νικόλαος Α΄ Μυστικός, 852 – 11.05.925) в написанном в конце августа – начале сентября 917 г. письме болгарскому царю Симеону рассказывал о том, что стратиг Херсона собирал и сообщал в столицу сведения о

действиях и намерениях соседних печенегов [116, No. 9, p. 58; 126, p. 116; 25, с. 89].

Русские князья в записанных в «Повести временных лет» текстах договоров, заключенных в 944 г. князем Игорем с Романом I Лакапином (правил в 920–944 гг.) и его сыновьями Константином и Стефаном, а в 971 г. князем Святославом с императором Иоанном Цимисхием, обязались не нападать на «Корсунскую страну и все города тамошние». То есть Игорь и Святослав не сомневались в принадлежности Климатов Византии [56, с. 35, 50; 52, с. 74, 82–83].

Верившие в подлинность «Записки готского топарха» А. А. Васильев и Н. И. Репников утверждали, что в 962 г. главный центр Готии Дорос с резиденцией готского топарха находился на плато Эски-Кермен. В тот же год после нападения хазар топарх «перенес» Дорос на Мангуп и в Киеве заключил с князем Святославом соглашение об установлении на 10 лет до 972 г. протектората Руси над Готией [126, p. 126–131]. А. А. Васильев, Н. И. Репников и многие другие приписывали топарху Готии авторство «Записки готского топарха». После публикации убедительных доказательств изготовления названного «источника» его издателем [121, p. 117–188; 45, с. 160–172] все рассуждения о топархе Готии, о договоре со Святославом, о протекторате над Готией и набегах хазар на ее города в 962 г. лишились научного обоснования [9, с. 22–23].

На хребте Басман в карстовой пещере обнаружена эпитафия X в. пресвитера Херсайкеи Иоанна: «+Ἐκυμή(θη) ὁ δ[οῦ-]λως τοῦ θ(εο)ῦ [Ἰο] ἁνου ΠΡ [τ]ῆς Χερσαικείας – +Почил раб божий Иоанн, пресвитер (?) Херса(й)кеи» [64, с. 214–215; 31, № V 122]. По мнению Э. И. Соломоник, в надписи шла речь о подчиненном Херсону регионе Горного Крыма. Однако в письменных источниках этот регион называли Климатами Херсона или Готии [8, с. 11–12].

Во второй половине X – начале XI в. Никифор II Фока (963–969), Иоанн I Цимисхий (969–975) и Василий II (976–1025) реформировали пограничные фемы [47, с. 28, 29].

Печати и надпись свидетельствуют о реформировании структуры фемы Херсона. Печать из Херсона с упоминанием «…Λέωντι βασιλικός σπαθαρίω καῖ τουρμάρχι Γωτθίας – …Льва, императорского спафария и турмарха Готии» отнесена Н. А. Алексеенко к концу X – началу XI в. [95, p. 271–275] или ко второй половине X в. [17, с. 567]. Той же парой штемпелей оттиснута печать турмаха Готии, хранящаяся в Керченском музее [17, с. 567–567]. Вопреки утверждению Н. А. Алексеенко, ее происхождение не известно. А. Ю. Виноградов по-новому прочитал надпись на камне в кладке башни укрепления A.XI в балке Табана-дере на плато Мангуп и исправил ее дату: «+Ἐκτίσθη ὁ τῦχος τ(οῦ)τος ὑπὸ ἡμεροῦν τοποτηριτοῦ Τζουλα-βήγη, υ(ἱο)ῦ Πολέτα ἔτος ͵ςφγ΄ – Построена эта стена во дни местоблюстителя Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году» (1 сентября 994 г. – 31 августа 995 г. по Р.Х.) [31, № V 172]. Лексема τοποτηρητής – топотирит (буквально «смотритель места») означает лейтенанта или заместителя старших военачальников фемы и византийского флота, которые командовали одной половиной соответствующего подразделения [124, p. 2095–2096].

В текстах IX–XI вв. топотиритом названы как заместитель командира тагмы схол, командовавший одним из двух ее подразделений, состоявшей из пятнадцати банд, так и командиры тагмы или банды, обладавшими управленческими полномочиями в той топотирисии, где размещалось его воинское подразделение (территории, где дислоцируется гарнизон), города или крепости [105, p. 31, 38; 101, p. 222–224; 42, c. 161, 330; 21, c. 18]. Константин Багрянородный писал о входивших в состав фем топотирисиях [102, p. 236]. В результате археологических раскопок выявлены материалы, подтверждающие ремонт укрепления А.XI в конце X в. [50, с. 170].

Приведенные факты дают представление о новой структуре фемы. Очевидно, фему Херсона разделили на турмы Херсона и Готии, а климы реорганизовали в топотирисии. Командовать турмами и топотирисиями назначили офицеров армии. Турмарх Готии носил типичный для византийских турмархов титул спафария. Скорее всего, его резиденция находилась в крепости на плато Мангуп. Как явствует из надписи, топотирит не только командовал отрядом, но и руководил реконструкцией укреплений. Содержащаяся в надписи дата 1 сентября 994 г. – 31 августа 995 г. указывает на причину реорганизации фемы Херсона. В сочинениях арабских, византийских, древнерусских авторов содержится противоречивая и фрагментарная информация о возникновении в конце X в. противостояния между Восточной Римской империей и Древней Русью. В 988 г. русский князь Владимир захватил Херсон, но после выполнения Константинополем его требований Владимир вернул Корсунь империи и с войском возвратился в Киев [10, с. 459–460].

Во второй половине XI в. в фему Херсона включили Сугдею. В. В. Латышев опубликовал строительную надпись 1059 г. из Херсона: «+Ἐγένωντω αἱ πόρται τοῦ πραιτορίου σιδηραῖ, ἐνεκενίσθησαν καὶ αἱ λοιπαὶ τοῦ κάστρου ἐπὶ Ἰσακίου μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτωκράτωρο(ς) Ῥωμέ(ων) τοῦ Κομνηνοῦ κ(αὶ) Αἰκατερίνης τῆς εὐσεβεστάτης Αὐγούστης διὰ Λέοντ(ος) π(ατ)ρικίου καὶ στρατηγοῦ Χερ̣σ̣ῶνο(ς) κ(αὶ) Σουγδ(αίας) τοῦ Ἀλιάτ(ου), μη(νὸς) Ἀπρ(ιλίου) ι΄, ἰνδ(ικτιῶνος) ιβ΄, ἔτ(ους) ̣ςφξ̣ζ΄ – Сооружены железные ворота претория, обновлены и прочие [ворота] крепости при Исааке Комнине, великом императоре и самодержце ромеев, и Екатерине, благочестивейшей августе, Львом Алиатом, патрикием и стратигом Херсона и Сугдеи, 10 апреля, в 12-й индикт, в 6567 году». По мнению В. В. Латышева, надпись информирует о вхождении Сугдеи в состав фемы Херсона, которой при императоре Исааке Комнине управлял патрикий и стратиг Лев Алиат [43, с. 16–18]. Из Херсона происходят печати этого стратига. Вероятно, через несколько лет фему преобразовали в катепанат [37, с. 94; 18, с. 12–13]. В летописи говорится об убийстве в 1067 г. в Корсуни «котопана» [56, с. 112] (катепан – κατεπάνω). Н. А. Алексеенко опубликовал печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии [19, с. 426]. Катепаны с X в. возглавляли крупные пограничные фемы. С XI в. звание катепан приравняли к дуке. На территории катепаната ему подчинялись все войска и администрация [105, p. 64–67; 48, с. 213–214]. Границы катепаната Херсона не ясны. В него входили фема Херсона с топотирисиями турмы Готии, Сугдея и Хазария. В. А. Степаненко, ссылаясь

на Н. Г. Коновалову, локализовал Хазарию в Крыму северо-восточнее турмархата Готии [66, с. 157]. Однако Н. Г. Коновалова помещала ал-Хазарийю, упомянутую в сочинении середины XII в. ал-Идриси, в западной части Северного Кавказа в районе Тмутаракани [40, с. 218].

Согласно К. Цукерману, в Херсоне и Климатах фемный период завершился около 1070 г., а в конце XI в. власть перешла «в руки местных верхушек» [128, p. 312–314, 327–328; 87, с. 242]. По утверждению В. П. Степаненко, фема Херсона продолжала существовать до конца XI в. Отсутствие печатей в Крыму не исключение. Все-таки с конца XI в. исчезают не только сведения о фемах из сочинений византийских авторов, но и сходят на нет печати провинциальных чиновников и в столице, и в других провинциях [67, с. 713–714].

В середине XI в. в Приазовскую степь вторглись куманы (половцы). В XII в. погребения куманов распространились по всему равнинному и горному Крыму [4, с. 80–81]. Однако из рассказа Анны Комниной следует, что в 1092 г. Херсон принадлежал Византии. Она писала о торговавших под городскими стенами Херсона куманских купцах, в 1092 г. содействовавших побегу сосланного в город самозванца Диогена [20, с. 266].

А. А. Васильев высказал противоречивые суждения о взаимоотношениях Климатов Готии и куманов. Он, цитируя завершенный в 1154 г. труд арабского географа ал-Идриси и сочинение Гийома де Рубрука, утверждал, что некоторые населенные готами регионы горного Крыма платили дань куманам-половцам на протяжении длительного времени до 1223 г. [126, p. 136–137]. Мы не знаем, когда Климаты начали выплачивать эту дань. В современном издании текста ал-Идриси нет ни слова о ее взимании: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город [принадлежавший] к стране ал-Куманийа» [40, с. 60, 115, 177]. То есть речь идет о принадлежности куманам вновь основанного на Южном берегу порта. Не вызывают доверия слухи, пересказанные посетившим Солдайю в 1253 г. Гийомом де Рубруком: «…In illa planicie solebant esse Comani antequam venirent Tartari, et cogebant ciuitates praedictas et castra ut daren't eis tributum – …На равнине, до нашествия Татар, имели пребывание Команы, которые брали дань с городов и укреплений» [39, с. 46–49, прим. 58; 58, с. 90].

А. А. Васильев обратил внимание на косвенные свидетельства подчинения Готии Восточной Римской империи. В Соборном эдикте 1166 года [113, p. 317, 324] в титуле Мануила I (1143–1180 гг.) император назван властителем многих народов, в том числе готов (γοτθικός), то есть Готии [126, p. 140–144], а в договоре 1169 г. Византия разрешила Генуэзским кораблям торговать в Черном и Азовском морях. Основываясь на этих документах, А. А. Васильев утверждал, что при Мануиле Крымская Готия «снова перешла к Византии» и могла не платить дань куманам [126, p. 144–145].

По словам А. П. Каждана, в эдикте 1166 года Мануил I принял титул, который должен был указывать на его реальные или воображаемые победы. Он назван правителем над венграми, боснийцами, хорватами, грузинами, болгарами, сербами и

другими. В этом триумфальном перечне народов есть зихи, хазары и готы из Крыма и Приазовья. Как писал А. П. Каждан, через несколько лет, в договоре с Генуей 1169 г., Мануил I прямо заявил, что считает Тмутаракань (τὰ Μάτραχα) частью его империи [111, p. 347–349]. По мнению А. П. Каждана, византийские владения в Крыму упомянуты в письме № 3 Митрополита Афин Михаила Хониата, около 1180 г. адресованном некоему Константину Пигониту [83, с. 390; 114, p. 5, 6, 50*, 51*, 321]. В письме рассказывается о частых поездках назначенного сборщиком налогов (πρὸς τῶν φορολογικῶν παρεσύρης πραγμάτων) Пигонита к жителям Климатов Понта (τὰ κλίματα Ποντικά). А. П. Каждан локализовал «Климаты Понта» в Южном Крыму и предположил, что Византия около 1180 г. обладала реальной властью в Климатах и на Киммерийском Боспоре и отправляла византийских чиновников собирать в этих краях налоги [111, p. 348–353].

В Византии почти отсутствуют источники и документальные свидетельства о повседневной деятельности различных ветвей провинциальной администрации в XII в. в большинстве частей империи. Во второй половине XII в. административное влияние Константинополя ослабло, изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей. Должности на государственной службе часто покупались, продавались и передавались через приданое и наследство. Самые богатые провинциальные семьи боролись за посты в центральной администрации, которые гарантировали место в придворной иерархии, в то время как менее состоятельные искали синекуры на местном уровне [108, p. 255–256]. В последней четверти XII в. фемы распались [124, p. 2035].

Очевидно, тогда же прекратила существование и фема Херсона. Происходящие с территории Климатов Готии печати византийских аристократов [67, с. 716] свидетельствуют о сохранении подчинения региона Восточной Римской империи до ее разгрома в 1204 г. крестоносцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
2. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–134, 365–383.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 74–81.
5. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
6. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
7. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.
8. Айбабин А.И. Топоним климаты в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 6–17. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1.
9. Айбабин А.И. Город фемы Херсона на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 20–28. https://doi.org/10.15826/adsv.2019.47.002.
10. Айбабин А.И. Противостояние Византии и Древней Руси в Крыму в конце X в. // МАИЭТ. 2020. Вып. XXIV. С. 452–463.
11. Айбабин А.И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на Внутренней горной гряде Крыма // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 475–497.
12. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с.
13. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 2. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
14. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Археологический альманах. 2015. Вып. 32. С. 393–415.
15. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
16. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 310–326. https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.020.
17. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
18. Алексеенко Н.А. Византийская администрация Таврики в XI в. и новая печать Льва Алиата из Херсона // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. VIII Международный византийский семинар: Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 9–16.
19. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь: Колорит, 2017. 474 с. (Сер.: Крым в истории, культуре и экономике России).
20. Анна Комнина. Алексиада / пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.
21. Арутюнова-Фиданян В.А. Субъекты экспансии византийской империи на Восток (X–XI вв.). Терминология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. № 57. С. 11–23. https://doi.org/10.15382/sturIII201857.11-23.
22. Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. М.: Индрик, 2004. 192 с.
23. Баранов И.А. Археологические разведки на территории Сюйреньского укрепления в Крыму // Археологические исследования на Украине 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3. С. 88–92.

24. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
25. Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. 1991. Вып. 1. С. 8–172.
26. Боровко Н.А. Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 3. С. 107–183.
27. Васильев А.А. Прил. III. О годе восстановления православия // Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 142–146.
28. Василевский В.Г. О построении крепости Саркел // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 10. Часть CCLXV, октябрь. С. 273–289.
29. Веймарн Е.В. “Пещерные города” Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 71–79.
30. Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Корабль на Каче. Симферополь: Таврия. 1976. 88 с.
31. Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. V. Лондон, 2015. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html (дата обращения: 29.04.2022).
32. Волошинов И.М., Клепинин Н.Н. Пещерное поселение Бакла в Крыму // Записки Симферопольского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 3. С. 151–160.
33. Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.А. Археологические раскопки Сюйреньского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. № 1. С. 458–479.
34. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
35. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Набоков А.И. Археологические исследования укрепления A.XI Главной линии обороны Мангупской крепости в 2020 году // История и археология Крыма. 2021. № 15. С. 38–46.
36. Завадская И.А. Строительная керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 г. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антиква, 2021. С. 290–325. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
37. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 91–101.
38. Караулов Г.Э. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 56–108.
39. Кеппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: Имп. Академия наук, 1837. 409 с.
40. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 2006. 325 с.
41. Константин Багрянородный. Об управлении государством / Текст, пер., комм. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 256 с.
42. Кучма В.В. Два византийских военных трактата конца X века. СПб.: Алетейя, 2002. 412 с.
43. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
44. Маркевич А.И. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуп // ИТУАК. 1889. Т. 8. С. 108–113.
45. Медведев И.П. К вопросу о не подлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб.: Алетейя, 2003. С. 160–172.
46. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
47. Мохов А.С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 14–34.
48. Мохов А.С. Византийская армия в середине – второй половине XI в. по данным сфрагистики // Документ. Архив. История. Современность. 2008. Вып. 8. С. 212–218.
49. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
50. Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К. Историческая топография Мангупа фемного периода.

Новые материалы археологических исследований // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный византийский семинар: Материалы научной конференции. Симферополь: Ариал, 2022. С. 165–178.
51. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 2012. 655 с.
52. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Квадрига, 2019. 495 с.
53. Петровский В.А. Скальная часовня в районе Баклы // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 67–71.
54. Петровский В.А. Отчет о раскопках раннесредневекового грунтового могильника на северо-западном склоне городища Тепе-Кермен в Бахчисарайском районе близ с. Кудрино в 1999 г. // НА БИКАМЗ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 182.
55. Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 81–98.
56. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
57. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Ред. и пер. Я.Н. Любарский. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
58. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
59. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.
60. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 18–42.
61. Рудаков В.Е. Исследования Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 23–29.
62. Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // АДСВ. 1984. Т. 21. С. 35–57.
63. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 212 с.
64. Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47.С. 210–218.
65. Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи Средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 172–179.
66. Степаненко В.П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // Херсонесский сборник. 2011. Вып. XVI. С. 15–162.
67. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII в.). (К постановке проблемы) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
68. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Часть II. СПб., 1805. 276 с.
69. Талис Д.Л. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища // СА. 1968. № 2. С. 184–194.
70. Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 53–63.
71. Талис Д.Л. О работах Горнокрымской экспедиции Государственного исторического музея // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 293–294.
72. Талис Д.Л. Исследования в Горном Крыму // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.С. 301–302.
73. Талис Д.Л. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия, 1971. С. 250–262.
74. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. С. 89–113.
75. Талис Д.Л. Новые материалы по истории Юго-Западного Крыма // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 103–109.
76. Талис Д.Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 98–104.
77. Талис Д.Л. Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // АДСВ. 1981. Вып. 18. Античный и средневековый город. С. 64–72.

78. Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1982. С. 57–62.
79. Талис Д.Л., Рудаков В.Е., Маркелова С.П. Археологические работы в Юго-Западном Крыму // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 370–371.
80. Талис Д.Л., Рудаков В.Е., Маркелова С.П. Работы на второй гряде Крымских гор // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 335–337.
81. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319–333.
82. Тунманн И. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнст, С.Л. Белявский; примеч., предисл. и прил. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1936. 116 с.
83. Успенский Ф.И. Неизданные речи и письма Михаила Акомината // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Ч. 201. С. 112–396.
84. Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1900. Т. 6, вып. 1–3. С. 154–207.
85. Успенский Ф.И. История Византийской империи. VI–IX вв. М.: Мысль, 1996. 829 с.
86. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 г. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
87. Цукерман К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный византийский семинар: Материалы научной конференции. Симферополь, 2019. С. 237–244.
88. Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 310–317.
89. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.
90. Якобсон А.Л. По поводу статьи Д.Л. Талиса «Сюйреньская крепость» // ВВ. 1974. Т. 36. С. 193–194.
91. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 110–114.
92. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. Athnes, Paris, 1971. Vol. 5. P. 44–70
93. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. 318 S. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 98).
94. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 165–222. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 113).
95. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. 1996. T. 54. P. 271–275.
96. Anastasii bibliothecarii Collectanea // Anastasii abbatis, sanctae Romanis Ecclesiae presbyteri et bibliothecarii, Opera omnia / ed. J.-P. Migne. Paris, 1853. Col. 553–706. (Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 129).
97. Auzépy M.-F. La Vie d'Étienne le Jeunee par Étienne le Diacre. Introduction, édition et traduction. Aldershot: Variorum Ashgate Publishing, 1997. 376 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 3).
98. Auzépy M.-F. L'Hagiographie et l'Iconoclasme Byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune. Aldershot: Variorum Ashgate Publishing, 1999. 368 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 5).
99. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1981. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2. P. 611–653.
100. Bouras Ch. Aspects of the Byzantine City, Eighth – Fifteenth Centuries // The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. P. 487–518.
101. Cheynet J.-Cl. Toparque et topotèrètès à la fin du 11e siècle // Revue des études Byzantines. 1984. T. 42.

P. 215–224.
102. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. 341 p.
103. Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, vol. VI. Paris, 1843. 461 p.
104. Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: an introduction. Pretoria: University of South. Africa, 1986. xxvii + 298 p.
105. Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration del'Empire byzantine aux IX–XI siècles // Bulletin de correspondence hellénique. 1960. LXXXIV. P. 1–111.
106. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Cornell University Press, 1982. 166 p.
107. Haldon J. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London: UCL Press, 1999. 341 p.
108. Herrin J. Realities of Byzantine provincial government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205 // Dumbarton Oaks Papers. 1975. Vol. 29. P. 253–284.
109. Ignatii diaconi Vita Nicephori // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 137–217. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana).
110. Jenkins R.J. Byzantium: the Imperial Centuries, A.D. 610–1071. Toronto, London, 1987. 400 p.
111. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Harvard, 1983. P. 344–358. (Harvard Ukrainian Studies. 7).
112. Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley, Los Angeles, London, 1985. 288 p.
113. Mango C. The Conciliar Edict of 1166 // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17. P. 317–330. (=Studies in Constantinople. Aldershot, 1993. No. XVIII).
114. Michaelis Choniatae epistulae / rec. F. Kolovou. Berolini, Novi Eboraci: de Gruyter, 2001. 398 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XLI).
115. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. 182 p.
116. Nicolas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973. 631 p. (Dumbarton Oaks Texts. II).
117. Obolensky D. The Crimea and the North before 1204 // Αρχειον Ποντυ. Αθήναι, 1978. Vol. 35. P. 123–133.
118. Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 403 p.
119. Oikonomidès N. Le "système" administrative byzantin en Crimèe aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323.
120. Rheidt K. Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // Dumbarton Oaks Papers. 1990. Vol. 44. P. 195–204.
121. Ševčenko I. The date and author of the so-colled fragments of toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 115–188.
122. Theodori Studitae epistulae / Rec. G. Fatouros. Berolini, Novi Eboraci: de Gruyter, 1992. 496 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 31. Ser. Berolinensis).
123. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. 744 p. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. 45).
124. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazdan. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991. 2232 p.
125. Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Standford, 1988. 504 p.
126. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, MA: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.
127. Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1997. Vol. 21. P. 210–222.
128. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51.
2. Aibabin A.I. Cemeteries of the 8th – the beginning of the 10th centuries in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 121–134, 365–383.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Aibabin A.I. Steppe and Southwestern Crimea. Crimea in the 10th – first half of the 13th centuries. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV–XIII veka* [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages of the 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74–81.
5. Aibabin A.I. City on the Plateau of Eski-Kermen in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240–277.
6. Aibabin A.I. On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
7. Aibabin A.I. The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 277–304.
8. Aibabin A.I. Toponym Klimata in the Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6–17. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1.
9. Aibabin A.I. A Town of thema Chersonos on the plateau of Eski-Kermen. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 47, pp. 20–28. https://doi.org/10.15826/adsv.2019.47.002.
10. Aibabin A.I. The Conflict between Byzantium and Rus' in the Crimea in the Late Tenth Century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 452–463.
11. Aibabin A.I. The Early Byzantine and Khazar Periods in the Evolution of the Towns on the Inner Mountain Ridge in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 475–497.
12. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. 1. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
13. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 2. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. 2. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
14. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Metal items from the fire layer of the second half of the 13th century on the settlement of Eski-Kermen. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological almanac], 2015, vol. 32, pp. 393–415.
15. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
16. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter churches of the mediaeval town atop Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326. https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.020.
17. Alekseenko N.A. Byzantine administrations peoples in Bosporus of the second half of the 10th century

(for materials of sigillography). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 564–570.
18. Alekseenko N.A. Byzantine administration of Tavria in the 11th century and a new seal of Lev Aliat from Kherson. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. VIII Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [Chersonos Themata: the empire and the polis. 13th international Byzantine workshop], Sevastopol, 2016, pp. 9–16.
19. Alekseenko N.A. *Vizantiiskii Kherson VI–XIII stoletii v pamiatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* [Byzantine Cherson of the 6th–11th centuries in the Monuments of Sphragistics. 1. Officials of Cherson of the 8th–11th centuries]. Sevastopol, Kolorit Publ., 2017, 474 p.
20. Liubarskii Ia.N., ed. *Anna Komnina. Aleksiada* [Anna Comnena. The Alexiad]. St Petersburg, Aleteia Publ., 1996, 704 s.
21. Arutyunova-Fidanyan V.A. Subjectsof expansion of Byzantine Empire to the East (10th–11th centuries). Terminology. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiia* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 3: Philology], 2018, vol. 57, pp. 11–23. https://doi.org/10.15382/sturIII201857.11-23.
22. Afinogenov D.E. *«Povest' o proshchenii imperatora Feofila» i Torzhestvo Pravoslaviia* ["The Tale of the Forgiveness of Emperor Theophilus" and the Triumph of Orthodoxy]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 192 p.
23. Baranov I.A. Archaeological exploration on the territory of the Syuyren fortification in the Crimea. *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine 1968 g.* [Archaeological research in Ukraine 1968], Kiev, 1971, vol. 3, pp. 88–92.
24. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia* [Taurica in the Early Middle Ages]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
25. Bogdanova N.M. Kherson in the 10th–15th centuries. Problems of the history of the Byzantine city. *Prichernomor'e v srednie veka* [Black Sea region in the Middle Ages], 1991, vol. 1, pp. 8–172.
26. Borovko N.A. Tepe-Kermen. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers], Simferopol, 1913, vol. 3, pp. 107–183.
27. Vasil'ev A.A. Application 3. About the year of the restoration of Orthodoxy. *Vizantiia i araby. Politicheskie otnosheniia Vizantii i arabov za vremia Amoriiskoi dinastii* [Byzantium and the Arabs. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Amorian dynasty], St Petersburg, 1900, pp. 142–146.
28. Vasilevskii V.G. On the construction of the Sarkel fortress. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1889, No. 10, Part 266, pp. 273–289.
29. Veimarn E.V. "Cave towns" of Crimea in the light of archaeological research in 1954–1955. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1958, No. 1, pp. 71–79.
30. Veimarn E.V., Choref M.Ia. *Korabl' na Kache* [Ship on Kacha]. Simferopol, Tavriia Publ., 1976, 88 p.
31. Vinogradov A. Byzantine inscriptions of the Northern Black Sea region. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, Vol. V, London, 2015. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html.
32. Voloshinov I.M., Klepinin N.N. Cave settlement of Bakla in Crimea. *Zapiski Simferopol'skogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers], Simferopol, 1913, vol. 3, pp. 151–160.
33. Voronin Iu.S., Maiko V.V., Kutaisov V.A. Archaeological excavations of Sujren fortress in 1978–1979. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2014, vol. 1, pp. 458–479.
34. Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the Study in the History of Mangup from the Eighth to the Eleventh Century: The Condition of Sources and Perspectives for Research. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 615–640.
35. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K., Nabokov A.I. Archaeological research of A.XI fortification of the Main line of defense of the Mangup fortress in 2020. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2021, vol. 15, pp. 38–46.
36. Zavadskaia I.A. Building ceramics from excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on

the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 290–325. (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. I).
37. Zaibt N., Zaibt V. Seals of the strategists of the Byzantine theme Kherson. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 91–101.
38. Karaulov G.E. Crimean cave cities and crypts. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1872, vol. 8, pp. 56–108.
39. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the South Coast and the Tauride Mountains]. St Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
40. Konovalova I.G. *Vostochnaia Evropa v sochinenii al-Idrisi* [Eastern Europe in the works of al-Idrisi]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, 325 p.
41. *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii gosudarstvom* [Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio]. Transl. G.G. Litavrin, A.P. Novosel'tsev. Moscow, Nauka Publ., 1989, 256 p.
42. Kuchma V.V. *Dva vizantiiskikh voennykh traktata kontsa X veka* [Two Byzantine military treatises from the late 10th century]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2002, 412 p.
43. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions from Christian times from Southern Russia]. St Petersburg, 1896, 143 p.
44. Markevich A.I. Excursion to Mount Bakla and Mangup village. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Sscientific Archival Commission], 1889, vol. 8, pp. 108–113.
45. Medvedev I.P. On the Issue of the Non-Authenticity of the So-Called Toparcha Gothicus. *Mir Aleksandra Kazhdana* [The World of Alexander Kazhdan], Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2003, pp. 160–172.
46. Mogarichev Iu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [Cave churches of Taurica]. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, 384 p.
47. Mokhov A.S. Military transformations in the Byzantine Empire in the second half of the 10th - early 11th centuries. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University], 2004, vol. 31, pp. 14–34.
48. Mokhov A.S. Byzantine army in the middle – second half of the 11th century according to sphragistics. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'* [Document. Archive. Story. Modernity], 2008, vol. 8, pp. 212–218.
49. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R.Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 187–238.
50. Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K. Historical topography of Mangup in the Theme period: new materials of archaeological researches. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIV Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [Chersonos Themata: the empire and the polis. 14th international Byzantine workshop], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 165–178.
51. Obolenskii D. *Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov* [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow, 2012, 655 p.
52. Pashuto V.T. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, Kvadriga Publ., 2019, 495 p.
53. Petrovskii V.A. Rock chapel near Bakla. *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of history and archeology of Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1994, pp. 67–71.
54. Petrovskii V.A. Report on the excavations of an early medieval soil burial ground on the northwestern slope of the Tepe-Kermen settlement in the Bakhchisarai region near the village Kudrino in 1999. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 2, Op. 14, D. 182.
55. Petrovskii V.A. Orthodox monuments of Tepe-Kermen. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki* [Orthodox Antiquities of Taurica], Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 81–98.
56. *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Transl. D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov. St Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 512 p.

57. *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei* [Theophan's Continuatus. Biographies of the Byzantine kings]. Transl. Ia.N. Liubarskii. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2009, 400 p
58. Shastina N.P., ed. *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow, Publishing house of geographical literature, 1957, 272 p.
59. Repnikov N.I. Remains of the Fortifications of Eski Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.
60. Repnikov N.I. Eski-Kermen lift road. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 18–42.
61. Rudakov B.E. Exploration of the settlement of Bakla in 1971–1972. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1975, vol. 11, pp. 23–29.
62. Rudakov V.E. Christian monuments of Bakla. Temple complex 10th–13th centuries. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1984, vol. 21, pp. 35–57.
63. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantiiskogo Khersona* [Coins and Seals of Byzantine Cherson]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 212 p.
64. Solomonik E.I. Several new Greek inscriptions of the medieval Crimea. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1986, vol. 47, pp. 210–218.
65. Solomonik E.I. New Greek lapidary inscriptions of the Medieval Crimea. *Vizantiiskaia Tavrika* [Byzantine Taurica], Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 172–179.
66. Stepanenko V.P. Archon of Khazaria – strategos of Kherson? *Khersonesskii sbornik* [Chersonesus collection], 2011, vol. 16, pp. 15–162.
67. Stepanenko V.P. Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 713–720.
68. Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Leisure activities of a Crimean judge or a second trip to Tavrida]. Part 2. St Petersburg, 1805, 276 p.
69. Talis D.L. Roof tiles with marks from the excavations of the ancient settlement of Bakla. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1968, No. 2, pp. 184–194.
70. Talis D.L. Excavations of the settlement of Bakla in 1961–1965. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1969, vol. 120, pp. 53–63.
71. Talis D.L. On the works of the Crimean Mountain Expedition of the State Historical Museum. *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda* [Archaeological discoveries in 1969], Moscow, 1970, pp. 293–294.
72. Talis D.L. Research in the Mountainous Crimea. *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda* [Archaeological discoveries in 1970], Moscow, 1971, pp. 301–302.
73. Talis D.L. Late medieval ceramics of Tepe-Kermen. *Istoriia i kul'tura Vostochnoi Evropy po arkheologicheskim dannym* [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data], Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1971, pp. 250–262.
74. Talis D.L. Defensive structures of South-Western Taurica as a historical source. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe], Moscow, GIM Publ., 1974, pp. 89–113.
75. Talis D.L. New materials on the history of Southwestern Crimea. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1974. Vyp. 140. S. 103–109.
76. Talis D.L. Settlement Tepe-Kermen. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1977. Vyp. 148. S. 98–104.
77. Talis D.L. Materials for the economic and social history of the South-Western Crimea (the citadel of the settlement of Bakla). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1981, vol. 18, pp. 64–72.
78. Talis D.L. The ceramic complex of the settlement of Bakla as a source on the ethnic history of the Crimean Mountains in the 4th–9th centuries. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe], Moscow, GIM Publ., 1982, pp. 57–62.

79. Talis D.L., Rudakov V.E., Markelova S.P. Archaeological work in the Southwestern Crimea. *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda* [Archaeological discoveries in 1971], Moscow, 1972, pp. 370–371.
80. Talis D.L., Rudakov V.E., Markelova S.P. Works on the second ridge of the Crimean mountains. *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 goda* [Archaeological discoveries in 1972], Moscow, 1973, pp. 335–337.
81. Tikhanova M.A. Doros-Theodoro in the history of medieval Crimea. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1953, vol. 34, pp. 319–333.
82. Tunmann I. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Transl. N.L. Ernst, S.L. Beliavskii. Simferopol, 1936, 116 p.
83. Uspenskii F.I. Unpublished speeches and letters of Michael Acominatus. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1879, Part 201, pp. 112–396.
84. Uspenskii F.I. Military structure of the Byzantine Empire. *Izvestiia Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* [Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople], 1900, vol. 6, issue 1–3, pp. 154–207.
85. Uspenskii F.I. *Istoriia Vizantiiskoi imperii. VI–IX vv.* [History of the Byzantine Empire in the 6th–9th centuries]. Moscow, Mysl Publ., 1996, 829 p.
86. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143. (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. I).
87. Zuckerman C. The decline of Byzantine power in Crimea: a polemical response. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [Chersonos Themata: the empire and the polis. 11th international Byzantine workshop], Simferopol, 2019, pp. 237–244.
88. Shene Zh.-K. Late archon on the example of Kherson. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 310–317.
89. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Krym* [Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
90. Iakobson A.L. Regarding the article by D.L. Talis "Syuyren fortress". *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1974, vol. 36, pp. 193–194.
91. Iakobson A.L. About the early medieval fortress walls of Chufut-Kale. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1974, vol. 140, pp. 110–114.
92. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. *Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines*, Athnes, Paris, 1971, vol. 5, pp. 44–70.
93. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, 2011, 318 p. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 98).
94. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. Albrecht S., Daim F., Herdik M. (Hrsg.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Mainz, 2013, pp. 165–222. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 113).
95. Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson. *Revue des études Byzantines*, 1996, vol. 54, pp. 271–275.
96. Anastasii bibliothecarii Collectanea. Migne J.-P. (ed.), *Anastasii abbatis, sanctae Romanis Ecclesiae presbyteri et bibliothecarii, Opera omnia*, Paris, 1853, Col. 553–706. (Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 129).
97. Auzépy M.-F. *La Vie d'Étienne le Jeunee par Étienne le Diacre*. Introduction, édition et traduction. Aldershot, Variorum Ashgate Publishing, 1997, 376 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 3).
98. Auzépy M.-F. *L'Hagiographie et l'Iconoclasme Byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot, Variorum Ashgate Publishing, 1999, 368 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 5).
99. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinis-*

tik, 1981, 31/2, pp. 611–653.
100. Bouras Ch. Aspects of the Byzantine City, Eighth – Fifteenth Centuries. Laiou A.E. (ed.), *The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century*, Washington, 2002, pp. 487–518.
101. Cheynet J.-Cl. Toparque et topotèrètès à la fin du 11e siècle. *Revue des études Byzantines*, 1984, vol. 42, pp. 215–224.
102. Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio*. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967, 341 p.
103. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*, vol. VI. Paris, 1843, 461 p.
104. Foss C., Winfield D. *Byzantine Fortifications: an introduction*. Pretoria, University of South. Africa, 1986, xxvii + 298 p.
105. Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration del'Empire byzantine aux IX–XI siècles. *Bulletin de correspondence hellénique*, 1960, LXXXIV, pp. 1–111.
106. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Cornell University Press, 1982, 166 p.
107. Haldon J. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*. London, UCL Press, 1999, 341 p.
108. Herrin J. Realities of Byzantine provincial government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205. *Dumbarton Oaks Papers*, 1975, vol. 29, pp. 253–284.
109. Ignatii diaconi Vita Nicephori. C. de Boor (ed.), *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*, Lipsiae, 1880, pp. 137–217. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana).
110. Jenkins R.J. *Byzantium: the Imperial Centuries, A.D. 610–1071*. Toronto, London, 1987, 400 p.
111. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources. *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*, Harvard, 1983, pp. 344–358. (Harvard Ukrainian Studies. 7).
112. Kazhdan A.P., Epstein A.W. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Berkeley, Los Angeles, London, 1985, 288 p.
113. Mango C. The Conciliar Edict of 1166. *Dumbarton Oaks Papers*, 1963, vol. 17, pp. 317–330. (=*Studies in Constantinople*, Aldershot, 1993, no. 18).
114. Kolovou F. (rec.), *Michaelis Choniatae epistulae*. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter Publ., 2001, 398 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 41).
115. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1991, Vol. 1, 182 p.
116. *Nicolas I Patriarch of Constantinople. Letters*. Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973, 631 p. (Dumbarton Oaks Texts. II).
117. Obolensky D. The Crimea and the North before 1204. *Αρχειον Ποντυ*, Αθήναι, 1978, vol. 35, pp. 123–133.
118. Oikonomidès N. *Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972, 403 p.
119. Oikonomidès N. Le "système" administrative byzantin en Crimèe aux IXe–Xe s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 318–323.
120. Rheidt K. Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon. *Dumbarton Oaks Papers*, 1990, vol. 44, pp. 195–204.
121. Ševčenko I. The date and author of the so-colled fragments of toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, vol. 25, pp. 115–188.
122. Fatouros G. (ed.), *Theodori Studitae epistulae*. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter Publ., 1992, 496 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 31. Ser. Berolinensis).
123. Bekker I. (ed.), *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus.* Bonn, 1838, 744 p. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. 45).
124. Kazdan A.P. (ed.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991, 2232 p.
125. Treadgold W. *The Byzantine Revival 780–842*. Standford, 1988, 504 p.
126. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, MA, The Medieval Academy of America, 1936, 292 p.

127. Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson. *Byzantine and Modern Greek Studies*, Birmingham, 1997, vol. 21, pp. 210–222.
128. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 311–336.

Информация об авторе

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, директор и ведущий научный сотрудник Лаборатории "Византийский Крым" Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

Author information

Aibabin A. I. – Doctor of Science (History), Professor, Director and Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.579-591

ТЮРКСКИЙ СВОД В СБОРНИКЕ ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА КАК ИСТОЧНИК ПО КРЫМСКОЙ И БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Марк Альвиевич Козинцев
Институт восточных рукописей Российской академии наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
m.kozintcev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8588-739X

Аннотация. Статья посвящена анализу данных по ономастике, прежде всего – топонимике и гидронимике, Крымского ханства и Ближнего Востока, содержащихся в тюркско-русском словарном своде, который наряду с несколькими другими уникальными словарями-разговорниками включен в рукописный сборник («Цветник») Прохора Коломнятина 1668 г. (ГИМ, Музейское собр., № 2803). Данный памятник лексикографии также содержит большое число повествовательных вставок различной тематики и по объему и полноте данных заметно превосходит остальные словари «Цветника». Лексика, представленная в тексте, записана автором на слух, без привлечения письменных источников. Таким образом, звучание упомянутых в нем топонимов приближено к живой речи, а толкование географических реалий отражает особенности восприятия культуры Крымского ханства в XVII в. как самим составителем свода, так и его «информантами» из местного населения.

Ключевые слова: Крымское ханство, реки Крыма, топонимика, антропонимика, словарный свод, русская литература XVII века

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00200 А.

THE TURKIC CODEX IN PROKHOR OF KOLOMNIATIN MISCELLANY AS A SOURCE OF THE CRIMEAN AND NEAR EASTERN ONOMASTICS

Mark A. Kozintcev
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; HSE University, St. Petersburg, Russia, m.kozintcev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8588-739X

Abstract. This article discusses the onomastics, mainly toponymics and hydronymics, of the Crimean Khanate and the Near East, mentioned in the Turkic-Russian dictionary that along with several other unique phrasebooks and dictionaries is included into the manuscript collection of miscellaneous texts (“Tsvetnik”) compiled in 1668 by the Russian monk Prokhor Kolomniatin (State Historical Museum, Muzeiskoe sobr., no. 2803). This text contains a large number of narrative passages on various subjects and significantly exceeds the other dictionaries of “Tsvetnik” in terms of volume and completeness. The compiler recorded the lexis by ear, without using any written sources. Therefore, the toponyms are recorded

© Козинцев М.А., 2022

closely to the spoken language pronunciation, and their interpretations reflect the perception of the seventeenth-century Crimean Khanate cultural realities by both the compiler and his local "respondents".

Keywords: Crimean Khanate, Crimean rivers, toponymics, anthroponymy, dictionary, seventeenth-century Russian literature

Acknowledgements: This work is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research according to the Project no. 20-012-00200 A.

Тюркско-русский словарный свод – наиболее значительный по объему памятник в составе рукописного сборника («Цветника») 1668 г., подписанного древнерусским книжником иноком Прохором Коломнятином. Этот сборник, в составе которого находятся несколько памятников лексикографии, в том числе уникальные словари-разговорники, был обнаружен Н. В. Савельевой в Отделе рукописей Государственного исторического музея (Музейское собр., № 2803) [8, с. 54–63]. Текст свода с предварительными замечаниями о его происхождении и источниках представлен в совместной с автором данной статьи публикации [7, с. 468–552].

Кроме собственно лексического ряда свод содержит множество нарративных материалов различной тематики. Наиболее подробно в них освещаются аспекты религиозной жизни и быта крымского населения, как мусульманского, так и христианского. Составитель сборника не только фиксирует виденные им те или иные явления культуры и быта, но и предпринимает попытки их толкования. Применительно к исследованию крымской ономастики особую ценность представленным в словарном своде данным придает фонетический характер записей. Таким образом, фиксируется не книжный, а «живой» облик лексем и синтаксических конструкций, в том числе имен собственных.

Антропонимика. В тексте встречаются, часто с подробными пояснениями, имена библейских и коранических персонажей: Мухаммада, Исы, Мусы, Авраама, Идриса и др. «Ту́р҆ки ꙉ тата́рове вѣ́рую(т) во О(т)цà ꙉ Свята́го Духа, вмѣ́сто Сына Божїѧ Магме́та пр(о)рока ꙉсповѣ́дую(т)» [7, с. 505]. По-видимому, Идрис ошибочно отождествлен с Авраамом: «Мусà поꙉгомбе́р' – (т) Моꙉисїй пр(о)рокъ. Дрислѐ поꙉигомбе́рь – (т) Ꙉавраа́мъ пр(о)рокъ» [7, с. 509]. Можно предположить, что смешение автором двух персонажей произошло от некорректного восприятия пересказанного ему хадиса. Например, в хадисе о том, как во время ночного путешествия было предписано совершать молитву, упоминается встреча Мухаммада с Адамом, Идрисом, Мусой, Исой и Ибрахимом [2, с. 172].

Комментируя имя пророка Исы, т. е. арабо-мусульманский вариант имени Иисуса (в тексте – Ꙉса́ꙉѧ, Ꙉса́йя), составитель приводит целый богословский диспут относительно божественной природы последнего, который мог вестись, очно или заочно, с мусульманами: «Ꙉса́ꙉѧ поꙉигомбе́рь – си́це называ́е(т) Господа на́шего Ꙉсуса Хри(с)та, ꙉа Бого(м) егò не нарица́ю(т)… Ту́рки ꙉ тата́рове глаголю(т): Богъ ꙉеди́нъ, дѣте́й нѣсть ꙉу негò, на землю̀ послати нѣково. Ꙉса́йю зна́ем҆, о(т)ца ꙉ матерь, пр(о)рокъ бо е(с) ꙉ́стинный, ꙉа не Богъ». Затем составитель вновь возвращается, уже в

отдельной «словарной статье», к Мухаммаду, которого, по аналогии с Иисусом уподобляет Сыну Божию: «Магме́тъ по̓игомьбе́рь – сего̀ ̓ісповѣ́дую(т) вмѣ́сто Сына Божїѧ» [7, с. 509].

Примечательны краткие перечни (в главах 4 и 5) мужских и женских имен, распространенных у тюркского населения Крыма в XVII в. Они фиксируют, хотя и в очень ограниченном объеме, материал по местной антропонимике: « ̓Аса́нъ, Маста(х)ѳа̀, Сю̓и́нъ, Кутлуша̀, Сеперша̀, Баракша̀, Муротша̀, Батырша̀, Мратша̀, Давлетша̀, ̓Азама́тъ, ̓Ази́чь. … Кара̀кы́зъ, Карбикѐ, ̓Аракша́нъ, ̓А́йша̀, ̓А́йс(ь)ѣ̀, Булѡ́къ, ̓Аба̓я́тъ, Муроша, Тугуша̀, Ма(х)те́пъ, Назикѐ, Чешмахѳи́тъ, ̓Ивтадѐ, Герьдемша́тъ, Кулюгме́ръ, Кулюза́ръ, Токбі́й» [7, с. 509]. Многие из названных имен, прежде всего мужских, отражены в близких по времени источниках, к примеру, в «Османском реестре земельных владений Южного Крыма» [6]. Женские имена представляются более редкими. Некоторые из них, такие как Каракыз, по-видимому, существовали с доисламских времен. Встречаются и фонетические варианты одного и того же имени (̓А́йша̀, ̓А́йс(ь)ѣ̀). Некоторые из имен в дальнейшем, по-видимому, вышли из широкого употребления и не зафиксированы в позднейшей литературе [10, с. 185–196].

* * *

В своде представлено большое число гидронимов и ойконимов. Они в основном сосредоточены в конце текста, в главах 24–32, посвященных описанию путей к Крымскому полуострову, самому Крыму, а также маршрутам по ближневосточным землям. Описания реально существующих географических объектов обычно перемежаются с легендами, а среди упомянутых автором местностей, вплоть до городов и целых стран, присутствуют откровенно вымышленные. Из наиболее ярких примеров можно отметить составленный в традициях паломнической литературы подробный рассказ о «Магметовой пропасти» [7, с. 510].

Путь в Крым. Вполне естественно, что составитель словарного свода уделяет большое внимание рекам и морям, служившим основными транспортными путями для путешествий. Он указывает направления течения наиболее крупных рек, взаиморасположение водных объектов и населенных пунктов, снабжает свои пояснения пересказами преданий и «историческими экскурсами». Приблизительный характер называемых им расстояний вместе с нередкими фактическими ошибками обусловлен тем, что сам он описываемыми маршрутами никогда не ходил. Кроме того, записи в «Цветнике» были сделаны по памяти и, возможно, по сохранившимся заметкам спустя некоторое время после возвращения автора из Крыма. Поэтому не имеет смысла подробно останавливаться на всех неточностях. В целом атрибуция многих топонимов не вызывает сложностей, хотя в ряде случаев можно определить их лишь приблизительно. Показателен текст главы 24, открывающийся перечнем крупных рек: Днепра, Волги и Западной Двины:

« ̓Озу̀ су̀ – (т) Дне́пръ рѣка̀.

Ди́ль су̀ – (т) Во́лга рѣка̀.

Двина̀ рѣка̀.

Сі́и трѝ рѣки ѣ̀з о(д)ного мѣ́ста блат҃наго потеклѝ, бла́то (ж) то҆̀ 30 ве́рст о(т) Смоле(н)ска гра́да» [7, с. 536].

Хотя и Днепр, и Волга, и Западная Двина берут свое начало на Валдайской возвышенности и в болотистых местах, составитель свода весьма приблизительно отождествляет местоположение их истоков. Кроме того, реальное расстояние от истоков этих рек до Смоленска значительно больше указанного.

Далее говорится о двух городах в устье Днепра: «…по пра́вую страну҆̀ Ѹча́ковъ гра(д), противу҆̀ его҆̀ на друго́й странѣ҆̀ Я́нъ Кирьме́нь. Сі́й о҆́ба гра́ди – строе́нїе Ши(н) гирѣ́ѧ царѧ҆̀ кры́мъскаго, ѣ҆го́же у҆би́ ту́рскїй ца́рь. Се́й у҆́бо Шиньгирѣй о҆̀тъ Я́на да Ѹча́кова чре(з) Дне́пръ положѝ це́пи желѣ́зныѧ, да не про́хо́дѧ(т) на Чо́рное мо́ре днепро́выѧ казакѝ, да не творя(т) па́кости кора́бленико(м)» [7, с. 536]. Город Очаков основан в 1492 г. по приказу крымского хана Менгли-Гирея I (1445–1515), хотя на его месте прежде уже существовали укрепленные поселения. Тюркское название города, Я́нъ Кирьме́нь (Джан-Керман. – *М. К.*), принято автором за отдельный населенный пункт. Основателем Очакова ошибочно назван Шахин-Гирей (ок. 1585–1641), занимавший посты нурэддина и калги Крымского ханства и действительно казненный по приказу турецкого султана, но никогда не бывший «крымским царем», т. е. ханом. Это единственный упомянутый в своде представитель крымской правящей династии. Составитель свода приписывает ему множество свершений. Что касается планов по сооружению на Днепре заградительной системы от казацких набегов, то они действительно существовали, однако были инициированы в 1035 г. х. (1625–26) братом Шахин-Гирея ханом Мухаммед-Гиреем, вскоре смещенным с престола, и заключались в строительстве двух крепостей [9, с. 493–494]. Предполагалось ли создание между ними некоего заграждения, по описанию напоминающего Боспорскую цепь, неизвестно. Впрочем, об этой местности составитель свода не говорит с полной уверенностью, а ссылается на рассказы «информантов»: «Повѣ́дую(т) у҆́бо бы́вшїй та́мо…».

Глава оканчивается версией отмеченной в западнорусской традиции легенды о реке Днепр, не пожелавшей покориться Черному морю [7, с. 536].

В следующей, 25-й главе упоминается пограничная крепость:

«То́ръ рѣка҆̀, на не́йже гра(д), реко́мый Ста́рой Цареборѝсовъ, се́й ѣ҆укра́йний гра(д) во о҆́бласти бѣ́лаго царѧ҆̀ моско́вскаго. Сїѧ҆̀ рѣка҆̀ То́ръ впа́ла в Доне́цъ, Доне́цъ в До́нъ, ѣ҆му́же и҆́мѧ Те́нь, реко́мый Ти́хїй. До́нъ же тече(т) во Ѧ҆зо́вское мо́ре» [7, с. 536].

Речь идет о городе-крепости Царев-Борисов, который был основан на рубеже XVI–XVII вв. по приказу царя Бориса Годунова и просуществовал до 1612 г. Позднее, в 1656 г., крепость была восстановлена, но в конце XVII в. вновь пришла в запустение. Тором автор, очевидно, называет реку Казенный Торец[1], правый приток Северского Донца, который в свою очередь является правым притоком Дона. Указание на расположение города, таким образом, не вполне точно: Царев-Борисов рас-

[1] Тор – изначальное название города Славянск, расположенного в долине реки Казенный Торец и, подобно Цареву-Борисову, основанного как пограничная крепость.

полагался при впадении реки Бахтин в реку Оскол. Составитель свода кроме того приводит крымскотатарское название Дона – *Тен* и справедливо указывает, что тот впадает в Азовское море.

Менее крупные реки, в основном относящиеся к бассейну Дона и Днепра, с переводом их названий даны автором в виде словарного списка:

«Ко́й сꙋ̀ – (т) Ѡ҆ве́чьи во́ды…». Возможно, река Койсуг, левый приток Дона.

«Колукча̀ сꙋ̀ – (т) Жеребѧ(ч)и во́ды». Вероятно, река Каланчак, левый приток Олешни.

«Байта́лъ сꙋ̀ – (т) Кобы́льи во́ды». Возможно, река Кобелячка, приток Ворсклы.

«Бурю̀ сꙋ̀ – (т) Во́лъчьи во́ды». Вероятнее всего, река Волчья, левый приток Северского Донца. Известно, что раньше она именовалась Волчьими Водами. Существуют также другие реки с названием Волчья, но они относятся к бассейну Днепра.

«Сю́ть сꙋ̀ – (т) Моло́чныѧ во́ды». Имеется в виду река Молочная, впадающая в Молочное озеро, соединяющееся с Азовским морем.

«Зиньшкѐ сꙋ̀ – (т) То(н)кїѧ во́ды». Генический пролив.

«А́тъ сꙋ̀ – (т) Ко(н)скїѧ воды̀» [7, с. 536]. Вероятно, речь идет о речке Конка, притоке Днепра. Тунманн в качестве ее тюркского названия приводит *Шилки-Су* [12, с. 45].

По мере приближения к Крыму описания озер, рек и городов вновь становятся более подробными:

«Та́же х Ки́слому мо́рю Пе́рекопь по пра́вой странѣ̀, Ѡ҆рба́тъ влѣ́ве, на́ Перекопь не займаѧ То(н)ки(х) во(д) хо́дѧ(т)…» [7, с. 537].

Под Кислым морем, по всей видимости, следует понимать залив Сиваш, обычно называемый в источниках Гнилым морем. Описывая путь в Крым, составитель зеркально расположил Перекоп и Арабат относительно Сиваша. Это еще раз подтверждает тот факт, что ни к каким сколько-нибудь точным картам местности он доступа не имел, а описывал путь так, как его видит путешественник, движущийся с севера на юг. Верно указано, что в Перекоп можно было попасть, не переправляясь через Тонкие воды, т. е. Генический пролив.

«Ѡ҆зо́въ, гра(д) ту́рской, на берегꙋ̀ Ѡ҆зо́вскаго мо́рѧ х Черкѣ́йскай странѣ̀. ҀѺ Ѡ҆зо́ва к Тома́ни, ту́рскому гра́ду, слову́щуе торгови́ще Чо́рнаѧ прото́ка. ҀѺ Чо́рной прото́ки Бѣлосара́й, слову́щее же мѣ́сто і҆ судова́ѧ при́стань. ҀѺ Бѣ́лосара́ѧ к Темрюкꙋ̀, ту́рскому гра́ду. ҀѺ Темрюка̀ к Тома́ни, гра́ду ту́рскому» [7, с. 537].

Названная Протока является правым рукавом реки Кубань. Русское название «Черная протока», по-видимому, происходит от татарского *Кара-Кубань*. Находится на значительном удалении как от Азова, так и от города Тамань. Будучи судоходной, могла использоваться для транспортировки товаров. Под Белосараем, возможно, имеется в виду крымскотатарский форпост Балысарай, основанный в 1577 г. на реке Кальмиус и разрушенный в 1584 г. [1, с. 36–37]. Впрочем, может подразумеваться также и другая пристань для разгрузки крупных судов под названием Балысыра, точное положение которой остается предметом дискуссий. По одной из версий (и в этом слу-

чае путь, описанный составителем словарного свода, выглядит логичнее не только с хронологической, но и с географической точки зрения), Балысыра располагалась на восточном побережье Азовского моря, близ косы Камышеватской [3, с. 159].

Топонимы Крыма. Как и ранее, в ряде случаев составитель свода сообщает об их взаиморасположении и расстояниях между ними. Сведения эти также точны настолько, насколько позволяли обстоятельства жизни автора, скорее всего, не имевшего возможности свободно перемещаться по описываемой территории. На это указывают повторяющиеся ошибки. К примеру, смешение таких топонимов как Старый Крым и Херсонес Таврический: «Ѿ Каѳы̀ <…> странỳ до Кры́му, ѐму́же ѝмѧ Ко́рсунь, 20 ве́рстъ» [7, с. 537] и «Кры́мъ, ѐму́же ѝмѧ Ко́рсунь» [7, с. 538].

В некоторых случаях описания довольно путаны, а названия объектов можно идентифицировать лишь предположительно. «Ѿ Каѳы̀ на полу́нощную странỳ х Ки́слому мо́рю до ѐ̀Арба́ту, гра́да кры́(м)скаго, 40 ве́рстъ. Сїѐ Ки́слое мо́ре с Чо́рнымъ бока́ми сошли́сѧ, а не водо́ю са́же(н) на пѧ(т) ѝ на́ десе(т), ѝньдѣ на́ два(т)ца(т), ѐ̀зду ме́жъ ѝми х То́нкимъ вода́мъ 60 ве́рст» [7, с. 537].

Если автор под Кислым морем подразумевает Сиваш, то он ошибочно указывает, что Арабатская стрелка отделяет это озеро от Черного моря, в то время как в действительности стрелка отделяет Сиваш от Азовского моря. Расстояние между Арабатом и Тонкими водами, т. е. Геническим проливом, также заметно больше 60 верст.

При передаче названий населенных пунктов составитель свода в одних случаях подбирает близкие по звучанию варианты, в других – дает буквальный перевод. Торговый город Карасубазар (совр. Белогорск), что переводится как ʽрынок [на реке] Карасу’, назван Карасовом. А Симферополь, крымскотатарское название которого *Акъмесджит* значит ʽбелая мечеть’, назван Белой Церковью. По тому же принципу, для Украины дан татарский эквивалент *Чет*, что буквально означает ʽкрай’.

* * *

Крымские реки, так же как в предыдущем случае, даны в виде списка с переводом. Названия большинства из них не изменились до наших дней, и потому их несложно атрибутировать. Это реки Альма («ѐ̀Олъмà сỳ – (т) Я́блань рѣкà»); Бештерек («Бе́шъ тере́къ сỳ – (т) Пѧ́ть дере́въ рѣкà»); Кучук-Карасу («Кучу́къ карà сỳ – (т) Ма́лы(ѧ) чо́рныѧ во́ды»); Субаш («Су́башъ сỳ»); Салгир («Салъгы́ръ сỳ») [7, с. 537–538].

В ряде случаев атрибуция гидронимов вызывает затруднения:

«Булгуна́къ сỳ – (т) Мѣша́лка рѣкà. Сїѧ̀ рѣкà з Бурун̑дуко́мъ рѣко́ю сошли́сѧ». В Крыму имеется несколько рек с компонентом «Булганак» в названии, протекающих в разных частях полуострова. В данном случае, видимо, следует отождествить ее с рекой Восточный Булганак, которая начинается источниками, выходящими на северо-восточных отрогах Бурундукского хребта.

«Инъда́лъ сỳ». Компонент «Индол» также присутствует в названии нескольких рек на востоке и юго-востоке Крыма: Мокрый Индол, Сухой Индол, Малый Индол. Какую именно из них имел в виду автор, не вполне ясно.

«Ѝшъ терéкъ сѹ̀». Возможно, составитель свода неверно услышал название Бештерек и принял его за отдельный гидроним. Не исключено также, что он спутал название реки с личным именем ногайского бия Иштерека (ум. 1619)[2], о делах которого, и, в частности, о перекочевке на Крымскую сторону, мог слышать от кого-нибудь из «информантов».

«Ѝаръгы́нъ сѹ̀». Вероятно, так автор назвал реку Сарысу, протекающую у селения Аргин (ныне – село Балки, крым. *Аргъын*).

О последних двух упомянутых реках, а также о реке Салгир составитель свода сообщает следующее: «Сі҃и рѣ́ки пошлѝ о(т) ро́зныхъ мѣ́стъ ѣ҆ и (з) го́(р) бли(з) Чо́рнова мо́рѧ, шлѝ попере́къ Крымскїѧ страны, впа́ли всѝ в Ки́слое мо́ре. Большо́й Кара́совъ рѣка҆ ѣ҆ Мало́й сошли́ся вмѣ́сте, на ѹ҆сть х Ки́слому мо́рю чре(з) рѣку бро(д)» [7, с. 538]. При неоднозначности атрибуции двух из трех рек сложно сказать, насколько точны эти сведения. Тем не менее, здесь мы находим подтверждение того, что Кислым морем составитель свода именует озеро Сиваш. Верно также указание на то, что реки Биюк-Карасу и Кучук-Карасу сходятся вместе (вторая является притоком первой).

Вслед за реками идет список населенных пунктов. Это столица Крымского ханства Бахчисарай («Бакчѝ сара́й – (т) ца(р)ской дво(р), то́ бо нарица́етсѧ ѣ҆ и Кры(м) скаѧ столи́ца по́сле ко(л)мы́цѣкаго царѧ҆»); средневековый город-крепость Мангуп («Мамку́тъ»[3]); Балаклава («Балыклѣ́ѧ»); Гёзлёв, т. е. совр. Евпатория («Кузло́въ»); поселение и крепость Арабат («Ѝарба́тъ»), развалины которой сохранились до настоящего времени; Судак («Суда́къ») [7, с. 538].

Составитель свода касается вопросов государственной принадлежности тех или иных территорий. В некоторых случаях (как в главе 26) он говорит об этом как бы среди прочего, в других, напротив, акцентирует внимание читателя. К примеру, в главе 29 отмечены некоторые из городов, находящихся в подчинении османской администрации, т. е. входящих в *эялет* (провинцию) Кефе: «На кры́мской же҆ странѣ҆ ту́р҃ски(х) градо́въ Ке́рчь. Каѳа҆. Темрю́къ. Тома́нь» [7, с. 538]. При этом составитель свода не дает подробных указаний на особенности территориального деления Крыма и не упоминает о статусе города Кефе (совр. Феодосия) как административного центра эялета.

В некоторых пояснениях заметно внимание автора к дипломатической сфере, а также знакомство с содержанием родословных татарской знати. Это можно увидеть в описании топонимов, в частности, в рассказе о городе-крепости Чуфут-Кале, расположенном на горном плато близ Бахчисарая:

«Чухѳу́тъ кала҆ – гора҆ высо́каѧ ѿ Бакчѝ сара́й двѣ҆ ве́рсты, на ты҆ ѹ҆бо го́ру два҆ днѝ хо́ду, ѣ҆ и та́мо во(з)во́дѧ(т) ѣ҆опа(л)ны(х) послóвъ ѣ҆ і блюду(т) до́ времени. На то́й ѹ҆бо горѣ҆ нѣ(т) никакїѧ хра́мины к житїю҆ лю́де(м), но пребыва́ю(т) небрего́ми я҆ко ско́ти

[2] Подробнее о нем см. [11, с. 389–402].

[3] В источниках встречаются разные варианты названия этого города. К примеру, в книге Тунманна приведены сразу два варианта: Мангут или Манкуп, по-видимому, также отражающие фонетическую вариативность [12, с. 34].

ꙋ҆згора́ꙋ҆еми о(т) солнечнаго зно́ѧ. Ины́м же посло́мъ дво(р) поко́йный на ꙋ҆Инда́ле рекѣ̀, на мѣсте, нарица́ꙋ҆емѣмъ ꙋ҆Я́шламъ, поне́же ꙋ҆и мурзы̀ ꙋ҆Я́шла(м)скїѧ ту(т) живу(т), на́ши же послы̀ называ́ют и(х) Сулѡ́шевыми» [7, с. 538].

Приведенные сведения достаточно подробны и находят подтверждение в татарских источниках, а именно, в двух ханских ярлыках, выданных, соответственно, в 1047 и 1136 гг. х. и подтверждающих право Яшлавских беев владеть городом Чуфут-Кале и взимать дань с местного населения. Ф. Ф. Лашков приводит пространную выдержку из родословной этих беев, содержание которой перекликается с сообщением автора словарного свода: «Предок Яшлавских Абак-бей Кудалан… В Крыму он завоевал еврейский город Кир (Кырк-Ор. – *М. К.*), что ныне Чуфут-Кале, неприступный по натуральному положению, со всеми его землями и поселился в Яшдаге, т. е. на полянах в молодом лесе, между городом Киром и рекой Альмой, отчего прозвался Яшлав…» [5, с. 104–105].

С родом Яшлав составитель свода связывает род Сулешевых. Известно, что многие представители этой фамилии были крымскими послами в России [14, с. 33–34]. Название упомянутого населенного пункта, Чуфут-Кале (букв. ‘Еврейская крепость’), также было понятно составителю свода. Об этом можно судить по включенной далее в состав словника лексеме: «Чухъѳу̀ – (т) жи́дове» [7, с. 542]. Чуфут-Кале действительно использовался для содержания там послов и пленников, о чем существуют упоминания с конца XV века [9, с. 103–104]. Любопытно указание на запустение этого места, хотя известно, что город был населен караимами вплоть до конца XVIII в., и был полностью покинут лишь к середине XIX в.

Ближневосточные топонимы. Составитель свода, явно не выезжавший за пределы Крыма, имел весьма смутное представление о географии Ближнего Востока.

Множество сведений по этой теме сосредоточены в главе 31, которая открывается названиями двух городов:

«По гре́чески Герс҆е́мь – (т) ꙋ҆Еросали́мъ». Данный вариант произношения топонима Иерусалим нетипичен для крымскотатарского языка, в который он был заимствован из арабского (ср. араб. *Ūršalīm*, крым. *Уршелим*).

«По ту́рс҆кѝ Шери́хвъ – (т) ꙋ҆Ї҆еросали́мъ». Здесь отчетливо виден компонент арабского названия Храмовой горы, *al-ḥaram al-qudsī aš-šarīf*, что значит ‘Благородное Святилище’.

О том, где жил Мухаммад, можно прочесть следующее: «Магме́тъ по̀игомбе́рь живѧ́ше на полу́денной странѣ, на мѣ́сте, нарица́ꙋ҆емѣмъ ꙋ҆́смань. То́ бо нарица́ꙋ҆етсѧ пе́рвая ту(р)ская столи́ца до плѣненїѧ гре́ческаго ца́рьства. ꙋ҆О(т)стоя́й о(т) ꙋ҆І ꙋ҆ѐру(с)алима, я̀ко(ж) ꙋ҆і о(т) Царѧ̀гра́да до ꙋ҆І̀еру(с)алима. … ꙋ҆сма(н). Сїѐ ту́рскаѧ столи́ца. ꙋ҆Егда́ же ту(р)ский ца́рь ꙋ҆облада̀ гре́ческим ца(р)ство(м), ꙋ҆и о(т) того̀ вре́мени нарицаютсѧ ꙋ҆́сманьлы̀, бѣ́ бо пе́рвїе слы́ли ꙋ҆́смань по пе́рвой свое́й столи́цѣ. ꙋ҆́смань о(т)стои(т) о(т) ꙋ҆Ї҆еросали́ма на полуде(н)ную страну̀, я̀коже о(т) Царѧ̀гра́да до ꙋ҆Ї҆еросали́ма. ꙋ҆І ꙋ҆ели́ко си(х) ꙋ҆обои(х) путе́й, толи́ко о(т) ꙋ҆́смани до царс҆тва ꙋ҆Алс҆ты(н) ꙋ҆Алс҆ма̀тере́къ – (т) Злата́ѧ я̀блань…» [7, с. 509–510, 541].

Очевидно, речь идет об Османской империи, название которой восходит к имени Османа I Гази (ум. 1324), правителя одного из тюркских бейликов Малой Азии. Утверждение составителя свода о том, что Ѹсмань являлся первой турецкой столицей, также неверно: ставка Османа I располагалась в Енишехире.

Настоящая столица Османской империи – Стамбул, или Царьград в русской традиции, описана следующим образом: «Ста(н)бу́лъ – (т) Ца́рьгра(д). Сїй гра(д) столи́ца гре́ческая. Ца́рь Ко(н)стя(н)ти(н) гре́ческїй не могѝ проти́витисѧ безбо́жны(м) ту́рко(м), поне́же сло́во є҆го҆ є҆сполнисѧ, сухи(м) бо путе(м) па́русо(м) прїидо́ша. Ѡста́ви Ца́рьгра(д) и҆ поѣ́ха(л) в го́ру. Бѣ́ бо день ѣ(з)ду до горы́ тоѧ҆. Повѣдую(т) ѹ҆бо нѣ́цыи́, я҆ко тоѧ҆ горы́ норо́ю доѣ́ха(л) Кі́евски(х) пеще(р), і҆ні́и же глаголю(т), я҆ко во Пско(в) доѣ́халъ. По мно́га ѹ҆бо лѣта при ту́рско(м) царѣ҆ то́ю норо́ю є҆ха́живали полоненики́, и҆ того҆ ра́ди повелѣ ка́менїе(м) закла́сти ѹ҆стїе тоѧ҆ пеще́ры» [7, с. 541].

В этом рассказе отразились народные предания, по-видимому, бытовавшие среди христианского населения Крыма, о спасении последнего византийского императора Константина XI (1405–1453), погибшего при взятии Константинополя войсками султана Мехмеда II Завоевателя (1432–1481).

Другие рассказы носят также легендарный характер: «Баѹ́ръ саба́къ. Сїѐ колмы́цкаѧ столи́ца. Є҆гда҆ о(т) гре́ческаго царя҆ воева(н) бы́сть коли́мы́цкїй ца́рь, и҆ ви́дѣ, я҆ко нево(з)мо́жно проти́витисѧ вели́кому во́йску гре́ческаго царя҆, собра҆ всю҆ свою҆ посу́ду ца́рьскую и҆ положѝ в горѣ́, реко́мой Баѹ́ръ Саба́къ, бѣ́ бо бли(з) двора҆ є҆го҆. І҆ стѣ́нное писмо҆ колмы(ц)кимъ пи́смене(м) написавъ, рече́, положи(х) сокро́вище моє҆ в пѧто(к). И҆ о(т)и҆́де с полуде(н)ныѧ страны́ на восто́къ, і҆ всели́сѧ ту, я҆же и҆ донынѣ слове(т) Колмы́цкое ца(р)ство. На мѣ́сте же и(х) населѝшасѧ тата́рове при держа́вѣ ту́рскаго царя҆, прише(д) о(т) За́ецкїѧ ѻ҆рды́» [7, с. 541].

Отождествить упомянутый автором город с каким-либо населенным пунктом крайне затруднительно. По отдаленному фонетическому сходству можно предположить под «Баур сабаком» Тарковское шамхальство (кум. *Таргъу Шавхаллыкъ*). Однако из дальнейших пояснений автора невозможно проследить какой бы то ни было связи с этим государственным образованием. Возможно, здесь упоминается кавказский поход калмыков – неудачная военная экспедиция в Кабарду в 1644 г., после которой уцелевшая часть калмыцкого войска отступила за Волгу. Вместе с тем, слова о «царской посуде», якобы спрятанной «колмыцким царем» в горе Баѹ́ръ саба́къ, наводят на мысль, что автор пытается пересказать какую-то местную версию легенды о происхождении татарского блюда баурсак.

Однако на этом рассказ о горе Баѹ́ръ саба́къ не заканчивается: упоминание о ней следует далее по тексту, когда речь заходит о Бахчисарае: «Бакчѝ сара́й. Сїѐ Кры́мскаѧ столи́ца после колмы(ц)каго, ту(т) же и҆ ха(н)ской дво́ръ. По нѣ́колицѣ(х) лѣ́те(х) посаже́нъ бысть Ши(н)гирѣй о(т) ту(р)скаго царя҆ в Кры́мѣ царе(м), и҆ воспомѧнѹ҆ ѻ҆ горѣ́, реко́мѣй Баѹ́ръ Саба́къ, я҆ко мно́го сокро́вища ѥ҆сть в не́й. По времени (ж) повелѣ ра(з)сѣка́ти ка́менїе горы́ тоѧ҆ ѻ҆брѣ́тенїѧ ра́ди мно́гаго сокро́вища,

ꙇ не можáху досѣщѝ до сокрóвища. Ѝмже сѣкýщимъ, ꙇ̓извнý же паки напо(л)нѧшесѧ Божїим прóмысло(м), ꙇ̓и многò труди́вшесѧ, бе(з) ꙇ̓успѣ́еха о(т)ꙇ̓идóша» [7, с. 541].

Думается, что новое упоминание здесь личности крымского калги Шахин-Гирея, о котором уже говорилось ранее, способно дать ключ к пониманию приведенного сюжета. Известно, что Шахин-Гирей долгое время жил в Иране и находился на службе у шаха Аббаса I (1571–1629) [13, с. 65]. В описании поиска сокровищ, в ходе которого необходимо прорубить гору, видны параллели с сюжетом поэмы «Хосров и Ширин» знаменитого персидского поэта Низами Гянджеви (ок. 1141–1209). По сюжету, один из главных героев поэмы, зодчий Фархад должен по приказу царевича Хосрова пробить проход в горе Бисутун. Однако, получив ложное известие о смерти своей возлюбленной Ширин, Фархад, не завершив работы, кончает жизнь самоубийством [4, с. 223–229]. За время своего существования сюжет поэмы получил огромную популярность в рамках арабо-мусульманской зональной литературной общности и нередко претерпевал значительные изменения. Фархад стал героем множества легенд. С ним обычно связывали клинописную надпись и рельефные изображения, высеченные в V в. до н. э. на скале Бисутун в Северо-Западном Иране по приказу Дария I (правил 522–486 гг. до н.э.). В данном случае перед нами, по-видимому, попытка автора пересказать один из местных народных вариантов данной легенды.

В рассказах о реальных географических объектах также не обходится без смешения разных сведений. Здесь отчетливо видно, насколько отрывочны и случайны знания составителя свода, который систематически путает ближневосточные страны друг с другом, что можно заметить, когда речь заходит о маршрутах.

«Ѧ̓надóлу – (т) Ѐги́петъ. Бли(з) ꙇ̓егò ꙇ̓ины́ѧ грáды тоѧ(ж) держáвы: Синóпъ, Ри́за, Каралéкъ, Трапезóнъ ꙇ̓ ꙇ̓ины́хъ мнóго» [7, с. 541]. Анатолия – полуостров Малая Азия, на котором расположена бóльшая часть территории современной Турции, ошибочно и не единожды названа у автора Египтом. При этом часть приводимых сведений вполне соответствует истине. Перечисленные города: Синоп, Ризе, Трабзон и, по-видимому, Гёреле находятся на северном, Черноморском побережье Малой Азии.

Багдад в своде назван Вавилоном: «Бїю́къ ꙇ̓сáръ Богдáтъ (*Буюк исар Багъдад* «Великая крепость Багдад» – *М. К.*) – (т) вели́кїй гра(д) Вавило(н)».

Если Анатолию составитель свода путает с Египтом, то, в свою очередь, Египет он именует Индией: «Мисю́рь тавлетлы̀ (*Мысыр девлети* «Египетское государство». – *М. К.*) – (т) Ѐиньдíѧ богáтаѧ. Во всѧ́ки(х) торга(х) златы́ми червóнными торѓгýю(т)» [7, с. 541–542].

Названия морей в тексте также порой переведены буквально. К примеру, Средиземное море названо Белым, что является переводом с турецкого или крымскотатарского (ср. тур. *Akdeniz*, крым. *Акъ денъиз*): «Ѿ Царѧ̀грáда ко Ѐ̓ерусали́му Бѣлое мóре преходити на ꙇ̓орáпѓскую странỳ…» [7, с. 538].

Крупным морям в тексте свода посвящена отдельная, 32-я глава:

«Касы́къ тени́за – (т) Ки́слое мóре.

Карà тени́за – (т) Чóрное мóре. В сéмъ мóри ѐ̓сть бáба, рекóмаѧ морѓскáѧ ма(т),

людéй хватáе(т), купá҃ющихсѧ в мóри҃ и(з) малы(х) судо(в), ҃і о(т)носи(т), хотѧ̀ блу(д) ное своѐ желáнїе ҃испо(л)нить. Ї҃егдà человѣкъ, несóмъ ёю, водóю зальётсѧ ҃і ўмре(т), тогдà оставлѧ́е(т) ҃егò ҃і о(т)хóди(т) бе(з)дѣ(л)на. Сúмъ море(м) о(т) Кафы҃ до Царѧ̀градà дóброю погóдою 4 су(т)ки ѣзду, о(т) Каѳы҃ впрáво сухи(м) путе(м). О(т) Каѳы҃ до Царѧ̀градà 25 скóраго ѣзду. О(т) Каѳы҃ же в лѣвую страну до Ѣгúпта двѣ не(д)ѣли дóброю погóдою ѣ(з)ду. Прúста(н) корáбленаѧ ҃у Синóпа грáда.

Ѣ́къ тенúза – (т) Бѣ́лое море. На се(м) мори ёсть ѻ́стров, рекóмый Секú(с), на не(м) росте(т) лáдо(н) бѣ́лой, ѣму(ж) ѷмѧ сакы́(з). Беру(т) ѣгò и жую́(т) о(т) зубныѧ болѣ(з)ни, ѣ а не глатаю(т), ѣ и зýбы бываю҃тъ крѣ́пки ѣ и бѣлы҃ па́че млекà. На се(м) же мóри фра(н)цýзскїѧ нѣ́мцы по всѧ̀ лѣ́та бы҃ю́тсѧ с тýрки бли(з) Царѧ̀града.

Цáрьгра(д) ме(ж) Бѣ́лы(м) и Чóрнымъ мóремъ.

Во И(н)дíй – Кýмъ тенúза – (т) Песóчное мóре.

Ѷ́ньдѣ Улюсꙋ̀ тенúза – (т) Мéртвое море, ѣго(ж) поминае(т) в книги Прóлоге ге(н) въ 4 числѣ̀» [7, с. 542].

Как уже было показано, под Кислым морем (крым. *къатыкъ* «кислый»), вероятнее всего, имеется в виду озеро Сиваш.

Что именно следует отождествить с «Песочным морем», сказать сложно. Если составитель свода под Индией подразумевает Египет, то речь идет, скорее всего, в целом о Сахаре. В таком случае дальнейшее указание « Ѷ́ньдѣ Улюсꙋ̀ тенúза», т. е. ‘По другую сторону – Мертвое море’, выглядит логичным: оно отделено от Сахары крупным водоемом, Красным морем.

По названию Секú(с) и описанию нетрудно узнать остров Хиос, турецкое название которого (тур. *Sakız*), буквально означает ‘смола’ и, в свою очередь, происходит от названия мастикового дерева (тур. *sakız ağacı*) и получаемой из него ароматической смолы.

Таким образом, тюркско-русский словарный свод в «Цветнике» Прохора Коломнятина содержит объемный и разнообразный географический и этнографический материал. Несмотря на крайне малое количество новой фактической информации, он тем не менее служит ценным источником, фиксирующим состояние крымской ономастики в XVII веке. Не менее ценны отраженные в нем представления разных религиозных групп и этносов крымского общества, а также представления самого составителя текста, об истории и культуре Крымского ханства и Ближнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.А. Геополитическое положение Подонья – Приазовья в XV–XVI веках в свете противостояния России и Турции // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 1 (161). С. 33–37.
2. Аз-Зубайди. Мухтасар Сахих аль-Бухари: В 2-х т. Т. I. Алматы: Кәусар-саяхат, 2013. 609 с.
3. Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого-ландшафтный фон противоборства казачества и Османской империи в XVI–XVII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXII. С. 149–163.
4. Низами Гянджеви. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Хосров и Ширин / Пер. с фарси К. Липскерова; науч. подгот. текста, комм. и словарь Р. Алиева. М.: Худож. лит., 1985. 478 с.
5. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889. С. 96–110.
6. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Вып. 3: перевод / Ред. А.В. Ефимов. М.: Институт Наследия, 2021. 600 с.
7. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный свод в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2020. Т. LXVII. С. 468–552. DOI: 10.31860/0130-464X-2020-67-468-552.
8. Савельева Н.В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63.
9. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. V; 772; XXXV с.
10. Справочник личных имен народов РСФСР / Ред. А.В. Суперанская. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 656 с.
11. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
12. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской; прим., предисл. и прил. Н Л. Эрнста. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. 107 с.
13. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскр., пер. переложения А. Ильми; прилож. и поясн. К. Усеинова. Симферополь: Стилос, 2008. 192 с.
14. Энциклопедический словарь. Т. XXXII. Судоходные сборы – Таицы / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. 480 с.

REFERENCES

1. Avakov P.A. The geopolitical situation in the Azov-Don region XV–XVI centuries in the light of the confrontation between Russia and Turkey. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of institution of higher education. Northern-Caucasus Region. Social Sciences], 2011, No. 1 (161), pp. 33–37.
2. Az-Zubaidi. *Mukhtasar Sakhikh al'-Bukhari.* Vol. 1. Almaty, 2013, 609 p.
3. Artiukhin Iu. V. Climatic, oceanologic and landscape background of the confrontation of the Cossacks and the Ottoman Empire in the XVI–XVII centuries. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, Vol. 32, pp. 149–163.
4. Nizami Giandzhevi. *Sobranie sochinenii v piati tomakh. T. 2. Khosrov i Shirin* [Collected works in five volumes. Vol. 2. Khosrov and Shirin]. Moscow, 1985, 478 p.
5. Lashkov F.F. Archival data on beyliks in the Crimean Khanate. *Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse (1884 g.)* [Proceedings of the VI Archaeological Congress in Odessa (1884)], Odessa, 1889, Vol. IV, pp. 96–110.
6. Efimov A.V. (Ed.), *Osmanskii reestr zemel'nykh vladenii Iuzhnogo Kryma 1680-kh godov* [Ottoman register of land holdings of the Southern Crimea in the 1680s], Vol. 3. Moscow, 2021, 600 p.
7. Savelieva N.V., Kozintsev M.A. A Turkic-Russian dictionary in the miscellany compiled by the monk Prokhor Kolomniatin in 1668. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], St. Petersburg, 2020, Vol. LXVII, pp. 468–552. DOI: 10.31860/0130-464X-2020-67-468-552.

8. Savelyeva N.V. Unknown samples of lexicographical legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2019, No. 3, pp. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63.
9. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th century], St. Petersburg, 1887, V; 772; XXXV p.
10. Superanskaia A.V., Gusev Iu.M. (Eds.), *Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR* [Directory of personal names of the peoples of the RSFSR]. Moscow, 1987, 656 p.
11. Trepavlov V.V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002, 752 p.
12. Thunmann. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, 1936, 107 p.
13. Khalim Girai-sultan. *Rozovyi kust khanov, ili Istoriia Kryma* [Rose Bush of Khans, or History of Crimea]. Simferopol, Stilos Publ., 2008, 192 p.
14. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 32. Sudokhodnye sbory – Taitsy. St. Petersburg, Brokgauz and Efron Publ., 1901, 480 p.

Информация об авторе

Козинцев М. А. – младший научный сотрудник подразделения Лаборатория Сериндика Института восточных рукописей РАН; тьютор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Researcher ID: ABB-2337-2020.

Author information

Kozintcev M. A. – Junior Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; Tutor of the Institute of Asian and African Studies of the HSE University, Researcher ID: ABB-2337-2020.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.592-627

ПОЕЗДКА ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА И ПЕТЕРА-СИМОНА ПАЛЛАСА В ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В СЕНТЯБРЕ 1800 Г.

Никита Игоревич Храпунов
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

Аннотация. В работе рассматривается специфический источник по истории Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. – рассказ британского путешественника Эдварда-Даньела Кларка о поездке на юго-западную оконечность полуострова для осмотра археологических памятников разных эпох. Эта история стала одной из глав в «Путешествиях» Кларка, завоевавших широкую популярность и во многом определивших представления о Крыме в западной общественной мысли. Кларк внес немалый вклад в формирование некоторых стереотипов в отношении Крыма и России, сохраняющих актуальность до наших дней, в частности, обвинив русских в целенаправленном и бессмысленном уничтожении памятников археологии. Спутником и проводником Кларка в этой поездке был знаменитый натуралист Петер-Симон Паллас. За несколько дней они осмотрели памятники Мангупского городища, Гераклейского полуострова, мыса Айя и его окрестностей, а также долины селения Чоргун (ныне Черноречье). При подготовке книги Кларк значительно переработал материалы путевого дневника, в частности, дополнив их анализом античных и средневековых источников, цитаты из которых привел в подстрочных примечаниях. Записки Кларка зафиксировали состояние ряда объектов, впоследствии пострадавших от природных и антропогенных факторов. Документ показывает, как исследователи той эпохи анализировали увиденное и, следовательно, позволяют реконструировать начальный этап изучения прошлого региона. Помимо археологических сюжетов, Кларк обратился к некоторым современным реалиям, например, рассказал о добыче и использовании сукновальной глины, о эпидемиях в Крыму, одежде крымско-татарской знати, русских солдатах, некоторых особенностях крымской ботаники. Впервые публикуется русский перевод соответствующего раздела из сочинения Кларка.

Ключевые слова: Эдвард-Даньел Кларк, Петер-Симон Паллас, травелог, имагология. воображаемая география, Крым, Российская империя

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Я искренне признателен коллегам – канд. ист. наук А. В. Иванову (Симферополь – Севастополь) и канд. ист. наук Д. В. Конкину (Симферополь – Бахчисарай) за консультации, касающиеся некоторых объектов, упомянутых в статье.

A TOUR OF EDWARD DANIEL CLARKE AND PETER SIMON PALLAS TO THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN SEPTEMBER 1800

Nikita I. Khrapunov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

© Храпунов Н.И., 2022

Abstract. This work analyses a very specific source on the Crimean history at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries: British traveller Edward Daniel Clarke's account of his journey to the south-western extremity of the Peninsula to study archaeological sites dating to different historical periods. This episode was described in a chapter of Clarke's "Travels," which became extraordinary popular and to a great extent shaped the notion of the Crimea in the public mind of the West. Clarke contributed much to the development of some stereotypes of the Crimea and Russia that continued to these days, particularly accusing the Russians in voluntary and senseless destruction of archaeological monuments. In the said journey, Clarke found a companion and a guide in person of famous natural scientist Peter Simon Pallas. They spent a few days to examine the sites located atop of Mangup mountain, in the Gerakleiskii peninsula, Aia promontory and its environs, as well as the valley around the settlement of Chorgun (now Chernorech'e). Later on, when working on his book of travels, Clarke considerably overworked the materials kept in his travel journal, particularly, supplying an analysis of ancient and mediaeval sources and citing the latter in footnotes. Clarke's travelogue documented the condition of several archaeological sites, which later suffered of natural and human factors. The document under study uncovers the ways in which the researchers in the period in question analysed what was seen and, therefore, allows the one to reconstruct the first stage of the scientific research of the region. Apart from archaeological aspects, Clarke described some contemporary realities, such as the mining of fuller's earth, epidemies in the Crimea, Tatar nobility's dress, Russian recruits, and some specific local plants. The Russian translation of the chapter of Clarke's travelogue has been published for the first time.

Keywords: Edward Daniel Clarke, Peter Simon Pallas, travelogue, imagology, imagined geographies, Crimea, Russian Empire

Acknowledgement: This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119. I am sincerely grateful to CSc A. V. Ivanov (Simferopol – Sevastopol) and CSc D. V. Konkin (Simferopol – Bakhchisarai) for their consultations concerning some objects mentioned in this article.

Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) – один из тех, кто побывал в Крыму после его первого присоединения к России и опубликовал описание полуострова, тем самым оказав существенное влияние на формирование образа региона в общественной мысли Запада [см.: 38, с. 123–156, с библиографией]. Получив степень бакалавра в Кембриджском университете, он, не имея средств для академической карьеры, стал наемным гувернером (рис. 1). В обществе своего воспитанника Джона-Мартена Криппса (1780–1853) Кларк посетил Северную Европу, Россию, Балканы и Ближний Восток. В 1800 г. они побывали в Крыму. В университете Кларк занимался самыми разными вещами – древними языками и поэзией, химией, минералогией и ботаникой. В результате получился характерный для той эпохи «универсальный учёный». Путевые записки Кларка отражают это разнообразие интересов.

После возвращения на родину англичанин занялся подготовкой издания своих дневников, которые он существенно переработал, дополнив результатами изучения античных и средневековых источников, современной литературы, рисунками и пр. Оригинальные дневники не были настолько подробными, как хотелось бы автору, из-за ряда обстоятельств. Так, решение ехать на юг было принято путешественниками в Москве, когда отношения России и Англии обострились в очередной раз и, в отсутствие паспортов, англичане имели все основания полагать, что выехать через

ливонскую границу у них не получится. Потому и было решено ехать в Крым, рассчитывая получить там разрешение на отъезд в Турцию [43, p. 228]. Позднее Кларк писал своему другу Уильяму Оттеру (1768–1840): «*Без книг влачусь я, как сова на солнце, а без Плиния был бы и вовсе слеп. О, если бы здесь оказались даже немногие из тех записей, что лежат без всякого смысла в моем кабинете*» [36, с. 482]. Томик Плиния был случайно куплен в Таганроге, став для англичанина единственным путеводителем по Северному Причерноморью [36, с. 481].

Зато в опубликованном травелоге Кларк смог, воспользовавшись пространными подстрочными примечаниями и приложениями, процитировать древние источники и сочинения современников, прежде всего, своего товарища Реджинальда Хебера (1783–1826), ездившего по Крыму в 1806 г. В результате получилось сочинение, рассказавшее публике о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии дальних стран. Эта информативность, а также специфическая манера изложения, когда автор эмоционально рассказывал о собственных успехах и проблемах, открытиях и болезнях, не стесняясь высказывать свое отношение к наблюдаемым феноменам, вероятно, объясняют популярность сочинения Кларка, которое при жизни автора неоднократно переиздавалось и было переведено на французский и немецкий языки. Одновременно книга глубоко субъективна и наполнена нападками на Россию и русских, во многом объясняющимися личными причинами – нежеланием принимать нормы другого общества, нереализованными амбициями ученого и возмущением от запрета российских властей на скупку древностей.

Публикация травелога и продажа собранных за рубежом коллекций принесли Кларку желанную славу и деньги. Путешественник подарил родному университету вывезенную из Греции античную статую и в качестве ответного жеста получил степень доктора права. Позднее специально для него создали пост профессора минералогии.

В Крыму Кларк познакомился с прославленным немецким ученым Петером-Симоном Палласом (1741–1811) [см.: 29, с библиографией]. Немец по происхождению, Паллас поступил на русскую службу, стал членом Академии наук и в 1768–1774 гг. совершил ученое путешествие по Сибири. Впоследствии он жил и работал в Петербурге, пользуясь доверием Екатерины II и занимаясь такими разными вещами, как создание каталога растений России, инициированным императрицей проектом сравнительного анализа языков народов империи, а также воспитанием внуков Екатерины II – Александра и Константина Павловичей. В 1793–1794 гг. он совершил исследовательскую поездку на Юг империи, после чего Екатерина II подарила ему несколько поместий в Крыму и, сохранив за ним академическое жалование, предписала покинуть столицу (рис. 2). Паллас провел в Тавриде 15 лет (1795–1810), занимаясь различными экономическими и научными проектами, а также подготовляя издание материалов своего южного путешествия. Кларк, очевидно, со слов самого академика, писал, что императрица отправила его на юг, чтобы «*восстановить его здоровье и вознаградить за долгую службу*» [44, p. 163]. Есть и вполне правдоподоб-

ное предположение, что Паллас был, фактически, отправлен в ссылку, став жертвой придворных интриг [29, с. 193–196].

Как бы то ни было, Паллас явно тяготился отсутствием образованного общества. Он с большим радушием встречал приезжавших в Крым образованных путешественников, оказывал им различную помощь, снабжал информацией и дарил материалы своих собраний [подробнее: 37]. Кларк писал матери: *«Вы должно быть слышали о знаменитом профессоре Палласе, который по приказанию покойной императрицы проехал через всю Сибирь до самой Камчатки; одном из величайших scavans*[1] *Европы, которому принадлежит множество прекрасных публикаций. Это у него мы сейчас живем <…> но как мне описать всю его доброту? С нами обоими он нежен, как отец; всё, что находится в его доме, теперь принадлежит нам. Когда мы встретились, у меня не было сил от усталости, и я страдал трехдневной малярией. Г-н Паллас ухаживал за мною, выхаживал, а затем снабдил всякого рода подарками, книгами, рисунками, насекомыми, растениями, минералами и пр. Стоило проделать весь этот путь из Англии, чтобы иметь счастье поговорить с таким человеком, и это не считая превосходных качеств его сердца. Здесь мы живем в прекрасном, истинно английском доме; и если вам знакома радость чистой постели после того как многие месяцы, в пустынях и среди дикарей, вы не снимали одежды, то вы поймете счастье нашего отдыха*» [36, с. 486]. Кларк утверждал, что уговаривал Палласа переехать в Англию, где тот мог бы завершить свои ученые труды в комфортных условиях, но академик отказался по причине своего преклонного возраста, а также опасаясь, что тогда его имущество в России будет конфисковано [44, p. 163–164].

Не мудрено, что Паллас оказал сильнейшее интеллектуальное влияние на Кларка (и, вероятно, Криппса). Немецкий ученый не просто поведал англичанину о Крыме, его природе, населении и археологических памятниках, но подарил часть своих коллекций. В одном из писем Кларк хвалился тем, что «*В моем распоряжении весь гербарий профессора Палласа <…> Есть у меня и подарок от него сэру Джозефу Банксу*» [36, с. 493–494]. Знаменитый ботаник Джозеф Банкс (Бэнкс, 1743–1820), участник первого кругосветного путешествия капитана Джеймса Кука в 1768–1771 гг., был президентом Королевского общества – британской академии наук. Паллас переписывался с ним и делился дубликатами ценных растений из своего собрания. К несчастью, при посредстве Кларка уникальная ботаническая коллекция Палласа была утрачена для России: после возвращения на родину британец выгодно продал этот гербарий (вместе с предназначавшимся для Банкса?), который теперь рассеян по европейским и североамериканским музеям [29, с. 259–261]. Позднее, при подготовке издания своих записок, Кларк внес в них многочисленные отсылки к Палласову описанию Крыма, используя или немецкое издание 1801 г. [47], или появившийся в 1803 г. английский перевод [49].

Паллас сопровождал Кларка и Криппса в их второй поездке в юго-западный Крым, где путешественники планировали осмотреть археологические памятники

[1] Ученых (*устар. франц.*).

Гераклейского полуострова, а по дороге посетили Мангуп, деревню Чоргун, где находилась загадочная башня, и окрестности мыса Айя. Даты поездки можно определить, сопоставив слова Кларка с помещенной в приложении к его книге таблице измерения температуры в Крыму – началась она 7 и закончилась 10 сентября 1800 г., продлившись всего несколько дней [44, p. 274, 518]. Путешественникам удалось зафиксировать состояние ряда памятников античного, средневекового и нового времени, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов. Записки Кларка позволяют понять ход рассуждений, с помощью которых интеллектуалы конца XVIII – начала XIX в. интерпретировали увиденное, в частности, связывая его со свидетельствами древних писателей. Наконец, они проливают свет на интеллектуальное взаимодействие двух выдающихся личностей, которых относят к числу первых исследователей Крымского полуострова, и чьи труды оказали особое влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании.

Информацию из травелога Кларка привлекали исследователи, занимавшиеся изучением отдельных археологических сооружений в окрестностях Херсонеса [7; 11], историей научных исследований в Херсонесе и на его сельской территории – хоре [18, с. 7; 24, с. 73–75, 228–229; 31, с. 56–57, 494, 503, 534–535], «пещерных городов» Крыма [23, с. 16; 41, с. 16;], научной биографией Палласа и его творческими контактами с Кларком [16, с. 196–198; 22, с. 27–28; 29, с. 256–258; 37, с. 139–141]. Учитывая то обстоятельство, что книга Кларка является библиографической редкостью, кажется вполне оправданным предложить вниманию читателей перевод соответствующей ее главы, снабженной необходимыми комментариями. Следует отметить, что другие фрагменты из записок Кларка уже переводились на русский язык. Это глава, рассказывающая о памятниках Керчи, изданная в двойном (и, заметим, не самом удачном) переводе с французского [13], а также глава, повествующая о Бахчисарае и окрестностях [39]. Издан и перевод писем Кларка, отправленных им из Крыма [36].

Как уже говорилось, травелог Кларка выдержал несколько изданий. Пользуясь случаем, автор вносил в текст незначительные изменения, не меняющие общего смысла, но уточняющие или расцвечивающие соответствующие фрагменты. Менялась и нумерация глав. Перевод выполнен по четвертому изданию травеллога – последнему, куда вносилась авторская правка [44]. Переводчик старался следовать принципу, сформулированным А. Л. Бертье-Делагардом и С. Л. Белявской, авторами русского издания крымского сочинения Палласа, согласно которому точность важнее литературности, и необходимо буквально следовать авторской мысли невзирая на возможные шероховатости в русском тексте [19, с. 17–18]. В четвертом издании названия подразделов главы вынесены на поля. В переводе они помещены в основной блок текста, перед началом соответствующих его частей.

Кларк широко использовал подстрочные примечания, помещая в них, например, цитаты из источников. Помимо таких, особо отмеченных случаев, переводчик поместил в примечаниях по возможности краткие пояснения, касающиеся

описанных путешественником крымских реалий, или цитат из использованных им источников. За исключением особо оговоренных случаев, примечания переводчика основаны на энциклопедических справочных изданиях по археологии Крыма [8], античной истории [51], исторической географии и топонимике Северного Причерноморья [2; 12; 30]. Страницы оригинального издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. В квадратных скобках [] – дополнения переводчика. Кларк записывал имена и названия зачастую со слуха, иногда выбирал из книг, зачастую придавая им необычные формы. Идентифицировать их в большинстве случаев не так уж трудно. Латинские формы приводятся в квадратных скобках [] после первого их появления.

Д-р права Э.-Д. Кларк

Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки
Часть первая. Россия, Татария и Турция
Четвертое издание. Том второй
<p. 273>

Гл[ава] VII
Вторая экскурсия на малый полуостров гераклейцев

Профессор Паллас сопровождает автора – Мангуп – Развалины крепости – Мыс ветров – Шулю – Ямы с сукновальной глиной – Обработка кеф-кила – Стена на перешейке – Айя-бурун – Монеты Владимира <p. 274> – Алексианов хутор – Мыс и бухта Фанари – Развалины древнего Херсонеса по Страбону – Чоргунская долина – Опасный климат – Татарская знать – Русский рекрут – *Salvia Hablitziana* – Возвращение в Акмечеть

Профессор Паллас сопровождает автора

Поскольку мы не смогли отыскать местоположение самого древнего из двух городов херсонеситов, о котором Страбон писал, что тот лежит в развалинах[2], на Гераклейском полуострове [*Heracleotic Peninsula*][3], и поскольку профессор Паллас

[2] Древнегреческий город Херсонес (в византийское время – Херсон) существовал в VI/V в. до н.э. – XIV/XV в. н.э. на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Сегодня его развалины окружены городской застройкой Севастополя. Античный географ Страбон (ок. 64 г. до н.э. – после 21 г. н.э.) утверждал, что поблизости от Херсонеса находится *«Древний Херсонес, лежащий в развалинах»* (Strabo *Geogr.* 7.4.2) [27, с. 282]. По-видимому, он (или его информатор) предполагал, что жители Херсонеса однажды перенесли город со старого на новое место. Причины появления этой легенды не вполне ясны. Кларк и Криппс самостоятельно посетили Севастополь и окрестные археологические памятники в начале августа 1800 г. – об этой поездке рассказывается в одной из предшествующих глав [44, p. 198–230].

[3] Гераклейский полуостров занимает юго-западную оконечность Крыма, расположенную западнне условной линии Балаклава – Инкерман. Его название образовано от имени Гераклеи Понтийской – античного города на южном берегу Черного моря, на территории совр. г. Эрегли (Турция), выходцы

утверждал, что он должен был находиться на или рядом с участком земли, образующим самую западную территорию Крыма, которая сейчас называется мысом Фанари [*Point Phanari*][4], мы решили предпринять вторую экскурсию и пересечь Малый полуостров [*Minor Peninsula*][5] по всем направлениям. Сам профессор решил сопровождать нас; соответственно, мы покинули Акмечеть [*Akmetchet*][6] в его собственном легком, открытом экипаже в субботу седьмого сентября. Проезжая через глубокий овраг, мы собрали несколько экземпляров *Salvia Hablitziana* и *Centauria myriocephala*[7]: последнее [растение] – любимая пища крымских овец – как полагают, придает красивый серый цвет <p. 275> шерсти ягнят, которую так высоко ценят и в Турции, и в Татарии [*Tahtary*][8] как украшение колпака [*calpack*], то есть шапки, которую знатные татары носят вместо тюрбана. Профессор научил нас искать редчайшие растения в глубоких песках, в соленых болотах и на меловых холмах. Мы целенаправленно уклонились от второго посещения города Бахчисарая, чтобы не отвлекаться на церемониальные визиты, и переменили лошадей в Каче[9]. Вскоре

из которого основали Херсонес в Таврике. По-видимому, создателем топонима «Гераклейский полуостров» был Паллас, не совсем разобравшийся в тексте Страбона [37, с. 129], а Кларк воспринял его от своего коллеги и наставника.

[4] Ныне это мыс Херсонес – крайняя юго-западная оконечность Крымского полуострова. Греческое название Фанари (засвидетельствована также тюркская форма Фенер) означает «маяк» и фиксируется в источниках начиная с эпохи Средневековья [11, с. 45].

[5] Кларк имел в виду совр. Гераклейский полуостров. Греческое слово χερσόνησος (χερρόνησος) означает «полуостров». Страбон использовал его в одном отрыве в составе трех топонимов – для обозначения «большого полуострова» или «Большого Херсонеса» (Крым), «малого полуострова» или «Малого Херсонеса» (Гераклейский полуостров), а также «города Херсонеса» (Strabo *Geogr.* 7.4.2) [27, с. 282].

[6] «Акмечеть, или “белая мечеть”, ныне Симферополь, хоть и является губернаторской резиденцией, – жалкое и разрушенное место; раньше он был больших размеров, что следует из трёх мечетей, которые стоят на значительном расстоянии друг от друга. Здесь хороший вид на гору Чатырдаг». *Рукописный журнал Хебера (прим. авт.)*

Реджинальд Хебер (1783–1826) – британский религиозный деятель и поэт, посетил Крым в 1806 г. [о нем: 38, с. 157–180]. Кларк был его университетским знакомым. По просьбе Кларка Хебер передал ему свои рукописные дневники, которые тот широко цитировал в примечаниях к своей книге. Дневники Хебера были изданы уже после смерти автора, а их «крымская» глава переведена на русский язык [данный фрагмент: 50, p. 260; 33, с. 680].

[7] Шалфей саблиозолистый и василек крупноголовый (последнее не точно – правильно было бы *Centaurea macrocephala*, так как *myriocphalos* – это «многоголовый»). Кларк, очевидно, привел названия таксонов по Палласу, классификация которого во многом устарела [29, с. 239–249; см. также: 36, с. 495].

[8] В Западной Европе «Та(р)тарией» традиционно называли колоссальную территорию, протянувшуюся от Крыма до Тихого океана и от Индии до Арктики. В это название, а также в имя татар добавляли лишнюю букву «р», чтобы подчеркнуть их связь с преисподней – Тартаром. К концу XVIII в. это сопоставление казалось уже не вполне уместным, но привычка произносить долгое *a* в первом слоге осталось. Видимо, поэтому Кларк заменил лишнюю *r* на *h*, получив в сочетании с предшествующей буквой *a* долгий звук [a:] в словах *Tahtars* и *Tahtary* [38, с. 6, 143].

[9] Селение Кача, ныне исчезнувшее, находилось в неустановленном месте в нижнем течении реки Кача, на ее правом берегу, между селениями Эфендикой (ныне Айвовое) и Актачи (ныне Фурмановка), на территории совр. Бахчисарайского района Республики Крым. К нынешнему поселку городского типа

после отъезда из этого места мы повернули в сторону южной цепи гор и миновали Каралес [*Kara Ilaes*][10], прекраснейшее селение в Крыму, расположенное в красивом месте у входа в романтичное ущелье, ведущее к Шулю [*Shûlû*][11]. По правой руке вскоре после въезда в это ущелье, на вершинах образующих его южную сторону высоких гор видны остатки древней крепости Черкес-кермен [*Tcherkesskerman*], которой некогда владели генуэзцы, а в более отдаленное время черкесы [*Tcherkess*] или, как мы пишем, черкасы [*Circassians*][12]. Когда первые сделались властителями всех крымских укреплений, они построили крепости на самых обрывистых и недоступных местах, в самых диких уголках полуострова[13]. Черкес-кермен – одна из построенных таким образом цитаделей; разрозненные развалины ее укреплений до сих пор покрывают упомянутые <p. 276> вершины. Их остатки менее примечательны, чем те, что сохранились на Мангупе [*Mankoop*] на другой стороне этого ущелья[14]; по этой причине мы предпочли нанести визит последнему; потому, повернув к селению по левой руке, мы получили прекрасных татарских лошадей и проводников для этого предприятия.

Мангуп

Мангупская цитадель – очень, невероятно величественна; поистине, ее можно назвать «лежащей в облаках». Она занимает вершину полукруглой отдельно стоящей горы, которая, благодаря своему устрашающему виду, своей высоте и своим скалистым перпендикулярным склонам, независимо ни от чего другого, кроме удивительной работы природы наполняет разум удивлением, стоит только въехать в ущелье. В этом необычном месте, где не было заметно никакого способа взобраться на одну из этих высот, и еще меньше – доставить материалы для предпринятых ими

Кача в Нахимовском районе г. Севастополя отношения не имеет.

[10] Общее название двух близлежащих сел – Бююк-Каралес, ныне Красный Мак, и Юкары-Каралес, ныне Залесное; оба входят в Красномакское сельское поселение Бахчисарайского района Республики Крым.

[11] Ныне село Терновка Балаклавского района г. Севастополя.

[12] Черкес-кермен («черкесская крепость») – крымско-татарское название византийской крепости, известной также как Эски-Кермен (VI–XIII вв.) и расположенной на вершине одноименной горы в 18 км к юго-западу по прямой линии от Бахчисарая или в 4 км к западу от с. Залесное Бахчисарайского района Республики Крым. «Черкес-керменом» называли также ныне не существующее селение (в Советское время – с. Крепкое) у подножия горы.

[13] Представление о том, что «пещерные города» Крыма и даже Херсонес были построены выходцами из средневековой итальянской Генуи было распространено среди крымских татар, и от них заимствовано европейскими путешественниками. По-видимому, в его основе – память о грозных противниках-генуэзцах, окончательно победить которых удалось лишь османам в конце XV в. Западные путешественники могли поверить этим легендам, поскольку облик оборонительных сооружений Мангупа и других крымских крепостей напоминал им достижения западной фортификационной мысли [35, с. 418–421].

[14] Мангуп или Мангуп-кале – крупнейший «пещерный город» юго-западного Крыма, находится на вершине одноимённой горы близ села Ходжа-Сала Бахчисарайского района Республики Крым. Первые жители появились здесь, вероятно, в III–IV вв., а во второй половине VI в. под руководством византийских инженеров построили крепость, служившую ставкой местного правителя и убежищем для окрестных жителей. В 1475 г. она была захвачена османами.

умопомрачительных работ, греки[15] соорудили цитадель[16], не имеющую аналогов в Европе – результат их богатства, целеустремленности и предприимчивости. История <p. 277> ничего не говорит о том, ради чего пришлось вести подобные работы в глубине этой страны, на таком расстоянии от берега моря, но естественно будет предположить, что они предназначались для обуздания враждебного духа местных жителей, направленного против владений приморских колонистов. Следующими владыками Мангупа были генуэзцы; впоследствии он принадлежал колонии евреев [*Jews*][17]. Разрушенные мраморные и каменные гробницы лежали на кладбище еврейской колонии, под сенью деревьев, мимо которых мы поднимались [на вершину]. Проделанный нами путь на гору был крут и сложен; он не сделался удобнее благодаря замечательным трудам своих первоначальных владельцев, чьи разрушенные сооружения сегодня скорее затрудняли, чем помогали движению. Некогда этот подъем был полностью вымощен, и здесь были сделаны ступени, подобные находящимся на Мердвене [*Merdveen*][18], которые описаны в предыдущей главе; эти [ступени] еще сохранились в некоторых местах.

[15] Т. е. византийцы.

[16] Некоторые любопытные материалы об этой примечательной цитадели (Мангупа) имеются у *Броневского*, который описывает ее как *«Arx et civitas quondam antiquissima»*. Он также говорит: «Mancopia civitas ad montes et sylvas magis porrecta, et mari non jam propinqua est; arces duas in altissimo saxo et peramplo conditas, templa Græca sumptuosa et ædes, &c. habuit… Ac in eo monte saxoso, in quo sita est, in saxo miru admodum opere domus excisas habet, quæ etsi ille locus nunc sylvosus est, integræ tamen plurimæ reperiuntur. Phanum marmoreis et serpentinis columnis ornatum humi jam prostratum et corruptum, insignem et clarum quondam eum locum extitisse testatur». *Descrip. Tartar.*, pp. 262, 264 *(прим. авт.).*

Мартин Броневский (ум. ок. 1593) – польский дипломат и государственный деятель, побывавший в Крыму в 1578 и 1579 гг. и рассказавший о своих впечатлениях в книге «Описание Татарии». В русском переводе цитированные Кларком фрагменты звучат следующим образом: *«древний город и крепость» … «Город Манкоп лежит между горами и лесами, далеко от моря. Здесь были два замка, построенные на обширной и высокой скале, великолепные греческие церкви, дома, и пр. … На каменной горе, на которой расположен город, с удивительным искусством высечены в скале дома, которых следы еще явно видны несмотря на то, что место это совершенно поросло лесом. Храм, украшенный мраморными и серпентиновыми колоннами, уже разрушился, но обломки его свидетельствуют о прежней славе и роскоши города»* [17, с. 343–344].

[17] Кларк имел в виду караимов, которые действительно жили на Мангупе, но, как и многие его современники, не понимал (или не считал существенным) их отличия от евреев.

[18] Шайтан-Мердвен (*тюрк.* «Чертова лестница») – горный перевал, соединяющий южный берег Крыма с вершиной Ай-Петринской яйлы, откуда шли дороги в Байдарскую долину. Подъем с южного берега шел по узкой тропе, которую местами пытались улучшить, – там сохранились остатки искусственных вымосток и подпорных стен. До завершения строительства шоссе Ялта – Севастополь через перевал Байдарские ворота в 1848 г. Шайтан-Мердвен был важнейшей транспортной артерией, обеспечивающей связь Южного берега с основной частью Крымского полуострова. Правда, передвигаться там можно было лишь верхом или пешком, но не в экипаже. Кларк рассказал об этом перевале следующее: *«Голые скалы поднимались перпендикулярно вверх <…> Между их каменистыми вершинами нас привели к Мердвену, название которого на татарском языке означает “лестница”; ее ступени были высечены в естественной скале в давние годы. Здесь мы спешились и предоставили своих коней самим себе, начав утомительный и трудный спуск»* [44, p. 341].

Развалины крепости

Когда мы достигли вершины, оказалось, что всю её занимают развалины цитадели. <p. 278> Со всех сторон открывались тёмные устья пещер и мрачных проходов, высеченных в цельной скале, первоначальное назначение которых сегодня неизвестно. На самом высоком месте этого необычайного возвышенности находится красивая равнина, покрытая тонким слоем дерна; здесь мы отыскали очень красиво цветущую Палласову *Rosa Pygmea*[19]. Эта равнина, частично обнесенная разрушающейся крепостной стеной, а в других местах открытая окружающим ее обрывам, казалось такой же высокой, как вершины скал на побережье Суссекса, близ Бичи-Хеда[20]. С этого места можно рассмотреть все остальные горы, долины, холмы, леса и селения [Крыма]. Пока, опасаясь и осторожничая, мы ползли на коленях и руках, чтобы заглянуть за край обрыва на этой ужасной высоте, полураздетый татарин, дикий, как ветры севера, сел на столь же необъезженного жеребенка, без всякого седла и узды, если не считать скрученной лозы дикого винограда, подскакал к самому краю обрыва и там, пока его конь гарцевал на границе вечности, развлекался тем, что указывал нам разные места на открывшемся глазам огромном пространстве. Мы вошли в одну из высеченных [в скале] комнат – небольшое квадратное жилище, ведущее в другое, по правую руку от нас. Узкий проход слева привел нас к открытому <p. 279> балкону, созданному в скале на самом фасаде одного из главных обрывов, откуда осматривать лежащую ниже бездну можно было с меньшей опасностью. Далеко внизу над долинами парили грифы, казавшиеся не больше ласточек. Под ними открывались вершины волнообразных холмов, покрытых островками леса, с селениями посреди скал и ущелий, но на глубине столь пугающей, что при взгляде на них у нас кровь стыла в жилах. Затем мы отыскали среди руин остатки церквей и других общественных зданий, которые сохранились гораздо лучше, чем можно было бы ожидать в Российской империи; причина этого – труднодоступность здешних [мест][21].

Мыс ветров

Наконец, пройдя к северо-восточной оконечности полумесяца (это естественная форма вершины, на которой соорудили цитадель Мангупа) и спустившись по нескольким аккуратно высеченным в скале ступеням, мы вошли через квадратную дверь в пещеру, которую татары называют «Мысом ветров». Подобно всем остальным, она высечена в цельном камне, но открыта на все четыре стороны. Судя по открывающейся здесь замечательной перспективе окружающей страны, эта пеще-

[19] Шиповник карликовый. См. также прим. 7.

[20] Бичи-Хед – мыс на южном побережье Англии, образованный меловыми породами, высотой до 162 м. Для сравнения, склоны Мангупа возвышаются над окружающими долинами приблизительно на 150 м. Суссекс или Восточный Суссекс – исторический регион и графство на юге Англии.

[21] Кларк создал миф о том, что русские целенаправленно и без всякого смысла уничтожали памятники культурного наследия, который впоследствии утвердился в общественном сознании Запада [подробнее см.: 38, с. 145–151]. Поездка на Мангуп, очевидна, стала очередным поводом обратиться к этой теме.

ра, вероятно, служила военным наблюдательным пунктом. Проемы или окна – это большие арочные расселины в скале; сквозь них [открывается] широчайший <p. 280> вид на окрестные горы и катящиеся облака, представляющий собой потрясающее зрелище. Ни в одной части Европы нет ничего, что могло бы превзойти грандиозное величие этого пейзажа. Под этой пещерой находится другая комната, ведущая в новые кельи по нескольким ее сторонам; все они высечены в той же цельной скале[22].

Спускаясь из этого места, мы следовали по другой дороге, проехав под старым арочным проездом цитадели, некогда главным в нее входом[23]. Эта дорога идет вокруг северной стороны горы, а обрыв над долиной настолько обрывист и глубок, что, кажется, один-единственный неверный шаг низвергнет [в пропасть] и коня, и седока. Спешившись, можно избежать опасности, а страх спуска компенсируется перспективой, самой прекрасной из тех, что когда-либо открывалась перед глазами. Стемнело еще до того, как мы достигли низа. У нас возникли некоторые трудности с поиском главной дороги, ведущей через ущелье – главным образом из-за деревьев, нависающими над всеми [без исключения] тропами близ татарских селений и так сильно мешающими проезду всадников, что <p. 281> нам постоянно угрожала опасность быть сброшенными [с коней]. Один из нашей группы едва не лишился глаза от удара о сук, совершенно загородивший тропу, по которой мы ехали. Само же ущелье в определенное время года не лишено опасности. Огромные массы известняка срываются со скал наверху, снося все на своем пути; некоторые, [упавшие] с северного обрыва, пересекли текущую внизу реку и, благодаря накопленной при спуске огромной скорости, прокатились вверх, примерно до половины противоположного склона.

Шулю

Некоторые из этих обломков мы видели по пути в Шулю, где провели ночь. Это селение, принадлежащее профессору Палласу, представляет собой лес из грецких орехов, под [пологом] которого скрываются жилые дома. Одно из этих деревьев приносит ему, как он сообщил нам на месте, шестьдесят тысяч орехов за сезон. Обычная цена на этот плод везде в Крыму – от восьмидесяти до ста копеек за тысячу штук. Профессор выстроил для себя в Шулю самую величественную резиденцию, но, когда мы [туда] приехали, завершение работ было отложено из-за конфликтов с татарами, касавшихся размеров этого небольшого участка земли. Здание эта находится на северной стороне ущелья, откуда открывается хороший вид на долину, но поскольку почвы на окрестных холмах имеют меловую природу,

[22] Кларк зарисовал этот объект, и с рисунка была снята гравюра, помещенная в некоторые издания его книги (рис. 3).

[23] Будущим путешественникам, собравшимся посетить Мангуп, можно посоветовать эту дорогу для подъема, поскольку там им откроются, вероятно, самые величественные виды из тех, которые они когда-либо наблюдали. Татары, по причине, которую невозможно объяснить, называют ее «Дорогой для повозок», хотя мы, когда ехали вниз, не могли усидеть даже на лошадях (*прим. авт.*).

все вокруг <p. 282> сверкает белым, причиняя боль глазам и полностью разрушая живописность пейзажей. Вблизи этого холма, на одной из возвышенностей против профессорского дома, находится несколько искусственных углублений, напоминающих инкерманские [*Inkerman*][24] [и] демонстрирующих древние убежища христиан в кельях и гротах. Один из этих пещерных залов имеет не менее восьмидесяти шагов в длину и соответствующую ширину, а его крышу поддерживают высеченные в скале столбы[25]; из-за своей природной мягкости этот камень не требует столько труда [при обработке], как у похожих сооружений, расположенных в других районах Крыма.

Ямы с сукновальной глиной

Из Шулю мы снова отправились в Балаклаву. По дороге мы миновали несколько ям, в которых татары добывают род сукновальной глины, которую называют «кеф-кил» [*Keff-kil*][26], или «минеральная пена», а немцы – *meerschaum*[27]. До завоевания Крыма это вещество было важным предметом торговли с Константинополем[28], где его использовали в общественных банях для мытья женских волос. Его часто продают немецким купцам для изготовления прекрасных [**283**] курительных трубок, которые французы называют *écume de mer*[29] и которые продают за безумные деньги даже в нашей собственной стране, после того, как от в результате длительного использования они окрасятся табачным маслом.

---

[24] Средневековая крепость Инкерман (Каламита) VI–XVII вв. находится на территории одноименного города в составе Балаклавского района Севастополя, на правом берегу р. Черная близ места ее впадения в Севастопольскую бухту. В склонах утеса, на вершине которого расположен памятник, и в окрестных скалах расположены многочисленные искусственные пещеры, главным образом – остатки средневековых монастырей. Их датировка представляет собой самостоятельную проблему, но ясно, что, несмотря на церковное предание, они вряд ли древнее XIV–XV вв.

[25] Поблизости от с. Шулю (Терновка) находятся два пещерных монастырских комплекса византийского времени – Шулдан и Чилтер-мармара. Судя по упоминанию большого зала, Кларк имел в виду второй, нижний ярус которого состоит из обширной естественной пещеры, стены которой подверглись обработке [7, с. 77].

[26] Буквально – «пенная земля»; нередко ошибочно думают, что это название происходит от города Каффы [*Caffa*], откуда этот минерал отправляли в Турцию. См. наблюдения в главе 4 этого тома, с. 153 (*прим. авт.*). В соответствующем отрывке у Кларка сказано следующее: «*Завершая рассказ об этом месте (городе Каффа-Феодосия. –* Н. Х.*), следует отметить распространенную ошибку, которую допустил и сам Паллас в описании Крыма (см. Путешествие, том 2, с. 97), а именно, что вид сукновальной глины, добываемой в разных местах на [Крымском] полуострове, а также в Анатолии, и называющийся кеф-кил [Keff-kil], получил это имя от Каффы, и что оно обозначает "каффская земля". Его истинную этимологию можно продемонстрировать ссылкой на "Восточный словарь" Менинского – оно происходит от двух турецких слов, обозначающих земляное мыло, или пену*» [44, p. 152–153]. Справедливости ради, и в немецком оригинале [47, S. 97], и в английском переводе Палласа [48, p. 97] действительно стоит *Keffe-Kil*, что намекает на связь с Каффой, хотя немецкий ученый прямо этого не утверждал [ср.: 19, с. 55]. Упомянутый Кларком Франциск Меньен (позднее Менинский, 1623–1698) – французский филолог, дипломат, преподаватель, автор многотомного турецко-латинского словаря.

[27] *Meerschaum* – морская пена (*нем.*).

[28] Название османской столицы до 1930 г.

[29] Морская пена (*франц.*).

Обработка кеф-кила

Способ, с помощью которого одну из этих трубок доводят до совершенства, включая все сопутствующие обстоятельства, действительно интересен. Поскольку торговля между Крымом и Турцией прервалась, требуемую для их изготовления глину копают близ Эскишехира [*Eski Shekhr*] в Анатолии [*Anatolia*][30]. Первая грубая форма придается трубкам в том же месте, где найден минерал; здесь их оттискивают в форме и раскладывают на солнце для просушки; после этого – обжигают в печи, варят в молоке и натирают мягкой кожей. В этом виде их отправляют в Константинополь, где имеется специальный *базар* [*bazar*], а точнее *хан* [*khan*][31], в котором их выставляют на продажу; затем их покупают купцы и везут караванами в [город] Пешт [*Pest*][32] в Венгрии. Тогда форма трубки еще большая и грубая. В Пеште начинается производство, которое должно подготовить их для немецких рынков. Здесь их в течение суток вымачивают в воде и затем обрабатывают на токарном станке. В ходе этого процесса <p. 284> многие из них, оказавшиеся пористыми, выбрасывают. Иногда лишь две или три [трубки] из [целого] десятка находят подходящими для дальнейшей обработки. Из Пешта их переправляют в Вену, и часто оправляют в серебро. После того их везут на ярмарки в Лейпциге [*Leipsic*], Франкфурте [*Francfort*], Мангейме [*Manheim*] и других городах на Рейне, где продают в лучшем случае [по цене] от трех до пяти, а иногда даже семи фунтов стерлингов за каждую. Когда в результате долгого курения табачное масло придаст этим трубкам изысканный оттенок желто-фарфорового или, что еще более ценится, темно-черепахового цвета, их, как известно, продают [по цене] от сорока до пятидесяти фунтов [стерлингов за штуку] на наши деньги. Способ добычи *кеф-кила* в Крыму таков: в земле выкапывают шахту и продолжают в ней работать, пока стены не начинают рушиться – это случается чаще из-за характера почвы; – и тогда копают новую яму. Обычно *кеф-кил* перекрыт слоем рухляка, который иногда приходится прокапывать на глубину от восьми до двенадцати морских саженей[33]. Слой *кеф-кила* редко бывает более двадцати восьми дюймов[34] толщиной, после чего под ним, как и прежде, идет рухляк. В настоящее время годовой объем экспорта этого минерала со всего [Крымского] полуострова не превышает две тонны[35]; его потребление в самом Кры-

[30] Ее продажа дает средства для обители дервишей [*Dervishes*]. Она состоит из кремния, воды, магнезии и оксида углерода (*прим. авт.*).

Эскишехир – город в Малой Азии, на территории современной Турции, в 350 км к юго-востоку от Стамбула. Анатолия – древнегреческое название Малой Азии.

[31] Это место называется Унун Чарчи [*Ouzoun Tachrchy*] [и находится] в Филджианджи-хане [*Fildjiandji Khan*] (*прим. авт*).

Хан или караван-сарай – в мусульманских странах постоялый двор для торговцев и путешественников, со стойлами для животных, внутренним двором, складскими помещениями и местами для торговли.

[32] Пешт – город в Венгрии, на правом берегу Дуная. В 1873 г. в результате объединения городов Буда, Обуда и Пешт возник город Будапешт.

[33] Морская сажень равна 1,852 м.

[34] Английский дюйм равен 2,51 см.

[35] Английская тонна равна 1016 кг.

му невелико, хотя он продается на всех рынках по низкой цене в двадцать *копеек* [*copeek*] за *пуд* [*poud*][36]. <p. 285>

Стена на перешейке

На расстоянии около двух миль от Балаклавы, покуда ехали к этому месту, мы обнаружили следы древней стены, тянувшейся от гор к востоку от [Балаклавской] бухты на запад и, таким образом, прикрывавшей подступы к Балаклаве со стороны суши. Поскольку эта стена дает ключ к отысканию другой, упомянутой Страбоном, которая тянулась через перешеек от Ктенунта [*Ctenous*] до Порта Символов [*Portus Symbolorum*][37], мы решили проследить ее и двинулись верхом, ориентируясь по ее остаткам; профессор Паллас же предпочёл идти пешком, с морским компасом в руке, чтобы точнее следовать [за нею]. Вскоре мы обнаружили точно такое же сооружение, которое так хотели отыскать: оно поможет пролить свет на топографию Малого полуострова. Оно примыкает к стене Порта Символов под прямым углом и оттуда тянется к Инкерману, где соединяется с Ктенунтом. Мы проследили весь ее путь. Расстояние между двумя портами исчислено весьма неточно – оно преувеличено на всех наших картах. Оно точно соответствует сведениям Страбона о сорока стадиях, или пяти милях, от моря до моря[38]. Все, что еще осталось от этой стены, это насыпь или холм; на нем еще видны следы и остатки башен. Камни, из которых она сложена, по больше части разобрали местные жители или для строительства <p. 286> оград для пастухов, или для сооружения татарских жилищ. Сохранившихся участков достаточно для доказательства искусственной природы этого сооружения, ведь камни являются не свойственными для почвы, но чужеродными материалами, очевидно, привезенными для укрепления вала[39].

Айя-бурун

Установив реальность и местоположение этой стены, мы решили не тратить времени на дальнейшее исследование здешней территории, но поднялись на крутые горы у морского берега к западу, чтобы посетить колоссальный мыс, который татары называют Айя-бурун [*Aia Bvrvn*], или «Святой мыс», лежащий между Бала-

[36] Русский пуд равен 16,38 кг.

[37] Кларк имел в виду следующие фрагменты Страбона: «*Эта гавань называется Симболон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий*» (Strabo *Geogr.* 7.4.2) [27, с. 282]. Однажды «*скифы напали на стену, построенную через перешеек у Ктенунта…*» (Strabo *Geogr.* 7.4.7) [27, с. 285]. По современным представлениям, Симболон Лимен (*греч.* Порт символов или Гавань символов) – это Балаклавская, а гавань Ктенунт – Севастопольская бухта [27, с. 816, прим 9–10]. Используя эти данные, Паллас сделал вывод, что выстроенная греками, жившими в Херсонесе, стена тянулась от Инкермана до Балаклавы, и даже отыскал какие-то развалины, которые интерпретировал как «очень слабые» остатки этой «стены и нескольких башен» [19, с. 42]. Очевидно, Кларк доверился его мнению.

[38] Стадий – античная мера длины, равнялась ок. 200 м. 1 морская миля равна 1852 м, 1 сухопутная миля – 1609 м.

[39] Вопреки мнению Кларка и Палласа [19, с. 42], современные археологи не считают доказанным существование этой циклопической стены. По-видимому, путешественники слишком хотели отыскать «Страбонову стену» и слишком доверились своей фантазии, осматривая какие-то невразумительные остатки [7, с. 99–111].

клавой и Монастырем св. Георгия [*Monastery of St. George*][40]. Страбонов Парфений [*Parthenium*][41] находился на Гераклейском полуострове [*Heracleotic Chersonesus*], как недвусмысленно показывает подлинный текст этого автора, и, если там было место, удачно расположенное для проведения ужасных ритуалов, которые, как говорят, совершали в честь Таврической Дианы[42], а также если согласовать его местоположение с расстоянием до Парфения от города Херсонеса, то это Айя-бурун; к тому же есть нечто в его нынешнем названии, соответствующее древней святости мыса Парфений[43]. Впоследствии Паллас, кажется, признал их тождество[44]; но во время нашей поездки в эту местность он не выработал еще <p. 287> мнения по этому поводу[45]. При определении положения объектов в варварских странах, когда мы можем ориентироваться исключительно на текст греческого или римского историка, всегда возникает некая неточность; но, когда сами варвары своей простой и грубой традицией подтверждают наблюдения античного писателя и фиксируют неявный факт, остается мало причин, чтобы [в нем] сомневаться. Исходя из этого, Айя-бурун, вероятно, имеет столько же оснований считаться Страбоновым Парфением[46], сколько Балаклавская бухта – Портом Символов. В тоже время,

[40] Монастырь св. Георгия расположен на морском берегу в 7 км к западу от Балаклавы. Первые сведения о нем относятся к XVI в. Этот объект традиционно привлекал путешественников благодаря своему красивому расположению и традиции, относившей основание монастыря к незапамятным временам [см.: 6].

[41] Имеются в виду следующие слова древнего географа: *«В городе (Херсонесе. – Н. Х.) есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей»* (Strabo Geogr. 7.4.2) [27, с. 282].

[42] Согласно древнегреческим мифам, дочь царя Агамемнона, предводителя ахейцев в троянской войне, по имени Ифигения одно время служила жрицей в храме Артемиды (Дианы) в стране тавров на южном берегу Крыма. По современным представлениям, в реальности подобного храма не существовало, но среди интеллектуалов конца XVIII–XIX вв. этот сюжет был очень популярен. Храм они искали, как правило, в районе м. Фиолент и Георгиевского монастыря [38, с. 83–86].

[43] Айя (*тюрк.*) – «святой».

[44] См. Путешествия Палласа, том 2, с. 63 (*прим. авт.*).

Кларк имеет в виду следующий фрагмент из записок немецкого ученого: «*Еще сохраняющееся название Священного мыса, подле которого находится эта постройка (оборонительное сооружение у м. Айя. –* Н. Х.*), и ее расстояние от стен Херсонеса дают повод предположить, что здесь был* Fanum daemonis virginis*, а Айя-Бурун – это* Promontorium Parthenium*, упоминаемый Страбоном и помещаемый некоторыми на обрыве скал западнее Георгиевского монастыря*» [19, с. 43; ср.: 47, S. 62–63; 48, p. 63].

[45] Второй («крымский») том немецкого издания записок Палласа о путешествиях по Югу России вышел в 1801 г., то есть через год после путешествия Кларка [47].

[46] Решение этой задачи остается будущим путешественникам, которые смогут взять на себя труд измерить точное расстояние от развалин до города Херсонеса. Здесь уже говорилось, правда предположительно, что оно согласуется с данными Страбона, который считал его равным ста стадиям, то есть двенадцати с половиной милям. Если расстояние до Айя-буруна окажется больше, то в следующий раз они смогут уделить надлежащее внимание той части берега, которая описана на с. 215 этого тома, где имеется природная арка (*прим. авт.*).

На указанной странице Кларк также пытался разобраться с указаниями Страбона и определить место античного храма. В тот раз он описывал местность близ Георгиевского монастыря на м. Фиолент: «*По мере того, как берег уклоняется к югу, от утес[ов] в море, в сторону запада, выступает весьма*

нужно признать, что похожий эпитет встречается в названии Аюдаг [*Ai'vdagh*], данном мысу, упомянутому в предыдущей главе[47], также вероятно в связи с какими-то обстоятельствами, связанными с древним культом, о котором упоминал Страбон, ведь слово Партенит сохранилось до сих пор в названии близлежащей деревни[48]. Поэтому очевидно, что разные мысы в Тавриде [*Tauride*][49], в древности носившие название Парфений, неизбежно заводят в тупик исследование <p. 288>, направленное на выяснение точного местоположения одного из них. На языке тавров [*Tauri*], которые были первыми почитателями Дианы в этой стране, их богиню звали Орсилохой [*Orsiloche*][50]; пожалуй, смысл ее древнейшего имени можно отыскать в Кавказских горах, откуда и пришли тавры. В области Кавказа Паллас обнаружил толкование названия *Ардавда [Ardauda]*, которое на таврском диалекте было именем [города] Феодосии; он открыл, что оно обозначало семикратное божество [*Seven-fold Divinity*], что соответствует ΕΠΤΑΘΕΟΣ[51] в анонимном перипле Эвксинского [моря][52].

примечательная черная скала, прорезанная высокой естественной аркой, через которую могут проходить лодки. Необыкновенный вид этой сцены может служить основой для суеверий; а наверху этой скалы были остатки постройки продолговатой формы, сооруженной из значительных масс камня, связанного цементом. Вблизи этого места были также и другие развалины» [44, p. 215]. Это описание весьма напоминает слова Палласа, допускавшего, что храм Дианы мог находиться в том месте [48, p. 63–64; 19, с. 43]. Кларк описал местность, сегодня известную как мыс Лермонтова, пробитое волнами отверстие в котором именуют гротом Дианы. Расположены они на юго-западном побережье Гераклейского полуострова, между м. Фиолент и м. Виноградный. В реальности ни к Лермонтову, ни к Артемиде-Диане эти природные памятники отношения не имеют. Тем не менее, устойчивая традиция, возникшая в самом начале российской эпохи в истории Крыма, связывала данную местность с «храмом Дианы» [38, с. 83–86].

[47] «*Высокий мыс, который мы миновали, татары называют Аюдаг, или "Святая гора"*» [44, p. 258].

[48] Партенит – ныне поселок городского типа городского округа Алушта Республики Крым, расположен на южном берегу Крыма. Его название, очевидно, происходит от греческого παρθένος – «девица».

[49] Таврида – название Крыма, возникшее в Новое время. В российскую эпоху его использовали, чтобы подчеркнуть начало нового этапа в жизни края и апеллировало к его античному наследию в ущерб исламскому [38, с. 8, прим. 1].

[50] Тавры – группа племен, населявших южную часть Крымского полуострова (южнее условной линии Керкинитида (ныне Евпатория) – Феодосия) в VIII в. до н.э. – I в. н.э. Римский историк Аммиан Марцеллин (ок. 330–395), очевидно, основываясь на более древних источниках, утверждал, что тавры «*добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибивали головы убитых на стенах храма как вечные памятники славным деяниям*» (Amm. Marc. *Hist*. 22. 8. 34) [3, с. 271].

[51] Семибожная (*др.-греч.*).

[52] Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεουδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ / Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδαύδα, τούτεστιν ΕΠΤΑΘΕΟΣ. / *Anonymi Periplus,* ed. *Gronov*, p. 143. *Lug. Bat. 1097.* (*прим. авт.*).

«*Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардавда, т. е. Семибожный» город»* [49, с. 283]. Это цитата из анонимного перипла (описание навигации) Черного моря, составленного не ранее второй половины VI в. н.э. на основе более ранних источников [45, p. 102–113]. Эвксин или Понт Эвксинский – античное название Черного моря. Рассуждение о том, что Паллас обнаружил на Кавказе толкование топонима Ардавда, отсутствует в его травелоге [ср.: 46]. Возможно, он сообщил об этом Кларку устно.

Айя-бурун

Айя-бурун некоторые авторы ошибочно называют Криуметопон[53]. Это дикая и наводящая ужас сцена, вроде той, что описал Шекспир в «[Короле] Лире»[54] – колоссальный перпендикулярный обрыв, один из высочайших в Крыму, представляет собой гору из мрамора, отвесно обрывающуюся в море. К западу она граничит с долиной, где находится селение Карань [*Karany*], ныне населенное греками[55]. Миновав этот мыс и оказавшись в <p. 289> двух верстах [*versts*][56] от Монастыря св. Георгия, мы вообразили, что отыскали настоящий храм девственного демона, по описанию Страбона расположенный на Парфенийском мысе [*Parthenian Promontory*][57]. Мы оказались у разрушенной постройки, [имевшей] явные следы глубокой древности; материал, [из которого ее соорудили,] – огромнейшие камни – были сложены без всякого цемента. Сохранилась часть вымостки и стены. С этого места нами выполнен вид на Ая-бурун – но масштаб изображения не позволил изобразить развалины на переднем плане[58]. Высота видимого горизонта над морем, что так необычно выглядит на гравюре, совсем не преувеличена[59].

[53] Страбон писал: «*Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон*» (Strabo *Geogr.* 7.4.3) [27, с. 283]. Этот мыс упоминают и другие древние авторы, причем создается впечатление, что они могли называть таким образом разные объекты. Современные исследователи по-разному локализуют Криуметопон, связывая его с одним из мысов или даже гор на южном берегу, например, м. Айя, м. Сарыч, или м. Ай-Тодор [28; 1, с. 97–105, 209–211].

[54] Кларк имеет в виду следующие слова из сцены 6 акта IV трагедии: «*Вот это место. Стойте, господин. / Какая жуть – заглядывать с обрыва / В такую глубь! Величиной с жука, / Под нами вьются галки и вороны. / Посередине кручи человек / Повис и рвет морской укроп, безумец. / Он весьто с голову, а рыбаки / На берегу – как маленькие мыши. / На якоре стоит большой корабль. / Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка / Не больше поплавка – едва видна. / О камни ударяют с шумом волны, / Но их не слышно с этой высоты. / Довольно. Голова б не закружилась! / Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть*» (пер. Б. Л. Пастернака) [40, с. 531].

[55] Ныне с. Флотское Балаклавского муниципального округа Балаклавского района города Севастополя.

[56] 1 верста равна 1067 м.

[57] См. прим. 44.

[58] См. издание *ин-кварто* (*прим. авт.*).

В первых изданиях книги Кларка находилась гравюра, сделанная по рисунку путешественника, с изображением мыса Айя (рис. 4) [42, p. 566–567].

[59] Однажды, спускаясь с горы Везувий (где открывается похожий по масштабу вид), когда атмосфера стала прозрачнее, чем обычно [бывает], автор был сильнейшим образом потрясен, не осознавая, на какой высоте находится, увидав острова Вентотене [*Ventotiéna*] и Понца [*Ponza*], как ни удивительно, возникшие среди облаков, как бы в небесах, гораздо выше линии видимого горизонта. До сих пор живы люди, в то же самое время наблюдавшие это удивительное зрелище. После того он [т. е. автор] наблюдал похожие явления на Гебридских островах и в [Эгейском] Архипелаге; но если подобные виды помещать на гравюрах, то люди, которые никогда не видели ничего подобного, могут счесть их недостоверными (*прим. авт.*).

Вентотене и Понца – острова в Тирренском море к западу от Италии, входят в состав архипелага Понцианские острова. Гебридские острова – архипелаг в Атлантическом океане у западных берегов Шотландии.

Вскоре после того мы прибыли, во второй раз, к Монастырю св. Георгия; наш друг Паллас впоследствии опубликовал <p. 290> гравюру с изображением этой местности во втором томе своих «Путешествий по южным провинциям Российской империи»[60]. Здесь до сих пор отмечают упомянутый Броневским ежегодный [религиозный] праздник[61]. Какие-то крестьяне принесли нам несколько медных монет Владимира Великого. Они представляют большой интерес, поскольку, очевидно, относятся ко времени его крещения, а это событие случилось поблизости от того места. Спереди на них русское «В», а на обороте – распятие, символизирующее его обращение к христианской религии[62]. Как уже говорилось, он был крещен в Крыму; эта церемония имела место, согласно Герберштейну[63], в городе Херсонесе [*Chersonesus*], также называвшемся Херсон [*Cherson*] или Корсунь [*Corson*][64], имя [кото-

[60] *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire.* В английском переводе название Палласова травелога отличается от русского («Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства…»), причем последнее лучше соответствует немецкому оригиналу. Упомянутое Кларком изображение Георгиевского монастыря представлено на рис. 5 [47, Pl. 7].

[61] Est in eo loco unde rivulus ille delabitur Pagus quidam non ignobilis, et non procul in ripâ maris, in monte saxoso*, Græcum monasterium, Sancti Georgii solemne;* anniversaria devotio Græcis Christianis, qui nunc in Taurica sunt reliqui, in magna frequentia ibi fieri solet." *Martini Broniovii Tartaria, Lug. Bat.* 1630. (*прим. авт*.).

Русский перевод этого отрывка: «*В том месте, откуда берет начало ручеек, есть селение довольно значительное, а недалеко от моря на каменной горе, есть монастырь Св. Георгия. Все греки, живущие теперь на полуострове Таврическом, стекаются туда ежегодно в большом числе, и торжествуют свой годовой праздник*» [17, с. 341–342].

[62] Кларк ошибся: по современным представлениям, эти монеты чеканены не древнерусским князем, а византийским городом Херсоном, и буква на них не русская, а греческая, обозначавшая императора Василия I (867–886) [4, с. 116]. Впрочем, в то время этот вопрос не был еще выяснен [подробнее см.: 38, с. 132].

[63] Apud Pagi, tom IV, p. 56 *(прим. авт.).*

Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – австрийский дипломат, дважды побывавший в Москве в 1516–1517 и 1525–1526 гг. и оставивший воспоминания о России, материалом для которых служили не только его собственные наблюдения, но и материалы из самых разных источников. В частности, в кратком очерке истории русских правителей, основанном на летописных известиях, он рассказал о Владимире и его крещении в г. Корсунь – *Corsun* [26, с. 58–99].

[64] См. «Дополнительные примечания» в конце этого тома, где [приведен] весьма любопытный документ [Мартина] Броневского, касающийся этого некого величественного города, – свидетельство весьма мало известное, но сохранившее, вероятно, единственное его описание. Броневский утверждает, что Владимира крестил греческий патриарх в главном монастыре города Херсонес (*прим. авт.*).

Это «Дополнительное примечание» [44, p. 451–453] представляет собой пространную латинскую цитату, рассказывающую о городе Херсонесе, из книги Мартина Броневского (см. прим. 16). Польский дипломат, очевидно, побывал на руинах древнего города и видел там остатки каких-то сооружений, которые принял за древний монастырь. В его описании есть такие слова: *«…летописи говорят, что князь Владимир отнял этот город у Константинопольского императора Иоанна Цимисхия; но взяв в супружество Анну, сестру императоров Василия и Константина, и быв посвящен каким-то патриархом в таинства веры греческой, в том же монастыре, возвратил его обратно»* [17, с. 342]. В конце IV–VI вв. античное название города, Херсонес (Χερσόνησος, *Chersonesus*), постепенно заменилось новой, византийской формой Херсон (Χερσών, *Cherson*). Причины этого не вполне ясны [32, с. 538–544; 9, с. 1001–1005].

рого] ныне легко спутать с Херсоном на Днепре – название, которое русские, как всегда не знавшие древней географии, дали новому городу близ устья этой <p. 291> реки[65]. Примерно в пяти верстах от монастыря, следуя по берегу, мы прибыли к каким-то громадным развалинам в небольшом лесу, по правой стороне от нашей дороги. В нынешнем состоянии невозможно даже снять их план – пастухи-татары, передвигая камни, чтобы сделать их материалом для оград для своих стад, привели все эти остатки в беспорядок.

Алексианов хутор

Отсюда мы продолжили свою поездку к юго-западной оконечности Крыма и, когда стемнело, прибыли в место, которое называется Алексианов хутор [*Alexiano's Chouter*][66]. Лай собак внушил [нам] приятную уверенность в [наличии] человеческого жилья и вселил надежду на какой-нибудь ночной приют на фоне сильной усталости. Однако, как оказалось, то, что мы приняли за деревню, было четырьмя или пятью жалкими рыбацкими хижинами. Немногочисленные жившие там греки предложили нам разместиться в недавно выкопанной в земле яме, которая вряд ли могла вместить трех человек, а запах этого места показался нам отвратительным; к тому же она была заполнена овечьими шкурами, кишевшими паразитами. Раздобыв немного масла в оловянной кастрюле, мы превратили ее в светильник, а поискав вокруг, в конце концов нашли небольшую соломенную лачугу с земляным полом и местом для очага. Здесь, несмотря на крайнюю жару, мы подожгли немного сухой травы, чтобы противостоять действию миазмов окрестных болот и <p. 292> стоячих вод. При свете нашего костра приготовили для профессора Палласа постель на чем-то вроде полки; поскольку на ней поместилась только половина его тюфяка, он, едва заснув, всякий раз соскальзывал вниз; в конце концов, это заставило его перебраться на покойное, пусть и более отталкивающее ложе на сыром и грязном полу. Что же до нас, то, раздобыв две длинные деревянные скамьи шириной в восемь дюймов[67], нам удалось приноровить свои тела в горизонтальном положении, между сном и явью, до самого утра.

[65] В конце XVIII в. расположение исторического Херсонеса-Херсона представляло собой загадку. После того, как жители оставили город, о его месте позабыли, а потому ученые и путешественники Нового времени пытались отождествить его с самыми разными географическими пунктами не только в Крыму, но и за его пределами. Называя «Херсоном» новый город на нижнем Днепре, Екатерина II доверилась мнению историка Василия Никитича Татищева, считавшего, что византийская крепость, где крестился князь Владимир, стояла близ того места [подробнее см.: 34; 38, с. 33–35].

[66] Кларк, очевидно, не понял значение слова «хутор». Это поместье принадлежало Панагиотти (Панаиоти Павловичу) Алексиано (ум. 1788) – греку по происхождению, контр-адмиралу российского флота. Хотя Алексиано принадлежали обширные земельные владения на Гераклейском полуострове, местоположение упомянутого хутора можно установить достаточно точно. На виньетке в книге Кларка (рис. 6) он отмечен в верховьях правого (восточного) рукава Казачьей бухты [44, p. 273]. Такова же его локализация на разных копиях карты Гераклейского полуострова 1786 г. [20; 31, рис. 126; 15, с. 45, рис. 6.1]. Именно там оно находится, если исходить из сведений травелога Палласа [19, с. 45, 47].

[67] 1 дюйм равен 2,51 см.

Мыс и залив Фанари

Когда засиял дневной свет, профессор покинул нас и отправился исследовать мыс Фанари, или Маячный [*Point of Phanari, or the Light Tower*][68], и, вернувшись еще до того, как мы очнулись от дремы, уверил нас в том, что весь этот полоса земли покрыта древними развалинами[69]. Мы с энтузиазмом поднялись, чтобы последовать за ним, и, когда подъехали к кромке воды, были тотчас же потрясены видом на очень маленький полуостров, вдававшийся в залив Фанари и полностью покрытый остатками древней крепости[70]. План этого сооружения опубликовал профессор в своей работе[71]. Кажется, некогда это был остров, соединявшийся с материком искусственной насыпью, ныне превратившейся в маленький перешеек. От этого полуострова берег начинает подниматься, и вся земля по направлению к его западной оконечности повышается. <p. 293>

Развалины древнего Херсонеса по Страбону

Поднимаясь на эту пологую возвышенность и достигнув вершины, мы сразу же обнаружили стены, улицы, разрушенные постройки и другие развалины древнего Херсонеса [old *Chersonesus*][72]. Появившиеся удлиненные вымостки, ветхие стены, разрозненные фрагменты терракоты [*terra cotta*][73], разбитых амфор, черепиц и кирпичей от водоводов, а также другие признаки древнего города, господствовали на всей этой территории вплоть до самого моря. План, помещенный на виньетке к этой главе, весьма несовершенен, но он сможет лучше передать представление о расположении этих руин, нежели любое письменное описание[74]. Целый день тру-

[68] Полуостров Маячный – крайняя западная оконечность Гераклейского полуострова, или юго-западная оконечность Крыма. Его название – это перевод греческого Фанари (засвидетельствовано также тюркское Фенер), «маяк», которое фиксируется в средневековых источниках. Древний маяк находился, очевидно, на мысе – оконечности полуострова (ныне мыс Херсонес). Путешественники Нового времени стали переносить название Маячный (Фанари) на весь полуостров [11, с. 45]. «Маячной бухтой» Кларк назвал Казачью бухту, омывающую одноименный полуостров с востока. Данный отрывок травелога Кларка написан под влиянием Палласа [ср.: 19, с. 41].

[69] По современным представлениям, территория Маячного полуострова была освоена жителями античного Херсонеса во второй четверти IV в. до н.э. Землю размежевали на участки, где, учитывая климатические условия, планировали выращивать виноград. На перешейке соорудили укрепленное поселение, ограниченное двумя стенами от моря и до моря. Сооружения Маячного полуострова функционировали, с перерывами, также в римское и византийское время [18].

[70] Речь идет о небольшом островке в верховьях Казачьей бухты, представляющем собою выступ скальной террасы. Территория вокруг него, вероятно, была затоплена водой в эпоху Средневековья, а до той поры ее занимали различные постройки и сооружения античной эпохи. В византийское время на островке возник монастырь, вероятно, связанный с культом св. Климента [18, с. 63–66, 93].

[71] См.: 47, S. 24, Vig. No. 2. Также: рис. 6.

[72] См. прим. 2. Подобно Кларку, многие современные исследователи локализуют Древний Херсонес на Маячном полуострове, считая, что он занимал всю его территорию или только укрепление на перешейке [12, с. 90-92; ср.: 18, с. 7]. В данном случае Кларк, очевидно, воспринял мнение Палласа [ср.: 19, с. 45].

[73] «Терракотой» Кларк называл керамику [ср.: 44, p. 231].

[74] См. рис. 7.

дились мы над чертежом под лучами палящего солнца; тем временем почтенный Паллас, более деятельный чем каждый из нас двоих[75], работал без устали, измерив шагами все расстояния и обмерив собственными руками каждую сохранившуюся стену и фундамент. Убедившись, что развалины продолжаются на всем протяжении до мыса Маячного, мы обнаружили на западном берегу одноименной бухты, близ уреза воды, остатки здания, вероятно, бывшего некогда маяком. Оно могло дать имя Фанари западному мысу, а также и самой бухте. [Здесь] еще сохраняются арочный вход между двумя стенами и квадратный проем для <p. 294> окна, [сработанные в] весьма массивной и крепкой кладке[76].

Чоргунская долина

Утомленные трудоемкими исследованием развалин, где не удалось найти ни единой надписи, монеты или барельефа, мы поспешили насладиться красотами природы в восхитительной Чоргунской долине [*Valley of Tchorgona*][77], куда привел нас профессор, провести ночь в усадьбе его друга Габлица [*Hablitz*][78], имя которого он увековечил в [названии] *Salvia Hablitziana*[79], и чьи любезные услуги он так часто и так патетично упоминал в своих записках[80]. Вероятно, в Крыму нет другого места, отличающегося таким природным совершенством. Несмотря на свой куда меньший масштаб, оно значительно превосходит хваленую Байдарскую долину [*Valley of Baidar*][81]. Резиденция г-на Габлица первоначально была местом житель-

[75] Т. е. Кларка и Криппса.

[76] Эта постройка относилась, вероятно, к эпохе Средневековья и действительно могла быть маяком. Ее разрушили в начале XIX в. строители современного маяка [см.: 5, с. 58, 218, рис. I.3], а потому любые датировки и культурные атрибуции остаются гипотетическими [11, с. 45–48].

[77] Кларк, очевидно, изобрел этот топоним, ведь в других источниках он неизвестен. Чоргун (Чоргуна) – ныне с. Черноречье Балаклавского района г. Севастополя – находится в среднем течении р. Черной, в котловине меду горами. Показательно, что Паллас, высоко оценивавший долину Чоргуны, не дал ей собственного имени [19, с. 55–56; 47, S. 98–99].

[78] Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц (1752–1821), естествоиспытатель и государственный деятель, приехал в Россию из Германии. По поручению наместника Юга Григория Александровича Потемкина он подготовил географическое и историческое описания Крыма. В дальнейшем жил и работал в Петербурге, став членом Академии наук и Сената, и считался экспертом по вопросам развития Тавриды [14, с. 42–47].

[79] Т. е. «шалфей Габлица» – открытый Палласом шалфей скабиозолистный (ср. прим. 7). Интересно, что его изображение впервые опубликовал Кларк (рис. 8) [29, с. 223; 42, p. 568].

[80] См., в частности «Путешествия по южным провинциям…», том 2, с. 99 (*прим. авт.*).

В данном отрывке Паллас рассказывает о том, как во время поездки по Крыму в 1794 г. прибыл в деревню Чоргуну (Чоргунь): *«[У] ее владельца, уже упомянутого моего друга Габлицля, на лоне приязни мы отпраздновали Пасху»* [19, с. 56].

[81] Байдарская долина находится в котловине между горами в юго-западной части Крымского полуострова. Путешественники Российской эпохи создали ей репутацию чрезвычайно живописного и привлекательного места, в буквальном смысле – рая на Земле [38, с. 75–76, 116–118, 133]. Кларк не упустил возможности посмеяться над этим стереотипом: *«В Крыму нет ни одной другой местности, которую прежние путешественники восхваляли бы больше, чем Байдарскую долину. Описания давали ей высокопарные имена "Таврической Аркадии" и "Крымской Темпи"– в пылу фантазии, но, как и следовало ожидать, допуская известные ошибки в изложении фактов. Если предпринимать*

ства одного турецкого паши – она сохранила нерегулярную структуру и гротескное величие турецкой архитектуры. Она находится в тени виноградных лоз, высоких плодовых деревьев и тополей, среди скал и гор, покрытых лесами, и садов, орошаемых многочисленными фонтанами[82]. Вблизи дома имеется большая древняя башня, перекрытая куполом; она служила убежищем для местных жителей, когда <p. 295> Черное море наводняли корсары, грабившие мирные долины Крыма. В ее верхних помещениях мы обнаружили несколько верлюжных пушек и некоторые другие небольшие артиллерийские орудия – хотя само задние, как кажется, соорудили в эпоху, предшествующую той, когда в Европе стали использовать порох[83]. Живущих в Чоргунской долине татар считают одними из богатейших в этой стране. Благодаря близости к Ахтиару [*Aktiar*][84] они нашли рынок для сбыта продукции своих земель, отправляя туда мед, воск, фрукты и зерно. Их уединенная долина казалась приютом здоровья и радости; здесь не было видно ни единого русского; среди окружавших со всех сторон гор, густо поросших лесом, раздавались веселые звуки рожка и барабана. Наутро после приезда нас разбудил дикий концерт, [доносившийся] с холмов, [данный] теми инструментами, что, вероятно, оживляли танцы нецивилизованных народов в самые ранние периоды [развития] общества. Исполняла его группа *Tzigankies*, то есть цыган, которые в качестве нищих мастеров, музыкантов и астрологов очень часто встречаются на всем Юге России [*South of Russia*]. У них был духовой инструмент – нечто вроде гобоя, сделанный из древесины вишневого дерева, и большой татарский барабан, [который,] как сказано выше, был характерен для кимвров [*Cimbri*] во времена Страбона[85]. <p. 296>

сейчас попытку разоблачения вызванных таким способом иллюзий, то лишь с надеждой на то, чтобы приехавшие вслед за нами не были разочарованы» [44, p. 232]. Мода на античность заставляла авторов XVIII–XIX вв. обращаться к образам Греции, которые задавали канон живописного пейзажа, патриархальных нравов местных жителей и простого счастья. К числу подобных штампов относился образ исторических областей Аркадии и Темпи (Темпейской долины), ставших воплощением идиллической утопии [38, с. 117].

[82] До наших дней дом Габлица не сохранился, но есть его изображение, помещенное одной из иллюстраций к книге Палласа (рис. 9) [47, Pl. 8].

[83] Кларк, по-видимому, ошибся. Подробно описавший Чоргунскую башню А. Л. Бертье-Делагард, бывший по образованию военным инженером, категорически отрицал самую возможность того, что эта постройка была частью укрепления. По его мнению, башня была резиденцией какого-то знатного лица Османского времени, а пушки на верхней площадке были установлены для развлечения, а не в военных целях, например, самим Габлицем [7, с. 84–89].

[84] Ахтиар, Ахтияр, Ак-Яр – название небольшого татарского селения, находившегося на северной стороне совр. Севастопольской бухты [19, с. 36]. «Ахтиаром» иногда называли Севастополь, а «Ахтиарской бухтой» – одноименную бухту.

[85] См. с. 138 в этом томе (прим. авт.).

В этом отрывке Кларк, описывая путешествие по Керченскому полуострову, рассказал о встрече с цыганами, которые стояли в степи табором. *«Татары весьма потворствуют цыганам, позволяя им разбивать лагерь посреди своих селений, где те выполняют разные функции кузнецов, музыкантов и астрологов. <…> В одной из повозок, принадлежавшей группе цыган, которую мы посетили, лежал огромный барабан: они играют на этом инструменте в сопровождении трубы, когда выступают*

Опасный климат

Ранним утром этого дня профессор Паллас поехал вместе с г-ном Галеной [*Galena*][86], который прибыл по его приглашению, в Инкерман[87], чтобы показать ему какие-то морские травы, пригодные для изготовления золы из водорослей[88]. Дурной воздух этого места в совокупности с утомлением прошлого дня вызвали у него жестокую лихорадку; однако еще до своего отъезда из Крыма мы имели счастье увидеть его выздоровевшим. Летом лихорадки настолько распространены по всему [Крымскому] полуострову, что вряд ли можно их избежать. Если выпьешь воды после того, как поешь фруктов, случится ли-

перед деревенскими танцорами. Звук этого барабана был громче всех, что нам доводилось слышать; и, хотя он наводил ужас, но, тем не менее, был музыкальным. Страбон упоминает барабан как распространенный у древних кимвров инструмент и отмечает его устрашающий звук» [44, p. 137–138]. Кимвры (кимбры) – германское племя, прародиной которого была Ютландия. Оттуда они в конце II–I вв. до н.э. вторглись на территорию Римской империи и совершили ряд походов на территории совр. Германии, Швейцарии, Франции и Испании. Путешественники по Тавриде Нового времени, основываясь на созвучии имени кимвров, этнонима киммерийцев и топонима Крым, нередко строили по этому поводу самые фантастические гипотезы [см.: 38, с. 105].

[86] Возможно, это Варфоломей (Бартоломео) Галера, выходец из Савойи, который с 1787 г. жил в Феодосии и занимался виноградарством, садоводством и торговлей [21, с. 299–300, № 219; с. 396, прим. 432].

[87]В отсутствие сведений, касающихся Инкермана, интересно и ценно сохранившееся у [Мартина] Броневского краткое сообщение. Этого автора не просто цитировал, но переписывал Туан [*Thuanus*], в остальном же его труды, кажется, остаются незамеченными. «*Ingermenum milliaribus XII vel amplius à Cosloviá distat. Arcem lapideam, templum, et specus sub arce, et ex adverso arcis miro opere ex petrá excisos, habet; nam in monte maximo et altissimo sita est, ac inde à specubus à Turcis cognomen retinet. Oppidum quondam non ignobile, opibus refertum, celeberrimum, et natura loci maximè admirandum, copiosissimumque extitit. ... Ingermeni arcem satis et magnificam à Principibus Græcis extructam fuisse apparet: nam porta et ædificia adhuc nonnulla integra Græcis characteribus exornata, et cum insignibus eorum insculpta conspiciuntur. Ac per universum illum isthmum quondam ibi usque ad urbis mania ædificia sumptuosa extitisse, puteos excavatos infinitos, qui adhuc fere plurimi sunt integri; ad extremum vero duas vias Regias grandes lapidibus stratas esse, certò apparet*». Martini Broniovii Tartaria, Lug. Bat. 1630» (*прим. авт.*).

«*Ингермен находится в 12 милях, или более, от Козлова. В нем каменная крепость, мечеть и пещеры, с удивительным искусством высеченные под крепостью и насупротив нее; ибо город расположен на большой высокой горе, и от этих пещер получил турецкое название. Он был прежде значителен, довольно богат, изобиловал всем необходимым и был замечателен своим местоположением <...> Видно, что Ингерменская великолепная крепость построена греческими государями; ибо до сих пор еще ворота и некоторые уцелевшие здания украшены греческими надписями, и гербами. Очень ясно видно, что по всему тому перешейку, даже до стен города, были великолепные строения, и вырыто множество колодцев, из которых многие еще уцелели; на оконечности же видны две большие широкие дороги, вымощенные камнями*» [17, с. 340–341]. Жак-Огюст де Ту (1553–1617) – французский государственный деятель, автор «Истории своего времени», описавшей события середины XVI – начала XVII в. Написанный на латыни, этот труд был подписан латинизированной формой фамилии автора – Туан (*Thuanus*). Козлов (точнее, Кёзлев) – название совр. Евпатории в эпоху Крымского ханства.

[88] Вероятно, эта поездка была связана с проектами по добыче в Крыму соды путем пережигания некоторых видов растений, которую собирались применять в мыловаренной и стекольной промышленности [см.: 19, с. 192, 205; 14, с. 46].

хорадка; если поешь молока, яиц или масла – лихорадка; если, во время испепеляющей дневной жары, позволишь себе самое обычное небрежение одеждой – лихорадка; если рискнёшь выйти на улицу <p. 297>, чтобы насладиться приятнейшим вечерним ветерком, – лихорадка; короче говоря, климат здесь настолько опасен для чужаков, что Россия должна считать эту страну кладбищем для войск, присланных для поддержания ее власти. Это не относится к ее природным жителям – татарам [*Tahtars*]: используемые ими меры предосторожности, дополненные длительным опытом, обеспечивает их безопасность. Можно заметить, как при малейшей перемене погоды они заворачиваются в овечьи шкуры и укрываются толстым войлоком, а головы обертывают многими витками льняной ткани или защищают теплыми, набивными, отороченными мехом шапками.

Татарская знать

Число знатных татар Крыма, или мурз [*Moorza*], ведь их называют именем, соответствующим персидскому слову *мирза* [*Mirza*], столь популярному в наших восточных сказках, составляет около двухсот пятидесяти человек. Их одежда – совершенно как у черкесов, за исключением того, что шапка больше тех головных уборов, что носят на голове князья Кавказских гор. Их конные фигуры – в высочайшей степени величавы. У всех крымских татар любого ранга можно отметить элегантность манер; она, хоть, вероятно, и свойственна всем восточным нациям, но составляет разительную противоположность мужиковатой фигуре русского. Забавно наблюдать, как они <p. 298> разговаривают между собой: подобно русскому, татарину свойственно произносить слова с пылкостью и живостью, – но это пыл совершенно разной природы. Про татарина можно сказать, что он выказывает игривую гибкость и разнообразные позы леопарда, тогда как русский, скорее напоминающий медведя, производит неуклюжие жесты своими лапами. Платье знатного татарина демонстрирует столько вкуса, сколько может показать обычай, требующий обязательных украшений из золотой и серебряной тесьмы: он не перегружен орнаментом, а цвета не кажутся кричащими. Знать иногда ценит яркий контраст между серебряной тесьмой и черным бархатом шапок, шелком багряного или розового цвета и темной тканью их рубашек и кафтанов; но в целом платье сановного татарина отличает простая элегантность, а также и чистота. Любимый цвет одежды у них тусклый, а серая или белая овечья шерсть зимних шапок – это самое почитаемое из всех украшений.

Русский рекрут

Русский крестьянин, принадлежащий к тщедушной расе, связанный с лапландцем как звено в цепочке между ним и пигмеем, от природы обладает живым нравом: он никогда не бывает совсем неуклюжим, пока не станет солдатом. Лишь только он поступит на службу, как с его лица исчезает оживленное и радостное выражение; тут <p. 299> он превращается в измотанного, глупого, забитого, угрюмого хама. Это описание можно отнести и к русским командиром, с тем только различием, что они

более распутны. Русский князь и русский крестьянин демонстрируют одни и те же яркие черты национального характера[89].

Salvia Hablitziana

На скалах позади дома г-на Габлица мы нашли обильные заросли растения, которому Паллас дал имя своего друга – *Salvia Hablitziana*. Г-н <p. 300> Габлиц впервые увидел его в том самом месте, откуда взяты и наши экземпляры, и отправил семена Палласу в Петербург. Тем не менее, это растение все еще необычайно редкое. Поскольку оно многолетнее, его можно высадить в обычную садовую землю под открытым небом; ежегодно оно увеличивается в размере, пока не превратится в прекрасный высокий куст очень большой красоты. Впоследствии мы привезли его в ботанический сад Кембриджа; там оно прижилось, но никогда не сравнялось с размером, которого достигает в России. В Крыму соцветие большего размера и включает больше цветков, чем у английских экземпляров.

Возвращение в Акмечеть

Из Чоргуни мы вновь возвратились в Шулю и оттуда в Каралез, где провели ночь во дворце одного знатного татарина, на своеобразном ложе, которое называется «диван» [*divân*] и всегда расположено кругом, вдоль стен главной комнаты в татарском или турецком дворце. Здесь нас накрыло жуками и мухами самого невероятного размера – они напали, словно муравьи из муравейника. На следующий день мы совершили приятную поездку в Акмечеть и снова разделили удобства гостеприимной профессорской усадьбы, сожалея лишь о том, что лихорадка, которую он подхватил в результате этой экскурсии, которую в противном случае мы бы сочли приятнейшей из всех, которые только доводилось совершить.

---

[89] Батлер с необыкновенной точностью нарисовал в своем «Гудибрасе» настолько достоверный портрет русского генерала, что ни один человек, знакомый с этой страной, прочитав [эту книгу], не сможет не признать, что изображение это настолько же точно, как если бы им занялся сам Потемкин: *«Он по рождению был, как пишут одни, / Русским, другие же – московитом, / И был взращен среди казаков, / О коих мы читали в книгах, / Что заполняют страницы здесь / Как их тела – канавы там (*). / Скриманский-немец был его кузен, / С ним он служил и паразитов ел; / А когда и этого не было, то сосал свои когти / И раздирал себя лапами. / И хотя его соотечественники – гунны / Вялили мясо между собственными задами / И спинами лошадей, на которых сидели, / И каждый из них ел свое седло, / Он не был и вполовину так хорош, как они, / Но ел его сырым, если встретил его на своем пути».* Гудибрас, Часть I, Песня 2.

(*) Потемкин умер в канаве близ Ясс; и, после похорон в херсонской церкви, по приказу императора Павла его тело извлекли и бросили в крепостной ров (*прим. авт.*).

Самьюэл Батлер (1613–1680) – английский поэт-сатирик, автор иронической поэмы «Гудибрас», которую процитировал Кларк. Правитель Юга России Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) действительно умер в степи между Яссами и Кишиневом, но не в канаве, а в чистом поле, на руках у любимой племянницы. Его тело перевезли в церковь св. великомученицы Екатерины в Херсоне, где поместили в раку – оно оставалось непогребенным в течение 7 лет, пока Павел I не приказал зарыть его без огласки и памятника. Ходили слухи, что мстительный император велел не хоронить всесильного фаворита, но выбросать его кости поблизости. Вероятно, о чем-то подобном слышал Кларк. Тем не менее, тело Потемкина захоронили под полом церкви. Его могилу разорили (а потом снова восстановили) после Октябрьской революции [25, с. 7, 472–475].

Рис. 1. Эдвард-Даньел Кларк. Гравюра Хенри Майера по рисунку Джона Джексона, 1814 г. Собрание Национальной портретной галереи, Лондон
Fig. 1. Edward Daniel Clarke. Engraved by Henry Meyer, after John Jackson's drawing, 1814. The National Portrait Gallery collection (London)

Рис. 2. Петер-Симон Паллас во время работы экспедиции 1793–1794 гг. Акварель Христиана-Готлиба-Генриха Гейслера [по: 10, с. 29]
Fig. 2. Peter Simon Pallas during the expedition of 1793–1794. Watercolour by Christian Gottlieb Georg Geissler [after: 10, c. 29]

Рис. 3. Мыс ветров из выкопанных камер на высокой крепости Мангуп в Крыму. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка [по: 42, p. 559]

Fig. 3. Cape of the Winds from the excavated Chambers in the lofty fortress of Mankup in the Crimea. Engraved after the drawing by Edward Daniel Clarke [after: 42, p. 559]

Рис. 4. Ая-Бурун, или священный мыс, вероятно – Страбонов Парфений. Вид со стороны разрушенной постройки близ монастыря св. Георгия, на Гераклейском полуострове. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка [по: 42, p. 566]

Fig. 4. The Aya Bürün, or Sacred Promontory, probably the Parthenium of Strabo. Taken from a ruined Edifice near the Monastery of St. George in the Heracleotic Chersonesus. Engraved after the drawing by Ed. D. Clarke [по: 42, p. 566]

Рис. 5. Греческий монастырь Св. Георгия, как он виден с края выдавшегося мыса подле черной скалы, с его виноградниками, посаженными на террасах крутого ската горы. На этом склоне ясно видны горизонтальные слои белых известняков, лежащих на выдающемся в море черном шифере, а вдали – Балаклавский мыс, круто выступающий в море, состоящий из мраморовидного известняка. Гравюра по рисунку Х.-Г.-Г. Гейслера [по: 47, Pl. 7; ср.: 19, с. 217]

Fig. 5. A Prospect of the Greek Monastery of St. George, as it appears from the elevated shore of a promontory near the blackish cliff; together with the vineyards, arranged in terraces on the rising coast. The shore just mentioned clearly exhibits the manner, in which the white calcareous strata are horizontally disposed on the surface of the blackish schistus extending into the sea; and, at a distance, lies the Cape of Balaklava, which consists of marmoraceous lime-stone, and abruptly advances into the sea. Engraved after Ch. G. G. Geissler's drawing [after: 47, Pl. 7; cf.: 48, p. XIV–XV]

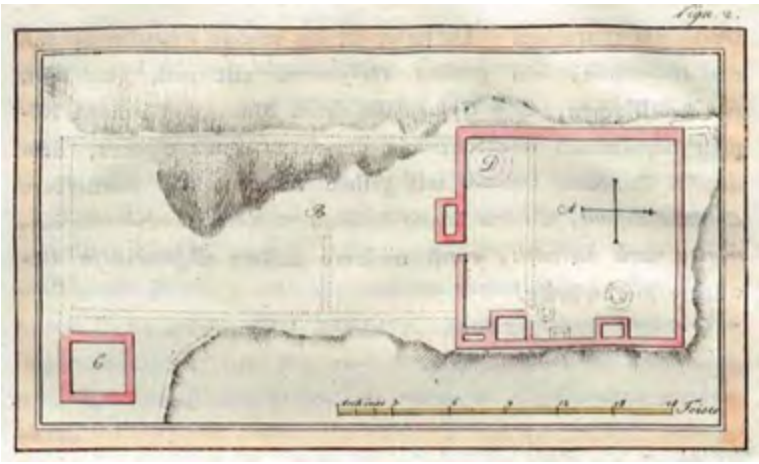


Рис. 6. План маленькой очень древней крепости на полуострове Фанари около развалин древнего Херсонеса. Чертеж П.-С. Палласа [по: 47, S. 24, Vign. 2; 19, с. 220, вин. 2]

Fig. 6. A plan of a small and very old fort, erected on a peninsula of the bay of Fanary, near the ruins of the ancient Chersonesus. Drawn by P. S. Pallas [after: 47, S. 24, Vign. 2; cf.: 48, p. XIX]

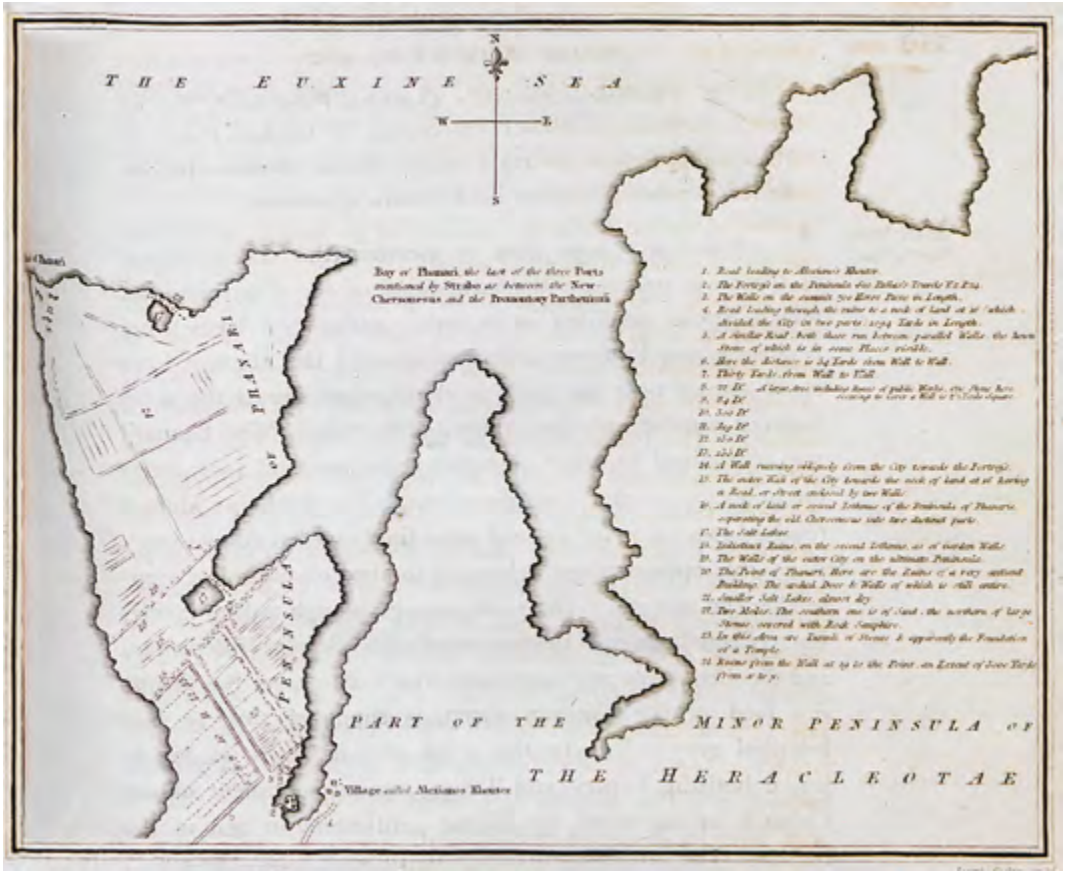

THE EUXINE SEA
N
W
E
S
PHANARI
PENINSULA
PART OF THE MINOR PENINSULA OF
THE HERACLEOTAE

Рис. 7. Карта мыса и залива Фанари, показывающее местоположение древнейшего из двух городов херсонеситов на Гераклейском полуострове. Составлена Э.-Д. Кларком [по: 44, p. 273]

Надписи на карте (сверху вниз и слева направо): Эвксинское море; мыс Фанари; полуостров Фанари; залив Фанари – последний из трех портов, упомянутых Страбоном, между Новым Херсонесом и мысом Парфений; часть малого полуострова гераклеотов; селение, называющееся Алексиановым хутором.

Цифровые обозначения: 1. Дорога, ведущая к Алексианову хутору; 2. Крепость на полуострове. См. «Путешествия» Палласа, т. II, с. 24. 3. Стены на вершине, длиной 700 конских шагов. 4. Дорога, ведущая через развалины к перешейку 16 (который делит города на две части), длиной 1094 ярда. 5. Похожая дорога; обе они проходят между параллельными стенами, тесаные камни которых видны в некоторых местах. 6. Здесь расстояние от стены до стены – 54 ярда. 7. Тридцать ярдов от стены до стены. 8. 28 ярдов [от стены до стены]. Обширная площадь, включающая развалины общественных сооружений. Здесь один из камней, как кажется, перекрывавший колодец, имеет площадь в два с половиной ярда. 9. 84 ярда от стены до стены. 10. 300 [ярдов от стены до стены]. 11. 319 [ярдов от стены до стены]. 12. 150 [ярдов от стены до стены]. 13. 135 [ярдов от стены до стены]. 14. Стена, идущая наискось от города в сторону крепости. 15. Внутренняя стена города, в направлении перешейка 16, с дорогой или улицей между двух стен. 16. Узкий участок земли, или второй перешеек полуострова Фанари, делящий Древний Херсонес на две отдельные части. 17. Соленые озера. 18. Невразумительные развалины на втором полуострове, вроде садовых стен. 19. Стены внешнего города на крайнем полуострове. 20. Мыс Фанари. Здесь находятся развалины очень древней постройки, арочная дверь и стены которой сохранились доныне. 21. Малые соленые озера, почти высохшие. 22. Две дамбы: южная из песка, северная из больших камней, покрытых критмумом морским. 23. На этой площади есть курганы из крупных камней и, вероятно, основание храма. 24. Развалины от стены 19 до мыса; расстояние от [точки] *x* до [точки] *y* 3000 ярдов.

1 ярд = 91 см. Критмум морской – многолетнее растение из семейства зонтичных, произрастает на каменистых или песчаных приморских склонах. Именно этот «морской укроп» упомянул Шекспир в «Короле Лире» – см. прим. 54 (*прим. перев.*)

Fig. 7. Map of the Point and Bay of Phanari, shewing the site of the older of the two cities of the Chersonesians, in the Heracleotic Peninsula. Compiled by Ed. D. Clarke [after: 44, p. 273]

1. Road leading to Alexiano's Chouter. 2. The Fortress on the Peninsula. See Pallas's *Travels*, vol. II, p. 24. 3. The Walls on the summit, 700 horse paces in length. 4. Road leading through the Ruins, to a neck of land, at 16 (which divided the City in two parts), 1094 yards in length. 5. A similar Road; both these run between parallel Walls, the hewn stone of which is in some places visible. 6. Here the distance is 54 yards from wall to wall. 7. Thirty yards from Wall to Wall. 8. 22 ditto. A large Area, including Ruins of public Works. One stone here, seeming to cover a well, is two yards and a half square. 9. 84 yards, from wall to wall. 10. 300 ditto. 11. 319 ditto. 12. 150 ditto. 13. 135 ditto. 14. A Wall running obliquely from the City towards the Fortress. 15. The outer Wall of the City, towards the neck of land at 16, having a road or street inclosed by two walls. 16. A neck of land, or second Isthmus of the Peninsula of Phanari, separating the Old Chersonesus into two distinct parts. 17. The Salt Lakes. 18. Indistinct Ruins on the second Isthmus, as of garden walls. 19. The Walls of the Outer City, on the Ultimate Peninsula. 20. The Point of Phanari. Here are the ruins of a very antient building, the arched door and walls of which are still entire. 21. Smaller Salt Lakes, almost dry. 22. Two Moles: the southern one is of sand, the northern of large stones, covered with rock samphire. 23. In this Area are Tumuli of large stones, and apparently the foundation of a Temple. 24. Ruins from the wall at 19, to the Point; an extent of 3000 yards from x to y.

1 yard = 91 cm. Rock samphire, crithmum, or sea fennel is a perennial plant of the Umbelliferae family. It is found on rocky or sandy seacoasts. Samphire is mentioned by Shakespeare in *King Lear* – see note 54 (*translator's note*)

Рис. 8. *Salvia Hablitziana* – шалфей скабиозолистный [по: 42, p. 568]
Fig. 8. *Salvia Hablitziana,* or Hablitz's Sage [after: 42, p. 568]

Рис. 9. Прелестный вид долины и деревни Чоргуна, принадлежащей тайному советнику Габлицу; одно из самых красивых мест Крыма с старой башней, садом и турецким домом. На переднем плане – татарин-пастух, на заднем плане – горы, окружающие Байдарскую долину. Гравюра по рисунку Х.-Г.-Г. Гейслера [по: 47, Pl. 8; ср.: 19, с. 217]
Fig. 9. A charming View of the Valley and Village of Tshorguna, one of the most beautiful in Crim-Tartary, and the property of Privy Counsellor Hablitzl. There is also represented the ancient tower, the garden, and a Turkish dwelling-house. In front, appears a Tartar shepherd; and in the back-ground are the mountains which enclose the valley of Baidari. Engraved after Ch. G. G. Geissler's drawing [after: 47, Pl. 8; cf.: 48, p. XV]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.
2. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь: Таврия-плюс, 1999. 464 с.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М.: АСТ; Ладомир, 2005. 631 с.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 174 с.
5. Бабенчиков В.П. Гераклейский полуостров, его географическая и экономическая среда // Гераклейский сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю.А. Виноградова, Т.Н. Смекаловой. СПб.: Алетейя. 2019. С. 58–64.
6. Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. 2. Симферополь: Доля, 2011. С. 139–255.
7. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. 3. Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153.
8. Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: археологический словарь Крыма. Киев: Стилос, 2006. 527 с.
9. Виноградов А.Ю. Херсонес – Херсон, Пантикапей – Воспор: вопрос идентичностей или общеимперский процесс? // ВДИ. 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006.
10. Гейслер Х.Г.Г. Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков. М.: Кучково поле, 2015. 384 с.
11. Иванов А.В. Древний маяк на м. Херсонес в картографических материалах и сообщениях авторов кон. XVIII – нач. XIX вв. // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России»: тез. докл. межд. науч. конф. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2018. С. 44–49.
12. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
13. Кларк М.Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Вып. 3 / ред.-сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 1999. С. 11–38.
14. Конкин Д.В. Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых-путешественников: «дефект описания» и его практические последствия // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 37–56.
15. Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности / под ред. Г.Р. Мака, Дж.К. Картера. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический»; Остин: Институт классической археологии, 2003. 231 с.
16. Маркевич А.И. Академик П.С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. Вып. 47. С. 167–242.
17. Мартин Броневский. Описание Крыма (Tartariæ Descriptio) / пер. с лат. И. Г. Шершеневича // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333–367.
18. Николаенко Г.М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь: Альбатрос, 2018. 344 с.
19. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А.Л. Бертье-Делагарда, С.Л. Белявской. М.: Наука, 1999. 246 с.
20. План древнего города Херсонеса. 1786 г. // Крым в истории России [Электронный каталог выставки]. URL: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/plan-drevnego-goroda-hersonesa
21. Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг. Сборник документов / сост. Н.Ю. Болотиной. М.: Кучково поле, 2019. 432 с.
22. Пузанов И.И. Пребывание Палласа в Крыму в годы 1794–1810 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1974. Т. 79. Вып. 5. С. 22–40.

23. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8: Готский сборник. С. 5–106.
24. Репников Н.И. Археологические памятники Гераклейского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклейского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней // Гераклейский сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю.А. Виноградова, Т.Н. Смекаловой. СПб.: Алетейя, 2019. С. 65–123.
25. Себаг-Монтефиоре С. Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. М.: Вагриус, 2003. 558 с.
26. Сигизмунд [фон] Герберштейн. Записки о Московии. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / пер. с лат. А.И. Малеин, А.В. Назаренко, с ранневерхненем. А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
27. Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 940 с.
28. Суриков И.Е. К возможной идентификации одного крымского топонима – мыса Бараний Лоб (Κριοῦ Μέτωπον) античных источников // ХСб. 2021. Вып. 22. С. 194–201.
29. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2014. 456 с.
30. Топонимика Крыма. Вып. 4: Топонимикон Крыма И.Л. Белянского / под ред. Ю.А. Беляева. Симферополь: Н. Оріанда, 2022. 708 с.
31. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
32. Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV – VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. С. 521–545.
33. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. 14. С. 645–697.
34. Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 236–251.
35. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 412–432.
36. Храпунов Н.И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 470–510.
37. Храпунов Н.И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества ученых путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII – первой половине XIX века / ред.-сост. Н.М. Сперанская. СПб.: РНБ, 2021. С. 125–145.
38. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
39. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016. С. 157–190.
40. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. / пер. с англ.; под ред. А. Смирнова, А. Аникста. Т. 6. М.: Искусство, 1960. 685 с.
41. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–43.
42. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1810. 812 p.
43. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 533 p.
44. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
45. Diller A. The Tradition of Minor Greek Geographers. Lancaster (PA): Lancaster Press; Oxford: B.H. Blackwell, 1952. 199 p.
46. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig: Gottfried Martini, 1799. 516 S.
47. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
48. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794 / tr.

from German. Vol. 2. London: T. M. Longman and O. Rees; T. Cadell and W. Davies; J. Murray and S. Highley, 1803. 523 p.
49. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / сост. В.В. Латышев. Т. 1: Греческие писатели. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1890. 946 с.
50. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
51. The Oxford Classical Dictionary. 3rd ed. / ed. S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford: Oxford University Press, 1999. 1640 p.

REFERENCES

1. Agbunov M.V. *Antichnaja geografija Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient geography of the Northern Black Sea Area]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 240 p.
2. *Administrativno-territorial'nye preobrazovanija v Krymu. 1783–1998 gg. Spravochnik* [Territorial administration changes in the Crimea, 1783–1998: a guide]. Simferopol, Tavriia-plius Publ., 1999, 464 p.
3. Ammianus Marcellinus. *Rimskaia istoriia* [Roman history]. Moscow, AST Publ., 2005, 631 p.
4. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [The coinage of Chersonesos, the fourth century BC to the twelfth century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 174 p.
5. Babenchikov V.P. The Gerakleiskii Peninsula, its geographical and economical situation. *Gerakleiskii sbornik* [Heracleian collection], 2019, vol. 1, pp. 58–64.
6. Bert'e-Delagard A.L. To the history of Christianity in the Crimea. *Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu. 2* [Selected works on the history of Christianity in the Crimea, 2]. Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 139–255.
7. Bert'e-Delagard A.L. The sites of ancient structures in the vicinity of Sevastopol and the cave towns of the Crimea. *Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednevekovogo Kryma. 3* [Selected works on the history of mediaeval Crimea, 3]. Simferopol, Dolia Publ., 2012, pp. 7–153.
8. Burov G.M. *Entsiklopediia krymskikh drevnostei: arkheologicheskii slovar' Kryma* [Encyclopedia of Crimean antiquities: an archaeological dictionary of the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 527 p.
9. Vinogradov A.Yu. Chersonese – Cherson, Pantikapaion – Bosporos: an identity question or an all-empire process? *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history], 2020, vol. 80, no. 4, pp. 995–1006.
10. Geissler H.G.G. *Byt i nravy russkogo naroda na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Daily life and morals of the Russian people ca 1800]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015, 384 p.
11. Ivanov A.V. The ancient lighthouse on Khersones promontory according to the maps and accounts of writers from the late eighteenth and early nineteenth century. *Uvarovskie Tavricheskie chtenija 3 "Drevnosti Juga Rossii"* [Uvarov Taurida Readings 3: Antiquities of South russia]. Sevastopol, Khersones Tavricheskii Publ., 2018, pp. 44–49.
12. Kacharava D.D., Kvirkvelija G.T. *Goroda i poseleniia Prichernomor'ia antichnoi epokhi* [Cities and settlements in the Black Sea Area in the Ancient Period]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1991, 655 p.
13. Klark M.E.-D. A tour through Russia, Tatary, and Turkey, chapter 8: from Cimmerian Bosporos to Kaffa, *Arkheologiia i istoriia Bospora* [Archaeology and history of Bosporos], vol. 3. Kerch, 1999, pp. 11–38.
14. Konkin D.V. Evaluation of the Crimea's economic potential in the works of learned travellers: the "defective perception" and its practical consequences. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The problems of the crimea's integration into G. R. Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2017, pp. 37–56.
15. Mack G.R., Carter J.C. (eds.). *Krymskii Khersones. Gorod, hora, muzei i okrestnosti* [Crimean Chersonese: city, chora, museum, and environs]. Sevastopol, Khersones Tavricheskii Publ., 2003, 231 p.
16. Markevich A.I. Academician P.S. Pallas. His life, stay in the Crimea, and scholarly works. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1912, vol. 47, pp. 167–242.
17. Martin Broniewski. A description of the Crimea (Tartariæ Descriptio). *Zapiski Odesskogo obshchestva*

istorii i drevnostei [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.
18. Nikolaenko G.M. *Drevnosti Maiachnogo poluostrova. Arkheologicheskaia kharakteristika pamiatnikov* [Antiquities of the Maiachnyi Peninsula: archaeological characteristics of the monuments]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2018, 344 p.
19. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during the travel through the southern provinces of Russia in the years 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
20. Ground plan of the ancient city of Chersonese, 1786. *Krym v istorii Rossii* [The Crimea in the history of Russia]. URL: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/plan-drevnego-goroda-hersonesa
21. Bolotina N.Iu. (ed.). *Prisoedinenie Kryma k Rossii. 1783–1796 gg. Sbornik dokumentov* [The unification of the Crimea with Russia, 1783–1796: a collection of documents]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 432 p.
22. Puzanov I.I. Pallas' stay in the Crimea in the years 1794–1810. *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii* [Bulletin of the Moscow Society of the Analyzers of Nature: Biological department], 1974, vol. 79, no. 5, pp. 22–40.
23. Ravdonikas V.I. The cave towns in the Crimea and the Gothic problem in relation to the stage development of the Northern Black Sea Area. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy for the History of the Material Culture], 1932, vol. 12, nos. 1–8, pp. 5–106.
24. Repnikov N.I. Archaeological sites of the Gerakleiskii Peninsula: a review of accounts and researches of the sites on the Gerakleiskii Peninsula from the late-eighteenth century to these days. *Gerakleiskii sbornik* [Gerakleiskii collection], vol. 1, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 65–123.
25. Sebag-Montefiore S. *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Vagrius Publ., 2003, 558 p.
26. Sigismund von Herberstein. *Zapiski o Moskovii. T. 1: Latinskii i nemetskii teksty* [Notes on Muscovy, vol. 1: Latin and German texts]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008, 776 p.
27. Strabo. *Geografiia v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 940 p.
28. Surikov I.E. On the possible identification of one Crimean toponym, Ram's Head Promontory (Κριοῦ Μέτωπον) of ancient sources. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesan collection], 2021, vol. 22, pp. 194–201.
29. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas* [Peter Simon Pallas as a botanist]. Moscow, KMK Publ., 2014, 456 p.
30. *Toponimika Kryma. Vyp. 4: Toponimikon Kryma I.L. Belianskogo* [The toponymy of the Crimea, vol. 4: I.L. Belianskii's Crimean toponymikon]. Simferopol, N. Orianda Publ., 2022, 708 p.
31. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science of the classical antiquities of South Russia, eighteenth to mid-nineteenth century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
32. Khrapunov N.I. Political history, state and administrative structure of Chersonese from the late fourth to sixth century AD. *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e. Ocherki istorii i kul'tury* [Tauric Chersonese from the mid-first century BC to the sixth century AD: essays in history and culture]. Kharkov, Maidan Publ., 2004, pp. 521–545.
33. Khrapunov N.I. The Crimea as described by Reginald Heber (1806). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 645–697.
34. Khrapunov N.I. Byzantine Cherson and Catherine the Great. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Classical Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 236–251.
35. Khrapunov N.I. The ancient town of Mangup in the works of the late eighteenth and early nineteenth century travellers: researches and illusions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 412–432.
36. Khrapunov N.I. Edward Daniel Clarke's Crimean letters. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 470–510.
37. Khrapunov N.I. The studies on the Crimea as an example of scientific cooperation of learned travellers

ca 1800. *Rossiiskaja nauka v evropeiskom kontekste vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Russian science in the European context in the second half of the eighteenth and the first half of the nineteenth century]. St Petersburg, RNB Publ., 2021, pp. 125–145.
38. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v.* [English travellers and the Crimea: late eighteenth to the first third of the nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
39. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Bakhchisarai and its monuments as viewed by Edward Daniel Clarke. *Materialy k istorii Prichernomor'ia v Novoe vremia* [Materials on the history of the Black Sea Area in the Modern Period]. Simferopol, 2016, pp. 157–190.
40. Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Complete works in 8 volumes], vol. 6. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960, 685 p.
41. Ernst N.L. Eski-Kermen and the cave towns in the Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Taurida Society for the history, archaeology, and ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
42. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. London, T. Cadell and W. Davies, 1810, 812 p.
43. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 1. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 533 p.
44. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 524 p.
45. Diller A. *The Tradition of Minor Greek Geographers*. Lancaster (PA), Lancaster Press, 1952, 199 p.
46. Rallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd. 1. Leipzig, Gottfried Martini, 1799, 516 S.
47. Rallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801, 525 S.
48. Pallas P.S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794*, vol. 2. London, T. M. Longman and O. Rees; T. Cadell and W. Davies; J. Murray and S. Highley, 1803, 523 p.
49. Latyshev V.V. (ed.). *Scythica et Caucasica. Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Scythica et Caucasica: the accounts of ancient writers, Greek and Latin, on Scythia and Caucasus], vol. 1. St Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1890, 946 p.
50. *The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta*, by his widow, vol. 1. New York, Protestant Episcopal Press, 1830, 638 p.
51. Hornblower S., Spawforth A. (eds.). *The Oxford Classical Dictionary*, 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 1999, 1640 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author information

Khrapunov N. I. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.628-647

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. И ПЕРВОЙ ВОЛНЕ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Денис Валериевич Конкин
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы статистического учета крымского населения накануне и в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи. Данные проблемы имеют особую важность в связи с историографическими интерпретациями эмиграционного движения крымских татар. Подробно разобраны работы А. Озенбашлы – одного из самых цитируемых авторов в западной и турецкой исторической литературе. Показаны ошибки в его миллионных расчетах населения Крыма в указанный период. Схожий разбор предпринят в отношении современной статьи Н. С. Сейтягъяева, предложившего новое обоснование к завышенным оценкам населения полуострова. Кроме того, обращено внимание на фактические и логические ошибки и несоответствия в работах первых публикаторов «Камерального описания Крыма» – А. А. Скальковского, Ф. Ф. Лашкова, а также ведомости 1793 г., опубликованной П. С. Палласом, что во многом стало причиной последующих искажений статистических данных о жителях полуострова в историографии.

Сделан вывод о позитивной динамике роста татарского населения Крыма после присоединения к Российской империи. Согласно данным О. А. Игельстрома, в 1783 г. в Крыму проживало около 115 000 чел., главным образом, крымских татар. К 1795 г. количество жителей составило уже 156,4 тыс. чел. (из них 137 тыс. крымских татар). В самом начале XIX в. крымских татар, по разным оценкам, насчитывалось от 70 до 95 тыс. мужского пола, т.е. при минимальном значении – около 130–140 тыс. чел. обоего пола. К 1816 г. это количество увеличилось до 182,7 тыс., а в 1850 г. достигло 267,4 тыс. чел. В связи с чем, утверждение о глобальной эмиграции татарского населения из Крыма в первые десятилетия российского правления не верно. Даже 80 000 мигрантов не могли незаметно и неучтенно покинуть полуостров после 1783 г. Основной эмиграционный поток конца XVIII века следует относить к дороссийскому периоду истории Крыма, когда внутренние междуусобицы в Крымском ханстве, спровоцированные российско-турецким соперничеством в регионе, вынуждали местное население массово покидать полуостров.

***Ключевые слова**:* Российская империя, Крымское ханство, население Крыма, крымские татары, статистика, эмиграция, «Камеральное описание Крыма»

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

ON THE PROBLEM OF THE POPULATION OF THE CRIMEA IN THE LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURIES AND THE FIRST WAVE OF THE CRIMEAN TATAR EMIGRATION

© Конкин Д.В., 2022

Denis V. Konkin
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Abstract. This article addresses disputable questions of statistis of the Crimean population on the eve and in the first decades after the annexation of the Crimea by the Russian Empire. These problems are of particular importance in connection with historiographical interpretations of the Crimean Tatar emigrations. The works of A. Ozenbashly, which are the most referred to in Western and Turkish historical scholarship, have been analysed in detail. The errors of his "million-strong" calculations of the population of the Crimea in this period have been uncovered. A similar analysis has been undertaken in case of modern article by N. S. Seitiag'iaev, who proposed a new argument for the over-estimated evaluation of the peninsula's population. Moreover, we have also paid attention to the factual and logical mistakes and inconsistencies in the works of the first publishers of the *Cameralistic Description of the Crimea* A. A. Skal'kovskii and F. F. Lashkov, and in the 1793 account published by P. S. Pallas; these sources later became an important reason for misinterpretations of the demographic statistics of the Crimea in the scholarship. The conclusion uncovers the growth of the Tatar population in the Crimea after its incorporation into the Russian Empire. According to O. A. Igelstrom, in 1783 there were approximately 115,000 people, mostly Crimean Tatars, living in the Crimea. By 1795, the Crimean population was 156,400 (including 137,000 Crimean Tatars). In the very early nineteenth century, there were from 70,000 to 95,000 male Crimean Tatars according to different estimations, i. e. the minimal number was 130,000–140,000 both sexes. By 1816, this number increased to 182,700, and in 1850 it reached 267,400. Therefore, the conclusion of the global emigration of the Tatar population from the Crimea during the first decades of the Russian rule is not correct. Even 80,000 migrants could not leave the peninsula unnoticed and unrecorded after 1783. The main emigration flow of the late eighteenth century should be related to the pre-Russian period of the Crimean history, when internal struggle in the Crimean Khanate provoked by the Russian-Ottoman rivalry forced a great part of the local population to leave the peninsula.

Keywords: Russian Empire, Crimean Khanate, Crimean population, Crimean Tatars, statistics, emigration, *Cameralistic Description of the Crimea*

***Acknowledgments*:** This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 "The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period."

Весь начальный период нахождения Крыма в составе Российской империи характеризуется специалистами как очень сложный для качественного и точного учета местного населения в связи с комплексом самых разных причин: от несовершенства методики сбора информации до административных преобразований в Новороссийском крае, не позволивших корректно сравнивать результаты с общей крымской базой [4, с. 195–197; 18, с. 158–159; 2, с. 75–85; 10, с. 276]. Еще более проблемным хронологическим отрезком с точки зрения демографической статистики является завершающий этап существования Крымского ханства (конец 60-х – начало 80-х гг. XVIII в.), когда в связи с внешне- и внутриполитическими обстоятельствами резко возросла миграционная динамика населения. При этом какие-либо документальные свидетельства с данными о переписи татарского населения Крыма, учете налогоплательщиков и т.п. официальных мероприятий за этот период отсутствуют. Поэтому специалистам приходилось и приходится пользоваться косвенной информацией,

полными домыслов непроверенными свидетельствами современников, к которым присоединялись порой весьма смелые допущения самих исследователей вопроса. Неудивительно, что в итоговых оценках численный разлет достигает порядковых значений.

Историографические замечания. Ярким примером такой ситуации может служить ряд рассуждений крымско-татарского историка, общественного и политического деятеля 20-х гг. XX в. Амета Озенбашлы. В опубликованной им в 1926 г. в журнале «Крым» небольшой статье «Роль царского правительства в эмиграции крымских татар» утверждалось, что по данным бывшего французского консула в Крыму барона Ф. де Тотта в 70-е гг. XVIII в. «население Крымского ханства составляло три миллиона 200 тысяч», но и это были неточные сведения, и нужно говорить о четырех миллионах жителей, проживавших в Крымском ханстве за 7 лет до присоединения к Российской империи [22, с. 143–144]. Более того, в вышедшем в том же году обширном историческом эссе «Трагедия Крыма при царизме» [48] А. Озенбашлы, по-прежнему опираясь на сообщения французского консула, утверждал уже, что население Крыма могло достигать «пяти миллионов человек» [23, с. 124]. Если внимательно разобраться в источниках данного пассажа, то приведенные в нем сведения не выдерживают критики.

Во-первых, де Тотт был процитирован А. Озенбашлы в вольном переводе студента А. Татарчевского, опубликованном в киевских «Университетских известиях» за 1873 г. [32]. Но в этом переводе, а точнее пересказе, равно как и в оригинале, никаких сведений о трех с лишним миллионах жителей Крымского ханства не имеется, а лишь оговорено, что для формирования 200-тысячной армии хану Крым-Гирею понадобилось мобилизовать по два всадника из каждых восьми семейств, проживавших в Крымском ханстве. Все дальнейшие вычисления и допущения принадлежат самому А. Озенбашлы, но в тексте статьи эти данные закавычены и таким образом создается впечатление, что цитата приведена из первоисточника – переведенной А. Татарчевским работы де Тотта [22, с. 143–144; ср.: 32, с. 19].

Во-вторых, если сравнить перевод А. Татарчевского с оригиналом, то выявятся дополнительные неточности, которые идут в разрез с вычислениями А. Озенбашлы. Крымско-татарский историк свою цифру получил, опираясь на опубликованные А. Татарчевским данные о призыве **двух** всадников из 8 семейств (т.е. по одному на каждые четыре семьи), а значит для формирования 200-тысячного войска, с учетом допущения, что усредненная численность семьи в Крымском ханстве составляла 4 человека, понадобилось бы 3 млн. 200 тыс. жителей. Но во французском издании де Тотта несколько иные сведения. В нем говорится о призыве **трех** всадников из каждых восьми семей [53, p. 197], что уже более чем на миллион сокращает население Крымского ханства, если следовать логике подсчета А. Озенбашлы и верить данным де Тотта.

В-третьих, как известно, набрать 200-тысячное войско Крым-Гирею так и не удалось [см.: 25, с. 134, прим. ***; 26, с. 57], что лишь подтверждает мнение, что к

подсчетам населения Крымского ханства на основе данных армейской статистики следует относиться с осторожностью. Необходимо помнить как об условности количественных оценок состава войск в источниках, так и об отсутствии единого подхода в мобилизационных принципах в ханстве, зависящих от ряда обстоятельств в определенный исторический момент. Об этом убедительно размышляет в своей книге А. А. Шейхумеров, который мобилизационные возможности Крыма в XVIII в. оценивает в размере не превышавшем 20 000 всадников [37, с. 76], а общее количество крымскотатарского войска едва ли достигало 30 тыс. человек [37, с. 85]. Ногайский компонент мог составлять еще порядка 30 000 всадников [37, с. 103–110].

Наконец, в-четвертых, сами по себе воспоминания де Тотта весьма противоречивый источник, наполненный вымыслами и неточностями. О чем красноречиво высказался еще современник событий и коллега по должности французского консула в Крыму Шарль де Пейсонель, опубликовавший в 1785 г. обширный комментарий с указанием на фактические ошибки де Тотта [52; см. также лондонское издание 1786 г. с примечаниями Пейссонеля и критикой Ж. Малле дю Пана в предисловии: 54, pp. v–xiv]. Следует также указать на беспощадную характеристику, выданную де Тотту и его произведению, классиком отечественной османистики В. Д. Смирновым [30, с. 106–107].

Необходимо заметить, что смелые выводы А. Озенбашлы нашли свою долю аргументированной критики еще до начала политических преследований автора. В 1927 г. в том же журнале «Крым» вышла небольшая заметка проживавшего в Симферополе известного революционера, статистика Б. П. Вологдина, в которой резонно указывалось, что в условиях малопроизводительного земледелия, отсутствия индустриализации и минимальной урбанизации на площади, которую занимал Крымский полуостров, просто физически не могло бы выжить население в количестве, превышавшем миллионные показатели. Плотность населения в Крыму в таком варианте должна была бы соответствовать плотности населения Японии или Италии и превосходить показатели Пруссии и Франции [3, с. 104–105]. Небезлюбопытно, что еще до появления новомодного метода Шмоллера, на который опирался в своих критических рассуждениях Б. П. Вологдин, схожим образом аргументировал ошибочность оценки населения Крыма в количестве 2–3 млн. чел. французский путешественник Поль Гибаль, побывавший в Крыму в 1818 г. В частности, он объяснял: «Если учесть, что большая часть степи оставалась невозделанной, что на покрытых лесом горах земледелие было чрезвычайно ограничено, что татары в этой важной отрасли сельского хозяйства были более несведущи, чем самые отсталые народы Европы, если, вдобавок, вспомнить, что земли полуострова по своему плодородию можно сравнить с самыми неблагоприятными территориями, то без труда придешь к выводу, что Крым не смог бы прокормить население в два миллиона человек, что составляет, примерно, 1 332 человека на один кв. лье во Франции… Иначе говоря, эта цифра составит на 1/3 больше среднего населения Франции» [5, с. 63].

Тем не менее, интерпретация сведений де Тотта, произведенная А. Озенбашлы, и дальнейшая, основанная на ошибочном посыле, оценка количественного показа-

теля жителей Крымского ханства, получили широкое распространение в историографии. И размышления о миллионных значениях населения Крыма обрели популярность у исследователей. В этом смысле показательна недавняя публикация Н. С. Сейтягъяева в академическом профильном востоковедческом журнале «Східний Світ» (Украина) [26], где автор попытался обобщить данные о населении Крымского ханства в конце XVIII в. Среди прочего, в статье предлагается по-новому взглянуть на количественные принципы подсчета населения, проведенные бароном О. А. Игельстромом сразу после присоединения Крыма к Российской империи. В частности, считать, что российский чиновник, боевой генерал статистические сведения, собранные с помощью русских военных чинов, решил обобщить для отчета вышестоящему начальству (Г. А. Потемкину) с учетом традиций, сформированных в инклюзивной исламской среде. То есть производить подсчет проживавших в крымском доме (дворе) жителей мужского пола, исходя не из укоренившихся в России с петровских времен принципов сбора данных о налогооблагаемом населении, согласно которым податному учету подлежали все участники мужского пола нуклеарной семьи (вне зависимости от возраста, от мала до велика [8, с. 41]), а в соответствии с особой крымской традицией, в силу которой необходимо было учитывать региональную специфику «расширенной» исламской семьи, включавшей в себя сразу несколько поколений – «отцовской семьи и двух семей её взрослых наследников» [26, с. 58]. Это решение, по мнению Н. С. Сейтягъяева, могло быть принято российским генералом по совету кого-либо из бывших чиновников ханской администрации. В связи с чем, число жителей мужского пола, проживавших в домах/дворах, нужно было исчислять не тремя представителями, как об этом прямо сказано в «Камеральном описании»: «по три души жительствующих мужского пола» [16, № 7, с. 27; 15, с. 102], а минимум пятью. Таким образом, данные Игельстрома о количестве мужского населения Крыма в 1783 г. – это данные о количестве семей, которые состояли из 3–4 человек. А значит именно на эти значения необходимо умножать собранные Игельстромом итоговые показания, чтобы получить подлинную информацию о населении. Всего, по мнению Н. С. Сейтягъяева, в 1783 г. в Крымском ханстве проживало 356,5–475,4 тыс. крымских татар и ногайцев обоего пола [26, с. 57–59].

Данное допущение выглядит спорным по многим позициям. Например, с учетом тех обстоятельств, что иудейское население было посчитано в прямом соответствии с упомянутыми в ведомостях принципами – «по три души мужеска полу» в доме [16, № 7, с. 26], и полученный результат не вызвал нареканий у многочисленных специалистов. А для части «ногайских киргисцев», проживавших в Крыму, Игельстром даже снизил порог численности мужского населения в семье до двух участников [16, № 8, с. 13], хотя они также представляли мусульманский анклав. В связи с чем, предполагаемая Н. С. Сейтягъяевым инклюзивная позиция русского генерала в отношении сбора статистических сведений, предусмотренная специально для татарского населения Крыма, видится излишне толерантной для XVIII века.

Тем более, что все последующие переписи проводились на полуострове совершенно точно по обкатанной в России десятилетиями схеме ревизских сказок, то есть первоочередного учета мужского населения всех возрастов, без дополнительных объяснений, что полученные данные означают только взрослое поколение в составе «расширенной» семьи.

Подтверждая корректность «миллионных» оценок жителей Крыма и Крымского ханства в целом, Н. С. Сейтягъяев использовал среди прочего утверждение англичанина У. Итона, посетившего Крым накануне его присоединения, о 100-тысячном населении полуострова в 1781 г. Эту информацию исследователь также предлагает считать сведениями о «взрослом» населении, которые нужно умножать на «соответствующий коэффициент 3–4 человека на семью» [26, с. 67]. Полученная в результате цифра в 300–400 тыс. жителей, по его мнению, согласуется с данными Тунманна и соответствует населению Крыма, оставшемуся на полуострове после первой эмиграционной волны 1777 г., в результате которой с территории ханства переселилось более миллиона человек («600–800 тысяч крымских татар и 360–480 тысяч ногайцев») [26, с. 67]. Именно это количество оставшихся в Крыму жителей (300–400 тыс. человек), считает Н. С. Сейтягъяев, зафиксировал Игельстром в «Камеральном описании» 1783 г., и в скором времени указанное число еще раз радикально уменьшилось в результате очередной эмиграционной волны 1783–1787 гг. [26, с. 66–67].

В доказательство правоты своей версии такой же коэффициент (3–4 человека на семью) применяется Н. С. Сейтягъяевым и к данным Итона о населении Кубани. При этом следует подчеркнуть, что автор цитирует англичанина, используя некорректный перевод В. М. Калашникова, в котором количество ногайцев, проживавших на Кубани, определено в 60 000 человек [13, с. 123; об ошибках перевода см.: 35, с. 40]. Именно это число, в соответствии с изложенной выше логикой, исследователь предлагает умножить на 3 или 4. Полученные в результате данные о ногайском населении (180–240 тыс. человек), также, по его мнению, в целом совпадают с информацией Тунманна о 70 тыс. семей в составе четырех орд (210–280 тыс. чел. по подсчетам Н. С. Сейтягъяева) [33, с. 49; 26, с. 65 (табл. 1), 66–67]. Но, к сожалению, предложенные подсчеты в таком виде не работают, так как присутствует ключевая неточность в переводе Итона В. М. Калашниковым. В оригинале произведения [39, p. 319; 35, с. 577] число жителей на Кубани (о том, что это были именно ногайцы, нигде не сказано) названо в размере 600 000 человек (в переводе же В. М. Калашникова «шестьдесят тысяч ногайцев» [13, с. 123]). При умножении данного количества на предложенный Н. С. Сейтягъяевым коэффициент (3–4), получаем совсем уж фантастическую цифру условных ногайцев, кочевавших на Кубани в 1781 г., в составе около 2 млн. человек.

Указанные несоответствия лишний раз заставляют сомневаться в оправданности предложенного Н. С. Сейтягъяевым способа подсчета населения, использования коэффициента «расширенной» семьи при учете данных, полученных из сообщений

путешественников, местных обывателей, а тем более применительно к российским статистическим сведениям, имевшим уже устоявшуюся традицию сбора информации о населении и соответствующую форму отчетности.

«*Камеральное описание Крыма» О. А. Игельстрома.* Первой попыткой сбора статистической информации о Крыме, предпринятой российской властью, можно считать подготовленный в течение 1783–1784 гг. бароном О. А. Игельстромом по требованию Г. А. Потемкина общий регистр сведений «о состоянии Крымского полуострова» (т.н. «Камеральное описание Крыма»). Данный документ кардинальным образом отличался от всех предыдущих источников рассматриваемого периода, поскольку базировался на фактических данных с объяснением методики полученного результата. Информация об административном устройстве, экономике, населении собиралась военными чинами не формально из непроверенных источников, а поступала непосредственно от хорошо осведомленных каймаканов (региональные крымские чиновники периода ханства и первых месяцев российского подчинения). Поэтому при всех недостатках и неточностях «Камеральное описание» дает возможность наиболее корректно оценить демографическую ситуацию на полуострове сразу после его присоединения к Российской империи и является той точкой отсчета, после которой можно с высокой степенью достоверности проследить общую динамику количественного и качественного состава населения в первые десятилетия российского правления в Крыму.

Развернутые данные из регистра Игельстрома публиковались несколько раз. Впервые А. А. Скальковским в «Журнале министерства народного просвещения» за 1841 год [28], затем еще раз в «Памятной книге Таврической губернии 1867 г.» [29]. Часть документов, касавшихся статистических данных о жителях полуострова, административного устройства, количества населенных пунктов, культовых построек и жилищ, была в 1886 г. издана Ф. Ф. Лашковым в 14-м номере ЗООИД [15]. После чего в серии публикаций в ИТУАК источник уже в полном объеме был введен в научный оборот [16]. Следует отметить, что исследователи использовали разные документы, возможно, копии. А. А. Скальковский свой экземпляр приобрел в результате археографической экспедиции, совершенной в 1839 г. [29, с. 6–7], Ф. Ф. Лашков же работал с документами, сохранившимися в архиве губернского правления [16, № 2, с. 22]. Таким образом, «Камеральное описание Крыма» – хорошо известный опубликованный источник, который стал широко использоваться в исследовательской литературе. Но следует отметить, что отчасти из-за невнимательности, отчасти из-за собственных некорректных допущений, как издателей источника, так и последующих научных пользователей, порой возникали досадные неточности в подсчетах населения Крыма, производимых на основе «Камерального описания», в конечном итоге приводившие к фактическим искажениям.

Подробно изучив документ, можно понять, что точные сведения о числе дворов в крымских деревнях поступили к Игельстрому только от бахчисарайского и перекопского каймаканов. Вычислив, что в среднем в этих округах на одну деревню

приходится от 9 до 10 дворов, и зная количество деревень в других каймаканствах (Акмечетском, Козловском, Карасубазарском), Игельстром сделал допущение, что и в этих деревнях усредненное количество дворов не превышало десяти [16, № 6, с. 39], а в Кефинском каймаканстве и в одном кадалыке Карасубазарского, по уточненным данным – от 8 до 9 дворов [16, № 7, с. 41]. Всего Игельстром зафиксировал в бывших крымских владениях хана семь городов (шесть – по числу одноименных каймаканств: Бахчисарай, Ак-Мечеть, Карасубазар, Козлов (Гёзлёв), Перекоп (Ор-капу) и Кафа, а также Балаклава, согласно данным у А. А. Скальковского [29, с. 12]) и 1474 обитаемые татарские деревни [16, № 7, с. 41; 15, с. 116; 29, с. 12]. «Примерное число» заселенных крымскими татарами домов в городах составило 2739 [16, № 7, с. 26; 15, с. 104] и 14 323 дома/двора в деревнях [29, с. 10; 18, с. 159][1]. Далее, уже исходя из этого приблизительного количества, составители «Камерального описания» посчитали, что на каждый двор приходится «примерно по три души жительствующих мужеска полу» [16, № 6, с. 39]. Таким образом, приблизительное количество проживавших на полуострове в деревнях крымских татар мужского пола составило, по подсчетам Игельстрома, **42 969** чел. [18, с. 159]. В городах, в соответствии с теми же принципами подсчета, оставалось **8 217** татар мужского пола (ведомость под лит. Б: [16, № 7, с. 25–26; 15, с. 103–104]), к этому числу было добавлено **198** неучтенных татар, проживавших в форштате Кафы [16, № 7, с. 42; 15, с. 117]. В бывших христианских деревнях, часть домов в которых были проданы татарам, согласно особой ведомости, проживало **3 126** крымских татар[2] [16, № 6, с. 39; № 7, с. 26–32; 15, с. 105–110]. Последними были получены сведения о ногайцах («киргисцах»), проживавших в Крыму, но имевших «подвижные аулы» в степях за перекопской линией. Таких было насчитано **426** чел. [16, № 8, с. 12–13]. В итоговой ведомости Игельстрома от 10 февраля 1784 г., в которой суммировались все основные и дополнительные данные о населении Крыма, значилось всего **54 936 татар мужского пола** (с учетом 1407 «евреев» – 56 343 чел.) [16, № 8, с. 13]. Это последнее и самое полное количество татарского населения, встречавшееся в документах «Камерального описания», опубликованных Ф. Ф. Лашковым. У А. А. Скальковского также указано данное количество татар [29, с. 13], но без учета 426 «киргизов», что, по-видимому, является ошибкой, поскольку, как было показано выше, приведенная цифра уже включала в себя «киргизское» население. Таким образом, у А. А. Скальковского «киргизы» посчитаны дважды.

Следует упомянуть еще один источник, где с большой долей вероятности использованы данные о населении Крыма из «Камерального описания». Это опубликованные А. В. Чудиновым «Заметки о нынешнем состоянии Крыма», составленные в 1786 г., которые, по предположению публикатора, являлись «коллективным творчеством» К. И. Габлица, Ж. Ромма и французского полудипломата-полушпиона

[1] У А. А. Скальковского на с. 12 приведено также общее количество домов в городах и деревнях Крыма (16 660), но без учета заселенности этих строений [29, с. 12].

[2] У А. И. Маркевича ошибочно указано, что это оставшееся христианское население [19, с. 378].

Ж. А. Шаретта де ла Колиньера [36, с. 218]. В конце «Заметки» были снабжены таблицей «Населения Таврической губернии» («Etat de la population de gouvernement de la Tauride»), согласно которой всего в регионе значилось 51 649 чел. мужского пола, из них крымских татар – 40 176 чел. [36, с. 231, 241].

Общее количество татарского населения в Крыму с учетом обоих полов в опубликованном оригинале «Камерального описания» не указано ни разу. Однако в поздней публикации Ф. Ф. Лашкова со ссылкой на ведомости Игельстрома сказано, что всего в Крыму проживало 115 034 жителей [18, с. 159]. С этим количеством, в целом, можно согласиться, но сами вычисления, проведенные Ф. Ф. Лашковым, выглядят довольно странно. Сначала было суммировано общее число мужского населения, зафиксированное в опубликованных документах Игельстрома, которое в итоге дает упомянутое в ведомости под № 35 количество татарского и иудейского населения в 55 917 чел. (еще без 426-ти «киргизцев») [16, № 7, с. 42]. А далее Ф. Ф. Лашков утверждал, что Игельстром в своих подсчетах населения Крыма к полученной сумме прибавил «55 917 ногайцев, занимавших Перекопские степи, и 3200 цыган» и получил «115034 жителей в 1783 году» [18, с. 159]. Таким образом, ногайцев оказалось ровно такое же количество, как и татарского и иудейского мужского населения – 55 917 чел. Что вызывает обоснованные сомнения в корректности использованных данных. Тем более, что в опубликованных ведомостях Игельстрома о такой численности ногайцев, проживавших в северном Крыму, ничего не сказано, а присутствуют только вышеупомянутые сведения о «киргизских» ногайцах в количестве 426 человек мужского пола. Впрочем, и сам Ф. Ф. Лашков ниже по тексту добавлял, что подсчитанное им итоговое число крымских жителей «имеет лишь проблематическое значение и не может быть принято на веру» [там же].

Авторитетный современник Ф. Ф. Лашкова А. И. Маркевич эти сомнительные цифры некритично использовал в своей публикации в «Известиях Академии наук СССР» от 1928 г., где среди прочего данные о ногайцах стал почему-то считать рассчитанными для обоих полов [19, с. 378]. При этом сослался не на позднюю и содержащую ошибки работу Ф. Ф. Лашкова, а в целом на опубликованный в ИТУАК источник – ведомости Игельстрома, где отсутствуют какие-либо подсчеты общего с учетом женщин количества крымского населения, равно как и нет информации о 55 917 ногайцах, кочевавших в 1783 г. в перекопской степи.

А. А. Скальковский, который, напомним, первым опубликовал статистические данные из «Камерального описания», на основании данного документа насчитал в Крыму до 140 тыс. чел. обоего пола. Следует заметить, что исследователь в своих подсчетах учел 12 000 чел. мужского пола христиан, которые, по его мнению, оставались проживать в 3 782 «домах» в 58 крымских деревнях [29, с. 16]. Но согласно опубликованной Ф. Ф. Лашковым ведомости из реестра Игельстрома [16, № 7, с. 26–32; 15, с. 105–110] и дополнению к ней [16, № 7, с. 42–43; 15, с. 118–119], всего домов, оставшихся от христиан, было зафиксировано 4 087 (3 782 учтенных в основной ведомости и 305 в дополнительной), при этом оставалось неизвестным

целыми или разоренными были эти постройки. К тому же, в основной ведомости (где было учтено 3782 дома/двора) недвусмысленно указывалось, что там были зафиксированы данные об «оставшихся после христиан» деревнях, то есть покинутых христианским населением, и часть «домов» в этих селениях (1042) была продана татарам, которые «без сомнения» теперь там живут [16, № 7, с. 26, 32; 15, с. 105, 110]. Полученное примерное количество татарского населения в этих домах – 3 126 чел. мужского пола было учтено в итоговом подсчете Игельстрома. Но А. А. Скальковский на это не обратил внимания, и к общему количеству крымских жителей, зафиксированных в ведомостях Игельстрома, ошибочно прибавлял еще 12 000 христиан мужского пола, по факту, отсутствовавших в Крыму. Если же из общих подсчетов А. А. Скальковского вычесть эти условные 12 000 мужчин-христиан (или примерно 24 000 чел. обоего пола), то его данные (140 000 – 24 000 = 116 000), в целом, будут совпадать с цифрой (115 034 чел. обоего пола), которая приведена в публикациях Ф. Ф. Лашкова и А. И. Маркевича.

Все подобные интерпретации в значительной степени усложнили восприятие и без того непростого для анализа источника, каким является т.н. «Камеральное описание Крыма». Как видно из алгоритма сбора данных о населении полуострова и последующей методологии вычисления количества жителей, полученные сведения были весьма относительны и скорее занижены, на что указывали еще первые исследователи [см.: 18, с. 159; 19, с. 379]. Тем не менее, вряд ли реальная величина существенно отличалась от результатов «Камерального описания», в особенности, если взглянуть на последующие более точные подсчеты.

Статистика конца XVIII – первой половины XIX вв. Через 10 лет после статистического обследования Игельстрома российской администрацией была предпринята новая масштабная попытка учета населения полуострова [2, с. 79]. Данные переписи 1793 г. впервые опубликовал П. С. Паллас в своих «Наблюдениях». По сообщению академика, население края в этом году составляло 157 133 чел. (85 805 мужского пола и 71 328 женского пола)[3] [24, с. 147]. Согласно же сведениям, основанным на сохранившихся архивных документах и опубликованным В. М. Кабузаном, **в Крыму в 1793 г**. проживало **127,8** тыс. чел., из них **112,2 тыс. крымских татар** [2, с. 90, 121]. Разница с показателями Палласа объясняется тем, что немецкий естествоиспытатель приводил данные, полученные «на всем пространстве Тавриды, образовавшей губернию» [24, с. 147], то есть по всей Таврической области, включая материковую часть, в то время как у В. М. Кабузана выборка только по крымским уездам. Судя по абсолютному цифровому соответствию, Паллас использовал материалы из «Ведомости», подготовленной в 1792 г. правителем Таврической области С. С. Жегулиным для Екатерины II, в которой помимо информации о количестве домашнего скота, дворов, мельниц, мечетей и церквей в Таврической области, также была включена поуездная роспись населения, проживавшего в сельской местности

[3] В оригинале – 157 135. Но это опечатка, последняя цифра не 5, а 3, т.к. именно это число получается при суммировании указанного количества мужского и женского населения.

и городах региона [РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Л. 17об.–18; См.: 56][4]. Эта же ведомость была использована и В. М. Кабузаном.

Важно обратить внимание на другое обстоятельство в статистике, опубликованной Палласом. В расшифровке данных переписи 1793 г., которую он приводил в своей книге после общей информации о жителях Таврической области, допущена большая неточность. В разделе «татар-земледельцев» (основное население Крыма в этот период) число мужчин указано в количестве 48 484 чел., а женщин – 99 280 чел. [24, с. 147–148]. Это очевидная ошибка. Количество женщин радикально завышено. По всем статистическим данным этого периода женский состав не превышал по численности мужской, тем более в два раза. В результате этой неточности общее количество населения в таблице составляет не упомянутые Палласом изначально 157 133 чел., а 205 617 чел. Причем любопытно, что разница между этими обобщенными данными составляет 48 484 чел. То есть, ровно то число, которое значится за татарами-земледельцами мужского пола в таблице. Таким образом, данное значение зачем-то дополнительно прибавили к женскому составу указанной категории населения. Без этой прибавки количество татарских крестьянок должно было бы составить 50 796 чел.

Следует также подчеркнуть, что отмеченная ошибка изначально присутствовала в западных изданиях «Наблюдений» Палласа [49, s. 346–347; 50, p. 376–377; 51, p. 343–344)]. Более того, в парижском издании 1805 г. было вовсе изъято первое корректное упоминание о количестве населения Таврической области и акцентировано указано и в тексте, предваряющем таблицу, и в самой таблице, что в результате переписи 1793 г. «на всей территории Тавриды … было обнаружено только 83 493 мужчин и 122 124 женщин; всего 205 617 человек всех возрастов…» [50, p. 376]. Русский перевод данной части работы Палласа был издан только в 1999 г., но там также никаких исправлений или редакторских комментариев по поводу неточности количественных показателей о населении сделано не было [24, с. 147–148].

Неточные данные из книги Палласа впоследствии были растиражированы в работах отечественных специалистов. Сначала А. А. Скальковский опубликовал означенную расшифровку в виде таблицы с итоговым подсчетом населения в числе 205 617 душ. Причем отдельно посчитал и мусульманских жителей, которых с учетом завышенного количества женщин оказалось 161 347 чел. обоего пола [27, с. 221]. Затем и А. И. Маркевич в вышеупомянутой работе отметил, что «по первой переписи 1793 г. всего населения в Крыму было 205 617 д. об. п.» [19, с. 388]. В данном случае исследователь, помимо дублирования ошибочных показателей Палласа, по какой-то причине ограничил территорию расселения жителей одним Крымом, хотя,

[4] Заметим, что исходя из данных этой описи о мужском населении (85 805 чел.) и общем числе «дворов» (27 662) в Таврической области, среднее количество жителей мужского пола в одном дворе составляло около 3-х человек. То есть именно то количество, из которого исходили при подсчете крымских жителей в «Камеральном описании», что только подтверждает корректность данных, зафиксированных в ведомостях Игельстрома.

как было замечено выше, это неверно, и указанное количество относилось также и к материковым уездам Таврической области. Далее, с учетом авторитета Палласа и последователей, неправильные показатели перекочевали и в другие солидные исследования (например, в книгу А. Фишера [41, p. 79–80]), а также научно-популярную литературу. Более того, в недавно изданной «Истории Крыма» упомянутое у Палласа ошибочное количество жителей (205 617 чел.) и вовсе посчитали теми, кто «Крым оставил» [10, с. 275].

Первые полные официальные статистические сведения с учетом как податной, так и неподатной категорий населения Крыма в составе Российской империи были получены после проведения 5-й общероссийской ревизии, ставшей первой для жителей полуострова. Согласно этим данным **в Крыму в 1795 г.** насчитывалось **156,4 тыс. чел. обоего пола всех категорий населения**. Доля **татар** составляла 87,6% или **137 тыс. чел.** [2, с. 90, 121–122]. Данные 5-й ревизии по региону частично были опубликованы еще Ф. Ф. Лашковым, по этим сведениям в крымских уездах Таврической области числилось 72 464 чел. мужского пола [17, с. 52; 19, с. 388], во всей Таврической области – 99 195 чел. мужского пола [17, с. 52; 18, с. 160].

Опубликованная информация о населении Крыма в начале XIX века достаточно противоречива, что имеет свое объяснение. Таврическая область после административной реформы Павла I стала частью огромной Новороссийской губернии. Непосредственно в Крыму находился Акмечетский уезд, а часть северного Крыма вместе с частью материковой территории образовали Перекопский уезд. Исследователи, публиковавшие данные о населении полуострова, не учитывали данное обстоятельство и автоматически статистику о населении Акмечетского и Перекопского уездов считали исключительно «крымской», хотя, как было сказано, значительная часть Перекопского уезда являлась внешней, некрымской территорией [см.: 1, л. 38; 7, с. 200–201, карта № 3]. Так, А. И. Маркевич приводил общие данные из ведомостей, составленных Новороссийской казенной палатой для землеустроительной комиссии 1802 г., согласно которым «в Акмечетском и Перекопском уездах, на которые делился тогда Крым» проживало 100 446 чел. [19, с. 388][5].

Это количество, в целом, подтверждается сведениями по налогообложению, в соответствии с которыми в Перекопском и Акмечетском уездах **в 1801 г.** проживало 96 494 чел. мужского пола податного и неподатного состояния (кроме дворян и чиновников). Среди них **крымских татар – 69 821 чел. мужского пола** [РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об.–7]. Еще 7 883 «поселян магометанского закона» прожива-

[5] Такую же цифру см. у Ф. Ф. Лашкова [17, с. 53; 18, с. 168–169]. Из его публикаций можно понять, что речь идет об общем количестве жителей обоих полов, что очевидно не так. Даже из частично опубликованной самим Ф. Ф. Лашковым ведомости 1802 г. [18, с. 162–168] видно, что данные в ней только о мужском населении. Кроме того, исследователь зачем-то сравнивал результаты ведомостей 1802 г. (как он считал, общего, с учетом женщин, населения в количестве 100 446 чел.) с показаниями 5-й ревизии 1795 г. (99 195 чел.), где зафиксировано мужское население, и получал разницу в 1251 чел. [18, с. 169]. Таким образом видно, что Ф. Ф. Лашков путался в собственных данных и показания ведомостей 1802 г. о мужском населении ошибочно считал относящимися к обоим полам.

ло в Мариупольском уезде [Там же. Л. 3об.–4]. В данном случае, по-видимому, были учтены ногайцы, проживавшие на Молочных Водах [см.: 6, с. 113]. П. И. Сумароков, в качестве крымского чиновника имевший доступ к официальным документам, в своих «Досугах» приводит детальную роспись жителей полуострова (очевидно, двух условно «крымских» уездов обширной Новороссийской губернии) в начале XIX в., которая также согласуется с вышеприведенными данными. По данным этой росписи на указанной территории проживало 187 977 чел. (97 992 мужского пола и 89 985 женского пола), среди которых **татары-поселяне и мусульманское духовенство** (категории, которые были учтены в налоговой ведомости 1801 г. (см. выше)) насчитывали **70 635 чел. мужского пола** [31, с. 159].

Подробное исследование о количестве населения Таврической губернии в первые годы ее формирования провел один из основателей российской государственной статистики, ученый-демограф и современник рассматриваемой эпохи К. Ф. Герман. По его данным, в Таврической губернии в 1804 г. проживало 191 470 чел. (102 826 м.п. и 88 644 ж.п.), в 1805 г. – 213 530 чел. (109 256 м.п. и 103 274 ж.п.) [4, с. 193], в 1806 г. – 200 085 чел. (108 187 м.п. и 91 898 ж.п.) [4, с. 193; см. также: 19, с. 389]. В 4-х крымских уездах в 1804 г. проживало 137 182 чел. (71 999 м.п. и 65 183 ж.п.), в 1805 г. – 138 182 чел. (72 646 м.п. и 65 536 ж.п.) [4, с. 193]. Следует заметить, что эта же информация, с небольшими уточнениями, приведена в опубликованной в 2019 г. двухтомной обобщающей монографии «История Крыма» в разделе о населении полуострова, но со ссылками на РГВИА [10, с. 275–276]. Крымских татар во всей Таврической губернии по расчетам К. Ф. Германа в эти же годы проживало **около 95 000 чел. мужского пола** [4, с. 209]. Согласно же ведомостям, опубликованным Ф. Ф. Лашковым, в Крыму в сельской местности в 1805 г. проживало более 130 000 татар обоего пола без учета мурз и городских жителей [17, с. 84–154].

В соответствии с последующими, более надежными сведениями, собранными в результате общеимперских ревизий и из других источников, и обобщенных в коллективной монографии «Население Крыма в конце XVIII – начале XIX вв.», в 1816 г. в Крыму проживало уже 212,6 тыс. чел., в том числе **182,7 тыс. татар** (85,9% от общего числа [2, с. 123], из которых 116 936 м.п. [РГИА. Ф. 1152. Оп. 1, 1827 г. Д. 114. Л. 2]). В 1835 г. 279,4 тыс. чел., включая **233,3 тыс. татар** (83,5 %) [2, с. 124]. В 1850 г. всего 343,5 тыс. чел. и **267,4 тыс. татар** (77,8%), соответственно [там же].

Общие выводы. В целом видно, что население Крыма, начиная с 1783 г., стабильно увеличивалось, причем количество крымских татар в абсолютных величинах к 1850 г. выросло более чем вдвое. Такая позитивная динамика мусульманских жителей обеспечивалась, в первую очередь, за счет высокого естественного прироста, который, помимо высокой рождаемости, достигался также благодаря низкой, в сравнении с соседними российскими территориями, детской смертности [2, с. 91–92]. В процентном соотношении крымские татары в середине XIX в., по-прежнему, составляли абсолютное большинство населения. Тем не менее, доля их постепенно снижалась в сопоставлении с немусульманскими жителями, что объяснялось не

столько опережающим естественным приростом последних, а скорее постоянным притоком мигрантов, которых российское правительство стимулировало к переселению в Крым разнообразными государственными программами.

Акцентирование внимания на демографической динамике мусульманского населения Крыма, особенно на начальном этапе нахождения полуострова в составе Российской империи, важно в связи с рассмотрением проблемы т.н. первой волны крымско-татарской эмиграции. Еще современники событий, а затем и позднейшие исследователи неизменно отмечали значительный отток мусульманского населения Крыма в Турцию после 1783 г. Так, Паллас, упоминая переселение в 1778 г. 30 000 христиан из Крыма, отмечал, что «значительно более чувствительным» (т.е. более масштабным) стало переселение татар в Румелию и Анатолию «в промежуток между 1785 и 1788 годами» [24, с. 147]. А. А. Скальковский [27, с. 193] и Ф. Ф. Лашков [18, с. 160] сообщали, что Паллас насчитал около 80 000 татар, эмигрировавших в Турцию после 1783 г. А. И. Маркевич подтверждал это мнение собственными подсчетами, причем исходил из ошибочных завышенных показателей переписи 1793 г., которую к тому же относил исключительно к Крыму [19, с. 387–388]. Ф. Ф. Лашков доказывал массовую эмиграцию, некорректно оперируя данными землеустроительной комиссии 1802 г. [17, с. 52–53; 18, с. 168–169]. Следует заметить, что в опубликованных «Наблюдениях» Палласа упоминание о количественном значении татарских эмигрантов отсутствует. Еще одним современником эпохи, высказавшимся о числе татарских эмигрантов, стал П. И. Сумароков, который предположил, что после присоединения к Российской империи Крым покинуло более 300 тыс. крымских татар [31, с. 161].

Между тем, даже самый поверхностный анализ зафиксированных после 1783 г. данных о населении Крыма показывает, что эмиграция не могла иметь столь массовый характер. Как было показано выше, согласно данным Игельстрома, в 1783 г. в Крыму проживало около 115 000 чел., главным образом крымских татар. К 1795 г. количество населения составило уже 156,4 тыс. чел. (из них 137 тыс. крымских татар). В самом начале XIX в. крымских татар, по разным оценкам, насчитывалось от 70 до 95 тыс. чел. мужского пола, т.е. при минимальном значении – около 130–140 тыс. чел. обоего пола. К 1816 г. это количество увеличилось до 182,7 тыс. татар в Крыму. Поэтому даже 80 000 мигрантов не могли незаметно и неучтенно покинуть полуостров после 1783 г., тем более это относится к названным у П. А. Сумарокова 300 000 переселенцам.

Но это не означает, что массовой эмиграции не было. Масштабные демографические изменения, которые не фиксируются в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи, скорее всего, происходили ранее, в период неудачной для Турции и Крыма войны с Россией 1768–1774 гг., а затем во время независимого существования Крымского ханства в 1774–1783 гг. По наиболее взвешенным оценкам историков прошлых лет, а также современных исследователей, количество жителей Крымского ханства в заключительный период своего существо-

вания насчитывало от 300 до 450 тыс. чел. [см.: 33, с. 24; 18, с. 158–160; 19, с. 376–377; 2, с. 85–87, 120; 10, с. 273; 37, с. 69]. Столь внушительная разница в 200–300 тыс. чел., в сравнении с данными Игельстрома от 1783 г., очевидно, должна быть объяснена в первую очередь эмиграционными процессами. И действительно, как заметил В. М. Кабузан, турецкая статистика фиксирует, что на рубеже XVIII–XIX вв. на территории европейских владений Турции проживало до 250 тыс. выходцев из Крыма. По мнению исследователя, не менее 200 тыс. из них являлись эмигрантами «ханского» периода, к которым следует добавить порядка 30 000 христианского населения, переселенного из Крыма в Приазовье в 1778 г. [2, с. 86–87]. Промежуток между 1770 и 1784 гг. в качестве вероятного периода массового исхода 150–200 тыс. крымских татар в Турцию, со ссылкой на Ф. Ф. Лашкова, назван и у А. Фишера [40, с. 146], также и по мнению М. Козельски от 80 до 100 тыс. чел. эмигрировало в Анатолию во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) [44, с. 3–4].

Таким образом, наиболее точным и корректным будет относить первый эмиграционный поток к периоду до присоединения Крыма к России, когда внутренние междуусобицы в Крымском ханстве, спровоцированные российско-турецким соперничеством в регионе, вынуждали местное население массово покидать полуостров. У. Итон в 1781 г. отмечал, что 2/3 населения покинуло полуостров в предыдущие годы [34, с. 577]. Об этом же говорил В. Ф. Зуев в 1782 г. и описывал запустение, царившее в Крыму накануне присоединения [9, с. 272], которое было уже документально зафиксировано в т.н. «Камеральном описании» Игельстрома. Конечно, крымскотатарская эмиграция продолжилась и после 1783 г., но была менее масштабной, чем в предшествующие годы – 20–30 тыс. по оценке А. Фишера [41, p. 78; см. также: 29, с. 16; 2, с. 88]. Между тем, данные о массовом, восьмидесяти- и более тысячном исходе крымскотатарского населения из Крыма в первые десятилетия после присоединения к Российской империи стали своеобразным историографическим штампом [см.: 20, с. 334, 351; 23, с. 166–167; 42, s. 71; 47, p. 18; 46, p. 126–127; 43, p. 65–66; 38, s. 59–60; 45, s. 124; 55, p. 10; 14, с. 196], который, к сожалению, воспроизводится и в современной российской обобщающей исторической литературе [12, с. 276, 286; 21, с. 174–175; 10, с. 274–275; 11, с. 460].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Вильдбрехт А.] Российский атлас из сорока трех карт состоящий на сорок одну губернию Империю разделяющий / Сочинен А. Вильбрехт. СПб.: Географический департамент, 1800. 42 л.
2. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2003. 160 с.
3. Вологдин Б.П. К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими // Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым». 1927. № 1(3). С. 104–105.
4. Герман К.Ф. Описание Таврической губернии // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 2. С. 173–245.
5. [Гибаль П.] Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибаля, 1818–1819 / сост., предисл., коммент., пер. с фр. яз., указ. Т.П. Петерс. М.: Русскій мір, 2017. 416 с.
6. Грибовский В.В. Ногайское казачье войско // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 108–129.
7. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 279 с.
8. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 1. М.: Университет. типография, 1902. 376 с.
9. [Зуев В.Ф.] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 265–303.
10. История Крыма: в 2-х т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
11. История крымских татар: в 5-ти т. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.
12. История татар с древнейших времен: в 7-ми т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Фолиант, 2014. 1080 с.
13. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепропетровск, 2013. 349 с.
14. Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / Відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Ін-т історії України, 2014. 456 с.
15. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 91–156.
16. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. 1887. № 2. С. 22–30; 1888. № 3. С. 36–64; 1888. № 4. С. 32–45; 1888. № 6. С. 36–63; 1889. № 7. С. 25–45; 1889. № 8. С. 12–40.
17. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
18. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия // ИТУАК. 1916. № 53. С. 158–176.
19. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия Академии наук СССР. 1928. Отделение гуманит. наук. Ч. I. С. 375–405.
20. Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Изд. 2-е. СПб.: Тип. тов-ва М.О. Вольф, 1884. 594 с.
21. Непомнящий А.А., Калиновский В.В. Под скипетром России. Крым в конце XVIII – первой половине XIX века // История Крыма. М.: Олма Медиа Групп, 2015. С. 166–196.
22. Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым». 1926. № 2. С. 143–146.
23. Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / Переводчик К. Усеинов. Симферополь: Доля, 2007. 288 с.
24. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
25. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Т. 1. Год 1769. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1866. 332 с.
26. Сейтяг'яев Н.С. До питання про чисельність мусульманського тюркського населення у Кримському ханстві наприкінці XVIII ст. // Східний світ. 2019. № 1. С. 53–72.

27. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 1. 1730–1796. Одесса: Городская типография, 1836. 290 с.
28. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 30. С. 1–45.
29. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году // Памятная книга Таврической губернии / под ред. К.В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь: Тип. Тавр. губ. правления, 1867. С. 1–39.
30. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 252 с.
31. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Суморокова. Ч. I. СПб.: Императорская Тип., 1803. 226 с.
32. Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Университетские известия. Киев, 1873. № 10 (октябрь). Отд. 2. С. 1–24.
33. Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. 107 с.
34. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 560–588.
35. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
36. Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243. (Серия «История и память»).
37. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. 304 с.
38. Çapraz H. XIX. Yüzyılda Çarlık Rusya'sının Kırım Politikası // Karadeniz Araştırmaları. 2006. Sayi 11. S. 57–70.
39. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
40. Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. Cambridge: University Press, 1970. 126 p.
41. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
42. Gözaydin E.F. Kırım: Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri. Istanbul: Vakit matbaasi, 1948. 111 s.
43. Karpat K.H. Ottoman Population, 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 243 p.
44. Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. Illinois: Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010. 270 p.
45. Köse O. Rusya'nin Kirim ve Kafkasya'da Hristiyan Nüfuzu Iskân Siyaseti (1770–1870) // 1864 Kafkas Tehciri: Kafkaslarda Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün. Istanbul: BALKAR, 2014. S. 117–136.
46. Lazzerini Ed. The Crimea Under Russian Rule, 1783 to the Great Reforms // Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. M. Rywkin. London, New York: Mansell Publ., 1988. P. 123–138.
47. Lemercier-Quelquejay Ch. The Tatars of the Crimea: A Retrospective Summary // Central Asian Rewiew. 1968. Vol. XVI, No 1. P. 15–25.
48. Özenbaşlı A. Çarlık Hakimiyetinde Kırım Faciası Yahut Tatar Hicretleri. Akmescit, 1926. 119 s.
49. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen. Reichs in der Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: G. Martini, 1801. [XXIV], 525 s.
50. Pallas P.S. Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russe, dans les annees 1793 et 1794 / Traduits de l'allemand. T. II. Paris: Deterville, Librairie Economique, 1805. 654 p.
51. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794. 2nd ed. Vol. II. London: John Stockdale, 1812. 523 p.
52. Peyssonnel de, Ch. Lettre de M. de Peyssonnel. Contenant quelques Observations relatives aux Memories qui ont paru sous le nom de M. le Baron de Tott. Amsterdam, 1785. 131 p.
53. Tott de, F. Memoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartatres. Pt. 2. Amsterdam, 1784. 302 p.
54. Tott de, F. Memoirs of baron de Tott. Containing the State of the Turkish Empire and the Crimea, during

the late War with Russia. The Second Edition. To which are subjoined, the Strictures of M. de Peyssonnel. Vol. II. London: G.G.J. and J. Robinson, 1786. 236 p.
55. Williams B.G. The Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putins Conquest. New York: Oxford University Press, 2016. 217 p.
56. Крым в истории России. Интернет-проект / сост. Н. Ю. Болотина [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/vedomost-o-kolichestve-dvorov-melnic-chisle-zhiteley-i-domashnego-skota-v-gorodah-i-uezdah

REFERENCES

1. [Vil'dbrekht A.] *Rossiiskii atlas iz soroka trekh kart sostoiashchii na sorok odnu guberniiu Imperiiu razdeliaiushchii* [Russian atlas of forty-three maps, dividing the Empire into forty-one provinces]. St Petersburg, Geograficheskii departament Publ., 1800, 42 p.
2. Vodarskii Ia.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov (Chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav)* [The population of Crimea in the late 18th - late 20th centuries (number, distribution, ethnic composition)]. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2003, 160 p.
3. Vologdin B.P. On the question of the population in the Crimea before its conquest by the Russians. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal «Krym»* [Socio-scientific and excursion journal "Crimea"], Simferopol, 1927, No. 1(3), pp. 104–105.
4. German K.F. Description of the Taurida province. *Statisticheskii zhurnal* [Statistical journal], St Petersburg, 1806, vol. 1, pt. 2, pp. 173–245.
5. *Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviiaiz Odessy v Tiflis Polia Gibalia, 1818–1819* [Review of the Crimea, New Russia and the Caucasus in the diary of a journey from Odessa to Tiflis by Paul Guibal, 1818–1819]. Moscow, Russkii mir Publ., 2017, 416 p.
6. Gribovskii V.V. Nogai Cossack army. *Srednevekovye tiurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], Kazan, 2016, No. 8, pp. 108–129.
7. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea region in 1775–1800]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 279 p.
8. Den V.E. *Naselenie Rossii po piatoi revizii* [The population of Russia according to the fifth revision]. Vol. 1. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1902, 376 p.
9. Zuev V.F. Extract from the travel notes of Vasily Zuev, relating to the Crimean peninsula, 1782. *Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesiatseslovov na raznye gody* [Collected works selected from Monthly books for different years], St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1790, pt. 5, pp. 265–303.
10. Iurasov A.V. (Ed.). *Istoriia Kryma* [History of Crimea]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, Vol. 2, 792 p.
11. *Istoriia krymskikh tatar. T. III. Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.)* [History of the Crimean Tatars. Vol. 3. Crimean Khanate (15th–18th centuries)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2021, 1024 p.
12. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen. T. IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [The history of the Tatars from ancient times. Vol. 4. Tatar states of the 15th–18th centuries]. Kazan, Foliant Publ., 2014, 1080 p.
13. Kalashnikov V.M. *Britanskii vzgliad na Krym (khroniki, memuary, dnevniki XVII – pervoi chetverti XIX stoletiia)* [British view of the Crimea (chronicles, memoirs, diaries of the 17th – first quarter of the 19th century)]. Dnepropetrovsk, 2013, 349 p.
14. *Krim: shliakh kriz' viki. Istoriia u zapitanniakh i vidpovidiakh* [Crimea: the way through the centuries. History in questions and answers]. Kiev, Institute of History of Ukraine Publ., 2014, 456 p.
15. Lashkov F.F. Statistical information about the Crimea reported by the Kaimakans in 1783. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1886, vol. 14, pp. 91–156.
16. Lashkov F.F. Cameral description of the Crimea in 1784. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1887, No. 2, pp. 22–30; 1888, No. 3, pp. 36–64; 1888, No. 4, pp. 32–45; 1888, No. 6, pp. 36–63; 1889, No. 7, pp. 25–45; 1889, No. 8, pp. 12–40.

17. Lashkov F.F. Historical sketch of the Crimean Tatar land tenure. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1896, No. 24, pp. 35–71.
18. Lashkov F.F. To the question of the population of the Taurida province at the beginning of the 19th century. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1916, No. 53, pp. 158–176.
19. Markevich A.I. The resettlement of the Crimean Tatars to Turkey in connection with the movement of the population in the Crimea. *Izvestiia Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR], 1928, Department of Humanitiesб, pt. I, pp. 375–405.
20. Markov E. *Ocherki Kryma. Kartiny krymskoi zhizni, prirody i istorii* [Essays on Crimea. Pictures of Crimean life, nature and history]. St Petersburg, Vol'f Publ., 1884, 594 p.
21. Nepomniashchii A.A., Kalinovskii V.V. Under the scepter of Russia. Crimea at the end of the 18th – the first half of the 19th century. *Istoriia Kryma* [History of Crimea], Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2015, pp. 166–196.
22. Ozenbashly A. The role of the tsarist government in the emigration of the Crimean Tatars. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal «Krym»* [Socio-scientific and excursion journal "Crimea"], Simferopol, 1926, No. 2, pp. 143–146.
23. Ozenbashly A.S. *Tragediia Kryma: Vospominaniia i dokumenty* [The Tragedy of Crimea: Memoirs and Documents]. Simferopol, Dolia Publ., 2007, 288 p.
24. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
25. Petrov A. *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami. 1769–1774 god. T. 1. God 1769* [Russia's war with Turkey and the Polish confederates. 1769–1774. Vol. 1. Year 1769]. St Petersburg, Veimar Publ., 1866, 332 p.
26. Seitiag'iaev N.S. To the question about the size of the Muslim Turkic population in the Crimean Khanate at the end of the 18th century. *Skhidnii svit* [Oriental World], Kiev, 2019, No. 1, pp. 53–72.
27. Skal'kovskii A.A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823. T. 1. 1730–1796* [Chronological review of the history of the Novorossiysk Territory. 1730–1823. Vol. 1. 1730–1796]. Odessa, Gorodskaia tipografiia Publ., 1836, 290 p.
28. Skal'kovskii A.A. Occupation of the Crimea in 1783. Materials for the history of the Novorossiysk Territory. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1841, pt. 30, pp. 1–45.
29. Skal'kovskii A.A. Occupation of the Crimea in 1783. *Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii* [Memorable book of the Taurida province], Simferopol, Tavricheskoie gubernskoie pravleniie Publ., 1867, vol. 1, pp. 1–39.
30. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the 18th century]. Odessa, Shul'tse Publ., 1889, 252 p.
31. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumorokova* [Leisure activities of the Crimean judge or the second trip to Taurida by Pavel Sumorokov]. Pt. I. St Petersburg: Imperatorskaia tipografiia Publ., 1803, 226 p.
32. Tatarchevskii A. Travel and activities of Baron Tott as consul in the Crimea in 1767. *Universitetskie izvestiia* [University news], Kiev, 1873, No. 10, pt. 2, pp. 1–24.
33. Tunmann. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, Gosizdat Krymskoi ASSR Publ., 1936, 107 p.
34. Khrapunov N.I. William Eton and His Account of the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 560–588.
35. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v.* [English travelers and Crimea. Late 18th – first third of the 19th century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
36. Chudinov A.V. French agents on the situation in the Crimea on the eve of the Russian-Turkish war of 1787–1791. *Russko-frantsuzskie kul'turnye sviazi v epokhu Prosveshcheniia: Materialy i issledovaniia: Sbornik pamiati G.S. Kucherenko* [Russian-French cultural relations in the Age of Enlightenment: Mate-

rials and research: Collection of memory of G.S. Kucherenko], Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 202–243.
37. Sheikhumerov A.A. *Armiia Krymskogo khanstva: organizatsiia i taktika (XV–XVIII vv.)* [Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (15th–18th centuries)]. Kazan, Simferopol, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2019, 304 p.
38. Çapraz H. XIX. Yüzyılda Çarlık Rusya'sının Kırım Politikası. *Karadeniz Araştırmaları*, 2006, sayi 11, s. 57–70.
39. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798, 516 p.
40. Fisher A. *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*. Cambridge, University Press, 1970, 126 p.
41. Fisher A. *The Crimean Tatars*. Stanford, Calif., Hoover Institution Press, 1978, 264 p.
42. Gözaydin E.F. *Kırım: Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri*. Istanbul, Vakit matbaasi, 1948, 111 s.
43. Karpat K.H. *Ottoman Population, 1830–1914. Demographic and Social Characteristics*. Madison, University of Wisconsin Press, 1985, 243 p.
44. Kozelsky M. *Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond*. Illinois, Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010, 270 p.
45. Köse O. Rusya'nin Kirim ve Kafkasya'da Hristiyan Nüfuzu Iskân Siyaseti (1770–1870). *1864 Kafkas Tehciri: Kafkaslarda Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün*. Istanbul, BALKAR, 2014, s. 117–136.
46. Lazzerini Ed. The Crimea Under Russian Rule, 1783 to the Great Reforms. Rywkin M. (Ed.), *Russian Colonial Expansion to 1917,* London, New York, Mansell Publ., 1988, pp. 123–138.
47. Lemercier-Quelquejay Ch. The Tatars of the Crimea: A Retrospective Summary. *Central Asian Rewiew*, 1968, vol. XVI, No. 1, pp. 15–25.
48. Özenbaşlı A. *Çarlık Hakimiyetinde Kırım Faciası Yahut Tatar Hicretleri.* Akmescit, 1926, 119 s.
49. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen. Reichs in der Jahren 1793 und 1794*. Bd. 2. Leipzig, G. Martini, 1801, [XXIV], 525 s.
50. *Pallas P.S. Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russe, dans les annees 1793 et 1794*. T. II. Paris, Deterville, Librairie Economique, 1805, 654 p.
51. Pallas P. S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794*. 2nd ed. Vol. II. London, John Stockdale, 1812, 523 p.
52. Peyssonnel de, Ch. *Lettre de M. de Peyssonnel. Contenant quelques Observations relatives aux Memories qui ont paru sous le nom de M. le Baron de Tott*. Amsterdam, 1785, 131 p.
53. Tott de, F. *Memoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartatres*. Pt. 2. Amsterdam, 1784, 302 p.
54. Tott de, F. *Memoirs of baron de Tott. Containing the State of the Turkish Empire and the Crimea, during the late War with Russia. 2nd ed. To which are subjoined, the Strictures of M. de Peyssonnel*. Vol. II, London, G.G.J. and J. Robinson, 1786, 236 p.
55. Williams B.G. The *Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putins Conquest*. New York, Oxford University Press, 2016, 217 p.
56. *Krym v istorii Rossii. Internet-proekt* [Crimea in the history of Russia. Internet project]. URL: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/vedomost-o-kolichestve-dvorov-melnic-chisle-zhiteley-i-domashnego-skota-v-gorodah-i-uezdah.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.648-662

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ 28 ЯНВАРЯ 1897 Г.

Наталья Дмитриевна Борщик
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Аннотация. В статье представлены малоизвестные факты о подготовительном этапе всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Выявлены архивные документы, раскрывающие весь спектр создания переписных комиссий на территории Крымского полуострова. Показана крымская специфика, выразившаяся в одновременном существовании губернской переписной комиссии в Симферополе и особых комиссий градоначальств в Керчи и Севастополе. Проанализированы их функции, кадровый состав и конкретная деятельность. Обозначены отдельные сложности, с которыми пришлось столкнуться организаторам переписи. Сделан вывод о том, что тщательная подготовка и выполнение рекомендаций вышестоящих инстанций способствовали успешному проведению переписи на полуострове.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, историческая демография, история статистики, перепись населения 1897 г.

A HISTORY OF THE PREPARATION OF THE FIRST ALL-RUSSIA POPULATION CENSUS OF 28 JANUARY 1897 IN THE CRIMEA

Natal'ia D. Borshchik
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Abstract. This article presents little-known facts about the preparation of the all-Russian Empire population census of 1897. Archival documents revealing the entire spectrum of the creation of census commissions in the Crimean Peninsula have been identified. The Crimean specificity was the simultaneous existence of the provincial census commission in Simferopol and special commissions in the town governments of Kerch and Sevastopol. Their functions, personnel, and specific activities have been analyzed. Specific difficulties that the organizers of the census had to face have been outlined. The conclusion is that careful preparation and implementation of the recommendations from higher authorities contributed to the successful census in the peninsula.

Keywords: Russian Empire, Crimea, historical demography, history of statistics, 1897 census of population

История населения – это история общества. Изменения в численности населения и его составе, а также в тех демографических процессах, которые обуславли-

© Борщик Н.Д., 2022

вают эти изменения, отражают сложные, иногда противоречивые, а порой трагические события в жизни стран и населяющих их народов. В России существует уже 125-летняя традиция проведения всеобщих переписей населения, начиная с первой из них, состоявшейся в 1897 г. Данные о населении позволяют не только лучше понять закономерности его развития, но и на этой основе разработать действенные методы управления ими. Поэтому естественно стремление властей получить максимально полную и достоверную социально-демографическую информацию.

Отечественные исследователи довольно часто обращаются к данным всероссийских/всесоюзных переписей, но история их подготовки и проведения, вопросы репрезентативности итогов, как правило, остаются без внимания. Необходимо отметить, что многие проведенные обследования и в СССР, и в современной России, вызывали у научной общественности нарекания и сомнения в достоверности полученных результатов. А всесоюзная перепись населения 1937 г. вообще была признана «дефектной» и предана забвению на долгие годы [8].

Первая всеобщая перепись подданных Российской империи 1897 г. неоднократно становилась предметом для изучения самых разных социо-экономических, статистико-демографических и др. проблем [12; 16], но ее история подробно изучена пока на примере отдельных регионов [2]. Имеется лишь одна специальная работа дооктябрьского периода известного в то время статистика, действительного члена Центрального статистического комитета (далее ЦСК) А. Н. Котельникова [10]. Автор указывал, что «настоящая книга представляет собой переработку статей, помещенных в журналах “Народное хозяйство”, “Русское экономическое обозрение” и др.» за 1894–1905 гг., как официальных лиц, так и общественных деятелей. Необходимо также указать, что в целом отношение А. Н. Котельникова к действиям властей по подготовке и проведению переписи населения 1897 г. было крайне негативным, и не безосновательно: за цикл своих статей критического содержания в адрес организаторов этого статистического мероприятия он был отстранен от работы в ЦСК.

В отношении Крымского полуострова подобных исследований не проводилось вообще, известны лишь небольшие публикации, отражающие отдельные аспекты или дискуссионные вопросы о национальном составе его населения [6; 14; 17]. Несмотря на всплеск интереса к Крыму и его истории после известных событий 2014 г., приведших к включению полуострова в состав Российской Федерации, подготовка и организация всероссийской переписи населения 1897 г. в Таврической губернии пока не получила должного освещения. Известно лишь, что ее проведение было сопряжено с большими сложностями для властных структур всех уровней. И, несмотря на настоятельные рекомендации отечественных статистиков и демографов о проведении очередного обследования, эта перепись населения так и осталась единственной всеобщей в Российской империи [4].

Основу настоящего исследования составили документы Российского государственного исторического архива (далее РГИА). К сожалению, в Государственном архиве Республики Крым (далее ГАРК) фонды дореволюционных статистических

учреждений сохранились не в полном объеме, поэтому выступают как вспомогательные материалы.

Как известно, в производстве социально-демографической переписи можно выделить несколько последовательных этапов: подготовка обследования, проведение самого статистического мероприятия и публикация результатов [7]. И если началом подготовительного этапа в переписи 1897 г. принято считать 5 июня 1895 года[1], то ее история началась значительно раньше, с середины XIX столетия [2; 16]. С отменой в России крепостного права стала очевидной несостоятельность ревизских форм учета населения: данные собирались с фискальными целями, поэтому учету в основном подлежали податные сословия; проводились нерегулярно, собираемые сведения не содержали демографических характеристик кроме возраста и т.д. Эти и другие недостатки ставили под сомнение точность данных о населении Российской империи, о чем неоднократно сообщали отечественные статистики того времени [11; 5; 9]. Вскоре к статистикам присоединились военные: к 1870-м гг. данные X ревизии, состоявшейся во второй половине 1850-х гг., устарели; к тому же в них не попали сведения о родившихся после проведения ревизии. Эти обстоятельства вместе с отсутствием актуальных данных о населении угрожали срывом комплектования регулярной армии, основанной на рекрутских наборах. Поэтому в ходе военных реформ 1870-х гг. было принято решение о подготовке проекта всеобщей переписи населения, автором которого стал глава ЦСК П. П. Семенов. Аналогичный проект в виде «одиннадцатой народной переписи» в авторстве А. Б. Бушена готовило и министерство финансов. Эти проекты в 1876 г. были представлены на рассмотрение в Государственный Совет, но приняты так и не были в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Потом вопрос о проведении всероссийской переписи был поднят после известной московской переписи 1882 г., давшей богатый материал о населении и состоянии городского хозяйства[2]. Д. А. Толстой, министр внутренних дел, предложил распространить имеющийся опыт переписи Москвы на всю страну. Но и на этот раз рассмотрение проекта было отложено «ввиду многих соображений», в основном из-за финансов и «затруднительного положения Государственного казначейства» [13].

Вновь к вопросу о проведении всеобщей переписи населения правительство вернулось в начале 1890-х гг. в связи с разразившимся в центральных губерниях России голодом: власти не имели точных данных о населении страны в целом, о количестве пострадавших и умерших. Необходимость всероссийского народоисчисления была признана окончательно, поэтому возникло предложение вновь рассмотреть проект о всеобщей переписи. Статистический совет при МВД дополнил и отредактировал име-

[1] 5 июня 1895 года Николай II своей резолюцией утвердил «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи».

[2] Активным участником Московской переписи 1882 года был Л. Н. Толстой. Он является автором статьи «О переписи в Москве», опубликованной в «Современных известиях» (1882. № 19. 20 января) и вызвавшей широкий общественный резонанс.

ющуюся документацию. 11 марта 1895 г. обновленный проект вызвал одобрение членов Государственного Совета. Именно этот документ был утвержден императором 5 июня 1895 г. как «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» (далее «Положение…»). Норматив четко определял основы и механизм будущего народоисчисления и состоял из 43-х статей, включенных в три раздела: 1. Общие положения; 2. Учреждения и лица, заведовавшие переписью; 3. Порядок производства переписи [13].

Главные моменты, положенные в основу предстоящей всенародной переписи Российской империи, заключались в следующем: «перепись проводится на всей территории Российской империи; приводит сведения о каждом лице; проводится однодневно 28 января 1897 г.». Единицей наблюдения было хозяйство, на которое и составлялся переписной лист, содержащий 14 вопросов. Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых, место рождения, вероисповедание, родной язык, грамотность и занятие. Было повсеместно объявлено, что перепись «не будет служить поводом ни для каких новых налогов или повинностей», а цель ее – «познакомиться с населением и изучать его», а также «составить точные понятия о самых различных условиях народной жизни»[3].

Крымский полуостров в конце XIX столетия был очень неоднородным в административном отношении. Здесь располагалось большинство уездов Таврической губернии (пять из восьми: Перекопский, Евпаторийский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский – *Н.Б.*) и два градоначальства – Севастопольское и Керчь-Еникальское [1]. Территориально градоначальства входили в состав Таврической губернии, но административно были самостоятельны: градоначальники подчинялись напрямую министру внутренних дел, в каждом градоначальстве были собственные органы управления, отличные от губернских, в том числе и статистические. Известно, что на территории Крымского полуострова действовали три независимых друг от друга статистических комитета: Таврический губернский, Керченский городской и Севастопольский городской [ГАРК. Ф. 39, 286]. Эта особенность сыграла свою роль при подготовке и проведении первой всероссийской переписи населения 1897 г.: если в типичной губернии Российской империи функционировала одна региональная переписная комиссия, то на полуострове их было три – собственно в губернии и в градоначальствах[4]. Сборник итоговых материалов переписи 1897 г., тем не менее, построен по территориальному принципу: в него вошли статистические данные по всем восьми уездам Таврической губернии (включая «материковые» уезды: Бердянский, Днепровский, Мелитопольский – *Н.Б.*) и двум градоначальствам.

Весь механизм подготовки и производства переписи был основан на деятельности временных переписных комиссий. Как следует из архивных материалов, их

[3] Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи // Правительственный вестник. 1895. 25 июля.

[4] «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» декларировало создание «особых» переписных комиссий в Петербурге, Москве, Варшаве, Николаеве, Кронштадте, Одессе, Севастополе и Керчи.

образование, состав, права и обязанности были продуманы довольно тщательно. В Санкт-Петербурге была организована Главная переписная комиссия под руководством министра внутренних дел и лиц, назначенных императором для «общего руководства делом переписи», которая работала в период с 18 ноября 1895 г. по 30 мая 1897 г. [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 193].

В условиях имперской России с ее громоздким бюрократическим аппаратом подготовка предстоящей переписи оказалась нелегким делом. А. Н. Котельников как непосредственный участник описываемых событий отмечал, что «все те особенности нашего Отечества, которые делают в высшей степени настоятельной потребность в точных и полных сведениях, являются вместе с тем условиями, весьма неблагоприятными для осуществления у нас каких бы то ни было статистических операций. <…> Обширность нашей страны, разнообразие ее географических и экономических условий, слабую ее заселенность, отсутствие удовлетворительных путей сообщения, крайнюю пестроту в этнографическом составе населения, низкий уровень народного развития, ничтожность процента грамотных, предубеждение масс народа против собирания всякого рода данных и пр., <…> это трудно устранимые препятствия, на какие может натолкнуться будущая всенародная перепись». Он же указывал, что приступать к производству переписи без предварительной подготовки населения «весьма рискованно, пока нет низшей регистратурной единицы, нет знакомства с многоразличными условиями нашего обширного Отечества» [10, с. 12–13].

Не только директор ЦСК Н. А. Тройницкий, впоследствии управляющий делами Главной переписной комиссии, но и многие представители властных кругов и научной общественности прекрасно понимали грандиозность задач и масштаб предстоящих статистических работ [3]. На места был разослан «Циркуляр № 697» Главной переписной комиссии от 31 августа 1896 г. с инструкциями для губернаторов по образованию губернских (областных) и уездных (окружных) переписных комиссий. Согласно ему, в каждой административной единице Российской империи к осени 1896 г. должна была начать свою работу региональная переписная комиссия, в обязанности которой входило создание и координация деятельности городских/уездных переписных комиссий (с расчетом на 10–20 тыс. жителей). Затем территорию этих укрупненных единиц делили на более мелкие переписные и «счетные» участки, а также набирали штат «счетчиков» для непосредственного производства переписи. Председателями губернских комиссий назначались главы регионов, членами являлись практически все высшие чиновники на местах: вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий казенной палатой, председатель губернской земской управы, представитель военного ведомства и пр. Состав особых переписных комиссий определялся представителями местной администрации, самоуправления, а также другими лицами, имеющими опыт в статистических операциях.

Главная переписная комиссия сразу столкнулась с немалыми трудностями при разработке программы переписи, переписных бланков и инструктивных материалов. Передовица петербургской ежедневной газеты «Правительственный вестник»

в августе 1896 г. сообщала по этому поводу: «Многомиллионное население России, слишком разнообразное в этнографическом, бытовом, культурном и хозяйственном отношениях, не может быть зарегистрировано и описано по одному общему переписному листу. Вследствие этого Главной переписной комиссии пришлось разделить население России на несколько отличных между собой частей и для каждой из них выработать отдельные переписные бланки»[5].

Из всего населения изначально были выделены сельские жители. Для регистрации этой части служил переписной лист формы А. Городские жители составляли отдельную переписную группу и должны были заноситься в переписные листы формы В. Все остальные, кроме горожан и принадлежащих к составу сельских сообществ, регистрировались в переписные листы формы Б. Особую переписную группу составляло «инородческое население», которое регистрировалось в переписные листы особой формы. Хотя «Положение…» распространялось на всю империю, но в губерниях с «инородческим населением» оно применялось с «отступлениями, указываемыми министром внутренних дел». В Таврической губернии и градоначальствах Крымского полуострова были получены специальные «Вопросные листы для инородческих наречий». В инструкции Главная переписная комиссия рекомендовала заведующим переписными участками, на территории которых располагались «инородческие селения, аулы или кочевья», заполнить по одному листу для каждой народности. «Переписной лист для инородческих наречий» помимо сведений о губернии (области), уезде (округе), названии аула (кочевья, селенья) включал единственный вопрос: «Как переводятся на местное наречие нижеследующие слова и фразы?» Для ответов предлагались некоторые имена числительные (от 1 до 21, а также 100, 200, 1000 и др.); имена прилагательные (хороший, молодой, богатый, большой, красный и др., всего 15); имена существительные (отец, мать, солнце, день, месяц, голова, рука и др., всего 36); глаголы (слушаю, говорю, есть, лежать и др., всего 13); отдельные фразы (как тебя зовут? что тебе нужно? что ты хочешь? и др., всего 18).

Из материалов РГИА следует, что к делу подготовки первой всеобщей переписи населения в Крыму подошли достаточно ответственно. 18 ноября 1895 г. был разослан циркуляр Таврического губернатора П. М. Лазарева на имя уездных предводителей дворянства, городских голов, председателей уездных земских управ, где были обозначены цели предстоящего народоисчисления: «В день 5 июня 1895 г. воспоследовало Высочайшее утверждение Положения о первой всеобщей переписи населения Российской империи. Правительство в попечении своем о благе населения, стремясь путем разумных и целесообразных мер способствовать духовному и экономическому развитию благосостояния народа, непрестанно следит за всесторонним развитием во всех его проявлениях. Для правильного и сознательного суждения обо всем этом правительству необходимы верные фактически данные, для получения коих предпри-

[5] Приготовление ко всеобщей переписи населения // Правительственный вестник. 1896. № 188. 27 августа.

нимаются различные статистические исследования, главнейшим из коих представляется, конечно, собрание сведений о численности населения, его составе и местном распределении» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 5–5 об.].

Керченский градоначальник генерал-лейтенант М. Е. Колтовский 18 сентября 1895 г. «для распространения правильного понятия о значении государственной важности первой всеобщей переписи Российской империи» обратился «ко всем местным правительственным и общественным учреждениям, духовенству православного и иноверных исповеданий и вообще к лицам, имеющим постоянные сношения с населением с препровождением экземпляров Высочайше утвержденного 5 июня 1895 г. положения и переписи и брошюр о предстоящей первой всеобщей переписи населения Российской империи» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 3].

Севастопольский градоначальник и глава Севастопольского порта контр-адмирал К. Р. Вальронд в газете «Крымский вестник» дал разъяснения о предстоящей переписи: «Во избежание возможности неверного толкования причин этой переписи я считаю нужным объявить населению Севастополя и Севастопольского градоначальства, что главная и единственная цель этой переписи есть желание правительства привести в точную известность все вообще население обширной Русской земли, не исключая инородцев и иностранцев и как мужского, женского пола, так равно и детей – при чем перепись эта не имеет никакого отношения ни к каким решительно вопросам о налогах и податях, а потому все сословия приглашаются отнестись к делу переписи с полным доверием, сообщая счетчикам требуемые ими сведения как о себе, так и о членах своей семьи» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 231. Л. 13].

В Крыму, где издавна совместно и компактно проживало многонациональное население: крымские татары, греки, турки, евреи, цыгане, итальянцы и т.д., проведение переписи было особо затруднительно из-за «малограмотности, безграмотности и разноплеменности населения». Еще на этапе подготовки переписи губернатор П. М. Лазарев в своем циркуляре на имя начальников полиций Таврической губернии предписывал проверить имеющийся в губернии «список племен и народностей», дополнить его сведениями о «численности каждого отдельного племени (особо мужчин и женщин), местах его жительства и списки его поселений», а также внести предложения «на какие именно наречия должны быть сделаны переводы заголовков и текста переписных листов» и «на какое число душ следует заготовить листы с каждым переводом» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 9].

23 декабря 1896 г. он обратился к М. М. Кипчакскому, Таврическому муфтию, «с покорнейшей просьбой сделать <…> распоряжения, чтобы муллы как при собрании татар в мечети, так и в частной жизни старались бы уяснить им действительную цель и задачи предстоящей переписи». Для облегчения этой задачи губернатор сообщал, что еще в октябре 1896 г. была разослана «в крымские уезды собственно для татарского населения брошюра на татарском языке, объясняющая в популярном изложении цель и значение предстоящей переписи» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 59–59 об.]. Тем не менее, в отчете о деятельности Керчь-Еникальской особой

переписной комиссии особо подчеркивалось, что перепись многонационального населения Крыма была очень трудоемким делом: «счетчики должны были заполнять переписные листы сами все безусловно и при том во многих случаях с помощью переводчика» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 50].

Усилиями Главной переписной комиссии были также разработаны инструктивные материалы для низовых переписных органов («Наставления» для городских и сельских счетчиков и др.), а руководством к действию стал циркуляр «Конечные сроки, установленные Положением, инструкциями и др. правилами для действия местных учреждений» в табличном виде, содержащие графы «Работы по переписи и их основание» и «Сроки исполнения работ в городах/уездах» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 78–79]. Известно, что в установленные инструкциями сроки – до 10 октября 1896 года – в Крыму были образованы: Таврическая губернская переписная комиссия, Керчь-Еникальская и Севастопольская особые переписные комиссии.

Сохранились сведения о персоналиях, входивших в эти переписные комиссии. В частности, в состав Таврической губернской переписной комиссии под председательством губернатора П. М. Лазарева вошли: вице-губернатор Н. Д. Истинской, председатель губернской земской управы П. И. Щастливцев, непременные члены губернского присутствия Б. П. Цихановецкий, Н. Б. Чабовский и Ф. И. Лиханов, управляющий Казенной палатой С. Н. Цвет, секретарь губернского статистического комитета А. М. Терлецкий и другие чиновники [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Л. 52].

Керчь-Еникальская особая переписная комиссия вначале была организована под председательством Керчь-Еникальского градоначальника генерал-лейтенанта М. Е. Колтовского, позже, «за болезнью, а затем и за смертью Колтовского до вступления в должность градоначальника, капитана 1-го ранга Модеста Дмитриевича Клокачева должность эту исправлял и в комиссии председательствовал начальник Керченского карантинного округа Александр Ильич Васильев». Комиссия состояла из следующих лиц: «1. Полицмейстера, подполковника Митрофана Федоровича Томпофольского; 2. от военного ведомства подполковник Евпаторийского резервного батальона Леонида Федоровича Кондратьева, после смерти последнего – Василия Павловича Мокренского; 3. секретаря статистического комитета правителя канцелярии градоначальника Николая Ивановича Парвицкого; 4. Городского головы Михаила Ивановича Кумпана; 5. Гласного городской думы Юлия Ивановича Томазини; 6. Податного инспектора Владимира Яковлевича Радомского; 7. Врача Керчь-Еникальского градоначальства Викентия Никодимовича Кржечковского; Делопроизводство Переписной комиссии возложено на члена комиссии Н.И. Парвицкого» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 2 об.–5].

В состав Севастопольской особой переписной комиссии под председательством Севастопольского градоначальника контр-адмирал К. Р. Вальронда вошли: «Полицмейстер Севастопольского градоначальства статский советник Матвеев; Полковник 50 пехотного Белостокского полка Каменский; Особый чиновник по статистической части при Севастопольском градоначальнике коллежский советник Лишин;

Севастопольский городской голова Дехтерев; Гласный Севастопольской городской думы Гавалов; Балаклавский городской староста Гинали; Уполномоченный от Балаклавы Беньковский; Севастопольский санитарный врач Мельников. Делопроизводство было возложено на Лишина» [РГИА. Ф. 1290. Оп.10. Д. 231. Л. 14].

Для установления тесной связи Главной переписной комиссии с местными комиссиями и для объединения деятельности последних были созданы особые должности «уполномоченных по переписи». Они имели право участвовать в заседаниях местных переписных комиссий всех уровней и давать им надлежащие разъяснения и необходимые указания. С этой целью Российская империя была разделена на 27 регионов, нередко в ведении одного уполномоченного находилось несколько губерний. Например, Я. А. Плющевский-Плющик в этом отношении курировал Тверскую, Ярославскую и Костромскую губернии [15]. А. Н. Котельников привел именной состав этих должностных лиц: «М. В. Глинка, Д. В. Хартулари, Н. М. Морозов, П. А. Рауш фон Траубенберг, Я. А. Плющевский-Плющик, И. О. Фесенко, Н. Н. Колошин, П. В. Неклюдов, В. Г. Быховец, И. А. Звегинцев, И. Ф. Борковский, И. И. Бок, П. Н. Исаков, К. С. Шидловский, Вергопуло, А. В. Григорьев, ген.-лейтенант С. И. Толстой, А. И. Чайковский, В. И. Солдатенков, И. К. Ренар, А. В. Дубровский» и отметил, что хоть все вышеназванные были «в чине не ниже статского советника», но для большинства из них «перепись была совершенно новым и совершенно темным делом» [10, с. 29].

Известно, что «командированным по Высочайшему повелению для объединения действий местных переписных учреждений и разъяснения недоразумений, могущих встретиться при производстве переписи» в Таврическую губернию был назначен тайный советник Д. В. Хартулари. Он лично присутствовал на первом заседании Севастопольской особой переписной комиссии 9 октября 1896 г., где доложил о порядке производства первой всеобщей переписи населения Российской империи [РГИА. Ф. 1290. Д. 231. Л. 14].

Сразу после начала своей деятельности переписные комиссии Крымского полуострова приступили к разделению вверенных им территорий на переписные и счетные участки. Из журнала заседаний Таврической губернской переписной комиссии от 30 ноября 1896 г. следует, что в губернии были созданы одна городская и восемь уездных переписных комиссий; последние, в свою очередь, делились на 18 городских и 38 уездных переписных участков. На финансирование их деятельности из государственной казны было выделено:

«На 38 переписных участков в уездах (по 75 руб. каждому заведующему) – 2850 руб.
На 18 переписных участков в городах (по 40 руб. каждому заведующему) – 720 руб.
ИТОГО на расходы заведующих переписными участками 3570 руб.
На вознаграждение 535 сельских счетчиков (по 12 руб. каждому) – 6420 руб.
На вознаграждение 255 городских счетчиков (по 7 руб. каждому) – 1785 руб.
ИТОГО на вознаграждение счетчиков 8205 руб.
ИТОГО по этим двум статьям 11775 руб.» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 40 об.].

Отчетные материалы о деятельности уездных переписных комиссий Таврической губернии не сохранились ни в ГАРК, ни в РГИА, но подробные сведения о переписных участках и их заведующих имеются по градоначальствам Крымского полуострова. Из протоколов заседаний Керчь-Еникальской особой переписной комиссии следует, что градоначальство было разделено на три переписных участка и избраны заведующими: «1 участок с населением 17509 душ податный инспектор В. Я. Радомский <…>; 2 участок с населением в 10691 жителей отставной подполковник Орест Платонович Крестьянов и 3 участок с населением в 11173 жителя директор Керченского музея древностей Карл Евгеньевич Думберг». В связи с большой загруженностью по своему основному месту работы В. Я. Радомский «заменен был врачом Керченского карантинного округа Домеником Йозефовичем Домашевичем, с особым удовольствием изъявившим на это желание». Одновременно избрали и кандидатов: «По первому переписному участку: учитель Керченской Александровской гимназии Хрисанф Хрисанфович Зенкевич, по 2-му переписному участку надворный советник Александр Лукьянович Кудрицкий и учитель мореходного класса Сергей Иванович Шепель и по 3-му инспектор классов Керченского кушниковского девичьего института Елисей Киприанович Трегубов и учитель Керченской Александровской гимназии Валентин Иванович Ковальский». Керченская крепость была выделена в особый переписной участок. Заведование им было поручено военному инженеру полковнику Евгению Андреевичу Перекрестову [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 5 об., 7].

Из протокола № 2 от 28 октября 1896 г. Севастопольской особой переписной комиссии известно, что градоначальство было разделено на шесть переписных участков: «1 участок – собственно город Севастополь; 2 – Артиллерийская слободка; 3 – Корабельная сторона; 4 – Балаклава с предместьем Кадыкой; 5 – деревни Комары, Карань, Алсу и все поселения Новой земли; 6 – все поселения Северной стороны».

Утверждены были и их заведующие: «Семен Христофорович Гавалов, севастопольский купец; Николай Егорович Мунтян, коллежский советник, служащий канцелярии градоначальника; Николай Михайлович Пиатухович, врач Корабельной стороны; Спиридон Константинович Гинали, Балаклавский городской староста; Терентий Николаевич Боговдеев, канцелярия крепостной артиллерии; Александр Михайлович Сериго, учитель Петро-Павловскй церковно-приходской школы». Позже, в ноябре 1896 года, в Севастопольской крепости был создан переписной участок № 7 (крепостной), заведовал которым подполковник Севастопольской крепостной артиллерии Н. П. Лосский [РГИА. Ф. 1290. Д. 231. Л. 52, 54].

В градоначальствах особое внимание уделили подготовке переписи в морских портах. Из Керчи сообщали, что «на основании порядка производства переписи на коммерческих судах, стоящих на рейдах и в морских портах, сделано сношение с местным портовым начальством», которое также было снабжено «экземплярами означенного порядка для руководства и исполнения». Также было «сделано сношение со всеми местными агентствами и судовладельцами об оказании переписно-

му персоналу во всех его действиях по производству переписи на судах, стоящих на рейде и в портах надлежащего содействия» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 7 об.–8]. Помимо всевозможных инструкций членами переписных комиссий всех уровней были внимательно изучены разъяснения Главной переписной комиссии по различным вопросам, «могущим вызвать затруднения»: например, каковы должны быть границы переписных участков, можно ли счетчикам вести записи в переписных листах карандашом, положено ли квартирное и суточное довольствие членам комиссий, находящихся в командировке по долгу их службы и т.п.

Для придания делу Первой всеобщей переписи населения Российской империи поистине государственного масштаба указом императора была утверждена специальная медаль для счетчиков. Медалью «За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897» награждались счетчики, бесплатно выполняющие свои обязанности и переписавшие не менее 500 человек. По мнению многих заведующих переписными участками, это обстоятельство сыграло свою положительную роль в производстве переписи. Например, в Керчь-Еникальском градоначальстве «счетчиков платных было 25, а бесплатных 55», потому что «чувство патриотизма с одной стороны и Всемилостивейшее соизволение на вознаграждение медалью с другой стороны привлекло большинство бесплатных счетчиков из лучших интеллигентных лиц, вполне соответствующих сему призванию» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 52]. Из Севастопольского градоначальства в Главную переписную комиссию обратились с просьбой «помимо бесплатных счетчиков наградить медалями следующих лиц:

Коста Николай Афанасьевич сын купца, Рахимов Юссуф Исмаилов крестьянин. Ознакомили татарское, греческое, турецкое и армянское население 1 и 2-го переписных участков с положением о переписи, разъясняли цель переписи, служили переводчиками.

Уфимцева Лидия Александровна, вдова. Лично руководила разборкой и приведением в систему и окончательной поверкой переписного материала, поступавшего в комиссию.

Добросердов Петр Иванович, сын священника. Помогал зав. 3-м переписным участком при проверке работы счетчиков и руководил работами счетчиков в особо густонаселенных районах.

Белоусов Илья Михайлович, надворный советник, Турчанинов Евгений Яковлевич, коллежский секретарь. Помогали тем счетчикам, чьи участки оказались слишком многочисленными. Исполняли разные поручения заведующих переписными участками, помогали в проверке поступавшего от счетчиков переписного материала» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 231. Л. 56].

Согласно уже упоминавшемуся особому циркуляру «Конечные сроки, установленные Положением, инструкциями и другими правилами для действий местных учреждений», все подготовительные работы в местных переписных комиссиях по проведению переписи должны были быть закончены к 28 ноября 1896 года. К ним относились следующие: «разделить переписные участки на счетные; заведующим

переписными участками найти счетчиков; разъяснить счетчикам, должностным лицам волостного и сельского управлений их обязанности по предстоящей переписи; тщательно проверить списки всех населенных пунктов; произвести пробную перепись в некоторых селениях или домах и убедиться в правильности выполнения счетчиками своей работы» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 236. Л. 78–79].

Из текстов отчетов Таврической губернской переписной комиссии и особых переписных комиссий градоначальств следует, что в Крыму все «приготовления к производству переписи» были завершены точно в срок и проведены в полном объеме. Отмечено, что «население относилось к переписи весьма сочувственно. Почти все местные правительственные и общественные учреждения оказывали возможное содействие <…> Полицейские чины оказывали в переписи большие услуги: они составили сведения о населенных местах с указанием числа дворов, домов, квартир и числа жителей обоего пола <…> Полицейские чины предупреждали жителей оказывать счетчикам содействие, дать им свободный доступ во дворы и квартиры и устранять все препятствия во время переписи, например, держать на цепи дворовых собак, иметь звонки, а где их нет держать калитку или ворота незапертыми» [РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 185. Л. 53].

Можно констатировать, что основная теоретическая подготовка переписи проходила на центральном уровне: была разработана научная программа, многочисленные нормативные и технические документы, инструктивные материалы и др., осуществлялось взаимодействие Главной переписной комиссии с нижестоящими переписными органами и отдельными ведомствами. На местах успешно были осуществлены практические работы: созданы местные переписные комиссии, обучены и проинструктированы переписчики, проведена разъяснительная работа с населением, осуществлены пробные обследования накануне переписи и др. Поэтому, несмотря на всю трудоемкость подготовительного этапа, производство самой переписи 28 января 1897 г. в Крыму не вызвало никаких затруднений, о чем свидетельствуют отчеты Таврической губернской переписной комиссии и особых комиссий Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999.
2. Борщик Н.Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: история подготовки и проведения в Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004.
3. Борщик Н.Д. Первая всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 3 (9). С. 45–53.
4. Борщик Н.Д. Из истории подготовки Второй всероссийской переписи населения (1908–1916 гг.) // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 54–69.
5. Бушен А.Б. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и КОМП, 1864.
6. Водарский Я.Е. Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX вв.: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003.
7. Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран: Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936.
8. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
9. Каблуков Н.А. Статистика: Теория и методы статистики. Основные моменты в истории ее развития. Краткий очерк статистики народонаселения. М.: [Т/д Г.А. Леман и П.С. Филиппов], 1918.
10. Котельников А.Н. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.
11. Кеппен П.И. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857.
12. Курчатова Т.Т. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области: Историко-демографический аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук. Якутск: Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), 2002.
13. Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России. СПб.; Тип. В. Безобразова и КОМП, 1890. 160 с. (Временник ЦСК МВД. № 16).
14. Петроградская А.С. Особенности расселения крымских татар, по данным всеобщих переписей XIX–XXI вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2007. Т. 20 (59), № 2. С. 148–157.
15. Плющевский-Плющик Я.А. Суждения и толки народа об однодневной переписи 28-го января 1897 года. Материалы для истории первой всеобщей переписи народонаселения. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898.
16. Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.
17. Старченко Р.А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Вестник Костромского университета. 2013. № 6 (19). С. 38–41.

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniia v Krymu. 1783–1998 gg. Spravochnik* [Administrative-territorial transformations in the Crimea. 1783–1998. Directory]. Simferopol, Tavriia-Plius Publ., 1999.
2. Borshchik N.D. *Pervaia Vserossiiskaia perepis' naseleniia 1897 g.: istoriia podgotovki i provedeniia v Kurskoi gubernii* [The first All-Russian population census of 1897: the history of preparation and conduct in the Kursk province]. Kursk, Kursk State University Publ., 2004.

3. Borshchik N.D. The first all-russian population census of 1897. Record keeping and document management. *Vestnik RGGU. Seriia «Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost'»* [RGGU Bulletin. Series: Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security], 2017, No. 3 (9), pp. 45–53.
4. Borshchik N.D. From the History of the Preparation for the Second All-Russian Census (1908–1916). *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical Bulletin], 2018, No. 2 (56), pp. 54–69.
5. Bushen A.B. *Ob ustroistve istochnikov statistiki naseleniia v Rossii* [About the structure of sources of population statistics in Russia]. St Petersburg, Bezobrazov & Co. Publ., 1864.
6. Vodarskii Ia.E. Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vv.: chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav* [Population of the Crimea at the end of the 18th – the end of the 20th centuries: number, location, ethnic composition]. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2003.
7. Gozulov A.I. *Perepisi naseleniia SSSR i kapitalisticheskikh stran: Opyt istoriko-metodologicheskoi kharakteristiki proizvodstva perepisei naseleniia* [Population censuses of the USSR and capitalist countries: Experience of historical and methodological characteristics of the production of population censuses]. Moscow, Gosplan USSR Publ., 1936.
8. Zhiromskaia V.B., Kiselev I.N., Poliakov Iu.A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda* [Half a century classified as "secret": All-Union population census of 1937]. Moscow, Nauka Publ., 1996.
9. Kablukov N.A. *Statistika: Teoriia i metody statistiki. Osnovnye momenty v istorii ee razvitiia. Kratkii ocherk statistiki narodonaseleniia* [Statistics: Theory and methods of statistics. Key moments in the history of its development. A Brief Outline of Population Statistics]. Moscow, Leman & Filippov Publ., 1918.
10. Kotel'nikov A.N. *Istoriia proizvodstva i razrabotki Vseobshchei perepisi naseleniia 28 ianvaria 1897 g.* [History of production and development of the General Census on January 28, 1897]. St Petersburg, 1909.
11. Keppen P.I. *Deviataia reviziia: Issledovanie o chisle zhitelei v Rossii v 1851 g.* [Ninth revision: Study on the number of inhabitants in Russia in 1851]. St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1857.
12. Kurchatova T.T. *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. v Iakutskoi oblasti: Istoriko-demograficheskii aspekt* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897 in the Yakutsk region: Historical and demographic aspect]. Abstract of kandidat. diss. Iakutsk, 2002.
13. *Ocherk razvitiia voprosa o vseobshchei narodnoi perepisi v Rossii* [Essay on the development of the issue of the general national census in Russia]. St Petersburg, Bezobrazov & Co. Publ., 1890, 160 p.
14. Petrogradskaia A.S. Features of the settlement of the Crimean Tatars, according to the general censuses of the 19th–21st centuries. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific notes of the Vernadsky Taurida National University], 2007, T. 20 (59), No. 2, pp. 148–157.
15. Pliushchevskii-Pliushchik Ia.A. *Suzhdeniia i tolki naroda ob odnodnevnoi perepisi 28-go ianvaria 1897 goda. Materialy dlia istorii pervoi vseobshchei perepisi narodonaseleniia* [Judgments and talk of the people about the one-day census on January 28, 1897. Materials for the history of the first universal census]. St Petersburg, Suvorina Publ., 1898.
16. Safronov A.A. *Gramotnost' naseleniia Urala v kontse XIX v.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Pervoi vseobshchei perepisi naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g.* [Literacy of the population of the Urals at the end of the 19th century: a source study of the materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2011.
17. Starchenko R.A. Dynamics of the Number and Settlement of Crimean Russians in the 18th - 19th Centuries. *Vestnik Kostromskogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma University], 2013, No. 6 (19), pp. 38–41.

Информация об авторе

Борщик Н. Д. – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

Author information

Borshchik N. D. – Doctor of Science (History), Professor, Department chair of document science and archive science of Taurian academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.663-684

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАРАИМСКИХ ОБЩИНАХ КРЫМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам ГАРК)

Дмитрий Анатольевич Прохоров
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705

Аннотация. Одними из наиболее информативных свидетельств о прошлом караимских общин Крыма являются документы, относящиеся к проблеме регулирования брачно-семейных отношений в караимской среде. Несмотря на интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, осуществлявшуюся российскими властями, вплоть до второй половины XIX в. внутриобщинные устои и догматы караимской религии оставались по-прежнему незыблемыми. В сфере брачно-семейных отношений караимы руководствовались положениями, сформулированными в трудах караимских религиозных авторитетов средневековья, а также комментариями к этим сочинениям авторов Нового времени. За точностью отправления конфессиональных обрядов, соблюдением религиозных канонов и норм семейного права тщательно следило караимское духовенство. В статье предпринят анализ частноправовых документов – караимских брачных договоров *шетаров*, заключённых между представителями караимских общин Российской империи, а также сопутствующих материалов, сопровождавших процесс документирования брачно-семейных отношений караимов. В частности, рассмотрены особенности их оформления, структура, а также основные тенденции, повлиявшие на трансформацию их содержания, способов изготовления и внешнего вида.

***Ключевые слова*:** Крым, караимы, брачно-семейные отношения, акты гражданского состояния, шетары

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

THE EVOLUTION OF THE DOCUMENTS CONCERNING THE MATRIMONIAL RELATIONS IN THE KARAITE COMMUNITIES IN THE CRIMEA IN THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES (According to the Materials Residing in the State Archive of the Republic of the Crimea)

Dmitry A. Prokhorov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705

© Прохоров Д.А., 2022

Abstract. One of the most informative accounts of the past of the Karaite communities in the Crimea are the documents related to the regulation of marriage and family relations among the Karaites. Although the Russian authorities integrated the Karaites into the Russian linguistic and cultural space, the communal norms and tenets of the Karaite religion remained unchanged to the second half of the nineteenth century. In the sphere of matrimonial relations, the Karaites were guided by the teachings formulated in the works of the Karaite religious authorities of the Middle Ages and the commentaries to these works by authors from the Modern Period. The Karaite clergy carefully monitored the accuracy of religious rites, the observance of religious canons and the norms of family law. This article examines private legal documents, or Karaite marriage contracts *shetar*, signed between the representatives of Karaite communities of the Russian Empire, as well as the accompanying materials, which accompanied the process of documenting marital and family relations of the Karaites. Particularly, the author has analysed the peculiarities of their design and structure, as well as the main trends that influenced the transformation of their content, production, and appearance.

***Keywords*:** Crimea, Karaites, matrimonial relations, civil status act, *shetar*

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Основной характеристикой караимского вероучения является почитание Ветхого Завета (Танаха), как единственного и прямого источника религиозной истины. Многие вопросы брачно-семейных отношений регулировались в соответствии с Пятикнижием Моисеевым (Исх 22:16–17; Втор 22:13–21, 28–29). Помимо этого, в ритуальной догматике применялись произведения караимских авторов средневековья и Нового времени. Одним из первых трактатов на тему о браке и семье в караимской религиозной традиции стало сочинение «Сефэр Ган-Эден» («Райская книга»; 1353 г.) караимского учёного, философа, юриста и литургического поэта средневековья Аарона II Никомидийского (и, в частности, раздел этого труда под названием «Седер Нашим» – «О браке и разводе», Гл. 4). В догматическом сочинении караимского автора XV в. Эльягу Башиячи «Сефер га-мичвот га-никра Аддерет Эльягу» – «Книга заповедей, называемая Аддерет Эльягу» (или «Плащ Илии» – «объяснение Моисеевых законов и ритуалов»), изданного в Константинополе в 1531 г. и представляющего собой кодекс религиозных, богослужебных, гражданских и уголовных узаконений, приведена общекараимская трёхчастная форма брачного права (в разделе «Седер Нашим»). В 1834 г. этот труд был переиздан в Евпатории, а в 1870 г. – в Одессе. В 1836 г. (по другим сведениям, в 1837 г.) евпаторийская типография напечатала труд Авраама бен Йосефа-Шеломо Луцкого («Абен Яшара») «Иггерет зуг ве-нифрад» («Послание о чете и одиночке», или «Брак и развод»), ставший одним из основополагающих для решения вопросов о браке и разводе у караимов.

Среди наиболее информативных источников по вопросу о брачно-семейных отношениях караимов необходимо назвать *шетары* (с ивр. – «письменное свидетельство», «вексель», «документ», мн. ч. *шетарот*) – частноправовые договоры, квалифицируемые как брачные акты, заключавшиеся между членами караимских общин. В галахическом праве караимов (своде религиозных, семейных и гражданских законов) шетар

является документом, имеющим обязательную юридическую силу, и который подтверждается подписями свидетелей. У приверженцев талмудического иудаизма (евреев-раввинистов и крымчаков) брачный договор именуется *ктуба* (*ктубба, кетуба* – с ивр. «документ»; мн. ч. *ктубот*) и тоже считается неотъемлемой частью традиционного еврейского брака.

Как правило, караимский шетар состоял их трёх частей (их выделяют специалисты, изучающие данную проблематику). В первой части текста документа (собственно, «*шетар-тенай*», или «брачный договор» – *«ниссуин»*) передавалось основное содержание брачного договора и перечислялись его фигуранты. Вторая часть, «*шетар-кетуббин*»[1], составляла запись приданого, принесённого в дом жениха невестой. Третья часть брачного договора представляла собой подписи свидетелей, а также традиционные формулировки, характерные для лиц, подписавших брачный договор. Помимо вышеперечисленных частей, имеет смысл выделить и четвёртую часть шетара, являвшуюся введением, обычно начертанным в виде каймы по периметру текста всего документа. Такие надписи, выполненные древнееврейской графикой, обрамляли текст по вертикали, одна – по горизонтали, представляли собой соответствующие моменту цитаты из Танаха и напутствия жениху и невесте.

Общее количество шетаров, хранившихся в 1920-х гг. в караимской национальной библиотеке «Карай Битиклиги» при Таврическом и Одесском караимском духовном правлении (ТОКДП) в Евпатории, изучение которых осуществлялось её хранителем Б. С. Ельяшевичем и заведующей Евпаторийским государственным археолого-этнографическим музеем, членом Таврического Общества археологии, истории и этнографии (ТОИАиЭ) П. Я. Чепуриной, составляло 35 экземпляров (из которых ими классифицировано 32 шетара крымского происхождения, 2 шетара польских караимов, 1 – турецких). Краеведами были исследованы и 28 шетаров из первой коллекции караимского учёного Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874), хранившейся в отделе рукописей Публичной библиотеки Ленинграда (ныне – Российской национальной библиотеки; сама же коллекция составляет более 1500 рукописных книг и документов) [27, с. 181, 183]. Обзор караимских рукописей, находящихся после расформирования «Карай-Битиклиги» в 1929 г. в Ленинградском (ныне – Санкт-Петербургском) отделении Института востоковедения РАН, приведён в работе известного гебраиста и семитолога Л. Я. Медведевой. В частности, ею описаны караимские брачные договоры, каталогизированные в библиотеке отделения в количестве 93 экземпляров, а также хранящиеся там акты обручений и копий актов обручений и разводов [12, с. 92].

Один из разделов Второго собрания А. С. Фирковича (около 17 тыс. единиц хранения, включая личный архив) содержит оригиналы караимских брачных договоров, приобретённых в караимской общине Каира в 1864 г. во время предпринятого им путешествия по Ближнему Востоку. Помимо этого, в коллекции имеется один документ из

[1] «Кетуба» («ктуба», «кетубба», «кетуббин») – букв. «написанное», «документ, договор» – название самой брачной записи в иудейской религиозной традиции; впоследствии это слово употребляется для обозначения части имущества мужчины, данного жене, и отмеченного в брачной записи.

Дамаска, один – из Кырк-Йера (Чуфут-Кале) и один – из Калькутты. Хронологический диапазон указанных документов – с XIII по XIX в. [5; 28, с. 17–47, 228–235].

В настоящее время в фондах Музея истории и этнографии им. С. И. Кушуль при караимских кенасах в Евпатории, а также в библиотеке «Карай-Битиклиги-2» находится 27 шетаров, датируемых периодом с 1767 по 1947 гг. Из них 22 текстуально оформленных шетара и 5 предназначенных для заполнения типографских бланков. В данной коллекции – 14 шетаров разной сохранности, 2 повреждённых фрагмента, 4 копии, 1 копия приданого невесты и 1 калькированная копии орнамента шетара 1787 г. [7, с. 48–58; 25, с. 133; 30, p. 93–108; 31, p. 267–282].

Кроме шетаров, собранных в архивохранилищах, библиотеках, музейных и частных коллекциях Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья (Российской Федерации, Украины, Литвы, Израиля, Великобритании и др.), следует упомянуть о крымских шетарах, находящихся в составе фондов Евпаторийского краеведческого музея. Ранее они составляли часть коллекции, собранной в библиотеке «Карай-Битиклиги», переданной в 1922 г. в Евпаторийский КрымОХРИС, а впоследствии – в Евпаторийский краеведческий музей. Согласно описи, в фондах музея хранится 22 шетара, которые датируются периодом с 1843 по 1919 гг.; различны стили их оформления и степень сохранности. Некоторые из них выполнены вручную газзанами, а часть шетаров напечатана типографским способом на специальных бланках (формулярах): по классификации, предложенной В. А. Ельяшевичем, в фондах музея имеется три рукописных брачных договора с рукописными орнаментальными рисунками (1842, 1856 и 1888 гг.) и 19 типографских шетаров, датированных 1856–1924 гг. [30, p. 94].

Что касается шетаров, отложившихся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК), то на сегодняшний день выявлено 23 экземпляра (в фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» и в фонде 376 «Симферопольский окружной суд»). Все эти документы датируются периодом с 1831 по 1908 гг. Среди них встречаются рукописные шетары с ручной орнаментальной росписью (брачные акты за 1831–1860 гг.), а также экземпляры, напечатанные типографским способом (они датированы 1870–1908 гг.) [30, p. 95]. Необходимо также указать на русскоязычные переводы текстов шетаров, приобщённые к делам фонда 241, которые в разное время ТОКДП рассматривало в связи с различными прошениями членов караимских общин Российской империи.

Ранее автором настоящей статьи были проанализированы некоторые особенности составления и оформления караимских шетаров, а также религиозно-правовые аспекты брачно-семейных отношений и демографическая статистика в караимских общинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. [16–22]. Целью предлагаемой публикации является анализ частноправовых документов – караимских брачных договоров, заключённых между представителями караимских общин Российской империи, а также сопутствующих материалов, сопровождавших процесс документирования брачно-семейных отношений караимов. В частности, рассмотрены особенности их оформления, структура, содержательная часть, а также основные тенденции, повлиявшие на

трансформацию содержания, способов изготовления и внешнего вида документов. Некоторые из выявленных архивных документов вводятся в научный оборот впервые.

В соответствии с караимскими религиозными догматами, лица, вступающие в брак, обязаны были исповедать одну религию – караимскую. Будущие супруги должны достичь совершеннолетия: при этом девушке на момент замужества должно исполниться не менее 16, а мужчине – не менее 18 лет. Также требовалось обоюдное согласие на брак от обоих. В случае отказа мужа от своего вероисповедания жена у караимов считалась свободной и могла повторно вступить в брак – как в том случае, если бы она была вдовой, в то время как у евреев-раввинистов отказ от своего вероисповедания не приводил к разрыву брачных уз [2, с. 61; 29, с. 52].

Перед процедурой заключения брака между молодожёнами составлялся акт помолвки, проходившей как правило в присутствии духовного лица – караимского газзана. В нарративах XIX в. встречаются различные описания добрачных прелиминарий у караимов. Так, например, по сообщению одного из видных представителей крымской армянской общественности XIX в., О. Тэр-Абраамяна, караимский священнослужитель отдавал отцу невесты дар жениха со словами: «Поскольку такому-то юноше понравилась ваша дочь, и он хочет жениться на ней, а вы одобрили его предложение, поэтому по его просьбе вручаю вам это золото, как дар [по случаю предстоящей] его женитьбы» [15, с. 246, 247]. Как свидетельствовал караимский газзан и общественный деятель С. А. Бейм, жених в присутствии гостей и старейшин вручал газзану знаки обручения (*нишан*) в виде золотых монет со словами: «Я сими червонцами обручаюсь на дочери такого-то и поручаю отнести их невесте, а вы, господа, будьте свидетелями» [2, с. 63, 64]. Спустя некоторое время, непосредственно перед обрядом бракосочетания, между женихом и невестой составлялся брачный договор – шетар. Написание текста этого документа происходило в доме невесты и входило в обязанности газзана или шамаша; им же доверяли разрисовывать шетар традиционным орнаментом (в отдельных случаях художественное оформление шетара могло быть поручено и другому лицу, имевшему соответствующие способности).

Брак у караимов считался совершённым при следующих условиях: если жених внёс определённую денежную сумму или драгоценности на эту сумму (подарок жениха невесте) – так называемый *могар*, или *вено* (ценный предмет, вручавшийся женихом невесте или отцу невесты). Могар уплачивался, в соответствии с догматическими правилами, как компенсация за отнятую у отца рабочую силу: «и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли её сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином моим Авраамом» (Быт 24:12); «Если обольстит кто девицу необручённую и переспит с нею, пусть даст ей вено [и возьмёт её] себе в жену; а если отец не согласится [и не захочет] выдать её за него, пусть заплатит [отцу] столько серебра, сколько полагается на вено девицам» (Исх 22:16, 17). С уплатой отцу девушки *вена* (могара) она сама приобретала статус обручённой или невесты. С течением времени могар постепенно начал менять свой первоначальный характер, приближаясь постепенно к *маттану* – то есть дару, поступавшего частью или целиком в пользование невесты [10, стлб. 874].

Брак признавался действительным при осуществлении супружеского сожительства и при наличии брачного договора, куда записывался размер подарка жениха и перечень приданого, принесённого невестой из дома отца. Если же одно из этих трёх условий не выполнялось, то брак считался несостоявшимся или незаконным [1, с. 444; 29, с. 53, 54; 27, с. 181; 7, с. 48–58]. Непосредственно сама церемония бракосочетания, предварявшаяся традиционными караимскими обрядами, совершалась, как правило, после окончания вечернего богослужения в кенасе (любопытно, что уже в начале XX в. среди караимов, заключавших брачные союзы, возросло число тех пар, которые не совершали обряда освящения своего брака в молитвенном доме). Затем из кенасы свадебная процессия отправлялась в дом к жениху или к невесте, где газзаном зачитывался текст брачного акта. Религиозная часть обряда состояла в чтении отрывков из Танаха, подходивших к данному случаю, а также из молитв и благословений в адрес новобрачных [11, с. 65; 8, с. 65].

Что же касается расторжения помолвки или брака, заключённых между караимом и караимкой, то ТОКДП на этот счёт были разработаны соответствующие правила. Во-первых, бракоразводный процесс осуществлялся исключительно в ходе «строгого расследования, произведённого духовенством», причём право на расторжение брака имел не только муж, но и жена. Причиной или же поводом к разводу между супругами и второй женитьбы могли стать такие причины, как: обнаружившаяся в первую брачную ночь нецеломудренность невесты; неверность одного из супругов; болезнь мужа или жены, которая могла привести к невозможности исполнения супружеских обязанностей (например, в том случае, если первая жена «лишается ума или бывает непокорна, постоянно больна или бесплодна»); семейные конфликты; жестокое обращение мужа с женой; отказ мужа от содержания жены, и, наконец, «всё то, что позорит честь и доброе имя семьи» [1, с. 444; 2, с. 61; 9, с. 119]. После расторжения брака разведённой жене вручался особый документ – разводной лист (*гет*), свидетельствовавший о её незамужнем статусе, и подтверждавший право на вступление в новый брак [29, с. 53]. Гет, согласно Танаху – это отвержение мужчиной данной ему в супруги женщины в случае, если он обнаружил определённый ущерб, возникший вследствие брака (нецеломудренность, супружеская измена и другие причины). Женщина, не получившая гет, обычно именовалась *агуна* (то есть «безмужняя жена»): она по-прежнему считалась замужней, но живущей без мужа.

Разводной лист выдавался женщине не ранее чем через 12 месяцев после развода, и в этот период муж не обязан был содержать жену. Для вступления в новый брак разведённый мужчина должен был предоставить постановление ТОКДП и справку от бывшей супруги о полном возврате того имущества или денег, которые ей были положены по закону. Соответствующий пункт специально оговаривался в «Своде гражданских законов Российской империи»: «Приданое жены, равно как имение, приобретённое ею или на её имя во время замужества, через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается её отдельною собственностью» [24, с. 26]. Тем не менее, фактически многие ситуации, связанные с процедурой развода у

караимов, требовали прямого вмешательства караимского духовенства и авторитетных членов общины.

Австрийский император Иосиф II, сопровождавший российскую императрицу Екатерину II во время её путешествия в Крым в 1787 г. и посетивший караимскую общину Чуфут-Кале, в своём письме к фельдмаршалу П. П. Ласси полушутливо замечал: «Я побывал ещё в одном городе близ Бахчисарая: город этот населён исключительно Евреями из секты Караимов; из них одни довольно богатые купцы, а другие занимаются земледелием; своих жён они прячут по примеру Татар. По своему закону они обязаны довольствоваться одною женой, пока она не подурнеет, или пока у неё не попортится зрение; в этих только двух случаях им разрешается жениться на другой. Будь установлен такой закон в Вене, сколько женщин оказалось бы в очках, лишь бы избыть своих мужей» [14, с. 363]. Как полагает Н. И. Храпунов, над австрийским императором в данном случае просто подшутили [26, с. 130]; тем не менее, могло иметь место и неверное толкование слов информанта Иосифа II.

Как правило, ежегодно Таврический губернский статистический комитет (ТГСК, был создан 20 декабря 1834 г.), возглавляемый губернатором, для составления всеподданнейших отчётов осуществлял сбор разнообразных сведений о губернии. Статистические данные о караимском населении регулярно доставлялись в ТГСК (непременным членом которого являлся и Таврический и Одесский караимский гахам), а их сбор осуществлялся караимскими газзанами с последующим представлением необходимых сведений о численности и составе подведомственных им общин. Среди обязательной для сбора информации были такие сведения, как: о численности караимов (с указанием половозрастных признаков), о количестве караимских кенас, молитвенных домов и учебных заведений; о числе браков, о родившихся и умерших караимах (с указанием возрастной дифференциации и половой принадлежности). Тем не менее, в конечном итоге сведения о разводах в общегубернскую статистику не попадали, оставаясь востребованными лишь для внутреннего употребления в рамках деятельности ТОКДП. Информация такого рода отражена в архивных документах и является важным свидетельством о жизни караимов в России.

Среди материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) имеются многочисленные документы, относящиеся к истории брачно-семейных отношений караимов. Наиболее информативными в данном отношении являются такие фонды, как: фонд 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» (2053 ед. хр., 1837–1920 гг.), фонд 376 «Симферопольский окружной суд» (20880 ед. хр., 1869–1920 гг.) и фонд 499 «Евпаторийское караимское общество» (66 ед. хр., 1829–1912 гг.). В них собран значительный массив сведений, непосредственно связанных с рассматриваемой темой. Наибольшее число документов по вопросам брачно-семейных отношений караимов отложилось в фондах 241 и 499, при этом подобных дел в них выявлено несколько десятков. Определённый процент имеющихся в фонде 241 материалов составляют документы, иллюстрирующие проблему разводов, смешанных браков и прозелитизма в караимских общинах, и

поэтому они имеют существенное значение для изучения указанной проблематики.

Так, например, в фонде 499 отложились «Книги актов бракосочетания караимов» (дела №№ 32, 40, опись 1) – в них продублированы тексты шетаров, заключённых между членами евпаторийской караимской общины в период с 1865 по 1875 гг. (язык документов – иврит, караимский). Дела, входящие в состав описи 5 фонда 376 ГАРК, содержат информацию о судебных процессах по гражданским искам, в которых фигурировали караимы (как в качестве истцов, так и в роли ответчиков). Среди документов: «духовные завещания» и материалы по процедуре ввода во владение имуществом; документы о разделе имущества и о продаже его «с торгов»; об утверждении караимов в правах наследования и о признании их юридической дееспособности и т.п. К некоторым делам приобщены уникальные документы, представляющие подлинники караимских брачных договоров, а также их переводы на русский язык. Так, например, в одном из дел фонда был выявлен подлинник караимского шетара, заключённого между известным караимским просветителем Ильёй Ильичом Казасом и его женой Бюбуш Бераховной (урожд. Панпуловой) [ГАРК. Ф. 376. Оп. 5. Д. 3937. Л. 34–36; 16, с. 206–216].

В 1848 г. Таврический и Одесский караимский гахам Симха бен Шеломо Бабович подал на высочайшее рассмотрение проект составленного им брачного устава. В документе сообщалось, что на протяжении всего срока исполнения своих обязанностей гахам «неусыпно старался вникать в существующие в народе догматы, обычаи и заведения, служащие и поспешествующие общественному благоустройству». Разработанный проект должен был, по мнению духовного главы караимов, «послужить значительною пользою для Государства, так и для народа». Его инициатива заключалась в следующем. Для составления и подписания брачных актов С. Бабович предлагал официально использовать гербовую бумагу («для извлечения значительного и постоянного доходу для казны»), в противном случае шетар считался бы недействительным. В самом венчальном акте непременными являлись такие пункты, как: 1) наставление новобрачным, дабы соединяемые священными узами супружества «всегда свято и нерушимо сохраняли» его; 2) церковные наставления, «по исповедуемой ими религии»; 3) обозначенные в тексте венчальный дар жениха невесте и приданое невесты. Затем шетар подписывался новобрачными, их родителями или опекунами, свидетелями (*шошбиним* – шаферами, или «дружками»), а также непосредственно лицом, совершающим акт бракосочетания (газзаном). После завершения данной процедуры шетар должен был вручаться невесте, как неоспоримое доказательство её прав [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 55, 55 об., 147–153].

«Для украшения акта, – продолжал рассуждать С. Бабович, – приличествует изображение двух рыб в знак умножения и расположения, и двух голубей в знак согласия и сердечной любви»[2]. В документе специально отводилось место для ука-

[2] Подобные изображения рыб присутствуют, в частности, на брачном контракте, заключённом членами багдадской еврейской общины, представители которой проживали в Калькутте: Иезекиилем, сыном Эзры, с Марьям, дочерью Моше, в 5611 г. от сотворения мира (1851 г.). Там же на шетаре имеются изо-

зания сословной принадлежности венчающихся и для обозначения цены за гербовую бумагу (при этом её приобретение возлагалось на жениха). По убеждению С. Бабовича, покупка гербовой бумаги для заключения акта не должна была иметь финансовых затруднений у венчающихся, поскольку он считал, что подготовка самой свадьбы требовала гораздо больших затрат (под ними подразумевались «издержки на пиршество у невесты, [плата] священникам, музыкантам и пр.», тем более, что за украшенный лист бумаги для шетара в пользу газзана молодожёны платили не менее двух рублей серебром) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 56].

Что касается преимуществ от подобного нововведения, то С. Бабович был убеждён, что «польза для народа есть очевидная», а именно – такой шетар мог бы способствовать упрощению процедуры бракосочетания, служить напоминанием молодожёнам о святости заключённого союза и стать законным «доказательством во всех случаях – ибо хотя в законах и изложены о том все правила, но не всякий может их понять и помнить, и могут случится затруднения в открытии истины в случае возникших споров между супругами» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–56 об.].

Далее к ходатайству гахама прилагалась и разработанная им же, с использованием традиционных для таких документов формулировок, текстуальная часть шетара. Вот что она собой представляла: «В *N* день недели, в *N* день м[еся]ца *N.* такого-то года от сотворения мира. По эре и счислению, по коему мы считаем здесь в сонме Караимов в полуострове Крыма, в городе *N.* в державе Великого Государя Нашего императора Николая Первого Павловича, да здравствует Он во век! В сей день (такой-то) сын (такого-то) предстал пред старшинами сонма Караимов и объявил им: будьте надо мною свидетелями и примите от меня (по завету) всякие выражения справедливости. Пишите и подпишите то, о чём я говорю пред Вами; я же не есть насильно принуждаем, лишь только чистым сердцем, совершенным ведением и желанием моим признаюсь пред Вами и поставлю Вас свидетелями над собою в том, что избрал я для себя (такую-то) дочь (такого-то). Дева эта долженствует быть мне женою, чистою и не порочною, как соединённая священными: *веном*, записью и узами супружества, по закону Богом вдохновенного пророка Моисея и по чистым и святым Израилевым обрядам. И затем буду ея одевать, укрывать, ценить, пропитать и продовольствовать, и услужить ей доставлением приличных надобностей и желаний ея, по моей силе по возможности состояния моего. Да не обижу, не презрю ея, а также не изменю ей. И не лишу ея пищи, одеяния и сообщения, как постановлено в Св.[ященном] Писании. И буду обращаться с нею со справедливостью, миролюбием и милосердием, так как прочие сыны Израилевы, почитающие пропитающие, ценящие и одевающие своих непорочных жён и делающие для них все приличное по истинной справедливости. В девичестве ея, – которым я условился, назначил и обязал себя – сказанные в Св.[ященном] Писании по приличию ей отдам. Невеста же *N,* услышав эти слова жениха *N,* пожелала с чистым сердцем быть его женой, това-

бражения двух львов (документ из Второго собрания А. С. Фирковича) [13, ил. № 157; 28, с. 230, 231].

рищецею и завещанною супругой, слушаться словам его, ценить, почитать и делать в его доме все то, что Израилевы дочери делают в домах мужей своих, и быть под властию его и с ним одним разделять чувства и желания свои. При том же оба они сердечным избранием своим пожелали и обещались заветам Синайской горы, и заповедям горы Хорева, соблюдать священные Божии праздники, исчисляемые всегда появлением и узрением новой луны на небе и установляемые по тому во время, в которое в священной Израильской Земле новосозревают ячменные плоды, если только будут в состоянии определительно узнать сие. И затем совершился завет от сего жениха (такого-то) с сею невестою (такою-то) во всем том, что написано и изъяснено выше. Важность же сего условно-венчального акта должна быть наравне со всеми ясными утверждёнными обыкновенными и действительными Израилевыми актами, от сего дня и навсегда. Что же только совершилось в присутствии нашем, мы слышали видели, писали и подписали, и вручили в ведомство сей невесте, дабы было в руках ея для доказательства и права во всех судебных местах Закона Израиля. Совершенно, истинно, основательно, изрядно, определительно и твёрдо. Да устроются и преуспевают. Аминь» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 149–151 об.].

Документально не подтверждено, получила ли эта инициатива С. Бабовича поддержку у властей. Но следует заметить, что вплоть до начала XX в. караимские брачные договоры, заключавшиеся между представителями караимских общин Крыма, практически не подвергались кардинальной трансформации (это касается как художественной, так и содержательной частей брачных документов). Лишь к концу XIX – началу XX в. художественное оформление шетаров становится не только прерогативой газзанов; все чаще в брачно-семейной практике используются бланки, напечатанные типографским способом.

Классифицируя архивные документы, связанные с системой оформления актов гражданского состояния (АГС) у караимов, прежде всего, следует выделить всевозможные прошения (заявления) граждан, адресованные в различные инстанции. Обширную группу составляют свидетельства и удостоверения, справки и отношения, заверенные в установленном порядке. Такие документы являлись необходимым подтверждением гражданско-правовых действий и событий, а в некоторых случаях позволяли осуществлять контроль за законностью последующих случаев вступления в брак или же соблюдением правильности процедуры развода. Значительный массив сведений относится к процессу оформления членами караимских общин губерний Российской империи АГС, а именно: получения караимами метрических свидетельств о рождении (собственном или же близких родственников), о бракосочетании и смерти, которые по соответствующим запросам выдавало (или же, напротив, отказывало в выдаче) ТОКДП, а также справок об их выдаче или об отказе в таковой. Подобные удостоверяющие то или иное событие документы требовались просителям в качестве доказательств при оформлении прав наследования, для поступления в учебные заведения, с целью устройства на гражданскую или военную службу, для оформления доверенностей, подтверждения регистрации бра-

ка, предоставления в судебные или полицейские инстанции, при изменении имени, отчества или фамилии просителя, а также в иных случаях. Оформление документов сопровождалось перепиской с духовным правлением с предоставлением доверенностей, расписок и квитанций об уплате гербового сбора, а также справками, разъяснениями и постановлениями совещания членов ТОКДП по тому или ному вопросу.

Что касается брачно-семейных отношений, то в ряде случаев в документах речь шла о конфликтных ситуациях, связанных в частности с болезнью или же неисполнением одним из супругов взятых на себя обязательств по брачным контрактам, и, как следствие, о последовавшей за этим процедурой развода, или же, напротив, о примирении супругов. Так, например, в деле 49 фонда 241 сообщается о «жалобах жены евпаторийского мещанина И. Эндазе на мужа своего Иосифа о том, что он не ведёт жизнь как следует с нею, о разводе и взыскании с него 300 рублей» (1861). В деле 225 рассматривается ситуация, связанная с конфликтом в семье бахчисарайского мещанина Мордхая Эльякимовича (Паши), а именно: «о нарушении им подписки о законном сожительстве с женою своею Биче, дочерью Евпаторийского мещанина Мордхая Аппака» (1875). В деле 312 собрана переписка о болезни евпаторийского мещанина Моисея Мичри и о его разводе с женой (1881–1882).

В деле 57 фонда 241 собраны документы «о бракоразводе Б. Пастака с его женою Алтын» (1862–1864), а дело 185 того же фонда содержит сведения «о получении сиротским судом денег по делу о разводе бердянского мещанина И. Майтопа с женою своею Эстер» (1872). Сиротский суд, созданный в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г., являлся сословным органом, занимавшимся вопросами попечительства над вдовами и сиротами при уездных судах и городских магистратах. В компетенцию сиротских судов входило рассмотрение дел о сохранении собственности, если владельцами таковой оказывались вдовы, малолетние или же лица, проматывавшие состояние. При этом собственно процедура рассмотрения дела начиналась только после поступления прошения от вдовы, родственников или свойственников несовершеннолетнего, или же по заявлению двух свидетелей и священнослужителя. Так, например, в декабре 1864 г. в Евпаторийский городской сиротский суд поступило прошение от евпаторийских купцов – 2-й гильдии купца Бабакая «Нагаму» бен Шеломо Бабовича (брата Симхи Бабовича) и 1-й гильдии купца Шеломо бен Симхи Бабовича (его сына) – по поводу раздела имущества, оставшегося после смерти гахама в 1855 г. В частности, истцами были затребованы из ТОКДП документы, касавшиеся заключения брака: копия венчального акта или же акта о бракосочетании С. Бабовича и его второй супруги Назлы Яшиш (в копии венчального акта, составленного в день свадьбы С. Бабовича и Н. Яшиш, упоминалось о том, лица, вступавшие в брак, являются вдовцом и вдовою – первой женой С. Бабовича была Биче Ароновна, урожд. Панпулова, которая умерла в 1851 г.). В соответствии с решением суда, копии вышеперечисленных документов, переведённых на русский язык газзаном Я. Шамашом, вскоре были представлены духовным правлением для дальнейшего делопроизводства [ГАРК. Ф. 241.

Оп. 1. Д. 90. Л. 7–7 об., 13, 14–14 об.; ГАРК. Ф. 727. Оп. 2. Д. 2. Л. 13; 18, с. 133–148].

Помимо этого, в фонде 241 имеются материалы, свидетельствующие о неких «дурных» склонностях и поступках супруга, повлёкших за собой жалобу со стороны жены. Например, в деле 186 рассмотрено прошение евпаторийской мещанки Г. О. Генжижи о разводе с мужем «по дурным его качествам, из Полтавы» (1873), а в деле 114 имеется прошение жены бахчисарайского мещанина С. Бебеша «об ограждении её от оскорблений и клеветы мужа» (1867).

В деле 96 собрана переписка о разводе евпаторийского мещанина Ш. Чельтека с супругой, дочерью евпаторийского мещанина М. Кефели (1865), а в деле 115 – материалы о разводе «евпаторийского купеческого сына Кискачи с женою его Реввекою» (1867). Дела 223 «О расторжении брака между еврейским мещанином С. Сарибаном и женою его Гулюш» (1876), 224 «О бракоразводе евпаторийского мещанина С. Балакая с женою Алтын» (1876), 249 «О неправильном разводе евпаторийского мещанина Ю. Иосифова Гаммала с женою С. Машевой» содержат документы об инициации ТОКДП процедуры развода.

Причиной развода могло стать и изменение конфессиональной принадлежности. Например, дело 558 фонда 241 содержит «прошение И. С. Эринчека о выдаче жене его О. Лазаревич, принявшей православную веру, развода» (1893). Фиксировались также случаи прозелитизма среди приверженцев других конфессий. Так, в деле 1180 собраны документы «о совершении в г. Троках браке г.[осподина] Феруза с девицею англиканского исповедания, перешедшей в караимскую веру» (1911–1913).

Подобные документы сосредоточены также в тематических подборках дел фонда 241: «Переписка о бракоразводах, о выдаче свидетельств и семейных конфликтах», происходивших в караимских общинах (ед. хр. 405, оп. 1; 1885 г.); «О расторжении браков в 1885 г.» (ед. хр. 408, оп. 1; 1886 г.); «Прошения о выдаче метрических свидетельств, удостоверений и справок о смерти, бракосочетании и разводе» (ед. хр. 665, оп. 1; 1896–1897 гг.); «О разводах, совершенных газзанами в разных городах» (ед. хр. 711, оп. 1; 1898 г.), «Переписка караимских обществ с духовным правлением по бракоразводным делам с брачными свидетельствами» (ед. хр. 1476, оп. 1; 1860–1894 гг.) и др.

Наиболее информативными в контексте исследуемой темы являются именно такие архивные материалы, поскольку в них сосредоточено максимальное количество документов по брачно-семейной проблематике – включая и приобщённые к делам шетары, служившие в подобных случаях подтверждением юридических прав женщины. Например, в деле 1476 «Переписка караимских обществ с духовным правлением по бракоразводным делам с брачными свидетельствами» (опись 1, 1860–1894) отложились документы, связанные с рассмотрением ТОКДП прошений о разводе евпаторийского мещанина Захарии Иосифовича Ханджи с женою Шолемит (1864–1865): «…за развратное его поведение и другие предосудительные поступки <…> и об отобрании от него имущества и денег, полученных им при выходе замуж по венчальному документу, т.е. шетару») [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1477. Л. 20].

Кроме того, в указанном архивном деле собраны документы и переписка о разводах: Исаака Манана (1864), Соломона Кара (1864), Ильи Болека (1866), Исаака Чинака с женой Тотеш (1866), Бабакая Мурзы (1867), Моисея Эрака (1873), Симхи Леви Балакая (1874), евпаторийского мещанина Шолеме Балакая и его жены Алтын (1870), симферопольского мещанина Шебетие Ичаджика с женой Берухой (1873), мещанина Мордхая Культе с женой Гулеш (1881), бахчисарайского мещанина Садука Исааковича Ичаджика с женой Анной (1894), николаевского купца Исаака Гидалевича Феруза с женой Эстер (1893), потомственного почётного гражданина Арона Бота-Когена с женой Аджике (1880), а также ряд других.

В некоторых случаях ТОКДП выносило положительное решение о разводе, однако с выдачей предписаний газзанам о невозможности совершения освящения повторного брака, пока не будут возвращено имущество или деньги по шетару разведённой супруге – как это, например, произошло в 1868 г., когда симферопольскому старшему газзану И. Синани сделал предупреждение Таврический и Одесский караимский гахам Бабакай бен Шеломо Бабович: «…не венчать Юфуду Экмакчи до расчёта по шетару по прежнему браку». Аналогичное распоряжение было направлено и бахчисарайскому газзану Узуну относительно возможности заключения повторного брака Исаака Чинака – налагался запрет на брак без соответствующего свидетельства, выданного ТОКДП [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1477. Л. 74, 75, 78].

В делах № 135 и 269 описи 1 фонда 241 собраны документы, представленные в духовное правление по вопросу о происходивших семейных «распрях», и, как следствие, с последующим оформлением развода луцкого мещанина А. Фирковича, проживавшего в 80-х гг. XIX в. в Харькове, с его супругой А. И. Фиркович (в девичестве Ботук; она приходилась внучкой известному собирателю древностей А. С. Фирковичу). В частности, в деле представлены письменные жалобы А. И. Фиркович в ТОКДП на поведение мужа, а также её многочисленные прошения о разводе. Помимо всего прочего, в деле имеются письма самого А. Фирковича, в которых он изложил собственную версию происходивших событий. В качестве доказательства притязаний истца в ТОКДП был предоставлен оригинал брачного договора, заключённый между А. Фирковичем и А. И. Ботук [17, с. 244–249].

На основании брачных актов, составленных между членами караимских общин, принимались решения о разделе имущества, оставшегося после смерти одного из родственников. Так, например, в мае 1864 г. в ТОКДП поступило прошение от евпаторийского мещанина Якова Ковшанлы. В документе сообщалось, что для инициации процесса раздела имущества между наследниками умершего евпаторийского купца Шомоила Ковшанлы ходатаю требовалось получить от правления свидетельство о смерти в 1862 г. его брата Вениамина Ковшанлы, а также копию шетара, «учинённого при выходе в замужество» в 1844 г. его сестры Гулюш за купца Илью Чорефа. Последовавшая за этим резолюция гахама Б. Ш. Бабовича гласила: «О смерти купца Вениамина Шомоила Ковшанлы учинить по делам справку самовернейшую, и ежели окажется в правлении, то выдать свидетельство просителю

Якову Ковшанлы, брату его». Гахамом также было поручено члену правления, старшему газзану Арону Алты-ока выдать справку из евпаторийской кенасы о шетаре, заключённом между Г. Ковшанлы и И. Чорефом, сделать его копию и представить в ТОКДП [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 77. Л. 13–13 об.].

Вскоре вместе со свидетельством, удостоверяющим смерть В. Ковшанлы в 1862 г. в Харькове, в ТОКДП был направлен и перевод на русский язык текста шетара (первой, второй и третьей частей: шетар-ниссуин, шетар-кетуббин и подписей свидетелей). В брачном договоре в числе прочего перечислялось имущество, подаренное женихом невесте и принесённое невестой в дом жениха. Вот что представлял собой этот документ:

«1844 года Генваря 25 дня, то есть от сотворения мира 5604 месяца Шевата 17 числа, во вторник, принесла невеста Гулюш из дома отца своего в дом жениха своего, а жених Илья Моисеевич Чореф, золотые, серебряные и другие вещи в одеянии закрывающем, как сказать, “могар саз же кинян” для укрепления своего союза, а жених дал именно: ожерелье золотое весом в 16 *мускал*[3] в 48 руб. серебром, перстень золотой с хорошим камушком 20 руб., червонцев *магмуди*[4] в 30 руб., коробочку серебр.[яную] золочёную 40 *дрем*[5] весу 5 руб., итого на 103 рубля, а нижеописанные вещи от невесты: *фес*[6] красный с тремя налобными жемчужинами и вышитым жемчугом донышком, весу *замчуга*[7] 12 мускал и обшитым ещё 203 турецкими червонцами, именуемыми фундук ценою 200 руб., золотые серьги пара, называемые *бат бутак*[8] с хорошими камушками в 100 руб., ещё серьги золотые называемые *бутакс* пара одна 25 руб., ожерелье с 30 червонцами, именуемыми *руби*[9] с одним австрийским дукатом 34 руб., *замчужную* сеточку в 7 мускал весом, обшитую червонцами турецкими, именуемыми фундук 44 числом в 70 руб., ещё червонцев *магмуди* 15 в 86 руб., браслеты золотые одна пара в 30 мускал 90 руб., кольцо золотое в 5 руб., к кушаку пряжки золотые весом в 22 мускала 88 руб., тоже пряжек серебряных к кушаку две пары 91 дрем 26 руб., поясов, вышитых золотом, два, бархатное, обшитое золотым галуном *джубе*[10], одно, ещё тоже таковое штофной материи одно, шуба

[3] Мускал (мискаль) – мера веса, составляла 3,5–5 гр.

[4] Магмуди (махмуди, махмудие) – денежная единица Османской империи в XIX в., чеканилась во время правления султана Махмуда II (1808–1839).

[5] Дрем – очевидно, речь идёт о драхме, как о мере веса, равной 1,5 золотника, около 6,39 гр. Русская аптекарская драхма составляла 1/8 унции и равнялась 3,732 гр.

[6] Фес – шапочка с украшениями; традиционный караимский и крымско-татарский женский головной убор. Бархатную, обычно бордового цвета шапочку (фес), вышитую золотом или серебром, иногда украшенную мелкими золотыми монетами (алтын) и покрытую круглой с узорами пластиной золотого цвета (фес къалпагьы), носили караимские и крымско-татарские женщины. Поверх фески набрасывался белого цвета тонкий длинный шарф (баш марама) из самотканной кисеи с вышивкой по краям, покрывающей заднюю половину головы и шеи [6, с. 283–296; 23, с. 32].

[7] Жемчуга.

[8] Бутак (будак, бутах) – в пер. с кар. «ветвь».

[9] Вероятно, имеется ввиду рубийе – по заключению В. А. Ельяшевича, османская монета, которая чеканилась в период правления султана Махмеда II (1808–1839) [7, с. 52].

[10] Джуббе – мантия.

бархатная, обшитая тоже галуном на *себирновом*[11] меху 1, ещё две шубы, покрытые атласом на *себирчитом* меху, ещё две шубы на беличьем меху, покрытие сатином, короткая шубка сатиновая одна, ещё шуба под беличьим мехом, покрытая материею, именуемою *кемга*[12] одна, коротенькая на беличьем меху сатиновая шубка 1, бархатный кафтан (*антери*[13]) один, атласных антери два, сатиновое антери одно, штофной материи антери одно, из материи *ипек шале*[14] антери 1, *кутневых*[15] антери 4, *китиба материи* антери 1, *шейтан бези*[16] антери 1, суконная курточка или *салтамарка*[17] 1, суконное *фиридче*[18], т.е. халат 1, хорошая шаль 1, покрывал коленкоровых белых два, *утиральников*[19] 7, рубах 20, *курама бахча*[20] 4, подушек *чатма*[21] шесть, головных подушек: кутневая 1 и ситцевая 1, одеял три, атласное 1, *киприт*[22] 1, шалевой материи 1, матрац 3, одно кутневое, *диме*[23]1 и *ягъ иши*[24] 1, сундук кипарисного дерева 1, четыре аршина материи гарнитуровой, занавеска или покрывало 1. Все эти вышеписанные вещи получила невеста отца, которые даны ей в наследство из имущества того и отца, и матери, и отныне взяла она всё своё наследство во веки веков. Ещё в подкрепление "могар муктам" шестьдесят мускал золота ценою за каждый мускал по карбованцу[25] и 8 аршин материи: ценою за каждый аршин по 1 руб. 25 коп., итого на 40 рублей жених отдал ей более чем следовало ей, а что превышает, то она дарит ей и "могар могар" 20 руб. все на российскую серебряную монету.

[11] Себирновый, себирчитый (иск. от «Сибирь») – соболиный мех. Неустоявшееся написание слов в документе, а также в его переводе на русский язык может свидетельствовать о том, что караимы адаптировали заимствованные слова, по-разному употребляя их в своём обиходе.

[12] Кемга – парча. Как правило, караимки носили шубу до пояса – кюрк, обшитую парчой или другой тканью.

[13] Антери – кафтан, подпоясываемый кушаком.

[14] Ипек шале антери – антери из шёлковой материи.

[15] Кутневая (от «кутну») – полушёлковая ткань.

[16] Китиба (китаба) и шейтан бези – цветная ткань из Индии или Дамаска [7, с. 54].

[17] Салтамарка – полупальто или женская куртка с коротким рукавом.

[18] Фиридче (фаредже, фередже) – плечевая одежда, накидывавшаяся на плечи и надевавшаяся в рукава. Самые ранние сведения о «ферадже» в Крыму относятся к середине XVII в. Они появились как женская одежда в среде бахчисарайской знати. Шились из шерстяной ткани белого цвета, имели широкий ворот [23, с. 31].

[19] Утиральник – полотенце, рушник.

[20] Курама (къурама) бахча (бакча, бакша) – лоскутный, сшитый из кусков разноцветной шёлковой материи отрез ткани в форме квадрата (салфетка, шаль, узел), в которую заворачивали одежду, белье и пр. [27, с. 195; 7, с. 55].

[21] Чатма (чатма йастык) – пристенные подушки из бархатной златотканной или шёлковой материи (парчи).

[22] У крымских татар и караимов существовал особый вид тканной вышивки, «атма кыбрыз» («кипрское тканье»), известной в русской номенклатуре как «мережка настилом» [23, с. 91].

[23] Дими, или димия, дима – грубый тканевый материал, из которого изготавливали постельные принадлежности. Это название встречается в документах администрации Крымского ханства [4, с. 43, 46]. В некоторых случаях названия тканей могут иметь и значение одежды.

[24] Ягъ иши – платок.

[25] Стоимость приведена в российских рублях.

Свидетели: Шолом Коген Мортхович, Изра Гелелович, Исаак Юфудович, габай Яков Шамаш, Лейзер Мошевич Чореф, Шомоил Бобович, Береха Мошевич Чореф, Авраам Фиркович, Шомоил Мошевич Чореф, Арон Абрамович, Сима Бобович, шошбин[26] Яков Очан, шошбин Ильяго Болек. Подписал я, Арон Алты ока, что этот перевод выписан из шетара в книге записанной в том свидетельствую, старший газзан и член Правления» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 77. Л. 15, 15 об., 16].

В 1903 г. в ТОКДП поступило прошение от жителя Севастополя, потомственного почётного гражданина Самуила Осиповича Ага, о предоставлении ему заключения о законности брака, заключённого между Давидом Иосифовичем Ага и Анной Ага (урожд. Коген-Чавуш) (в оригинале брачного документа, как утверждал проситель, отсутствовала подпись одного из супругов, что могло привести к непризнанию действительности шетара). И хотя ТОКДП вынесло отрицательный вердикт по данному прошению, тем не менее, для передачи дела в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД для дальнейшего разбирательства по делу С. О. Ага была выдана копия перевода шетара на русский язык. Ниже приведён текст этого документа:

«Венчальный акт Давида Иосифовича Ага [с] дочерью Авраама Когена Чавуш 4 дня недели месяца Кислев пять тысяч шестьсот двадцать одного года от сотворения мира[27]. Венчальный акт был написан по обыкновению с начала до конца, а копия из акта приданого следующая:

Приданный акт

Суть эти приданныя, принесённыя невестой Анной вышеозначенной из дома отца своего в дом мужа своего, вышеозначенного жениха серебряные и золотые вещи, и одежда: одна феска с жемчужиной [и] донушкой с сорока рубиями (турец.[кая] золот.[ая] монета) весом 8 сиклов[28] стоимостью сто тридцать шесть рублей, и одна феска, вышитая серебром донушкою стоимостью 10 руб., пара золотых серёг в 20 руб., одна пара золотых браслет в 60 руб. и также одна пара кавказских браслет в 10 руб., пара золотых турецких монет *махмудия* стоимостью 10 руб., австрийская золотая монета[29] под турецким названием “бешлык”[30] стоимостью 14 руб., одна золотая брошка в 20 руб., две штуки золотых колец в 10 руб., один пояс, сделанный из галуна с двумя серебряными вызолоченными бляхами стоимостью 24 руб., один кавказский серебряный пояс в 30 руб., австрийская золотая монета по турецким названием “онлук”[31] стоимостью 40 руб., одна серебряная коробка стоимостью 25 руб., 16 штук серебряных позолоченных рю-

[26] Шошбины – шаферы, или «дружки» жениха.

[27] 18 ноября 1860 г. по Григорианскому летоисчислению.

[28] Сикль, или шекель – мера массы золота и серебра у евреев и караимов; шекель серебра (монета массой около 11,4 грамма) служил стандартной денежной единицей на Ближнем Востоке.

[29] Австрийский дукат – монета номиналом в 4 дуката, пользовавшаяся значительной популярностью в Крыму из-за высокого содержания золота; использовалась в качестве украшения.

[30] Бешлик, или бешлык – монета достоинством в пять акче, имевшая хождение в Крыму во времена Крымского ханства.

[31] С 1601 г. в Стамбуле выпускалась монета достоинством в 10 акче, которая называлась онлук османи.

мок стоимостью 64 руб., один серебряный стакан в 10 руб., "чомуш"[32] (большая ложка) одна штука в 15 руб., одна ложка серебряная, столовых ложек в 60 руб. 18 штук, чайных серебряных позолоченных ложек в 45 руб., также одна дюжина чайных серебряных ложек в 20 руб., 15 шт.[ук] рубах, шёлковых платков три штуки, одно кисейное платье, одно корсетное платье, одно кисейное платье, одна тафтовая кофта, одна вышитая золотом *салтамарка*[33], одна *салтамарка* из материи "сатин делин", вышитая шёлком, одна атласная шуба, вышитая галуном, одна бархатная шуба с мехом "кок теим"[34] (сибирский мех), две штуки шёлковых шарфов, одна кашемировая шаль, восемь штук полотенец, три штуки батистовых вышитых платков, две шт.[уки] шёлковых платков, десять шт.[ук] батистовых платков, одно покрывало для кровати, наволочек для подушки одна дюжина, бахча одна штука, чулков одна дюжина и принадлежности для бани, 18 шт.[ук] мал.[еньких] ложек, одна шерстяная шаль, одна штука льняной материи, одна штука полосатой материи, одно чёрное тафтовое платье, одна штука цветной тафты, полосатое *море*[35] для платья, 18 арш.[ин] бархата, одно атласное одеяло, одно одеяло из материи *нарда*, одно пикейное одеяло, одна шёлковая *йастык*, одна бумажная *йастык*[36], две шт.[уки] шёлковых подушек, десять шт.[ук] пуховых подушек, один шерстяной фартук, одна феска с шёлковой *донушкой*. Первый венец[37], присланный женихом невесте, для <…>[38] жены – два дуката стоимостью 80 руб., алмазное кольцо, которое стоимостью 40 руб. и одна золотая коробочка стоимостью 40 руб. всего на сумму 260 руб. Из этой суммы 200 руб. послал жених в пользу невесты в полный могар, а остальные 60 руб. считается за вено, который состоит из 60 сиклов, стоимость каждого сикла 1 р., а последующее вено 60 р. для <…>[39], состоящий на 30 сиклов, стоимость каждого сикла 2 руб. на русскую монету равняется одному карбованцу. Да плодятся и осчастливливаются. Аминь. Жених Давид Иосифович Ага; свидетели суть: Самуил Коген, сын Авраама Когена Чавуш, Мордехай Леви, отец жениха Иосиф Ага, Соломон Исакович, Бераха Симович Мангуби, Бераха Катлама, Исаак Мангуби, Нафтали Иосифович Чабак, Эзра Фуки, Соломон Мангуби, шафер Авраам Сапак, Юфуда Ефет, Авраам Оксюз, Садук Иосифович Сакизчи, брат жениха Сима Иосифович Ага, Садук Самойлович Эру, шафер Исаак Исакович. Старший газзан Соломон Бейм. Год и число вышеозначенный. Копия из венчального акта сего написана в книге Одесской караимской синагоги о бракосочетавшихся караимах за 1860 г. и хранящейся при Одесской караимской синагоге переведена мною из татарского и древнебиблейского языка на русский во всем с подлинным верно, в чём подписом и приложением казённой печати удостоверяю. г.

[32] Чомуш (чомыч, чёмюч) – разливательная ложка, черпак.

[33] Салтамарка – полупальто или женская куртка с коротким рукавом.

[34] Кок теим (кок тёюн) – беличий мех.

[35] Море – материя из муара, плотной шёлковой или полушёлковой гладкокрашеной ткани с рубчатой поверхностью тиснёного муарового узора.

[36] Йастык – подушка.

[37] Имеется ввиду *вено.*

[38] Неразборчиво.

[39] Неразборчиво.

Одесса, декабря 20 на 1897 г. № 9 (м.п.). Старший газзан Одесской караимской синагоги Ю. Савускан. Засвидет. Севаст. нотариусом Смирновым 8 октября 1902 г. исх. 1837» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 876. Л. 1, 2 об., 27].

Таким образом, в результате проведённого исследования выявлено, что акты гражданского состояния и сопутствующие документы представляют собой комплекс материалов, имеющих свою внутреннюю структуру и отличающиеся по форме, содержанию и оформлению. Если в целом рассматривать шетары как источник по истории караимских общин Крыма, то все они содержат ценные сведения относительно места, времени и обстоятельств заключения браков, а также информацию о лицах, присутствовавших на бракосочетании, о свидетелях и газзанах, составлявших и скреплявших шетары своими подписями. В брачных договорах подробно изложен порядок обязательных обрядовых церемоний, сопровождавших бракосочетание; помимо этого, тщательно оговорены права и обязанности супругов на время самого брака и прописаны возможные действия на случай смерти одного из них. Весьма информативными можно назвать те части документов, где перечисляется приданое невест и подарки женихов, а именно, «шетар-кетуббин». Эти договоры, бесспорно, являются уникальным источником по изучению подробностей быта крымских караимов конца XVIII – начала XX в. На основании приведённых в этих шетарах сведений можно составить представление не только о свадебных обрядах, ритуалах караимов и ходе их проведения, но почерпнуть важную информацию этнографического характера, сопоставить её с уже имеющимися данными, сравнить вариативность названий одних и тех же элементов одежды, украшений, предметов быта и различных аксессуаров, имевшихся у караимов, с аналогичными артефактами у крымских татар, евреев-раввинистов и крымчаков. Помимо всего прочего, подобные документы приобщались как письменные свидетельства в гражданских судебных делах по разделу имущества после смерти одного из супругов – причём в обоих случаях их перевод на русский язык, как правило, осуществлялся газзанами той же общины, к которой принадлежали владельцы шетаров.

Важно отметить и то обстоятельство, что, несмотря на активную интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, а также действовавшие в отношении крымских «инородцев» законодательные акты и положения, обусловленные единым правовым полем, тем не менее, традиции составления брачных договоров в караимских общинах сохранялись вплоть до начала 1940-х гг., что может свидетельствовать о сохранении достаточно устойчивых традиций в этой сфере внутриобщинных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейм С.А. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 г. Одесса, 1858. С. 436–444.
2. Бейм С. Память о Чуфут-Кале. Одесса: тип. Х. Алексомати, 1862. 82 с.
3. Бейм С.А. Свадьба у караимов сто лет назад // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 73–80.
4. Биарсланов Мурат-Бей. Выписи из кадиаскерского сака (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления // ИТУАК. 1889. Вып. 8. С. 41–51.
5. Васильева О.В. Еврейские брачные контракты Второго собрания Авраама Фирковича // Российская национальная библиотека. Виртуальные выставки [Электронный ресурс]. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/firkovich_ketubah/index.php (09.07.2022).
6. Заатов И. Крымскотатарское декоративно-прикладное и изобразительное искусство (Генезис, эволюция и современное состояние). Симферополь: Тарпан, 2003. 336 с.
7. Ельяшевич В.А. Краткий разбор лексического состава записей приданого брачных договоров крымских караимов // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2017. № 4. С. 48–58.
8. Иртлач-Мангуби С.С. Ответ г. Круглевичу // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 65.
9. Корева А. Караимы в Виленской губернии // Памятная книжка Виленской губернии на 1861 год. Ч. 2. Вильно, 1861. С. 115–129.
10. Крепс М. Брак // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. СПб., [1913]. Т. 4: Бе-Абидан – Брес. Стлб. 874–890.
11. Круглевич С. Храм для бедных // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март–апрель. С. 65.
12. Медведева Л.Я. О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР // Советская тюркология. 1988. № 6. С. 89–102.
13. Орнамент древнееврейских рукописей = Hebrew manuscript ornament / [сост.: О. Васильева, Б. Зайковский, А. Канцедикас; пер. с рус. Л. Лежнева; пер. ст. Д. Гинцбурга с фр. на англ. К. Эванс, с фр. на рус. Н. Елагина; фот. С. Тартаковский и В. Тартаковская]. М.: Тель-Авив: Российская нац. б-ка, 2003. 137 с.
14. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 356–372.
15. Петросян В.М. Этнографическое описание армян, татар, ногайцев и караимов в книге О. Тэр-Абраамяна «История Крыма» // Крымский архив. 2009. № 9. С. 228–251.
16. Прохоров Д.А. Караимский брачный договор «шетар». К вопросу о составлении биографий деятелей караимского просветительского движения // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2009. № 24. С. 206–216.
17. Прохоров Д.А. Особливості оформлення караїмських шлюбних договорів «шетарів» в Таврійський губернії в XIX ст. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Сходознавчі Студії / Упоряд. Є.О. Котляр. Харків: ХДАДМ, Центр сходознавства, 2010. № 8. Вип. 3. С. 236–252.
18. Прохоров Д.А. Караимские брачные договоры «шетары» как источник по изучению духовной и материальной культуры тюркоязычных народов Крыма XVIII–XIX вв. // Sacrum et Profanum V. Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Сб. научн. тр. / Ред.-сост. Н.А. Алексеенко, Х. Хоффманн. Севастополь, 2012. С. 133–148.
19. Прохоров Д.А. Религиозно-правовые аспекты брачно-семейных отношений и демографическая статистика в караимских общинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. // Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике / Под ред. В.В. Мочаловой. М., 2012. Т. III. С. 306–331. (Академическая серия, Вып. 42).
20. Прохоров Д.А. Гендерная ситуация в караимских общинах Российской империи и процессы социокультурной трансформации патриархального общества (XIX – начало XX вв.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сб. науч. тр. Симферополь: Антиква, 2013. С.

99–113. (Сер. «Межкультурный диалог: история и со временность», Вып. 3).
21. Прохоров Д.А. «О совершении под угрозой расстрела газзаном обряда бракосочетания…»: Проблема межэтнических и межконфессиональных браков в караимских общинах Крыма в конце XIX – начале XX века // Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2020. С. 94–106.
22. Прохоров Д.А. Документирование брачно-семейных отношений в караимской общине Крыма в XIX – начале XX века: традиции и новации // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее», посвящённой памяти профессора Т.В. Кузнецовой. М., 2021. С. 293–301.
23. Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2000. 104 с.
24. Свод законов гражданских (Св. Зак. т. 10 ч. 1, изд. 1900 г. по Прод. 1906 и 1908 гг.). С предметным указателем и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет / Сост. А.Л. Саатчиан. Изд-е неофициальное. СПб.: Изд-е Юридического книжного магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1911. Т. 10, Ч. 1, отд. 2. LVIII, 575 с.
25. Тирияки Д.З, Тирияки В.Д. Караимские брачные договоры в фондах музея истории и этнографии крымских караимов им. С.И. Кушуль // Материалы науч.-практич. конф. «X Таврические научные чтения», г. Симферополь, 29 мая 2009 г.: Сб. научн. тр. / Под ред. Е.Б. Вишневской. Симферополь, 2009. Ч. 2. С. 131–143.
26. Храпунов Н.И. О похождениях спутников Екатерины II в 1787 г. // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвящённой 70-летию А.И. Айбабина / ред.-сост. Э.А. Хайринова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 128–130.
27. Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С. Караимские брачные договоры «шетары» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 181–195.
28. Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга: свитки, кодексы, документы. СПб.: Арка, 2008. 264 с.
29. N.N. [Казас И.И.] Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4, август–сентябрь. С. 37–72.
30. Eliashevich V. Karaite Marriage Contracts (Shetarot) from the Crimean Museums and Archives: Preliminary Results of Study // Moreshet Israel. 2018. November. Vol. 16. P. 93–108.
31. Harviainen T., Halen H. An 1843 Karaim Dowry List from the Crimea – Turkic in Hebrew Appearance // Studia Orientalia. 2009. Vol. 108. P. 267–282.

REFERENCES

1. Bejm S.A. Chufut-Kale and its original inhabitants. *Novorossijskij calendar na 1859 god* [Novorossiysk calendar for 1859], Odessa, 1858, pp. 436–444.
2. Bejm S. *Pamjat' o Chufut-Kale* [Memory of Chufut-Kale]. Odessa, H. Aleksomati Publ., 1862, 82 p.
3. Bejm S.A. A Karaite wedding a hundred years ago. *Karaimskaja zhizn*' [Karaite life], Moscow, 1911, Vol. 7, December, pp. 73–80.
4. Biarslanov Murat-Bej. Extracts from the Qadiasker saka (book) 1017–1022 AH (1608/9–1613 BC), stored in the archives of the Taurida Provincial Administration. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Tauride Scientific Archival Commission], 1889, vol. 8, pp. 41–51.
5. Vasil'eva O.V. *Evrejskie brachnye kontrakty Vtorogo sobranija Avraama Firkovicha* [Jewish Marriage Contracts of the Second Collection of Abraham Firkovich]. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/firkovich_ketubah/index.php
6. Zaatov I. *Krymskotatarskoe dekorativno-prikladnoe i izobrazitel'noe iskusstvo (Genezis, jevoljucija i sovremennoe sostojanie)* [Crimean Tatar arts and crafts and fine arts (Genesis, evolution and current state)]. Simferopol, Tarpan Publ., 2003, 336 p.
7. El'jashevich V.A. A brief analysis of the lexical composition of the dowry records of the marriage con-

tracts of the Crimean Karaites. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury* [Issues of Crimean Tatar Philology, History and Culture], 2017, vol. 4, pp. 48–58.
8. Irtlach-Mangubi S.S. Answer to Mr. Kruglevich. *Karaimskaja zhizn*' [Karaite life], Moscow, 1912. Vol. 12, May. P. 65.
9. Koreva A. Karaites in Vilna Governorate. *Pamjatnaja knizhka Vilenskoj gubernii na 1861 god* [Commemorative book of the Vilna province for 1861], Part 2, Vil'no, 1861, pp. 115–129.
10. Kreps M. Marriage. Kacenel'son (ed.), *Evrejskaja jenciklopedija. Svod znanij o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastojashhem* [Jewish Encyclopedia. Body of knowledge about Jewry and its culture in the past and present], Saint Petersburg, 1913, Vol. 4: Be-Abidan – Bres, columns 874–890.
11. Kruglevich S. Temple for the poor. *Karaimskaja zhizn'* [Karaite life], Moscow, 1912, vol. 10–11, March-April, p. 65.
12. Medvedeva L.Ja. On the collection of Karaite and Krymchak manuscripts in the Leningrad Region of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. *Sovetskaja tjurkologija* [Soviet Turkology], Moscow, 1988, no. 6, pp. 89–102.
13. Vasil'eva O., Zajkovskij B., Kancedikas A. (eds.), *Ornament drevneevrejskih rukopisej* [Hebrew manuscript ornament], Moscow, Tel'-Aviv, RNB Publ., 2003, 137 p.
14. Letters from Emperor Joseph II to Field Marshal Count Lassi during a trip to Kherson and the Crimea in 1787. *Russkij arhiv* [Russian archive], 1880, vol. 1, pp. 356–372.
15. Petrosjan V.M. Ethnographic description of Armenians, Tatars, Nogais and Karaites in the book of O. Ter-Abrahamyan "History of Crimea". *Krymskij arhiv* [Crimean archive], 2009, vol. 9, pp. 228–251.
16. Prokhorov D.A. Karaite marriage contract "shetar". On the issue of compiling biographies of figures of the Karaite educational movement. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea], Simferopol, 2009, no. 24, pp. 206–216.
17. Prokhorov D.A. Peculiarities of drawing up Karaite marriage contracts of "shetars" in Tavria province in the 19th century. Kotljar E.O. (ed.), *Visnik Harkivs'koï Derzhavnoï Akademiï Dizajnu i Mistectv. Shodoznavchi Studiï* [Bulletin of the Kharkiv State Academy of Design and Arts. Oriental Studies Studio], Harkiv, 2010, vol. 8(3), pp. 236–252.
18. Prokhorov D.A. Karaite marriage contracts "shetars" as a source for the study of the spiritual and material culture of the Turkic-speaking peoples of Crimea in the 18th – 19th centuries. Alekseenko N.A., Hoffmann H. (eds.), *Sacrum et Profanum V. Pamjat' v vekah: ot semejnoj relikvii k nacional'noj svjatyne* [Sacrum et Profanum V. Memory through the ages: from a family heirloom to a national shrine], Sevastopol, 2012, pp. 133–148.
19. Prokhorov D.A. Religious and Legal Aspects of Marriage and Family Relations and Demographic Statistics in the Karaite Communities of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th centuries. Mochalov V.V. (ed.), *Novye issledovanija po evrejskoj istorii. Materialy XIX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike* [New research on Jewish history. Proceedings of the XIX International Annual Conference on Jewish Studies], Moscow, 2012, vol. 3, pp. 306–331.
20. Prokhorov D.A. Gender Situation in the Karaite Communities of the Russian Empire and the Processes of Socio-Cultural Transformation of the Patriarchal Society (19th – early 20th centuries). *Jetnokul'turnye i mezhkonfessional'nye otnoshenija v Krymu* [Ethno-Cultural and Inter-Confessional Relations in Crimea], Simferopol, Antikva Publ., 2013, pp. 99–113.
21. Prokhorov D.A. "On the performance of a marriage ceremony under the threat of execution by a gazzan...": The problem of interethnic and interfaith marriages in the Karaite communities of Crimea in the late 19th – early 20th centuries. Belov O.V. (ed.), *Sem'ja i semejnye cennosti v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii* [Family and family values in the Slavic and Jewish cultural tradition], Moscow, 2020, pp. 94–106.
22. Prokhorov D.A. Documentation of Marriage and Family Relations in the Karaite Community of Crimea in the 19th – early 20th centuries: Traditions and Innovations. *Sbornik materialov 5 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Upravlenie dokumentaciej: proshloe, nastojashhee, budushhee», posvjashhennoj pamjati professora T.V. Kuznecovoj* [Collection of materials of the 5 International Scien-

tific and Practical Conference “Document Management: Past, Present, Future”, dedicated to the memory of Professor T.V. Kuznetsova], Moscow, 2021, pp. 293–301.
23. Roslavceva L.I. *Odezhda krymskih tatar konca XVIII – nachala XX vv.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Clothing of the Crimean Tatars in the late 18th – early 20th centuries: Historical and ethnographic research], Moscow, Nauka Publ., 2000, 104 p.
24. *Svod zakonov grazhdanskih (Sv. Zak. t. 10 ch. 1, izd. 1900 g. po Prod. 1906 i 1908 gg.). S predmetnym ukazatelem i s pozdnejshimi uzakonenijami po den’ vyhoda v svet* [Code of Civil Laws (St. Zak. vol. 10 part 1, ed. 1900 according to Prod. 1906 and 1908). With a subject index and with the latest legalizations on the day of publication]. Saint Petersburg, 1911, vol. 10, Part 1(2), 575 p.
25. Tirijaki D.Z, Tirijaki V.D. Karaite marriage contracts in the funds of the Museum of History and Ethnography of the Crimean Karaites named after. S.I. Kushul. Vishnevskaia E.B. (ed.), *Materialy nauch.-praktich. konf. «10 Tavricheskie nauchnye chtenija», g. Simferopol’, 29 maja 2009 g.* [Materials of scientific and practical. conf. “X Taurida Scientific Readings”, Simferopol, May 29, 2009], Simferopol, 2009, Part 2, pp. 131–143.
26. Khrapunov N.I. On the adventures of the companions of Catherine II in 1787. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju A.I. Ajbabina* [Problems of history and archeology of the medieval Crimea: materials of the international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of A.I. Aibabin], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 128–130.
27. Chepurina P.Ja., El’jashevich B.S. Karaite marriage contracts “shetars”. *Izvestiia Tavricheskogo obchshestva istorii, arkheologii i etnografii* [Notes of the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography], Simferopol, 1927, vol. 1(58), pp. 181–195.
28. Jakerson S.M. *Evrejskie sokrovishha Peterburga: svitki, kodeksy, dokumenty* [Jewish treasures of St. Petersburg: scrolls, codices, documents]. Saint Petersburg, Arka Publ., 2008, 264 p.
29. N.N. [Kazas I.I.] General notes about the Karaites. *Karaimskaja zhizn’* [Karaite life], Moscow, 1911. Vol. 3–4, pp. 37–72.
30. Eliashevich V. Karaite Marriage Contracts (Shetarot) from the Crimean Museums and Archives: Preliminary Results of Study. *Moreshet Israel*, 2018, November, Vol. 16, pp. 93–108.
31. Harviainen T., Halen H. An 1843 Karaim Dowry List from the Crimea – Turkic in Hebrew Appearance. *Studia Orientalia*, 2009, Vol. 108, pp. 267–282.

Информация об авторе

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Author information

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Assoc. Prof., Department chair of document science and archive science of Taurian academy, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.685-710

МЕЧЕТЬ В СЕЛЕНИИ ШЕЙХ-КОЙ (ДАВЫДОВО) ПО ФОТОМАТЕРИАЛАМ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА А. Л. РОТАЧА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Дмитрий Анатольевич Ломакин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867
Елена Акимовна Айбабина
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Аннотация. Рассмотрена история изучения мечети, руинированные остатки которой в настоящее время расположены на окраине с. Давыдово (Симферопольский район, Республика Крым). Впервые внимание к памятнику было обращено в конце 20-х годов XX века, когда предварительные исследования были проведены под руководством Б. Н. Засыпкина, Османом Акчокраклы выполнен перевод надписи, размещавшейся над одним из входов, с датой 1358 г., что в дальнейшем для ряда исследователей стало основным аргументом (учитывая наличие большого количества сполий, вероятно, ошибочным), указывающим на время ее постройки. Основной историографический корпус материалов представлен работами отечественных исследователей – В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова, на основе личных натурных изысканий и выявленных ими архивных материалов выполнивших качественный архитектурный анализ утраченного к настоящему моменту объекта культурного наследия. Ряд существенных уточнений удалось получить благодаря анализу фотоснимков, выявленных в личном фонде советского архитектора-реставратора Александра Лукича Ротача (1893–1990), отложившемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Санкт-Петербург). Фотодокументы, впервые вводимые в научный оборот (всего 15), большая часть из которых выполнена Б. Н. Засыпкиным, зафиксировали внешний вид памятника, его внутреннее убранство. Представлены изображения отдельных архитектурных фрагментов и деталей, среди которых важнейшими для историко-архитектурной интерпретации являются фотоснимки минарета, портала и михраба. В настоящий момент комплекс фотоснимков с изображением мечети в с. Шейх-Кой из фонда А. Л. Ротача является единственным собранием качественных визуальных документов, отображающих состояние памятника на последнем этапе его существования.

Ключевые слова: с. Шейх-Кой, с. Давыдово, мечеть, архитектурно-археологический памятник, объект культурно наследия, история изучения, ЦГАЛИ, А. Л. Ротач, фотоснимок

***Благодарности*:** Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

© Ломакин Д.А., Айбабина Е.А., 2022

THE MOSQUE IN THE VILLAGE OF SHEIKH-KOI (DAVYDOVO) ACCORDING TO THE PHOTOGRAPHS FROM A. L. ROGACH PERSONAL COLLECTION IN THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF LITERATURE AND ART

Dmitry A. Lomakin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867
Elena A. Aibabina
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Abstract. This article addresses the history of researches on the ruined mosque located on the outskirts of the village of Davydovo (Simferopol district, Republic of the Crimea). For the first time this monument called attention in the late 1920s, when a preliminary study was conducted under the supervision of B. N. Zasypkin, and Osman Akchokrakli translated the inscription placed above one of the entrances and showing the date of 1358, which later became the main argument (due to a large number of *spoliae*, probably erroneous) for a number of researchers to date the construction of the mosque. The main historiographic array of materials comprises of the works of Russian researchers V. P. Kirilko and S. G. Bocharov. They performed perfect architectural analysis of the now-lost cultural heritage site against the background of their field researches and archival materials. The analysis of photographs from the personal archive of the Soviet architect and restorer Aleksandr Lukich Rotach (1893–1990), now residing in the Central State Archives of Literature and Art (St Petersburg), allows a number of important clarifications. The photographs (15 total), mostly taken by B. N. Zasypkin and now introduced to the scholarship, document the exterior and interior of the monument. There are pictures of particular architectural fragments and details, among which the most important for historical and architectural interpretation are those of the minaret, portal, and mihrab. So far, the complex of photograph showing the mosque in the village of Sheikh-Koi from A. L. Rotach's collection is the only collection of high-quality visual documents uncovering the state of the monument at the last stage of its existence.

Keywords: Sheikh-Koi village, Davydovo village, mosque, monument of architecture and archaeology, cultural heritage site, history of research, TsGALI, A. L. Rotach, photograph

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

У с. Давыдово (Симферопольский район) на левом берегу р. Бештерек расположены руины мечети, представленные остатками южной стены (почти на всю высоту) с михрабом, многочисленными архитектурными фрагментами, в том числе значительным обломком купола, и задернованными кладками, скрытыми под культурным слоем, но достаточно четко прослеживающимися на поверхности по характерному скоплению камня (рис. 1–5). Постройка была взорвана в 50-х гг. прошлого века [1, с. 12]. Полномасштабные археологические исследования на территории памятника не проводились.

Первые сведения о мечети в отечественной историографии относятся к концу 20-х гг. XX в. О.-Н. А. Акчокраклы в отчете о научно-исследовательской работе за 1928 г. упомянул научную разведку в с. Шейх-Кой, которая была проведена совместно с Б. Н. Засыпкиным и У. А. Боданинским. Им был выполнен перевод резной надписи на арабском языке, расположенной над дверным проемом: «Сын султана Гыяс-эд-Дина / Бирди-Бек хан, да будет вечным царство его / Построено это здание для хафизов (знающих коран / наизусть) в дни правления великого эмира / Кутлуг-Темур-бека, сына Туляк-Тимур- / Бека, сына Хаджи ... (?)». Над вторым входом в мечеть, расположенным позади подножия минарета, в западной стене основного объёма здания, также была выявлена и переведена надпись с датой постройки: «15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. (1358 г.)». Участниками осмотра отмечено, что «надпись хорошо сохранилась над входом в строение» [7, с. 116]. Присутствовало указание на функциональное назначение здания – школу хафизов (чтецов и знатоков Корана) [6, с. 253].

Качественный прорыв в исследовании памятника произошел за последнее десятилетие. Своеобразным катализатором возрождения интереса к объекту культурного наследия послужили публикации Н. Абдульваапа в 2006 и 2014 гг. [1; 4], в последней из которых не только был упомянут памятник, но и размещен неопубликованный до этого момента фотоснимок 1928 г. с его изображением. При этом автор «фрагмент прекрасного михраба местной мечети-обители» без сомнения датировал концом XIV в., что, по его мнению, «может свидетельствовать о наличии здесь в своё время крупного религиозно-суфийского центра» [4, с. 144]. Н. Абдульваап предположил, что Мевляна Реджеб бин Ибрахим (?–1386/1392), получивший почетный титул наставника чтецов-рецитаторов, мог быть выпускником школы хафизов в с. Шейх-Кой [1, с. 13]. Ссылаясь на датировку памятника 1358 г. Османом Акчокраклы, «образцом золотоордынской культовой архитектуры» памятник был назван Э. И. Сейдалиевым [20, с. 67].

Фундаментальные исследования памятника связаны с научными изысканиями В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова. Начиная с 2015 г. ими была опубликована серия статей, посвященных истории изучения мечети, выполнен архитектурный анализ, сделан ряд предположений относительно ее датировки и функционирования. Авторами введен в научный оборот выявленный в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА, Москва) обмерный план мечети в масштабе 1:50, выполненный в 1929 г. на основании кроки, составленного Б. Н. Засыпкиным [13, с. 118]. При этом отмечено, что при возведении здания были вторично использованы многочисленные архитектурные детали золотоордынского периода, в частности, сталактитовые консоли портала и посвятительная надпись на арабском языке, ранее переведенная О.-Н. А. Акчокраклы [13, с. 112], михраб. Были проведены параллели между оформлением последнего и декором мечети Узбека и медресе Инджибей-Хатун в Старом Крыму. Шейхкойская мечеть авторами отнесена «к одному из основных провинциальных типов османских культовых сооружений»,

а ближайшими аналогиями названы утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Колеч и Куршумлу-Джами в г. Пазарджик (Болгария) [13, с. 113].

Авторами предпринята попытка отождествить Шейх-Кой с Азизлером, описанным Э. Челеби. По свидетельству турецкого путешественника, селение находилось на полпути между Акмесджидом и Карасубазаром. Он же указал на наличие здесь «постоялого двора – дворца для гостей», «рядом с этим постоялым двором – место паломничества Баба Ядикяр» и «подобное райскому саду текке, где тюрбедар Баба Хинди живет со своей семьей» [25, с. 158]. В. П. Кирилко и С. Г. Бочаров заключили, что «если предположение правильно, то во времена Крымского ханства мечеть действительно находилась в селении Азизлер и являлась важной составной частью комплекса, включавшего в себя разновременные сооружения» [13, с. 114]: место поклонения и паломничества (погребение или мавзолей) святого Баба Ядикяра, текие, в качестве которого вполне могли выступать многочисленные пристройки к мечети, и хан. Таким образом, данное предположение соответствует выводам Н. Абдульваапа о существовании в данной местности суфийского центра. Возведение мечети, дошедшей до нас в руинированном состоянии с использованием архитектурных фрагментов постройки 1358 г., авторами связано с активной строительной политикой Менгли Герая (правил в 1467, 1469–1475, 1478–1515 гг.).

Отдельная публикация В. П. Кирилко посвящена изучению михраба шейхкойской мечети [12]. Автором введены в оборот кроки плана, фасада и вида фрагмента михраба 1928 г. из фондов ГНИМА (рис. 6) [12, с. 139]. Определенный интерес представляют сохранившиеся заметки исследователей на полевом обмерном чертеже. В частности, указано, что михраб «окрашен грубо масл.[яной] краской: тем. [но-]зеленой, ультрамарин и сурик», многослойные остатки которой повсеместно сохранились до настоящего времени. В. П. Кирилко отметил, что «цветовая гамма является традиционной и имеет параллели в позднесредневековом художественном убранстве михраба т.н. мечети Узбека в г. Старый Крым, где в качестве основных использованы аналогичные колера» [12, с. 147]. Предварительные итоги исследования позволили автору утверждать, что «михраб мечети в Шейх-Кой является сполией и прежде находился в ином, не локализованном пока строении. Он действительно имеет характерные для сельджукской декоративной пластики формы и в своем первоначальном виде уверенно может быть датирован 1358 г., но наряду с этим в нынешнем состоянии демонстрирует признаки весьма неумелого восстановления конхи, обусловленного низким профессиональным уровнем мастера и утратой отдельных элементов, равно как изменением при сборке исходного плана сооружения – прямоугольного на семигранный» [12, с. 148].

Результатом продолжавшейся совместной работы В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова стала публикация «Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя» в 2016 г. [10]. Авторами были выделены основные ареалы золотоордынской оседлости в Крыму: юго-восточный с центром в Солхате, юго-западный (Эски-Юрт, Кырк-Ер) и центральный (Карасубазар, Ак-Мечеть). Отмечено, что последний является

наименее изученным. Выдвинута идея о размещении золотоордынских поселений вдоль крупных торговых караванных путей. Одна из таких магистралей, бесспорно, связывала в XIV в. юго-западный и юго-восточный центры через Карасубазар и Ак-Мечеть. Суфийская обитель (текие) Шейх-Коя, по мнению авторов, могла возникнуть в качестве промежуточной станции (яма), располагавшейся на полпути между Ак-Мечетью и Карасубазаром – в пределах одного дневного перехода [10, с. 375].

Авторами был выполнен детальный анализ архитектоники здания, представлен ряд сведений о внутреннем обустройстве мечети. Подчеркнуто, что обе ранее переведенные О.-Н. А. Акчокраклы надписи являются вторично использованными архитектурными деталями и прежде принадлежали совершенно другой более ранней постройке. Было высказано предположение, что они могли ранее являться частями одного текста [10, с. 378]. Отмечено, что, учитывая отсутствие археологических работ на памятнике, все выводы носят предварительный характер. При этом, по мнению В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова, «уверенно можно утверждать, что данная мечеть была возведена в XVI–XVII вв., а украсившие её михраб и фрагменты портала с посвятительной надписью являются сполиями и прежде находились в ином, не локализованном до сих пор, строении, причём они могли быть как местного происхождения, так и доставлены из удалённого источника» [10, с. 390].

В. П. Кирилко и С. Г. Бочаровым был выявлен ряд представляющих значительный интерес документов в Государственном архиве Республике Крым (ГАРК, Симферополь), в частности, дело о ремонте памятника в конце XIX в. [10, с. 376]. Из документа следует, что состоявшие при шейхкойской мечети хатип Абдурешид Абдуллаоглу и имам Абдуль Керим Челеби 10 марта 1898 г. обратились к Таврическому губернатору с просьбой о необходимости ремонта здания: «Мечеть эта, и находящееся при ней текие и в особенности минарет пришли в ветхость и требуют существенного ремонта и, кроме того, согласно духу времени, необходимо сделать некоторые изменения и улучшения в текие»[1]. Проект ремонта памятника был разработан архитектором А. Карапетовым, емко охарактеризовавшим постройку: «Мечеть села Шейх-Кой Симферопольского уезда каменное многолетнее здание; сначала состояла из главной 4-стенной части с купольным покрытием; затем к ней был пристроен минарет и поздние помещения, находящиеся впереди и по бокам. … Пристройки сложены из бутового камня, но на глине. Крыши их покрыты черепицею, и потолки также пришли в ветхость; полы земляные. Все эти помещения очень низки, <…> на высоту 2,5 аршин и потому в этих помещениях едва можно стоять. Окна и двери очень малы, так что в них темновато, и входить в дверь надо значительно нагибаясь, и потому небезопасно, кроме того, они и ветхи»[2].

Очередная совместная публикация авторов [11], завершившая (на данный момент) серию статей о мечети близ с. Давыдово, стала своеобразным итогом много-

[1] ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л. 1, 48.
[2] ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л. 1, 49.

летнего труда по изучению памятника. Работа аккумулировала все ранее изложенные в трех предыдущих публикациях В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова выводы и предположения. Представлены выявленные авторами в архивохранилищах материалы по истории функционирования здания.

Впервые археологические работы на территории памятника были проведены в 2018 г., когда экспедицией Института археологии Крыма РАН под руководством В. В. Лаврова были осуществлены разведывательные работы, необходимость которых была обусловлена, по-видимому, грабительскими раскопками. Работы экспедиции были «нацелены на расчистку памятника от растительности и разбивку нескольких шурфов для выявления стратиграфической ситуации» [15, с. 161]. Материал, полученный в ходе работ, был представлен фрагментами черепицы и гончарных сосудов, изделиями из железа. Выявленные артефакты датированы XVII–XIX вв. [15, с. 163]. Результатом исследований стал категоричный, но отнюдь не бесспорный вывод В. В. Лаврова о том, что «внутреннее пространство мечети имеет не квадратную форму, как предполагали исследователи, опираясь на план Засыпкина 1929 г., а прямоугольную» [15, с. 161].

Вполне вероятно, что рассматриваемый памятник мог находиться на территории одного из наиболее ранних суфийских центров в Крыму. Н. Абдульваап считает, что важную роль в распространении ислама в регионе сыграли представители различных суфийских групп, проникавших на полуостров начиная с середины XIII в. Среди них отмечены выходцы из двух суфийских школ: среднеазиатской (тюркской) и иракской. При этом наибольшую активность проявляли представители первой из них, введя значительный ареал в круг своей миссионерской деятельности [2, с. 22]. Установлено расположение основных на территории полуострова суфийских центров, за которыми в отечественной историографии закрепилось название «четырех столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел» [21, с. 144]: селения Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер). Не исключено, что все были основаны в начальный период распространения ислама в Крыму [1, с. 13]. Ф. А. Хартахай, опираясь на народные предания, связал «четыре очага» с потомками первых татарских завоевателей Крыма, которые одновременно принадлежали к духовному сословию [23, с. 189]. Карл Пейсонель указал на четыре старинных рода «людей закона», «которых можно причислить к знати, дворянам. Они обладали землями, на которых находились монастыри дервишей – текие и могилы некоторых лиц, считающихся святыми и которых татары посещают из набожности. <…> Это четыре великих шейха – шейх Катши [Качы – авт.], Гелеш [Колеч – авт.], Тшовунше [Чоюнджи – авт.], Ташелу [Ташлы – авт.]» [26]. С полной уверенностью можно утверждать, что суфизм сыграл важнейшую роль в истории государственности Крымского ханства. К XVII в. суфийские братства функционировали во всех значимых центрах полуострова, «Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвленной сетью соответствующих организационных структур» [3, с. 180]. Наибольшее чис-

ло обителей находилось в Бахчисарае, Кафе, Карасубазаре [8, с. 399]. К середине XVIII в. в Крыму их насчитывалось, по меньшей мере, 50 [3, с. 185]. Неоднократно отмечена приверженность суфийскому учению представителей ханской династии.

Село Чоюнджи (с. 1946 г. – Брусилово, с 1953 г. – Урожайное) расположено в центральном Крыму, в 17 км к северу от Симферополя. Архитектурно-археологических памятников на его территории не выявлено. Посетивший селение во второй половине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби отметил, что «здесь живет Мехмед-эфенди – первый человек среди тех, чья молитва услышана» [25, с. 264]. В. Х. Кондараки указал на наличие в селении захоронения шейха, которое местные жители почитали в качестве святого места [14, с. 8]. Обращают на себя внимание расположенные неподалеку села Барак-Эли («Селение Барака», с 1948 г. – Бараки, в период с 1954 по 1968 гг. включено в состав с. Урожайного) и Шейх-Кой («Селение Шейха», с 1948 г. – Давыдово). Вероятна связь первого топонима с личностью последователя шейха Сейид Сары Салтука (умер в 1293/96 г.) – Барака Бабы (убит в 1308 г.). Оба – легендарные «борцы за веру», проповедники ислама в Крыму. Есть основания предполагать, что ранее оба центра составляли единый крупный религиозный комплекс.

В личном фонде Александра Лукича Ротача (1893–1990)[3], советского архитектора-реставратора, художника[4], отложившемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, Санкт-Петербург) выявлен значимый комплекс фотодокументов с изображением шейхкойской мечети[5]. Учитывая отсутствие до настоящего момента полноценных археологических исследований на территории памятника, представленные в ЦГАЛИ материалы не только существенно дополняют имеющуюся информацию по его истории, но и в значительной мере способствуют восстановлению и реконструкции облика мечети на последнем этапе существования. Всего выявлено 15 снимков, большинство из которых датировано 1928 г., выполнены Б. Н. Засыпкиным.

На пяти фотоснимках (рис. 8–12) представлен внешний вид мечети, снятой с разных сторон, соответствующий плану, составленному Б. Н. Засыпкиным в 1928 г. (рис. 7). Ко всем стенам квадратного в плане купольного здания, кроме южной, сделаны пристройки, наиболее обширной из которых являлась северная, со стороны главного входа. Пристройки низкие, с односкатной крышей, доходящей до середины высоты стены мечети. Западная пристройка закрывала нижнюю четырехгранную часть постамента минарета. Архитектура мечети, как отмечали С. Г. Бочаров и В. П. Кирилко [10, с. 376], соответствовала провинциальному типу мусульманских культовых сооружений, получившему распространение на территории полуострова с начала османского периода истории Крыма. Полным подобием шейхкойской мечети были разрушенная Колеч-мечеть в степной части восточного Крыма[6], а также

[3] ЦГАЛИ. Ф. Р-598: Ротач Александр Лукич (1893–1990) – архитектор-реставратор, 1839–1989 гг.
[4] Об А. Л. Ротаче подробнее см.: [18; 19; 24].
[5] ЦГАЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 493: Фотографии мечети в д. Шейх-кой. 1928 г. Л. 1–16.
[6] Располагалась на современной территории с. Новопокровка Кировского района Республики Крым,

близкие по архитектурному облику, т. е. кубического объема с восьмигранным барабаном и граненым куполом, несохранившиеся мечети в селениях Карагоз[7], Каймак[8], Курулу-Кипчак[9], в крепости Арабат. Мечеть с. Каймак, подобно шейхкойской, была обнесена такими же пристройками [9, с. 183–188]. Разница между первыми двумя и остальными заключалась в устройстве барабана, опиравшегося на внутренние перекрытия. Схожесть с мечетью в с. Колеч проявляется не только в архитектуре самого здания, но и в архитектуре минарета с призматическим постаментом со скошенными углами, восьмигранным стволом и с округлой башенкой, венчаемой заостренной крышей [16, с. 35]. Минарет, вероятно, в восстановленном виде не отличался большой высотой, его ствол возвышался на три ряда кладки камня над верхним карнизом стены мечети (рис. 13). Подобный зарисован У. А. Боданинским в Бахчисарае у мечети Асма-Кую в Салачике, который был им датирован XVI в. [9, с. 298, рис. 142]. В результате, видимо, поздней реконструкции мечети балкон-шерфе минарета получил ограду из металлической фигурной решетки, что встречалось в ряде случаев, например, на минаретах Бахчисарая [16, с. 79, 97].

На трех фотоснимках представлен михраб мечети: общий вид и детали (рис. 14–16). Это позволяет сравнить снимки михраба и его зарисовку (рис. 6), которая в целом достоверно передает архитектуру и декор [10, с. 380, рис. 7; 11, с. 68, рис. 2; 12, с. 140, рис. 2]. На рисунке не отражена резьба нижней части михрабного обрамления, где использованы плиты с геометрическим плетеным орнаментом с восьмилучевыми розетками в центре, образованными рельефными двойными линиями, на левой плите – одна целая и части розеток сверху и снизу от нее. Плиты, вероятно, того же происхождения, что и другие сполии, использованные в архитектурном декоре мечети. Орнамент находится в арсенале сельджукской стилистики крымского происхождения.

Фотоснимки михраба позволяют более детально остановиться на его декоративном элементе – сельджукской цепи, вернее, на рисунке ее нижнего узла, завершающегося пальметтой (рис. 15–16). На кроки узел состоит из трех соединенных петель. В. П. Кирилко и С. Г. Бочаров справедливо отметили, что на других памятниках подобного мотива нет [10, с. 382]. Полагаясь на фотоснимки, мы видим сложный узел, образованный петлями, переплетенными между собой. Подобные узлы использованы в декоре портала мавзолея Джаныке-ханым на городище Чуфут-Кале [5, табл. LXIV, LXV]. Вероятно, формы пальметок в обоих случаях тоже схожи. Подобный элемент в виде плетеного узла, завершенного пальметтой, очевидно, был обычным в декоре порталов (встречается и в обрамлении михрабной ниши), для ре-

входит в состав Журавского сельского поселения.

[7] Располагалось на северо-восточной окраине современного с. Первомайское Кировского района Республики Крым.

[8] Исчезнувшее село в Черноморском районе Республики Крым, в 1,5 км к юго-западу от современного с. Хмелево.

[9] Исчезнувшее село в Сакском районе Республики Крым, в 3,5 км к северо-востоку от современного с. Вересаево.

презентации сельджукской цепи. Этот лаконичный мотив позволяет замкнуть цепь, сделать ее бесконечной и, в то же время, «сэкономить» узор, не перегрузить цепь орнаментом, придать ей бóльшую выразительность. Подобным способом декорирован ряд порталов крымских средневековых построек XIV–XVII вв., культовых и светских, мусульманских и христианских: донжона Мангупской цитадели, Мангупской базилики, а также фрагмент портала, вставленный в стену фонтана (Судак, бывшее с. Уютное), портал гавита церкви армянского монастыря в Двухъякорной долине (Феодосия) [5, с. 160–162, рис. 69–71, табл. LIX]. Форма узла в каждом случае модифицирована, линии ее то более округлы, то более угловаты, в результате все известные случаи имеют между собой некоторые различия.

Верхняя часть михраба на зарисовке не детализирована. Архивные фотоснимки позволяют установить, что в верхней части михраба сельджукская цепь не имела звеньев, ленты ее проложены прямо, без переплетения. Поле над конхой украшают два орнаментированных плетенкой (?) плоских диска с выпуклой сердцевиной. Вероятно, плетение на диске слева образует вокруг полусферической выпуклости розетку.

Фотоснимок портала северного входа (рис. 17), как и его детальное описание, представлены в публикации С. Г. Бочарова и В. П. Кирилко [10, с. 377–378]. На снимках из фонда А. Л. Ротача представлены также фрагменты тимпана с надписью (рис. 18–19).

Фотоснимки с изображением стрельчатой арки, «перекрытой» плитой с надписью и дополненной разгрузочной полукруглой аркой (рис. 20–21) – детали западного входа. Плита заглублена в стену, опирается нижней стороной на полочки, вытесанные в арочном обрамлении. Надпись содержала дату возведения постройки (1358 г.), из которой был взят ряд архитектурных деталей, вторично использованных при строительстве шейхкойской мечети. Полукруглая арка, перекрывающая вход, послужила частью тимпана, над ней – плоское неорнаментированное поле. Арка, по всей видимости, также является сполией, на это указывает нарушение в ритме врезного рисунка в виде тюльпанов на ее поверхности. В их изображении стилизация достигла степени схематизации, рисунок грубый, несоразмерный параметрам арки, что выдает руку неискушенного мастера. Начиная с XVI в., что подтверждают примеры каменной пластики, в сельджукской стилистике полуострова отмечается появление натуралистичных растительных мотивов (например, тюльпаны, розы, гвоздики в декоре мавзолея Хаджи Герая в Салачике, Бахчисарай), которые получили стилизованные формы. Однако рисунок тюльпанов на арке можно сопоставить скорее с изображениями на изразцах и фаянсовой посуде. Согласно А. Н. Кубе, это «стилизация, близкая к природе» [17, с. 81]. Изображение тюльпанов является одним из излюбленных декоративных мотивов в турецком керамическом искусстве. Оно получило широкое распространение начиная с XVI – первой половины XVII в. [17, с. 48, 67, 99, 108]. Привлекает внимание прочерченный тонкой линией плетеный узор, нанесенный на поверхность тимпана под плитой с надписью. Мотив в виде плетеного узла популярен в сельджукской стилистике и встречается в орнаментике множества средневековых архитектурных сооружений и надгробий. В то же время,

этот элемент можно принять за один из компонентов тугры. Появление подобного мотива под надписью вполне оправдано, тем более, что появившимися в Крыму в середине XVI в. туграми украшались и общественные здания [22, с. 4]. Принадлежность этого мотива тугре можно оспорить, хотя место размещения элемента, характер графического образа (выполненного примитивно) позволяют это допустить.

Таким образом, предположение относительно даты возведения мечети (XVI–XVII вв.) в селении Шейх-Кой, основанное на исторических и архитектурных данных, подтверждается и при рассмотрении архитектурного декора здания. Фотоснимки из фонда А. Л. Ротача позволяют восстановить отдельные детали михраба и разрушенный портал западного входа мечети. В ее архитектурном убранстве отразились два приема декорирования здания, соответствующие двум направлениям в стилистике средневековой каменной пластики полуострова – сельджукской и османского периода.

Рис. 1. Симферопольский район, с. Давыдово. Руинированные остатки мечети. Вид с северо-запада. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2019 г.
Fig. 1. Simferopol district, Davydovo village. Ruined remains of a mosque. Viewed from the north-west. Current condition. Photographed by D. A. Lomakin, 2019

Рис. 2. Симферопольский район, с. Давыдово. Руинированные остатки мечети, сохранившаяся часть южной стены и фрагмент купола. Вид с юга. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2019 г.
Fig. 2. Simferopol district, Davydovo village. Ruined remains of a mosque: the remaining part of the southern wall and fragmented dome. Viewed from the south. Current condition. Photographed by D. A. Lomakin, 2019

Рис. 3. Симферопольский район, с. Давыдово. Руинированные остатки мечети, сохранившаяся часть южной стены с михрабом и фрагмент купола. Вид с севера. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2019 г.

Fig. 3. Simferopol district, Davydovo village. Ruined remains of a mosque: the remaining part of the southern wall with mihrab and fragmented dome. Viewed from the north. Current condition. Photographed by D. A. Lomakin, 2019

Рис. 4. Симферопольский район, с. Давыдово. Руинированные остатки мечети, михраб. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2018 г.

Fig. 4. Simferopol district, Davydovo village. Ruined remains of a mosque, mihrab. Current condition. Photographed by D. A. Lomakin, 2019

Рис. 5. Симферопольский район, с. Давыдово. Руинированные остатки мечети, фрагмент декоративного оформления восточной части михраба. Современное состояние. Фотоснимок Д. А. Ломакина, 2019 г.

Fig. 5. Simferopol district, Davydovo village. Ruined remains of a mosque, with the fragment of decorative design of the eastern part of the mihrab. Current condition. Photographed by D. A. Lomakin, 2019

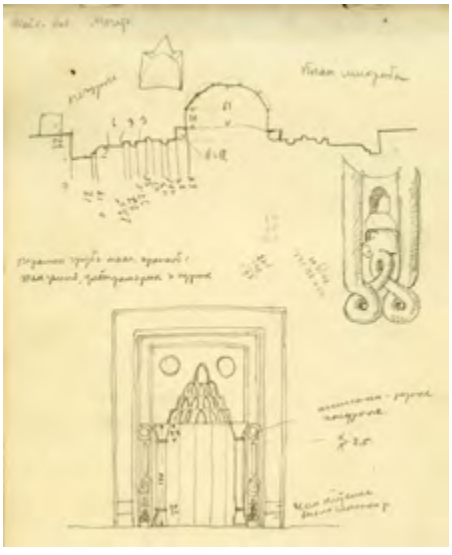


Рис. 6. План, фасад и вид фрагмента михраба. Кроки, 1928 г. Автор не установлен, предположительно – Б. Н. Засыпкин [по: 10, с. 380, рис. 7]

Fig. 6. Ground plan, façade, and a view of mihrab fragment. The author is not known, he possibly was B. N. Zasypkin [after: 10, с. 380, рис. 7]

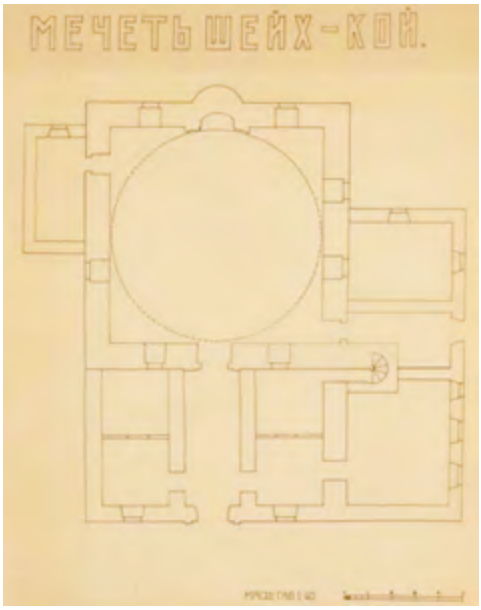


Рис. 7. План мечети в селении Шейх-Кой. Автор – предположительно Б. Н. Засыпкин. 20-е гг. XX в. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 14)
Fig. 7. Ground plan of the mosque in the village of Sheikh-Koi. The author presumably was B. N. Zasypkin. 1920s (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 14)

Рис. 8. Мечеть в с. Шейх-Кой. Вид с севера. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 4)
Fig. 8. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Viewed from the north. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 4)

Рис. 9. Мечеть в с. Шейх-Кой. Вид с северо-востока. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 2)
Fig. 9. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Viewed from the north-east. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 2)

Рис. 10. Мечеть в с. Шейх-Кой. Вид с юго-запада. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 10)
Fig. 10. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Viewed from the south-west. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 10)

Рис. 11. Мечеть в с. Шейх-Кой. Вид с юго-запада. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 11)
Fig. 11. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Viewed from the south-west. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 11)

Рис. 12. Мечеть в с. Шейх-Кой. Вид с северо-запада. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 12)
Fig. 12. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Viewed from the north-west. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 12)

Рис. 13. Мечеть в с. Шейх-Кой. Верхняя часть минарета. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 3)
Fig. 13. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Upper part of the minaret. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 3)

Рис. 14. Мечеть в с. Шейх-Кой. Михраб. Фотоснимок, 20-е гг. XX в. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 9)
Fig. 14. Mosque in the village of Sheikh-Koi. The mihrab. Photographed in the 1920s (TsGALI. F. R.-598. Op. 1. D. 493. L. 9)

Рис. 15. Мечеть в с. Шейх-Кой. Оформление нижней части михраба. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 8)
Fig. 15. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Design of the lower part of the mihrab. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 8)

Рис. 16. Мечеть в с. Шейх-Кой. Оформление нижней части михраба. Фотоснимок, 20-е гг. XX в. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 1)
Fig. 16. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Design of the lower part of the mihrab. Photographed in the 1920s (TsGALI. F. R.-598. Op. 1. D. 493. L. 1)

Рис. 17. Мечеть в с. Шейх-Кой. Северный вход. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 7)
Fig. 17. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Northern entrance. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 7)

Рис. 18. Мечеть в с. Шейх-Кой. Северный вход. Верхняя часть с надписью. Фотоснимок, 20-е гг. XX в. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 13)
Fig. 18. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Northern entrance. Upper part with the inscription. Photographed in the 1920s (TsGALI. F. R.-598. Op. 1. D. 493. L. 13)

Рис. 19. Мечеть в с. Шейх-Кой. Северный вход. Оформление верхней части западной стороны. Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 5)
Fig. 19. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Northern entrance. Design of the upper part of the western side. Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 5)

Рис. 20. Мечеть в с. Шейх-Кой. Западный вход. Верхняя часть с надписью и датой 760 г. х. (1358 г.). Фотоснимок, 20-е гг. XX в. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 6)
Fig. 20. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Western entrance. Upper area with the inscription and the date 760 AH (1358 AD). Photographed in the 1920s (TsGALI. F. R.-598. Op. 1. D. 493. L. 6)

Рис. 21. Мечеть в с. Шейх-Кой. Западный вход. Верхняя часть с надписью и датой 760 г. х. (1358 г.). Фотоснимок Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (ЦГАЛИ. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 493. Л. 15)
Fig. 21. Mosque in the village of Sheikh-Koi. Western entrance. Upper area with the inscription and the date 760 AH (1358 AD). Photographed by B. N. Zasypkin, 1928 (TsGALI. F. R-598. Op. 1. D. 493. L. 15)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваап Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42. С. 2–23.
2. Абдульваап Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Qasevet. 2008. № 34. С. 12–27.
3. Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Филология». 2005. Т. 18 (57), № 3. С. 179–192.
4. Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.
5. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с. (Сер.: «Материалы по археологии Крыма»).
6. Акчокраклы О. 1928 сенеси ичинде къырымда фенний ве тарихий экспедициялар [Научно-исторические экспедиции по Крыму в 1928 г.] // Эсерлер топламы [Сборник работ]. Симферополь, 2006. С. 252–256.
7. Акчокракли О. Науково-дослідча робота по історії матеріяльної культури у Криму за 1928 рік // Акчокраклы О.Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / под ред. С. Р. Хакимова. Симферополь: Форма, 2016. С. 115–117. (Сер.: «Наследие Крыма»).
8. Бахревский Е.В. Суфизм в Крыму: по материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби» // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. 1. С. 395–402.
9. Боданинский У.[А.] Собрание сочинений. Т. III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. бахчисарайского дворца-музея (1920–1934) / отв. ред. И. В. Зайцев. Казань; Симферополь, 2020. 543 с. (Сер.: «Наследие Крыма»).
10. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371–392.
11. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2017. № 15 (264), вып. 43. С. 64–69.
12. Кирилко В.П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 138–150
13. Кирилко В.П., Бочаров С.Г. Малоизвестная средневековая мечеть в центральном Крыму (Шейх-кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4, ч. 2. С. 111–118.
14. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875. Ч. 11. 87 с.
15. Лавров В.В. Разведки мечети Шейх-Кой в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. № 11. С. 161–174.
16. Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. К 750-летию образования Золотой Орды / Сост. И. В. Зайцев, Ш. С. Сейтумеров, Р. Р. Эминов. М.: Медина. 2016. 111 с.
17. Миллер Ю.А. Художественная керамика Турции. Л.: Аврора, 1972. 184 с.
18. Ребриева Е.С. Архитектор А. Л. Ротач – исследователь памятников истории и культуры Крыма (по документам ЦГАЛИ СПб) // Вестник архивистов Крыма. 2019. Вып. 3. С. 94–102.
19. Сафронов Ю.И. Александр Лукич Ротач. Петербургский художник, архитектор, писатель // История Петербурга. 2003. № 5 (15). С. 43–47.
20. Сейдалиев Э.И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: сборник тезисов международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 65–71.
21. Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 140–178.

22. Фаизов С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.; Бахчисарай: Древлехранилище, 2002. 100 с.
23. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. 2, отд. 1. С. 182–236.
24. Хранитель памяти архитектуры А. Л. Ротач (1893–1990): к 125-летию со дня рождения. Сборник статей и документов / сост. Е. С. Ребриева. СПб., 2019. 116 с.
25. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.
26. Peyssonel M de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. 340 p.

REFERENCES

1. Abdul'vaap N. K istorii nauki, obrazovaniya i literatury v Krymu v period Zolotoy Ordy [To the history of science, education and literature in Crimea during the period of the Golden Horde]. *Qasevet*, 2014, no. 42, pp. 2–23.
2. Abdul'vaap N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Qasevet*, 2008, no. 34, pp. 12–27.
3. Abdul'vapov N. Aktual'nye problemy izucheniya istorii sufizma v Krymu [Actual problems of studying the history of Sufism in Crimea]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Scientific notes of the Taurida National University. Series «Philology»], 2005, vol. 18 (57), no. 3, pp. 179–192.
4. Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, no. 79, pp. 140–149.
5. Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV – XVIII vv.* [Decorative stone carving of Kaffa XIV–XVIII centuries]. Simferopol, Sonat Publ., 2001, 280 p.
6. Akchokrakly O. 1928 senesi ichinde k"yrymda fenniy ve tarikhiy ekspeditsiyalar [Scientific expeditions in Crimea in 1928]. *Eserler toplamy* [Collection of publications]. Simferopol, 2006, pp. 252–256.
7. Akchokrakli O. Naukovo-doslidcha robota po istorii materiyal'noi kul'turi u Krimu za 1928 rik [Research work on the history of material culture in Crimea in 1928]. *Izbrannye sochineniya po istorii, arkheologii, etnografii* [Selected works on history, archeology, ethnography]. Simferopol, Forma Publ., 2016, pp. 115–117.
8. Bakhrevskiy E.V. Sufizm v Krymu: po materialam «Knigi puteshestviya Evlii Chelebi» [Sufism in Crimea: Based on the Materials of the «Travel Book of Evliya Chelebi»]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection], vol. 1. Simferopol, Tavriya Publ., 1997, pp. 395–402.
9. Bodaninskii U.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 3, Kazan, Simferopol, 2020, 543 p.
10. Bocharov S.G., Kirilko V.P. Istoricheskie i arkhitekturnye metamorfozy Sheykh-Koya [Historical and architectural metamorphoses of Sheikh Koy]. *Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 371–392.
11. Bocharov S.G., Kirilko V.P. Mechet' v Sheykh-Koy: interpretatsionnye vozmozhnosti nauchnykh istochnikov v issledovanii pamyatnika [Mosque in Sheikh-Koy: interpretive possibilities of scientific sources in the study of the monument]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya»* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series «History. Political science»], 2017, no. 15 (264), vol. 43, pp. 64–69.
12. Kirilko V.P. Mikhrab mecheti v Sheykh-Koy [Mihrab of the mosque in Sheikh Koy]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2016, no. 2 (16), pp. 138–150.
13. Kirilko V.P., Bocharov S.G. Maloizvestnaya srednevekovaya mechet' v tsentral'nom Krymu (Sheykh-koy) [Little-known medieval mosque in central Crimea (Sheikh-koy)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2015, no. 4, part 2, pp. 111–118.

14. Kondaraki V.Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 11, 87 p.
15. Lavrov V.V. Razvedki mecheti Sheikh-Koi v 2018 g. [Intelligence of the Sheikh-Koi Mosque in 2018]. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archaeology of Crimea], 2019, no. 11, pp. 161–174.
16. Zaitsev I.V., Seitumerov Sh.S., Eminov R.R. (Eds.). *Mecheti Kryma na starykh fotografiiakh. Iz fondov Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika. K 750-letiiu obrazovaniia Zolotoi Ordy* [Mosques of Crimea in old photographs. From the funds of the Bakhchisarai historical, cultural and archaeological museum. To the 750th anniversary of the formation of the Golden Horde]. Moscow, Medina Publ., 2016, 111 p.
17. Miller Iu.A. *Khudozhestvennaia keramika Turtsii* [Art ceramics of Turkey]. Leningrad, Avrora Publ., 1972, 184 p.
18. Rebrieva E.S. Arkhitektor A. L. Rotach – issledovatel' pamiatnikov istorii i kul'tury Kryma (po dokumentam TsGALI SPb) [Architect A. L. Rotach – researcher of monuments of the history and culture of Crimea (according to the documents of the Central State Archive of Literature and Art, St. Petersburg]. *Vestnik arkhivistov Kryma* [Herald of an Archivists of Crimea], 2019, Vol. 3, pp. 94–102.
19. Safronov Iu.I. Aleksandr Lukich Rotach. Peterburgskii khudozhnik, arkhitektor, pisatel' [Alexander Lukich Rotach. Petersburg artist, architect, writer]. *Istoriia Peterburga* [History of St. Petersburg], 2003, no. 5 (15), pp. 43–47.
20. Seydaliev E.I. Musul'manskie kul'tovye pamyatniki Kryma perioda Zolotoy Ordy. Sovremennoe sostoyanie problemy [Muslim religious monuments of Crimea of the Golden Horde period. Current state of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma: sbornik tezisov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka* [Actual problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea: a collection of abstracts of the international scientific and practical conference dedicated to the 700th anniversary of the mosque of Khan Uzbek], Simferopol, 2014, pp. 65–71.
21. Smirnov V.D. Krymsko-khanskie gramoty [Crimean-khan letters]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, no. 50, pp. 140–178.
22. Faizov S. *Tugra i Vselennaia. Mokhabbat-name i shert name krymskikh khanov i printsev v ornamental'nom, sakral'nom i diplomaticheskom kontekstakh* [Tugra and the Universe. Mokhabbat-name and shert name of Crimean khans and princes in ornamental, sacred and diplomatic contexts]. Moscow, Bakhchisarai, Drevlekhranilishche Publ., 2002, 100 p.
23. Khartakhay F. Istoricheskaya sud'ba krymskikh tatar [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1866, vol. 2, part 1, pp. 182–236.
24. Rebrieva E.S. (Ed.). *Khranitel' pamiati arkhitektury A.L. Rotach (1893–1990): k 125-letiiu so dnia rozhdeniia. Sbornik statei i dokumentov* [The keeper of the memory of architecture A. L. Rotach (1893–1990): on the 125th anniversary of his birth. Collection of articles and documents]. St. Petersburg, 2019, 116 p.
25. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.* [Travel book. Crimea and adjacent regions: extract from the work of the Turkish traveler of the 17th century]. Simferopol, Mediatsentr im. I. Gasprinskogo Publ., 2017, 312 p.
26. Peyssonel M de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire* [Black Sea Trade Agreement]. Paris, 1787, 340 p.

Информация об авторах

Ломакин Д. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Q-4428-2017.

Айбабина Е. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Lomakin D. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Q-4428-2017.

Aibabina E. A. – Candidate of Science (History), Associate professor of the Department of geometric and computer modeling of energy-efficient buildings of the Academy of construction and architecture of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.711-723

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Б. Н. ЗАСЫПКИНА

Андрей Анатольевич Непомнящий
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
Институт истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

Аннотация. Статья продолжает цикл публикаций автора по истории организации и участниках работ по изучению восточной культуры в Крыму в середине 20-х гг. XX в. Раскрыта одна из страниц экспедиционной деятельности в Крыму сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских. Эти работы проходили в рамках крупномасштабной археолого-этнографической экспедиции по изучению крымскотатарских памятников. Работы проводились по заказу и при финансировании Крымской АССР учеными из академических центров СССР. Проанализировано участие в изучении крымского культурного наследия крупного реставратора, организатора мероприятий по охране археологических объектов в различных регионах СССР Бориса Николаевича Засыпкина (1891–1955). Вводятся в научный оборот ранее неизвестные документы фонда Центральных государственных реставрационных мастерских, отложившегося в Центральном государственном архиве города Москвы. Эти материалы с новых сторон характеризуют деятельность архитектора-реставратора Б. Н. Засыпкина в Крыму в 1926–1927 гг. Приведены тексты отчетов исследователя о его работах на полуострове в 1926 г. Для характеристики напряженных межличностных коммуникаций в крымоведческой среде, выяснения роли в этих процессах Б. Н. Засыпкина использованы содержательные и малоизвестные письма к Б. Н. Засыпкину заведующей Евпаторийским археолого-этнографическим музеем П. Я. Чепуриной и директора Государственного музея Херсонеса Таврического К. Э. Гриневича. Показана роль Б. Н. Засыпкина в сохранении музея в Евпатории. Он организовал заступничество в вопросе о существовании музея и сохранении его фондов лично заведующей Музейной секции Главнауки Наркомпроса РСФСР Н. И. Седовой, руководителя Главнауки Ф. Н. Петрова и председателя Государственной академии истории материальной культуры Н. Я. Марра. Восстановлена деятельность экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских на полуострове под руководством И. Э. Грабаря. В ее состав были включены руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России, искусствовед А. И. Анисимов, реставратор Г. О. Чириков и фотограф А. В. Лядов. Задачей экспедиции 1927 г. было обследование памятников архитектуры с сохранившейся живописью и обозначение необходимых мер для охраны и поддержания этих архитектурных объектов. Показана деятельность Б. Н. Засыпкина по учету памятников в Херсонесе.

Ключевые слова: Б. Н. Засыпкин, крымоведение, Центральные государственные реставрационные мастерские, охрана археологических объектов, Евпаторийский археолого-этнографический музей

NEW MATERIALS FOR B. N. ZASYPKIN'S BIOGRAPHY

Andrei A. Nepomniashchy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

© Непомнящий.А. А., 2022

Abstract. This article continues the author's series of publications on the history of organization and participants of the studies in Eastern culture in the Crimea in the mid-1920s. A page of the expeditionary activities of the team of the Central State Restoration Workshops in the Crimea is revealed. This work was a part of large-scale archaeological and ethnographic expedition for the study of the Crimean Tatar monuments. It was commissioned and funded by the Crimean ASSR and carried out by researchers from the academic centres of the USSR. The article has analysed the participation of Boris Nikolaevich Zasypkin (1891–1955), a well-known restorer and the organizer of the archaeological monument protection in different regions of the USSR, in the study of the Crimean cultural heritage. It has introduced into the scholarship previously not known documents from the collections of the Central State Restoration Workshops now residing in the Moscow Central State Archives. These materials shed light on new aspects of the architect-restorer B. N. Zasypkin's works in the Crimea in 1926 and 1927. The texts of Zasypkin's reports on his works on the peninsula in 1926 are supplied. Informative but little-known letters of P. I. Chepurina, the head of Yevpatoria Archaeological and Ethnographic Museum, and K. E. Grinevich, the director of the State Museum of Tauric Chersonese, to B. N. Zasypkin uncover tough personal communications of the researchers of the Crimea and Zasypkin's role in the said process. Zasypkin's activities for the preservation of the museum in Yevpatoria has been demonstrated. He arranged the intercession of the museum existence and preservation of its storage from the Head of the Museum section of the Glavnauka (Supreme Administration of Scientific, Scientific-Artistic, and Museum Establishments) at the People's Commissariat for Education of the RSFSR N. I. Sedova, the Head of the Glavnauka F. N. Petrov, and the Chair of the State Academy for the History of Material Culture N. Ia. Marr. The Central State Restoration Workshops' expedition under the supervision of I. E. Grabar to the peninsula has been reconstructed. It included the head of the Commission for the Preservation and Discovery of Ancient Paintings in Russia and the art historian A. I. Anisimov, the restorer G. O. Chirikov, and the photographer A. V. Liadov. The 1927 expedition was aimed at the inspection of architectural monuments where paintings survived and the development of necessary measures to protect and maintain these architectural sites. Zasypkin's work for the recording of Chersonese monuments has been shown.

***Keywords**:* B. N. Zasypkin, Crimean Studies, Central State Restoration Workshops, archaeological objects preservation, Yevpatoria Archaeological and Ethnographical Club

Обширная, но непродолжительная, деятельность в Крыму крупного советского деятеля в области охраны и восстановления памятников истории и культуры, основоположника методики научной реставрации, архитектора Бориса Николаевича Засыпкина (1891–1955) длительное время оставалась малоисследованной. В сфере его основных научных интересов была материальная культура мусульманского мира. Ссылка, в которую попал репрессированный Б. Н. Засыпкин в середине 1930-х гг., а потом война и депортация народов из Крыма, надолго сделали его исследования невостребованными.

Родом из Оренбурга, детство будущий архитектор провел в Челябинске. После окончания Челябинского городского реального училища (1910 г.) он стал студентом художественного отделения Томского технологического института имени императора Николая II. Однако юношу тянуло в столицы и в том же 1910 г. он перевелся в Московское училище живописи. Это учебное заведение Б. Н. Засыпкин окончил в 1916 г. со званием архитектора. Уже тогда проявились его неординарные способности в выбранном объекте изучения. При окончании училища молодой специалист получил престижную в вузе премию имени В. А. Жуковского за дипломную работу[1].

[1] РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Л. 2264. Л. 1–2.

Служебная карьера архитектора началась у Б. Н. Засыпкина в Строительной комиссии Московского дворцового управления, где он с 1911 по 1914 год занимался реставрацией башен Кремля и церкви в Коломенском. В 1915 г. Б. Н. Засыпкин получил должность архитектора в Московской городской управе. Одновременно с работой в Москве он продолжал образование в столице – в Академии художеств. Революция 1917 г. не позволила ему получить диплом об окончании этого учебного заведения, хотя основной лекционный курс был уже прослушан [1, с. 158]. Ликвидация после революции в Москве «старорежимных» учреждений оставила молодого специалиста без работы и средств к существованию. В тех условиях его специальность была невостребованной. Ситуация вынудила Б. Н. Засыпкина уехать к родственникам в Челябинск. Там Борис Николаевич в смутные для страны 1918–1919 гг. служил архитектором в уездной земской управе. В 1919 г. судьба вновь забросила его в Томск, где удалось получить работу заведующим подотделом искусства в только что образованном местном отделе охраны памятников искусства и старины. В 1921–1922 гг. Б. Н. Засыпкин служил заведующим подотделом охраны памятников искусства и старины губернского отдела по делам музеев в аналогичных учреждениях в Костроме и Ярославле. Находясь в этой должности, Борис Николаевич активно сотрудничал с Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР, курировавшем учет и охрану памятников в стране. Архитектор часто бывал в столице, контактировал с коллегами-реставраторами, что вскоре определило очередной виток его карьеры. Знаковой для Б. Н. Засыпкина стала его служебная командировка в Самарканд в 1923 г. по заданию из Наркомпроса РСФСР. Там он занимался изучением архитектурного наследия и проведением реставрационных работ. Полученный во время этой командировки обширный опыт вскоре сделал Б. Н. Засыпкина практически главным и востребованным специалистом в области реставрации мусульманских памятников архитектуры.

По рекомендации заместителя заведующего Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР Николая Рудольфовича Левинсона (1888–1966) Б. Н. Засыпкин был принят штатным сотрудником в это учреждение[2]. Судьбоносным стало и другое назначение для ученого. Практически одновременно он получил должность «архитектора по восточной архитектуре» во Всероссийской комиссии по делам реставрации (с 1924 г. – Центральные государственные реставрационные мастерские). Борис Николаевич возглавлял в эти годы все реставрационные проекты в Средней Азии [1, с. 160]. Впоследствии в ЦГРМ он занял пост заведующего архитектурной секцией.

Являясь признанным знатоком мусульманской архитектуры, Б. Н. Засыпкин не мог не быть привлеченным к масштабным работам по изучению крымскотатарских средневековых объектов в Крыму. С 1924 г. КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР выделили значительные средства для изучения истории и этнографии тюркских этносов полуострова. Это, безусловно, увязывалось с проводимой на полуострове

[2] ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 373. Л. 3.

политикой коренизации. В 1925 г. КрымОХРИС начал крупномасштабную археолого-этнографическую экспедицию по изучению «татарской старины». Основным исполнителем был назначен Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (руководил У. А. Боданинский) при активном участии Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (О. А. Акчокраклы и др.). Среди местных деятелей привлекались Н. С. Барсамов и К. Ф. Богаевский (Феодосийский музей краеведения) [7, с. 479–480], П. И. Голландский и Н. Л. Эрнст (Центральный музей Тавриды). Разведывательные работы начались в 1924 г. Уже тогда в них активно участвовали представители Всесоюзной научной ассоциации востоковедения А. С. Башкиров и Н. И. Бороздин, которые с 1925 г. возглавили экспедицию. Тогда же к ним присоединился Б. А. Куфтин, который руководил этнографической частью, и реставратор А. П. Удаленков от ЦГРМ [5, с. 67–78]

В 1926 г. после двухлетних археологических разведок и раскопок, когда уже очертился значительный объем архитектурных находок средневекового Крыма, по решению Главнауки «для инструктирования реставрационных работ» к участию в экспедиции был привлечен Б. Н. Засыпкин[3]. В августе – сентябре 1926 г. Борис Николаевич обследовал памятники в Бахчисарае и округе, Карасубазаре, Старом Крыму, Феодосии, Судаке, Алупке, Севастополе и Евпатории [6, с. 125–127]. Объем изученных объектов, судя по сохранившимся актам, составленным Б. Н. Засыпкиным совместно с местными деятелями ОХРИСов и музеев, свидетельствует о достаточно напряженной работе. Кстати, во время этой поездки Б. Н. Засыпкин, который до этого не видел моря, смог насладиться в «бархатный сезон» всеми прелестями крымского климата[4].

Знаковым для исследователя стало пребывание в Евпатории 16 августа 1926 г. Б. Н. Засыпкин исследовал архитектурные объекты, находящиеся в ведении Евпаторийской секции ОХРИСа: текие дервишей, бывший дом Бабаджана, караимские кенассы[5]. Предметом пристального внимания архитектора стала мечеть Хан-Джами (Джума Джами) 1552 года постройки. Московского историка сопровождала заведующая Евпаторийским археолого-этнографическим музеем, зав. Евпаторийской секции ОХРИСа П. Я. Чепурина и заместитель председателя КрымОХРИСа Я. П. Бирзгал. С этого момента между Борисом Николаевичем и Полиной Яковлевной завязалась дружба. Б. Н. Засыпкин был посвящен заведующей музеем в сложный узел проблем по сохранению не только архитектурных объектов, но и отдельных уникальных экспонатов музея. Именно он посоветовал П. Я. Чепуриной поднять этот вопрос на намечавшейся через месяц Конференции археологов СССР в Керчи и обещал поддержать ее там. С этого времени налаживается и постоянная переписка между крымоведами.

Первые обобщения значительных научных и методико-практических исследований, произведенных на полуострове, Б. Н. Засыпкин сделал на проходившей в сентя-

[3] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 507. Л. 3–4 об.; Д. 9. Л. 79–80.
[4] РГАЛИ. Ф. 2529. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.
[5] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 3–5.

бре 1926 г. Конференции археологов СССР в Керчи [4, с. 60–108]. Его доклад «Состояние татарских памятников в Крыму» был заслушан на заседании Тюрко-татарской секции на 3-й день работы научного форума и вызвал живое обсуждение [3]. Дело в том, что участниками данного научного форума как раз были коллеги московского архитектора из крымских музеев, археологи, участники названной экспедиции.

На секции вслед за Б. Н. Засыпкиным сразу же выступила П. Я. Чепурина с сообщением «О Коране евпаторийской мечети». Евпаторийская музейщица остановилась на истории сооружения культовой постройки. В 1924 г. при детальном осмотре средневековой евпаторийской мечети Джума Джами из-за образовавшегося протекания П. Я. Чепурина обнаружила там древний Коран, который был включен в состав фондов местного музея. Полина Яковлевна обратилась к специалистам из академических центров СССР и Западной Европы для определения датировки и общей исторической ценности данного памятника. Тогда была обозначена уникальность Корана «по письму, росписи и количеству заставок» [11, с. 5–6]. Докладчик привела две легенды о Коране – как «заветном даре на черный день» и «сердце мечети», изъятие которого приведет к смерти мечети [12, с. 6]. Подробно были проанализированы художественное оформление, шрифты уникального памятника, причиненные временем и небрежным обращением повреждения. После такого введения специалистов в тему П. Я. Чепурина предала огласке научному сообществу факт неправомерной передачи Корана из музея в Евпатории в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, произведенный заместителем заведующего КрымОХРИСом Яном Петровичем Бирзгалом (1898–1968). Несмотря на настойчивые требования председателя КрымОХРИСа А. И. Полканова, П. Я. Чепурина отказалась промолчать о данной ситуации[6]. Дело в том, что руководство КрымОХРИСа (А. И. Полканов и Я. П. Бирзгал) поддерживали инициативу У. А. Боданинского сделать Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае единственным центром по изучению тюркской культуры и централизованным местом хранения соответствующих памятников. На секции, где присутствовал и У. А. Боданинский, разгорелся скандал. Выступивший в защиту позиции П. Я. Чепуриной Б. Н. Засыпкин настаивал на важности хранения уникального документа в Евпатории. После обсуждения коллеги договорились продолжить борьбу за возвращение редкого книжного памятника. Борис Николаевич посоветовал заведующей музеем обратиться за поддержкой в Государственную академию историю материальной культуры, непосредственно к Н. Я. Марру, который проявлял постоянный интерес к изучению крымских восточных памятников [8, с. 57–60]. Евпаторийский краевед так и поступила, отправив в Ленинград обстоятельное письмо с просьбой о помощи[7].

Для Центральных государственных реставрационных мастерских Б. Н. Засыпкин подготовил отдельные доклады об обследовании им памятников архитектуры в

[6] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 5–5 об.
[7] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 9.

Крыму[8] и о состоянии археологического наследия на полуострове[9]. Вот как характеризовал Борис Николаевич в отчете для ЦГРМ основные итоги работ в 1926 г.:

«По заданию Государственных реставрационных мастерских Главнауки архитектором Б. Н. Засыпкиным произведено обследование памятников Крыма в следующих пунктах: Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Карасубазар, Евпатория, Херсонес, Алупка, Феодосия, Мечеть-Колечь, Каракозы, Старый Крым, Эль-Бузлы, Судак и Керчь.

Главное внимание было обращено на состояние памятников архитектуры крымских татар, которые в дореволюционное время были почти в полном забвении, кроме известного всем Бахчисарайского дворца.

Так, например, ценные памятники чисто татарского искусства в Карасубазаре впервые были зафотографированы и обмерены. Всего подвергалось исследованию 69 татарских памятников и ряд первоклассных памятников: армянских, крымчаков (еврейских), караимских, греческих, римских, боспорских, византийских и генуэзских.

При обследовании памятников было произведено около 300 фотографий, около 70 архитектурных обмеров и составлены технические акты и описания.

Состояние древних татарских памятников, особенно мечети Ешиль-Джами, Бахчисарайского дворца, мавзолея Эски-Дюрбе, мечети Текие-Хан-Джами, дом быв. Бакши требует срочных укрепительных мер.

Весьма интересные и ценные раскопки в Старом Крыму экспедиции под руководством проф. И. Н. Бороздина открывают памятники высокой тюрко-татарской культуры; ряд памятников, там же, надземных требует охраны от расхищения населением. Купольные мечети в селениях Колечь и Каракозы, а также мечеть в селении Эль-Бузлы требует небольшого, но срочного ремонта. Весьма интересные и импозантные башни и стены генуэзской крепости Судак, в настоящее время ограждаются колючей проволокой, т. к. некультурные туристы занимались спортом, сбрасывая с башен в море камни, разрушая древние сооружения.

Херсонес, раскопки которого будут продолжены в ближайшем будущем, разрушается морем с северной стороны. Для спасения требуется капитальное укрепление берега. Знаменитые мозаики нуждаются в укреплении.

В Керчи требуется срочное укрепление живописи и в античном склепе Деметры (мировая уника) и катакомбы Сарака. Находящаяся вблизи Керчи турецкая крепость Ени-Кале нуждается в организации охраны и мерах укрепления.

Состоявшаяся 5–10 сентября Керченская археологическая конференция обратила должное внимание на охрану памятников Крыма, имеющих мировое значение, в особенности на катастрофическое состояние живописи на своде в склепе Деметры в Керчи и мозаичных полов VI в. н. эры в Херсонесе.

Регулярные обследования будут положены в основу разрабатываемого плана поддержания древностей Крыма»[10].

[8] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 19–21.
[9] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 2–14.
[10] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 18–18 об.

Отдельный отчет о работах с детальным указанием обследованных объектов Б. Н. Засыпкин подготовил для Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР:

«Во время поездки в Крым мной исследованы памятники следующих пунктов: Симферополя, Бахчисарая, Алупки, Карасубазара, Евпатории, Феодосии, Старого Крыма, Судака, Колечь, Эль-Бузлы, Каракозы, Херсонеса и Керчи. Во всех пунктах составлены акты технического осмотра и обследования, составляющие 51 страницу печатного на машинке материала. Произведено 53 обмера, преимущественно планов и, главным образом, тех, кои таковых совершенно не имели. Кроме этого, произведено 289 фиксирующих фотографических снимков.

Полученный от поездки материал мною в настоящее время обрабатывается в двух направлениях: по линии научно-исследовательской выясняется характер и значение памятников преимущественно тюрко-татарских и по линии выработки тех практических мероприятий по консервации их, а также выработке вопросов принципиальных и методических, и составления общего для Крыма плана ремонтных работ.

Детально план моих работ в Москве следующий: Обработка и вычерчивание обмеров. Бахчисарай. 1) Азис – малый восьмигранник – 1; 2) Азис – большой восьмигранник – 1; 3) Азис – дюрбе Мухаммед-Шах-Бея (план, два фасада, деталь) – 4; 4) Азис дюрбе Ахмет-Бея – 1; 5) Салачик – медресе Зынджирлы – 1; 6) Дюрбе Диляры-Бикеч – 1; 7) Эски-Дюрбе, план деталь, галереи и портал – 3; 8) Два ханских дюрбе – 2; 9) Бани, рисунок – тромпа – 1. Всего по Бахчисараю – 15.

Карасубазар. 1) План Текие-Хач-Джами – 1; 2) План Шор-Джами и 3 детали – 4; 3) Дюрбе Саид-Мухаммед-Эфенди, план и фасад – 3; 4) Дом Бакши: 3 стены и 1 деталь – 6; 5) Верхний Хамам – план; 8) Бани Чам-Хамам – план.

Евпатория. 1) План Хан-Джами – 1; 2) Дом Бабаджана – 2 плана; 3) План Текие – 1. Всего – 4.

Феодосия. 1) Ц[ерковь] Иоанна Богослова – 1; 2) Ц[ерковь] Иоанна Предтечи – 1; 3) Ц[ерковь] Стефана – 1; 4) Бани – план – 1. Всего – 4.

Феодосийская район. 1) План Колечь-мечеть – 1; 2) План мечети в Каракозах – 1; 3) План мечети в Эль-Бузлы – 1. Всего – 3.

Старый Крым. 1) Куршум-Джами – 2; 2) Часовня – 1; 3) Раскопки в Кяшане – 2. Всего – 5.

Судак. 1) По крепостным стенам и башням – планов – 15; 2) План 3-х базилик и детали – 3; 3) План мечети – 2; 4) План цистерн – 1. Всего – 20.

Херсонес. По часовне Лаврентия – 5.

Итого по всем пунктам 53 чертежа.

II. Доклады: 1. О живописных памятниках Крыма. 2. О способах консервации раскопок в Херсонесе. 3. О татарских памятниках, их историко-художественном значении, охране и ремонте. 4. Состояние памятников Судака. 5. Общий доклад о состоянии памятников Крыма.

Общие работы. 1. Научная обработка чертежного материала. 2. Регистрация и

обработка 289 фотографий по Крыму. 3. Изучение литературы по Крыму»[11].

Представляет интерес и выявленная отдельная «Объяснительная записка к смете на научно-исследовательскую экспедицию в город Судак летом 1926 года»:

«Древности Судака представляют громадный научный интерес по целому ряду причин:

1. Они сохранили обильнее материальные следы целого ряда западноевропейских и восточных культур, начиная от первых веков нашей эры, римской, византийской, венецианской, генуэзской, турецкой, татарской и славянской.

2. Культурные слои Судака хранят в своих недрах материалы для выявления большой древнерусской колонии на Черном море – Суроже, именем которого называлось море, колонии, которая в период VIII–XIV вв. несла культуру западных и восточных народов на север – в Древнюю Русь.

3. Древности Судака, находящиеся на поверхности земли, пока сохранились ещё в лучшем и более полном состоянии, чем такие же древности в других местах Черноморского побережья, а находящиеся под землей до сих пор ещё не были тронуты рукой научного исследователя и в этом отношении представляют исключительную ценность.

4. В настоящее время, когда ведется параллельно исследовательская работа по изучению Херсонеса и Старого Крыма, обследование древностей Судака является вполне своевременным, так как вследствие общности некоторых культурных моментов и факторов, с одной стороны, поможет пролить свет на целый ряд наблюдений в названных местах, а с другой стороны – поставит исследование древностей Судака в наиболее благоприятные условия работы.

5. Что касается технической части сметы, то в I группе ее имеется в виду то общее количество сотрудников, которое необходимо в первом периоде исследовательской работы:

а) кроме заведующего экспедицией крайне желателен специалист византолог, так как предшествовавший генуэзской эпохе византийский период четко пробивается во всех сохранившихся древностях;

б) эксперты инженер и геолог необходимы только в начале работы, как консультанты по данным специальностям для выяснения соответствующих вопросов, связанных с состоянием архитектурных памятников и ремонта их для предохранения от разрушения;

в) фотограф, журналисты и инвентаризаторы необходимы как технические сотрудники, которые должны будут вести всю работу по учету памятников и самого процесса обследования;

г) рабочие определены в количестве среднем для подобного рода работ в Крыму»[12].

Свои многочисленные зарисовки и описания мусульманских памятников полуострова Б. Н. Засыпкин обобщил в обширной статье «Памятники архитектуры

[11] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 24–25.

[12] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 517. Л. 4–4 об.

крымских татар», опубликованной в 1927 г. в рупоре крымоведов – журнале «Крым». В статье предложена научная классификация архитектурного наследия средневекового Крыма, выявлено влияние соседних народов (особенно армян и татар Поволжья) на памятники постзолотоордынского периода, предложена датировка археологических объектов [12]. Этот интереснейший материал по праву признан классикой научного крымоведения.

После отчета Б. Н. Засыпкина в ноябре 1926 г. на заседании Ученого совета ЦГРМ об исследовании крымских памятников и намеченных мерах по их реставрации, его разработки были одобрены как имеющие «большое научное и практическое значение»[13]. Для осуществления конкретных мероприятий по реставрации была образована комиссия под руководством Н. Р. Левинсона, куда вошли Б. Н. Засыпкин и от КрымОХРИСа – У. А. Боданинский, как специалист художник-декоратор. Им поручалось составить методическую инструкцию для организации ремонтных и реставрационных работ в отношении тюрко-татарских памятников Крыма[14].

В 1927 г. между П. Я. Чепуриной и Б. Н. Засыпкиным шла переписка, которая сохранилась. Из нее становится известным о совместных действиях двух крымоведов не только по возвращению Корана в Евпаторийский археолого-этнографический музей. В это время фактически шла борьба за само существование музея в Евпатории. Руководители КрымОХРИСа, во многом в отместку строптивой заведующей за «керченский скандал», пытались передать все собранные здесь коллекции в Бахчисарай и закрыть музей в Евпатории. Именно Б. Н. Засыпкин организовал вмешательство в вопрос о существовании музея и сохранении его фондов лично заведующей Музейной секции Главнауки Наркомпроса РСФСР Н. И. Седовой (жены Л. Д. Троцкого) и руководителя Главнауки Ф. Н. Петрова. Из писем ясно, что по просьбе Б. Н. Засыпкина непосредственно курировал действия по спасению музея в Евпатории сотрудник Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, скульптор Лазарь Яковлевич Вайнер. В результате 6 июня 1927 г. из Главнауки на обращение П. Я. Чепуриной был получен ответ об аннулировании решения местных крымских органов о закрытии музея[15]. Одновременно в переписке П. Я. Чепурина советовалась с архитектором-реставратором о методике сохранения караимских домов в Старом городе[16].

Малоизвестной оставалась информация про приезд Б. Н. Засыпкина в Крым в апреле 1927 г., про который он сообщал П. Я. Чепуриной в одном из писем. Поездка была связана с новой экспедицией Центральных государственных реставрационных мастерских на полуостров под руководством Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960), возглавлявшего это учреждение. В состав исследовательского коллектива были включены руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию

[13] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 172.
[14] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 173.
[15] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 24.
[16] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 12–13 об.

памятников древней живописи в России, искусствовед Александр Иванович Анисимов (1877–1937), реставратор Григорий Осипович Чириков (1882–1936) и фотограф А. В. Лядов. Задачей экспедиции 1927 г. было обследование памятников архитектуры с сохранившейся живописью и обозначение необходимых мер для охраны и поддержания этих архитектурных объектов. Намечено было и проведение инструктажа для музейных работников по научно-техническим приемам по уходу за памятниками. До Евпатории, которая также входила в планы научных работ членов экспедиции, в тот год ученые не доехали. Они успели отработать только в Бахчисарае, Севастополе, Феодосии и Судаке[17]. Однако письма свидетельствуют, что хотя сам Б. Н. Засыпкин летом 1927 г. заехать в Евпаторию не успел, но прислал для помощи П. Я. Чепуриной коллегу – искусствоведа-реставратора Николая Николаевича Померанцева (1891–1986). Последний, по согласованию с Б. Н. Засыпкиным и по указанию И. Э. Грабаря, оказывал Евпаторийскому музею методическую помощь по проведению реставрационно-восстановительных работ в мечети. Так, П. Я. Чепурина писала Б. Н. Засыпкину 26 декабря 1927 г.: «В Хан Джами оббиваем штукатурку, будем ее сушить и покрывать купола как Вы говорили»[18].

А Борис Николаевич в эту поездку значительное время уделил изучению древностей Херсонеса. Об этом свидетельствует выявленное нами письмо директора Херсонесского музея Константина Эдуардовича Гриневича Б. Н. Засыпкину от 30 марта 1927 г. Из текста понятно, что переговоры о данных работах велись заранее, как и о финансировании этих исследований. К. Э. Гриневич не случайно хотел договориться о мероприятиях по учету памятников Херсонеса полуофициальным образом. Его отношения с Государственной академией материальной культуры не заладились еще после бегства К. Э. Гриневича, служившего директором Керченского музея древностей, в Петроград во время голода 1921 года в Крыму [10, с. 114]. Так, он писал Б. Н. Засыпкину в Москву:

«Милый Борис Николаевич!

На днях на имя И. Грабаря, как главаря экспедиции, я перевел 500 рублей. Обращаюсь к Вам с убедительной мольбой: будьте другом и русская археология (простите, что говорю это именно, но я думаю, что могу так говорить) Вам это зачтет. Дело в следующем:

Как я предполагал, А. И. М. К. [Академия истории материальной культуры] не послала своих архитекторов в Херсонес… Пусть будет тем хуже для нее! Местный чертежник приготовил все черновики фасадов, нивелировка проведена. Устройте так, что вместе с Чириковым задержаться Вам в Херсонесе для проверки всех чертежей. Для этого достаточно 6–9 дней. Я гарантирую оплату Вам суточных за это время со стороны музея и кроме суточных – сговоримся. Ваше авторство в издании будет не забыто… Для меня, вернее, для нашей общей работы это очень важно. Иначе, все провалится. Чертежник все переделал. Мы возьмем только чертежи

[17] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 154–154 об.
[18] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 14 об.

главнейших фасадов, откинем все сомнительное, откажемся от составления археологического Генерального плана Южного участка, что же делать… Сделаем самое главное, но хорошо. Сейчас я заканчиваю первую половину своих работ. Напишите по получении ответ.

Преданный К. Гриневич

P. S. А. И. М. К. – ни звука! Но С. А. Жебелёв написал мне, что по его сведениям архитекторы в Херсонес не поедут»[19].

Очевидно, появившиеся дополнительные работы в Херсонесе, которые дополнительно оплачивались, не позволили Б. Н. Засыпкину наведаться в Евпаторию в 1927 году. А, как оказалось, это был последний приезд архитектора-реставратора на полуостров.

К сожалению, контакты Б. Н. Засыпкина с крымскими исследователями довольно быстро прекратились. Закрытие ОХРИСов в 1927 г., упразднение в 1928 г. Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР не способствовали дальнейшим крымским изысканиям реставраторов. П. Я. Чепурина осталась один на один с местными чиновниками. Вынужденная уволиться из музея, она в дальнейшем занималась организацией артелей, где производили предметы быта крымских татар в виде сувенирной продукции. К. Э. Гриневич, с успехом проведший Конференцию археологов СССР в Херсонесе в сентябре 1927 г., вскоре получил назначение в Москву. Их пути с Б. Н. Засыпкиным не пересекались. Сворачивание программы по изучению мусульманских памятников в Крыму развернуло московских реставраторов к другим регионам. А в январе 1934 г. Б. Н. Засыпкин стал одним из фигурантов «Дела сотрудников ЦГРМ». Ему вменяли защиту памятников старины, предназначенных к слому. Ученый был приговорен к высылке [1, с. 169–170]. К крымской тематике он больше не возвращался.

[19] ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброновская М.А. Засыпкин Борис Николаевич // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: В 3-х т. / Сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань, 2016. Т. 1. С. 157–172.
2. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 113–168.
3. Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. 7 сент. С. 6.
4. Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).
5. Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70), № 4. С. 40–83.
6. Непомнящий А.А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения. Саратов: Амирит, 2021. 416 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 31).
7. Непомнящий А.А. Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909–1917 // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 470–488.
8. Непомнящий А.А. Николай Марр и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 46–67.
9. Непомнящий А.А. Осман Акчокраклы: неизвестные страницы биографии // Крымское историческое обозрение. 2021. № 1. С. 154–187.
10. Непомнящий А.А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 111–122.
11. Чепурина П.Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория, 1927. 8 с.
12. Чепурина П.Я. О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. 7 сент. С. 6.

REFERENCES

1. Dobronovskaia M.A. Zasypkin Boris Nikolaevich [Zasypkin Boris Nikolaevich]. *Miras – Nasledie: Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage: Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929], Kazan, 2016, vol. 1, pp. 157–172.
2. Zasypkin B.N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar [Architectural monuments of the Crimean Tatars]. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2 (4), pp. 113–168.
3. Zasypkin B.N. Sostoianie tatarskikh pamiatnikov v Krymu [The state of Tatar monuments in Crimea]. *Biulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of Archaeologists of the USSR in Kerch], 1926, no. 3, 7 september, p. 6.
4. Nepomniashchy A.A. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie* [Academician S. F. Platonov and Crimean Studies]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, 216 p.
5. Nepomniashchy A.A. Aleksei Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikatsiiakh pervoi treti XX stoletiia [Alexey Bashkirov in Crimean communications of the first third of the twentieth century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences], 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 40–83.
6. Nepomniashchy A.A. *Vostochnyi fakul'tet: neizvestnye stranitsy istorii krymovedeniia* [Oriental Faculty: unknown pages of the history of Crimean studies]. Saratov, Amirit Publ., 2021, 416 p.
7. Nepomniashchy A.A. Deiatel'nost' Obshchestva zashchity i sokhraneniia v Rossii pamiatnikov iskusstva i stariny v Krymu v 1909–1917 [Activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Crimea in 1909–1917]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2022, vol. 11, no. 4, pp. 470–488.

8. Nepomniashchy A.A. Nikolai Marr i krymovedenie 1920-kh [Nikolai Marr and Crimean studies of the 1920s]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2014, no. 1, pp. 46–67.
9. Nepomniashchy A.A. Osman Akchokrakly: neizvestnye stranitsy biografii [Osman Akchokrakly: unknown pages of biography]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2021, no. 1, pp. 154–187.
10. Nepomniashchy A.A. «Ia sobiraius' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921) [«I am going to privat-docent at the Tauride University»: K. E. Grinevich in Crimea (1919–1921)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences], 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 111–122.
11. Chepurina P.Ia. *Evpatoriiskaia khanskaia mechet' Dzhuma-Dzhami (Khan-Dzhami)* [Yevpatoriya Khan Mosque Juma Jami (Khan Jami)]. Evpatoriia, 1927. 8 p.
12. Chepurina P.Ia. O Korane evpatoriiskoi mecheti [About the Quran of the Evpatoria Mosque]. *Biulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of Archaeologists of the USSR in Kerch], 1926, no. 3, 7 september, p. 6.

Информация об авторе

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Researcher ID: A-4928-2019.

Author information

Nepomniashchy A. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Researcher ID: A-4928-2019.

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.724-741

«УЧЕНИК РЕАКЦИОННОГО АРХЕОЛОГА А. А. СПИЦЫНА»: К БИОГРАФИИ Н. И. РЕПНИКОВА В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Игорь Львович Тихонов
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
I.Tikhonov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8489-7772

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы биографии российского археолога Н. И. Репникова в начале 1930-х гг., когда он был арестован и два месяца провел в заключении. В это время коллега по ГАИМК А. А. Миллер написал резко отрицательный отзыв о его научной деятельности, даже обвинив Н. И. Репникова в торговле древностями. Основной причиной такого скептического отношения к научной деятельности Н. И. Репникова являлась конкуренция школы палеоэтнологов, к которой принадлежал А. А. Миллер с учениками А. А. Спицына. Таким образом, на сложную идейно-политическую обстановку начала 1930-х гг., в которой оказались советские археологи, оказывали немалое влияние еще и взаимоотношения между различными группами ученых внутри научного сообщества.

Ключевые слова: Н. И. Репников, А. А. Миллер, ГАИМК, Старая Ладога, Крым, Этнографический отдел Русского музея, Эски-Кермен

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00782 «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

“A STUDENT OF THE REACTIONARY ARCHAEOLOGIST A. A. SPITSYN”: TO THE BIOGRAPHY OF N. I. REPNIKOV IN THE EARLY 1930S

Igor L. Tikhonov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
I.Tikhonov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-8489-7772

Abstract. This article discusses the little-known pages of the biography of the Russian archaeologist N. I. Repnikov in the early 1930s, when he was arrested and spent two months in prison. It was the time when his colleague from the GAIMK (State Academy for the History of Material Culture) A. A. Miller wrote a sharply negative review about Repnikov’s scholarly activities, accusing him of trading antiquities. The main reason for such a sceptical attitude to Repnikov’s academic works was the competition between the school of palaeoethnologists to which A. A. Miller belonged and A. A. Spitsyn’s students. This way, dramatic ideological and political situation of the early 1930s around the Soviet archaeologists was also greatly influenced by the relationship between various groups of researchers within the scholarly community.

Keywords: N. I. Repnikov, A. A. Miller, GAIMK, Staraya Ladoga, Crimea, Ethnographic Department of the Russian Museum, Eski-Kermen

Acknowledgements: The work was supported by RFBR grant no. 19-011-00782 “Historical Science of Petrograd–Leningrad (1917–1934): Centers, Research Directions, Collective Biography.”

© Тихонов И.Л., 2022

Имя и деятельность русского археолога Николая Ивановича Репникова (1882–1940) хорошо известны в истории отечественной археологии. Вскоре после его кончины коллеги опубликовали некролог в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры», называя его одним из старейших русских археологов [2]. В 1948 г. памяти Н. И. Репникова был посвящен сборник «Старая Ладога», подготовленный В. И. Равдоникасом и содержащий краткое описание работ на Земляном городище в 1909–1913 гг. [32].

Вновь интерес к личности и научному творчеству ученого появился только в начале XXI столетия. Внимание историографов привлекли исследования Н. И. Репникова на Северо-Западе России [13] и в Юго-Западном Крыму [6], его переписка с И. Э. Грабарем [20]. В 2009 г. к столетнему юбилею начала раскопок Земляного городища Старо-Ладожский музей-заповедник выпустил сборник, содержащий серию статей об исследованиях ученого в Старой Ладоге и Новгородской земле [3; 7; 16]. За последние годы появились несколько публикаций, посвященных как отдельным сюжетам его биографии [1], так и работам по изучению античных и средневековых памятников Крыма [11; 21; 22; 39; 40]. В 2019 г. вышел в свет подготовленный Н. И. Репниковым и его коллегами еще в 1936 г. «Гераклейский сборник» [4]. Соответственно, в целом жизненный путь и основные вехи научной деятельности ученого-археолога достаточно хорошо известны, тем более, что он сам их подробно описал в своей автобиографии, сохранившейся в архиве ИИМК РАН [15, Л. 2–5об.].

Можно лишь заметить, что в некоторых случаях Н. И. Репников допускал небольшие неточности, так, например, он закончил Санкт-Петербургский археологический институт не в 1904 г., как указывал в анкетах, а в 1903 г., во всяком случае, его фамилия фигурирует среди выпускников именно этого года [41, с. 63]. В 1904 г. он получил звание члена-сотрудника института. Это звание получали все выпускники, не имеющие высшего образования, в то время как имеющие его становились действительными членами института. Не стоит обольщаться по поводу больших знаний в области археологии, полученных там. В это время в институте читался всего один курс по археологии Н. И. Веселовским, который больше напоминал популярные лекции. Значительно лучше преподавался целый комплекс вспомогательных исторических дисциплин, изучающих как вещественные (нумизматика, сфрагистика), так и письменные источники (палеография, дипломатика) [33, с. 131–144].

В данной статье автор сосредотачивается только на небольшом этапе биографии Н. И. Репникова в начале 1930-х гг., совпавшим с началом его работы в Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). Не может не обращать на себя внимания факт отсутствия Н. И. Репникова ранее среди сотрудников этого ведущего в те годы археологического учреждения СССР. Трудно найти в Ленинграде той эпохи заметного археолога, который не работал бы в РАИМК – ГАИМК. Николай Иванович был чуть ли не единственным исключением из этого правила, и это притом, что он вполне успел проявить себя на поприще археологии еще в дореволюционное время. Широкую известность получили его раскопки гот-

ского могильника Суук-Су близ Гурзуфа в Крыму и Земляного городища Старой Ладоги. Статьи Н. И. Репникова выходили в изданиях Императорской археологической комиссии (ИАК) и Русского археологического общества (РАО). С 1902 г. он сотрудничал с Археологической комиссией, проводя раскопки по ее заданиям, в 1907 г. был избран членом-сотрудником РАО. На заседаниях Отделения русской и славянской археологии общества с 1902 по 1914 гг. он десять раз выступал с докладами о древностях Крыма и Новгородской земли [8, с. 45].

В феврале 1908 г. после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича Н. И. Репникову было поручено Археологической комиссией временно возглавить ее раскопки в Херсонесе, а в следующем году, когда отмечался пятидесятилетний юбилей комиссии, он был награжден памятным серебряным жетоном. 2 февраля 1911 г. его пригласили среди тридцати четырех гостей, в основном, штатных сотрудников Археологической комиссии или известных ученых, тесно сотрудничающих с ней, а также членов семьи графа А. А. Бобринского, участвовать в торжественном обеде по случаю двадцатипятилетней службы графа на посту председателя комиссии [10, с. 330, 335, 773]. Все это позволяет с полным основанием считать, что в Археологической комиссии Н. И. Репникова уважали и ценили. Поступив в октябре 1910 г. на работу в Этнографический отдел Русского музея и проводя раскопки в Старой Ладоге на средства музея, он до 1913 г. регулярно получал открытые листы от комиссии на эти исследования.

В 1915 г. Н. И. Репников получал открытый лист от ИАК на раскопки в пределах Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, также ему было поручено фотографирование древних церквей и зданий в этой же губернии. В 1916 г. им был получен открытый лист на раскопки опять в Лодейнопольском уезде и Новоладожском уезде Петроградской губернии. Если собранный большой фотоматериал поступил в Этнографический отдел [13, с. 121–122], то сведений о раскопках в Археологическую комиссию представлено не было. С осени 1916 по март 1918 гг. Н. И. Репников был мобилизован в армию и служил писарем при штабе, по возвращению в Петроград стал работать секретарем Главархива под руководством С. Ф. Платонова. Казалось бы, после преобразования в 1919 г. Археологической комиссии в РАИМК, ознаменовавшимся заметным увеличением штатов, ему могло бы найтись там место, но этого не произошло, поскольку нашлись весьма авторитетные недоброжелатели, о чем читатель узнает чуть ниже.

Н. И. Репников был принят в ГАИМК научным сотрудником I разряда только в самом конце 1929 г., когда там уже происходили серьезные перемены во всех сферах ее деятельности. С января этого года заместителем председателя академии стал член партии с дореволюционных времен Ф. В. Кипарисов. Причем, он не был прислан из центра для усиления партийной линии в руководстве ГАИМК, как считалось ранее, а был приглашен самим председателем Н. Я. Марром, чутко уловившим новые веяния. Вскоре руководство ГАИМК уже докладывало в Наркомпрос: «Взамен уволенных сотрудников были приглашены новые… Академией были при-

няты и другие меры, выразившиеся в перестройке организационных форм работы Академии, в создании Методологического бюро и приглашении целого ряда новых сотрудников с марксистскими установками, в частности членов ВКП(б)» [37, с. 271]. В условиях, когда Н. Я. Марр, обремененный большим количеством административных и общественных должностей и обуреваемый собственным «новым учение о языке», все менее занимался делами академии, реальное руководство сосредоточилось в руках товарища Кипарисова. На следующий год Н. Я. Марр пригласил в сотрудники ГАИМК еще одного партийца, бывшего чекиста, преподавателя Вятского пединститута С. Н. Быковского. В октябре 1929 г. он по рекомендации Н. Я. Марра принимал участие в работе Первого международного съезда славистов в Праге. «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!!» – писал в письме к Б. М. Ляпунову член-корреспондент АН СССР славист Г. А. Ильинский [31, с. 81]. Через некоторое время С. Н. Быковский стал еще одним заместителем Н. Я. Марра в ГАИМК и редактором ее периодических изданий. В Академии начались идеологические чистки личного состава, в первую очередь увольнялись лица дворянского происхождения. Всю научную работу требовалось перестраивать на марксистский лад в духе социологизаторской школы М. Н. Покровского и «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Основным фактором, сыгравшим роль в привлечении беспартийного и очень далекого от любой политики археолога «старой школы» Н. И. Репникова к работе в ГАИМК в год «великого перелома», было стремление ее руководства взять под свой контроль перспективные исследования в горном Крыму, в частности, в пещерном городе Эски-Кермен, уже начатые Н. И. Репниковым в 1928 г. [21; 22; 39, с. 255–285]. В 1930 г. ГАИМК предполагала выделить 4500 рублей на раскопки Эски-Кермена, создав экспедицию под руководством Ф. И. Шмидта, в которой Н. И. Репникову поручалось техническое руководство раскопками. Основные работы этого сезона проводились по изучению базилики, осадного колодца и остатков оборонительных сооружений городища.

В конце 1930-х г. была создана специальная Готская группа в составе сектора Архаической формации ГАИМК. Возглавил ее В. И. Равдоникас, а сотрудниками стали Н. И. Репников, Ф. И. Шмидт и А. А. Спицын, привлеченный по договору, поскольку в это же время он был уволен из ГАИМК в связи с «необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении» [28, л. 98]. Н. И. Репников в группе должен был заниматься подготовкой отчетов и публикаций материалов раскопок на Эски-Кермене. За этими занятиями его и застал 8 марта 1931 г. неожиданный арест органами НКВД. Причинами ареста вероятнее всего стали связи Н. И. Репникова с академиком С. Ф. Платоновым и А. М. Мервартом, обвинявшимися по «Академическому делу», в том числе и в шпионаже в пользу Германии [1, с. 347]. Поводом для такого обвинения стали контакты с немецкими

учеными в Крыму в 1929 г. и планы совместной экспедиции для раскопок памятников крымских готов. Во всяком случае, как видно из следственного дела, следователей интересовали только эти эпизоды научной биографии Н. И. Репникова. В заключении он пробыл недолго и 9 мая 1931 г. был освобожден из-под стражи, так как «Академическое дело» шло к концу и новые показания против главных фигурантов, вероятно, уже не требовались. К тому же биография ученого была вполне подходящей для советской власти – сын крестьянина, «вышедший в люди», ни в каких партиях никогда не состоящий и очень далекий от политики. Да и не 1937 год еще был, тогда бы уже вряд ли отпустили… А вот реакция некоторых коллег в ГАИМК на его арест была весьма любопытной.

В архиве ИИМК РАН сохранился отзыв о научной деятельности Н. И. Репникова, составленный известным археологом А. А. Миллером и датированный 2 мая 1931 г., т.е. временем, когда Николай Иванович еще находился в заключении и о том, что скоро он выйдет на свободу вряд ли кто-нибудь мог знать. Имеет смысл привести этот документ полностью с сохранением авторской орфографии, пунктуации и разбивкой на абзацы: *«С Н. И. Репниковым я познакомился, будучи хранителем Этнограф. Отдела Русского музея и заведующим отделением Кавказа и Средней Азии.*

Я знал, что он археологическую подготовку получил в Археологическом Институте в Петербурге и работал одно время под руководством А.А.Спицына. Отношение его к Этнограф. Отделу начались сколько я знаю с дела исследований городища у Старой Ладоги.

Репников в своих работах до 1910 г. показал, что это городище представляет собой источник исключительного научного значения, прежде всего, что в особенности заинтересовало музей, по прекрасной степени сохранности таких материалов, которые в иных условиях с течением времени разрушаются без остатка. В слоях городища сохранились бревенчатые срубы зданий средневекового поселения, лыковые изделия, навоз домашнего скота и проч.

К этому времени в Этнографическом отделе по ходу развития экспедиций и собирания коллекций установилась точка зрения, что всякий этнографический материал возможно плодотворно изучать лишь в исторической перспективе, следовательно – на основе археологического материала. Я был сторонником этой точки зрения и одним из инициаторов систематических исследований Старо-ладожского городища как предприятия музея.

Работы эти в 1910 г. поручены были Репникову. Работы были начаты, но как они производились – в точности мне неизвестно, т.к. предприятие это не находилось в моем непосредственном ведении и производилось Репниковым самостоятельно.

Начатые в 1910 г. исследования продолжались и в последующие годы, до 1913 г. включительно, когда Советом Этнографического отдела решено было их прекратить. Мотивом к такому решению послужила общая тогда уверенность в том, что методика раскопок не стоит на уровне тех сложных задач, которые опреде-

лялись наличием в слоях городища многочисленных остатков разновременных деревянных построек.

В последний из указанных годов Репников состоял на службе в Этнограф. О. Музея как нештатный служащий, с прямыми задачами обработки материалов из раскопок в Старой Ладоге.

Репниковым представлен был отчет лишь за первую половину работ в Ладоге, что же касается последних лет, давших основной материал, то никакого отчета, не считая денежного, Репниковым сдано не было, как не было сдано, сколько мне известно, и списка предметов с отметками о месте их нахождения в городище. За исполнение этой работы Репников требовал особого вознаграждения, но по этому вопросу у него с соответствующим хранителем Музея не было достигнуто соглашения. В отсутствии научных отчетных материалов все обширные коллекции являлись таким образом значительно обесцененными.

Имел Репников от Музея и некоторые поручения в Пскове в связи с оценкой и приемкой коллекции Плюшкина.

Репников не пользовался репутацией человека, поглощенного научным интересом всецело. О нем говорили, что он продает древности, что он имеет собственные коллекции и проч.

Из его сношений с Музеем видно, что помимо раскопок в Ладоге, Репников то приносит в дар Музею древности, то – продает, то от Музея он получает благодарности, то ассигновки.

Деятельность Репникова сопровождалась слухами и рассказами о каких-то недобропорядочных просто делах. В 1918 или 1919 году в б. Археологической комиссии (или уже преобразованной в Академию истории материальной культуры) возник вопрос о пополнении личного состава, и в качестве одного из кандидатов названо было имя Репникова. Против этого возражали покойный Б. В. Фармаковский и я, и кандидатура была снята. В частном разговоре после заседания Фармаковский намекнул мне о какой-то «истории Репникова в Эрмитаже», но в чем она заключалась – мне не сказал. В связи с коллекцией Плюшкина в Пскове, у Репникова произошло резкое столкновение с одним из наследников, дело это перенесено было в суд, но в чем заключается эта история и чем она кончилась, - не помню. Музей к этому не имел отношения.

Резюмируя мое отношение к Репникову, могу сказать следующее:

1) Репников, как археологический работник, занимался главным образом полевыми работами, и его исследования имели характер поиска и добычи древностей.

2) Полевые исследования не были обставлены условиями необходимой осторожности и бережливого отношения ко всему комплексу, о чем сужу по сведениям, например, о недавних работах в Крыму, когда Репников разбивал крышки могильных каменных ящиков...

3) У Репникова в прежнее время (не говорю о последних годах, т. к. не знаю) было недопустимое смешение частного коллекционерства с научной работой для

учреждений и продажей древностей.

4) Обладая значительными формальными знаниями русской научной литературы, Репников в методологическом отношении не является серьезно подготовленным исследователем» [18, л. 1–2об.].

Столь критический отзыв вышел из-под пера Александра Александровича Миллера, считавшегося одним из лучших в ГАИМК специалистов по полевой методике и являвшегося членом комиссии Академии по раскопкам. Вероятнее всего, отзыв был подготовлен по запросу ОГПУ. Такой вывод можно сделать, если учесть, что годом ранее А. А. Миллер написал похожий отзыв о деятельности Г. И. Боровко в Таманской экспедиции, обнаруженный в следственном деле репрессированного археолога [25, с. 159–160].

Из текста вышеприведенного документа хорошо видно, что критическое отношение к научной деятельности Н. И. Репникова появилось у А. А. Миллера еще в годы их совместной работы в Этнографическом отделе Русского музея в дореволюционный период. С момента своего создания Этнографический отдел начал наряду с этнографическими материалами собирать и археологические коллекции. Особая активизация в этой сфере собирательской деятельности в Русском музее произошла к концу первого десятилетия XX в. и была связана с приходом в отдел Ф. К. Волкова и А. А. Миллера [34, с. 541]. На заседании Этнографического отдела 9 января 1909 г. было принято решение продолжить собирание археологических коллекций «т.к. они объясняют нам данные этнографии» и выделить на эти цели в бюджете музея 1000 рублей в год [34, с. 541–542]. На заседании 1 мая этого же года заведующий Этнографическом отделом Н. М. Могилянский предложил выделить Н. И. Репникову на раскопки в Старой Ладоге 500 рублей, а в заседании 9 октября А. А. Миллер докладывая об этих раскопках предложил для описания археологических коллекций отдела «пригласить в качестве регистратора коллекций Н. И. Репникова с оплатой 75 рублей в месяц, начиная с 14 октября» [9, д. 63, л. 34, 55об.].

Так что в своем отзыве А. А. Миллер несколько лукавил, когда утверждал, что не знал как производились работы в Ладоге, поскольку неоднократно докладывал о них на заседаниях отдела, а по меньшей мере в 1913 г. и сам побывал в Старой Ладоге [9, д. 72, л. 16, 44; Оп. 2, д. 497, л. 49]. Более того, в августе–сентябре 1922 г. он трижды выезжал туда со студентами Археологического отделения Петроградского университета и проводил разведочные работы на Земляном городище, изучая, прежде всего, стратиграфию памятника. Первая поездка длилась с 29 июля по 1 августа, вторая осуществлялась по поручению Этнографического отдела Русского музея с 19 по 26 августа, а третья – с 10 по 20 сентября. В ходе этих работ были выполнены расчистки основания стены каменной крепости между Воротной и Стрелочной башней, но основное внимание уделялось Земляному городищу. Были зачищены стенки раскопа Н. И. Репникова и обрез вала со стороны Волхова. А. А. Миллер называл это «выемкой земли», поэтому не очень понятен масштаб работ – были ли только зачистки или все же небольшие раскопки. Полноценного отчета об этих исследо-

ваниях не обнаружено, в фонде А. А. Миллера в Научном архиве ИИМК РАН есть только краткая информация о них и папка с материалами, включающая в себя как различные выписки со сведениями о Старой Ладоге из письменных источников и скандинавских саг, из работ Н. Е. Бранденбурга и Н. И. Репникова, так и зарисовки, обмеры, наброски чертежей [19]. А. А. Миллер также писал, что задачу продолжения исследований Земляного городища готов взять на себя Этнографический отдел с привлечением специалистов почвоведов и геологов из Института археологической технологии РАИМК, «поскольку изучение почв почвоведом даст возможность подойти к основному вопросу: установление культурной стратиграфии этого древнего поселения» [19, д. 2, л. 3об.]. Таким образом, видно, что А. А. Миллер считал, что Н. И. Репников данную задачу не выполнил и намеревался заняться этим сам. Однако, на следующий год он начинает масштабную Северо-Кавказскую экспедицию, отвлекшую от этого намерения.

За четыре года раскопок 1909–1913 гг. на Земляном городище Русский музей израсходовал на них более 3000 рублей, ежегодно полностью расходуя все средства, выделяемые на пополнение археологического собрания. Обычно прекращение этих работ связывают с началом Первой мировой войны, но на это можно заметить, что они даже не планировались на 1914 г., а с 1 февраля этого года Н. И. Репников уже покинул Этнографический отдел. В отзыве А. А. Миллер утверждал, что работы были прекращены, так как вызывала сомнения методика раскопок слоев с деревянными конструкциями, используемая Н. И. Репнковым. Между тем, современные исследователи Старой Ладоги полагают, что разведки и раскопки Н. И. Репникова были даже выше уровня своего времени, и он стал первопроходцем в изучении культурных слоев раннесредневекового древнерусского города [14, с. 50; 12, с. 7; 24, с. 47]. Вероятнее всего, на решение Этнографического отдела о прекращении раскопок Земляного городища мог повлиять скандал, раздуваемый газетой «Новое время», на страницах которой прозвучали обвинения в адрес Н. И. Репникова в утрате значительной части фрагментов фресок церкви Св. Климента, находящейся на городище [23]. К этим обвинениям присоединился и Н. Е. Макаренко, утверждая на заседании Русского археологического общества, что большая часть раскопанных фресок не была собрана.

Также можно предполагать, что у сотрудников отдела, и прежде всего у А. А. Миллера, могли возникать чувства ревности и неудовольствия по поводу того, что все денежные средства на пополнение археологического собрания музея уходили к Н. И. Репникову. А. А. Миллер сам в эти годы вел раскопки на Елизаветовском городище и могильнике в низовьях Дона и претендовал на роль разработчика методики исследований культурных напластований земляных городищ. Позднее в отчете о раскопках Кобякова городища он, подчеркивая свой приоритет, прямо писал: «Не имея до сих пор ни в русской, ни в иностранной археологической практике какого-нибудь образцового примера исследований земляных городищ, пришлось разрабатывать этот сложный вопрос на месте» [17, с. 110]. А. А. Миллер становился

все более влиятельной фигурой и в Этнографическом отделе, и в музее в целом. Не случайно именно его через несколько лет, в 1918 г., коллеги избрали директором Русского музея. Конкуренты ему были не нужны.

Информация в отзыве о том, что Н. И. Репников продавал музею этнографические и археологические предметы, соответствовала действительности, но это являлось обычной практикой того времени, с которой хорошо знаком был и сам А. А. Миллер. Хранители музеев, например, Императорского Эрмитажа, регулярно покупали на личные средства отдельные предметы древности и целые коллекции, а потом продавали их музею, возвращая свои деньги [35, с. 438]. Так, в сентябре 1913 г. Н. И. Репников предложил Этнографическому отделу частную коллекцию готских древностей, приобретенную им в Крыму за 376 рублей, эту же сумму ему и возместили. В октябре 1915 г. отдел купил у него за 175 рублей двенадцать стеклянных и один глиняный сосуд из находок на Северном Кавказе [9, д. 89, л. 33об.; д. 103, л. 29]. Все это являлось обычным способом пополнения собраний музея, а вовсе не торговлей древностями, в которой А. А. Миллер обвинял Н. И. Репникова. Также необходимо учитывать, что в дореволюционной России при наличии частной собственности на землю существовал абсолютно легальный рынок археологического антиквариата, и многие известные археологи имели собственные коллекции древностей. В качестве примера можно указать крупнейшие собрания египтолога В. С. Голенищева, являвшегося одновременно хранителем отдела древностей Императорского Эрмитажа, и председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского [36, с. 337–340].

Ситуация изменилась после национализации земли и отмены частной собственности. В первые послереволюционные годы Н. И. Репникову приходилось распродавать с огромным трудом собранную библиотеку и коллекции, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. При мизерном жаловании в Главархиве у него на руках оказались две больные старухи – родная и крестная мать. А. П. Лебедянская писала С. Ф. Платонову о бедственном положении ученого: «Продаются уже книги, которые столько лет собирались и представляют собой ценность как специальные подборы по новгородскому и русскому искусству, на очереди продажа икон, монет и остальных древностей, которые собирались с большой любовью, затратами и трудами целых 20 лет и предназначались в наследство Археологическому институту» [7, с. 47–48].

В октябре 1924 г. Н. И. Репников был привлечен к суду по обвинению «в сокрытии памятников старины и искусства», и Народный суд Петроградского района г. Ленинграда постановил «подвергнуть его принудительным работам неквалифицированного физического труда сроком на две недели, а иконы конфисковать и передать в Музейный фонд» [4, с. 19]. Представляется, что эта история, создающая опасный прецедент для многих коллег, широко обсуждалась в кругах ленинградских археологов и музейщиков и, без сомнения, была хорошо известна А. А. Миллеру. Но он мог и не знать, что в начале 1925 г. Губернский суд Ленинграда отменил

этот приговор за отсутствием состава преступления, поскольку согласно инструкции Отдела по делам музеев и охраны памятников старины от 17 августа 1923 г. Н. И. Репников, являющийся ученым-археологом, имел право хранить у себя подобные предметы [15, л. 43об.].

Туманные намеки на какую-то «историю в Эрмитаже», якобы рассказанную Б. В. Фармаковским, выглядят очень странно, если учесть, что Николай Иванович никогда не работал в Эрмитаже и каких-либо дел с ним не имел. А. А. Миллер прямо пишет в отзыве, что когда кандидатура Н. И. Репникова была предложена в члены РАИМК, он и Б. В. Фармаковский выступили против. Можно предполагать, что при этом отсутствовал А. А. Спицын, который мог бы заступиться за своего ученика.

Впрочем, в научной школе палеоэтнологов, к которой, будучи учеником Ф. К. Волкова, принадлежал А. А. Миллер, А. А. Спицын большим авторитетом не пользовался. Во всяком случае, представитель этой школы – заведующий Этнографическим отделом Русского музея Н. М. Могилянский написал сугубо критическую рецензию на вполне добротную сводку А. А. Спицына о памятниках палеолита в России [27, с. 159–160].

О скрытой борьбе между учениками А. А. Спицына и школой А. А. Миллера впрямую свидетельствует личное письмо Т. Ф. Геллаха В. И. Равдоникасу, написанное 10 июля 1929 г. Мне уже доводилось публиковать этот документ [33, с. 281–282], поэтому здесь можно ограничиться только некоторыми выдержками из него. В ответе на письмо В. И. Равдоникаса, полученном через Н. И. Репникова, автор сообщает своему корреспонденту о заметном ухудшении своего положения в Ленинградском университете: «Среди моих слушателей были миллеровцы, которые, конечно, не без сторонних влияний наговорили на меня целую кучу небылиц. Поставили мне в вину то, что я ученик Спицына, что я вещевед, что я не марксист, никаких работ не имею и 12 лет состою бесплодным ассистентом… я видел их скептические улыбки, когда я упоминал такие имена как Гриневич, Репников, Городцов и т.д. Они так же мыслили, как и наши с тобою враги в А.М.К. (*ГАИМК – И.Т.*)». Далее он описывал ситуацию, когда председатель отделения истории материальной культуры ямфака Б. Л. Богаевский, получив нелицеприятные сведения о В. И. Равдоникасе от А. А. Миллера, решил предложить должность старшего ассистента, занимаемую Т. Ф. Геллахом, В. И. Равдоникасу, что «сталкивало двух приятелей, тебя и меня, т.к. наивно, конечно, думать, что Богаевский не знает нашу троицу (Н.Ив. (*Репников – И.Т.*), я и ты). При чем, поскольку у тебя были более прочные позиции по политической линии, а у меня даже появились трещины (на студенческом фронте), то возможно была еще перспектива и вышибить меня тобою» [26, л. 3].

Также следует учесть, что с конца 1920-х гг. нарастал конфликт А. А. Миллера с К. Э. Гриневичем, который с 1927 г. совмещал директорство в Херсонесском музее с работой на посту заместителя заведующего музейным отделом Наркомпроса. Эти личные взаимоотношения были связаны с борьбой за монополию в руководстве археологическими исследованиями между ГАИМК, с одной стороны, и Наркомпро-

сом, с другой [5, с. 279]. Н. И. Репников был в дружеских отношениях с К. Э. Гриневичем, об этом явно свидетельствует празднование в августе 1928 г. двадцатипятилетнего юбилея научной деятельности Николая Ивановича в Херсонесе. Организовать это торжественное заседание с участием руководителя Главнауки Наркомпроса Ф. Н. Петрова мог только К. Э. Гриневич, он же и выступил с докладом о научной деятельности Н. И. Репникова. Поздравления прислали вице-президент АН СССР А. Е. Ферсман, председатель ГАИМК, академик Н. Я. Марр, директора Государственного исторического, Одесского, Керченского, Севастопольского, Алупкинского музеев. Юбиляра поздравили В. А. Городцов, И. Э. Грабарь, Н. П. Лихачев, В. П. Бузескул, К. М. Бороздин, А. И. Маркевич. А. А. Спицын прислал телеграмму «Шлю привет моему достойному ученику», а в телеграмме В. И. Равдоникаса говорилось: «Прими в этот знаменательный день поздравления друга. Убежден, что следующее двадцатипятилетие будет еще более славным, чем Сууксу, Партенит, Ладога. Пусть Эски-Кермен даст лучшие подарки юбиляру» [15, л. 81–82]. Мало кто из археологов в то время удостаивался такого чествования, например семидесятилетний юбилей А. А. Спицына, пришедшийся на этот же год, и даже месяц, прошел в СССР незамеченным. Откликнулись на него только за рубежом, в Праге и Хельсинки.

Это чествование, несомненно, способствовало росту авторитета Н. И. Репникова в научных кругах, особенно, Крыма, что было важно в условиях конкуренции с Н. Л. Эрнестом за право раскопок Эски-Кермена, но у ряда ленинградских коллег могло вызывать и раздражение. Юбилеев А. А. Миллера, ранее Н. И. Репникова начавшего научную деятельность, никто не отмечал.

В целом, как представляется, негативный характер отзыва был продиктован общим субъективным скептическим отношением А. А. Миллера к представителю другой школы в археологии. На резкий тон отзыва могли оказывать влияние и насаждаемая с конца 1920-х гг. партийными органами идеологическая кампания по критике и самокритике. Также представляется, что в это время ученые еще не очень осознавали какие последствия для коллег могли иметь подобные отзывы.

Вероятнее всего, этот отзыв не получил никакого официального хода и остался среди личных бумаг А. А. Миллера, поскольку Н. И. Репников был вскоре освобожден и вернулся к работе в ГАИМК. Летом этого же 1931 г., по иронии судьбы, он был включен в состав Таманской экспедиции и работал под руководством А. А. Миллера. Весной 1932 г. его даже включили в комиссию, которая рассматривала проблемы, связанные с деятельностью этой экспедиции. В 1933 г. арестованным по «делу славистов» оказался уже сам А. А. Миллер, и судьба не была к нему благосклонна – вернуться оттуда ему было уже не суждено.

Впрочем, у нового партийного руководства ГАИМК Н. И. Репников особого доверия не вызывал, и в составленной на него в мае 1933 г. характеристике говорилось: «*Научный сотрдн. I разр. Ученик умершего реакционного археолога А. А. Спицына. Имеет обширные знания в области археологии, но методологически беспомощен. Пытается быть полезен в свей научной работе хозяйственному строительству*

(исследования Эски-Керменского водопровода в Крыму – см. Сообщ. ГАИМК, 1932 г. № 7–12). По своим взглядам человек старый, но антисоветских настроений не проявляет. В высшей степени дисциплинирован и точно выполняет все поручения президиума Академии, хотя проявляет тенденции к рвачеству. Подхалим. В недавнем прошлом был арестован органами ГПУ, но выпущен. Беспартийный. По данным анкеты – сын крестьянина. Имеет около 25 печ. работ. Научный стаж 24 года» [29, л. 45–46]. По нашим предположениям, основным автором подобных характеристик являлся С. Н. Быковский.

Тем не менее, это не отразилось на положении Н. И. Репникова в ГАИМК, и в 1931–1937 гг. он провел целую серию археологических работ в Крыму: в Эски-Кермене, Феодосии, руководил Гераклейской и Инкерманской экспедициями. В личном деле Н. И. Репникова сохранился еще один отзыв о его научной деятельности. Он был написан в июне 1935 г. М. И. Артамоновым и имел, несомненно, более объективный характер и уважительный тон по отношению к заслуженному ученому: «*С именем Николая Ивановича Репникова связан целый ряд археологических работ и открытий, представляющих большое научное значение. Еще в 1902 г. им был обнаружен и в последующие годы раскопан замечательный могильник в Суук-Су возле Гурзуфа. Эти исследования являются начальным звеном дальнейших разысканий Н. И. Репникова на территории Крыма и основой его интереса к памятникам Крымских готов и Готской эпохе. Производимые, начиная с 1930 г., Н. И. Репниковым исследования Эски-Керменского городища, в известной мере, подводят итоги его предварительным разысканиям в этом отношении, включающим целый ряд важных открытий на территории Крыма. Из отдельных памятников исследованных им в Крыму необходимо отметить могильник в Байдарской долине, и Партенитсую базилику.*

Второй крупной заслугой являются исследования в Старой Ладоге, в 1909–1913 гг., давшие представление о древнем городе и обильный вещественный материал, к сожалению, до сих пор надлежаще не изданный и не изученный. Кроме этих двух предприятий, представляющих крупное научное значение, Н. И. Репников осуществил за время своей более чем 30-ти летней археологической деятельности ряд других археологических и искусствоведческих работ. По характеру своей научной деятельности Н. И. Репников принадлежит к числу тружеников науки, занятых черновым и малоблагодарным трудом по добыванию и подготовке вещественного источника. Он является крупным затоком вещественных памятников самого разнообразного характера. Не говоря уже о древностях готской эпохи и вообще памятников Крыма, в знании которых едва ли кто может соперничать с Н. И. Репниковым, он знаток произведений древнерусского искусства и его посредничеству наши музеи обязаны целым рядом приобретений и высококачественных памятников этого рода.

К сожалению, отмеченные выше знания Н. И. Репникова в значительной мере остаются «знаточеством» и добываемый им археологический материал нередко

весьма серьезно страдает в своем качестве вследствие вещественного подхода к его изучению» [15, л. 44].

В январе 1937 г. Институт истории феодального общества ходатайствовал перед президиумом ГАИМК о переводе Н. И. Репникова с должности старшего научного сотрудника в действительные члены института с окладом в 450 рублей, что и было осуществлено распоряжением № 102 от 3 марта этого же года, правда, с окладом на 50 руб. меньше. Казалось бы, положение заслуженного ученого было прочным, но во второй половине 1937 г. произошли серьезные изменения. 5 августа Президиум АН СССР принял решение о создании на базе ликвидированной ГАИМК Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в составе Академии наук СССР. Штаты были значительно урезаны и назначенный директором института академик И. А. Орбели был вынужден уволить большую группу сотрудников. 7 декабря среди них оказался и Н. И. Репников, уволенный одним приказом с Н. Н. Ворониным [15, л. 1]. Стараясь поддержать старого товарища, В. И. Равдоникас, ставший к этому времени заведующим кафедрой археологии на историческом факультете ЛГУ, организовал 28 июня 1938 г. присуждение ему Ученым советом степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. Это был не единичный случай, таким же образом в тот год эту степень получили археологи В. Ф. Гайдукевич, М. К. Каргер, А. А. Иессен [38, л. 18–21]. Вскоре после получения степени, В. И. Равдоникас пригласил Н. И. Репникова в качестве консультанта принять участие в новых раскопках на Земляном городище Старой Ладоги, начатых кафедрой археологии Ленинградского университета. Там с первым исследователем городища произошел несчастный случай – он упал и получил серьезные переломы, приведшие к инвалидности, а 25 декабря 1940 г. его не стало. В последние годы жизни Н. И. Репников сумел подготовить краткое описание своих работ в Старой Ладоге, но из-за начавшейся войны эта книжка вышла только в 1948 г.

История же с резко критическим отзывом А. А. Миллера о научной деятельности Н. И. Репникова поучительна и показывает, что на драматическую идейно-политическую ситуацию начала 1930-х гг., в которой существовала российская археология, могли оказывать влияние еще и личностные взаимоотношения между отдельными группами ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Н.А. Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н. И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 30. С. 343–348.
2. Бернштам А.Н., Бибиков С.Н. Н.И. Репников (1882–1940) [Некролог] // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 121–123.
3. Бойцова О.С. Судьба археологической коллекции Н.И. Репникова из раскопок на земляном городище в Старой Ладоге // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 5–12.
4. Виноградов Ю.А. Н.И. Репников. Штрихи к портрету // «Гераклейский сборник» 1936 г. / ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 16–24.
5. Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В. Таманская экспедиция ГАИМК и исследование Фанагории // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 271–301.
6. Герцен А.Г. Н.И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 30–38.
7. Груздева Е.Н. «Под стенами» Св. Климента: Н.И. Репников и А.П. Лебедянская // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 42–48.
8. Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 672 с.
9. Журналы заседаний Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54, 63, 72, 89, 103, 497.
10. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2-х т. / ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 (1616) с.
11. Емельянова Н.С. С.П. Петренко и Н.И. Репников: учитель и ученик // Причерноморье. История, политика, культура. Серия: Античность и средневековье. 2019. № XXX (IX). С. 17–22.
12. Кирпичников А.Н. Историко-культурное исследование Старой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 7–20.
13. Королькова Л.В. Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 118–125.
14. Кузьмин С.Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X вв. // Stratum Plus. 2000. № 5. С. 50–69.
15. Личное дело Н.И. Репникова // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 554.
16. Медведева М.В. О работах Н.И. Репникова 1912 г. по регистрации памятников старины Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 13–25.
17. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // Сообщений ГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 71–142.
18. Миллер А.А. Отзыв о работах Н.И. Репникова в связи с Этнографическим отделом Государственного Русского музея // РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 41. Л. 1–2об.
19. Миллер А.А. Старая Ладога // РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 2, 3.
20. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...». Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю [подготовка к публикации, предисловие и комментарии Е.А. Теркель] // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 320–327.
21. Непомнящий А.А. Николай Эрнст и Николай Репников: к истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавста. Киев, 2011. Вып. 19. С. 143–159.
22. Непомнящий А.А. «Рапорт об Эски-Кермене» Н.И. Репникова академику С.Ф. Платонову: неизвестная рукопись // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Том 3 (69), № 4. С. 78–83.
23. Новое время. 1912. 12 декабря (№ 13203).

24. Носов Е.Н. Глава 2. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 45–65.
25. Панкратова (Застрожнова) Е.Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо…»: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.
26. Письмо Т.Ф. Гелаха В.И. Равдоникасу 10.06.1929 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. 54.
27. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
28. Приказы по ГАИМК // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 11.
29. Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) ГАИМК // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16.
30. [Равдоникас В.И.] Памяти Н.И. Репникова // Старая Ладога. Л., 1948. С. 7–10.
31. Робинсон М.А. Первый международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования, и неосуществимые проекты (по материалам переписки русских славистов) // Славянский мир: Общность и многообразие: К 1150-летию славянской письменности: Международная научная конференция: Тезисы. Ч. 1. М., 2013. С. 80–84.
32. Старая Ладога / Отв. ред. В.И. Равдоникас. Л.: Государственный музей этнографии, 1948.
33. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
34. Тихонов И.Л. Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX – начала XX вв. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 527–547.
35. Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.
36. Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX вв. // Археологическая наука: Практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 2016. С. 326–345.
37. Тихонов И.Л. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев: С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 270–275.
38. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 403.
39. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.
40. Юрочкин В.Ю., Емельянова Н.С. «Народный ученый» – Н.И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В.В. Майко. Севастополь, Калининград, 2018. С. 319–332.
41. [Яковлев П.С.] Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. Составлена почетным членом института П.С. Яковлевым. СПб.: Типография В.Д.Смирнова, 1911. 100 с.

REFERENCES

1. Abramova N.A. Criminal case No. 2782-31 on charges of N.I. Repnikov and a group of persons in counter-revolutionary activities. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], St Petersburg, 2020, vol. 30, pp. 343–348.
2. Bernshtam A.N., Bibikov S.N. N.I. Repnikov (1882–1940) [Obituary]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1941, vol. 9, pp. 121–123.
3. Boitsova O.S. The fate of the archaeological collection of N.I. Repnikov from excavations at the earthen settlement in Staraya Ladoga. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009,

vol. 7, pp. 5–12.
4. Vinogradov Iu.A. N.I. Repnikov. Strokes to the portrait. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), *«Gerakleiskii sbornik» 1936 g.* ["Heracleian collection" 1936], St Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 16–24.
5. Vinogradov Iu.A., Zastrozhnova E.G., Medvedeva M.V. Taman expedition of the GAHMK and researches of Phanagoria. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 271–301.
6. Gertsen A.G. N.I. Repnikov about Mangup. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea], 2008, no. 22–23, pp. 30–38.
7. Gruzdeva E.N. "Under the Walls" of St. Clement: N.I. Repnikov and A.P. Lebedyanskaya. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009, vol. 7, pp. 42–48.
8. Zhebelev S.A. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'iu chetvert' veka svoego sushchestvovaniia. 1897–1921: Istoricheskii ocherk. Prilozhenie: Bibliograficheskii slovar' chlenov RAO (1846–1924)* [Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921: Historical sketch. Supplement: Bibliographic Dictionary of RAO Members (1846–1924)], Moscow, Indrik Publ., 2017, 672 p.
9. Journals of the meetings of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. *Archive of the Russian Ethnographic Museum*, F. 1, Op. 1, D. 54, 63, 72, 89, 103, 497.
10. Musin A.E., Medvedeva M.V. (Eds.), *Imperatorskaia arkheologicheskaia komissiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkheologii ot osnovaniia do reformy* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from foundation to reform]. St Petersburg, IIMK RAN Publ., 2019, T. 1, 888 (1616) p.
11. Emel'ianova N.S. S.P. Petrenko and N.I. Repnikov: teacher and student. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura. Seriia: Antichnost' i srednevekov'e* [Chernomorie. History, politics, culture. Series: Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 30, pp. 17–22.
12. Kirpichnikov A.N. Historical and cultural research of Staraya Ladoga. *Novoe v arkheologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniia* [New in the archeology of Staraya Ladoga: materials and research], St Petersburg, Nevskaia Knizhnaia Tipografiia Publ., 2018, pp. 7–20.
13. Korol'kova L.V. N.I. Repnikov – a researcher of the North-West of Russia. *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik. K 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* [Nevsky archaeological and historiographic collection. To the 75th anniversary of the candidate of historical sciences A.A. Formozov], St Petersburg, 2004, pp. 118–125.
14. Kuz'min S.L. Stratigraphy and some problems of the history of the Staraya Ladoga settlement in the 8th–10th centuries. *Stratum Plus*, 2000, vol. 5, pp. 50–69.
15. Personal file of N.I. Repnikova. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 3, D. 554.
16. Medvedeva M.V. About the works of N.I. Repnikov 1912 according to the registration of ancient monuments of the Novoladozhsky district of the St. Petersburg province. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009, vol. 7, pp. 13–25.
17. Miller A.A. Brief report on the work of the North Caucasian expedition of the GAIMK in 1924 and 1925. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1926, vol. 1, pp. 71–142.
18. Miller A.A. Feedback on the works of N.I. Repnikov in connection with the Ethnographic Department of the State Russian Museum. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 24, D. 41, L. 1–2ob.
19. Miller A.A. Staraya Ladoga. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 24, D. 2, 3.
20. "I do not close my eyes to the complexity, difficulty and responsibility of the forthcoming work in the field of protection and study of the Crimean monuments...". Letters from N.I. Repnikov to I.E. Grabar [preparation for publication, foreword and comments by E.A. Terkel]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea], 2008, vol. 22–23, pp. 320–327.
21. Nepomniashchii A.A. Nikolai Ernst and Nikolai Repnikov: on the history of one conflict. *Pratsi Tsentru pam'iatkoznavsta* [Proceedings of the Center for Monument Studies], Kiev, 2011, vol. 19, pp. 143–159.

22. Nepomniashchii A.A. “Report about the Eski-Kermen” N.I. Repnikov to the Academician S.F. Platonov: Unknown Manuscript. *Uchenye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science], 2017, vol 3 (69), no. 4, pp. 78–83.
23. *Novoe vremia* [New Time], 1912, December, 12 (no. 13203).
24. Nosov E.N. Chapter 2. Stratigraphy of the Earthen settlement of Staraya Ladoga: results and prospects of research. *Novoe v arkheologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniia* [New in the archeology of Staraya Ladoga: materials and research], St Petersburg, Nevskaia Knizhnaia Tipografiia Publ., 2018, pp. 45–65.
25. Pankratova (Zastrozhnova) E.G. “I don’t believe all this could go bad, it would be too unfair…”: to the Biography of the arhaeologist G.I. Borovka (based on ivestigation file materials). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2019, vol. 2, pp. 154–166.
26. Letter T.F. Gelakh V.I. to Ravdonikas 06/10/1929. *St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences*, F. 1049, Op. 3, Ed. 54.
27. Platonova N.I. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaia tret’ XX veka* [History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th – first third of the 20th century]. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, 316 p.
28. Orders for GAIMK. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 1, 1930, D. 11.
29. Minutes of the meetings of the bureau of the collective of the CPSU (b) GAIMK. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*, F. 1471, Op. 1, D. 16.
30. [Ravdonikas V.I.] In memory of N.I. Repnikov. *Staraya Ladoga*, Leningrad, 1948, pp. 7–10.
31. Robinson M.A. The First International Congress of Slavists in Prague: Hopes, Disappointments, and Impossible Projects (Based on Correspondence of Russian Slavists). *Slavianskii mir: Obshchnost’ i mnogoobrazie: K 1150-letiiu slavianskoi pis’mennosti: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Slavic World: Commonality and Diversity: To the 1150th Anniversary of Slavic Literature: International Scientific Conference], Part 1, Moscow, 2013, pp. 80–84.
32. Ravdonikas V.I. (Ed.), *Staraya Ladoga*. Leningrad, State Museum of Ethnography Publ., 1948.
33. Tikhonov I.L. *Arkheologiia v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki* [Archeology at Saint Petersburg University. Historiographical essays]. St Petersburg, University Publ., 2003, 332 p.
34. Tikhonov I.L. Archeology in the ethnographic museums of St. Petersburg in the 19th – early 20th centuries. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2011, vol. 1, pp. 527–547.
35. Tikhonov I.L. Archeology in the Imperial Hermitage. Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook], 2014, vol. 4, pp. 427–479.
36. Tikhonov I.L., Bil’vina O.L. Private archaeological collections in St. Petersburg in the 19th – early 20th centuries. *Arkheologicheskaia nauka: Praktika, teoriia, istoriia. Sbornik statei pamiati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collection of articles in memory of I.S. Kamenetsky], Moscow, IA RAS Publ., 2016, pp. 326–345.
37. Tikhonov I.L. Repressions in GAIMK: the case of party members: S.D. Dimitrov and A.I. Kaul. Malinov A.V., Rybas A.E. (Eds.), *Interkul’turnaia filosofiia: polilog traditsii: Sbornik trudov konferentsii* [Intercultural philosophy: a polylogue of traditions: Proceedings of the conference], St Petersburg, Intersotsis Publ., 2020, pp. 270–275.
38. *Central State Archive of St. Petersburg*, F. 7240, Op. 14, D. 403.
39. Iurochkin V.Iu. *Gotskii vopros* [Gothic Question]. Simferopol, Sonat Publ., 2017, 496 p.
40. Iurochkin V.Iu., Emel’ianova N.S. “People’s Scientist” – N.I. Repnikov and Chersonese. Maiko V.V. (Ed.), *Arkheologiia antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statei v chest’ Stanislava Grigor’evicha Ryzhova* [Archaeology of the ancient and medieval city. Collection of articles in honor of Stanislav Grigorievich Ryzhov], Sevastopol, Kaliningrad, 2018, pp. 319–332.
41. [Iakovlev P.S.] *Pamiatnaia knizhka Imperatorskogo Arkheologicheskogo instituta v Sankt-Peterburge. 1878–1911 gg.* [Commemorative book of the Imperial Archaeological Institute in St. Petersburg. 1878–1911]. St Petersburg, Tipografiia V.D. Smirnova, 1911, 100 p.

Информация об авторе

Тихонов И.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, Researcher ID: M-8275-2013.

Author information

Tikhonov I.L. – Doctor of Science (History), Professor, Department of Archaeology, St.-Petersburg State University, Researcher ID: M-8275-2013.

РЕЦЕНЗИИ

https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.742-745

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ: BYZANTINOCAUCASICA. ВЫПУСК 1 / ОТВ. РЕД. В.Н. ЧХАИДЗЕ. – М.: ИВ РАН, 2021. – 200 С.

Валерий Павлович Степаненко
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

REVIEW: CHKHAIDZE V. (ED.), BYZANTINOCAUCASICA. VOLUME 1. MOSCOW, INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RAS PUBL., 2021, 200 P.

Valery P. Stepanenko
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

Советское кавказоведение не пережило распада Союза и фактически исчезло вместе с ним. Тем значимее попытки вернуться к истокам и возобновить работы по данной проблематике, так как немногочисленные труды национальных исследователей, временами появляющиеся на страницах нашей периодики (в том же «Византийском временнике»), не выдерживают ни малейшей критики по причине крайне низкого уровня. Создается впечатление, что все написанное до 1991 г. забыто. Естественно, что рецензируемый сборник достаточно пестр тематически – по принципу «что нам дали, то мы издаем». Но для начала, и это – достижение.

Традиционно несколько слабее статьи по археологической тематике. В основном, это материалы исследований на начальной стадии обобщения оных. Это констатируют и сами авторы в статье И. В. Скаковой, А. Ю. Скакова, А. И. Джопуа «Плинфа раннесредневекового храма в Гиэносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019 г.» (с. 9–54), оговаривая, что «Приводимая сводка носит информационный и публикационный характер… Полученный материал мы вводим в научный оборот. Конечно, было бы желательно, чтобы и при исследовании других памятников Абхазии, **сооруженных с использованием плинфы** (стиль? – *В.С.*), проводились подобные измерения, а полученные данные обобщались в графиках и таблицах». Хотелось бы, чтобы подобные исследования все же завершались не только публикациями материала, но и его осмыслением. 46 страниц текста и иллюстраций из 200 страниц сборника – несколько многовато…

Статья Е. Ю. Ендольцевой «Место архитектурной пластики Абхазии середины VIII – начала XI вв. в искусстве христианского мира» (с. 55–68), как отмечается в

© Степаненко В.П., 2022

аннотации, «подводит итог фундаментального исследования, посвященного архитектурной пластике Абхазии средневизантийского периода». Но, судя по библиографии статьи, автор подвел итог много ранее – в 2020 г., издав монографию по данной тематике. Статья явно задержалась в печати и нуждается в редактировании, так как стиль изложения материала весьма специфичен (например, «между группой абхазских рельефов со сложными **композициями с участием антропоморфных фигур**», «доарабские церковные здания» и пр.). Что касается библиографии, то создается впечатление, что автор игнорирует грузинскую историографическую традицию (Ш. Я. Амиранашвили, Г. Н. Чубинашвили и др.). Армянская культурная традиция в Каппадокии имела место, но не только [здесь автору помогло бы обращение к: 6].

Публикацию А. Ю. Виноградова (с. 69–84) об архитектуре Тао эпохи Давида Куропалата можно всячески приветствовать. Можно всецело согласиться с мнением автора о существовании «бродячих артелей», работающих для того или иного заказчика, что имело место и на Руси, и на Западе, и с присущей автору осторожностью в определении этнической принадлежности мастеров («не известного точно происхождения закавказские каменотесы и скульпторы высокого уровня»), учитывая этническую пестроту населения владений Давида (не только Тао!) и помня о дискуссии Н. М. Токарского и С. Н. Джанашия по сему предмету. В идеале было бы неплохо четче определить, в русле какой культурной традиции творили данные мастера, и была ли она первична по отношению к параллельным (?) или чуть более позднего времени памятникам Картли и Кахети (Свети Цховели, Алаверди, Кутаиси и пр.).

Статья А. Ю. Виноградова, Н. Е. Гайдукова, С. В. Харитонова, О. Ю. Шведова «Полупещерный храм в безымянном гроте, расположенном в верхнем ярусе пещер Качи-Кальона» (с. 85–94) имеет отношение к византийскому Крыму. Можно вслед за авторами констатировать, что проводимые исследования и публикации материалов «расширяют наши представления о Качи-Кальоне – одном из самых эффектных и, в то же время, малоизученных памятников средневекового Крыма». Остается надеяться, что это исследование будет продолжено, поскольку все предшествующие исследования крымских коллег имели по преимуществу характер предварительных публикаций, а датировки ими памятников были сугубо умозрительными. Это, впрочем, во многом объяснимо крайней фрагментарностью, а временами и полным отсутствием археологического материала.

И. А. Дружинина в статье «К изучению церкви у селения Былым: новый взгляд на старые источники» (с. 95–120) на основании архивных материалов, так как памятник не сохранился, ввела в научный оборот христианский храм, датировав его XIV в. Работа кропотливая и отчасти благодарная. Не всегда поиски в архивах приводят к положительному результату. На этот раз автору повезло, так как полнота материала дала возможность более или менее полно реконструировать и датировать памятник.

Построения и выводы Д. А. Косоурова в статье «К вопросу о направлениях внешней политики Грузинского царства во второй половине 20-х годов XI века» (с. 121–132), как и более ранние труды автора, кои довелось нам рецензировать (как, например, «Завещание Евстафия Воилы в контексте византийско-грузинских политических отношений в XI веке»), зачастую противоречат устоявшимся воззре-

ниям на внешнюю политику Грузии XI века, и не только. Попытки пересмотра их можно было бы лишь приветствовать, если бы автор опирался при этом на новые источники, а не интерпретировал сумму давно известных. Любая интерпретация субъективна и может быть пересмотрена. И «мелочи»… Вряд ли Ибн аль Асир – курдский автор. Арабоязычный, арабский и пр. Автору осталась неизвестной, судя по библиографии, статья И. Иорданова и В. Зайбта о печати византийского стратига Анакопии [5, p. 231–239; 4, p. 174–178]. Было бы неплохо обратиться к традиции и или согласиться с ней, или опровергнуть, как например, интерпретацию рецензентом события, упомянутого автором [1, с. 46–48].

Несомненно украшает сборник монументальная (с. 133–172) статья А. А. Адашинской «Раскинулось море широко: пути миграции художников греков в XIII–XV вв. и их связь с развитием навигации». Автор собрала всю давно известную информацию о миграции византийских мастеров от Италии до Руси, разбросанную по многочисленным и временами труднодоступным источникам. Вызывает некоторое удивление лишь вторая половина названия статьи, совершенно необязательная. А в Болгарию и Сербию византийские мастера тоже пробирались вплавь? Или автор имела ввиду направления культурных контактов и их интенсивность после 1261 г.? Причины миграции, скорее всего, были связаны с конкретными социально-экономическими проблемами в Византии и странах ее культурного круга, как, например, Руси, Сербии, Болгарии и пр., наличием платежеспособных заказчиков.

Две статьи принадлежат известным специалистам широкого профиля, что ныне большая редкость: В. Н. Чхаидзе, А. Ю. Виноградов «Две ранневизантийские печати VI–VII вв.» (с. 173–180) и В. Н. Чхаидзе «Несколько византийских печатей XI–XIV вв. с метрическими легендами» (с. 181–196). Они вполне традиционны и вводят в научный оборот новый материал. Вторая статья предельно монументальна и основательна. Лишь одна досадная неточность. Врахамий не «перешел в халкидонизм», как полагает автор. Опубликованы печати представителей рода, датированные концом X в. [2, с. 36–49; 3, p. 57–74]. Так что Филарет был православным ab ovo. Кстати, его статус накануне 1071 г. все еще неизвестен.

В целом, статьи сборника обладают достаточно высоким научным уровнем, и его издание можно всячески приветствовать. Нужно отдать должное энтузиазму составителей сборника В. Н. Чхаидзе и И. А. Дружининой. В перспективе хотелось бы пожелать более строгого отбора авторов и тематического выделения разделов – археология, история, нумизматика и сфрагистика, искусствознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степаненко В.П. Захария, архиепископ и Ивир. К толкованию понятия Ивир в источниках XI века // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества: Тезисы докладов международной конференции. М., 1997. С. 46–48.
2. Шандровская В.С. Эрмитажные печати Филарета Врахамия (Варажнуни) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1975. № 3. С. 36–49.
3. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-F. Etudes prosopographiques. Paris, 1986. 206 p.
4. Seibt W. The Byzantine Thema of Soteroupolis-Anakopia in the 11th Century // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2012. Vol. 6, no. 2. P. 174–178.
5. Seibt W., Jordanov I. Στρατηγος Σωτηρουπολεως καὶ Ἀνακουπίας. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert) // Studies in Byzantine Sigillography. 2006. Vol. 9. P. 231–239.
6. Wharton A.J. Art of Empire: Painting and Architecture of the Byzantine Periphery. A Comparative Study of Four Provinces. Pennsylvania State University Press, 1988. 250 p.

REFERENCES

1. Stepanenko V.P. Zechariah, Archbishop and Ivir. On the interpretation of the concept of Ivir in the sources of the 11th century. *Inostrantsy v Vizantii. Vizantiitsy za rubezhami svoego otechestva: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Foreigners in Byzantium. Byzantines outside their homeland: Abstracts of the reports of the international conference], Moscow, 1997, pp. 46–48.
2. Shandrovskaia V.S. Hermitage seals of Filaret Vrahamia (Varazhnuni). *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1975, no. 3, pp. 36–49.
3. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-F. *Etudes prosopographiques*. Paris, 1986, 206 p.
4. Seibt W. The Byzantine Thema of Soteroupolis-Anakopia in the 11th Century. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, 2012, vol. 6, no. 2, pp. 174–178.
5. Seibt W., Jordanov I. Στρατηγος Σωτηρουπολεως καὶ Ἀνακουπίας. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert). *Studies in Byzantine Sigillography*, 2006, vol. 9, pp. 231–239.
6. Wharton A.J. *Art of Empire: Painting and Architecture of the Byzantine Periphery. A Comparative Study of Four Provinces*. Pennsylvania State University Press, 1988, 250 p.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ScopusID: 57214225646.

Author information

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University, ScopusID: 57214225646.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

АДСВ — Античная древность и средние века
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГАРК — Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИАМЗ ХТ — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (Москва)
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КМКИН — Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия (Симферополь)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА БИКАМЗ — Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (Бахчисарай)
НА ГИАМЗ ХТ — Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)Советская археология
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
РА — Российская археология
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СКАЭГЭ — Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа
СЛХМ — Старокрымский литературно-художественный музей (Старый Крым)
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ХСб — Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург)
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург)
ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы
ЦСК — Центральный статистический комитет

AIHV — Association internationale pour l'histoire du verre
AJA — American Journal of Archaeology
BAR — British Archaeological Reports
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
JAS — Journal of Archaeological Science Department
JGS — Journal of Glass Studies
REB — Révue des Études Byzantines

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Блага Н.Н., Жилин М.Г., Руев В.Л. Галечные орудия из террас горы Эчкидаг в Крыму: геоморфологический и археологический контекст 5

Букатов А.А., Глазунов В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В. Комплексные археологические и геофизические исследования в портовой части Херсонеса Таврического 26

Мульд С.А. Использование хозяйственных ям для устройства погребальных сооружений на территории могильника Левадки в Центральном Крыму 46

Румянцева О.С. Стекло могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: хронология, динамика распространения и производственные центры (по данным химического состава)...72

Обломский А.М. Торговый путь из Причерноморья в Поочье в конце IV – VII в. 117

Иожица Д.В. Раннесредневековые капители из раскопок «Каралезской базилики» 144

Науменко В.Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории 166

Ганцев В.К. Классификация средневековых виноградодавилен Юго-Западного Крыма ...209

Душенко А.А. Игры населения Византийской Таврики (по данным археологических источников) 222

Голофаст Л.А. Стеклянные лампады из раскопок средневековых слоев Херсонеса 263

Завадская И.А. Малые храмы на городище Эски-Кермен 310

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок некрополя Эски-Кермена (по материалам раскопок 2017 года) 354

Лобода А.Ю., Антипенко А.В. Бубенчики из гробницы 19/2020 на плато Эски-Кермен: состав материала и реконструкция процесса изготовления 386

Сейдалиева Д.Э. Сфероконические сосуды золотоордынского времени из раскопок Солхата и ближайшей округи 397

Майко В.В. Штампованная керамика средневековой Сугдеи 420

Зиливинская Э.Д. Дюрбе Бей Юде-султан в Азизе: история изучения, архитектурная форма, вопросы датировки 441

НУМИЗМАТИКА

Чугаев А.В., Сапрыкина И.А. Эволюция источников монетного серебра на Боспоре в V–IV вв. до н.э. – II–III вв. н.э. по данным изотопного анализа Pb 467

Шонов И.В. Монетные выпуски Херсонеса Таврического 239–227 гг. до н.э. 491

ИСТОРИЯ

Зинько В.Н. К вопросу о сакральном центре архаической Тиритаки 496

Шалыга Д.А. Локализация изготовления памятников готского письма 509

Хайрединова Э.А. Топография средневекового города на плато Эски-Кермен 513

Айбабин А.И. Политика Восточной Римской империи в Юго-Западном Крыму во второй половине IX – XII в. 551

Козинцев М.А. Тюркский свод в сборнике Прохора Коломнятина как источник по крымской и ближневосточной ономастике 579

Храпунов Н.И. Поездка Эдварда-Даньела Кларка и Петера-Симона Палласа в юго-западный Крым в сентябре 1800 г. 592

Конкин Д.В. К вопросу о населении Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. и первой волне крымско-татарской эмиграции 628

Борщик Н.Д. История подготовки первой всероссийской переписи населения в Крыму 28 января 1897 г. 648

Прохоров Д.А. Эволюция документирования брачно-семейных отношений в караимских общинах Крыма в XIX – начале XX века (по материалам ГАРК) 663

Ломакин Д.А., Айбабина Е.А. Мечеть в селении Шейх-Кой (Давыдово) по фотоматериалам из личного фонда А. Л. Ротача в Центральном государственном архиве литературы и искусства 685

Непомнящий А.А. Новые материалы к биографии Б. Н. Засыпкина 711

Тихонов И.Л. «Ученик реакционного археолога А. А. Спицына»: к биографии Н. И. Репникова в начале 1930-х гг. 724

РЕЦЕНЗИИ

Степаненко В.П. Рецензия на сборник статей: ByzantinoCaucasica. Выпуск 1 / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. – М.: ИВ РАН, 2021. – 200 с. 742

Список сокращений 746

Содержание 748

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Blaga N.N., Zhilin M.G., Ruev V.L. Pebble Tools from the Terraces of Echkidag Mountain in the Crimea: The Geomorphological and Archaeological Context 5

Bukatov A.A., Glazunov V.V., Efimova N.N., Panchenko V.V. Integrated Archaeological and Geophysical Researches in the Port Area of Tauric Chersonese 26

Mul'd S.A. How Storage Pits Were Used to Make Burial Constructions in the Cemetery of Levadki in the Central Crimea 46

Rumiantseva O.S. Glass from the Cemetery of Frontovoe 3 in the South-Western Crimea: The Chronology, Distribution Dynamics, and Production Centres (According to the Chemical Composition) 72

Oblomskiy A.M. The Trade Route from the Black Sea to the Oka Area from the Late Fourth to Seventh Centuries 117

Iozhitsa D.V. The Early Mediaeval Capitals Excavated from the "Karalez Basilica" 144

Naumenko V.E. Mangup-Doros in the Theme Period of Its History 166

Gantsev V.K. Classification of Mediaeval Wine-Presses in the South-Western Crimea 209

Dushenko A.A. The Games of the Population of Byzantine Taurica (According to the Archeological Sources) 222

Golofast L.A. Glass Lamps from Mediaeval Layers of Chersonese 263

Zavadskaya I.A. Small Churches in the Ancient Town of Eski-Kermen 310

Radochin V.Yu. Palaeoanthropological Materials Excavated at the Cemetery of Eski-Kermen (According to 2017 Excavations) 354

Loboda A.Iu., Antipenko A.V. Bells from the Tomb 19/2020 on the Eski-Kermen Plateau: The Composition of the Material and The Reconstruction of the Manufacturing Process 386

Seidalieva D.E. Sphero-conical Vessels from the Golden Horde Period Excavated at Solkhat and the Sites in Its Immediate Vicinity 397

Maiko V.V. Stamped Ceramic Vessels from Mediaeval Sougdaia 420

Zilivinskaya E.D. Bey Yude Sultan Türbe in Aziz: The History of Research, Architectural Form, Issues of Chronology 441

NUMISMATICS

Chugaev A.V., Saprykina I.A. Coin Silver Source's Evolution in Bosporos from the Fifth–Fourth Centuries BC to the Second–Third Centuries AD According to Pb-Isotopic Analysis 467

Shonov I.V. Coin Issues of Tauric Chersonese in 239–227 BC 491

HISTORY

Zin'ko V.N. On the Question of the Sacral Centre of Archaic Tyritake 496

Shalyga D.A. Localization of Gothic Writing Manuscrips Creation 509

Khairedinova E.A. Topography of the Mediaeval Town atop of the Plateau of Eski-Kermen 513

Aibabin A.I. The Eastern Roman Empire Policy in the South-Western Crimea from the Second Half of the Ninth to Twelfth Centuries 551

Kozintcev M.A. The Turkic Codex in Prokhor Kolomniatin Miscellany as a Source of the Crimean and Near Eastern Onomastics 579

Khrapunov N.I. A Tour of Edward Daniel Clarke and Peter Simon Pallas to the South-Western Crimea in September 1800 592

Konkin D.V. On the Problem of the Population of the Crimea in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries and the First Wave of the Crimean Tatar Emigration 628

Borshchik N.D. A History of the Preparation of the First All-Russia Population Census of 28 January 1897 in the Crimea 648

Prokhorov D.A. The Evolution of the Documents Concerning the Matrimonial Relations in the Karaite Communities in the Crimea in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (According to the Materials Residing in the State Archive of the Republic of the Crimea) 663

Lomakin D.A., Aibabina E.A. The Mosque in the Village of Sheikh-Koi (Davydovo) According to the Photographs from A. L. Rogach Personal Collection in the Central State Archive of Literature and Art 685

Nepomniashchy A.A. New Materials for B. N. Zasypkin's Biography 711

Tikhonov I.L. "A Student of the Reactionary Archaeologist A. A. Spitsyn": To the Biography of N. I. Repnikov in the Early 1930s 724

REVIEW

Stepanenko V.P. Review: Chkhaidze V. (Ed.), ByzantinoCaucasica. Volume 1. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Publ., 2021, 200 p. 742

Abbreviations 746

Content 748

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XXVII

Перевод на английский: *Н.И. Храпунов*
Корректор: *С.И. Власова*
Компьютерная верстка: *В.С. Смирнова*

Издательство:
ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (977) 805-63-95

Подписано в печать: 5.12.2022 г.
Выход в свет: 17.12.2022 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 61.1
Тираж 120 экз. Заказ № 749
Распространяется бесплатно

Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым:
ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru